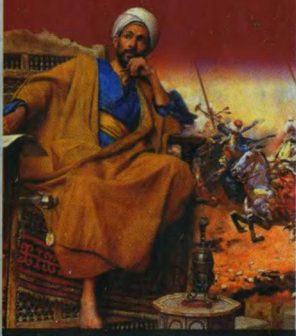

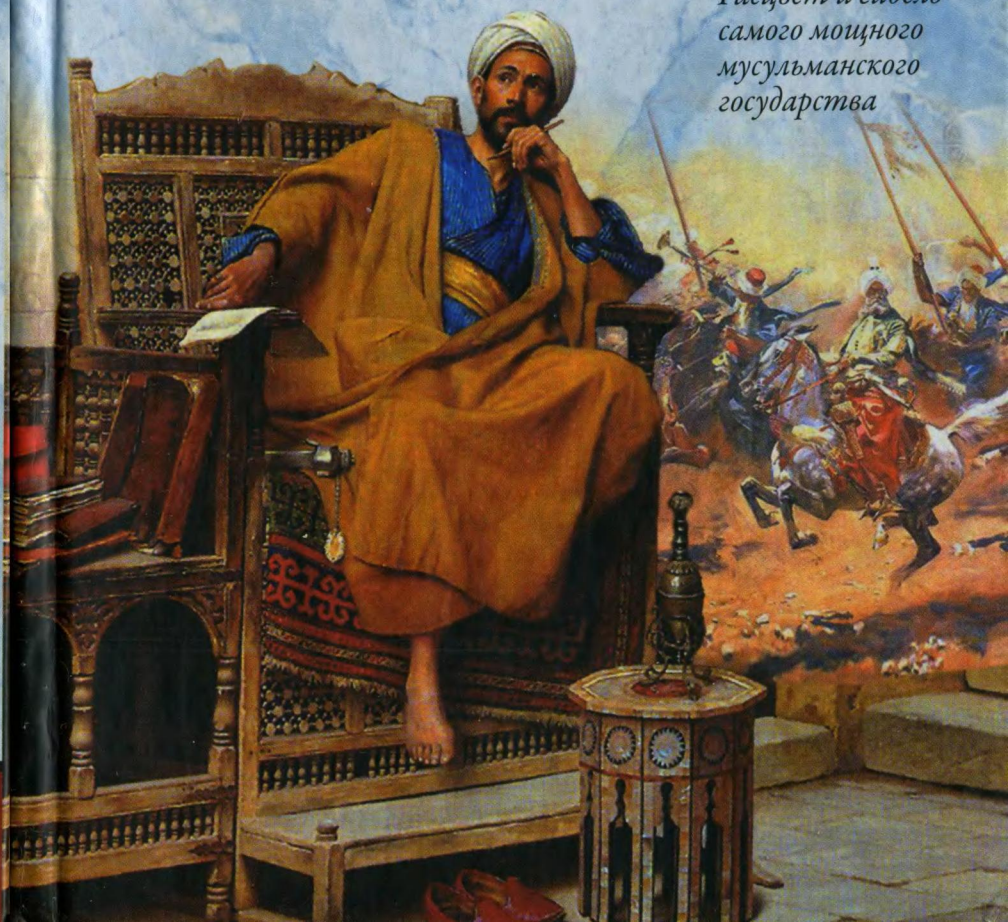
Кэролайн
Финкель

■ Кэролайн Финкель ■
**ИСТОРИЯ
ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Видение Османа

*Расцвет и гибель
самого мощного
мусульманского
государства*

ИСТОРИЯ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
Видение Османа

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Кэролайн
Финкель

■ Кэролайн Финкель ■

ИСТОРИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Видение Османа

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 94(100)''1300/1923''
ББК 63.3(0)
Ф59

Caroline Finkel
OSMAN'S DREAM
The Story of the Ottoman Empire 1300-1923
Перевод с английского К. Алексеева, Ю. Яблокова
Серийное оформление С. Власова
Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения издательства John Murray (Publishers)
Limited, A Member of the Hodder Headline Group
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Подписано в печать 14.09.09. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 3 000 экз. Заказ №60

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербурге)

Финкель, К.

Ф59 История Османской империи: Видение Османа : [пер. с англ.] / Кэролайн Финкель. — М.: АСТ, 2010. — 829, [3] с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-17-043651-4

История Османской империи...

Когда-то маленькое независимое тюркское княжество, начав «священную войну», превратилось в великую страну — самое сильное мусульманское государство Средневековья, мощную военно-феодальную державу, которой удалось то, что не сумели сделать арабы, — завоевать Византию...

В Османской империи, включавшей в себя большую часть Восточной и Южной Европы, значительные территории Северной Африки и практически весь Арабский Восток, процветали торговля и ремесла, науки и искусства.

Что же ослабило эту могущественную державу и привело ее к гибели и развалу?

Османская империя от ее возникновения до упадка — тема увлекательной книги английского историка Кэролайн Финкель.

УДК 94(100)''1300/1923''
ББК 63.3(0)

© Caroline Finkel, 2005
© Перевод. Ю. Яблоков, 2009
© ООО «Издательство АСТ», 2009

Благодарности

Все те долгие годы, когда создавался «Видение Османа», многие коллеги и друзья всячески вдохновляли меня и великодушно помогали в моей работе. Они лично и по электронной почте отвечали на массу вопросов; присылали мне статьи и книги, как увидевшие свет, так и еще не напечатанные; читали отдельные главы, многие главы, даже законченную рукопись; и постоянно старались уберечь меня от ошибок. Если бы не широкая душа и готовность этих людей щедро поделиться со мною плодами своих исследований, я бы даже не смогла начать писать эту книгу.

Я выражаю свою глубочайшую признательность сотрудникам Стамбульского отделения Американского исследовательского института в Турции; директор Энтони Гринвуд и его помощники Голден Гюнери и Семрин Коркмаз по нескольку месяцев терпели мое присутствие, пока я изучала имеющееся в институте великолепное собрание документов и читала материалы на османскую тематику, — и каждый день все эти месяцы обедали вместе со мной. Если бы не приятные поездки на катере через Босфор и не покой институтской библиотеки, я бы сдалась еще в самом начале. Писать «Видение Османа» я начинала в Кембридже, где Кэйт Флит из Скиллитер-центра при Кембриджском университете позволила мне беспрепятственно пользоваться библиотекой Скиллитера, еще одним оазисом для специалистов по истории и культуре Османской империи. Я также благодарна за помощь сотрудникам находящихся в Стамбуле Французского института азиатских исследований и библиотеки Фонда исследований ислама («Ислам араштырмарлы вакфи») и Британской библиотеки, которые дали мне разрешение воспользоваться их богатыми коллекциями.

Многие другие люди, без кого не было бы этой книги, не раз оказывали мне помощь, и я хотела бы назвать следующие имена: Габор Агоштон, Вирджиния Аксан, Джон Александер, Жан-Луи Бак-Граммон, Мишель Бернардини, Идрис Бостан, Грегори Брюэсс, Дункан Булл, Роберт Данкофф, Кэролайн Дэвидсон, Селим Дерингиль, Кэтрин М. Эбель, Говард Эйзенштадт, Й. Хакан Эрдем, Сельчук Эсенбель, Сурайя Фаруки, Корнелл Флейшер, Паль Фодор, Джон Фрили, Фатма Мюге Гёчек, Дэниэль Гофман, Ясмин Гёнен, Росица Градева, Джейн Хэтуэй, Колин Хэйвуд, Фредерик Хитцель, М. Шюкрю Ханиоглу, Колин Имбер, Роберт Джонс, Явуз Селим Карақышла, Клэр Руофф Караз, Михаил Ходарковский, Мачьял Кил, Дарюш Колодзейчик, Клаус Крайсер, Донна Лондри, Хит Лаури, Джеральд Мак-Лин, Эндрю Манго, Ненад Моачанин, Родс Мэрфи, Октай Озел, Бурджу Озгювен, Олед Пери, Гедда Рейндл-Кил, Кахраман Шакул, Ариэль Зальцман, Хэмиш Скотт, Норман Стоун, Фрэнк Сисин, Набиль ат-Тикрити, Кристин Томпсон, Люсьен Тис-Шеноджак, Гюндюз Вассаф, Сара Нур Йилдыз, Элизабет Захариоду, Фарива Заринебаф-Шахр. Ими этот список ни в коей мере не исчерпывается, многие люди постоянно мне помогали. Еще я бесконечно обязана двоим: это — Джойс Мэттьюз, который перевел многие прозаические и поэтические отрывки с турецкого на медоточивый английский, стараясь передать интонацию оригинала, что удавалось в единичных случаях; и Ара Гюлер, который фотографировал меня для рекламных материалов.

Писать — тяжело; еще сложнее, когда дело касается иллюстраций. Мне хотелось бы в особенности поблагодарить тех, кто сделал этот процесс относительно безболезненным: Филиз Шанман, Зейнап Челик и Гюлендам Накипоглу из Библиотеки дворца Топкапы; Эдхем Элдем; Мухиттин Эрен из «Эрен пабликейшнс» (Стамбул); Джон Скотт из «Корнукопия мэгэзин»; Ф. Мухтар Катырджи; сотрудники отдела культуры «Япы креди банк» (Стамбул); Джулия Бартрам из отдела гравюр и рисунков Британского музея; Наталья Кроликовская; Кшиштоф Вавжиняк.

Мой выпускающий редактор в издательстве «Джон Марри», Кэролайн Нокс, оказывала поддержку вплоть до самых последних этапов подготовки книги к публикации: моя самая искренняя благодарность ей, ее преемнику Гордону Уайзу, Кэролайн Уэстмор — за достойное подражания внимание к деталям, Кэти Бенуэлл и Никки Барроу. Мне также хотелось бы выразить свою признательность за высокопрофессиональную редактуру Лиз Робинсон и Элизабет

Добсон, которые придали тексту гладкость, которой иначе у него могло и не быть. Филип Мэнсел предложил эту книгу «Джону Марри» и заслуживает отдельного упоминания — он сыграл важную роль, став инициатором написания истории Османской империи, предназначенной широкой аудитории, а подобные шансы слишком редко выпадают на долю ученому-историку. Мой агент, Энн Энджел, мягко подгоняла меня, когда я падала духом или когда у меня пропадала охота писать дальше. Карты нарисовал Мартин Коллинз, а указатель составил Дуглас Мэттьюз.

Я отправилась в путь по тропе Османов под чутким и внимательным руководством Виктора Менажа, в прошлом профессора турецкого языка в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Теперь, много лет спустя, я могу чем-то отблагодарить его за те знания, которыми он со мной делился. Другой Виктор — Виктор Остапчук, — с которым нас объединяет страсть к Османскому Черному морю и сложность его обороны от наступающих с севера держав, много времени посвятил чтению моей рукописи, по мере того как продвигалась работа над нею. Со свойственной настоящему ученому глубиной проникновения в вопрос он высказал множество замечаний, для которых свойственна присущая настоящему исследователю глубина и тщательность, — несмотря на занятость своей работой и карьерой. Но прежде всего я счастлива тем, что вышла замуж за писателя и журналиста — или, вернее, неудавшегося ученого, ставшего журналистом, — который открыл передо мной неоспоримую ценность того, как делать невозможное возможным, и показал, что есть слова, при помощи которых и самые малопонятные вопросы можно объяснить доступно для широкой аудитории. Свою книгу я посвящаю двум Викторам — Вик-и бюзюргу и Вик-и сагиру, — Эндрю Финкелю и нашей дочери Иззи, которая все свои детские годы провела под сенью Османов.

Средиземное море

МАЛАЯ АЗИЯ И ФРАКИЯ В СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА

0 1000
0 1600
мили
километры

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
В XVI-XVII ВЕКАХ**

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	Османская империя
	Территории, относившиеся к сфере влияния Сафавидов, на короткое время оккупированные османами
ХИДЖАЗ	Относительно автономные территории империи
БАСРА	Провинции (не полностью)

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Каспийское море

Черное море

КРЫМ

ГРУЗИЯ

АЗЕРБАЙДЖАН

АРМЕНИЯ

Батум

Ардахан

р. Арс

1908 г.)
БУМЕЛИЯ (к Болгарии 1885 г.)

Трабзон

Карс

Самсун

Эрзурум

Эрзинджан

АКТИЯ

Стамбул

Анкара

Сивас

Битлис

Ван

Элазыг

Диярбакыр

ИРАН

Измир

Адана

Мосул

Алеppo

р. Тигр

р. Евфрат

Багдад

КИПР

(Брит. оккуп. 1878 г.,
аннексирован 1914 г.)

Бейрут

Дамаск

Басра

Иерусалим

Каир

Суэц

ЕГИПЕТ

рит. оккуп. 1882 г.,
независ. 1922 г.)

Мекка-Мединна

ХИДЖАЗ

Красное море

р. Нил

Османская империя

Границы государств

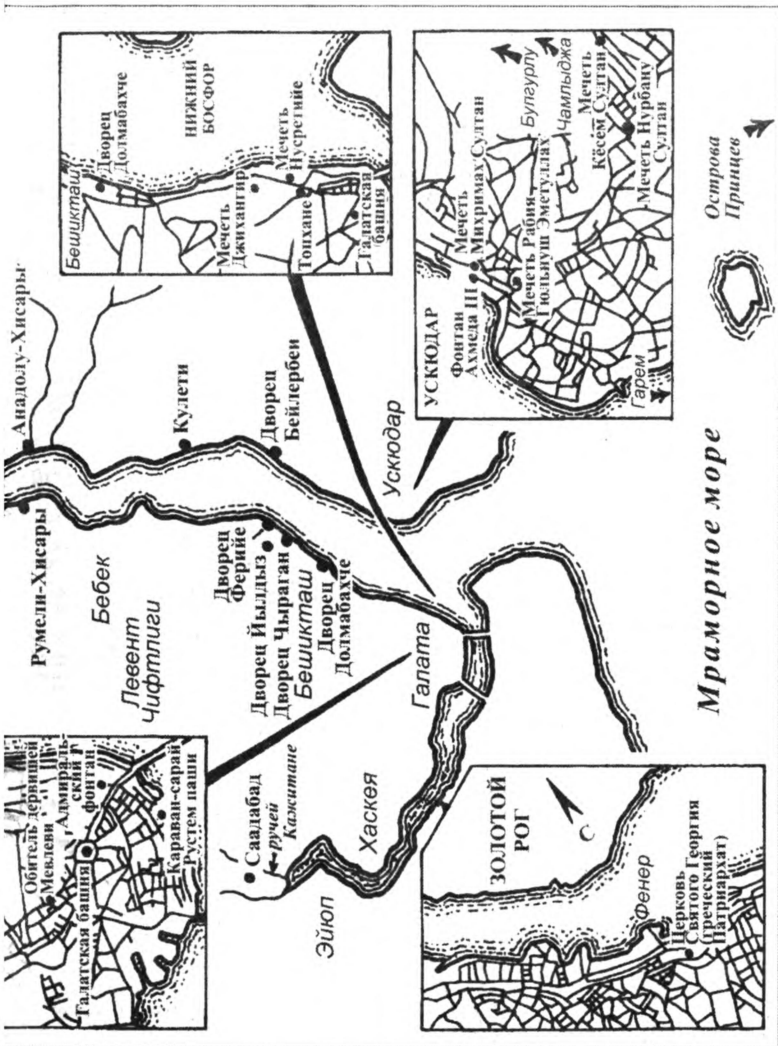

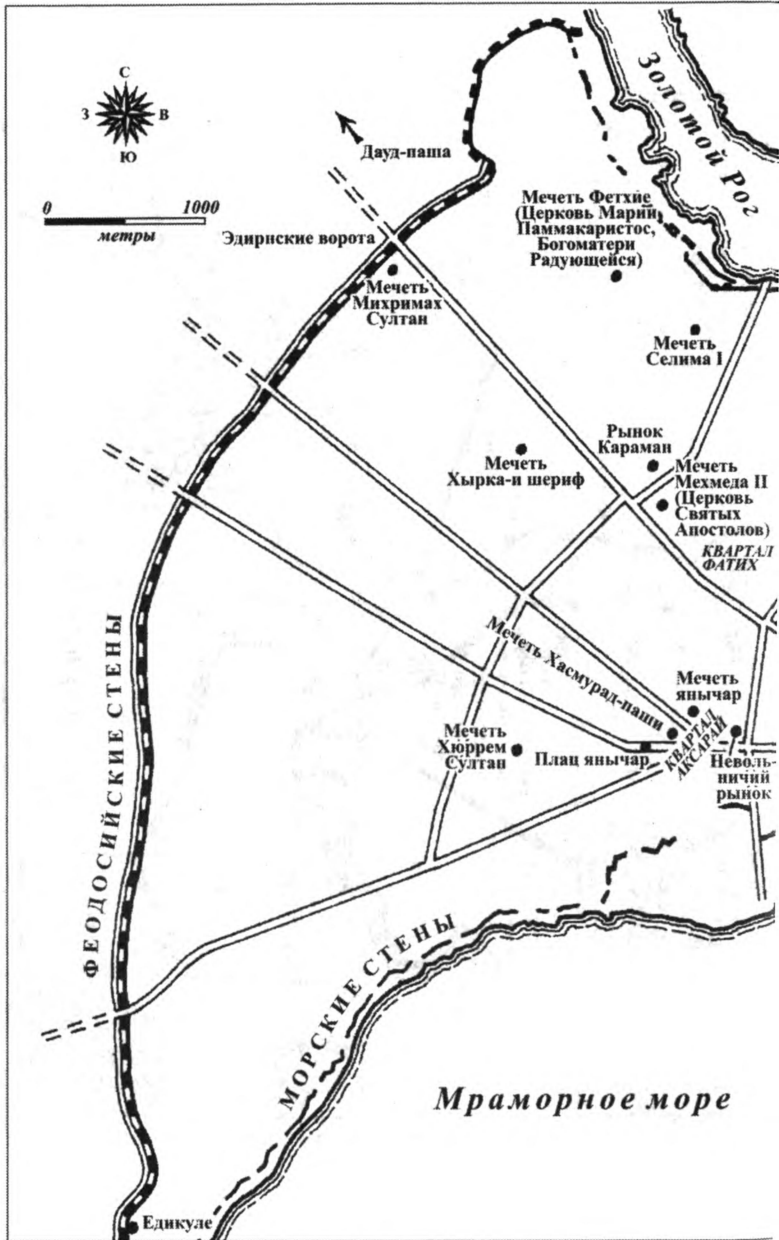
Граница современной Турции

ОКРЕСТНОСТИ СТАМБУЛА

СТАМБУЛ

Предисловие

В последние годы наблюдается бурный рост исследований, и на полках книжных магазинов вместе с историями о других периодах и странах можно увидеть книги об османах различного охвата и тематики. Некоторые предназначены для научной аудитории, некоторые освещают лишь ограниченный период времени, некоторые полностью основаны не на турецких или не османских источниках. Моя задача заключалась в том, чтобы дать широкой аудитории современную историю всего хронологического периода Османской империи; моей целью было оспорить слишком упрощенное представление о том, что Османская империя возникла, пришла в упадок и распалась — и это все, что мы должны знать о ней.

Исторические исследования не стоят на месте, и в последние 10 или 15 лет появились захватывающие новые точки зрения и интерпретации. Тем не менее общее современное восприятие Османской империи все еще в большой степени определяется наблюдениями и предубеждениями, содержащимися в европейских источниках, написанных в пылу различных конфронтаций между западными государствами и османами. Характеристика империи как «восточной тирании» или «больного человека», например, ведет происхождение от отдельных периодов времени, когда такие «политические высказывания» служили конкретным целям. К сожалению, они постоянно повторялись и возвращались в научный оборот, как будто охватывают всю историю империи.

Большая часть из того, что считается историческими трудами об Османской империи, на самом деле не всегда научна и добросовестна в том, что касается «истории», и превращает османов и их мир в театр абсурда — парад распутных султанов, порочных пашей, беспомощных женщин из гарема, мракобесов-церковников — сте-

реотипные персонажи, вмерзшие в тухлявые декорации, в которых нет и намека на динамику развития. Рассказывается вечная сказка о враждебном и экзотическом мире, но она не в состоянии проинформировать читателя о процессе, сформировавшем целый мир. То, что эти книги хорошо продаются, свидетельствует о широком интересе к Османской империи, то, что они не базируются ни на более современном историческом подходе, ни на оригинальных источниках, отражает тот факт, что османские историки не часто утруждали себя написанием книг для широкой аудитории. Я надеюсь, что мое «новое изложение» привлечет широкого читателя, и в то же время послужит сдержанной корректировкой, способствующей нашему пониманию связей между прошлым и настоящим и того, как мы оказались там, где сейчас находимся.

Мой собственный подход к османской истории волей обстоятельств окрашен длительным пребыванием в Турецкой Республике, наследнице Османской империи, где я прожила около 15 лет. Прошлое воистину другая страна в Турции, чьи граждане были лишены легкого доступа к литературным и историческим трудам предыдущих эпох, благодаря смене алфавита в 1928 году с арабского письма на латиницу, знакомую в большинстве стран западного мира. В то же время проводящаяся программа, для того чтобы сделать словарь языка более турецким, удаляет из него слова арабского и персидского происхождения — два других компонента той богатой смеси, которая была османским языком, сегодня грозящим стать таким же «мертвым», как латынь. С другой стороны, труды османского периода издаются в современной письменности и с упрощенным языком, позволяющим современным читателям получить некоторое представление о том, что происходило раньше. В противном случае ситуация была бы ужасающей: представьте себе литературный корпус Англии, из которого исключено все, написанное до 30-х годов XX века!

Когда-то казалось вероятным, что с уходом поколений, выучивших османский язык до замены алфавита, будет мало тех, кто сможет читать многотомные документы и рукописи, которые являются основным источником по османской истории. Тем не менее студенты продолжают учиться на историков и изучать османский язык, и они занимают должности в университетах Турции и за границей наравне со специалистами по османской истории, родившимися не в Турции. Правда, туркам было непросто отказаться от «официальной истории», которую они изучали в школе, версии их прошлого,

получившей импульс от революции, отождествляемой с именем Мустафы Кемалья Ататюрка, «отца современной Турции». В первые годы республики османские столетия считались перевернутой страницей, к ним относились пренебрежительно, как будто они не имели отношения к новой стране. Но поскольку память об османском периоде не слабела, он становился более открытым для внимательного изучения; и преподаватели приучали турков видеть себя наследниками славного прошлого. Так теперь официальная история поддерживает мнение, что османская династия была непобедимой, а ее султан всемогущим — за исключением тех, которых помнят под такими прозвищами как «Пьяница» или «Безумец», — но до сих пор мало внимания уделяется сопротивлению населения государству и его предписаниям, которое имело место с первых лет существования империи: нежелание признать существование разногласий является неизменной особенностью политики в современной Турции.

И все же, несмотря на практические препятствия, затрудняющие понимание османского наследия, граждане современного турецкого государства интересуются своей историей. Политические дискуссии пестрят историческими аллюзиями, достаточно непривычными для западных обозревателей: образы прошлого дают богатый источник ссылок, когда политики спорят о том, какая версия истории лучше послужит завтрашним целям (завтра, которое здесь зачастую кажется более неопределенным, чем где-либо еще). Множество обсуждений касается проблем, корни которых уходят глубоко в историю. Один из самых очевидных примеров того, как прошлое преследует настоящее, это «армянский вопрос», который в нынешнем своем проявлении вращается вокруг армян, пытающихся воздействовать на национальное правительство, чтобы оно признало массовую бойню в Анатолии во время Первой мировой войны геноцидом. Менее очевидны для постороннего две другие темы, стоящие в турецкой повестке дня: роль военных в политике и пределы приемлемого в проявлениях религиозности. Эти темы проходят через всю османскую историю и занимали государственных деятелей прошлого, так же как и сегодняшних. Задача историка показать, как прошлое вело к настоящему, или к настоящему, которое сегодня уже является прошлым. В написании турецкой истории, таким образом, появляется больше болезненных тем для обсуждения, чем в других странах, и составитель османской истории не может позволить себе роскоши предоставлять развлечение ценой замалчивания.

Принято заканчивать исследования Османской империи 1922 годом, годом отмены султаната; 1923 годом, когда была провозглашена Республика Турция, или даже 1924 годом, когда был ликвидирован халифат. Я распространила свое описание на республиканский период до 1927 года, когда Ататюрк произнес программную речь, подтверждая свою роль в низвержении империи и установлении республики и излагая свои убеждения, свои мечты о будущем. Отсюда заглавие моей книги, которое намекает на сон; который первый султан Осман, как считается, видел, сон, истолкованный как пророчество рождения и роста империи, историю которой я попыталась изложить. Продолжение истории до 1927 года также позволило мне указать на некоторую преемственность между республикой и империей: общепринятая идея о том, что республика создавалась в абсолютно новых условиях и несла на себе лишь след революции Ататюрка, понемногу оспаривается историками.

При написании работы такого амбициозного масштаба я столкнулась с проблемой выбора. Я не претендую на полноту, которой, помимо всего прочего, невозможно достичь. Генеральная линия повествования казалась желаемой. В какой-то мере читатели могут возразить, что было бы проще понять происходящее, если бы незнакомые элементы, такие как янычары или гарем, были описаны отдельно, вне основного течения текста. Я считаю, что эти особенности являются неотъемлемыми компонентами общества, которое их породило, и что они не существовали в вакууме; по той же причине, искусство и архитектура проистекают из сложности общества и не могут быть истолкованы как изолированное проявление чистого творчества. Также не имеет смысла обсуждать религию в главе под названием «Ислам», поскольку религия является важной движущей силой истории, и то, как ее практикуют в любое время и в любом месте (когда бы и где бы то ни было), имеет политические последствия. Рассмотрение истории через «общественные институты» приводит к статичной картине и затемняет взаимосвязи между описываемыми событиями. Это не дает возможности читателю составлять собственное мнение о разных аспектах османской истории. Разумеется, есть уникальные явления в истории любого государства, но выделять их по сравнению с этапами развития, сопоставимыми с историей других государств, кажется мне неправильным.

«Черная дыра» османской истории — уже само по себе основание для сожаления, но еще прискорбнее очевидный «железный занавес» непонимания между Западом и мусульманами. Это в боль-

шой степени результат «старых повествований» европейцев об Османской империи. Чтобы понять тех, кто культурно и исторически от нас отличается, вместо того чтобы прибегать к таким ярлыкам, как «империя зла», «фундаменталисты» и «террористы», безотлагательно необходимо попытаться понять, а не бравировать своим невежеством. Величайшее высокомерие — спрашивать, почему «они» не такие, как «мы», вместо того, чтобы осознать нашу культурную предвзятость.

Таким образом, эта книга предназначена для нескольких аудиторий. Я надеюсь, широкий читатель, который мало знает об Османской империи помимо «старых» изложений, найдет «новое» изложение во всех отношениях таким же захватывающим, а также значительно более комплексным и убедительным, поскольку здесь описывается, как империя и ее народ представляли себя и как эти представления менялись со временем. Я много написала об османских соседях и врагах на западе и на востоке, поэтому здесь есть кое-что для тех, кто интересуется территориями на османской границе, равно как и удаленными от нее. Она также предназначена для студентов, приступающих к изучению османской истории, которым в настоящее время недостает однотомного изложения ее на английском языке. Я надеюсь, что ее прочтут все, кого притягивают долгие столетия Османской империи.

Словарь османских титулов

Значение османских почтительных обращений не были постоянным на протяжении всего существования империи; определения, которые приведены ниже, были в основном распространены до конца XVIII века, если не позднее, но этот список не может быть исчерпывающим.

Большинству высокопоставленных османских чиновников давались прозвища: некоторые имели отношение/намекали на определенные физические особенности/черты; другие выводились из репутации (той или иной) личности; третьи указывали на место рождения (большинство последних оканчиваются на -лы/-ли или -лу/-лю). Из источников того времени становится ясно, что некоторыми из этих прозвищ награждали человека еще при жизни, другими — после смерти. Пример последних — прозвище султана Сулеймана I «Законодатель», которое не использовалось широко до его смерти.

Ага: использовалось для военачальников полков султана, в особенности главнокомандующего янычарами, а также для главного черного евнуха, главы гарема.

Байло: использовалось венецианцами для обозначения посланника или посла, особенно венецианского представителя при дворе султана.

Бей: военачальник, правитель эмирата; позднее старший гражданский чиновник.

Челеби: уважительный титул, неофициально присваиваемый писателям.

Деспот: использовался византийскими и другими христианскими принцами на Балканах.

Эфенди: почтительный/вежливый титул, сходный по значению с челеби; также использовался для духовных (должностных) лиц; в XIX веке использовался как эквивалент «господину».

Эмир: мусульманский племенной (вождь) или царственный правитель небольшого государства (эмирата).

Гетман: титул, используемый для вождя или лидера казаков; польский военачальник.

Ходжа: используется для духовных (должностных) лиц.

Кади: судья и нотариус.

Хан: использовался татарскими правителями, в частности Крыма.

Мирза: титул иранских принцев.

Паша: высший титул, присваиваемый военачальнику или государственному деятелю.

Реис: титул командующих флотом.

Султан: правитель, наделенный верховной властью; также использовался для принцев и старших жен в османском доме.

Визирь: титул министров султана, наделенных как военной, так и политической властью; великий визирь был старшим из них.

Воевода: использовался правителями Трансильвании, Молдавии и Валахии.

Глава 1

ПЕРВЫЕ СРЕДИ РАВНЫХ

Рождение Османской империи, завершившей свое существование в строго определенный день, теряется в легенде.

29 октября 1923 года Мустафа Кемаль Ататюрк объявил себя президентом Турецкой республики, нового государства в пределах исторически сложившихся, всемирно признанных границ. Еще 1 ноября 1922 республиканцы отстранили от власти султана, хотя за ним сохранялся титул религиозного правителя всех мусульман, а 3 марта 1924 года был отменен и этот статус, в историю уходили понятия династического правления и прав помазанника божьего.

Между 15 и 20 октября 1927 года Мустафа Кемаль направил послание к парламенту — настолько известное, что на турецком языке его называют просто «Речью» — о причинах, вынудивших его поколение попытаться изменить национальную политику, давно приведшую к постоянному отставанию Османской империи от цивилизованного мира. Его первые годы во власти были посвящены проведению целого ряда реформ, которые он назвал революционными, предназначенными заставить турецкое население отринуть имперское наследие, тиранию духовных властей, и открыть для себя современный мир.

Пройдут годы, прежде чем турки будут в состоянии другими глазами посмотреть на собственную историю — историю стремительного возвышения и краха исламской империи, которая в своей высшей точке развития, в XVI веке, возможно, конкурировала с энергией древнего Рима, но вследствие некоторого врожденного недостатка оказалась не в состоянии идти в ногу с христианским Западом. В течение многих столетий воины империи держали в

страхе не только армии Европы, но и Ирана и других мусульманских государств, архитекторы воздвигали грандиозные мечети, до сих пор являющиеся доминантами турецких городов; развитая юридическая система империи сохраняла правовое равновесие в этнических конфликтах Балкан и Ближнего Востока. Чтобы понять, как османы могли финансировать и управлять империей такого масштаба, современные историки начали расшифровывать бухгалтерские книги архитекторов и исследовать отчеты законников; новое поколение ученых читает между строчками хроник, посвященных победам султанов, ведь история империи не просто история правящей семьи; и, что наиболее важно, начато критическое осмысление письменных источников, пришло понимание их предвзятости и неполноты, сквозь исторический миф прорывается живой голос огромной, многонациональной страны.

Когда в 1998 году, накануне второго тысячелетия, Турецкая Республика праздновала семьдесят пятую годовщину образования, не был забыт день основания Османской империи семьюстами годами ранее. Но почему 1299 год считается датой основания империи? Не произошло никаких решающих сражений, не было декларации независимости или штурма крепости. Самые простые объяснения являются часто самыми убедительными: тот год соответствует 699—700 годам в исламском календаре*. По редкому математическому совпадению, совпало летоисчисление в христианском и в исламском календарях. Какой год более благоприятен для празднования основания империи, охватившей Европу и Ближний Восток?

Поначалу османов, стремившихся к распространению своей власти, в гораздо меньшей степени интересовала дата основания их государства, нежели вещий сон, подтверждающий их права на новые территории. Для них империя в буквальном смысле начиналась со сновидения. Однажды ночью первый султан Осман спал в доме праведника по имени Эдебали, когда:

Он увидел, как из груди святого взошла луна и опустилась в его собственную грудь. Затем, из его пупка выросло дерево, и тень его накрыла весь мир. Под тенью этой были горы, а от под-

* Исламский календарь — лунный. В году насчитывается 354 или 355 дней, т. е. на 11 дней меньше, чем в григорианском солнечном календаре. Первым днем года считается 16 июня 622 года от удаления (хиджра) Мухаммеда. — *Здесь и далее примеч. автора.*

ножия каждой горы текли реки. Некоторые люди пили из этих проточных вод, иные орошали сады, а другие отводили каналы. Пробудившись, Осман пересказал свой сон праведнику, и тот молвил: «Осман, сын мой, поздравляю, ибо Бог даровал верховную власть тебе и твоим потомкам, а дочь моя Малхун станет твоей женой».

Изложенный подобным образом в конце XV века, через полтора столетия после смерти Османа около 1323 года, этот сон превратился в один из самых жизнеспособных мифов об основании империи, дающий светской и духовной власти возможность объяснения очевидных успехов Османа и его потомков в борьбе за территории и власть на Балканах, в Малой Азии* и за их пределами.

Никто не мог предвидеть победного шествия османов в течение последующих веков. Около 1300 года они были всего лишь одним из многих туркменских, или тюркских, племен центрально-азиатского происхождения, соперничавших за контроль в Малой Азии — землями между Черным, Средиземным и Эгейским морями. Территория входила в Восточную Римскую империю, которая эволюционировала в Византийскую империю после раскола между Востоком и Западом. Придя к власти в 324 году н. э., Константин Великий основал новую столицу империи — Константинополь на Босфоре, и город стал столицей восточной империи. В период расцвета Византия включала Балканы и обширные земли на востоке, от Малой Азии до современной Сирии и далее, но так и не оправилась ни от разграбления Константинополя в 1204 году рыцарями IV крестового похода, ни от последующей латинской оккупации с 1204 по 1261 год. К началу XIV века империи принадлежали Константинополь, Фракия, Македония, большая часть современной Греции, а также нескольких крепостей и морских портов в Малой Азии.

Туркменские племена веками совершали смелые набеги на восточные границы Византийской империи, задолго до того, как османы заняли свое место в истории. Наиболее успешными из пер-

* Малая Азия (тур. *Anadolu* — Анатолия) — полуостров на западе Азии, срединная часть территории современной Турции. Анатолией часто называют азиатские владения Турции (в отличие от Румелии, европейской части Турции). Название «Анатолия» на греческом языке означает «восточный», поэтому считается недопустимым говорить «Восточная Анатолия», «Западная Анатолия». — *Примеч. ред.*

вой волны были турки-сельджуки, постепенно продвигавшиеся из Центральной Азии на запад с продолжительной миграцией кочевников-скотоводов на Ближний Восток и в Малую Азию в то время, когда Византия была ослаблена внутренними распрями в далеком Константинополе. Турки-сельджуки не встретили серьезного сопротивления и в 1071 году под предводительством султана Алп-Арслана разбили византийскую армию под командованием императора Романа IV Диогена в битве при Малазгирте (Манцикерте), к северу от озера Ван в восточной Малой Азии, открыв дорогу туркменским переселенцам для практически беспрепятственного продвижения на запад.

Ислам пришел в преимущественно христианскую Малую Азию с турками-сельджуками — представители туркменской группы принимали ислам с IX века, служа в качестве наемников мусульманским династиям центральных районов арабского мира; правда, массовое обращение турок в Центральной Азии произошло лишь столетие назад. При потомках Алп-Арслана сельджуки прочно обосновались в Малой Азии, устроив ставку неподалеку от Константинополя, в Изнике (Никея), до тех пор, пока завоевание города воинами I крестового похода в 1097 году не вынудило их отойти в Конью (Икониум), в центральной Малой Азии. Примерно в то же время эмират Данишмендидов, изначально более могущественный, чем сельджуки, контролировал широкую полосу территории в северной и центральной Малой Азии; Салтукиды правили своими землями из Эрзурума, а Менгучеки из Эрзинджана; в то время как на юго-востоке обосновались Артукиды Диярбакыра (Амида). Малая Азия, куда переселились туркменские племена, была этнически и культурно смешанной, с давно укоренившимся там курдским, арабским, греческим, армянским и еврейским населением помимо туркменомусульман. К западу лежала Византия, а в Киликии и северной Сирии были расположены государства армян и крестоносцев, на юге граничившие с Мамлюкским султанатом со столицей в Каире. В течение следующего века сельджуки заняли территории своих более слабых соседей, а в 1176 году их султан Килиджарслан II наголову разбил армию византийского императора Мануила I Комнина в местечке под названием Мириокефалон к северу от озера Эгридир в юго-западной Малой Азии. Не будучи более ограничены удаленными от моря районами анатолийского плато, туркмены начали продвигаться к побережьям, стремясь к торговым путям окрестных морей.

Начало XIII в. было порой расцвета сельджуков Рума, как они сами себя называли (географический маркер «Рум» обозначал земли «Восточного Рима», Византийской империи), в отличие от Великой империи сельджуков в Иране и Ираке. Стабильные отношения между византийцами и сельджуками Рума позволили последним сосредоточиться на охране своих восточных границ, но равновесие было нарушено, когда с востока обрушилась новая волна завоевателей. Монголы под предводительством потомков грозного Чингиз-хана грабили земли государств-преемников Великой империи сельджуков, лежавшие на их пути. Так же как победа сельджуков при Малазгирте в 1071 году приблизила крушение византийского владычества в Малой Азии, так и победа монголов над армией сельджуков при Кёседаге близ Сиваса на севере центральной Малой Азии в 1243 году предвещала конец независимости сельджуков Рума. Их некогда могущественный султан в Конье превратился в выплачивающего дань вассала монгольского хана, чья ставка находилась в далеком Каракоруме в Центральной Азии. Последующие годы были беспокойными, так как сыновья последнего независимого султана Кай-Хусрава II оспаривали свое наследство при поддержке различных туркменских и монгольских группировок. И хотя в течение последней четверти XIII века монгольская династия Ильханидов ввела прямое правление, контроль Ильханидов в Малой Азии никогда не был строгим, так как их, как и сельджуков, раздирала междоусобная борьба. Туркмены Малой Азии оказывали сопротивление Ильханидам, а мамлюки Египта и Сирии совершали набеги на владения Ильханидов на юге. Но сами Ильханиды были в большей степени заинтересованы в сохранении доходов от будущих таможенных пошлин в прибыльной торговле между Индией и Европой, которая проходила через северо-восточную Малую Азию, и они оставили свой «дальний запад» туркменским пограничным князьям на северо-западных окраинах бывших сельджукских владений.

К началу XIV века Малая Азия стала домом новой генерации эмиратов мусульманских туркмен. Зачастую они создавали стратегические союзы, но неизбежно вступали в конфликты, поскольку каждый преследовал собственные экономические и политические цели. На юге, вблизи Анталии (Атталия) был расположен эмират Теке, на юго-западе Малой Азии — Ментеше, к северу от которого располагался Айдын; в глубине страны — удаленный от моря эмират Хамид с центром в Испарте, Сарухан со столицей в Манисе и на севере, по направлению к Дарданеллам, был расположен Кареси.

Столицей Гермиона была Кютахья, в то время как север центральной Малой Азии была территорией дома Исфандияров. Эмират Караман занимал юг, на первых порах его столицей был Эрменек, расположенный высоко в горах Тавра, затем в Карамане и, в конце концов, в бывшей ставке сельджуков — Конье. К середине XIV века Киликия стала домом для эмиратов Рамазан (Рамазаногуллары) с центром в Адане и соседствующим с ним Дулкадиром (Дулкадиругуллары), базирующемся к северо-востоку в Эльбистане. В северо-западной Малой Азии с остатками Византии граничил эмират Османа, правителя османли, известных нам как османы.

Первые сведения об османах относятся приблизительно к 1300 году, когда, как сообщают нам византийские историки того времени, в 1301 году состоялось первое военное столкновение между армией Византии и войсками под предводительством человека по имени Осман. Эта битва — битва при Бафее — произошла неподалеку от Константинополя, на южном побережье Мраморного моря, византийская армия была разбита. Тем не менее еще много лет должно было пройти, прежде чем османы смогли соперничать могуществом с византийцами, и множество мифов появится, чтобы объяснить появление династии, которая возникла, казалось бы, ниоткуда.

Почему род Османа взял верх над своими соседями, и каким образом в течение последующих веков Османский эмират, всего лишь один среди многих на пограничных землях между Византией и территорией Сельджуков-Ильханидов, стал единоличным наследником этих двух государств и превратился в могущественную и долговечную империю, простиравшуюся на три континента? Эти вопросы продолжают волновать историков и не находят окончательных ответов. Одна из причин в том, что история средневековой Малой Азии все еще мало изучена. Другая — в том, что историографов оседлых государств региона — сельджукского, армянского, византийского, мамлюкского и латинского — в первую очередь интересовала их собственная судьба: описания тех, против кого они сражались или с кем они заключали соглашения, попадали в их отчеты лишь случайно. Предания малоазийских туркмен носили устный характер, и лишь после того, как большинство соперников было стерто с карты, османы записали историю своего происхождения, делая акцент на собственной истории за счет давно исчезнувших соперников и их тщетных попыток основать долгоживущие государства.

Есть и другие вопросы. Был ли помимо всего прочего Османский эмират привержен к «священной войне» (джихаду) — борьбе

с не мусульманами, которая предписывалась канонам, как обязанность всех правоверных? Для мусульман мир символически делился на «царство ислама», где ислам превалировал, и «царство войны», земли язычников, которые однажды должны принять ислам — а «священная война» была средством это осуществить. Помимо всего прочего, «священная война» служила объединяющим мотивом для мусульманского сообщества в ранний период, по мере того как новая вера пыталась закрепиться и, как и провозглашение крестового похода, вдохновляла воинов на протяжении столетий. Может именно изменчивый, нестабильный характер пограничного общества тех времен дал возможность Османскому эмирату взять под свой контроль обширные территории? Была ли способность Османского эмирата победить соперничающие династии и государства следствием благоприятного стратегического расположения в пограничных землях слабо защищенной Византийской империи, или же османская экспансия — следствие политической дальновидности и удачи? Современные историки пытаются отделить исторические факты от мифов, содержащихся в поздних хрониках, в которых османские летописцы описывают происхождение династии, с помощью подсказок, содержащихся в надписях тех лет, монетах, документах и эпических поэмах, равно как и в трудах написанных не на турецком языке. Где бы ни находились ответы на вопросы об успехах османов, они вели тяжелую борьбу против своих малоазийских соседей на протяжении почти двух столетий.

Географические и климатические особенности малоазийского массива, который стал родиной для туркменских эмиратов, сыграли значительную роль в формировании их истории, а также в успехах и неудачах усилий по созданию территориальных анклавов. Большая часть Малой Азии расположена на возвышенности и образует приподнятое центральное плато, окруженное, за исключением западной части, горами высотой до 4000 метров. На западе, там, где предгорья плато спускаются к Эгейскому и Мраморному морям, оставляя широкую и плодородную прибрежную равнину, местность пологая. На юго-востоке горы отступают перед пустынями Ирана, Ирака и Сирии. На севере и юге узкая прибрежная полоса и глубокие долины пронизывают горы между крутыми, суровыми вершинами. Степные пастбища плато предоставляют обильный корм для скота, но подвержены резким климатическим изменениям: туркменские пастухи — как и многие сегодня в Ма-

лой Азии — на летние месяцы перегоняли скот на высокогорные пастбища. Они торговали с оседлыми земледельцами расположенных на западе долин и побережий, где почва была более плодородна, а климат менее суровый; жители прибрежных территорий в свою очередь средства существования находили в море. Так происходил обмен товарами и заключение союзов.

Османы не были первыми из постмонгольской волны мусульманских туркменских династий, упомянутых в исторических записях. Мы узнаем о существовании семьи Гермиян в 1239—1240 годах, задолго до сражения между османами и византийцами в 1301 году, а Карамниды, названные так по имени Караман-бея, впервые появляются в 1256 году. Как только они начинают заявлять претензии на земли, новые династии возводят памятники, с тем чтобы произвести впечатление на потенциальных сторонников. Этот обычай оседлого народа (а не кочевника-скотовода), живущего за счет земледелия, можно рассматривать как стремление бывших кочевников основать оседлое государство. Свидетельства строительной активности туркменских династий сохранились в датированных надписях: на мечети младшей династии Эшреф (Эшрефогуллары) в Бейшехире; в озерном крае юго-западной Малой Азии, от 696 года по исламскому календарю (1296—1297 гг. н. э.); и в ныне разрушенной мечети Кызыл Бей в Анкаре, где кафедра была восстановлена правителями Гермияна в 699 году (1298—1299 гг.). Большая мечеть, построенная предводителем Караманидов Махмуд-беем в Эрменекке, датируется, согласно надписи на ней и записи о закладке, 702 годом (1302—1303 гг.). Самая ранняя датированная османская постройка, о которой у нас есть записи, — мечеть Хаджи Узбека в Изнике, запись о закладке которой датируется 734 годом (1333—1334 гг.).

Османская традиция гласит: вождь племени по имени Эртогрул осел в северо-западной Малой Азии, на пограничных землях между сельджуками-ильханидами и Византийской империей, и султан сельджуков в Конье пожаловал ему земли вокруг небольшого поселения Сёгют. В том случае если единственный артефакт, дошедший до нас со времен Османа — недатированная монета, — подлинный, это означает, что Эртогрул был исторической фигурой, поскольку на монете есть надпись «Отчеканена Османом, сыном Эртогрула». И поскольку чеканка монет была в мусульманской практике, как и в западной, исключительным правом, даруемым только монарху, это указывает на притязания Османа быть царственным правителем, а не простым вождем племени, демонстрируя, что он обрел доста-

точную власть, чтобы оспорить притязания Ильханидов на сюзеренитет над ним и его подданными: туркменские эмираты не печатали монеты с именами своих эмиров, поскольку оставались под формальным покровительством Ильханидов. Тем не менее самая старая датированная османская монета, дошедшая до нас, относится к 1326—1327 годам после смерти Османа, и некоторые исследователи считают эту дату самой ранней, когда османское государство, можно считать стало независимым от Ильханидов.

Османам повезло с географией. Земли Османа лежали близко к Константинополю, позволяя ему контактировать с губернаторами византийских городов северо-запада Малой Азии, с которыми он соперничал за сферы влияния, равно как и за пастбища, чтобы прокормить стада своих приверженцев. Соседство Константинополя, в случае падения города, сулило большие выгоды, но существовала постоянная угроза со стороны армии Византии, стремившейся защитить то, что осталось от огромной территории. Самые первые попытки наступления Османа на Византию, видимо, были скорее направлены на небольшие поселения в сельской местности, нежели на города. По-видимому, укрепленные города захватить было трудно, в то время как сельская местность предоставляла добычу, имевшую большую ценность для захватчиков. Византийские историки того времени изображают эти земли как процветающие, густо населенные и хорошо защищенные, что подтверждается археологическими находками. Еще до своей первой поддающейся датировке победы над силами Византии в 1301 году Осман, похоже, взял под свой контроль земли, лежащие между пастбищами его отца вокруг Сёгюта и Изника, хотя ему и не удалось, несмотря на длительную осаду с 1299 по 1301 год, взять сам Изник.

После победы над византийской армией в 1301 году Османа стало невозможно игнорировать. Византийский император Андроник II Старший стремился создать надежный альянс против растущей угрозы, предложив одну из принцесс своего дома в жены номинальному сюзерену Османа ильханидскому хану Газану (чья ставка была в городе Тебризе на северо-западе Ирана), а затем, после смерти Газана, его брату. Но ожидаемая в ответ помощь людьми и оружием так и не пришла, и в 1303—1304 годах Андроник нанял испанских авантюристов-крестоносцев из «каталонской компании» для защиты своих владений от дальнейшего наступления турок. Как и большинство отрядов наемников, каталонцы действовали по собственному усмотрению, призывая тюркских воинов, хотя и не обя-

зательно тех, кто находился под контролем Османа, присоединиться к ним в преследовании собственных целей на той стороне пролива Дарданеллы и на Балканах. Лишь союз между Византией и Сербским королевством воспрепятствовал тюркско-каталонскому наступлению.

Переселение тюрков в Малую Азию нарушило равновесие древних государств. Административная рука некогда великой Византии и империи сельджуков-ильханидов не доставала в регион безвластия, лежащий между ними. Но пограничные земли населяли не только воины. Возможности, которые они предлагали, без сомнения привлекали авантюристов, но также людей, которые были привязаны к границе просто потому, что им больше некуда было податься. Обстановка на этих пограничных землях, где было положено начало Османскому государству, описана как:

...оплетенная пересекающимися группами кочевников и полукочевников, мародеров и участников набегов, добровольцев, собирающихся присоединиться к военным авантюристам, рабов различного происхождения, странствующих дервишей, монахов и священников, пытающихся сохранить связь со своей паствой, перебравшимися из других мест крестьянами и горожанами, ищущими убежища, смятенными душами в поисках исцеления и утешения в святых местах, мусульманских схоластов, ищущих покровителей и, разумеется, пренебрегавших риском купцов Евразии позднего средневековья.

Присутствие дервишей, или мусульманских святых, было одной из самых ярких особенностей пограничных земель. Как и христианские монахи, некоторые из них скитались по сельской местности, в то время как другие жили в общинах, и об их деяниях и благочестии рассказывалось в эпических поэмах и жизнеописаниях, сформировавших часть древней устной традиции. Связи первых османских правителей с дервишами засвидетельствованы самым ранним из сохранившихся документов Османского государства: дарственная 1324 года сыном Османа Орханом земли к востоку от Иznика обители дервишей. Такие обители, подобно христианским монастырям, становились ядром, привлекавшим поселенцев на новые территории, и были недорогим средством, обеспечивающим верность простолудинов; обители дервишей символизировали яв-

ление новой традиции ислама, который расцвел в Малой Азии бок о бок с суннитским исламом имперской культуры сельджуков. Сам Осман, возможно, не очень разбирался в тонкостях суннитского ислама, но Орхан принял его в качестве основного принципа своего государства: в течение всей его жизни строились теологические учебные заведения для изучения и распространения религии, к которой он стремился, и язык и стиль дарственной на землю 1324 года свидетельствует о том, что его управляющие были хорошо знакомы с классической мусульманской канцелярской процедурой. Османские султаны, наследовавшие Орхану, без исключений были приняты в те или иные дервишские ордена: сосуществование и компромисс между различными проявлениями религиозных верований и практик — одна из вечных тем османской истории.

В северо-западной Малой Азии было основано множество обителей дервишей. Но изменчивая среда пограничных земель привлекала дервишей отнюдь не созерцательных устремлений — со второй половины XIV века, когда османы начали колонизировать Балканы, они играли особенно важную роль. С собой дервиши несли тюркско-мусульманскую культуру, когда сражались бок о бок с воинами пограничных земель, убеждая их в том, что они получают свободные земли, оставшиеся после бегущего населения. Многообразие дервишских орденов сбивает с толку настолько же, насколько и история их образования и преобразования. Среди наиболее известных — орден Бекташи, изначально небольшая секта, которая впоследствии получила известность в связи с элитными пехотными войсками султана — янычарами.

Религиозные обряды посетителя мечети и дервиша могли проходить рядом, в одном и том же здании, и многие мечети, сегодня связанные с суннитским ритуалом, когда-то имели гораздо более широкие функции, в качестве прибежища дервишей, а заодно и молитвенного зала для религиозного братства. Действительно, мечеть, построенная в Бурсе вторым османским султаном Орханом и его сыном и последователем Мурадом, упоминается в списке пожертвований как обитель дервишей. Старейшая из сохранившихся османских построек в Европе, общественная кухня гази Эвренос-бея в Комотини в современной греческой Фракии, была оборудована, как и многие аналогичные учреждения того времени, маленькими куполообразными комнатами, где могли собираться дервиши.

Дарственная на Орхана на землю, датированная 1324 годом, показывает, что ислам был составной частью государственной идентич-

ности Османского эмирата с самого начала, поскольку в неоспоримо мусульманской формулировке правитель характеризует себя как «Защитник Веры», в то время как его отец Осман именуется «Торжеством Веры». Не сохранилось документов, которые могли бы рассказать нам, как сам Осман называл себя, но уже в конце XIII века правители некоторых других эмиратов западной Малой Азии приняли мусульманские имена — например, «Победитель Веры» или «Меч Веры». Первый тюркский вождь того периода, назвавший себя «Воителем Веры», или «гази», в надписи, отмечавшей строительство в 1312 году мечети в Бирги, в западной Малой Азии, был из дома Айдын. К 1330-м годам и эмир Ментеше и сам Орхан в надписях величали себя «Султанами гази».

Титул «гази» отмечает того, кто участвует в «газе», «войне за веру» или «войне с неверными», или «священной войне» (термин «газа» можно рассматривать в качестве синонима термину «джихад»), титул жаловался исламским воинам во времена Сельджуков и ранее, но в начале XIV века не имел конфронтационного, антихристианского подтекста. Термин широко использовался османами и, когда их хроники величали Османа и его соратников гази, это слово значило «воин» или «участник набега», но в нем не содержалось больших религиозных директив, чем те, что были возложены на каждого мусульманина — сражаться с неверными. Османский эмират граничил с христианскими государствами, но для соседствовавших с ним эмиратов не в обычае было принимать идеологию «священной войны», нет оснований утверждать, что выбор идеологии дал серьезное преимущество при расширении территорий. Недавняя переоценка широко распространенного мнения о том, что смыслом существования Османского эмирата было ведение «священной войны», показала, что скорее существовал «грабительский союз», включающий как мусульманских, так и христианских воинов, чьей целью были «добыча и рабы, не зависимо от риторики, используемой правителями». В этом союзе тюркские воины были в меньшинстве: высокий темп завоевания требовал решительного и не делающего религиозных различий принятия большого числа христиан в османские ряды, с тем чтобы восполнить недостаток людских ресурсов, необходимых, для того чтобы управлять развивающимся государством.

Религия ранних османских мусульман не была строгой: устные предания, воспевающие деяния героев пограничных земель, свидетельствуют не только о частых совместных действиях мусульман-

ских воинов и византийских христиан, но и нередких смешанных браках. О том, что христианское население пограничных земель северо-запада Малой Азии продолжало свободно исповедовать свою религию, свидетельствуют письма Григория Паламы, архиепископа Фессалоник, который проехал по этим территориям в 1354 году в качестве турецкого пленного. Более того, высокопоставленные византийцы получали работу при османском дворе как во времена Орхана, так и в начале XVI века. Позднее османские хроникеры, описывая период продолжительных войн с христианскими государствами Балкан и за их пределами, подчеркивали религиозное рвение ранних завоеваний династии, изображая тюркских пограничных жителей как стремящихся исключительно к распространению ислама. Работая во времена, когда политическое окружение было совсем иным, они приписывали пограничным жителям воинствующее благочестие: казалось правильным утверждать, что всегда было так, что государство создано неустанными усилиями мусульманских воинов, боровшихся со своими мнимыми антагонистами — христианскими королевствами Византии и Европы. Современные историки слишком часто становились добровольными соучастниками, принимая версию поздних летописцев за правду о прошлом Османской империи.

К тому времени как предания о возникновении Османской империи были записаны, они уже были далекими воспоминаниями. Первые годы династий, впоследствии добившихся впечатляющих успехов, зачастую покрыты тайной, а поздние традиции изрядно приукрашивают скудную правду в попытках обосновать легитимность власти. Осман описывался современниками как один из самых энергичных тюркских вождей, угрожавших Византии, и несмотря на то, что он не смог взять Изник, его осада этого важного города и его победа над византийской армией в 1301 году, видимо, завоевали ему авторитет и славу, побуждая многих воинов соединить свою судьбу с ним и его людьми. Тем не менее изменяющиеся времена требовали подтверждения притязаний Османов как на территории, так и на главенство над другими тюркскими династиями в Малой Азии, возникла необходимость, чтобы персональная слава, завоеванная Османом при жизни, содействовала насущным нуждам османской верховной власти.

В течение столетий многие бросали вызов османскому могуществу, и было жизненно важно, чтобы династия обосновала свое право

на правление как естественный порядок вещей. Легенды о сне Османа оказались недостаточно, чтобы нейтрализовать сомневающийся, понадобилось более весомое доказательство места зарождающегося османского государства в политической истории региона. К концу XV века народный эпос утверждал, что отцу Османа Эртогрулу пожаловал земли вблизи Сёгюта не кто иной, как султан румских сельджуков, утверждение это подкреплялось историей о том, что султан сельджуков даровал Осману символы власти — знамя, украшенное конским хвостом (бунчук), барабан и почетное одеяние, как признание его легитимности в качестве преемника сельджуков. Тем не менее столетие спустя, в 1575 году, великий визирь османов фальсифицировал документы, бывшие якобы записью церемонии о вручении этих знаков. Такие истории ставили под сомнение право османов наследовать знамя Сельджуков, но османский суверенитет также нуждался в родословной, не менее благородной, чем у соперников. Поэтому с начала XV века перед лицом соперничающих кланов, Тимуридов и Аккоюнлу («Белых овец»), тюркских племенных союзов, переселившихся на запад после волны миграции, которая принесла клан Османа, османы были снабжены центрально-азиатским происхождением от тюркского племени огузов и их знаменитого предка пророка Ноя, который по преданию отдал Восток своему сыну Иафету. В текстах есть намеки на то, что у семьи Османа было менее романтическое прошлое и что на самом деле он был простым крестьянином. Другая традиция описывает его предков как арабов Хиджаза, видимо, это указание на то, что некоторое время османы искали такую фиктивную генеалогию, которая наилучшим образом доказывала бы их легитимность. Необходимость исчезла, но легенда о сне, напротив, повторялась веками, до последних лет существования самой Османской империи.

Помимо вероятности, что первый османский султан был исторической фигурой, турецким мусульманским владыкой земель на границе с Византийской империей на юго-западе Малой Азии, чьего отца, возможно, звали Эртогрул, существует мало других биографических данных об Османе. Но его сон случайно дает еще одну деталь, подтверждаемую документальными свидетельствами: в ранние османские земельные списки внесен святой по имени Эдебали, он жил в то же время, что и Осман, и есть свидетельство, что Осман сделал одной из своих жен его дочь.

В самом сердце земель Эртогрула в Сёгюте есть маленькая мечеть, носящая его имя, и гробница, по легенде построенная для него

его сыном Османом и впоследствии надстроенная сыном Османа Орханом. Правда, и мечеть и гробница так часто перестраивались, что ни одно из сохранившихся зданий нельзя с уверенностью отнести ко времени Османа. Тем не менее в конце XIX века, когда султан Абдул-Хамид II пытался укрепить свою пошатнувшуюся власть, отождествив ее еще более тесно с великими деяниями своих прославленных предков, он посчитал удобным пропагандировать Сёгют в качестве центра Османского государства и создал там подлинное кладбище первых османских героев. Он заново отстроил мавзолей Эртогрула и заключил его возможные останки в мраморный саркофаг, а также добавил могилы для жены Эртогрула и для Османа, хотя последний был похоронен в Бурсе его сыном Орханом, а также могилы для 25 приближенных воинов Османа. По сей день Сёгют остается святыней и местом проведения ежегодных торжеств в честь начального периода османов.

Осман, по-видимому, умер в 1323–1324 годах, оставив своим наследникам значительную территорию на северо-западе Малой Азии, простиравшуюся от его ставки в Енишехире, «Новом городе» (Мелангея), до Эскишехира, «Старого города», с центром в Сёгюте. Стратегически Енишехир располагался между Изником и Бурсой, двумя центрами, которые он намеревался, но не смог захватить. В 1326 году его сын Орхан захватил Бурсу, и этот важный город стал новым центром османской державы. Как и Изник и Измит (Никомедия), Бурса некоторое время была изолирована от Константинополя в результате контроля Османа над окружающей сельской местностью; Орхан продолжил начатую его отцом блокаду города, и его жители сдались от голода. Марокканский путешественник Ибн Баттута сообщает, что Орхан был главнейшим и богатейшим из нескольких турецких вождей, чьи дворы ему довелось посетить во время пребывания в Малой Азии в 1330–1332 годах. Далее он отмечает, что Орхан никогда не останавливался в одном месте надолго, но постоянно передвигался между сотней, или около того, крепостей, которыми он командовал, с тем чтобы быть уверенным в их хорошем состоянии. Посетив только что перешедшую к османам Бурсу, Ибн Баттута увидел город с «превосходными базарами и широкими улицами, со всех сторон окруженный садами и родниками». Здесь Орхан похоронил своего отца, или, скорее, перезахоронил его, перевезя останки из Сёгюта в свою новую столицу, и свою мать (которая, видимо, была не дочерью шейха Эдебали, а другой женщиной). Позднее он и сам был похоронен здесь вместе со своими женами,

Аспорчей и Нилюфер, и прочими членами семьи, равно как и его сын Мурад, убитый в 1389 году в сражении на Косовом поле в Сербии. Бурса всегда занимала особое место в династической памяти османов и на протяжении нескольких поколений продолжала оставаться излюбленным местом захоронения членов царствующего дома, даже после того, как двор переехал сначала в Эдирне (Адрианополь), а затем — в Константинополь.

В 1327 году в западные границы византийской Фракии вторгся болгарский царь Михаил Шишман, чья армия дважды появлялась в пределах видимости из Эдирне, прежде чем в результате переговоров было достигнуто соглашение. Справившись с этой опасностью, император Андроник III Палеолог (Младший) (внук Андроника II) и главнокомандующий его армией, великий domestik Иоанн Кантакузин (ставший впоследствии императором Иоанном VI), в 1329 году приступили к разрешению все более угрожающей ситуации на востоке. Они встретили армию под командованием Орхана под Пелеканомом, к западу от Измита. Орхан уклонился от прямого столкновения на крутых северных склонах горы Измит, но послал отряды лучников атаковать войска византийцев. Обнаружив, что османы не вступают в бой, император приготовился отступить, но задержался и был ранен, его армия была вынуждена обороняться от преследовавших их османских войск, и положение зашло в тупик.

В 1331 году Изник сдался перед османской осадой, начавшейся несколькими годами ранее. Многие его жители уже оставили город и бежали в Константинополь, а через семь месяцев после падения Ибн Батутта застал его «в развалинах и необитаемым, за исключением нескольких человек, прислуживавших султану». Потеря Изника заставила императора Андроника понять, что военными средствами он не сможет обеспечить сохранность того, что осталось от его империи, в особенности Константинополь, и в 1333 году он унизился до поездки к Орхану, который в то время осаждал Измит. Эта первая дипломатическая встреча между императором Византии и новым правителем нового государства была очень важной: в результате ее некогда надменная Византия согласилась платить османам за то, что императору будет позволено сохранить небольшую территорию, которая все еще принадлежала ему в Малой Азии.

Оборона Измита была еще крепкой: как и Изник и Бурса, город мог выдержать долгую осаду, и только в 1337 году его жители сдались из-за блокады подступов к городу. Сама продолжительность

осады говорит о силе османцев: они еще не знали тайн производства пороха, но могли выставить достаточно людей, чтобы поддерживать контроль над уже завоеванными территориями, и помимо того отрядить армию, чтобы та стояла лагерем у стен города в течение длительного периода времени. Тактика набегов османских войск была предопределена их кочевым происхождением: Орхан постепенно перенимал приемы регулярной армии, поддерживаемой оседлым населением.

Тем не менее Византии угрожали не только османы, но и болгары. Эмират Кареси располагался так же близко к Константинополю, как и османы, и к началу 30-х годов XIV века захватил земли на северном побережье Эгейского моря в Малой Азии, к западу от линии, соединяющей Мраморное море с заливом Эдремит. Протяженная береговая линия и доступ к морю давали стратегическое преимущество над османами, которые все еще оставались державой, удаленной от моря. Контроль Кареси над проливом Дарданеллы представлял собой угрозу для сохранившихся византийских анклавов на Балканах и дважды в 30-х годах XIV века турки Кареси переправлялись во Фракию со своими лошадьми и совершали рейды во внутреннюю часть страны до тех пор, пока византийцев не спасло прибытие крестовых галер, уничтоживших флот Кареси.

Православная византийская церковь была заклеяна как еретическая католическими латинянами в 1054 году; кроме того, латинская оккупация Константинополя с 1204 по 1261 годы была все еще жива в памяти, и при затруднительном положении, в котором в этот момент очутился император, старая вражда вспыхнула снова. Указание на то, что общность христианской веры для православных и католиков перестала иметь какое-либо значение, относится к 1337 году, когда генуэзцы из своей торговой колонии в Галате (также известной как Пера), расположенной через Золотой Рог от Константинополя, вступили в союз с Орханом для поддержки его планов атаковать столицу Византии. Император отправил миссию к папе, давая понять, что он мог бы пойти на уступки по спорному вопросу православно-католических религиозных различий, в случае если будет оказана помощь против османов. Но вопрос нежелания Византии отказаться от православной веры и воссоединить свою церковь с римской был настолько щепетильным, и настолько широка была пропасть между сменяющимися один другого папами и императорами, что почти 50 лет до этой попытки между ними не было никакого общения.

Смерть императора Андроника III ввергла Византию в гражданскую войну. Эмир Айдына Умур-бей и эмир Сарухана ранее помогали ему своими флотами отражать атаки латинян на византийские владения в Эгейском море, и теперь Умур-бей принял сторону преемника Андроника и регента при малолетнем сыне последнего, его доверенного советника Иоанна VI Кантакузина. Растущая сухопутная и морская сила Умур-бея и его союз с Иоанном позволили ему совершить набег на Балканы. Это спровоцировало западный крестовый поход, который в 1344 году уничтожил его выход к морю — крепость и порт Измир (Смирна). Османы также пошли на союз с новым императором, и Орхан женился на дочери Иоанна Феодоре, совершив прекрасную свадебную церемонию в 1346 году.

Политкорректность в ее самом буквальном смысле рано установилась среди османов: их хроники не упоминают ни о союзе Орхана с христианским императором Византии Иоанном VI, ни о его женитьбе на принцессе Феодоре. Сделать это значило бы осквернить свою картину исламской империи в процессе становления. Напротив, в XV веке османский хроникер из дома Айдын (к тому времени прекратившего свое существование) без стеснения отмечает, что Иоанн вынужден был обратиться к Умур-бею за помощью и также предложил ему в жены одну из своих дочерей. Такая же изменчивость союзов между османами и христианами была присуща последнему столетию Византии и длилась после того, как Византия перестала существовать. Так же как первые османские войны формировали стратегический альянс, не принимая во внимание религиозные соображения, зрелая Османская империя вступала в коалицию с одним христианским государством против другого, в зависимости от требований политической ситуации. Распространенное мнение о перманентном и непримиримом разногласии между мусульманами и христианами в то время — вымысел.

По тому же самому образцу, как османы создавали союзы тем или иным христианским государством, так же они нападали на своих единомышленников и аннексировали их территории. Однако завоевание мусульманских соседей в Малой Азии ставило сложную проблему. Походы против христианских государств не требовали никакого оправдания, поскольку эти государства считались «царством войны», немусульманскими регионами, чье присоединение к исламским странам, «царству ислама», было всего лишь вопросом времени. Хронисты прилагали огромные усилия, тем не менее, чтобы избежать необходимости оправдывать спорные с канонической точки

зрения агрессии против братьев мусульман, а мотивы османской экспансии на земли мусульманских противников обычно скрывались. Присоединение Кареси, первого из соперничающих туркоманских эмиратов, который захватили османы, как раз такой случай: Орхан воспользовался борьбой за власть внутри эмирата Кареси в середине 40-х годов XIV века, но эпизод описан летописцами как мирная сдача населения.

После 1350 года активность османов впервые стала впервые вошла в столкновение с интересами европейских государств. Между 1351 и 1355 годом Генуя и Венеция были вовлечены в войну за контроль над прибыльной торговлей на Черном море. Вскоре после прибытия участников IV крестового похода в Константинополь в 1204 году Венеция обзавелась колонией в Тане (Азов) в бухте Азовского моря, в то время как Генуя владела несколькими колониями на берегах Черного моря, включая Кафу (Феодосию) в Крыму. Эти колонии были перевалочными пунктами для экспорта на запад сырья, такого как меха, шелк, специи, драгоценные камни и жемчуг. В конфликте с Венецией Орхан принял сторону Генуи, снабжая продовольствием как ее флот, так и торговую колонию в Галате, а в 1352 году заключил со своим союзником договор; его войска также помогали генуэзцам, когда Галата подверглась нападению венецианских и византийских войск.

Генуэзцы предоставили войскам Орхана корабли для переправы через Босфор, но именно осажденный Иоанн Кантакузин невольно помог османам упрочить постоянное присутствие во Фракии. В 1352 году по приглашению Иоанна отряд наемных солдат, обычно называемых в текстах «турками», разместился в византийской крепости Цимпе, расположенной вблизи города Болайир, к северо-востоку от Гелиболу (Галлиполи) на северном берегу Дарданелл. Вскоре после этого «турки» присягнули на верность сыну Орхана Сулейман-паше и османы обрели свой первый опорный пункт на Балканах. Создание османских баз во Фракии стало решающим событием в царствование Орхана, и отношение к нему османских хроник поучительно. Стараясь представить османскую экспансию во Фракию, зодчим которой был Сулейман, как результат милости Божьей и героизма османов, они старательно скрывали решающую роль людей из бывших земель эмирата Кареси, которые сражались рядом.

Летописцы даже не были готовы признать роль природных сил в османском завоевании. Византийские источники указывают на

землетрясение 1354 года, через два года после первых набегов османов на ту сторону проливов, которое разрушило стены Гелиболу и превратило в развалины ряд других городов на северо-западном побережье Мраморного моря; все они были впоследствии заняты османами и другими турецкими силами. Византийские летописцы ссылаются на землетрясение как на оправдание своей слабости перед лицом превосходящего неприятеля, но об этом нет упоминаний в османских источниках.

События во Фракии ускорили отречение императора Иоанна VI Кантакузина в пользу его сына Матфея, который коротко правил, прежде чем его сменил сын Андроника III Иоанн V Палеолог. Когда младший сын Орхана Халил, будучи еще ребенком, был захвачен генуэзскими пиратами в 1357 году, новый император был вовлечен в деликатные переговоры по организации его выкупа и освобождения, подарив тем самым Византии некоторую передышку: в последующие два года на османской границе было мало изменений. Стремясь объединить византийские и османские территории, Иоанн Палеолог выдал свою дочь Ирину за Халила в надежде, что Халил наследует своему отцу, поскольку при османской системе, где все сыновья имели теоретически равные шансы на престолонаследие, он имел такую возможность. Но план провалился, поскольку место отца занял старший брат Халила Мурад I.

Мирное сосуществование Орхана и Иоанна Палеолога оказалось призрачным. Орхан надеялся, что ему унаследует старший сын Сулейман-паша, но Сулейман умер в 1357 году в результате падения с лошади вскоре после пленения Халила. Его конь был похоронен вместе с ним в Болайире, где и сегодня можно увидеть обе могилы. Мураду было поручено занять место Сулеймана в качестве главнокомандующего на фракийской границе и с помощью местных военачальников он добился новых побед, так что к тому времени когда Орхан умер в 1362 году, османы занимали большую часть южной Фракии и владели важным византийским городом Дидимотихон к югу от Эдирне. Вместе с границей на запад двигались ставка султана и его двор — из Енишехира в Бурсу, далее в Дидимотихон и затем в Эдирне, завоеванный в 60-е годы XIV века. Земли Кареси на северном побережье Эгейского моря в Малой Азии были под контролем османов ко времени смерти Орхана, и его владения простирались к востоку до Анкары (столица современной Турции), отвоеванной у враждебной туркоманской династии Сулейман-пашой. В надписи в мечети Алаеддина в Анкаре, датируемой годом его смер-

ти, Орхан впервые назван «султаном», указывая на претензии османов на абсолютную власть. Другие эмиры западной Малой Азии приняли вызов и вскоре переняли этот титул: Гермиян и Караман в 1368—1369 годах, Айдын в 1374 году, Сарухан в 1376 году и Ментеше в 1377 году.

Стремительное расширение османских владений при Орхане отчетливо прослеживается в архитектуре того времени. След новой власти был наиболее отчетливым в больших городах Изник и Бурса, но около тридцати мечетей в маленьких городах и селениях северо-запада Малой Азии также носят его имя. В городах он возводил мечети, бани, теологические школы, общественные кухни, мосты, гробницы и обители дервишей, что определяло их как исламские и османские. Орхан также увековечил память о завоеваниях своего отца, построив мечети и другие здания, необходимые для жизни мусульман в местах, им завоеванных, и многие памятники того периода носят имена других личностей — как воинов, так и святых людей, за их выдающиеся заслуги в достижениях османов. Память о Сулейман-паше хранится в мечетях, теологических школах и банях в самом центре Османской империи в Малой Азии и во Фракии, включая бывшую церковь Святой Софии в Визе (Бизье), которую он превратил в мечеть. Такая смена назначения в течение османского завоевания была обычным делом, особенно когда город не сдавался, а был взят силой. Переселение турок вслед за воинами приграничья постепенно снова принесло процветание во Фракию. Тяготы византийской феодальной системы уже давно отвратили многих местных христиан от провинциальной аристократии и их хозяев в Константинополе, положение дел осложнялось большими разрушениями, причиненными гражданской войной начала 40-х годов XIV века.

Византийские императоры в Константинополе все еще надеялись, что западный христианский мир спасет их от османов. Правда, всякий раз, когда раздавались мольбы о западной помощи, к ответу прилагались одни и те же условия — православные византийцы должны отказаться от своих еретических пристрастий и принять Римскую церковь. Какую помощь получит Константинополь, определяли политические, дипломатические и коммерческие интересы отдельных государств. В 1364 Иоанн Палеолог обратился к православному государству Сербия, потенциальному союзнику, которому в этот момент также угрожало османское вторжение, но Сербия утратила былую жизнеспособность после смерти своего царя Сте-

фана Душана в 1355 году, поскольку его наследники боролись за власть. Затем Иоанн отправился в Венгрию искать помощи короля Луиса, но тщетно. Единственным обнадеживающим моментом был возврат ключевого фракийского порта Гелиболу латинскими морскими силами в 1366 году в качестве первой атаки крестового похода в поддержку окруженных византийцев. За византийским посольством в Рим последовал в 1369 году сам император, в отчаянии пообещавший принять латинский ритуал в обмен на помощь папы; но отсутствие папских гарантий вскоре стало очевидным, поскольку никакой помощи не последовало.

Византия не была одинока в своем страхе перед османским вторжением на Балканы. После завоевания Эдирне в 60-х годах XIV века наследники Сербии Стефана Душана почувствовали османское давление на своих западных и восточных границах. Понимая, каковы будут последствия, если османов не остановить, некоторые из этих мелких правителей объединились для того, чтобы выставить армию, но битва при Черномене на реке Марица к западу от Эдирне в 1371 году обернулась катастрофой для сербских властителей: побежденные, они стали османскими вассалами, как и три болгарских правителя, сражавшихся на их стороне, а все препятствия для продвижения османов в Македонию были устранены.

В расширении границ участвовали независимые воины, связавшие свою судьбу с османами. Четыре таких мусульманских рода особенно прославились во время османского завоевания Румелии (название, которое они использовали для Балканского полуострова): Эвреносогуллары*, Михалогуллары, Тураханогуллары и Малкочогуллары. Первые два из этих родов были христианскими воинами в северо-западной Малой Азии, перебравшиеся во Фракию с расширением османских границ и принявшие ислам; в то время как династия Малкоч, изначально известная как Малкович, была из христиан сербского происхождения; происхождение Тураханогуллары до сих пор остается загадкой.

Из этих семей самыми известными стали Эвреносогуллары. Считается, что гази Эвренос был бывшим союзником дома Кареси и переправился через Дарданеллы с сыном Орхана Сулейманом. С 1361 года, когда он захватил город для османов, его ставка была в Комотини, затем на границе с Сербией. И что по его инициативе

* Суффикс «-огуллары» на турецком означает «сыновья», зачастую равнозначное «-оглу», то есть «сын».

были воздвигнуты некоторые из старейших османских построек в Румелии. По мере расширения границ гази Эвренос переносил свою ставку все дальше на запад, последней была Джаница, которую он основал и где умер и был похоронен в 1417 году.

Султан Мурад оставался в Румелии после смерти Орхана в 1362 году до 1373 года, когда он переправился через Дарданеллы, чтобы участвовать в походе в Малой Азии вместе с Иоанном V Палеологом, который недавно стал его вассалом. Сын Мурада Савджи и сын Иоанна Андроник, воспользовавшись ситуацией, подняли мятеж против своих отцов, которые спешно вернулись домой, Иоанн в Константинополь, а Мурад в Румелию. Мурад казнил Савджи и его сторонников; Андроник сдался и по настоянию Мурада был брошен в темницу и ослеплен. Мало что известно о Савджи кроме этого — османская летописная традиция не сочувствовала принцам, идущим против родительской власти, особенно тем, кто заключил союз с христианским принцем.

Настоящим неудачником, по крайней мере в тот период, был младший сын Иоанна Палеолога Мануил. Он был назван наследником своего отца вскоре после мятежа Андроника, но когда борьба между Иоанном и Андроником наконец завершилась, порядок наследования был изменен в пользу еще одного Иоанна, сына Андроника. Мануил бежал в Фессалоники, македонский город, много значивший в византийском мире как центр наук и искусства, и там основал независимый двор. Это серьезно противоречило османским интересам, и тревога по поводу военной активности Мануила против продвижения османов в этой части Македонии подтолкнула Мурада к действию. Его военачальник Кара («Черный») Халил Хайреддин Чандарли взял Серес и другие города в южной Македонии, а в 1387 году, после четырехлетней осады, Мануил покинул Фессалоники и город принял верховную власть османов. Османы сместили местных византийских чиновников и смогли занять город и его окрестности и назначить собственную администрацию. Вскоре после падения Фессалоник Мануил согласился стать османским вассалом. Он был наказан Иоанном V за то, что оставил город, и сослан на остров Лемнос на севере Эгейского моря, где, видимо, и провел три последующих года. В 1390 году отец призвал его в Константинополь в противовес сыну Андроника Иоанну, который претендовал на трон под именем Иоанна VII (Андроник умер в 1385 году), но Мануил убедил своего племянника отправиться в Геную просить помощи против османов. Вернувшись домой в 1390 году,

Иоанн VII был выслан из Константинополя и бежал к султану, когда в 1391 году умер Иоанн V, Мануил вступил на византийский трон под именем Мануила II Палеолога.

Кара Халил Хайреддин Чандарли был потомком малоазийской мусульманской династии, которая впоследствии подарила османам несколько выдающихся государственных мужей. Его мечеть, датированная 1385 годом, является старейшим зарегистрированным в источниках османским памятником в Сересе. Различные посты, занимаемые Кара Халилем Хайреддином, свидетельствуют о том, как Османская империя выросла из своего кочевого прошлого, чтобы стать государством, основанном на безопасной внутренней территории с изменяющимися границами: правление Мурада так же важно для административного развития, как и для расширения его завоеваний. Кара Халил Хайреддин занимал пост кади (судьи) в Изнике и Бурсе, а затем стал первым верховным судьей Мурада, а также его главным министром, в дополнение к должности командующего. Объединенный контроль над армией и чиновниками сделал его, по сути, первым верховным визирем Османского государства.

Готовясь к осаде Фессалоник, Мурад перебросил значительное число войск в Румелию, где те, кто был не задействован в блокаде крепости Мануила, осуществляли боевые действия против мелких второстепенных властителей этого политически раздробленного региона. Они вторглись в Эпир и Албанию и в 1386 году отбили город Ниш у сербского князя Лазаря, открыв османам путь в долину реки Моравы, которая вела на северо-запад к Белграду и в самое сердце центральной Европы, а также на запад в Боснию и Дубровник (Рагуза) на Адриатическом побережье. Вскоре после этого болгарские вассалы Мурада провозгласили свою независимость от османского владычества. Среди них был Иоанн III Шишман, правитель из Велико Тырново (Тырновского царства), большей части раздробленного средневекового Болгарского царства, и зять Мурада. В начале 1388 года армия под командованием Чандарли Али-паши, сына Кара Халила Хайреддина, прошла по снежным балканским перевалам и многие города во владениях Иоанна Шишмана в северной Болгарии склонились перед ней; они были возвращены Шишману, но не оставили никаких сомнений в том, что он — вассал Мурада. Тем не менее дальнейшее османское вторжение в Сербию в 1388 году потерпело поражение в битве при Билече, к северо-востоку от Дубровника, благодаря союзу боснийских князей.

Мурад, по-видимому, решил, что сербский князь Лазарь был причастен к поражению османов при Билече, и в 1389 году вторгся в Сербию, очевидно с намерением наказать его, прежде чем продолжать двигаться дальше в Боснию. 15-го июня армия Мурада встретила войско Лазаря на Косовом поле, «Поле черных дроздов», около города Приштины. Османские силы насчитывали около 25 000 воинов, объединенное сербско-косовско-боснийское войско — приблизительно 16 000. Когда по прошествии восьми часов битва закончилась, османы победили, но оба монарха были мертвы. В какой-то момент сражения Мурад оказался изолированным от основной части своей армии и один из военачальников Лазаря подъехал к нему, притворившись, что переходит на сторону османов. Вместо этого он насмерть заколол султана. Лазарь был вскоре схвачен и обезглавлен в шатре Мурада.

Когда новости о смерти Мурада достигли Европы, король Франции Карл VI возблагодарил Господа в соборе Нотр-Дам. Но сын Мурада Баязид принял командование после смерти отца и гарантировал свое право наследования, убив своего брата Якуба, первое зафиксированное источниками братоубийство в истории Османской династии; неясно, был ли Якуб убит, пока еще бушевала битва, или несколько месяцев спустя. Сербия стала османским вассалом, обязанным платить дань и предоставлять войско с сыном Лазаря Стефаном во главе. Босния оставалась независимой, как и Косово, под властью Вука Бранковича до 1392 года.

Хотя Косово поле стоило османам их султана, цена, заплаченная Сербией, была куда больше. Победа Баязида означала конец независимого Сербского княжества и укрепляла стабильность османского присутствия на Балканах. Сегодня, более 600 лет спустя, битва на Косовом поле все еще живет в сербском национальном сознании как определяющий исторический момент. Исполнявшиеся веками эпические поэмы драматизировали и обессмертили память о поражении христианского князя от мусульманского султана в самом сердце христианского мира. Эти эпические сказания питали чувства христианского сербского населения в ужасные войны конца XX века: они мечтали о возможности устранить из своей среды мусульманское население, даже спустя многие столетия воспринимаемое большинством как враждебное. А мусульманское население с такой же решимостью готово отстаивать свое право остаться.

Глава 2

РАСКОЛ ДИНАСТИИ

Султан Мурад I погиб на западной границе своего государства. Его сын и наследник султан Баязид I надеялся, что ослабленные позиции Сербии и его женитьба после битвы на Косовом поле на Оливере, сестре нового сербского деспота Стефана Лазаревича, предотвратят дальнейшие нападения на его балканские владения, поскольку он был занят на востоке, где отцовская экспансия османских территорий неизбежно привела к конфликту с другими многочисленными туркоманскими мусульманскими эмиратами Малой Азии. Колоссальная энергия, с которой он проводил походы, принесла ему прозвище «Йылдырым» («Молния»).

Восшествие на трон Баязида вынудило малоазийские эмираты вступить в анти-османский союз, возглавляемый его зятем Алаеддин-беем, эмиром Карамана, наиболее упорным из всех туркоманских мусульманских государств в попытках противостоять османской экспансии. Алаеддин-бей женился на сестре Баязида Нефизе Султан в 1378 году, когда соотношение сил между двумя государствами было еще неочевидно. Династические браки могли быть действенным дипломатическим инструментом, но не всегда гарантировали верность потенциальных союзников и лояльность потенциального врага. Поскольку более низкий статус семьи невесты считался безоговорочным, османы отдавали своих принцесс в жены только мусульманским принцам, а не христианским (хотя и христианские, и другие мусульманские правители отдавали своих дочерей в жены членам османского дома на заре его существования в надежде на союз). Не отдавали их и союзникам по завоеваниям, Эвреносуллары, Михалогуллары или Тураханогуллары, видимо

опасаясь, что это может побудить этих османских пограничных властителей оспаривать главенство Османского дома. Признание власти османов над одним из враждебных эмиратов символизировала женитьба Баязида на гермянской принцессе Султан Хатун в 1381 году, посредством которой он получил эмират Гермьян.

Османь стремились продвигаться на юг к Средиземному морю через Гермьян и эмират Хамид, предположительно проданный Мураду в 1380 году, в погоне за надежными источниками доходов, в которых нуждалось молодое, развивающееся государство. Один из важнейших торговых путей с востока проходил через Средиземное море в порт Анталья на юге Малой Азии, а затем на север через Хамид и Гермьян к черноморскому бассейну или на Балканы. Караман готов был бороться против попыток османов контролировать торговые пути, таможенные пошлины и прочие сборы от этих территорий, и первое столкновение произошло в 1386 году, еще при жизни султана Мурада. По правилам османской летописной традиции корректность требовала обвинить Алаеддина в том, что именно он начал военные действия, и поэтому говорится, что он напал на османскую территорию, по просьбе дочери Мурада, невесты Алаеддина, тогда как Мурад не искал конфликта.

Обезопасив свои западные границы, султан Баязид спешно двинулся на восток. Его армия вновь захватила Гермьян, очевидно утраченный со времени его женитьбы на Султан Хатун, и захватила Айдын, на принцессе которого он также женился. Он сократил земли эмиратов Сарухан и Ментеше таким образом, что османь контролировали всю западную Анатолию, а их владения граничили на юге и в центре Малой Азии с Караманом. В 1391 году Баязид призвал своих вассалов Стефана Лазаревича и Мануила II Палеолога, который в это время уже был императором Византии, и вместе они отправились в поход на восток, чтобы отбить территорию Кастамону на севере центральной Малой Азии у эмиров Исфандияра. Достигнув цели, армии вернулись домой к декабрю того же года. Мануил Палеолог не перечил Баязиду, но письма, которые он писал в походе, живо передают его отчаянье и глубокое возмущение своим унижительным положением.

Несомненно у римлян было название для маленькой долины, где мы сейчас находимся, когда они жили и правили здесь... Здесь много городов, но им недостает того, что составляет истинное величие города...а именно, людей. Большинство

лежит сейчас в руинах... не сохранились даже их названия... Я не могу сказать Вам, где точно мы находимся... Трудно все это вынести... Скучность провианта, суровость зимы и болезни, свалившиеся многих наших солдат... чрезвычайно опечалили меня... Невыносимо... видеть что-либо, слышать что-либо, делать что-либо все это время, что могло бы хоть как-то... поднять наш дух. Эти ужасающе тяжелые времена не дают никаких послаблений нам, кто считает наиважнейшей целью оставаться в стороне и ничего не предпринимать и не участвовать в том, во что мы сегодня вовлечены, и с чем-либо имеющим к тому отношение, поскольку нас не готовили к такому развитию событий, не можем мы принять нынешнее положение дел, это не в нашем характере, не говоря уже о личности [т. е. Баязиде], которая за них ответственна.

Зимой 1393—1394 года отношения между двумя правителями вошли в новую стадию, когда Баязид узнал, что Мануил предложил мир своему племяннику и сопернику Иоанну VII Палеологу, не долго правившему в 1390 году, в надежде, что объединившись они могли бы противостоять османам. Именно Иоанн, страстно желавший сохранить расположение Баязида, донес о предложении Мануила. Вскоре Баязид призвал своих христианских вассалов в Серес в Македонию: это были брат Мануила Феодор, деспот Морей (район Пелопоннеса), тесть Мануила Константин Драгош, правитель Сереса, Стефан Лазаревич Сербский и Иоанн VII. Их приезд в Серес был организован таким образом, что каждый прибыл по отдельности, не зная, что другие тоже будут присутствовать. Сообщение Мануила дает понять, что приглашение Баязида было не из тех, от которых можно отказываться, и что он боялся, что султан намеревается убить их всех.

Ибо Турок собрал тех, кто в той или иной степени считался лидерами христиан... крайне желая истребить их всех; а они предпочли приехать [в Серес] и посмотреть в лицо опасности, чем быть доставленными позже в результате неподчинения его приказам. Конечно, у них были веские основания полагать, что будет опасно предстать перед ним, особенно одновременно, всем вместе.

Страх Мануила в тот момент оказался беспочвенным. Баязид строго отчитал их за плохое управление владениями, возможно с тем, что-

бы оправдать будущий захват территорий, и отослал обратно. Однако весной 1394 года султан приступил к осаде Константинополя, сначала построив замок в самом узком месте Босфора, примерно в пяти километрах к северу от города, на азиатском побережье; он был назван Пюэльчехисар («Прекрасный замок»), ныне Анадолу-Хисары. Стены Константинополя веками выдерживали многочисленные осады и вновь противостояли всем попыткам проломить их.

Османы представляли собой угрозу не только для Византии. Баязид также стремился ослабить Венецию, которая представляла собой значительную морскую силу с многочисленными колониями и владениями на побережье Эгейского моря, в Далмации и на Пелопоннесе. Венеция полагалась на торговлю и на постоянное присутствие в регионе флорентийских, каталонских и неаполитанских поселений, каждое со своими собственными коммерческими и политическими интересами, чему содействовала сложная система союзов, которую, в свою очередь, затруднял рост османского могущества, по мере того как различные христианские властители искали османской помощи в борьбе против своих врагов. Султан Мурад I применял против Венеции глобальную стратегию; политика Баязида была ближе к политике его деда Орхана, заключившего союз с Генуей против Венеции. Угроза Баязида византийским крепостям на Пелопоннесе в начале 90-х годов XIV века, равно как и захват Фессалоник в 1394 году и осада Константинополя, отчасти были продиктованы стремлением предотвратить союз Византии и Венеции. Еще одной силой в регионе были рыцари-госпитальеры с острова Родос. Это был военно-религиозный орден, возникший в Иерусалиме во время крестовых походов XII столетия. После сдачи Иерусалима мусульманам в 1187 году они в течение ста лет базировались в Акре, пока падение этого города в 1291 году не вынудило их перебраться на Кипр, а в 1306 году они сделали своей штаб-квартирой Родос. В последние годы XIV века госпитальеры старались закрепить свое присутствие на Пелопоннесе и в 1397 году приняли Коринф у деспота Феодора в обмен на обещание сдерживать османские набеги с юга. В 1400 году они установили контроль над Мистрой, но латинская оккупация столицы деспота спровоцировала восстание, и к 1404 году госпитальеры согласились уйти.

Самым опасным врагом Баязида на Балканах стало Венгерское королевство, в то время одно из крупнейших государств Европы. Поскольку оно устояло перед монгольским нашествием середины XIII века и служило интересам папы, посылая миссионеров иско-

ренения ереси православия и богомилов, оно считалось западным бастионом католической Европы. Венгерская и османская сферы влияния столкнулись после битвы на Косовом поле, и теперь Баязид намеревался подорвать попытки Венгрии сплотить своих балканских союзников. В 1393 году он аннексировал владения непокорного Иоанна Шишмана в придунайской Болгарии, чтобы противостоять набегам на южный берег Дуная валашского воеводы Мирчи (Старого), вассала Венгрии. В 1395 году Баязид пошел войной на Мирчу, заключившего оборонительный договор с Венгрией, Мирча вынужден был бежать. В том же году было завершено завоевание османами Македонии. Такие успехи османов на Балканах придали характер безотлагательности венгерским призывам о помощи со стороны Запада, и на этот раз угроза совпала с редким периодом единения между потенциальными крестоносцами, в основном рыцарями Франции и Англии, и их правительствами. 25 сентября 1396 года армии крестоносцев встретились с османскими силами под командованием Баязида под Никополем на Дунае. Крестоносцев больше воодушевляли успехи их предшественников нежели религия. В своем нетерпении встретиться с врагом французские рыцари отказались признать, что валашские союзники короля Венгрии Сигизмунда обладают большим опытом сражений с мобильной османской кавалерией, чем громоздкие западные армии, и отстранили его от общего командования. Несмотря на это, собственные силы Сигизмунда были близки к тому, чтобы обратить Баязида в бегство (хотя сам Сигизмунд был спасен лишь усилиями своего вассала Стефана Лазаревича), но итогом стала победа османов.

Успех под Никополем принес Баязиду контроль над Балканами к югу от Дуная. После битвы он впервые переправился через реку на территорию Венгрии, и его армия вторглась глубоко в страну. Молодой баварский крестоносец по имени Иоганн Шильтбергер описывает, как он едва избежал казни: на следующий день после битвы многие христианские пленники были хладнокровно убиты, но его пощадили в силу его молодости и оставили в плену вместе с несколькими дворянами. В отличие от него, захваченные с ним дворяне были выкуплены в течение девяти месяцев после ходатайства их лордов и подношения Баязиду дорогих подарков и 300 000 флоринов деньгами*.

* Шильтбергер впоследствии поступил в услужение к Баязиду и шесть лет спустя был взят в плен «Тамерланом», монгольским завоевателем

Успехи Баязида не произвели впечатление на его зятя Алаеддина. Караманидский правитель отказывался признать себя подданным османов. По словам Шильтбергера, бывшего в свите Баязида, когда тот вел победоносную армию на караманидский город Конья после победы на Дунае, он заявил: «Я такой же великий правитель, как и вы». За высокомерие Алаеддин поплатился жизнью, а эмир Караманидов утратил свою независимость.

Присоединение Карамана освободило от давления со стороны одного враждебного государства, но на восточной границе османам все еще угрожали: на севере Кади Бурхан аль-Дин Ахмад, ускользнувший от Баязида во время предыдущего похода. Кади Бурхан аль-Дин, поэт и образованный человек, узурпировал трон династии Эретна, чьей ставкой был Сивас, в северной Малой Азии. Османы считали себя наследниками государства Сельджуков в Малой Азии, и сопротивление Карамана их претензиям на господство было сопротивлением враждебного эмирата туркоманского же происхождения, а Кади Бурхан аль-Дин представлял наследников монгольской империи Чингиз-хана Ильханидов. Как вскоре доказали армии Тамерлана, уже тогда легендарного монгольского правителя Трансоксианы в Центральной Азии, монгольский вызов был гораздо более опасным. Различие между подданными османов и подданными Кади Бурхан аль-Дина отметил император Мануил II, когда сопровождал Баязида в походе на восток в 1391 году; он считает турецкое население западной Малой Азии «персами», распространенная византийская формулировка того времени, но называет народ Кади Бурхан аль-Дина «скифами», так именовали монголов.

К 1397 году осада Баязидом Константинополя превратилась в непрерывную блокаду, и император Мануил вновь ищет помощи за границей, чтобы спасти столицу Византии. В июне 1399 года после многочисленных дипломатических переговоров между Парижем, Лондоном, Римом и Константинополем король Франции Карл VI отправил на помощь Мануилу небольшую армию. Во главе ее стоял французский маршал Жан Бусико, один из рыцарей, захваченных под Никополем, заключенный в тюрьму, а затем освобожденный османами за выкуп. Бусико смог добраться до Мануила, только про-

Тимуром, когда тот победил султана; долгое время он оставался рабом Тамерлана и его наследников, но в конечном итоге бежал из плена и вернулся домой после 32-летнего отсутствия.

ложив путь сквозь османскую блокаду. Он понимал, что его армии недостаточно для освобождения Константинополя, и убедил императора отправиться в Европу и лично представить свои аргументы. В декабре он двинулся в обратный путь в сопровождении Мануила, сначала морем в Венецию, а затем по суше в Париж, где император задержался на шесть месяцев. 21 декабря 1400 года он прибыл в Лондон, где король Генрих IV встречал его на въезде в город. Несомненное благочестие и искренность завоевали ему всеобщую симпатию, а появление его экзотической свиты из бородатых священников вызывало удивление, где бы они ни появлялись в течение своего двухмесячного визита. Как писал английский хроникер того времени Адам Уск:

Этот император всегда сопровождается людьми, одетыми одинаково и в один цвет, а именно в белый, в длинные мантии, скроенные словно плащи... Бритва никогда не касалась голов или бород этих священнослужителей. Греки сама набожность на своих богослужениях, в которых помимо священников принимают участие и солдаты, ибо они без исключения проводятся на родном языке.

Принятый и Карлом и Генри с пышностью и по всем правилам этикета, Мануил был убежден, что какая бы помощь ему ни понадобилась для противостояния Баязиду, он ее получит. Но деньги, которые собирали для Мануила по всей Англии, похоже, куда-то исчезли (и вопрос их исчезновения был еще предметом расследования в 1426 году).

Мануил вернулся домой в начале 1403 года, чтобы обнаружить, что его мир сильно изменился. Его город был спасен от неминуемого разрушения событием, которое, казалось, предвещало конец османского владычества: поражением армии Баязида от войска Тамерлана при Анкаре (Анкире). Поражение Баязида перевернуло с ног на голову всю Малую Азию и принесло жесткие репрессии на Балканы. В долгой перспективе оно также позволило Константинополю просуществовать в качестве столицы Византии еще полстолетия.

Тридцатью годами ранее Тамерлан начал серию походов, которые привели его из Китая в Иран и завершились, насколько это касалось османов, противостоянием при Анкаре. Тамерлан считал себя преемником Чингиз-хана и таким образом наследником террито-

рий сельджукидов-ильханидов в Малой Азии, что давало ему убедительные аргументы для использования разногласий среди пестрой смеси местных, все еще независимых династий. Баязид, правда, посягал на те же самые территории, и с захватом османами Сиваса после убийства его эмира Кади Бурхана аль-Дина Ахмада летом 1398 года сферы влияния Баязида и Тамерлана столкнулись в восточной Малой Азии. Баязид обратился с просьбой к калифу в Каире пожаловать ему титул «румского султана», наследовавшийся сельджукскими султанами Малой Азии. Тамерлан потребовал, чтобы Баязид признал его своим сюзереном, но Баязид недвусмысленно отказался. Убийца Кади Бурхана аль-Дина вождь туркоманского племенного союза Аккоюнлу («Белые овцы»), чья ставка была в Диярбакыре на юго-востоке Малой Азии, воззвал к Тамерлану, который ответил в 1399 году, начав самый длительный за все свое правление поход. Ему суждено было длиться семь лет.

Примерно в это же время союзники Баязида, султан Багдада Ахмад Джалайир и вождь туркоманского племенного союза Каракуюнлу («Черные овцы»), с центром на озере Ван в восточной Малой Азии, убедили его отправиться в поход, чтобы захватить несколько мамлюкских крепостей к западу от Ефрата. В какой-то степени им это удалось, но серьезно оскорбило Тамерлана. Летом 1400 года, пока Баязид был занят осадой Константинополя, Тамерлан взял Сивас, а затем наступал к югу вдоль Ефрата на территорию мамлюков до самого Дамаска, прежде чем повернуть на Азербайджан.

Армии Тамерлана и Баязида встретились под Анкарой 28 июля 1402 года. Тамерлан выставил около 140 000 воинов, в то время как в армии Баязида было 85 000. В свои ряды Тамерлан мог зачислить недовольных бывших правителей эмиратов западной Малой Азии, чьи земли перешли под контроль османов вскоре после того, как Баязид вззошел на трон. Эти правители, смещенные эмиры Айдына, Сарухана, Ментеше и Гермияна, нашли убежище при дворе Тамерлана, в то время как воины, которые некогда клялись им в верности, были теперь подданными Баязида и находились под его командованием. Собственные конница и пехота Баязида составляли ядро его армии — среди последних были янычары, на турецком «ени чери», что означает «новое войско», пехотный корпус, который изначально был сформирован при султানে Мураде I из военнопленных, захваченных в христианских землях на Балканах, и был закреплен с помощью взимания налога мальчишками среди балканских христианских вассалов для обеспечения надежного источника во-

енной силы*. Также в армии Баязида были его вассал Стефан Лазаревич Сербский и валахи из недавно завоеванной Фессалии. Дополнительная помощь пришла от «татар», которые, как отмечает Иоганн Шильтбергер в своем кратком свидетельстве очевидца о битве, в которой он стал пленником Тамерлана, насчитывали 30 000 воинов из «белых татар», предположительно они бежали на запад со своих земель к северу от Каспийского и Черного морей до наступления Тимура. Этот факт недавно был подвергнут сомнению, и похоже, что эти «татары», наоборот, принадлежали к туркоманским родам из восточной Малой Азии.

Битва продолжалась весь день. Противостоящие друг другу армии были выстроены в схожем порядке с правителями в центре в окружении пехоты — в случае Баязида янычарами — с кавалерией на флангах. Самое раннее описание сражения принадлежит Кретану, который сражался на стороне Баязида, но бежал с поля боя:

Армия Баязида состояла из 160 отрядов. Сначала армия Тимура [т. е. Тамерлана] разбила четыре из них, командирами [трех из] которых были Тами Джозафери Морчесбей [т. е. Фируз-бей], великий правитель мусульман, сын Баязида [т. е. принц Сулейман] и сын князя Лаззери [т. е. Стефан Лазаревич]... [четвертый отряд] был Баязида. Его воины сражались так храбро, что большая часть войск Тимура была рассеяна. Решили, что Тимур проиграл битву; но он был где-то в другом месте и немедленно послал 100 000 воинов, чтобы те окружили Баязида и его отряд. Они захватили Баязида и двух его сыновей. Лишь шесть из отрядов Баязида приняли участие в этом сражении, остальные бежали. Тимур праздновал победу.

Комментаторы отметили, что армия Тамерлана подошла к Анкаре первой и расположилась лагерем у реки, оставив воинов Бая-

* С этого времени вплоть до начала XVII века османские чиновники периодически (но с течением времени с возрастающей нерегулярностью) навещали христианские селения (поначалу больше на Балканы, чем в Малую Азию), чтобы выбрать мальчиков для интенсивной подготовки в качестве солдат, на административные должности и для услужения во дворцах султана и его высшим государственным чиновникам. Все выбранные мальчики были обязаны принять ислам, а тех, кого направляли в армию, в особенности учили быть верными только султану.

зида и их коней без воды. Шильтбергер пишет, что у Тамерлана было 32 обученных слона, со спин которых метали в османских солдат знаменитую зажигательную смесь, известную как «греческий огонь». Это хорошо объясняет то замешательство, которое заставило Баязида поверить, что он одержал верх, лишь для того чтобы оказаться окруженным и побежденным. Османские летописцы тем не менее сходятся во мнении, что Баязид проиграл битву из-за дезертирства многих его солдат: и многочисленных «татар» и войска из когда-то независимых эмиратов западной Малой Азии, которые не стали сражаться. Баязид и его сын Муса были пленены, а возможно, и его сербская жена и сын Мустафа. Его сыновья Иса, Сулейман и Мехмед бежали. Завоевания Баязида были уничтожены в один день. До нашествия Тамерлана его владения простирались от Дуная почти до самого Евфрата; теперь же османская территория была резко сокращена до той, что была завещана ему его отцом в 1389 году. Восьмилетняя блокада Константинополя закончилась. Тамерлан вернул земли эмирам Карамана, Гермияна, Айдына, Сарухана и Ментеше и подкрепил свои притязания на остаток владений Баязида в Малой Азии годичным набегом.

Приступив к написанию истории поражения Баязида под Анкарой, летописцы искали объяснение катастрофы, которая произошла с османами. Хронист XV в. Ашикпашазаде возлагает вину за поражение на Баязида, обвиняя его в распутстве — точка зрения, с которой соглашаются современники султана — и обвиняя его сербскую жену в поощрении к пьянству; он также порицает визиря Баязида Чандарли Али-пашу за общение со священниками, чьи религиозные убеждения были сомнительны. Победа Тамерлана была унижительной, но для последующих поколений гораздо большим основанием для сожаления стала последующая борьба между сыновьями Баязида за наследство. В то время как принц Муса и, возможно, принц Мустафа после битвы под Анкарой находились в руках Тамерлана, Сулейман, Мехмед и Иса бросились искать союзников для поддержания их личных претензий на трон. Еще один сын, Юсуф, нашел убежище в Константинополе, принял христианство и был крещен Димитрием. Следующие 20 лет несли с собой смуту и страдания для Османского государства в беспрецедентных масштабах.

В своем позорном поражении когда-то могущественный правитель Баязид стал трагической фигурой. И хотя османские летописцы, спустя столетие после битвы при Анкаре, будучи тронутыми его

судьбой, написали о Тамерлане, посадившем Баязида в железную клетку и возившем униженного султана с собой в победоносном шествии по Малой Азии, историки считают это нереальным. Более современные османские писатели утверждали, что он сам наложил на себя руки, не вынеся бесчестия поражения. Правда о судьбе султана Баязида оказалась более прозаичной: по сообщению Шильтбергера он умер естественной смертью в марте 1403 года в городе Акшехир в западно-центральной Малой Азии. Его тело было мумифицировано и хранилось сначала в гробнице сельджукского святого. Историки того времени говорят, что его сын Муса вскоре получил у Тамерлана разрешение перевезти тело в Бурсу. Судя по надписи на гробнице, возведенной для него сыном Сулейманом, он был похоронен в 1406 году. Несколько десятилетий спустя византийский историк Дука написал, что могила Баязида была осквернена, а останки эксгумированы караманским беом Алаеддином в отместку за то, что Баязид казнил его отца в Конье в 1397 году.

Поражение султана Баязида стало впоследствии популярной темой для поздних западных писателей, композиторов и художников. Им нравилась легенда о том, как Тамерлан увез султана в Самарканд, и они украшали ее набором персонажей для создания привлекательной восточной фантазии. Пьеса Кристофера Марло «Тамерлан Великий» впервые была поставлена в Лондоне в 1587 году, через три года после официального начала английско-османских торговых отношений, когда Уильям Харборн отплыл в Стамбул в качестве агента Левантской компании. В 1684 году появилась пьеса Жана Магнона «Великий Тамерлан и Баязет», а в 1725 году в Лондоне был впервые поставлен «Тамерлан» Генделя; версия Вивальди «Баязед» была написана в 1735 году. Магنون дал Баязиду пленительную жену и дочь, интерпретации Генделя и Вивальди помимо Тамерлана и Баязида с дочерью включали принца Византии и принцессу Трапезунда (Трабзон) в страстной и невероятной любовной истории. Цикл картин в замке Шлосс Эггенберг, около Граца в Австрии, передавал тему другими средствами, он был закончен в 1670 году незадолго до того, как могучая османская армия атаковала Габсбургов в центральной Европе.

Принц Сулейман и его сторонники, в число которых входил визирь Баязида Чандарли Али-паша, приняли стратегическое решение оставить Малую Азию Тамерлану и взять на себя управление западными землями его отца. Как и у османов, у Тамерлана были свои летописцы, и они тоже придерживались определенных правил: заботясь, чтобы его неспособность преследовать Сулеймана не

была воспринята как слабость, официальный историк Тамерлана Шараф аль-Дин Язди писал, что его господин обменивался послами с Сулейманом, который признал сюзеренитет, и в ответ ему была дарована свобода действий в Румелии. Сулейман начал переговоры с христианскими державами на Балканах, стремясь предотвратить осуществление их исторических претензий на румелийские территории его ослабленного государства, которое тем не менее все еще оставалось самым крупным в регионе. Его быстрые действия также не позволили его балканским вассалам, византийским, сербским и латинским, извлечь такую же большую выгоду, как удалось бывшим эмирам Малой Азии, из распада османского государства. Тем не менее по условиям соглашения, заключенного в Гелиболу в 1403 году, принц Сулейман согласился на территориальные уступки, немислимые всего несколько месяцев назад. Более того, Византия была освобождена от вассального статуса, равно как и некоторые латинские анклав; если бы не разногласия сербских правителей, Сербия тоже могла бы освободиться от вассальной зависимости. Юго-западное побережье Черного моря и город Фессалоники были среди выгод, полученных византийским императором Мануилом II, который добился дополнительных значительных уступок в соглашении с Сулейманом о взаимопомощи в случае нападения Тамерлана. Поскольку страх Византии перед османами таким образом уменьшился, Мануил осмелился изгнать османских купцов, разместившихся в Константинополе, и разрушить мечеть, недавно построенную в городе для нужд общины. И Венеция, и Генуя добились выгодных торговых договоров в землях, которые контролировал Сулейман. Согласно сообщению венецианского посредника, ведшего переговоры, Пьетро Зено, гази Эвренос-бей выступал против отказа членами Османского дома от земель, которые были завоеваны им и его приближенными пограничными властителями.

Наиболее известная версия последующих событий принадлежит перу анонимного панегириста принца Мехмеда, окончательного победителя в гражданской войне. После битвы при Анкаре Мехмед удалился в свою ставку в северо-центральной Малой Азии, чтобы снова появиться, когда сам Тамерлан отправился обратно на восток в 1403 году. Затем Мехмед разгромил принца Ису в сражении к югу от Мраморного моря и занял Бурсу, находившуюся в руках Исы; впоследствии его войско было вовлечено в стычки с различными местными властителями, защищавшими свою вновь обретенную независимость от османского владычества. Похоже, принц Иса дал

бой армии Тамерлана в Кайсери, после чего укрылся в северо-западной Малой Азии, где и был убит Сулейманом в 1403 году. Соглашение, заключенное принцем Сулейманом в Гелиболу, обеспечило ему период стабильности на Балканах. В 1404 году он переправился в Малую Азию и отбил Бурсу и Анкару у принца Мехмеда, который отступил в Токат на севере центральной Малой Азии. Сулейман правил в Румелии и Малой Азии вплоть до Анкары, и казалось, что его будущее в качестве преемника своего отца было обеспечено, и в самом деле некоторые историки считают, что он уже стал султаном, упоминая его как Сулеймана I.

Тем не менее в 1409 году на сцене появился новый персонаж и стал угрожать владениям Сулеймана. Его младший брат принц Муса был отпущен Тамерланом в 1403 году под опеку эмира Гөрмияна, который в свою очередь перепоручил его Мехмеду. Нападение на Сулеймана произошло с абсолютно неожиданной стороны: Муса приплыл в Валахию из порта Синоп на севере Малой Азии, где обрел плацдарм, женившись на дочери валашского воеводы Мирчи. Мирча перенес на Сулеймана свою ненависть к Баязиду и полагал, что встать на сторону Мусы послужит его выгоде. Военная кампания Мусы в Румелии не обошлась без неудач, но к маю 1410 года он занял столицу Сулеймана в Эдирне и достиг Гелиболу, вынудив Сулеймана с некоторой поспешностью уйти из Малой Азии. Император Мануил видел в борьбе за наследство свое спасение и старался продлить ее: он вернул себе контроль над путями между Малой Азией и Румелией в результате соглашения 1403 года и помогал Сулейману переправляться через Босфор. Но вскоре Сулейман был казнен по приказу Мусы близ Эдирне, будучи пьяным, если верить анонимному летописцу, и поле битвы осталось за Мехмедом и Мусой.

Таким образом принц Муса унаследовал владения своего брата Сулеймана и в Румелии, и в Малой Азии и с трудом управлял ими последующие два года. Сын Сулеймана Орхан нашел убежище в Константинополе и, опасаясь, что тот может стать центром заговора против него, Муса осадил Константинополь осенью 1411 года, но безрезультатно. Постепенно советники и командиры покидали его, а брат, принц Мехмед, с помощью Мануила переправился через Босфор и встретился с Мусой в битве около Чаталджи во Фракии, затем Мехмед вернулся в Малую Азию. Хотя Муса победил, его земли в Румелии были захвачены войсками его бывшего союзника Стефана Лазаревича, который заплатил за это на следующий год, когда Муса отомстил, напав на несколько сербских крепостей.

В 1413 году Орхан высадился в Фессалониках, возможно при содействии императора Мануила, который надеялся отвлечь Мусу от Сербии. Муса сумел пленить Орхана, но по каким-то причинам отпустил его и не смог снова захватить Фессалоники.

Соседние государства считали принца Мусу, не без помощи Валахии, большей угрозой, чем принц Мехмед. Стефан Лазаревич предложил Мехмеду присоединиться к нему в совместном походе против Мусы; Мануил также принял сторону Мехмеда, предоставив суда для перевозки его людей в Румелию еще раз и снабдив его войска продовольствием. К тому времени, когда две армии встретились к югу от Софии, армия Мехмеда включала воинов из эмирата Дулкадир в юго-восточной Малой Азии, благодаря женитьбе Мехмеда на дочери эмира, византийские войска, предоставленные императором, сербские, боснийские и венгерские войска под командованием Стефана Лазаревича, войска из Айдына, чья приверженность Мусе была тверда еще накануне битвы, и войска Румелии под командованием пограничного властелина гази Эвренос-бея. Армия Мусы атаковала решительно, но в конечном итоге была обращена в бегство. Он упал при столкновении лошадей и был убит одним из командиров Мехмеда.

Со смертью принца Мусы в 1413 году гражданская война, похоже, закончилась, спор решился в пользу принца Мехмеда, с этого времени известного как султан Мехмед I. Первой заботой султана Мехмеда стало завоевание лояльности различных малоазийских эмиратов, которые поддерживали его в военном отношении, но не хотели отказываться от независимости, которую они вновь обрели после победы Тамерлана при Анкаре в 1402 году. Особенно решительное сопротивление Мехмед встретил со стороны Карамана, а также Джунейда, эмира Айдына; крепость Джунейда в конечном итоге была взята с помощью союзников, включавших генуэзцев Хиоса, Лесбоса, Фочи (Фокайи) и рыцарей-госпитальеров с острова Родос. Джунейд был назначен правителем Никополя на Дунае, место победы султана Баязида над крестоносцами в 1396 году. Назначение бывших мятежников на государственные посты было лейтмотивом административной практики османов уже в те далекие времена. Османы полагали более благоразумным располагать к себе побежденных местных властителей, а позднее и слишком независимых государственных подданных, с помощью доли в правительственном вознаграждении, чем убивать их, рискуя спровоцировать дальнейшие волнения среди их сторонников.

В течение пары лет султан Мехмед в значительной степени вернул бывшие османские владения в Малой Азии, и император Мануил обнаружил, что его позиции настолько же ослабели. Он не мог позволить себе потерять инициативу, захваченную в период османского междуцарствия, помогая тому или иному претенденту на престол. Единственным инструментом, оставшимся в его руках, был сын Сулеймана Орхан. В последней отчаянной попытке поддержать разногласия внутри османского дома он отправил Орхана в Валахию, чей воевода Мирча оставался непримиримым врагом османской державы. Тем не менее это означало конец полезности Орхана в качестве альтернативного фокуса османской лояльности, поскольку Мехмед поспешил встретиться с ним, пока он не зашел слишком далеко, и ослепил его. Затем, внезапно и достаточно неожиданно в 1415 году пропавший брат Мехмеда принц Мустафа, или очень правдоподобный подражатель — он был известен как «Лже»-Мустафа — объявился в Валахии в качестве византийского посла в Трабзоне на северо-восточном побережье Малой Азии. По сообщениям, Мустафа был захвачен в плен вместе со своими отцом и братом Мусой в 1402 году, но его местонахождение в течение всех этих лет оставалось неясным. Надо полагать, что он был пленником при дворе Тимуридов, а его освобождение Шахрухом, сыном и наследником Тамерлана, умершего в 1405 году, было рассчитано на то, чтобы вновь развязать борьбу за османский трон. В 1416 году Шахрух написал Мехмеду, протестуя против убийства его братьев. Мехмед демонстративно предложил оправдание: «В одном государстве не может быть двух падишахов... враги, которые окружают нас, постоянно ищут удобный случай». Шахрух сам пришел к власти только после более чем десятилетней борьбы против других претендентов и, как и его отец, хотел, чтобы государства на его внешних границах были слабыми.

Казалось, что недавно восстановленная власть Мехмеда в Румелии будет вынуждена столкнуться с вызовом, брошенным его братом Мустафой, чьи послы начали переговоры с императором Мануилом и Венецией. Решение Мехмеда назначить айдынского Джунейда для защиты дунайской границы от Валахии оказалось неблагоприятным, поскольку его бывший противник вскоре переметнулся к Мустафе. Тем не менее оба были побеждены, и, когда они искали убежища в византийском городе Фессалоники, император Мануил обязался держать их в заключении в течение всей жизни Мехмеда.

Появление харизматических личностей и их способность привлекать сторонников во времена острых экономических и социальных кризисов было такой же действенной силой в османской истории, как и в европейской. В 1416 году, в том же году, в котором он одержал победу над братом Мустафой, султан Мехмед столкнулся с новым сопротивлением его попыткам управлять балканскими провинциями. Этим восстанием руководил шейх Бедреддин, высокопоставленный представитель исламской религиозной иерархии, родившейся в смешанной мусульманско-христианской семье в городе Симавне (Кипринос), к юго-востоку от Эдирне. Шейх Бедреддин был мистиком. Получив богословское образование в Конье и Каире, он отправился в Арбадил в Азербайджане, который находился под властью Тимуридов и служил местопребыванием мистического ордена Сафавидов. Там он нашел благоприятную обстановку для развития своих пантеистических идей, и в особенности доктрины «единства бытия».

Учение о единстве бытия было направлено на уничтожение противоречий, составляющих основу жизни на земле, таких как противоречия между религиями, а также между привилегированными и неимущими слоями — которые, как считалось, препятствуют единству человека и Бога. Борьба за «единство» поручила мистика важную роль, поскольку именно он, а не ортодоксальное духовное лицо, обладал мудростью, следовательно, миссией вести человека к единению с Богом. Это учение было потенциально губительно для нараставших османских усилий основать путем завоеваний государство с суннитским исламом в качестве религии и своей династией во главе.

В атмосфере противостояния султану Мехмеду шейх Бедреддин, видимо, увидел возможность проповедовать свои убеждения. В 1415 году он внезапно покинул место своей ссылки в Изнике, куда он был сослан после смерти принца Мусы, при котором он занимал пост верховного судьи в Эдирне, и направился в Валахию через Синоп, расположенный на побережье Черного моря. Шейх Бедреддин стал знаменем для тех, кто, как сторонники Мустафы и Джунейда, разочаровались в Мехмеде; основным районом, на который он опирался, был регион «Дели Орман» («Дикий лес»), лежащий к югу от дельты Дуная. Здесь, где междоусобная борьба прошлых лет еще более усилила противоречия, воспринимаемые как результат османского завоевания, он нашел сторонников среди недовольных пограничных властителей и их подданных, чья власть на местах была подорвана введением османского сюзеренитета, равно как и среди дру-

гих мистиков и крестьян. Материальные интересы пограничных властителей и их воинов были ущемлены, когда Мехмед отменил дарственные на земли, которые шейх Бедреддин пожаловал от имени Мусы во время пребывания в должности верховного судьи.

Шейх Бедреддин писал синкретические послания, а его ученики Бёрклюдже Мустафа и Торлак Кемаль распространяли учение в западной Малой Азии к ужасу османских чиновников. Будучи когда-то терпимым к практике христианства в собственных рядах, на этот раз правительство приняло жесткую позицию, пытаясь опорочить в своих указах тех, кто выражал недовольство языком религии. Понося их как «деревенщин», «невеж» и «негодяев», и государство и его летописцы объявляли вспышки народного недовольства противозаконными и недопустимыми. Эти проявления народного недовольства вынудили Мехмеда направить на их подавление ресурсы и энергию, которые он надеялся использовать более продуктивно для других целей.

Восстание шейха Бедреддина в Румелии было скоротечным: воины султана Мехмеда вскоре задержали его и привезли в Серес, где судили и казнили на базарной площади, обвинив в нарушении общественного порядка проповедями о том, что все имущество должно быть общим и что нет различий между религиями и их пророками. Несмотря на это, учение шейха Бедреддина продолжало оставаться влиятельным. До конца XVI века, да и впоследствии к сектантам относились как к врагам государства, а принципы, которые он проповедовал, стали разменной монетой среди анархических мистических сект в течение всей истории империи. Более всего их придерживался Бекташи, дервишский орден, с которым были связаны янычары.

Имя шейха Бедреддина живо и в современной Турции. Особенно оно близко тем, кто находится на левом крыле политического спектра благодаря эпической поэме о шейхе Бедреддине («Дестане о шейхе Бедреддине, сыне кадия Симавне»), длинной повествовательной поэме, написанной турецким коммунистом Назымом Хикметом, приписывавшем шейху Бедреддину собственное вдохновение и мотивацию в антифашистской борьбе в 30-е годы XX века. Кульминации поэма достигает, когда провозглашающие единство последователи шейха Бедреддина встречаются с армией султана:

За то, чтоб вместе всем одним дыханьем петь,
чтоб вместе всем тянуть с уловом сеть,

за то, чтоб сообща поля пахать,
чтоб из железа кружева ковать,
чтоб вместе всем срывать плоды с ветвей и
есть инжир медовый в общем доме,
чтоб вместе быть везде и всюду —
кроме,
как у щеки возлюбленной своей, —
из десяти их восемь тысяч пало*.

Современные последователи шейха Бедреддина настолько опасались враждебной реакции со стороны турецких властей, что хотя его останки были эксгумированы и привезены из Греции во время обмена греко-турецкого населения в 1924 году, они не находили своей окончательной могилы до 1961 года, когда были похоронены на кладбище, расположенном вокруг мавзолея султана Махмуда II, около Крытого базара в Стамбуле.

Когда принц Муса и его союзник Джунейд были надежно заперты в византийской тюрьме, а шейх Бедреддин мертв, султан Мехмед вернулся в Малую Азию, чтобы вновь попытаться завладеть государством Караманидов. Но Караман признал вассальную зависимость от могущественных Мамлюков, и у Мехмеда не было иного выбора, как отступить. Тем не менее он сумел присоединить владения Исфендиярогуллары на севере центральной Малой Азии, через которые шейх Бедреддин проходил по пути в Валахию, и заставить Мирчу Валашского платить ему дань. Как это было в обычае у вассалов, Мирча отправил трех своих сыновей ко двору Мехмеда в качестве заложников его надлежащего поведения. Одним из этих мальчиков был Влад Дракула, впоследствии получивший прозвище «Колосажатель», который стал печально известен в народных легендах о Трансильвании как вампир.

Ко времени своей смерти в 1421 году султан Мехмед все еще не добился успеха в восстановлении османского контроля над всеми территориями, которыми владел его отец Баязид в Малой Азии и Румелии. В последние годы жизни его преследовали болезни, и у него было достаточно возможностей обдумать проблемы преемственности, главной его целью было избежать той борьбы, которая сопутствовала его собственным претензиям на власть. Его визири

* Перевод П. Железнова и Р. Фиша.

скрывали его смерть, пока его сын Мурад, которому не исполнилось еще двадцати лет, не был провозглашен султаном в Бурсе.

Историк Дука сообщал, что Мехмед решил отправить двух своих младших сыновей, Юсуфа и Махмуда, в Константинополь в качестве заложников императора Мануила II. Таким образом он надеялся гарантировать продолжавшееся тюремное заключение своего брата, «Лже»-Мустафы, и устранить опасность того, что кто-то из них троих вступит в борьбу за его престол. Так или иначе, Юсуф и Махмуд не были переданы Мануилу, а смерть Мехмеда ускорила освобождение «Лже»-Мустафы и Джунейда. Дука полагал, что визирь Мехмеда Баязид-паша был виноват в том, что мальчики не были переданы Мануилу, настаивая: «Недостойно и несовместимо с волей Пророка, что дети мусульман будут воспитываться неверными». При содействии Мануила Мустафа и Джунейд высадились в Гелиболу в Румелии, где их поддерживали наиболее видные пограничные вожди региона, среди которых были Эвреносогуллары и Тураханогуллары. Но прежде чем они смогли добраться до Эдирне, их встретила армия под командованием Баязид-паши. «Лже»-Мустафа убедил воинов Баязид-паши дезертировать, показав шрамы, которые, по его утверждению, он получил в битве при Анкаре 20 лет назад. Баязид-паша был казнен, и Мустафа занял Эдирне и сделал город своей столицей и чеканил там монету в качестве объявления своего султаната, как это делали до него его братья Сулейман, Муса и Мехмед. Готовность жителей Румелии перейти на сторону принца Мустафы, а не признавать вассальную зависимость сыну султана Мехмеда и законному наследнику Мураду II была знаком постоянной тревоги, с которой воины пограничных земель относились к усилиям османов установить единое и централизованное управление на территориях, которые они завоевали, будучи союзниками османов. Мустафа проявил себя как их соратник, выступив против своего брата султана Мехмеда шестью годами ранее, многие также симпатизировали восстанию шейха Бедреддина.

Следующей целью Мустафы была Бурса. Султан Мурад намеревался встретить его к северо-западу от города, где через реку Нилюфер был переброшен мост, который он приказал разрушить. Две армии стояли друг напротив друга по обеим сторонам реки. Мурад заставил Мустафу поверить, что он собирается обойти озеро, из которого вытекала река, но вместо этого быстро восстановил мост и застал своего дядю врасплох. Пограничные властители покинули Мустафу, и он бежал. Большинство описаний его кончины утверж-

дают, что Мустафа был схвачен людьми султана Мурада к северу от Эдирне, когда пытался добраться до Валахии в 1422 году, и, как и шейх Бедреддин до него, был повешен как обыкновенный преступник, что означало, что Мурад считает его самозванцем. Другая традиция повествует, что он добрался до Валахии и оттуда отправился в Кафу в Крыму и позднее укрылся в византийских Фессалониках. Правда, он не мог быть уверен в радушном приеме даже в Валахии, не говоря уже о том уровне поддержки, которую получил в своем прошлом походе на своего брата Мехмеда, так как Валахия в этот момент была вассалом османов.

Другой Мустафа, брат Мурада, «Младший» Мустафа, также оказался в центре междоусобных претензий на султанат. Со времени смерти его отца «Младший» Мустафа пребывал в одном из малоазийских государств, враждующих с османами; в 1422 году, в тринадцатилетнем возрасте, мальчик был поставлен во главе армии и Бурса была осаждена. Когда Мурад послал армию на помощь городу, «Младший» Мустафа и его сторонники бежали в Константинополь. Претензии «Младшего» Мустафы на османский престол вскоре были признаны почти во всей османской Малой Азии, но благодаря измене визиря Мустафы Ильяс-паши Мурад выдвинулся против него в Изник и после ожесточенной битвы приказал удавить мальчика. Почти столетие спустя летописец Мехмед Нешри оправдывал измену Ильяс-паши на том основании, что его основной заботой было поддержание общественного порядка и что никакая жертва не могла быть слишком большой для достижения этой цели.

Как и прежде его отец, султан Мурад II начал восстанавливать свое государство и занимался этим долго, прежде чем ему удалось стабилизировать османские владения. После поражения «Лже»-Мустафы его союзник по мятежу Джунейд Айдынский вернулся домой, чтобы обнаружить, что его власть узурпирована. Мурад пообещал Джунейду и его семье охранную грамоту, но затем убил их, и Айдын еще раз стал османским. Ментеше был снова аннексирован, а где-то после 1425 года — Гермиян, что еще раз дало османам полный контроль над западной Малой Азией. Караман оставался независимым: у Мурада не было намерений атаковать его немедленно, и никто его к этому не подталкивал.

Годы, последовавшие за поражением Баязида I при Анкаре, стали свидетелями самой шумной из всех османских периодов борьбы за престолонаследие. Позднее неизгладимая память о тех событиях

вдохновила сына Мурада Мехмеда II, в надежде на то, что такое ужасное кровопролитие никогда не повторится, официально санкционировать братоубийство в качестве средства для облегчения порядка престолонаследия — практику, которая впоследствии навлекла позор на османскую династию. При отсутствии летописных сообщений тех лет мало известно о пути, которым Осман и его непосредственные наследники пришли к трону. Возможно, он был таким же кровавым: некоторые летописцы намекают, что претензия Османа возглавить клан после смерти его отца Эртогрула была оспорена его дядей Дюндаром и что Осман убил его. У сына и наследника Османа Орхана было несколько братьев, но летописи упоминают только одного, Алаеддина, о чьем существовании свидетельствуют мечети, бани и обители дервишей, построенные им в Бурсе. Считается, что Орхан предложил Алаеддину руководство Османским эмиратом, а Алаеддин отказался, освобождая Орхану путь к трону. Судьба остальных сыновей Османа неизвестна. Орхан оставил после себя Мурада, Халиля и, возможно, еще одного сына, Ибрахима; если между ними была борьба за престолонаследие, ее также замолчали. Когда Баязид унаследовал султану Мураду после смерти последнего на Косовом поле, есть сведения, как уже было сказано выше, что он убил своего брата Якуба.

Хотя византийский историк того времени Лаоник (Николай) Халкокондил сообщает, что султан Мехмед собирался разделить османские владения и отдать Румелию Мураду, а Малую Азию «Младшему» Мустафе, со времени основания своего государства османы придерживались принципа, что их владения должны передаваться целиком одному из членов следующего поколения. Они следовали обычаю монголов, наследование не было привязано к одному члену правящей династии: вопрос, кто станет наследником, был в руках Божьих. Право в первую очередь основывалось на обладании тронном. Султан Баязид произвел на свет множество сыновей, оказавшихся в свою очередь плодовитыми, а его внуки также претендовали на престолонаследие; их периодическое появление в качестве претендентов, часто при поддержке византийского императора Мануила II, подогревало борьбу за трон. В течение большей части османской истории ни братоубийство в качестве политического средства, ни старания летописцев представить преемственность первых османских султанов как легитимную, не были эффективны, чтобы не допустить изнурительные периоды борьбы за власть, которые как правило начинались после смерти султана. Кроме того,

было недостаточно просто сесть на трон: доказав, что именно он богоизбранный правитель, каждый новый султан должен был обрести и сохранить поддержку тех, кто предоставил ему эту возможность — государственных деятелей, что важнее всего, солдат государства — и завладеть казной, которая давала ему средства для управления и защиты османской территории.

Способность османского дома завоевывать и удерживать верность пограничных вождей, которые иногда были соперниками, а иногда добровольными союзниками, и поощрять другие государства к солидаризации с его деяниями, зависела от его собственных успехов — величины непостоянной. Малая Азия XIII—XIV веков описывалась выше как место, где за власть боролись «господствующая, централизующая семейная военная власть... непокорные и объединившиеся в группы пограничные вожди и... напуганные и обреченные, но гордые княжества», которые можно сравнить с другими средневековыми государствами, например с англо-норманнским, включившим в свой состав Уэльс и Ирландию в XII и XIII веках, а преданность династии или отдельному ее члену определяла курс политической истории. Политика великих держав была еще одним фактором, влияющим на османов, и, когда того требовали обстоятельства, даже крайне анти-османски настроенные Караманиды полагали разумным договориться о перемирии, когда почувствовали угрозу со стороны более сильных мамлюков.

Месторасположение региона, в котором османы основали свое государство, граничившего с последней из старых империй, Византией, давало реальные преимущества. Обширные территории Византийской империи — Константинополь, Фессалоники, Морея, Трапезунд — делали ее стратегически слабой. Междоусобные распри внутри и между византийскими династиями Палеологов и Кантакузинов, неспособность Византии привлечь помощь из Европы, поддерживавшей совершенно иную христианскую традицию, сделали эту империю уязвимой для активной нации, которая непреклонно оспаривала право на ее существование. Османы умели извлекать выгоду из слабости окружающих государств, а после падения независимого Сербского княжества в 1389 году немногие из них оспаривали господство османов над регионом. Более того, османские вторжения на Балканы не были нежелательны для местного населения, которое новый режим освободил от тяжелых повинностей, наложенных феодальными властителями. В Малой Азии тем не менее была реальная альтернатива османскому сюзеренитету, и

там, в годы после победы при Анкаре, покровительство Тамерлана позволило малоазийским эмиратам отстоять самостоятельность. Некоторое время османы едва ли были даже первыми среди равных, но географическая разобщенность эмиратов и отсутствие общих интересов, помимо неприязни к османам, помешали появлению устойчивого сопротивления османской экспансии.

Передышка, которую османская гражданская война дала венецианцам, византийцам и другим заинтересованным сторонам в регионе, закончилась, когда султан Мурад II консолидировал свое государство. У Венеции были серьезные основания опасаться нападений на приморские территории со стороны возрожденного Османского государства, и она боролась за выживание своих колоний. Византийскому деспотату в Море угрожал латинский барон Карло Токко, османский вассал, чьи земли лежали на северо-западе Пелопоннеса. Фессалоники, находившиеся в османской осаде с 1422 года, были переданы Венеции деспотом Андроником в следующем году на том условии, что будут уважаться православные обычаи города. Фессалоники были важным центром торговли и сообщения, но какие бы надежды ни питала Венеция по поводу обладания ими, османская блокада мешала их осуществлению. Город было трудно снабжать продовольствием, а захват лег бы тяжким бременем на финансы Венеции. Несколько раз Венеция угрожала предъявить претендента на османский трон, но доказательства о происхождении такого претендента от султана Баязида были во всех отношениях слабее, чем у обладателей имени Мустафа — «Лже» и «Младшего». Один претендент, «турок по имени Измаил», которого венецианцы держали на острове Эвбея (Негропонт), предназначался в качестве вождя восстания против Мурада в 1424 году, чтобы отвлечь его от блокады их новой территории. Византийцы также не могли повлиять на ситуацию: в 1423 году Иоанн VIII Палеолог, назначенный соправителем, дабы разделить государственное бремя со своим больным отцом Мануилом II, отправился из Константинополя искать помощи на Западе, но в очередной раз безрезультатно. Тем не менее в 1424 году Мануил выиграл некоторую передышку, заключив с Мурадом соглашение, по которому Византия была вынуждена платить дань, а также отдать некоторые территории на Черном море.

Будучи не в состоянии договориться с османами, империя предпринимала попытки установить отношения с Венгрией, предлагая поддержку, если Венгрия вторгнется в османские земли. Предвидя

возможность нового антиосманского союза, в 1425 и 1426 годах соответственно, Мурад атаковал вассальные государства Сербию и Валахию, поставив крест на любых надеждах Венеции на помощь от этих государств. На следующий год после смерти Стефана Лазаревича король Венгрии Сигизмунд расстроил планы османов, захватив стратегически важную крепость Белград, расположенную при слиянии рек Дуная и Савы. Мурад захватил мощную крепость Голубеч, также на Дунае, но на некотором расстоянии к востоку. Владение этими новыми приобретениями было закреплено в венгерско-османском соглашении 1428 года. Стефан Лазаревич был надежным османским вассалом в течение 25 лет, его смерть как никогда ранее приблизила друг к другу заставы на венгерских и османских границах.

Хотя война между Венецией и османами не была официально объявлена до 1429 года, отношения между ними ухудшались с тех самых пор, как венецианцы приняли от византийцев Фессалоники. Только когда город сдался в 1430 году, Мурад согласился заключить с Венецией соглашение. Захватив Фессалоники, Мурад удержал свои войска от массовых грабежей и быстро вывел их из города. Бывшие его жители были переселены, включая тех, кто бежал еще на ранней стадии осады. Было приказано восстановить разрушенное, а церковное имущество было возвращено его владельцам; только две церкви были превращены в мечети — знак того, что мусульманское население в то время было немногочисленным и, видимо, состояло только из солдат гарнизона. Через два года Мурад вернулся, на этот раз забрав некоторые христианские религиозные строения и казну города, с намерением содействовать его превращению в исламский центр.

Борьба за власть на Балканах между османами, Венецией и Венгрией была основной заботой султана после падения Фессалоник. Еще до истечения срока венгерско-османского договора 1428 года, в 1431 году, Мурад выдвинулся, чтобы противостоять претензиям Венеции в Албании. Османские войска были приглашены в Албанию в 80-е годы XIV века во время правления его тезки Мурада I, с тем чтобы помочь одному из местных властителей против сербского соседа; их успехи в противодействии замыслам последнего привели к установлению османского влияния, которое возрастало, как во время правления Баязида, так и впоследствии при Мехмеде I. Албанией управляло множество правителей с противоречащими друг другу интересами, и ее включение в состав Османского госу-

дарства было поэтому процессом постепенным. Кадастровый осмотр, проведенный там в 1432 году, еще более усилил контроль османов, сопротивление которому вскоре было подавлено. Неудачная верность Сербии после смерти Стефана Лазаревича в 1427 году спровоцировала османские нападения в середине 30-х годов XV века, и вассальная зависимость Сербии от османов, а не от Венгрии, была закреплена посредством выплаты дани сербским деспотом Георгием Бранковичем и выдачи его дочери Мары замуж за Мурада.

Увидев в том, что османы так глубоко увязли на Балканах, благоприятное стечение обстоятельств, эмир Карамана Ибрагим-бей напал на их территории в Малой Азии. Несколько лет борьбы принесли Мураду некоторые завоевания на западе государства Караманидов, но в этот момент сил у империи на контроль над новыми землями не хватало. У Карамана было два существенных преимущества: его географическое положение в качестве буфера между османами и мамлюками означало, что он мог использовать одних против других, в то время как его, в основном, кочевое население умело отражало нападения османов в гористой местности. Этот регион, как и Балканы, оказался местом продолжительной борьбы за власть.

В 1435 году наследник Тамерлана Шахрух послал церемониальные халаты правителям различных малоазийских государств, включая османского султана, имея в виду, что они будут носить их как знак вассальной преданности. Мурад не мог отказаться, но несомненно не надевал подарок по официальным поводам. Он ответил своей собственной пропагандистской кампанией, чеканя монету с печатью племени из центральноазиатских тюрков-огузов, от которых османский дом вел свое происхождение, что было признано туркоманским эмиратом Дулкадир на востоке центральной Малой Азии и среди Каракоюнлу, которые в отличие от Караманидов и Аккоюнлу были сторонниками османов. Тем не менее как и другие анти-османские династии со стратегическими интересами в Малой Азии, Шахрух не придавал значения этим предполагаемым связям с племенем огузов, относясь к османам как к выскочкам.

Баланс сил на Балканах занимал Мурада до конца его правления. Османская политика стала более жесткой, направленной на охрану пограничной линии Дунай—Сава к западу от Белграда, от Венгрии с помощью включения давнего вассала Сербии в состав Османского государства. Сербский деспот Георгий Бранкович был тестем Мурада, с которым считались мало по сравнению с политической необходимостью. За карательным нашествием через вассаль-

ное государство османов, Валахию, в венгерскую провинцию Трансильвания последовали в 1438 и 1439 годах кампании против Сербии, в ходе которых недавно построенная на Дунае крепость Смедерево покорилась Мураду. Его следующая цель, ключевая твердыня Белград, не сдалась после шестимесячной осады в 1440 году.

Иоанн VIII Палеолог правил в Константинополе со времени смерти Мануила II в 1425 году. В 1437 году он добился нового рассмотрения сложного вопроса унии церквей на Ферраро-Флорентийском соборе, который был собран для этой цели. Зачастую веками длящийся раскол между католиками и православными служил оправданием проволочек со стороны христианских государств Европы, когда Византия умоляла о помощи. Поскольку восстановление османского государства после повторного захвата Фессалоник не только подвергло опасности его владения, но представляло непосредственную угрозу для Венеции и Венгрии, Иоанн надеялся, что католики благосклонно отнесутся к его предложению о союзе. Среди наиболее острых теологических разногласий, разделявших две церкви, было применение опресноков или квасного хлеба при причащении, латинское учение о чистилище, неприемлемое для православных, и вопрос верховной власти папы. В июле 1439 года, спустя полтора года периодических дебатов и перемещения собора во Флоренцию, после того как Феррару поразила эпидемия чумы, 375-летнему расколу был положен конец подписанием документа об унии.

На первых порах оказалось, что Иоанн просчитался. Союз с Римом обрушил на его голову гнев православной церкви и большинства населения Византии. И даже спровоцировал совместное нападение на Константинополь брата Димитрия, деспота Месембрии (Несебр), расположенной на западном побережье Черного моря, и турецких сил. Вдали от дома киевский митрополит Исидор, которого папа сделал кардиналом, по прибытии в Москву был низложен и арестован и был вынужден бежать в Италию. Патриархи Александрии, Иерусалима и Антиохии (Антакья) не признали унию. Православный мир раскололся, но как и задумал Иоанн, его смелые действия приносили свои плоды, поскольку папа собирал силы для обещанного крестового похода против османов.

В Европе была надежда, что на этот раз объединенные усилия ждет успех. Возможные выгоды были существенными: Венгрия получила бы территорию на Балканах, исчезла бы угроза Венеции на

Эгейском и Адриатическом морях, а Константинополь продолжал бы существовать — и предзнаменования были благоприятными. Талантливый военачальник Янош Хуньяди, воевода Трансильвании, отстоял свои позиции во время двух османских атак через Валахию, прежде чем был загнан османами обратно на Златица к востоку от Софии зимой 1443—1444 года. Поднимающееся в северной Албании антиосманское восстание «Скандербега», Искендер-бея — выходца из местной христианской семьи полководцев, привезенного к мусульманскому двору Мурада — и расширение византийского влияния в центральной Греции братом Иоанна VIII Константином, деспотом Мореи, базировавшегося в Мистре, были дополнительными симптомами. Особым успехом Константина было восстановление к весне 1444 года стены Гексамилион, перекрывавшей Коринфский перешеек, разрушенной в 1431 году атакующими турками. Окончание христианского раскола обратило внимание османов на весьма вероятную возможность того, что сокрушительный удар, нанесенный их государству Тамерланом, может повториться объединенными усилиями антиосманских государств Запада.

Тем не менее интересы центрально европейских держав — Венгрии и Польши, теперь объединенных под властью молодого короля Владислава III, а также Сербии под управлением деспота Георгия Бранковича — оказались несовместимы с интересами латинских государств Средиземноморья. Что касается латинян, то хотя крестовый идеал был их постоянной навязчивой идеей, их позиция теперь несколько отличалась от позиции 1396 года, когда настойчивые требования французов взять на себя командование более опытными войсками короля Венгрии Сигизмунда послужили одной из причин разгрома при Никополе. Тяжелое и неорганизованное отступление союзной венгерской армии в ходе кампании 1443—1444 годов было еще одним горьким уроком, который заставил центральноевропейских соседей османов засомневаться в том, могут ли они в действительности извлечь выгоду, или же баланс сил, о котором они договорились, больше не в их пользу. Посредством контактов, которым содействовала сербская жена султана Мара, лидеры — король Венгрии и Польши Владислав, трансильванский воевода Янош Хуньяди и сербский Георгий Бранкович — отправили посольство к Мураду в Эдирне, где 12 июня 1444 года было заключено перемирие сроком на десять лет. Примерно в это же время Мурад вызвал своего сына Мехмеда в Эдирне из западно-малоазийского города Манисы, бывшей столицы эмирата Сарухан. Потрясенные

военачальники Мурада предупреждали его об опасности, исходящей от крестоносного венецианского флота, который в середине июля отплыл от Пелопоннеса, но, к всеобщему изумлению, султан объявил, что отказывается от трона. Отречение не имело прецедентов в османской истории. Мотивы Мурада II для принятия такого решения в возрасте всего лишь 41 года — повод для догадок. В последние месяцы он много горевал — например, из-за смерти своего старшего и самого любимого сына Алаеддина, около могилы которого в Бурсе и приказал себя похоронить. Возможно, после энергичного правления в течение более 20 лет он попросту устал.

Естественно, уход Мурада и восхождение на трон его двенадцатилетнего сына было расценено Западом как признак слабости, которой они могут воспользоваться. Когда Эдирнское перемирие подтверждалось Владиславом, Хуньяди и Бранковичем в Венгрии в августе, Владислав и Хуньяди дали ложные клятвы, заранее получив отпущение грехов от папского легата в Богемии, Венгрии и Польше кардинала Джулиано Цезарини. Между 18 и 22 сентября 1444 года крестоносная венгерская армия переправилась через Дунай, направляясь на восток, и вскоре достигла Варны на побережье Черного моря. Только Георгий Бранкович отказался участвовать в наступлении — Мурад обещал Сербии независимость и возвращение крепостей Смедерево и Голубеч на Дунае. В Эдирне, находящейся в двухнедельном переходе от Варны, ощутимо чувствовался страх. Прошло меньше года с тех пор, как венгерская армия наступала через Балканы и ведущие к городу долины рек. Для защиты города были выкопаны рвы, а его стены починены. Паника усугублялась дервишами из отшельнической секты иранского происхождения Хуруфы, чье учение имело много общего с постулатами еретика шейха Бедреддина; общественные здания и частные дома были разрушены в ходе беспорядков, сопровождавших подавление их выступлений. В дополнение к беспорядкам византийский император Иоанн VIII освободил еще одного претендента на османский трон. Не найдя поддержки во Фракии, тот повернул на север к «Дикому лесу» южнее дельты Дуная, туда, где проходило восстание шейха Бедреддина против султана Мехмеда I; против самозванца из Эдирне были посланы войска, но он бежал обратно, по направлению к Константинополю.

Когда Мурад назначил Мехмеда султаном на свое место, он приказал своему верному визирю Чандарли Халил-паше оставаться с ним в Эдирне. Члены семьи Чандарли были первыми министрами

османского дома практически непрерывно со времен правления Мурада I; эти близкие отношения пережили и поражение от Тимуридов и жестокую гражданскую войну, а Чандарли Халил сменил своего отца Чандарли Ибрахим-пашу в середине 30-х годов XV века. Чандарли Халил полагал, что Мехмед еще слишком молод, а его окружение ненадежно. Такие люди как Заганос Мехмед-паша, Саруджа-паша и талантливый военачальник Шихабеддин Шахин-паша были «профессиональными османами». В отличие от пограничных вождей, таких как Эвреносогуллары или старинные мусульманские семьи Малой Азии, такие как Чандарли, они принадлежали к новой породе рожденных в христианских семьях государственных мужей, которые обрели положение в правление Мурада, будь то византийские перебежчики или молодые новобранцы (дань). Восстание шейха Бедреддина показало неустойчивость османского государства и послужило доказательством того, что вера, которую оно исповедует, должна стать его краеугольным камнем. Поэтому султан увеличил дань юношами-новобранцами в качестве надежного источника преданной военной силы, чьи обращенные рекруты исповедовали религию его династии и его двора.

Высокое положение Чандарли Халил-паши вызывало сильную зависть клики, окружавшей Мехмеда, который столкнулся с правлением отличным по характеру от того стабильного баланса сил в Малой Азии и Румелии, к которому его заботливо готовили Мурад и его советники. Чандарли Халил боялся разрешить полному энтузиазма молодому султану возглавить армию против крестоносцев и, будучи обеспокоенным гражданским неповиновением в Эдирне, понял, что выбор у него только один — вернуть Мурада, пребывавшего в Манисе. Отправившись из Малой Азии в Эдирне, Мурад не стал входить в город, а повел свою армию прямо на передовые позиции венгров. Великая битва при Варне на румелийском побережье Черного моря произошла 10 ноября. Флот, доставлявший крестоносцев с Запада, еще не достиг Константинополя, и хотя из-за этого армии короля Венгрии и Польши Владислава и трансильванского воеводы Хуньяди вынуждены были сражаться в одиночку, поначалу они побеждали. Тем не менее к вечеру король Владислав был убит, а его войска бежали. Положительный исход этого сражения был достигнут в равной степени благодаря той эффективности, с которой командующий Мехмеда Шихабеддин Шахин-паша перекрыл балканские перевалы, ведущие в долину Фракии, и полководческому искусству Мурада. Правда, это был еще не конец: на

следующий год флот крестоносцев атаковал османские позиции на Дунае в союзе с Хуньяди и валашским воеводой, но снова Шихабеддин Шахин-паша успешно командовал защитой.

В течение первых месяцев своего правления Мехмед доказал свою независимость от отца, предприняв беспрецедентный шаг по девальвации османской денежной единицы, серебряного аспера, более чем на десять процентов. Таким образом можно было чеканить большее количество монет, чтобы покрыть постоянно растущие расходы на управление османской территорией; но в то время как обесцененные деньги принесли доход казне, это имело нежелательные последствия, ухудшив жизнь находящихся на жаловании государственных служащих, которые получали то же число монет, что и раньше, но с более низким содержанием серебра и поэтому более низкого достоинства в реальном исчислении. После битвы при Варне Мурад снова удалился в Манису, но его вторая попытка отойти от дел продолжалась немногим дольше первой. Громче всех из тех, кого затронула девальвация, возмущались янычары, и в 1446 году в Эдирне вспыхнул бунт, спровоцированный, видимо, вмешательством Мехмеда в денежную систему. Чандарли Халил-паша снова вызвал Мурада обратно во Фракию. Шихабеддин Шахин-паша стал козлом отпущения и объектом гнева янычар и укрывался во дворце, пока старый султан не приказал схватить смутьянов. После этого недвусмысленного покушения на его власть Мурад пообещал повысить жалование янычарам в качестве компенсации за нужду, которую они пережили.

Степень независимости, которой наслаждался Мехмед, в то время как его отец был в Манисе, в равной степени интересовала комментаторов того времени и современных историков. Некоторые, в государстве и за его пределами, считали, что Мехмед правит Румелией, а его отец является султаном Малой Азии. Караманиды опасались, что Мехмед нарушит соглашение, которое они с Мурадом заключили в 1444 году, поскольку все постановления предыдущего султана подлежали обновлению при вступлении на трон нового. Хотя де-юре Мехмед был султаном и старался добиться независимости от отца с помощью таких проектов как завоевание Константинополя при первой возможности или девальвация денежной единицы, его реальная власть была ограничена благодаря тому, что Чандарли Халил-паша успешно обуздывал дикие фантазии молодого султана и его клики, хотя и ценой ухудшения отношений. Возможно даже, Чандарли Халил подстрекал к бунту янычар, с тем, чтобы

иметь основания вызвать Мурада; и в самом деле, смещение Мехмеда было одним из требований, которые выкрикивали воины. Когда янычары пригрозили поддержать османского претендента, освобожденного Иоанном VIII в 1444 году, который к тому времени вернулся в Константинополь, демонстрация явно стала выходить из-под контроля.

Мехмед отнесся к своему отстранению от власти и вынужденному возвращению в Манису без особой радости. В качестве жеста открытого неповиновения отцу он стал чеканить монету со своим именем на монетном дворе в западной Малой Азии и, нарушив перемирие, напал на венецианские заставы на Эгейском море. Чандарли Халил остался в Эдирне с Мурадом, а в Малой Азии не оказалось в равной степени выдающегося пожилого вельможи, чтобы присматривать за действиями Мехмеда.

Султан Мурад занялся неотложным делом охраны границ. Брат императора Константин, деспот Морей, недавно расширил территории за счет местных латинских властителей и османов. Мурад повел свою армию к югу и со своим военачальником Тураханом прорвал и разрушил, по общему мнению неприступные стены Гексамиллиона, еще недавно восстановленные Константином. После того он попытался снова завоевать Албанию, где Скандербег поднимал восстание против османского владычества. Самая значительная победа османов произошла в 1448 году, когда они наголову разбили армию, состоящую преимущественно из венгров и валахов, под командованием неутомимого Яноша Хуньяди во второй битве на Косовом поле, где валашские союзники Хуньяди дезертировали, а сам он бежал.

Император Иоанн VIII умер в 1448 году, освободив трон для своего брата Константина, который правил с 1449 года как Константин XI. В 1451 году умер Мурад, и его сын принял всю полноту власти над султанатом как Мехмед II. Он и его советники теперь стремились к великой победе, чтобы вновь подтвердить свои могущество и независимость.

Глава 3

ИМПЕРСКОЕ ВИДЕНИЕ

У османов были серьезные мотивы добиваться Константинополя, центра Восточной Римской империи с IV века. Контроль Византии над Босфором был причиной серьезных проблем с переброской войск для султанов, или потенциальных султанов, и их армий, пересекавших свои владения от Румелии до Малой Азии. К тому же росла стоимость завоеваний и усложнялось управление территориями, попавшими под власть османов, и контроль над доходами от налогообложения прибыльной торговли между областями черноморского бассейна и Средиземноморьем и Европой с лихвой окупил бы любые расходы во имя османского будущего. Уния православной и католической церквей 1439 года имела серьезные последствия для османов, поскольку повысила вероятность будущих крестовых походов и снова воскресила призрак латинского влияния в Константинополе, проклятие и для османов, и для православных. Обладание Константинополем имело также безусловное символическое значение — подтверждение статуса империи и победа веры. Город фигурировал как в священных, так и в светских мусульманских легендах, и завоевание его османами исполнило бы предание о пророке Мухаммеде, слова которого они обожали цитировать: «Они завоюют Константинию! Славой будут покрыты князь и армия, что смогут это». Константинополь был также «Красным яблоком» — выражение, которое османы использовали для описания своих самых заветных желаний. Нанося удар по главному городу Византии, султан Мехмед II стремился изгнать врага из самого сердца своего государства.

Прежде чем получить возможность осадить Константинополь, после вступления на престол в 1451 году Мехмед должен был обезопасить собственные границы. Он продлил договор своего отца с сербским деспотом Георгием Бранковичем и заключил трехлетнее соглашение с правителем Венгрии Яношем Хуньяди. Он предотвратил возможное нападение Венеции, подтвердив соглашение, заключенное его отцом в 1446 году. Он также был вынужден проявлять постоянную бдительность для сохранения своих территорий, поскольку бывшие эмираты Айдын, Ментеше и Гермиян готовились вновь заявить о своей независимости и завоевать себе будущее, свободное от османского владычества. Будучи формально вассалом османов, эмират Караман защищал различных претендентов на эти земли, и его армии готовились снова занять территорию, перешедшую к султану Мураду II. Узнав, что Мехмед намеревается покончить с противостоянием, правитель Карамана Ибрагим, женатый на тете Мехмеда, запросил мира.

После смерти отца Мехмед убил единственного оставшегося в живых брата; последним известным его родственником мужского пола и потенциальным соперником был претендент в Константинополе, заявлявший, что он — его дядя Орхан. Память о хаосе, вызванном появлением претендентов, была еще свежа в умах османов, и поэтому султан согласился оплачивать расходы на продолжение заключения Орхана. Пока Мехмед проводил кампанию против Карамана, император Константин XI отправил послов с просьбой увеличить плату за содержание Орхана и намекнул, что он может освободить его из заключения, если плата не последует. Мехмед не торопился отвечать на провокацию, которая, по его мнению, являлась нарушением договора, пожалованного Константину вскоре после вступления императора на престол.

Правда, довольно скоро Мехмед, не испугавшись того, что его прадед Баязид I не смог покорить Константинополь даже после восьмилетней осады, приступил к завоеванию Константинополя, о котором он мечтал с тех пор, как впервые почувствовал вкус власти султана, будучи еще подростком в столице своего отца Эдирне в 1444–1446 годах. Приготовления к осаде — среди самых известных исторических повествований. Для западных современников смена христианского правления в Константинополе на мусульманское описывалась как «Падение». Для османов это было «Завоевание».

Осада султана Мехмеда была тринадцатой попыткой мусульман отбить город у византийцев, первой была арабская осада около 650 го-

да н. э. Он готовился тщательно: его переправа через Босфор охранялась построенной в короткий срок в 1451—1452 годах крепостью Богазкесен, «Разрезающая пролив (горло)», примерно в пяти километрах от стен Константинополя. Сегодня известная как Румели-Хисары, эта крепость стоит напротив другой, построенной султаном Баязидом I на малоазийском берегу, когда тот пытался взять город. Как и крепость Баязида, Богазкесен призвана была служить ближайшей тыловой базой для ведения осады и постом, с которого можно будет контролировать поставки зерна на юг из областей черноморского бассейна. По стандартам того времени это было последнее слово в фортификации, ее толстые стены вполне могли противостоять технологическим достижениям эпохи пороха. Ее башни были названы в честь (и, возможно, ими же оплачены) советников Мехмеда в его бытность в Эдирне: Заганоса Мехмеда, Саруджи и Чандарли Халил-паши.

Пока осажденные жители Константинополя наблюдали за тем, как то, чего они так долго боялись, становится реальностью, император, как и в бесчисленных ситуациях в прошлом, слал настойчивые призывы о помощи возможным союзникам на Западе. Коммерческое соперничество между Генуей и Венецией означало, что ни одно из этих государств не возьмет на себя большую часть бремени защиты Константинополя, чем другое. Генуя послала войска под умелым командованием Джованни Джустиниани Лонго, и Константин назначил его командовать своими силами на городских стенах, защищающих город с суши, Венеция предоставила императору поддержку кораблями. В отчаянии Константин уступил город Несебр на западном побережье Черного моря Яношу Хуньяди, а остров Лемнос в северной части Эгейского моря королю Арагона и Неполя Альфонсо V Великолепному, но никто из них не был готов помочь византийцам в предстоящей борьбе. Возможной помощи от братьев Константина, деспотов Димитрия и Фомы, совместно правивших в Мистре, помешало смелое вторжение Турахан-паши на Пелопоннес осенью 1452 года. И все же, несмотря на официальное равнодушие, множество добровольцев прибыло, чтобы участвовать в защите Константинополя вместе с византийцами.

Ценой, которую папа Николай V потребовал за свою помощь, было поручительство императора в том, что Восточная церковь будет более тверда в своем союзе с Римом: он прислал двух представителей, кардинала Исидора, бывшего митрополита Киевского и архиепископа Леонарда Хиосского, отслуживших мессу в храме

Святой Софии, на которой Константин принес присягу унии. Но если император решил окончательно, а прежде чем он сможет хотя бы надеяться на помощь папы, необходимо сделать первый шаг к осуществлению унии двух церквей, шаг, который может быть пересмотрен в удобное время, когда минует сегодняшняя опасность, угрожающая остаткам его территорий, то многие, вопреки ситуации жизни и смерти, в которой они оказались, не желали отречься от канонов православной веры и учинили на улицах Константинополя массовые беспорядки. Ключевой фигурой был Геннадий (в миру Георгий) Схоларий, более опасавшийся божественного возмездия, чем османского завоевания*. Такие внутренние раздоры были губительны для стойкости духа простого народа.

Как только было завершено строительство крепости Богазкесен, султан Мехмед вернулся в Эдирну, чтобы присмотреть за последними приготовлениями к осаде, а затем выступил на Константинополь. По сообщению присутствовавшего при осаде венецианского купца Николо Барбаро, его армия насчитывала 160 000 воинов. Византийский государственный деятель Георгий Франдзи оценивает силы защищавшихся менее чем в пять тысяч, плюс несколько тысяч латинян, прибывших помочь городу. Султан Мехмед подошел к стенам города 5 апреля 1453 года и с помощью флота окружил Константинополь со всех сторон, кроме Золотого Рога, где был выставлен бон (заграждение в виде бревен), чтобы помешать пройти османским кораблям. Жестокая бомбардировка разрушала стены со стороны суши; внутри латиняне и греки не могли договориться, кто должен заделывать бреши. Османские минеры были встречены контрминами. Сражение продолжалось на суше и на море до 29 мая, когда за три часа до рассвета начался последний штурм стен. Третья волна штурма увенчалась успехом. Султан со своими янычарами ворвались в барбакан, лишь для того чтобы их на время оттеснили обратно, прежде чем дальнейший артиллерийский огонь не пробил большую брешь в стене, через которую победившие османские войска хлынули в город.

Историк и администратор Турсун-бей дает единственное детальное описание осады на языке османов:

Однажды [облако] дыма от греческого огня и душа огнепоклонника [т. е. неверного] принца опустились на крепость «слов-

* Геннадий был назначен патриархом, духовным лидером православной общины, после того как город был захвачен султаном Мехмедом.

но тень», стал ясен смысл: благочестивый и удачливый и обла- дающий благой судьбой султан как бы «подвесил гору»* над этим народом многобожия и разрушения, словно сам Господь Бог. Так, снаружи и изнутри [огонь] пушек, мушкетов, фалько- нетов, маленьких стрел, арбалетов извергал и метал капли испа- рины, словно дожди в апреле — как глашатай молитв правовер- ных — и ливень несчастий с небес, как предписано Богом. И от самых нижних пределов и до самых высот, и от самых высоких пределов до самой земли, рукопашный бой и атаки сопровож- дались грохотом доспехов и пик с крючьями и алебард в брешах среди руин, наделанных пушками.

Снаружи поборники ислама, а внутри заблудшие иноверцы, пика к пике в честном бою, рукопашном;

Вот наступают, вот уклоняются, пушки [стреляют] и оружие
обнажено,
Бесчисленные головы были отделены от своих тел;

Выбрасывая дым греческого огня, целое облако
искр было дождем обрушено на защитников ислама
неверными;

Подведя под стену крепости траншеи таким образом,
они взорвали греческий огонь;

[В ответ] они [т. е. османские солдаты] нацелили на бастион свои
пики с крючьями,
Обнаженными, они стаскивали на землю сражающихся врагов;

Словно ударив по глубочайшей породе, выкопав туннель,
Казалось, местами замок пробит из-под земли.

К ранней части утра неистовство бешеной суматохи и пыль от
борьбы улеглись.

Как европейские, так и византийские описания осады подроб- но рассказывают о великих деяниях, совершенных султаном Мех- медом для достижения цели: об огромной пушке, сделанной для него

* Обе цитаты взяты из Корана 7:171.

венгерским перебежчиком, литейщиком пушек, в Эдирне*, возведение осадной башни выше стен города, перетаскивание галер в гору от берега Босфора, где сегодня расположен дворец Долмабахче, и вниз в бухту Золотого Рога, чтобы избежать перекрывавшего вход в нее бона, строительство понтонного моста через гавань от Галаты до Константинополя, который позволил османским войскам атаковать стены на той стороне города и полностью его окружить.

Для османов самым значительным вкладом в конечный итог была роль, которую играл духовный наставник султана мистик шейх Акшемседдин. Османы потеряли множество воинов в противоборстве, в котором четыре корабля с зерном, три генуэзских и один византийский, сумели прорвать османскую блокаду и доставить груз в Золотой Рог. После этой неудачи Акшемседдин написал султану об увиденных им небесных знамениях, которые предвещали победу, это смягчило отчаянье султана и подняло боевой дух осаждающей армии.

Через 54 дня после начала штурма султан Мехмед вошел в город, разрушенный осадой и разоренный грабежами. Императора Константина нигде не было и следа. Большинство летописцев XV века, и восточных, и западных, сходятся во мнении, что он был убит в сражении, но поскольку местонахождение его тела было и остается неизвестным, появились легенды, повествующие о его судьбе и различных местах в городе, считающихся его могилой. Предстоявшая османам работа по восстановлению города обескураживала. Историк Дука сообщает, что султан Мехмед призвал византийского государственного деятеля Луку Нотару и задал вопрос, почему император не сдал ему город, предотвратив таким образом его разрушение.

Первая пятничная молитва после завоевания была проведена шейхом Акшемседдином в базилике Святой Софии, императорской церкви Юстиниана, превращенной в мечеть. Султан Мехмед, предположительно, сначала вошел в Святую Софию в сопровождении Турсун-бея, который видел и описал благоговение и изумление, которое внушило ему убранство церкви. Для превращения христиан-

* Хотя османы, видимо, научились обращаться с порохом до конца XIV века (имеются свидетельства использования аркебуз и пушек при осаде Константинополя Баязидом I), до середины XV века и завоевания города Мехмедом II не было случаев, чтобы город был покорен с помощью пушек, а не блокады.

ской византийской церкви в мусульманскую османскую мечеть нужно было только убрать из нее атрибуты христианского ритуала — кресты и колокола и заменить их принадлежностями мусульманского культа — молельной нишей, кафедрой проповедника и минаретами. Позднее Мехмед добавил к этому комплексу теологическую школу. Участвовавшие в осаде знамена были вывешены в память о его великой победе, а молитвенные ковры, предположительно принадлежавшие пророку Мухаммеду, переопределили религиозный характер церкви. Историк XIX века Ахмед Лутфи-эфенди утверждает, что Мехмед приказал сохранить в Святой Софии изображения «лица ангела», и исследование показало, что такие священные мозаики, как Пантократор, были видны вплоть до правления султана Ахмеда I в начале XVII века, когда они были покрашены в период нетерпимого отношения к антропоморфным изображениям. Мозаики, невидимые из центрального молитвенного пространства, оставались незакрытыми до начала XVIII века. Османы даже не изменили названия здания, а просто произносили его на турецкий манер как «Аясофью».

Снаружи Аяя Софии, на вершине колонны стояла верховая статуя Юстиниана с золотой державой в руке, установленная в 543 году н. э. Жители империи считали статую талисманом, разрушение которого предвещало бы конец Византии. Как и многие путешественники, включая Иоганна Шильтбергера, прошедшего в Константинополе три месяца по дороге домой после многих лет в плену на Востоке, османы воспринимали державу как изображение «Красного яблока» и в течение трех лет от «Завоевания» статуя была снята — символический акт против возвращения побежденной императорской власти. Живя в Стамбуле в 40-х годах XVI века, французский гуманист Пьер Жиль видел, что осталось от статуи на территории дворца Топкапы: «Среди фрагментов были нога Юстиниана, которая превосходила мой рост, и его нос, более девяти дюймов длиной. Я не отважился измерять ноги лошади, что лежат на земле, но украдкой измерил одно из копыт и обнаружил, что в высоту оно девять дюймов».

Тем не менее восстановление Мехмедом византийского Константинополя в качестве османского Стамбула не требовало уничтожения всех следов былых времен. Скорее он стремился наполнить прошлое новым смыслом, перестраивая византийские здания, религиозные и светские, для новых целей. Святая София была одной из шести церквей, превращенных в мечети после завоевания.

Но сохранение многого из того, что вызывало воспоминания о связанном с неверными прошлым города, требовало обоснования, и Мехмед впоследствии инициировал написание мистической истории императоров, Соломона, Константина и Юстиниана, которые построили и перестраивали город. В тексте, или текстах, поскольку существовало множество версий, написанных в разное время, исламское настоящее рассматривалось как предопределенное профетической традицией пророка Мухаммеда и усиленное «обнаружением» шейхом Акшемседдином гробницы Айюба Ансари, соратника Пророка, принимавшего участие и погибшего во время неудачной арабской осады Константинополя в 668 году н. э. Это чудо дало завоеванию султана Мехмеда религиозное обоснование.

Мехмед оставил свой след в городской архитектуре проектами больших зданий, присущих мусульманскому образу жизни. Большое значение, например, придавалось сооружению подобающей гробницы для Айюба Ансари во дворе мечети, построенном на том месте, где, как считалось, была обнаружена его могила, за городскими стенами в верхней части Золотого Рога, в квартале, в турецкофицированной версии называемом Эйюп*. В 1457–1458 годах у входа в город, известного византийцам как Порты Аурей, «Золотые Ворота», где сухопутные стены спускаются к Мраморному морю, была построена крепость Едикуле («Семь Башен»). Это были ворота, через которые Виа Игнатия, дорога из Рима, столицы Западной Римской империи, вела в Константинополь, столицу Восточной Римской империи. Поначалу в Едикуле держали сбившихся с пути османских сановников, а с конца XVI века крепость стала печально известна как тюрьма для иностранных послов. Мехмед также приказал построить дворец в центре города, на месте византийского Бычьего форума, где сегодня расположены площадь Баязида и Стамбульский университет. Как и Едикуле, дворец был закончен в 1458 году. Строительство центральной части хаотичного комплекса, известного сегодня как Крытый базар, началось в 1460–1461 годах; часть арендной платы от расположенных там магазинов идет на содержание Аия Софии.

Приказ возвести еще два здания свидетельствовал о том, что Стамбул должен был заменить Эдирне в качестве столицы Османской империи, и в то же время отражал претензии султана Мехмеда

* Этот район до сих пор остается местом паломничества, однако мечеть и гробница Айюба Ансари значительно изменились за эти столетия.

на место наследника имперских традиций и верховного правителя мусульман. На историческом месте древнего византийского Акрополя в 1459 году был заложен первый камень великолепного дворца, который должен был превзойти недавно законченный дворец в Бычьем форуме; последний известен ныне как Старый дворец. В 1463 году был заложен первый камень в основание монументального комплекса мечетей, носящего имя султана.

Дворец Топкапы, или Новый дворец, как его называли османы до XIX века, окружен высокой стеной и объединяет три больших внутренних двора, каждый со своими величественными воротами и внешними садами, в которых расположено несколько отдельно стоящих павильонов. Два первых двора предназначены для общественных церемоний и дворцовых ритуалов, в то время как за третьими воротами располагалась закрытая зона для султана и его семьи. План дворца напоминает план османского военного лагеря со святой святых султана в центре множества других строений, расположенных в соответствии с их основной функцией и местом в иерархии. Такая планировка, очень отличающаяся от современных западных дворцов, посредством архитектуры выражала дистанцию между султаном и его подданными. Несмотря на различные перестройки в течение веков, сегодня дворцовый комплекс в основном сохранился в первоначальном виде.

Дворец принес султану Мехмеду возможность уединения. Здесь он создал атмосферу загадочности и могущества власти, положения которой были сформулированы к концу его правления и должны были подчеркивать божественную природу правителя. Новые правила гарантировали, что с этих пор султаны будут еще реже выходить к народу, чем предки Мехмеда, даже к своим придворным. Эти правила составили руководство по дворцовому протоколу, определив иерархию и старшинство государственных мужей и чиновников султана, титулы, с которыми следовало к ним обращаться, порядок, в котором они целовали руку султана на религиозных празднествах. В этом своде не было положения о появлении султана перед подданными: он должен был скрываться за занавесом от пристальных взглядов своих государственных мужей на аудиенциях, назначаемых четыре раза в неделю для вручения прошений. В следующем столетии султан появлялся перед двором только на двух ежегодных религиозных празднествах.

Султан Мехмед украшал свои новые здания в самых различных стилях, которые напоминали его последующие завоевания. Двух-

этажный Крытый павильон был построен в дворцовом саду в память об успешном исходе кампании в восточной Малой Азии после смерти в 1464 году караманидского правителя Ибрагим-бея, и в особенности победы, одержанную османами над правителем Аккоюнлу Узун («Высоким») Хасаном. За его отделку отвечали ремесленники из Карамана, поселившиеся в Стамбуле после похода, а его великолепие вдохновило к написанию множества витиеватых поэм*.

Комплекс мечети Мехмеда был построен на холме в районе к западу от Золотого Рога и в его честь названном «Фатих» («Завоеватель»). Чтобы освободить место для него, была разрушена церковь Святых Апостолов, усыпальница многих поколений византийских императоров. Мечеть была расположена во внутреннем дворе, к северной и южной сторонам которого примыкало восемь теологических школ, четыре на севере были названы в честь Черного моря, а те, что на юге — в честь Средиземного, по-турецки Ак Дениз («Белое море»). Также там были расположены богадельня, обитель дервишей и караван-сарай, и Мехмед построил рынок, бани и множество магазинов, плата за аренду которых шла на содержание этих учреждений и давала финансовую поддержку их благотворительности. Призванный соперничать с Айя Софией, главный купол мечети в самом центре комплекса Мехмеда был поддерживаем полукуполами, вздымавшими его высоко над молитвенным залом внизу. Судьба распорядилась так, что архитектор мечети Мехмеда оказался слишком амбициозен в своих попытках превзойти Айя Софию, здание оказалось построено плохо, и легенда утверждает, что он был казнен. Этот храмовый комплекс был закончен в 1470 году и стал прототипом аналогичных комплексов османского «классического периода» в следующем столетии**.

Мехмед начал заново заселять Константинополь. Люди всех вероисповеданий были привлечены благоприятными налогами, возможностью лучшей жизни, которые сулила восстановленная столица. Если налоги и другие стимулы оказывались недостаточно при-

* Сегодня Крытый павильон вырван из оригинального контекста и стоит напротив огромного здания Стамбульского Археологического музея, а не в саду дворца.

** Мечеть в конце концов развалилась в ходе разрушительного землетрясения в 1766 году, после чего была предпринята капитальная перестройка, и мечеть, которую мы видим сейчас, датируется этим временем.

влекательны, османы без колебаний выселяли и переселяли своих подданных, когда это отвечало их экономическим и политическим интересам, и нигде еще переселение не давало более впечатляющего результата, чем в Стамбуле после завоевания. Целые общины — мусульмане, евреи, армяне, греки, латиняне — были принудительно согнаны в город в последующие годы. В соответствии с моделью османских завоеваний мусульмане прибывали исключительно из западной и центральной Малой Азии и из Фракии, в то время как христиане и евреи прибывали из противоположной части Малой Азии и с Балкан. Латинские христиане жили обособленной группой, привезенной из бывшей генуэзской колонии Кафа в Крыму, после того как она была присоединена в 1475 году. Бывшим греческим жителям византийского Константинополя предлагали дома и землю, чтобы побудить их вернуться. Число мусульман в городе увеличилось скорее благодаря депортации мусульман из других частей государства, чем обращению бывших там христиан или евреев в ислам. К концу правления Мехмеда население Константинополя, составлявшее свыше 75 000 человек, вполнину превышало то, которое оставалось в опустошенном городе в 1453 году.

С 1459 года султан Мехмед стал использовать высокоэффективный способ изменения внешнего облика Стамбула так, что наблюдатели сразу понимали, что они находятся в мусульманском городе. В дополнение к очевидным достопримечательностям, таким как его новые мечеть и дворец, а также минареты, которыми он украсил Айя Софию, он приказал своим чиновникам выстроить новые районы, каждый из которых располагался бы вокруг комплекса мечети и который бы предоставлял мусульманским иммигрантам, приезжающим в город, инфраструктуру для организации здесь новой жизни. Помимо мечети такие комплексы, как и его собственный, включали несколько других строений — по возможности школу, теологическое учебное заведение, общественную кухню, баню, караван-сарай или мавзолей учредителя — смесь благотворительных учреждений и коммерческих учреждений, необходимых для обеспечения дохода на их содержание. Примером могут послужить комплексы, построенные Махмуд-пашой Ангеловичем (бывшим византийско-сербским дворянином, дважды назначавшимся великим визирем), которые расположены рядом с Крытым базаром на склоне, спускающемся к Золотому Рогу, а также фаворитом Мехмеда Хасмурад-пашой, новообращенным прозелитом из династии Палеологов, в Аксаре, около того места, где сегодня стоит универси-

тет. Практика строительства новых районов была продолжена в правление сына и наследника Мехмеда Баязида II и после него. Новые стамбульские иммигранты зачастую давали своим районам имена тех областей, откуда они приехали. Квартал около мечети Мехмеда II, где поселились приезжие из Карамана, все еще называется Караман Пазары; район Аксарай напоминает область центральной Малой Азии, откуда его жители прибыли после присоединения османами эмирата Караманидов.

Через два дня после падения Константинополя генуэзская колония Галата, расположенная на другом берегу Золотого Рога, напротив Стамбула, сдалась в надежде сохранить свою независимость, которой она обладала во времена Византии и которую гарантировал Мехмед. Но поскольку город принадлежал ему, Мехмед передумал, и, хотя колонии были дарованы некоторые привилегии, ее жители, как и другие османские подданные немусульмане, вынуждены были платить подушный налог. В оправдание изменению своей политики Мехмед напомнил жителям Галаты, что некоторые из них сражались на стороне Византии во время осады Константинополя. Он также приказал уменьшить высоту Галатской башни на 7,5 метров, чтобы сделать не таким заметным присутствие иностранцев.

Первые упоминания турецкого топонима «Istanbul» появляются в арабских, а затем и тюркских источниках X века и происходят от греческого «эйс тин полин» — «в город» или «к городу», что является косвенным греческим наименованием Константинополя. До 1930 года город официально назывался Константинополь, по-турецки — Константиния.

Взятие Константинополя османами повергло в ужас христианский Запад, который опасался еще более агрессивных завоеваний. Папа делал попытки поднять армии крестоносцев, чтобы вернуть город христианскому миру. Хотя, как и прежде, они не приводили к созданию единого фронта против османов, но всегда учитывались султаном Мехмедом при выработке политического курса. Его успехи имели серьезные последствия для морских экономик Запада. Османский контроль над Босфором вбил клин в стратегическую и торговую зону, состоявшую из Черного, Эгейского и Средиземного морей, и сделал доступными для османов обширные ресурсы. Как прежде Константинополь, новая столица империи Мехмеда нуждалась в продовольствии и материалах для обеспечения процветающей и энергичной общины: многое из того, в чем нуждался город, поступало из черноморского бассейна.

Для генуэзских и венецианских колоний, чья экономика всецело зависела от черноморской торговли, перспектива была безрадостной. В том же году, когда пал Константинополь, Мехмед послал флот из 56 кораблей «показаться» в Черном море. Не сумев взять генуэзскую крепость Белгород-Днестровский (Цитатая Альба) в устье Днепра, османские корабли пошли в Крым, где при поддержке Хаджи Гирея, крымского татарского хана, потревожили генуэзский аванпост в Кафе; те согласились платить ежегодную дань, чтобы сохранить некоторую независимость, хотя бы на время. Потеряв контроль над крупными торговыми путями, по которым из бассейна Черного моря везли зерно для снабжения города-государства, венецианцы счастливы были заключить с Мехмедом договор в том же году. По его условиям им разрешалось торговать в Стамбуле в обмен на уплату таможенных пошлин, а также сохранить там колонию.

Совместные осmano-татарские действия против генуэзцев были предшественниками их будущих близких, а зачастую и непростых отношений. Татарская династия Гирея, правившая Крымом до его завоевания Российской империей в конце XVIII века, появилась в XV веке, провозгласив свою независимость от татар Золотой Орды, которые контролировали западную часть Монгольской империи, созданной Чингиз-ханом, и были призваны занять особое место в османской истории. Гирей возводил свою генеалогию к Чингиз-хану и поэтому мог претендовать на что-то вроде политической законности, о которой османы могли только мечтать: верховенство татар в неофициальной иерархии центрально-азиатских династий давало им небывалый авторитет среди мусульманских государств и приносило немало беспокойства османам.

В течение первых 10 лет после «Завоевания» султан Мехмед сосредоточил свое внимание почти исключительно на Балканах. Его первый большой поход после 1453 года был против Сербии — буфера между османами и венгерской территорией, а также маршрутом, по которому венгерское влияние могло проникнуть на Балканы, а венгерские армии угрожать его северо-западным границам. Завоевание Сербии и ее окончательное включение в империю Мехмеда заняло пять лет. Хотя османы захватили и короткое время удерживали пару сербских крепостей в долине реки Моравы в 1454 году, они не смогли взять Смедерево, важную крепость, охранявшую направление на Дунай к востоку от Белграда. В последующие годы цель кампании была совсем другой: османская армия двинулась через юг Сербии в богатый залежами серебра район Ново Брдо, обес-

печив себя ценнейшим природным ресурсом, залежи которого на их территории были ограничены. В 1456 году Мехмед командовал осадой Белграда, крепости, стратегическое положение которой при слиянии рек Дуная и Савы делало ее ключом к Венгрии: он не смог взять ее в ходе комбинированной операции на суше и на воде из-за неприступной и хорошо укрепленной позиции, а не из-за многочисленной, но разношерстной, плохо организованной армии крестоносцев, пришедшей на помощь крепости. Она оставалась в руках Венгрии до 1522 года.

Янош Хуньяди умер от чумы вскоре после осады Белграда, но его мужественная защита замка снискала ему славу героя легенды в венгерской истории. За его смертью последовал период смут; в конечном итоге в 1458 году трон унаследовал его сын Матиаш Корвин. Деспот Сербии Георгий Бранкович умер в декабре 1456 года; его сын Лазарь вскоре последовал за отцом, не оставив потомков мужского пола. Образовался вакуум власти, способствовавший османскому нашествию на Венгрию. Впервые Сербия стала османским вассалом после битвы на Косовом поле 1389 года, но в то время как ее правители проводили осторожную политику в отношении своих хозяев, для большинства православной знати османское правление было предпочтительнее правления католической Венгрии.

Лидером проосманской группировки в Сербии был Михаил Ангелович, брат недавно назначенного великого визиря Мехмеда Махмуд-паши. Братья принадлежали к младшей ветви сербского деспотата; Махмуд-паша, вероятно, пошел служить османам совсем молодым, после того как османы захватили его во время правления отца султана Мехмеда Мурада II в 1427 году. Возможно, Михаил Ангелович, ставший соправителем Сербии после смерти Лазаря, способствовал османскому вторжению в Сербию, с тем чтобы помешать интригам венгров, поскольку к весне 1458 года Махмуд-паша был на пути к крепости Смедерево. Правда, в это время провенгерская группировка в Смедерево восстала, и Михаил был взят в плен женой Лазаря Еленой, которая была одним из его соправителей, заключен в тюрьму и отправлен в Венгрию. Защитники Смедерево отказались сдаться, и Махмуд-паша атаковал крепость, захватив город, но не цитадель; он также осуществил ряд других стратегических завоеваний на Дунае. Угроза венгерского наступления вынудила Махмуд-пашу присоединиться к султану в Скопье в Македонии, куда Мехмед отступил после Пелопоннесской кампании, и они остановили венгерское наступление с помощью измотанных войск Мех-

меда. В 1459 году представители проосманской группировки в Смедерево вручили ключи от крепости Мехмеду, приказавшему занять ее. Так Сербия окончательно стала составной частью османских владений.

Неспособность османского вассального государства Валахия присылать в Стамбул ежегодную дань и последующие провокационные действия воеводы Влада Дракулы, «Колосажателя», побудили Мехмеда в 1462 году послать Махмуд-пашу за Дунай впереди войска султана для восстановления порядка. Поход был успешным, и более сговорчивый брат Влада Радул, которого держали заложником в Стамбуле в качестве гарантии надлежащего поведения Влада, был посажен воеводой на место брата. Сам Влад бежал в Венгрию.

Безопасность от нападений венгров могла быть гарантирована только при условии полного контроля османов по линии Дунай—Сава, которая практически делит Балканы пополам от Черного моря на востоке до Адриатического — на западе. На северо-западе от Сербии и к югу от Савы расположена Босния, вассальное государство османов, чей король Стефан Томашевич также отказался посылать дань султану. В 1463 году Стефан просил о перемирии и получил его сроком на 15 лет, но практически немедленно османская армия напала на Боснию, войдя на ее территорию с юга. Стефан бежал, но Махмуд-паша нагнал его в Клуже, где он сдался, получив обещание, что его отпустят, не причинив вреда. Как и Сербия, Босния стала османской провинцией — хотя в следующем году вынуждена была защищаться от нападений Венгрии — и следующей Махмуд-паша захватил соседнюю Герцеговину. Коварство, позволившее османам напасть на Боснию несмотря на перемирие, снова проявилось, когда султан Мехмед приказал казнить Стефана Боснийского; но его захваченный единокровный брат Сигизмунд обратился в ислам и под именем Кралоглу («Сын короля») Исхак-бей стал соратником султана. Сын правителя Герцеговины также обратился в ислам и под именем Херсекзаде («Сын принца») Ахмед-паша служил великим визирем при сыне и наследнике Мехмеда Баязиде II (на дочери которого он женился) и его внуке Селиме I.

В 1455 году османы захватили генуэзские колонии на Эгейском море: Старую и Новую Фокайи (Фоча) на побережье Малой Азии к северу от Измира, контролировавшие богатые копи квасцов, продукция которых была необходима для европейской торговли тканями и использовалась для окраски; Энос (Энез), в устье Марицы во Фракии, получавший доходы от торговли солью. В том же году

Афины были отвоеваны у их флорентийского правителя пограничным вождем Умур-беем, сыном Тупахан-паши. Венецианский Наксос и генуэзские острова Лесбос и Хиос согласились платить дань султану в 1458 году. После завоевания Сербии в 1459 году султан Мехмед возвратился в Стамбул, а затем по суше отправился покорять генуэзскую колонию Амастрис (Амасра) на черноморском побережье Малой Азии при поддержке военного флота, посланного из Стамбула. В 1462 году Лесбос капитулировал перед османской осадой, в то время как Мехмед строил укрепления на Дарданеллах, чтобы улучшить защищенность Стамбула. Он построил там две крепости, в Чанаккале, ранее известном как Султанхисар («Замок султана»), на малоазийском побережье, и в Килитюльбахре («Замок моря»), напротив первого, на побережье Румелии. Теперь, когда османы надежно контролировали южные подступы к Стамбулу, город был защищен от нападения с моря.

Даже после падения Константинополя сохранились несколько осколков Византийской империи. Эти анахроничные образования включали Трапезундскую империю Комнинов, ставшую османским вассалом в 1456 году, и деспотат Морею, совместно управлявшийся Фомой и Димитрием Палеологами. Будучи долгое время вассалом османов, деспотат в течение трех лет был не в состоянии выплачивать дань, пока армия султана Мехмеда не завоевала его в 1458 году. Выплата долга в последнюю минуту не смогла отклонить Мехмеда от его цели, и он двинулся на юг. Коринф сдался после трехмесячной осады, и османское управление распространилось на большую часть Пелопоннеса. Деспот Фома без особого энтузиазма попытался вернуть некоторые из своих бывших владений, но был втянут в войну со своим братом. В 1460 году Мехмед снова лично повел армию, которая к концу года покорила весь Пелопоннес, за исключением нескольких венецианских колоний, оставшихся под контролем османов. Греческие источники того времени сообщают, что дочь Димитрия Елена вошла в женскую половину семейства султана, его гарем, как и Тамара, дочь Георгия Франдзи, летописца правления Мехмеда.

Трапезунд был морским рынком сбыта для торговли Тебриза, столицы Узун Хасана, энергичного лидера племенного союза Аккоюнлу, женатого на принцессе из дома Комнинов. Османские усилия подчинить мусульманские эмираты Малой Азии могли бы показаться несущественными по сравнению с разворачивавшейся в это время борьбой за контроль над восточной Малой Азией. Узун Хасан

считал Трапезунд сферой своего влияния и в конце 1460 года отправил в качестве посланника к султану Мехмеду своего племянника, уведомляя, что считает империю своей добычей, и предупреждая султана, чтобы тот не пытался лишать права владения династию Комнинов. Мехмед проигнорировал предупреждение и при поддержке армий своих исламских вассалов Исфендиярогуллары Кастамону и Караманидов в следующем году двинулся на восток с целью захватить этот последний византийский анклав в Малой Азии, слишком маленький, чтобы называть себя империей. Узун Хасан послал войска остановить его наступление, но в первом противоборстве двух честолюбивых правителей успех не сопутствовал ни одной из сторон.

Земли Комнинов были отрезаны от внутренних районов Малой Азии высокими, суровыми горами. Янычар, служивший в османской армии в походе на Трапезунд, вспоминает трудности этой кампании: расстояние, враждебное отношение местного населения к продвижению османов в регионе, где крутые, покрытые лесом горы благоприятствовали скорее легким и подвижным, чем тяжелооруженным воинам, голод и непрекращающийся дождь, который превращал дорогу в грязь. Он рассказывает, как нагруженный золотыми монетами верблюд упал на дорогу, ведущую к городу, рассыпав сокровища повсюду: султан Мехмед приказал всем, кто был в состоянии подобрать кусочки золота, оставить их себе. Но этого стимула было недостаточно:

...прежде чем мы спустились с горы, у нас было много злоключений: земля была вязкой как каша, и янычары были вынуждены нести императора [т. е. султана] на руках в течение всего пути в долину, а нагруженные сокровищами верблюды остались в горах. Император Мехмед умолял янычар попытаться спустить верблюдов в долину, и мы должны были с большим трудом подняться обратно в гору и бились всю ночь, прежде чем спустили их в долину. В тот день император остановился на отдых и отдал янычарам 50 000 золотых слитков, чтобы они разделили их между собой, и повысил жалование центурионов янычар.

Трапезунд сдался после шестидневной осады сухопутными и морскими силами османов. По исламскому закону тех, кто сдавался в бою, следовало отпустить, поэтому изначально императора и его семью пощадили и держали в Эдирне, кроме его дочери Анны,

которая вошла в гарем Мехмеда, но казнили двумя годами позже. Некоторые обвиняли в легкой победе османов казначея Трапезунда Георгия Амируца, который вел переговоры о сдаче анклава с османским великим визирем Махмуд-пашой, приходившимся ему двоюродным братом. Амируц продолжил свою карьеру при османском дворе, как и некоторые другие образованные греки и византийские аристократы. Он стал придворным философом и личным секретарем султана; его особой заслугой было слияние воедино разрозненных карт античного греческого географа Птолемея, чей труд был принят за одну из основ исламской и, позднее, османской и европейской картографии. С устранением династии Комнинов из Трапезунда Мехмед завершил объединение под османской властью территорий, которые управлялись Византией из Константинополя до IV крестового похода в 1204 году.

Присоединение морских колоний Венеции все еще оставалось целью османов, поскольку, хотя Венеция и не была в состоянии представлять прямую стратегическую угрозу для османов после того, как они овладели Константинополем, она оставалась серьезной помехой, благодаря сильному флоту. Осmano-венечианские отношения всегда омрачали взаимные подозрения, но полномасштабной войны обычно удавалось избежать. Из коммерческих соображений и будучи уверена в том, что остальные крестоносные державы, без сомнения оставят их в изоляции, Венеция не очень стремилась провоцировать османов, пока завоевание Боснии в 1463 году не поставило под угрозу венецианские владения на Адриатике. Другие венецианские колонии, в основном Корфу, Метони, Эвбея и Наксос, стали уязвимыми, когда османы напали на венецианские территории вокруг Нафпактоса (Лепанто), важной базы для осуществления морских операций в Адриатическом море. В надежде, что она сможет найти союзника в лице Венгрии, которой также угрожала потеря Боснии, Венеция объявила войну султану в июле 1463 года.

На ранней стадии войны большая часть Пелопоннеса снова перешла под венецианский контроль. Осенью 1463 года король Венгрии Матиаш Корвин захватил Боснию, а в следующем году его войско разбило армию под командованием Мехмеда, который отступил, узнав, что король снова движется на юг за реку Саву. Папа и герцог Бургундский заключили трехлетнее соглашение о крестовом походе против османов (но это рискованное начинание оказалось недолговечным: к концу 1464 года этот, как и многие другие союзы в истории крестовых походов, распался в результате разногласий).

Хотя венецианцы не смогли отбить у османов остров Лесбос на севере Эгейского моря в том же году, к этому отнеслись как простой неудаче, и Венеция склонялась к тому, чтобы принять мирные предложения верховного визиря Махмуд-паши.

Венеция оставалась проблемой, и не только на Пелопоннесе. Между османской Македонией и венецианскими крепостями на Адриатическом побережье лежал островок независимой Албании Скандербег. После того как Скандербег повторно принял христианство и отказался от клятвы османам, восстав против Мурада II, он добивался латинского покровительства в своем стремлении оставаться независимым от захватчиков-османов. Неаполь был его покровителем с 1451 года, но после смерти короля Альфонсо в 1458 году он снова признал османский суверенитет. Начало венецианско-османской войны в 1463 году дало ему еще один шанс освободиться от османов, и он предложил свои услуги Венеции. После двух лет локальных военных действий Мехмед начал полномасштабную кампанию против Скандербега, и летом 1466 года, всего за 25 дней, османы построили грандиозную крепость Эльбасан в том месте, где основной путь, связывающий османские Балканы с Адриатическим побережьем, бывшая Виа Игнатия, достигает прибрежной равнины. Крепость Скандербега Круя осталась отрезанной, будучи не в состоянии установить контакт по суше с венецианскими силами на побережье. В течение зимы Скандербег искал помощи в Италии, и в следующем году атаковал османов, осаждавших Крую. Это подтолкнуло Мехмеда ко второму наступлению, закончившемуся тем, что вся Албания, за исключением нескольких венецианских сторожевых застав, перешла под господство османов. Сам Скандербег, бывший такое долгое время лидером албанского сопротивления османам, бежал на венецианскую территорию, где умер в 1468 году. Хотя османское управление в этом недружелюбном регионе оставалось слабым, Венгрия и Венеция были более не в состоянии использовать в своих целях непостоянство мелких албанских властителей.

Хотя Мехмед II воспринимается западными историками в основном как автор броска османов в Европу, изрядную часть своего правления он защищал свои восточные границы. Предостережение Мехмеда Узун Хасаном по поводу Трапезунда в 1460 году оказалось пророчеством более агрессивной политики, поскольку вскоре он отправил посла в Венецию с предложением сотрудничества. Самой сильной картой в его колоде было обещание повторить успех Та-

мерлана и разделить османские владения: Венеция согласилась с тем, что он будет вправе оставить за собой любые территории, которые сможет завоевать в Малой Азии.

К середине XV века давние и непростые отношения между государствами Османов и Караманидов зашли в тупик. Смерть в 1464 году вассала Мехмеда правителя Карамана Ибрахим-бея оставила Караман открытым для соперничающих притязаний османов и Аккоюнюлу. Узун Хасан не упустил шанса перехватить инициативу у османов, вторгнувшись в Караман от имени старшего сына Ибрахима Исхака и передав государство ему. И Узун Хасан и Исхак приняли покровительство мамлюков, надеясь на союз против неизбежного ответа Мехмеда, которого не пришлось долго ждать: при поддержке османов другой сын Ибрахима Пир Ахмед вынудил Исхака искать убежища у Узун Хасана. Смерть Исхака вскоре после этого лишила Узун Хасана предлога для вторжения в Караман и на время отложила исполнение его замысла превзойти Тамерлана.

Тем не менее вскоре, когда лучшие силы османской армии были заняты на западных границах империи, Узун Хасан на восточной границе добавлял большие полосы территории к тому, что он получил в результате присоединения земель вражеского племенного союза Каракоюнлу в 1467 году. В последующие два года он установил свою власть в Азербайджане, Ираке, Фарсе, Кирмане и за их пределами, на родине Тимуридов дальше на восток, что радикально изменило положение сил в восточной части Малой Азии и сделало Узун Хасана значительно более серьезным соперником, чем когда он был просто племенным вождем.

В 1468 году Узун Хасан отправил посольство к новому султану мамлюков Вахид-бею, чтобы заручиться поддержкой мамлюков против османов. Два писателя того времени, венецианский историк Доменико Малипьеро и османский Турсун-бей, сообщают независимо друг от друга о планах отправиться в поход на мамлюкскую Сирию. Тем не менее когда караманский Пир Ахмед не предоставил обязательную помощь этой кампании, Мехмед направил свою армию против Карамана. Неизвестно, что побудило Пир Ахмеда принять такое ошибочное решение, поскольку силы Карамана не могли соперничать с армией Мехмеда, который успешно взял большую часть территории Караманидов к северу от горного хребта Тавр под свой контроль. Узун Хасан был поглощен своими собственными имперскими замыслами на востоке и не смог вмешаться, чтобы помочь Пир Ахмеду.

С 1469 года, после завоевания земель тимуридского правителя Абу Саида, Узун Хан стал владыкой самых обширных территорий в регионе, наследником Каракоюнлу и государства Тимуридов. Поскольку владения Узун Хасана включали большую часть Ирана и Ирака, а также изрядную часть Малой Азии, он был хозяином империи, соперничающей с империей султана Мехмеда, и в июне того же года он озвучил свои требования на то, чтобы быть единственным легитимным повелителем мусульман в послании к Вахид-бею. Это был вызов как мамлюкам, хранителям мусульманских святынь в Мекке и Медине, к которым всем мусульманам предписывалось совершить паломничество, так и стремлению султана Мехмеда стать лидером мусульманского мира. Даже после завоевания Константинополя Мехмед был за то, чтобы оставить вопросы, связанные с паломничеством, мамлюкам, считая своей обязанностью расширять мусульманские земли в настоящей жизни.

Узун Хасан усилил давление. Он соперничал с Мехмедом как на духовном, так и на светском уровне, говоря в письме к султану в 1471 году о своем недавнем завоевании Шираза в Южном Иране как о «троне халифата». Эта претензия не очень беспокоила Мехмеда, поскольку права халифа уже давно были неопределенными, но воскрешение Узун Хасаном в памяти призрака Тамерлана тревожило больше. Один из военачальников Узун Хасана написал османскому губернатору Сиваса, проводя сравнение между лидером Акроюнлу и Тамерланом — он считал Узун Хасана выше по 14 пунктам, которые включали полный набор атрибутов, необходимых для поддержания претензий правителя на легитимность в этой части мира. Узун Хасан привлек к себе интерес, критикуя политические решения османов, такие как взимание с мусульманских соплеменников подушного налога, который должны были платить только немусульмане, насильственное прикрепление племен к земле, чтобы сделать их частью оседлого крестьянства, что было важным аспектом османской политики подчинения восточной Малой Азии. Претензии Узун Хасана на происхождение от древних тюрок были решительным противопоставлением османам, делавшим акцент на свое центрально-азиатское происхождение.

Когда султан Мехмед послал армию против Карамана в 1471 году, Пир Ахмед бежал к Узун Хасану, но туркоманские союзники Пир Ахмеда не смогли защитить от османов перевалы в горах Тавра, а османский флот занял подчиненный Караманидам анклав вокруг порта Аланья в юго-западной части Малой Азии. На следующий год

османы захватили крепости Караманидов к востоку от Силифке, расположенного на южном побережье Малой Азии, но на западе их собственный порт Анталья, по свидетельству Малипьеро, «величайший и известнейший морской порт в Азии», был в отместку сожжен венецианским флотом, новым союзником Узун Хасана. Османский порт Измир на западном побережье Малой Азии был также сожжен венецианским флотом, они же спалили Гелиболу в результате дерзкого нападения, разрушившего укрепления на Дарданеллах, так недавно возведенные Мехмедом для защиты Стамбула.

В июле 1472 года Узун Хасан вновь объявил о своем намерении помочь защитить то, что осталось от Карамана, от османов, утверждая, что Мехмед отвел войска и передал контроль над Трапезундом. Как и двор Тамерлана, двор Узун Хасана предоставлял убежище лишеным права владения малоазийским принцам, которые надеялись отвоевать свои бывшие территории под присмотром могущественного покровителя: в это время одним из них был караманский Пир Ахмед, а вторым — племянник Узун Хасана, сын смещенного правителя Синопа, расположенного на северном побережье Малой Азии. До того как покинуть Стамбул, Мехмед узнал, что армия под командованием другого племянника Узун Хасана Юсуфа Мирзы подходит к бывшей османской столице Бурсе, по пути заняв значительные территории в Малой Азии. Превосходящие силы османов заставили их отступить, Юсуф Мирза был схвачен, а бывший с ним Пир Ахмед бежал.

Вторжение Узун Хасана за реку Евфрат, в северные земли мамлюков, в конце 1472 года помогли на короткое время объединиться мамлюкам и османам против него. Возможно, непосредственная причина этого похода была связана с конфликтом, возникшем из-за того, должен ли паланкин мамлюков из Каира или паланкин Узун Хасана (как обладателя бывшей ставки халифата, Багдада) главенствовать на церемонии, связанной с ежегодным паломничеством в Мекку. В результате этого похода Узун Хасан на время получил контроль над перевалами в горах Тавра, ведущими к Средиземному морю, где действовали его венецианские союзники. Агрессивный настрой Узун Хасана давал султану Мехмеду серьезные основания опасаться договора Венции и Аккоюнлу, но, возможно, его предложение Венции и Венгрии прислать послов в Стамбул для обсуждения мира было лишь уловкой, чтобы изолировать Узун Хасана от его европейских союзников.

Вторжение Узун Хасана в мамлюкскую Сирию в 1472 году привело султана Мехмеда к мысли, что пришло время начать полномасштабную кампанию против правителя Аккоюнлу. 4 августа 1473 года две армии встретились на реке Евфрат, к востоку от Эрзинджана в ничего не решившем сражении, которое стоило османам больших потерь. Неделю спустя, 11 августа, они снова встретились у Башкенда, расположенного в горах на севере; Узун Хасан бежал при появлении османской армии, хорошо вооруженной, в отличие от его собственной, пушками и мушкетами, а его силы были разбиты. Четверть века знакомство османов с оружием эры пороха давало им преимущество над восточными врагами.

Узун Хасан потерял лишь небольшую территорию после своего поражения, а султан Мехмед не развил своей победы. Для османов упорное сопротивление врагов, противостоявших распространению их власти в этом направлении, усложнялось проблемами передвижения при проведении военных операций в суровых районах на восточных границах. Видя, как непросто удержать свои завоевания там, османские военачальники часто отводили войска к более легко обороняемым границам. Поражение Узун Хасана от рук правителя, который, как и он сам, заявлял о божественном покровительстве, оказало серьезное влияние на подрыв его престижа и притязаний, а слава Мехмеда соответственно выросла. Как было заведено, после победы были разосланы письма, извещавшие о его успехе принцев исламского мира. Будучи оружием в пропагандистской войне, эти письма присваивали Мехмеду эпитеты, ранее применявшиеся для Узун Хасана, когда казалось, что его могущество растет. Внутреннее восстание стало прямым следствием поражения Узун Хасана.

Исчезновение Узун Хасана со сцены дало османам возможность присоединить вечно мешающее государство Караман раз и навсегда, и в 1474 году военачальник Гедик («Строитель крепостей») Ахмед-паша был послан с армией завоевать центральные области государства Караманидов, расположенные в горах Тавр, и взять крепость, захваченную Караманидами при содействии их крестоносных союзников. Османская административная политика стремилась понизить племенных вождей до статуса провинциальных всадников и побудить их сторонников селиться в селах и городах, но племенное население Карамана, особенно туркоманы Тургулду и Варсак, неохотно подчинялись новому порядку. Непокорные, они держались в горных неприступных районах и даже в начале следующего сто-

летия избегали османских инспекторов, присылавшихся, когда местная обстановка позволяла оценить облагаемые налогом богатства новой провинции.

Султан Мехмед придавал наибольшее значение развитию своего флота. С самого начала своего существования османы и другие малоазийские эмираты использовали моря как линию обороны. Впервые османы построили верфи, когда завладели побережьем Мраморного моря в середине XIV века; после того как они переправились во Фракию, необходимость защиты от венецианцев придала морской теме дополнительную безотлагательность. К большой верфи в Гелиболу в 90-е годы XIV века были добавлены верфи в эмиратах малоазийского побережья Эгейского моря, после того как они были захвачены османами. Но хотя османский флот постепенно стал брать верх над венецианским и геновским флотами в прибрежных водах и мог осуществлять наступательные военные экспедиции на большие расстояния, он не мог соперничать с военными кораблями этих двух торговых держав в ближнем бою в открытом море. После взятия Константинополя султан Мехмед построил большую верфь в Золотом Роге, используя флот построенных на ней военных кораблей для того, чтобы установить контроль над бассейном Черного моря, а также перенести свои честолюбивые замыслы еще дальше, за Средиземное море. Новый, устанавливавшийся баланс сил требовал гибкости, и Мехмед вынужден был столкнуться с проблемой защиты османского могущества на как никогда обширных территориях, как на суше, так и на море.

В 1475 году армада под командованием Гедика Ахмед-паши, бывшего тогда великим визирем, отправилась в Крым и заняла Кафу и другие геновские владения, а также венецианский порт в Тане. После установления своего присутствия в Крыму небольшой османский флот отплыл в северо-восточную часть Черного моря и захватил крепость Куба, на выходе в Азовское море, и Анапу на побережье к востоку от Крыма, у их латинских властителей. Южная часть Крымского полуострова стала османской провинцией, которая, вероятно, включала Тану (ныне Азов), Кубу и Анапу. В 1478 году, по окончании двенадцатилетней борьбы за престолонаследие между сыновьями хана Хаджи Гирея, оставшиеся крымские земли приняли османское господство с Менгли Гиреем в качестве хана.

Присоединение территории Османской империей нередко было вызвано внутренней борьбой между претендентами на трон вассального государства, как это случилось, когда соперничество между наследниками властителя Карамана Ибрагим-бея после его смерти в 1464 году ускорило прямое османское вторжение и приблизило конец независимости Караманидов; разногласия в независимых еще на тот момент государствах также характеризовали османов как самую могущественную державу в регионе, способную вмешиваться и навязывать вассальную зависимость.

Татары держались особняком от других османских вассалов, благодаря своему происхождению от Чингиз-хана; об этом говорит тот факт, что, в то время как другие вассалы платили дань султану, татарский хан получал ежегодное денежное содержание и другие вознаграждения, в знак признания его уникального статуса. Татарам было чем отплатить: их всадники вызывали восхищение своей скоростью и ловкостью, и играли важную роль в походах османской армии на западе и на востоке.

После падения Константинополя и закрепления на проливах османы стали сильнейшей державой в бассейне Черного моря. Видимо, они понимали, что пытаться завоевать безграничные, засушливые степи к северу от Черного моря было бы нереально, и в последующие годы они активно захватывали латинские торговые колонии, расположенные в стратегических местах вокруг побережья, чтобы оттуда контролировать проходящую через них торговлю. После того как Крым стал зависимым от османов, их влияние на происходящее в северном черноморском регионе и способность манипулировать им в своих интересах возросли.

После того как султан Мехмед поэтапно осуществил свои цели на западе, османская территория все больше превращалась в единый блок, за исключением нескольких изолированных крепостей, оставшихся в руках врага. Хотя попытки Мехмеда покорить Нафпактос закончились неудачей, Круя и Скутари в северной Албании сдались османам в 1478 и 1479 годах соответственно, последняя несмотря на стойкое сопротивление ее венецианского гарнизона. Нападения на Венецию, предназначенные для того чтобы предвосхитить любые военные операции Венеции на северо-западной границе Османской империи, все больше и больше принимали форму опустошительных набегов, которые в середине 40-х годов XV века глубоко проникали в область Фриули по направлению к самому го-

роду. Смерть Узун Хасана в 1478 году повлияла на решение Венеции просить мира, который был заключен в 1479 году. На последней стадии военных действий Ионические острова, которыми владела семья Токко, вассалы короля Неаполя, были захвачены османами. После заключения мира с Венецией османские набеги приняли новое направление, в Трансильванию и южную часть современной Австрии. Эти нападения осуществлялись нерегулярной легкой кавалерией, которая называлась акынджи, получавшей в качестве вознаграждения львиную долю награбленной добычи. Будучи в правление Мехмеда существенной составляющей османских войск, они насчитывали около 50 000 человек, как мусульман, так и христиан.

Однако самыми дерзкими были крупные морские операции, предпринимаемые против рыцарей-госпитальеров ордена святого Иоанна на острове Родос в восточной части Средиземного моря и против королевства Неаполь в городе Отранто на побережье Италии летом 1480 года. Родос был одним из самых опасных из сохранившихся латинских аванпостов в южных морях османов, и в глазах османов — анахронизмом; кроме того, он помогал Венеции в недавней войне. Помимо досаждавшего уровня пиратства, стратегическое расположение острова на морском пути из Стамбула в Египет давало Мехмеду достаточные основания, чтобы хотеть завоевать его. Теперь османы чувствовали себя в море так же уверенно, как и их средиземноморские соседи, а захват Родоса считался необходимым подготовительным мероприятием для морских операций против Египта и Сирии в поддержку сухопутного захвата мамлюкских территорий, который, по словам Турсун-бея, султан планировал. Но осада, комбинированная морская и сухопутная операция и суровое испытание для флота султана Мехмеда, окончилась неудачей. Рыцари уже давно ждали осады, и соответственно усилили оборонительные укрепления острова. Османским флотом командовал византийский вероотступник Месих-паша. 23 мая он вошел в гавань Мармариса, расположенного на малоазийском побережье напротив Родоса, переправил армию в 63 000 воинов, которая пришла по суше из Стамбула, на остров, и встал лагерем в виду города. После двух неудачных атак османские пушки и мортиры обстреляли город, а минеры подвели подкопы. Защитники продолжали сопротивление и отвергли мирное предложение Месих-паши. Следующая османская атака 28 июля была неудачной, и осаждавшие отступили с большими потерями. В середине августа два корабля, посланные на помощь рыцарям королем Неаполя Ферранте, при-

везли на остров новость о том, что папа обещал прислать помощь. Это заставило Месих-пашу погрузить свое войско на корабли и отплыть в обратном направлении в Стамбул.

В то самое время, когда два корабля Ферранте плыли на помощь рыцарям, османский флот под командованием Гедик Ахмед-паши отплыл из Влэры (Валона), порта на юге Адриатического моря, чтобы напасть на неаполитанские территории. Крепость Отранто, лишь в одном дне пути (по морю), пала через две недели. Прибытие османских войск на землю Италии вызвало шквал дипломатической активности между итальянскими государствами, которые, похоже, были готовы на этот раз забыть о своих распрях и объединиться для совместной защиты. Была ли та атака на южное побережье Италии первым шагом к осуществлению замысла захватить резиденцию пап в Риме, остается предметом догадок, поскольку Мехмед умер, прежде чем его намерения стали ясны. Среди титулов, на которые претендовал султан Мехмед, был титул «римского цезаря», что указывало на его стремление унаследовать мантию византийского императора на уровне ее величия при Константине и Юстиниане; или же это должно было означать, что у него были планы, касавшиеся самого Рима, что спорно. После Константинополя завоевание Рима представлялось самым большим призом. Если целью Мехмеда был Рим, удивительно, что об этом не упоминает Ашикпашазаде, летописец, бывший решительным сторонником священной войны, и лишь вскользь упоминается в других летописях, составленных в XV веке. И наконец, Мехмед не пытался сохранить свой плацдарм на Апеннинском полуострове, что он должен был сделать, если в действительности имел планы на Рим: в следующем году он отправился на восток, а не на запад.

В последние дни апреля 1481 года султан Мехмед переправился через Босфор на место смотра армии в Ускюдаре, готовый повести ее через Малую Азию. 3 мая, всего через один переход, в местечке около Малтепе, известном как «Луг султана», он умер в возрасте 49 лет, возможно, от осложнений, вызванных подагрой. Хотя было известно, что у султана слабое здоровье, его смерть была неожиданной, и он не назначил преемника. Его соображения по этому поводу содержались в своде законов, которые он провозгласил несколькими годами ранее, и где он дал официальное одобрение братоубийства, заявив, что кто бы из его сыновей ни стал султаном, он вправе избавиться от остальных «ради благого порядка на земле».

Средний сын султана Мехмеда Мустафа был его фаворитом, но Мустафа заболел и умер в 1474 году, управляя только что завоеванной провинцией Караман из своей резиденции в Конье. В живых оставались двое сыновей: Баязид, который был принцем-правителем Амасьи, и Джем, ставший преемником Мустафы в Конье.

За 30 лет своего правления султан Мехмед выиграл достаточно кампаний. Созданная им Османская империя простиралась на суше и на море, расположенная на пересечении важнейших торговых путей того времени. Умиравший и обезлюдевший византийский Константинополь был превращен в процветающую столицу территорий, включавших Балканский полуостров до Адриатического моря на западе, линии Дунай—Сава на севере и большую часть Малой Азии. Побережье Черного моря очерчивало относительно безопасную границу, за которой в то время не было государств, способных оспаривать османское могущество. Враги все еще угрожали на востоке и западе, но в пределах государства Мехмеда мир между народами, входящими в османское государство, обеспечивал такой уровень внутренней безопасности, который нарушали только локальные разбойничьи нападения на суше и пираты на море.

Власть над портами Черного моря давала контроль над торговлей с обширными степными районами внутри континента, простиравшимися до Польши, Литвы, Московии и Ирана, который, будучи в прошлом важным торговым партнером Генуи и Венеции, теперь способствовал османскому процветанию. Шелк привозили из северных провинций Ирана в Бурсу, основную торговую базу османов, большая его часть отправлялась в итальянские государства, в виде шелка-сырца или шелковой ткани, сотканной в Бурсе. Еще одним предметом роскоши, импортировавшимся итальянцами, был мохер из шерсти ангорских коз, в то время как на деньги, вырученные от продажи шелка, иранские купцы покупали шерстяные ткани, экспортируемые из Европы. Специи из Индии и Аравии везли на Запад или для османов. Изучение таможенных книг Феодосии и Крыма, относящихся к периоду вскоре после смерти султана Мехмеда, когда с захватом дунайского порта Килия и днестровского порта Белгород в 1484 году и признанием Молдавией вассальной зависимости Черное море стало фактически «Османским озером», показывает ассортимент товаров, которыми торговали: хлопок и изделия из хлопка, изделия из шелка, шерстяные ткани, зерно, фрукты и древесина, необработанные полезные ископаемые и металли-

ческие изделия, кожи и шкуры, специи, сахар и мед, красители и квасцы.

Завладев столицей империи, османы разработали дворцовый церемониал. Московиты, торгуя в основном через Феодосию, привозили роскошные меха, такие как соболь, горностай, черная лисица и рысь, использовавшиеся для отделки прекрасных мантий, которые носили при дворе и жаловались султаном высоким сановникам в знак его высочайшего расположения. Соколиная охота была в такой же мере забавой султанов, как и королей, и этих птиц также поставляли к османскому двору из степей. Также процветала торговля рабами: до этого спорадические набеги крымских татар стали более регулярными, поскольку они совершали их в южную Польшу и Литву, для того чтобы удовлетворить потребность османского невольничьего рынка с выгодой для себя — например, один источник дает цифру в 18 000 пленников, захваченных татарами в Польше во время их первого большого набега в 1468 году, а в последующие годы эта цифра могла увеличиться на тысячи. Будучи первым государством, установившим дружественные отношения со степными народами, османы годами эффективно мешали своим северным соседям выйти к Черному морю, а установление ими стабильности в регионе позволяло сосредоточить внимание на собственных границах.

Контроль над торговыми путями Средиземного и Черного морей позволил Мехмеду устанавливать таможенные пошлины, выгодные для казны. Развернутая сеть доверенных лиц и посредников позволяла взимать налоги с товаров, провозимых через османские территории, равно как и с тех, которые были предназначены для внутреннего потребления. Как и его предшественники, Мехмед жаловал торговые привилегии иностранным купцам; основными бенефициариями в это время были итальянские государства. Такие привилегии могли прекращаться на время войны и при наличии конфликта интересов, расположение к тому или иному государству могло быть удобным оружием в руках султана. Иностранные купцы считали таможенные пошлины, взимаемые в льготном режиме, небольшой платой за доступ к сырью на всей обширной территории под властью османов. Османы поддерживали «командно-административную систему экономики», в которой их главной обязанностью было максимально умножить богатство казны и предотвратить дефицит на рынке — особенно в Стамбуле. Хотя этот принцип мог быть осуществлен лишь частично, подчинение экономики политическим и социальным приоритетам, которые он подразумева-

ет, подчеркивает иной подход их западных торговых партнеров, которые использовали любую возможность повысить экономическую активность и доходы. Эти два экономических подхода дополняли друг друга к конечной невыгоде для османов, которые не могли представить, что стремление западных государств заключить с ними соглашения о льготах в последующие столетия принесет ущерб их собственному экономическому и политическому благополучию.

Османская экономика была крайне зависима от сельского хозяйства и продолжала оставаться таковой в XX веке: даже сегодня 40 процентов населения республики Турция живет в деревне. Она была только частично обеспечена денежной системой; объем доставляемых товаров или работ, выполняемых для государства, было трудно измерить в денежных средствах. Некоторое представление об источниках пополнения казны дает историк того времени Лаоник Халкокондил, который полагал, что османская казна получала наибольшую часть своих доходов от подушного налога, собираемого с немусульманского населения: политика позволения покоренным народам сохранять свою исконную веру, таким образом, приносила значительные финансовые выгоды, и это, в свою очередь, мешало обращению в ислам. Другими составляющими, вносящими вклад в бухгалтерский баланс, по его словам, были налоги на домашний скот и продукцию сельского хозяйства, а также на торговлю и копи. Дань, которую платили османам вассальные государства, шла в казну, равно как и денежные суммы от продажи рабов — исламский закон давал правителю право на пятую часть добычи, захваченной в любой войне против неверных. Последней статьёй дохода, о которой сообщает Халкокондил, являются «подношения», делавшиеся султану военными и другими государственными чиновниками, когда он каждую весну отправлялся в поход: эти деньги выплачивались на содержание элитных войск султана и его двора, а также правительственных чиновников.

Проведение военных кампаний и установление прямого управления на недавно завоеванных территориях тяжелым бременем ложились на казну, и стоимость содержания государства росла по мере того, как государство османов расширялось, а управление становилось все более сложным. Еще до правления султана Мехмеда регулярная армия из элитных войск включала пеших янычар и шесть полков кавалерии. Источники того времени сообщают, что во время своей победы над Узун Хасаном при Башкенде в 1473 году яны-

чары насчитывали 12 000, а кавалерия султана 7500. Войскам платили жалование каждые три месяца, как и корпусам артиллеристов и оружейников, а также транспортному корпусу. Для сравнения, провинциальной коннице, которую называют тимариотами, было дано право собирать налоги с крестьян, каждому со строго определенного участка земли или лена (тимара), в обмен они были обязаны участвовать в походах со своими людьми.

Установление османского управления во всей империи приобретало различные формы в разное время и разных местах. Вместо того чтобы полностью порвать с прошлым, османы стремились сохранить ранее существовавшие соглашения. Модель широко применявшаяся в только что завоеванных областях основывалась на оценке их земель и ресурсов. Это имущество, теоретически оставшееся собственностью султана, делилось на части между различными его подданными. Крестьяне получали в пользование землю, и их продукция облагалась налогом для содержания провинциальной кавалерии или благотворительных учреждений. Земля, а точнее налоговые поступления от нее, могла также даваться с безусловным правом собственности на недвижимость: такие окончательные акты дарения зачастую делались для обитателей дервишей на раннем этапе существования государства и, по мере того как шло время, высшему офицерству и фаворитам.

Султан Мехмед конфисковал большую часть находившихся в собственности земель, а также земель, за счет которых содержались благотворительные учреждения, с тем чтобы награждать ими воинов провинциальной кавалерии, чьи всадники были так важны для его частых военных походов. На Балканах лишение права собственности в пользу пограничных вождей, которые завоевали территорию силой оружия, или таких, например, как дервиши, которых награждали правом пользования государственными землями, было крайне непопулярно у населения. Реформа имела менее радикальные последствия в некоторых областях Малой Азии, где она просто означала, что статус местной, уже бывшей там мусульманской аристократии, был изменен на статус провинциального всадника, который получал традиционный доход с земли; это положение было изменено при наследнике Мехмеда Баязиде II.

Перестройка новой столицы Мехмеда и обеспечение ее товарами и услугами легла тяжким бременем на бывшие в его распоряжении финансы. Поиск наличных вынуждал его обесценивать деньги

шесть раз, но нет никаких записей о дальнейших протестах янычар, как при первой девальвации во время его короткого пребывания на троне во время отречения отца в 1444—1446 годах.

В пору своего расцвета господствующий класс Османской империи в основном состоял из мужчин, поступивших на османскую службу через дань молодыми людьми, которой облагались христианские подданные султана.

Изначально ограниченная Балканами, к концу XV века дань юношами распространилась также на Малую Азию. Определенные области, Стамбул и Бурса например, такой данью не облагались. Предпочтение отдавалось албанским, боснийским, греческим, болгарским, сербским и хорватским мальчикам; евреи и дети турок, курдов, персов, московитов и грузин были освобождены от службы, в то время как армян брали только для службы во дворце, но не в армии. Первоначально ассоциировавшийся с родом Османа и его приверженцами термин «османлы» или «османы» стал обозначать члена правящего класса, одного из «слуг султана», воспитанного служить государству в военное и мирное время. Крестьяне и провинциалы любой веры были подданными этого государства и назывались райя от арабского «стадо, толпа».

Хотя учредителем девширме как средства вербовки людских ресурсов для армии и бюрократической системы считается султан Баязид I, новые свидетельства говорят о том, что эта практика могла появиться и раньше, во время правления его отца Мурада I, когда она применялась не султаном, а вождем пограничных племен гази Эвренос-беем на территории Македонии, завоеванной его силами в 80-е годы XIV века. После того как метод был одобрен султанами, его успешность в строительстве профессиональной, находящейся на жалованье армии, связанной узами верности с ними и династией, тем не менее ударила по тем, кто до этого был в авангарде завоеваний, мусульманским эмирам пограничных племен Румелии, таким как гази Эвренос-бей, их совершавшим набеги войскам. Термин «новые войска», использовавшийся для обозначения пехоты регулярной армии, отражал радикальные преобразования, которые шли полным ходом. Со временем османский правящий класс кардинально изменился — в нем стали преобладать христиане по рождению и нетурки по происхождению.

Тем не менее мусульманские беи пограничных племен продолжали играть ведущую роль в завоеваниях османского государства, до и во время правления султана Мехмеда II, особенно на Балка-

нах. К северо-западу от Фессалоник, в самом центре их владений в южной Македонии и западной Фракии, в городе Джаница находилась резиденция Эвреносуллары. Хотя сыновья газа Эвреноса поддерживали «Лже»-Мустафу в борьбе за трон Баязида I, они были прощены окончательным победителем султаном Мехмедом I, а внуки газа Эвреноса играли ведущие командные роли во многих походах. В Фессалии, где Турахан-бей основал город Ларису, Тураханогуллары были творцами османского завоевания. Турахан-бей, его сын Умер-бей и его внук Хасан-бей оставили большое наследие в виде благотворительных учреждений: около 60 зданий, включая 19 мечетей, 12 обителей дервишей, 8 бань и 3 общественные кухни. Во Фракии расположено имение другой известной династии раннего периода османского государства — Михалогуллары. Имена потомков этой династии часто встречаются в описаниях османских завоеваний на Балканах; как и сыновья газа Эвреноса, один из сыновей основателя решил поддержать проигравшего в борьбе за престолонаследие в начале XV века принца Мусу. Хотя члены этих и других воинских родов, которым османская династия была обязана своим успехом, продолжали занимать провинциальные должности на Балканах и пользоваться привилегией раздавать наследственные ленные поместья своим сторонникам, по мере распространения системы, основанной на девширме, их прежний авторитет уменьшился.

Другой группой, чей статус понизился во время правления султана Мехмеда, была малоазийская турецкая религиозная элита, ведущими представителями которой были Чандарли. В течение века, начиная с правления султана Орхана, Чандарли выступали наперсниками османских султанов. Кара Халил Хайреддин Чандарли служил великим визирем у Мурада I, оба его сына также занимали этот пост. В 1443 году великим визирем, назначенным Мурадом II, был внук Кара Халила. Мехмед II сохранил должность великого визира за Чандарли Халилем после смерти Мурада, но его попытки отговорить Мехмеда от осады Константинополя ускорили его падение: и мусульманские, и христианские писатели сообщают, что он был в стоворе с защитниками города и казнен вскоре после его захвата. Его преждевременная смерть сегодня видится как символ уменьшающейся роли, которую старые турецкие семейства играли в будущем османского государства. Из семи великих визирей Мехмеда один был мусульманином турецкого происхождения, двое были обращенными христианами, воспитанными в девширме, двое родились в христианских семьях византийской или византийско-серб-

ской знати, и последний был также рожден христианином, но неизвестного происхождения.

Вот забавный эпизод карьеры Чандарли Халил-паши — с претендентом на престол «Баязидом Османом». В июне 1456 года герцог Милана Франческо Сфорца получил сообщение, касающееся маленького мальчика, предположительно брата султана Мехмеда и как там говорилось, доверенного Мурадом II латинскому рыцарю, некоему Джованни Торчелло. Мальчик попал в руки агентов папы Каликста III и был доставлен в Венецию весной 1456 года. Из Венеции его привезли в крепость на Апеннингах Сполето. В труде, появившемся в 1458 году, Чандарли Халил-паше приписывается заслуга посылки мальчика в Италию. Правда это утверждение или нет, остается неизвестным, но последующие приключения «Баязида Османа» не лишены интереса. Европейские правители, в руки которых он попал, похоже, не особенно верили в мнимые права мальчика на османский престол. «Баязид Осман» оставался в Сполето до 1459 года, когда папа Пий II взял его с собой в поездку по Италии, которая закончилась на соборе в Мантуе, на котором был провозглашен крестовый поход против османов. В 1464 году папа опять появился со своим подопечным на публике; он взял юношу, теперь уже шестнадцатилетнего, попрощаться с флотом, отплывавшим из Анконы сражаться с османами, эта сцена запечатлена на одной из фресок цикла, посвященного Пию II, в Сиенском соборе. На следующий год «Баязид Осман» был в Венеции, а позднее появился при дворе Матиаша Корвина в Буде. В 1473 году он был при венском дворе императора Священной Римской империи Фридриха III, который, похоже, любил наряжаться на османский манер и возил «Баязида Османа» со свитой по своим владениям. В 1474 году «Баязид Осман» женился на австрийской аристократке и позднее исчез из поля зрения истории. То что, как и исчезнувшие византийские императоры, католические монархи взяли на себя роль защитников претендента на султанат, было данью престижу османской династии.

Империя, которую намеревался создать султан Мехмед II, очень отличалась от государства, которое его предшественники построили ценой таких усилий, когда османская династия была немногим больше, чем первая среди равных — других мусульманских турецких династий Малой Азии. Практика набирать христиан в османский правящий класс стала восприниматься как более подходящая

его новому амбициозному видению будущего развития имперского государства. Власть, которой обладал великий визирь как исполнительное должностное лицо при султанах, возросла — хотя окончательное решение его отставки или казни было за султаном. Статус религиозной верхушки также усилился при Мехмеде II. Большая территория, пожалованная в комплексе его мечети теологическим школам, и их расположение по обеим сторонам мечети, как будто они окружают ее, могут восприниматься как знак особого положения, которым он намеревался наделить служителей ислама. Точно так же отдаленность обителей дервишей от мечети, где прежде внутри одного здания предоставлялось место для ритуалов дервишей наряду с ритуалами ортодоксального ислама, можно расценить как уменьшение их влияния. Мехмед ограничил деятельность тех дервишей, которые противились все более централизованному пути, по которому шло государство; те, кто был готов поддерживать его, пользовались гораздо большим расположением.

Со времени правления султана Мехмеда янычары и другие подразделения регулярной армии стали основным орудием для защиты и расширения османских владений. Во главе их стоял султан, хотя активная роль наипервейшего из «воинов за веру» все более умерялась в силу его стремления построить централизованное бюрократическое государство. Будучи вдохновленным обращением Чандарли Халил-паши с янычарами в Эдирне, когда еще был жив его отец Мурад II, Мехмед приложил усилия, чтобы взять их под свой контроль, но так и не смог заставить полностью себе подчиняться. Взойдя на трон в 1451 году, он счел необходимым уступить их требованиям повышения жалования в ознаменование торжества, практика, очевидно, начатая Баязидом I. Проблемы возникли снова, когда янычары подняли мятеж в 1455 году в ходе зимнего похода на порт Энез в устье Марицы, принадлежавший генуэзцам, и еще раз во время безуспешной осады Белграда в следующем году. Наследникам Мехмеда не удалось удержать янычар под контролем, и плачевные последствия были очевидны во многих эпизодах османской истории.

В последние годы своей жизни султан Мехмед осуществил программу консолидации и централизации законодательства. Создателем ее был Караманлы Мехмед-паша, великий визирь с примерно 1476 года до смерти Мехмеда — точные даты назначения и смещения великих визирей Мехмеда спорны, — который сделал выдающуюся карьеру в правительстве империи. Как и Чандарли, он вышел из

аристократического турецкого рода, происходившего от загадочного Мевланы Джалал аль-Дина Руми, основателя дервишского ордена Мевлеви. Сохранилось два свода законов, относящихся ко времени правления Мехмеда: первый содержит санкции и правила, касающиеся обложения налогом подданных; второй говорит о разновидностях управления и соотношения между его отдельными частями. Отсылки в этих кодексах на «древний закон» или «древний обычай» дают понять, что в основном они были связаны с приведением в систему правил, которые уже существовали. Тем не менее ученые спорят, какие фрагменты сохранившихся версий этих сводов законов действительно относятся ко времени правления Мехмеда, а какие статьи внесены во времена последующих правлений в качестве корректировки. Мехмед был первым султаном, провозгласившим законы, применимые к жизни государства, такие как государственное управление — оно не принимались во внимание религиозными законами; и хотя ни один из его сводов не ссылается на ислам, хотя их эффективность напрямую зависела от воли султана, их положения не противоречат положениям религиозных законов. Описывая политику Мехмеда, оппозиционный продервишский летописец Ашикпашазаде, писавший между 1476 и 1502 годами, возлагает на Карамани Мехмеда ответственность за уменьшение благосостояния дервишей и эмиров пограничных племен с помощью программы возвращения государственных доходов под контроль правительства.

Еще одним изменением во время правления Мехмеда II было появление новой формы союзов, в которых обладатели высших правительственных постов были связаны с османской династией посредством браков — эта форма просуществовала до падения империи. Так же как и государства, с чьими правящими семьями османская династия ранее породнилась в расчете на абсолютную преданность в мире, где верность непостоянна, присоединялись к османским владениям, например, Византия, Сербия и Караман, так же происходило и с недостатком подходящих для женитьбы партнеров для султанов и членов их семей. После казни первого великого визира Чандарли Халил-паши пост, видимо, занял Заганос Мехмед-паша, наставник и наперсник Мехмеда с самого его детства, который был уверен, что Константинополь падет перед его господином. Он был потомком христиан, чья дочь была замужем за Мехмедом. После Заганоса Мехмед-паши великим визирем стал бывший сербский военнопленный Махмуд-паша Ангелович, кото-

рый был женат на дочери султана. Получив назначение за доблесть, проявленную во время неудачной осады Белграда в 1456 году, он оставался на этом посту до 1468 года, когда пал жертвой интриг своего соперника Рум Мехмед-паши, видимо захваченного при взятии Константинополя. Одаренный военачальник, Махмуд-паша сопровождал султана Мехмеда во многих из его наиболее успешных кампаний. Писавший на рубеже веков летописец Мехмед Нешри сказал о нем, что султан будто отрекся от престола в пользу своего великого визиря. Оказывается, предлогом для смещения Махмуд-паши с поста великого визиря послужило то, что он избирательно проводил депортацию караманидского населения в Стамбул, после кампании 1468 года, позволяя богатым остаться. Похоже, что он был слишком расположен к непокорному караманидскому принцу Пир Ахмеду. В основном Рума Мехмеда помнят по нелюбимым описаниям Ашикпашазаде, на чью семью неблагоприятным образом повлияло введение налога на имущество в Стамбуле, от которого султан Мехмед приказал освободить в период первой волны завоеваний, с целью оживить город. Подвергая сомнению мотивы Рум Мехмед-паши, Ашикпашазаде прибегает к обвинениям в связях с Византией. Некоторые из этих налогов были отменены при очередной смене политического курса, когда на трон вззошел сын Мехмеда Баязид.

Махмуд-паша был восстановлен в должности великого визиря в 1472 году, но уже никогда не пользовался полным доверием султана. Сыграв сомнительную роль в походе 1473 года против Узун Хасана и его сил, он был смещен в пользу амбициозного соперника, другого талантливого военачальника Гедик Ахмед-паши, также выходца из византийской или византийско-сербской знати. Он был назначен верховным визирем на место Махмуд-паши, но близкие ко двору писатели возлагали вину за окончательный уход Мехмед-паши на его плохие отношения с сыном султана принцем Мустафой. Летописцы того времени не указывают никаких причин вражды между принцем и великим визирем, нет объяснения решению Мехмеда в 1474 году казнить человека, который на протяжении многих лет осуществлял планы его завоеваний. Принц Мустафа, как упоминалось выше, заболел и умер в 1474 году, спустя столетие будет высказано предположение, что Махмуд-паша отравил принца в отместку за осквернение последним его гарема. Документ того периода, обнаруженный через 500 лет после события, сообщает детали юридической тяжбы по поводу завещания Махмуд-паши, между

его дочерьми от первого брака и его второй женой. Махмуд-паша, очевидно, развелся со своей второй женой по возвращении из похода против Узун Хасана в 1474 году, поскольку узнал, что она опозорила его, проведя ночь в доме матери принца Мустафы, когда принц находился там же: поскольку ее муж находился в отъезде, и она пошла в дом матери принца ночью, скандальной трактовки ее поведения было не избежать. Махмуд-паша был пострадавшей стороной, но заплатил жизнью за неспособность держать под контролем жену. Жизнь самого высокопоставленного государственного деятеля в империи зависела от случая, даже когда он был в милости у султана.

Предшественники султана Мехмеда заложили основы абсолютной монархии, управляет которой и защищает которую каста рабов, подчиненных только султану; грандиозные устремления Мехмеда и его амбициозные мечты придали этой идее дальнейшее развитие. Он видел себя законным наследником Византии и воином, осуществившим исламские предания о том, что несравненный Константинополь однажды станет мусульманским; а также наследником героев античного мира. Он немного знал греческий, и, должно быть, его интерес к античности был широко известен в политических кругах того времени. Об этом в свое время упомянул венецианец Николо Сагундино, уроженец острова Эвбея, в своем описании османов. Мехмед, писал Сагундино, восхищался спартамцами, афинянами, римлянами и карфагенянами, но выше всех ставил Александра Македонского и Юлия Цезаря. Византиец Критовул с острова Имброс написал во вступлении к хвалебной биографии султана, что деяния Мехмеда равны подвигам Александра:

Видя, что ты совершил множество великих деяний... и в уверенности, что многие великие свершения полководцев и царей прошлого, и не только персидских и греческих, не могут соперничать славой, отвагой и неустрашимостью в бою с твоими, я думаю, что не только их деяния и свершения... должны все прославлять и восхищаться... в то время как о твоих не останется свидетельств в будущем... или что деяния других... должны быть более известны и прославляемы... в то время как твои свершения ... [которые] никак не ниже деяний Александра Македонского ...не должны быть ни рассказаны... ни запечатлены в славе.

Мехмед поощрял свое сравнение с великими воинами прошлого. Отправившись завоевать Лесбос у венецианцев в 1462 году, по

пути он посетил Трою, где осмотрел руины, отметил выгодное расположение места, осведомился о могилах героев осады Ахилла, Аякса и других и заметил, что им воистину посчастливилось быть воспетыми таким поэтом как Гомер. Вскоре после этого он приказал сделать копии Илиады, классического жизнеописания Александра Македонского и «Анабазис Александра Великого» Арриана для своей библиотеки. Историческая традиция, которую он пытался поддержать и частью которой считал себя, брала начало в далеком прошлом, но его взор был обращен в прекрасное будущее его империи.

Глава 4

СУЛТАН ПРАВОВЕРНЫХ

Султан Мехмед установил твердое правление над османскими владениями, но не сумел установить такую же власть над собственной семьей. После его смерти вражда между двумя оставшимися в живых сыновьями Баязидом и Джемом (известном как Джем Султан) серьезно потревожила спокойствие государства. Баязид был успешен в притязаниях на трон, но угроза его праву на власть исходила от харизматичного младшего брата до самой смерти Джема в 1495 году.

С другой проблемой было не так легко справиться, и она продолжала досаждать и Баязиду и его сыну и наследнику Селиму I: хотя для западных государств победоносные османы казались постоянной угрозой, сами османы были озабочены опасностью с востока в лице иранского государства Сефевидов и той привлекательностью, которую оно сулило огузо-туркменским народам восточной Малой Азии.

В момент смерти султана Мехмеда Джем управлял османской провинцией Караман из своей резиденции в Конье, а Баязид был в Амасье, административном центре пограничной провинции Рум, которой он правил в детстве, хотя и номинально, с 1454 года. В правление отца он служил военачальником на восточной границе Малой Азии и отличился в походах против Узун Хасана и Аккоюнлу. Его двор в Амасье служил убежищем для тех, кто противостоял его отцу, особенно в последние годы жизни Мехмеда, когда великий визирь Караманлы Мехмед-паша занимался усилением власти центрального правительства над провинциями. В то время как Мехмед

сам изучал античное и византийское наследие, преемником которого он себя считал, Баязид прибегнул к помощи преподавателей исламских наук и философии, поэтов и мистиков, людей, чьи интеллектуальные корни были на Востоке.

Исламская традиция требовала хоронить как можно скорее, но тело Мехмеда II было забыто, после того как его тайно перевезли в Стамбул на следующий вечер после его смерти, и прошло три дня, прежде чем благовонные свечи были зажжены подле него, чтобы приглушить запах. Караманлы Мехмед-паша попытался осуществить то, что, по его мнению, было последним желанием султана, наследование трона принцем Джемом, а не принцем Баязидом, попросив обоим братьям уведомления о смерти Мехмеда: Конья была ближе к столице, чем Амасья, и он надеялся, что Джем прибудет, чтобы потребовать трон, раньше. Но янычары поддерживали Баязида, и уловка Караманлы Мехмеда привела их в ярость. Несмотря на секретность, новости о смерти Мехмеда распространились, и когда Караманлы Мехмед попытался помешать янычарам вернуться в Стамбул, что им было делать запрещено, они убили его. Его убийство отчетливо показало, что корпус янычар, созданный османскими султанами, чтобы быть им верной охраной и элитными силами в армии, был чудовищем, которое ставило свои собственные интересы выше интересов своих господ.

Прибытие корпуса в столицу и убийство Караманлы Мехмеда-паши вызвало беспокойство и продолжительные массовые беспорядки. Предыдущий великий визирь Исхак-паша, остававшийся в Стамбуле в отсутствие султана, осознал всю важность разворачивавшейся драмы. Он написал Баязиду, умоляя того поспешить, и захватил инициативу, провозгласив одиннадцатилетнего сына Баязида принца Коркуда регентом, до прибытия в столицу его отца. Страх Мехмеда перед распрями в собственной семье был настолько велик в последние годы его правления, что Коркуда держали в Стамбуле, чтобы при случае он мог стать залогом лояльности тех, кто противостоял его деду. Провозглашение Коркуда регентом успокоило мародерство и беспорядки и про-Баязидская группировка сплотилась, чтобы противостоять наступлению Джема. Сторонники Баязида включали двух его зятьев, занимавших влиятельные позиции в правящих кругах: правителя Румелии Херсекзаде Ахмед-пашу и Синан-пашу, правителя провинции Анатолу, которому было отдано распоряжение блокировать дороги между Коньей и столицей. Похо-

же, что Синан-паша перехватил гонцов, посланных к Джему в Конью неудачливым Караманлы Мехмедом.

Хотя Баязид смог заручиться радушным приемом по приезде в Стамбул, у Джема была сильная поддержка в Малой Азии. Армия Джема двинулась из Коньи к старой столице османского государства, Бурсе, по всему пути встречая сопротивление сторонников Баязида. Баязид отправлялся из Амасьи, чтобы заявить свои права на престол, с некоторым опасением, но прибыл в Стамбул и был провозглашен султаном 22 мая 1481 года. Набальзамированное тело Мехмеда покоилось во дворце Топкапы, после приезда Баязида его перевезли в его мечеть для похорон. Анонимное и, возможно, современное тем событиям французское письмо, описывающее похоронную процессию, сообщает любопытную деталь — портрет султана везли на крышке его гроба. Параллель между церемонией похорон Мехмеда, и церемонией на похоронах основателя Константинополя императора Константина Великого в 337 году н. э. наводит на мысль, что даже в смерти султан подавал свой образ как законного наследника столицы и империи византийцев. Тогда как прежние султаны и высокопоставленные члены османской династии были похоронены в Бурсе, Стамбул, столица империи Мехмеда, теперь стал местом погребения султанов, где бы ни настигла их смерть.

Игнорируя армию брата, Джем обосновался в Бурсе, где подтвердил свои претензии на османский трон, начав чеканить монеты и поощрив чтение проповедей на пятничной молитве от его имени. Тем не менее понимая слабость своей позиции, он послал в качестве эмиссара свою тетю с предложением Баязиду поделить империю между ними двумя. Султан Баязид отказался, но серьезно воспринял возможность того, что популярность Джема может угрожать его власти в Малой Азии, и вызвал опытного военачальника Гедика Ахмед-пашу из Отранто. Гедик Ахмед был на стороне Баязида, когда братья встретились в сражении при Енишехире, к востоку от Бурсы; Джем был вынужден отступить в Конью, куда он прибыл 25 июня, преследуемый Баязидом. Хотя в армию Джема входили войска из Карамана и члены родов, не принявших недавнее включение Карамана в состав османского государства, ему было небезопасно оставаться в Малой Азии, и, взяв с собой семью и советников, он отправился на юг через горы Тавра в Адану, резиденцию Рамазаногуллары, вассалов мамлюков.

Баязид обратился к своему тестю Алаюддевле, правителю соседнего Дулкадира, с просьбой задержать Джема. То, что эта просьба

была проигнорирована, означало, что Джем воспринимался как подлинный претендент на престол, которого Дулкадир — он, как и эмират Рамазаногуллары, был буферным государством между османами и мамлюками, ориентируясь сначала на одну, а затем на другую из этих сильных держав — не мог позволить себе оттолкнуть. Из Аданы Джем продолжил свой путь в Антакью, а затем Алеппо, откуда он проник на территорию мамлюков, и в конце сентября прибыл в Каир.

Джем и его окружение, куда входили его мать Чичек Хатун, жена и ближайшие родственники, были приняты с большой теплотой и торжественными церемониями в Каире султана Вахид-бея. Джем совершил паломничество в Мекку, а по возвращении в Каир его посетил караманидский принц Касым, брат протеже Узун Хасана Пир Ахмеда. Как и многие лишённые права владения принцы до него, Касым видел благоприятную возможность в спорном престолонаследии и, в надежде получить обратно свои родовые территории, предложил Джемму наступательный союз против Баязида. Джем, соответственно, вернулся в Малую Азию в начале 1482 года, чтобы встретить Касыма и его армию в Адане. Они осадили Конью, куда старший сын Баязида Абдулла был назначен правителем на место Джемма, но Абдулла и Гедик Ахмед-паша отбили нападение. Джем и Касым выступили по направлению к Анкаре, но вести из Стамбула о приближении самого Баязида заставили их отступить в Киликию. Туда к Джемму прибыл посол от Баязида, предлагавшего ему некую сумму золотом и возможность удалиться в Иерусалим, но у Джемма не было намерений ретироваться.

Не ясно, почему Баязид считал, что Джем может согласиться поселиться в Иерусалиме, городе, расположенном глубоко на территории мамлюков. Не только отношения между мамлюками и османами были далеки от сердечных, но на Иерусалим все еще претендовали западные монархи, вынашивавшие планы продолжения крестового похода в Великую Сирию. В письмах к султану Баязиду король Неаполя Ферранте величал себя «Королем Иерусалима», ведя переговоры об уходе османов из Отранто в 1481–1482 годах, а Карл VIII, ставший королем Франции в 1483 году, был еще более амбициозен: он не только использовал титул «Король Иерусалима», но еще, как и Мехмед, воображал себя наследником византийских императоров.

Как и после поражения от Тамерлана тезки султана Баязида I в 1402 году, Османская империя вновь столкнулось с опасностью раз-

дела. Караманский Касым-бей, выказывавший меньше оптимизма, чем Джем, по поводу перспективы успешного преследования Баязида в Малой Азии, предложил Джемю вместо этого отправиться морем в Румелию и там разжечь восстание (возможно, он помнил пример Мусы, сына Баязида I, 70-летней давности). Но Джем не мог рассчитывать на серьезную поддержку в Румелии. Его сторонники были в Малой Азии, за пределами этого региона против него будут направлены все силы регулярной армии, унаследованной Баязидом в качестве легитимного султана. Получив гарантии неприкосновенности от рыцарей-госпитальеров ордена Св. Иоанна с острова Родос, Джем отправился в путь с эскортом из приблизительно 30 сопровождающих и слуг из средиземноморского порта Корикос на южном побережье Малой Азии и прибыл на Родос 29 июля 1482 года. Касым просил у рыцарей оружия, чтобы продолжать свое рискованное предприятие в Румелии, но они, не решаясь выступить против Баязида открыто, отказались снабжать его. Джем провел на Родосе месяц, в течение которого он уполномочил Великого гроссмейстера ордена Пьера де Обюссона провести переговоры с Баязидом от своего лица. Он затем отплыл во Францию, где рыцари могли укрыть его от брата.

Примерно в это время Джем послал Баязиду двестишие, в котором он выразил сожаление о несправедливости и чувство тоски:

С улыбкой, на ложе из лепестков роз ты лежишь, наслаждаясь,
Со скорбью в сердце я ютюсь среди пепла в остывшем камине —
почему так?

На которое Баязид ответил:

Мне отдана империя по праву,
А ты не хочешь смириться с судьбой — почему, почему так?
Ты утверждаешь, что ты паломник к святыням,
Но вздыхаешь по земному султанству — почему так?

В тот же день, когда Джем отплыл с Родоса во Францию, посол покинул остров и отправился к османскому двору. Рыцари обдумывали, как собрать силы для крестового похода против уязвимого на тот момент султана, но не найдя союзников, поспешили продлить мирное соглашение с османами. Это соглашение, ратифицированное к концу года, в основном было похоже на то, что было подписа-

но при вступлении Мехмеда II на престол. То, что Джем находился у них, давало рыцарям возможность управлять Баязидом и уверенность, что осада 1480 года не повторится, по крайней мере в ближайшее время. Более того, они могли позволить себе предать доверие Джема: вместо того, чтобы защищать Джема от Баязида, д'Обюссон снабдил своих послов секретным меморандумом, чтобы уведомить Баязида о возможности соглашения. Баязид осознавал тот вред, который Джем мог принести в качестве знамени христианского наступления на его империю и, как и было обещано в секретном меморандуме, посол, которого он отправил на Родос с соглашением для ратификации его Великим гроссмейстером, заключил дополнительное соглашение, напоминающее договор между Мехмедом II и византийским императором Константином XI по поводу претендента Орхана, в нем оговаривалось, что рыцари будут держать Джема под стражей во Франции в обмен на ежегодную выплату Баязидом 40 000 золотых дукатов.

Джем прибыл в Ниццу 17 октября 1482 года и, как утверждают, выразил свое изумление экзотическим окружением в следующем двустииши:

Как удивительно прекрасен этот город Ницца,
Где никто не удивляется, каким бы ни был твой каприз!

Две казни последовали за отъездом Джема на Запад. Гедик Ахмед-паша, бывший великий визирь и верховный адмирал, навлек на себя гнев Баязида тем, что не смог схватить Джема, когда тот бежал в Египет; теперь, когда непосредственная угроза, которую представлял собой Джем, была устранена, Баязид приказал убить Гедика Ахмед-пашу в Эдирне. В Стамбуле правителю города Искендер-паше было приказано задушить младшего сына Джема Огуза (как и Коркуда, его держали заложником в Стамбуле со времени правления Мехмеда II), но тот не смог совершить ужасное убийство своими руками. И вместо этого он использовал яд.

Баязид опасался, что Джем либо сам плетет заговор, либо, что еще хуже, его используют враги для собственных целей. Но насильственное перемещение Джема во Францию еще более отдалило его от трона. Он знал, что любому наступлению, предпринятому Касымом из Румелии, помешает османский флот, который контролировал Баязид. Джем также понимал, что он не может ожидать помощи от Запада. Итальянские государства не горели желанием идти

на риск против испытанного противника — Неаполь вернул себе Отранто, но шок от османского захвата крепости в 1480 году убедил короля искать мира, и за время, проведенное на Родосе, Джем, видимо, обдумал все имеющиеся варианты. Франция также не выказывала интереса к участию в крестовом походе против Баязида.

Из Ниццы Джима повезли в глубь страны, из замка в замок на юго-востоке Франции, его тюремщики, мотивированные значительной ежегодной суммой, которую они получали от султана в качестве гарантии заключения. Мехмед посылал различных агентов, чтобы те проверяли местонахождение его брата и сообщали, чем он занят. Одним из них был моряк по имени Барак, который в 1486 году путешествовал из Стамбула через итальянскую границу во Францию — опасная поездка, во время которой он был ограблен. Он прибыл в Геную, откуда его повезли в Турин на встречу с Карлом, герцогом Савойским, который встречался с Джемом прежде и пытался помочь ему бежать. Сначала герцог отнесся к Бараку с подозрением, но согласился дать проводника, если Барак сможет оплатить расходы. Барак не смог занять достаточно денег и сел на корабль, идущий из Генуи, намереваясь вернуться в Стамбул. Сойдя на берег в Рапалло, к югу от Генуи, он подслушал важный разговор, возможно в таверне: рыцари собираются переправить Джима в Италию. Это побудило Барака вернуться в Геную, где он ухитрился занять достаточно денег, необходимых для продолжения поисков, и с предоставленным герцогом проводником отправился из Турина на запад; они перешли Альпы через перевал Монт-Сени, следуя сообщениям местных информаторов о том, что видели «турок», пока не достигли отдаленной крепости Бурганёф в центральной Франции, примерно в 40 километрах от Абюссона, родины Пьера де Обюссона, Великого гроссмейстера рыцарей-иоаннитов. Как сообщил Барак допрашивавшим его по возвращении в Стамбул:

Мы спросили трактирщика: «Сейчас время мессы?»... «Да», — ответил он. Он [т. е. проводник] взял меня в церковь. Войдя в церковь, мы увидели множество рыцарей, каждый читал из книги, держа ее в руках. Я стоял в укромном углу. Человек, приведший меня, подошел и тронул за плечо, и мы вышли из церкви. Снаружи замка, около рва, мы увидели несколько человек в чалмах. Я видел шесть человек в чалмах. Он [т. е. Джем] был одет в платье из черного бархата и разговаривал с человеком

с пышной бородой, который не выглядел военным. У него самого борода была коротко подстрижена, а усы отпущены длинно, но лицо было бледным: я спросил [своего провожатого], и оказалось, что он только что поправился от болезни.

Так близко он подобрался к Джему. Дальнейшей помощи от Карла Савойского, который должен был разобраться с восстанием на собственных землях, не последовало, и, похоже, агент Баязида Барак был вынужден вернуться в Стамбул.

Подстрекаемый матерью Джема Чичек-хатун, которая после отъезда сына осталась в Египте, мамлюкский султан Вахид-бей в первые месяцы правления Баязида периодически переписывался с рыцарями Родоса о возможности посылки Джема обратно в Каир, но ему всегда отказывали. Он участил свои попытки после 1485 года, когда мамлюки воевали с османами, а в 1487—1488 годах обратился к французскому королю Карлу VIII через посредничество Лоренцо Медичи и предложил 100 000 золотых дукатов за возвращение Джема в Каир. Но к тому времени уже шли переговоры, о которых удалось подслушать Бараку: папа Иннокентий VIII пытался убедить короля Карла, что для христианского мира будет лучше, если Джема передадут ему. В марте 1489 года Джем прибыл в Рим, в Ватикан, ему было 29 лет.

Заполучив Джема, папа начал собирать силы для похода против Баязида и осенью 1489 года отправил посла к Вахид-бею, чтобы начать переговоры о помощи мамлюков. Вахид-бей, все еще надеясь, что Джем вернется под его опеку, пообещал Иннокентию, что бывшее королевство крестоносцев Иерусалим может быть восстановлено, если папа пришлет Джема в Египет. Но в 1490 году умер Матиаш Корвин, который годами пытался взять Джема под свою защиту сам по себе или от лица Вахид-бея, и началась новая дипломатическая игра. Баязид и папа обменялись послами, и в конечном итоге было достигнуто соглашение, такое же, как между рыцарями Родоса и Баязидом. Папа пообещал быть сторожем Джему и не использовать его против Баязида, за это он должен был ежегодно получать сумму в 40 000 золотых дукатов и получить христианские реликвии, наприаер наконечник копья, пронзившего бок Христа во время распятия, которые хранились в Стамбуле со времен «Завоевания». Сделка была заключена, при изрядном дефиците доверия с обеих сторон.

Шли годы пребывания Джема в плену, полные тоски. В неприступной крепости, в Бурганёфе, которая сохранилась до наших дней, жизнь в ссылке, в окружении лишь нескольких слуг, стала тяготить его, и интерес к продолжению вражды с братом ослабел. После того как он прибыл в Рим, значительные суммы тратились на его содержание, но Джем ничего не хотел так сильно, как вернуться на родину или хотя бы, писал он, прожить остаток жизни в Иране, арабских странах или Индии. Несмотря на туманную перспективу крестового похода, он не смог, как сказал папе, отказаться от своей веры, «даже ради власти над миром». В письмах, доставлявшихся Баязиду из Рима, Джем выражал свое сильнейшее желание покинуть тюрьму и, видимо, был вполне искренен, когда писал, что готов забыть о разногласиях между ними и поклясться в верности брату.

Будучи пленником в Риме, Джем, возможно слышал о драме, разыгравшейся вдалеке от его родины, отзвук которой докатился и до Стамбула. 2 января 1492 года город Гранада в Андалузии на юге Испании, резиденции исламской династии Насридов, сдался армиям Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской; месяц спустя в Риме была проведена пышная церемония, чтобы отпраздновать испанскую победу. Память о падении Константинополя была еще свежа в умах христианского мира, а победа над «маврами» приветствовалась как реванш за множество бед, пережитых по вине османов. Султан Мехмед II принял делегацию андалузских мусульман, искавших его защиты, в 1477 году, за год до официального начала действия испанской инквизиции, а Баязид предоставил им убежище после падения Гранады. Хотя никто не принуждал делать выбор до 1501 года, многие приняли его предложение, и в течение нескольких лет три большие церкви в Фессалониках были превращены в мечети, в которых проходили службы для тех, кто принял османское убежище. После многих превратностей судьбы остатки андалузской мусульманской общины были вытеснены с Иберийского полуострова между 1609 и 1614 годами.

Евреям из Испании, называемым сефардами, повезло меньше. Они находились под давлением задолго до начала инквизиции, и многие обратились в католичество. Тем не менее инквизиция не доверяла искренности новообращенных, и многие не выдержали испытания и были убиты. Исповедовавшие иудаизм были высланы из страны в 1492 году и эмигрировали в Португалию, Францию и другие европейские страны. Многие отправились жить в Османскую

империю, где встретились с грекоговорящими евреями, называвшимися романиотами, и немецкими евреями, называвшимися ашкенази, также высланными из своих стран. Как сообщают, султан Баязид приветствовал испанских евреев следующим высказыванием: «Можно ли назвать такого короля [т. е. Фердинанда] мудрым и благоразумным? Он обедняет свою страну и делает богаче мою империю». Самая многочисленная волна еврейской иммиграции на османские земли имела место между 1492 и 1512 годами и была вызвана преследованиями, которые в этот период распространились по всей Европе. Баязид хотел, чтобы беженцы сосредоточивались в провинциальных центрах, и вскоре общины сефардов были во многих городах империи. Однако их появление не приветствовалось в Стамбуле, и новые синагоги в столице были закрыты, а известных евреев поощряли к принятию ислама.

Равновесие, установившееся в 1490 году благодаря соглашению, заключенному между Иннокентием VIII и Баязидом по поводу Джема, не продлилось долго. Османский претендент был использован в качестве залога в европейской политике, когда Карл VIII попытался доказать свои притязания на Неаполитанское королевство. В 1492 году Иннокентия сменил Александр VI, и у нового папы была настоятельная необходимость поддерживать соглашение с Баязидом, которому он написал о планах французского короля:

...король Франции спешит к Риму с несметной сухопутной и морской силой, при поддержке миланцев, бретонцев, португальцев, норманнов и других, чтобы вырвать из наших рук султана Джема, брата Его Величества, и захватить Неаполитанское королевство и занять место короля Альфонсо.

Ответ Баязида папе, посланный в Рим вместе с деньгами на содержание Джема, был перехвачен и предан огласке, документ, изображающий папу как союзника врага христианского мира. Карл, бывший во Флоренции, двинулся на юг через Италию и подошел к напуганному Риму в последний день 1494 года. Он потребовал, чтобы ему выдали Джема. Папа Александр был вынужден уступить. Джем был надлежащим образом переведен в заключение к Карлу и отправился к Неаполю вместе с королевской армией.

Король Неаполя Альфонсо, преемник короля Ферранте, обратился к Баязиду за помощью. По сведениям венецианского писателя того времени, султан по-настоящему испугался, что Карл может

привезти Джема на Балканы и поднять жителей этого региона: османский посол в Венеции писал, что французский король рассчитывал на поддержку лишенных наследства наследников знатных домов Византии и Сербии, а также на клан Скандербег Кастриота. Султан усилил защиту Дарданелл и привел флот в состояние готовности. В Стамбуле, где он инспектировал стены и руководил расстановкой пушек для защиты города, началась паника.

Через два дня после того как Карл и его армия подошли к Неаполю, Джем умер в ночь с 24 на 25 февраля 1495 года в возрасте 36 лет, после 13 лет в ссылке. Были слухи, что конец его вызван ядом, но, похоже, он умер от естественных причин. Даже в смерти он не обрел покой. Баязид прислал гонца с требованием отправить тело к нему в обмен на остальные христианские реликвии, бывшие в его владении: без тела, говорил он, у него нет доказательств кончины Джема. Карл перевез тело в неприступную крепость Гаэта, расположенную на побережье к северу от Неаполя, и когда в ноябре 1496 года французы уходили из Гаэты, гроб был передан принцу Фредерику Неаполитанскому в обмен на французских пленных, находившихся в руках неаполитанцев. Неаполь нуждался в помощи султана против своих врагов, а Баязид угрожал аннулировать мир между ними, если Неаполь не отправит тело в Стамбул. Дальнейшие переговоры увенчались успехом, и к началу 1499 года останки Джема были на пути в Стамбул, пересекая Адриатическое море из Сан-Катальдо, расположенного в горах Италии, во Влёру на побережье Албании. Оттуда тело было привезено домой, очевидно морем, встречено с большой помпой в Гелиболу и привезено в Бурсу. Здесь Джем был наконец погребен рядом со своим старшим братом Мустафой в усыпальнице его деда султана Мурада II. Его могилу можно посетить до сих пор. Удивительная история жизни Джема захватила воображение писателей, как на Западе, так и на Востоке, и до наших дней продолжает служить источником вдохновения. Он изображается трагической личностью эпического масштаба, настоящим ренессансным принцем, образованным и талантливым, автором высоко оцененной поэзии, который слишком поздно осознал безрассудность своих политических амбиций, чтобы спастись от пышного плена и загадочной смерти.

После похорон Джема султан Баязид был наконец-то свободен, но этот эпизод в османской истории примечателен тем, что предвещал перемены в османской дипломатии по отношению к христи-

анским государствам. В отличие от дипломатических соглашений прошлого, когда одно государство было посредником в отношениях с османами от лица всех, чьи интересы были затронуты, переговоры по поводу заключения Джема велись с каждым государством в отдельности. Баязид мог использовать соперничество между ними, и с середины 80-х годов XIV века прямые двусторонние отношения с европейскими государствами стали перевешивать соглашения прошлого. Впервые в этот период были направлены османские послы к европейским дворам — во Францию в 1483 году, в Московское княжество в 1495 году и в Священную Римскую империю в 1496–1497 годах. Хотя и христианские, и мусульманское государства описывают свои отношения как стабильно враждебные, одиссея Джема показала степень, до которой политическая целесообразность, а не религиозная идеология определяла их позиции. Для всех было очевидно, что король Франции Карл VIII представляет собой более непосредственную угрозу миру в Италии, чем Османская империя, и османы умело использовали ситуацию.

Годы, в течение которых Баязид был занят судьбой Джема, также показали, что, несмотря на выдающиеся достижения Мехмеда II, целостность Османской империи нельзя считать доказанной. Отъезд Джема на Родос в июле 1482 года дал султану Баязиду некоторую передышку от беспорядков внутри страны. Принц Карамана Касым, у которого были общие интересы с Джемом, добивался прощения султана и взамен отказа от претензий на независимость был назначен правителем провинции Ичель (ориентировочно Киликия) на юге Малой Азии, бывшей частью эмирата Караман. Будучи уже пожилым человеком, он скончался в 1483 году. Теперь Караманом можно было управлять как неотъемлемой частью османских владений, но ситуация оставалась напряженной. Даже в 1500 году Баязид был вынужден послать войска, чтобы победить еще одного претендента на Караман, племянника Касыма Мустафу, который прибыл из Ирана с армией для поддержки местного восстания.

В соперничестве за лояльность огузо-туркменского племенного населения, проживающего в буферном регионе между мамлюками и османами, султан Вахид-бей устоял перед соблазном использовать Джема, но период, который Джем провел под защитой мамлюкского султана в 1481 году, был предвестием будущего столкновения. Помимо караманидских племен, теперь по крайней мере номинально османских, хотя и недовольных, там были все еще независимые эмираты династий Дулкадироглу и Рамазаноглу, конт-

ролировавшие территории с неустойчивыми границами из своих центров в Эльбистане и Адане соответственно и надеявшиеся то на поддержку мамлюков, то на османов для продления своих полномочий.

Первая осmano-мамлюкская война началась в 1485 году, когда с благословения своего зятя Баязида Алаюддевле из Дулкадира осадил мамлюкский город Малатью, расположенный к западу от Евфрата на юго-востоке Малой Азии. Баязид послал подкрепление Алаюддевле, когда мамлюки ответили на агрессию; мамлюки были разбиты, но добились победы в следующем столкновении вскоре после этого. Летом 1485 года правитель мамлюков старался изо всех сил уязвить Баязида, конфисковав подарки, посланные ему шахом Декана (на полуострове Индостан), когда их везли по мамлюкской территории. Летом 1485 года Баязид послал армию под командованием нового правителя Карамана Карагёза («Черноглазый») Мехмед-паши против огузо-туркменских племен Тургулду и Варсак, которые оказывали самое ожесточенное сопротивление османскому присоединению Карамана и предоставили воинов для армии Джема в его попытке прийти в Стамбул в 1481 году. Карагёз Мехмед захватил крепости области Тарс-Адана, чье стратегическое положение, позволявшее контролировать пути из Малой Азии в Сирию, заслужило им эпитет «ключ к арабским землям».

Султан Вахид-бей действовал решительно, чтобы предотвратить османскую угрозу своим владениям. В марте 1486 году войска мамлюков сошлись на поле боя около Аданы с объединенными силами отрядов из Карамана Карагёза Мехмеда и армией, посланной из Стамбула под командованием зятя Баязида Херсекзаде Ахмед-паши, губернатора Анадола. Карагёз Мехмед и его люди бежали (позднее он был арестован и казнен), а Херсекзаде Ахмед захвачен в плен и отослан в Каир. Мамлюки взяли под свой контроль Адану, Тарс и Киликийскую равнину. На следующий год великий визирь Дауд-паша вывел на поле боя имперскую армию, к которой на этот раз присоединились силы Алаюддевле из Дулкадира. Вопреки совету Алаюддевле, первоначальный план направить войско против мамлюков был отклонен, и армия отправилась в другом направлении, для подавления восстания племен Варсак и Тургулду. Преуспев в этом, Дауд-паша вернулся домой, понимая, что он понизил риск нападения с тыла, когда бы османы ни возобновили свою кампанию против мамлюков.

В 1488 году османы предприняли одновременное наступление на мамлюков на суше и на море. Херсекзаде Ахмед-паша, недавно освобожденный из плена в Каире, командовал флотом в поддержку сухопутной операции, в то время как армией командовал правитель Румелии Хадым («Евнух») Али-паша. Войдя на спорную территорию, армия захватила несколько крепостей у мамлюков и их вассалов. Оба противника пытались привлечь помощь Запада — из-за договора с мамлюками Венеция отказала Баязиду в использовании Кипра в качестве базы, в то время как Вахид-бей так же безуспешно пытался установить контакты с другими итальянскими государствами. На Родосе испытали облегчение, когда османский флот проплыл мимо, не выдвигая никаких требований — поскольку рыцари Святого Иоанна поддерживали дипломатические и торговые отношения с мамлюками, они боялись именно османов. Венеция послала на Кипр флот, помешавший армаде Херсекзаде Ахмеда пристать к берегу; вместо этого она причалила в заливе Искендерон на побережье Малой Азии, чтобы противостоять силам мамлюков, когда они двигались на север по дороге из Сирии. Но свирепый шторм разметал османский флот, и мамлюки смогли беспрепятственно продолжить движение по направлению к Адане. Армия Хадыма Али потерпела сокрушительное поражение в произошедшей позднее битве и бежала, преследуемая силами огузотуркменских племен. Мало утешало то, что мамлюкский отряд, возвращавшийся в Алеппо, был разбит Херсекзаде Ахмедом. Хадым Али отошел в Караман и попытался перегруппировать свои разрозненные силы. Многие из османских провинциальных военачальников, бежавших с поля боя, были доставлены в Стамбул и заключены в крепость Румели-Хисары на Босфоре. Крепость Адана противостояла осаде три месяца, прежде чем османский гарнизон сдал ее мамлюкам. Поражение стоило османам поддержки нескольких огузотуркменских племен, на которые ранее они могли оказывать влияние, а также позволили Алаюддевле из Дулкадира более открыто отдавать предпочтение мамлюкам, как сильнейшему государству в регионе. Османы отреагировали, поддержав его брата Сахбудака в качестве правителя Дулкадира, но не смогли навязать его кандидатуру, и он был отправлен пленником в Египет, где тоже принял сторону мамлюков.

И все же мамлюки были не в состоянии развить свой успех. В 1490 году их армия вторглась в Караман, чтобы осадить Кайсери

в центральной части Малой Азии, лишь для того чтобы ретироваться, узнав, что к ним направляется армия Херсекзаде Ахмед-паши. Мамлюки не могли более нести груз издержек этого противостояния, которое привело к патовой ситуации, и они столкнулись с внутренней оппозицией войне. Османы знали, что их собственные войска, возможно, должны будут скоро противостоять крестовому походу с Запада, и в следующем году был заключен мир: граница между двумя государствами была установлена по перевалу Гюлек, господствовавшему над путями по восточным горам Тавра, а мамлюки сохранили влияние в районе Аданы.

Безрезультатная война османов с мамлюками уже закончилась, когда в 1495 году умер Джем, Баязид мог теперь обратить свое внимание на Запад. Венецианский посол в Стамбуле увидел широкие приготовления, проводившиеся в арсенале в бухте Золотого Рога в 1499 году, но не мог предположить, что целью может быть его республика или ее приморские территории: Венеция проявляла осторожность, держась подальше от любых планов крестового похода, обсуждавшихся в годы плена Джема, и жила в мире с османами с 1479 года. Вместо этого он подумал, как и рыцари-госпитальеры, что армада будет направлена против острова Родос.

Похоже, что Баязид стремился завершить план отца по изгнанию венецианцев из остававшихся у них аванпостов. Нафпактос сдался после наступления с моря и с суши 28 августа 1499 года, и османы укрепили узкий вход в Коринфский залив двумя стоящими друг против друга крепостями, так же как они укрепили другие свои стратегические фарватеры Босфор и Дарданеллы. Сама Венеция была потрясена в октябре вылазками, проникшими на ее территорию вглубь на 30 километров. В начале 1500 года венецианский эмиссар добивался возвращения Нафпактоса на аудиенции при османском дворе, лишь для того чтобы быть проинформированным, что султан собирается завладеть всеми венецианскими аванпостами на восточном побережье Адриатического моря и сделать Адриатику границей между его владениями и Венецией; позже в этом году Модон, Корон и Пилос (Наварино) на побережье юго-западной части Пелопоннеса были взяты в результате нападения османов с моря.

Оставив в стороне свои разногласия и после большого количества дипломатических прений Венеция, папство и Венгрия образовали союз против османов в мае 1501 года. Венеция все еще владела островами Кипр, Крит и Корфу, число ее более мелких владений

сокращалось. Это усилило атаки республики на османские территории: позднее, в том же году объединенные французско-венцианские силы высадились на Лесбосе, расположенном у северо-западной части Малой Азии, но были отброшены. В следующем году венецианские силы высадились на юго-западном побережье Малой Азии у Фетхие (Макри) и разграбили прилегающие территории. Несмотря на помощь союзников, Венеция не могла пойти дальше этих незначительных демонстраций силы; она попросила мира, и соглашение, заключенное в 1503 году, приблизило Баязида к достижению цели — вытеснить Венецию с Балкан.

Победу в войне с Венецией принесли Баязиду морские силы, но они нуждались в восстановлении, и он приступил к полномасштабной реконструкции своего флота. Были построены более легкие, более маневренные корабли, их личный состав значительно увеличился. В течение нескольких лет не предпринималось никаких серьезных морских операций, флот был задействован для того, чтобы держать морские пути открытыми, защищая торговые и другие суда от пиратства, как свои, так и иностранные, ходившие в восточных водах Средиземного моря.

Наличие мощного флота открыло для османов новые перспективы, как когда-то для европейских государств. После того как Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды в ноябре 1497 года и добрался до Индии следующей весной, коммерческие интересы Португалии вошли в конфликт с многовековой арабской торговой системой в Индийском океане; в частности, они угрожали контролю мамлюков над торговлей специями из Южной и Юго-Восточной Азии. Усилия мамлюков на море оказались недостаточными, чтобы защитить свои интересы: в том же году, когда португальцы активизировались в Индийском океане, в восточной части Средиземного моря стало расти число пиратских нападений с острова Родос, и победа родосского флота над мамлюкским конвоем с грузом дерева с берегов Северной Сирии в 1508 году продемонстрировала беспомощность мамлюков на море. Мамлюки были вынуждены обратиться за помощью к Баязиду, таким образом Баязид смог добиться того, что был не в состоянии взять силой: признание его превосходства над мамлюками в борьбе за господство на Ближнем Востоке. В 1510 году посольство к османскому двору было вознаграждено дополнительной помощью оружием и продовольствием для мамлюкского флота. В дополнение к компетентности в морском деле, османы владели артиллерией, равной той, которую использовали ев-

ропейцы; они снабдили флот мамлюков пушками против португальцев, а также послали своих офицеров командовать мамлюкским флотом.

Эта неспособность мамлюков защитить свои корабли от португальцев дала Баязиду прекрасную возможность вмешиваться в дела мамлюков и преследовать свои интересы. Его мотивы были различными: доступ османов в Индийский океан позволил бы ему участвовать в прибыльной торговле специями, в то время как поддержка мамлюков препятствовала бы их союзу с новым врагом, появившимся на восточной границе, — шахом Сефевидов Исмаилом, — а также нейтрализовала любую возможную помощь мамлюков его сыну Коркуду, который, будучи недовольным провинцией, которой его назначили править, уехал в Каир в 1509 году, возможно готовясь бросить вызов власти Баязида. Расчеты Баязида оправдались.

Хотя появление португальцев в Индийском океане и последующее проникновение туда османов положило начало длительной вражде между ними, оба государства осознавали значительные финансовые и стратегические выгоды от вовлечения сил в ту часть мира, которой до настоящего времени мало интересовались. Более того, вмешательство Баязида в дела мамлюков открыло путь к завоеванию его сыном Селимом Сирии и Египта несколькими годами позже. Но пока иранское государство Сефевидов представляло угрозу для основ османской легитимности, настолько же опасную, как и вышеописанные. Борьба за превосходство внутри исламского мира во всех отношениях была настолько же напряженной, как и вражда между христианскими и мусульманскими государствами, и за первые триста лет существования представляла более серьезную угрозу для Османской империи.

Если ранняя стадия правления Баязида зависела от судьбы его брата Джема, то последние годы были отравлены появлением кызылбашей («Красные головы»). Термин «Кызылбаши» использовался для описания тех, кто носил высокие, красные колпаки с двенадцатью складками, как способ выразить свою приверженность двенадцати имамам шиитского ислама. В отличие от Караманидов и Аккоюнлу, которые вместе с мамлюками и османами являлись сторонниками суннитского ислама, новая сила, поднимавшаяся на восточных границах османов, набиравшее силу государство Сефевидов, разработала мировоззрение, основанное на верованиях шиитского меньшинства мусульман. Религиозные практика и обычаи

суннитов и шиитов отличаются мало — основное различие доктринальное: шиитский ислам ограничивает главенство исламским сообществом семьей пророка Мухаммеда и не признает легитимность династий Омейядов и Аббасидов, которые унаследовали эту роль. Приверженцы вероучения о «Дюжине» верят в то, что двенадцатый имам, лидер мусульманского сообщества, был попросту скрыт от своих последователей с момента своего исчезновения в 940 году н. э. и снова появится, чтобы возвестить Царство Небесное на земле. Это убеждение было исламским эквивалентом мессианских движений на заре новой Европы.

Государство Сефевидов получило свое название от шейха Сефи Аль-Дина Исхака, основателя религиозного ордена Сефевидов, появившегося в Ардебиле в северо-западном Иране. Шейх Сефи Аль-Дин умер в 1334 году, и историческая традиция приписывает основание государства, вдохновителем которого он был, 1501 году, когда четырнадцатилетний шах Сефевидов Исмаил возглавил армию, захватившую Тебриз, столицу остатков государства Аккоюнлу, у его правителя, приходившегося шаху двоюродным братом. Это была решающая битва в долгой войне за престолонаследие между принцами Аккоюнлу, которая началась еще до рождения Исмаила после смерти Узун Хасана (который приходился Исмаилу дедом по материнской линии) в 1474 году и усилилась в последние годы XV столетия. Превращение Сефевидов со времени шейха Сефи аль-Дина и временем Исмаила — от того, что современные ученые характеризуют как «более или менее условная суннитская суфийская организация, постепенно обзаводившаяся учениками и имуществом, необязательно в одухотворенной форме» — в государство, проявляющее крайнюю неприязнь к османам вкупе с радикальной позицией по отношению к тому, что обычно называют суннитским «ортодоксальным» исламом — все еще плохо осмыслено. Разумеется, использование термина «ортодоксальный» для характеристики ислама османов, или «неортодоксальный» для описания ислама Сефевидов, в равной степени не может передать смысл разновидностей религиозных практик в регионе, где правила проводить в жизнь «истинные» ритуалы были рудиментарны и где книжный ислам слабо влиял на народные верования.

Орден Сефевидов был основан на труднопроходимых нагорьях Малой Азии и западного Ирана, во времена, когда в этом регионе с многообразной культурой не было действенной власти, чтобы установить суннитское вероисповедание центральных арабских тер-

риторий. Учение сефевидских шейхов Ардебилля поначалу не слишком отличалось от суннитского ислама. Ключевой фигурой в трансформации сефевидских верований был дедушка Исмаила по отцовской линии — шейх Джунейд, который возглавил Сефевидов в 1447 году — воинствующее учение Джунейда одинаково шокировало бы современных последователей как суннитского ислама так и шиитов «дюжинников». Джунейд стал настолько влиятельным, что был сослан лидером Каракуюнлу Джихан-шахом, который сам был шиитом и на чьей территории расположен Ардебиль, и нашел убежище у врага Джихан-шаха Узун Хасана. Джунейд нашел последователей среди огузо-туркменских племен Малой Азии, северной Сирии и Азербайджана в то самое время, когда в эти регионы пришла власть османов. Он привлек, среди прочих групп, потомков приверженцев шейха Бедреддина, который около 50 лет до этого осложнил ход османской гражданской войны. Тем не менее, и это парадоксально, Джунейд был среди тех святых подвижников, которым посылал деньги и подарки Мурад II, чей отец Мехмед I казнил шейха Бедреддина.

Почти за полвека до того как Джунейд возглавил орден Сефевидов 1447 году, а султан Мехмед II завоевал Константинополь в 1453 году, Ардебиль посетил Тамерлан, когда возвращался в Самарканд после победы над Баязидом I в 1402 году. Шейх убедил Тамерлана освободить военнопленных, захваченных в походах в Малой Азии, и Тамерлан также разослал письма восстановленным в прежнем положении эмирам Малой Азии с просьбой освободить бывших пленников от налогов. Возможно, это также обусловило расположение их и их потомков к Сефевидам.

Как и Мехмед II до него, Исмаил был очень молод, когда взошел на трон, и, опять же, как Мехмед, был подстрекаем своими советниками на том пути, по которому он пошел. Его решительное принятие мировоззрения Сефевидов, которое так отчетливо расходилось с османским, было политическим ходом с абсолютным религиозным аспектом, который поляризовал два государства и обострил их территориальное соперничество в восточной части Малой Азии. В той степени, в которой вызов Узун Хасана султану Мехмеду II был религиозным, это было соперничество за верховенство в мире суннитского ислама. Борьба за власть в восточной Малой Азии и за ее пределами обещала быть более напряженной и свирепой, чем когда-либо прежде. Инакомыслящие в регионе видели в османах ориентированное на Запад византийско-балканское государ-

ство, особенно после взятия Константинополя, и обращались за спасением на Восток. Миссия Исмаила открыла дорогу протестам принуждаемых подданных султана, особенно кочевых огузо-туркменских племен гористых окраин Малой Азии, чья верность османам была просто результатом случайного завоевания — что позволяло им выразить свое предпочтение государству, перевозившему достоинство восстания. Для османов опасность заключалась в том, что новое популистское мировоззрение Исмаила привлекало тех, чьи религиозные и политические убеждения были малоопределенны и которые не видели для себя места в централизованном османском государстве, построенном на руинах других малоазийских эмиратов, когда-то казавшихся полностью жизнеспособными. Лишенное гражданских прав племенное население осmano-иранских пограничных земель, где обязательства перед османами, которые, хотя и не хотели, чтобы они участвовали в управлении государством, но не хотели потерять их в пользу Сефевидов, использовались участниками борьбы для преследования собственных военных и политических целей.

Учение Сефевидов гласило, что шах был перевоплощением зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда имама Али (происхождение от Али, по меньшей мере, было необходимым условием для наследования шиитского имамата), который сам был проявлением Бога в человеческом облики, и западные путешественники, посетившие Иран в начале XVI века, сообщают, что последователи читли Исмаила как бога. Термин «Кызылбаши» стал впервые использоваться во времена отца Исмаила шейха Хайдара. Воззвание шаха Исмаила о том, что с установлением государства Сефевидов его приверженцы наконец обрели территорию, которую они могут назвать своей, побудили тысячи сплотиться вокруг него в надежде на неизбежное второе пришествие двенадцатого имама. Он написал своим сторонникам, что «никто не может стать кызылбашем, пока его сердце не станет чистым, а его кровавые внутренности не будут как рубины». В 1502 году слухи о том, что в Стамбуле около 5000 кызылбашей, побудили султана Баязида принять первые меры для подавления их активности, закрыв городские ворота и арестовав подозреваемых. Опасаясь, что сторонники кызылбашей найдут убежище у Исмаила, он запретил движение через осmano-сефевидскую границу, но безрезультатно.

Будучи принцем-правителем Амасьи, Баязид покровительствовал зарождавшемуся ордену дервишей Хальвети, у шейхов которо-

го были связи с Узун Хасаном и чье учение имело определенные общие черты с доктриной Сефевидов. Мехмед II, относившийся с подозрением к святым подвижникам из восточных провинций, изгнал влиятельного шейха Хальвети из Стамбула, но, унаследовав отцу, Баязид пригласил одного из наиболее выдающихся учеников шейха поселиться в столице, и орден преуспевал. Собственная склонность Баязида к мистике может отчасти объяснить, почему он старался избегать открытого конфликта со своим новым соседом Сефевидом. Зимой 1504—1505 года он написал Исмаилу, порицая его обращение с мусульманами-суннитами и предупреждая его, что добрые отношения смогут развиваться только если гонения прекратятся. Нападение на территорию Сефевидов в 1505 году сына Баязида Селима вызвало довольно мягкую реакцию Исмаила; обоюдная осторожность Исмаила и Баязида была еще заметна в 1507 году, когда Баязид дал свое молчаливое согласие Исмаилу на проход по османской территории в ходе кампании против эмирата Дулкадир. Как Узун Хасан до него, Исмаил какое-то время поддерживал контакты с Венецией, в надежде заключить договор против османов, но безуспешно; например, в 1508 году он снова предложил союз, Венеция не согласилась на том основании, что должна соблюдать свое мирное соглашение с османами. Постепенно шах Исмаил подчинил своей власти все бывшие территории Аккоюнулу и к 1508 году дошел до Ирака и взял Багдад, бывшую резиденцию халифата.

Нежелание Баязида провоцировать шаха Исмаила расходилось с рвением его сына принца Селима противостоять угрозе со стороны кызылбашей. Селима, третьего из четырех оставшихся в живых сыновей Баязида* и много лет принца-правителя провинции Трабзон на обедневших приграничных землях империи, где угроза, которую представляли собой кызылбаши целостности османских владений, была наиболее очевидной, пассивность отца приводила в ярость. Напряжение между отцом и сыном обострилось в 1510 году, султан сделал выговор Селиму за поражение, которое тот нанес армии под командованием брата Исмаила, которая шла походом на сам Трабзон. В том же году в письме к отцу Селим горько жаловался

* У султана Баязида было восемь сыновей и семнадцать дочерей. В 1510 г. в живых оставались Ахмед, Коркуд, Селим и Шехиншах; Абдулла, Махмуд, Мехмед и Алемшах умерли раньше.

на Трабзон — на его негостеприимство, нехватку продовольствия, скудость земель, которые Баязид выделил для его содержания:

Поскольку злаки не вызревают в этой провинции и все живут в скудости и нищете, кто бы ни был [принцем-правителем] — слаб и беспомощен. Продукты привозят извне. Так, с тех самых пор как я прибыл сюда, зерно привозили на судах или от огузотуркменов. У этого места никогда не было много достоинств и ничего не изменилось. У меня даже нет возможности построить свой собственный корабль... невозможно описать картину такой нужды.

Вскоре после этого Селим уехал из провинции ко двору своего сына Сулеймана, будущего Сулеймана Великолепного, который был принцем-правителем в Феодосии, при поддержке этого акта неповиновения своим тестем, крымским ханом Менгли Гиреем. Непослушание Селима султану Баязиду и его агрессивная политика в отношении Сефевидов определили направление османской истории в последующие годы.

В 1511 году провинция Теке в юго-восточной части Малой Азии стала ареной крупного восстания кызылбашей, возглавляемого приверженцем учения шаха Исмаила, которому султан Баязид регулярно посылал милостыню. Посланцы этого святого подвижника (одним из них был Карабийык-оглу («Сын черной бороды») Хасан-халиф, известный в народе как Шахкулу («Раб шаха»)) не только подстрекали к неповиновению османскому господству в Малой Азии, но и спровоцировали восстание в Румелии; некоторые из них были арестованы. В начале 1511 года второй из оставшихся сыновей Баязида принц Коркуд вернулся из ссылки в Египет, чтобы управлять Теке, только для того, чтобы узнать, что Селим был назначен принцем-правителем Сарухана, более желанной, чем Теке, провинцией за счет более близкого соседства со столицей. Внезапно Коркуд оставил свою резиденцию в Анталье и направился на север, и Шахкулу немедленно провозгласил себя законным наследником османского трона от имени шаха Исмаила. Выбор времени восстания едва ли был случайным: оно вспыхнуло 9 апреля, что совпадало с шиитским священным праздником, десятым днем Мухаррама, годовщиной мученичества имама Хусейна, сына имама Али. Шахкулу был провозглашен своими последователями мес-

сией и пророком — слова, бывшие проклятием для правителей государства, которые считали себя хранителями ортодоксального ислама. Османское отношение к себе, как к верховной мусульманской державе, заставило их заклеить Шахкулу не только как повстанца, но и как еретика.

Этой роли Шахкулу только возрадовался. Когда Коркуд был в пути, банда кызылбашей, последователей Шахкулу числом четыре с половиной тысячи напала на свиту Коркуда и убила некоторых из его людей. Местные правительственные войска, которые отреагировали на нападение, были вынуждены отступить в замешательстве в крепость Анталыя. Нельзя всех последователей Шахкулу называть религиозными фанатиками: помимо крестьян и членов племен, они включали обедневших провинциальных всадников, потерявших свои земли в пользу правительственных чиновников и их слуг, которые не имели абсолютного права владеть ими, а также провинциальных всадников, принадлежавших к старинным мусульманским тюркским родам, лишенных права владения, когда их земли были отданы нарождающемуся классу родившихся в христианских семьях мусульманских воинов в качестве награды за доблесть в бою.

Окрыленная победой, армия Шахкулу направилась к югу через Малую Азию, по дороге сжигая города и села, правительство обвинило их в поджоге мечетей и дервишских обителей, и даже в том, что они сжигали Кораны. Их число выросло до 20 000 человек, они прошли Бурдур в озерном крае на юго-западе Малой Азии и достигли города Кютахья, где были впервые обращены в бегство правителем провинции Анатолу, чьей резиденцией был этот город. Он затем оказался отрезанным и был захвачен войском Шахкулу, правителя обезглавили, посадили на кол и поджарили на вертеле. Сержант, бывший свидетелем продвижения кызылбашей, сообщает, что они атаковали и разоряли все на своем пути, при содействии жителей города Кютахья:

Они убивали всех — мужчин, женщин и детей, и даже овец, если тех было слишком много для их нужд; уничтожали кошек и кур. Они забрали все ценное имущество [жителей села] провинции Кютахья — их ковры и все остальное, что могли найти — и сожгли... ваш слуга сержант Искендер был тому свидетелем... в частности, горожане Кютахьи вели себя крайне постыдно и

позволили [кызылбашам] уничтожить пропитание селян и не [помогли им].

Силы, посланные принцем Коркудом против кызылбашей, были разбиты, а он был вынужден укрыться в крепости Манисы. Теперь восставшим открылась дорога на Бурсу и далее на Стамбул. 21 апреля 1511 года кади (судья) Бурсы написал командиру янычар, что если он и его люди не придут в город в течение двух дней, область погибнет. Казалось, Шахкулу близок к успешному изгнанию османского господства из Малой Азии и установлению собственной власти от имени шаха Исмаила. Проводить кампанию против Шахкулу и его последователей был назначен великий визирь Хадым Али-паша. Около Кютахьи он соединился с силами старшего из оставшихся в живых сыновей Баязида принца Ахмеда, но нагнал восставших только после форсированного марша через Малую Азию в Сивас, где оба, и Шахкулу и Хадым Али, были убиты в сражении. Многие из кызылбашей бежали на восток, в Иран; те, кто попал в руки османов, были высланы в Медон и Корон на Пелопоннесе, захваченные Баязидом в 1500 году в ходе войны с Венецией.

Восстание Шахкулу серьезно отразилось на балансе сил между сыновьями Баязида в их стремлении занять его трон. У пожилого султана (на тот момент ему было около 60 лет) было также множество внуков, еще более осложнявших борьбу за престолонаследие. Логика системы принцев-правителей была в том, что она удаляла принцев от Стамбула, делая для них более затруднительным бросить вызов правящему султану; в то же время назначениями можно было манипулировать таким образом, чтобы тот, кого султан видел своим преемником, был к Стамбулу ближе всех и после его смерти имел бы лучшие шансы прибыть в столицу раньше своих соперников, чтобы захватить трон. Прежде чем покинуть Трабзон в 1510 году, Селим попытался закрепить за своим сыном Сулейманом губернаторство провинции Болу, расположенной менее чем в 200 километрах к востоку от Стамбула, но ему помешал принц Ахмед при поддержке Баязида, который благоволил к Ахмеду. Назначение Селима в Сарухан привело его ближе к столице, чем был Ахмед, который сменил отца на посту принца-правителя в Амасье, и все же Сарухан был недостаточно близок для Селима, и, прежде чем его назначили в эту провинцию, он потребовал губернаторство в провинции Ру-

мелия, требование это было также отклонено на том основании, что оно было незаконным*.

У Селима не было намерения отправиться в Сарухан. Покинув провинцию Сулеймана Кафу в марте 1511 года, он отправился в поход через Румелию во главе армии. К июню он добрался до Эдирне, где двор Баязида пребывал со времени сильного землетрясения 10 сентября 1509 года, названного в источниках того времени «Малым Судным днем», которое опустошило Стамбул и окрестные территории. Чтобы избежать кровавого противоборства с сыном, Баязид проигнорировал свое прежнее постановление в отношении законности губернаторства за пределами малоазийских провинций и передал Селиму губернаторство в пограничной провинции Семендре (с центром в Смедерево) на Дунае. И самое важное, он пообещал Селиму, что не отречется от престола в пользу принца Ахмеда.

После смерти в бою против Шахулу своего основного сторонника великого визиря Хадыма Али-паши принц Ахмед осознал, что его позиции в значительной степени ослаблены. Принц Селим, тем не менее сомневаясь в честности отца и не решаясь поверить, что Ахмеда так просто отодвинут в сторону, повернул свою армию на Стамбул и в начале августа вызвал своего отца на бой во Фракии, около Чорлу, между Эдирне и Стамбулом. Когда Баязид приказал своим силам открыть огонь, Селим бежал обратно в Румелию и отплыл на корабле к побережью Черного моря в Килию, расположенную в устье Дуная. Отец приказал ему вернуться в Кафу. Баязид снова поселился в Стамбуле.

Все это время принц Ахмед был занят подавлением восстания Шахулу, после чего он перебрался из области Сиваса в Афьон в западно-центральной части Малой Азии; услышав о сражении Баязида с Селимом, он отправился маршем к Стамбулу, утверждая, что хочет выразить отцу соболезнование. Собрав силы, включающие контингент племен из провинции Караман, тех самых людей, которые были так восприимчивы к пропаганде шаха Исмаила и те-

* Система принцев-правителей действовала только на преимущественно мусульманских территориях Малой Азии в провинции Кафа, расположенной на северном побережье Черного моря. По крайней мере, так было со времени гражданской войны начала XIV века, когда мятежные османские принцы объединили сторонников недовольных властителей пограничных земель на Балканах для поддержки своих претензий на трон.

перь надеялись снова извлечь выгоду из междоусобной борьбы, Ахмед написал великому визиру Кодже («Великому») Мустафаше письмо с просьбой подготовиться к его прибытию. Вопреки всем его ожиданиям, когда он подошел к Стамбулу 21 сентября 1511 года, его встретило восстание янычар и вынудило остаться в Ускюдаре, на азиатском берегу Босфора, без возможности переехать через пролив в столицу, где он на самом деле собирался провозгласить себя султаном. Великий визирь, который был доверенным послом Баязида к папе на переговорах об условиях заключения Джема в Риме, был убит. Теперь линия фронта была определена: янычары поддерживали Селима, а сторонники шаха Исмаила — Ахмеда.

Ахмед отступил в Малую Азию, намереваясь усилить свою поддержку и взять столицу штурмом. Его планы захватить султанат провалились, он открыто выступил против власти отца, совершив назначения на провинциальные должности от своего имени. Повторное требование посадить его правителем в Карамане — теперь находившимся под властью внука Баязида принца Мехмеда, который унаследовал своему недавно умершему отцу, принцу Шехиншаху, — было отвергнуто, и он успешно осадил резиденцию принца-правителя Конью. Янычары снова послужили орудием, чтобы расстроить планы Ахмеда, поскольку когда новости о его победе достигли Стамбула, они опять восстали, требуя, чтобы Селим предъявил свои требования на трон султана, и выдвинули ультиматум государственному совету. Их шумная поддержка Селима вынудила Баязида действовать, и, повинувшись обстоятельствам, он назначил Селима главнокомандующим армии. Селим снова выступил из Кафы и направился маршем на Стамбул.

При Ахмеде в Конье и Селиме в Кафе принц Коркуд в свою очередь решил, что может получить трон, добравшись до Стамбула первым. Он оставил Манису и приехал тайно, приплыв в город на корабле, просил Баязида простить ему прошлое неповиновение и стал дожидаться приезда Селима. Коркуд надеялся купить поддержку янычар, раздавая им золото; они приняли золото, но когда Селим прибыл в Стамбул в апреле 1512 года, они поддержали свержение отца в его пользу. Впервые янычары послужили инструментом для насильственного отстранения правящего султана от власти; но этот случай был отнюдь не последним: каким бы ни было осуществление османского престолонаследия в теории, именно янычары вводили на престол и свергали с престола султанов.

Султан Мехмед II существенно повысил статус янычар, а Селим, который не мог принять попустительского отношения к государству шаха Исмаила и приверженцам кызылбашей, был продолжателем этой традиции; большая часть его войска была османами по образованию, а не по рождению, и нуждалась в решительном султани для выполнения миссии, для которой они были призваны. Ахмед, наоборот, притягивал тех, кто был лишен прежнего своего существования и не видел для себя места в новом османском государстве. Брат Баязида Джем привлекал примерно эту же группу.

Султан Баязид пережил покушение на убийство во время похода в Албанию в 1492 году, когда дервиш анархической секты Календери неожиданно набросился на него — нападение, ускорившее изгнание Календери из Румелии. Тем не менее он не смог пережить свержения с престола и через месяц умер естественной смертью по дороге в изгнание, на свою родину Дидимотихон во Фракии.

В Конье принц Ахмед отреагировал на свержение Селимом отца с престола, провозгласив себя законным султаном. Он послал своего второго сына Алаеддина в Бурсу с армией, которая вошла в город в середине июня 1512 года, разграбив его и вынудив население бежать. Новости о том, что Селим планирует пересечь Мраморное море из Стамбула, вынудили Алаеддина удалиться к отцу, который к тому времени вернулся в Афьон. Ахмед мобилизовал все доступные силы, вызвав в Малой Азии суматоху; оставив своего сына Сулеймана регентом в Стамбуле, Селим пошел в Малую Азию. Ахмед меньше всего хотел встретиться с братом в открытом бою и ретировался из Афьона в Анкару, а оттуда в направлении своей бывшей резиденции в Амасье, но там обнаружил, что город обороняется от него. Когда он пересекал Малую Азию, то позади оставил разрушения и беспорядок и был заклеямен Селимом как мятежник.

Затем Ахмед направился на юг, за каждым его шагом следили шпионы Селима, которые также докладывали о намерениях его сторонников. Полагая, что для него искать убежище вне Османской империи означало бы обесчестить династию, Ахмед попросил у Селима какую-нибудь территорию в Малой Азии. Но Селим не собирался отдавать часть своих владений и предположил, что Ахмед будет искать убежище в каком-нибудь мусульманском государстве. Сторонники Ахмеда побуждали его укрыться у шаха Исмаила, давшего приют старшему сыну Ахмеда Мураду с тех пор, как Селим стал султаном, или в Дулкадире, или Египте. Новый султан мамлю-

ков Ансав Аль Гаври не желал помогать, и Ахмед укрылся на зиму в Дулкадире; Селим на время поселился в Бурсе.

Несмотря на кажущееся разрешение проблем, сопутствовавших наследованию Селима Баязиду, между братьями не было доверия. Ахмед опасался, что Селим вернется, чтобы напасть на него весной, а Селим узнал, что Ахмед вел переговоры с шахом Исмаилом. Ахмед снова повернул свою армию против Амасьи; на этот раз город сдался ему, и в первые дни 1513 года он оставил там регентом своего четвертого сына. Он получил несколько писем, побуждавших его верить, что султанат все еще мог бы принадлежать ему, и, возможно, убедил себя, но это была ловушка, расставленная для него Селимом. Решив идти в Бурсу, Ахмед продвигался по северной Малой Азии, по пути сталкиваясь с сопротивлением.

После смерти Баязида Селим какое-то время потакал Коркуду. Его брату было позволено вернуться в Манису, откуда он посылал бесконечные просьбы назначить его на остров Лесбос, которые Селим отклонил. Коркуд изменил свои просьбы на земли Теке или Аланьи, что было также отклонено; Селим опасался, что из этих мест на южном побережье Малой Азии он сможет, как дядя Джем, бежать в Египет и стать знаменем европейского крестового похода. В начале 1513 года Селим отправился на юг под предлогом охотничьей экспедиции и атаковал Манису. Коркуд бежал из города и был позднее найден прячущимся в пещере. Его отправили в Бурсу и 13 марта задушили; ему было сорок с небольшим лет.

4 апреля 1523 года Селим выступил с армией из Бурсы и через 11 дней под Енишехиром вступил в бой с Ахмедом. После падения с лошади Ахмед был схвачен и задушен. Амасья была вскоре отнята у его сына Османа, разделившего участь своих двоюродных братьев, оставшихся сыновей Коркуда и Ахмеда и покойных братьев Селима Махмуда, Алемшаха и Сенишаха, казненных немногим ранее. Могилы этого множества внуков Баязида можно все еще увидеть в Бурсе и Амасье.

Обезопасив трон, султан Селим I смог найти свое решение проблемы кызылбаши, которые отчасти спровоцировали узурпацию им трона. В течение последних лет правления Баязида открытый вызов Селима власти отца побудил некоторых других членов османской династии примкнуть к кызылбашам — его брат Шехиншах, видимо, был готов присоединиться к восставшим во имя Шахкулу, но умер прежде, чем его симпатии обратились в действия. Сын принца Ахмеда Мурад сочувствовал кызылбашам до такой степени, что

с лета 1511 года, когда его отец был назначен возглавить поход против Шахкулу и Мурад вместо него стал правителем Амасьи, он стал носить их красный головной убор. Даже когда войска Шахкулу разоряли обширные области западной Малой Азии, сторонники кызылбашей вели пропаганду на севере центральной части Малой Азии; разумеется, мятеж распространился и там.

Годами Сефевиды и их сторонники пытались свергнуть османское политическое господство в Малой Азии; избавившись от тех, кто соперничал с ним за власть внутри собственной семьи, султан Селим готовился бросить вызов самому шаху Исмаилу. Он сосредоточенно готовился к тому, что очевидно стало бы тяжелой кампанией: расстояние, которое должна была преодолеть армия, было огромно, местность негостеприимна, а кызылбашы враждебны. Весной 1514 года он переправился через Босфор, чтобы начать долгое путешествие на восток.

Как султан Мехмед II накануне осады Константинополя, Селим I продлил сроки действия соглашений с европейскими государствами — Венецией и Польшей, а также с мамлюками, в надежде таким образом избежать любого риска войны на два фронта. Соглашение с Венгрией оказалось более сложным, хотя обе стороны осознавали, что оно будет выгодно им обеим. Венгерского посла взяли в заложники и со всей свитой возили в походы Селима в Иран, а позднее в Сирию и Египет, с целью продемонстрировать неимоверное могущество султана.

По исламским законам единственное допустимое оправдание войны мусульман против мусульман — религиозное: «укрепить священный закон или пресечь его нарушения»; поэтому османский поход нуждался в официальном разрешении, выраженном в виде мнения религиозных авторитетов, что будущий враг отклонился с пути истинного ислама. Когда малоазийские эмираты подчинились власти османов в результате территориальных разногласий, летописцы старались обеспечить завоевателей необходимым согласием. Борьба с Сефевидами со всей очевидностью обещала быть тяжелой, но без доктринальной санкции незаконной. Соответственно вражда османов была замаскирована религиозной риторикой, их претензии на статус хранителей «истинной веры», в отличие от сбившихся с пути Сефевидов, надлежащим образом акцентировались. По мере того как усиливалась пропагандистская война против Сефевидов, был задействован новый лексикон для описания сторонников Исмаила:

...согласно предписаниям священного закона...мы выражаем мнение, согласно которому [кызылбаши, чей вождь Исмаил из Ардебиля] — неверующие и еретики. Всякий, кто сочувствует им и принимает их ложную веру или помогает им, также является неверующим и еретиком. Это необходимость и святая обязанность, чтобы они были уничтожены, а их общины разогнаны.

Ученый и историк Кемальпашазаде (который во время последующего правления султана Сулеймана I занимал высший в османской религиозной иерархии пост шейхулислама) сформулировал проблему еще более убедительно: по его мнению, война против кызылбашей считалась «священной войной», достоинство которой было равно войне с немусульманскими врагами ислама. Открытое порицание Сефевидов в османских источниках удивительно контрастирует с уважительным тоном, в котором сефевидские историки отзываются об османах, считая их бастионом ислама перед лицом европейского безбожия. Османы должны были проклинать Сефевидов в самых резких выражениях, какие позволяла их религия, с тем чтобы оправдать жестокость своих репрессивных мер.

Султан Селим выполнял свой религиозный долг с ожесточенным рвением. Заручившись юридическим заключением, позволяющим ему отправиться на войну против шаха Исмаила, он написал письмо, где обвинял врага в отступлении от веры:

...вы подчинили честную общину Мухаммеда... своей заблудшей воле [и] подорвали твердые устои веры; вы развернули знамя притеснений во имя агрессии [и] больше не следуете заповедям и запретам Святого закона; вы подстрекали свою гнусную шиитскую секту к неосвященным сексуальным совокуплениям и пролитию невинной крови.

Чтобы ослабить агрессию на пути в Иран, Селим отправил чиновников в провинцию Рум на севере центральной части Малой Азии для поименной регистрации живших там кызылбашей. Многие тысячи из 40 000 зарегистрированных были вырезаны и тысячи были арестованы; в силу этого в тылу похода не было никаких волнений, равно как и в последующие пять лет, или около того. Селим также закрыл свои границы с государством Сефевидов, запретив проезд купцов в обоих направлениях — это была торговая война,

направленная на то, чтобы разрушить экономику Сефевидов, прекратить экспорт шелка на Запад, а также не допустив ввоза оружия, металла и специй, поступавших в Иран с запада. В качестве предвестника этих радикальных мер Селим изгнал иранских купцов из Бурсы, когда зимовал там в 1512–1513 году.

Преимуществом Селима было также присутствие на восточных границах шаха Исмаила Узбекского государства (Озбеков), претендовавшего на остатки территорий Аккоюнлу и Тимуридов, доставшиеся Сефевидам. В 1510 году Исмаил прогнал узбеков обратно за реку Оксу, но в 1512 году они снова вторглись в северо-восточную провинцию Хорасан и победили армию Сефевидов. Летом 1514 года Селим вступил на территорию Исмаила с запада. Несмотря на заблаговременное предупреждение о намерениях Селима, Исмаил мало что мог сделать для подготовки к сражению, единственная тактика, которую он мог избрать, была тактика выжженной земли на пути движения османской армии.

Суровые условия путешествия через Малую Азию армии Селима, чтобы вступить в бой с шахом Исмаилом, истощили его войска, продовольствия поступало мало, и неспособность догнать Исмаила спровоцировала недовольство. Несмотря на правовое решение, оправдывающее кампанию, в рядах османов поднялся ропот, что неправильно сражаться с братьями мусульманами. Янычары, которые никогда не пытались скрыть свое недовольство, были готовы к немедленному мятежу и расстреляли шатер султана, когда стояли лагерем к северу от озера Ван. Вскоре Селим узнал, что силы шаха Исмаила сосредоточены в Чалдыране (Чалдыранской долине), расположенном к северо-востоку от озера; перспектива близкого сражения успокоила янычар. В битве, произошедшей 23 августа 1514 года, Исмаил выставил 80 000 конных лучников, многие из которых были набраны из племен, покорить которые и было целью Селима, включая Дулкадир и Караман. Силы Селима насчитывали около 100 000 воинов, 12 000 из которых были вооруженные мушкетами янычары. У Исмаила не было не только мушкетов, но и пушек, которых у османов было 500, соединенных цепью, чтобы помешать наступлению Сефевидов. Обе стороны понесли в битве большие потери, особенно среди верховного командования. Одна из жен Исмаила была захвачена и отдана османскому государственному чиновнику, в то время как сам Исмаил бежал с поля боя сначала в Тебриз, а затем на юго-восток. Селим преследовал его до самого Тебриза, куда прибыл 6 сентября, и разграбил город. Было не по вре-

мени холодно; возможно, Селим планировал остаться в регионе с намерением сразиться будущей весной, но османские войска, включая всадников из провинций, отказались зимовать на востоке, и он был вынужден повернуть назад к Амасье.

Чтобы успокоить ропот недовольных в армии, нужны были козлы отпущения. Ими стали великий визирь Херсекзаде Ахмед-паша, сделавший длительную карьеру на османской правительственной службе, с тех пор как его привезла с его родины Боснии армия Мехмеда II в 1474 году. Он был смещен, и его место занял второй визирь Дукакинзаде («Сын дука») Ахмед-паша — его отец был албанским дворянином, — который вскоре был казнен за участие в бунте янычар в Амасье, вспыхнувшем в начале 1515 году с целью не допустить еще один поход на восток; Дукакинзаде также подозревался в переписке с Алаюддевле, правителем Дулкадира. Алаюддевле отказался присоединиться к османам в войне против Исмаила, и войско Дулкадира сражалось под Чалдыраном с шахом Сефевидов, посылавшем кызылбашей на помощь Алаюддевле в нападениях на османской границе, чтобы отрезать подвоз продовольствия Селиму. Селим решил положить конец существованию Дулкадира. На этот раз мамлюки не могли помочь Алаюддевле. Дулкадир потерпел поражение от армии Селима в июне 1515 года, и дорога на Сирию и Египет открылась для османов.

На волне чалдыранского похода убежище кызылбашей Кемах (Камакх) на Евфрате к юго-западу от Эрзинджана попало в руки османов, как и стратегический город Диярбакыр на реке Тигр. Привеченные на сторону Селима авторитетом победы в Чалдыране вожди курдских племен региона выгнали офицеров и чиновников Исмаила с гор юго-восточной части Малой Азии, и, когда окрепла власть Селима над пограничными территориями, сфера османского влияния простиралась на востоке до границы Эрзинджан—Диярбакыр и на север современного Ирака. Одновременное распространение политики «закрытых границ» практически отрезало Тебриз от округа кызылбашей, и центр тяготения земель Сефевидов волей обстоятельств сместился к востоку, к неудобству огузо-туркменских сторонников Исмаила.

Но Селим не мог позволить себе почитать на лаврах. Возникли новые проблемы, касающиеся верности его собственных войск. Военачальник из Амасьи написал письмо с жалобой на то, что из-за плохих экономических условий в области земельные наделы, выделенные всадникам провинции Рум для их содержания, настолько

обеднели, что существует угроза того, что они не смогут принять участие в походе. До установления османского контроля над другими государствами Малой Азии кавалеристам было разрешено посылать вместо себя заместителя, который бы сражался вместо него, теперь же османские законы требовали личного участия. Более того, право на землю, которое прежде передавалось по наследству, теперь даровалось по воле султана. Эти перемены, писал военачальник, были причиной серьезного недовольства.

Три последовательных царствования не смогли принести стабильность в жизнь всадников из провинций, которые были таким важным компонентом армии в битве и сельского общества в мирное время. Ученые не пришли к единому выводу о том, как далеко султан Мехмед II зашел в выполнении политики перераспределения земельных наделов местных малоазийских родов в пользу нового поколения всадников, рожденных в христианских семьях, но кажется, что эта тенденция началась в его правление. Баязид II изменил действия своего отца на прямо противоположные, вернув земли прежним владельцам и в результате этого вызвав вражду тех, к кому благоволил Мехмед. Селим продолжил политику деда по подрыву локальных связей, сделав султана основным источником щедрости. Например, в провинции Караман он пожаловал всадников, привезенных из Румелии для того, чтобы разрушить старый порядок династийных и племенных связей, поскольку они оказались более сильным средоточием преданности, чем новый имперский порядок, который он намеревался установить. Льготы, которые были предоставлены крестьянству, такие как сохранение в провинции Рум законов, восходящих ко времени Аккоюнлу, не распространялись на местную провинциальную кавалерию, реформы Селима лишь усилили неопределенность.

После поражения при Чалдыране Исмаил полагал, что Селим вернется весной для продолжения кампании, и его беспокойство усиливалось из-за продолжавшихся нападений узбеков на востоке. Селим отказался принять предложение мира от Исмаила, арестовав и заключив в тюрьму несколько послов Сефевидов (включая высшее духовное лицо в Азербайджане), которые приезжали к его двору в качестве просителей. Исмаил стал искать союзников среди христианских государств, но никто не хотел слышать его призывы. У Венеции были теплые отношения с Исмаилом с начала века, но венецианцы продлили свое соглашение с османами в 1513 году и отказались предоставить помощь. Сын Джема Мурад продолжал

жить на острове Родос после непродолжительного пребывания там его отца в 1482 году, но никогда не выдвигал себя в качестве претендента на османский трон; словно для того, чтобы особо это подчеркнуть, он принял католицизм. И все же Исмаил требовал от рыцарей его выдачи. В 1510 и 1513 годах Исмаил не сумел заинтересовать Афонсо де Албукерка, вице-короля Индий и творца португальской экспансии в Индийском океане, нападением на их общего врага — мамлюков; он снова обратился к португальцам после Чалдырана, и Албукерк прислал две маленькие пушки и шесть аркебуз — едва ли даже символический жест. Обращения к Венгрии, Испании и папе были отвергнуты.

У османов было множество причин для того, чтобы попытаться завоевать Сирию и Египет, и стало ясно, что пришло время действовать. До Чалдырана мамлюкский султан Кансух аль-Гаури, желая оставить за собой право выбора, отказался участвовать в союзе с Селимом против Исмаила; после Чалдырана в 1515 году он не согласился заключить договор с Исмаилом против османов. До Чалдырана отношение Селима к мамлюкам было примиренческим; после Чалдырана аннексия османами Дулкадира оставила мамлюков незащищенными перед прямым нападением, и султан мог отважиться на открытую агрессию. Он оскорбил мамлюков, назначив племянника и соперника Алаюддевле Али-бея правителем новой провинции Дулкадир, и отправил голову Алаюддевле в Каир.

Дипломатия между великими державами Среднего востока была сложным делом. Шпионы и агенты османов, мамлюков и Сефевидов были в равной степени задействованы в бесконечной игре по распространению пропаганды и дезинформации. В 1516 году армия Селима снова выступила на восток из Стамбула, проведя зиму в подготовке к тому, что со всей очевидностью замышлялось как большая кампания. Кансух аль-Гаури полагал, как и сам Исмаил, что наступление будет направлено против последнего. Современные исследователи разошлись во мнениях, действительно ли Селим намеревался выступить в поход против Исмаила в 1516 году и лишь изменил направление, когда уже сильно продвинулся. Кампания Селима 1514 года была трудной, а его войско мятежно, кроме того Исмаил был совершенно унижен поражением при Чалдыране и не мог более поддерживать свои претензии на старшинство в исламском мире.

Софистика османов достигла апогея в письме от Хайр Бака, мамлюкского чиновника в Алеппо, который послал новости Кансуху

аль-Гаури в апреле 1516 года, вероломно утверждая, что Исмаил, вторгнувшись на османскую территорию во главе большой армии, изгнал недавно установленный гарнизон Диярбакыра, расположенный вблизи границы с мамлюками. Это побудило Кансуха аль-Гаури выступить в Алеппо, чтобы самому увидеть, что там происходит — передвижение, которое Селим лицемерно расценил как провокацию. Но мамлюки, будучи мусульманами суннитами и хранителями святынь в Мекке и Медине, едва ли могли быть названы еретиками, даже в интересах османской политики, так что кампанию против них было труднее оправдать, чем походы против Сефевидов и их сторонников кызылбашей. Хотя очевидность интриг Кансуха аль-Гаури и Исмаила была доказана, османские религиозные круги согласились поддержать кампанию против мамлюков на том основании, что «кто помогает еретикам, тот сам еретик» и что сражение против них можно считать священной войной. Селим не собирался позволить слабости повода отклонить его от цели; османские летописцы, возможно потому, что они сознавали, насколько ситуация спорна с канонической точки зрения, взяли на себя труд подчеркнуть, что поход был направлен против «еретиков» Сефевидов, а не против суннитов-мамлюков.

Вооружившись религиозным заключением, которого он добивался, Селим выступил на юг из Малатьи в Сирию, и османская и мамлюкская армии встретились к северу от Алеппо на Дабикском поле (Мардж-Дабик) 24 августа 1516 года. За несколько часов битва была закончена. Хотя мамлюкская армия была, вероятно, такой же многочисленной, как и армия Селима, они только-только начали пользоваться порохом и имели мало огнестрельного оружия для встречи с османскими пушками и мушкетами. Паника началась в войсках, когда Кансух аль-Гаури бежал с поля боя, его бегство означало конец более чем 250-летнего господства мамлюков в Сирии. Переход на сторону османов мамлюкских сил под командованием Хайр Бака, теперь правителя Алеппо, был еще одним определяющим фактором в этой решающей битве: коварство османов снова очевидно, поскольку оказалось, что Хайр Бак некоторое время был агентом султана. Кансух аль-Гаури не уцелел, но обстоятельства его смерти неясны.

Жители Алеппо не питали любви к мамлюкам и обрадовались известию о наступлении османов; армия Селима не встретила сопротивления по мере продвижения на юг к Дамаску, который сдал-

ся. В первую пятницу священного месяца рамадан был устроен молебен во имя султана Селима в самой большой городской мечети Омейядов, построенной в начале VIII века. Таким образом новый османский правитель Сирии объявил миру о своей победе. Селим и его советники поначалу сомневались, должна ли армия направиться далее в Каир: подходящее для наступлений время подходило к концу, а столица мамлюков была расположена далеко через пустыню. Тем не менее было очевидно, что завоевания, сделанные в Сирии, не будут в безопасности, если Египет останется в руках мамлюков, и поэтому Селим принял совет тех, кто стремился продолжить исключительно успешную кампанию. В Каире среди знати были разногласия по поводу того, прислушаться ли к призыву Селима сдаться. Туман-бей, новый султан мамлюков, был за то, чтобы прийти к соглашению с Селимом, но в споре победила партия войны; в битве к югу от Газы армия мамлюков под командованием смещенного мамлюкского правителя Дамаска Джанбарди аль-Газали была подавлена огнем и тактикой. По пути на юг султан Селим посетил священные места мусульман в Иерусалиме, городе, который, будучи также священным для христиан и евреев, является третьей из самых почитаемых святынь в исламе — согласно некоторым традициям, место, где пророк Мухаммед взшел на небо. Через неделю после выхода из Дамаска, 23 августа 1517 года османская армия победила мамлюков при Райданийе неподалеку от Каира. Как и Сефевиды в Чалдыране, мамлюки полагались на мобильных конных лучников, которые не могли противостоять артиллерии и мушкетам османов. Селим вошел в Каир двумя днями позже, чтобы столкнуться с ожесточенным сопротивлением, которое его войска смогли преодолеть лишь с большими потерями с обеих сторон. Мамлюкские военачальники бежали на другой берег Нила и оставались на свободе около двух месяцев. Туман-бей был схвачен и приведен к Селиму 31 марта; он был убит, а его тело повешено на воротах города для всеобщего обозрения. Только тогда османский султан смог считать Каир своим, а империю мамлюков уничтоженной.

Завоевание Селимом мамлюкских владений сместило центр тяжести османской империи к востоку, культурно и географически. Теперь он был правителем арабских земель, на которых зародился ислам, и впервые в своей истории население империи оказалось преимущественно мусульманским. Селим, со всей очевидностью, не был самым успешным исламским правителем своего времени. Он

завоевал трон в борьбе с ересью кызылбашей и, в связи с этим, усилил идентификацию османов в политическом и идеологическом смыслах с помощью религиозной ортодоксальности. Победа над мамлюками сделала его хранителем священных мест Мекки и Медины и гарантом паломнических маршрутов, по которым правоверные мусульмане путешествовали в места, связанные с жизнью пророка Мухаммеда в течение более восьми столетий. Обладание этими местами, священными для исламской традиции, могло придать османской династии еще больше легитимности. Неожиданное преобладание мусульман в пределах империи окончательно склонило османов к более полному принятию традиционных исламских обычаев арабских земель. Как было недавно отмечено: «вопрос о том, кто кого завоевал, является спорным».

До разграбления монголами в 1258 году и убийства калифа аль-Мустаина из династии Аббасидов, правившей в течение пяти веков, Багдад был центром исламского халифата. В 1260 году мамлюкский генерал Байбарс привез наследника Аббасидов в Каир, но с тех пор халифат уже давно утратил свой религиозный авторитет, которым обладал в те дни, когда исламские правители должны были обращаться к халифу за узакониванием своего правления. Каирские халифы утратили могущество и сохранили лишь крупицу своего былого влияния. Мамлюки использовали их как часть церемониала престолонаследия, а их титулы были присвоены исламскими правителями в качестве инструмента по установлению собственной легитимности. Титул халифа, например, использовался периодически османскими султанами со времен Мурада II, но скорее в риторическом смысле, чем как открытое политико-правовое притязание верховной власти над мусульманским сообществом. Селим, безусловно, не выдвигал никаких претензий на использование того, что осталось от священной власти этого поста; последний халиф аль-Мутаваккил был сослан в Стамбул, где оставался до правления сына Селима Сулеймана. С течением времени проблема халифата стала занимать османских интеллектуалов, но истории о том, что состоялась официальная передача этого поста Селиму, когда он завоевал Каир, не были в ходу до XVIII века, когда было необходимо противостоять попыткам русских защитить османских христиан с помощью претензий на духовную власть османов над российскими мусульманами.

После завоевания Селимом Египта и Сирии стало проще осуществлять торговую блокаду Ирана. Несмотря на запрет Селима,

купеческие караваны обходили ее, приходя из Ирана на территорию мамлюков и оттуда отправляя товары на Запад морем. После завоевания торговые пути мамлюков, как сухопутные, так и морские, попали под непосредственный контроль османов. Но это был сомнительный повод для радости, на самом деле экономики и Сефевидов и османов страдали от блокады: шелк, который везли по торговым путям, был двигателем иранской экономики, а Бурса — основным рынком сбыта товара находился в Османской империи. Нехватка также остро ощущалась в Италии, конечном рынке, где шелк был в большой цене и где доходы от торговли были жизненно важны для экономик городов-государств. Депортация была еще одним орудием, которое Селим использовал в торговой войне с Сефевидами. Иранская община в недавно ставшем османским городе Алеппо, торговом центре, на рынках которого продавался шелк из Ирана, особенно венецианским купцам, по подозрениям в поддержке контактов с шахом Исмаилом была переселена в Стамбул в 1518 году, как до этого иранская община Бурсы.

Завоевание земель мамлюков сулило престиж и геополитические преимущества, а также открывало новые перспективы османской экспансии. Теперь у Селима был маршрут к Красному морю, и начался новый период соперничества с португальцами в Индийском океане. В период своего расцвета в XIV и XV веках государство мамлюков было таким же величественным, как и османское, благодаря доходам от контроля за торговлей специями с Востока и налогам, взимаемым с местного риса, сахара и хлопка; все эти сокровища теперь наполняли денежные сундуки османского султана. Ошеломительное поражение шаха Исмаила при Чалдыране в 1514 году нейтрализовало племена на юго-восточном фланге османов, и многие из них подчинились власти османов, заново перекроив политическую карту региона. После поражения своего сторонника кызылбаши были на некоторое время усмирены, но их полное подавление продолжало оставаться важной заботой османской внутренней политики в течение XVI века.

Селим отбыл из Каира в сентябре 1517 года и неспешно направился на север. Когда посланник шаха Исмаила прибыл в Дамаск с богатыми дарами, выразившими надежду его господина на мир, он был казнен. В мае 1518 года армия Селима шла к Евфрату, по-видимому направляясь к Ирану, но затем без предупреждения повернула на запад и вернулась в Стамбул. Соображения для смены курса неизвестны, но на это решение, возможно, повлияли недовольство

войск перспективой еще одной кампании против Ирана или сомнения в том, что приготовлений достаточно для того, чтобы осуществить подобную операцию.

Наблюдатели гадали, что Селим предпримет в следующую очередь. После аннексии земель мамлюков его соседи на западе опасались, что теперь он развернет свое наступление против них. В то же время, завоевание Сирии дало им повод самим перейти к активным действиям, святыни христианского мира в Вифлееме и Иерусалиме попали в руки османов. Хотя христианские священные места находились в руках мусульман с VII века, не считая перерыва между 1099 и 1244 годами, когда ими владели крестоносцы, османы были гораздо более опасны для Запада, чем мамлюки, и их обладание святынями подхлестнуло усилия папы Льва X по организации крестового похода. Он поручил своим кардиналам подготовить отчеты, и они ответили в ноябре 1517 года, что альтернативы крестовому походу нет, когда целью врага является уничтожение христианства. Король Франции Франциск I и император Священной Римской империи Максимилиан I высказали свои точки зрения: Максимилиан полагал, что необходим пятилетний мир во всей Европе, прежде чем можно будет говорить о крестовом походе. В 1518 году в соответствии с этим папа провозгласил, что принцы христианского мира должны отказаться от распрей, которые так часто в прошлом не позволяли им действовать сообща против османов.

Шквал дипломатической активности последовал тогда, когда папа стал добиваться ратификации проекта, но ему пришлось снова разочароваться из-за полного равнодушия сторон, чье участие было необходимо для успеха. Венеция не могла позволить себе действовать, поскольку обновила мирное соглашение с османами в 1513 году и не дала Исмаилу уговорить себя после поражения при Чалдыране, в 1517 году Республика получила от османов право продолжать удерживать Кипр в качестве колонии, выплачивающей дань, как это было при мамлюках. Набеги и контрвылазки в течение многих лет продолжались с небольшой интенсивностью на протяженной османско-венгерской границе, но в 1513 году король Венгрии заключил с османами мирный договор. Соглашение между Османской империей и Польшей было возобновлено в 1519 году. Но возможно, самым большим препятствием для планируемого крестового похода были разногласия между королем Франции Франциском I и императором Карлом V по поводу главенства в Европе.

Османы учились, как использовать соперничество между христианскими государствами, и план крестового похода провалился.

В 1519 году масштабы активности в имперском арсенале позволяли предположить, что следующей вероятной целью османов будет Родос: после завоевания Египта нападение на этот христианский аванпост, расположенный на морском пути из Стамбула к новым провинциям Селима было лишь вопросом времени. Но шах Исмаил представлял большую угрозу — хотя он лишился своего прежнего могущества, ему все еще хватало сил побеспокоить Селима, и в первые месяцы 1520 года он благословил восстание кызылбашей, которое стало известно как восстание Шах-вели, по имени лидера кызылбаши из-под Сиваса, где в 1511 году Шахкулу нашел свой конец в битве. За несколько лет до этого отец Шах-вели шейх Джелаль привлек на свою сторону тысячи человек, провозгласив себя мессией, серьезно угрожая порядку в северо-центральной Малой Азии, а в 1516 и 1518 годах сам Шах-вели обошел османскую блокаду, чтобы отправиться в Иран и обратно. Османский правитель Сиваса написал в Стамбул о масштабах грабежей кызылбашей в Малой Азии, где сочувствующие им включали членов династии Дулкадир, противостоявших вассалу Селима Али-бею. Султан мобилизовал армию против возобновившейся опасности, и за этим последовало два больших сражения в центральной и северо-центральной Малой Азии. Али-бей казнил Шах-вели и публично расчленил его тело в назидание его сторонникам и в качестве предупреждения тем из своих людей, кто симпатизировал кызылбаши*. После восстания командующему османской армией было приказано провести лето в Малой Азии со своими людьми, в подготовке к новому походу.

В обращении со своими собственными министрами Селим в полной мере использовал абсолютную власть над жизнью и смертью «слуг султана». Его отец сменил на посту верховного визиря семь человек за 29 лет своего правления; из шести человек, занимавших пост великого визиря в течение 8 лет правления Селима, он повелел казнить трех. Последующим поколениям Селим известен как «Явуз», т. е. «Грозный»: он пришел к власти с помощью насилия, и насилие отмечало все его правление. Он умер по пути из Эдирне в

* Шейха Джелала и Шах-вели чтут по сей день, а их предполагаемые могилы, которые находятся к северо-западу от Сиваса, видимо сохранились до сих пор.

Стамбул в ночь с 21 на 22 сентября 1520 года, оставив только одного сына, Сулеймана, который взошел на трон без борьбы. Перед смертью он приказал главным духовным лицам страны продлить срок действия заключения, санкционирующего войну против Исмаила.

Завоевание Константинополя принесло Мехмеду II власть, которая соответствовала обладанию имперским городом, веками притягивавшим к себе османов в их самоуверенных притязаниях на роль наследников и продолжателей славных светских традиций Византии. После победы над государством мамлюков и овладением священными местами ислама султан Селим сделал османов преемниками в равной степени славной духовной традиции. Светская и духовная традиции вместе будут поддерживать легитимность и авторитет его последователей.

Глава 5

ВЛАДЕТЕЛЬ ЦАРСТВ ЗЕМНЫХ

[Султан Сулейман], приблизившийся к [Всевышнему], Господину Величия и Всемогущества, Создателю Владычества и Верховной Власти, [султан Сулейман], который является Его рабом, облеченный могуществом Божественной Власти, халиф, блистающий Божественной Славой, который выполняет Повеление Невидимой Книги и исполняет ее Распоряжения во всех пространствах обитаемой части Света: завоевавший страны Востока и Запада с помощью Всемогущего Всевышнего и Его Победоносной Армии, Владетель Царств Земных, Тень Всевышнего над всеми народами, султан над султанами арабов и персов, распространитель султанских канунов, десятой части османских хаканов, султан сын султана, султан Сулейман хан... Да продлится его султанат до скончания веков!

Так звучат те непомерные восхваления, которые были увековечены в надписи над главным порталом великолепной мечети султана Сулеймана I, построенной в Стамбуле в 60-е годы XVI века, на закате его царствования. Он был современником честолюбивых монархов Европы эпохи Возрождения: императоров Священной Римской империи Карла V Габсбурга и его брата Фердинанда I; сына Карла, Филипа II Испанского; французских королей династии Валуа, Франциска I и его сына Генриха II, которые были соперниками Габсбургов; английских королей из династии Тюдоров, Генриха VIII и его отпрысков, Эдуарда VI, Марии I и «королевы-девственницы» Элизаветы I; а также царя Московии Ивана IV «Грозного». Когда Сулейман взшел на трон, в Иране все еще правил шах Ис-

маил, а в Индии с 1556 года правил император Акбар из династии Великих Моголов. Такие европейские наблюдатели, как венецианские послы при его дворе, ставили Сулеймана в один ряд с этими монархами и называли его «Великолепным» или просто «Великим турком».

Вот как венецианский посланник в Стамбуле описывал Сулеймана во время его восхождения на трон в 1520 году:

...всего двадцати пяти лет от роду, высокий и стройный, но плотный, с тонким и худошавым лицом, на котором есть растительность, хотя и едва заметная. Султан выглядит дружелюбным и обладает хорошим чувством юмора. Ходят слухи, что Сулейман, вполне соответствуя своему имени, обожает читать, весьма умен и проявляет здравомыслие*.

Ему повезло в том, что правомочность его вступления на престол была неоспоримой. И все же, кажется весьма маловероятным, что Селим произвел на свет только одного сына, хотя у него было шесть дочерей и были братья, которых казнили в 1514 году, чтобы предотвратить переворот в тот момент, когда сам Селим находился на войне с Сафавидами. Но об этих братьях в источниках почти нет упоминаний. Сулейман правил Османской империей на протяжении 46 лет, дольше, чем любой другой султан, а во время тринадцати военных кампаний он вел свою армию за рубежи османских владений.

Европейцев изумляли темпы военных завоеваний Османской империи. Те из них, кто посещал империю в годы правления Сулеймана, посылали домой свои весьма красочные отчеты об увиденном, которыми зачитывались их соотечественники и в которых, помимо прочего, они уделяли внимание невероятной пышности дипломатического этикета, дворцовым церемониям и архитектуре. Но его османских современников и османских авторов последующих столетий более всего изумлял вовсе не этот блеск. Во время своего вступления на престол Сулейман объявил, что отличительным признаком его правления будет беспристрастное правосудие, и вскоре он отменил некоторые из тех решений своего отца, которые, как ему казалось, противоречили этим намерениям. Одним из

* Имеется в виду, что Сулейман был мудрым султаном. Имя Сулейман является турецким вариантом имени Соломон.

его первых деяний было возмещение убытков иранским купцам из Бурсы, шелк которых султан Селим конфисковал после того, как он запретил торговлю с Ираном Сафавидам. Ремесленникам и ученым, которых Селим насильно депортировал во время своих завоеваний Тебриза и Каира, было разрешено вернуться домой, а губернаторы, которые превысили свои полномочия и злоупотребили оказанным им доверием, были наказаны. Находившемуся в вынужденном изгнании в Стамбуле, халифу аль-Мутаваккилю было разрешено вернуться в Каир. Такого рода деяния и внимание, которое он позднее уделял систематизации законов империи, стали причиной того, что начиная с XVIII столетия османские авторы называли Сулеймана «кануни», то есть «законодатель». Эпитеты «великолепный» и «законодатель» показывают, насколько разным было восприятие эпохи правления Сулеймана у европейцев и у подданных Османской империи. Но они же явно напоминают о противоречивых фазах этого правления: если с момента своего вступления на престол и до приведенной в исполнение в 1536 году казни своего фаворита, великого визиря Ибрагима-паши, султан вел жизнь, подобную выставленной напоказ жизни общественной фигуры, то остальные тридцать лет своего султанства, вплоть до своей кончины в 1566 году, он жил весьма скромной жизнью и редко блистал перед своими подданными или чужеземными гостями. Вот что в 1553 году писал о нем венецианский посланник в Стамбуле:

...[он] теперь не пьет никакого вина... только чистую воду, по причине своих недугов. Он обладает славой очень праведного человека и, когда ему точно передают фактические обстоятельства дела, он никогда не поступает несправедливо. Он в большей степени, чем любой из его предшественников, соблюдает свою веру и ее законы.

Характерный для последних лет Сулеймана аскетизм связывают с приближением 1591–1592 годов, то есть тысячелетия по исламскому летоисчислению, и с тем, что он испытывал необходимость подготовить себя к жизни в том совершенном мире, который неотвратимо приближался. Впрочем, и без приближения нового тысячелетия умы монархов того времени было чем взбудоражить, поскольку вся Европа была охвачена апокалиптическими представлениями, волновавшими всех выдумщиков и фантазеров, независимо от их общественного положения. Так, в Испании то воодушевля-

ние, которое в конце XV века вызывали крестовые походы, никоим образом не уменьшилось после того, как в 1492 году было уничтожено исламское королевство Гранада, поскольку и в Северной Африке и в Новом Свете были те, кого надо было обращать в христианство. Христофора Колумба преследовали две навязчивые идеи: освободить Иерусалим от правления мусульман и обратить весь мир в католицизм. Он считал себя мессией последних времен.

В 1530 году император Карл V из династии Габсбургов возродил идею Священной Римской империи как вселенской монархии и был коронован папой римским в Болонье: Священная Римская империя была средневековым государством, включавшим в себя Италию и значительную часть центральной Европы и, как ни странно, считалась преемницей Римской империи. Предполагалось, что она объединит под своей властью всех католических христиан. Вскоре после этого, во время состоявшейся в 1547 году тщательно продуманной церемонии, Иван IV был коронован как царь всея Руси. Столь самоуверенные претензии на равенство с королями Европы (монаршие титулы которым мог пожаловать лишь папа римский) были также и предъявлением прав на то, что сам он является наследником Византии, а значит и вселенским монархом.

Приближение нового тысячелетия предоставило исламским правителям еще больше оснований поддерживать такие представления о мироустройстве, которые бы полностью соответствовали их безграничным амбициям, что они и делали, причем весьма разнообразными способами. В Индии император из династии Великих Моголов Акбар подчеркивал светский и религиозно нейтральный характер своего многонационального государства и то, что он отдает предпочтение «здравомыслию, а не опоре на традиции». Иранский шах Исмаил из династии Сафавидов сделал из себя «борца за восстановление справедливости» и «подлинной веры» среди своих сторонников из секты кызылбашей. Его соперник, султан Сулейман, тоже считал справедливость ключевым моментом, но только с точки зрения ортодоксального суннитского ислама.

В атмосфере жестокого соперничества использование пышных титулов стало эффективным способом заявить о своих претензиях на мировое владычество. Ставшие письменными памятниками эпохи правления Сулеймана, его указы, переписка и надписи на монетах оказались вполне приемлемыми средствами достижения этой цели. После того, как в 1516–1517 годах были завоеваны Сирия и Египет, его отец Селим I стал называть себя «завоевателем мира».

Это словосочетание самым решительным образом указывало на его абсолютную монархическую власть. Сулейман навсегда увековечил эти притязания и в архивных документах, таких как датированное 1525 годом письмо польско-литовскому королю Сигизмунду I, в котором о территориальных пределах его империи сообщается в явно преувеличенной манере:

...падишах Белого [т. е. Средиземного] и Черного моря, Румелии, Анатолии, Карамана, провинций Дулкадыр, Диярбакыр, Курдистан, Азербайджан, Персия, Дамаск, Алеппо, Египет, Мекка, Медина, Иерусалим, и всех земель Аравии, Йемена, и многих земель, завоеванных сокрушительной силой моих благородных отцов и величественных дедов.

Благодаря тому, что его отец, Селим, завоевал государство мамлюков, под властью Сулеймана оказался Иерусалим, но не только он претендовал на этот город: когда в 1495 году французы вошли в Неаполь, королем Иерусалима был провозглашен Карл VIII. Король Испании Карл V тоже видел себя в этой роли (а после него и Филип II), и на Западе было множество пророчеств относительно того, что именно он захватит этот город.

С момента восхождения Сулеймана на трон на смену агрессивной политике, которую его отец Селим проводил на Востоке, пришла политика отказа от военного вмешательства в дела региона: Сулейман пытался сдерживать Иран, но не завоевывать его. Ко двору Сафавидов в Тебризе тайно были отправлены посланники, которым поручили установить, какую опасность представляет собой шах Исмаил, утверждавший, что все его мысли занимает армия суннитского государства узбеков, которое находилось восточнее Ирана и которое снова угрожало территориальной целостности государства Сафавидов. Поэтому ничто не мешало новому султану начать свою первую военную кампанию на Западе, где незаконченные дела требовали его вмешательства. Как и шах Исмаил, европейские монархи были заняты другими делами (Карл V боролся с уже начинавшейся Реформацией, а французский король Франциск I пытался сохранить за собой территории в Италии, на которые претендовал Карл) и не были готовы к тому, что после стольких лет мира Османская империя внезапно изменит свою политику. Сулейман поставил себе целью взять крупную крепость Белград, которую ни Му-

рад II, ни Мехмед II так и не смогли отобрать у Венгрии. Будучи слишком слабой и находясь в изоляции, Венгрия не сумела оказать должного сопротивления, и 29 августа 1521 года Белград сдался после почти двухмесячной осады. Некоторые из защитников крепости, надеявшихся в ней остаться, были принудительно высланы в Стамбул, где их поселили неподалеку от крепости Едикуле; а жителей городов и замков местности Срем, расположенной между реками Дунай и Сава, переселили в деревни, находившиеся на полуострове Гелиболу. Еще несколько венгерских крепостей сдались османам, которые теперь получили возможность двигаться в западном направлении по маршруту, пролежавшему вдоль реки Сава, и использовать водный транспорт. После неудачных осад 1440 и 1456 годов турки наконец овладели Белградом, который стал мощной передовой базой для любых вторжений вглубь Венгрии.

Теперь настала очередь Родоса, еще одной крепости, которую Мехмед II не сумел взять. Обосновавшиеся там рыцари-госпитальеры всегда опасались того, что однажды Селим непременно на нее нападет. Для турок нестерпимым было даже не то, что Родос давал прибежище и снабжал пиратов, нападавших на османские суда, а то, что рыцари держали в качестве рабов многих мусульман, захваченных во время корсарских рейдов на суда, перевозившие мусульман, совершавших паломничество в Мекку. Те из них, кому удалось бежать с Родоса, жаловались на то, что с ними жестоко обращались и что часто такое обращение заканчивалось смертью для тех, кто не сумел бежать и не мог внести за себя выкуп.

Сулейман лично командовал своей армией. Осада продолжалась пять месяцев, и 20 декабря 1522 года турки приняли капитуляцию крепости Родос. Рыцари понесли большие потери, и им было позволено покинуть остров. Вскоре туда прибыли переселенцы из балканских провинций и Малой Азии. Рыцари отплыли на запад, но смогли найти постоянное прибежище только в 1530 году, когда они обосновались на неприступном острове Мальта («который был не более чем скалой из мягкого песчаника»), предложенном им Карлом V при условии, что они возьмут на себя ответственность за оборону Триполи, который был испанским аванпостом в Северной Африке. Для турок завоевание Родоса стало еще одним шагом на пути к установлению полного контроля над восточной частью Средиземного моря. Но они не сумели воспользоваться торговыми и стратегическими возможностями этого острова. Венецианский посланник Пьетро Зено почти сразу же обратил внимание на это упу-

шение и уже в 1523 году отметил, что «султан не видит в Родосе никакой пользы». К тому времени в этом регионе в руках турок были все крупные острова за исключением Кипра и Крита.

После победы Селима I над мамлюками, империя получила подданных, исторические традиции которых отличались от исторических традиций народов, завоеванных турками до этого момента. Военные кампании против Византии и христианских государств Балканского полуострова в какой-то степени были инспирированы риторикой «священной войны», согласно которой долгом мусульман являлось расширение сферы господства ислама за счет территорий, принадлежавших неверным. В Малой Азии лишь часть государств, аннексированных османами, была населена такими же, как и они сами, тюрками и мусульманами, то есть людьми, имевшими такие же культурные традиции. Население территорий, принадлежавших мамлюкам, требовало иного подхода, поскольку эти новые подданные Османской империи хотя и являлись мусульманами, но были арабами, культурные традиции которых весьма отличались от османских и имели более длительную историю.

Завоеванные мамлюками земли вскоре были реорганизованы в провинции Османской империи. Была поставлена цель установить такие отношения, которые способствовали бы тому, чтобы новые подданные поверили в «естественность» османского порядка. В преамбуле к обнародованному в 1519 году своду законов сирийской провинции Триполи высказывалась идея того, каким образом султан намерен узаконить свою верховную власть. В ней утверждалось, что этой провинцией прежде управляли «тираны» (т. е. мамлюки), которых Всевышний лишил власти, чтобы даровать ее более достойным правителям, османам. Далее говорилось о том, что мамлюки неправильно распорядились теми полномочиями, которыми их наделил Всевышний. И напротив, османское правление под руководством султана, наделенного многими качествами, которые обычно приписывали Всевышнему, введет провинцию в эру справедливости.

Назначение на административные должности видных членов поверженного режима стало еще одной хитростью, примененной османами для того, чтобы облегчить процесс захвата власти. Губернаторами провинций Дамаск и Египет султан Селим назначил людей, которые пошли на сотрудничество с турками (Джанбарди аль-Гхазали, который при мамлюках был губернатором Дамаска, снова получил этот пост, а бывший мамлюкский губернатор Алеппо, Хайр

Бак отправился в Каир в качестве губернатора Египта). Однако вскоре после смерти Селима Джанбарди аль-Гхазали возглавил мятеж против своих новых хозяев, объявив себя властителем и вступив в дипломатические сношения с рыцарями-госпитальерами Родоса, от которых он пытался получить военную и морскую поддержку. Проявившаяся таким образом слабость османской власти в недавно завоеванном государстве мамлюков, которое находилось всего в нескольких днях плавания от острова, стала еще одним стимулом, подтолкнувшим Сулеймана к завоеванию Родоса. На подавление мятежа он направил целую армию, и в конечном итоге Джанбарди был убит. Хайр Бак умер в 1522 году, и его преемником на посту губернатора Египта стал родственник Сулеймана, Чобан («Пастух») Мустафа-паша, которому в 1524 году пришлось пресечь попытку восстановить Мамлюкский султанат и стать его владыкой, предпринятую еще одним османским губернатором, Ахмедом-пашой. Сулейман считал это настолько тревожным сигналом, что направил в Египет своего фаворита, великого визиря и зятя, Ибрагима-пашу (женатого на его сестре, Хатидже Султан), предоставив ему полномочия губернатора этой провинции и поручив восстановить в ней закон и порядок, а также надзирать за введением в действие разработанного для нее свода законов.

Ибрагим-паша родился в городке Парга, находившемся на берегу Ионического моря напротив острова Корфу, и был подданным Венецианской республики. После того как турки захватили его в плен, он служил в доме Сулеймана в Манисе, когда тот был принцем-губернатором Сарухана. После своего восхождения на трон Сулейман почти сразу же публично продемонстрировал свое расположение к Ибрагиму, построив ему великолепный дворец на Ипподроме, в Стамбуле*. После смерти Селима его великий визирь, Пири Мехмед-паша, первое время оставался на своем посту, но потом Сулейман назначил на его место Ибрагима. Такое продвижение человека, который не занимал пост визиря, а был лишь старшим придворным, было чем-то экстраординарным.

После мятежей в Сирии и Египте переход от правления мамлюков к правлению Османской империи осуществлялся с большей осмотрительностью. Египетский свод законов 1525 года отличался своей мягкостью и должен был успокоить местное население, а так-

* Этот дворец был отчасти перестроен, ныне в нем размещается Музей турецкого и исламского искусства.

же защитить его от любых злоупотреблений со стороны чуждых ему османских военных. Как только внутренняя обстановка стабилизировалась, а от недовольных удалось откупиться, чтобы в обозримом будущем не возникало никаких разногласий, Османское государство смогло приступить к извлечению выгод из доходов Египта, который, по выражению одного современного историка, был «драгоценным камнем в короне Османской империи и незаменимым источником ее финансовой стабильности». Османская провинция Египет, как до этого Мамлюкское государство, несла ответственность за организацию ежегодного паломничества мусульман в Мекку, но даже после удержания части доходов, необходимой для выполнения этой задачи, а также для финансирования ремонта и содержания священных для мусульман мест, оставались весьма значительные излишки, которые надлежало ежегодно отправлять в центральное казначейство в Стамбуле.

Как только Ибрагим-паша создал в Египте прочную основу для османского правления, появилась возможность предпринимать более энергичные усилия, направленные на защиту торговых и территориальных интересов империи в Аравийском и Красном морях, а также в Персидском заливе. Благодаря военно-морской помощи, которую во времена Баязида II империя оказывала мамлюкам, турецкие капитаны были в определенной степени знакомы с этими акваториями. Когда мамлюки еще правили Египтом, португальцы направляли свои эскадры в Красное море, а ставшая следствием этого потеря доходов от торговли пряностями оказала неблагоприятное воздействие на египетскую экономику. Ибрагим надеялся сделать Красное безопасным для османского судоходства и приказал готовить эскадру в Суэце под командованием Селмана-реиса, который составил доклад, включавший длинное описание португальских анклавов на берегах Индийского океана, и многочисленных богатств Йемена, и портов Красного моря, и рекомендовал перейти к наступательной стратегии завоеваний.

Еще одним моряком, выступавшим за более агрессивную политику в Индийском океане, был мореход и картограф Пири-реис, который командовал частью эскадры, осуществлявшей снабжение сухопутных войск Селима I, напавших на Египет в 1516–1517 годах, а в 1524 году был лоцманом Ибрагима-паши во время его плавания в Египет. Пири-реис представил Селиму карту мира, которую он сам изготовил, а также составил морской справочник, «*Kitâb-i Bahriyye*» («Книга мореплавания»), представлявший собой подробный пере-

чень навигационных сведений о морях и побережьях Средиземно-морья, начинавшийся с анализа деятельности португальцев в Индийском океане. Когда в 1525 году Ибрагим вернулся в Стамбул (проведя всего несколько месяцев в Египте), он представил вниманию Сулеймана новую редакцию этого справочника, надеясь на то, что султан разделит его представления о том, какой должна быть экспансия в Индийском океане. Энергичный преемник Ибрагима на посту губернатора Египта, Хадим («Евнух») Сулейман-паша (который целых двенадцать лет оставался губернатором этой провинции) усилил Суэцкую эскадру, она должна была дать ответ португальцам, нападавшим и на суда с паломниками и на купеческие суда, заставляя турок опасаться того, что они оккупируют святые места. Но на все призывы к Стамбулу начать действовать следовала лишь весьма сдержанная ответная реакция. Вызов превосходству португальцев в Индийском океане планировалось бросить в 1531 году, но сроки пришлось перенести из-за того, что пушки и боеприпасы понадобились в Средиземном море. В 1531–1532 годах, при несомненном подстрекательстве со стороны Хадима Сулеймана, турки приступили к строительству канала между Красным морем и Нилом. Планировалось, что этот канал обеспечит альтернативный маршрут для торговли пряностями, который будет вне досягаемости португальцев. Согласно записям в дневниках венецианского архивариуса и летописца того времени Марино Санудо, над осуществлением этого проекта трудились тысячи людей, но он так и не был завершен.

Вскоре после того как Ибрагим-паша вернулся из Каира в Стамбул, его назначили командующим имперской армией, воевавшей в Венгрии. Вместе с султаном он выехал на фронт, а 29 августа 1526 года турки одержали победу над армией короля Венгрии и Богемии Людовика II. Так закончилась двухчасовая битва на болотах возле расположенного на юге Венгрии Мохача. Спасаясь бегством, король Людовик утонул, а те из его солдат, кто не был убит, бежали с поля боя. Будучи такой же важной по своим последствиям, как победа, которую в 1389 году султан Мурад I одержал над армией средневекового Сербского княжества на Косовом поле, победа османской армии при Мохаче положила начало развернувшейся в Центральной Европе столетней борьбе Османской империи с империей Габсбургов.

Первоначально территориальные владения Габсбургов занимали большую часть сегодняшней Австрии, но в конце XV столетия,

благодаря разумному выбору партнеров по браку, представители этой династии стали владыками обширной империи. В 1477 году будущий Максимилиан I Габсбург вступил в брак с Марией, которая была наследницей Бургундского герцога Карла «Смелого» (который также правил Нидерландами), а вслед за этим, в 1496 году, сын Максимилиана Филипп женился на Хуане, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Хотя Хуана была лишь шестой претенденткой на трон своих родителей, являвшихся владыками двух королевств, она унаследовала его после того, как скончались все те, кто имел на него больше прав. После смерти Максимилиана, умершего в 1519 году, его наследник, Карл V, который был старшим сыном Филиппа и Хуаны, стал владыкой королевств Кастилии и Арагона, а также Наварры, Гранады, Неаполя, Сицилии, Сардинии и Испанской Америки, герцогства Бургундского и Нидерландов, а также владений Габсбургов в Австрии. В 1521 году младший брат Карла, Фердинанд, вступил в брак с дочерью Владислава из династии Ягайло, короля Венгрии и Богемии, а в следующем году их сестра Мария была выдана замуж за сына Владислава, Людовика (II). В 1521 году австрийские владения Габсбургов были переданы Фердинанду, который с тех пор правил ими самостоятельно, как эрцгерцог.

Сулейман и его советники не воспринимали Австрию эрцгерцога Фердинанда как непосредственную угрозу своей империи. Для них могущество Габсбургов олицетворял Карл V, который вел войны в Западной Европе, где главными врагами Габсбургов были французские Валуа. С 1494 года, когда Карл VIII Французский завоевал Неаполитанское королевство, и до 1503 года, когда оно было захвачено Испанией, ареной их соперничества была южная Италия. Впоследствии эпицентр их борьбы переместился на север Италии. Решающей считается битва, состоявшаяся 24 февраля 1525 года при Павии, южнее Милана. Армия французского короля Франциска I была наголову разбита, а сам он был захвачен на поле битвы Карлом V и отправлен в Испанию в качестве пленника. Годом позднее его отпустили после того, как он отказался от прав на некоторые из принадлежавших ему территорий и от своих притязаний в Италии. Под принуждением Франциск согласился на сотрудничество в борьбе с Османской империей. Пока Франциск находился в заточении, в Стамбул был направлен французский посланник с поручением просить Сулеймана оказать содействие в освобождении короля и помочь в борьбе с Карлом. Но посланник вместе со своей свитой

был убит губернатором Боснии. Впрочем, письмо Франциска все же оказалось в Стамбуле, и Сулейман дал на него благосклонный ответ. Оказавшись на свободе, Франциск нарушил обязательства, которые он дал Карлу, и в июле 1526 года вновь отправил султану письмо, в котором выразил надежду на то, что в будущем сумеет его отблагодарить.

Не вполне понятно, считал ли Сулейман, что его теплые отношения с Франциском будут иметь следствием оказание практической помощи. Когда в 1526 году султан вторгся в Венгрию, у него были на то свои причины, и результаты недавно проведенных исследований говорят о том, что такие намерения возникли у него еще в 1521 году после закончившейся успехом осады Белграда. Победы Селима стабилизировали обстановку на восточных границах, к тому же война османских мусульман со своими единоверцами в Иране Сафавидов и в государствах мамлюков никогда не пользовалась популярностью среди военных империи. Как только в 1522 году рыцари-госпитальеры были изгнаны из своей базы на Родосе, вполне реальной стала возможность воспользоваться падением Белграда для вторжения в Венгрию.

После победы при Мохаче Сулейман двинулся в направлении венгерской столицы Буды и 11 сентября вошел в город. Современник султана Мехмеда II, король Матиаш Корвин, был щедрым меценатом и разборчивым коллекционером памятников итальянского искусства: изделий из ткани, керамики, золота, стекла, а также скульптуры. Он также был основателем знаменитой библиотеки. Владение трофеями уже несуществующих королевств стало красноречивым свидетельством превосходства османских завоевателей, которые вернулись в Стамбул с богатой добычей. Было захвачено множество рукописей: спустя столетия некоторые из них вернулись на Запад. Считается, что в 1887 году султан Абдул-Хамид II вернул Венгрии то, что еще оставалось. Однако кое-что, возможно, до сих пор хранится в библиотеке дворца Топкапа. Пара огромных бронзовых подсвечников, доставленных из кафедрального собора Девы Марии в крепости Буда, все еще стоят по обе стороны от места молений в Айя Софии.

Направления будущего конфликта Османской империи с австрийскими Габсбургами стали очевидными, когда после смерти короля Людовика появились два соперничающих претендента на венгерский трон. Венгерский сейм избрал преемником воеводу Трансильвании Иоанна Заполю, который являлся родственником

Людовика по линии жены и после состоявшейся в ноябре 1526 года коронации стал королем Венгрии. Между тем, эрцгерцог Фердинанд, который по праву своей супруги претендовал на троны Венгрии и Богемии, в октябре 1526 года был избран королем Богемии. В ноябре та фракция сейма, которая поддерживала Карла V, избрала Фердинанда королем Венгрии. Опасения, которые внушала Османская империя, помогли ему взойти на оба трона, так как многие венгерские дворяне считали, что более всего этой угрозе способна противостоять династия Габсбургов. В сентябре 1527 года Фердинанд изгнал Заполью из Буды и после состоявшейся 3 ноября коронации стал королем Венгрии.

Для турок смерть Людовика во время битвы при Мохаче все изменила, поскольку теперь им противостояла не крайне ослабевшая после правления Матиаша Корвина независимая Венгрия, а династия, столь же честолюбивая, как и их собственная. Теперь Фердинанд стал воплощением врага Османской империи в Центральной Европе, и в последнее время приводятся доводы в пользу того, что раньше или позже все равно созрели бы условия, заставившие турок действовать более энергично в отношении Габсбургов на всем протяжении их общей границы. Карл не мог оказать Фердинанду никакой помощи в борьбе с турками, поскольку в 1527 году ему пришлось снова защищаться от нападений лиги, которую возглавила Франция, чтобы оказать сопротивление господству Габсбургов в Европе. Печальным результатом этой борьбы стало то, что в мае того же года его войска разграбили Рим, а папа, который присоединился к лиге, был взят в плен. В 1528 году французы взяли в осаду Неаполь, а в 1529-м, для того, чтобы развязать себе руки и заняться религиозными волнениями, вызванными Реформацией, Карл заключил Камбрейский мирный договор с Франциском, который вновь отказался от своих притязаний на итальянские земли.

Предъявление Фердинандом прав на венгерский трон определило новое направление в османской политике. После того как потерпевший поражение Заполья удалился из Буды и отправился сначала в Трансильванию, а затем в Польшу, он вступил в переговоры с Сулейманом, которые привели к тому, что в феврале 1528 года между ними был заключен союз. Одержав победу при Мохаче, Сулейман считал, что он как завоеватель вправе распоряжаться венгерской короной, и пообещал ее (но не территорию королевства) Заполье. Султан проявил коварство, поскольку считал царствование Запольи временной мерой, направленной на то, чтобы стабилизи-

ровать ситуацию в Венгрии до тех пор, пока он не сможет сам бросить вызов Фердинанду. 10 мая 1529 года Сулейман выступил со своей армией в поход на Вену. По дороге, в Мохаче, Иоанн Заполя был коронован и получил корону почитаемого всеми короля средневековой Венгрии, святого Стефана. Целью этого символического акта было противодействие притязаниям Габсбурга на венгерский трон. Затем у Фердинанда снова отобрали Буду, и Заполя был возведен на венгерский трон. И в австрийских владениях Габсбургов, и в самой Венгрии у Фердинанда было слишком мало людских ресурсов и денег, поэтому весной 1528 года он направил в Стамбул посланников, которые должны были вести переговоры о мире. Но они вернулись домой с пустыми руками.

Действия османской армии в Венгрии всегда были сопряжены с большими трудностями. По равнинам Центральной Европы течет множество больших рек (крупнейшая из которых Дунай), благодаря которым почва на протяжении значительной части года была раскисшей от воды и только в современную эпоху дренажные системы облегчили передвижение по этим землям. Предпринятый в 1529 году поход на Вену изобиловал трудностями, связанными с вопросами снабжения, что было вызвано проливными дождями и паводками. По этой причине войскам султана потребовалось четыре месяца, чтобы преодолеть расстояние от Стамбула до Буды, и еще две недели, чтобы подойти к Вене, куда они прибыли в последние дни сентября. Коммуникации османской армии были слишком растянуты, а сами войска измотаны. Хотя перед осадой стены города были лишь слегка отремонтированы, они выдержали натиск османской армии, но только через три недели Сулейман отдал приказ об отступлении. Его промокшая, испачканная грязью армия вернулась в Белград, а затем и в Стамбул. Для современников, как и для более поздних комментаторов, эта осада Вены (как и та, которая была предпринята в 1683 году во время войн, положивших конец османскому владычеству в Венгрии) стала символом агрессивной политики мусульман в отношении христианского мира и определила их отношение к мусульманскому соседу, которым являлась Османская империя.

В 1532 году Сулейман возглавил проведение еще одной военной кампании в Венгрии, но чтобы подойти к Вене, его войскам надо было взять находившийся в 80 километрах к югу от столицы городок Кёжег (Гюнс), который капитулировал только после трех недель осады. Сулейман согласился оставить во владении Фердинан-

да северную и западную Венгрию (тогда эта местность называлась «Королевской Венгрией»), но не отказался от своих интересов в этом районе. Летом того же года османская эскадра, находившаяся у берегов Пелопоннеса, подвергалась постоянным атакам армады Габсбургов, под командованием находившегося на службе у Карла талантливому генуэзского адмирала Андреа Дориа, который захватил порты Нафпактос и Корон. Эти неудачи заставили Сулеймана усилить свой флот и назначить главным адмиралом Хайредина-реиса (его из-за рыжей бороды называли «Барбароссой»), корсара с острова Лесбос, который совершал набеги из Алжира и поступил на службу к Селиму I незадолго до его смерти. Вскоре Нафпактос и Корон были отвоеваны.

После состоявшихся в 1533 году переговоров о перемирии с Фердинандом султан Сулейман направил Ибрагима-пашу на восток. В 1524 году умер шах Исмаил из династии Сафавидов, политика и действия которого так раздражали Селима I. Тогда же его десятилетний сын и наследник Тахмасп стал жертвой борьбы за власть, разгоревшейся между вождями секты кызылбашей, поддержкой которых пытались заручиться Сафавиды. Эти распри и частые набеги узбеков на территории Сафавидов ослабили государство, построенное Исмаилом, и уменьшили возможность вторжения Сафавидов в османскую Малую Азию. Османы и узбеки понимали, что их общей целью является раскол державы Сафавидов. В 1528 году губернатор Багдада заявил о том, что он подчиняется Сулейману, но вскоре его убили, и власть Сафавидов была восстановлена. Конфигурация границы между Османской империей и государством Сафавидов изменилась, когда персидский губернатор провинции Азербайджан перешел на сторону султана, а курдский эмир находившегося западнее озера Ван Битлиса переметнулся к шаху. Но когда в конце 1533 года Ибрагим-паша со своей армией прибыл в этот регион, Битлис снова был в составе Османской империи.

Зиму Ибрагим-паша провел в Алеппо, а летом 1534 года он взял столицу шаха Тахмаспа, город Тебриз. Столкновению с османами Тахмасп предпочел бегство. Он, как и его отец, избегал противостояний, и эта тактика делала военную кампанию в Иране еще более неопределенной. Совершив трехмесячный переход через опаленную летним зноем Малую Азию, султан Сулейман прибыл в Тебриз, где находились Ибрагим и его армия. Они решили начать преследование шаха. Через два месяца, после долгого марша по за-

снежным нагорьям юго-западного Ирана, османская армия подошла к Багдаду, и город капитулировал. Поскольку с середины VIII столетия и до 1258 года, когда моголы убили халифа, Багдад являлся столицей халифата, он представлял большое значение для османской династии, которая пыталась узаконить свои притязания на главенствующую роль в исламском мире. В те месяцы, которые Сулейман провел в Багдаде, он сделал чудесное открытие, которое было сродни открытию, сделанному султаном Мехмедом II, обнаружившим во время завоевания Константинополя гробницу мусульманского святого, Айюба Ансари. Религиозный правовед Абу Ханифа, основатель правовой школы, которую османы ценили выше трех других правовых школ суннитского ислама (Малики, Шафии и Ханбали, которые в арабских провинциях продолжали функционировать наряду со школой Ханафи), умер в Багдаде в 767 году н. э. Сулейман «повторно открыл» его гробницу и, подтверждая свою сакральную власть над Багдадом, восстановил ее, а рядом построил мечеть и богадельню*. Кроме того, Сулейман построил купол над гробницей теолога и мистика Абд аль-Кадира аль-Гилани, тем самым внеся его в число святых, почитаемых ортодоксальным исламом, и завершил начатое шахом Исмаилом строительство мечети, которая таким образом стала суннитской, а не шиитской. В ходе этой кампании, которую называют «кампанией двух Ираков» (т. е. «Ирака арабов» или Нижней Месопотамии и «Иранского Ирака» — горного района на востоке), самые главные святыни шиитского ислама (Наджаф, где был погребен зять Пророка Али и Карбала — место где находилась гробница сына Али, Хусейна), также оказались в руках осман. В письме Франциску I, Сулейман описал свое посещение этих святынь. Светское право Сулеймана на Багдад вскоре было оформлено посредством обнародования свода законов новой провинции, получившей такое же название, как и город. Во многом он напоминал кодекс Сафавидов, но бремя налогов стало легче, а те положения, которые победители-османы сочли незаконными, были отменены. Целью Сулеймана было показать то, что османское правосудие превосходит правосудие побежденных Сафавидов.

* Тюрбан, который, как считалось, принадлежал Абу Ханафи, демонстрировался в сокровищнице дворца Топкапы в первые годы XVII столетия.

Столкновения осман с Габсбургами происходили в западной части Средиземного моря, а также в Венгрии и на Пелопоннесе. Еще в начале XV века Португалия стала создавать свои аванпосты на побережье Северной Африки, а Испания, захватив Гранаду и ее порты, сразу же сосредоточила свои усилия на осуществлении собственных агрессивных планов в отношении местного мусульманского населения. Крестовый поход Испании в Северную Африку назывался реконкистой на том основании, что эти земли когда-то были христианскими. Вступив в 1530 году на трон Священной Римской империи, Карл V считал, что это укрепляет его моральное право продолжить консолидацию испанской державы. Оказавшееся в изоляции мусульманское население Северной Африки взывало о помощи к султану (как к защитнику мусульман), и в результате, между Габсбургами и Османской империей началось яростное противоборство. В основе османской военно-морской стратегии в этих водах лежал многолетний опыт и навыки корсарских капитанов побережья Северной Африки, которых Османская империя нанимала на службу, чтобы перенаправить их энергию на борьбу с Испанией. Барбаросса был лишь самым известным из этих капитанов. Иногда корсары низвергали тех, кто нанимал их на службу, ради собственной защиты. Так в 1534 году Барбаросса захватил Тунис, которым правила мусульманская династия Хафсидов (в ответ на это Карл направил эскадру, которая должна была вернуть этот порт, и добился, чтобы на Ла-Гоlette была построена большая крепость, которую защищал гарнизон, состоявший из христиан). Когда Османская империя стала постепенно распространять свое влияние на внутренние районы Северной Африки, местные мусульманские династии поняли, что степень их независимости определяют как Стамбул, так и Мадрид. Возможность аннексии Османской империей была столь же нежелательной перспективой для многих из них, как и для тех, кто правил в пограничных районах восточной и юго-восточной Малой Азии.

Сулейман и его советники приобрели большой опыт использования в своих целях длительного соперничества и вражды между Карлом V и Франциском I. В 1536 году имел место эпизод, который один современный историк назвал «фарсом противодействия туркам», имея в виду данное другим христианским монархам обязательство Франциска I оказать содействие защите Италии в случае высадки турок на ее территории. Еще до завоевания Константино-

поля турки предоставили венецианским и генуэзским купцам привилегии, которые назывались «капитуляциями», благодаря им позволялось основывать торговые сообщества. При мамлюках (а после их падения и при османах) французские, венецианские и каталонские купцы пользовались этими привилегиями в пределах Сирии и Египта, а в 1536 году французы вели переговоры о распространении действия своих привилегий на всю территорию Османской империи, взамен гарантируя предоставление туркам таких же привилегий на французских территориях. Такое подтверждение наличия особых отношений с Францией было одним из последних начинаний Ибрагима-паши, которого через месяц казнили. Но помимо торговли, цель данного соглашения состояла в том, чтобы борющаяся с Габсбургами Османская империя получила союзника. Сулейман направил в Венецию посланника с предложением присоединиться к турецко-французскому союзу, но получил отказ. Венецианцы больше опасались Габсбургов, чем турок.

В целом, отношения Османской империи с Венецией по-прежнему не зависели от превратностей европейской политики, но постоянные столкновения сухопутных сил в Далмации и кораблей в Адриатике говорили о том, что эти отношения вступают в новую фазу. К тому же с казнью Ибрагима-паши Венеция лишилась друга при дворе султана. В 1537 году Сулейман выступил со своей армией в направлении находившегося на побережье Адриатики города Влёра, с явным намерением обрушиться на Италию с двух направлений, так как с юга ему должен был оказать содействие Барбаросса со своей эскадрой. Могла возникнуть возможность завоевать Рим, к чему, как опасались его жители, стремился Сулейман. В 1531 году во время беседы с венецианским послом при французском дворе Франциск I сказал, что цель Сулеймана состоит в том, чтобы подойти к Риму. Барбаросса опустошил местность, прилегавшую к Отранто, а султан Сулейман напал на венецианский остров Корфу, но когда стало ясно, что только длительная осада заставит крепость капитулировать, турки отступили. Прежние отношения взаимопонимания между венецианцами и турками были разрушены, и Венеция согласилась стать участницей Священной лиги, в которую входили Карл V и папа римский, и вступить в борьбу с Османской империей. 27 сентября 1538 года союзный флот под командованием Андреа Дориа столкнулся с османским флотом, которым командовал Барбаросса. Это случилось неподалеку от городка Превеза, на-

ходившегося на побережье Ионического моря, южнее Корфу. Победа Барбароссы выявила относительную слабость морских держав западного Средиземноморья. В 1539 году, после того, как прекратилась торговля с турками, которая была важнейшим условием процветания (в особенности закупки зерна, необходимого для того, чтобы накормить граждан Республики), Венеция запросила мира. Рухнули ее надежды на то, что союз христианских государств будет способствовать достижению стоявшей перед ней стратегической цели: защите уязвимых прибрежных аванпостов Венеции от нападений осман. Для Карла важнейшей целью была оборона западного Средиземноморья и Испании от опустошительных набегов североафриканских корсаров, которых поощрял и которым оказывал содействие Хайреддин Барбаросса. Для Венеции ценой мира, заключенного в конце 1540 года, стала передача османам крепостей, которые еще оставались у нее на Пелопоннесе (некоторые из них она удерживала на протяжении трех столетий), и выплата значительной контрибуции.

В то самое время, когда османский флот вел активные действия в Средиземном море, губернатор Египта, Хадим Сулейман-паша (незадолго до этого вернувшийся в Египет после участия в «кампании двух Ираков»), отплыл со своей эскадрой в Аравийское море, чтобы оказать помощь одному мусульманскому правителю. В 1535 году султан Гуджарата, Бахадур-шах, потерпел поражение от императора Великих Моголов Хумаюна и призвал на помощь португальцев. Он позволил португальцам построить крепость в Диу, на южной оконечности полуострова Гуджарат, которая стала перевалочным пунктом для доставки пряностей из Индии на Запад. Но как только опасность нападения Хумаюна миновала, он обратился к туркам, призывая их оказать ему помощь в борьбе с португальцами. Хадим Сулейман отплыл из Суэца с флотом из 72 судов и после девятнадцати дней плавания появился у берегов Гуджарата. Тем временем португальцы казнили Бахадур-шаха, а их прочная крепость устояла под обстрелом турецких пушек. Известие о том, что на помощь крепости спешит португальская эскадра, заставило Хадима Сулеймана снять осаду и отправиться домой. Несмотря на то что его военная экспедиция закончилась неудачей, она оказалась поворотным моментом турецко-португальского соперничества в этом регионе, продемонстрировав, что османский флот способен пересекать Аравийское море. По пути в Диу Хадим Сулейман взял порт Аден, и на

юге Аравийского полуострова была создана провинция Йемен, которая имела важное стратегическое значение. Впрочем, Османская империя довольно слабо контролировала эту провинцию.

Вскоре, благодаря дипломатическим усилиям, турки получили контроль над морскими путями в Красное море. Вслед за окончанием кампании 1538 года Османская империя и Португалия обменялись посланниками; были признаны сферы торговых интересов этих двух государств и достигнута договоренность о безопасности их купцов.

После 1532 года ситуация в Венгрии зашла в тупик: неудачной оказалась вторая попытка осман захватить Вену, но и Фердинанд находился не в том положении, чтобы помышлять о нападении на Османскую империю. Вассал султана, воевода Молдавии Петр Рареш подозревался в сговоре с Габсбургами, и в 1538 году султан во главе армии, которая была направлена против него, взял бывшую молдавскую столицу Сучаву и временно сместил Рареша. Он также аннексировал южную Бессарабию, обширную часть побережья, протянувшуюся от устья Дуная до устья Днестра, которую турки называли Букак, и оккупировал северный берег Черного моря от Днестра до Буга с фортом Канкерман (который стоял на том месте, где сейчас находится Очаков) в устье Днепра. Контроль над этой территорией имел стратегическое значение для перехода из Крыма татарской кавалерии, являвшейся важнейшим компонентом османской армии. На Днестре стояла крепость Бендер, украшенная надписью с поразительно самоуверенным обращением Сулеймана к покоренным (или частично покоренным) государствам, Сафавидам, Византии и мамлюкам: «В Багдаде я шах, в византийских пределах кесарь, а в Египте султан».

В 1538 году Иоанн Заполя и король Фердинанд заключили пакт. Они договорились о том, что каждый из них должен носить титул короля в своей части Венгрии, но когда Иоанн умрет, его территория перейдет к Фердинанду. Иоанн Заполя умер 22 июля 1540 года, через две недели после рождения своего сына, которого назвали Иоанном Сигизмундом. Спеша извлечь выгоду из этой неожиданной ситуации до того, как на нее последует реакция турок, Фердинанд взял город Буда в осаду. Поскольку Фердинанд был братом Карла V, его восхождение на трон Венгрии привело бы к расширению Священной Римской империи, что не могло понравиться Сулейману, поэтому он пообещал свое покровительство инфанту Иоанну Сигизмунду и весной 1541 года приступил к урегулирова-

нию спорных вопросов с Фердинандом. Сняв осаду Габсбурга с Буды, он передал центральную Венгрию под прямое управление Османской империи. Фердинанд сохранял за собой западную и северную части бывшего Венгерского королевства, а Иоанну Сигизмунду (с епископом Георгом Мартинуцци в качестве регента) была передана Трансильвания, которой он должен был править как вассал Османской империи.

Отношения Стамбула с вассальной Трансильванией весьма отличались от отношений с такими давними вассалами, как Молдавия и Валахия. Первоначально, в середине XVI века, никакие османские войска в Трансильванию не вводились. Воевода Трансильвании избирался местным законодательным собранием и его кандидатуру утверждал султан, тогда как воеводы Молдавии и Валахии назначались султаном. К тому же, от воеводы Трансильвании не требовалось посылать своих сыновей ко двору султана в качестве заложников. Величина ежегодной дани для Трансильвании была меньше, чем для дунайских княжеств, и в отличие от них, ей не надо было предоставлять Стамбулу товары или услуги.

Первые годы правления Сулеймана были отмечены необычными празднествами и триумфальными шествиями, которые во многих отношениях противоречили прежней практике. Стамбульский ипподром снова стал ареной развлечений и пышных зрелищ, каким он и был во времена Византии. Здесь проводились все самые значительные церемонии, связанные как с жизнью, так и со смертью: от свадеб представителей правящей династии и торжеств по случаю обрезания до публичных казней инакомыслящих проповедников. Первым таким событием было состоявшееся в 1524 году бракосочетание сестры Сулеймана, Хатидже и его фаворита, Ибрагима-паши. Публичные празднования продолжались пятнадцать дней. В 1530 году вслед за проведением обряда обрезания младших сыновей Сулеймана, Мустафы, Мехмеда и Селима (будущего султана Селима II), начались торжества, которые продолжались сорок дней. Этот последний случай представил несравненную возможность недвусмысленно заявить о могуществе османской династии. Шатры побежденных соперников (Аккоюнлу, Сафавидов и Мамлюков) выставили напоказ толпе, а во время пира являвшиеся заложниками принцы из правящих династий Аккоюнлу, Мамлюков и Дулкадира были демонстративно посажены рядом с султаном.

Будучи великим визирем и зятем султана, Ибрагим-паша руководил и наслаждался этими дорогостоящими представлениями, а возложенные на него обязанности по надзору за проводившимися с 1525 по 1529 год работами по обновлению дворца Топкапы позволили ему проявить еще большую расточительность. Построенный при Мехмеде II зал заседаний совета и сокровищница были разрушены, а на их месте были построены гораздо более вместительная восьмикупольная сокровищница и примыкавший к Башне Правосудия трехкупольный зал заседаний совета. Заметным улучшением планировки дворца стала масштабная перестройка Зала Прошений, расположенного на входе в третий двор. Это отдельно стоящее строение и ныне препятствует прямому доступу посетителей к центральной части дворца. Роскошный декор и мебель этого зала были отмечены современниками, которые видели в нем изысканную гармонию серебра и золота, драгоценных камней, вычурных тканей и мрамора. Прибывший в Стамбул вскоре после того, как с Францией было подписано соглашение о капитуляциях, французский антиквар Пьер Жиль описывает, как султан принимает послов, сидя на низком диване «...в небольшом помещении из мрамора, украшенном золотом и серебром и наполненном сверканием бриллиантов и драгоценных камней. Это помещение для парадных приемов обрамляет галерея, которую поддерживают колонны из прекрасного мрамора, капители и подножья которых полностью покрыты позолотой».

Султан и великий визирь были хорошо осведомлены о том, что происходило на Западе, и в 1530 году они быстро получили подробное описание великолепной церемонии, в ходе которой папа Климент VII возложил на голову Карла V корону императора Священной Римской империи. Столь же быстро они истолковали это как стремление подкрепить притязания императора Священной Римской империи, который видел себя новым цезарем. Султан Мехмед II стремился стать владыкой мира. В нем видел своего соперника Матиаш Корвин, который в свое время был самой могущественной фигурой в Центральной Европе и считал себя новым Геркулесом или Александром Великим (с последним сравнивал себя и сам Мехмед, а также, по свидетельствам венецианских послов XVI века, Селим I и Сулейман). Сулейман не мог оставить этот явный вызов без ответа. В Венеции Ибрагим-паша заказал золотой шлем с четырьмя накладными коронами, увенчанными плюмажем. В мае 1532 года, когда султан во главе своей армии двигался в на-

правлении Венгрии, этот шлем был доставлен в Эдирне из платившего Османской империи дань портового города Дубровник на Адриатике. Этот шлем с коронами изредка демонстрировался на приемах, которые давал Сулейман, и играл свою роль в тщательно продуманных триумфальных парадах, проводившихся во время военных походов: к удовольствию иностранных послов и других наблюдателей, султан любил производить впечатление своей мощью. Посланники Габсбурга, которых Сулейман принял в Нише, судя по всему не знали, что тюрбан является головным убором султанов, и сочли, что эта безвкусная регалия и является османской имперской короной. Ни выбор времени, когда Ибрагим-паша заказал этот шлем, ни его форма не были случайными. Шлем-корона имел черты сходства с короной императора, а также с папской тиарой. Но самое главное, он символизировал вызов их могуществу.

Ибрагим был султану как брат, являлся его личным советником и высшим государственным чиновником, но вследствие этой близости он нажил себе врагов. В 1525 году его дворец на Ипподроме был разграблен во время мятежа янычар в Стамбуле, который, возможно, был спровоцирован его соперниками. В отношении шлема-короны государственный казначей критиковал Ибрагима за расточительность, которую тот проявил, заказав шлем во время проведения дорогостоящей военной кампании. Отсутствие упоминаний шлема-короны в турецких письменных источниках того времени и в художественных миниатюрах указывает на то, что его покупка вызвала неодобрение. Государственный казначей сделал Ибрагиму выговор за то, что расширение «кампании двух Ираков» обошлось слишком дорого, и Ибрагиму пришлось использовать все свое могущество и положение, чтобы добиться казни государственного казначея.

Отношения между Сулейманом и Ибрагимом напоминали отношения между султаном Мехмедом II и его фаворитом, великим визирем Махмуд-пашой Ангеловичем. Сулейман сумел оказаться таким же безжалостным, как его прадед, и Ибрагим, как и Махмуд-паша, был неожиданно казнен по прихоти своего господина. Это случилось в марте 1536 года, вскоре после того, как он вернулся с «кампании двух Ираков». Султан предоставлял ему, как великому визирю, полную свободу действий, как в общественной, так и в личной жизни, теперь же он был погребен в безымянной могиле. При жизни Ибрагима называли «Макбул» (т. е. «Фаворит»), но после смерти игра слов сразу же изменила это прозвище на прозвище

«Мактул» (т. е. «Казненный»). Его мало кто оплакивал: после его смерти толпа разбила три классические бронзовые статуи, которые в 1526 году он привез из дворца Матиаша Корвина в Буде и установил возле своего дворца на Ипподроме. Казнь Ибрагима ознаменовала окончание первого этапа правления Сулеймана.

В годы своего пребывания на посту великого визиря у Ибрагима-паши была соперница, которая так же, как он, претендовала на привязанность Сулеймана. Это была девушка-рабыня Хюррем Султан, родом из Рутений*, известная на Западе под именем Роксолана. Для Сулеймана она стала *хасеки*, то есть фавориткой. Первого ребенка она родила Сулейману в 1521 году, а в 1534 году, уже после того, как она произвела на свет шестерых детей, пятеро из которых были сыновьями, он женился на ней, причем в очень торжественной обстановке. Вот как описывает эту свадьбу один европейский очевидец:

Церемония проходила в Сераглию, и празднества были вне всяких сомнений великолепными. При стечении народа совершалось шествие тех, кто преподносил подарки. Вечером главные улицы ярко освещены, везде звучит музыка, и повсюду пируют. Дома украшены гирляндами, и везде есть качели, на которых люди могут часами качаться, получая от этого большое удовольствие. На старом ипподроме установлена большая трибуна: это место зарезервировано для императрицы и ее дам, скрытых за позолоченной решеткой. Отсюда Роксолана и придворные дамы следят за большим турниром, в котором участвуют христианские и мусульманские рыцари, за выступлениями акробатов и жонглеров, а также за шествием диких зверей и жирафов, у которых такие длинные шеи, что, кажется, они достают ими до небес.

Согласно описанию одного венецианского посла, Хюррем Султан была «молода, но не отличалась красотой, хотя и была привлекательной и изящной». Сулейман был серьезно влюблен в нее, и однажды она заменила ему все остальные привязанности, и он стал верен ей одной. Его женитьба на освобожденной рабыне была таким же нарушением обычаев, как и быстрое выдвижение Ибрагима-паши на пост великого визиря.

* Рутения — историческое название славянских земель Австро-Венгрии: Галиции, Буковины, Закарпатья. — *Примеч. перев.*

Приобретение женщин (либо в качестве военной добычи, либо через работорговлю) для частного хозяйства султана и других состоятельных и могущественных турок имело много общего с набором юношей, посредством которого османы снабжали империю солдатами и администраторами. Слово *гарем*, под которым и понималось это частное хозяйство (с арабского языка это слово буквально переводится как «место, которое освящено и защищено»), в то время обозначало как покои, отведенные женщинам во дворце, так и самих женщин, в собирательном значении. Поскольку их империя была «в большей степени исламской», османы взяли на вооружение практику других мусульманских династий и стали позволять своим наложницам, а не законным женам, вынашивать потомство султана. Репродуктивная политика османской династии обладала одной уникальной чертой, которая состояла в том, что со времени правления Мехмеда II, если не раньше, наложницам разрешалось произвести на свет только одного сына. Впрочем, они могли рожать дочерей, но только до тех пор, пока рождение сына не пресекло их детородную функцию. По всей вероятности, это достигалось с помощью полового воздержания или предохранения, впрочем мы не знаем, какие именно методы могли использоваться. Простое происхождение и «необремененное» материальными заботами положение наложниц означало, что в отличие от невест султанской крови, которые в ранний период Османской империи преследовали собственные династические цели, наложницы таких не имели и не могли стать потенциальными проводниками политики иностранных держав или устремлений гипотетических соперников османских султанов. Логика политики «одна-мать-один-сын» заключалась в том, что поскольку все сыновья умершего султана теоретически имели равные шансы унаследовать трон отца, решающей становилась та степень, до которой матери могли повысить шансы своих сыновей. Пока османские принцы служили в провинциях в качестве принцев-губернаторов, их матери играли первостепенную роль в подготовке их восхождения на трон. Однако если наложница производила на свет сразу двух принцев, ей надо было выбрать, с кем из них она вступит в союз и будет вести неизбежную борьбу за престолонаследие.

Брак Сулеймана с наложницей был довольно скандальным событием, но еще более скандальным оказалось его пренебрежение к правилу «одна-мать-один-сын». Хюррем обвинили в том, что она его околдовала. После заключения брака она со своими детьми пе-

реехала из Старого дворца во дворец Топкапы, где ее покои в гареме примыкали к покоям султана, что стало еще одним нововведением, которое многими было встречено с неодобрением. Помещения дворца Топкапы, отведенные прежними султанами под гарем, были сравнительно небольшими, и Ибрагим-паша осуществлял надзор за расширением помещений, в которых должна была разместиться новая «султанская семья» и ее слуги. Когда они были в разлуке, Хюррем писала Сулейману письма, как в прозе, так и в стихах, и когда он находился на войне, она снабжала его ценными сведениями о дворцовых делах. По всей видимости, в 1525 году она написала ему следующие строки:

Мой Султан, нет границ сжигающей меня тоске разлуки. Попадите несчастную и не откажите ей в Ваших великодушных письмах. Дайте моей душе получить хоть какое-то утешение от письма... Когда читают Ваши великодушные письма, Ваш слуга и сын Мир Мехмед и Ваша рабыня и дочь Михримах плачут и стонут от тоски по Вас. Их плач сводит меня с ума, и все мы словно в трауре. Мой Султан, Ваш сын Мир Мехмед и Ваша дочь Михримах и Селим-хан и Абдулла посылают Вам множество и поклонов, и падают лицом в пыль, по которой ступали Ваши ноги.

Хотя Хюррем Султан занимала в жизни Сулеймана совершенно недостижимое для других место, она ревновала его к Ибрагим-паше, поскольку тот был в близких отношениях с наложницей Махидевран, матерью старшего сына Сулеймана, Мустафы. Когда Хюррем узурпировала то место, которое занимала Махидевран, положение Мустафы, который был явным наследником престола, изменилось в пользу сыновей Хюррем. Заключение брака между Сулейманом и Хюррем окончательно решило судьбы Махидевран и Мустафы, и у Хюррем остался только один соперник — Ибрагим. Ее подозревают в причастности к принятию решения о казни Ибрагима, и в пользу этих подозрений приводятся убедительные косвенные доказательства.

Победа османской армии над войсками Сафавидов при Багдаде и победа османского флота над флотом Священной лиги при Превезе, перемирие с португальцами после военной кампании в Диу и аннексия значительной части Венгрии — все это обеспечило лишь временный перерыв в военных действиях. Не прошло и несколь-

ких лет, как активные действия на всех фронтах возобновились. В 1542 году Габсбург предпринял атаку на Пешт, находившийся на другой стороне Дуная, напротив Буды, но она была отражена местными турецкими силами, а в следующем году Сулейман снова выступил в поход на запад и взял несколько стратегически важных крепостей, которые затем вошли в состав провинции Буда. Успехи османской армии заставили Фердинанда просить мира, и в 1547 году великий визирь Рустем-паша (который в 1539 году женился на дочери Сулеймана, принцессе Михримах) заключил с австрийцами пятилетнее перемирие. Хотя Фердинанд все еще удерживал самые северные и западные районы бывшего Венгерского королевства, перемирие накладывало на него унижительное обязательство платить султану ежегодную дань.

В течение некоторого времени перемирие 1547 года оставалось в силе, но благодаря интригам фактического правителя Трансильвании, епископа Мартинуцци, эта область была передана Фердинанду, который таким образом присоединил к своим владениям значительную часть средневекового Венгерского королевства. Возмездие Османской империи не заставило себя долго ждать. Губернатор Румелии, Соколлу Мехмед-паша, со своими войсками вошел в Трансильванию, чтобы взять в осаду столицу этой области, Тимишоару. По пути он взял несколько важных крепостей. Прибытие подкреплений и окончание благоприятного для военных действий времени года на некоторое время спасли город, но в 1552 году он пал и стал центром новой османской провинции Темешвар, включавшей в себя западную часть Трансильвании. В том же году турки, несмотря на яростный штурм, не смогли взять находившуюся северо-восточнее Буды крепость Эгер, но другие крепости, которые они заполучили, надолго укрепили их владычество в этом регионе. Теперь две провинции (Буда и Темешвар) находились под прямым управлением Османской империи, и впервые Османская Венгрия стала компактным территориальным образованием, защищенным непрерывной цепью крепостей, некоторые из которых были недавно построены, но большинство было захвачено у венгров.

Чтобы осуществлять свое правление в Венгрии, и Габсбурги и османы вынуждены были идти на компромиссы. Поскольку ни одна из этих двух империй не могла только своими силами аннексировать, управлять и защищать Венгрию, им приходилось полагаться на венгерских дворян, уцелевших после разгрома при Мохаче. В эпоху Реформации многие из этих дворян стали протестантами, и если

Фердинанд и его правительство желали возложить на них часть обязанностей по защите страны от нападений турок, то в обращении с ними они должны были проявлять осмотрительность. Турки сумели использовать в своих целях раскол между католиками и протестантами, как раньше они сумели использовать раскол между католиками и православными, но, как и Габсбурги, они были вынуждены прибегать к помощи все еще могущественных дворян, которые продолжали выполнять многие из повседневных функций управления Османской Венгрией, как они это делали в «Королевской Венгрии».

После того как перемирие 1547 года стабилизировало обстановку на северо-западных рубежах, султан Сулейман приступил к осуществлению очередной военной кампании против Ирана, так как в это время на сторону Османской империи перешел брат шаха Тахмаспа, Алкас Мирза, который был губернатором иранской провинции Ширван, находившейся на Кавказе, к западу от Каспийского моря. Его отношения со старшим братом всегда были непростыми. Когда Тахмасп направил войска, чтобы умиротворить своего непокорного брата, Алкас Мирза бежал в Стамбул через крымский порт Феодосию. В 1548 году Сулейман заранее известил Алкаса Мирзу о том, что он начинает военную кампанию, но хотя османская армия и подошла к Тебризу, она из-за недостатка в снабжении отказалась от осады города. Стало ясно, что Алкас Мирза не пользуется поддержкой местного населения и не стремится узурпировать власть, принадлежавшую Тахмаспу. Сулейман вернулся домой ни с чем, если не считать захвата приграничного города Ван и богатых трофеев, среди которых был шатер, изготовленный по заказу шаха Исмаила. Этот шатер был одной из тех принадлежавших Тахмаспу вещей, которые он очень высоко ценил. Алкас Мирза исповедовал суннитский ислам, но это оказалось не более чем прагматичным жестом, так как вскоре он вернулся домой. Впрочем, были люди, считавшие, что причиной тому был великий визирь Рустем-паша, который усомнился в его преданности Сулейману. Алкас Мирза отправил Тахмаспу письмо, в котором просил о помиловании, но в начале 1549 года он был убит по приказу брата.

Воспользовавшись нежеланием турок воевать на своих негостеприимных рубежах, Тахмасп выступил в поход с целью вернуть недавно потерянные территории. Возмездие Сулеймана последовало в 1554 году, когда он снова лично возглавил свою армию в ее походе на восток. Ереван (столица современной Армении) и юж-

нокавказский Нахичевань стали пунктами наибольшего продвижения его армии. В ходе этой кампании турки, подражая своим соперникам, применяли тактику выжженной земли в тех приграничных районах, откуда Сафавиды начинали свои набеги. Первый официальный мирный договор между этими двумя государствами (Амасьяский договор) был подписан в 1555 году. По его условиям за турками оставались ранее завоеванные ими территории Ирака. Однако ни вторая, ни третья Иранские кампании Сулеймана не принесли долговременных приобретений и казалось, лучшее, на что могут надеяться обе стороны это мирное сосуществование.

В Средиземном море также наблюдалась тупиковая ситуация. В 1541 году предпринятой Карлом V попытке отобрать Алжир у наместника Барбароссы, Хадима Хасана-аги помешала только неожиданно разыгравшаяся буря, которая спасла значительно уступавших числом защитников-мусульман от нападения могучей испанской армады. С другой стороны, все годы противостояния Османской империи и Габсбургов в западном Средиземноморье североафриканские капитаны османского флота совершали частые и опустошительные набеги на северное побережье Средиземного моря. Так, в 1543 году пострадали итальянские острова и побережье Неаполя.

В 1551 году порт Триполи (который для Карла удерживали базировавшиеся на Мальте рыцари-госпитальеры) был взят в осаду и захвачен в ходе совместной операции, проведенной эскадрой османского имперского флота и эскадрой под командованием еще одного легендарного корсара, Тургуда-реиса. Связанные обязательства своего договора с Карлом, по которым они должны были защищать Триполи, находившиеся на Мальте рыцари-госпитальеры с большим беспокойством отнеслись к присутствию осман в этой крепости. Весной 1560 года объединенная эскадра Испании и госпитальеров подошла к находившемуся западнее Триполи острову Джерба, на котором испанцы и рыцари построили мощную крепость. Планировалось, что эта крепость станет передовым постом, необходимым для вытеснения турок из этой части Средиземного моря, но высланная из Стамбула эскадра взяла ее в осаду и захватила остров. Казалось, что морское могущество Османской империи безгранично. Наступил мир, который продолжался несколько лет, но в 1565 году ситуация изменилась. Тогда закончилась неудачей предпринятая турками осада твердыни мальтийских рыцарей. Как и все прежние поражения турок, эта их неудача была объявлена предзнаменованием триумфа христианства и стала той соломинкой,

за которую ухватились западные державы, пытавшиеся найти хоть какое-то утешение после провала своей стратегии в бассейне Средиземного моря.

Для турок обеспечение безопасности в Аравийском море и на его побережьях было грандиозной задачей и суровым испытанием для их честолюбия, во время которого стал очевиден потенциал их военного флота и пределы его возможностей. Османские суда все еще уступали португальским и больше подходили для прибрежного плавания, а не для переходов через океан. После военной экспедиции в Диу и достижения компромисса с португальцами относительно судоходства в Аравийском море соперничество между двумя державами развернулось в районах более близких к Османской империи и особенно в Персидском заливе. Расположенный в устье залива, порт Басра был взят турками после падения Багдада. Этот порт давал еще один выход в Аравийское море и находился ближе к Индии, чем уже имевшиеся у турок порты Суэц и Аден, к тому же данное место было весьма удобно для строительства верфи. Но, к сожалению, начиная с 1515 года португальцы удерживали находившийся на острове центр торговли Ормуз и таким образом контролировали проливы, соединявшие Персидский залив с Аравийским морем, и менее опасный проход к южному побережью Ирана Сафавидов и к сказочным землям Востока.

В 1552 году бывалый моряк, Пири-реис отправился в плавание из Суэца, получив инструкции взять как Ормуз, так и Бахрейн, который являлся центром торговли жемчугом и еще одним владением португальцев. Он захватил город Ормуз, но был потерян корабль, который вез снаряжение, и он остался без средств, необходимых для того, чтобы совладать с крепостью. Он прервал свою экспедицию и, разграбив находившийся поблизости остров Кешм, отплыл со своей добычей в Басру. Вершины своей карьеры Пири-реис достиг под покровительством Ибрагима-паши, но Ибрагим-паша давно был мертв, а сам Пири-реис был не в состоянии убедить правящие круги в ценности того, что он уже сделал. Невыполнение этого задания закончилось для него казнью. Это был безвременный конец одного из величайших людей своего времени и еще одно наглядное доказательство того, что Сулейман способен проявить безжалостность, если сочтет это нужным.

Вскоре после казни Пири-реиса турки основали провинцию Лахса на южном, аравийском берегу залива, которая должна была стать

наземной базой для поддержки военно-морских операций против португальцев. В 1559 году была предпринята комбинированная операция сухопутных сил, вышедших из Лаксы, и военно-морских сил, отплывших из Басры. Целью этой операции был захват Бахрейна, правитель которого в течение многих лет лавировал между своими могущественными османскими и португальскими соседями. Отплыв из Ормуза, португальская эскадра отразила нападение турок на главную крепость Бахрейна, Манаму, но перед угрозой надвигающейся катастрофы турки успели заключить ставшую для них утешением договоренность, согласно которой обе стороны переходили к стратегическому отступлению, и начиная с 1562 года стали обмениваться посланниками. Как и в других регионах, в Персидском заливе был достигнут компромисс: португальцы продолжали контролировать морской проход через залив, а турки — сухопутный караванный маршрут, который заканчивался в Алеппо.

Как и Персидский залив, Красное море отличалось длинной береговой линией, на которой было мало приемлемых якорных стоянок. Сохранение присутствия в этих негостеприимных землях зависело от снабжения, осуществление которого было настоящим кошмаром. Как и в других периферийных регионах империи, зона распространения османской юрисдикции за стенами нескольких крепостей резко сокращалась. Так, их новая провинция Лакса (как и Йемен) сначала была «провинцией на бумаге», поскольку там туркам постоянно причиняли беспокойство непокорные арабские племена, которые не привыкли к сильной центральной власти и всеми способами мешали туркам осуществлять свое правление. Но они были достаточно реалистичны, чтобы это стало для них неожиданностью. Утверждение в качестве провинций регионов, где имперская власть оказывала лишь незначительное воздействие на местное население, жившее за пределами закрытых районов, было жестом, направленным на то, чтобы упорядочить и классифицировать османское общество и создать структуру управления. Турки всегда опасались чрезмерного расширения и прекрасно знали о своей неспособности ввести прямое правление в обширных и «пустых» внутренних районах той ограниченной территории, которая была им нужна для достижения стратегических целей.

Земли за южным пределом распространения власти мамлюков в Египте (Асьют на Ниле) тоже являлись неизведанной областью. Между Асьютом и Первым порогом, расположенным к югу от Асуана, лежала Нубия, а за ней султанат Фундж. Еще южнее находи-

лась Абиссиния с преимущественно христианским населением. В своем докладе 1525 года о деятельности португальцев в Индийском океане капитан Селман-реис рекомендовал султану взять под свой контроль Абиссинию, Хабеш, как ее называли турки. Под Абиссинией он имел в виду западное побережье Красного моря, Бабель-Мандебский пролив и южный берег Аденского залива. Он полагал, что это необходимо для того, чтобы вырвать торговлю пряностями из-под контроля португальцев. Он отмечал слабость как христианских, так и мусульманских племен этого региона и предлагал завоевать земли, лежавшие между островной крепостью Суакин, которую турки удерживали, начиная с 20-х годов XVI века, и расположенным на Ниле перевалочным пунктом Атбара, который был центром торговли слоновой костью и золотом. В то время не было предпринято никаких действий, но в 1555 году отчасти в ответ на продвижение Фунджа в северном направлении османская политика изменилась. В том же году помощник губернатора Йемена, Ёздемир-паша, который прежде служил мамлюкам, был назначен губернатором еще не существующей провинции Хабеш, но военная кампания, которую планировалось провести в верхнем течении Нила, закончилась так и не начавшись, так как войска, выступившие из Каира, отказались идти дальше Первого порога. Спустя два года армия была доставлена морем из Суэца в Суакин, а оттуда еще дальше на юг, в Митсиву, город, служивший портом на Красном море для находившейся вдали от побережья Асмары, которая была захвачена Оздемиром-пашой и его войсками. Хотя и с большим опозданием, но все же был выполнен предложенный Селман-реисом план, целью которого было закрыть для португальцев Красное море. Турки взяли под свой контроль взимание таможенных сборов с прибыльной торговли, которая проходила через их порты, расположенные на берегах Красного моря.

Османская империя была не одинока в своем стремлении сделать Индийский океан открытым для торгового судоходства. Одним из ее наиболее значительных союзников был мусульманский султанат Асех, находившийся на северо-западе Суматры, где выращивали перец. Столкнувшись с угрозой португальской экспансии, Асех пытался получить военную помощь Османской империи. В 1537 и 1547 годах туда направлялись турецкие войска, чтобы помочь султану в его борьбе с португальцами, а в 1566 году Асех официально попросил защиты у Османской империи. Султан Асеха уведомил о том, что он считает султана Османской империи своим сюзереном,

и упоминает его имя в пятничной молитве. Спустя почти год османская эскадра вышла из Суэца, чтобы оказать помощь Асеху, но к этому времени порты султаната были заблокированы португальцами. До пункта назначения добрались два нагруженных пушками и военным снаряжением корабля и пятьсот солдат. Это было гораздо меньше того, что планировалось доставить в султанат. Недостаточное для решения такой задачи, как изгнание португальцев из их морей, присутствие турецкого отряда (как и активность османских вооруженных сил в Персидском заливе) являлось демонстрацией того, что в этом регионе португальцы не смогут действовать безнаказанно. Столь решительная защита турками своих торговых интересов привела к росту объема торговли пряностями, которая с середины XVI века проходила через Египет.

В 1547 году Иван IV стал «Царем Всея Руси». Церемония коронации проходила в столице Московского государства, находившейся вдали от степей северного Причерноморья, где жили занимавшиеся разбоем казаки и различные кочевые народы, которые пришли туда из Азии. В этом весьма нестабильном регионе турки поддерживали Крымское ханство, в котором жили татары, являвшиеся мусульманами. До самого начала XVI века Крымское ханство было верным союзником Московии и защищало их общие экономические и территориальные интересы от нападок Польско-Литовского государства и его степных союзников. Точно так же дополняли друг друга экономические интересы Османской империи и Московии, а отношения между этими государствами были дружественными: в 1498 году московским купцам было пожаловано право на свободную торговлю в пределах Османской империи. В годы правления Селима I посланники из Московии и Крыма вели активную дипломатическую борьбу, чтобы добиться расположения Стамбула. Тогда Московия боролась за то, чтобы получить свою долю в торговле мехами, которую Речь Посполитая вела с Османской империей, а татары опасались вторжения Московии в мусульманские земли. Коронация Ивана предупреждала мусульманских правителей степных татарских ханств (Крымского, Казанского и Астраханского, которые вели родословную от Чингиз-хана и по происхождению были выше Ивана) о том, что он им ровня.

Являясь взаимовыгодными, торговые контакты между москoviитами и османами продолжались до 1552 года, когда всего через пять лет после своей коронации Иван захватил Казанское ханство на реке

Волге, а еще через четыре года завоевал Астраханское ханство, столица которого находилась в дельте Волги, на северо-западном берегу Каспийского моря. Московские князи давно вмешивались в политику Казани и Астрахани, но именно Иван IV сумел завоевать эти ханства, в обоих случаях поддерживая одну из противоборствующих местных группировок. Тем, кого они завоевывали, турки позволяли сохранять свои религиозные обычаи (хотя и в рамках определенных ограничений) и только со временем полностью вводили свою систему управления. Политика московитов в отношении первых аннексированных ими нехристианских и неславянских земель была бескомпромиссной, так как войти в состав Московии помимо всего прочего означало принятие православного христианства. Однако попытки принудительной христианизации своих новых мусульманских подданных встречали сопротивление местных жителей. Иногда московским миссионерам приходилось идти навстречу жалобам, исходившим из Османской империи и Крымского ханства, где были недовольны тем, что они подрывают веру мусульман.

Союз кавказской провинции Ширван с Османской империей, который был заключен в конце 40-х годов XVI века и просуществовал до 1551 года, когда шах Тахмасп снова оккупировал эту провинцию, заставил турок задуматься о глобальной стратегии на всем Кавказе, а завоевание московитами Казани и Астрахани стало первым явным признаком того, что интересы Османской империи и Московии не всегда совпадают. То что Астрахань оказалась в руках московитов, бросало тень на престиж Османской империи, так как это лишало защиты султана маршрут, проходивший через Астрахань, по которому суннитские паломники из Центральной Азии совершали переход к одному из черноморских портов, откуда продолжали свой путь на юг, в направлении Мекки. Чтобы противостоять угрозам османскому влиянию, которые уже стали появляться на этих рубежах, верфь в расположенном на малоазиатском побережье Черного моря Синопе увеличила количество строившихся на ней военных галер.

После первых лет царствования, у Сулеймана осталось пять сыновей: Мустафа, которого ему родила наложница Махидевран, а также Мехмед, Селим, Баязид и Джихангир, которых произвела на свет Хюррем Султан. Мехмед был старшим сыном Хюррем и считался современниками любимцем своего отца, но в 1543 году он прежде-

временно умер от оспы. В нарушение обычаев он был похоронен в Стамбуле, а не в Бурсе, которая обычно становилась для принцев местом упокоения. Его гробница находится в саду храмового комплекса Шехзаде, построенного Сулейманом в память о сыне. Это был самый первый важный заказ, который доверили Синану, великому турецкому архитектору XVI века. В более поздние годы царствования Сулеймана набор архитектурных и декоративных приемов, с которым экспериментировал Синан, стал более ограниченным.

В 1553 году был казнен старший сын Сулеймана, принц Мустафа, в то время ему было уже под сорок. Первым султаном, казнившим своего взрослого сына, был правивший в конце XIV столетия Мурад I, который добился, чтобы непокорного Савджи предали смерти. Официальной причиной казни Мустафы было объявлено то, что он планировал узурпировать трон, но, как и в случае с казнью султанского фаворита, Ибрагима-паши, вина была возложена на Хюррем Султан, ее подозревали в коварстве по отношению к своему зятю и союзнику, великому визирю Рустем-паше. Нетрудно представить себе, как Хюррем Султан пускается во все тяжкие, чтобы сделать своего собственного сына наследником трона отца и, возможно, способствует тому, чтобы стареющий султан заподозрил Мустафу, который был весьма популярной фигурой, в том, что тот хочет заставить его покинуть трон, как это сделал отец Сулеймана, Селим I с дедом Сулеймана, Баязидом II. После случившейся несколькими годами ранее смерти принца Мехмеда регулярная армия действительно считала необходимым удалить Сулеймана от дел и изолировать его в находившейся южнее Эдирне резиденции Дидимотихон, по прямой аналогии с тем, как это случилось с Баязидом II. Независимо от того, какими были подлинные намерения Мустафы, Сулейман смог осуществить скорую расправу над ним без каких-либо угрызений совести, так как у него были другие сыновья, ни один из которых не обладал явным правом наследования трона. Мустафа был погребен в Бурсе и, чтобы успокоить тех многих, кто был недоволен столь безапелляционными действиями Сулеймана, он временно отстранил от дел Рустем-пашу. Вскоре, во время военной кампании против Ирана, в Алеппо умер принц Джихангир — искалеченный брат, особенно привязанный к Мустафе. Мечеть, которую Сулейман для него построил, хорошо видна из дворца. После последней реконструкции, проведенной в конце XIX века султаном Абдул-Хамидом II, ее внешний вид значительно изменился, но она все еще возвышается на склоне холма, в квар-

тале Джихангир, расположенном напротив той стороны бухты, где находятся старые кварталы Стамбула.

Насильственная смерть Мустафы не положила конец неурядицам в семье Сулеймана, поскольку, как это уже случалось прежде, вместо него появился самозванец, «Лже»-Мустафа, который возглавил мятеж на Балканах. В своем датированном июлем 1556 года письме из Стамбула посол Фердинанда, барон Огиер Гизлен де Бусбек (принимавший участие в длительных переговорах о мире в Венгрии) сообщал о том, что сын Сулеймана и Хюррем, ее любимец, принц Баязид, подозревается в том, что он спровоцировал этот мятеж. «Лже»-Мустафа и его сторонники были схвачены и доставлены в Стамбул, где их, по указанию султана, предали смерти. Хюррем Султан удалось предотвратить последствия предполагаемой причастности Баязида, но в 1558 году она умерла. Без ее сдерживающего влияния разразился открытый конфликт между Баязидом и оставшимся у него братом, Селимом.

Явно опасаясь переворота, Сулейман отправил Баязида и Селима руководить удаленными от столицы провинциями. Селима перевели из Манисы в Конью, подальше от Стамбула. Баязида, занимавшего пост военного начальника Эдирне, перевели в Амасью, где до него служил принц Мустафа. Он стал последним принцем-губернатором, назначенным на службу в этой провинции, так как в конце XVI столетия была приостановлена практика передачи будущему султану опыта царствования посредством управления провинцией. Баязид понимал, что уже началась борьба за трон Сулеймана, и по дороге в расположенную на севере Малой Азии Амасью он привлек на свою сторону целую армию недовольных (всадников из провинций, подразделения нерегулярных войск, а также кочевников юго-восточной Малой Азии) общей численностью в несколько тысяч человек, многие из которых были сторонниками его брата Мустафы.

Опасаясь того, что Баязид может привлечь на помощь Иран, Сулейман стремился получить фетву (правовую оценку), которая давала законную возможность убить сына, и приказал губернаторам малоазиатских провинций мобилизовать свои войска и оказать поддержку Селиму. Он обещал значительное повышение жалования и быстрое продвижение по службе любому, кто будет завербован в армию. Армии противоборствующих сторон сошлись неподалеку от Коньи, причем войска Селима имели численное превосходство и были лучше вооружены. На второй день Баязид бежал с поля битвы в направлении Амасьи, где он еще мог рассчитывать на поддержку.

Несмотря на мирный договор, заключенный с султаном в 1555 году, шах Тахмасп предложил ему убежище в Иране. Услышав об этом, Сулейман направил губернаторам пограничных провинций приказ взять Баязида под стражу, но чтобы добиться от них сотрудничества, ему снова пришлось использовать побуждающий стимул. В июле 1559 года Баязид и четыре его сына бежали на восток, в Иран. До последнего он надеялся получить прощение, но Сулейман остался равнодушен к его мольбам. В отчаянии Баязид обратился к великому визирю Рустем-паше:

Именем Всевышнего великого и милостивого, клянусь, что я с самого начала взял на себя обязательства и присягнул Его Превосходительству, прославленному и удачливому падишаху, который является защитником государства, что я не буду поднимать мятежей, оказывать противодействие, причинять вред и разорение его государству; я уже раскаялся и от всего своего сердца попросил у Всевышнего прощения, признавая свое преступление, совершенное в приступе злобной ярости; я неоднократно направлял покаянные письма, в которых просил прощения и благоволения, а потом брал на себя обязательство и давал клятву не противиться благородной воле.

Предоставление убежища Баязиду при дворе Тахмаспа казалось шаху подходящим способом отомстить Сулейману за то, что в 1547 году он использовал против него брата, Алкаса Мирзу. Селим принимал непосредственное участие в попытках вернуть Баязида, и в течение следующих трех лет семь османских делегаций совершили поездки ко двору Сафавидов, чтобы убедить Тахмаспа отказаться от принца. В 1562 году он наконец уступил, согласившись обменять Баязида и его сыновей на большое количество золотых монет и роскошных подарков, из которых великолепно украшенные клинок, кинжал и пояс, а также гнедая лошадь и пять арабских жеребцов ему должны были вручить после того, как Селим получит известие о том, что Баязид и его сыновья переданы под опеку его посланников. Но прежде чем это случилось, они были убиты в столице Тахмаспа, Казвине, доверенным лицом Селима, и посланникам были переданы их тела. В отличие от старшего брата Мехмеда, которому хотя бы после смерти была оказана благосклонность, мятежник Баязид и его сыновья были похоронены за стенами провинциального малоазиатского города Сивас.

Достигнутое благодаря Амасийскому договору 1555 года равновесие в отношениях между Османской империей и Сафавидами продолжалось до 1578 года, и даже предложение шаха Тахмаспа предоставить убежище принцу Баязиду не смогло его нарушить. Турки могли урегулировать свои отношения с иностранными державами, заключая с ними договоры, но у себя дома они никогда не могли полностью искоренить недовольство и беспорядки, будь то волнения на религиозной почве или волнения, вызванные другими причинами.

Когда Сулейман вззошел на трон, он объявил, что его правление будет эпохой правосудия, но в 1526–1527 годах в Малой Азии вспыхнуло массовое восстание. Главной причиной этих беспорядков стала перепись, проводившаяся с целью определения количества доходов от налогообложения в Киликии. Местное население считало эту перепись пристрастной. Вооруженных сил, которыми располагала провинция, оказалось недостаточно для того, чтобы подавить беспорядки, и из Диярбакыра туда были направлены подкрепления, но мятеж уже охватил всю восточную Малую Азию и приобрел явное религиозно-политическое звучание, когда с призывом взяться за оружие обратился Календер-шах, дервиш из секты Каледери и духовный последователь почитаемого мистика XIII века Хаки Бекташа. Распорядившись, чтобы пути отхода в Иран были перекрыты, Сулейман послал усмирять мятежников самого великого визиря, Ибрагим-пашу. Пока он скакал на восток, османские силы сумели рассеять мятежников. Это стоило жизни нескольким помощникам губернаторов провинций, которые были среди убитых в перестрелке, имевшей место 8 июня 1527 года, неподалеку от города Токат, расположенного в центральной части северной Малой Азии. В конце июня Ибрагим-паша и его войска столкнулись с мятежниками и разбили их.

Подавлялись и менее активные формы несогласия. В 1527 году фетва шейхуль-ислама* Кемальпашазаде, обладавшего высшей религиозной властью в империи, стала причиной смертной казни ученого Молла Кабиза, приводившего доводы из Корана и из устных преданий, в которых Пророку приписывалось утверждение, что в

* Шейх-уль-ислам (араб. верховный муфтий) — старейшина ислама. С XVI века глава мусульманского духовенства, назначавшийся султаном. — *Примеч. ред.*

духовном отношении Иисус превосходит Мухаммеда. Слушая предварительный допрос Кабиза из-за ширмы, установленной в зале заседаний имперского совета, султан Сулейман высказал Ибрагим-паше свое недовольство тем, что какого-то еретика привели туда, где находится сам султан. Кабиз не стал отказываться от своих убеждений, и после еще одного допроса его казнили. Такую же фетву Кемальпашазаде дал в 1529 году, когда рассматривалось дело молодого проповедника по имени шейх Исмаил Мушаки, идеи которого пользовались популярностью и находили поддержку. Среди этих идей была мистическая доктрина «единства бытия», согласно которой человек был Богом — доктрина, которую за сто лет до этого, в годы гражданской войны, поддерживал шейх Бедреддин. Султан Мехмед I считал ее крайне разрушительной, такое же беспокойство она вызывала и у высшего духовенства во времена правления султана Сулеймана. Как и шейха Бедреддина, Мушаки обвинили в ереси и вместе с двенадцатью единомышленниками казнили на Ипподроме. Согласно расхожему мнению, он был мучеником, и даже спустя тридцать лет деятельность его последователей все еще раздражала османские власти.

То, насколько далеко духовное самовыражение может отклоняться от канонов поддерживаемой властями веры, и способы определения того, что является ересью, решали не сами «еретики», а власть предрержащие. Османское государство относило определенные верования к «еретическим», возлагая на них ответственность за неблагоприятные политические последствия, и в то же самое время оно могло проявлять к ним снисходительность, когда политические последствия считались незначительными. Поэтому, когда территориальные споры между Османской империей и державой Сафавидов на некоторое время затихли, «ересь» кызылбашей перестала быть проблемой, которая требовала применения военной силы против своего соседа, и постепенно стала рассматриваться как исключительно внутренний вопрос. После окончания проведенной Сулейманом в 1533–1535 годах восточной кампании имела место значительная миграция кызылбашей в Иран, а те из них, кто остался в пределах Османской империи, подверглись преследованиям. Фетва шейхульислама Абусууда, который с 1545 по 1547 год был преемником Кемальпашазаде, утверждала, что они являлись отступниками. Каноническим наказанием за это была смерть. Между прочим, среди тех, кто поддержал фетву, данную Кемальпашазаде в отношении

проповедей Мушаки, был и Абуссууд-эфенди. В своем стремлении навязать официально принятую форму ислама правящие круги Османской империи не щадили своих инакомыслящих.

В ранний период своего правления султан Сулейман полагался исключительно на советы Ибрагима-паши и Хюррем Султан. После казни Ибрагима-паши Хюррем по-прежнему оставалась ближайшим доверенным лицом своего мужа. Таким же доверенным лицом стала и их дочь, Михримах, являвшаяся супругой Рустем-паши, который с 1544 по 1561 год почти непрерывно занимал пост великого визиря. Благодаря тому, что Рустем-паша был зятем султана, он получил огромную власть, но и нажил множество врагов. Он лучше, чем Ибрагим-паша, понимал придворные обязанности, и хотя он, как и Хюррем, был причастен к тому, что принц Мустафа был казнен, это стоило ему лишь кратковременного отстранения от своих обязанностей, что было сделано для того, чтобы утихомирить сторонников покойного принца. Вскоре он был восстановлен в должности. Рустем-паша еще больше укрепил свой авторитет тем, что умело манипулируя монетной системой, зерновым рынком и продавая должности, увеличивал доходы государства. Он скопил огромное личное состояние, и, согласно утверждениям современников, в период его пребывания в должности взяточничество стало нормой. Когда Рустем умер, его похоронили в храмовом комплексе Шехзаде, построенном в память о сыне Сулеймана Мехмеде, что было явным признанием того высокого мнения, какого был о нем Сулейман.

Являясь богатым человеком, Рустем-паша мог позволить себе стать щедрым попечителем. Он финансировал строительство многих мечетей и других зданий как религиозного, так и светского назначения, которые возводились в различных регионах империи. Для этого он обычно нанимал талантливого архитектора Синана, который с 1538 года стал главным имперским зодчим. Собственная мечеть Рустема находится в Эминёню — главном портовом районе Стамбула, расположенном в бухте Золотой Рог. Поскольку стоимость земли и арендная плата были слишком высокими, было решено снести стоявшую там мечеть, в которую была перестроена христианская церковь. Замысел Синана состоял в том, чтобы построить мечеть Рустема над цокольным этажом с торговыми лавками. На некотором удалении, на склоне холма, возвышавшегося над портом, построили религиозную школу при мечети, а караван-сарай

возвели на противоположном берегу Золотого Рога, в торговом районе Галата, откуда также можно было извлечь хорошую прибыль. Помимо этого, Рустем построил большие караван-сарай на главных торговых путях, проходивших через Малую Азию, в Эрзуруме и в Эрзели, неподалеку от Коньи. Еще два были построены во Фракии.

Именно при содействии Рустема-паши «классическое» искусство и архитектура Османской империи достигли своего наивысшего расцвета. Когда умерли искусные мастера, доставленные Селимом I из завоеванных стран, их влияние ослабело и на смену им пришли люди, рекрутированные во время набора юношей и получившие специальное образование, необходимое для того, чтобы служить Османской империи. Была введена система регулярного набора и продвижения по службе, поэтому и способы художественного выражения (на тканях, изразцовых плитках или посредством каллиграфии) стали более стандартными. Там, где некогда доминировали утонченные, абстрактные рисунки в иранском стиле, теперь, под влиянием более осознанного ортодоксального ислама, властвовали сильно стилизованные изображения, главным образом это были рисунки растений в постоянно повторяющихся сочетаниях. За исключением художественной миниатюры, изображения людей стали редкостью. Мечеть Рустема-паши в Эминёню знаменита великолепием и разнообразием своих изразцовых плиток, кобальтово-синих, бирюзовых, зеленых и ярко-красных, покрытых прозрачной глазурью. Эти плитки входят в число самых замечательных изделий мастерских города Изник, расположенного на южном берегу Мраморного моря, которые более столетия производили керамику для двора.

Расположенный на самом заметном месте, на вершине нависшего над Золотым Рогом холма, храмовый комплекс Сулеймание, построенный во время пребывания Рустема-паши в должности великого визиря, был впечатляющим памятником, который вполне соответствовал султану ортодоксальной исламской империи. Когда с годами Сулейман стал более набожным, он захотел, чтобы его воспринимали как здравомыслящего султана османской династии, каким и надлежало быть правителю исламской державы с более или менее постоянными границами. Поскольку помочь достижению этой цели мог шейхульислам Абуссуд, султан стал от него зависеть. Желаемый образ самого султана и его империи должен был отличаться от образа завоевателя-головореза, каким был его дед Мехмед II, правитель государства, население которого преимуще-

ственно было христианским. Сулейман хотел донести свой образ до мусульманских подданных, населявших такие издавна исламские земли, как Египет и Сирия, а также земли «плодородного полумесяца»*. Если в первые годы его правления созданный при содействии Ибрагим-паши образ империи был направлен против Карла V, то теперь главной целью были Сафавиды, хотя они и стали менее агрессивными, чем во времена царствования его отца. Абу-сууд был партнером, который умел сочетать притязания османской династии на светскую власть с ее претензиями на духовное руководство исламским миром.

Селим I не считал титул халифа чем-то выдающимся, но, по мнению Абу-сууда, проявление заботы об исламских святых местах, попавших под попечительство Османской империи после завоевания Селимом владений мамлюков, требовало, чтобы султан использовал все то, что дает этот титул. Согласно традиции, халифом должен быть потомок рода Курайши, к которому принадлежал пророк Мухаммед, но это обстоятельство Абу-сууда ничуть не тревожило: он просто придумал основание для утверждения, что османская династия была связана с родом Курайши. Чтобы придать больший вес этому ловкому трюку, он объявил, что этот титул передается по наследству. Абу-сууд сумел найти поддержку в работах историков: уже во времена правления Селима I Мехмед Нешри изображал османскую династию как наследников Пророка, а при Сулеймане Лутфи-паша, который с 1539 по 1541 год был великим визирем, в 40-х годах подчеркивал, что османские султаны были единственными подлинными приверженцами ортодоксальности. Высокопарное изречение, начертанное над порталом мечети Сулеймание (приведенное в начале этой главы), увековечило притязания Сулеймана на титул халифа.

Абу-сууду приписывают и то, что он привел династические нормы права, касавшиеся государства, кануны (от них происходит турецкое прозвище Сулеймана — «Кануни», «Законодатель») в соответствие со священным правом *shari'a* (шариатом). И если династическое или светское право в значительной степени формировалось

* «Плодородный полумесяц» — полоса плодородных земель в Передней Азии; месторасположение древнейших земледельческих поселений; колыбель Ассирийской, Вавилонской, Финикийской, Шумерской цивилизаций. — *Примеч. перев.*

на основе принципов, извлеченных из обычной практики правления первых султанов, то священное право занималось (и занимается) в первую очередь не практическими вопросами, а развитием законов, установленных Всевышним и раскрытых в Коране, а также в изречениях и деяниях пророка Мухаммеда и его сподвижников. Практикующие это право юристы или правоведы стремились достичь совершенства применения различной аргументации и толкования в ходе дискуссий по теоретическим проблемам или проблемам юриспруденции. Практические вопросы, которые рассматривает священное право, включают в себя ритуальные обязанности мусульман (правила поведения молящегося и постящегося), особые сферы уголовной юстиции, а также регулирование и сохранение равновесия в обществе в соответствии с установленными критериями, в основе которых лежат противопоставления мужчины женщине, мусульманина немусульманину, свободного человека рабу (попадающие во вторые категории получают хотя и низший, но четко определенный правовой статус).

Таким образом, в Османской империи были целые области, где применялась весьма запутанная административная практика и на которые не распространялась юрисдикция священного права. Мехмед II был первым, кто систематизировал весь комплекс династического права, основанного на практике правления предыдущих султанов. Обнародованный около 1540 года, общий свод законов Сулеймана представлял собой переработанную и расширенную версию сводов Мехмеда II и Баязида II, содержавших основы законодательства империи по целому ряду вопросов, таких как устав кавалерийских сил провинций, налогообложение (Османская империя получала основную часть своих доходов от взимания сельскохозяйственных налогов) и дела национальных меньшинств. Сулейман продолжил работу своих предшественников по созданию сводов законов для недавно завоеванных территорий. Положение дел с расширявшимся бюрократическим аппаратом, работу которого надо было регламентировать, требовало наличия современного законодательства, и Абуссуд попытался совместить новый механизм правового регулирования со священным правом, которое было гораздо старше и обладало высшим приоритетом.

Упорядочение законов империи сопровождалось реорганизацией высшего духовенства, члены которого тоже действовали как судьи, решая в арбитражном порядке вопросы, связанные как со свя-

шенным правом, так и с династическим. Во времена Сулеймана численность высшего духовенства увеличилась, а система карьерного роста была устроена так, что правовым и духовным учреждениям империи требовалось много хорошо подготовленных людей. Утверждение Сулеймана о том, что Османская империя является единственным подлинно исламским государством, требовало последовательности как в применении закона, так и в принятии религиозной доктрины. И то и другое должно было противостоять «еретической» пропаганде Сафавидов и указать немусульманским подданным султана место, отведенное для них в исламской правовой структуре. Прежде шейхульислам, которого также называли *муфтий*, просто был главным носителем духовной власти в Стамбуле. Теперь же его статус настолько расширился, что он стал главой всего высшего духовенства и главным религиозным деятелем государства. В круг его новых обязанностей стала входить занимавшая много времени, чрезвычайно ответственная работа по раздаче вознаграждений и назначений внутри духовной иерархии. Но близость шейхульислама к соперничеству внутри структуры, продуктом которой он сам являлся, делала его весьма восприимчивым к политическим настроениям и перечеркивала все надежды на его беспристрастность. Пытаясь заручиться фетвой шейхульислама по множеству различных вопросов, Сулейман и его советники хотели еще больше укрепить законность притязаний султана на статус величайшего мусульманского монарха. Но вместо этого они обнаружили, что способствовали политизации должности шейхульислама.

Третьим высшим функционером, который оставил свой след в истории правления Сулеймана, был его канцлер, Келальзаде Мустафа Челеби. В 1525 году являясь секретарем имперского совета, Келальзаде Мустафа сопровождал Ибрагим-пашу в Египет (возможно, именно он подготовил свод законов для Египта), а после казни Ибрагим-паши в 1536 году он более двадцати лет прослужил канцлером. Вместе с Абуссуудом, он работал над согласованием положений династического и священного права, закрепив за канцлером репутацию главного специалиста в области династического права. Он сделал бюрократический аппарат настолько профессиональным, что подобно тому, как это было в духовных и художественных кругах, желавшие попасть в бюрократическую иерархию должны были пройти обучение. И если для будущих шейхульисламов образцом был Абуссууд, то Келальзаде Мустафа считался эталоном для чиновников.

Помимо прочего, Келальзаде Мустафа был автором монументальной истории правления Сулеймана, в которой он охватил события до 1557 года, когда его снял с должности Рустем-паша. Его работа представляет в новом свете и самого султана и династию. Он изображает Сулеймана прежде всего как здравомыслящего, праведного и зрелого правителя, рисуя образ идеального монарха, который стремились сохранить после введения должности придворного историографа. Перед историографом ставилась задача сочинить стихотворный панегирик, что несомненно имело связь с иранской традицией изображения правителя как эпического героя. Эта традиция прочно укоренилась в придворной культуре Османской империи благодаря работам таких высокообразованных эмигрантов, каким был первый придворный историограф Арифиде Фетхулла Челеби, который прибыл в Стамбул во время мятежа, поднятого в 1548–1549 годах братом шаха Тахмаспа, Алкасом Мирзой. Поскольку право султана считаться правителем исламской империи находило публичное подтверждение в строительстве сооружений духовного назначения, в благочестивых деяниях и в исполнении династического права, то его образ был запечатлен и в исторических работах того времени, на благо тем немногим, кто мог себе позволить их заказать, случайно прочитать или услышать какой-либо отрывок. В условиях отсутствия книгопечатания эти исторические работы могли циркулировать только среди богатых и могущественных людей, лояльность которых не всегда была безусловной и не всегда превосходила лояльность бедных и неграмотных подданных. Было необходимо убедить и этих, последних, в том, что султан обладает неотъемлемым правом властвовать. Еще одной целью, которую преследовал султан, вводя должность придворного историографа, являлась реабилитация его отца, имевшего репутацию безжалостного завоевателя, что не соответствовало образу идеального мусульманского правителя, и для этого он заказал целый ряд работ, восхваляющих деяния Селима. Уже в конце столетия Селим в достаточной мере воспринимался как герой, а не как жестокий правитель. В первые годы правления Сулеймана Келальзаде занимался литературством и сочинил элегию Селиму, которая стала предтечей целого жанра. Она начиналась следующими строками:

Благоразумен он как старец и точно юноша могуч;
Клинок его победоносен, а слово праведно всегда.

По мудрости не уступает он Асефу [т. е. визирию Соломона],
гордятся им его войска;
Он не испытывал нужды в визире, ему мушир [т. е. генерал]
не нужен был в бою.
Его рука была подобна сабле, язык остёр был как кинжал;
Стрелой его был палец, предплечие сверкало как копьё.
В мгновенье ока творил он самые достойные дела;
Весть о могуществе его весь свет уж облетела.

Турки мастерски использовали символизм для поддержания своих притязаний на верховенство. Мехмед II систематизировал обычаи, принятые во дворце, чтобы придворные сановники и правительственные чиновники вели себя соответствующим образом. Сулейман довел это до логического завершения. Больше султан уже не ел со своими придворными и, само собой разумеется, не принимал лично прошения своих подданных. Случалось, что Мехмед не присутствовал лично на заседаниях имперского совета, а наблюдал за ними через находившееся высоко в стене зарешеченное окно. Сулейман превратил это исключение в правило. Не вставая, чтобы поприветствовать посещавших его послов, он подчеркивал их более низкое положение. Впоследствии они отмечали, что, принимая их в Зале Прошений, он был молчалив и неподвижен. Сулейман редко появлялся перед своим народом. Когда он это делал (посещая пятничные молитвы или во время походов на войну), то такое событие было тщательно организовано, чтобы еще больше подчеркнуть окружающую его таинственность.

Завоевания не могли продолжаться до бесконечности, и во второй половине правления Сулеймана на смену пирам и триумфальным успехам первых лет, которые символизировали величие династии, пришло более долговременное наследие, созданное из кирпичей и строительного раствора. Впервые женщины правящей династии стали наряду с султаном и его государственными деятелями демонстрировать жителям Стамбула свою набожность. Эти женщины имеют отношение к трем из шести храмовых комплексов, возведенных в столице членами династии в годы правления Сулеймана. Прежде они строили мечети только в провинциях. По сравнению со своими предшественниками, Сулейман осуществил гораздо более масштабную программу строительства зданий духовного и светского назначения, от храмовых комплексов до акведуков. Были люди, которые с подозрением относились к столь неумерен-

ным государственным расходам. Бюрократ и интеллектуал конца XVI века, Мустафа Али из Гелиболу, отмечал, что потребность в услугах общественного пользования в каком-либо конкретном месте не подлежала рассмотрению, когда принималось решение о строительстве богоугодных заведений. Он считал важным то, что возведение новых строений финансировалось по большей части за счет военных трофеев, а не из государственной казны.

По своей сути проекты, реализованные женщинами из семьи Сулеймана, были скорее благотворительными, чем коммерческими. Среди этих проектов были больницы и благотворительные столовые, строительство которых не всегда финансировали мужчины династии. В городе Маниса, где мать султана, Хафса (Хафизе) Султан, жила вместе с Сулейманом, когда тот был принцем-губернатором Сарухана, она построила обширный храмовый комплекс, в котором служили более сотни человек. Кроме мечети в нем были духовное училище, приют для дервишей, начальная школа и благотворительная кухня для бедняков. Позднее Сулейман добавил к этому комплексу больницу и баню. Для дочери Сулеймана, Михримах, имперский архитектор Синан построил храмовый комплекс с лечебницей и благотворительной кухней неподалеку от пристани в Ускюдаре, который находился на азиатском берегу Босфора, напротив Стамбула, и был первой остановкой для тех, кто направлялся на войну в Малую Азию. Еще один храмовый комплекс он возвел на высокой террасе, возле стамбульских ворот Эдирне, через которые имперская армия проходила, когда отправлялась воевать в Европу.

Благотворительные заведения Хюррем Султан (некоторые из которых были построены по ее личной инициативе, а другие просто носили ее имя) гарантировали, что ее филантропия станет доступной для многих тысяч людей, которые будут благодарны ей (а значит и династии) за проявленную заботу о их благополучии. Они были расположены в самых значительных местах империи: в резиденциях династии, которыми являлись Стамбул и Эдирне, в мусульманских святых местах и в Иерусалиме. Самым первым был комплекс в Стамбуле, построенный для нее Синаном в период между 1537 и 1539 годами. К тому времени это был самый крупный заказ и первый храмовый комплекс, строительство которого в Стамбуле финансировала женщина из правящей династии. То, что сразу после приведенной в исполнение в 1536 году казни Ибрагим-паши, началось строительство храмового комплекса, получившего имя Хюррем, несомненно было сделано для того, чтобы улучшить ее репутацию.

В этот комплекс входили благотворительная кухня и больница. Незадолго до своей смерти в 1558 году Синан построил на краю Ипподрома, почти у стены Айя Софии, большую баню с двумя отделениями, для мужчин и для женщин, которая получила ее имя.

Но самым великолепным был комплекс Хюррем в Иерусалиме, состоявший из мечети, гостиницы с 55 комнатами для паломников, пекарни, благотворительной столовой, погребца, амбара, сарая, трапезной, туалетов, постоянного двора и конюшни. Полученный османами в наследство от мамлюков, как Мекка и Медина, Иерусалим считался тем местом, откуда пророк Мухаммед вознесся на небеса. Между 1537 и 1541 годами Сулейман произвел косметический ремонт купола Мечети на скале* (построенной в конце VII века), придав ему черты, характерные для османского архитектурного стиля, и осуществил масштабную перестройку стен старого города.

Взяв под свою опеку святыни Мекки и Медины, османы, как прежде это делали мамлюки, стали украшать эти места. Мамлюки делали все, чтобы сохранить свое верховенство в этих местах, и отказывали своим соперникам, правителям других исламских государств, в привилегии делать пожертвования, поскольку опасались, что это придаст им больший вес. Они не приняли дары сына и преемника Тамерлана Шахруха и отклонили предложение султана Мехмеда II, который хотел накрыть святыню Кааба навесом. У Селима I не было времени демонстрировать свое почтение к святым местам, зато Сулейман осуществил масштабные работы по их реконструкции. В Мекке он построил четыре школы богословия и перестроил минареты Великой мечети, добавив к ним седьмой минарет, который был очень высоким. Он также отремонтировал систему водоснабжения: число приезжих увеличивалось, и обильная подача чистой воды для омовений и утоления жажды теперь стала чрезвычайно актуальной задачей. Помимо этого, Сулейман пожертвовал большие восковые свечи для того, чтобы освещать мечеть во время вечерних молитв, и благовония для Каабы. И в Мекке и в Медине он способствовал строительству благотворительных столовых, названных именем Хюррем.

Отношение осман к доставшимся им в наследство священным памятникам христианского мира характеризовалось не стремлением их разрушить, а неким соперничеством, примером которого был тот факт, что Мехмед II построил свою собственную мечеть в Стам-

* Имеется в виду мечеть Куббат ас-Сахра. — *Примеч. перев.*

буле, использовав для этого православную христианскую базилику Аия София. Если не считать того, что Иерусалим был связан с именем пророка, может показаться, что Сулейман проявлял совершенно непонятную щедрость к этому, в сущности небольшому, провинциальному городу. Но именно в нем он мог продемонстрировать самой разнообразной публике свой блеск и великолепие. Финансируемые им и Хюррем Султан общественные работы должны были показать мусульманам, что теперь Иерусалим — город Османской империи, хотя в прошлом он и задолжал своим прежним исламским правителям. Результаты общественных работ должны были заметить и христианские паломники, которые на протяжении всего следующего столетия посещали Иерусалим. Ежегодно их численность составляла около шестисот человек. Но если считать французского посла д'Арамона типичным христианским паломником, то их мало интересовали те улучшения, которые внес в жизнь города Сулейман. Когда в 1548 году д'Арамон прибыл в Палестину в связи с теми затруднениями, которые испытывали францисканцы в святых для христиан местах, город произвел на сопровождавших его лиц далеко не благоприятное впечатление:

Иерусалим окружен построенными турками городскими стенами, но там нет ни крепостных валов, ни рва. Это город средних размеров и не слишком населенный, улицы в нем узкие и немощеные... Так называемый храм Соломона находится в самом центре города... он круглый и с покрытым свинцом куполом; его центральную часть окружают часовни как в наших церквях, и там может быть все что угодно, потому входить туда запрещено, а любому христианину, который туда войдет, грозит смерть или принудительное обращение [в мусульманство].

В конце правления Сулеймана, как и в самом начале, венецианские послы называли его «великолепным», но уже по другим причинам. Восхваление его личности шло на убыль, и теперь преподносилась лишь его благочестивая рассудительность, подобающая султану, который стремится быть воплощением справедливости; его великолепие стало в большей степени обезличенным и проявлялось в строительстве зданий и добродетельных поступках. Вскоре правление Сулеймана стало считаться золотым веком империи (суждение, которое вплоть до последнего времени слепо принималось историками), из чего следовало, что все последующие эпохи можно

рассматривать не более, чем падение с этой наивысшей точки. Османские авторы, писавшие свои работы в XVII веке, пускались в пространные ностальгические рассуждения о том, что он принес стране справедливость, которая, как они считали, впоследствии была попорана продажными политиками и администраторами. Они идеализировали правление Сулеймана, называя его эпохой порядка, но были те, кто считал, что политика, проводимая его правительством, уже содержала в себе зерна раздора. Среди его критиков был Луфти-паша, который, даже когда Сулейман еще был на троне, открыто высказывал свое беспокойство ростом взяточничества, чрезмерными военными расходами и проникновением крестьян в ряды военного сословия. Будучи великим визирем при Сулеймане, Луфти-паша не мог не видеть, как султан отходит от государственных дел, что несомненно вызывало его неодобрение. Он советовал султану не позволять своим придворным совать нос в государственные дела: управление государством, говорил он, это дело султана и его великого визиря. Одно из неизбежных последствий ухода Сулеймана от решения государственных вопросов было предсказано янычарами, которые в 1558 году жаловались на то, что «он, живя в четырех стенах, не может ничего знать о людях. Он полностью доверяет толпе деспотов... он не осведомлен о том, в каких условиях живет народ».

Случившаяся в 1564 году кончина короля Фердинанда, который в 1558 году стал преемником своего брата, Карла V, на троне Священной Римской империи, а также вступление на престол его деятельного сына, Максимилиана II, привели к тому, что между Османской империей и Габсбургами вновь разгорелась вражда. Главным поводом для новой военной кампании стала невыплата Максимилианом дани султану. После одиннадцатилетнего перерыва Сулейман, которому теперь было далеко за шестьдесят, снова решил лично возглавить свою армию. Возможно, его решение в какой-то степени было следствием упреков со стороны дочери, Михримах Султан, которая обвиняла его в том, что он уклоняется от своей священной обязанности возглавить армию в священной войне с неверными. Весной 1566 года, впервые за последние 23 года, Сулейман, вместе со своим великим визирем, Соколлу Мехмедом-пашой, двинулся в поход на запад. 7 сентября, за четыре часа до рассвета, Сулейман умер, находясь под стенами находившейся в южной Венгрии крепости Сигетвар, которую его армия осаждала уже в течение месяца.

На следующий день крепость пала, и территории к югу от озера Балатон были оккупированы.

Как это часто бывало с ходившими в походы султанами, Сулейман I умер вдали от своей столицы. Его пережил только один из сыновей, но Селим находился в Малой Азии, на посту принца-губернатора Кютахьи. По этой причине Соколлу Мехмед-паша опасался не борьбы между братьями за престолонаследие, а возможности того, что вакуум, образовавшийся в самом сердце государства, вызовет честолюбивые устремления у претендентов, не входящих в османскую династию. Пренебрегая строгими правилами ислама, согласно которым погребение и предшествующие ему формальности должны осуществляться как можно быстрее, Соколлу Мехмед пошел на преднамеренный обман, с целью сохранить смерть Сулеймана в тайне до того момента, когда Селима можно будет провозгласить султаном. Призвав его со всей поспешностью выехать из Кютахьи, великий визирь продолжал вести государственные дела от имени Сулеймана. Рассылая депеши о победе и взятии османской армией венгерских крепостей, он создавал видимость того, что его владыка жив. Армии было объявлено, что традиционное присутствие султана на пятничной молитве состоится в наспех построенной мечети, а его последующее отсутствие на церемонии под предлогом подагры мало кого удивило. Когда бюрократы из Стамбула стали прибывать в Сигетвар, войска в Венгрии и их командиры заподозрили неладное, но Соколлу Мехмед еще на какое-то время сумел сохранить все в тайне.

Глава 6

СУЛТАН-ДОМОСЕД

Только через три недели после смерти султана Сулеймана Селим прибыл в Стамбул из Кютахьи, губернатором которой он являлся. Соколлу Мехмед-паша настолько искусно скрывал уход султана из жизни, что многие были удивлены, когда 29 сентября его сын появился в столице. Тотчас провозглашенный султаном (Селимом II), он через три дня отправился на венгерский фронт. Впрочем, Соколлу Мехмед предупредил Селима о том, что он не должен продолжать наступление дальше Белграда, так как в походной казне осталось слишком мало денег, чтобы заплатить войскам традиционное вознаграждение в честь вступления нового султана на престол. Под предлогом завершения ремонта крепости Соколлу Мехмед задержал армию в Сигетваре до того момента, когда он смог объявить, что уже слишком поздно продолжать кампанию, и 20 октября войска получили приказ немедленно возвращаться домой.

Когда на следующий день армия выступила в направлении Стамбула, войскам все еще не было объявлено о смерти Сулеймана и восхождении на трон Селима. После смерти Сулеймана его тело было омыто и временно погребено под его шатром. Теперь его извлекли из земли, чтобы забрать домой. Один из пажей покойного должен был сидеть в его карете и вести себя так, чтобы войска принимали его за султана. Хронист Мустафа-эфенди из Солоник (Фессалоник), в молодости принимавший участие в походе на Сигетвар, был одним из тех шести человек, которые должны были идти рядом с каретой и декламировать из Корана. Он пишет, что у назначенного двойником Сулеймана пажа было очень бледное лицо, крючковатый нос, редкая борода и забинтованная шея и что, судя

по его внешности, он был не слишком здоров. Он сообщает, что хотя к тому времени все знали о том, что Сулейман мертв, официально об этом было объявлено только через 48 дней после его смерти, когда кортеж уже приближался к Белграду, где его ожидал новый султан. Там, в присутствии Селима, был совершены погребальные моления, которые позднее повторили перед недавно построенной мечетью его отца в Стамбуле. Это было сделано для того, чтобы дать жителям столицы последнюю возможность вспомнить покойного султана и его деяния. Впоследствии султан Сулейман был погребен в том месте, которое он сам в свое время выбрал, но, в нарушение традиции, оно находилось не напротив стены молитв мечети, носившей его имя, а в гробнице, построенной в саду этой мечети, рядом с гробницей его супруги Хюррем Султан.

Церемония, которой сопровождалось вступление османского султана на престол, была традиционно скромной. Нового правителя посадили на трон, а его государственные деятели принесли ему клятву верности. Однако Селим II невольно создал прецедент для будущих султанов. Подобно тому, как до него это делали его отец и дед, он, после принятия титула султана, посетил усыпальницу Айюба Ансари (сподвижника пророка Мухаммеда, гробница которого была чудесным образом вновь найдена во время осады Константинополя в 1453 году), чтобы перед отбытием на войну снискать благословение святого. Новым было то, что Селим совершил это паломничество сразу же после возведения на престол, и впоследствии каждый новый султан посещал усыпальницу, и это стало неотъемлемой частью церемонии восхождения на трон. Одним из преимуществ этого паломничества было то, что оно давало новому султану возможность совершить триумфальное шествие через весь город на виду у своих подданных.

Соколу Мехмед-паша с трудом сумел утихомирить войска в Белграде, где во время своей первой встречи с новым султаном они потребовали традиционного вознаграждения по случаю его вступления на престол. Он выдал небольшую сумму, достаточную для того, чтобы их успокоить, и пообещав позднее доплатить, поднял жалование им, а также различным чиновникам и служащим, которые участвовали в походе. Возвращение домой проходило достаточно спокойно, но когда армия подошла к Стамбулу, взбунтовались янычары. Султан и его свита вошли в город через ворота Эдирне, в непосредственной близости от мечети, строительство которой финансировала сестра Селима, Михримак Султан, но когда они подо-

шли к своей площадке для парадов, находившейся возле мечети Шехзаде, янычары отказались продолжать движение в сторону дворца Топкапы. Целый час они упорствовали, но затем все же двинулись в путь, а потом снова остановились, на этот раз перед банями султана Баязида II. Там один из визирей Селима и главный адмирал Пиале-паша сделали им замечание. Оба были сброшены с лошадей и из, казалось бы, тупиковой ситуации удалось выйти, раздав янычарам пригоршни золотых монет. Те из них, кто был назначен нести службу во дворце, продолжили движение, но оказавшись за его стенами, они сразу же закрыли перед султаном ворота. Разрешил этот кризис Соколлу Мехмед-паша, подсказавший Селиму, что единственный выход из этой потенциально опасной ситуации состоит в том, чтобы немедленно выплатить оставшуюся сумму вознаграждений по случаю вступления на престол.

Мятежи янычар случались и раньше, особенно в 40-е годы XV столетия, при султানে Мехмеде II. Унижение Селима показало, что для благополучного восхождения на трон надо обладать не только исключительным правом престолонаследия, но еще и поддержкой янычар, а также других элитных подразделений армии. Теоретически, эти подразделения являлись слугами султана, однако в действительности он полностью зависел от их прихотей и без их поддержки не мог применять свою верховную власть. Для султанов Османской империи, как и для коронованных особ Европы, обеспечение преданности своих войск было необходимостью. Как это часто бывало в истории Османской империи, правление монарха, который лишался их преданности, заканчивалось низложением или убийством.

Подобно своим братьям, Селим получил подобающую принцу-воину подготовку и уже подвергался суровым испытаниям походной жизни. В возрасте двадцати лет, после кратковременного пребывания в Конье, он был направлен в Манису, где должен был заменить своего скончавшегося брата Мехмеда на посту принца-губернатора провинции Сарухан. Этот пост традиционно занимали фавориты, которым предстояло унаследовать трон. Селим оставался там до 1558 года, когда он вступил в конфликт со своим братом Баязидом. Тогда его направили в Конью. После победы над Баязидом в борьбе за престолонаследие Селим получил назначение в Кютахью, где он оставался вплоть до кончины своего отца. В 1548 году Сулейман продемонстрировал определенную степень доверия Селиму, оставив его в Стамбуле в качестве регента, пока сам он находился на Иранском фронте. В этом случае Селим, похоже, вполне оправдал оказанное

ему доверие, хотя он и не проявил особого энтузиазма на этом новом для него поприще, возлагавшем ответственность за все государство. Помимо опасений, вызванных постоянной угрозой мятежа войск, он испытывал не меньшие опасения, связанные с тем, что в его отсутствие в столице произойдет переворот. Став султаном, Селим уже никогда не выезжал из Стамбула дальше султанских охотничьих угодий в Эдирне.

Сокоглу Мехмед-паша управлял империей Селима II, фактически являясь олицетворением власти османской династии, тогда как сам султан оставался в стороне от связанного с ожесточенными спорами процесса принятия решений. Этот незаурядный человек в течение четырнадцати лет, при трех султанах, бесценно находился на посту великого визиря. Он родился в семье не обладавшего большим влиянием сербского аристократа Соколовича («Сын сокольного») и был типичным продуктом проводившегося в империи набора юношей. Во времена правления Сулеймана он легко поднимался по иерархической лестнице. Его первым значительным постом стала должность адмирала флота, которую он получил после кончины Барбароссы. Затем он был губернатором нескольких важных провинций и командующим войсками на западных и восточных рубежах империи, пока в 1565 году Сулейман не назначил его великим визирем. Опасные последствия, вызванные попыткой Сулеймана предотвратить столкновение своих сыновей, позволили Сокоглу Мехмед-паше продемонстрировать династии свою ценность. В 1555 году ему было доверено подавление мятежа поднятого самозванцем, «Лже»-Мустафой, а в 1559 году, являясь командующим армией, направленной Сулейманом на помощь Селиму, сражавшемуся со своим братом Баязидом, он доказал будущему султану свою незаменимость. Своей победой Селим был обязан Сокоглу Мехмеду, и если принц не скупился на вознаграждения, то Сулейман еще прочнее связал Сокоглу Мехмеда с династией, женив его в 1562 году на дочери Селима, Эсмахан Султан (чтобы ничто не мешало ему принять столь высокое предложение, Сокоглу Мехмед развелся с двумя другими женами). Отношения этого талантливой политика и военачальника со своим владыкой чем-то напоминали отношения Ибрагима-паши с Сулейманом. Подобно тому, как это было с Ибрагимом, особый статус Сокоглу Мехмеда подтверждался местоположением его дворца, находившегося на Ипподроме, неподалеку от дворца его владыки.

В первые годы правления Селима турки были заняты проведением небольших, но весьма важных операций на своих дальних рубежах. Когда в 1567 году известие о кончине Сулеймана достигло провинции Йемен, могущественный глава рода Зайди, имам Мутаххар ибн Шараф аль-Дин, объединил своих последователей-шиитов и поднял мятеж. Османская власть в Йемене всегда была достаточно слабой. Оказалось, что на этой труднопроходимой и редко населенной территории невозможно подчинить независимых вождей местных арабских племен, а общего с турками исламского вероисповедания было недостаточно для того, чтобы гарантировать их согласие с введением совершенно чуждого им режима. Для подавления недовольных новой властью требовалось строительство крепостей и размещение в них гарнизонов, поэтому контроль над этой провинцией обходился весьма дорого, и хотя за время своего, продолжавшегося с 1549 по 1554 год, губернаторства энергичный Оздемир-паша сделал османское правление в ней более эффективным, его преемники на этом посту оказались более слабыми правителями. В 1565 году Йемен был разделен на две провинции, но османский губернатор южной провинции с центром в Сане был убит, а многие опорные пункты, которыми прежде владели турки, теперь перешли к имаму Мутаххару.

Йемен был важен потому, что он давал возможность контролировать маршрут, по которому перевозили пряности, а таможенные сборы за провоз этого товара приносили доходы в казну Османской империи. В 1568 году на усмирение этой провинции были направлены значительные экспедиционные силы под командованием бывшего наставника султана Селима и его доверенного лица, Лала Мустафа-паши. Такой выбор говорил о том, что Селим все же не был целиком во власти своего великого визиря, поскольку вхождение Лала Мустафы-паши в число тех, к кому султан испытывал привязанность, вызывало у Сокоглу Мехмеда негодование. Для того чтобы подавить мятеж в Йемене, Лала Мустафе были нужны людские ресурсы и снабжение из Египта, но губернатор этой провинции и еще один его соперник, Коджа («Великий») Синан-паша, отклонил его просьбы и сделал невозможным выполнение целей, поставленных перед экспедицией. В потоках донесений, отправленных в Стамбул, каждый из этих двоих отстаивал свою позицию. Коджа Синан оказался убедительнее и Лала Мустафа был отстранен от командования войсками в Йемене. Но чтобы показать, что он по-преж-

нему проявляет к нему благосклонность, Селим ввел специально для него должность шестого визиря в правящем совете империи. Руководство ведением военной кампании перешло к Кодже Синану, но трудности со снабжением войск, сражавшихся в Йемене, заставили его прийти к соглашению с родом Зайди. Две йеменские провинции были снова объединены, и к 1571 году Коджа Синан уже мог возвращаться в Каир. Нестабильность в этом регионе привела к тому, что турки снова стали рассматривать возможность строительства канала, соединяющего Средиземное и Красное моря. Вот что имперский указ предписывал осуществить губернатору Египта:

...поскольку вследствие своих враждебных действий против Индии, проклятые португальцы теперь повсюду, а маршруты, по которым мусульмане прибывали в Священные Места, перекрыты, и к тому же для мусульман считается неправомерным жить под властью жалких неверных... вам надлежит собрать всех опытных зодчих и инженеров той местности... и провести исследование территории между Средиземным и Красным морями и... сообщить, где в этой пустынной местности можно прорыть канал и сколько времени это потребует, а также какое количество судов могло бы пройти по нему борт к борту.

Но и на этот раз дальше предложений дело не пошло.

Предпринятая Московией в 50-е годы XVI века аннексия Казанского и Астраханского ханств, населенных исповедовавшими ислам татарами, неблагоприятным образом повлияла на ее прежде сердечные отношения с османами и привела к нарушению стратегического равновесия. Постепенное проникновение Московии на Кавказ привело к появлению в этом регионе третьей державы, которой в принципе могли присягнуть в верности местные правители, до этого выбиравшие только между Османской империей и державой Сафавидов. Это обстоятельство еще больше обострило традиционное соперничество на Кавказе. Давление со стороны степных татар способствовало тому, что местные народы стали искать защиты у Московии, что еще больше осложнило положение дел. В 1567 году, когда помощи у московитов попросил один из местных вождей, Иван IV сделал ему одолжение, построив форт на реке Терек, которая берет начало в горах центрального Кавказа и впадает в Каспийское море. В ответ на это хан узбеков и Хивин-

ский хан обратились к туркам с жалобой на то, что, взяв под контроль Астрахань, московиты закрыли путь на юг как для купцов, так и для тех, кто совершал паломничество в Мекку.

Султан Сулейман и его визири не проявили почти никакого интереса к тому, чтобы начать военные действия, которые заставили бы их воевать на территории еще более недружелюбной, чем земли на границах с державой Сафавидов, но с вступлением на престол Селима политика империи изменилась. При поддержке мусульманских правителей региона Соколлу Мехмед-паша пытался получить консультацию у местных специалистов относительно того, можно ли прорыть канал между реками Дон и Волга, и его убедили в том, что это возможно. Еще во времена Сулеймана в Москву поступали сообщения о том, что в Стамбуле идут разговоры о строительстве речного пути между Азовским морем и Каспием, но никаких шагов по реализации этого проекта не было предпринято. Во второй год правления Селима (на следующий год после того, как московиты построили форт на Тереке) шла подготовка к отправке военной экспедиции, целью которой было овладеть Астраханью. На верфях Феодосии строились речные суда, способные плавать по Дону, а из Стамбула в Азов морем доставлялись необходимые запасы и материалы. В Румелии и северной Малой Азии были мобилизованы войска. Сомневаясь в целесообразности такого канала и опасаясь османского присутствия в непосредственной близости от его владений, Крымский хан не испытывал желания стать участником этой экспедиции, но отказаться он не мог. Московия предложила Сафавидам артиллерию и ружья, чтобы те переключили внимание турок на Кавказ, но это предложение не было принято.

Командующим войсками, принимавшими участие в Астраханской военной кампании 1569 года, был губернатор провинции Кафа, Касим-паша. Летом Дон оказался настолько мелким, что даже для специально построенных в Феодосии судов переход из Азовского моря вверх по реке оказался трудным. Выбранная для строительства канала местность лежала к югу от современного Волгограда, там, где Дон и Волгу разделяют всего 65 километров суши. Земля между ними оказалась холмистой, и стало ясно, что через такую местность канал нельзя будет прорыть. Поэтому было принято решение, используя опыт донских казаков, волоком перетащить суда речной флотилии и все снаряжение через участок суши между двумя реками. Но только для того чтобы выровнять грунт, потребова-

лись бы невероятные усилия, и поэтому Касим-паша решил отправить свое тяжелое снаряжение вниз по Дону в Азов, после чего подразделения, доставившие его туда, должны были, совершив переход через степь, подойти к Астрахани и соединиться с его войсками, которым предстояло добраться до города, следуя на юг по берегу Волги. Испытывая нехватку снаряжения и продовольствия, османские войска оказались не в состоянии нанести серьезный удар по Астрахани. Они отступили в сентябре и понесли еще большие потери в людях и снаряжении, когда возвращались в Азов, а потом во время плавания в Стамбул, по причине обычных для этого времени года штормов.

План строительства канала, соединяющего эти две большие реки, постоянно стоял на повестке дня по причине характерной для Соколлу Мехмеда склонности к амбициозным инженерным проектам и его интереса к проблемам снабжения войск. В лице Касим-паши он нашел исполнительного и настойчивого помощника, но Стамбул отклонил намерения Касима продолжить кампанию в следующем году. Хотя смелый проект строительства канала провалился, тем не менее он имел значительные последствия. Подобно туркам, царь Иван IV совершенно не желал вести войну в степи, и, когда в 1569 году военная экспедиция в Астрахань завершилась, он отправил посланника в Стамбул, поручив ему поздравить Селима с вступлением на престол. Русские ушли из своего форта на Тереке, но сдавать Астрахань Иван отказался.

Это полюбовное соглашение между царем и султаном оставило без внимания намерения крымских татар. В 1571 году татары потребовали сдать Казань и Астрахань и, совершив набег, сожгли столицу Ивана, город Москву. Воспользовавшись тем, что ситуация изменилась, Селим направил царю Ивану послание, в котором повторил требование татар и заявил о своей согласии оказать поддержку татарскому хану в проведении новой экспедиции с целью захвата этих двух городов. Летом 1572 года татарская армия снова двинулась в поход на Москву, но на этот раз она потерпела жестокое поражение неподалеку от города. Поэтому и крымские татары, и турки отказались от идеи завоевания территорий в низовьях Волги*.

* В конечном счете проект канала, соединяющего Дон и Волгу, был реализован в 1952 году, через четыре столетия после того, как этот маршрут планировали использовать турки.

Хотя империя все еще проявляла интерес к военным авантюрам своих сухопутных войск на удаленных территориях, большую известность правление Селима II получило благодаря действиями османского флота, поскольку этот султан продолжал активную наступательную политику Сулеймана в западном Средиземноморье, направленную против испанских Габсбургов. Туркам противостояла не только Испания: в Магрибе династии Саади из Марокко и Хафсидов из Туниса служили мусульманскими альтернативами находившейся вдалеке династии, способность которой защищать североафриканские территории зависела от безопасности морских коммуникаций. Проход османского флота в западное Средиземноморье блокировали Мальта с находившимися на ней рыцарями-госпитальерами, Сицилия, которой управлял испанский вице-король, а также испанский аванпост Ла-Голетта, неподалеку от Туниса.

В 1568 году турки пытались посеять раздор внутри клана Саади с целью подорвать власть династии, правившей в Марокко. В это время находившийся на службе у Османской империи капитан корсаров, Кылыч («Меч») Али, также известный как Улудж («Варвар») Али, что было намеком на его немусульманское, итальянское происхождение, направил по суше из Алжира небольшую армию, которая в сражении разбила войска Хафсидов и захватила принадлежавшую им территорию Туниса. Но у испанцев все еще оставалась важнейшая крепость Ла-Голетта. Кылыч Али очень удачно выбрал время для своей экспедиции против испанских вассалов, так как в тот период испанские армии либо воевали в Нидерландах, либо подавляли мавританский мятеж в самой Испании. Мавры молили султана о помощи, но их восстание было подавлено войсками короля Филипа II, что привело к дальнейшему переселению мавров во владения Османской империи.

Главными событиями тех лет были захват Кипра у Венеции в 1571 году и случившееся в том же году поражение османского флота в сражении при Лепанто, неподалеку от Нафпактоса. Венеция владела Кипром с 1489 года, когда ее пригласили туда защитить последних, слабеющих потомков королей-крестоносцев от нападения Османской империи. В те дни, когда мамлюкский Египет был державой, с которой считались, Венеция ежегодно платила Каиру дань за свое самое восточное владение, а потом она платила такую же дань туркам. Между Османской империей и Венецией всегда существовали какие-нибудь трения, но до войны дело обычно не доходило. По мнению османских историков того времени, именно то

обстоятельство, что венецианцы взяли под свою защиту корсаров, нападавших на османские суда, совершавшие плавания в Египет, и побудило Селима начать кампанию по захвату Кипра. В 1569 году, когда был предпринят неудачный поход на Астрахань, шла полным ходом подготовка к военно-морской экспедиции на Кипр. Соколлу Мехмед-паша высказывал свои опасения по поводу этой акции, поскольку совсем недавно, в 1565 году, турки потерпели неудачу на Мальте. Но его соперники убедили султана в том, что ему нужно получить фетву, которая оправдала бы проведение этой экспедиции, являвшейся нарушением мирного договора с Венецией, продленного после его вступления на престол. Шейхульислам Абуссуд тотчас дал фетву, согласно которой нападение на Кипр считалось законным, если целью объявления войны было возвращение территорий, когда-то находившихся под властью мусульман. Одной из таких территорий и являлся Кипр, который в ранний исламский период непродолжительное время находился под властью мусульман. Проблема и ее решение были сформулированы следующим образом:

Страна прежде была исламской. Через некоторое время подлые неверные ее захватили, разрушили одни школы и мечети, а другие превратили в бездействующие. Они наполнили кафедры и галереи школ и мечетей символами безбожия и заблуждения, намереваясь оскорбить религию Ислама всевозможными гнусностями и распространением своей мерзкой деятельности по всей земле... Когда заключался мирный договор с другими странами, находившимися во владении вышеупомянутых неверных, в него была включена и вышеназванная страна. Объяснение надо искать в том, будет ли это соответствовать священному праву. Вот что мешает султану решиться на разрыв договора.

ОТВЕТ:

Невозможно, чтобы это когда-либо могло быть препятствием. Для султана мусульман (да прославит Всевышний его победы) заключать мир с неверными законно только тогда, когда от этого есть польза для всех мусульман. Когда от мира нет никакой пользы, он никогда не будет законным. Когда раньше он представлялся выгодным, а потом стало заметно, что выгоднее его разорвать, тогда нужно обязательно и непременно его разорвать.

Это был единственный случай в XVI столетии, когда турки сами разорвали мирный договор.

Чтобы приступить к завоеванию Кипра, туркам нужно было раздобыть значительную сумму денег, часть которой они получили, распродав монастыри и церкви, принадлежавшие православной церкви в европейских провинциях империи. Православное христианство сыграло достойную роль в прошлом, став бастионом на пути латинян, олицетворением которых прежде были Венеция и папство, а потом католики Габсбурги. Поэтому функционирование православной церкви в пределах Османской империи в целом осуществлялось беспрепятственно. Пока этот институт действовал в рамках предписанных ему взаимоотношений с государством, у него не было причин жаловаться. Когда в 1568 году султан Селим II произвел конфискацию церковных земель, он не ставил себе целью уничтожение Церкви. Конфискация была лишь продолжением постоянных усилий шейхульислама Абуусууда (который до самой своей смерти в 1574 году верой и правдой служил Селиму, как прежде служил Сулейману), направленных на то, чтобы сделать более рациональной систему землепользования в османских владениях. Конфискованные церкви и монастыри можно было выкупить с выгодой для казны. Но результаты конфискаций не были одинаковыми: более богатые монастыри уцелели, а бедные были проданы новым владельцам, которым назначенная цена оказалась по карману.

Таким образом османская казна обогатилась, Лала Мустафа-паша был назначен главнокомандующим сухопутными войсками на Кипре, а командование флотом поручили главному адмиралу Мухсинзаде («Сын муэдзина») Али-паше, который, по словам одного современного историка, «никогда в своей жизни не управлял даже каиком». Ему повезло, что рядом с ним оказался Пиале-паша, который до этого четырнадцать лет прослужил в должности главного адмирала. Хотя европейские державы уже в течение некоторого времени были осведомлены о том, что турки готовят к походу хорошо оснащенную и многочисленную эскадру, они не знали, куда именно она отправится. Судя по слухам, эскадра должна была взять курс на Кипр, и в 1568—1569 годах в Венеции явно испытывали предчувствие беды. Было признано, что администрация острова погрязла в коррупции и не сможет противостоять нападению турок. К этому времени слухи подтвердились, и было предпринято меры по укреплению обороны острова и улучшению его снабжения. В марте 1570 года в Венецию прибыл посланник султана с ультиматумом:

Кипр надлежит сдать, в противном случае турки предпримут нападение. К сентябрю они заняли расположенный в глубине острова город Никосия.

Венеция не смогла найти союзников, которые помогли бы ей защитить Кипр. В 1568 году в Венгрии австрийские Габсбурги и Османская империя заключили мирный договор. Испанские Габсбурги не видели стратегической ценности в этом острове и у них не было обязательств перед Венецией, поскольку в 1565 году, когда турки напали на Мальту, она не оказала им никакой поддержки. В прошлом Венеция всегда предпочитала поддерживать добрые отношения с турками, а не вступать в направленные против них союзы. Однако на этот раз интенсивные усилия, в особенности предпринятые папой римским, привели к тому, что в мае 1571 года было заключено соглашение между Венецией, папой и Испанией, условием которого было то, что Венеция будет оказывать помощь Испании в Северной Африке.

В сентябре 1571 года эскадра под командованием дона Хуана Австрийского, являвшегося незаконным сыном бывшего императора Священной Римской империи Карла V и единокровным братом Филипа II Испанского, вышла в море из Мессины и взяла курс на восток. Когда она подошла к одному из Ионических островов, острову Кефалония, выяснилось, что 1 августа, после одиннадцати месяцев осады, турки заняли последний оплот венецианцев на Кипре, крепость Маджоса (Фамагуста). Теперь христианским союзникам надо было не защищать, а освободить Кипр. Но в заливе Патрас, расположенном перед входом в Коринфский залив, эскадра дона Хуана обнаружила османскую эскадру, которая все лето занималась рейдерством и даже захватила венецианские острова и владения на Адриатическом побережье. Дон Хуан решил воспользоваться удобным случаем, и 7 октября две эскадры вступили в бой неподалеку от Нафпактоса.

Подобно неудачам, которые турки потерпели под Веной в 1529 и 1683 годах, сражение при Лепанто является событием, которое в западном понимании едва спасло христианский мир от завоевания «неверными турками». Он было множество раз описано очевидцами, а впоследствии и историками, но ни один турецкий очевидец этого сражения не считал нужным сохранить свои воспоминания о нем для потомков. На самом деле, после этого сражения в живых остались лишь немногие моряки османской эскадры. У дона Хуана было свыше двухсот галер (вёсельных военных кораблей, вооружен-

ных пушками) и шесть галеасов (которые в сущности являлись большими галерами, вооруженными более крупными орудиями), тогда как турки располагали еще большим числом судов, но у них не было галеасов. Перемена ветра означала, что во время сражения на море будет штиль, и огонь тяжелых орудий может достичь максимальной эффективности. Непрерывно ведя огонь с близкой дистанции по кораблям османской эскадры, эти орудия оказались решающим доводом в пользу христиан. Большинство кораблей османской эскадры сгорело и затонуло. После того как сражение закончилось (а продолжалось оно четыре часа), начался сильный шторм, который покончил с теми, кто мог надеяться на спасение.

В 1572 году дон Хуан снова вышел в море, но эйфория христиан, которые планировали будущие нападения на османские территории, вскоре закончилась. Всю зиму турки занимались строительством новой эскадры, взамен той, которая была потеряна при Лепанто. Поскольку Мухсинзаде Али-паша в том сражении был убит, командование поручили Кылыч Али-паше, назначив его главным адмиралом. Две эскадры вступали в стычки у берегов Пелопоннеса, но все они закончились безрезультатно, и победа ускользнула от уже предвкушавших ее христиан. Их лига стала разваливаться, и в 1573 году союзная эскадра уже не вышла в море, как это было запланировано. Вместо этого Венеция попыталась заключить мир через своего представителя в Стамбуле, который с весны 1570 года, когда начались военные действия, находился под домашним арестом. Помимо того, что Венеция признала потерю Кипра, она выплатила туркам контрибуцию в размере 300 000 дукатов. Стороны обменялись пленными, а на Адриатическом побережье были установлены границы, которые существовали до 1570 года.

Впрочем один человек, по крайней мере с победившей стороны, так и не получил то, что он надеялся получить от этого договора. Этим человеком оказался еврей-сефард Иосиф Наси, который был банкиром и купцом, а также близким доверенным лицом султана Селима. В качестве признания той поддержки, которую он оказал Селиму в его борьбе с братом Баязидом, Наси был награжден титулом герцога Наксоса, а вместе с ним и значительными доходами, которые приносили таможенные сборы с торговли вином, производившемся на этом острове. Считалось, что потом он захотел, чтобы его сделали королем Кипра. Европейские историки того времени явно приписывали ему подстрекательство Селима объявить в 1569 году войну Венеции. Ходили слухи, что он держал наготове

флаг, украшенный гербом Венеции и вышитой золотыми буквами надписью «Иосиф Наси, король Кипра». Но султан решил передать доходы этого острова казне, и Наси был разочарован.

Когда настало время переселять на Кипр подданных империи, турки столкнулись с серьезными трудностями, связанными с отсутствием стимулов для добровольной иммиграции из Малой Азии. Остров был лишен тех привлекательных особенностей, которыми, например, обладали территории, недавно завоеванные на Румелийском фронте, и не сулил тех утешений, которые дал Стамбул после того, как в 1453 году он пал перед Мехмедом II. Более того, летом климат острова был невыносимо жарким, а пастбищные земли встречались редко. Должно быть, нашлись и добровольцы, но все же преобладало принудительное переселение: незамужних женщин посылали туда в качестве невест для солдат, служивших в гарнизонах крепостей острова. Трудолюбивых крестьян с хорошей репутацией перевозили туда, обещая им землю и ослабление налогового бремени. Многие из подлежащих переселению скрывались от властей, пока их не задерживали, а многим другим удалось вернуться на материк, что не могло не вызывать обеспокоенности правительства, которое прибегло к высылке на остров нежелательных лиц. Возможно, что именно этот ранний прецедент лег в основу британской политики депортации мелких преступников в Австралию. Туда посылали тех, кого подозревали в симпатиях к секте кызылбашей, к членам которой в конце XVI века снова относились с настороженностью, и тех, кого считали представляющими угрозу стабильности общества. Среди последних были непокорные учащиеся духовных учебных заведений, бандиты и мелкие чиновники, которые впали в немилость.

В 1573 году дон Хуан (который в неблагоприятном 1572 году так и не смог сокрушить военно-морскую мощь Османской империи, что ожидалось после сражения при Лепанто) с помощью испанской эскадры отвоевал Тунис и построил новую крепость на Ла-Голетте. В 1574 году при помощи эскадры, более многочисленной, чем та, которую они потеряли при Лепанто, турки снова захватили Тунис. Это удалось сделать благодаря комбинированному удару, который со стороны моря нанесла упомянутая эскадра, а со стороны суши сухопутные войска провинций Алжир, Триполи и Тунис. Что касается дипломатических шагов, то перед тем, как эскадра вышла в море, турки попытались получить помощь испанских мавров, предложив им вступить в союз с протестантами Нидерландов. Более того,

непосредственно в Нидерланды был направлен доверенный представитель Османской империи с целью предложить союз, направленный на нанесение комбинированного удара по Испании, но из этого ничего не вышло. Имевшиеся во всех странах Европы доверенные лица и шпионы хорошо информировали османских государственных деятелей о заключавшихся между этими странами союзах, а коммерческие связи Иосифа Наси обеспечивали султана еще одной весьма эффективной и широкой сетью по сбору разведывательной информации.

И для Габсбургов, и для турок сохранение контроля над Северной Африкой было сложной задачей, от решения которой зависел престиж тех и других. Турки ставили себе целью защитить своих единоверцев, но они явно рисковали снова попасть под удар испанского флота. С другой стороны, хотя Филипп II не мог смириться с присутствием турок в непосредственной близости от его собственного королевства, он выбрал первоочередной задачей подавление протестантского мятежа в Нидерландах, что было сложным и невероятно дорогостоящим, в смысле его снабжения, мероприятием. В 1575 году Испания объявила себя банкротом.

В 1574 году, когда турки отвоевали Тунис, султан Селим II умер после падения в купальню. Ему было пятьдесят лет. Следуя примеру своих предшественников, он построил бросающийся в глаза, монументальный храмовый комплекс, но, в нарушение традиций, выбрал для него место в старой османской столице, фракийском городе Эдирне, где он обожал заниматься охотой, которая была его страстью. Построенная его отцом в имперской столице мечеть Сулеймание символизировала мощь исламской религии и османской династии. Эдирне лежал на дороге, которую османская армия использовала для походов в Европу, а посланники европейских держав для поездок в Стамбул с дипломатическими миссиями. Приближаясь к Эдирне с любой стороны, можно было увидеть мечеть Селимийе, расположенную на возвышенности, в самом центре города, на том месте, где в 60-е годы XIV столетия султан Мурад I построил дворец. Взметнувшиеся вверх более чем на семьдесят метров, четыре минарета этой мечети издавна производили большое впечатление на всех проезжавших через Эдирне. Через полтора столетия жена английского посла в Стамбуле леди Мэри Уортли Монтегю отметила, что мечеть Сулеймание является «самым величественным строением из всех, которые я когда-либо видела». Путе-

шественник XVII века Эвлия Челеби привел типично турецкое объяснение того, почему Селим выбрал для своей мечети именно Эдирне. По его словам, пророк Мухаммед явился Селиму во сне и предписал ему строить именно там. По-видимому, явление пророка имело место еще до кончины Сулеймана, так как хронограмма закладки фундамента мечети Селимийе свидетельствует о том, что это произошло в 1564—1565 годах, но закончено ее строительство было уже после смерти Селима*. Ее строительство финансировалось из трофеев, добытых во время Кипрской кампании, подобно тому как это было с мечетью Сулеймание, строительство которой финансировалась из трофеев, добытых во время Белградской, Родосской и Мальтийской кампаний. Став отклонением от обычной для имперского архитектора Синана схемы мечети с центральным куполом в окружении полукуполов, мечеть Селимийе с ее единственным куполом, более широким, чем купол Айя Софии, считается шедевром этого зодчего, которым он хотел продемонстрировать свое мастерство и виртуозность, превзойдя византийский образец.

Селим построил свой храмовый комплекс в Эдирне, но он также оставил неизгладимый след в архитектурном облике и силуэте Стамбула. В 1572 году он приступил к первому капитальному ремонту Айя Софии, предпринятому после того, как Мехмед II перестроил этот христианский храм в мечеть. Поскольку спустя столетие после завоевания Константинополя это здание уже окружали жилые дома и прочие строения, Селим приказал все снести. Последующая инспекция выявила, что контрфорсы уже обваливаются и зданию нужен срочный ремонт. Историк Мустафа-эфенди из Салоник отмечал, что здание обрушивалось. Селим осмотрел мечеть вместе с Синаном и распорядился произвести обширную реконструкцию. Один из двух минаретов, добавленных завоевателями, был деревянным, и его пришлось построить заново из кирпичей. Были добавлены еще два минарета. Султан открыто порицал тех, кто считал эти работы ненужными на том основании, что здание построили немусульмане.

На прилегавшей к Айя Софии территории Селим распорядился построить два духовных училища, а также собственный мавзолей.

* Хронограмма — это какой-либо письменный источник, часто надпись или стихотворение, в котором определенные символы (которые, в случае с османскими хронограммами, обычно стоят в последней строке) несут известные числовые значения; если эти значения сложить, получится дата.

Он умер еще до завершения строительства мавзолея и был погребен под установленным над местом строительства навесом в форме шатра. Он стал первым султаном, который скончался в Стамбуле. Духовные училища так и не были построены, а строительство минаретов и мавзолея пришлось завершать его старшему сыну и преемнику Мураду III. Нет ничего удивительного в том, что Селим выбрал местом своего погребения территорию, прилегавшую к Айя Софии. Его едва ли можно было похоронить где-либо кроме имперской столицы, и уж тем более в мечети, построенной одним из его предшественников. Айя Софию почитали потому, что она была связана с именем Мехмеда II Завоевателя. Решение Селима осуществить ремонт Айя Софии не было непосредственно связано с его планами относительно собственного погребения, но и не являлось совершенно случайным. Селим обратил свое внимание на этот бывший христианский храм вскоре после завоевания Кипра. Тогда он укреплял в мусульманах стремление к лидерству, продемонстрированное его победой над христианскими державами, и противостоял любым намекам на то, что Османскую империю могло ослабить поражение при Лепанто. Ко времени смерти Селима стало ясно, что победа христиан при Лепанто по сути была пирровой победой.

Помимо этого, султан Селим продолжил начатое его предшественниками участие в делах Мекки, и благодаря проведенным по его распоряжению ремонтным работам Большая мечеть приобрела характерный для османской архитектуры внешний вид, который она имеет и поныне. По причине того, что в Мекке не хватало места для строительства таких грандиозных мечетей, как в Стамбуле, галереи, окружавшие внутренний двор, были перестроены в османском стиле, а на их прежде плоских крышах появились купола. Эти работы продолжались и в годы правления Мурада III, производя впечатление на паломников, которые прибывали со всего света и видели могущество и необыкновенную щедрость новых защитников мусульманских святынь.

Смерть Селима была неожиданной, и процессом передачи власти новому султану снова руководил Соколлу Мехмед-паша, который тайно отправился в Манису, чтобы сообщить принцу Мураду о смерти его отца. Требование гарантировать династическую преемственность снова стало причиной отсрочки, необходимой для того, чтобы новый султан смог предъявить свои права на трон. Между тем тело Селима, которое пытались сохранить с помощью льда, находилось во дворце. Очередным нарушением традиций стало то, что

погребальная молитва была совершена не в какой-либо открытой для общего доступа мечети, а в пределах дворца Топкапы. Эта глубоко личная церемония отражала отдаленность султана от своих подданных, которая еще при его жизни все более и более увеличивалась. Традиционную молитву на похоронах Селима произнес именно шейхульислам, что указывало на более заметную и официальную роль, которая была отведена этому должностному лицу еще при Сулеймане, и стало прецедентом для будущих султанов.

Так получилось, что старший сын Селима (которому тогда было лет двадцать) оказался и старшим представителем мужского пола династии. Мураду III явно было предопределено следовать по стопам своего отца. Впрочем, чтобы исключить всякую возможность того, что кто-либо оспорит его право на престолонаследие, он принял меры предосторожности и сразу после восхождения на трон приказал казнить своих младших братьев. Их похоронили рядом с их отцом, Селимом. Вот как «третий медик» Мурада, еврей Доменико Хиеросолимитано описывает те сомнения, которые вызывали у его хозяина предстоящие убийства:

Но султан Мурат оказался настолько сострадательным, что не смог видеть кровопролитие, и прождал восемнадцать часов, в течение которых он отказывался садиться на имперский трон или сделать общеизвестным свое прибытие в город, а в первую очередь пытался найти способ избежать кровопролития своих девяти братьев, которые находились в Сераглию... Чтобы не нарушать закон Османского государства... он, со слезами на глазах, послал немых, поручив им задушить братьев, и собственными руками передал их старшему девять платков.

Преемником Мурада стал его старший сын Мехмед, которому к моменту восхождения на престол его отца было лет девять. Вступив на трон в 1595 году, Мехмед III приказал казнить своих братьев, старший из которых был более чем на двадцать лет младшего него. Множество маленьких саркофагов с останками братьев Мурада и Мехмеда были наглядными свидетельствами, что убийство являлось той ценой, оплатив которую удавалось избежать междоусобиц, так часто сопровождавших вступление на престол нового султана. Общество было глубоко потрясено этими убийствами. Единственным утешением является то, что последующие поколения оказались не столь многодетными, и уже никогда такое множество юных принцев не

умирало, чтобы гарантировать спокойное восхождение своего брата на трон.

На протяжении восьми лет правления Селима II должность великого визиря занимал Сокоглу Мехмед-паша, который и при Мураде III оставался на своем посту вплоть до 1579 года, когда он был убит одним рассерженным просителем в зале заседаний имперского совета. После его смерти должность стала менее престижной: на протяжении 21 года правления Мурада III этот пост занимали семь человек, и по мере того как они добивались расположения и попадали в немилость, эта должность одиннадцать раз переходила от одного к другому. Великий визирь стал игрушкой в руках султана, заменявшего его всякий раз, когда выяснялось, что он не в состоянии выполнить требования своего владыки. Ни Мурад III, ни его сын Мехмед III не утруждали себя личным участием в управлении империей, но это не означало, что они больше не принимали решений. Напротив, полномочия принимать самостоятельные решения, которыми прежде обладал великий визирь, теперь были ограничены, причем это касалось даже решения вполне заурядных административных вопросов. Прямой контакт между султаном и великим визирем стал менее обычным явлением и был заменен перепиской, в которой султан указывал свои решения, принятые по целому ряду государственных дел (назначениям на должности, размерам жалований, организации бюрократического аппарата), и эти решения принимались на основе краткого изложения вопросов, представленных ему в форме прошений.

Еще больше, чем Селим II, Мурад III и Мехмед III предпочитали проводить время в своих личных покоях, а не в зале заседаний совета, где обсуждались государственные дела, но в своих собственных апартаментах они были более восприимчивы к влиянию фаворитов, на которых бюрократический аппарат управления государством не оказывал почти никакого воздействия. Несмотря на ограничения, навязанные ему дворцовыми функционерами и фаворитами, Сокоглу Мехмед-паша сумел править империей в условиях самых грубых нарушений законности, допускаемых фракциями, которые процветали в тот период слабой султанской власти. Ему удалось поставить на многие важные посты своих протеже и членов собственной семьи. После его смерти соперничество между теми, кто находился в ближайшем окружении султана, только усилилось.

Со времени правления Сулеймана, который открыто проявлял благосклонность к своей жене Хюррем Султан, возвысив ее из на-

ложниц собственного гарема, статус старших жен правящей династии изменился. В продолжение традиции, начатой Хюррем, их существование стало более заметным, а память о них сохранялась дольше, благодаря построенным ими общественным зданиям. Кроме того, некоторые из них стали играть новую и весьма значительную роль *валиде*, то есть вдовствующей султанши или матери правящего султана. Хюррем умерла еще до того, как ее сын, Селим, взшел на трон, зато наложница Селима Нурбану Султан оказывала доминирующее влияние на своего собственного сына, Мурада III, после его вступления на престол и до самой своей кончины, случившейся спустя почти десять лет. Нурбану была валиде-султан (королевой-матерью) в самом полном значении этого слова. Она первой стала официально пользоваться этим титулом. Издавна считалось, что она родилась в семье венецианских аристократов и еще в детстве была захвачена главным адмиралом флота Барбароссой, который передал ее в имперский гарем, но, по-видимому, она была гречанкой с Корфу. Хюррем играла лишь скромную роль в дипломатии, благодаря тому, что она от имени Сулеймана вела переписку с королем Польши и сестрой шаха из династии Сафавидов, зато Нурбану оказывала более явное воздействие на международные отношения Османского государства. Посланники иностранных государств знали, насколько важно было добиться ее расположения. Джакомо Соранцо, посетивший Стамбул в свите венецианского посла, который в 1582 году был приглашен на торжества по случаю обрезания принца Мехмеда, отметил, что «всем правила жена... с валиде-султан... приходилось зависеть от них или, по крайней мере, не настроить их против себя».

При Мураде III дом правящего султана стал еще больше напоминать «королевскую семью». Вступив на престол, он сразу же перевез в Стамбул своих домочадцев, которые находились в Манисе, где, будучи принцем-губернатором, он жил со своей супругой Сафийе Султан и детьми. В Стамбуле Нурбану снова оказалась подле своего сына, переселившись из Старого дворца, куда она удалилась после смерти Селима, в гарем дворца Топкапы. Как валиде-султан, она заботилась о том, чтобы в гареме не возникало никаких затруднений, и находилась на вершине его иерархии. Ее ежедневное жалованье было самым высоким в империи, оно в три раза превышало жалованье самого султана. Переезд Нурбану Султан из Старого дворца в Новый дворец было отмечено торжественным шествием через весь Стамбул. Не прошло и десяти лет после вступления Му-

рада на престол, как число женщин в гареме (наложниц и служанок) удвоилось и превысило сотню. Покои гарема были перестроены для того, чтобы предоставить матери султана более роскошные апартаменты и обеспечить дополнительное место для растущего числа живших там женщин. Для себя Мурад построил двухэтажную опочивальню с балдахином и куполом, внутренние стены которой были покрыты изящнейшими изразцами, сделанными в Изнике. Помимо этого он построил купальни и тронный зал под куполом, находившийся рядом с его опочивальней.

Если Селим, как и Сулейман, жил в отдельной резиденции, находившейся в третьем дворе его дворца, и только время от времени посещал гарем, то Мурад был полностью погружен в семейную жизнь, что в достаточной степени свидетельствовало о тех значительных переменах, которые произошли как в поведении самого султана, так и в жизни империи. Мурад не входил в число тех воинственных султанов, которые стремились лично вести свою армию на войну. Он был правителем, который предпочитал вести жизнь в компании женщин. Лет десять он, вместе с Сафией Султан, которая была его единственной сексуальной партнершей, и тремя детьми (старшим из которых был будущий Мехмед III), прожил в Манисе, находясь на содержании у своих родителей. Однако сестра Мурада, Эсмахан, и его мать считали эти моногамные отношения недостаточными для того, чтобы в будущем было гарантировано наличие законного претендента на трон. Поэтому, по всей вероятности в начале 50-х годов XVI века, они добились того, что Мурад завел наложниц. Он умер, оставив после себя 49 детей.

Увеличение численности и значимости гарема, а также усиление власти и влияния валиде-султан расширило сферу ответственности стража гарема, которым являлся самый старший среди черных евнухов, который осуществлял надзор за жившими там женщинами*. Вскоре после вступления на престол султан Мурад ввел должность главного черного евнуха (а если она уже существовала, то он несомненно расширил круг возложенных на него обязанностей) и поручил занимавшему этот пост осуществлять надзор за по-

* Как и султаны Мамлюки, султаны Османской империи использовали евнухов для охраны своих домочадцев; если не считать самого султана (а также немых и карликов), евнухи были единственными взрослыми лицами мужского пола, которым разрешалось входить в гарем. Мало что известно о том, как их брали на службу и как к ней готовили.

жертвованиями на содержание священных для мусульман мест, что прежде входило в сферу ответственности главного белого евнуха дворца, надзиравшего за пажамы, выполнявшими функции, схожие с теми, которые выполняли обитательницы гарема. Огромные жертвования прежних султанов, Мехмеда II, Баязида II, Селима I и Сулеймана I, вскоре также оказались под присмотром главного черного евнуха, и он стал еженедельно отчитываться о положении дел в этой области. Под его контролем находились значительные финансовые потоки, и он пользовался той властью, которую ему это давало. Великий визирь и другие министры правительства проиграла от перераспределения власти, которое произошло в результате усиления роли гарема и его главного стража. В своем отчете о правлении Мурада III интеллекул и бюрократ Мустафа Али из Гелиболу указывал на опасное воздействие развивавшихся тогда тенденций, отмечая, что из-за близости к султану евнухи и наложницы гарема получили возможность вмешиваться в политический процесс, а значит и оказывать влияние на назначения на должности. Они даже стали продавать назначения на должности. Но это не пугало султана, который несомненно был удовлетворен первыми плодами введенного им плана расширения властных полномочий дворца. Мустафа-эфенди из Салоник сообщает нам о том, что вскоре после того, как в 1579 году был убит Соколлу Мехмед-паша (который по крайней мере до правления Мурада III являлся олицетворением всемогущего великого визиря), султан даже подумывал о том, чтобы вообще обойтись без этого поста.

Наряду с миром гарема, в котором Мурад III проводил гораздо больше времени, чем его предшественники, существовал и мир его фаворитов. Среди них были люди, которые находились рядом с ним еще со времен его пребывания в Манисе: его воспитатель Хока Садеддин-эфенди, его главный бухгалтер Кара («Черный») Ювейс Челеби и его духовный наставник, член секты Халвети, шейх Шука. Отец Хока Садеддина был наперсником Селима I, а сам он являлся помощником шейхульислама Абуссууда, находившегося на этом посту при Сулеймане и при Селиме. Сегодня он известен как автор Османской истории, которую он посвятил Мураду. В свое время его сын, Эсад-эфенди, стал шейхульисламом, сохранив за своим семейством место в самом верхнем эшелоне государственного аппарата. Вскоре после вступления Мурада на престол, Соколлу Мехмед перешел в оппозицию к этому кругу приближенных, обвинив Кара Ювейса в финансовых нарушениях. Задуманная Соколлу Мехме-

дом интрига привела к обратному результату, и всем стало понятно, что он лишился своего авторитета: под контроль Кара Ювейсу было передано управление финансами империи и он получил место в правящем совете, тогда как протееже Соколлу Мехмеда были сняты со своих должностей, а их имущество конфисковано. Самым болезненным ударом стало то, что его кузена, Соколлу Мустафа-пашу, оказавшегося весьма способным губернатором Буды, казнили, а на его место назначили Кара Ювейса. И хотя Кара Ювейс не был доволен назначением на этот пост, находившийся вдали от центра власти, ничего другого ему не оставалось. Позднее он был назначен губернатором Египта, и во время его пребывания на этом посту в провинции вспыхнул мятеж, вызванный введенным им жестким контролем за финансированием армии. Мятежники ворвались в зал заседаний совета и разграбили его личные покои. Он сам подвергся нападению, во время которого были убиты члены его свиты.

Шейх Шука, который был безграмотным человеком, поощрял интерес Мурада к мистицизму. Султан доверял шейху толковать свои сны и предсказывать судьбу. В этом не было ничего необычного, так как рука об руку с насаждением официально принятого ортодоксального суннизма шли энергичные поиски эзотерических знаний, а Халвети стала самой «правоверной» сектой дервишей, поскольку получила широкое признание в правящих кругах Османской империи. На самом деле, Соколлу Мехмед-паша дал пристанище собственному духовному наставнику из этой секты, прикрепив его к храмовому комплексу, который он построил в честь своей супруги, Эсмахан, в стамбульском квартале Кадирга.

После своего восхождения на трон в 1574 году Мурад III продолжил агрессивную политику, которую Селим II проводил в Северной Африке и западной части Средиземного моря. Дело обстояло таким образом, что пока на посту великого визиря оставался Соколлу Мехмед, никаких резких изменений во внешней политике ожидать не приходилось. Те годы были отмечены бурным развитием событий. При военной поддержке Османской империи удалось отстранить от власти правителя из династии Саади и поставить на его место одного из недовольных членов этого семейства, который стал зависимым от империи правителем Марокко. Благодаря этой победе турки получили контроль над всем побережьем Северной Африки, что привело к соперничеству с португальцами не только на восточных, но и на западных рубежах Османской империи. В тот самый момент, когда испанский посланник прибыл в Стамбул, что-

бы заключить мир с султаном, португальский король Себастьян пытался получить помощь в борьбе с турками у своего кузена Филипа Испанского. Филип увивал от прямого ответа, но в конце концов предоставил португальцам и войска и корабли. В 1578 году португальцы вторглись в Марокко. Король Себастьян был убит в битве при Алказаре, и хотя зависимый от империи правитель Марокко тоже был убит, туркам удалось добиться того, что преемником стал его брат. Длительный период вооруженного противостояния Османской империи и Габсбургов в западном Средиземноморье закончился в 1580 году, когда был заключен договор, позволивший Испании сосредоточить свое внимание на севере Европы.

Теперь Триполи, Тунис и Алжир были провинциями, формально находившимися под властью османских губернаторов, но местные вожди продолжали ставить во главу угла свои собственные узкие интересы и срывать любые попытки центрального правительства привести систему управления этими провинциями в соответствие с принятыми во всей империи нормами. Взаимоотношения между Османской империей и этими магрибскими провинциями являлись «браком по расчету», при котором каждая из сторон не ожидает от другой слишком многого. Если Стамбул предвидел, что он будет получать мало доходов из Магриба, но надеялся на то, что эти провинции окажут помощь в борьбе с общими врагами, которые имелись в западном Средиземноморье, то формально являвшиеся османскими подданными жители Магриба никоим образом не стремились к «османизации» или интеграции с империей и не слишком надеялись на инвестиции центрального правительства и на улучшение инфраструктуры.

Заключенный в 1580 году мирный договор между Османской империей и Габсбургами свидетельствовал о том, что они достигли определенного равновесия сил на море. В то же самое время активные действия турок против португальцев в Индийском океане постепенно шли на убыль. Последними всплесками этой активности были предпринятые ими в 1585 и 1589 годах попытки изгнать португальцев с берегов Мозамбика.

Турки были рады передышке, которую они получили в Средиземном море, поскольку в 1578 году они оказались втянутыми в полномасштабный международный кризис, войну с Ираном на Кавказе. Эта война, которая в основном пришлась на правление Мурада, положила начало длительному периоду враждебности между этими двумя державами, продолжавшемуся вплоть до 1639 года, когда

они наконец заключили длительный мир. Восточные рубежи империи находились в состоянии мира начиная с 1555 года, когда был заключен договор в Амасье, но после смерти шаха Тахмаспа в 1576 году начались междоусобные распри и снова активизировала свою деятельность секта кызылбашей. Сокоглу Мехмед-паша решительно возражал против возобновления военных действий с Ираном. Известно, что он был сторонником османского присутствия на Кавказе с целью сдерживания экспансии московитов, но он понимал, что это сопряжено с проблемами снабжения, и опасался того, что кампания в этом регионе потребует больших расходов. У Сокоглу Мехмеда были враги еще до возвышения группы лиц из окружения Мурада и до того, как валиде-султан Нурбану Султан и гарем стали обладать беспрецедентной властью. Его старый соперник, Лала Мустафа-паша, проявил готовность нажать капитал на сложившейся ситуации и предложил себя в качестве той фигуры, вокруг которой могли объединиться ненавидевшие Сокоглу Мехмеда придворные. Они полагали, что если герой Кипра, Лала Мустафа снова выиграет войну, то Сокоглу Мехмеда сместят с должности и ее займет Лала Мустафа. После того, как было принято решение вступить войну с Сафавидами, Лала Мустафе было поручено командовать армией вместе с Коджа Синан-пашой, который со времени Йеменской кампании являлся столь же честолюбивым соперником великого визиря. Но их неспособность сотрудничать друг с другом вскоре привела к смещению Коджа Синана. В результате Лала Мустафа остался единственным командующим и готовился получить все награды за предвкушаемый им успех в этой кампании.

Когда Кавказ стал театром военных действий, находившийся в восточной Малой Азии пограничный город Эрзурум превратился в передовую базу воевавшей с Ираном османской армии. Добираясь морем до Трабзона, а потом совершая переход на юг, через горную местность, войска Лала Мустафы летом 1578 года подтягивалась к Эрзуруму. Сафавиды и зависимые от них кавказские государства находились в таком смятении, что турки сумели пройти через всю Грузию, по пути заняв Тифлис (столицу современной Грузии), и подошли к находившимся севернее княжествам. К исходу лета несколько князей этого региона подчинились туркам, которые к этому времени уже оккупировали некоторые части Ширвана, находившегося на западном берегу Каспия. Оздемироглы Осман-паше (который был сыном бывшего губернатора провинции Хабеш, Оздеми-

ра-паши) была поручена незавидная задача управлять этой удаленной и уязвимой новой провинцией. При содействии татар он подавил сопротивление местного населения и войск Сафавидов, но коммуникации, которые связывали его с османскими войсками в Тифлисе, оказались перерезаны, и на зиму ему пришлось уйти из главного города провинции Ширван Шемахи и перебраться в расположенный на берегу Каспийского моря город-крепость Дербент.

Оставив своего старого врага Коджа Синан-пашу в Стамбуле, Лала Мустафа-паша совершил роковую ошибку. В 1579 году, когда великий визирь Соколлу Мехмед-паша был убит, его место занял второй визирь, Семиз («Тучный») Ахмед-паша — муж Хюмашах Султан, которая была дочерью Михримах Султан и Рустем-паши. Продвинувшись по служебной лестнице, Коджа Синан стал третьим визирем, что позволило ему устроить дела с выгодой для себя. Семиз Ахмед отозвал Лала Мустафу с фронта и вместо него назначил командующим Коджа Синана. Протеже Лала Мустафы были обвинены (в некоторых случаях обосновано) в коррупции и уволены с государственной службы. Впрочем, ему удалось сохранить за собой пост второго визиря, и когда всего через несколько месяцев пребывания в должности Семиз Ахмед умер, казалось, что пост великого визиря наконец перейдет к Лала Мустафе.

Но в конечном счете Лала Мустафа не достиг того, к чему так стремился: хотя он и взял на себя обязанности великого визиря, Коджа Синан сумел воспрепятствовать его утверждению в этой должности, и после того, как в течение трех месяцев она оставалась вакантной, в августе 1580 года великим визирем был назначен Коджа Синан. Вскоре после этого Лала Мустафа умер. Уход из жизни Соколлу Мехмед-паши, Лала Мустафа-паши и Семиз Ахмеда-паши ознаменовал завершение эпохи, поскольку эти люди являлись последними напоминаниями о правлении Сулеймана. Коджа Синан принадлежал к более молодому поколению, представители которого достигли зрелости и добились власти при султানে Селиме II. Он обладал способностью без труда входить в руководящие структуры, используя для этого имевшиеся в них разногласия, что он и делал, проявляя смекалку. В общей сложности он пять раз занимал должность великого визиря.

Вскоре после того, как в ноябре 1580 года Коджа Синан, который все еще оставался главнокомандующим армией, прибыл в Эрзурум, Сафавиды стали просить о мире. Коджа Синан вернулся в

Стамбул, полагая, что военные действия уже закончены, хотя на самом деле они продолжались в Грузии, что и помешало заключению турецко-иранского мирного договора. Через несколько месяцев его сняли с должности, и на его место был назначен второй визирь, Сиявуш-паша. В последующие годы империя пыталась взять под свой контроль Кавказ. В отличие от прежних военных кампаний в данном регионе, на этот раз турки пытались оккупировать его на постоянной основе. Ширван был только одной из четырех новых провинций, созданных в то время. Проблемы, возникшие на Кавказе, были похожи на те, с которыми они сталкивались в Йемене, а именно, непостоянство местных вождей, а также неблагоприятный климат и суровая местность. Экспансия империи на эти удаленные территории зависела от ее способности строить и защищать крепости, за стенами которых турки с трудом удерживали ситуацию под контролем. Ныне расположенная в северо-восточной Турции, крепость Карс была перестроена в передовую базу, с которой осуществлялось снабжение гарнизонов, дислоцированных на недавно завоеванных территориях. Также был перестроен Ереван и укреплены другие, менее крупные опорные пункты.

Оздемироглы Осман-паша оставался в Дербенте до 1582 года, когда туда через Крым были переброшены подкрепления из Румелии, после чего он выступил в поход с целью изгнания Сафавидов из восточного Кавказа. Татарская кавалерия из Крыма была необходима для того, чтобы хоть как-то удерживать этот регион под контролем, но теперь, нарушив свои вассальные обязательства перед султаном, хан Мехмед Гирей II отказался предоставить достаточное количество войск для оказания помощи туркам. По этой причине Оздемироглы Осман направился в Крым и при содействии высланной из Стамбула эскадры под командованием Кылыч Али-паши возвел на престол нового хана. В течение пяти лет своей службы на Кавказском фронте Оздемироглы Осман не был вовлечен в интриги двора. Когда же он вернулся в Стамбул, его встретили там как героя, и летом 1584 года он был назначен великим визирем, что вызвало гнев клики, окружавшей Мурада, которая на сей раз не смогла оказать влияние на султана. Он умер спустя год, захватив в ходе восточной кампании Тебриз (на этот раз татары оказали ему серьезную помощь), который впервые ему удалось удержать.

Взятие в 1585 году бывшей столицы Сафавидов Тебриза открыло новую фазу в войне с Ираном. Уверенность турок в своих силах была настолько велика, что османские политики в течение некото-

рого времени всерьез рассматривали предложение хана узбеков, владения которого, Трансоксиана, лежали к северо-востоку от Ирана, за рекой Окс. Он предлагал двинуть свои армии на север и отвоевать у Московии Астрахань. Еще один фронт против Ирана открылся на юге, когда в наступление перешел новый губернатор Багдада Сигалазаде Синан-паша (потомок генуэзского семейства Сикала, еще ребенком взятый в плен на море и обращенный в ислам). Он захватил часть юго-западного Ирана и создал там две новые провинции.

После кончины шаха Тахмаспа, в Иране начались беспорядки, которые были пресечены в 1587 году благодаря решительным действиям его внука, в том же году вступившего на престол. На протяжении всего своего долгого царствования, шах Аббас пытался создать себе репутацию правителя, олицетворяющего блеск и величие династии Сафавидов, но в 1588 и 1589 годах он оказался в тяжелом положении. Форсировав Окс, узбеки напали на Иран и захватили Герат, Мешхед и Нишапур. Шах Аббас попытался заключить с турками мир, условия которого заставили его признать статус-кво. Этот мир обошелся Сафавидам слишком дорого, поскольку теперь турки владели значительной частью Кавказа и Курдистана, хотя и им это досталось весьма недешево. Для турок это был самый большой успех, которого они добились в борьбе с Сафавидами со времени правления Селима I, когда в 1514 году они одержали победу при Чалдыране. Согласно условиям мирного договора, граница передвинулась дальше на восток и на север, чем это было раньше, и казалось, что вековое соперничество между Османской империей и державой Сафавидов подошло к концу.

Между тем Московия, которая однажды уже имела свой опорный пункт на Кавказе, стремительно продолжала свою экспансию: это как никогда прежде самонадеянное государство приступило к колонизации региона, настаивая на том, чтобы местные вожди, будь то христиане, как в случае с грузинами, или мусульмане, приносили клятву верности царю. Тем, кто отказывался, угрожали вводом войск. О крайней напряженности ситуации свидетельствует полное драматизма послание султану, отправленное правителем Дагестана в 1589 году:

...города, которые вы отобрали у Персии... не смогут сами себя защитить; а русские объединятся с персидским шахом и грузинским царем, а потом они пойдут отсюда на Стамбул, а

французский и испанский короли [пойдут] с другой стороны, и сами вы не переживете этого в Стамбуле, а будете захвачены в плен, и мусульмане станут христианами, а наша вера на этом закончится, если вы не вступитесь.

Похоже, что эта мольба так и осталась не услышанной, но угроза вторжения на Кавказ Московии, которой правил Иван IV, означала, что турки не могут относиться к этому региону с пренебрежением: как это было в самом начале века с юго-восточной Малой Азией, Кавказ оказался в сфере стратегических интересов трех граничивших с ним держав.

В условиях эйфории, вызванной успехами на восточной границе, лишь немногие в Османской империи были против возобновления конфликта с Габсбургами на сухопутных рубежах в Европе. Хотя формально, был в силе мирный договор, заключенный еще в 1568 году (и продленный в 1574 и 1583 годах), на отдельных участках протяженной хорватско-боснийской границы по-прежнему имели место ограниченные военные действия и стычки. Австрийские власти неоднократно выражали протесты по поводу набегов, которые совершали размещенные в этом регионе османские войска, и реорганизовали оборону границы, чтобы защитить своих подданных, но, будучи заинтересованными в сохранении мира, каждый год аккуратно платили дань или преподносили дары (в зависимости от того, как на это посмотреть), что было условием договора 1568 года. Это делалось для того, чтобы не дать туркам законного повода начать войну. За годы, прошедшие с момента их последнего столкновения, и австрийцы и турки пришли к пониманию того, что нет никакой надежды на то, что можно одержать решающую победу.

В 1591 году губернатор Боснии Хасан-паша взял несколько фортов на западном (хорватском) участке границы (эта, на первый взгляд, независимая акция, вероятно, была предпринята при поддержке Стамбула), а на реке Кульпа, возле Петриньи был построен новый турецкий форт. Габсбурги, которые прекрасно знали о запущенном состоянии обороны своих границ, сочли это враждебным актом, но попытались с помощью дипломатии избежать дальнейшего обострения ситуации. В 1593 году Хасан-паша, форсировав реку Кульпа, взял в осаду форт Сисак. Тот, кто владел Сисаком, держал под контролем проходившие по берегам Савы дороги, которые вели к Загребу и далее, в Австрию. Спешно собранные для оказания поддержки гарнизону форта, австрийские силы наголову разгромили на-

рушителей границы, многие из которых были убиты, в том числе и сам Хасан-паша.

Это было тем поводом начать полномасштабную военную кампанию, который уже давно пытался найти снова ставший великим визирем Коджа Синан-паша. В июле 1593 года он во главе армии выступил в поход на запад. Стремительность, с которой турки сумели отреагировать на неудачную осаду Сисака, свидетельствует о том, что военная машина Османской империи без промедления перестроилась после недавних войн с Ираном, подобно тому, как это было с османским флотом, быстро восполнившим потери, понесенные при Лепанто. Предстоящее масштабное наступление в Центральной Европе заставило отложить решение всех остальных проблем, включая военно-морскую кампанию против Испании, которую призывали начать протестантские державы и подготовка к которой в 1590—1591 годах уже велась. По всей вероятности, османское правительство без особых сожалений отказалось от этой, морской кампании, поскольку стратегические цели в западном Средиземноморье уже были достигнуты и уход империи из этого региона, символом которого стало заключенное в 1580 году перемирие с Испанией, впоследствии возобновился. Во всяком случае, и венецианскому послу и самому Коджа Синану было понятно, что по причине имевшего место в последние годы пренебрежительного отношения к флоту он не будет готов к очередной серии морских столкновений в удаленных от Османской империи районах Средиземного моря. Коджа Синан-паша считал, что, в отличие от военных действий на море, войну на суше можно начать гораздо быстрее: «Кампанию на суше можно начать, просто отдав команду: все садятся на лошадей и выступают в поход. Военно-морская экспедиция это совсем другое... какими бы ни были материальные вложения и усилия людей, ее можно начать только через семь или восемь месяцев». Таким образом, война в Центральной Европе, начатая в 1593 году со столь легкомысленной поспешностью, продолжалась вплоть до 1606 года. Ни одна из воюющих сторон не добилась сколько-нибудь заметного выигрыша, тогда как издержки обеих, как в финансовом исчислении, так и в смысле ущерба, нанесенного структуре государства, были огромными.

В конце XVI столетия методы ведения военных действий менялись, причем как на Востоке, так и на Западе. В прежние времена, и особенно в Иране, способность противника уклоняться от генерального сражения, рассредоточившись в сельской местности, часто не

позволяла османским войскам добиться решающей победы, но теперь кампании на этом фронте свидетельствовали о том, что нормой стал более статический стиль ведения боевых действий, включавший в себя длительные осады крепостей, которые нужно было взять, если надлежало захватить какую-либо территорию. После перемирия 1568 года на австрийско-османской границе сами австрийцы и их сторонники укрывались за линией опорных пунктов, предназначенных для защиты внутренних районов от вторжений противника. Такие же опорные пункты имелись и у их оппонентов на османской стороне границы. На центральном участке фронта с австрийской стороны стояли крепости Надъканижа, Дьер (Рааб), Комаром, Нове Замки (Нойхаузел) и Эгер. С османской стороны напротив них стояли Сигетвар, Секешфехервар (Штулвайсенберг), Буда и Эстергом, а вторая линия крепостей протянулась дугой от Белграда до Тимишоары.

Приобретения и потери Османской империи, империи Габсбургов, а также венгров за тринадцать лет этой войны ясно свидетельствуют о том, что она была изнурительной и безрезультатной. Первые два года закончились ничем. В самом начале 1595 года умер султан Мурад III и на трон без каких-либо помех взошел его двадцатидевятилетний сын. Мехмед III унаследовал государство, находившееся в полном расстройстве. Стало очевидно, что возникла крайняя необходимость в принятии новой стратегии, с помощью которой можно было бы поднять престиж и султана и империи. На совещании, проведенном великим визирем Коджа Синан-пашой, было решено, что новый, еще неопытный султан, должен встать во главе своей армии, что совершенно не соответствовало практике, принятой его недавними предшественниками на троне, поскольку с 1566 года, когда Сулейман возглавил свою армию в походе, который стал для него последним, ни один султан ничего подобного не делал. Коджа Синан умер в апреле 1596 года. В июне армия Османской империи выступила в поход, чтобы соединиться с войсками, которые удерживали линию пограничных крепостей. Целью был захват крепости Эгер, находившейся между Австрией и Трансильванией, которая вместе с Молдавией и Валахией пыталась найти защиту у Габсбургов. 25 октября, после того, как Эгер пал, усиленная татарскими подкреплениями османская армия столкнулась возле равнины Мезе-Керестеш с трансильванцами и основными соединениями австрийской армии. Последовало сражение, в ходе которого единственный раз за всю войну имело место тесное бое-

вое соприкосновение сторон. Из этого сражения турки вышли победителями. Сначала казалось, что они его проиграли, и только яростная атака на австрийские войска, уже занимавшиеся разграблением турецкого лагеря, спасла положение. Султан, которого не слишком привлекала роль главнокомандующего, предложил своему великому визирю Дамаду Ибрагим-паше занять этот пост, объяснив это тем, что ему самому надо возвращаться в Стамбул, причем великого визиря пришлось подгонять, чтобы он побыстрее занял пост главнокомандующего. Английский посол при османском дворе, сэр Эдвард Бартон, был взят Мехмедом в этот поход, чтобы сопровождать австрийского посла и обеспечить безопасную доставку самого посла и его свиты на австрийскую территорию. Вот как секретарь Бартона, Томас Гловер, описывал атмосферу, царившую после стычки, которая для османских войск закончилась весьма плачевно:

На этот раз я возвращаюсь в свет с мыслями о том, в каком страхе пребывал Великий Властелин, видя, как бежит вся его армия; хотя его и ободряли некоторые из его высших офицеров, добившихся того, что имперская армия двинулась на христиан; некоторые говорят, что он сам выпустил из своего лука три стрелы и сразил трех христиан.

В последующие годы обсуждалась возможность ведения мирных переговоров, но пограничные крепости продолжали переходить из рук в руки. Валахия вновь предпочла быть вассалом Османской империи. В 1600 году турки прорвали оборонительную линию Габсбургов на ее южном участке и захватили стратегически важную крепость Надьканижа. Над Веной вновь нависла угроза осады, и уже в следующем году Габсбурги попытались вернуть Надьканижу, но не смогли этого сделать. Пешт был взят турками, но потом, в лихолетье завершающего этапа войны, снова отошел к австрийцам, а Трансильвания вновь перешла на сторону Османской империи. В 1605 году, который стал последним годом той войны, Эстергом (взятый австрийцами в 1595 году) снова заняли османские войска. К этому времени все основные участники этой войны уже истощили свои ресурсы и страстно желали мира. В следующем году он был заключен, но на этот раз не в Стамбуле, а в пограничной деревне Зитваторок, что само по себе являлось уступкой султана, предшественники которого привыкли диктовать условия мира своим по-

бежденным врагам. Помимо множества других положений договор закреплял за каждой из сторон те территории, которые она в тот момент удерживала, что давало Османской империи весьма скудный выигрыш в виде всего двух новых крепостей, Эгера и Надьяканижи. Что касается императора Рудольфа, то он получал более долгосрочную выгоду, которая заключалась в том, что впредь с ним и с его преемниками султан должен был обращаться как с равными. «Дань», которую император платил султану, отменялась после выплаты разовой суммы в 200 000 флоринов.

Политика Габсбургов, направленная на борьбу с Реформацией, лишила их военной поддержки протестантских государств, которые были их протенциальными союзниками. Что касается Османской империи, то ей с 1603 года пришлось воевать на двух фронтах, поскольку шах Ирана Аббас пытался вернуть себе территории, потерянные по договору 1590 года. Кроме того, разнообразные внутренние проблемы, которые накапливались начиная с 80-х годов, теперь достигли критической точки. В 1599 году была предпринята первая из целой серии военных кампаний, направленных на подавление весьма опасных беспорядков в Малой Азии. Впрочем, и во многих других районах империи было неспокойно. В 1603 году умер султан Мехмед III, преемником которого стал его тринадцатилетний сын Ахмед. Казалось, что вступление на престол нового султана мало что изменит.

Последняя четверть XVI века оказалась трудным временем как для европейских государств, так и для Османской империи. Военные действия, в которых все они часто принимали участие, ложились тяжелым бременем на бюджет, и каждое государство искало свой способ облегчить чрезмерную финансовую нагрузку. Экономике Испании, Франции, Англии и Австрии подверглись перенапряжению и были серьезно подорваны. Ежегодные расходы превышали доходы, и чтобы справиться с кризисом, надо было найти новые способы пополнения ресурсов, что не могло не привести к росту общественной и политической напряженности. Османская империя не могла надеяться на то, что ей удастся этого избежать, но в ней события развивались по своему, отличному от других стран сценарию.

До сих пор малопонятны конкретные причины, которые в конце XVI века вызвали крах экономики Османской империи, и еще не выявлена точная последовательность причин и следствий. До

XVI века экономику империи и рост ее населения поддерживали доходы, поступавшие из недавно завоеванных провинций, но когда темпы завоеваний замедлились, стало меньше наличных денег, необходимых для того, чтобы смазать колеса этой крайне зависимой от денежной массы экономики. Зимой 1585/86 года, во время Иранской войны, османское правительство в попытке изыскать большее количество наличных денег обесценило серебряный аспер, почти наполовину уменьшив в нем содержание серебра. Когда достоинство монеты определяется количеством серебра (или золота), смешанного со сплавом, подобные меры приводят к крайней финансовой нестабильности.

Экономика Османской империи всегда была открыта для влияния извне. Уже в начале XVI века звонкие монеты, отчеканенные из добытого на американских рудниках золота и серебра, попадали на Восток в ходе коммерческих операций и вытесняли из обращения местные монеты с низким содержанием серебра. В результате обесценивания 1585–1586 годов серьезно пострадали те, кому платили фиксированную зарплату в асперах (например, служащие бюрократического аппарата и военные), поскольку теперь на свои деньги они могли купить только половину тех товаров, которые они покупали прежде. Столь резкое вздутие цен довело недовольство общества до такой степени, что власти уже не могли заставить людей получать жалованье в обесцененных монетах. Поскольку налоги оплачивали главным образом в асперах, доходы казны в реальном исчислении также сократились наполовину. Правительство попыталось сократить разрыв между государственными доходами и государственными расходами с помощью взимания новых налогов с крестьянского населения и расширения системы откупа налогов, при которой отдельное лицо или группа лиц заранее выплачивала государству сумму, эквивалентную сумме доходов от данного налогового участка, а потом сами собирали налоги (с небольшой надбавкой, которая служила им прибылью). Помимо этого, казна произвела заимствования у состоятельных представителей правящего класса. Эти внутренние заимствования представляли собой совершенно отличный от европейской практики подход к проблемам управления финансами. Вплоть до XIX столетия Османская империя не прибегала к иностранным займам*. Что касается Габс-

* Несмотря на то что ислам запрещал ростовщичество, османские кредиторы (по крайней мере на Балканах и в Анатолии) брали проценты

бургов, то здесь все было совсем иначе: быть может, война 1593–1606 годов закончилась бы по-другому, если бы не финансовая поддержка их католических союзников. В 1594 году входившие в состав Священной Римской империи германские княжества пожертвовали на войну с Османской империей больше, чем на все антитурецкие кампании Карла V вместе взятые.

К 1589 году неблагоприятные последствия обесценивания аспера привели к мятежу янычар, похожему на тот, который разразился в 40-е годы пятнадцатого столетия, во время первого царствования Мехмеда II, который тогда пытался манипулировать денежной массой. Янычары, которые заручились поддержкой шейхульислама, обвинили губернатора Румелии и директора казначейства в том, что они выплачивали им жалованье обесцененными монетами. Султан Мурад III пожертвовал этими чиновниками, отдав их мятежникам. Это был первый из множества эпизодов, когда напуганный султан оказался во власти соперничавших группировок, которые его окружали. Судя по всему, ни Селим II, ни Мурад III не разделяли зловещих предчувствий Сулеймана, связанных с приближением исламского тысячелетия. С другой стороны, интеллектуалы того времени рассматривали этот связанный с насилием эпизод как символ крушения сложившейся к тому времени системы власти. Дворцовая кавалерия возложила вину за продолжавшуюся в последние годы столетия финансовую нестабильность на фрейлину матери султана Мехмеда, Эсперанцу Молши, женщину, которая поддерживала связь валиде-султан с внешним миром. В 1600 году она была убита одним из дворцовых кавалеристов. Многие ведущие политики XVII столетия стали козлами отпущения, на которых свалили вину за продолжавшийся в самом сердце государства кризис, и ни один султан не мог позволить себе поспорить с военными. Еще более затрудняло положение дел то, что два главных элитных подразделения султана, янычарская пехота и дворцовая кавалерия, чаще всего оказывали поддержку соперничавшим друг с другом группировкам. В 1582 году расточительные празднования в честь обрезания

с займов. Чтобы скрыть это, они использовали различные ухищрения. В конце девятнадцатого столетия, когда империя сильно задолжала европейским державам, она обратилась к правителям этих держав с просьбой о кредитах, и в силу сложившихся обстоятельств османское правительство отказалось от всех претензий на соблюдение этого канонического запрета.

будущего султана Мехмеда III закончились кровопролитным столкновением этих двух групп, в результате которого несколько человек погибло, а потом они еще долго не выпускали принца Мехмеда с Ипподрома.

Финансовые затруднения и социальная напряженность, которые были вызваны обесцениванием денег, по времени совпали с тем моментом, когда затраты на войну достигли беспрецедентного уровня, так как методы ведения боевых действий изменились. В эпоху, когда военные действия преимущественно носили оборонительный характер, а основным методом ведения войн стала осада, малоэффективными оказались сформированные в провинциях кавалерийские части, которые финансировались за счет налогов, выплачиваемых производителями сельскохозяйственной продукции взамен обязательства принимать участие в боевых действиях. По мере того как империя расширяла свои границы, кавалеристы из провинций все больше теряли свой боевой дух: не успели они восстановить свои силы после изнурительной войны с Ираном 1578—1590 годов, как их снова задействовали, сначала для участия в боевых действиях на границе с Австрией, а потом снова на иранском фронте. В 1597 году Мустафа-эфенди из Солоник писал, что они уже двадцать лет не видели мирной жизни. В новых условиях ведения войны пехота (которая в османской армии преимущественно состояла из вооруженных мушкетами янычар) оказалась более полезной, чем кавалерия, и поэтому ее численность увеличивалась. Если в 1527 году она насчитывала почти 8000 человек, то к 1574 году (когда умер султан Селим II) ее численность возросла до 13 500 человек, а к 1609 году составляла почти 40 000. Как и другим государственным служащим, получавшим твердые оклады (численность которых также неуклонно возрастала), им приходилось платить наличными и, чтобы не доводить дело до беды, платить надо было своевременно.

Правительство оказалось в затруднительном положении. Стремительный рост численности получавших жалование войск не мог продолжаться до бесконечности, и правительство стало искать другие источники живой силы. Решением, которое оказалось привлекательным по причине своей дешевизны, стал призыв в армию крестьян (главными требованиями к призывникам были: мусульманское вероисповедание и умение обращаться с мушкетом), продолжительность службы которых зависела от продолжительности войны, после окончания которой их должны были демобилизовать. Это нововведение публично опровергло домыслы, согласно которым крестья-

не лишены права служить в боевых частях армии и что они используются только для решения различных вспомогательных задач в районах расположения элитных боевых частей султана и провинциальной кавалерии. Однако вскоре стало ясно, что даже если до призыва эти крестьяне и не были смутьянами, то уже были недовольны чрезмерными налогами и своей неспособностью сводить концы с концами, а после демобилизации они становились главными подрывными элементами. Они сохраняли свое оружие и не возвращались к прежнему роду занятий. Преданность этих людей мог купить любой, кто мог им за нее заплатить, будь то главарь бандитской шайки или честолюбивый государственный чиновник. В эпоху, когда средства коммуникаций находились в зачаточном состоянии, местные связи, как правило, оказывались более прочными, чем преданность центральному правительству и его чиновникам в далеком Стамбуле, а те тяготы, которые испытывали местные жители, удовлетворяя требования центрального правительства по уплате налогов и призыву в армию, едва ли вызывали у них большую радость, чем затруднения, связанные с так называемыми бунтовщиками, бок о бок с которыми они жили. Призыв в армию крестьян главным образом производился в Малой Азии, и именно Анатолия испытала на себе самые ужасные последствия этого призыва, которыми стали бандитизм и открытый бунт. Обнаружив, что провинциальная кавалерия не соответствует новым методам ведения войны, и, как всегда, пытаясь изыскать недостающие денежные средства, правительство приказало многим кавалерийским подразделениям вместо участия в боевых действиях платить налог. Это стало причиной того, что и они приняли участие в беспорядках.

На протяжении первых столетий своего существования Османское государство множество раз могло лишиться своей власти, угрозу которой представляли и сопротивление малоазиатских княжеств территориальному контролю империи, и борьба османских принцев за престолонаследие, и мятежи сторонников секты кызылбашей, направленные против официально принятого ортодоксального суннизма, и слишком откровенные оценки священнослужителей и проповедников, и мятежи расквартированных в Стамбуле элитных воинских частей, добивавшихся смены монарха. Первые годы второго тысячелетия по исламскому календарю были отмечены глубоким кризисом, поскольку недовольство османской властью наблюдалось во всех уголках империи.

В то самое время, когда османская армия сражалась и на востоке и на западе, члены курдского рода Канбулад, являвшиеся потомственными правителями северной Сирии, воспользовались случаем заявить о своей независимости. Чтобы объявить о своем суверенитете, Канбуладоглы Али-паша, который в 1606 году был назначен османским губернатором Алеппо, добился того, что на пятничной молитве стали упоминать его имя. Помимо этого, он, вероятно, стал чеканить и собственную монету. Канбуладоглы Али пользовался поддержкой антиправительственных мятежников в Малой Азии и, кроме того, ему оказывал содействие герцог Тосканский, Фердинанд I, оценивший коммерческое значение Алеппо как перевалочного пункта для иранского шелка и других товаров, которые пользовались спросом на европейских рынках, и надеявшийся вместе с Канбуладоглы Али извлечь пользу из удачно сложившихся обстоятельств. В 1607 году против Канбуладоглы Али была направлена большая армия во главе с великим визирем Куйюку («Копатель колодцев») Мурад-пашой. Пренебрегая протестами Канбуладоглы Али, заявлявшего о том, что он является верным слугой султана, Куйюку Мурад продолжал двигаться на юг, чтобы встретиться с мятежным губернатором в решающей битве. Канбуладоглы Али сумел спасти себе жизнь и впоследствии получил помилование и был назначен губернатором отдаленной венгерской провинции Темешвар. И все-таки Куйюку Мурад-паша сумел совершить свою месть. В 1610 году он казнил Канбуладоглы Али в Белграде.

Бывший союзник Канбуладоглы Али, вождь друзей Факр аль-Дин Маан контролировал большую часть района, включавшего в себя территории современного Ливана и северного Израиля, и был столь же честолюбив. В 1608 году Факр аль-Дин заключил договор с герцогом Тосканским, а в 1611 году преемник Куйюку Мурада на посту великого визиря, Насух-паша, собрал армию, чтобы сдержать его растущую мощь. В 1613 году Факр аль-Дин бежал в Тоскану, но через пять лет вернулся. К этому времени его брат Юунус уже достиг договоренности со своими османскими хозяевами. Вплоть до своей казни в 1635 году Факр аль-Дин с пренебрежением относился к центральному правительству в Стамбуле и расширял подконтрольные ему территории.

Центральному правительству Османской империи пришлось иметь дело и со многими менее крупными мятежами, направленными на подрыв его власти. Часто местом волнений становился Египет: после того, как в 1589 году вспыхнул бунт недовольных губерна-

тором Кара Ювейс-пашой, в 1598 году было совершено нападение на тогдашнего губернатора Египта, Шерифа Мехмед-пашу; в 1601 году войска ворвались в зал заседаний губернаторского совета и убили нескольких чиновников. В 1604 году был убит Хаки Ибрагим-паша, ставший первым губернатором Египта, закончившим свои дни таким образом. Стамбулу пришлось направить в провинцию третьего визиря, Хадима («Евнуха») Мехмед-пашу, который и положил конец имевшим место в те годы волнениям военных. За это он получил прозвище «Молот, сокрушивший войска». В европейских провинциях голод стал поводом для убийства губернатора Буда, совершенного в 1590 году, а в Северной Африке мятежами были охвачены Триполи и Тунис: если бы в 1592 году египетские войска не были направлены в Триполи, чтобы восстановить там порядок, Османская империя лишилась бы этой провинции, а губернатор Туниса был убит толпой, собравшейся вокруг человека, обьявившего себя Махди.

Но все эти события, хотя и вызывали тревогу у центральной власти в момент, когда финансовые и людские ресурсы оказались до предела распылены, не шли ни в какое сравнение с теми мятежами, которые в те годы сотрясали Малую Азию. Известные как мятежи джелали, они были так названы по имени шейха Джелала, который, как мы уже видели, в начале XVI века возглавил один мятеж. В официальных документах есть яркие описания одного из набегов мятежников джелали:

...несколько сотен всадников и мушкетеров в том числе [перечислены двадцать четыре имени] как бандиты вторглись в провинцию, отняли добро у бедняков, сожгли их дома, убили более 200 мужчин, увезли с собой мальчиков и девушек-девственниц, украли более 50 000 овец, коз, лошадей и здоровых верблюдов и забрали запасы ячменя, пшеницы, масла, меда и других ценных продуктов: тогда они захватили более 300 мужчин и пытали их днем и ночью.

В XVI веке государство Сафавидов утратило тот древний воинственный пыл, которым оно отличалось в годы правления шаха Исмаила. При шахе Аббасе с Османской империей было достигнуто временное соглашение. Когда религиозное соперничество с Сафавидами пошло на убыль, те, кто был недоволен жизнью в охваченном кризисом Османском государстве, стали бунтовать против вла-

стей, выдвигая совсем иные требования и не обременяя себя религиозной риторикой. Хотя термин джелали первоначально употреблялся применительно к движению протеста, инспирированному религиозными взглядами, в XVI веке османские чиновники стали применять его для обозначения самого широкого круга бунтовщиков, называя так даже тех недовольных, у кого не было никакой религиозной мотивации. По мнению одного современного историка, «похоже, что характерной особенностью высказываний смутьянов как до, так и во время мятежей джелали был не призыв к высшим ценностям общества, а скорее дерзкое и циничное презрение к ним», а сегодня ученые пытаются рассматривать мятежи джелали, имевшие место на рубеже XVI—XVII столетий, как нерелигиозные восстания недовольных, принадлежавших ко многим слоям населения: бандитов, учащихся духовных училищ, губернаторов провинций, демобилизованных солдат, дезертиров, безземельных крестьян. Но если это так, то в отличие от многих более ранних оппозиционных движений Малой Азии целью мятежей джелали не были изменения в сфере религии. Но тот факт, что в балканских провинциях империи не было подобных восстаний, свидетельствует по меньшей мере о том, что мятежи джелали представляли собой нечто большее, чем просто вооруженные восстания, никак не связанные с историей более ранней религиозной и политической оппозиции в Малой Азии.

Проблемы, связанные с религией, разумеется, никуда не исчезли: отдельных людей по-прежнему обвиняли в ереси, а сочувствие к секте кызылбашей предполагало, что обвиняемый является шиитом и обязан хранить верность шаху, а не султану. В 1578 году, перед тем как разразилась война с Ираном, губернатор провинции Багдад (где было много сочувствующих Сафавидам) сообщил о том, что в провинции «не счесть еретиков и язычников», что вызвало волну преследований членов секты кызылбашей. Правительство опасалось активности «пятой колонны» в регионе с преимущественно шиитским населением. В том же 1578 году имело место единственное во второй половине XVI века серьезное восстание кызылбашей, когда среди туркменов юго-восточной Малой Азии появился человек, объявивший себя шахом Исмаилом.

Среди первых мятежников «новой волны», привлечших внимание османских властей, был некий Кара-Языджи («Черный писец») Абдулхалим, который попеременно использовался и в государственных силовых структурах, и в свите помощника губернатора одной

из провинций. Лишившись работы, когда его хозяина сместили с должности, он вступил в шайку бывших ополченцев и вскоре стал их главарем, а его имя упоминалось в связи с целой серией опасных беспорядков, которые имели место в различных частях Малой Азии как раз в тот момент, когда большинство военных находилось на войне в Венгрии. Эти беспорядки заставили многих людей (и христиан и мусульман) бежать в Стамбул. Кара-Языджи давал распоряжения и делал назначения так, словно он был султаном. Одного из своих сторонников он назначил своим великим визирем и так организовал свои вооруженные силы, словно они были войсками Османского государства. Как и другие вожаки, пытавшиеся улучшить свое положение в обществе, он объявил себя потомком шахов и утверждал, что пророк Мухаммед явился ему во сне и даровал ему право повелевать. Губернатор провинции Караман, которому в 1599 году было приказано подавить мятеж Кара-Языджи, вместо этого присоединился к мятежникам. После этого из Стамбула была направлена армия под командованием Синанпашазаде Мехмед-паши, который был сыном покойного великого визиря, грозного Коджи Синан-паши. Мятежники нашли прибежище в городе Урфа (Эдесса), на юго-востоке Малой Азии. После почти двухмесячной осады Урфы Синанпашазаде Мехмед ее снял, договорившись с Кара-Языджи о выдаче его неудачливого союзника, губернатора Карамана, который был доставлен в Стамбул, где его ожидал мучительный конец. Весной 1600 года Синанпашазаде Мехмед, преследуя Кара-Языджи по всей Малой Азии, подошел к городу Амасья. Похоже, от этого мятежника откупились, назначив его губернатором административного района, входившего в состав провинции, носившей имя этого города.

Вскоре Кара-Языджи был переведен на новый пост, в Чорум, а в 1601 году армия под командованием сына Соколлу Мехмеда-паши, Соколлузаде Хасан-паши, разбила армию Кара-Языджи в битве при Элбистане, расположенном юго-восточнее Кайсери, что серьезно подорвало моральный дух мятежников-келали. Вскоре после этого Кара-Языджи умер и руководство мятежниками перешло к его брату, Дели («Безумному») Хасану. Весной 1602 года армия джелали напала на города северной части центральной Малой Азии и осадила Токат, в котором находился Соколлузаде Хасан. Из своей резиденции в Алеппо венецианский консул в Сирии Винченцо Дандоло докладывал, что Соколлузаде Хасан лишился пяти миллионов золотых монет, обоза и гарема — все это досталось мятежникам джелали. По-

мимо этого, он лишился и собственной жизни. Дели Хасан и его люди продолжили наступление и взяли в осаду Анкару и другие города, но именно восточные провинции более всего пострадали от разграблений, которые устраивали мятежники. Тем не менее их поддерживали османские подданные всех классов, как, например, брат крымского хана, который надеялся на то, что джелали помогут ему завоевать ханство и самому стать его правителем. Предприняв очередную попытку решить проблему с помощью подкупа, правительство возвело Дели Хасана в ранг паши и назначило его губернатором далекой Боснии.

Политика встраивания бунтовщиков в структуру правящего класса империи, посредством назначения их губернаторами провинций и военачальниками, была несовершенным средством нейтрализации их энергии, о чем правительство могло бы вспомнить, обратившись к истории XIV столетия. Судя по всему, правящие круги империи забыли о том, как лишенному своих владений принцу Айдына, Джунейду, был пожалован титул губернатора Никополя-на-Дунае и как потом он вел активную подрывную деятельность во время гражданской войны, разразившейся по вине сыновей Баязида I. Вопреки ожиданиям правительства, Дели Хасан также не стал верным слугой государства: после двух лет войны с Габсбургами его заподозрили в изменнических связях с австрийцами и казнили. У находившегося в то время на венгерском фронте историка Ибрагима из Печа поведение войск Дели Хасана не вызывало ничего, кроме критики, в особенности это касалось их неповиновения приказам. Когда в ходе боев, имевших место в последние годы Венгерских войн, его войска получали распоряжение оказать помощь в строительстве земляных укреплений, они в резкой форме возражали: «Мы годами воевали в Малой Азии и нигде не копали ровов и не возводили палисадов, не намерены мы этого делать и теперь»*.

Удаление Дели Хасана из Анатолии ничего не изменило. Османское правительство оказалось не в состоянии решить проблему с мятежниками джелали, потому что у него не хватило решимости привлечь необходимое количество войск к подавлению беспорядков: для того, чтобы вести войну с могучими противниками на двух удаленных друг от друга фронтах, государству требовались все стра-

* Палисад — преграда из вплотную вкопанных в землю и крепко связанных кольев, которая устанавливалась как оборонительный щит или ограждение.

тегические ресурсы, которыми оно могло распоряжаться. Отсутствие безопасности срывало доставку товаров по торговым маршрутам, а прохождение армий настолько разрушало сельскохозяйственные угодья, что землевладельцы уже не могли платить налоги, без которых кавалеристы из провинций не могли снарядить ни себя, ни свою свиту, для участия в военных действиях. Опустошения, которым мятежники джелали подвергли Малую Азию, привели к тому, что многие тысячи людей покинули свои земли, и впоследствии этот исход назвали «Великим бегством». Богатые отправились в Стамбул, менее зажиточные переселились в обнесенные стенами, относительно безопасные города Анатолии. Деревни и сельскохозяйственные угодья оказались совсем заброшенными, так как с 1603 года значительная часть Малой Азии страдала от засухи, а зимы были необычайно суровыми. Цены резко повысились.

Враждебная Османскому государству военная активность наблюдалась и в других регионах. Казаки степей северного Причерноморья могли на месяцы связать регулярную армию. Как и мятежники джелали, они занимались разбоем (сначала на ограниченной местности), который потом приобрел угрожающие размеры. Первые сведения о казаках появились в XIV веке, когда о них сообщали как о скитающихся разбойниках или искателях приключений, заполнивших «вакуум» степи, где власть центрального правительства была слабой. Они могли вести образ жизни, противоречивший нормам поведения, которым следовало оседлое население. Они занимались охотой и рыболовством, а также нападали на купцов, торговые караваны которых курсировали между побережьем Черного моря и городами Северной Европы. Периодически они объединялись для ведения в степи совместных действий с крымскими татарами против Речи Посполитой и Московии.

После того как во второй половине XV века на северных берегах Черного моря появились турки и между их гигантской империей и крымскими татарами установилось нечто подобное симбиозу, политическая обстановка в степи изменилась, и польские, а также украинские дворяне пограничных земель (слово «украина» значит «окраина»), которые и сами не слишком подчинялись центральной власти, стали вербовать казачьих воинов для защиты своих поместий от набегов татар. Вскоре после 1538 года, когда султан Сулейман провел успешную военную кампанию против своего непокорного вассала Молдавии, он объявил новой провинцией империи учас-

ток северного побережье Черного моря, протянувшийся от Днестра до Буга. Последующие нападения казаков на опорные пункты, а также на пастухов и странников, вызвали обеспокоенность османского правительства, поскольку казаки захватывали тысячи пленников, а также домашний скот, оружие и самое разнообразное личное имущество в регионе, который согласно указанию султана должен был стать безопасным.

В 50-е и в начале 60-х годов XVI века во главе казаков стоял украинский князь Дмитрий Вишневецкий. Он объединил их против татар и следил за строительством крепости на одном из островов, расположенных ниже днепровских порогов (приблизительно в 375 километрах вверх по течению от устья реки), которая стала их главной базой в этом регионе. Создание этого административного центра стало первым шагом на пути формирования особого, казачьего образа. Вишневецкий предложил свои услуги Московии и напал как на Молдавию, так и на новую османскую провинцию. В 1556 году он атаковал Канкерман — главный опорный пункт новой провинции. Но причинив значительный ущерб городу и его окрестностям, он отступил, а в 1563 году был взят в плен и казнен в Стамбуле. Турки считали, что эти набеги нарушают состояние мира, в котором формально пребывали Польско-Литовское государство и Османская империя: еще до того как в 1569 году была создана Речь Посполитая и отношения польского монарха с казаками, которых он хотел использовать для защиты своего государства, только начинали приобретать упорядоченный вид, султан уже направлял ему, формально являвшемуся владыкой казаков, претензии по поводу их вторжений в зоны, которые турки считали входящими в сферу своего влияния.

Постепенно казаки расширили масштабы своих опустошительных набегов и уже не ограничивали их только степью. Начиная с последней четверти XVI века, почти полная безопасность османского *mare nostrum*, каким являлось Черное море и его берега, стали грубо нарушать днепровские казаки, которые выходили в море на своих чрезвычайно маневренных длинных лодках, атаковали поселения, находившиеся на побережье Румелии и даже подходили к Босфору. В 1614 году они появились у северного побережья Анатолии. Совершив набег на порт Синоп, они, судя по всем источникам, причинили ему огромный ущерб. По словам интеллектуала того времени, Катиба Челеби:

Они, с помощью указаний изменников, бежавших из исламской земли, подошли к крепости Синоп на побережье Малой Азии и, неожиданно проникнув в эту старинную цитадель, нанесли ей большой ущерб... они взяли [с собой] товары и семьи, которые они ограбили, и ушли в море.

Турки мало что могли противопоставить этому невидимому и стремительному врагу.

В 1603 году после смерти своего отца, Мехмеда III, на престол вступил султан Ахмед I. Спустя два года Насух-паша, отвечавший за действия правительства по подавлению мятежников джелали, убедил его в том, что только присутствие султана во главе имперской армии заставит мятежников отказаться от борьбы. Он аргументировал это тем, что в 1596 году его отец был на поле битвы при Мезе-Керестеше, в Венгрии, и тогда турки одержали победу. Но присутствие Ахмеда в армии оказалось совсем недолгим. Когда в ноябре 1605 года султан вместе с армией подошел к Бурсе, он заболел, выпив воды, стекавшей с горы Улудаг. Вот что об этом написал английский посол Генри Лелло:

...сам император оказался в той обстановке, к которой он не привык и выпил той воды, которая стекала с заснеженных холмов и повредила ему желудок так, что он заболел и пожелал снова оказаться дома, потому что не было никаких сил идти вперед.

Один венецианец также сообщал о впечатлительности юного султана:

В своем саду Ахмед чувствовал себя более счастливым, нежели в Анатолии, где рыскали волки, где изголодавшиеся люди ели траву и зловонные трупы падших лошадей и верблюдов и просили милостыню у проезжавших всадников.

Неприятные впечатления склоняли султана скорее к примирению, чем к противостоянию, и он позволил некоторым из самых известных главарей джелали и их сторонникам, которые в то время стояли лагерем возле Бурсы, получить звания османской армии. Но когда спустя год война в Венгрии завершилась, османское правительство наконец смогло переключить внимание с западных рубе-

жей империи и сосредоточить все свои силы на решении восточных проблем: подавлении мятежей в Малой Азии и продолжению войны в Иране.

Еще одним заметным главарем мятежников джелали был человек по имени Календероглы Мехмед, который возглавил свой первый крупный мятеж в 1605 году в западной Малой Азии. В 1607 году, когда великий визирь Куйюку Мурад-паша совершал переход через всю Анатолию, чтобы подавить мятеж Канбуладоглы Али-паши в Сирии, он предлагал Календероглы должность губернатора административного района, входившего в провинцию Анкара. Календероглы принял это предложение, но жители города Анкара хлопнули перед ним ворота своего города. Разочарованный безуспешной двухнедельной осадой, он двинулся на запад, чтобы снова напасть на Бурсу: город пал, но продолжала держаться его внутренняя цитадель. Несмотря на известие о том, что Куйюку Мурад одержал победу над Канбуладоглы Али, паника в Стамбуле не прекратилась, потому что жители города были уверены в том, что в него войдет Календероглы. Пристально следивший за этими событиями армянский священник Григор из Кемаха писал о том, как боялись в Стамбуле того, что мятежники сумеют незаметно войти в город. Султан приказал брать под стражу всех лиц подозрительного вида, если никто не пожелает за них поручиться. Где только возможно, пытались найти людские ресурсы, необходимые для оказания сопротивления мятежникам, в том числе и среди жителей Стамбула, о чем сообщал тогдашний французский посол Салиньяк. Но, по его мнению, они «умерли бы от страха еще до начала схватки».

Остановившись на некоторое время в районе, расположенном западнее Бурсы, Календероглы и его люди затем двинулись на юг, в западную часть центральной Малой Азии, а летом 1608 года повернули на восток, чтобы там продолжить свои разбои. Возвращаясь из Алеппо, после победы над Канбуладоглы Али, Куйюку Мурад-паша надеялся разгромить мятежников, находившихся в центральной малой Азии, между его возвращавшейся с юго-востока армией и армией, которая была выслана ему навстречу из Стамбула, после того, как закончились провалом новые попытки подкупить главарей мятежников джелали, пообещав им назначения на государственные должности. Несмотря на традиционные проблемы снабжения, опыт и мастерство Куйюку Мурада как военачальника и его способность поддерживать верноподданнические чувства в своих подчиненных в конечном счете позволили ему 5 августа 1608 года раз-

бить силы Календероглы в сражении у перевала в самом центре горного массива Тавр, расположенного к северо-востоку от Аданы.

Преследуемые правительственными силами, войска Календероглы бежали на северо-восток. Возле Шебинкарахисара, расположенного северо-восточнее Сиваса, появилась возможность полностью уничтожить мятежников, но им удалось уйти и в следующий раз они столкнулись со своими преследователями восточнее Байбурта, где и состоялось очередное сражение. Поздней осенью 1608 года остатки армии Календероглы численностью приблизительно 10 000 «мушкетеров и полностью вооруженной кавалерии», а также их слуги и конюхи проникли на территорию Ирана, где оказались в безопасности. Все опасения, которые первоначально вызвали у принимающей стороны эти сорвиголовы, оказались безосновательными. Искандер Монши, который был одним из главных секретарей двора Сафавидов, стал свидетелем того, как их принимал посланник шаха, и был очевидцем того, как пятьсот человек из этой группы прибыли в столицу Сафавидов Исфахан. По его словам, повсюду, где они появлялись, в их честь устраивали пиры и торжества. Все это делалось с целью унижить османского султана.

Иран и Османское государство все еще находились в состоянии войны, но весной 1609 года был поставлен вопрос о заключении мира, хотя присутствие Календероглы и других мятежников джелали в Иране, разумеется, омрачало отношения между султаном и шахом. В 1609 году исполненный решимости уничтожить еще оставшихся в Анатолии мятежников Куйюку Мурад-паша вместо нанесения мощного удара по Ирану приступил к полному истреблению бунтовщиков. Последние главаря еще находившихся в Малой Азии мятежников джелали были убиты вместе со своими сторонниками. В мае 1610 года умер Календероглы, а те из его людей, которые последовали за ним в Иран, вернулись в Анатолию под защиту Насух-паши, ставшего новым губернатором Диарбакыра. Насух-паша сформировал из этих опытных бойцов элитную бригаду мушкетеров.

Так, Куйюку Мурад-паша добился победы, которая долгие годы ускользала от империи и, вернувшись в Стамбул, был встречен как герой. Многим беженцам, покинувшим сельскую местность и перебравшимся в столицу, а также тем, кто бежал еще дальше, во Фракию, были предоставлены три месяца на то, чтобы вернуться домой. Чтобы успокоить своих подданных-христиан, султан распорядился отремонтировать разрушенные мятежниками церкви и

монастыри, а налогообложение было приостановлено на три года. Григор из Кемаха, который был одним из тех, кого затронуло это распоряжение, описывает опасное возвращение перемещенных в свои дома, в северной части центральной Малой Азии, где их ожидало весьма неопределенное будущее:

...мы вышли на дорогу, как стадо овец без пастуха... Нас было более 7000 человек (армян и турок), и по пути мы не смогли найти достаточно еды и корма для скота... Мы добрались до Тосьи без происшествий, но там нам пришлось ночевать под открытым небом по причине опасений, вызванных деятельностью джелали. [Один из главарей джелали] со множеством солдат стоял лагерем на равнине Хаки-Хамза, и все ворота города и цитадели были закрыты. Позднее все мы разом двинулись в путь: женщины, дети и немощные люди пошли по верхней дороге, а остальные, вооруженные луками и стрелами, двинулись по главной дороге. Мятежники джелали испугались, когда увидели, как нас много, и попрятались в своих шатрах. Некоторые стояли у входов в шатры и приветствовали нас. Так мы продолжили свой путь и без происшествий добрались до Мерзифона, а потом и до Никсара.

Возобновленная в 1603 году война с Ираном оказала опустошительное воздействие на государство, ресурсы которого истощились до минимума. Более всего туркам не хватало живой силы, необходимой для обороны своих недавно завоеванных на востоке территорий. Шах Аббас сумел использовать в своих целях перенапряжение, которое испытывало Османское государство, и начиная с 1590 года он приступил к преобразованиям в своей армии, сформировав элитный корпус, состоявший из людей, подчинявшихся только ему самому. По сути, это была каста военных рабов, аналогичная той, которая была в Османской империи. Шах поставил себе целью уменьшить свою зависимость от такого изменчивого фактора, как преданность призванных из различных племен новобранцев, которые за столетие до этого способствовали усилению династии Сафавидов, но также были главными виновниками тех беспорядков, которыми сопровождалось вступление на престол самого шаха Аббаса. Подобно тому как в мирные годы своего правления это делал его предшественник шах Исмаил, Аббас предпринимал энергичные, но безуспешные попытки получить диплома-

тическую и финансовую поддержку Запада. Ряд пограничных инцидентов спровоцировал возобновление военных действий, и в сентябре 1603 года шах Аббас, который встал во главе своей армии, за двенадцать дней совершил переход из Исфахана в Тебриз. Он обнаружил, что из города ушел его османский гарнизон. Вернув Тебриз, иранские армии отвоевали Нахичевань и после шестимесячной осады взяли Ереван.

Несмотря на тяжелое положение, сложившееся в то время на западных границах империи, османское правительство понимало, что невозможно оказывать сопротивление шаху Аббасу только с помощью вооруженных сил своих восточных провинций, и в 1604 году визирь Кигалазаде Синан-паша был назначен командующим армией, которая была отправлена на восток. Он обнаружил, что пограничная зона обезлюдела и лишена каких-либо запасов продовольствия, что было результатом той самой тактики выжженной земли, которая в прошлом затрудняла продвижение османских войск. Следуя примеру своих предков, шах Аббас на один шаг опережал своих преследователей. Кигалазаде Синан и его войска, на зиму остановившиеся в Диярбакыре и Ване, подверглись нападению Сафавидов и были вынуждены отсупить в Эрзурум. В мае 1605 года две армии сошлись возле Тебриза. В несвойственной ей манере, османская армия покинула поле битвы, оставив большую часть своего снаряжения и запасов продовольствия.

Когда в последние годы империя сосредоточила внимание на решении внутренних проблем в Малой Азии, Сафавиды изгоняли османские гарнизоны из опорных пунктов, которые еще оставались у нее на Кавказе и в Азербайджане. Военные действия фактически закончились, а турки так и не сумели организовать хоть какую-то оборону. В 1610 году великий визирь Куйюку Мурад-паша выступил в поход против шаха Аббаса, но не смог вовлечь его в сражение, а в августе 1611 года скончался в Диярбакыре. В следующем году было заключено перемирие, по условиям которого граница между двумя государствами должна была снова проходить там, где она проходила после того, как в 1555 году был заключен мир в Амасье. Турки теряли все территории, приобретенные в ходе войн 1578–1590 годов.

Однако прежде, чем договор был ратифицирован, два грузинских князя попросили у султана защиты, что спровоцировало шаха Аббаса нанести удар, который турки истолковали как нарушение перемирия. Более того, шах взял под стражу османского посланни-

ка при своем дворе. В 1614 году был казнен Насух-паша, который являлся сторонником мира с Ираном, и вместо него на должность великого визиря назначили более агрессивного Ёкюз («Бык») Мехмед-пашу, который был обручен с дочерью султана Ахмеда. Его назначение ознаменовало наступление перемен в политике. В августе 1616 года он во главе большой армии подошел к стенам крепости Ереван. Впрочем, предпринятая им осада закончилась неудачей, и его сместили с должности. После постоянных стычек с противником, османские силы 10 сентября 1618 года попали в засаду возле Тебриза и, по словам одного из осведомителей секретаря шаха Аббаса Искандера Монши, потеряли пятнадцать тысяч бойцов. Война закончилась (по крайней мере, на время) и мир, заключения которого долгие годы добивался Насух-паша, наконец стал реальностью.

Для Османской империи эти годы (как и последующие) несомненно были «временем потрясений». Работы литераторов той эпохи отражают их беспокойство, вызванное теми проявлениями кризиса, которые они наблюдали и которые, похоже, не поддавались решению. В своих работах они предсказывали неминуемое крушение всего, что было создано за минувшие три столетия. Мустафа Али из Гелиболу был одним из тех, кто представил свой анализ перемен, которые произошли в политике Османской империи на рубеже исламского тысячелетия. Назвав четыре главных исламских государства, которые тогда существовали (региональные империи Осман, Сафавидов, Моголов и Узбеков, каждая из которых начала формироваться во время монгольских нашествий XIII века, а их общими предками были тюркские степные кочевники), он отметил, что в отличие от моголов, претендовавших на то, что они ведут происхождение от Тимуридов и узбеков, считавших себя потомками Чингиз-хана, османы не могли претендовать на то, что в основе их правомочности лежит высокое происхождение или религиозная идеология, которая восходит к Пророку, как это утверждали Сафавиды. На самом деле, продолжал он, в основе их первых претензий на легитимность своего государства лежали совершенно неуместные убеждения, что их предками были члены жившего в Центральной Азии рода Огуз, или что они являются преемниками Сельджуков, или что они единственные истинные воины ислама. По его мнению, бесспорную правомочность османскому государству прежде всего придавали более чем явные признаки династического порядка, приверженного идее всеобщей справедливости,

которая осуществляется посредством сильной центральной власти. Однако эта идея была опорочена в годы правления Селима II или даже еще раньше, когда Сулейман позволил своим фаворитам вмешиваться в государственные дела.

Помимо пессимистических оценок, исламское тысячелетие породило острую тоску по идеальному государству, которое, согласно представлениям османских интеллектуалов, существовало в прошлом: попытка султана Сулеймана создать иллюзию справедливого государства провалилась по причине успехов этого государства. Завоевывать новые территории стало сложнее, и султан отстранился от активного участия в государственных делах: порочная практика борьбы за свою долю наград и почестей, получаемых теми, кто был у власти, должно быть, стала глубоким потрясением для людей, получивших воспитание при старом порядке. Впрочем, Османская империя не являлась исключением: правление фаворитов стало объектом критики как в Испании, после смерти Филипа II в 1598 году, так и во Франции, после кончины Генриха IV в 1610 году. Упрекая Филипа III, ставшего преемником своего отца, Филипа II, один автор того времени указывал в своем трактате, что настоящему королю «не следует довольствоваться лишь тем, что он получил верховную власть... а потом просто спать и развлекаться. Ему следует быть первым в правительстве, в совете и во всех государственных ведомствах».

Становилось все труднее поддерживать образ султана-воителя, который держит в руках бразды правления постоянно расширяющей свои границы империи. Мехмед III стал последним султаном, который, будучи принцем, выполнял обязанности губернатора провинции, что было его подготовкой к управлению империей. Театры военных действий, в которых теперь принимали участие османские войска, находились так далеко от Стамбула, что лично возглавивший свою армию султан мог месяцами, если не годами, отсутствовать в столице. Когда вместо стремительных сражений на открытой местности типичным методом ведения войны стали длительные осады, победы оказались еще менее предсказуемыми, чем прежде, а в случае поражения от удара по престижу династии стало проще уклониться, поскольку всю вину можно было возложить на вполне заменимого государственного чиновника, а не на султана. В то же самое время некоторые великие визири стремились уклониться от назначения на вызывающий зависть пост командующего, находясь на котором приходилось держать ответ за поражение.

В равной степени они опасались того, что, находясь на войне, они лишатся своей основной должности. Впоследствии командование имперской армией во время войны постепенно перешло к визирям менее высокого ранга и к военачальникам, которых назначали командующими армией на время проведения конкретной военной кампании. Первоначально современники, которые видели в султанах прежде всего воинов, сочли это отклонение от прежней практики опасным нововведением, но к началу XVII века взгляды на роль султана изменились в угоду новым реалиям, и теперь считалось благоразумным то, что он остается в столице.

Но не все шли в ногу со временем, и некоторые из тех, кто видел в изменении роли султана лишь нежелательные последствия, выражали мнение, что он стал незначительной фигурой. Справочники-наставления, составляемые османскими авторами (так называемые «зеркала для принцев») впервые появились еще в конце XIV века. Как и регистрируемые в них несчастья, благодеяния, которые эти авторы пытались отыскать, не отличались большим разнообразием: сильный, справедливый правитель; баланс между получавшей жалованье регулярной армией султана, состоявшей из кавалерии и пехоты и кавалерией из провинций; мир и безопасность для класса производителей материальных ценностей, необходимые для того, чтобы они могли платить налоги, от которых зависело нормальное функционирование государства; и приверженность общественному строю, подтвержденная султанским правом, в том законченном виде, который оно приобрело в XVI веке. Недавние события со всей ясностью показали, до какой степени были осквернены эти идеальные нормы (если к ним вообще когда-либо приближались). Считалось, что султан больше не занимается государственными делами. Потребность в людских ресурсах, необходимых для ведения войн, на рубеже столетий вынудила пойти на такой шаг, как призыв людей, принадлежавших к классу производителей материальных ценностей (на самом деле, всех, «у кого была лошадь и кто мог сам себя экипировать»), и эти люди проникли в элитные подразделения султана, которые прежде укомплектовывались почти исключительно за счет набора юношей. Помимо этого, нужно было платить и ополченцам, которые выполняли функции вооруженной мушкетами пехоты и являлись основой армии. Это предъявляло к бюджету такие требования, которые ложились тяжелым бременем на государственную казну. Разнообразные «зеркала для принцев» подробно останавливались на необходимости препятствовать по-

полнению класса освобожденных от налогов «незаконными» чужаками и разъясняли, кого следует считать лишенными права поступать на службу к султану: тюркских мусульман-кочевников, армян, евреев, курдов, цыган и представителей этнических групп Причерноморья. Сочинители этих трактатов не могли допустить, что между их идеальным, но воображаемым государством и новой реальностью лежала непреодолимая пропасть и что традиционная система многочисленных «сословий», о которой они так горько сокрушались, уже прекратила свое существование (если она вообще когда-либо существовала).

События, связанные со строительством в Стамбуле обсерватории, показывают, насколько непредсказуемой была в те времена длительность пребывания у власти отдельной личности. Сокоглу Мехмед-паша был предприимчивым великим визирем и умел убеждать людей. Во время его пребывания на этом посту были предложены проекты строительства канала Дон—Волга и канала, соединявшего Красное и Средиземное моря. В 1574 году он убедил недавно вступившего на престол Мурада III дать распоряжение о строительстве астрономической обсерватории в Галате, находившейся на берегу бухты Золотой Рог, напротив Стамбула. Помимо научного изучения космоса (астрономии), эта обсерватория повысила точность астрологических наблюдений, используемых с целью предсказания наиболее благоприятных моментов для различных начинаний султана. Но в октябре 1579 года Сокоглу Мехмед был убит, а в январе 1580 года обсерватория была снесена после того, как тогдашний шейхульислам, сын Абуссуда-эфенди, Ахмед Шемседдин-эфенди посоветовал Мураду не наблюдать за звездами, поскольку это приносит несчастья, о чем свидетельствовали неприятности, обрушившиеся на Османское государство в последние несколько лет.

Кроме того, судьба стамбульской обсерватории показывает, что шейхульислам стал одним из тех государственных должностных лиц, авторитет которых повысился, тогда как авторитет великого визиря упал. Когда духовная иерархия перестала, как прежде, отстраняться от решения светских вопросов, шейхульислам и его советники стали представителями интересов духовенства на политической арене. Они не отказались довести до победного конца свою борьбу за право открыто назначать своих людей на государственные должности, что вызывало душевные страдания у таких тради-

ционалистов, как Мустафа Али из Гелиболу, который горевал по тем дням, когда, как это ему представлялось, духовенство было выше политики и, благодаря своей непредубежденности, обладало моральным авторитетом. Во время правления Ахмеда I фетвы шейхуль-ислама становились основой для юрисдикции, в особенности когда речь шла о земле, и ему стали доверять решение вопросов, которые прежде находились в сфере ответственности канцлера. Согласно источникам того времени, в период между 1550 и 1650 годами почти половина из тех, кто занимал три самых высоких поста в духовной иерархии, принадлежали к одиннадцати семействам: на самом деле власть, которой обладало семейство бывшего воспитателя Мехмеда III, а впоследствии шейхуль-ислама Садеддина-эфенди (который в 1596 году был рядом с этим робким султаном при Мезе-Керестеше), уступала лишь власти самой османской династии.

С наступлением нового тысячелетия и нового столетия появились намеки на то, что государственная религия Османской империи приобретает аскетический и даже догматический характер. Эпизод с обсерваторией был одним из признаков этой тенденции к проявлениям косности. Появились и другие: например, были приняты законы, не позволявшие христианам и евреям носить дорогую одежду, а употребление спиртного оказалось под запретом, правда, ненадолго. Несмотря на все более непримиримое отношение к расширенному толкованию ислама и готовность преследовать тех, кто выходил за рамки допустимого, в понимании мусульманской веры, Османская империя по-прежнему проявляла удивительную терпимость к немусульманским меньшинствам, особое (и неравное) положение которых гарантировалось законом в обмен на обязательство этих меньшинств платить подушный налог. Евреи играли заметную роль в торговле, и многие из них стали успешными откупщиками налогов. На протяжении значительной части шестнадцатого столетия они приблизились к правящей династии, которая использовала их в качестве лекарей султанов и на дипломатической службе. Еврейский банкир Иосиф Наси давал советы и Сулейману и Селиму II. Однако после разразившегося в 80-е годы финансового кризиса и последующих социальных и экономических неурядиц положение этих выдающихся евреев изменилось. Так, зависть к богатству, которое они скопили, стала причиной того, что с них стали взимать дополнительные налоги, хотя до этого они пользовались налоговыми льготами. Эсперанца Молши, служившая фрейлиной

у матери Мехмеда III, Сафийе Султан, и в 1600 году убитая военнослужащими дворцовой кавалерии, была еврейкой, что, возможно, усилило их ярость, вызванную тем, что в 80-е годы она принимала участие в манипуляциях с денежной массой. Они также обвинили ее в том, что она вмешивалась в процесс сбора налогов. Мехмед сразу же попытался успокоить дворцовую кавалерию, еще более ограничив традиционные права евреев, но спустя два года он отменил эти ограничения.

Следуя уже введенной практике, Мурад III полагался на еврея, которого он сделал своим доверенным лицом, на сей раз им стал купец из Рагузы (Дубровника) Давид Пасси, который был переводчиком у Иосифа Наси. Пасси находился при дворе начиная с середины 80-х годов. У него просили совета по финансовым вопросам, а также по вопросам внутренней и внешней политики. Именно внешняя политика и стала причиной его падения, так как он нажил себе врага в лице Коджа Синан-паши, который пять раз занимал пост великого визиря и у которого были иные представления о том, какие государства являются врагами Османской империи. Коджа Синан-паша начал мощную кампанию, направленную на всеобщее поношение Пасси. Он не только писал султану о мнимых преступлениях Пасси, но и обрушивался с обвинениями на всех евреев, которых объявил непригодными для того, чтобы занимать высокие должности в исламском государстве. Он возложил на Пасси вину за экономические проблемы того времени и пытался добиться его казни. В 1591 году Мурад распорядился депортировать Пасси на Родос, ставший традиционным местом изгнания для тех, кто едва избежал казни.

На рубеже столетий был уничтожен один из самых густонаселенных еврейских районов Стамбула, на месте которого планировалось возвести храмовый комплекс валиде-султан Сафийе. Расположенный между портовыми сооружениями бухты Золотой Рог и базаром на возвышавшемся холме, он был торговым центром города, на территории которого Рустем-паша уже построил свою мечеть и лавки. Здание синагоги и многие из принадлежавших евреям домов были в принудительном порядке скуплены, чтобы предоставить место для храмового комплекса Сафийе. Это решение вызвало споры, а сам проект подвергся критике по причине своей дороговизны. Первый камень был заложен 20 августа 1598 года, и если бы работы продолжались, то в пределах Стамбула появилась бы первая построенная валиде-султан мечеть. Но строительство прекра-

тилось, потому что в 1603 году умер Мехмед III, а вслед за ним в 1605 году скончалась Сафийе*.

В те годы давление испытали и те подданные империи, которые исповедовали греческое православие. В 1587 году они лишились церкви Паммакарistos в Стамбуле, которая стала резиденцией Патриархата вскоре после того, как османы захватили город. В ознаменование успехов, достигнутых во время войны с Ираном на Кавказе, эта церковь была перестроена и стала «Мечетью победы» (Фетийе Камии), а Патриархат переселился в церковь Св. Георгия, находившуюся в районе Фенер, на берегу бухты Золотой Рог. Там она стоит и сегодня. Губернаторам провинций, которые хотели, следуя этому примеру, преобразовать церкви в мечети, было запрещено это делать, но Коджа Синан-паша, построивший во благо мусульман множество таких общественных сооружений, как мечети, мосты, фонтаны и бани, в 1590–1591 гг., то есть в 999 году по исламскому календарю, предоставил товары и деньги, необходимые для создания благотворительного учреждения, и произвел переделки, необходимые для превращения церкви Святого Георгия Ротунда в Фессалониках в мечеть. В 1595 году в бывшей церкви еще оставалась нетронутой мозаика, поскольку именно тогда ее увидел венецианский посланник во время прогулки по городу.

Ко времени правления Мурада III в султанской библиотеке все еще хранилось более сотни греческих манускриптов. В Стамбуле греческие манускрипты без труда могли купить такие визитеры, как посол Фердинанда I барон Огьер Гизелин де Бусбек, который в середине XVI века жил в этом городе. В годы правления Селима II греческий ученый Иоанн Малаксос, переехавший в Стамбул вскоре после того, как в 1540 году турки захватили его родной Нафплион, каталогизировал восемь частных библиотек и обнаружил приблизительно 555 греческих манускриптов. Их последующая судьба неизвестна, но ясно, что в последние годы XVI столетия резко пошел на убыль тот интерес, который турки проявляли к своему византийскому наследию.

Ахмед I произвел капитальный ремонт Айя Софии, в которой все еще можно было увидеть мозаики, изображавшие нескольких

* Как мы увидим, строительство этой мечети в конце концов было завершено в 1665 году, и ее стали называть Ени («Новой») или Валиде («Королевы-матери»). Она до сих пор возвышается над площадью в квартале Эминёню.

библейских персонажей. В ходе ремонта, руководствуясь нормами Корана, он закрыл многие из мозаик. С точки зрения ислама, изображение на внутренней части купола Пантократора, то есть Христа Вседержителя, считалось абсолютно недопустимым, зато статус Марии в исламской иконографии был почитаем, поэтому Дева и Младенец, изображенные на апсиде здания, остались нетронутыми. Смысл этого иконоборческого порыва состоял в том, что султан пытался найти для себя новую роль, соответствующую новым временам.

Ни Селим II, ни Мурад III, ни Мехмед III не построили в Стамбуле имперской мечети. Селим построил такую мечеть в Эдирне, Мурад в Манисе, где он был принцем-губернатором, а Мехмед вообще не строил мечетей. Каждый из них был погребен в собственном мавзолее. Все три мавзолея находились в окружавшем Аяя Софию саду. Всегда проявлявший нерешительность, султан Ахмед I, вероятно, так и не смог пойти по стопам своего отца и стать военачальником, зато, следуя примеру своих прославленных ратными делами предков, он построил в Стамбуле монументальный храмовый комплекс. После него до середины XVIII столетия ни один султан ничего подобного не построил. Работы начались в 1609 году, но были люди, которые выступали против этого проекта, указывая на то, что он неуместен, поскольку имперские мечети следует возводить на средства, добытые в результате завоеваний. Это возражение подкреплялось ссылками на то, как возводились подобные храмовые комплексы в прошлом. Мустафа Али из Гелиболу считал, что такая расточительность противоречит нормам духовного права. Во времена серьезных финансовых затруднений, когда внутренние и внешние войны опустошали имперскую казну, этот проект не мог не вызвать возражений.

Немаловажной была и дата начала строительства мечети султана Ахмеда. Турки болезненно переживали оскорбления, нанесенные им в скрытой форме условий мирного договора, заключенного с Габсбургами в 1606 году, и потерю территорий, захваченных Сафавидами в ходе продолжавшейся войны. Впрочем, великий визирь Куйюку Мурад-паша все же завершил подавление мятежей джелали. Эта победа не имела ничего общего с теми завоеваниями, которые могли бы признать традиционалисты, но она являлась единственным за последнее время военным успехом Османской империи, и мечеть султана Ахмеда была посвящена этому успеху. Строительство обширного комплекса, который сегодня обычно называют «Го-

лубой мечетью» по причине того, что в отделке ее интерьеров преобладали изразцовые плитки именно этого цвета, было закончено в 1617 году, то есть в год смерти султана Ахмеда. Она стояла на видном месте, на южной стороне Ипподрома. Чтобы освободить для нее место, был разрушен дворец Соколлу Мехмеда-паши, построенный на развалинах дворца византийского императора и стоявший напротив дворца Ибрагима-паши, который одно время был фаворитом Сулеймана.

Выбор видного места для строительства своей грандиозной мечети был для Ахмеда далеко не единственным способом подражания султану Сулейману. Как османские, так и зарубежные современники отмечали то, что он восхищался своим дедом. Как и Сулейман, он обнародовал свой собственный свод законов, посадил сад в Долмабахче, где когда-то был сад у Сулеймана; заказал новые издания тех литературных произведений, которые заказывал Сулейман; и во главе торжественной процессии проезжал по Стамбулу верхом на богато украшенном драгоценностями и покрытом попоной коне, как в свое время это делал его дед. Но подражание молодого султана своему знаменитому предку не могло изменить действительность. И в литературе, и в изобразительном искусстве того периода возникали новые мотивы и стили изображения монарха. Прославлявшие военные успехи султана панегирические формы середины XVI века уступили место повествованиям, изображавшим жизнь правителя-домоседа через описание широкого спектра событий, имевших место при дворе и в различных районах империи. Теперь авторы черпали материалы для своих повествований из «первоисточников», которыми могли быть как их собственные переживания от увиденного, так и переживания других очевидцев, а также подлинные документы, переданные им представителями расплодившейся бюрократии. В центре их повествований теперь оказалась не только династия, а государство в целом. Они вели хронику каждодневного процесса управления империей, уделяя особое внимание назначениям и политическим вопросам. К тому времени, когда Ахмед I взшел на трон, без должности официального историографа, в обязанности которого входило восхвалять личность султана, уже обходились, считая ее постыдной и бесполезной.

Селим II не проявлял никакого интереса к историческим рукописям; его сын, Мурад III, напротив, был страстным ценителем литературы, и в годы его правления были написаны некоторые из самых замечательных произведений османских авторов. В качестве

иллюстраций они снабжались выполненными в традиционном стиле миниатюрами, а также портретами Мурада и его предков. Именно Мурад впервые заказал целую серию портретов султанов, в качестве иллюстраций к одному историческому тексту. Основу этой серии, законченной еще до того, как в 1579 году был убит Соколлу Мехмед-паша, составляли портреты султанов, заказанные великим визирем в Венеции. Возможно, этот заказ выполнялся в мастерской Паоло Веронезе. В то время вошло в традицию изображать султана на его троне. Этот заметный сдвиг (от султана верхом на коне, во главе своей армии, до султана на троне) стал отражением реальностей той эпохи.

Но тщеславие завоевателей никуда не делось, о чем свидетельствует альбом с портретами султанов, составленный в годы правления Ахмеда I. Этот альбом вводит новый иконографический элемент в форме «красного яблока», ставшего символом завоевания всего мира, под которым подразумевалось сначала взятие Константинополя, потом Рима, Буды и, наконец, Вены. Известно, что когда сын Ахмеда через несколько месяцев после смерти своего отца вззошел на трон и стал султаном Османом II, он выступил в поход против Речи Посполитой в доспехах султана Сулеймана, словно этот талисман мог вернуть его встревоженным владениям их прежнее величие.

Глава 7

ПОД ВЛАСТЬЮ КОАЛИЦИЙ

Политико-административная система, которая была создана для поддержки идеологии постоянно расширявшейся Османской империи, не могла справиться с трудностями, возникавшими перед ней в конце XVI века, когда процесс экспансии замедлился. Когда султаны уже не могли с прежней регулярностью выезжать на войну во главе своих армий, подобная практика приобщения к управлению войсками постепенно вышла из употребления. Трудно сказать, почему пресеклась традиция обучать сыновей султана искусству управления государством, посылая их править провинциями от его имени: то ли она перестала быть нормой, то ли просто потому, что отец Мехмеда III, Мурад III, умер, когда еще ни один из девятнадцати младших братьев Мехмеда не достиг возраста, необходимого для того, чтобы стать губернатором. Впрочем, и сам Мехмед впоследствии умер еще до того, как кто-либо из его собственных сыновей достиг зрелости. Массовое братоубийство, как средство устранения потенциальных соперников в борьбе за трон (которым воспользовались Мурад II и Мехмед III) не пользовалось популярностью, и ему была найдена замена: со времени правления Мехмеда III, молодым принцам уже не позволялось играть какую-либо общественную роль. Их просто не выпускали за пределы отведенных им покоев в гареме дворца Топкапы*. Отражением униженного состояния принцев стало их маленькое денежное содержание, не превышав-

* Западные авторы представляли, что их держат в тюрьме, буквально, в «клетке». Лишь позднее на Западе вошло в употребление турецкое слово *гарем*.

шее той суммы, которую получали доводившиеся им тётками незамужние сестры султана.

Но изоляция принцев не смогла стать средством предотвращения той неустойчивости, которой всегда сопровождался процесс передачи власти после кончины очередного султана. Если раньше эти претенденты из правящей династии сами пытались вступить на престол, то теперь они стали не более чем марионетками в руках соперничавших группировок представителей правящего класса. В условиях отсутствия младших членов династии, которые обладали бы политическим и военным опытом управления империей, эти группировки оказались в центре безудержных межфракционных распрей. Незрелость, которую проявляли многие султаны в первые годы своего правления, давала свободу действий их вздорным советникам.

Султан Ахмед I умер в 1617 году в возрасте двадцати семи лет. По сведениям ученого того времени Катиба Челеби, ведущие государственные деятели согласились с тем, что крайне юный возраст многих сыновей Ахмеда лишает их права престолонаследия, и поэтому трон перешел к двадцатилетнему брату покойного султана Мустафе.

На самом деле, Осману, старшему сыну Ахмеда, было 14 лет, тогда как сам Ахмед вступил на престол в еще более юном возрасте. Массовые братоубийства, совершенные дедом и прадедом Османа, надолго оставили о себе память, но его самого все же оставили в живых. Возможно, власть любимой наложницы Ахмеда, гречанки, которую называли Кёсем Султан, стала главным фактором в пользу решения держать Османа подальше от трона: хотя его отношения с ней были теплыми, его матерью являлась другая женщина, Махфируз, а у Кёсем, как и у супруги султана Сулеймана Хюррем, были свои собственные малолетние сыновья, в отношении которых у нее имелись честолюбивые планы. Восхождение на трон Мустафы было явным нарушением традиции, согласно которой трон передавался от отца к сыну. Подобная практика преобладала с того времени, когда за три столетия до этих событий произошло возвышение Османской династии.

Похоже, что инициатором восхождения на трон Мустафы стал шейхульислам Эсад-эфенди, который в момент кончины султана Ахмеда был старшим из всех государственных деятелей, находившихся в столице. Но оказалось, что он сделал неудачный выбор, так как Мустафу народ не любил и с самого начала его недолгого правления считал слабоумным. По словам историка того времени,

Ибрагима из Печа, султан Мустафа любил набивать карманы золотыми и серебряными монетами и швырять их с лодок в воду или отдавать их любому повстречавшемуся ему нищему. Такое поведение считалось совершенно неподобающим. Он пробыл султаном всего три месяца, а потом был низложен в ходе государственного переворота, организованного главным черным евнухом, Мустафой-ага, который в тот день, когда члены имперского совета собрались, чтобы решить вопросы, связанные с распределением жалований, закрыл султана Мустафу на замок в его комнате и добился возведения на престол своего племянника Османа. Мустафа I стал первым султаном, низложенным с помощью дворцового переворота, а не в результате переворота, во главе которого стоял один из членов династии. Годы правления Османа он провел в изоляции, местом которой стал гарем, где он находился и до своего вступления на престол.

Возведенный на трон столь бесчестным образом, султан Осман II, казалось, с удвоенной энергией стал обретать самостоятельность и восстанавливать авторитет султанства. Он сместил великого визиря Кайсериели Халил-пашу, который в те месяцы, когда правил Мустафа, находился на восточных рубежах империи, где шли военные действия, и стал причиной того, что османская армия потерпела поражение от Сафавидов. За участие в возведении Мустафы на трон Осман сместил второго визиря, Софу («Верного») Мехмеда-пашу, и ограничил власть шейхульислама Эсада-эфенди. Право распределения должностей внутри духовной иерархии, прежде являвшееся прерогативой шейхульислама, было передано воспитателю Османа Омеру-эфенди, с которым молодой султан сохранил близкие отношения. Главный черный евнух Мустафа-ага уцелел после переворота, но вскоре был отправлен в ссылку в Египет, что с тех пор стало традиционным уделом для всех смещенных с должности главного черного евнуха. В изгнание его отправил новый назначенец Османа, бывший главный адмирал Гюзельке («Красивый») Али-паша, который в конце 1619 года получил пост великого визиря и оказывал на султана большее влияние, чем сам Мустафа-ага. В то время Омер-эфенди был отдален от двора и отправлен в Мекку. В столицу он вернулся в марте 1621 года, после того как Гюзельке Али-паша умер.

В 1618 году разразился охвативший всю Европу конфликт, позднее названный Тридцатилетней войной. Османская империя приняла участие в первом этапе этой войны, согласившись с доводами

протестантского воеводы Трансильвании Габриеля Бетлена, призванного ее сыграть роль защитницы венгров и оградить их от посягательств католиков Габсбургов, но 8 ноября 1620 года армия протестантского короля Богемии Фредерика V была разбита в битве у Белой горы, неподалеку от Праги. Еще раньше, в том же году в Молдавию вошли войска из польской Украины (что было вторжением на территорию османского вассала), с целью оказать поддержку смещенному турками претенденту на пост воеводы. Хотя это противостояние закончилось поражением агрессора, весной следующего года султан Осман приказал произвести полную мобилизацию имперской армии. Нападение на Речь Посполитую давало возможность нанести удар по католической коалиции с другого направления. Некоторые комментаторы того времени считали основной причиной войны 1621 года продолжавшиеся набеги казаков на города и крепости, расположенные на берегах Черного моря. Руководящий принцип взаимоотношений между Османской империей и Речью Посполитой состоял в том, что каждая из сторон брала на себя обязательство держать под контролем своих несдержанных степных вассалов. Крымские татары и казаки Украины* были нужны своим сюзеренам в качестве вспомогательных войск, но им с трудом удавалось сдерживать этих буйных вассалов, готовых совершать набеги на всех подряд, лишь бы получить добычу. С тех пор как в 1596 году Мехмед III был вынужден лично присутствовать в сражении при Мезе-Керестеше, ни один султан не отправлялся на войну во главе своей армии. Осман не упустил возможности продемонстрировать, что султан все еще является монархом-воином. Опасаясь оставлять в Стамбуле вакуум власти, он принял меры предосторожности и перед отъездом убил своего брата Мехмеда, который был почти такого же возраста, как и он сам. В качестве мести за то неуважение, которое проявил к нему Осман, шейхульислам Эсад-эфенди отказался придать законность этому убийству, не дав фетву. Не сумев подчинить своей воле высочайший правовой авторитет страны, Осман попытался заручиться поддержкой со стороны тех, кто занимал более низкие ступени духовной иерархии. Все еще был жив его дядя, Мустафа I, и его младшие братья, находившиеся под опекой своей матери, Кёсем Султан.

* Большое значение представляли те из них, кого славянские источники называют запорожскими казаками, то есть «казаками, обитавшими выше порогов», а османские источники именовали «казаками Днепра».

Осман начал военную кампанию 1621 года в мае, то есть в традиционное для ведения войн время, но ему внушало беспокойство отсутствие воодушевления в его армии и все еще неблагоприятные погодные условия (минувшей зимой замерз даже Босфор и жители Стамбула могли переходить по льду с одного берега бухты Золотой Рог на другой). Османская армия потеряла много выючных животных и снаряжения, когда двигалась по военной дороге на север, чтобы переправиться через Дунай по понтонному мосту возле Исаккеи. Было известно, что казаки присоединились к армии Речи Посполитой (на самом деле, они составляли по меньшей мере половину ее численности) и Кайсериели Халил-паша, который теперь занимал пост главного адмирала, остался охранять мост от возможного нападения казаков. Во главе с Османом, главные силы армии достигли верхнего течения Днестра, в районе крепости Хотин, принадлежавшей Молдавии до того, как за несколько лет до этого она уступила ее Речи Посполитой. Осада крепости продолжалась месяца, и ее защитники отразили шесть штурмов. Сначала Осман отказывался признать поражение, но было ясно, что со своими равноправными войсками он не сможет продолжить осаду зимой. В конце концов его убедили снять осаду и возвращаться домой. По условиям впоследствии заключенного мира стороны обязались положить конец набегам казаков на османские территории, а также татарским и молдавским вторжениям на земли Речи Посполитой. Кроме того, Речь Посполитая согласилась не вмешиваться в дела Османской Венгрии и таких вассальных государств, как Трансильвания, Молдавия и Валахия. Турки перешли к оборонительной стратегии, а Речь Посполитая уже не испытывала желания провоцировать их на продолжение военных действий.

Когда в январе 1622 года армия вернулась в Стамбул, ее позорное отступление от Хотина праздновали так, словно она одержала большую победу. Писцы султана Османа составили «победные религии», подобные тем, которые обычно выпускались для того, чтобы объявить о победе Османской империи в войне, и сочинили литературные произведения, восхваляющие эту военную кампанию. Но неудача при Хотине до предела обострила отношения султана с его элитными полками и среди янычар, а также среди кавалеристов росло недовольство. Вскоре после своего возвращения с фронта султан Осман объявил о том, что он намерен совершить паломничество в Мекку и что он решил переправиться через Босфор и прибыть в Ускюдар лишь с небольшим отрядом своих войск. По при-

чине отсутствия достоверных фактов, этот эпизод остается весьма туманным: без армии султаны крайне редко удалялись на большое расстояние от Стамбула. Обычно они выезжали на охоту, но ни один из них никогда не совершал паломничества. Люди из окружения Османа сочли, что это заявление является лишь прикрытием плана по замене своенравных янычар и кавалеристов из его личных полков рекрутами из крестьян и кочевников Малой Азии и еще более удаленных регионов. С конца шестнадцатого столетия, подразделения мушкетеров уже формировали из ополченцев, которые несли службу в отдаленных провинциях. Несомненно зная о надвигающейся беде, шейхульислам Эсад-эфенди попытался уговорить его не покидать Стамбул, высказав мнение, что от султана не требуется совершать паломничество и что на самом деле ему следует оставаться на своем месте. Но его советы, как и советы великого визиря, а также Омера-эфенди, так и остались без внимания, и распространился слух, что Осман намерен сделать Каир новой столицей империи. 18 мая 1622 года, в тот день, когда султан Осман должен был отправиться в свое путешествие через всю Малую Азию, в столице вспыхнул бунт. Свидетелем последующих событий был Ибрагим из Печа, который описал их во всех леденящих душу подробностях. Когда собрались жители города, сообщает он, янычары и кавалеристы султана направились к Ипподрому, требуя головы великого визиря, главного черного евнуха Сулеймана-аги (преемника Мустафы-аги) и Омера-эфенди. Султана, который все еще находился во дворце, предупредили о серьезности положения, но он отказался пожертвовать своими советниками. Между тем дворцовая прислуга, которая сочувствовала бунтовщикам, открыла ворота, и хлынувшие во дворец войска принялись искать низложенного султана, Мустафу.

Один бывший янычар оставил весьма красочное описание подвигов шести из ворвавшихся во дворец солдат:

...когда толпа протискивалась через купол [покоев гарема, где прятался Мустафа], несколько слуг стали выпускать стрелы, которые падали среди людей, и рубить их на куски; те из них, которые были на куполе, пробивались через него, но спуститься [в помещение, находившееся под ним] не было возможности; когда им не удалось найти никакой веревки, они отрезали шнуры от занавесей палаты для заседаний совета визирей, и три янычара, а также три кавалериста, привязавшись к этим шнурам, прыгнули вниз и упали прямо к ногам султана Мустафы.

Солдаты бежали с Мустафой тем же самым маршрутом; великий визирь и главный черный евнух были изрублены на куски.

Находясь возле мечети Шехзаде, Ибрагим из Печа очень хорошо видел все происходившее и вскоре заметил, что огромная толпа скапливается вокруг кареты, которая привезла Мустафу и его мать туда, где находились казармы янычар, а оттуда к их мечети, где янычары признали его султаном. В расположенном за километр от этой мечети дворце, ничего не зная о том, что происходит, Осман производил новые назначения и надеялся на то, что с помощью золота он сможет склонить на свою сторону янычар. На следующий день новый главнокомандующий янычарами занимался подавлением беспорядков, но был убит. Такая же участь постигла и нового великого визиря. После этого сам Осман тайно направился в резиденцию главнокомандующего янычарами, надеясь найти там офицеров, подкупив которых, он мог бы получить поддержку. Но мятежники обнаружили Османа. Из своего окна Ибрагим видел, как они одели его в лохмотья, посадили на лошадь и доставили к мечети янычар.

Один знакомый Ибрагима, который присутствовал в этой мечети, рассказывал ему о том, как Осман умолял тех, кто захватил его в плен, понять, что они совершают ошибку, восстанавливая на троне Мустафу (который находился напротив места для молитвы и все время вставал, чтобы посмотреть, чем вызван шум на улице), но все было тщетно. Потом с петлей в руке появился зять Мустафы, Дауд-паша. Осман быстро все сообразил и напомнил собравшимся о том, что Дауд-паша несколько раз совершал преступления, которые заслуживали смертной казни, и что он проявил к нему снисходительность. К Дауду-паше присоединилась мать Мустафы, и только вмешательство знакомого Ибрагима не позволило применить петлю по ее прямому назначению. В тот же день Мустафа уже в качестве султана въехал во дворец, а Османа на простой тележке отвезли в крепость Ёдикуле, где и удушили. Одно ухо и нос Османа доставили матери Мустафы. Султан Осман был погребен у подножья могилы своего отца, султана Ахмеда, в уже переполненной династической усыпальнице возле «Голубой» мечети Ахмеда.

Янычар, который оставил волнующий рассказ об освобождении Мустафы из гарема, приложил много усилий, чтобы показать справедливость требований своих товарищей, и записал некоторые из их претензий. Во-первых, их крайне возмущало возвышение воспитателя султана Османа, Омера-эфенди, человека незнатного провинциального происхождения и поэтому чуждого янычарам. Од-

нако главной причиной их мятежа было явное намерение Османа заменить их рекрутированными в Анатолии мушкетерами, а султанскую кавалерию — кавалеристами из Сирии и Египта. Они обвиняли главного черного евнуха Сулеймана-агу в том, что он настойчиво убеждал Османа в том, что это вполне выполнимый замысел. Прием на регулярную службу этих сформированных в провинциях войск, состоявших из людей, родившихся в мусульманских семьях, и превращение их в основу новой армии представляло большую угрозу тому положению, которое занимали элитные полки, но еще большим было нанесенное таким образом публичное оскорбление, указывали они, потому что это были те самые люди, которые прежде оказывали противодействие установленному порядку, поднимая мятежи, сотрясавшие империю в годы правления султана Ахмеда. Кроме того, военнослужащие элитных полков считали, что их недостаточно вознаградили за те усилия, которые они приложили во время Хотинской кампании; а по возвращении домой они подверглись унижительным дисциплинарным наказаниям со стороны офицеров, которые, переодевшись, бродили по улицам и, обнаружив пьяных или бесчинствующих солдат, отправляли их служить на суда, перевозившие строительный камень.

Вот так этот красноречивый янычар объяснял то глубокое беспокойство, которое тогда испытывали военнослужащие султанских полков. Они считали, что их ревностно оберегаемым привилегиям, а на самом деле и самому их существованию, угрожает радикальный план Османа по набору живой силы из новых источников (если это действительно входило в его намерения). Сообщения современников о кровавом конце Османа отражают политические пристрастия их авторов: большинство из них достигло своего положения благодаря связям с политическими деятелями или бюрократами высокого ранга. Эти авторы утверждали, что Осман сам уготовил себе такую судьбу, внимая беспринципным советникам. Подобно своим покровителям, они могли только осуждать то возрастающее влияние, которое стали оказывать на процесс принятия решений такие функционеры из ближнего окружения султана, как его воспитатель и главный черный евнух.

Султан Осман II стал первой жертвой цареубийства в истории Османской империи; после казни Османа единственными оставшимися у династии представителями мужского пола остались его дядя Мустафа и его младшие братья. Мустафа правил еще шестнадцать месяцев, прежде чем снова был низложен, причем на этот раз

теми самыми элитными полками, которые восстановили его на троне. Так был подан пример, которому следовали до самого конца столетия. Мустафу заменили старшим сыном Кёсем Султан, Мурадом [IV], который умер в 1640 году, когда ему было около тридцати лет, и не оставил ни одного наследника мужского пола. Преемником Мурада стал еще один сын Кёсем Султан и его брат, Ибрагим. Через восемь лет Ибрагима, получившего прозвище «Безумный», свергли с трона. В качестве законного преемника остался его старший сын, Мехмед [IV], которому тогда было всего семь лет. В данном случае несовершеннолетие не сочли основанием для того, чтобы лишить принца права престолонаследия, поскольку в тот момент Мехмед оказался единственным (если не считать его отца) представителем генеалогического древа Османской династии. В ту эпоху, когда пребывание монархов на троне внезапно прерывалось, а сами они умирали в раннем возрасте, не оставив совершеннолетних наследников, казалось весьма сомнительным, что династия сохранится. В 1687 году Мехмед IV, подобно Осману, Мустафе и Ибрагиму, был низложен взбунтовавшимися войсками. Тогда появилась возможность выбора среди законных преемников, среди которых были не только сыновья Мехмеда, но и его братья. В данном случае им стал брат Мехмеда и второй сын Ибрагима, который взшел на трон под именем Сулеймана II. За ним последовал его младший брат, который правил под именем Ахмеда II. Принцип старшинства, как критерия правомочности царствования, был твердо утвержден сыновьями Мехмеда IV, Мустафой II и Ахмедом III, которые были преемниками Ахмеда II. Оба лишились трона в результате янычарских мятежей.

Одним из ключевых моментов политической борьбы в первые годы существования Османской империи было имевшее место во многих частях Малой Азии сопротивление той однородности, которую навязывало государство, когда его административный аппарат стал более бюрократическим и централизованным, а его религия более ортодоксальной. На первый взгляд кажется удивительным, что в преимущественно мусульманской Малой Азии сопротивление центральному правительству империи оказалось намного сильнее, чем на Балканах, где преобладало христианское население. Частичным объяснением такого несоответствия безусловно является тот факт, что мусульмане возлагали на исламское государство большие надежды, чем христиане, но лишь немногие из них получили то,

что они считали для себя должным. Мятежи джелали являлись лишь самой последней фазой непрерывной борьбы между провинциями Малой Азии и Стамбулом. Военные Анатолии никогда не признавали привилегии тех, кто имел прямой доступ к власти в Стамбуле, но теперь помимо этой давней оппозиции появился новый негативный фактор: напряженность в самом Стамбуле, вызванная борьбой за власть соперничавших группировок, среди которых видное место занимали султанские полки. Убийство Османа стало одним из внешних проявлений этой борьбы, которая в последующие годы оказывала решающее влияние на внутреннюю политику империи, предоставляя провинциям великолепный повод выражать свою неудовлетворенность.

Возмездие за убийство султана Османа пришло оттуда, откуда его никто не ждал, и совершилось в виде мятежа, во главе которого стоял губернатор восточной малоазиатской провинции Эрзурум Абаз («Абхаз») Мехмед-паша. Связанный по линии своей жены родством с тогдашним великим визирем Хадимом («Евнухом»), которого также называли Гюрджю («Грузин») Мехмед-пашой, Абаз Мехмед прежде являлся образцовым слугой Османского государства, добросовестно исполняя все свои разнообразные обязанности. Ибрагим из Печа знал, что назревает нечто опасное: в 1622 году он, будучи казначеем провинции Диярбакыр, видел, как обмениваются курьерами Абаз Мехмед и его собственный начальник, губернатор Диярбакыра, Хафиз («Тот, кто знает наизусть Коран») Ахмед-паша, и узнал, что Хафиз Ахмед планирует идти на Ускюдар во главе армии провинциальных военачальников, чтобы свести счеты с убийцами султана Османа. Когда в Стамбуле стало известно о том, что Абаз Мехмед изгнал гарнизоны янычар из Эрзурума и других подчиненных ему крепостей, он был снят с должности. Считавшиеся Абазом Мехмедом и его сторонниками причастными к убийству Османа члены султанской кавалерии и пехоты, которые находились в Анатолии по указаниям правительства, обнаружили, что они не могут выполнить поставленные перед ними задачи. Армянский священник Григор из Кемаха укрылся в стамбульском районе Топкапы (на земляных валах) от суматохи, которая возникла после убийства Османа, и получил следующие известия о событиях в Эрзуруме: все янычары, которым посчастливилось ускользнуть от разгневанного Абаза Мехмеда, переодевались и называли себя армянскими именами, чтобы их не опознали по дороге в Стамбул, куда они пытались добраться.

Султан Мустафа и янычары отрицали свою ответственность за убийство Османа. После гибели Османа зять Мустафы, Дауд-паша, недолго занимал пост великого визиря. На этот раз его не спасли ни связи, ни положение: он стал козлом отпущения и был казнен в надежде на то, что это остановит волну недовольства, нараставшего в Малой Азии. Других государственных чиновников, которые принимали активное участие в низложении Османа, постигла такая же участь. Янычары держали под своим контролем Стамбул: в феврале 1623 года они добились смещения великого визиря Хади-ма Мехмед-паши и повторного назначения на эту должность одного из его предшественников, который опустошил казну, чтобы сохранить их поддержку. После того как новый великий визирь оскорбил одного из священнослужителей, представители духовенства собрались в мечети султана Мехмеда II и потребовали его смещения. Угрозы со стороны великого визиря и янычар, которые его поддерживали, не смогли поколебать их решимости. На них напали посланные великим визирем наемные убийцы. Многие представители духовенства были убиты, а их тела брошены в море.

Тем временем разгневанный своим смещением с должности губернатора Эрзурума и прекрасно осведомленный о напряженном положении в Стамбуле и вакууме, который образовался в самом центре государственного аппарата, Абаз Мехмед-паша собирал армию. Вокруг Абаза Мехмеда стали собираться все те, кто еще не забыл о том, с какой жестокостью войска, верные султану, подавляли бунтовщиков в провинциях Малой Азии и Сирии во время мятежей джелали. К нему шли и те, кто почувствовал себя обманутым, после того, как лишился возможности вступить в новую армию, которую Осман предложил формировать из населения малоазиатских и арабских провинций. Поэтому не представляло труда найти рекрутов, горевших желанием повоювать со своими соперниками из султанских полков.

В Стамбул поступили сведения о том, что Абаз Мехмед-паша с армией в 40 000 человек идет маршем на Анкару. Эмиссары из столицы не смогли его переубедить, и в мае 1623 года правительство направило против него подразделения из состава султанских полков. Однако командующий этими подразделениями вскоре понял, что у него недостаточно сил, и вместо того, чтобы вступить в сражение, которое несомненно закончилось бы поражением, он предпочел отойти к Бурсе. В течение семи месяцев Абаз Мехмед держал Анкару в осаде. В имперской казне было слишком мало денег, что-

бы финансировать ведение военных действий такого масштаба, какой был необходим для того, чтобы одержать над ним победу, к тому же не было никакой возможности собрать налоги в обширных районах, находившихся под контролем либо самого Абаза Мехмеда, либо его пособников. Принятый на службу во дворец, Солакзаде Мехмед Хемдеми Челеби стал очевидцем тех событий, которые в то время происходили в столице: он сообщает, что главнокомандующий янычарами Байрам-ага устроил заговор с целью смещения великого визиря, опустошившего казну, для того чтобы умиротворить янычар, которые его поддерживали.

Осмелевшие духовные лица, которым досаждал смещенный визирь, обратились к матери султана Мустафы с петицией, в которой указали на то, что ее сын совершенно не отвечает требованиям, предъявляемым к правителю империи, и убедительно доказали, что если он останется на троне, то это только усилит нестабильность и увеличит количество бедствий, которые уже испытывает государство. Лишь немногие выразили свое несогласие, когда было высказано мнение, что в интересах государства и в их собственных интересах, как слуг этого государства, Мустафу следует сместить, а вместо него возвести на трон старшего сына султана Ахмеда I, одиннадцатилетнего принца Мурада. К просьбе матери Мустафы пощадить ее сына отнеслись с уважением (лишенный сторонников, он не представлял никакой угрозы), и он снова исчез в покоях гарема. Когда в 1639 году он наконец умер, никто не мог решить, где его следует похоронить. Тело Мустафы пролежало семнадцать часов, прежде чем его без почестей предали земле на территории неиспользуемого хранилища оливкового масла, которое находилось во внутреннем дворе Айя Софии.

После смерти Ахмеда I прошло пять бурных лет, в течение которых было нарушено равновесие сил, определявших статус монарха. Султан по-прежнему считался высшим и законным носителем власти, но его слуги и прочие лица, входившие в его окружение, отбросили то почтение, которое прежде являлось отличительной чертой их взаимоотношений с монархом, и теперь соперничали друг с другом за достижение безграничного превосходства. Этой тенденции способствовало все большее стремление султана к затворничеству, а она, в свою очередь, привела к тому, что все громче стали звучать голоса тех, кто пытался применять власть, прикрываясь его именем. В число этих лиц могли входить его мать, великий визирь,

главный черный евнух, придворные должностные лица, командиры янычар и прочие. Несмотря на все эти превратности, Османская династия каким-то образом сохранила власть, необходимую для того, чтобы внушать подданным преданность и энтузиазм. Этой власти никто серьезно не угрожал. Впрочем, живший в начале XVIII века бюрократ Мустафа Наима, ставший автором одной из главных османских хроник, сообщает о наличии слухов, согласно которым члены зависимой от осман династии крымских Гиреев во время хаоса 1624 года планировали свергнуть Османскую династию и самим занять место султанов. Хотя на протяжении столетия в провинциях неоднократно происходили выступления недовольных, подобные тому, во главе которого стоял Абаз Мехмед-паша, они не ставили себе целью полностью изменить существующую систему. В намерения бунтовщиков входило не свержение султанского режима, а лишь улучшение положения вожака бунтовщиков и группы его сторонников в рамках существующего режима. Таким образом продолжался мучительный переход от империи, султан которой был прежде всего воином, к империи, в которой его призывали (часто безуспешно) подчинить своей власти страну, рубежи которой становились все более неизменными.

Относительное спокойствие, которое воцарилось в Стамбуле после того, как в сентябре 1623 года на престол вступил юный султан Мурад IV, резко контрастировало с теми бедствиями, которые имели место в других местах. В Малой Азии все еще действовала армия, во главе которой стоял Абаз Мехмед-паша, а в Багдаде войска сформированного из местных жителей гарнизона убили губернатора. Формально находившиеся на службе у султана, эти войска едва ли можно было считать верными монарху. Губернатору Диярбакыра Хафизу Ахмед-паше было приказано разобраться с бунтовщиками. Ибрагим из Печа, который до этого приписывал Хафизу Ахмеду намерение идти на Стамбул, чтобы отомстить за смерть султана Османа, все еще находился у него на службе и оставил запись того, как он предупреждал своего начальника о том, что мятежники симпатизируют Сафавидам, которым они, возможно, уже готовы предложить Багдад. Последующие события показали, насколько проницательным оказался Ибрагим. Четырнадцатого января 1624 года один узурпировавший власть губернатора османский чиновник сдал крепость Сафавидам. Почти девяносто лет она находилась в руках Османской империи, и ее потеря предзнаменовала начало

военных действий против Ирана, которые продолжались вплоть до 1639 года.

Несмотря на смещение султана Мустафы и тех, кто нес ответственность за убийство султана Османа, Абаз Мехмед-паша по-прежнему был не в ладах с правящей верхушкой в Стамбуле, но после того, как его армия была разбита возле Кайсери силами направленного из Стамбула очередного экспедиционного корпуса, он отступил на восток, к Эрзуруму, и попросил султана о помиловании. Хафиз Ахмед-паша также был помилован за потерю Багдада и в самом начале 1626 года стал великим визирем и главнокомандующим Багдадским фронтом. Однако впоследствии его сняли со всех постов за то, что после девятимесячной осады он так и не смог взять Багдад. Османские войска упорно сражались, но были атакованы с тыла находившимися на службе у шаха кочевниками. Они не могли надеяться на приход подкреплений и были полностью разгромлены. Севернее Сафавиды взяли другие опорные пункты Османской империи и подавили восстания своих вассалов в Грузии, чем показали, что они восстановили свою былую энергию.

Положить конец этому эпизоду войны с Ираном было поручено Кайсериели Халил-паше, последнему из великих визирей султана Ахмеда, который теперь снова получил эту должность. Помимо этого он отвечал за усмирение Абаза Мехмед-паши, который, несмотря на высочайшее помилование, оставался причиной беспорядков в Малой Азии. Абаз Мехмед был для нового великого визиря как сын, но несмотря на их близкие отношения, Абаз Мехмед отказал Кайсериели Халилу в его просьбе поспешить на выручку осажденной войсками Сафавидов пограничной крепости. Более того, когда армия, которую великий визирь послал снять осаду, подошла к Эрзуруму, где находились главные силы Абаза Мехмеда, он убил командующего этой армией и разграбил ее продовольственные запасы и снаряжение. В апреле 1628 года Кайсериели Халил был снят с должности за то, что не смог подчинить Абаза Мехмеда. Должность губернатора Эрзурума была чрезвычайно важной, так как эта провинция граничила с владениями Сафавидов и поэтому была необходима полная уверенность в преданности губернатора султану. Искандер Монши, являвшийся главным придворным секретарем и биографом шаха Аббаса, сообщает о том, что Абаз Мехмед дважды пытался вступить в переговоры с Сафавидами, но, по его словам, шах относился к нему как к лицемеру.

Летом 1628 года мятежу Абаза Мехмед-паши положил конец (по крайней мере, на время) преемник Кайсериели Халил-паши на посту великого визиря Бошнак («Босниец») Хусрев-паша, который стал первым главнокомандующим янычар, назначенным на эту должность. Бошнаку Хусреву было приказано завершить выполнение задачи, которую не смог решить его предшественник, и для этого начать кампанию по освобождению Багдада. Во время перехода к своей цели его армия вступала в бои с различными подразделениями армии Сафавидов, дислоцированными на переходивших из рук в руки пограничных землях. В сентябре 1630 года армия подошла к Багдаду, но осада города снова закончилась ничем, и после неудачной и дорогостоящей кампании османские войска во время своего отступления к Мардину, где они собирались остановиться на зиму, подверглись мощным, беспокоящим ударам армии Сафавидов. От планируемой на следующий год кампании пришлось отказаться, Бошнак Хусрев был снят с должности, а Хафиз Ахмед-паша реабилитирован и снова назначен на пост великого визиря.

Ученый Катиб Челеби, который во время Багдадской кампании Бошнака Хусрева занимал пост в административном аппарате армии, отмечал, что несмотря на неудачу и тяготы, которые пришлось вынести отозванным с границы войскам, они хотели видеть своим главнокомандующим только Бошнака Хусрева и были разгневаны его смещением. Что касается Хафиза Ахмед-паши, то ему оказывала покровительство группа лиц из окружения матери Мурада IV Кёсем Султан и ее союзник, главный черный евнух. Оставив на своих должностях несколько чиновников высокого ранга, служивших еще при султани Ахмеди, Хафиз Ахмед стал связующим звеном между настоящим и прошлым Кёсем Султан, к тому же он был женат на сестре султана Мурада Айше. По причине того, что Мурад был слишком молод, когда вступил на престол, Кёсем, ставшая регентшей своего сына, играла беспрецедентную роль в формировании государственной политики, и даже после того, как управление государством полностью перешло к Мураду, она еще долго пользовалась своей властью.

Случившееся в первые недели 1632 года смещение Бошнак Хусрев-паши погрузило столицу в такой же хаос, какой царил в ней после низложения султана Мустафы. Летописец Ибрагим из Печа сравнивал эту суету с потревоженным пчелиным улеем. Катиб Челеби возлагал вину за разжигание страстей на заместителя Бошнак

Хусрев-паши в Стамбуле Реджеп-пашу, у которого были честолюбивые планы самому стать великим визирем. Султан Мурад принял ультиматум взбунтовавшихся войск и предстал перед ними. Они потребовали выдать им Хафиза Ахмед-пашу и зарезали его в присутствии султана. Его преемником стал Реджеп-паша.

Повторное назначение Хафиза Ахмед-паши на должность великого визиря сопровождалось заменой главного казначея и главнокомандующего янычар. Эти вновь назначенные лица считались виновными в смещении Бошнак Хусрев-паши по причине того, что они были связаны с дворцовой кликой. Виновным был признан и фаворит султана Мурада, Муса Челеби. Собравшаяся у дворца великого визиря на Ипподроме, толпа требовала выдачи этих трех человек. Реджеп-паша настаивал на том, что султан их не укрывает, но Ибрагим из Печа отметил, что вскоре он увидел труп Мусы Челеби, который лежал на Ипподроме. На следующий день при содействии султана были казнены главнокомандующий янычар и главный казначей. Описания этих кровавых событий могут вселить ужас, писал Ибрагим из Печа, но в действительности они были еще более кровавыми. Недоверие Мурада к Реджепу-паше вскоре закончилось казнью последнего. Что касается Бошнака Хусрева, то, несмотря на то, что он пользовался популярностью в армии, Мурад возложил на него ответственность за то, что он способствовал возникновению беспорядков. Поэтому правительство направило своих агентов в расположенный на севере центральной Малой Азии город Токат, где он задержался, возвращаясь с фронта в Стамбул. Жители Токата не давали агентам войти в город, но их сопротивление было подавлено, и Бошнака Хусрева предали смерти.

Между тем история Абаза Мехмед-паши еще не закончилась. К тому времени ему уже предоставили второй шанс, и он снова не смог выполнить возложенные на него обязанности. Несмотря на это, в 1628 году он был назначен губернатором Боснии, находившейся вдали от тех мест, где он обладал наибольшей властью и поддержкой своих сторонников. Абаз Мехмед принимал участие в боевых действиях, которые велись на Балканах, и в 1632 году стал губернатором Ози, расположенной на Дунае и северном Причерноморье провинции, откуда турки осуществляли надзор за этим стратегически важным регионом. Он был рядом с султаном, когда в 1633 году разрабатывался план новой кампании, но карьера этого мятежного губернатора, ставшего приближенным монарха, закончилась в 1634 году, когда султан Мурад уже не мог отклонить требования тех, кто до-

бывался его казни. По распоряжению Мурада Абаз Мехмед был удостоен торжественных похорон, и сам султан ехал верхом во главе траурной процессии. Тот факт, что Абаза Мехмеда похоронили в гробнице Куйюку Мурад-паши, который в 1608 году положил конец первой волне мятежей джелали, был честью, и означал, что в конце жизни его не считали бунтовщиком и что в глазах султана он остался верным членом правящего класса.

Османский путешественник и писатель Эвлия Челеби был, как и Абаз Мехмед, кавказского происхождения. В 1646 году он служил в Эрзуруме и в своей знаменитой «Книге странствий» описал появление в этом городе человека, утверждавшего, что он Абаз Мехмед. Этот человек говорил, что в 1634 году он при попустительстве султана избежал казни, сбежав в город Гелиболу на берегу Дарданелл. После этого он семь лет был корсаром в Алжире и еще семь лет провёл в Дании после того, как был взят в плен во время одного сражения. Три года он прослужил в португальском военном флоте в Индийском океане, а потом путешествовал в Индию и Китай и наконец через Центральную Азию и Иран вернулся в Эрзурум. Переданная в Стамбул начальником Эвлии, губернатором Эрзурума, эта история побудила начать расследование с целью выяснить истинное положение дел (прежде всего в этом рассказе явный перебор с количеством лет, проведенных в изгнании!). Вскоре в Эрзурум отправился чиновник с предписанием казнить этого человека, а губернатор, оказавший ему гостеприимство, был освобожден от своих обязанностей. В связи с этой историей участие султана в похоронах Абаза Мехмеда породило сомнения в том, что в гробу действительно лежал его труп. Казалось невыносимым, чтобы Мурад столь открыто демонстрировал свою привязанность к человеку, который одно время был бунтовщиком. Согласно распространившимся слухам, в гробу лежал один из братьев Мурада, которых он предал смерти, или, возможно, тело его дяди Мустафы, освобожденного таким способом от тюремного заключения во дворце. Впрочем, армянский священник Григор из Кемаха знал нескольких портных, которые, выполняя свои обязанности, сплетничали с дворцовыми служащими, и один из этих портных утверждал, что он беседовал с человеком, который удавил Абаза Мехмеда. По мнению Григора, это утверждение рассеивало все сомнения. Смерть Абаза Мехмеда в особенности взволновала армян, о чем сообщает Григор, который долгое время жил среди армян в Эрзуруме и проявлял о них заботу, когда они попадали в беду. Этот священник называет

Абаза Мехмеда «человеком, который любил христиан и, в особенности, притесняемую армянскую общину; человеком, который хорошо служил своей стране и проявлял заботу обо всех слабых, не делая никаких различий [по вероисповеданию]».

После событий, которые в первые месяцы 1632 года сотрясали Стамбул, султан Мурад стал более сдержанным и мудрым человеком. Ему было всего двадцать лет, но он справился с кризисом, как зрелый государственный деятель. Письма, которые его мать, Кёсем Султан, по всей вероятности, писала великому визирю в 1628 году, показывают, что даже когда ее сыну еще не было двадцати лет, ей приходилось мириться с тем, что он самостоятельно принимает решения. Гибель зятя, Хафиза Ахмед-паши, и членов группировки, отданных в жертву ради того, чтобы утихомирить волнения янычар, до некоторой степени испортила репутацию Кёсем, и теперь она с большей осторожностью применяла свою власть матери султана. До тех пор пока ее второй, слабоумный сын, не унаследовал трон после преждевременной кончины Мурада в 1640 году, она не вмешивалась в большую политику.

Теперь Мурад стал играть более активную роль. Продемонстрировав свою личную власть, он попытался восстановить власть султана как в системе управления государством, так и в военной области. В последнем случае, он решил пойти по стопам своих знаменитых предшественников и возглавить армию в походе против Сафавидов. Видя пагубные последствия постоянных волнений в Анатолии, он твердо решил искоренить их с помощью кнута и пряника, противопоставив мятежам не только военную мощь, но и принятие административных мер, направленных на то, чтобы ослабить недовольство, которое заставляло и «слуг государства» и местных политических лидеров оказывать противодействие правительству. Он также принял меры, направленные на решение проблемы бандитизма. Стабильность, которой отличались четыре с половиной года пребывания бывшего губернатора Египта Табаниясси («Плоскостопого») Мехмед-паши на посту великого визиря, позволила взять под контроль межфракционную борьбу.

Интеллектуалы Османской империи продолжали высказывать свои мысли о искусстве управления государством. Во всех сохранившихся текстах выражена обеспокоенность тем, что хаотичное настоящее, в котором жили их авторы, является результатом кризиса в государстве и в обществе. Подобно наставлениям, написан-

ным на рубеже столетий, эти тексты составлялись для того, чтобы направить султана на восстановление того, что воспринималось как славные дела прошлых времен. Поэтому их предписания носили скорее консервативный, чем новаторский характер, рекомендуя меры, которые, как они надеялись, восстановят форму централизованного управления. Они считали, что такая форма управления существовала в прошлом и отличалась тем, что визири действовали согласованно как верные слуги возглавлявшего их харизматического султана. Наверное, всем было ясно, что эти подхваченные потоком стремительных перемен авторы обязательно посоветуют перевести часы назад, в то время, когда они сами занимали более надежное место в обществе. Подобно султанским полкам, которые почувствовали, что над ними нависла угроза в виде якобы имевшихся у султана Османа намерений формировать войска из жителей Малой Азии и восточных провинций, османские интеллектуалы поняли, что их положение ухудшилось, когда возвысились новые фракции, которые пользовались поддержкой со стороны прежде малозначительных групп. Эти соперничавшие фракции, которые в начале семнадцатого столетия столь грубо пытались применить власть, получили такую возможность из-за неспособности существовавших тогда административных структур управлять государством и препятствовать росту центров власти, способных бросить вызов власти султана. Фракции, честолюбивые амбиции которых прежде можно было сдерживать, теперь стали настолько сильны, что могли как привлекать, так и не допускать правителей к своей борьбе за включение в состав класса привилегированных должностных лиц военного и бюрократического аппарата, положение которых приносило им денежные и прочие вознаграждения, распределение которых было прерогативой членов правящей верхушки.

В число самых известных нравоучительных трактатов, написанных в те годы, входил труд чиновника по имени Кочу-бей, который занимался личным хозяйством султана и в 1631 году представил свою работу Мураду IV. (Когда Ибрагим стал преемником своего брата, Кочу-бей переработал свой текст и представил исправленный вариант новому султану.) Среди многих других затронутых им аспектов организации государства было и выявление причин возникновения тех недугов, которые поразили самое сердце государства и о которых уже писали другие авторы: по его мнению, отказ султана от заметного участия в государственных делах позволил гарему оказывать свое влияние; провинциальная кавалерия была в за-

мешательстве, так как большая часть средств к существованию, прежде выделяемых кавалеристам для того, чтобы они со своими слугами могли принять участие в боевых действиях, теперь находилась в руках дворцовых функционеров, женщин гарема и их подчиненных; возникшая вследствие этого нехватка людских ресурсов привела к тому, что султанским элитным полкам пришлось открывать двери перед «посторонними» вместо того, чтобы пополнять свои ряды исключительно теми новобранцами, которых мобилизовали во время набора юношей и воспитали в духе служения османскому истеблишменту. Эти перемены, утверждал Кочу-бей, подорвали их корпоративный дух и привели к массовым беспорядкам.

Султан Мурад был согласен со многими оценками, представленными авторами трактата, и был готов действовать с учетом их критических замечаний в интересах внутренней стабильности государства. Однако, и он, и те, кого он привел к власти после кризиса, который последовал за смещением Бошнака Хусрев-паши, знали, что прагматические, а не идеалистические решения лучше отвечают требованиям бурной эпохи, в которую они жили. Важнейшие цели Мурада состояли в том, чтобы положить конец волнениям в провинциях и укрепить армию, сделав ее способной отвоевать Багдад, что, как он полагал, позволит его элитным войскам избавиться от чувства неудовлетворенности.

Летописцы Ибрагим из Печа и Катиб Челеби, которые в то время служили чиновниками в Стамбуле, были очевидцами реализации реформ Мурада. Результатом ограничения численности султанских кавалерийских полков и взимания с них налогов стала ожесточенная манифестация, состоявшаяся на Ипподроме 8 июня 1632 года. В том же году подобную реакцию вызвала и реформа провинциальной кавалерии Анатолии и Румелии. Было приказано провести инспекции с целью удостовериться в том, что государственные земли, пожалованные в оплату за воинские обязательства, находятся в руках тех, кому они предназначены. Следовало прекратить практику передачи по наследству от отца сыну земель, безвозмездно переданных военным, а в число тех, кто имел право владеть освободившимися землями, теперь надлежало включать военнотружущих из стоявших на денежном довольствии полков, которые желали их получить (по утверждению Катиба Челеби, янычары покидали свои полки для того, чтобы получить право на безвозмездное получение земельных участков). Среди обладавших этим правом были люди из полков султанской кавалерии, дислоцированных в провинциях,

а также крестьяне, «местные юноши, которые продемонстрировали способности принимать участие в военных действиях и сражаться». Маленькие участки земли, недостаточные для того, чтобы содержать воина и его слуг, включали в состав более крупных владений. Султан был твердо убежден в том, что никаких арендаторов земельных участков не следует освобождать от обязанности принимать участие в военных действиях. Во время общения со своими чиновниками он часто выражал свои опасения относительно того, что они не вполне добросовестно исполняют свои обязанности, чем наносят ущерб казне.

Несмотря на эти реформы, волнения в Малой Азии продолжались. Своими действиями те, кого правительство предавало проклятиям как мятежников и разбойников, опустошили огромные участки сельской местности и тем самым разрушили базу налогообложения этой преимущественно аграрной империи. Правительственные программы, составленные для того, чтобы наполнять казну и пополнять армию солдатами, приносили новые мучения крестьянам, которые уже пострадали, когда им пришлось бежать из своих деревень, оставив их на разграбление диким ордам, бросившим вызов правительству. Чтобы у этих программ появился шанс стать успешными, было необходимо сделать так, чтобы принятые в 1632 году меры по перераспределению безвозмездно переданных государственных земель сопровождались переселением крестьян, создававших своим трудом возможность взимать налоги, благодаря которым существовал сам кавалерист и его домочадцы и которые позволяли ему принимать участие в боевых действиях. Проблема пополнения казны стала самым серьезным испытанием, с которым столкнулся Мурад, так как без денег государство не могло функционировать. Григор из Кемаха предполагает, что именно испытания, перенесенные Мурадом во время перехода через Малую Азию, совершенного им в 1635 году вместе с армией, направлявшейся на Кавказ, позволили ему понять, каковы реальные масштабы кризиса в сельской местности. Жители Сиваса рассказали ему о том, что большинству из них пришлось бежать в Стамбул и что сами они были не в состоянии выполнить свои налоговые обязательства. Мурад немедленно приказал, чтобы всех покинувших свои дома вернули назад; в Стамбуле глашатаи ходили по улицам и, обращаясь к тем, кто искал убежище в столице, призывали их в течение двадцати дней покинуть город, так как в противном случае этим людям грозила смертная казнь:

Жены и дети турок и армян, женатых на местных [т. е. стамбульских] женщинах, понимали, в какое ужасное положение они попадут, оказавшись в незнакомом месте, и не хотели уходить со своими мужьями... Мусульмане развелись со своими женами, просто сообщив им о своем решении, что позволяют им делать их законы, но теперь все громче раздавались рыдания детей, которые не желали расставаться со своими матерями и отцами. В городе повсюду слышались стенания людей, которых отделяли от тех, кого они любили, а также причитания стариков, больных и немощных.

Валиде-султан Кёсем возражала против таких мер, утверждая, что во время войны не годится причинять людям еще большие страдания. Задумавшись о судьбах людей, которые были вынуждены отказаться от новой жизни в столице, где они устроились после того, как были изгнаны со своих земель, и которых теперь ожидало неопределенное будущее в удаленной и опустошенной сельской местности, Мурад смягчился. Он сделал исключение для престарелых и немощных, сирот и вдов, тех, кто родился в Стамбуле, и для любого, кто мог доказать, что он прожил в городе более сорока лет. Возможно, первоначальная реакция султана Мурада на бегство из сельской местности была проявлением его эмоций, но решение этой проблемы требовало наличия хорошо продуманной политики. В 1636 году он приказал подготовить подробный доклад о финансовых ресурсах Анатолии (в условиях свойственных для данной местности волнений, которые уже привели к перемещению тысяч потенциальных налогоплательщиков) с целью выявления тех, с кого можно было взимать налоги.

Когда в еще более удаленных, чем Малая Азия, регионах империи создавалось впечатление, что центральная власть слабеет, местные влиятельные династии начинали поигрывать мускулами. На территории современного Ливана должность османского военного губернатора давно занимал предводитель друзов Факр аль-Дин Маан. Происходившие в Анатолии мятежи изолировали его от центра империи, что позволило ему укрепить свое влияние в этом регионе и усилить контроль над имевшимися в нем источниками доходов. Активно занимаясь коммерческой деятельностью, он от собственного имени заключал соглашения с европейскими купцами. Его полунезависимый статус признавало даже центральное правительство, но только до тех пор, пока он сохранял свою лояль-

ность и добросовестно отправлял в имперскую казну средства, получаемые с взимания пошлин на шелк и хлопок, объем торговли которыми в регионе вырос. Но в 1633 году великий визирь посчитал, что Факр аль-Дин стал слишком могущественным, и приказал губернатору Дамаска его арестовать и вместе с сыновьями доставить в Стамбул, где впоследствии его и казнили. Ни один из менее влиятельных семейных кланов этого региона, пытавшихся после его смещения заполнить вакуум власти, не обладал могуществом, которое могло представлять угрозу для Османской империи. Сын Факр аль-Дина, Хусейн, получил османское воспитание и, после придворной службы, в 1656 году был направлен в Индию в качестве посланника султана Мехмеда IV. Его имя осталось в истории благодаря тому, что он был главным источником сведений для летописца Мустафы Наима.

После почти столетней борьбы за установление своей власти в богатой провинции Йемен и целого ряда неудачных попыток ее подчинить, турки отказались от мысли и дальше сохранять свое не слишком сильное влияние в этом регионе, сфера распространения которого ко времени их ухода ограничивалась узкой береговой линией. В ответ на призыв местного клана Зайди начать «священную войну» в начале столетия был предпринят целый ряд антиосманских акций, после которых наступило кратковременное затишье, а затем местное население возобновило противодействие туркам, закончившееся в 1635 году бесславным уходом османских сил. Настойчивые попытки Османской империи удержать в своих руках эти отдаленные и негостеприимные земли дорого обошлись обеим сторонам. Религиозная непримиримость имперских владык не слишком привлекала йеменские кланы, а Османское государство либо не желало, либо уже не могло направлять свои ресурсы на поддержание присутствия в регионе, стратегическая ценность которого снизилась после окончания соперничества с португальцами в Индийском океане.

Для того чтобы прекратить волнения в провинциях, Мурад IV использовал два инструмента: активные военные действия и административную реформу. Он также был участником кампании по духовному возрождению, которая должна была изменить нравы его подданных и которая на протяжении всего столетия оказывала влияние на общественную и политическую жизнь. В 1609 году султан Ахмед запретил выращивание и употребление табака, который анг-

лийские торговцы не так давно ввезли в его владения. В качестве аргумента он ссылался на то, что люди не занимаются своими делами, а проводят дни и ночи за курением табака в кофейнях. Табак пользовался такой популярностью, что запрет оказался неэффективным и в 1614 году его снова пришлось вводить. Но к этому времени он стал настолько прибыльной культурой, что его выращивание уже конкурировало с таким традиционным занятием, как пчеловодство. Впрочем, и цены на мед тоже выросли. Султан Осман вновь ввел запрет на табак (подкрепленный фетвой шейхуль-ислама), а в конце 1630 года его примеру последовал султан Мурад.

В марте 1631 года султан распорядился вновь ввести в действие законы, регулирующие потребление предметов роскоши немусульманами. На самом деле это был политический вопрос, хотя и возникший по причине наличия соответствующей правовой базы (немусульмане были подданными второго класса, к которым надлежало «относиться с презрением и заставлять быть скромными и смиренными в манере одеваться и в фасоне платья»), и именно Ахмед I, который хотел, чтобы его считали образцовым правове́рным, установил, какие предметы одежды могут носить только мусульмане. Мурад вновь утвердил этот запрет и продлил его действие на неопределенное время:

Оскорблять и унижать неверных в их облачении, одежде и фасоне платья согласно мусульманскому закону и имперскому правовому акту. Впредь не позволять им садиться на лошадь, носить соболий мех, шапки из собольего меха, атлас и бархат. Не позволять их женщинам носить мохеровые головные уборы, отделанные парчой и вуалью. Не позволять неверным и евреям ходить как мусульмане и носить такую же одежду. Таких задерживать и изгонять. Не теряя ни минуты, приступить к исполнению указа, который я таким образом обнародовал.

Программа общественных преобразований Мурада нашла горячего сторонника в лице харизматического проповедника Кадизаде Мехмеда. В 1631 году этого уроженца городка Баликесир, на северо-западе Малой Азии, назначили проповедником мечети Айя София (что было самым престижным назначением такого рода в империи). По случаю дня рождения пророка Мухаммеда, который тогда выпал на 16 сентября 1633 года, в мечети султана Ахмеда в присутствии Мурада IV были прочитаны две проповеди. Первую

читал проповедник, который во время пятничных молитв регулярно читал проповеди в этой мечети. Это был почтенный Хальвети, шейх Эбюльхайр Мекдеддин Абдулмесид, также известный под именем Сиваси-эфенди. Вторую читал Кадизаде Мехмед. По утверждению Катиба Челеби, Сиваси-эфенди попытался упредить реплики своего соперника, подвергнув осмеянию выдвигаемые им идеи, но резкое осуждение Кадизаде Мехмедом всех новшеств, введенных в религиозную практику и веру, а также в общественное поведение, глубоко взволновало измученную волнениями последних лет паству.

Вознеся молитвы Пророку, толпа покинула мечеть и произвела облавы в тавернах города, причем султан даже не пытался этому воспрепятствовать. Как раз во время этого критического противостояния он повелел закрыть и снести кофейни во всей империи, сделав исключение только для Египта, Мекки и Медины. Это вполне привычное для Стамбула столкновение встревожило жителей города. Правящие круги стали опасаться того, что надвигается очередной мятеж. Мурад распорядился закрыть и таверны. Табак, таверны и кофейни были неразрывно связаны, и если оставить в стороне экономический аспект, то введенный Мурадом за несколько месяцев до этого запрет на табак можно считать не только попыткой пресечь употребление вредного растения, но и мерой, направленной против той неконтролируемой сверху жизни, которую его подданные вели в кофейнях и тавернах. Теперь он перешел к более решительным действиям. Султан Мехмед III содействовал открытию кофеен в крупных городах империи, за исключением Стамбула, желая дать людям место, где они могли бы отдохнуть. Ахмед I, напротив, повелел их закрыть, но этот запрет не удалось ввести в действие.

Дебаты между новаторами и фундаменталистами давно были яркой чертой исламской интеллектуальной жизни, а продолжавшееся на протяжении всего семнадцатого столетия господство аскетической морали (насаждаемой движением Кадизадели, названным так в честь Кадизаде Мехмеда) опиралось на консервативное направление в исламе, представленное жившим в эпоху правления султана Сулеймана ученым Мехмедом Биргеви. Он написал несколько трактатов, посвященных вопросам общественной и личной нравственности, и способствовал усилению аскетической составляющей религиозной доктрины. Пытавшиеся найти неиспорченный ислам, очищенный от новшеств, которые начали вводить

еще при жизни Пророка, члены движения Кадизадели в качестве критерия использовали работы Биргеви.

С особым неодобрением представители Кадизадели относились к дервишам, но, судя по всему, им не удалось полностью склонить на свою сторону султана Мурада, который решил избегать крайностей. Он в равной степени проявлял свое расположение и к Кадизаде Мехмеду и к Сиваси-эфенди. Еще более сосредоточенные на духовных исканиях братства дервишей, которые когда-то были опорой османских завоевателей на Балканах, уже давно перестали играть важную роль в жизни общества. Но султаны Османской империи и представители ее правящей верхушки по-прежнему относились терпимо к наиболее известным мистическим орденам, таким как, например, Хальвети, члены которого, после вступления на престол Баязида II, перенесли свою штаб-квартиру в Стамбул и сохранили свое первенство как при Селиме I, так и при Сулеймане I. Мурад IV не скрывал того, что он оказывает покровительство Шейху Азизу Махмуду Хюдаи из ордена Келвети (являвшегося ответвлением ордена Хальвети): этот шейх был духовным наставником его отца, а во время состоявшейся в Эйюпе церемонии восхождения молодого султана на трон он опоясал его клинком. Известно и то, что он высоко ценил ритуальное кружение дервишей Мевлеви, которое они продемонстрировали во дворце, и в течение тринадцати из семнадцати лет своего правления он держал на посту шейхуль-ислама выдающегося правоведа и поэта-мистика Зекерьязде Яхья-эфенди — человека, известного своими симпатиями к дервишам.

Движение Кадизадели противопоставляло себя как высшей иерархии ислама (считая, что ее представители запятнали себя участием в политической жизни государства), так и дервишам с их мистицизмом и ритуалами. Кадизаде Мехмед принадлежал к совсем иному типу духовного лица: он не был ни мистиком, ни представителем государственной духовной иерархии, воспитанным в духе исламского мышления, права и вероучения, а был человеком, который считал для себя должным изо дня в день жить духовной жизнью своей мечети. Никто не сомневался в том, что именно риторика движения Кадизадели стала причиной того, что в 1634 году был казнен тогдашний шейхуль-ислам Ахизаде («Сын верующего брата») Хусейн-эфенди. Ахизаде Хусейн выразил свое несогласие, когда султан Мурад повелел казнить кади Изника только на основании жалоб местного населения. Во время отсутствия султана, находившегося в Бурсе, он написал Кёсем Султан о том, что испытывает беспокой-

ство, вызванное действиями Мурада, и обращал ее внимание на то, что духовная иерархия всегда пользовалась привилегиями и уважением, и просил ее напомнить об этом своему сыну. Распространились слухи о том, что Ахизаде Хусейн планирует сместить Мурада, и когда султан, получив письмо своей матери, вернулся в Стамбул, он первым делом распорядился отправить Ахизаде Хусейна и его сына, являвшегося кади Стамбула, в изгнание на остров Кипр. Потом он передумал и направил вслед за ними палача. Этот беспрецедентный случай стал настоящим потрясением, поскольку такие наказания, как казнь и конфискация имущества или поместий, представляли собой риски, связанные с профессиональной деятельностью тех, кто служил в военно-административном аппарате государства, и никогда не распространялись на представителей духовной иерархии (что было следствием домыслов, согласно которым они всегда остаются в стороне от межфракционных интриг). Казнь Ахизаде стала отражением подлинной роли, которую духовная иерархия тогда играла в политике, и наглядно показала представителям этой иерархии, какую цену придется им заплатить за то, чтобы получить доступ к материальным поощрениям, распределяемым среди тех, кто находился на государственной службе. Кроме того, она продемонстрировала, что принцип неприкосновенности духовных лиц, это всего лишь принцип, и что политическая целесообразность заставляет нарушать этот якобы непреложный обычай. Хотя Ахизаде и не был первым казненным шейхульисламом, но он вошел в число тех трех (из приблизительно 130 шейхульисламов империи), которых казнили.

Последние годы правления Мурада IV были заполнены событиями, связанными с военными действиями против Ирана. Они напомнили о первых столетиях существования империи, когда самая серьезная угроза ее целостности исходила с Востока (от династий Караманидов, Аккоюнлу и Сафавидов), а не с Запада. И хотя война на уничтожение, которую в начале XVI столетия Селим I вел против шаха Исмаила, снова разгорелась, правда ненадолго, в первые годы правления Сулеймана I, договор, заключенный в Амасье в 1555 году, четко определил сферы влияния Османской империи и державы Сафавидов, что впоследствии стимулировало установление взаимоотношений между этими государствами. Уже не претендуя на мировое господство, каждая из сторон признавала существование своего бывшего противника. Последующие войны между эти-

ми государствами носили локальный, приграничный характер. Они заканчивались потерей или приобретением отдельных крепостей и практически не меняли установленные границы.

Характер войны между Османами и Сафавидами мог измениться, но стремление султана Мурада возродить величие прежних времен требовало возрождения традиции, согласно которой султану надлежало быть воином. Поэтому он твердо решил сам повести свою армию в поход против Сафавидов, точно также как за столетие до него это делал султан Сулейман. Успехи, достигнутые в этой сфере султаном Османом II, оказались кратковременными и не слишком убедительными. Мурад держал государственный аппарат под более жестким контролем, чем Осман и считал, что возможность получить политические выгоды, которые сулила победа на восточном фронте, перевешивает угрозу того, что в его отсутствие произойдет переворот.

Шах Аббас умер в 1629 году, а его внук и преемник шах Сафи, воспользовавшись неразберихой, вызванной мятежами в Стамбуле и Анатолии, спровоцировал недовольство грузинских князей и направил войска к османской крепости Ван, приказав взять ее в осаду. Султан Мурад смог выступить против шаха Сафи только весной 1635 года. Частично эта задержка объяснялась его явным желанием возглавить свою армию в ее походе на Речь Посполитую и принять личное участие в боевых действиях, развернувшихся на этом фронте летом 1634 года (ради этого он прибыл в Эдирне). Другой причиной было нежелание его войск идти на войну, что побудило Мурада пойти им навстречу и дать отдых перед походом на восток. Мир с Речью Посполитой позволил Мураду энергично вмешаться в те события, которые происходили на его границе с Ираном, и в конце концов он направил на восток многочисленную армию, с целью оказать поддержку малоазийским войскам, которые противодействовали Сафавидам. Этой армией командовал великий визирь Табаниясси Мехмед-паша, а потом присоединившийся к ней султан. Это был первый случай, когда он рискнул отправиться в места столь удаленные от Стамбула. Султан провел свою армию через Анатолию, прибыл в Эрзурум, а затем в Карс и, наконец, подошел к крепости Ереван, которую удерживали Сафавиды. Во время этого похода он воспользовался возможностью творить скорый суд за те мятежи и разбои, которые омрачили первые годы его султанства. По его приговорам были казнены те, на кого поступали жалобы, в том числе и несколько губернаторов провинций, которые, как счи-

талось, злоупотребляли своей властью. Столь строгие меры дисциплинарного воздействия сослужили ему хорошую службу в суровых условиях ведения боевых действий на восточной границе, препятствуя мятежам, которые в прошлом так часто мешали султанам вести войну.

Турки удерживали Ереван в период между 1583 и 1604 годами. Восьмого августа 1635 года, после восьми дней осады, гарнизон крепости капитулировал. Из Еревана армия Мурада двинулась на юг, в направлении Тебриза, но как это уже случалось в прошлом, османская армия не смогла овладеть этим городом и с приближением зимы отошла к Вану. Между султаном и побежденным губернатором Еревана, Миргуне Тахмасп Кулиханом, которого турки называли Эмиргунуном, установились дружеские отношения. Впоследствии Эмиргуна вызвали в Стамбул, где ему было назначено постоянное денежное содержание и пожалован сад в деревне на берегу Босфора, которая сегодня называется Эмирган. В нем он построил дворец «в персидском стиле». Мурад проводил много времени в кампании Эмиргуна. Согласно утверждениям посещавшего Стамбул в XVII столетии француза Жана Батиста Таверньера, они устраивали совместные попойки.

В декабре 1635 года Мурад совершил триумфальный въезд в Стамбул, в качестве султана-воина, восстановившего традицию своих предков. Его победа была увековечена в здании павильона Реван, построенного в садах дворца Топкапы, на террасе, возвышавшейся над бухтой Золотой Рог. Не прошло и восьми месяцев с момента капитуляции Эмиргуна (и трех месяцев с момента торжественного въезда Мурада в Стамбул), как Сафавиды снова взяли Ереван, но этому факту не позволили умалить значение успеха, достигнутого в этой кампании. Возможно, потеря Еревана считалась лишь временной неудачей: известие о контрударе Сафавидов побудило выслать армию, чтобы помочь османскому гарнизону удержать город, но она оказалась слишком малочисленной, а погода становилась очень холодной. Из-за потери Еревана был снят со своей должности великий визирь Табаниясси Мехмед-паша, который остался на зиму в Диярбакыре. Его место занял зять султана Байрам-паша, прежде занимавший должности главнокомандующего янычарами и губернатора Египта.

Сафавиды вновь овладели Ереваном и разбили османскую армию, но, услышав о том, что султан Мурад готовится к очередной военной кампании на востоке, они направили к нему посланника с

просьбой о мире. Но тому не удалось разубедить Мурада. В этот раз, перед тем как покинуть Стамбул, он приказал организовать шествие, в ходе которого перед ним должны были пройти все гильдии города. В составленном Эвлией Челеби колоритном повествовании об этой красочной церемонии есть намек на то, что автор, возможно, был ее очевидцем, но он отмечает, что подробное сообщение об этом шествии, которое есть в его «Книге странствий», является лишь копией текста, приведенного в рукописи под названием «Описание Константинополя», владельцем которой был его покровитель и родственник государственный чиновник Мелек («Ангел») Ахмед-паша (сегодня местонахождение данной рукописи неизвестно). Из Павильона процессий, находившегося в юго-западном углу внешней стены, отделявшей территорию дворца от города, султан наблюдал за торжественным шествием гильдий, представлявших 735 ремесел и профессий. Скопированные Эвлией Челеби описания этих гильдий включают замечания об их истории и практической деятельности. Согласно его утверждению, это шествие, как и значительная часть всего, что приказывал делать Мурад, проводилось в целях переписи. Помимо прочего, «Описание Константинополя» включало в себя реестр всех строений имперской столицы, от мечетей до тюрем, который должен был заменить реестр, составленный по приказу султана Селима II, за полстолетия до этих событий.

8 мая 1638 года османская армия во главе с султаном покинула Ускюдар и, пройдя по маршруту Конья, Алеппо, Диярбакыр и Мосул, в ноябре подошла к Багдаду. После продолжавшейся 39 дней осады крепость сдалась. Взяв этот преимущественно шиитский город, Мурад повелел отремонтировать мавзолей теолога и мистика Абд аль-Кадира аль-Гилани, построенный Сулейманом I после взятия Багдада в 1534 году. В том же году Сулейман реконструировал усыпальницу выдающегося правоведа Абу Ханифа. Внимание, которое Мурад уделил мавзолею аль-Гилани, также было направлено на то, чтобы вновь заявить о превосходстве ислама, который исповедовали в Османской империи над исламом, которому отдавали предпочтение Сафавиды. Зекерьязаде Яхья-эфенди вместе с Мурадом принял участие в походе на Багдад, что было первым случаем, когда шейхульислам находился в действующей армии. По возвращении в Стамбул султан отметил свою победу строительством на территории дворца Багдадского павильона, который, как и павильон, построенный им после Ереванской кампании, возвышался над бухтой Золотой Рог.

Султан Мурад IV принял участие в еще одном важном строительном проекте, который осуществлялся на другом краю его империи: его имя стоит последним в памятном списке правителей, которые восстанавливали главную святыню ислама, Каабу в Мекке. Попытки укрепить его стены были предприняты в годы правления отца Мурада, султана Ахмеда, но в результате опустошительного наводнения 1630 года это строение оказалось на грани полного разрушения. Его восстановление оказалось непростой задачей, как с практической точки зрения (надо было с благоговением разобрать камень за камнем, поскольку считалось, что оно построено самим Всевышним), так и с философской (поскольку некоторые религиозные авторитеты считали любую современную реконструкцию недопустимой, а другие были убеждены в том, что это традиционная обязанность шарифа Мекки, а не султана далекой Османской империи). Потребовалось сделать правовое заключение и компромисс был достигнут: государство предоставило необходимые материалы и провело экспертизу (что, по всей вероятности, не могли сделать местные власти), а аристократы из Мекки получали наградные халаты в ознаменование окончания различных этапов реконструкции и в знак признания этого жеста возносили молитвы за султана и продолжение османского правления. Сделанная в знаменитой памятной надписи ссылка на участие Мурада в этом проекте стала напоминанием исламскому обществу о благотворительной деятельности османских султанов, являвшихся защитниками священных мест.

Тридцатилетняя война, в которую Европа вступила вскоре после смерти султана Ахмеда, позволила туркам спокойно заниматься достижением своих стратегических целей на востоке. Но в эти годы снова дали о себе знать менее важные проблемы на западе, которые в начале столетия все еще оставались неразрешенными. Одной из них была проблема верховной власти в Трансильвании, где после смерти Габриеля Бетлена в 1629 году шла борьба за княжеский престол этого вассального государства. Направленные туда в 1636 году для того, чтобы обуздать ставшего чрезмерно независимым преемника Георга Ракоши, османские войска были разбиты. Тем не менее Житворокский договор, который подвел итог австрийско-турецкой войне 1593–1606 годов, в 1642 году был продлен по согласию обеих сторон: Тридцатилетняя война закончилась в 1648 году, и Габсбурги, которые были ее главными действующими лицами, го-

рели желанием снова продлить этот договор в 1649 году. Соглашение между Османской империей и Венецией о действиях против общего врага позволило туркам сыграть лишь незначительную роль в Тридцатилетней войне. Споры вызывал вопрос о контроле над расположенным в Альпах, севернее Италии, перевалом Валтеллина, который был необходим Габсбургам для сообщения с их североитальянскими и голландскими владениями. В 1624–1625 годы Венеция обратилась с просьбой и получила разрешение султана Мурада вербовать наемников из определенных районов Боснии, Албании и Пелопоннеса, с целью оказать содействие защите ее интересов от посягательств со стороны Габсбургов.

Мирный договор 1623 года, заключенный между Османской империей и Речью Посполитой после поражения Османа II под Хотинном, не смог решить проблемы, связанные с вассалами этих государств, то есть крымскими татарами и украинскими казаками, зато почти сразу же обе стороны вступили в тотальную войну, которая в те годы шла в Европе. Мир, заключенный в 1623 году, с трудом, но все же удавалось сохранять, причем даже после «странной» войны 1634 года, а Османская армия, флот и войска провинций в то время были задействованы в бассейне Черного моря, где они занимались патрулированием берегов, защитой морских путей и несением гарнизонной службы в крепостях, разбросанных вдоль всего побережья, так как набег казаков на прибрежные районы Анатолии и Румелии продолжались с неослабевающей силой. В отличие от татар, казаки и в море и на суше были как у себя дома, а имевшиеся у империи на Черном море галеры не шли в сравнение с их маленькими, маневренными судами. Была построена флотилия менее крупных судов, для того чтобы сражаться с казаками на мелководье, где великие степные реки впадают в Черное море, но казаки мастерски владели искусством маскировки и легко уклонялись от сражений с османскими судами. Три четверти столетия, начиная с того времени, когда в 1475 году империя впервые обозначила свое присутствие на северном побережье Черного моря, она без особых хлопот «управлялась» с этим приграничным регионом, что давало ей возможность направлять свои ресурсы в более беспокойные места своих владений. Тот хаос, в который погрузилась степь в годы, когда во главе казаков стоял Дмитрий Вишневецкий, был лишь прелюдией к их нашествию на берега «Османского озера», когда даже такие крупные города, как Феодосия, Билхород, Констанца, Варна, Самсун и Трабзон подвергались атакам и даже разграблениям. Не избе-

жали подобной участи и поселения в низовьях Дуная, такие как Килия, Измаил, Брэила и Исаккея. Эти набеги оказывали огромное воздействие, так как нарушали поставки сырья и продовольствия, от которых зависели город Стамбул и экономика империи. В эти годы казаки иногда наносили удары по городам и деревням, расположенным в глубине Босфора. Так, в 1624 году они разграбили и сожгли прибрежные деревни, находившиеся в южной части пролива, в районе Еникёй. Английский посол сэра Томас Роу был очевидцем набега, совершенного 19 июля 1624 года:

...от 70 до 80 казачьих лодок, в каждой из которых было пятьдесят человек, гребцов и солдат, воспользовались тем, что главный капитан [т. е. главный адмирал] был занят в Татарии, и на рассвете вошли в Босфор; где разделившись, разграбили и сожгли все деревни и дома наслаждений [т. е. расположенные вдоль берега виллы] по обеим сторонам пролива до самых замков [т. е. до Румели-Хисары и Анадолу-Хисары] и в четырех милях от этого города [т. е. Стамбула]. Главными местами были Баюкдери [т. е. Бюйюкдере] и Дженикой [т. е. Еникёй], а также Стения на азиатском берегу [т. е. Истинье на европейском берегу]; где, захватив большую и богатую добычу, они оставались до девяти часов утра; а потом весь этот город и пригороды забили тревогу, и великий сеньор [т. е. султан] спустился к берегу... не имея ни одной готовой к обороне галеры, они вооружили все парусные лодки, барки и прочие малые суда, общей численностью от 400 до 500, и укомплектовали их такими людьми, которые либо умели грести, либо могли сражаться, и отправили всех находившихся в городе конных и пеших, общим числом 10 000 человек защищать побережье от еще большего разграбления. Повсюду царили невиданный ужас и смятение.

Роу сообщал, что казачьи набеги на берега Босфора так встревожили правительство, что если бы во время заседания имперского совета поступило известие об очередном набеге, то оно «сразу же прекратилось бы, а разгневанные члены совета поспешили бы выслать войска, чтобы предотвратить дальнейшие вторжения».

В 1623 году, после Хотинской кампании, Мехмед Гирей [III] стал ханом Крыма, а в следующем году вернулся его брат Шахин. За десять лет до этих событий, когда в Крыму шла ожесточенная борьба за престолонаследие, Шахин бежал в Иран, и все эти годы он на-

ходился при дворе шаха Аббаса. Близость Шахина к иранскому шаху побудила османское правительство восстановить на престоле соперника братьев по борьбе за власть, бывшего хана Канбег Гирея, который морем отправился из Стамбула в Крым. Однако, чтобы завладеть тронем, Канбегу нужна была помощь Османской империи, но ее сухопутные и военно-морские силы в тот момент были слишком распылены, и она едва ли могла оказать ему необходимую поддержку. Чтобы оказать противодействие Канбегу, Мехмед и Шахин впервые вступили в политический союз с днепровскими казаками, которые прежде были смертельными врагами крымских татар, а в июле главный адмирал империи отплыл в Крым, чтобы оказать поддержку Канбегу. Их объединенные силы не выдержали совместного удара татар и казаков. Окруженный татарскими войсками своих соперников, Канбег и его люди бежали. Татары полностью уничтожили османскую пехоту и захватили походную казну. Мехмед Гирей остался ханом, а Шахин стал его законным наследником. В 1625 году казаки напали на Трабзон и полностью его опустошили, и это был лишь один из многих вселявших ужас набегов, которые они совершили в те годы. В начале августа в районе дельты Дуная произошло крупное морское сражение между османской эскадрой и казаками: османскому адмиралу удалось спастись только благодаря благоприятному ветру.

Татарско-казачий союз встревожил польское правительство, не меньше чем османское, и, чтобы казаки не спровоцировали войну между Речью Посполитой и ее могучим соседом, поляки предприняли шаги, направленные на их сдерживание. В своей отправленной в Англию депеше с комментариями относительно ситуации, сложившейся в регионе после заключения этого союза, Томас Роу писал, что «любой обмен сведениями между этими кочующими народами причинит много хлопот этому городу и государству». Европейские дипломаты в Стамбуле были хорошо осведомлены о том, какие последствия будут иметь события на Черном море для могущества Османской империи на Средиземном море и в Центральной Европе. Поэтому они пристально следили за развитием ситуации и пытались оказывать влияние на события так, чтобы обратить их на пользу своим государствам. Так, осложнения в бассейне Черного моря были выгодны Габсбургам, поскольку отвлекали внимание и энергию Османской империи от Центральной Европы, тогда как их соперникам (Франции и Англии) был выгоден мир на бере-

гах Черного моря, поскольку он давал возможность привлечь османские силы к борьбе с Габсбургами и их союзниками.

Для того чтобы противостоять угрозе со стороны казаков, турки решили укрепить свои оборонительные линии в северном Причерноморье, надеясь на то, что они смогут если не предотвратить, то хотя бы помешать выходу казаков из своих баз на Днестре в открытое море. В ходе двух военных экспедиций, 1627 и 1628 годов, они добавили к крепостным сооружениям расположенного в устье реки Очакова несколько новых фортов. Кроме того, в 1628 году они сумели отстранить от власти Мехмеда и Шахин Гиреев, несмотря на то что им оказывали поддержку казаки. Часто разгоравшаяся между представителями правящей династии крымских ханов борьба за престолонаследие (в ходе которой один претендент всегда пытался найти союзников среди соседей, чтобы с их помощью одолеть другого) как правило заставляла турок вмешиваться, чтобы обеспечить восхождение на трон претендента, которому они отдавали предпочтение.

Если днепровским казакам для того, чтобы выйти в Черное море, приходилось вести переговоры о свободном проходе мимо стоявшей в устье реки крепости Очаков, то для донских казаков препятствием на пути к морю был портовый город Азов, которым Османская империя владела с 1475 года. В 1636 году донские казаки при поддержке своих украинских собратьев взяли Азов в осаду. Овладев городом в следующем году, они поставили в затруднительное положение свою сторонницу, Московию, которой надо было решить, стоит ли и впредь оказывать им поддержку, тем самым навлекая на себя гнев Османской империи. Турки опасались нападения на свои форты, расположенные в проливной зоне Азовского моря, поскольку в случае успеха казаки получили бы еще один выход в Черное море. Поэтому в течение последующих нескольких лет они предпринимали значительные усилия, направленные на то, чтобы вернуть Азов. Одна из главных военных экспедиций с целью возврата Азова была предпринята в 1641 году, когда направленная туда эскадра совместно с татарами держала крепость в осаде на протяжении нескольких недель, несмотря на то, что успешные минные операции защитников привели к многочисленным потерям среди нападавших. И все же, с приближением зимы, османским силам пришлось отступить, так и не выбив казаков из крепости. Но Московия отказалась предоставлять какую-либо помощь

защитникам Азова, и в следующем году они, к облегчению турок, ушли из крепости.

На протяжении большей части XVII столетия Московия по-прежнему не горела желанием восстанавливать против себя Османскую империю, поскольку она была в большей степени обеспокоена своими взаимоотношениями со Швецией и с Речью Посполитой. Политика Московии изменилась только в 80-е годы, во время войн Османской империи с государствами Священной лиги, когда московиты предприняли неудачные походы на юг через степь и когда в 1696 году Петр Великий напал на Азов. Продолжавшаяся с 1632 по 1633 год осада расположенного к юго-западу от Москвы и удерживаемого Речью Посполитой Смоленска закончилась унижительным разоблачением военной слабости Московии. Для армии, которая не смогла достичь столь скромной цели, бросать вызов самой мощной в военном отношении державе региона было бы настоящим самоубийством. Московия продолжала платить дань крымским ханам, точно так же как она это делала в средние века, когда платила дань их предшественникам, ханам Золотой Орды. Это служило напоминанием о ее статусе, но то, что теперь она посмела называть эту дань «подношением», указывало на то, что в их взаимоотношениях произошел заметный сдвиг. В широком смысле, борьба за власть в степи, которая началась в XV веке с распада Золотой Орды, не слишком отличалась от той борьбы за власть в юго-восточной Малой Азии, которую более чем за столетие до этого вели между собой Египет Мамлюков, Иран Сафавидов и Османская империя. И Московия и Речь Посполитая делали первые шаги в направлении распространения своего влияния на те степные земли, которые турки так долго считали буферной зоной, где крымские татары, действуя от их имени, поддерживали порядок.

Почти так же часто, как черноморские берега Османской империи, становились объектами нападений казаков средиземноморское и адриатическое побережье империи, а также судоходство в этих водах, подвергались нападениям корсаров с берегов Северной Африки и Адриатики (последних называли «ускоками» и их поддерживали Габсбурги), которые нападали и на торговые суда Мальты, Венеции и других итальянских республик, а также на суда, перевозившие мусульман, совершавших паломничество в Мекку, или доставлявшие рабов из Африки в Стамбул. Время от времени, когда коммерческие потери были слишком высокими, а нанесенные оскорбления недопустимыми, турки применяли ответные жесткие

меры, но обычно подчеркнута любезные отношения, которые существовали между Османской империей и Габсбургами, сохранялись, если только местные власти не действовали сгоряча и не пытались решить вопрос по своему собственному усмотрению. В 1638 году (в самый разгар Багдадской кампании) карательные меры, принятые Венецией в ответ на действия корсаров в Адриатике, привели к опасному инциденту, когда североафриканская эскадра из шестнадцати кораблей напала на побережье Калабрии. Это встревожило венецианцев, которые в погоню за корсарами послали свою эскадру. Когда североафриканские корсары укрылись в османском порту Влёра, на побережье Адриатики, венецианцы блокировали порт, обстреляли из своей артиллерии крепость и захватили корабли корсаров. Пятнадцать кораблей они пустили ко дну, а один отправили в Венецию в качестве трофея. Возникла угроза применения репрессивных мер в отношении венецианцев, находившихся на территории Османской империи, а также сокращения торговли между двумя государствами, но восторжествовало мнение мудрых советников, и в конечном счете инцидент нашел разрешение с помощью дипломатии. Старшина купцов вышел на свободу после десяти месяцев тюремного заключения, а Венеция заплатила туркам компенсацию, как это уже было в 1573 году.

На востоке мирный договор 1639 года, заключенный с Сафавидами в Зухабе, положил конец длительному противоборству Османской империи и державы Сафавидов, которое началось в 1514 году с битвы при Чалдыране. Теперь турки могли сосредоточить свое внимание на других регионах, а мир на восточных рубежах империи сохранялся вплоть до падения династии Сафавидов в 20-х годах XVIII столетия. По условиям этого договора Сафавиды сохраняли за собой Ереван и прилегавшие к нему территории на Кавказе, а турки удерживали Ирак и Багдад. Восстановление равновесия, нарушенного в 1555 году после заключения мирного договора в Амасье, стало одним из величайших достижений Мурада IV.

Глава 8

ПАШИ МСТЯТ

В феврале 1639 года изгнанный Сафидов из Багдада и возвратившийся в Стамбул султан Мурад прибыл в Диярбакыр. Он был болен, и ему пришлось задержаться там на два месяца, чтобы восстановить силы и продолжить свой путь в Стамбул. Не прошло и года, как он скончался (в возрасте 29 лет) и был погребен в уже переполненной династической усыпальнице своего отца, Ахмеда I. Незадолго до этого умер его дядя, несведущий в государственных делах, но дважды становившийся султаном Мустафа I. Вопреки недавно установленной практике, Мурад лишь по возвращении домой после окончания многочисленных военных кампаний расправился со своими братьями: Баязидом* и Сулейманом (которые для него были братьями только по одному из родителей, а для султана Османа II — родными братьями). Они были умерщвлены во время празднований в честь Ереванской кампании 1635 года. Родной брат Мурада Касим был убит по возвращении Мурада из Багдада.

Мурад пощадил только одного брата (вероятно, в ответ на мольбы своей матери, Кёсем Султан), и султаном стал Ибрагим, которого называли «безумным» Ибрагимом. Впервые с того времени, как Сулейман I стал наследником своего отца, Селима I, не оказа-

* Поскольку Баязид являлся родным братом Османа, его можно было бы считать законным наследником Мурада. Судьба Баязида вдохновила французского драматурга Расина поставить пьесу о его жизни. Премьера спектакля состоялась в 1672 году. Расин узнал о том, что Баязида убил Мурад, благодаря депешам графа де Кези, который во время этого братоубийства был французским послом при дворе султана.

лось ни одного претендента-соперника: Мурад не оставил после себя ни одного сына, а все прямые наследники мужского пола были уничтожены. Возможно, психическое состояние Ибрагима внушало сомнения, но можно было только догадываться о том, к каким последствиям привел бы полный отказ от политического курса Османской империи. Когда Ибрагима вызвали из внутренних покоев дворца, он не мог поверить, что Мурад мертв, и предполагал, что сам он вот-вот разделит судьбу своих несчастных братьев.

Ибрагим оставил людей, назначенных еще Мурадом, таких как шейхульислам и великий визирь. Зекерьязде Яхья-эфенди оставался главой духовенства вплоть до своей смерти в 1644 году. Он находился в этой должности целых восемнадцать лет, при правлении трех султанов. Последний великий визирь Мурада, Кеманкеш Кара («Черный лучник») Мустафа-паша, заключил мирный договор, положивший конец иранским войнам, и наслаждался относительно долгим пребыванием на своем посту (около пяти лет), прежде чем пал жертвой фракционной борьбы и был казнен в том же 1644 году. Будучи матерью султана, не проявлявшей особой склонности к участию в государственных делах, Кёсем Султан снова выдвинулась вперед и вновь воспользовалась властью, от которой она отказалась после кровавых событий 1632 года.

Соперничество между великим визирем и валиде-султан было неизбежным, но в первые годы царствования Ибрагима силовую борьбу на высших уровнях власти удавалось сдерживать.

Кеманкеш Кара Мустафа-паша продолжил реформы, начатые при Мураде IV и его бывшем великом визире Табаниясси Мехмед-паше. В последующий период стабильности продолжалась передышка, на время которой прекратились фракционные распри, что было обеспечено законодательными актами, принятыми в течение четырех с половиной лет пребывания Табаниясси Мехмеда на своем посту. Казначейство было вынуждено признать, что переселение крестьян на их прежние земли несет массу неразрешимых проблем, и вместо этого было предписано провести новую перепись налогоплательщиков, согласно которой их следовало регистрировать там, где они находились в момент переписи. Кеманкеш Кара Мустафа сократил численность янычар и кавалеристов до 17 000 и 12 000 соответственно. Он укрепил государственную валюту и требовал, чтобы при внесении сумм и их снятии со счетов казначейства предпочтение отдавалось наличной валюте, а не векселям, и ввел в обращение детально разработанную систему цен. Он также

принял меры, направленные против одной из самых трудноразрешимых проблем того времени: увеличения численности тех, кто, не представляя явной ценности для государства, тем не менее получал казенное жалование.

Действия столь решительно настроенного великого визиря не могли не вызвать противодействие, и в 1642—1643 годах вспыхнуло очередное восстание. Губернатор Алеппо, Насухпашазаде Хусейн-паша, который был сыном великого визиря Ахмеда I, Насух-паши, находился в очень плохих отношениях с Кеманкеш Кара Мустафа-пашой. Насухпашазаде Хусейн укрыл одного смутьяна, которого разыскивало правительство, сделав это вопреки указаниям Стамбула, и ставил вензель султана в верхней части своих посланий, что было незаконно, так как визирям в провинциях запрещалось пользоваться привилегией ставить этот вензель. Кроме того, он жаловался на то, что пост губернатора обходится ему настолько дорого, что с доходов, которые дает ему эта должность, он не может оплатить свои колоссальные долги. Катиб Челеби сообщал, что приблизительно в этот период на высшие государственные должности стали назначать тех, кто мог за них заплатить. Тогда Кеманкеш Кара Мустафа назначил Насухпашазаде Хусейна на должность губернатора провинции Сивас, но тайно приказал исполнявшему обязанности губернатора этой провинции оказать ему вооруженное сопротивление. Несчастный губернатор был убит во время стычки, а Насухпашазаде Хусейн направился в Стамбул, чтобы там высказать свои жалобы. По мере того как он двигался по Малой Азии, численность его армии росла. Возле Измита, расположенного в какой-то сотне километров от Стамбула, он разбил наголову высланные против него силы и продолжал двигаться в направлении Ускудара. Сведения современников о том, чем это для него закончилось, весьма противоречивы. Согласно одной версии, Насухпашазаде Хусейн сел на корабль, совершил плавание по Черному морю, а потом был схвачен агентами правительства неподалеку от города Русе, на Дунае, и убит. Согласно другой версии, великий визирь, сделав вид, что он его прощает, пообещал ему пост губернатора Румелии, а потом направил на другой берег Босфора палачей, чтобы привести в исполнение приговор.

Насухпашазаде Хусейн стремился стать великим визирем, но другим претендентом на пост, занимаемый Керманкеш Кара Мустафа-пашой, являлся Киван («Юный друг») Капукубаши («Сторожевой пес») Султанзаде Мехмед-паша, который, будучи губернатором

расположенной на северном берегу Черного моря провинции Ози, увенчал свою относительно успешную военную и административную карьеру тем, что в 1642 году отвоевал захваченную казаками крепость Азов. Реформы Кеманкеш Кара Мустафы угрожали выгодам, которые были гарантированы многим, что делало его позицию весьма уязвимой, и в конце 1643 года великий визирь отдалил Киван Капукубаши Султанзаде Мехмеда от двора, назначив его губернатором Дамаска. Но Кеманкеш Кара Мустафа не мог надеяться на то, что ему удастся перехитрить группировки, которые плели против него свои бесконечные заговоры. Мятеж Насухпашазаде Хусейна был лишь одним из признаков недовольства, порожденного его реформами, и в феврале 1644 года султан Ибрагим приказал его казнить. Киван Капукубаши Султанзаде Мехмед был отозван из Дамаска и назначен великим визирем.

Султан Ибрагим поручал ведение повседневных дел визириям, но, подобно своему брату Мураду, всегда прислушивался к подсказкам своих фаворитов. И если проповедники из секты Кадизадели сумели убедить Мурада в необходимости закрытия кофейных заведений и в принудительном соблюдении законов, регулирующих потребление предметов роскоши, то слабое здоровье Ибрагима делало его легкой жертвой всякого рода шарлатанов. В Кинки («Гонитель демонов») Хусейне Хока он нашел того духовного наставника, в котором он нуждался. Формально, вершиной карьеры Кинки Хусейна было его назначение на должность главного судьи Анатолии, но та роль, которую он играл в политике тех дней, далеко выходила за рамки его служебных обязанностей. То предпочтение, которое султан оказывал Кинки Хусейну, говорило о шаткости позиций высшего духовенства, но, по счастью, Зекерьязаде Яхья-эфенди умер еще до того, как султану Ибрагиму внушили его сместить.

Подобно инциденту с корсарами, случившемуся в районе Влёрры в 1638 году и грозившему дальнейшим обострением отношений, но затем улаженному, происшествие, случившееся летом 1644 года, казалось проблемой, которую можно решить. Но этот инцидент привел к войне между Османской империей и венецианцами, которая, хотя и с перерывами, но продолжалась вплоть до 1669 года. Турецкие источники того времени (включая Катиба Челеби) сообщают, что тем летом мальтийские корсары атаковали небольшую флотилию у берегов острова Карпатос, расположенного между Родосом и Критом. На борту одного из кораблей этой флотилии нахо-

дился главный черный евнух Сюнбюль-ага, который был изгнан из столицы и плыл в Египет, что стало традицией для главных черных евнухов, уволенных по возрасту. Кроме него на кораблях находилось некоторое количество именитых паломников, совершавших путешествие в Мекку. Сюнбюль-ага был убит во время стычки, а захваченные сокровища корсары погрузили на корабль, который вскоре прибыл в одну из критских гаваней. В знак признательности за оказанное содействие корсары подарили часть сокровища венецианскому генерал-губернатору Крита. Когда выгружали одну из лошадей Сюнбюль-аги, которую решили подарить губернатору Кандии, ее копыта заделали землю, что, как сообщает Катиб Челеби, сочли дурным предзнаменованием. Через несколько дней корсары отплыли на запад, но перед тем, как удалиться на значительное расстояние, они затопили захваченные турецкие суда, пустив ко дну оставшиеся на них припасы и животных.

Известие об этих пиратских действиях вызвало гнев в Стамбуле, где сочли, что венецианцы на Крите намеренно попирают условия соглашения, согласно которым запрещалось давать прибежище тем корсарским судам, которые имели намерение или были виновны в нападениях на судоходство другой стороны. Согласно сообщениям поверенного Венеции в Стамбуле Джованни Соранцо, все иностранные посланники в столице были вызваны на прием к влиятельному фавориту султана, Кинки Хусейну. Они подверглись перекрестному допросу, с целью выяснить причастность их государей к этому делу, и каждому из них приказали дать письменные показания. Сначала отказавшись выполнить такое распоряжение, они затем все же дали свое согласие, но с оговоркой, что истинное положение дел можно выяснить только в том случае, если направить кого-то на Крит. Некоторые из тех турецких моряков, которые уцелели после этого инцидента, в конце концов вернулись в Стамбул и поведали о том, что на самом деле мальтийцы в течение двадцати дней оставались на Крите, где они продавали награбленное и пополняли свои запасы. По мнению турок, это не было тем незначительным нарушением, на которое можно смотреть сквозь пальцы (и было воспринято как явный союз между венецианцами и их единоверцами с Мальты).

Объяснения этого инцидента другой стороной значительно расходились с турецкой версией. Венецианский губернатор Крита сообщил дожу, что мальтийские суда оставались в гавани столько времени, сколько было необходимо для того, чтобы высадить на берег

нескольких греков, находившихся у них на борту, а потом продолжили свой путь на Мальту. На самом деле чиновник, отвечавший за тот участок побережья, куда прибыли мальтийцы, уже был казнен за то, что в тот момент его не было на посту. Две столь отличные версии одного события никак нельзя было согласовать. Сохранение мира было явно в интересах Венеции, поскольку она не сумела бы защитить от турок ни себя, ни свои владения. На самом Крите местное греческое население едва ли встало бы на защиту своих венецианских господ, к которым оно не испытывало любви. Похоже, имперский совет не слишком долго дискутировал относительно того, стоит ли вступать в войну из-за этого инцидента. Воинственную позицию, которую занял Кинки Хусейн Хока, поддержал другой фаворит султана Ибрагима, принявший мусульманство далматиец Силахдар («Оруженосец») Юсуф-ага, а также его зять. Силахдара Юсуфа возвели в ранг паши и назначили главным адмиралом, поручив ему ведение как наземных, так и морских операций. После кончины Кеманкеш Кара Мустафа-паши не осталось сторонников умеренной политической линии и возобладали партия войны.

Мальта считалась главной целью османского флота, корабли которого стояли в имперской верфи, готовясь к выходу в море. По-прежнему отстаивая свою невинность, так как ничего иного Венеции не оставалось, республика была застигнута врасплох, когда 26 июня 1645 года турецкая армада появилась у берегов Крита. В ходе этой первой летней кампании турки после почти двухмесячной осады взяли крепость Кания (Канеа), позволив ее защитникам уйти вместе со своим имуществом, что соответствовало исламским правилам ведения войны и той практике, которая была принята в Османской империи. Символом этого завоевания стало преобразование кафедрального собора в главную мечеть города, названную именем султана. Две другие церкви также превратились в мечети, причем одна из них была названа в честь победоносного военачальника, Силахдара Юсуф-паши.

Несмотря на столь многообещающий взлет, дни Силахдара Юсуф-паши оказались сочтены. Вернувшись в Стамбул, он подвергся резкой критике со стороны великого визиря, Киван Капукубаши Султанзаде Мехмед-паши, недовольного тем, как он вел осаду крепости, и в особенности тем фактом, что он привез так мало трофеев. Хотя султан Ибрагим, который выслушал аргументы обеих сторон, намеревался снять Киван Капукубаши Султанзаде Мехмеда с должности великого визиря, Силахдар Юсуф обнаружил, что

ему не стоило надеяться на постоянное расположение султана. Когда он отказался возвращаться на Крит, аргументируя это тем, что зима — не время для ведения боевых действий и что флот к ним просто не готов, Ибрагим приказал его казнить за неповиновение.

В 1646 году военные действия распространились на другой участок разбитой на изолированные друг от друга куски венецианско-турецкой границы. Это случилось, когда турки захватили принадлежавшие венецианцам важные территории на побережье Далмации, некоторые из которых они потеряли уже в следующем году. Впрочем, война на Крите шла вполне успешно. В начале года пала крепость Ретимно, вскоре за ней последовали менее крупные укрепленные пункты, разбросанные по всему острову. Осада Ираклиона (Кандии), самого большого города на этом острове, началась в октябре 1647 года (и продолжалась в течение следующих 22 лет), а к 1648 году остатки оборонительных укреплений острова, представлявшие собой пару незначительных фортов, оказались в руках турок. В результате, появилась возможность ввести простейшую систему административного управления, хотя остров все еще мало что мог дать в смысле взимания налогов. Но вскоре военные успехи Османской империи закончились. В 1646 году силы Венеции высадились на острове Бозкаада (Тенедос), и хотя они получили отпор, но тот факт, что венецианцы смогли потревожить турецкое судоходство в районе, так близко расположенном от главного порта империи (и имевшем столь важное стратегическое значение для морских коммуникаций с Критом), не предвещал ничего хорошего. В 1648 году венецианский флот блокировал Дарданеллы, и в течение года турки не могли выйти в Эгейское море, чтобы поддерживать снабжение своих гарнизонов на Крите. Снабжение Стамбула также было затруднено. Османский военный флот покинул свою базу и по суше был доставлен в укрепленный порт Чешме, в западной Малой Азии, что позволило ему в какой-то степени преодолеть скованность действий, вызванных блокадой. В апреле 1649 года из Стамбула вышла новая мощная эскадра, и блокада была прорвана.

Война, вспыхнувшая между Османской империей и Венецией, нашла отражение далеко за пределами критского театра военных действий. В последние годы, раздражение, которое вызывали у поляков крымские татары, достигло небывалого уровня, так как усиления, необходимые для того, чтобы защитить Речь Посполитую от их набегов, поглощали ресурсы, которым можно было бы найти лучшее применение. Вскоре после своего восхождения на трон, в 1632 го-

ду, король Владислав IV стал вынашивать планы «турецкой войны», и теперь он нашел горячего сторонника этих планов в лице венецианского посланника при своем дворе, Джованни Тьеполо, который внушал ему, что пока внимание турок сосредоточено на Крите, казакам, номинально считавшимся подданными Владислава, следовало напасть на побережье Черного моря, находившееся в руках Османской империи. В прошлом такая тактика приводила Стамбул в ужас. Кроме того, Тьеполо предлагал финансовую помощь. Считая, что провоцировать самих турок слишком опасно, Владислав придерживался мнения, что более мудрым решением было бы нападение на татар, которое в любом случае переросло бы в войну с их османским сюзереном. Эта идея понравилась Тьеполо, который в марте 1646 года добился от венецианского правительства обещания, что оно финансирует такое предприятие.

Владиславу не удалось заручиться поддержкой своего собственного правительства, но соседи Речи Посполитой (Московия и находившиеся в вассальной зависимости от Османской империи государства Валахия, Молдавия и Трансильвания) дали знать, что он может рассчитывать на то, что они поддерживают его план, который, как он полагал, можно было бы осуществить при минимальных затратах, используя находившихся в его распоряжении казаков. Но как раз в это время набеги татар на земли Речи Посполитой временно прекратились, а правительство Османской империи, знавшее, насколько трудно вести войну на два фронта, заняло примирительную позицию в своих делах с Владиславом. Однако самым важным было то обстоятельство, что конституция Польши не позволяла вести агрессивную войну, а его собственное правительство и не думало менять свою позицию. Королю оставалось лишь покориться воле правительства.

Война с Венецией велась, несмотря на внешне незаметный распад системы административного управления Османской империи. После того как высшие государственные деятели Мурада IV сошли с политической арены, в дворцовых и в государственных делах Ибрагима сразу же наступил разлад. Хотя слабоумие султана давало его матери возможность вмешиваться в процесс принятия решений, она была не в силах помешать ему обращаться за советом к своим фаворитам. Султан занимался гаремом, почти не интересуясь ни внешней, ни внутренней политикой. Члены правительства не стеснялись в средствах для достижения своих целей, так как фортуна то

улыбалась, то отворачивалась от тех группировок, с которыми они были тесно связаны. В то время интриги были обычным, но весьма рискованным делом: ставший в 1645 году великим визирем Салих-паша осторожно высказывал мнение, что султана Ибрагима следует низложить, а вместо него поставить одного из его сыновей. За это в 1647 году ему пришлось поплатиться. Казна была пуста, несмотря на реформы, инициированные Мурадом IV для того, чтобы государству было легче собирать налоги, чем оно собственно и должно было заниматься.

Продолжавшиеся волнения в провинциях являлись еще одним признаком недовольства, которое испытывало все общество. В Малой Азии царила неразбериха. Жизнь крестьян была нарушена как разгулом бандитизма, так и политически мотивированными восстаниями, во главе которых стояли такие деятели, как Абаз Мехмед-паша и Насухпашазаде Хусейн-паша. В результате крестьяне отказывались от традиционного образа жизни, что сделали многие из них, когда экономические условия ухудшились, и либо искали счастье на поприще военной службы в эскорте того или иного паши, либо вместе со своими приятелями занимались разграблением сельской местности. Официальная пропаганда делала отличие между восстаниями и бандитизмом. Паши прежде всего считались представителями высшего класса Османской империи, а те паши, которые поднимали восстания, считались сбившимися с правильного пути представителями того правящего класса, для пользы которого их воспитали и дали образование. Если же они проявляли особое упорство в своих заблуждениях, тогда их, по крайней мере на некоторое время, возвращали в лоно того класса, которому они принадлежали. Что касается бандитов, то в глазах государства они относились к низшим слоям общества и считались представителями класса плативших подати крестьян, незаконно отвергнувшими уготованное им социальное положение, и их наказывали в соответствии с уголовным кодексом. Чрезвычайной редкостью были случаи вступления какого-нибудь разбойника в ряды элиты Османской империи. Взбунтовавшиеся паши, как и разбойники, нападали на проходившие караваны, притесняли крестьян и мешали уполномоченным правительства собирать налоги. И тех и других местное население обожало и в то же самое время ненавидело. Тем, у кого не было работы, они давали возможность найти применение их не востребованной энергии, пополняя свои ряды множеством вооруженных молодых людей. Современники слагали

о них баллады, в которых им либо предлагали отказаться от своей незаконной деятельности, либо, наоборот, прославляли их столкновения с властями.

Типичным бандитским главарем тех лет был Карахайдароглы Мехмед, который воспользовавшись отсутствием османских войск на Крите, с середины 40-х годов XVII века, вслед за своим отцом, Кара («Черным») Хайдаром, стал заниматься разбоем. Он грабил караваны, двигавшиеся по главным торговым путям западной Малой Азии, и в то же самое время требовал для себя пост помощника губернатора провинции. В этом ему было отказано, а зимой 1647—1648 года была направлена армия под командованием губернатора провинции Караман, Ипшир Мустафа-паши (он вырос в доме Абаз Мехмед-паши, желавшего отомстить за султана Османа и впоследствии ставшего великим визирем), которая должна была схватить разбойника, но не сумела этого сделать. Не увенчались успехом и последующие попытки. В конце концов Карахайдароглы Мехмед все же был схвачен и повешен в конце 1648 года. Как и о других подобных ему главарях, о нем упоминается в одной популярной песне:

Хайдароглы, в своем ли ты уме?

Как мог поднять мятеж ты на достойнейшей османской земле?

А сколько злодеяний ты сотворил на этом свете?

За каждое из них ты будешь в ответе.

Не лучше ли тебе остановиться?

Теперь лишь о тебе все говорят;

Но берегись, твоя судьба в руках Кара-Али [то есть палача]

И ты умрешь в невыносимых мучениях.

Катиб-Али [то есть автор] тебе внушает: займись собой;

Ведь для тебя померкнет мир, когда тебя повесят,

Наступит день, и черный ворон сядет на твой труп;

Не сохранять тебе свой гордый вид, не будь так глуп.

Восстание 1623 года под предводительством Мехмед-паши вспыхнуло как месть за убийство султана Османа, а недовольство Насухпашазаде Хусейн-паши было вызвано ограничениями его власти полномочиями губернатора провинции. Мятеж, во главе которого стоял губернатор Сиваса, Варвар Али-паша, представлял со-

бой еще одно восстание в Анатолии, которое грозило усугубить разногласия в Стамбуле разладом в провинциях. Историк и чиновник Мустафа Наима, работы которого были систематизированы спустя столетия, сообщает, что в 1647 году Стамбул потребовал от Сиваса внести 30 000 асперов в качестве взноса на проведение праздников, запланированных на священный месяц рамадан, однако после консультаций с представителями знати этого города Варвар Али решил, что он не может возложить такое налоговое бремя на местных налогоплательщиков. Последовали другие требования Стамбула, в том числе и распоряжение прислать в столицу жену Ипшир Мустафа-паши, которое Варвар Али отказался выполнить на том основании, что жену мусульманина не следует передавать никому, кроме ее законного супруга. В конце концов накопившееся в нем недовольство заставило его выступить против тех, кто несет ответственность за подрыв устоев сельской жизни. Он обвинил султана в том, что тот не уделяет внимания государственным делам, посетовал на то, что султанская власть попала в руки окружающих его женщин, и особо подчеркнул то, что главным злом является кратковременность пребывания на своих постах назначенных султаном губернаторов провинций и их помощников, поскольку назначенные на высшие должности в провинциях, как правило, могут оплатить свои назначения только по истечении трех лет. По его мнению, это толкает каждого вновь назначенного на такую должность выжимать из местных жителей как можно больше денег, пока его самого еще не сняли. Варвар Али объявил, что ради сохранения спокойствия в государстве он сам поедет в Стамбул, чтобы там представить свое дело.

Эвлия Челеби, который в то время находился в Эрзуруме, оставил запись о том, как губернатор этой провинции и тогдашний его покровитель Дефтердарзаде («Сын казначея») Мехмед-паша получил известие о казни Салих-паши и предупреждение о том, что, являясь протеже отошедшего в мир иной великого визиря, он рискует собственной жизнью, угроза которой исходит от нового великого визиря, Хезарпаре («Тысяча кусков») Ахмед-паши, ставшего преемником Салих-паши через пять дней после его смерти и желавшего сместить многих губернаторов провинций, которых он считает непокорными. Дефтердарзаде Мехмед обсудил содержание этого письма со своими чиновниками и поинтересовался, что они будут делать, если он захватит местную казну и запретит в Эрзурумской крепости, «чтобы, подобно Абаз [Мехмед]-паше, стать джелали». Однако его попытка изгнать из крепости гарнизон янычар прова-

лилась. Вскоре после этого, находясь в Эрзинджане, Эвлия Челеби сообщил о получении письма от Варвар Али-паши, с известием о том, что его сняли с поста губернатора Сиваса по причине инцидента с женой Ипшир Мустафа-паши и что он идет на Стамбул во главе многочисленного и мощного сопровождения, включавшего в себя еще семь губернаторов провинций и одиннадцать помощников губернаторов. Варвар Али называл правление Хезарпаре Ахмеда внушающим ужас и предлагал Дефтердарзаде Мехмеду вместе с его людьми принять участие в марше на Стамбул. Дефтердарзаде Мехмед дал согласие, и начались лихорадочные приготовления. Эвлия Челеби обнаружил, что он стал невольным участником этой сумятицы, хотя более всего его беспокоила сохранность товаров, которые он вез.

Согласно планам Варвар Али-паши, восточные провинции империи следовало разделить между мятежными пашами, среди которых он видел Ипшир Мустафу, но предполагаемой коалиции не получилось. Дефтердарзаде Мехмед-паша отправил Эвлия Челеби с письмом к Варвар Али, который в тот момент стоял лагерем юго-восточнее Амасии. Это было письмо-предостережение, в котором сообщалось, что Ипшир Мустафе нельзя доверять. Тем временем преемник Ипшир Мустафы на посту губернатора Карамана, Кёпрюлю Мехмед-паша получил приказ взять под свое командование преданные короне войска, высланные на поиски армии Варвар Али. Однако, прежде чем эти войска собрались вместе, Варвар Али взял в плен Кёпрюлю Мехмед-пашу. Вскоре, Ипшир Мустафа со своими войсками прибыл в лагерь Варвар Али, который теперь находился севернее Анкары, освободил Кёпрюлю Мехмеда и казнил Варвара Али. Эвлия Челеби так и не успел предупредить его о коварных планах Стамбула, согласно которым Дефтердарзаде Мехмед-паша должен был поймать Варвар Али, а тому было приказано убить Дефтердарзаде Мехмеда. Эвлию Челеби пришлось выдержать неприятную беседу с Ипшир Мустафой, в ходе которой он решительно отрицал наличие тесных связей с Дефтердарзаде Мехмедом, утверждая, что совершенно случайно оказался на дороге и был схвачен во время рукопашной схватки.

Варвар Али-паша написал стихотворную автобиографию, в которой подробно описал свою карьеру государственного служащего, в том числе и то, как его рекрутировали согласно набору юношей, который к середине XVII века практически прекратился, поскольку численность янычар была столь огромной, что этот набор счи-

тался устаревшей традицией и уже не было необходимости пополнять правящий класс Османской империи обращенными в мусульманство христианами. Рифмованные двустишия Варвар Али представляют собой ценность, поскольку являются одними из немногих биографических отчетов о карьере в военно-административной иерархии Османской империи. Приблизительно в 1600 году его забрали люди султана Ахмеда («они заставили меня лить слезы и терпеть мученья, и я не знал, что будет впереди») и доставили в Стамбул, где ему предстояло пройти обучение, необходимое для пажа дворцовой службы. После четырех лет предварительной подготовки он потратил еще десять лет, чтобы пройти обучение в самом дворце и только потом стал одним из сокольничих султана Ахмеда. В этой должности он получил возможность произвести впечатление на султана:

...Настал тот день, когда, собравшись на охоту,
султан сам подошел ко мне и принял сокола с моей руки;

Заметив грифа в небесах, спустил он тотчас птицу,
чтоб та его настигла, и когда случилось, добыча рухнула
на землю;

В тот самый миг он обращается ко мне: «Прошу тебя, открой мне
сокровенное желанье, и я распоряжусь, чтобы исполнилось
оно»;

В ответ я обратился со смиренной мольбой: «Как одному из
приближенных слуг,
быть может, вы окажете мне милость и разрешите мне сопровож-
дать вас и в походе».

Это положило начало той близости к султану, которой домогался каждый новый член правящего класса Османской империи. Варвар Али-паша прислуживал султану Осману II во время Хотинской кампании, и в качестве вознаграждения его назначили в султанскую кавалерию. Он добился того, что ему был пожалован земельный надел в провинции Дамаск, но покинул кавалерию, испытывая отвращение к той роли, которую сыграли султанские полки во время свержения Османа. Вскоре его назначили командиром янычар в Египте. Спустя год он вернулся в Стамбул, где стал начальником двух отря-

дов сокольничих. Приблизительно в 1625 году он был в свите молодого султана Мурада IV, которому прислуживал во время охоты. Заслужив его расположение, Варвар Али стал командиром кавалерии и принял участие в злополучной Багдадской кампании 1629—1630 годов. Затем его назначили губернатором Кипра (что стало его первым важным постом). К его сожалению, на этой должности он оставался всего лишь полгода, а затем был снова вызван в Стамбул. Его назначили губернатором Аданы, а затем он поочередно занимал посты губернаторов Кипра, Диярбакыра и Мараша. В 1635 году он сопровождал султана во время его кампании, целью которой было возвращение Багдада, и за свою отвагу был награжден деньгами и халатом:

...Три раза за кампанию сию, по воле Божьей, побеждал я войско шаха Исмаила [т. е. войска Сафидов] и представлял свои трофеи нашему султану;

В признание моей отваги, шах Мурад Хан вознаградил меня асперами в размере четырех кошелей и удостоил славного халата.

Проявивший себя как в Ереванской кампании, так и в последующем Тебризском котле, Варвар Али снова был назначен губернатором Кипра, а спустя год — губернатором провинции Анатоли в западной Малой Азии. Во время Багдадской кампании 1638 года он возглавил штурм и был ранен, а затем освобожден от военной службы по инвалидности. После этого его назначили губернатором провинции Румелия. Во времена правления следующего султана, Ибрагима, он ненадолго оказался в опале, но потом поочередно занимал посты губернаторов провинций Ван, Анатоли, Адана и более мелкой административной единицы Болу, расположенной между Стамбулом и Анкарой. В то самое время когда Варвар Али испытывал чувство разочарования, вызванное частой сменой занимаемых должностей, с чем приходилось мириться и ему, и таким, как он (что несомненно стало причиной впоследствии выдвинутого им предложения сделать срок пребывания на этих постах большим, нежели три года), его назначили губернатором Боснии — родного края, покинутого им около сорока лет тому назад:

...Через три десятка и два года добился я [поста генерал-губернатора Боснии] — короче говоря, достигнута поставленная мною желаннейшая цель;

И удостоившись высокого благоволения,
Предал забвенью я дела мирские и все на свете позабыл;

Не будь той милости, которой наш Всевышний удостоил Свое-
го слугу,
Не оказался бы пастух [доставленным] в домен султана.

К сожалению, на этом месте, то есть за три года до его смерти в 1648 году, автобиография Варвара Али-паши заканчивается. Поэто-
му можно только догадываться о том, что же заставило его бро-
сить столь решительный вызов власти истеблишмента. Его возвра-
щение в качестве османского губернатора на родину, которую он
покинул еще юношей, несомненно вызывало в нем чувство гордос-
ти, а его блестящая карьера была наглядной демонстрацией того,
какие возможности открываются перед таким, как он, мальчиком,
взятым из бедной крестьянской семьи. Вне всяких сомнений, сле-
зы наворачивались на глаза и родителей и детей, когда такие вот
мальчики покидали родной дом и семью, но похоже на то, что на-
бор юношей не вызывал большого сопротивления среди христиан,
которых рекрутировали. Весьма вероятно, что это могло ими рас-
сматриваться как долг, который они обязаны отдать законному мо-
нарху, а не как принудительная повинность, навязанная тираном.
Однако к середине XVII столетия это мероприятие носило более
случайный характер, что могло заставить людей воспринимать его
как призыв мужчин на военную службу, который имел место во
многих западных государствах того времени.

Конец правления султана Ибрагима был отмечен весьма крова-
выми событиями: летописец Хасан Векихи, который в то время на-
ходился на службе в Стамбуле, утверждал, что детали этих событий
заняли бы целый том. К 1648 году все группировки были едины во
мнении, что султана необходимо сместить. Даже мать Ибрагима,
Кёсем Султан, пришла к пониманию того, что его действия губи-
тельны для будущего государства, причем как в отношении внут-
ренней, так и внешней политики. Экстравагантный и вялый стиль
правления Ибрагима утомлял Кёсем точно так же, как он утомлял
других людей его ближнего окружения. Кроме того, она опасалась
и за свое собственное положение, о чем и написала великому визи-
рю Хезарпаре Ахмед-паше: «В конце концов, он не оставит в жи-

вых ни вас, ни меня. Мы лишимся контроля над правительством. Все общество разрушено. Надо немедленно сместить его с трона».

Хезарпаре Ахмед-паша был чрезвычайно непопулярен, он вызывал неприязнь и в Стамбуле, и у губернаторов провинций, от которых зависело нормальное функционирование государства. Он слишком откровенно наслаждался роскошью, доступной благодаря занимаемому им положению, и практически не оказывал сдерживающего влияния на необузданное поведение султана. Катиб Челеби, который был очевидцем этих событий, писал, что вручение великим визирем одеяний из собольего меха военачальникам, вернувшимся из критских кампаний, вызвало мятеж, который привел к свержению Ибрагима. Этот до неприличия широкий жест (хотя и разрешенный традициями) был воспринят как нависшее оскорбление людей, переносивших лишения, вызванные как внутренней, так и внешнеполитической борьбой: блокада Дарданелл, которую венетианцы установили в том же году, привела к дефициту товаров в городе.

Первое проявление недовольства случилось в мечети янычар (которые в 1623 году сыграли решающую роль во время свержения султана Османа и реставрации правления его дяди, Мустафы) и еще раз напомнило о том, что именно они являются той главной силой, которая возносит и низвергает султанов. Из этой мечети 7 августа 1648 года они известили дворец о том, что юных принцев следующего поколения нужно защитить от причинения им вреда. Хезарпаре Ахмед-паша бежал, но вскоре был схвачен и казнен по приказу султана. Как и в 1623 году, янычары объединились с высшим духовенством в лице шейхульислама и священнослужителей высокого сана, которых они пригласили в свою мечеть. На следующий день они собрались на ипподроме.

Отбросив традиционные формальности, связанные с выражением взаимного почтения, янычары и полки султанской кавалерии, которые были приглашены для оказания поддержки, возложили на самого султана ответственность за все невзгоды, которые испытывало государство. И хотя в Стамбуле только эти формирования обладали военной мощью, они не сочли возможным полагаться только на грубую силу в столь важном мероприятии, как свержение султана. Им и в голову не могло прийти действовать, не заручившись тем молчаливым согласием, на котором держалось государство. К тому же они испытывали необходимость получить от шейхуль-

ислама фетву, которая санкционировала бы их действия на основании канонического права. Альтернативой этому была абсолютная анархия. Подлинное предназначение этих первоклассных войск султана теперь уже трудно определить. Янычары и кавалеристы несомненно считали себя защитниками государства, и это вполне могло сочетаться с их ролью слуг султана, но получилось так, что одно все больше и больше противоречило другому. В эпоху, когда власть султана была ослаблена распрями группировок, входивших в его окружение, эти войска видели свою задачу в том, чтобы сохранить сложившуюся форму государственного управления и то место, которое они в ней занимали. Султанов меняли, но сохранение преемственности, являвшейся главным приоритетом для османской династии, было делом чести.

В вопросе смещения Ибрагима шейхульислам уступил мнению Кёсем Султан, поскольку, как и другие государственные деятели, он знал, что перед тем, как принять окончательное решение, она несомненно проконсультировалась. Ей направили послание, в котором сообщалось, что все они согласны с тем, что он должен уйти, и готовы принести клятву верности старшему принцу, сыну султана, Мехмеду. Кёсем Султан согласилась встретиться с ними во дворце и в ходе беседы, ради соблюдения приличий, сначала делала вид, что она против:

Вы так долго потакали любым желаниям моего сына [и] доказывали свою преданность; [и] ни разу ни один из вас не предостерег его и никто из вас не желал ему добра. Теперь вы хотите изменить положение и осудить такого невинного человека. Это злодейство.

Два часа они беседовали на эту тему, и под конец она, похоже, пришла в отчаяние:

Все сходятся во мнении, что султан должен быть низложен; ничего иного не остается. Вы говорите мне, что если я не отдам принца, они войдут во дворец и заберут его силой.

Использование в своих целях тех властных полномочий, которыми была наделена мать султана и в особенности валиде-султан, считалось необходимым, чтобы склонить ее на свою сторону перед тем, как шейхульислам сумеет высказать свое мнение. Хотя в част-

ной переписке она могла сообщить великому визирю о своих подлинных чувствах, но в обществе государственных деятелей правила поведения требовали от нее делать вид, что она против. Опасение того, что могут быть предприняты попытки восстановить на престоле Ибрагима, вызвало необходимость найти правовое обоснование его последующей казни. Вскоре «безумный» султан был мертв и похоронен в гробнице своего великого дяди, низверженного султана Мустафы, на территории, примыкавшей к мечети Аяя София.

Если и были те, кто надеялся, что уход некомпетентного султана Ибрагима и восхождение на трон семилетнего Мехмеда IV утихомирит распри группировок в Стамбуле и беспорядки в провинциях, то очень скоро им суждено было разочароваться. Новый, а главное такой юный, султан просто ввел в игру новые альянсы. Придерживаясь обычая, который к тому времени стал общепринятой нормой, матери Мехмеда следовало бы действовать как регентше при своем сыне, до достижения им совершеннолетия, как это делала Кёсем Султан при Мураде IV, до тех пор, пока в более поздний период своего царствования он лишил ее этих полномочий. Однако на сей раз беспорядочные события последних лет и тот факт, что мать Мехмеда, Турхан Султан, была чуть старше двадцати лет, помешали плавному переходу к регентству. Государственные мужи сочли ее слишком неопытной для того, чтобы принимать хоть какое-то участие в осуществлении властных полномочий. Поэтому было пересмотрено положение валиде-султан (как это случилось с правом наследования в 1617 году, когда на трон был возведен брат умершего Ахмеда I, а не его сын): во дворце осталась старшая женщина гарема, Кёсем Султан, а Турхан Султан пришлось ждать, когда настанет ее черед.

Преемник Хезарпаре Ахмед-паши на посту великого визиря, Софу Мехмед-паша стал компромиссным кандидатом тех, кто устроил свержение султана Ибрагима, и в течение девяти месяцев пребывания на этом посту он был не более, чем марионеткой в руках соперничавших группировок. Его сместили и казнили, чтобы освободить место главнокомандующему янычар Кара Мурад-паше, восхождение которого на пост великого визиря показало, что и во время правления несовершеннолетнего султана Мехмеда IV янычары по-прежнему будут оказывать влияние на решение государственных вопросов. На самом деле, в эти годы главнокомандующий янычар несколько раз становился великим визирем.

Низвержение Ибрагима не положило конец ни беспорядкам на улицах Стамбула, ни междоусобной борьбе группировок. Теперь протестовала молодежь, стремившаяся получить пост при дворе или сделать карьеру в полках кавалерии султана. Нехватка денег, необходимых для выплаты жалований тем многим, кто был пригоден для службы в кавалерии, в последние годы привела к тому, что эти полки оказались предоставлены самим себе. По всей видимости, во время последней смены султана присвоение чинов производилось как обычно. Поддержанные уже находившимися на службе кавалеристами, разочарованные кандидаты заявляли, что султан Ибрагим был несправедливо казнен, но янычары и священнослужители, которые были согласны с его низвержением, сохраняли свое единство. Действуя на основании фетвы, согласно которой это был незаконный бунт, янычары жестоко подавили протест на ипподроме, где собирались кавалеристы и кандидаты в кавалеристы. Так недавняя сплоченность пехоты и кавалерии стала еще одной жертвой беспорядков, поскольку теперь каждый род войск преследовал свои собственные цели.

Подавление мятежа кавалерии в Стамбуле, которым сопровождалось низвержение султана Ибрагима, спровоцировало жестокий ответ в провинциях. Со своей базы в Нигде, центральная Малая Азия, Гюрджю («Грузин») Абдулнеби-ага, прежде служивший в султанской кавалерии, направился в Стамбул, чтобы заявить протест в поддержку убитых. Потрясенные разразившимся на их глазах кризисом, летописцы того времени детально описывали тревожную последовательность событий. Как раз во время резни на ипподроме Абдурахман Абди, позднее ставший пашой и фаворитом Мехмеда IV, из дворцовой школы Галатасарая попал на престижную службу во дворце Топкапы. В своем дневнике тех событий он сообщает, что Гюрджю Абдулнеби затаил обиду на правительство, лишившее его прибыльной государственной должности. Гюрджю Абдулнеби требовал голову шейхульислама, который санкционировал убийство его товарищей по оружию, и просил дать ему возможность изложить свое дело султану. По словам летописца Мустафы Наима, особое огорчение Гюрджю Абдулнеби вызвал тот факт, что тела убитых были бесцеремонно сброшены в море, без проведения необходимых обрядов погребения. По словам этого мстителя, они были убиты, как взятые в плен христиане.

Гюрджи Абдулнеби-ага собрал весьма значительные силы, в том числе и разбойника по имени Катиркиоглы («Сын погонщика мулов») Мехмеда с его бандой, пересек Анатолию и летом 1649 года подошел к Изнику. В ответ правительство выслало армию под командованием губернатора Эрзурума Тавукшу («Хранитель цыплят») Мустафа-паши, который в то время находился в Стамбуле. Однако когда он подошел к Измиту, находившемуся в двух переходах от Изника, стало ясно, что сил у губернатора недостаточно, чтобы оказать сопротивление мятежникам. Поэтому они вернулись в столицу. Было решено развернуть большую армию возле Ускудара, расположенного на азиатском берегу Босфора и на холмах Чамлика. Когда верные правительству силы заняли свои позиции, из дворца было вынесено священное знамя пророка Мухаммеда и по просьбе великого визиря Кара Мурад-паши доставлено в его лагерь, на холмах Чамлика*. Однако султаном (а возможно, и его регентшей Кёсем Султан) было запрещено использовать это знамя для того, чтобы вдохновлять войска в сражении против Гюрджи Абдулнеби. По мнению Абдурахмана Абди, в этом было отказано по той причине, что кризис надеялись уладить без кровопролития, которое могло вызвать применение столь мощного символа. Тем не менее твердая, но примирительная позиция великого визиря явно оправдала себя, когда в дальнейшем поступили сведения о том, что Гюрджи Абдулнеби умерил свои требования до смещения шейхульислама, а когда ему и в этом было отказано, настаивал лишь на том, чтобы его самого и его сторонников, в том числе и Катиркиоглы Мехмеда, назначили на высшие должности в провинциях. Поскольку теперь армия мятежников стояла лагерем возле Булгурлу, то есть совсем недалеко от войск великого визиря, он счел целесообразным принять эти уже не столь амбициозные требования. Террор, начало которому положили зловещие события в Стамбуле, перебрался на другой берег Босфора, о чем стало известно благодаря отчету Мустафы Наима об этом мятеже, хотя спустя пятьдесят лет он подвергся выборке, из-за упоминавшихся в нем подробностей поспешной вербовки новых янычар, которые должны были сражаться с мятеж-

* Привезенное из Дамаска в Стамбул в 1593—1594 гг., чтобы воодушевить на войну против Габсбургов, это знамя, по всей видимости, сопровождало султана Мехмеда III на поле битвы при Мезе-Керестеше в Венгрии, но после кампании 1596 года оно так и не было возвращено в Дамаск.

никами, а также приказов, согласно которым городские хлебопеккарни работали на полную мощность, и решения вооружить пастухов и бедняков, которым было поручено поддерживать порядок в городе, где совсем не осталось войск.

Разумный компромисс, на который великий визирь Кара Мурад-паша пошел в отношении мятежников, не сработал. Группы стрелков с обеих сторон вступили в столкновения друг с другом, и после ужасной схватки мятежники одержали победу. Вслед за этим великий визирь бросил свои войска в сражение с силами Гюрджю Абдулнеби, и те бежали в Малую Азию. Гюрджю Абдулнеби был схвачен в Кыршехире, восточнее Анкары. Впоследствии его отрубленная голова была выставлена напоказ возле дворца Топкапы, в назидание тем, кто задумал бросить вызов султану. Катиркиоглы Мехмед заслужил помилование, вошел в состав османского военно-административного истеблишмента, был назначен губернатором одной из провинции, а затем убит во время военных действий на Крите. Это был тот редкий случай, когда главарь разбойников стал государственным служащим высокого ранга.

Другой поразительной деталью ретроспективного отчета Мустафы Наима являются обстоятельства ухода Тавукшу Мустафа-паши из Измита перед отправкой более крупных сил под командованием великого визиря. Наима утверждал, что неподалеку от Измита Тавукшу Мустафа и его люди столкнулись с силами Катиркиоглы Мехмеда, когда янычары Тавукшу Мустафы прицелились, Катиркиоглы Мехмед крикнул, чтобы они не стреляли, так как он не питает к ним никакой вражды. Услышав это, янычары вышли из траншей и, сев со своими мнимыми врагами, стали пить с ними кофе. Некоторые из янычар даже ходили за передовые линии противника, в лагерь Гюрджю Абдулнеби, где их принимали с таким же дружелюбием. Люди Тавукшу Мустафы решили, что нет причин вступать в бой, и даже убедили подкрепления, прибывшие на поле боя морем, сложить свое оружие. Согласно этой версии событий, столкнувшемуся с неповиновением собственных войск и убедившемуся в том, что жители Измита поддерживают мятежников, Тавукшу Мустафе не оставалось ничего другого, кроме как ретироваться в Стамбул.

Мятеж Гюрджю Абдулнеби вскрыл ту пропасть, которая пролегла между самозванными хранителями традиций османского государства и правящими кругами этого государства. Сначала кавалерия султана расходилась во мнениях с янычарами и была готова поддержать мятежников, якобы стремившихся, как и они, отомстить

за резню на ипподроме. Впрочем, рядовые янычары легко вступали в дружеские отношения с мятежниками. Некоторые чиновники осуждали валиде-султана за то, что она, будучи регентшей султана, отказалась санкционировать использование священного знамени в сражении против войск Гюрджю Абдулнеби. Но она получала поддержку со стороны ее союзника главного черного евнуха, который, как и она, настаивал на том, что знамя следует использовать только против неверных. Как стало известно, разрешение на его вынос из дворца дал регистратор потомков пророка, пренебрегший традицией, согласно которой только султан наделен полномочиями принимать такое решение. Другой высокопоставленный священнослужитель, опасаясь последствий, не спешил давать фетву, которая оправдывала нападение на мятежников, несмотря на то, что их недовольство имело основания: недавняя резня на ипподроме продемонстрировала, что это может привести к еще большему насилию. Так получилось, что желание Гюрджю Абдулнеби вооружить себя и своих сторонников и прийти в Стамбул со своей жалобой было воспринято государственными деятелями как серьезная угроза их власти, тем более что полки султана, похоже, готовы были поднять мятеж. Но самое большее, к чему стремились мятежники, это их назначение на государственные должности.

Хотя Гюрджю Абдулнеби встревожил Анатолию, находившуюся в самом сердце османского государства, его восстание не привело к улучшению жизни местного населения. В 1650 году владельцам государственных земельных наделов было приказано выплатить половину своих доходов в качестве единовременного налога. Это был шаг, который лишь обострил и без того тревожную ситуацию в провинциях. «Мятежные паши» добивались выдающихся успехов благодаря неразберихе, которая грозила стать нормой жизни: они то служили государству, то оказывали ему сопротивление, а когда им приказывали сражаться с подобными им деятелями, они поневоле становились представителями центральной власти. Эти люди надеялись ознакомить государственных сановников в Стамбуле с тем, что вызывало тревогу в провинциях, и навязать им свою точку зрения на то, каким должно быть государственное управление в том хаосе, очевидцами которого они являлись. Когда различные политические группировки в Стамбуле объединились в той мере, в какой это было достаточно для того, чтобы пресечь деятельность этих пашей, они сумели это сделать. Впрочем, им часто не хватало такого единства, и ужасающая перспектива увидеть тысячи вооружен-

ных людей, двигавшихся на столицу, не оставляла им другого выбора, кроме как подчиниться (в большей или меньшей степени) требованиям пашей включить их (или вернуть) в состав правящего истеблишмента. Мятеж Гюрджю Абдулнеби, последний акт которого разыгрался в непосредственной близости от столицы, стал одним из многих ярких проявлений глубоко укоренившегося чувства возмущения тем, что янычары все больше и больше контролируют центральную власть. (За семь лет до этого в Англии марш враждебно настроенной армии на столицу привел к похожей безвыходной ситуации при Тернхэм-Грин, расположенном на таком же расстоянии от центра Лондона, как Булгурлу от центра Стамбула. Но в том случае «мятежником» был король Карл I, пытавшийся вернуть себе трон, а теми, кто стоял у власти, были члены «долгого парламента».)

Примечательно то, что кавказское происхождение было общей особенностью нескольких мятежных пашей, получивших особую известность в период между убийством султана Османа в 1623 году и временным затишьем в провинциях, наступившим после того, как в 1656 году великим визирем был назначен Кёпрюлю Мехмед-паша, который когда-то был пленником Варвар Али-паши. Абаза Мехмед-паша был, как и Ипшир Мустафа-паша, родом из расположенной на кавказском побережье Черного моря Абхазии. Гюрджю Абдулнеби был грузином. Дервиш Мехмед-паша, находившийся на посту великого визиря в 1653–1654 годы, тоже был кавказцем. Еще одним абхазцем являлся родственник и покровитель Эвлия Челеби, Мелек Ахмед-паша. Отмечая то, что абхазцы считались скупыми, Эвлия утверждал, что родившегося в Стамбуле Мелек Ахмеда нельзя считать таковым. Такие люди не являлись результатом набора молодежи, поскольку они с самого рождения были мусульманами и родились в регионе, который, как правило, не пополнял правящий истеблишмент своими уроженцами. Возможность поступить на государственную службу была предоставлена кавказским юношам с конца XVI столетия. Описывая квартал Галаты, расположенный возле того места, где отливали пушки, Эвлия Челеби отмечает, что его жителями главным образом были выходцы с берегов Черного моря, а также Грузии и Абхазии. Он писал, что абхазцы отправляли своих годовалых или двухлетних детей обратно в свою страну, чтобы они там получили воспитание, а потом, в возрасте пятнадцати лет, они возвращались в Стамбул, где их дарили фаворитам султана или продавали государственным сановникам. Именно так, писал Эвлия, поступил на государственную службу Мелек Ахмед.

Другие мятежники были родом из западных окраин империи, и их рекрутировали во время обычных наборов молодежи. Например, Варвар Али-паша был из Боснии*, а Дефтердарзаде Мехмед-паша, одно время являвшийся покровителем Эвлия Челеби, родился в Герцеговине. Из сообщений современников ясно, что между выходцами из Боснии и Албании, как и между уроженцами Абхазии, Грузии и других районов Кавказа, были напряженные отношения. Те выходцы с Балкан, которые становились частью Османской империи, считали кавказцев чужаками, присутствие которых нежелательно. Так, например, Дефтердарзаде Мехмед указывал на абхазское происхождение Мустафа-паши, когда предупреждал несчастного Варвар Али, что ему нельзя доверять.

В августе 1650 года Мелек Ахмед-паша был назначен великим визирем, но спустя год его пребывание на этом посту неожиданно закончилось по причине того, что он проявил некомпетентность, столкнувшись с яростным бунтом стамбульских лавочников. В эти годы казна была пуста, и, когда летом 1651 года настало время выплатить жалованье янычарам, государственный казначей тайно договорился с офицерами янычар собрать все неполновесные деньги, отчеканенные на Белградском монетном дворе, и все фальшивые монеты, которые они только смогут найти. После этого лавочников Стамбула стали принуждать обменивать эти монеты на принадлежавшие им золотые монеты с убытком в 30 процентов по официальному курсу. Затем эти золотые монеты обменивали на серебро у менял в убыток последним. Таким способом была получена такая сумма наличных денег, которой хватило и на то, чтобы выплатить жалованье рядовым янычарам, и на то, чтобы их офицеры получили с этой операции существенную прибыль. Когда все это было проделано, стало больше, чем обычно, неполновесных денег, доступных для таких финансовых манипуляций, но по причине небезопасности морских путей (по всей вероятности, из-за продолжавшихся нападений казаков) не было возможности выслать оплату гарнизону Азова.

Руководители гильдий обратились с жалобами к Мелек Ахмед-паше, упомянув еще четырнадцать видов налогообложения, кото-

* В используемом здесь печатном издании хроник Мустафы Найма он упоминается под именем Вардар Али-паша, возможно намекая на то, что он родом из района, прилегающего к реке Вардар в Македонии, или, по крайней мере, имеет к нему какое-то отношение.

рым они подверглись в том году помимо этого последнего притеснения. Но их мольбы оказались напрасными. Мелек Ахмед оскорбил их, назвав «неверными собаками», и приказал выгнать. 21 августа негативная реакция на распространение неполновесных денег проявилась в виде беспорядков на стамбульском базаре. Торговцы закрыли свои лавки, а их вожаки собрались в резиденции шейхуль-ислама Карачелебизаде Абдулазиза-эфенди (который в прошлом был главным судьей как Румелии, так и Анатолии, и, сыграв свою роль в низвержении султана Ибрагима, находился в плохих отношениях с Кёсем Султан), написавшего историю своей эпохи, в которой упомянул о своей причастности к бунту лавочников. Вожак лавочников обратился к шейхуль-исламу с просьбой выступить их посредником в переговорах с султаном, но он ответил, что не может, и посоветовал им еще раз пойти к великому визирю. Но их тон был угрожающим, и ему пришлось написать Мелек Ахмеду по этому вопросу. Упущенным в отчете Карачелебизаде Абдулазиза (но упомянутым Мустафой Наима) является тот факт, что когда вожаки лавочников стали настаивать на том, чтобы шейхуль-ислам пришел во дворец до того, как они в нем появятся, он ушел в другую комнату, под тем предлогом, что ему нужно совершить омовение, и попытался незаметно сбежать из своего дома. Ему оседлали лошадь и под пристальным наблюдением сопроводили к мечети Айя София, где была собрана толпа, численность которой, согласно его оценке, составляла 20 000 человек.

Султан согласился предоставить Карачелебизаде Абдулазизу аудиенцию, но еще до его прибытия Кёсем Султан, увидев ожидающего шейхуль-ислама, спросила, почему ему разрешили войти. Испугавшись, Карачелебизаде Абдулазиз изложил свое дело и, после продолжительной дискуссии, убедил валиде-султан в том, что печать великого визиря нужно передать ей, и тем самым предрек собственную отставку. Султан Мехмед вызвал напуганного великого визиря и приказал ему написать меморандум, составленный так, чтобы положить конец беспорядкам, но толпа признала бы только тот документ, который был написан рукой самого султана. Поэтому он приказал, чтобы все введенные в последнее время поборы были отменены, то есть чтобы никакие дополнительные сборы, кроме налогов, включенных в свод законов султана Сулэймана I, не взимались. Толпа уже была готова разойтись, и казалось, что опасность миновала. Но потом было выдвинуто требование казнить шестнадцать человек, которых лавочники обвинили в присвоении го-

сударственных финансов. Главным образом, это были офицеры янычар, в том числе их главнокомандующий Кара Чавус («Черный вестник») Мустафа-ага. Кроме того, толпа потребовала отставки Мелек Ахмед-паши. Кёсем Султан предложила вместо Мелек Ахмед-паши поставить Кара Чавус Мустафу, наивно полагая, что это положит конец волнениям, но когда Кара Чавус Мустафа отказался прибыть во дворец, требуя, чтобы ему принесли должностную печать, вместо него был назначен пожилой визирь Сиявуш-паша. Как и следовало ожидать, Эвлия Челеби возложил всю ответственность за падение Мелек Ахмеда на других и обвинил Карачелебизаде Абдулазиза в том, что тот настроил и толпу и придворных против его патрона.

Наступила ночь. Новый великий визирь и шейхульислам пытались ослабить напряженность. Они направились в мечеть янычар, чтобы встретиться с офицерами полков. Там главнокомандующий Кара Чавус Мустафа-ага напомнил Сиявуш-паше, что тот будет бессилён, не обладая поддержкой янычар. На следующее утро улицы вновь были заполнены толпой, но на каждом углу стояли грозные янычары с обнаженными саблями, готовые остановить людей, подходивших к дворцу. Многие из протестующих были ранены, другие убиты. В конце концов страх заставил толпу разойтись, но торговцы отказались открывать свои лавки.

Офицеры янычар твердо решили подчинить всю дворцовую оппозицию своему господству. Их целью, с которой Кёсем Султан согласилась исходя из собственных соображений, была группировка вокруг Турхан Султан, и элементом их плана являлась замена султана Мехмеда его младшим братом Сулейманом, мать которого была менее грозной соперницей, чем Турхан. Через одного из слуг Кёсем произошла утечка сведений о заговоре с целью отравить юного султана. Получив эти сведения, Турхан и ее сторонники сразу же решили убить Кёсем. Она была убита в ночь на 2 сентября 1651 года придворными, которых для этого наняли. После убийства Кёсем на первые роли выдвинулись сторонники Турхан, старшим из которых был ее главный черный евнух, Сулейман-ага. Естественным союзником этой группировки стал новый великий визирь Сиявуш-паша, который всего за несколько дней до этого сам стал жертвой недружелюбного отношения янычар к его назначению на пост.

Теперь офицеры янычар уже не могли долго сдерживать усиление преобладающих в народе настроений: все слои общества были против них, как это показал весь ход событий, начиная с убийства

Мехмеда IV. Именно янычары позволили пожилой валиде-султан, Кёсем, удержать власть в своих руках, но не было единого мнения относительно того, искала ли она союза с ними или была вынуждена потакать им как единственному средству сохранения целостности государства. Для некоторых власть янычар казалась меньшим злом, чем зловещая перспектива уступить каждой прихоти населения.

Когда Кёсем Султан убили, ей было почти семьдесят лет, и с тех пор как около пятидесяти лет тому назад эта женщина стала любимой женой Ахмеда I, она находилась в центре власти. В периоды, когда она становилась регентшей во время правления своих сыновей Мурада IV и Ибрагима, а также своего внука Мехмеда IV, она оказывала беспрецедентное влияние на процесс принятия политических решений, благодаря своей роли защитницы династии и государства. У наблюдателей не было единого мнения не только в отношении того, почему она поддерживала янычар, но и в отношении других ее действий. Некоторые полагали, что она (и это более всего порицалось) скопила огромное состояние незаконными способами и что ее вмешательство в дела государства не могло не вызывать неприязнь. Однако, по мнению Мустафы Наима, она была крупным жертвователем и тратила средства, которые приносили ей земельные наделы и прочие установленные для нее статьи доходов, на благие цели, занималась благотворительностью и осуществлением строительных проектов, как зримых символов заботы династии о своих подданных. Ее мечеть в Ускюдаре не слишком большая и гораздо менее роскошная, чем мечеть ее предшественницы, валиде-султан Нурбану (построившей мечеть, богословскую школу, дом для дервишей, богадельню, школу, краван-сарай, баню и прочие строения в одном и том же квартале), но ее прочно построенный караван-сарай, возле Крытого базара в Стамбуле, Валиде Ханы до сих пор стоит, хотя и находится в весьма ветхом состоянии.

На следующий день после убийства Кёсем Султан ранним утром султан собрал своих государственных сановников и придворных, чтобы выслушать их мнения. Первыми высказались два высокопоставленных священнослужителя, Ханафи-эфенди и Хоказаде Мосуд-эфенди, которые заявили, что, поскольку султан Османской империи является халифом ислама, все, кто оказывает ему сопротивление, должны считаться бунтовщиками и что их надлежит убить. Они порекомендовали вынести священное знамя и разослать глашатаев по всему городу, чтобы созвать всех правоверных, а каждого, кто не придет во дворец, наказать. Казалось, султана убедили

их аргументы, и, несмотря на тот факт, что виновниками беспорядков являлись мусульмане, священное знамя было вынесено из того места, где оно хранилось. Все обратили внимание на отсутствие во дворце шейхульислама Карачелебизаде Абдулазиза-эфенди: вопреки советам и после значительных колебаний, он не внял требованию султана явиться во дворец, предпочитая довериться офицерам янычар, которых он чрезвычайно опасался и полагал, что они выйдут победителями из этой коллизии. С некоторым количеством других высокопоставленных духовных лиц он нашел убежище в резиденции главнокомандующего янычар, но когда эти духовные лица и военачальники решили перебраться в находившуюся поблизости мечеть янычар, они обнаружили, что им не дают пройти рядовые янычары, которых было много и которые были вооружены. Они окружили их со всех сторон, ругая священнослужителей за то, что те отказались присутствовать на аудиенции у султана. К этому времени глашатаи уже настроили жителей города против тех, кто, узурпируя бразды правления государством, перешел границы дозволенного. Взбуродораженная толпа обвинила янычар в убийстве Кёсем и поклялась отомстить.

Отсутствующий шейхульислам Карачелебизаде Абдулазиз-эфенди был снят со своего поста. Разгорелась дискуссия относительно того, кто будет его преемником. Был назначен его заместитель, Абу-саид-эфенди, которого поддерживала группировка Турхан Султан. Певым делом он выдал ферву (правовое обоснование) на казни тех, кто отказался сплотиться под священным знаменем. Находившиеся в своей мечети, офицеры янычар попали в осаду и, не имея возможности выйти из этого затруднительного положения, оказались в полной изоляции. Вскоре улицы были переполнены устремившимися во дворец людьми, каждый из которых был вооружен, чтобы защититься от янычар. Сбитая с толку толпа на некоторое время пришла в замешательство, ожидая увидеть, что будет дальше, и вскоре рядовые янычары стали вливаться в потоки тех, кто устремился к священному знамени, пытаясь с ними смешаться. Абу-саид-эфенди послал письмо их офицерам, осажденным в корпусной мечети янычар. В этом письме он приказывал предстать перед ним. Это требование было ими проигнорировано, и главнокомандующий Кара Чавус Мустафа-ага, считая, что их спасут его рядовые янычары, попросил своих коллег оставаться на месте и быть готовыми защищать себя, если против них будут направлены силы, верные новому правительству. Но вскоре все они, кроме высших офице-

ров, улизнули. Дерзкий Кара Чавус Мустафа-ага направил во дворец ультиматум, в котором потребовал головы еще десяти должностных лиц, в дополнение к четырем военачальникам из группировки Турхан, головы которых он уже требовал. В качестве альтернативы он предложил выслать их в Египет.

Когда жители Стамбула подтвердили свою верность, проявив готовность сплотиться под священным знаменем, толпа (среди которой были и янычары) рассеялась. Переговоры, которые в конечном счете закончились этим потрясающим инцидентом, должно быть, заставили командиров янычар поверить, что они уцелеют и, даже оказавшись в изгнании, будут владеть богатствами, накопленными ими во время пребывания на своих должностях. Кара Чавус Мустафа-ага был назначен губернатором Темешвара, тогда как его заместителю, тоже Мустафе, суждено было стать губернатором Боснии, а бывшему главнокомандующему янычар, Бекташ-аге, была пожалована должность помощника губернатора Бурсы. Впрочем, так или иначе, но вскоре все они были убиты по распоряжению султана, а конфискация их огромных состояний до некоторой степени смягчила тот ужасный финансовый кризис, в котором оказалось государство. Карачелебизаде Абдулазиз-эфенди, скомпрометированный своей близостью к этим офицерам янычар, был отправлен в изгнание на остров Хиос. Его действия явно опровергали рассказы, согласно которым члены духовной иерархии якобы остаются в стороне от политики. Таким образом, трем неделям беспорядков был положен конец, и стало ясно, что государственные деятели, сплотившиеся вокруг султана и его молодой матери, хорошо проявили себя, справившись с опасной ситуацией.

После того как янычары перестали играть господствующую роль в политике Стамбула, наступил период верховенства другой клики, состоявшей из начальников придворных слуг, которые признали Турхан валиде-султан. Если сама она формально являлась представителем султана в период его несовершеннолетия, то главным лицом, осуществлявшим ее волю, был главный черный евнух Сулейман-ага, который принимал участие в принятии решений, направленных на восстановление порядка и истребление командиров янычар. Великий визирь Сиявуш-паша не обладал реальной властью, и через несколько недель его заменили пожилым и столь же безвольным Гюрджю Мехмед-пашой, который был братом мятежника Гюрджю Абдулнеби. Через несколько месяцев преемником Гюрджю Мехмеда стал Тархонку («Пожиратель эстрагона» или «Про-

давец эстрагона») Ахмед-паша, который в период между 1649 и 1651 годами находился на посту губернатора Египта. Впоследствии он был заключен в тюрьму крепости Едикуле, расположенной в черте Стамбула, а его состояние конфисковано, после чего его назначили на унижительную должность помощника губернатора одной из балканских провинций. Ему удалось восстановить доброе имя благодаря усилиям Хоказаде Мосуда-эфенди, главного судьи Анатолии, который принимал активное участие в государственных делах и обладал сильным влиянием во дворце. Но этого не удалось бы достичь, если бы не рассудительность султана и государственных деятелей высокого ранга. Сам Мехмед отдавал предпочтение своему наставнику Дели Хусейн-паше, который в то время командовал армией на Крите, но Хоказаде Мосуд играл главную роль в рассмотрении судебных дел. Красноречиво изложив три главные проблемы, с которыми столкнулось государство: состояние флота, война на Крите и поиски денег на ведение этой войны, Хоказаде Мосуд убедил султана в том, что Тархонку Ахмед, о котором он напомнил всем присутствующим, не растратил египетскую казну и является единственным человеком, пригодным для такой работы.

Вопреки всей сложившейся практике, в качестве условия назначения на новую должность, от Тархонку Ахмед-паши, в присутствии султана, визирей и шейхульислама, потребовали решить три проблемы, поставленные Хоказаде Мосудом-эфенди. Под угрозой лишиться собственной головы в случае невыполнения поставленной перед ним задачи Тархонку Ахмед поставил два своих условия. Первое состояло в том, что никого, независимо от званий и занимаемого положения, не следует ограждать от действия тех мероприятий, которые он направит на то, чтобы обеспечить получение государством необходимых денег, и что для решения этого вопроса ему следует предоставить полную независимость. Вторым условием было то, что его следует наделить полномочиями отменять все ненадлежащие назначения и повышения по службе, предпринятые его предшественником.

В основе прежних реформ, как правило, лежали попытки снова ввести нормы, которые, как представлялось, доминировали в прошлом. Теперь, казалось, приходило понимание того, что необходимы решения, которые помогут справиться с настоящим, а не попытки привести настоящее в соответствие с прошлым. По-видимому, назначение Тархонку Ахмеда являлось признаком того, что недавние беспорядки глубоко потрясли государственных деятелей

Османской империи и побудили их занять конструктивную позицию, в основе которой лежало стремление сохранить государство и не допустить его дальнейшего скатывания к банкротству. Но этот редкий пример согласия вовсе не гарантировал то, что можно найти выполнимые решения и что они будут найдены. Так, обязательство Тархонку Ахмеда достичь приемлемого исхода Критской войны вступало в противоречие с необходимостью привести в порядок финансовые дела государства, и скоро ему пришлось вступить в полемику с главным адмиралом Дервиш Мехмед-пашой по поводу денег, необходимых для поддержания флота в боеготовности. Кроме того, в эти годы свирепствовала чума и неурожай. Возможно, Тархонку Ахмед просто не мог ликвидировать дефицит бюджета, поскольку находился на своем посту меньше года. Но условия контракта были полностью соблюдены: он оплатился своей жизнью. Его суровые меры не пользовались популярностью и, как отмечает Эвлия Челеби, после того, как его преемником был назначен Дервиш Мехмед-паша, «люди вздохнули с облегчением... они отмечали каждый день, как канун Нового года... все радовались». Впрочем, один современник из Багдада, губернатором которого Дервиш Мехмед стал вскоре после того, как город был отвоеван в 1638 году, писал о нем как о жестоком тиране, поскольку Дервиш Мехмед ввел там новые экономические меры, которые часто вызывали недовольство. Затем быстро реабилитировали бывшего великого визиря, Мелек Ахмед-пашу, который находился в немилости из-за своего недостойного поведения во время стамбульского мятежа 1651 года. К 1653 году Мелек Ахмед-паша был вторым визирем и, как без тени иронии сообщает Эвлия Челеби, находясь на этом посту, он наслаждался жизнью в принадлежавших ему двенадцати особняках, расположенных на берегах Босфора.

Ипшир Мустафа-паша, который в 1648 году избавил будущего великого визиря Кёпрюлю Мехмед-пашу от возможной смерти от рук Варвар Али-паши, вскоре и сам стал великим визирем. Свои ранние годы он провел в свите Абаза Мехмед-паши, сопровождал его в 1623 году во время похода на Стамбул и оставался с ним во время его последующей карьеры на Балканах. Он заслужил покровительство великого визиря Кеманкеш Кара Мустафа-паши, который был творцом заключенного в 1639 году мирного договора с Ираном, сражался вместе с султаном Мурадом во время Ереванской кампании и был губернатором нескольких провинций. Его тактика «сильной руки» сделала его непопулярным, но она же наделила его

репутацией единственного человека, который способен подавлять мятежи. Он отказывался сражаться на стороне государства против мятежных пашей, которые были его союзниками: например, в 1646 году против ставшего губернатором провинции Анатолу Дервиш Мехмед-паши, а в 1648 году против Варвара Али-паши (хотя в последнем случае он в конечном счете встал на сторону государства).

В 1651 году, будучи губернатором Сиваса, Ипшир Мустафа-паша занял Анкару и попытался подчинить этот район своей собственной администрации, позиционируя себя сторонником султанских кавалерийских полков и противником янычар. Одно из требований, с которыми он обратился к правительству, состояло в том, чтобы оно усмирило наместника Ливана, который взимал непомерные налоги с владельцев сельскохозяйственных угодий и хватку которого ему самому прежде так и не удалось ослабить. Вскоре его назначили губернатором Алеппо и поручили пресечь неповиновение. Его успех в этом был связан с тем, что он знал о драматических событиях в Стамбуле, которые побудили его ускорить свою собственную программу решения тех многочисленных проблем, с которыми столкнулось правительство (что до него пытался сделать несчастный Варвар Али-паша). Он уведомил об этом губернаторов провинций Малой Азии, но их ответная реакция носила ограниченный характер. Жалобы на его жесткий стиль управления в Алеппо дошли до Стамбула, как и сообщения о том, что он планирует идти на столицу и покарать занимающих посты государственных деятелей. Встревоженные этим, они попытались унять его гнев, предложив ему пост великого визиря. Сначала он отказался, но в декабре 1654 года двинулся из Алеппо в Стамбул, чтобы вступить в должность. По пути он захватывал сельскохозяйственные угодья, которые раздавал своим людям, и вводил в практику упрощенное судопроизводство. В попытке связать Ипшир Мустафу с правящей династией его обручили с овдовевшей дочерью Ахмеда I, женщиной среднего возраста, Айше Султан*. Ипшир Мустафа продержался на посту великого визиря лишь несколько месяцев и за это время успел до такой степени отвратить от себя даже своих сторонников из кавалерийских полков, что они, объединившись с янычарами,

* Двое из ее прежних шести мужей также были великими визирями: Насух-паша, занимавший этот пост в период между 1611 и 1614 годами, и Хафиз Ахмед-паша, который был великим визирем в 1625–1626 годах и в 1631 году.

подняли мятеж, который привел к его казни. Он стал единственным губернатором провинции, который в отличие от многих других, воспользовавшись удаленностью от Стамбула, попытался избавиться от контроля центральной власти. Находясь на службе в провинциях, такие люди были в состоянии найти политическую поддержку на местах, с помощью которой они, по-видимому, могли бы диктовать свои условия тогдашнему правительству. Нечасто они поднимались на такие вершины управленческой иерархии, как Ипшир Мустафа. Но за его высокомерным поведением последовало быстрое возмездие.

Война за Крит продолжалась. Правящие круги настолько увязли во внутривполитической борьбе за власть, что едва ли можно было надеяться на последовательную внешнюю политику. Военачальники, как могли, выполняли свои задачи (как они их понимали), никогда не зная наверняка, прибудут ли к ним войска и финансовые средства или нет, и опасаясь того, что случаи мятежей (таких, как мятеж в августе 1649 года, когда янычары потребовали, чтобы их отправили домой после двухлетней службы в траншеях Ираклиона) будут повторяться. Им были нужны не только боевые корабли, но и качественное обеспечение живой силой и материальной частью, без которого они были совершенно не в состоянии функционировать. В июле 1651 года (в то лето, когда происходили волнения лавочников и была убита Кёсем Султан) состоялось первое серьезное морское сражение этой войны. Сильный османский флот вышел из Стамбула и, двигаясь на юг, столкнулся с венецианцами у берегов острова Санторин. За первой стычкой последовало сражение у берегов Наксоса в Кикладах, в ходе которого османский флот был рассеян и около тысячи человек попали в плен к венецианцам.

Во время пребывания Тархонку Ахмед-паши на посту великого визиря война на Крите носила вялотекущий характер, но как бывший главный адмирал, его преемник, Дервиш Мехмед-паша придавал ей гораздо большее значение. Во время его пребывания на этой должности, которую он занял в мае 1654 года, это подтвердилось в первом из четырех морских сражений, состоявшихся в проливе Дарданеллы. Оно закончилось победой османского флота, но венецианцы могли утешить себя тем, что турки понесли значительные потери в количестве шести тысяч человек. Новый главный адмирал Кара Мурад-паша, перегруппировав свой флот возле острова Хиос, совершил внезапное нападение на Тинос, затем столкнулся с венецианцами у острова Милос, после чего взял курс на Фочу, что

к северу от Измира, а потом вернулся в Дарданеллы, откуда снова двинулся на юг, к острову Крит, и к осени вернулся в Стамбул. В 1654 году венецианцы сумели избежать второго полномасштабного сражения с османским флотом, но в июне 1655 года объединенный венецианско-мальтийский флот столкнулся с противником в Дарданеллах. На сей раз турки ретировались после шестичасового боя. В июле закончилась ничем предпринятая венецианцами пятинедельная осада расположенной на полуострове Пелопоннес Моневазии.

В XVII веке победа или проигрыш в морском сражении могли зависеть от смены ветра. В июне 1656 года венецианцы получили преимущество в Дарданеллах не только по причине благоприятного для них течения, но и в силу перемены ветра, прибывшего османский флот к берегу пролива, и его корабли не могли уйти от залпов венецианских пушек. Те чувства, которые испытывал главный адмирал Кенан-паша, становятся понятны из его доклада об обстоятельствах поражения. Перед этой битвой он был прекрасно осведомлен о том, что его флот испытывает нехватку личного состава: войска султанских полков отказались нести службу на море, и ему пришлось довольствоваться личным составом худшего качества. Вступив в навязанное венецианцами сражение, он понес больше потерь от дезертирства, так как его люди прыгали за борт и плыли к находившемуся поблизости берегу. Сам он мог лишь бессильно наблюдать за тем, как ветер сносит его корабли, которые загораживают друг друга. Прежде удавалось срывать все попытки Венеции блокировать проливы и таким образом препятствовать морскому снабжению и переброске войск из Стамбула на Крит с целью усиления османских войск, осаждавших Ираклион, но в этом катастрофическом столкновении турки потеряли стратегически важные острова Бозкаада и Лемнос. Удерживая их, венецианцы могли контролировать проливы и выход османского флота в открытые воды Эгейского моря и за его пределы. Если турки легко отделались в 1655 году, писал Мустафа Наима, то в 1656-м они испытали самое сокрушительное поражение на море со времен Лепанто.

Война с Венецией была не единственным международным кризисом семнадцатого столетия, в котором приняла участие Османская империя. После многих лет мирного сосуществования отношения с польско-литовской Речью Посполитой были нарушены событиями на северо-западных рубежах империи, в ходе которых украинские казаки под умелым командованием гетмана Богдана

Хмельницкого поднялись против своих польских господ. Составляя планы того, как заставить турок, которые все еще боролись с Венецией за владение Критом, сражаться и на втором фронте, в бассейне Черного моря, король Владислав вел тайные переговоры с казачьими вожаками (одним из которых был Хмельницкий) с целью выяснить степень их желания принять участие в реализации его планов. Хотя его надежды не оправдались, эти дискуссии нарушили статус-кво и пробудили ожидание каких-то улучшений для казаков, которые в Речи Посполитой находились на положении угнетенных. Однако непосредственной причиной восстания под предводительством Хмельницкого стал захват его земель одним польским дворянином. В отличие от многих своих сотоварищей, Хмельницкий не стал мириться с таким поведением, что вызвало целый ряд событий, которые привели к открытой войне между казаками и Речью Посполитой.

Отбросив прежние разногласия, Хмельницкий и татарский хан Ислам Гирей III заключили военный союз, соединивший казачью пехоту и татарскую кавалерию, что было вселяющим ужас сочетанием. Такой прецедент уже имел место в 1624 году, когда казаки поддерживали Мехмеда и Шахин Гирея в их сопротивлении попыткам Османской империи восстановить Канбег Гирея на троне Крымского хана. Согласно одному из условий союза, который Хмельницкий заключил с Ислам Гиреем, казаки должны были сжечь 3000 лодок своей черноморской флотилии, которая являлась причиной столь сильного разорения берегов Османской империи, в том случае, если эти лодки будут использованы для набегов на прибрежные земли ханства. Вооруженные силы Речи Посполитой не имели ни единого шанса оказать сопротивление татарско-казачьему войску. Польская армия проиграла несколько сражений, и Варшава стала уязвимой для нападения. Однако этот крымско-казачий союз являлся естественным в силу весьма значительного отличия геополитических интересов, и хан следил за тем, чтобы казаки не усилились настолько, чтобы достичь полного успеха своего восстания. Хмельницкий искал других союзников, среди которых он видел султана Османской империи. Последовали долгие переговоры. В 1634 году Московия подписала договор с Речью Посполитой и поэтому не могла ответить на просьбу Хмельницкого о помощи. Однако в 1654 году, когда его бывший крымский союзник уже находился в хороших отношениях с польским королем, Хмельницкий принес клятву верности царю, тем самым форсируя войну за Украину между Моско-

вией и Речью Посполитой. Восстание Хмельницкого и его кровавые последствия были важным элементом подготовки к полномасштабной схватке в степи, лежавшей между Речью Посполитой, Московией и Османской империей, схватке, которая достигла кульминационного момента спустя столетие и закончилась разделом Польши, гибелью Крымского ханства и уходом Османской империи из северного Причерноморья.

В 1656 году еще один весьма серьезный бунт в течение нескольких месяцев сотрясал Стамбул и нашел свое отражение в отчетах целого ряда современников. По сведениям жившего в Османской империи армянина Еремии Челеби Кёмюркюяна, который в то время был еще юношей, волнения начались в полдень пятницы, 1 марта 1656 года. Он сидел в лавке, когда раздался страшный шум и лавочки стали закрывать ставни. Важная молитва, которую читали в полдень по пятницам, была отменена, так как офицеры и рядовые султанских полков собрались на своей площадке для парадов и стали выражать недовольство тем, что им выплачивают жалованья неполновесными монетами. В самом этом факте не было ничего необычного, но на сей раз деньги оказались настолько обесцененными, что на рыночной площади 1000 таких асперов оценивалась менее чем в одну сотню полновесных асперов. Войска направились к ипподрому, громогласно требуя казни тех, кто обманул султана Мехмеда, произведя порчу монет. Спустя два дня султан согласился принять зачинщиков бунта. Они принесли клятву верности, обвинили «нескольких черных и белых начальников, а также женщин», возложив на них ответственность за очернение правления султана. В ответ эти начальники слуг гарема резко ответили, что они мол старались только ради него. Это так напугало султана, который был еще ребенком, что он задрожал и стал плакать. Затем он вытер слезы и спросил у бунтовщиков, чего они хотят. В ответ ему преподнесли список из тридцати одного имени, в том числе и его матери, а также главного черного евнуха. Продолжая рыдать, Мехмед попросил, чтобы его мать пощадили. Эта просьба была принята зачинщиками мятежа, но вскоре тела главного черного евнуха и главного белого евнуха были сброшены со стены дворца прямо в собравшуюся внизу толпу, и их изуродованные трупы были повешены вниз головой на одном из платанов ипподрома.

На следующий день войска снова двинулись на дворец. Султан был не в состоянии противиться их требованиям: снова в жертву

были принесены дворцовые слуги, трупы которых были сброшены со стены и вздернуты на платанах. Войска настаивали на том, чтобы выдвинутых ими кандидатов назначили на высшие государственные должности. Среди этих кандидатов был Сиявуш-паша, который во второй раз стал великим визирем, и ставший шейхульисламом Хокзаде Мосуд-эфенди. Некоторые из тех, кого хотели принести в жертву, сбежали, и в городе на них началась настоящая охота. Глашатаи обещали любому, кто их найдет, место в султанской кавалерии или пехоте, а также земельный участок. Через пять дней после начала мятежа глашатаи приказали открыть лавки. Эвелия Челеби вспоминал, что он видел, как забирали няню султана, Мелеки Хатун, обвинив ее в том, что она рассказала Турхан Султан о заговоре Кёсем Султан. Потом ее убили, а тело вздернули на дереве. Спустя три дня родственникам тех, кого повесили на платанах, приказали прийти и забрать трупы. Царство террора продолжалось в течение нескольких последующих недель.

В конце апреля губернатор Дамаска Бойнуегри («Кривая шея», его также называли Бойнуярали «Раненая шея») Мехмед-паша, которому было уже под девяносто, был отозван со своего поста и назначен преемником Сиявуш-паши, скончавшегося после месяца пребывания в должности великого визиря. Бойнуегри Мехмеда направили в Сирию для того, чтобы положить конец деятельности Сейди Ахмед-паши, который был союзником Мелек Ахмед-паши и таким же, как он, абхазцем. Впоследствии он был смещен с поста губернатора Алеппо (где он и его люди занимались мародерством и нанесли большой ущерб) и направлен в Сивас. Советники султана Мехмеда проявили определенное умение, поскольку им удалось справиться с кризисом, который оказался даже опаснее, чем прежние мятежи, так как теперь янычары и кавалеристы преследовали одни и те же цели. 9 мая султан приказал своим войскам готовиться к походу. Янычары и кавалеристы надеялись, что это будет поход против Сейди Ахмед-паши. Несомненно ожидалось весьма заманчивые вознаграждения: Эвелия Челеби писал, что любой, кто не был пригоден к военной службе, но выдавал себя за янычара или кавалериста, старался сделать свой наряд похожим на их одежды. Он не объясняет, почему такое случалось, но то, что он называет этих полных энтузиазма простолюдинов «турками», то есть термином, который в те времена считался унижительным, наводит на мысль, что не облагаемые налогами военные явно не желали делиться своими привилегиями с облагаемым налогами населением. Некоторые «тур-

ки» одевались как армяне, которых узнавали по их желтым сапогам, цветастым меховым шапкам, стеганым тюрбанам, ярким курткам. Возможно, такие «турки», напротив, пытались во что бы то ни стало уклониться от военной службы, так как немусульмане не служили в качестве воинов.

Несколько раз Эвелия Челеби видел, как переодетый султан передвигался по городу (что султаны далеко не часто делали). Однажды султан шел по базару, находясь всего в двух шагах от лавки Еремии Челеби. В другой раз султан приказал обезглавить человека, которого он застал курящим табак. Лишь спустя почти два месяца после того, как началась анархия, Мехмед IV смог прилюдно принять участие в церемониальном шествии, посвященном совершению пятничных молитв в мечети, расположенной за пределами дворца. С чувством благоговения лавочники и горожане посыпали песком дорогу, по которой он следовал, чтобы копыта его лошади не касались земли.

Опасная ситуация в Стамбуле была взята под контроль, и с помощью классической стратегии «разделяй и властвуй» в городе удалось восстановить необходимое спокойствие. Янычар и кавалеристов заставили усомниться в преданности друг друга общему делу. Во время первого публичного выезда Мехмеда на пятничную молитву среди янычар пошли разговоры о том, что недавно прибывший в столицу Сейди Ахмед-паша был принят во дворце вместе с группой офицеров султанской кавалерии. Спустя неделю был казнен главнокомандующий янычар, а Сейди Ахмед-пашу помиловали. Эвелия Челеби описывает прибытие в Стамбул его сторонников, сгибавшихся под тяжестью оружия, включавшего в себя даже пушки, и товаров, награбленных ими во время перехода через Малую Азию. Впрочем, они недолго оставались в столице и вскоре направились в Силистрию на Дунае, которая недавно (и, как оказалось, лишь временно) стала независимой провинцией. Сейди Ахмед-паша должен был стать губернатором этой провинции. Лишенные поддержки кавалеристов и оставшиеся без своего командующего, янычары постепенно угомонились.

Шейхульислам Хоказаде Мосуд-эфенди пал жертвой насилия. За двадцать два года до этого Ахизаде Хусейн-эфенди стал первым шейхульисламом, которого казнили: Мурад IV обвинил его во вмешательстве в политические дела. Хоказаде Мосуд оказался вторым. Решение о его назначении на этот пост было навязано султану в самый разгар хаоса и было принято, несмотря на то что данный пре-

тендент отличался продажностью и такой же, как у Ахизаде Хусейна, склонностью вмешиваться в политику. Эвелия Челеби считал его настоящим бедствием для армян, живших в Бурсе. В начале своей карьеры он был кади* этого города и снес здание армянской церкви, побудив тогдашнего великого визиря направить в город инспекторов, чтобы расследовать данный инцидент. По сведениям Эвелии Челеби, Хоказаде Мосуд был наказан за свои действия в Бурсе пятьюстами ударами плети по ступням ног и запретом в будущем занимать должности. Впрочем, этот запрет его не остановил.

В течение нескольких недель тревожного лета 1656 года (в период между смертью пожилого Сиявуш-паши в конце апреля и прибытием из Дамаска Бойнуегри Мехмед-паши в начале июля) в империи вообще не было великого визиря. Злополучное морское сражение в Дарданеллах произошло 26 июня, Бозкаада пала под напором венецианцев 8 июля, а Лемнос — 20 августа. Последующая блокада Дарданелл оказала воздействие не только на войну за Крит: в Стамбуле наблюдались нехватка продуктов и прочих товаров, а также рост цен. Многие люди обращались с прошениями к султану в надежде побудить его к действиям.

4 сентября на встрече между султаном Мехмедом и его высокопоставленными сановниками, а также офицерами обсуждался подробный план подготовки и стратегии предстоящих военных действий на суше и на море. Хотя недавно значительные суммы поступили в казну из тех поместий, владельцы которых были убиты во время последних мятежей, и она пополнилась благодаря переплавке неполновесных монет, что несомненно произвело впечатление, состояние финансовых ресурсов государства оставляло желать лучшего. Более того, Бойнуегри Мехмед-паша отмечал, что некоторые из доходов, традиционно выделяемых на погашение расходов по ведению военных действий, больше не находились во владении государства, а перешли в руки частных лиц. Он предостерегал, что если эта проблема не будет решена, то в этом году вся тяжесть дальнейшего ведения войны с Венецией ляжет на плечи отдельных государственных деятелей и высокопоставленных военных, которые будут оплачивать издержки из своих собственных карманов. Нет необходимости говорить, что это не встретило одобрения, но когда

* Кади — духовное лицо у мусульман, несущее обязанности судьи. —

Примеч. перев.

эти доходы были перераспределены, Бойнуегри Мехмед раздал их своим сторонникам.

Султан не был удовлетворен новым великим визирем и выражал свое недовольство тем, что со времени своего вступления в должность тот не только не достиг никаких результатов, но и стал причиной значительного раздражения. Через неделю состоялась еще одна встреча. К удивлению всех, кто на ней присутствовал, Мехмед IV объявил, что он намерен лично вести свою армию в поход. Бойнуегри Мехмед-паша настаивал на том, что это только добавит расходы на проведение данного предприятия, которое и без того является весьма неразумным, но его протесты остались без внимания. Через несколько дней он поплатился за свои откровенные высказывания увольнением с должности и 15 сентября был заменен Кёпрюлю Мехмед-пашой, который, оставшись без какого-либо поста, жил в своем родном городке Кёпрю, возле Амасии, поскольку, как и Ипшир Мустафа-паша, был предоставлен самому себе (что оказалось весьма неразумно). В июле он вместе с Бойнуегри Мехмедом вернулся в Стамбул после нескольких лет отсутствия, снова стал заниматься политикой в центральном аппарате управления. По странной прихоти судьбы, смещение Бойнуегри Мехмеда и назначение Кёпрюлю Мехмеда на высокую должность великого визиря ознаменовали взлет династии, которой в следующем столетии было суждено удерживать в своих руках эту должность.

Глава 9

ПРАВЛЕНИЕ ВЕЛЬМОЖ

В истории Османской империи второй половины XVII столетия доминирует имя Кёпрюлю. Случившееся в сентябре 1656 года назначение Кёпрюлю Мехмед-паши на пост великого визиря означало начало периода, в течение которого эту должность занимали многие члены его семьи или их протеже. Кёпрюлю Мехмед находился у власти до самой своей смерти, наступившей в 1661 году. Преемником стал его сын, Фазыл Ахмед, который умер в 1676 году, оставаясь в должности великого визиря, что по тем временам было беспрецедентным сроком пребывания на этом посту. Следующим великим визирем стал зять Кёпрюлю Мехмеда, Мерзифонлу Кара Мустафа, который был казнен за неудачную осаду Вены в 1683 году. В 1687 году на этой должности несколько месяцев находился еще один его зять, Сиявуш. С 1689 года в должность великого визиря вступил младший сын Кёпрюлю Мехмеда, Фазыл Мустафа, который оставался на ней вплоть до 1691 года, когда он погиб в битве с армией Габсбургов. В 1692 году великим визирем стал протеже Кара Мустафы, Чалык («Согбенный») Али, который занимал этот пост в течение года. Между 1697 и 1702 годами великим визирем стал Амджазаде Хусейн-паша, являвшийся сыном брата Кёпрюлю Мехмеда (то есть кузеном Фазиля Ахмеда и Фазиля Мустафы). Последним членом этой династии, которому в 1710 году было суждено занять пост великого визиря, стал старший сын Фазиля Мустафы, Нуман. Успех следовал за успехом, и когда члены семьи поднялись на командные высоты империи, их возможности оказывать покровительство возросли, и созданная ими сеть преданных им и зависимых от них подчиненных обеспечила этому клану небывалую способность

удерживать в своих руках власть. Хотя в годы их господства другим государственным деятелям удавалось ненадолго занимать пост великого визиря, удача отвернулась от них лишь после того, как на рубеже столетий клан Кёпрюлю вступил в схватку с церковной династией шейхульислама Фейзуллы-эфенди.

Кёпрюлю Мехмед был родом из Албании и, оказавшись среди тех, кто подпал под набор юношей, стал приемным сыном города Кёпрю, расположенного на севере центральной Малой Азии. Ему было уже за семьдесят, но его предыдущая карьера, хотя она была долгой и в достаточной мере заметной, все же не давала повода выделить его из числа других возможных кандидатов. Но у него имелось одно неоспоримое преимущество: он не был участником постоянных фракционных распрей, которые в последние годы терзали столицу, и хотя ко времени своего возвышения он жил в Стамбуле, но там он не занимал никакой государственной должности — его назначение на пост великого визиря произошло в тот момент, когда он должен был уехать в удаленную провинцию Триполи, в Сирии, в качестве ее губернатора. В тот период были и другие великие визири, также избранные не из числа придворных: так непосредственный предшественник Кёпрюлю Мехмеда на этой должности, Бойнуегри Мехмед-паша, занимал пост губернатора Дамаска, когда его назначили великим визирем. А перед ним такое назначение получил пожилой Сиявуш-паша, который находился в Силистрии на Дунае. Хотя не совсем понятно, был ли он в тот момент губернатором этой провинции или провинции Ози, на северном побережье Черного моря. В феврале 1656 года султан вернул Дели Хусейна, который находился на Крите, где он прослужил уже тринадцать лет. Но в данном случае помешало восстание, которое привело к власти Кёпрюлю Мехмеда еще до того, как Дели Хусейн смог занять эту должность.

Прошло полвека, и, описывая эти события, историк Мустафа Наима сообщил, что на самом деле Кёпрюлю Мехмед-паша был предложен на пост великого визиря валиде-султан Турхан и ее группировкой, причем в тот момент, когда обсуждалось назначение Дели Хусейн-паши, и что возможностью вернуться во дворец он несомненно был обязан своим связям с членами семейства Турхан Султан, которые поддерживали его в противовес другим претендентам. В своих суждениях о предшественнице Турхан, валиде-султан Кёсем, Наима намекает на то, что его вполне устраивает тот принцип, на основании которого мать султана действует как регент и вмешивает

вается в государственную политику. Более того, он (несмотря на официально выдвинутое против Кёсем Султан обвинение в причастности к беспорядкам) был убежден в том, что ей, будучи членом правящей династии и общепризнанным представителем несовершеннолетнего султана, следовало стать проводником любого назначения, с помощью которого можно было решительно положить конец отвратительным событиям того времени.

Уже были заложены основы административного управления, необходимые Кёпрюлю Мехмед-паше для того, чтобы оправдать ожидания Турхан Султан. Вероятно, в 1654 году и возможно по наущению Турхан Султан соискательство на должность великого визиря было вынесено за ограниченные пределы дворцового окружения в надежде на то, что это физически дистанцирует великого визиря от дворцовых интриг и будет способствовать восстановлению престижа этой должности, который за предыдущие полвека был утрачен. Сделав такой выбор, Турхан и ее окружение проявили дальновидность. Несомненно, были люди, которые разделяли мнение хранителя печати Мелек Ахмед-паши, считавшего, что Кёпрюлю Мехмед — это «презренный негодяй... который не способен даже на то, чтобы дать соломы паре быков», но его покровители обладали могуществом, достаточным для того, чтобы противостоять кругам, не заинтересованным в его назначении. К тому же, после стольких лет хаоса, его вступление на пост главы правительства многими было встречено с радостью.

Первые действия, предпринятые Кёпрюлю Мехмед-пашой в сфере внутренней политики, были направлены против секты Кадизадели, которая в то время переживала свое возрождение. В отличавшиеся ожесточенной борьбой группировок первые годы правления Мехмеда IV их пуританские идеи снова нашли благодарную аудиторию. Нельзя было пренебрегать их потенциальной возможностью разрушить общественный порядок, восстановить который и было поручено великому визирю. Их духовный лидер, Юстювани Мехмед-эфенди, был проповедником, который пользовался уважением в мечетях города и получил право входа во дворец благодаря своей популярности среди некоторых придворных. Движение Кадизадели подвергало резкой критике весь церковный истеблишмент, но самые гневные тирады оно обрушило на дервишей. Впервые Юстювани Мехмед добился успеха в 1651 году, когда он убедил тогдашнего великого визиря Мелек Ахмед-пашу санкционировать разру-

шение обители дервишей Хельвети в Стамбуле. Его помощники, получившие отпор от защитников второго приюта дервишей, на который они напали, заключили под стражу шейхульислама Бахаи Мехмеда-эфенди, являвшегося предшественником Карачелебизаде Абдулазиза-эфенди, и получили от него негативную правовую оценку деятельности дервишей (от которой он впоследствии отказался).

Не прошло и недели с момента вступления в должность Кёпрюлю Мехмед-паша, как движение Кадизадели бросило истэблишменту вызов в виде развернутой программы возврата к фундаментальным принципам веры. Когда они собрались в мечети Мехмеда II, чтобы решить, каким образом привести свою программу в действие, Кёпрюлю Мехмед открыто показал, что намерен полагаться только на «официальные» институты государства и готов прислушаться к советам церковного истэблишмента, положению которого, как религиозного крыла государственного аппарата, угрожало то влияние, которым обладало движение Кадизадели в высших эшелонах власти. Возможно, опасаясь настроений, царивших в обществе, новый великий визирь не стал предавать казни лидеров Кадизадели, на которых он произвел облаву, а лишь выслал их, в том числе и могущественного Юстювани Мехмед-эфенди, на Кипр.

Другим жертвам репрессий, направленных против тех, кого Кёпрюлю Мехмед опасался или обвинял в разжигании беспорядков, повезло меньше. Совершенно беспрецедентной была казнь через повешение православного патриарха, на том основании, что он поощрял христиан Валахии на восстание против османского правления. Дели Хусейн-паша, обвиненный в незаконном присвоении средств, направленных на Критскую войну, поначалу избежал смерти благодаря вмешательству покровителей Кёпрюлю Мехмеда, находившихся в окружении валиде-султан и утверждавших, что такая судьба неприемлема для человека, который так долго и так достойно служил империи. Поэтому шейхульислам отказался дать фетву, которая санкционировала бы его казнь. Но вскоре сторонников Дели Хусейна обвели вокруг пальца. Спустя два года Кёпрюлю Мехмед пригласил его в Стамбул и сумел убедить султана в необходимости осуществления быстрой казни своего соперника.

Отнюдь не очевидно то, что Кёпрюлю Мехмед-паша сумел бы удержать власть до самой своей смерти, ведь его соперники тешили себя надеждой на то, что если они найдут достаточную поддержку,

то у них появится шанс войти во власть. Любой высокопоставленный государственный деятель Османской империи, который пережил недавние рецидивы насилия по принципу «зуб за зуб», мог считать себя счастливым, а тот факт, что он остался жив, укреплял его честолюбивые надежды на то, что однажды он станет великим визирем. Продолжали тревожить старые противоречия, и недовольные искали возможности выразить свое отношение и устранить их. Вскоре после своего возвышения Кёпрюлю Мехмед, преследуя цель удалить своего очередного соперника из Стамбула, приказал сместить Сейди Ахмед-пашу с поста главного адмирала, полученного им за ту роль, которую он сыграл в конце лета 1656 года, отбивая нападение венецианцев на Дарданеллы. Взамен он получил должность губернатора Боснии. Султанская кавалерия, которая поддерживала Сейди Ахмеда, была вне себя от гнева. Что касается янычар, то их убедили стать на сторону властей и противостоять кавалеристам, а сам Кёпрюлю Мехмед постарался создать единый фронт, созывая в свой дворец ведущих представителей всех ветвей государственной власти. Султан наделил его полномочиями наказывать непокорных, и был введен комендантский час. Были казнены некоторые высшие офицеры кавалерийских полков и обезглавлены многие кавалеристы, пытавшиеся скрыться в караван-сараях города и на другом берегу Босфора, в Ускударе. В ходе дальнейших действий, направленных на то, чтобы уничтожить всех возмутителей спокойствия, стали преследовать тех, кто действовал с ними заодно. По элегантному выражению Абдурахмана Абди-паши, который был наперсником и летописцем султана Мехмеда IV, трупы этих людей «стали пищей для морских тварей».

Крит все еще не был завоеван. Венецианцы не сумели надолго заблокировать Дарданеллы, и в 1657 году турецкие корабли, как обычно, появились в Эгейском море. Венецианцы распыляли свои силы, пытаясь удержать острова Базкаада и Лемнос, которые находились слишком близко от Малой Азии и слишком далеко от их баз. После нескольких месяцев ожесточенных морских сражений в Дарданеллах, в ходе которых сам Кёпрюлю Мехмед командовал сухопутной армией, стоявшей лагерем на азиатском берегу Проливов, турки снова взяли эти острова и казнили тех, кого сочли нарушившими свой долг во время военной кампании, что стало первым признаком того, что режим Кёпрюлю Мехмед-паши отличается

от правления его недавних предшественников. Не менее очевидным было и то, что война с Османской империей становилась для Венеции той прорехой, сквозь которую она теряла свои финансы. Некоторые сенаторы понимали, что восстановление нормальных отношений необходимо для того, чтобы предоставить венецианским купцам доступ к рынку Османской империи, который давал им значительную часть доходов. Однако эта прагматическая точка зрения не являлась господствующей. Был момент, когда турки рассматривали (хотя и совсем недолго) возможность заключения мира с Венецией. Это случилось, когда независимая внешняя политика султанского вассала, Георга Ракоши II, заставила их осуществить несколько военных экспедиций в Трансильванию. Но требование отдать им весь Крит оказалось для Венеции неприемлемым.

Ракоши выдавал себя за горячего сторонника венгерских протестантов. С мужеством, источником которого стало заключенное им в декабре 1656 года соглашение со шведским королем Карлом Густавом X, Ракоши двинулся на север, в Польшу. Он сумел переманить на свою сторону соседние вассальные государства Валахию и Молдавию, что встревожило правительство в Стамбуле, так как это угрожало существовавшему балансу сил, поддерживать который было в интересах и Габсбургов и Османской империи. Слабая Речь Посполитая на северо-западных рубежах устраивала Османскую империю гораздо больше, чем земли, захваченные энергичным вассалом и удерживаемые им благодаря шведской поддержке. Между тем, походы Ракоши против Речи Посполитой не принесли ему никакого выигрыша. Весной 1657 года Мелек Ахмед-паша, который в то время был губернатором провинции Ози, приказали поставить на место и самого Ракоши и его союзников. В конце лета к его силам присоединились войска крымского хана, а в 1658 году в поход на Трансильванию выступила армия под командованием самого Кёпрюлю Мехмед-паши, причем в состав его сил вошли и несколько тысяч человек, направленных Речью Посполитой. Ракоши бежал, но и его самого и скитавшихся правителей вассальных княжеств Валахия и Молдавия вскоре заменили менее склонными к независимости или менее поддающимися на уговоры фигурами.

В период после того, как армия, возвратив острова Бозкаада и Лемнос, отправилась на зимние квартиры в Эдирне, и до того, как весной была предпринята экспедиция в Трансильванию, Кёпрюлю Мехмед-паша, стремившийся ликвидировать смутьянов до того, как

они смогут затруднить ведение военной кампании, с особенной жестокостью расправился со многими кавалеристами, которым было приказано прибыть в Эдирне. Даже Мустафа Наима не смог хладнокровно отразить это событие: он написал, что берега реки Тунджа в Эдирне были усеяны трупами. Абдурахман Абди-паша записал, что зима в том году была особенно холодной и вызвала много страданий. Снег был таким глубоким, что дороги стали непроходимыми. Возникли трудности с продовольствием, нечем было топить дома, поэтому приходилось рубить фруктовые деревья, которые использовались в качестве топлива.

Кёпрюлю Мехмед-паша сумел навести порядок в Стамбуле и воспользовался плодами побед над Венецией и Ракоши, но его все еще не признавали губернаторы провинций Малой Азии. В конце 1658 года, возвратившись из похода в Трансильванию, он столкнулся с бунтом, который подняли некоторые из них и который, если бы он его не подавил, несомненно положил бы конец его пребыванию в должности и имел бы серьезные последствия для всей правящей верхушки. Восстание закончилось тем, что были с особенной жестокостью убиты приблизительно тридцать пашей (большинство из которых уже давно находились на государственной службе), что на некоторое время положило конец тем частым мятежам, которые в последние десятилетия стали отличительной чертой жизни в Малой Азии.

Главным героем Анатолии был земляк Абаза Мехмед-паши, Абаз Хасан-паша, который стал активным диссидентом еще до того, как Кёпрюлю Мехмед-паша занял центральное место в формировании политики Османской империи. Являвшийся сторонником бывшего мятежника и великого визиря Ипшир Мустафа-паши, Абаз Хасан, как и многие анатолийские паши, не мог признать законность пребывания Кёпрюлю Мехмеда в должности великого визиря. Произведенная великим визирем чистка султанской кавалерии в Эдирне оказалась контрпродуктивной, так как многие из тех, кому удалось избежать его гнева, скрылись, несмотря на ужасную погоду, тогда как кавалеристы в провинциях, которые должны были откликнуться на призыв, не подчинились приказу и не прибыли к месту сбора. Вместо этого летом 1658 года около 30 000 человек собрались в районе расположенного в центральной Малой Азии города Конья. Среди них были губернаторы провинций Дамаск и Анадолю и еще пятнадцать бывших и действующих губернаторов провинций во главе с Абаз Хасан-пашой. Выражая недовольство тем, что им

приказывают прибыть на военную службу, мятежники объявили: «Мы будем собираться [здесь] до тех пор, пока Кёпрюлю Мехмед-паша не будет смещен», и предложили на его место губернатора Дамаска Тайярзаде Ахмед-пашу, отец которого при Мураде IV в течение короткого времени занимал пост великого визиря, а брат был губернатором сирийской провинции Ракка. Султан приказал мятежникам немедленно прибыть на трансильванский фронт, но это не возымело действия, поскольку они по-прежнему опасались Кёпрюлю Мехмеда и отказывались воевать до тех пор, пока тот не будет снят со своей должности. В разгар лета 1658 года Кёпрюлю Мехмеду пришлось выступить из Эдирне в район боевых действий без большей части азиатских войск. Зная о том, какие катастрофические последствия могли вызвать действия мятежников, султан счел целесообразным предложить им альтернативу службе под командованием великого визиря на балканском фронте, вместо которой приказал им оборонять рубежи в районе Багдада. Однако Абаз Хасан-паша пренебрег этим приказом и двинулся на запад, в направлении Бурсы. С целью придать мятежу видимость законности, его сторонникам было приказано во время марша не отнимать продовольствие и деньги у крестьян и отчитываться за все припасы, которые им удавалось собрать.

Известие о том, что мятежники приближаются к Бурсе, произвело впечатление на власти, которые осознали серьезность их намерений. Все еще была свежа память о других мятежах, таких как, например, восстание под предводительством Гюрджю Абдулнеби, которое произошло всего за несколько лет до этого. Защищать Бурсу султан приказал бывшему главному адмиралу Кенан-паше, который замещал Кёпрюлю Мехмеда, пока тот с армией вел боевые действия на Балканах. Послание Абазы Хасан-паши, которого доставивший его гонец называл «слугой султана», привело Мехмеда IV в ярость. Мемуарист султана, Абдурахман Абди-паша, следующим образом описывает его реакцию:

Я весьма сожалею о том, что мне приходится об этом говорить, но эти люди не являются моими слугами; быть может, они слуги дьявола. Я уже приказал им отказаться от своих бесполезных и несправедливых взглядов и предстать [передо мной], но поскольку они этого боятся, то могут уйти и [вместо этого] принять участие в обороне Багдада или же разойтись и вернуться к выполнению назначенных им [обязанностей]. Что же это за му-

сульмане, которые продолжают не подчиняться приказам? Будь на то воля Всевышнего, и я предам земле не только тело одного из них, а убью их всех.

Из своего лагеря, расположенного в районе боевых действий, великий визирь направил ультиматум: если мятежники откажутся к нему присоединиться, он разберется с ними после того, как военная кампания будет закончена.

Восстание Абаз Хасан-паши немного отличалось от предшествующих ему восстаний азиатских кавалеристов. Его предшественники выражали свое недовольство в традиционной форме, настаивая на своей верности султану и выражая свое презрение к его слугам, на которых они возлагали ответственность за все проблемы, с которыми сталкивалась империя. Несмотря на отказ Мехмеда IV признать его требования, Абаз Хасан не захотел стать частью истребления. В его намерения входило создание своего собственного государства: «Отныне считайте нас непримиримым противником, таким, как шах Ирана. Они [султан] получают Румелию, а мы Анатолию». Столь радикальное заявление было тем более опасным по причине того, что оно было адресовано молодому и неопытному султану, причем в тот момент, когда его великий визирь и большинство верных войск находились далеко от столицы.

Абаз Хасан-паша и его люди закрепились неподалеку от Бурсы. Как глава альтернативного правительства, он установил нечто похожее на провинциальную администрацию, назначив своих соратников на посты тех губернаторов, которые принимали участие в кампании под предводительством Кёпрюлю Мехмеда, и, под предлогом снабжения армии, забирал у местных жителей продовольствие. По требованию Кенан-паши жители города Бурса собрали оружие и продовольствие, но, поддерживая контакты с Абаз Хасан-пашой, они снабжали и его войска. Это еще больше разгневало султана Мехмеда, который искал правовые основания для того, чтобы считать хуже неверных тех, кто отказался воевать против немусульман и поддержал мятеж. Когда церковники отказались дать фетву, султан решил обойтись без нее и объявил общий призыв взяться за оружие и покончить с мятежниками. Губернатору Диярбакыра, Муртеза-паше, было приказано взять на себя командование силами по подавлению мятежа, состоявших из тех, на чью лояльность все еще можно было рассчитывать. Это были войска восточных провинций: Диярбакыра, Эрзурума, Алеппо и Ич-ила (включавшего в себя Ки-

ликию и Кипр), а также вождей курдских племен. Указы правительства убеждали население Малой Азии в том, что порядок будет восстановлен. Кроме того, теперь в присутствии султана запрещалось критиковать великого визиря. Способность правительства оказывать сопротивление мятежникам уменьшилась, когда Кенан-пашу убедили принять вызов, брошенный Абаз Хасаном — войска, направленные из Стамбула на защиту прибрежного городка Гемлик, расположенного на дороге в Бурсу, сумели уничтожить некоторое число людей Абаз Хасана, когда они подошли к Муданье, но чтобы отомстить за эти потери, тот направил туда дополнительные войска. Поэтому верным правительству силам пришлось отступить и, переправившись через Мраморное море, отойти к Стамбулу. Чтобы защитить столицу, они закрепились в Ускюдаре и установили там пушки, как это было девять лет тому назад, во время мятежа Гюрджю Абдулнеби.

Все ожидали появления армии мятежников, и в регионе царил суматоха. Люди превращали свои дома в крепости, а те, кто жил на побережье Мраморного моря, отсылали свое движимое имущество на хранение в Стамбул и заблаговременно собирали урожай в своих садах и огородах. Участились грабежи, и повсюду распространялись слухи. Ненависть к Кёпрюлю Мехмед-паше становилась все более очевидной и охватывала все больше и больше людей. По мнению Мустафы Наима, большинство людей надеялись на то, что победу одержит Абаз Хасан-паша, в особенности на это надеялись проповедники, которые после высылки на Кипр их лидера Юстювани Мехмеда-эфенди только укрепились в своей непримиримой позиции по отношению к Кёпрюлю Мехмеду. Некоторые из них открыто утверждали, что Абаз Хасан является «восстановителем веры одиннадцатого столетия [по исламскому календарю]», мессианской фигурой, которая пришла, чтобы возродить основы религии в ее пророческой традиции.

Султан распорядился, чтобы Кёпрюлю Мехмед немедленно вернулся из Трансильвании. Абдурахман Абди-паша, который, вероятно, был на стороне своего владыки, отмечает, что Мехмед, его мать и их окружение прибыли в Эдирне еще до начала военной кампании, и именно в Эдирне 15 октября 1658 года, то есть через три дня после своего прибытия в Стамбул, приехал Кёпрюлю Мехмед, чтобы там встретиться с ними, шейхульисламом и высшими военачальниками. После этого все они отправились в Стамбул, где султан выплачивал просроченные жалованья тем из своих элитных войск, ко-

торые сохранили ему верность. Для этой цели они собрались на лугу Кажитане за пределами города, в глубине бухты Золотой Рог. Там было решено и выявить мятежников: имя каждого солдата султанских полков, который в течение пяти дней не явился, чтобы получить свои деньги, вычеркивалось из списков. Казалось, что правительство возвращает себе инициативу.

В течение двух месяцев армия мятежников и правительственные силы сталкивались друг с другом в окрестностях города Кютахья, в западной части центральной Малой Азии: мятежники были разбиты и понесли большие потери, а успешная атака на Изник, откуда были выбиты правительственные войска, не смогла вернуть мятежникам надежду на то, что они одержат победу. Когда о выдаче жалований узнали те сторонники Абаза Хасана, которые пришли к нему из султанских полков, многие из них отправились в Стамбул, в надежде на то, что их восстановят в армии. Однако имена приблизительно семи тысяч кавалеристов элитных полков, отказавшихся принять участие в боевых действиях в Трансильвании, были вычеркнуты из списков, и Кёпрюлю Мехмед-паша приказал казнить любого из них в случае задержания. За несколько дней в Анатолии убили тысячу человек, а в Стамбуле убили тех, кто прибыл на сбор слишком поздно. Но Кёпрюлю Мехмед все еще не был уверен в победе и направил пять тысяч янычар на защиту Измита. Продолжавшиеся массовые убийства кавалеристов начинали раздражать янычар, которые уже подумывали о бунте, и если до сих пор все они как один оказывали поддержку правительству, то только по причине страха. Теперь же, заявляя, что они не готовы принимать участие в убийстве братьев-мусульман, янычары назвали великого визиря своим врагом и предлагали передать его в руки Абаза Хасана. Эта угроза была настолько серьезной, что Кёпрюлю Мехмед отказался от личного участия в кампании против мятежников, и командование было передано Муртеза-паше. Но скоро Кёпрюлю Мехмеду пришлось усомниться в мудрости своего решения. Это случилось, когда сначала Муртеза-паше не удалось навязать противнику сражение, хотя в центральной Малой Азии сложились для него благоприятные условия, а затем он был наголову разбит Абазом Хасаном, причем потери обеих сторон достигли восьми тысяч человек.

Настала зима, и в лагеря правительственных войск и мятежников стали просачиваться шпионы. Пока Кёпрюлю Мехмед-паша рассматривал возможность проведения тайных переговоров с мя-

тежниками, положение Абаз Хасан-паши ухудшалось. Двигаясь в юго-восточном направлении, он обнаружил, что по причине снежной зимы и враждебности лояльного правительству местного населения ему будет трудно осуществлять снабжение своей армии, если она станет зимовать в Газиантепе (Аинтабе). Поэтому он решил идти в Сирию. Но не успел он уйти слишком далеко, как попал в засаду у Бирекика, на Евфрате, и потерял более тысячи человек. Из своих зимних квартир в Алеппо Муртеза-паша направлял переодетых агентов в лагерь Абазы Хасана, чтобы, обещая прощение султана, попытаться убедить мятежников покинуть своего вожака. Когда Абаз Хасан об этом услышал, он стал убеждать своих дрогнувших солдат в том, что он отстаивает их интересы, но он не смог убедить людей, страдавших от голода. Видя, что ряды его сторонников тают, Абаз Хасан принял предложение, сделанное высокопоставленным церковником из Газиантепа, который был готов ходатайствовать за него перед султаном. Муртеза-паша отдал одного человека в качестве заложника, чтобы доказать искренность этого предложения, а Абаз Хасан и его оставшиеся сторонники, среди которых все еще было много офицеров высокого ранга, принял приглашение остановиться в Алеппо, пока не будет объявлено их помилование. Муртеза-паша поклялся, что не причинит им никакого вреда.

Во время своего пребывания в Алеппо они встретили весьма дружелюбный прием. Абаз Хасан-паша поселился в особняке Муртеза-паши, а его 31 соратник и их слуги разместились в других домах. Но из Стамбула не приходил ответ на их прошение, и длительное пребывание мятежников в Алеппо уже начинало беспокоить Муртеза-пашу. В конце концов он дал указание, чтобы в ночь на 24 февраля 1659 года, после выстрела пушки крепости Алеппо, всех мятежников убили те люди, в домах которых они остановились. В тот вечер Абаз Хасан-паша, Тайярзаде Ахмед-паша, Кенан-паша и некоторые другие ужинали с Муртеза-пашой. Дружески беседуя, они ели и пили и были согласны забыть о прежних раздорах — так описывает эту сцену Наима. Но когда они направились в ванную комнату особняка Муртеза-паши, чтобы совершить там ритуальное омовение перед вечерней молитвой, на них набросились двадцать или тридцать кровожадных «дьяволоподобных убийц», которые всех и зарезали. Известие об этом жестоком убийстве было немедленно передано губернатору крепости, который произвел выстрел из пушки, чтобы сигнализировать о том, что настало время резать и менее

именитых мятежников. Их головы набили соломой и отправили в Стамбул, чтобы там выставить их напоказ. Их тела были вывешены на городских воротах Алеппо.

Нет ни одного прямого свидетельства того, что Кёпрюлю Мехмед-паша был сторонником тех методов, с помощью которых было покончено с восстанием Абаз Хасан-паши, но конечный результат несомненно его устраивал. И этот конечный результат оказался таковым, что он разубедил большинство других недовольных слуг Османской империи следовать данному примеру, хотя помощник губернатора Анталии Кёр («Слепой») Мустафа-паша воспользовался в своих целях беспорядками, спровоцированными восстанием Абаз Хасан-паши, и поднял мятеж в своей провинции. Но он встретил серьезный отпор со стороны правительства, которое действовало против мятежников и на море и на суше. Вскоре, неблагоразумно поверивший обещанию о помиловании, Кёр Мустафа был казнен, как и другие возмутители спокойствия в Дамаске и Каире, посмевавшие бросить вызов Кёпрюлю Мехмеду.

Великий визирь решил не оставлять никаких шансов. Как только восстание в Анатолии было подавлено, он направил своего уполномоченного в Стамбуле, Исмаил-пашу (который сменил на этой должности Кенан-пашу), в восточные пограничные области, поручив ему разыскать там тех, кого можно было считать угрозой государственному порядку. Никто не обладал неприкосновенностью, ни губернатор провинции, ни янычар, ни кавалерист, ни судья, ни духовный лидер. Согласно полученной фетве, наказанием была определена смерть. Будучи одним из проявлений попытки Кёпрюлю Мехмеда навязать истэблишменту единую цель, инспекционная группа Исмаил-паши состояла как из высокопоставленных военных, так и из духовных правоведов. А для того, чтобы у народа сложилось впечатление, что султан и его посланники полностью контролируют ситуацию, они передвигались по Малой Азии с большой помпой. Одной из поставленных перед ними задач была проверка подлинного статуса тех, кто называл себя военным, для того, чтобы выяснить, не являются ли они крестьянами, которые с помощью вербовки на военную службу пытались уклониться от уплаты налогов. Доведение до максимума государственных доходов, поступающих от сбора налогов, являлось постоянной заботой любого правительства Османской империи, а поддержание баланса между этой необходимостью и потребностью государства в войсках требовало

компромисса. Группа Исмаил-паши обнаружила 80 000 ружей, незаконно находившихся в руках крестьян. Изъяв эти ружья, она передала их в государственный арсенал. Некоторые из тех дервишей Мевлеви, которых задержали в Конье, были освобождены, после того как они подтвердили свои личности. Но четверо из них, те, которые носили одежды дервишей, но в ходе более тщательной проверки были разоблачены как сторонники Абаз Хасан-паши, понесли соответствующее наказание.

На тот момент волнения в Анатолии и арабских провинциях были подавлены, война на Крите зашла в тупик, а смена князей привела к восстановлению порядка в вассальных государствах Валахия и Молдавия. Однако в Трансильвании Георг Ракоши все еще не мог смириться с тем, что он смещен султаном, и при содействии Габсбургов выступал против того, кого султан избрал ему на замену.

Юный султан и его мать несомненно были соучастниками тех жестокостей, которые творил Кёпрюлю Мехмед-паша, подавляя недовольство внутри страны: Мехмед поддерживал своего великого визиря, хотя бы потому, что у него не было другой альтернативы. Считая, что настало время показать благородство султана и заботу валиде-султан, Кёпрюлю Мехмед вознамерился склонить на свою сторону все население Османской империи. Страстью Мехмеда IV была охота (он приобрел прозвище «Охотник»), а его любимой резиденцией стал Эдирне. Там, прямо из покоев своего дворца, расположенного за пределами этого города, он мог выезжать на охоту, не принимая участия в мелких ссорах, характерных для столицы. Он царствовал уже одиннадцать лет, но все это время лишь постоянно перемещался между Стмбулом и Эдирне, а такие поездки едва ли можно было превратить в торжественные выезды, необходимые в пропагандистских целях, которые преследовал Кёпрюлю Мехмед. Хорошо осведомленный о том, какое мощное воздействие оказывает символика монархии, он придумал, как подобающим образом продемонстрировать величие своего владыки.

26 мая 1659 года имперский штандарт был вынесен из внутренних покоев дворца Топкапы и установлен за Воротами Блаженства, которые служили границей между закрытой территорией дворца и землями общественного пользования. В течение всего следующего месяца султан, его мать, а также его визири и войска переправлялись в Ускюдар и 30 июня с большой помпой отправились в город

Бурсу, где находился погребальный комплекс династии. Двигаясь неспешной поступью и совершая по пути продолжительные остановки, они прибыли туда 29 июля. Во время восстания Абаз Хасан-паши Бурса находилась в большой опасности, поэтому во время пребывания султана в этом городе его жители выражали свое ликование и подобострастие. Между тем правительство продолжало заниматься своей обычной деятельностью: производились новые назначения и отправлялось правосудие по мере того, как людей, принимавших участие в мятеже, направленном против Кёпрюлю Мехмеда, увольняли. Султан назначал казни тех жителей Бурсы, которые снабжали армию Абаза Хасана, когда она наступала на Стамбул. Продемонстрировав свою абсолютную власть, султан посетил гробницы своих предков, подчеркнув свою законнорожденность и благородство происхождения, а его божественное право помазанника было подтверждено, когда священный плащ Пророка был выставлен напоказ, что стало кульминационным моментом ночной церемонии.

Временное пребывание монарха в Бурсе было только началом процесса продвижения людей, которыми Кёпрюлю Мехмед планировал окружить султана. Из Бурсы они направились к проливу Дарданеллы. Недавние морские сражения с венецианцами показали, что крепости на противоположных берегах пролива, построенные еще в середине XV века султаном Мехмедом II, не являются достаточным препятствием для прохождения современных парусных судов. По словам Мустафы Наима, каждый год тридцать или сорок венецианских кораблей вставали на якорь за пределами досягаемости пушек этих крепостей и блокировали Проливы. Другие суда, входившие в Проливы со стороны Эгейского моря, не знали о присутствии этих кораблей и попадали в засаду. Незадолго до того, как ее убили, наличие этой проблемы признала предыдущая валиде-султан, Кёсем. Она назначила архитектора, которому поручила изучить возможность строительства артиллерийских батарей на противоположных берегах пролива, западнее уже существующих укреплений, ближе к выходу в Эгейское море. Задуманный Кёсем проект строительства новых укреплений успешно продвигался вперед в годы регентства Турхан Султан, и ко времени ее приезда, то есть к исходу сентября 1659 года, строительство фортификационных сооружений было завершено, за исключением обращенных к морю участков. Из Дарданелл монарх со свитой направился обратно в Эдирне. Когда почти два года спустя строительство укреплений было полностью

завершено, султан и его мать снова отправились в Проливы, чтобы в торжественной обстановке оценить проделанную работу. Вот как описывает это событие его наперсник, Абдурахман Абди-паша, который написал поэму, чтобы запечатлеть «милостивый дар матери султана Мехмед Хана Гази»:

Построив две крепости друг против друга с обеих сторон [Проливов],
Спасла она земли людей правоверных от набегов неверных
врагов.

С таким изяществом заполнить море с двух сторон,
И сделав похожими его берега, заново Проливы создать.

30 сентября 1661 года Кёпрюлю Мехмед-паша умер в Эдирне после болезни, которая продолжалась несколько месяцев. Как и Турхан Султан, он был щедрым благотворителем. Его пожертвования были логическим следствием его образа жизни и той роли, которую он сыграл в подчинении Османской империи недавно завоеванной ею территории. Самые разнообразные пожертвования он сделал на острове Бозкаада, отвоеванном у венецианцев в самом начале его пребывания на посту великого визиря. Там он построил две мечети, школу, караван-сарай, баню, кофейню, конюшню, девять мельниц, водяную мельницу, пекарню и 84 лавки. Однако служившие источниками доходов не приносили достаточной выручки, чтобы производить выплаты и осуществлять благотворительные работы, поэтому, чтобы компенсировать недостачу, Кёпрюлю Мехмеду было пожаловано некоторое количество деревень и другие источники получения доходов в сельской местности, в том числе средства, получаемые с налогообложения двух деревень острова Лемнос, отвоеванного им у венецианцев вскоре после Бозкаады.

Во время Трансильванской кампании 1658 года оплот Ракоши, Инеу, стал частью Османской империи, и Кёпрюлю Мехмед-паша построил там мечеть, две школы, девять мельниц и тридцать лавок. В своем родном городке Рудник, в Албании, он построил мечеть и школу, а в провинции Амасья, куда его отдали на воспитание и куда до восхождения на пост великого визиря он постоянно возвращался, когда оказывался не у дел, Кёпрюлю Мехмед сделал целый ряд пожертвований. Так, чтобы стимулировать торговлю, он построил караван-сарай в Гююш-хаджи-кёй, к северу-западу от города Ама-

сья, расположенного на торговом пути, протянувшемся с запада на восток через северную часть центральной Малой Азии. Служба в Сирии побудила его сделать более безопасным маршрут паломников, и южнее города Антакья (Антиохия), возле расположенного на реке Оронт Джиср-аш-Шигхуре, он построил форт, две мечети, караван-сарай и школу. По существу, это были самые ценные пожертвования, потому что они были сделаны ради защиты купцов и паломников от набегов жителей пустыни.

В Османской империи покровительство долго оставалось надежным способом продвижения по службе, так как уже более пятидесяти лет сыновья становились преемниками своих отцов, занимавших высшие государственные должности. Это видно на примере многочисленных визирей с именами А-оглы Б-паша или Х-паша-заде У-паша. Слово «сын» по-турецки звучит как «оглы», а по-персидски как «заде». Так, имена Оздемироглы Осман-паша и Насух-пашазаде Хусейн указывают на то, что этот Осман был сыном Ёздемира [паши], а Хусейн сыном Насух-паши. После смерти Кёпрюлю Мехмед-паши, его сын Фазыл Ахмед-паша стал великим визирем, несмотря на свои 26 лет, и носил один из приведенных здесь вариантов имен: Кёпрюлюзаде Фазыл Ахмед-паша. Это был первый случай, когда сын стал преемником отца на посту великого визиря. Фазыл Ахмед получил образование в теологическом колледже и занимал посты в религиозной иерархии Стамбула, но вскоре после того, как его отец стал великим визирем, он оставил религию и стал заниматься административной деятельностью и был назначен губернатором весьма чувствительной пограничной провинции Эрзурум, где всегда был нужен человек, которому можно доверять. Решение назначить его великим визирем было принято перед смертью его отца: зная, что конец уже близок, Кёпрюлю Мехмед вызвал Фазиля Ахмеда из Дамаска (где он к тому времени служил губернатором) и сделал его своим заместителем. Желание Кёпрюлю Мехмеда иметь под рукой выбранного им преемника напоминает тактику султанов прежних времен, а параллель между амбициозными планами Кёпрюлю Мехмеда в отношении своей семьи и аналогичными планами османских султанов XV и XVI столетий четко указывает на непомерные устремления династии, начало которой положил этот вельможа.

Пятнадцатилетний срок пребывания Фазыл Ахмед-паши на посту великого визиря (оборвавшийся по причине его преждевремен-

ной смерти в 1676 году) был отмечен целым рядом военных кампаний, в особенности на северо-западных рубежах, поскольку Османская империя снова переживала период экспансии. Первым делом Фазыл Ахмед попытался вывести из тупика противостояние с Венецией на Крите, и 25 сентября 1662 года была объявлена мобилизация имперской армии. Его идея состояла в том, чтобы в 1663 году начать кампанию в Далмации с целью поддержки уже находившихся там османских войск, действия которых, направленные против венецианских опорных пунктов в этом регионе (таких как крепости Шибеник, Сплит и Котор), постоянно вызывали раздражение республики. Турки тешили себя надеждой захватить эти крепости, но к ноябрю стало ясно, что армия скорее пойдет маршем на Венгрию, чем на Далмацию.

С нестабильностью, вызванной деятельностью Ракоши в Трансильвании, судя по всему, удалось справиться к 1660 году, когда большая армия восстановила авторитет Османской империи, захватив целый ряд опорных пунктов, в том числе и город Орадея, который едва избежал захвата в 1658 году, а теперь стал ядром новой благопристойной провинции, носившей то же самое имя (по-турецки Варад), и уничтожив своего причинявшего беспокойство вассала. Любопытная деталь, имевшая отношение к осаде Орадеи, некоторым образом связывала ее с османским завоеванием Константинополя, которое случилось двумя веками раньше: подобно Константинополю, который «защищала» конная статуя императора Юстиниана, Орад находился под «защитой» своего собственного талисмана — четырех бронзовых статуй XIV века, изображавших средневековых королей-праведников Венгрии. Историки Трансильвании той эпохи отмечали, что у венгров было поверье, согласно которому город не будет захвачен иноземцами, пока эти статуи остаются на своих местах. Поэтому турки сочли важным направить на эти статуи всю свою огневую мощь. Им удалось их разрушить и взять крепость, а обломки изваяний были отправлены в Белград, где их переплавили на пушки, которые турки с иронией называли «венгерскими богами».

Эта прямое вторжение Османской империи в Трансильванию вызвало самое серьезное беспокойство со стороны Габсбургов, у которых был свой кандидат на место Ракоши — Янош Кемени. Но вскоре османские войска вытеснили его из Трансильвании, а в конце 1661 года на его место был назначен местный магнат Михал Апафи. В течение некоторого времени Кемени продолжал оказывать сопро-

тивление, но в феврале 1662 года он был убит в бою. В 1662 году не было возможности достичь мира между Османской империей и империей Габсбургов. 14 апреля 1663 года Фазыл Ахмед-паша выступил из Эдирне во главе имперской армии, а 7 июня он подошел к Белграду. Великий визирь не был настроен на примирение, и, встретившись с посланниками императора Леопольда I, он напомнил им о нарушениях условий мира, которые имели место в Трансильвании и на других участках их общей границы, а также потребовал (такова была самоуверенность турок в то время) восстановить выплату ежегодной дани, которую Священная Римская империя платила султану вплоть до окончания войны 1593–1606 годов. Никакого согласия так и не было достигнуто, и посланников бросили в тюрьму. Очевидно, Фазыл Ахмед-паша собирался идти на Дьёр, одну из крепостей, защищавших подходы к Вене. В период между 1594 и 1598 годом эта крепость кратковременно находилась в руках у турок. Однако, подойдя к Буде, он, после дальнейших бесплодных переговоров, изменил свои планы, и османская армия двинулась на север. Переправившись через Дунай в районе Эстергома, она 17 августа 1663 года подошла к крепости Нове Замки. Это решение удивило и встревожило войска Габсбургов под командованием генерала Раймондо Монтекукколи, у которого еще не было стратегии обороны самой Вены, а к ударам в других местах он был еще меньше подготовлен. Решение Фазиля Ахмеда казалось дерзким и агрессивным, потому что крепость Нове Замки лежала на пути между Веной и Трансильванией и являлась одним из важнейших элементов оборонительной системы Габсбургов. Сначала защитники отказались сдать свою крепость, и ее осада (во время которой войскам Фазиля Ахмеда оказывали поддержку казаки, крымские татары, а также войска из Молдавии и Валахии) продолжалась пять недель. Когда гарнизон наконец капитулировал, защитникам крепости было позволено ее покинуть, а Фазыл Ахмед-паша и его армия вернулись в Белград, на зимние квартиры. Военная кампания 1663 года имела сходство с операциями по очистке территорий: в данном районе был захвачен целый ряд менее крупных крепостей, включенных в состав новой провинции Уйвар, с центром в Нове Замки. У современников на Западе захват крепости Нове Замки вызвал воспоминания о прежних временах и воспринимался как признак возрождения османской военной мощи и решимости. Тем не менее верные Габсбургам войска не замедлили воспользоваться тем, что в

течение нескольких недель Фазыл Ахмед-паша был занят осадой, а потом и тем обстоятельством, что османские войска были распущены на зимние квартиры, и в январе 1664 года захватили и непродолжительное время удерживали несколько османских укрепленных пунктов в южной Венгрии. Но положение оставалось серьезным — казалось, что Вене снова угрожает опасность и на помощь Габсбургам пришли папа римский, Испания, несколько германских князей и даже Франция, которая в то время находилась в мирных отношениях со Священной Римской империей. В 1664 году вместо того, чтобы попытаться отвоевать Нове Замки, Габсбурги сосредоточили свои усилия на взятии крепости Надьканижа, этого важнейшего укрепленного пункта, расположенного на пути между Белградом и Веной, который с 1601 года удерживали в своих руках турки. Осада была снята, когда туда подошел Фазыл Ахмед-паша со своей армией. Османские войска продолжили свое наступление и, взяв еще несколько укрепленных пунктов (в том числе и тот, который они требовали снести на провалившихся мирных переговорах, предшествовавших военной кампании за провинцию Уйвар), собирались взять в осаду Дьёр.

1 августа рухнули все надежды, которыми тешили себя турки. Возле расположенного к северо-востоку от Надьканижи Сент-Готтарда, в битве на реке Раба, они были разбиты австрийскими войсками под командованием Монтекукколи. В то время путешественник и писатель Эвлия Челеби находился в армии Фазиля Ахмеда-паши и описал ее трудный переход из Надьканижи к реке Раба и то, как с западного берега реки за передвижениями османской армии тайно следили подразделения австрийской армии. Запасы османской армии были крайне ограничены, а болотистая, раскисшая от грязи местность чрезвычайно замедляла продвижение войск — чтобы преодолеть расстояние, на которое в обычных условиях уходил час, теперь требовалось пять часов. Когда армия подошла к восточному берегу реки, напротив монастыря Сент-Готтард, солнце уже взошло, но врага нигде не было видно. Эвлия Челеби сообщает, что в том месте река была мелкой и вода доходила лишь до стремнян, поэтому Фазыл Ахмед поручил отряду всадников переправиться через реку и опустошить деревни на ее западном берегу. Несмотря на нехватку припасов и то обстоятельство, что благоприятное для ведения военных действий время года уже заканчивалось, было принято решение взять Вену в осаду. Войска, состояние которых было

достойно сожаления, не могли возразить своему командующему. Был отдан приказ спешно строить мост через реку, и армия готовилась через пару дней продолжить свое наступление. Эвлия Челеби был раздосадован этим идиотским решением, в принятии которого он винил двух военачальников Фазиля Ахмеда: губернатора Алеппо, Гюрджю («Грузина») Мехмеда-пашу (который в 1651–1652 годах несколько месяцев находился на посту великого визиря) и Исмаила-пашу (который получил печальную известность благодаря той жестокости, которую он проявил во время совершенной за несколько лет до этих событий инспекционной поездки по Анатолии). Состояние армии напоминало состояние водяной мельницы, лишенной воды, писал Эвлия Челеби, а сам тайно отправился в лагерь татар, чтобы там найти припасы для себя и для своих одиннадцати человек, а также корм для своих шести лошадей.

На следующий день, а это была пятница, войска отдохали перед битвой. Несколько тысяч турок переправились через реку, чтобы произвести разведку, и от тех, кого им удалось захватить, они узнали, что в близлежащих лесах укрыто десятитысячное войско противника. Гюрджю Мехмед-паша и Исмаил-паша пытались убедить Фазиля Ахмед-пашу в том, что следует незамедлительно атаковать. Впрочем, более разумные советники указывали на то, что многим подразделениям османских войск нечем было кормить лошадей и на то, что присутствие столь малочисленных войск Габсбургов несомненно является хитростью, но этим военачальникам никогда не возражали, и основной части османской армии было приказано перейти реку вброд на день раньше, чем это планировалось, и до того, как появилась возможность воспользоваться мостом.

Поначалу сражение складывалось удачно. Из лесов появились всего несколько тысяч солдат противника, и османские силы сумели отойти, захватив с собой сотни пленников и трофеи, а также головы тех, кого они убили во время битвы. За это, согласно обычаю, они были вознаграждены. Согласно утверждениям Эвлия Челеби, он присутствовал на поле боя и указывал на то, что среди убитых было 9760 солдат армии Габсбургов и 760 солдат османской армии. Воодушевленные успехом солдаты Фазыл Ахмед-паши ринулись вглубь и вширь. Но потом, еще до того, как основные силы османской армии смогли переправиться по мосту, на виду появилась мощная армия Габсбургов, которая вскоре выстроилась вдоль реки, и на поле боя стали появляться свежие силы. Они продолжали подходить даже после шести часов рукопашного боя. По словам Эвлии

Челеби, османские бойцы были «подобны капле воды в океане войск противника». И все же Фазыл Ахмед-паша не прибег к помощи татарских войск, поскольку он испытывал неприязнь к сыну хана, который командовал этими войсками. В самый разгар битвы под Эвлией Челеби пала сраженная пулей лошадь, и он перешел реку вброд, чтобы найти другую. Глядя из лагеря османской армии на реку и на поле битвы, он с тревогой обнаружил, что османские войска терпят поражение и что сражению все еще не видно конца. В этот момент Фазыл Ахмед приказал янычарам двигаться к траншеям, чтобы защитить плацдарм, но когда их товарищи увидели этот маневр, они предположили, что янычары бегут с поля боя. Вскоре османская армия оказалась в полном смятении, поскольку всякий, кто мог бежать, бежал, пытаясь переправиться через реку и вернуться в свой лагерь. Вот как Эвлия Челеби свидетельствует об этом эпизоде:

Поскольку мост был построен в спешке, некоторые его участки были скреплены веревками, которые использовались для установки пушек, и когда на нем скопилось такое количество солдат, похожих на муравьев, пытавшихся перебраться на другую сторону, он не выдержал и рухнул. Все янычары ушли под воду, но некоторые из них сумели ухватиться за деревья или веревки, которые использовались для того, чтобы скрепить этот мост... Оба берега реки были крутыми и изобиловали расселинами, поэтому оттуда не могли уйти ни пешие, ни конные. Тысячи людей спешили, но лошади и мулы оказались в воде, а их уздечки и стремяна спутывались, и в них попадались находившиеся в воде солдаты.

Однако некоторым посчастливилось выбраться из этой рукопашной схватки. Кто-то добрался до берега, шагая по телам своих павших товарищей, и переправился через реку вдалеке от моста, другим удалось найти места, где было мелко, но это было сопряжено с риском, поскольку именно в этих местах, как правило, концентрировались войска противника. По словам Эвлии Челеби, это «было похоже на судный день».

Подобно перемене ветра, которая на море могла обратить победу в поражение, труднопроходимая местность и суровые погодные условия в еще большей степени, чем затруднения, связанные с удаленностью османской армии от своих баз в Стамбуле и Эдирне, могли решить, будет ли эта военная операция успешной, или она за-

кончится провалом. Дунай и его многочисленные притоки можно было использовать для перевозки людей и снабжения, но в этой части Венгрии они были подвержены разливам, а окружающие равнины заболачиванию, что было распространенным явлением во время ливневых дождей в конце лета, о которых неоднократно упоминалось в летописях тех лет. Замедляя строительство и прохождение мостов, подобные условия были неблагоприятными для передвижения тысяч и тысяч пеших войск и кавалерии, а в особенности, неповоротливых обозов и артиллерии, без которых не обходилась ни одна армия.

Это поражение на Рабе заставило османские силы перейти к оборонительной тактике, и уже через несколько дней был заключен двадцатилетний мирный договор с Габсбургами, которые не располагали силами, достаточными для того, чтобы извлечь из этой победы еще большие выгоды. Трансильвания должна была сохранить независимость, но оставаться под влиянием Османской империи, а австрийский император (или «римский» император, как он упоминался в османской версии Васварского договора) вновь соглашался вносить в казну султана свое ежегодное «подношение». Недавно завоеванный город Нове Замки оставался в руках Османской империи. Впоследствии Фазыл Ахмед-паша пристально следил за соблюдением условий этого договора. Туркам надо было на некоторое время обеспечить мир на своих рубежах, чтобы ничто не мешало им разобраться с венецианцами, поскольку к тому времени война за Крит шла уже девятнадцатый год.

Когда являвшийся губернатором Румелии османский посланник Кара («Черный») Мехмед-паша отбыл ко двору Габсбургов, чтобы ратифицировать этот договор, в его свите был Эвлия Челеби, который оставил нам самые ранние из сохранившихся сведений о посольстве в иноземное государство. Похоже, Фазыл Ахмед неодобрительно относился к скромному наряду и малочисленной свите Кара Мехмеда, втолковывая ему, что как посланник султана тот должен не уступать императору по блеску и расточительности. Эвлия Челеби красочно описывает все то, что он увидел в Вене, и показывает особую привлекательность Леопольда I, который в 1658 году в возрасте всего восемнадцати лет унаследовал трон своего отца, императора Священной Римской империи:

...он среднего роста с тонкой талией, не тучный, не плотный и не тощий, столь же бескорыстный, сколько и безволосый мо-

лодой храбрец. Всевышний придал его черепу форму головного убора дервиша Мевлеви, или тыквы, или сосуда с водой. Его лоб такой же плоский, как доска. У него густые и черные брови, которые почти срослись. Глаза круглые, как у совы, и красноватые. У него длинные и черные ресницы, а лицо вытянутое, как у лиса. Его уши такие же большие, как детские тапочки. Его нос похож на усохшую виноградину... и такой же большой и красный, как пелопоннесский баклажан; в каждую его ноздрию можно было бы просунуть три пальца, и из этих громадных ноздрей выступают черные волосы, похожие на неухоженные волосы с бороды какого-нибудь тридцатилетнего молодца, у которого не поймешь, где заканчиваются усы и начинается борода. У него густые черные усы, которые доходят до ушей, а губы похожи на губы верблюда (в его рот вошел бы целый каравай хлеба), и зубы у него такие же большие и белые, как у верблюда. Всякий раз, когда он говорит, слюна стекает с его верблюжьих губ, и множество окружающих его [слуг] утирают ее кусками красной материи, похожими на полотенца, а сам он непрерывно расчесывает бороду и усы. Его пальцы похожи на огурцы с Ланга [т. е. с одного из огородов Стамбула]... Все представители его династии такие же уродливые, как он сам, а его отвратительный образ можно увидеть во всех храмах, домах и на монетах...

Те два года, в течение которых его великий визирь находился в Венгрии, Мехмед IV провел, совмещая пребывание в своем дворце в Эдирне с выездами на охоту во Фракию и Македонию. Султан поощрял стремление своего фаворита Абдурахмана Абди записывать для потомства каждую подробность сельской жизни, от количества леопардов, лисиц и косуль, на которых в тот или иной день шла охота, и до подвига какого-нибудь силача, оторвавшего от земли слона вместе с наездником. Даже когда Абдурахман Абди был нездоров, султан уговаривал его записывать все события дня. Фазыл Ахмед-паша вернулся в Эдирне в июле 1665 года, и двор срочно направился в Стамбул, а оттуда на берега пролива Дарданеллы, где была произведена инспекция фортификационных сооружений. Следующим неотложным делом было завоевание Крита.

В те годы на морях все еще часто совершались нападения пиратов на корабли с паломниками и торговые суда. Продолжались набеги разбойников и работорговля. На совещании с высокопостав-

ленными государственными деятелями султан назначил великого визиря командовать планируемой военной кампанией, на Крите зимой 1665—1666 года были осуществлены соответствующие приготовления. Венецианскому послу, которого на протяжении последних двенадцати лет держали в Эдирне, теперь дали еще одну возможность заключить мир. Фазыл Ахмед предложил, чтобы Венеция, в обмен на сохранение в своих руках Ираклиона, произвела бы в пользу Османской империи разовый платеж в размере 100 000 золотых монет, а потом ежегодно выплачивала по 10 000 золотых. Это и другие условия были отвергнуты послом, и поэтому продолжалась быстрая мобилизация.

Войскам, предназначенным для ведения этой кампании, было приказано собраться в портах Фессалоники, Эвбея и Монемвасия на Пелопоннесе, откуда на кораблях им предстояло отправиться на Крит. Янычары отплыли из Стамбула, а Фазыл Ахмед-паша со своей свитой 25 мая 1666 года выступил из Эдирне и, пройдя по суше через Македонию и Фессалию, сел на корабль в Эвбее. Плавание оказалось не слишком удачным. По пути утонула или погибла значительная часть войск, и Фазыл Ахмеду пришлось дать своей армии двухмесячный отдых в Фивах. Войска смогли прибыть на Крит только зимой. Когда великий визирь выступил из Эдирне, султан потребовал, чтобы Абдурахман Абди рассказал ему о великих победах его предков — о том, как в 1514 году в битве при Чалдыране Селим I обратил в бегство шаха Ирана Исмаила, о том, как в 1521 году Сулейман I завоевал Родос, а в следующем году Белград.

Крепость Ираклион все еще держалась, поэтому в 1667 и 1668 годах войскам Османской империи пришлось сжимать кольцо осады. Оборонявший ее гарнизон был утомлен и пал духом. Помощь, которую они ожидали из Франции, так и не пришла, а их другие союзники часто отвлекались на решение вопросов, связанных с первенством среди командиров кораблей объединенного христианского флота Савойи, Венеции, Папской области, мальтийских рыцарей-госпитальеров, Неаполя и Сицилии. Хотя в 1668 году Венеция попросила о мире, это не привело к остановке боевых действий. Однако к весне 1669 года французский король Людовик XIV наконец-то сумел направить свои войска на Крит. Когда они туда прибыли, осаждавшие крепость турки оказали решительное сопротивление атакам на их позиции с моря, и обе стороны понесли значительные потери. Через полтора месяца нерешительных действий французы,

которые главным образом и атаковали османскую армию, лишились желания продолжать боевые действия. Прекрасно зная, что их присутствие должно содействовать тому, чтобы султан с большей охотой пошел на урегулирование конфликта, они тем не менее отплыли домой, не оставив Франческо Морозини, который командовал оборонявшимися силами венецианцев, никакого другого выхода, кроме сдачи. После двадцати четырех лет войны Крит, который венецианцы удерживали на протяжении четырех с половиной столетий, перешел к Османской империи. В руках венецианцев осталась только крепость Спиналонга, на восточном побережье острова, а также Суда и Грамвуса (Грабуса) на западном. Точно также, как он это делал после заключения в 1664 году Васварского договора с Габсбургами, Фазыл Ахмед-паша остался на Крите, чтобы проследить за выполнением условий мирного договора с венецианцами. После окончания боевых действий выяснилось, что остров не слишком сильно пострадал, и две главные статьи экспорта — производство оливкового масла и вина — были своевременно восстановлены. Город Ираклион лежал в руинах и после ухода венецианцев обезлюдел. Через неделю после того, как он был передан Османской империи, Эвлия Челеби упомянул победоносную армию в пятничной молитве. Строения города было приказано восстановить, после чего начались великие торжества.

Подобно тому как султан Мехмед II сделал из византийского Константинополя османский и исламский город, Фазыл Ахмед-паша «османизировал» и «исламизировал» венецианский Крит. Он превратил богатую церковь Святого Франциска в главную мечеть Ираклиона и назвал ее в честь султана. Дворец венецианского губернатора был соответствующим образом переделан и использовался османским губернатором. Другие церкви также были преобразованы в мечети, причем самым ярким внешним признаком этих преобразований была замена колоколен на минареты. Решив перестроить самую заметную церковь Ираклиона в мечеть султана и добавить к ней минарет, который сразу бросался в глаза, Фазыл Ахмед гарантировал то, что присутствие Османской империи будет заметно издалека, на подходах к городу, как с моря, так и с суши. Турки считали важным, чтобы не было никакой двусмысленности относительно того, кто теперь владеет этим островом, поэтому все заметные церкви других главных городов, Ханьи (взятой в 1645 году) и Ретимно (взятого в 1646 году), также стали мечетями.

Имущество, брошенное сбежавшим венецианским населением Ираклиона, либо было передано как пожертвования в благотворительные фонды Фазыл Ахмед-паши и его военачальников, либо было выставлено на торги и куплено лицами, предложившими наивысшую цену (будь то янычар, еврей или православный христианин), для использования в личных целях. Благотворительные фонды служили для того, чтобы привлечь сюда мусульманское население, способствовать торговле и распространять османскую и исламскую культуру, как в прежние времена это делали ордена дервишей. Старая политика принудительного переселения, как средства освоения недавно завоеванных земель, была отвергнута: в Ираклион приезжали поселенцы из критской глубинки, а исламизация острова проходила более плавно и скорее благодаря постепенным переменам, а не доставке мусульман с материка, как столетием ранее это безуспешно пытались сделать на Кипре. Более того, главным образом в Ираклион переселялись военные и преимущественно те из них, кто хотя бы номинально был родом с Крита и мог отождествлять себя с местным населением.

В этой «османизации» была еще одна особенность, которая отличала ее от того, что делали раньше, и эта особенность отражала тот факт, что к тому времени османская династия утратила часть своей власти и престижа, которые перешли к семейству Кёпрюлю и другим кланам вельмож. В городах Крита появились мечети, названные в честь султанов, но это далеко не всегда были самые важные мечети. После завоевания Ханьи ее собор был преобразован в мечеть, названную именем правящего тогда султана Ибрагима, но попечителями самых посещаемых мечетей Ираклиона и Ретимно стали те государственные деятели Османской империи, которые принимали участие в завоевании острова, а также валиде-султан, Турхан, главным же их покровителем, разумеется, был сам великий визирь. Эвлия Челеби отметил, что мечеть, названная в честь султана Ибрагима, во время правления которого началась война с Венецией, до самого конца боевых действий использовалась как пороховой склад. Это наблюдение со всей ясностью указывает на то, что династия лишилась былой власти. Другим признаком падения престижа султана было то, что в отличие от мечетей, названных в честь прежних султанов, мечети на Крите имели только один минарет.

Вскоре после успешного окончания осады Ираклиона, положившего конец долгой Критской войне, наступило затишье. К лету 1670 года Фазыл Ахмед-паша вернулся в Стамбул, а спустя два года он снова выступил во главе своей армии, но на сей раз в направлении Украины. К этому времени польско-литовская Речь Посполитая уже значительно ослабела, и казачьи волнения, которые начались в 1648 году, к 1654 году переросли в войну между Речью Посполитой и Московией, которая должна была решить вопрос суверенитета Украины. Речь Посполитая подвергалась нападениям со всех сторон, в том числе и со стороны Швеции, прежде чем многолетние спорадические столкновения закончились в 1667 году тем, что Украина была разделена по течению Днепра, причем Правобережье, то есть ее западная часть, оказалась под властью Речи Посполитой, а Левобережье, то есть восточная часть, попала под контроль московитов. Украинские казаки предпочитали быть независимыми и от Речи Посполитой и от Московии, а гетман Петр Дорошенко, который был вожаком казаков Правобережья, пытался заручиться поддержкой Османской империи. В июне 1669 года, после нескольких месяцев переговоров, с целью определить, является ли Дорошенко искренним в своем желании подчиниться Османской империи, султан направил ему символы, которыми по традиции вознаграждались вассалы империи (штангарт в виде конского хвоста, барабан, знамя и свидетельство о введении в должность) в знак признания власти гетмана над всей Украиной. Спустя почти двадцать лет после того, как Богдан Хмельницкий впервые выразил желание стать «рабом султана», значительная часть Украины снова оказалась под властью Османской империи.

Казалось, что прямая поддержка казаков Правобережья даст империи еще одного союзника в степи, помимо уже имевшихся татар. Решив оказывать поддержку казакам в их борьбе против Речи Посполитой, турки отказывались от своей традиционной политики в этом регионе, состоявшей в сохранении баланса между Речью Посполитой и Московией. В 1671 году Речь Посполитая ответила тем, что направила в Правобережную Украину силы под командованием гетмана Яна Собеского, тем самым бросив вызов султану. В свою очередь, турки объявили войну, сославшись в качестве *casus belli** на то, что поляки вторглись во владения их нового вассала. Целью

* *Casus belli* (лат.) — повод для начала войны. — *Примеч. перев.*

Османской империи был захват стратегической крепости Каменец-Подольский, находившейся в провинции Подолия и расположенной на крутом утесе, который возвышался над тесниной, образованной течением одного из притоков Днестра. Эта считавшаяся неприступной крепость должна была стать опорным пунктом, необходимым для более плотного контроля северных рубежей империи. Потенциальную выгоду сулило и то, что за часто выходившими из подчинения вассальными государствами Молдавия и Валахия можно было установить более пристальное наблюдение.

С самого начала XVII столетия уделом принцев Османской империи была замкнутая жизнь во дворце Топкапы, но Мехмед твердо решил, что его старшему сыну и наследнику следует знать, что ожидают от султана. Эта новая военная кампания давала возможность продемонстрировать, что Османская империя все еще может вступать в войну с целью расширения своих территорий и вести ее под командованием монарха-воителя, и поэтому султан решил лично возглавить свои войска, взяв с собой принца Мустафу, а вместо своей матери, Турхан Султан, он взял мать Мустафы, свою любимую наложницу, Рабию Гюльнуш Эметуллах*.

Поход на север, в Польшу, проходил в дождливую погоду и был рискованным предприятием. Во время одного перехода серебряная карета, в которой ехала Рабия Гюльнуш Эметуллах, быстро увязла в глинистой почве, и великому визирю пришлось ее спасти. Принц Мустафа и его мать остались южнее Дуная, в Бабадаге, тогда как султан со своей армией продолжили движение и подошли к Исаккее, где был построен мост через Дунай. Прежде чем переправиться на северный берег, Мехмед ненадолго вернулся в Бабадаг, чтобы навестить свою семью. Спустя тридцать девять дней и находясь в четырех или пяти часах от своей цели, крепости Каменец, армия переправилась через Днестр и вступила на польскую территорию. Крепость была слабо защищена, и 27 августа 1672 года она пала после девяти дней интенсивного артиллерийского обстрела. Когда клю-

* Такие прецеденты уже были: современники описывают Критскую кампанию как «монаршию». Султан выехал из Эдирне с намерением добраться до Ларисы в Фессалии, но его участие было не более чем символическим. Он провел много месяцев в этой местности, занимаясь охотой, и только в сентябре 1669 года он поехал в Эвбею, чтобы сесть на корабль и отправиться на Крит. Но там он получил известие о падении Ираклиона и вернулся домой.

чи от нее были переданы Фазыл Ахмед-паше, султан смог осмотреть это последнее завоевание Османской империи. Он приказал Абдурахман Абди-паше, который во время боевых действий находился в безопасности, сочинить памятную поэму из двадцати четырех двустиший и хронограмму. Обычно такую поэму потом выбивали на мраморной доске и выставляли на всеобщее обозрение, установив над воротами крепости.

Защитникам Каменца сохранили жизнь, имущество и даровали право остаться жить в стенах крепости, если они того пожелают, а также право отправлять свои собственные религиозные обряды, будь то католичество или православие. Им также было позволено содержать столько церквей, сколько им нужно. Как обычно, некоторое количество церквей превратилось в мечети — католический собор Святых Петра и Павла стал мечетью султана Мехмеда IV, другие были названы в честь его матери Турхан Султан, Рабии Гюльнуш Эметуллах, великого визиря Фазиля Ахмед-паши, Мусахиба («Собрата») Мустафа-паши, а также Мерзифонлу Кара Мустафа-паши, второго и третьего визиря соответственно. Прошло совсем немного времени и стали очевидны другие приметы нового режима, так, например, были учреждены типичные для мусульманского города благотворительные фонды. В первую пятницу после завоевания воин-султан произвел церемонию пятничной молитвы в своей новой мечети.

Новая османская провинция Каменец (или, если быть точным, Камениче), образованная на основе провинции Подолия, входившей в состав Речи Посполитой, оказалась, как и другие провинции, сформированные в годы пребывания у власти клана Кёпрюлю (Варад, Уйвар и Крит), несколько меньше, чем провинции, образованные в первые столетия османского завоевания, когда было легче делать крупные территориальные приобретения. Еще до конца 1672 года, в целях налогообложения, в Каменце был проведен опрос жителей, и новая администрация города попыталась ввести систему землевладения, с помощью которой земельными участками вознаграждались кавалеристы в обмен на то, что они примут участие в военных действиях, когда это потребует. Раньше эта система применялась во всех центральных регионах империи, но затем была временно отменена. Хотя даже в отличавшихся большей статичностью боевых действиях конца XVII столетия кавалерия не утратила своей эффективности, но на самом деле это был век пехоты, и применение такого старого и почитаемого рода войск в Каменце

и других завоеванных в то время провинциях скорее воспринимается как попытка воссоздать золотой век империи, а не как стремление справиться с военными проблемами.

Возможно, Речи Посполитой пришлось бы заплатить за свое поражение передачей Подолии султану и признанием его сюзеренитета над всей Правобережной Украиной, а также выплатой ежегодной дани (что по османским законам делало польского короля вассалом султана), но попытки империи ввести в Каменце свою систему распределения земли были преждевременными. Польский король мог бы подписать мирный договор, но многие относились к монарху с презрением, а его дворяне были полны решимости вернуть то, что они потеряли. Старые склоки были забыты, и армии Речи Посполитой стали спешно укреплять свою боеготовность. Они укрепили ее настолько, что в 1673 году сумели разбить османский гарнизон в Хотине еще до прибытия высланных ему на помощь войск Фазыл Ахмеда. Однако в 1675 году подразделения османской армии снова вызвали тревогу, так как, пересекая границу, они стали совершать набеги на польскую территорию. Теперь Речь Посполитая нуждалась в передышке, и в 1676 году она согласилась с измененными условиями мирного договора, которые спасли польского короля от унижения, связанного с выплатой ежегодной дани султану. Но эта уступка и приобретение двух крепостей на Украине не шли ни в какое сравнение с теми выгодами, которые, по мнению поляков, турки могли бы извлечь из этого соглашения.

Поддержка, которую Османская империя оказывала Правобережной Украине, привела к войне с Речью Посполитой (и вознаграждению в виде территориального приобретения), но изменение баланса сил в регионе вызвало ответную реакцию со стороны Московии, войска которой вторглись в Османский протекторат, и в 1674 году армия, возглавляемая султаном Мехмедом, выступила из Эдирне и двинулась на север, чтобы спасти гетмана Петра Дорошенко, находившегося в своей осажденной столице — расположенной на берегу западного притока Днепра крепости Чигирин. Крымские татары сэкономили целый день для османской армии, подразделения которой под командованием Мерзифонлу Кара Мустафа-паши продолжали разрушать форты и поселения, которые признавали своим сюзереном Московию, а не Османскую империю.

Военные действия против Речи Посполитой и Московии привели к тому, что только в 1675 году появилась возможность отпразд-

новать недавние успехи османской армии подабающим для султана-воителя возрождавшейся военной державы образом. Весной того года султан Мехмед IV издал декрет о проведении в Эдирне пятнадцатидневных празднований в честь обрезания его сыновей, одиннадцатилетнего Мустафы и двухлетнего Ахмеда, и еще восемнадцати дней торжеств, посвященных заключению брака между его семнадцатилетней сестрой Хатидже Султан и вторым визирем Мусахибом Мустафа-пашой. После шести месяцев приготовлений, в период между 14 и 29 мая, состоялось торжество, посвященное обрезанию, а бракосочетание отпраздновали в период между 9 и 27 июня. Ничего подобного не видели со времен торжеств, состоявшихся в 1524 году по случаю бракосочетания сестры султана Сулеймана I, Хатидже Султан, и его великого визиря и фаворита Ибрагима-паши, или свадебных торжеств 1562 года, когда были заключены браки между его внуками и тремя государственными деятелями высокого ранга, или торжеств 1582 года в честь обрезания будущего султана Мехмеда III.

Бывший чиновник Хезарфен Хусейн-эфенди составил подробное, день за днем, описание торжеств, свидетелем которых он, по всей вероятности, был. Банкеты, щедрые подношения, театральные представления, фейерверки, клоунады, выступления наездников и многое другое стало частью продуманной демонстрации великолепия и необычайной щедрости правящей династии. Государственные чиновники и высокопоставленные деятели Османской империи, а также жители Эдирне приглашались на пиры в соответствии с их положением и приносили султану и принцам свои подношения (преимущественно религиозные и поэтические тексты, серебряные сосуды и дорогие ткани). Когда Хатидже Султан вступила в брак, она получила много подарков от султана, а от ее жениха требовалось развлекать высокопоставленных государственных чиновников на банкетах, а также раздавать щедрые дары направо и налево. Празднования проводились на открытом воздухе, напротив султанского дворца:

...с одной стороны были подняты двадцать две корабельные мачты, каждая из которых была весьма искусно украшена тысячей маленьких фонарей. Султан распорядился, чтобы они горели с самого начала до самого конца празднеств. Султаном были установлены семь величественных шатров. В некоторых из них султан и принцы отдыхали, тогда как прочие были предназна-

чены для великого визиря, шейхульислама, главных судей Румелии и Анатолу, а также для других членов имперского совета, а напротив каждого шатра стояли деревянные трибуны, чтобы можно было наблюдать за музыкантами, актерами и другими выступлениями.

В 1675 году капеллан Левантийской компании, англичанин, доктор Джон Коувел посетил Эдирне и его окрестности и присутствовал на этих торжествах. Многие простолюдины прошли обряд обрезания в то же самое время, что и принцы. Свидетелем этого был доктор Коувел. На самом деле, писал он, «турки настолько далеки от того, чтобы препятствовать вашему желанию это увидеть, что даже уступают вам дорогу»:

Я видел многие сотни (за тринадцать ночей было обрезано около 2000 человек) обрезанных... Там было много вполне зрелых людей, в особенности новообращенных, которые стали турками. Наиболее распространенный способ обращения в ислам (а я видел их несколько) состоит в том, чтобы предстать перед В. П. [т. е. Важной Персоной — султаном] и визирем и снять головной убор или поднять вверх правую руку, либо указательный палец. После этого человека сразу же уводил служащий (который присутствует специально для этой цели) и производил обрезание. Я видел русского, лет двадцати, который после того, как он предстал перед визирем, с чрезмерной поспешностью и ликованием прошел в шатер. Однако во время обрезания у него был недовольный вид (как это бывает у многих людей зрелого возраста). Однажды ночью нам повстречался молодой парень, который спросил нас, как пройти к визирю. Мы поинтересовались у этого сельского паренька, какое у него дело к визирю. Он сказал, что его брат принял турецкую веру и теперь он хочет его найти и тоже совершить обрезание. И через два дня он так и сделал... За эти тринадцать дней появилось по меньшей мере двести новообращенных.

Хотя Фазыл Ахмед-паша еще в молодости отказался от теологического образования, он оставался весьма восприимчив к воздействию различных богословских течений, поэтому во время его пребывания на посту великого визиря переживала возрождение пуританская секта Кадизадели, члены которой предали анафеме его отца.

Будучи губернатором Эрзурума, он попал под влияние Мехмеда ибн Бистана, курдского проповедника из Вана, известного под именем Вани-эфенди. Это была харизматическая фигура местного религиозного истеблишмента. Будучи намного старше Фазыл Ахмеда, Вани-эфенди оказался родственной душой, принадлежавшей к тому интеллектуальному миру, который Фазыл Ахмед покинул, когда решил применить свои способности в сфере административного управления. Эти два человека стали друзьями, и, когда Фазыл Ахмеда назначили великим визирем, Вани-эфенди был приглашен в Стамбул в качестве его советника по духовным вопросам. Позднее он был назначен на влиятельный пост проповедника во время пятничных молитв в новой величественной мечети Турхан Султан, открытой в 1665 году, а затем стал духовным наставником великого визиря.

Близость Вани-эфенди к великому визирю приблизила его и к Мехмеду IV, а в хрониках фаворита султана, Абдурахмана Абди-паши, имя Вани-эфенди упоминается так же часто, как имена самых известных визирей султана. Он был с Мехмедом в те годы, когда его двор пребывал в Эдирне, где Абдурахман Абди имел все возможности за ним наблюдать. Интересно то, что между Вани-эфенди и церковным истеблишментом в лице шейхульислама Минкарызаде («Сын человека с орлиным носом») Яхья-эфенди, судя по всему, не возникало никаких идейных противоречий, хотя равное положение давало одинаковый вес их взглядам на вопросы, оценка которых традиционно была исключительной монополией шейхульислама, обладавшего высочайшим духовным авторитетом. Вани-эфенди сопровождал султана во время его бесплодной военной кампании на Крите, а также во время Каменецкой кампании. Находившая в этом городе церковь кармелитов была преобразована в мечеть и названа его именем, а ему самому дали отпуск, необходимый для того, чтобы учредить благотворительный фонд.

И султан, и его великий визирь были еще достаточно молоды и поэтому прислушивались к советам такого человека, как Вани-эфенди, а его высокое положение стало благом для его менее высокопоставленных последователей, голоса которых умолкли после того, как в 1656 году Юстювани Мехмед-эфенди и его прислужники были высланы на Кипр. События в годы, предшествующие возвышению клана Кёпрюлю, во многом дискредитировали церковную иерархию, погрязшую в политических и фракционных склоках, которые разыгрывались в столице. Поэтому настало время для появления группы, подобной секте Кадизадели, которая могла бы

законно претендовать на ведущую роль в деле восстановления моральных принципов. В тот период, когда Вани-эфенди оказывал доминирующее влияние, мистические ордена снова стали объектами пристального внимания секты Кадизадели. Ее лидер распорядился уничтожить находившийся неподалеку от Эдирне орден дервишей Бекташи и даже оказал воздействие на расположенную в Галате богатую и влиятельную ложу Мевлеви, запретив публичное исполнение суфитской музыки и танцев, которые, по его убеждению, не соответствовали догматам ортодоксальной веры. Как и в те дни, когда султан Мурад IV прислушивался к тому, что проповедовал Кадизаде Мехмед, кофейни были закрыты, и курение снова было запрещено.

Дервиши хотя бы были мусульманами: Вани-эфенди и его сторонников в гораздо большей степени оскорбляло присутствие в империи немусульман и то, что им жаловали привилегии. Так, производство и потребление вина традиционно запрещалось мусульманам, но разрешалось христианам и евреям (во благо казначейства, которое собирало с них десятину). В 1670 году был издан имперский указ, согласно которому упразднялась должность специального уполномоченного по вину, ликвидировались таверны в Стамбуле и его окрестностях и вводился запрет на продажу вина, что привело не только к финансовым потерям казначейства, но и к штрафным санкциям в отношении христиан и евреев, которые занимались этой прибыльной торговлей. Однако, как это случалось с предыдущими попытками обуздать торговлю вином, увертки и контрабанда сделали этот указ неэффективным. Возможно, более всего раздражавшим Вани-эфенди фактором было зрелище «сотен» людей, приезжавших с целью посетить таверны деревни Карагач, расположенной совсем неподалеку от Эдирне. Доктор Джон Коувел получил сведения из первых рук о «любви турок к вину» и об отступных, которые получал главнокомандующий янычар за то, что он закрывал глаза на пьянство в Карагаче. Весь двор, говорил он, состоял из пьяниц, за исключением султана и еще двух человек: Мерзифонлу Кара Мустафа-паши и Мусахиб Мустафа-паши.

Терпимое положение немусульман было введено в систему османского права незадолго до правления Мехмеда II, а отражением того, что законодательство определило для них место, являлась плата избирательного душевого налога. Однако то рвение, с каким османские христиане и евреи при любой возможности устанавливали связи с чужеземными купцами и доверенными лицами иностран-

ных государств, приводило такого пуританина, как Вани-эфенди, в замешательство, поэтому он пришел к заключению, что членов этих меньшинств надо поставить на место и сделать так, чтобы они не выделялись. Традиционно в Османской империи к местам богослужения немусульман относились терпимо до тех пор, пока это не выходило за установленные пределы. Разрешался и ремонт, который был признан необходимым, хотя реконструкция могла быть запрещена, если здание в его первоначальном виде было полностью разрушено. Под влиянием Вани-эфенди земля, на которой стояли восемнадцать из двадцати пяти церквей, сгоревших дотла во время больших пожаров, опустошивших Стамбул и Галату в 60-е годы XVII столетия, впоследствии была конфискована и продана мусульманам, хотя после пожаров эти церкви были восстановлены руками христиан.

В 1664 году Вани-эфенди удалось ввести запрет на межконфессиональные молитвы, которые, как шейхульислам советовал султану, следовало проводить по всей империи, ради успеха предстоящей военной кампании. В этом случае поражение, которое османская армия потерпела от Габсбургов у Сен-Готарда, делало спорным утверждение Вани-эфенди, согласно которому молитв одних мусульман достаточно для того, чтобы гарантировать успех кампании. Поначалу деятельность Кадизадели была направлена на то, чтобы вернуть заблудших мусульман на праведный путь. Вани-эфенди, напротив, пытался заставить исламские предписания затронуть проблему места немусульман в мусульманском обществе, причем за счет традиционной для Османской империи терпимости, и поскольку он пользовался поддержкой как со стороны султана, так и со стороны великого визиря, у него появилась возможность увидеть, как его программа осуществляется на практике.

Более заметной для широкой публики, чем крепости, построенные Турхан Султан на берегах Дарданелл, стало то, что сегодня называется Ени Джамии или Новая мечеть, что является сокращением ее полного названия, Ени Валиде Джамии, или «Новая мечеть вдовствующей султанши». Она возвышается над расположенным на берегу бухты Золотой Рог стамбульским кварталом Эминёню и имеет множество пристроек: монарший павильон, начальную школу, общественный фонтан, библиотеку и рынок (известный как Египетский рынок или рынок пряностей), а также большой мавзолей Турхан. Эта мечеть была первым храмовым комплексом женщины из монархической семьи, который считался равным величественным

храмовым комплексам таких султанов, как Мехмед II, Баязид II, Селим I, Сулейман I, мечети Шехзаде, которую Сулейман построил в честь своего покойного сына, принца Мехмеда, мечети Ахмеда I и, разумеется, Айя Софии. Инициатором проекта была мать Мехмеда III, Сафийе Султан, но она отказалась от этой идеи, когда ее сын умер, а ей самой пришлось уйти в тень. Мурад IV, несомненно, подумывал о продолжении строительства, но потом выбросил это из головы. Решение Турхан Султан вступить во владение этим участком земли (расположенным в торговом районе Стамбула) предоставило неожиданную возможность подчинить евреев.

Пожар 1660 года, который опустошил значительную часть города, собрал свою дань и с евреев, живших по соседству, в портовом районе Эминёню. Правящие круги обвинили их в поджоге, после чего у них конфисковали имущество, а их община была изгнана из района. То, что это рассматривалось как поступок, достойный всяческих похвал, ясно и из надписей внутри монаршего павильона этой мечети, и из текста о деяниях жертвователя. Написанный на изразцовой панели, в монаршем павильоне, этот документ представляет собой строфу из Корана, в которой говорится о том, как пророк Мухаммед изгнал еврейское племя из Медины, и о конфискации их земли, тогда как в деяниях Турхан Султан говорится о «евреях, которые являются врагами ислама». Вот так ислам насаждался в этом торговом районе, и это напоминало войну с иноземными неверными, с тем отличием, что она велась в пределах собственной страны. Большинству евреев пришлось переехать подальше, в северную часть бухты Золотой Рог, и стать частью другой еврейской общины, жившей в квартале Хаскёй. И когда позднее они вернулись в Эминёню, их вновь оттуда изгнали. Та роль, которую Ваниэфенди сыграл в травле евреев, являлась повторением того, что сделал великий визирь Мехмеда III, Коджа Синан-паша, который использовал в своих целях вспышку антиеврейских настроений, имевшую место в 90-е годы XVI столетия, то есть незадолго до того, как Сафийе Султан приняла решение построить в том же самом месте свою мечеть. Подобно своему сыну и великому визирю, Турхан по достоинству оценила усилия Ваниэфенди и подтвердила это тем, что пристроила к своему храмовому комплексу монастырь, который отдала в его распоряжение.

Евреи империи снова оказались в центре внимания в 1665 году, когда раввин Саббатай Цви, из космополитичного торгового порта Измир, объявил себя мессией. Поверившие ему евреи Измира и

Стамбула забросили свою коммерческую деятельность и вступили в горячую полемику с теми их единоверцами, которые не разделяли надежды на «возвращение» в Иерусалим. Под влиянием Вани-эфенди правительство вмешалось в дискуссию, с тем, чтобы пресечь деятельность Цви. Сначала его посадили в тюрьму одной из крепостей, построенных на берегах пролива Дарданеллы, но когда шумные протесты его сторонников стали нарушать общественный порядок в округе, его перевезли в Эдирне для допроса, который проводили ближайшие советники султана, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша, шейхульислам Минкаризаде Яхья-эфенди (который дал фетву, заключающуюся в том, что и христиан и евреев можно в приказном порядке обращать в ислам), а также Вани-эфенди. Султан тайно наблюдал за допросами и за процедурой обращения Саббатая Цви, которому предложили сделать выбор между принятием ислама и смертью. Став «новообращенным мусульманином», Азизом Мехмедом-эфенди, и превратившись в получающего жалованье придворного, Саббатай Цви стал проповедовать в интересах принятой им веры, чем привел в полное замешательство своих бывших сторонников. Нежданно-негаданно он стал союзником Вани-эфенди в его непримиримой борьбе, направленной на сведение к минимуму роли немусульман в общественной жизни империи. В отличие от эпохи султана Сулеймана I, когда ненадлежащие религиозные убеждения могли привести на эшафот, теперь истэблишмент Османской империи мог впитывать в себя раскаявшихся религиозных смутьянов, делая это с такой же легкостью, с которой прежде он принимал в свои ряды раскаявшихся военных бунтовщиков Анатолии. Однако Саббатаю Цви не пришлось слишком долго отдавать свой мессианский пыл новой вере, которую он принял, в конце концов его выслали в Албанию, где он и умер в 1676 году. Движение, инициатором которого он стал, нашло отражение в Европе и на Ближнем Востоке и привело к обращению в ислам евреев и христиан во всех уголках империи*.

Европейские наблюдатели не смогли найти объяснение той волне обращений в ислам, которая имела место в годы правления султана Мехмеда IV, и до, и в особенности после эпизода с Саббатаем Цви, когда многие христиане и евреи лично представляли перед сул-

* Потомки его последователей, которых называют «дёнме» — словом, производным от турецкого глагола, означающего «обращать», — и сегодня представляют собой вполне распознаваемую группу населения Турции.

таном в Эдирне, где находился его двор, а также во время его частых выездов на охоту. Их было так много, что в новый свод законов, составленный секретарем султана, Абдурахманом Абди-пашой в 1676—1677 годах, вошел «закон о новых мусульманах», который упорядочивал процедуру обращения, включив в нее обучение догматам ислама, денежное вознаграждение обращаемого и обеспечение его соответствующей одеждой, а также, если это был христианин, то и обрезание. Обращение в ислам позволяло евреям и христианам пользоваться теми же привилегиями, что и мусульманское большинство империи, и снимало с них те ограничения в сфере политической и финансовой деятельности, которыми они были обязаны своему «терпимому» положению. «Новые мусульмане» мужского пола, как и старые, обладали возможностью занимать государственные должности самого высокого ранга. Помимо прочих льгот, они могли вступить в брак с той женщиной, которую они выберут, тогда как мужчины немусульмане могли вступать в брак только с женщинами-немусульманками. Женщин и детей также обращали в ислам: среди тех преимуществ, которые получали женщины, было то, что после обращения они могли развестись с мужьями немусульманами, или если они были домашними рабынями немусульман, то со временем они получали свободу.

То, что двор проводил так много времени в Эдирне, где Мехмед IV мог удовлетворять свою страсть к охоте и проявлять нежелание вмешиваться в государственные дела, говорит о том, что Анатолия наконец-то успокоилась, что было положительным результатом деятельности покойного великого визиря Кёпрюлю Мехмед-паши, который жестоко подавлял возникавшие там беспорядки. Помимо этого, Кёпрюлю Мехмед заложил фундамент стабильного правления своего сына, Фазиля Ахмед-паши. Он искоренил борьбу между группировками и дворцовые интриги, которые раньше определяли политику. При Фазыл Ахмеде, который оставался великим визирем на протяжении пятнадцати лет, лица, занимавшие высшие государственные должности, продолжали оставаться у власти. После того как Фазыл Ахмед пришел к власти, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша, который занимал высокую должность при Кёпрюлю Мехмеде, по-прежнему давал советы султану. То же самое можно сказать и о визире Мусахибе Мустафа-паше. Главный казначей Джебеджи («Оружейник») Ахмед-паша, которого назначили на эту должность в 1662 году, оставался на своем посту в тече-

ние четырнадцати лет. Шейхульислам Минкаризаде Яхья-эфенди, который вступил в должность после кончины Кёпрюлю Мехмед-паши, был снят с нее только в 1674 году, то есть после одиннадцати лет службы.

Фазылу Ахмед-паше был сорок один год, когда он умер от «от сильной водянки, вызванной пьянством», во время переезда из Стамбула в Эдирне 3 ноября 1676 года. Он был погребен в гробнице своего отца, находившейся неподалеку от Крытого базара в Стамбуле. Его брат, Фазыл Мустафа-паша, который был с ним, когда он умирал, отдал печать великого визиря султану, который возложил полномочия на Мерзифонлу Кара Мустафа-пашу, и тот стал новым великим визирем. Сначала Мерзифонлу Кара Мустафа-паша выдвинулся как протеже Кёпрюлю Мехмед-паши, а во время пребывания на этой должности его друга детства и зятя Мерзифонлу Кара Мустафа установил тесные отношения с султаном, что гарантировало ему продвижение по службе. Как доверенное лицо Фазыл Ахмеда, он редко покидал двор, и некоторые западные дипломаты подозревали его в том, что он интригует против Фазиля Ахмеда.

Став великим визирем, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша первым делом вновь попытался защитить интересы Османской империи в Правобережной Украине от угрозы вторжения вооруженных сил Московии и Левобережной Украины. Жестокие репрессивные меры, которые он предпринял против народа Правобережной Украины после военной кампании 1674 года, и усиление контроля со стороны Османской империи способствовали массовому недовольству, во главе которого стоял сам гетман Петр Дорошенко, который стал испытывать разочарование султаном и тревогу в отношении своего уязвимого положения, обусловленного тем, что его окружали могучие соседи. В 1676 году он отправил царю символы власти, полученные им от султана, передал ему свою столицу, находившуюся в Чигирине, и получил убежище в Московии. Султан назначил нового казачьего вожака, сына Богдана Хмельницкого — героя поднятого казаками в 1648 году восстания против Речи Посполитой. Но он оказался лишь бледной тенью и своего отца, и своего предшественника, Дорошенко. Османская империя не могла смириться с присутствием москвитов на территории, которую она считала своей, и вскоре эти два государства вступили в войну. После неудачной попытки отвоевать Чигирин во время осады 1677 года Мерзифонлу Кара Мустафа все же сумел в 1678 году выбить гарнизон из этого города. Получив очередную возможность подтвердить свой

мандат воителя, Мехмед IV с большой помпой выехал из своей резиденции и совершил поездку в дунайскую крепость Силистра, где он и оставался на протяжении всей кампании.

Изолированный Чигирин было трудно защищать от новых атак московитов, и турки полностью его разрушили. Восточнее, на реках Днепр и Буг, ими были построены три новых крепости, которые в большей степени отвечали требованиям к обороне этого региона. Когда пришли известия о том, что Московия готовится к новому нападению, султан вновь настроился на то, чтобы возглавить свои войска, но посредничество татарского хана привело к тому, что Московия запросила о мире, и в 1681 году мирный договор, подписанный в столице крымского хана, Бахчисарае, положил конец продолжавшейся пять лет напряженности на Днепре. Этот первый официальный мирный договор между Московией и Османской империей давал двадцать лет мира и признание сюзеренитета Османской империи над всей Правобережной Украиной, за исключением города Киева (который наряду с Левобережной Украиной начиная с 1667 года находился в вассальной зависимости от Московии). Что касается политики Османской империи в отношении северного Причерноморья (делать там только то, что необходимо для защиты от нападений на основную территорию), то она, похоже, мало изменилась. Если оставить в стороне завоевание Подолии, то вмешательство турок в дела Украины стало необходимым по причине такого развития отношений между Московией и Речью Посполитой, которое вышло из-под контроля. К 1681 году турки испытывали чрезмерное напряжение и были рады передышке. Кажется, они решили те стратегические задачи, которые стояли перед ними на их северных рубежах.

После подписания Васварского мирного договора 1664 года на северо-западных рубежах Османской империи, там, где она граничила с владениями Габсбургов, стало спокойно, и в Центральной Европе установился мир. Фазыл Ахмед-паша был доволен условиями этого договора, согласно которым Османская империя получила провинцию Уйвар, находившуюся севернее Дуная. Однако венгерское дворянство чувствовало себя обманутым Монтекукколи и мнимостью стремления императора Леопольда заменить конституционное правительство «королевской Венгрии» на абсолютистское правление. Некоторых из них обвинили в попытке получить помощь

от французов или турок, и в 1671 году они были казнены за измену. В различные периоды XVII столетия контрреформацию навязывали с большей или меньшей суровостью, но особая жестокость была отмечена во времена правления Леопольда I: хотя главной движущей силой заговора были националистические, а не религиозные идеи (в него были вовлечены и католики и протестанты), властями преследовались венгерские протестанты всех классов, а сама Венгрия все больше и больше рассматривалась как завоеванная территория, которой надо управлять прямо из Вены.

Многим венграм-протестантам, которые были недовольны существующим положением дел, терпимость турок казалась предпочтительнее узколюбости Габсбургов, и они пытались найти убежище в Трансильвании, которая являлась вассальным Османской империи государством. Фазыл Ахмед-паша всегда старался не ввязываться в борьбу этих недовольных и приказал трансильванскому князю Михалу Апафи следовать такой же политике. Однако в 1678 году дворянин-кальвинист Имре Тёкёли, который играл заметную роль в борьбе венгров против гегемонии Габсбургов и господства католичества, был избран лидером недовольных протестантов, а благодаря своим успехам в нескольких столкновениях с силами Габсбургов он подчинил себе часть территории верхней Венгрии и еще больше укрепил свой авторитет. К этому времени Леопольд стал понимать, что его политика в Венгрии является контрпродуктивной, поэтому в 1680 году он заключает перемирие с Тёкёли, а в мае 1681 года собирает конгресс, на котором предлагает в определенной мере восстановить местную автономию и создать условия религиозной терпимости. Тёкёли отказался посещать эти заседания. Один летописец тех лет, Силахдар («Оруженосец») Финдиклили Мехмед-ага, который в то время служил пажом при дворе, сообщает о том, что в июле туда прибыли посланники Тёкёли и предъявили обращение с просьбой о совместных действиях с султаном. В начале 1682 года Тёкёли был вознагражден соглашением из четырнадцати пунктов, которое признавало его вассалом Османской империи. Мерзифонлу Кара Мустафа-паша видел в нем потенциальный инструмент осуществления своих планов, направленных против Габсбургов. Поэтому когда Леопольд направил своего посланника, с целью продлить Васварский договор, срок действия которого заканчивался в 1684 году, тот обнаружил, что согласившись поддерживать «короля центральной Венгрии», как они окрестили Тёкёли, в признание его

нового статуса, турки больше не были готовы рассматривать данный вопрос. Зная о тех возможностях, которые предложил Тёкёли, и том одобрении, которое высказал французский посланник при Османском дворе (Франция, у которой были свои планы в отношении империи Габсбургов, дала знать, что она не будет вмешиваться в войну между Габсбургами и Османской империей), нет ничего удивительного в том, посланник Габсбурга не смог получить никакого удовлетворительного ответа на вопрос о возобновлении мирного договора.

Возможно, султан не испытывал желания видеть эскалацию напряженности в Венгрии, но великий визирь был настроен решительно и обладал поддержкой главнокомандующего янычар, Текирдаджи Бекри Мустафа-паши, который ссылаясь на то, что его люди горят желанием сражаться. Силахдар Финдиклили Мехмед-ага сообщает о том, что Мерзифонлу Кара Мустафа-паша зашел так далеко, что требовал передавать ему фальшивые сообщения, в которых преувеличивается опасность на границе. Он также просил шейхульислама дать фетву и, не обратив внимания на неудобный для себя ответ, который заключался в том, что война неприемлема, заключил под домашний арест посланника Габсбургов, который был полон решимости сохранить мир, причем практически любой ценой.

Тогда для Османской империи наступил удобный момент вступить в войну с Габсбургами: на переднем крае турки располагали поддержкой Тёкёли, Габсбурги в Венгрии отступали, а французы намекали на то, что они не будут вмешиваться. Московия страстно желала сохранить мир, а польско-литовская Речь Посполитая была слишком слаба, чтобы представлять собой угрозу. К 3 мая 1683 года армия Османской империи, вместе с которой следовал султан Мехмед, уже находилась в Белграде, на сей раз выступив в поход в самом начале подходящего для боевых действий времени года. Во время своего продвижения вдоль Дуная силы Тёкёли соединились с войсками крымского хана. Принявший участие в этой кампании Силахдар Финдиклили Мехмед-ага сетовал на ужасные дожди, которые задерживали продвижение армии с того самого времени, когда 30 марта она выступила из Эдирне. Особо он отметил те трудности, которыми сопровождалась переправа любимой жены султана Рабии Польшуш Эметуллах и еще восьмидесяти экипажей женщин гарема по мосту через реку возле Пловдива.

Согласно первоначальному плану, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша должен был взять Дьёр, что еще в 1664 году намеревался сделать Фазыл Ахмед-паша. (Во время проходивших перед началом кампании переговоров посланник Габсбурга отказался уступать Дьёр.) Однако на совещании, которое проводили, пока армия становилась лагерем перед этой крепостью, Кара Мустафа заявил, что поскольку крепость оказалась сильнее, чем это предполагалось, то лучше двигаться прямо на Вену, а не терять войска во время осады Дьёра. Он не услышал никаких возражений, и армия двинулась вперед. Было много оснований рекомендовать именно такое решение, ведь высшее командование армии Габсбургов, которое было расколото по причине острых разногласий личного и бюрократического характера, медлило и с выработкой действенной оборонительной стратегии, и с мобилизацией. В Вене паника началась в первые дни июля, когда стало ясно, что османская армия значительно продвинулась вперед. Покинув город 7 июля, император и его двор ретировались в Пассау, куда они прибыли 18 июля вместе со всеми своими сокровищами. Во время переезда их преследовала татарская кавалерия, которая 16 июля совершила набег на район, расположенный в ста километрах к западу от Вены.

Силахдар Финдиклили Мехмед-ага сообщает, что когда о несанкционированных действиях Мерзифонлу Кара Мустафа-паши стало известно султану Мехмеду, который находился в Белграде, его поразило вопиющее пренебрежение великого визиря к выполнению полученных им приказов. Но он уже не мог изменить ход событий. Тем не менее казалось, что судьба благоволит туркам и их союзникам: они численно превосходили войска императора, и хотя они не стали осаждать Дьёр, но в ходе своего продвижения им удалось захватить целый ряд других стратегически важных пунктов.

За те несколько дней, в течение которых армия подтягивалась к стенам Вены, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша выстроил свои войска так, чтобы окружить город со всех сторон, оставив лишь узкий проход для подхода подкреплений. Осада началась с традиционного предложения гарантировать безопасность в том случае, если защитники сдадут свою крепость, но от этого предложения, также традиционно, отказались. Османские войска быстро и умело закрепились на своих позициях и 14 июля начали артиллерийский обстрел города. Кара Мустафа стремился не упустить ни одной мелочи, которая могла обеспечить успешный исход, действовал неспешно и

методично, но схватка оказалась яростной, и неопределенность ее конечного результата была высокой. Через месяц осады турки с помощью мины проделали брешь, и атакующим удалось проникнуть внутрь промежуточной линии укреплений рavelина.

Размышления о последствиях возможной победы османской армии оказали серьезное воздействие на европейских князей и государственных деятелей, знавших, что на протяжении минувших столетий призывы к объединенным действиям против общего врага редко находили понимание, а когда такие попытки все же предпринимались, то чаще всего они оказывались непродолжительными и нерешительными. Сегодняшний союзник завтра мог стать врагом: взаимная подозрительность и отголоски старой вражды препятствовали сплоченным действиям. Франция ограничилась лишь туманными намеками и не послала на помощь Вене никаких войск. Польско-литовская Речь Посполитая оказалась единственной державой, вынужденной встать на защиту Габсбургов. Речь Посполитая все еще испытывала жгучую боль, вызванную потерей своего влияния на казаков Правобережной Украины и утратой больших территорий в Подолии, которые по условиям договоров 1672 и 1676 годов перешли во владение Османской империи. Хотя, на первый взгляд, независимость и привилегии местных собраний отнюдь не гарантировали, что отсюда придет хоть какая-то помощь, дворяне Подолии (большинство из которых склонялись к тому, чтобы прийти на помощь Габсбургам, поскольку надеялись вернуть свои земли в случае поражения османских войск) убедили своих товарищей, и объединенные необходимостью оказать друг другу помощь в борьбе с общим врагом, империя Габсбургов и Речь Посполитая соединились в непростом союзе, заключив в марте 1683 года пакт о взаимной обороне, согласно которому договоры Речи Посполитой с Османской империей считались недействительными.

Уже в июне польская армия находилась в боевой готовности на своих южных границах. Причиной тому были набеги на польскую территорию, совершаемые Тёкёли из Трансильвании, а также наступление османской армии из Буды. Когда в середине июля, то есть в самом начале осады Вены, первый отчаянный призыв о помощи достиг Собеского, он без особой спешки переехал со своим двором из Варшавы в Краков. Но когда ему стали известны детали успешного продвижения осады, он приложил все силы, чтобы мобилизовать армию, необходимую для того, чтобы этому противостоять. Поражение грозило дальнейшими военными действиями

Османской империи против Речи Посполитой, но для Собеского оно означало провал его собственных амбиций. 15 августа его армия выступила из Кракова, и к концу месяца он был Холбруне, расположенном к северо-востоку от Вены. Там же находился и зять императора, Карл Лоррейнский, который был командующим маленькой армии Габсбургов, совершавшей набег на коммуникации османской армии. Баварцы, находившиеся юго-западнее Вены, и протестанты-саксонцы, находившиеся северо-западнее, также направили свои войска, однако с другими потенциальными союзниками, такими как Бранденбург, не было достигнуто никакого соглашения.

Осада продолжалась уже два месяца, но ни одной из сторон не удалось достичь решающего преимущества, хотя положение защитников было отчаянным. Высланные на помощь армии медленно двигались в направлении переправы через Дунай в районе Туллина и, переправившись, сосредоточились на южном берегу с тем, чтобы, пройдя маршем через Венский лес, подойти к городу с запада. Предположив, что гористая и покрытая густым лесом местность станет препятствием даже для полных решимости войск, командование османской армией решило не создавать эффективной обороны подходов к городу с этого направления. Но если они не могли не придавать значения наступавшей шестидесятитысячной армии, то не могли они и снять осаду после стольких недель усилий и после того, как в воздухе уже запахло победой. Собеский потратил три дня на то, чтобы привести в порядок свои войска: австрийцы стояли слева, ближе всего к реке, немцы были в центре, а войска Речи Посполитой (которые медленнее других занимали свои позиции) — на возвышенностях правого фланга. Противник имел значительный численный перевес над силами Мерзифонлу Кара Мустафы, которые насчитывали около 30 000 человек, плюс неизвестное количество молдаван, валахов и татар. Яростная битва, которая началась 12 сентября, продолжалась до вечера. Утром основная борьба шла в низине у реки, но как только Собеский с кавалерией Речи Посполитой сумел нагнать другие воинские контингенты, стали возможными слаженные действия. К концу дня, когда противник перешел в наступление, османская армия была рассеяна, а те, кто еще не был разрублен на куски, поняли безнадежность своего положения и бежали. Осада закончилась провалом. Когда войска союзников стали собирать трофеи на брошенных позициях османской армии, люди Собеского захватили львиную долю добычи, в том числе и украшен-

ные великолепной вышивкой шатры высшего командования, которые сегодня можно увидеть в музеях Кракова и других городов, расположенных на бывших польских землях.

Те османские силы, которые не были уничтожены или взяты в плен, страдая от холода и голода, отступали по дороге на Дьёр, где они и переправились через реку Раба. Когда известие о поражении под Веной пришло в лагерь султана под Белградом, он пришел в ярость и, угрожая казнить Кара Мустафа-пашу, потребовал, чтобы тот предстал перед ним. Но великий султан отказался следовать в Белград, ссылаясь на то, что он болен. Было件нятно, что в ближайшее время надо начинать подготовку к следующей кампании, и Мехмед со своей свитой направился обратно в Эдирне, не дожидаясь, когда Кара Мустафа прибудет в Белград. Если вина за поражение (не принимая во внимание вмешательство Собеского) и лежала на Кара Мустафе, то она не столько была обусловлена его решением идти прямо на Вену, сколько некоторым количеством допущенных с его стороны технических просчетов. Например, он не стал использовать во время осады тяжелую артиллерию, отдавая предпочтение легким пушкам, которые несомненно отличались большей подвижностью и транспортабельностью, но оказались неспособны пробить брешь в сильно укрепленных стенах Вены. Он не сумел ничего противопоставить предпринятым защитниками города успешным операциям по контрминированию, и они ослабили натиск османских войск во время осады.

Перед тем как отойти на зимние квартиры, Мерзифонлу Кара Мустафа-паша реорганизовал оборону венгерского фронта. Он обвинил в разгроме губернатора Буды, который еще в начале кампании не согласился со стратегией обхода Дьёра и наступления на Вену, а впоследствии своим неумелым руководством войсками вызвал неудовольствие великого визиря. Он был казнен, а его поместье конфисковано в пользу казны.

Мерзифонлу Кара Мустафа-паша долгое время был ближайшим советником султана, но любые связанные с ним сомнения, которые, возможно, имелись у Мехмеда IV, стали для него яввю во время отсутствия великого визиря, вызванного его участием в кампании. Причиной тому были заговорщики, которые фабриковали сообщения о беспорядках в империи. Услышав о поражении под Веной, один из них, смотритель султанских конюшен, Бошнак («Босниец») Сары («Гладкокожий») Сулейман-ага, по словам Силахдара Финдиклили Мехмед-аги, заявил, что с «нашим врагом [т. е.

с Мерзифонлу Кара Мустафа-пашой] покончено; настало время отмщения». Другими заговорщиками были главный черный евнух Юсуф-ага и третий визирь, Кара Ибрагим-паша. Мехмед уступил давлению со стороны очернителей Кара Мустафы, и великий визирь был казнен. Это случилось в Белграде, в Рождество 1683 года. Как раз в это время он занимался планированием нового наступления, которое намечал на весну следующего года. Освободившуюся должность великого визиря занял Кара Ибрагим. Тело Кара Мустафы было погребено в Белграде, во дворе мечети, расположенной напротив дворца. Хотя, согласно отчетам Силахдара Финдиклили Мехмеда-аги, султан приказал, чтобы его голову привезли в Стамбул, для погребения в гробнице великого визиря, находившейся неподалеку от Крытого базара, череп, который хранится в городском музее Вены, принято считать черепом Кара Мустафы.

Силахдар Финдиклили Мехмед-ага, который не скрывал своей убежденности в том, что только великий визирь нес ответственность и за руководство ведением военной кампании против Вены, и за последующие несчастья, записал один весьма знаменательный сон:

В то время [т. е. во время дискуссий, предшествовавших кампании] великому визирю приснилось, что, когда он надевал новые башмаки, перед ним появился семиголовый дракон и, ничуть не считаясь с ним, укусил его. На следующий день у него был прорицатель Хасан-эфенди, который истолковал этот сон. «Башмаки, которые вы носите, означают отъезд на военную кампанию, а дракон — это император Габсбург, который, поскольку он носит корону Ноширвана [т. е. царя Сасанидов, Хосрова I], повинуется распоряжениям семи царей. Вам лучше всего отказаться от этой кампании, иначе вы определенно об этом пожалеете».

Несмотря на всю свою убежденность в том, что Мерзифонлу Кара Мустафа-паша нес всю ответственность за поражение под Веной, Силахдар Финдиклили Мехмед-ага обнаружил, что в отсутствие великого визиря при дворе плели омерзительную интригу. Позднее он утверждал, что у него было предчувствие относительно дальнейшей судьбы Кара Мустафы. После составления отчета об ужасной буре, которую он наблюдал 13 декабря, он пишет: «Если бывает гром и молния в декабре, то это предвещает то, что правитель страны тайно убьет ведущего государственного деятеля и кон-

фискует его имущество». Среди пострадавших во время Венской кампании был и проповедник секты Кадизадели, Вани-эфенди. Разделяя желание Кара Мустафы взять город, он отправился туда вместе с армией. Это вызвало недовольство султана Мехмеда, и проповеднику пришлось покинуть двор и отправиться в свое поместье, неподалеку от Бурсы, где он и умер в 1685 году.

Мерзифонлу Кара Мустафа-паша останется в истории по причине своей неудачи во время второй осады Вены турками. Унизительное поражение османской армии имело огромное психологическое значение для Габсбургов и всей Европы. Европейским наблюдателям казалось, что волна османских завоеваний спадает. Литература того времени отражает преувеличенные надежды современников на то, что силы христиан после столетий борьбы наконец-то добьются победы. Разгром под Веной, несомненно, был для Османской империи ударом. Однако в то время турки понятия не имели о том, что это лишь первое из целой серии поражений, продолжавшихся вплоть до 1699 года, когда будет заключен унизительный и чрезвычайно невыгодный мир.

Глава 10

ИМПЕРИЯ РАЗОБЛАЧАЕТ

В начале февраля 1684 года тревожные сообщения из Белграда достигли султанского двора в Эдирне: командующий венгерским фронтом, Текирдаглы Бекри Мустафа-паша, сообщал султану Мехмеду IV о том, что христианские государства вступили в союз, направленный против Османской империи. Московия, писал он, планирует нападение на Крым, тогда как польско-литовская Речь Посполитая надеется вернуть себе Подолию и захватить Валахию; Венеция готовит нападения на Боснию, на Крит в Средиземном море, на побережье Румелии, а также на острова в Эгейском море; Швеция, Франция, Испания, Англия, Объединенные провинции Нидерландов, Генуя и Папская область также являются участниками этого союза. Собравшиеся в Эдирне государственные деятели Османской империи высказали свои опасения в отношении ведения войны на многих фронтах и решили, что на каждый театр боевых действий надо назначить командующего, тогда как султан или великий визирь Кара Ибрагим-паша остались бы в тылу, чтобы присматривать за приготовлениями к предстоящим военным кампаниям. Сам Текирдаглы Бекри Мустафа не отличался крепким здоровьем и вместо него в Буду был направлен губернатор Диярбакыра, Шайтан-Мелек («Дьявол-Ангел») Ибрагим-паша. Сторонами, подписавшими заключенный в марте 1684 договор Священной лиги, стали австрийские Габсбурги, Польско-литовское государство, Венеция и Папская область, а подписанное летом 1684 года перемирие между Францией и Австрией предвещало еще худшие последствия, однако то обстоятельство, что мир между Францией и Ос-

манской империей был продлен на следующий год, отодвигало возможность участия Франции в антиосманской коалиции.

После кончины Мерзифонлу Кара Мустафа-паши следующим выдающимся отпрыском семейства Кёпрюлю стал Фазыл Мустафа-паша, который был вторым сыном Кёпрюлю Мехмеда и братом Фазыл Ахмед-паши. Вместе со своим братом он присутствовал на заключительном этапе осады Ираклиона и по рекомендации Мерзифонлу Кара Мустафы был назначен седьмым визирем, но, получив от султана поручение охранять валиде-султан и юных принцев, он принял лишь незначительное участие в дальнейших военных кампаниях. Близкие отношения с султаном должны были способствовать еще большему расположению владыки, но после поражения под Веной последовала волна неприязни к семейству Кёпрюлю, а также смерть Мерзифонлу Кара Мустафы и назначение Кара Ибрагим-паши на освободившийся после его кончины пост великого визиря. В этих обстоятельствах Фазыл Мустафа лишился важного поста губернатора находившейся в Северном Причерноморье провинции Ози, полученного им перед тем, как его зять лишился головы. Этот пограничный округ перешел под командование соратника великого визиря, Сары Сулеймана, который стал пашой, а Фазыл Мустафа был отстранен от активного участия в следующей, опасной фазе войны.

Некомпетентность противников клана Кёпрюлю, которые теперь пришли к власти, стала причиной обрушившихся на Османскую империю бедствий. В ходе своего отступления из Вены они потеряли Эстергом, расположенный на Дунае, севернее Буды. Этим городом турки владели начиная с 1543 года, если не считать тех десяти лет, на протяжении которых он находился в руках Габсбургов. В течение 1684 года имело место значительное продвижение австрийцев в глубь Венгрии: пали Вышеград и Вац, два ключевых опорных пункта, расположенных неподалеку от Эстергома, а Буда оказался в осаде. Южнее этого города австрийцы разбили наголову османские войска, находившиеся от него на расстоянии дневного перехода. В 1685 году турки вернули Вац, но попытка отвоевать Эстергом ни к чему не привела, и провинция Уйвар (которую всего двадцать лет назад присоединил Фазыл Ахмед-паша) была потеряна. На Западе это было воспринято с большим воодушевлением. В эти годы активность проявляла и Венеция: ее войска осадили и

взяли находившиеся на ионическом побережье Греции крепости Санта-Мавра, Превеза и Пилос и несколько других крепостей, а также османские опорные пункты в Далмации.

После окончания кампании 1685 года Сары Сулейман-пашу вызвали в Эдирне и вскоре назначили великим визирем вместо Кара Ибрагим-паши, который, как считалось, не смог наладить снабжение армии всем необходимым. Султан позволил Кара Ибрагиму отправиться в паломничество по священным местам, которое он так хотел совершить, но недоброжелатели распустили сплетни, согласно которым его истинной целью было создание в Анатолии противозаконных военных формирований. В результате, его поместье конфисковали, а сам он был сослан на Родос. Правительство интересовалось распространяемыми слухами, поскольку в Стамбул снова стали поступать сообщения о бесчинствах и разбое анатолийских ополченцев, некоторые из которых занимались разграблением городов и деревень (когда попытки утихомирить их силой провалились, власти решили, что единственное решение состоит в том, чтобы отправить их на военную кампанию).

Когда война стала собирать свою суровую дань, правительство задумалось о человеческих и материальных потерях и о неизбежном опустошении казны. В начале 1686 года в присутствии султана проводился военный совет, на котором присутствовали высокопоставленные священнослужители, военачальники и государственные деятели. Преобладало мнение, что ведение столь важной кампании теперь требует присутствия на фронте либо самого султана, либо великого визиря. Если бы армией командовал великий визирь, тогда султану не нужно было оставаться в Эдирне, а следовало вернуться в Стамбул, чтобы избавить жителей этого района от неоправданного несения дополнительного финансового бремени, связанного с постоянным присутствием двора. В апреле Мехмед IV прибыл в Стамбул и обнаружил, что в его столице свирепствует голод (на самом деле, в подобном состоянии пребывала значительная часть империи, причем в некоторой степени это было вызвано негативными последствиями ведения войны). Цены на основные продукты питания резко подскочили, и в некоторых частях Малой Азии люди питались только корнями растений и скорлупой орехов. Чтобы отметить возвращение двора в столицу, после столь многих лет отсутствия, султан посетил священную усыпальницу Айюба Ансари, находившуюся в верхней части бухты Золотой Рог. После этого

он, отказавшись от пребывания в замкнутом пространстве дворца Топкапы, решил проводить время, отдыхая в парках, расположенных вдоль Босфора.

Таким образом, Сары Сулейман-паше поручили вести армию на венгерский фронт и были направлены предписания провести еще одну мобилизацию. Мехмед принял великого визиря на особой аудиенции, в ходе которой преподнес ему священное знамя пророка, передав и знамя и великого визиря на попечение Всевышнего. Вопреки всей предшествующей практике, была развернута накидка пророка (предположительно доставленная в Стамбул раньше, чем священное знамя, сразу после того, как в 1517 году Египет был завоеван султаном Сулейманом I), будто бы для того, чтобы призвать на помощь силу этой священной реликвии. Согласно сведениям Силахдара Финдиклили Мехмеда-аги, который в то время служил во дворце и если не был свидетелем этой церемонии, то несомненно слышал о ней, все присутствующие были доведены до слез зрелищем происходящего.

Кампания 1686 года оказала решающее влияние на судьбы Османской империи. Второго сентября город Буда, находившийся в руках турок с 1526 года, когда султан Сулейман I завоевал большую часть Венгрии, пал перед осаждавшей его армией Габсбургов. Без малого сто пятьдесят лет провинция Буда стояла на рубежах двух империй: Османской и Габсбургов. В отличие от Вены, Буда был османским городом, и его потеря нанесла значительный ущерб, как в психологическом, так и в военном отношении. Турки держались за Венгрию, рассыпавшуюся по мере того, как одна ее крепость за другой сдавалась противнику. Когда пришла зима и османская армия отступила на зимние квартиры в Белград, австрийцы, помимо прочего, сумели расставить свои гарнизоны в некоторых замках Трансильвании.

Масштабы поражений 1686 года были столь велики, что впервые за всю свою историю Османская империя пыталась инициировать мирные переговоры со своими противниками. Однако все попытки великого визиря Сары Сулеймана-паши начать переговоры, в необходимости которых его убедило падение Буды, не вызвали никакого интереса. За год до этого, после падения крепости Нове-Замки, командующий венгерским фронтом Шайтан-Мелек Ибрагим-паша без всяких консультаций со Стамбулом направил мирные предложения командующему австрийской армией Карлу Лорейнскому. Он не получил никакого ответа, но эта его независимая

инициатива была раскрыта и его казнили. Зимой шли приготовления к кампании 1687 года, но перед тем, как его армия выступила в поход, Сары Сулейман снова написал письмо, на этот раз самому императору Леопольду I. Не будучи более просителями, Габсбурги оказались способны на такое же невнимание к дипломатическому изяществу, какое проявляли властители Османской империи. Габсбурги заявили, что подобные письма представляют какую-то ценность только в том случае, когда они написаны султаном императору. Более того, чтобы письмо было принято к серьезному рассмотрению, оно должно быть скреплено подписями великого визиря и других высокопоставленных членов правительства. Но такой протокол оказался не единственным препятствием. Члены Священной лиги, связавшие себя клятвой не заключать сепаратного мира с Османской империей, теперь поставили непреодолимые препятствия на пути к переговорам: требования вернуть Подолию Речи Посполитой, Крит отдать Венеции, а Венгрию уступить Габсбургам. Венеции было известно, что надежды Османской империи на союз с Ираном разбиты шахом, который не нападал на турок с востока, пока те были заняты в Европе, но поклялся, что он вернет Багдад, как только война с христианами будет закончена.

Война истощила казну, и основной заботой высшего командования стало изыскание суммы денег, достаточной для того, чтобы расплатиться с войсками, ведь они прекрасно знали, какие волнения среди солдат может вызвать задержка оплаты. В 1686 году был введен новый «сбор пожертвований на войну» специально для высшего духовенства, которое прежде было освобождено от таких сборов. Теоретически это был заем, который обещали вернуть, как только позволят условия, но все равно последовали шумные протесты. Один священнослужитель высокого сана вслух выразил опасения своих собратьев, считавших, что эти деньги будут потрачены на строительство еще большего числа дворцов для увеселений, подобных тем, что уже были в Эдирне. За то безрассудство, с которым он осудил постановление султана, его выслали на Кипр. И все же этот сбор переложили на плечи горожан империи и собирали, по крайней мере в Стамбуле, под бдительным присмотром вооруженных охранников, а потом доставляли в особняк заместителя великого визиря, где большая часть сборов исчезала. Тем не менее острая потребность в финансовых средствах побудила даже членов монаршей семьи делать взносы на ведение войны из тех доходов, которые они получали от своих поместий. Силахдар Финдиклипи

Мехмед-ага был свидетелем напряженных переговоров о сборе пожертвований на войну и оставил запись о том, как чрезвычайно суровая зима того года добавила людям страданий. По пятьдесят дней они не могли выйти из своих домов, потому что было очень холодно, а ему самому приходилось ломать лед веслом, когда он на лодке плавал по бухте Золотой Рог.

Великий визирь все еще находился в Белграде, когда пришло известие о том, что силы Священной лиги атакуют Осичек — плацдарм на реке Драва, который был исторически связан с остальной Венгрией. Силы Союза получили отпор, и турки преследовали отступавшие на север части противника. Но Сары Сулейман-паша оказался плохим генералом, и 12 августа 1687 года южнее Мохача, на том самом месте, где в 1526 году султан Сулейман одержал решительную победу над венгерским королем, армия Сары Сулеймана потерпела поражение, которое весьма дорого ей обошлось. Новости с других фронтов были столь же ужасными: Пелопоннес был захвачен венецианским флотом под командованием Франческо Морозини, который в 1669 году защищал Кандию, и взорвал афинский Парфенон, когда в сентябре пытался изгнать оттуда османский гарнизон. Более того, в том году татарский хан не принял участия в кампании, ссылаясь на то, что Ян Собеский заключил договор с Московией, с намерением совместными силами напасть на Крым. В 1687 году сын Собеского осадил Каменец, но прибывшая на помощь осажденным турецко-татарская армия рассеяла его силы.

После своего поражения под Мохачем Сары Сулейман-паша со своей армией отступил на юг по Дунаю в направлении Белграда и 27 августа подошел к Петроварадину. Там армия задержалась, и великий визирь попытался отомстить, направив группу своих войск назад, чтобы атаковать позиции противника, находившиеся в восьми часах пути к северу, но когда его войска переправлялись по мосту через эту широкую реку, разразилась ужасная буря, и авангард высадился на размокший северный берег без пищи и без всякой защиты от бушевавшей стихии (этот инцидент оказался той искрой, из которой разгорелось пламя и который привел к ужасным последствиям: едва сдерживаемому недовольству в войсках). Они в полном беспорядке вернулись по мосту на южный берег реки. Великий визирь попытался их успокоить, но солдаты требовали, чтобы он передал им символы своей власти: печать великого визиря и священное знамя пророка, которое ему доверил султан.

Сары Сулейман-паша бежал: захватив священное знамя, он сел в лодку и поплыл вниз по реке, в направлении Белграда. В шатре командующего собралось множество солдат, которые в отсутствие своего командира единодушно обвиняли его во всех невзгодах, выпавших на их долю, причем как личных, так и общих. Подобно тому как это сделали мятежные анатолийские паши в начале столетия, они выдвинули своего собственного кандидата на пост командующего армией, поручив ему руководить ее возвращением в Стамбул. Им стал Сиявуш-паша, пожилой и опытный губернатор Алеппо и зять Кёпрюлю Мехмед-паши. Бунтовщики приготовили доклад, который собирались представить султану. В нем они жаловались на невыполнение многих обещаний, которые давали армии в течение двух последних кампаний — продовольствие поступало в недостаточном количестве, оплата и денежные вознаграждения за военные успехи так и остались обещаниями. В этом докладе они выразили и свое раздражение тем, что после переправы через мост Сары Сулейман сразу же приказал выдать им запасов на двенадцать дней похода и из Петроварадина двигаться в далекий Эгер вместо того, чтобы противостоять наступавшему с севера врагу, находившемуся всего в нескольких часах марша. Они указывали на то, что это стало последней каплей, и, лишённые всякой защиты от ужасного ливня, они отказались подчиниться. Во время бегства Сары Сулейман-пашу сопровождали в Белград несколько высокопоставленных государственных чиновников, в том числе Текирдаглы Бекри Мустафа-паша, который снова был главнокомандующим янычар, однако большинство из них впоследствии решило вернуться в армию, стоявшую под Петроварадином. Одним из тех, кто оставался с ним во время его переезда вниз по реке в Руссе, а потом по суше в Стамбул, был главный казначей империи, Сеид Мустафа-паша.

В условиях, когда шла война на трех фронтах, а вблизи границ вспыхнул мятеж военных, султан Мехмед IV приказал Сиявуш-паше рассматривать оборону империи как вопрос величайшей важности. Он распорядился, чтобы армия зимовала в Белграде, и запретил войскам возвращаться в Стамбул. Возмущенные солдаты настаивали на выполнении своих условий, требуя казнить Сары Сулейман-пашу и вместо него назначить великим визирем Сиявуш-пашу. Кроме того, они отказались оставаться в Белграде. В Стамбуле оставшиеся офицеры, у которых султан попросил совета, рекомендовали ему провести чистку высшего командования армии. Прежде

всего, говорили они, необходимо назначить нового великого визиря и заменить Текирдаглы Бекри Мустафа-пашу, а также всех офицеров, которые командовали воинскими подразделениями на фронте. Кроме того, нужно было погасить все задолженности по оплате. Однако прежде чем было принято решение относительно того, является ли это лучшим способом положить конец мятежу, поступили новые послания от бунтовщиков, с требованиями казнить Сары Сулеймана. Султан приказал незамедлительно передать Сиявуш-паше печать великого визиря и священное знамя Пророка, и они были переданы ему в городе Ниш, в то время когда он во главе взбунтовавшейся армии возвращался в Стамбул.

Среди главарей мятежа были офицеры султанской пехоты и кавалерийских полков. Заодно с ними были командиры ополченцев из Анатолии. Замена великого визиря не успокоила их гнев, и в Нише они окружили шатер Сиявуш-паши, пока тот принимал высоких гостей. Бунтовщики потребовали голову Сеид Мустафа-паши, которого считали виновным в том, что им не выплатили деньги. Когда Сиявуш-паша направил своих людей, чтобы попытаться их утихомирить, они открыли огонь по шатру. Сиявуш-паша объяснил Сеид Мустафе, что у него самого нет власти над этими вооруженными людьми и что Сеид Мустафа должен молить их о пощаде. Когда тот вышел из шатра, чтобы это сделать, его растерзали на куски. Сиявуш-паше едва удалось спастись, но все высшие члены правительства, которые присутствовали на аудиенции, были убиты.

Пока Сары Сулейман-паша находился на фронте, его заместителем в Стамбуле был назначен некий Реджеп-паша. Эта должность стала наградой для сторонника той же партии, и тоже боснийца, за его участие в смещении Кара Ибрагим-паши, который был предшественником Сары Сулеймана. Реджеп-паша сам хотел стать великим визирем и желал видеть на троне старшего сына Мехмеда IV, принца Мустафу, которому было 23 года. Впервые со времени смерти Ахмеда I, скончавшегося в 1617 году, у султана были и сыновья и братья, которые могли стать его преемниками. Предвидя, что прибытие в Стамбул взбунтовавшейся армии вызовет хаос, Реджеп-паша высказал шейхульисламу Анкарави Мехмеду-эфенди ту мысль, что поскольку в намерения бунтовщиков, вполне возможно, входит низвержение султана и возведение на трон его брата, принца Сулеймана, было бы разумно, упреждая их действия, незамедлительно сделать султаном Мустафу. Возможно потому, что шей-

хульислам отдавал предпочтение почти достигшему средних лет Сулейману, он отказался дать фетву, которая стала бы основанием для совершения предложенного акта измены. Реджеп-паша попытался его сместить, но это выходило за рамки его полномочий, и когда об этом сообщили султану, он приказал арестовать и осрамившегося великого визиря, и его заместителя-интригана. Фракция противников клана Кёпрюлю была в смятении. Султан Мехмед послал своих людей в район пролива Дарданеллы, чтобы вернуть своего верного союзника, Фазыла Мустафа-пашу, который находился там в изгнании. Его слово для военных значило больше, чем слово самого султана, и Мехмед назначил его вместо Реджеп-паши заместителем великого визиря. Понимая неизбежность прибытия армии в столицу, султан действовал самым решительным образом, надеясь, что это умиротворит войска и положит конец опасным беспорядкам.

Реджеп-паша бежал, на время ускользнув от ареста. Это случилось незадолго до того, как был схвачен и казнен Сары Сулейман, который, переодевшись, скрывался в парке, расположенном в отдаленной от Стамбула северной части побережья Босфора. Чтобы умиротворить войска, возвращавшиеся из Венгрии, им прислали его голову. Ее доставили новому великому визирю Сиявуш-паше, когда он со своей армией находился в Пловдиве. Там 17 октября 1687 года, после перехода из Ниша, армия встала лагерем. В шатре великого визиря собравшимся офицерам было зачитано сопроводительное письмо султана: он писал, что они сами могут посмотреть на голову Сары Сулеймана и что Реджеп-паша, которого ищут днем и ночью, будет казнен, как только его схватят. Султан обещал, что оплата и довольствие будут предоставлены им в полной мере и что делается все возможное, чтобы исправить все несправедливости, от которых армия пострадала по вине Сары Сулеймана. Но, продолжал султан, солдатам не следует возвращаться в Стамбул в то время, когда повсюду идет война. Они должны зимовать в Пловдиве и Софии, пока не будут сформированы дополнительные войска и найдены новые финансовые ресурсы для продолжения войны. Но войска не были этим удовлетворены — они не услышали ничего нового в том, что им сказал султан. Они хотели услышать о дальнейших мероприятиях, направленных на восстановление захваченных крепостей, выплату жалований и создание условий для службы размещенных в них гарнизонов. Примечательно то, что, помимо прочего, они требовали, чтобы султан отказался от привычных выез-

дов на охоту. Мятежники были в скверном настроении: они обрубили канаты шатра великого визиря и послали имперские знамена вперед, к следующему перевалочному пункту на пути в Стамбул.

Главарем взбунтовавшихся войск был анатолиец Йеген («Племянник») Осман, который служил на венгерском фронте под командованием Шайтан-Мелек Ибрагим-паши. Когда его военачальника казнили за то, что в 1685 году он потерял провинцию Уйвар, Йеген Осман бежал домой, на восток, с большой группой недовольных солдат, которые снова стали грабить города и села по всей центральной Малой Азии. Как и в прежние времена, государство пыталось купить его готовность к сотрудничеству, поэтому он был назначен командующим анатолийским ополчением. На венгерском фронте он сделал из ополчения боеспособное подразделение, и это в то время, когда нехватка опытных бойцов стала настоящей проблемой. Таким образом, именно поощрение в виде назначения на государственную должность привело к тому, что он сыграл заметную роль в бурных событиях тех лет.

18 октября армия вышла из Пловдива и через восемь дней подошла к Эдирне. Йеген Осман (теперь уже паша) посоветовал своим товарищам остановиться здесь, а не идти на Стамбул. С ним согласился великий визирь Сиявуш-паша, но противоположной точки зрения придерживались султанские полки, в том числе и янычары, которые настаивали на том, чтобы продолжить движение на Стамбул и там решить все проблемы с помощью силы. Их угрожающие интонации убедили Йеген Османа: стало ясно, что только низвержение султана сможет удовлетворить его ополченцев и тех, кто совершал с ними этот переход. В первый день нового года по исламскому календарю в Стамбул пришло направленное султанскими полками письменное требование сместить Мехмеда IV с престола. Фазыл Мустафа-паша уже получил от великого визиря сведения о требовании, которое выдвинули войска, а султан согласился уступить трон своему сыну, принцу Мустафе. Он созвал собрание в мечети Айя София, на котором собрались самые авторитетные правоведы империи, командиры султанских полков, а также государственные деятели и видные горожане, которым должны были зачитать требования, выдвинутые приближавшейся армией. Однако собрание решило, что султану Мехмеду IV следует отречься в пользу своего брата, Сулеймана. В то время Силахдар Финдиклили Мехмед-ага служил пажом во внутренних покоях и, как он выразился, стал «свидетелем всех подлинных событий»:

Главный черный евнух пошел в ту часть [дворца Топкапы], которая называется Самшитовыми [апартаментами], где держали принца Сулейман Хана, и пригласил его оставить свои покои. После этого принца, который решил, что с ним должны покончить, сразу же охватил страх, и он отказался выходить. «Ваше величество, мой султан, не пугайтесь! Клянусь Всевышним, я не имею против вас ничего дурного. Все имперские министры, ученые богословы и ваши военные слуги избрали вас [следующим] султаном и ждут, когда вы окажете им честь своим присутствием. Мы в вашем распоряжении». Все еще испытывая беспокойство, принц ответил сквозь слезы: «Если есть распоряжение о моем смещении [т. е. о казни], то скажите мне, и тогда перед тем, как распоряжение будет исполнено, я, как это положено, прочитаю свои молитвы. Меня держали здесь сорок лет — с самого детства. Чем потом умирать [тысячу раз] каждый день, лучше было бы умереть в самое первое мгновение...»

Еще раз облобызав стопу принца, этот высокопоставленный сановник ответил: «Умоляю вас, ради Всевышнего, не говорите таких слов: вам уготована не смерть, а трон». [Когда главный черный евнух говорил все это в присутствии слуг принца], стоявший рядом с принцем младший его брат Ахмед, решив подбодрить брата, сказал: «Уходите, не бойтесь, Ага [т. е. главный черный евнух] всегда говорит правду». После этого принц вышел из своих покоев. Поскольку он был одет в халат из красного атласа и обут в короткие и тяжелые сапоги для верховой езды (на протяжении долгих лет ему было нечего носить, кроме одежды самого жалкого и вульгарного вида), Ага принес один из своих собственных халатов — синевато-коричневый, из тонкого сукна, отделанный собольим мехом, [который он] накинул поверх атласного халата [принца Сулеймана], а [потом] подал свою руку принцу и повел его с благоговением и почтением в Павильон блаженства, внутренних покоев, и усадил его на трон, стоявший у бассейна. Теперь вперед вышли оруженосец и пажи внутренних покоев, и когда принц вместе с ними двинулся в направлении имперского Зала Аудиенций, он поинтересовался: «Вы собираетесь зайти в Львиный Дом*, [когда совсем] стемне-

* Львиный дом прежде был византийской церковью, расположенной за пределами территории дворца, южнее Айя Софии. В подвале этой церкви османские султаны держали диких зверей.

ет, и там казнить меня?» «О, мой Господин, — воскликнул оруженосец, — как вы могли такое подумать? Упаси вас Всевышний! Может быть, вам известно, что ваш переход [из Самшитовых апартаментов] был произведен по той причине, что вам следует взойти на трон. Посмотрите, вот ваш слуга, главный белый евнух вместе с имперским глашатаем выходят из внутренних покоев, чтобы вас встретить». Главный белый евнух обратился с приветствиями [к принцу] и, взяв принца под левую руку, сопровождал его в имперский зал аудиенций и усадил его [на трон]. В соответствии с древним обычаем священный тюрбан пророка Иосифа, [хранившийся] в имперской сокровищнице*, был вынесен и возложен на благородную голову [принца] и украшен тремя обвешанными драгоценностями перьями, которые свисали вниз. Солнце почти поднялось на высоту, равную длине одного с половиной копья: было три часа.

[Принц Сулейман] взошел на имперский трон... и первым в очереди желавших принести клятву верности стоял регистратор потомков пророка Мухаммеда, за которым следовали заместитель великого визиря, канцлер, главные судьи провинций Румелия и Анадолу, а затем и шейхульислам [т. е. Деббагаде («Сын дубильщика») Мехмед-эфенди, который стал преемником Анкарави Мехмеда-эфенди] со множеством ученых богословов, затем следовали высшие офицеры ополчения, султанских полков, а также взбунтовавшейся армии, глава дворцовых привратников — все они принесли клятву верности султану. Султан также поприветствовал собравшихся в имперском зале аудиенций, а затем удостоил своим присутствием Павильон внутренних покоев, где его усадили на трон возле бассейна. Теперь пришли давать клятву верности служащие казначейства, а также системы снабжения армии и проведения кампаний. Пришел главный черный евнух, Али-ага, который принес имперский рескрипт взять под стражу брата [нового султана], Ахмед Хана, смещенного султана [т. е. Мехмеда IV] и двух принцев... Мустафу Хана и... Ахмед Хана [т. е. сыновья Мехмеда IV]; эти трое были взяты под стражу и переведены в Самшитовые апартаменты. В тайне от придворных и горожан [Стамбула] имперское предписание было представлено султану Мехмед Хану, который сказал: «Я склоняю

* Тюрбан Иосифа и сейчас можно увидеть в собрании священных реликвий, которое находится во дворце Топкапы.

голову перед волей Всевышнего. Нас казнят сразу же после того, как заключат в тюрьму?» На это Ага ответил: «Упаси Бог, ваше величество! Возможно, этот день никогда не наступит. В приказе говорится только о вашем заточении». В тот же самый день дворцовые геральды донесли это благоприятное известие до валиде-султан, за что получили от нее бесчисленное количество подарков. Глашатай ознакомил весь город с радостной вестью о вступлении на престол нового монарха, пятничная проповедь была прочитана во имя недавно возведенного на престол султана, а на монетах теперь выбивали его имя.

Ни Мехмед IV, ни его сыновья прежде никогда не проводили столько времени во дворце. Во время своего царствования султан большую часть времени находился со своим двором в Эдирне, а находясь в Стамбуле, он предпочитал павильоны в султанских парках сумраку дворца Топкапы. Впрочем, Мехмеду, должно быть, позволили покинуть столицу после низложения, поскольку в 1692 году он умер в Эдирне. Он был погребен в усыпальнице своей матери Турхан Султан, рядом с ее мечетью, находившейся в торговом квартале Стамбула.

Смещение Мехмеда удовлетворило требования мятежных войск. Йеген Осман-паша со своими ополченцами остался за городом, а великий визирь, вместе с султанскими полками и всеми сопровождавшими его бюрократами, вошел в Стамбул, чтобы следить за действиями администрации города. Однако 14 ноября, как только янычары собрались на своей площадке для парадов, а султанские кавалеристы на ипподроме, они огласили новые требования, призывая выдать им Реджеп-пашу, который в течение месяца уходил от ареста, а потом был схвачен в Чаталджире, Фракия. Через четыре дня было решено выплатить им девятимесячную задолженность по денежному содержанию, в надежде, что это убедит их вернуться в казармы, но, когда производились выплаты кавалеристам, с плаца янычар пришло известие о том, что янычары отказались получать деньги до тех пор, пока они не получают подношений, которые по традиции делал каждый всходящий на трон султан. Кавалеристы присоединились к этому требованию и вскоре в городе начались беспорядки. Не имея в своем распоряжении наличных денег и отчаявшись утихомирить волнения, оказавшиеся в осаде власти были вынуждены предоставить зачинщикам беспорядков такие права по сбору налогов, какие они желали получить. Так, чтобы отговорить

Йеген Осман-пашу от вступления в город, его назначили губернатором провинции Румелия. Деньги, необходимые для того, чтобы восходящий на трон султан сделал подношения тысячам имевшим на это право воинам (согласно подсчетам Дефтердара Сары Мехмед-паши, их было по меньшей мере 90 000, из которых приблизительно 70 000 составляли янычары и около 5000 — кавалеристы), наскребли благодаря финансовым поступлениям, которые пришли из некоторых восточных провинций. Реджеп-паша был казнен, но казалось, ничто не сможет успокоить войска.

Через двадцать дней после выхода из тени дворцовых покоев султан Сулейман II прошел уже ставшую традиционной церемонию опоясывания саблей, которая состоялась в Эйюпе, после чего совершил торжественный въезд в Стамбул через ворота Эдирне, что символизировало его вступление во владение империей. Между тем бунт продолжался. Великий визирь Сиявуш-паша приказал сместить с должности главнокомандующего янычар и назначить на его место другого человека, но известие о том, что главарь мятежных янычар убит, еще больше разгорячило как янычар, так и кавалеристов, и в отместку они убили своего нового командующего. Понимая, что великий визирь не в состоянии предпринять энергичные действия, они стали искать другого козла отпущения, на которого могли бы излить свое недовольство, и нашли его в лице Фазыла Мустафа-паши, которого они обвинили в неоднократных попытках восстановить порядок. Сиявуш-паша согласился с тем, что его заместителя следовало бы снова направить в район Дарданелл и поручить ему оборону пролива. Мятежникам не удалось запугать шейхульислама Деббагзаде Мехмеда-эфенди и заставить его дать фетву на казнь Фазыла Мустафы, но они сумели добиться смещения шейхульислама. Новым шейхульисламом стал Эссеид Фейзулла-эфенди, который быстро достиг вершин церковной иерархии.

Длительный и опасный мятеж военных приближался к своему кульминационному моменту. Восставшие войска и примкнувшие к ним толпы горожан страстно желали извлечь выгоду из возможности побунтовать и пограбить. Они окружили дворец Сиявуш-паши в тот момент, когда он встречался там с Фейзуллой-эфенди и другими сановниками. Мятежники забрасывали здание камнями и стреляли из мушкетов. Фейзулла-эфенди не выдержал такого напора и выскользнул из дворца вместе с печатью великого визиря, которую он передал главарю мятежников. Через несколько часов

толпе удалось ворваться во дворец пожилого великого визиря. Когда он с отвращением обнаружил, что некоторые из бунтовщиков входят в его гарем, и понял, что сам он не в состоянии уйти от расправы, он попытался запереть на засов дверь, отделявшую гарем от остальных помещений, но был убит на месте. Мятежники похитили все, что только смогли унести, прихватив с собой и женщин из гарема, которых сочли «военной добычей».

Жители Стамбула по-разному реагировали на этот хаос. После того, как была разграблена одна лавка на Старом базаре, другие торговцы забаррикадировали двери своих заведений. Когда один лавочник, водрузив кусок белой ткани на вершину столба, призвал всех истинных мусульман сплотиться, по городу и его окрестностям распространился слух, что из дворца вынесено священное знамя Пророка. Постепенно толпа собралась возле дворца Топкапы: священное знамя демонстративно проносили по стенам дворца, а собравшиеся требовали, чтобы их избавили от анархии взбунтовавшихся войск. Прямо у стен дворца толпа учинила самосуд над несколькими главарями мятежников. Другие попытались пробиться к дворцу и помочь своим товарищам, но их ожидала такая же судьба. Новым великим визирем был назначен канцлер Исмаил-паша, который стал преемником Фазыла Мустафа-паши на посту заместителя великого визиря, когда тот вернулся в район пролива Дарданеллы. Были заменены шейхульислам Фейзулла-эфенди и другие ведущие священнослужители, которые во время мятежа сыграли весьма жалкую роль. На этом, в середине апреля, и закончился мятеж, который начинался на Дунае в начале сентября 1687 года. Бунтовщики вошли в город в ноябре 1687 года, и после пяти долгих месяцев террора на трон взошел новый султан, и общественный порядок был наконец восстановлен.

Между тем в далекой Венгрии продолжалась война. Как только османская действующая армия двинулась обратно в Стамбул, гарнизоны крепостей оказались брошены на произвол судьбы и должны были сами справляться с осаждавшими их силами Священной лиги. В течение зимы 1687 года и в первые месяцы 1688 года Габсбурги одерживали победы на всем протяжении слабо защищенной границы и даже взяли Эгер, который турки удерживали с 1596 года. Они также добились заметных успехов на расположенном западнее боснийском фронте, где мобилизация местных османских войск не

привела к положительным результатам, поскольку они слишком часто разбегались при первых признаках опасности и очень многие из них перебежали к австрийцам.

В Стамбуле кризис зимних месяцев привел к тому, что подготовка к кампании 1688 года была сорвана. Великий визирь Исмаил-паша не взял на себя командование армией в Венгрии. Вместо этого всегда непредсказуемому Йегену Осман-паше было приказано попытаться обратить вспять развивавшие успех войска Габсбургов — оставшись со своими людьми в лагере за стенами Стамбула, он избежал прямого участия в тех кровавых событиях, которые совершались зимой. То, что его назначали на военные должности его же собственные люди, было не вполне хорошо: похоже, им было трудно избавиться от своих старых привычек, поскольку в Стамбул продолжали поступать сообщения о том, что они притесняют крестьян, которых требования, предъявляемые к ним на протяжении стольких лет войны, довели до нищеты и голода. Очевидно, что Йеген Осман либо не мог, либо не хотел применять к своим людям дисциплинарные меры. Против них была объявлена всеобщая мобилизация, а сам он был снят с должности командующего венгерским фронтом.

Великий визирь Исмаил-паша продержался на своем посту всего два месяца и пал жертвой придворных распрей. Второго мая 1688 года его заменили бывшим главнокомандующим янычар Текирдаглы Бекри Мустафа-пашой, который после неудачи под Веной был назначен командующим венгерским фронтом и теперь избавился от прежних проблем со здоровьем. В самом начале мятежа Текирдаглы Бекри Мустафа вместе с Сары Сулейманом покинул лагерь османской армии в Петроварадине, затем вернулся и впоследствии провел месяцы той тревожной зимы вдалеке от Стамбула в крепостях, расположенных на берегах Дарданелл. Чтобы лишить австрийцев (и врагов на других фронтах) возможности лицом к лицу столкнуться с османской армией, которая была плохо к этому подготовлена, Текирдаглы Бекри Мустафа направил все свои усилия на то, чтобы сделать все необходимые приготовления.

Военная экономика Османской империи находилась в беспорядочном состоянии: в условиях, когда оставалось совсем немного времени до начала кампании 1688 года, а перспектива заключить мир была невелика, у правительства не осталось достаточно времени для того, чтобы найти хорошо продуманное решение проблемы нехватки живой силы, необходимой для ведения боевых действий

на широком фронте. Как и во время недавнего мятежа, когда вся действующая армия, оставив без внимания приказы, покинула фронт и направилась в Стамбул, продолжались бесчисленные случаи полного нарушения воинской дисциплины, когда султанские полки, казалось, угрожают самому существованию господствующего порядка, как это было, когда они погрузили Стамбул в пучину продолжавшихся несколько недель беспорядков. Более того, система вознаграждений кавалеристов из провинций земельными наделами, при том условии, что они примут участие в боевых действиях вместе со своими слугами, уже не отвечала требованиям к обороне империи. На самом деле, для достижения каких бы то ни было практических целей этот институт уже давно перестал быть эффективным. Казалось, что все надежды получить достаточное количество бойцов, снова надо было возлагать на энергичного Йегена Османпашу и его сторонников в пограничных районах империи. И это несмотря на то, что они продолжали заниматься грабежами в сельской местности, тем самым демонстрируя свое нежелание избавляться от старых привычек. Таким образом, была отменена направленная против них всеобщая мобилизация, а их самих вновь интегрировали в систему государственного управления, сделав губернаторами провинций и помощниками губернаторов, взамен потребовав от них принимать участие в боевых действиях вместе с людьми, которые им подчинялись. Издавна непокорных индивидуалов инкорпорировали в государственный аппарат, что было средством восстановить их преданность режиму, но на этот раз новизна заключалась в масштабах доверия, которое государство оказывало непокорным войскам, считая их опорой всей армии. Попытка защитить империю с помощью ненадежных войск, солдаты которых прежде всего давали клятву верности своим вожакам, а не султану, несомненно влекла за собой еще большие несчастья. Убийства командиров крепостей Ираклион, Каменец и Тимишоара, совершенные солдатами их турецких гарнизонов в период между 1687 и 1689 годами, стали еще одним свидетельством того, что центральная власть потеряла контроль.

Найти деньги, необходимые для финансирования военной кампании, оказалось так же трудно, как найти солдат, необходимых для ее ведения. Казна была пуста, поэтому в отчаянной попытке изыскать средства для армии стали переплавлять золотую и серебряную посуду. На протяжении XVII столетия турки изо всех сил старались получить достаточное количество серебра для того, чтобы чека-

нить свои собственные монеты, и позволяли чеканить у себя серебряные монеты различных европейских государств, а также монеты недавно завоеванных территорий, которые вводились в свободное обращение по всей империи. Медь была гораздо доступнее, но с конца 30-х годов XVII века турки по каким-то необъяснимым причинам прервали чеканку медных монет. С 1688 года, после тревожных зимних месяцев мятежа, возобновилась чеканка медных монет, которые были выпущены в таком количестве, что государство сумело оплатить расходы, связанные с церемонией восхождения на трон султана Сулеймана, и удовлетворить требования тех, кто получал оплату от государства, в особенности военнослужащих из султанских полков. Кроме того, это позволило оплатить расходы, необходимые для продолжения войны. Впрочем, эти деньги можно было легко подделать, и их не всегда принимали купцы, от которых государство получало поставки, необходимые для снабжения как Стамбула, так и армии, поэтому в 1691 году их перестали чеканить. Серьезность положения не была секретом для Сулеймана II и его политических деятелей. Однако в июне 1688 года посол Объединенных Провинций Нидерландов при дворе султана попросил аудиенции у великого визиря и сообщил ему о том, что император Леопольд и его союзники склонны заключить мир. Это предложение о посредничестве, как о способе положить конец войне, было вызвано желанием Вильгельма Оранского (который вскоре стал Вильгельмом III, королем Англии, Шотландии и Ирландии) высвободить австрийские войска, которые в то время были задействованы в Венгрии, и направить их на службу в Рейнланд-Пфальц, с целью оказать поддержку создаваемому им альянсу против французского короля Людовика XIV. Об этом шаге Стамбулу стало известно благодаря командующему войсками в Белграде. Однако, несмотря на свое обещание лично возглавить армию и вернуть территории, которые его предшественники завоевали столь высокой ценой, Сулейман решил направить посланников, чтобы напомнить императору о той дружбе, которая была между их отцами — Фердинандом III и Мурадом IV, во время царствования которых, в том же XVII столетии, империя Габсбургов и Османская империя находились в состоянии мира. Было принято посылать письма, уведомляющие других монархов о восхождении на трон нового султана, и в данном случае посланники с письмами отправились в Иран, Узбекистан, Йемен, Францию, Англию и Объединенные Провинции Нидерландов. Одиннадцатого июля 1688 года высокопоставленный чиновник кан-

целярии, некий Зульфикар-эфенди, отправился в Вену с письмом Сулеймана императору Леопольду. Этот чиновник возглавлял мирную делегацию, в состав которой входил главный драгоман (дословно «главный переводчик», но в действительности это был главный посредник между султаном и правителями иностранных государств), которым был османский грек Александр Искерлетзаде, известный на Западе под именем Маврокордато.

Но эти мирные предложения не положили конец войне, подготовка к продолжению которой шла полным ходом. В отсутствие твердой руки, которая могла бы мобилизовать военную экономику, подавление военного мятежа и возведение на престол нового султана нисколько не улучшили состояние османской армии на Венгерском фронте, где к тому времени ее присутствие сократилось до немногочисленных гарнизонов, удерживающих несколько второстепенных крепостей. Самым сильным ударом, который Османская империя испытала в 1688 году, стала потеря Белграда, который после месячной осады, 8 сентября, капитулировал перед армией Габсбургов. Йеген Осман-паша не предпринял ни единой попытки организовать сколько-нибудь эффективную оборону. Вместо того чтобы заставить своих солдат сражаться с противником, он позволил им разграбить базары города, а потом вместе с ними отступил далеко за линию фронта, в безопасный Ниш, предоставив оборону Белграда заботам губернатора Румелии. В битве на подступах к городу армия Габсбургов под командованием курфюрста Баварского Максимилиана Эммануила легко одержала победу над Имре Тёкёли и еще оставшимися там османскими войсками. Удивительно, что Белград продержался целый месяц: ведь город не располагал достаточно сильным гарнизоном, и у его защитников не было никаких надежд на снятие осады. Зульфикар-эфенди со своей делегацией прибыл в лагерь Габсбургов, когда осада уже закончилась. Его оценка заключалась в том, что, хотя австрийское оружие одержало победу, войска Габсбургов оказались в тяжелом положении и готовы отступить, как только обеспечат оборону своей территории. На протяжении более чем полутора столетий эта стратегически важная крепость оставалась несокрушимой передовой базой, из которой осуществлялось руководство военными операциями против Габсбургов. С ее потерей сразу же открылась дорога на Стамбул. Чтобы скрыться от наступавших австрийских войск, жители Белграда бежали вниз по течению Дуная. Так же поступили и гарнизоны османских укрепленных пунктов, расположенных на берегах этой реки. К октяб-

рю Зульфикар-эфенди и Маврокордато были арестованы и находились под стражей за пределами Вены.

На Йеген Османе лежала ответственность за то, что Габсбургам было позволено без особых усилий продвинуться в глубь основной территории Османской империи. Но даже после потери Белграда его еще на год оставили в должности командующего этим опасным фронтом. Других опытных командиров там просто не было, а ни один из тех военачальников, которые находились под рукой у центральной власти, не был уверен в преданности своих подчиненных. Когда рубежам империи грозила такая опасность, Йеген Османа сочли единственным возможным претендентом. Были разосланы приказы о призыве на военную службу всех пригодных к ней мусульман. Кроме того, участие в предстоящей военной кампании было объявлено долгом для освобожденных от военной службы лиц, которые, являясь налогоплательщиками, должны были предоставить средства, необходимые для продолжения войны. От них потребовали досрочно оплатить некоторые налоги, что было беспрецедентной мерой, принятой с целью пополнить финансовые ресурсы государства.

Несмотря на то что Йеген Осман-паша оказался самым крупным просчетом османской стратегии в Венгрии, вновь обретенное ощущение активной деятельности, вызванное приготовлениями к тому, чтобы дать отпор австрийцам, пробудило в государственных деятелях империи надежду на то, что Йеген Османа можно перехитрить. Самые высокопоставленные чиновники, от великого визиря до шейхульислама Деббагаде Мехмеда-эфенди (который снова был назначен на этот пост после снятия Фейзуллы-эфенди), и командиры султанских полков были едины во мнении, что если Йеген Османа и его сообщников «изъять из обращения», то тогда будет одержана победа. Правительство также было решительно настроено на то, чтобы ослабить его статус харизматического лидера недовольных, и собиралось лишить его полномочий начальника ополчения. Йеген Османа лишили звания и в течение нескольких месяцев расформировали подразделения солдат нерегулярной армии, которые были созданы еще в начале столетия для того, чтобы обеспечить численность личного состава, достаточную для ведения войн с Ираном и Австрией. Поскольку бойцовские качества этих людей по-прежнему были востребованы, их в принудительном порядке ввели в состав подразделений, которые не запятнали себя причастностью к мятежу. Этим правительство надеялось отбить у

Фрагмент дарственной на обитель дервишей, возведенной султаном Орханом в 1324 году

Обезглавливание рыцарей Иоганна Шильбергера

Османский чиновник и его помощник регистрируют балканских христианских мальчиков, выбранных для девширме

Баязид I в клетке после пленения Тамерланом в битве при Анкаре,
1402 год

Конная статуя
императора
Юстиниана,
стоявшая у Айя
Софии

Вид на Крытый базар, Стамбул

Изразцовый павильон во внешних садах дворца Топкапы

Портрет Мехмеда II, 1481 год

Великий магистр рыцарей-госпитальеров принимает султана Джема, прибывшего на Родос

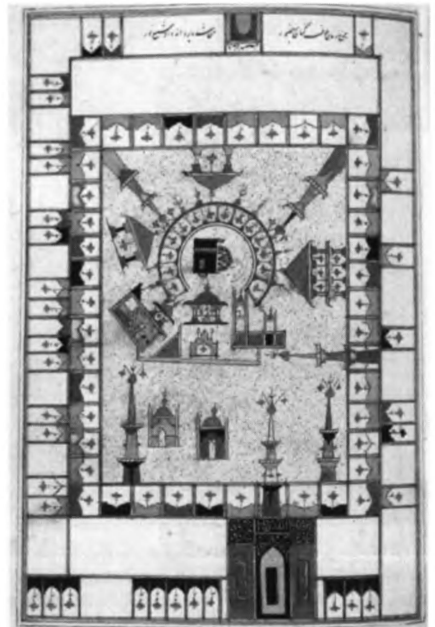
Замок Бурганеф, в котором держали султана Джема

Сулейман I в шлеме-короне, подаренной ему великим визирем Ибрагим-пашой

Гроб с телом великого визира Ибрагим-пашы выносят из дворца Топкапы

Священная часовня в Мекке

Михримех Султан,
дочь Сулеймана I
и Хюррем Султан

Черепица из Изника с
подглазурной краской

Фрагмент миниатюры с изображением трех кызылбашей в халатах,
отдающих свои красные колпаки — символы их еретического статуса

Селимие, мечеть Селима II в Эдирне

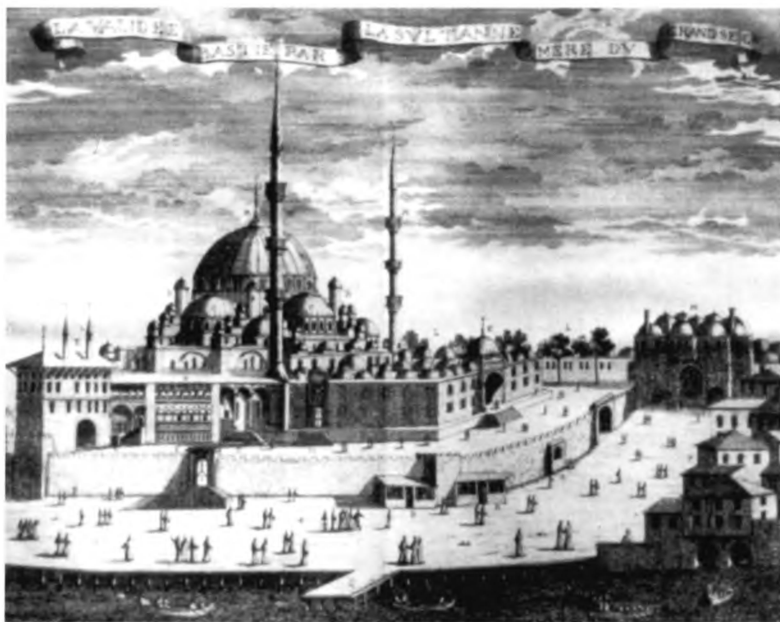
Мужчина и женщина, задержанные янычарами за охлаждением вина в ручье

Мурад IV, отправляющийся в поход на Багдад в 1638 году

Венецианского байло в Стамбуле Джованни Соранцо и его делегацию
уводят в цепях после отказа Венеции уступить Крит

Новая мечеть, построенная Турхан Султан
в портовом районе Стамбула

Верховный черный евнух

Разновидности тюльпанов «Тот, который делает еще более приятным званый обед у Ахмеда-эфенди» и «Источник радости»

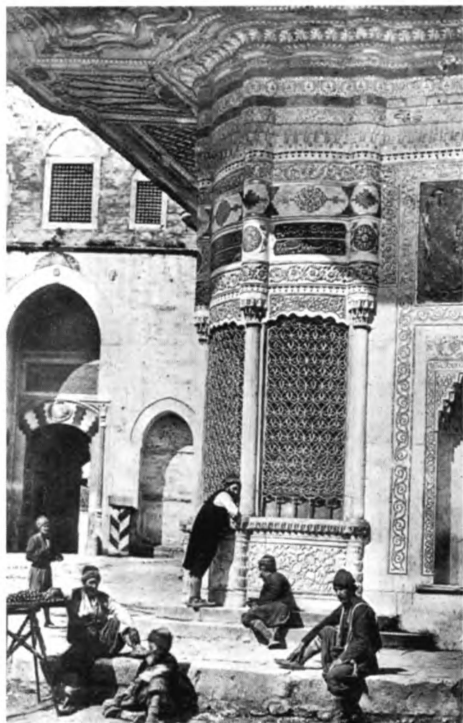
Удушение Великого визира Мерзифонулы Кара Мустафы-паши

«Знаменитое разделение
Турции австро-венграми,
поляками и венетианцами»

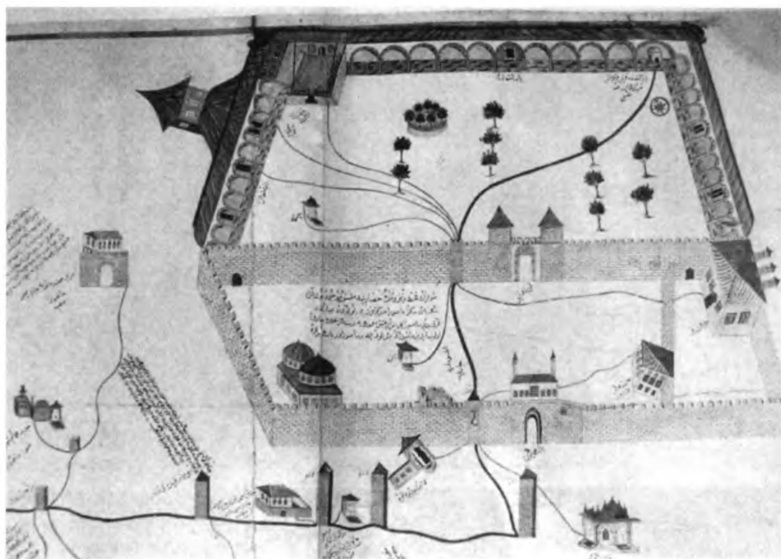
Три сына Ахмеда III
сопровождаютя на пир по
случаю обряда обрезания

Фрагмент
монументального фонтана,
построенного Ахмедом III
у дворца Топкапы

Патрона Халил
и участники восстания

Фрагмент свитка с изображением путей водоснабжения дворца Топкапы из-за городской черты

Османский и русский чиновники обсуждают Дарданеллы

Мехмед Али-паша Египетский

Султан Абдул-Меджид в форме во время Крымской войны

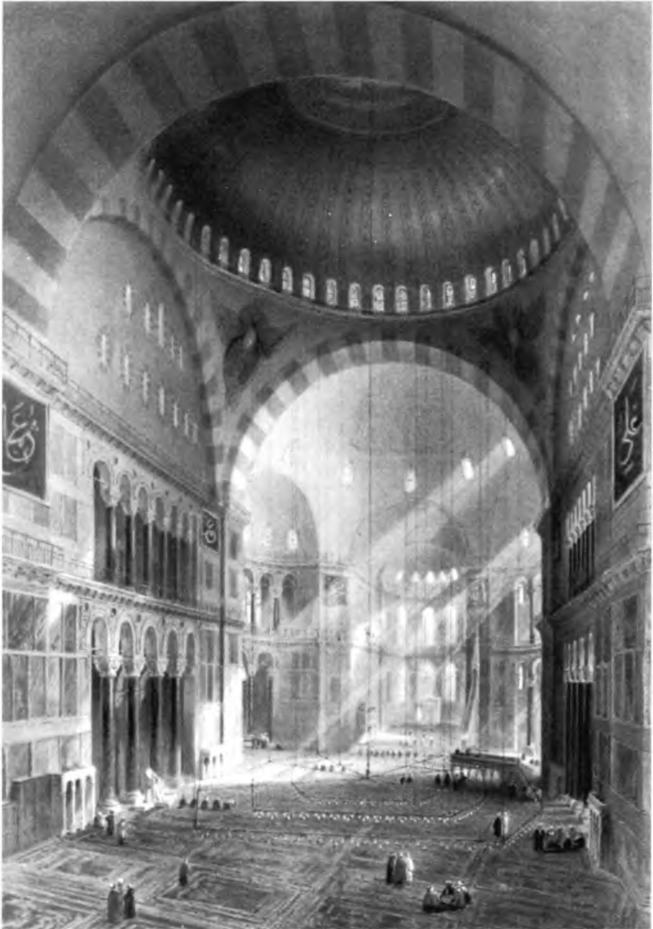

Османские кадеты

Обратная сторона медали,
выпущенной султаном
Абдул-Азизом

Внутреннее пространство
Айя Софии

Паланкин, символизирующий присутствие султана, появляется из дворца Долмабахче в начале ежегодного паломничества в Мекку

Кайзер Вильгельм II в лодке на Босфоре, осень 1917 года

них желание оказывать сопротивление государству. Фетва санкционировала преследование любого причастного к мятежу (в число которых теперь входил и Йеген Осман), и соответствующие приказы были направлены губернаторам провинций Румелия и Анатолия. Особенно сильно был укреплен лежавший на пути между Анатолией и Румелией район пролива Дарданеллы. Это было сделано для того, чтобы оказать сопротивление мятежникам, которые могли попытаться переправиться через пролив с целью войти в Стамбул, как это случалось в прошлом, когда имели место волнения в провинциях. Та роль, которую сыграл Йеген Осман и его сторонники, пренебрегшие обороной венгерского фронта, была сопоставима с теми слишком хорошо известными актами разбоя на дорогах и мародерства в сельской местности и городах, которые они творили в Анатолии. После падения Белграда Йеген Осман-паша провел зиму в Софии. Весной, обнаружив, что призыв обратить против него оружие серьезно ограничивает свободу его передвижения, он бежал на запад, в направлении Албании. Возле города Печ он и тринадцать его сторонников были убиты местными жителями, в доме одного из которых их приняли как гостей. Двое его ближайших сподвижников, переодевшись, бежали в Египет, но по прибытии туда были схвачены и возвращены в Эдирне, где их казнили. Похожая судьба ожидала и других его сообщников, тех, которые бежали в направлении Ирана, но были схвачены, когда добрались до Эрзурума, и затем казнены. Правительству Османской империи, наконец, удалось найти лучшее применение мятежникам, которые служили серьезным препятствием нормальному проведению важнейших военных операций, необходимых для того, чтобы добиться успеха в войне против Священной лиги.

Теперь на ход войны оказывали воздействие события, происходившие далеко за пределами Османской империи. Шансы на успешный исход весьма шекотливых мирных переговоров, инициатором которых был Вильгельм III, зависели от того, как поведет себя изменчивая фортуна по отношению к каждому из участников или потенциальных участников этого конфликта. Вскоре после знаменательной победы австрийцев под Белградом французский король Людовик XIV вторгся в Пфальцграфство, нарушив перемирие 1684 года, согласно которому он клятвенно обещал в течение двадцати лет сохранять мир с императором Леопольдом. Возобновление с октября 1688 года войны с Францией в Западной Европе (войны, которая получила множество названий, таких как Война

Аугсбургского союза, Война Великого альянса, Десятилетняя война или Война короля Вильгельма) отвлекло ресурсы Габсбургов от войны с Османской империей, поскольку теперь воевать надо было с двумя непреклонными противниками на двух отдаленных друг от друга фронтах.

10 апреля 1689 года шатры султана были поставлены на равнине Эдирне. Поскольку мирные переговоры, которые вел Зульфикар-эфенди, не слишком продвинулись вперед, Сулейман II столкнулся с необходимостью сдержать свою клятву и, встав во главе османских войск, заслужить титул «Гази». Государственная казна была до некоторой степени пополнена, суровые законы о мобилизации были обнародованы, Йеген Осман-паша и его сподвижники были ликвидированы, а волнения в Анатолии подавлены. Участие султана в военных действиях должно было восстановить уверенность в том, что империя в состоянии уцелеть, но, в то же самое время, являлось отчаянной мерой, направленной на то, чтобы сохранить честь и удержать территорию в ситуации надвигавшейся катастрофы. Вместе с армией султан прибыл в Софию, где занимавший пост губернатора араб Реджеп-паша был назначен главнокомандующим армией. До него эту должность занимал Йеген Осман-паша. Было редкостью, если не беспрецедентным случаем, чтобы араб занимал столь высокую должность. Подобное предубеждение к арабам выразил и Дефтердар Сары Мехмед-паша, который в своих хрониках тех лет пренебрежительно высказывается о происхождении Реджеп-паши, но все же указывает на то, что он прославился своей храбростью. По мнению Дефтердара Сары Мехмеда, проблема состояла в том, что как раз тогда, когда армии был так нужен мудрый и способный главнокомандующий, на эту должность назначили человека, у которого не было хороших отношений с войсками, который не обращался к ним за советом, перед тем как начать действовать, и не задумывался о последствиях своих действий.

События 1689 года показали, что фанфары по поводу «участия» султана в кампании не могут скрыть того факта, что хотя Габсбургов и теснили в других местах, но возможности обороны Балкан стали хуже, чем когда-либо прежде. 12 мая было подписано соглашение о создании новой западной коалиции против французов (в которую вошли Австрия, Англия и Нидерланды), и о своем присутствии на сцене европейской политики решительно заявил король Виль-

гелм. Этот Великий альянс пришел на смену Аугсбургскому союзу, заключенному в 1686 году между императором Леопольдом и некоторыми из германских князей. Зульфикар-эфенди требовал новых инструкций, соответствующих изменившимся обстоятельствам, и с этой целью отправил в Эдирне своего представителя. Теперь турки склонялись к тому, чтобы принять условия мира, предложенные Габсбургами, и Зульфикар-эфенди получил указание попытаться убедить императора вернуться в Белград и дать согласие на то, чтобы новая граница между империями проходила по линии Сава—Дунай. Помня о той решимости, с которой все участники Священной лиги отвергали возможность заключения сепаратного мира, турки были готовы признать завоевания Венеции на побережье Ионического моря и в Далмации, а также удовлетворить выдвинутое Речью Посполитой требование снести крепость Каменец. Однако в сентябре 1689 года новый французский посол при султанском дворе, маркиз Кастанье де Шатоне, энергично блокировал любую возможность подписания соглашения между Османской империей и Священной лигой, взамен предлагая союз между Османской империей и Францией. Усмотрев в этом шанс восстановить свое былое положение, турки снова лишили себя открывшейся было возможности заключить мир.

Между тем новый главнокомандующий двигался со своей армией на север. Когда в конце августа они подошли к Белграду, пришло известие о том, что впереди вражеские войска. Араб Реджеп-паша приказал своим подчиненным преследовать противника, но враг изменил направление движения, и ночью преследователи попали под вражеский огонь. Оказавшись в дубраве, они потеряли возможность маневрировать и не могли сражаться. Поэтому, бросив тяжелое снаряжение, они побежали назад по дороге, которая вела в Ниш. Реджеп-паша уже не мог ни скоординировать передвижения своих войск, чтобы собрать полезные сведения о противнике, ни даже навести дисциплину среди своих солдат. Они отказались производить перегруппировку в Нише и стали отходить к Софии, чтобы там выразить свое недовольство великому визирю Текирдаглы Бекри Мустафа-паше. Последний удар был нанесен в конце сентября, когда Ниш пришлось отдать австрийским войскам, которые воспользовались тем, что османские войска не сумели защитить мост через бурную реку Нишаву. Разгром под Нишем ускорил массовую миграцию мусульман на юг, через Балканы в Малую Азию,

начало которой положило падение Белграда в 1688 году. Теперь она усугубила процесс внутренних перемещений населения, вызванных войной и мятежом.

Падение Ниша стало причиной того, что Реджеп-паша был казнен. Теперь, когда Белград был защищен новой передовой базой, австрийцы сумели взять несколько османских крепостей на Дунае, самой западной из которых был Петроварадин. Открыв новый фронт в Валахии, где им было оказано лишь незначительное сопротивление, австрийцы продвигались в направлении Бухареста до тех пор, пока их не вытеснили силы воеводы Константина Бранковену. Советники султана рекомендовали монарху отойти из Софии в Пловдив, а оттуда в Эдирне. Помимо прочего, при очевидном попустительстве местного православного крестьянства, австрийские войска совершали рейды по тылам Османской империи, углубляясь на юг вплоть до городов Скопье и Костандил, в Македонии. Если балканские мусульмане, пытаясь обезопасить себя, отступали в центральные районы Османской империи, то православные пытались найти убежище за передовыми линиями австрийских войск. Серьезную озабоченность османского правительства вызывало нелояльное поведение тех подданных-христиан, которые не стали защищать укрепленные позиции.

25 октября 1689 года состоялась встреча духовных иерархов, которые пришли к заключению, что нужно вернуть Фазыла Мустафа-пашу (который в это время служил на Хиосе) и назначить его великим визирем. Во время мятежа, который ускорил смещение Мехмеда IV, шейхульислам Деббагзаде Мехмед-эфенди продемонстрировал свои симпатии к Фазылу Мустафе тем, что отказался дать фетву, которая бы санкционировала его казнь. Подобно своему брату, Фазылу Ахмед-паше, Фазыл Мустафа был духовным лицом, прежде чем он стал представителем военно-административной элиты. В 1656 году, когда гражданские беспорядки угрожали разорвать империю на части, государственные деятели высших рангов обратились к помощи представителя клана Кёпрюлю, поручив ему спасти османские владения, и вот теперь в Эдирне, собравшись в шатре у султана, который дал им аудиенцию, все они выразили единодушное мнение. На этот раз замена великого визиря прошла гладко — Текирдаглы Бекри Мустафа-паша хорошо послужил империи на австрийском фронте, и ему позволили удалиться в свои владения. Но в отличие от своего предшественника, Фазыл Мустафа-паша не поддался искушению заключить мир, восполь-

зовавшись посредническими услугами, которые пытались навязать голландцы и англичане. Вместо этого он начал приготовления к предстоящей кампании, в ходе которой он собирался вернуть османской армии военное счастье.

Придя к власти, Фазыл Мустафа-паша, как прежде это делал его отец, Кёпрюлю Мехмед, принял жесткие меры, сняв с должностей или предав казни всех тех государственных чиновников прежнего режима, которых сочли несоответствующими требованиям новой власти, а вместо них назначил своих людей. Командование армией на австрийском фронте было поручено главнокомандующему янычар Коджа Махмуду-аге, в надежде на то, что он вдохновит своих собственных подчиненных, которые снова раскроют свои легендарные бойцовские качества. В стиле, который напоминал прежние времена, отличавшиеся большей дисциплиной, в корпусе янычар была проведена полная переключка, в ходе которой имена погибших янычар удалялись из списков, чтобы их товарищи не забирали себе жалованье тех, кого уже нет. Чтобы более эффективно и рационально провести мобилизацию, личный состав других корпусов также прошел перерегистрацию и было установлено их точное местонахождение. Были вызваны войска из Египта и других североафриканских провинций, а военно-морским силам было приказано держать флот наготове, чтобы отразить нападение Венеции. Как и год назад, была объявлена всеобщая мобилизация мусульманского населения.

Радикальным решением, принятым для того, чтобы удовлетворить потребности в живой силе, необходимой армии для проведения кампании 1690 года, стал призыв членов оседлых и кочевых племен Анатолии и Румелии. Были призваны пять тысяч человек из туркменских и курдских племен юго-восточной Малой Азии. Их появление на австрийском фронте обеспечивалось таким нововведением, как назначение гаранта, который нес финансовую ответственность в том случае, если они не прибывали в Эдирне на смотр новых войск. В Румелии был выбран другой подход: чтобы получить освобождение от некоторых налогов, которые обычно с них взыскивались, кочевники должны были принимать участие в военных действиях. В давние времена племена, жившие в балканских провинциях, служили в качестве вспомогательных войск, но начиная с правления Мехмеда II их стали использовать как воинов. Теперь из этих воинов, которых называли «сынами завоевателей», надо было сформировать более или менее регулярные подразделения. Закре-

пившееся за ними название служило напоминанием о той роли, которую их предки сыграли во время колонизации Балкан.

В 1690 году османская армия насладились забытым вкусом победы. Самым передовым бастионом австрийцев была расположенная юго-восточнее Ниша крепость Пирот, которая стояла прямо на дороге в Софию. После трехдневной осады она была взята. Ниш имел больше возможностей оказать сопротивление, но в сентябре он тоже пал благодаря умелому минированию, которое произвели янычары и другие подразделения, а также прибытию подкреплений. Защитники крепости рассчитывали, что им позволят уйти в Белград, и не хотели, чтобы их подвергли смертной казни за отказ капитулировать. Турки приняли их оправдания, согласно которым они получили от осаждавшей их армии какой-то документ, но не смогли найти человека, который мог бы его прочесть, и поэтому не знали, что это традиционные гарантии безопасности в случае сдачи.

Дорога на север, вдоль долины реки Нишавы (которую обороняли крепости Пирот и Ниш) была одним из подходов к Белграду со стороны Османской империи. Другой маршрут проходил по долине Дуная, защищенной цепью опорных пунктов. Там был взят Видин, а затем и лежавшие еще западнее Смедерево и Голубеч. В начале 1690 года к Белграду подошла большая армия, в состав которой входили султанские полки, кавалерия из провинций, мушкетеры из Египта, татары и прочие войска. Все окружавшие его укрепления были уничтожены и крепость осадили как со стороны Дуная, так и со стороны Савы. На седьмой день осады был взорван и сгорел дотла арсенал крепости, а 8 октября она пала. Впоследствии проливные дожди и зимняя погода заставили великого визиря и его главную армию отказаться от попыток продвинуться по Дунаю еще дальше на север и запад, чтобы присоединиться к силам губернатора Боснии, осаждавшим Осиджек, расположенный к западу от места слияния Дравы и Дуная. В результате осаду с этой крепости пришлось снять. Помощь французских саперов и канониров (высадившихся с французских кораблей, прибывших в Стамбул) по восстановлению Белграда оказалась наиболее экономичным средством из тех, которыми Шатоне воспользовался для поддержания дружественных отношений между Францией и Османской империей. В качестве рабочей силы привлекли местных жителей, которых выселили с острова, лежавшего в русле Дуная ниже крепости. Единственной потерей Османской империи в 1690 году стала находившаяся в Венг-

рии, южнее озера Балатон, крепость Надьканижа, которую когда-то называли «ключом к Германии».

Взяв Белград и убедившись, что позиции его войск на линии фронта хорошо укреплены и обеспечены снабжением, а приготовления к военной кампании следующего года идут полным ходом, Фазыл Мустафа-паша вернулся в Стамбул. Военные действия с помощью местных войск продолжались всю зиму: в Боснии эффективно использовались мортиры, вывезенные из Белграда и других крепостей, на Адриатике была осаждена и взята крепость Книн, а венецианский флот подошел слишком поздно, чтобы оказать помощь защитникам Влёры.

После всех ужасов кампании 1689 года, когда некомпетентное командование Реджеп-паши стало причиной мятежа в войсках, победы, одержанные в ходе кампании 1690 года, были особо сладостны, и казалось вполне естественным приписать их человеку из клана Кёпрюлю, который в тот момент возглавлял правительство. Даже сосредоточив свое внимание на военных делах, Фазыл Мустафа-паша продолжал следить за проведением многочисленных реформ в системе управления империей. Некоторые из них были вызваны крайней необходимостью текущего момента, но другие проводились с дальним прицелом. Одним из первых действий, предпринятых им на посту великого визиря, была отмена налога на производство немусульманским населением вина и других спиртных напитков (таких как производимый из аниса *арак*), который был введен в 1688 году как средство изыскания наличных денег. Когда он служил губернатором провинции, расположенной на островах Эгейского моря, вдалеке от лихорадочной деятельности фронта, Фазыл Мустафа мог наблюдать за событиями с большей беспристрастностью, чем если бы он был высокопоставленным членом правительства и разделял бы свойственное людям такого положения стремление к соперничеству и кризисное мышление. Он видел, что налог на вино с поразительной точностью бьет по заработкам крестьян региона Эгейского моря, склоняя их к сотрудничеству с врагом. Теперь вместо того, чтобы добывать деньги с помощью налогов на производство вина, он попытался запретить его потребление с той целью, чтобы производимые внутри империи спиртные напитки пришлось бы экспортировать (и брать с них экспортную пошлину) и таким образом обеспечивать приток денег в казну. Производство табака было узаконено в 1646 году и к 90-м годам его выращивали во всех

регионах империи, где только климатические условия позволяли это делать. В отличие от вина, налогом облагались и производство, и экспорт табака. Кофе, который через Египет пришел в империю из бывшей османской провинции Йемен, был еще одним товаром, потребление которого осуждалось, но который мог приносить доходы через таможенные сборы. Впервые налог на его импорт ввели при Сулеймане II, и чтобы обеспечить еще большие поступления в казну, был введен и налог на его продажу.

В добавление к спешно предпринятым мерам, направленным на удовлетворение самых неотложных потребностей кампании 1690 года, Фазыл Мустафа-паша энергично взялся за решение проблемы, с которой правительство Османской империи сталкивалось на протяжении всего XVII столетия — возвращение людей на земли, прежде оставленные ими как правило по причине войн или бандитизма. Правительство действовало решительно и в некоторых случаях все же пыталось силой заставить их вернуться в свои дома после сорока лет отсутствия. Безземельным крестьянам также предлагались стимулы заселить покинутые земли, но в результате такой политики правительство добилось лишь частичного успеха. Фазыл Мустафа сосредоточил свои силы на том, что, по его мнению, должно было стать более эффективными способами заселения этих земель. Для этого он собирался использовать две специфические группы населения: кочевые племена (которых государство всегда надеялось сделать оседлыми) и христиан, которые жили в империи.

Переселение племен, традиционно ведущих кочевой образ жизни, было неотъемлемой частью османских завоеваний раннего периода, но было надолго забыто, когда на смену непреодолимому стремлению к экспансии пришла необходимость перейти к защите своих завоеваний. Теперь, когда далеко от линии фронта «для сельского хозяйства, благодаря переселению [принудительному] кочевых племен, вновь открылись разоренные и бесхозные земли», Фазыл Мустафа решил вернуться к старой политике для того, чтобы удовлетворить возникшие потребности. Уже в начале 1691 года были разосланы приказы о постоянном заселении курдскими и туркменскими племенами земель Малой Азии и территорий, лежавших еще дальше к востоку. Эти племена издавна кочевали со своими стадами между долинами и горными пастбищами и благодаря своей сезонной миграции имели некоторый опыт оседлой жизни. Эти племена освобождались от чрезмерного налогообложения в том случае, если они отказывались от своего кочевого образа жизни и начина-

ли заниматься восстановлением сельскохозяйственного потенциала того района, куда их распределяли, и только пастухи (а не все племя) сопровождали стада на летние пастбища. На протяжении следующих лет племена принудительно переселяли в такие места, как излучина Евфрата в районе Урфа-Харран, земли, лежавшие между Искендеруном и Аданой, а также между Анкарой и Токатом, в излучине реки Кызыл-ирмак и в районе между Испартой и Денизли в юго-западной Малой Азии. Некоторое количество племен центральной Анатолии, которых обвиняли в убийствах и грабежах, были перемещены на Кипр и в сирийскую Ракку, где на них полагались как на передовую линию обороны от набегов бедуинов. Османское государство не находило никакого применения бедуинам, считая, что они немногим лучше неверных, поскольку они нападали на караванные пути, и в особенности на тот из них, по которому совершалось паломничество в Мекку. Программа переселения оказалась неудачной: сопротивление племен проявлялось в том, что они поднимали восстания, особенно заметным было восстание 1697 года. Земли становились безлюдными так же быстро, как и заселялись. И дело было не только в том, что постоянное местожительство становилось непереносимой пыткой для людей, привыкших к свободе и ритму сезонных миграций, но в том, что скудоумие чиновников находило практическое применение. Так, в некоторых местностях, избранных для заселения племенами, климат оказался слишком суровым, водоснабжение недостаточным, а почва непригодной для того, чтобы весь год заниматься сельским хозяйством. Короче говоря, это был плохо продуманный план, который не достиг своих целей, а неудача, которой закончилось столь грубое вмешательство в жизнь племен, продемонстрировала прозорливость тех, кто еще в середине XVI века настойчиво предупреждал чиновников уважать традиционные права тех племен провинции Багдад, среди которых им было поручено провести опрос.

Переселение христианского населения, которое бежало из своих деревень, оказалось более простой задачей. Разрешение строить и ремонтировать церкви являлось безвозмездным даром со стороны властей, а один из предложенных Фазыл Мустафа-пашой стимулов к переселению стал быстрым и положительным ответом на соответствующие просьбы из Анатолии и Румелии. Это был не первый и не последний случай, когда османские власти проявляли снисходительность к желанию христиан империи заново отстраивать свои церкви. Хотя для того, чтобы прояснить этот вопрос, нужны

более глубокие исследования, но и сейчас ясно то, что подобные просьбы весьма часто удовлетворялись во время войны или мятежа, когда люди были вынуждены бежать ради сохранения собственной жизни. Правительство надеялось на то, что восстановление церковью поможет вернуть христианские общины на покинутые земли и вновь сделать сельское хозяйство продуктивным (а значит, и налогооблагаемым).

Закон, введенный в 1688 году и впервые примененный в 1691-м, вносил изменения в тот принцип, на основании которого производились расчеты подушного налога с немусульман. Издавна этот налог взимался персонально с достигших совершеннолетия лиц мужского пола, но также его могли включить в местный налоговый сбор с деревни или города, а величина местного налога повсюду была разной, так как она зависела от доходов жителей. Местный налоговый сбор постепенно заменили подушным налогообложением, и хотя ставки налога время от времени пересматривались, этот пересмотр всегда отставал от реальности, и обязательства по выплате налога, размеры которого в последний раз были установлены еще в те времена, когда многочисленное население данной местности преуспевало, могли стать непомерной ношей для жителей истощенных войной населенных пунктов. Это несомненно оказало значительное влияние на усиление недовольства христианского населения деревень, расположенных на балканских территориях Османской империи, и стало причиной того, что оно бежало в контролируемые Габсбургами районы. Так расположенный на западном берегу Черного моря порт Варна лишился трети своего довоенного немусульманского населения, которое состояло приблизительно из 1300 семейств, и если бы в 1685 году не было проведено новое анкетирование, оставшимся немусульманам пришлось бы платить сумму налога, первоначально установленную для этих 1300 семейств. Хотя на практике сборщики налогов, наверное, оказались бы не в состоянии собрать налоги с потрепанных войной христианских общин.

Правительство Османской империи обнаружило, что сбор налогов сопряжен с невиданными прежде трудностями, и в 1688 году решило осуществить реформу системы налогообложения. Когда Фазыл Мустафа-паша пришел к власти, он энергично взялся за проведение этой реформы, и с 1691 года подушный налог был снова установлен отдельно для каждого совершеннолетнего лица мужского пола, а не для всей немусульманской общины. Размеры выплат устанавливались в зависимости от достатка налогоплательщика, и для

всей империи были введены единые ставки налога. Должно быть, переход на новую систему в самый разгар войны вызвал неразбериху и проходил не слишком гладко. Эта проблема усугублялась тем фактом, что, поскольку люди, облагавшиеся этим налогом, хотели (и это вполне понятно) оплачивать его теми деньгами, которые были у них под рукой, вышел указ, что приниматься будут только османские золотые монеты и монеты из чистого серебра. Разумеется, распространились злоупотребления при оценке размеров нового налога и во время его сбора, но в последующие годы была произведена необходимая корректировка, и он продолжал приносить казне значительную часть ее доходов. За этой реформой постепенно вводилось более эффективное налогообложение, которое позволило государству получать больше денег от своих иудейских и христианских подданных. Это было оправдано тем, что тяжелая обязанность защищать государство легла на плечи мужчин-мусульман, и поскольку они страдали и гибли на войне, то от немусульман было бы вполне справедливо потребовать более значительных финансовых вкладов в дело защиты османских владений.

В 1691 году, испытывая некоторое беспокойство, Фазыл Мустафа-паша отбыл на фронт. Его тревожило то, что султан Сулейман II заболел водянкой и никто не надеялся, что он проживет хотя бы месяц. Но у Фазыла Мустафы был назначенный его помощником кузен Амджазаде Хусейн-паша, к тому же его должно было успокоить то, что недавно удалось раскрыть заговор высокопоставленных священослужителей, которые хотели сместить Сулеймана и снова возвести на трон Мехмеда IV. Более того, перед тем как 15 июня Фазыл Мустафа покинул Эдирне, он председательствовал на совещании государственных деятелей высокого ранга, согласившихся с тем, что брат Сулеймана, достигший зрелого возраста, Ахмед, обладает способностями, необходимыми для того, чтобы стать преемником султана, и что ни Мемед (который за свои сорок лет царствования не принес империи ничего, кроме вреда), ни его сыновей, Мустафу и Ахмеда, которые, как они полагали, научились только «скакать вместе с ним как необузданные львы, есть и пить с ним, и заниматься войной и музыкой», не следует рассматривать как возможных претендентов на трон.

Фазыл Мустафа-паша отсутствовал в Эдирне всего лишь неделю, когда там скончался Сулейман II и его старший брат Ахмед, который, как и Сулейман, провел десятки лет в заточении, был опоя-

сан саблей и объявлен султаном во время церемонии, состоявшейся в мечети Челеби Султан Мехмеда [I], более известной как Эски Джамии, или «Старая мечеть». Военная кампания, которая началась на заключительном этапе правления Сулеймана, внушала большие надежды. Фазыл Мустафа казался тем человеком, который вернет военное счастье Османской империи после безрадостных лет, последовавших за провалом осады Вены. Достижения Сулеймана в области административного управления были затенены решимостью и военными успехами его великого визиря, но предпринятый в этот длительный период ведения войны кардинальный ремонт османской системы управления государством был их общим проектом и самым долговечным памятником покойному султану. К сожалению, до сих пор не опубликована хроника, объемом в более чем 1100 страниц, в которой описаны события, случившихся во время его короткого правления. Эта хроника является уцелевшим свидетельством того, какое участие он принимал в управлении государством и какое внимание уделял деталям этого процесса.

Теперь Габсбурги изо всех сил пытались вернуть себе Белград, и Фазыл Мустафа-паша планировал дать быстрый ответ, с целью отрезать им пути к отступлению еще до того, как они смогут подойти к Белграду. Татары, которые должны были присоединиться к основной армии, еще не прибыли, но изменив своей обычной рассудительности, он решил, что вперед пойдут одни его солдаты, так как в противном случае будет упущена столь благоприятная возможность. В состоявшейся 19 августа 1691 года битве при Сланкамене, расположенном на Дунае, севернее Белграда, османская армия была наголову разбита, а сам Фазыл Мустафа-паша был убит шальной пулей. Его солдаты беспорядочно отступили к Белграду, бросив свою артиллерию и армейскую казну. Смерть Фазыла Мустафы на поле битвы грозила развалом воинской дисциплины, как это случилось в 1688 году после падения Белграда и как это случилось тогда, многие его войска, бросив фронт, бежали к Софии. Их численность возрастала по мере того, как по пути к ним присоединялись разбойники и бандиты.

В качестве замены Фазила Мустафы на посту главнокомандующего военные и священнослужители избрали, по крайней мере на время, Коджа («Великого») Халил-пашу, который еще недавно командовал войсками, сражавшимися против венецианцев на Пелопоннесе и в Далмации. Однако новым великим визирем стал ничем

не примечательный второй визирь Арабаджи («Всадник», также известный под именем Кади, «Судья», или Коджа) Али-паша. На заседании имперского совета в Эдирне главный судья Румелии заявил, что Арабаджи Али следует немедленно ехать в Белград, чтобы там следить за приготовлениями к кампании 1692 года. Тот без особой охоты согласился, но у него ушло три или четыре месяца на то, чтобы туда добраться, поскольку его отъезд задержала начавшаяся зима. Поэтому Эдирне был объявлен местом зимовки армии и ее оперативной базой. Вместе с новым султаном и новым визирем пришли перемены. Фазыл Мустафа-паша скорее был полон решимости выиграть войну, нежели искать мир (впрочем, в течение непродолжительного времени казалось, что он не отрицает возможность проведения мирных переговоров в Белграде), но Арабаджи Али-паша не испытывал желания командовать армией и мог молча смириться с потерей Венгрии. Поскольку присутствие Османской империи там ослабело, ее сюзеренитет над Трансильванией стал в большей степени чем когда-либо прежде формальным, и в 1686 году (в том году империя потеряла город Буда) все сословия Трансильвании объявили о своем желании перейти под защиту Габсбургов, если те будут уважать свободу вероисповедания, а Михалу Апафи будет позволено остаться князем. В марте 1688 года эти условия стали реальностью. После того как в апреле 1690 года Апафи скончался, представители сословий в качестве преемника избрали его сына, но турки пытались возвести на трон Имре Тёкёли, который на протяжении всей войны оказывал им военную поддержку. Распылив внимание Габсбургов, этот шаг помог Османской империи добиться успехов в 1690 году, но в 1691-м Тёкёли был вытеснен австрийской армией, и к исходу этого столь неудачного для турок года Трансильвания в силу сложившихся обстоятельств снова признала своим сюзереном Габсбургов. Для Османской империи дрейф Трансильвании в сторону австрийцев означал открытие нового фронта в тот момент, когда у них оставалось мало ресурсов. Всеми победами, которые в эти годы османская армия одерживала над Габсбургами, она была обязана руководству Фазыла Мустафы-паши, а также тому факту, что усиление военных действий против Франции в Западной Европе отвлекало войска Габсбургов от восточного фронта. И вот столь благоприятное стечение обстоятельств в международной политике и способный великий визирь позволили туркам возобразить, что они наконец-то получили шанс выиграть эту войну.

Но с другой стороны, если бы Фазыл Мустафа не проявил бы такой воинственности, то та же самая война, которая обошлась туркам так дорого, могла бы закончиться на много лет раньше.

Вслед за смертью Фазыла Мустафа-паши наступил период неопределенности, и к началу 1692 года на военные и административные должности были назначены новые люди. Перетасовка должностных лиц отражала интенсивную борьбу за власть, которая имела место в правительственных кругах. Жертвами этой борьбы стали великий визирь Арабаджи Али-паша, имущество которого конфисковали, а его самого отправили в ссылку на Родос, а также Амджазаде Хусейн-пашу, которого срочно направили в район пролива Дарданеллы. Теперь передовой базой австрийцев на дунайском фронте стал Петроварадин, расположенный всего в нескольких переходах от Белграда, и высшему командованию османской армии было ясно, что в настоящий момент ни о каком наступлении на север и речи быть не может и что нужно сосредоточить свои усилия на том, чтобы удержать линию фронта на Дунае. В ноябре после того, как было принято решение временно прекратить дальнейшее восстановление и укрепление крепости Белград, армия вернулась в Эдирне.

Между тем англичане и голландцы продолжали предпринимать посреднические усилия, и незадолго до того как османская армия повернула на юг, посланник Вильгельма III при дворе Габсбургов, голландец Конрад ван Хеемскерк (который временно исполнял обязанности «английского» посланника этого короля при дворе султана наряду с голландским посланником при том же дворе, Якобом Кольером), находился на пути из Вены в Белград, где он должен был передать Маврокордато австрийские мирные предложения, сделанные от имени самих австрийцев и их союзников. Обусловленные тяжелыми территориальными уступками, они оказались неприемлемыми для османской стороны, но Ван Хеемскерку было приказано продолжить свой путь в Эдирне, куда он и прибыл в начале декабря. Ему было отказано в аудиенции у великого визиря вплоть до возвращения из Англии лорда Педжета, бывшего английского посланника Вильгельма в Вене, которого теперь перевели в Порту*. Когда в феврале 1693 года Педжет прибыл в Эдирне, там шла яростная борьба за первенство. Шансы заключить мир

* Блистательная, Высокая, Османская Порты — названия Османской Турции. — *Примеч. перев.*

еще больше уменьшились, когда стало очевидно, что язык, на котором изложены австрийские условия, полон двусмысленностей. 24 марта 1693 года, после нескольких недель пререканий между двумя посланниками, на протяжении которых то появлялась, то исчезала надежда на то, что аудиенция состоится, Педжет, Ван Хеемскерк и Кольер наконец-то предстали перед визирями султана и старшими офицерами армии. К их удивлению и раздражению, им были зачитаны предложения о мире с Австрией, которые несколькими месяцами раньше Ван Хеемскерк представил Маврокордато в Белграде (в основе этих предложений лежал принцип *uti possidetis*, краткая суть которого состоит в том, что каждая сторона сохраняет за собой то, что она удерживает на момент переговоров). Это театральное действо показало, что к тому времени высокопоставленные деятели Османской империи уже не думали о заключении мира. Вот что Педжет сообщил о своей встрече в Эдирне с помощником великого визиря:

Из того разговора, который состоялся у меня с этой Персоной, я понял, что ему не ведомо, ни то, что подразумевается под *uti possidetis*, ни то, что означает Посредничество, ни то, каким образом может быть полезен Посредник. Поэтому я рассудил, что они никогда прежде не имели дела ни с какими предложениями.

Несмотря на дальнейшие усилия со стороны посланников, было ясно, что они уже сделали все возможное, чтобы удовлетворить настойчивое желание короля Вильгельма положить конец этой войне. Спор о первенстве разгорелся между Ван Хеемскерком (который вернулся домой в апреле 1694 года) и Педжетом (эти посланники представляли два разных государства, каждое из которых подчинялось одному и тому же владыке, что несомненно способствовало провалу мирных переговоров).

На протяжении зимы 1692–1693 года австрийские войска угрожали последним еще оставшимся у турок опорным пунктам в княжестве Трансильвания и поэтому боевые действия военной кампании 1693 года были сосредоточены именно на этом фронте. Когда новый великий визирь Бозоклу Мустафа-паша повел свою армию из Эдирне и, переправившись через Дунай, вошел в Валахию, чтобы там соединиться с армией крымских татар, пришло известие о том, что крупные силы австрийцев осаждают Белград. Обсудив этот воп-

рос, высшее командование Османской империи решило, что армия не может одновременно защищать Трансильванию и идти на выручку осажденному Белграду. Приоритет был отдан Белграду, и войска, в том числе и татарские, снова двинулись на запад по берегу Дуная, перевоза свою артиллерию по реке. Известия о наступлении османской армии заставили австрийцев снять осаду. Плохо защищенная крепость сильно пострадала от артиллерийского обстрела, и нанесенный ущерб нужно было немедленно исправлять из опасения дальнейшего штурма. Но защитников города обнадежили татары, которые преследовали австрийскую армию, отступавшую к Петроварадину. Во время этого преследования было захвачено много трофеев и пленных. В начале сентября 1694 года османская армия, во главе которой стоял уже другой великий визирь, Сюрмели («Он с подкрашенными глазами») Али-паша, встала лагерем возле Петроварадина. Войска окапались и 22 дня осаждали эту неприступную речную крепость. Но когда Дунай вышел из берегов и затопил траншеи османской армии, от осады было решено отказаться, и войска отошли к Белграду. Борьба за эти две важные крепости зашла в тупик. По признанию летописца того времени, Дефтердара Сары Мехмеда-паши, Габсбурги, хотя и ослабли, но все еще обладали силой, с которой следовало считаться.

Султану Ахмеду II было 48 лет, когда в 1691 году он заявил о себе как о преемнике своего брата Сулеймана. Он умер 7 февраля 1695 года в Стамбуле и был погребен в усыпальнице (в которой и по сей день покоятся останки 36 членов династии), построенной его дедом, султаном Ахмедом I. Его преемник, тридцатилетний Мустафа II, который был сыном Мехмеда IV «Охотника», вел менее уединенный и более вольный образ жизни, чем два его дяди, Сулейман и Ахмед. Хотя после низвержения своего отца он провел двенадцать лет в Эдирне, это было менее тягостным заточением, чем то, которому он подвергся во дворце Топкапы. Но до этого он сопровождал своего отца во время военной кампании. Как и его предшественники, он тоже рассматривал присутствие султана во главе имперской армии как ключ к победе и в своем первом воззвании объявил, что, подобно своему предку Сулейману I, он лично возглавит свои войска во время военной кампании. Три дня его государственные деятели обсуждали вопрос и пришли к заключению, что хотя затраты, связанные с участием султана, будут высоки, оно несомненно окажет содействие перелому войны в пользу Османской империи.

Когда Мустафа II объявил, что он сам поведет армию на войну, то в отличие от скорее демонстративного воинственного пыла, который проявляли его дяди, он имел в виду именно то, что он сказал. 1 июля 1695 года он вышел из Эдирне, а 9 августа подошел к Белграду. Вместе с ним были шейхулислам Фейзулла-эфенди, который когда-то был его наставником, а вскоре после возведения Мустафы на престол снова стал главой иерархии священнослужителей, а также великий визирь Элмас («Алмаз») Мехмед-паша, который вознесся на этот высокий пост с незначительной должности, которую он занимал в архиве. В Белграде собрался военный совет, который должен был решить, возобновлять ли осаду Петроварадина или двигаться на север, в направлении Тимишоары, и попытаться отвоевать некоторые из трансильванских крепостей, расположенных на той территории, которая оказалась в руках Габсбургов. Австрийцы использовали одну из них, находившуюся к северо-востоку от Тимишоары, крепость Липова, в качестве передовой базы для нападений на этот важнейший опорный пункт Османской империи. Подкрепление и пополнение запасов гарнизона Тимишоары было предметом постоянного беспокойства командующих османскими войсками, поскольку австрийские армии то и дело приходили в этот район из своих расположенных западнее баз. В конце концов было решено, что если османские войска смогут отвоевать Липову, тогда у них в руках окажутся австрийские запасы продовольствия и снаряжения.

Султан Мустафа инкогнито осмотрел крепость Белград и ее фортификационные сооружения и счел, что их ремонт произведен лучше, чем он того ожидал. Дополнительные бастионы и увеличившийся гарнизон укрепили обороноспособность крепости перед тем, как ее покинула основная армия. Липова была успешно взята, и значительное количество хранившихся там запасов было перевезено в Тимишоару. Когда пришла зима, султан и его армия двинулись на юг, через Валахию, и переправились через Дунай в районе Никополя, где Мустафа воссоединился со своим гаремом, который отошел туда из Белграда, опасаясь нападения австрийцев. Впервые за многие годы Мустафа предпочел зимовать в Стамбуле, а не в Эдирне, поскольку он хотел поближе увидеть приготовления к военной кампании 1696 года.

Похоже, присутствие султана на фронте действительно обеспечило успех, и, по словам Силахдара Финдикли Мехмеда-аги, следующий год сулил еще более крупные победы. По указанию султа-

на Мустафы, он писал хроники событий с целью прославить правление этого монарха (сам султан высокомерно называл ее «Книгой побед»). В ней он упомянул и об удивительном открытии, которое в январе 1696 года было сделано в личной сокровищнице султана: там была обнаружена драгоценная сабля, а вместе с ней и бронзовая пластинка с объяснением происхождения клинка, выбитым на одной ее стороне знаками, принадлежавшими либо «сирийскому»*, либо ивриту, а на другой стороне арабской вязью. Согласно надписи на пластинке, эта сабля была сделана царем Давидом и именно ею он сразил Голиафа. Она побывала в руках Иисуса и в конечном счете досталась мамлюкам Египта (и как мы можем предположить, попала в Стамбул после того, как в 1516–1517 годах Селим I завоевал мамлюкские владения). Открытие этой сабли сочли промыслом Всевышнего, проявлением божественного одобрения, которое указывает на то, что султан Мустафа совершит великие деяния. Впоследствии султан дал обет носить эту саблю во время военных действий как талисман**.

Однако, несмотря на эту чудесную саблю, кампания 1696 года оказалась безрезультатной и неудовлетворительной. Султан Мустафа собирался направить свою армию на Белград, но известие о том, что австрийцы взяли в осаду Тимишоару, заставило его изменить свои планы и, переправившись через Дунай, двинуться на север, чтобы оказать помощь этой крепости. Во время своей третьей военной кампании, в конце 1697 года, Мустафа вышел со своей армией из Эдирне и 10 августа подошел к Белграду. Тогда возникли серьезные разногласия относительно того, какими должны быть цели данной кампании. Противостоящие группировки выдвинули свои аргументы: либо укреплять свои позиции в Трансильвании, либо двигаться вверх по Дунаю и атаковать находившийся в руках австрийцев Петроварадин. По всей вероятности, комендант крепости Тимишоара решительно поддерживал первое мнение, тогда как комендант крепости Белград, Амджазаде Хусейн-паша, приводил доводы в пользу наступления на Петроварадин. За последние годы,

* Под сирийским языком здесь имеется в виду язык древней Сирии, который являлся диалектом арамейского. — *Примеч. перев.*

** И медная пластинка, и сабля демонстрируются в коллекции священных реликвий, размещенной во дворце Топкапы. Я не смогла выяснить, на иврите или на сирийском сделана та надпись, на которую ссылается Силахдар Финдиклили Мехмед-ага, и существует ли ее перевод.

в ходе войны на море против Священной лиги, которая шла параллельно войне на суше, Амджазаде Хусейн одержал несколько заметных побед над венецианцами в Эгейском море, и теперь он вполне убедительно выступал против ведения боевых действий в Трансильвании. Он утверждал, что в конце лета дожди превратят болотистую почву в сплошную грязь, что затруднит перевозку артиллерийских орудий, к тому же придется построить несколько мостов. Он напомнил собранию о разгроме на реке Раба в 1664 году, когда его кузен Фазыл Ахмед-паша погиб в той сумятице, которая наступила, когда он пытался заставить свои войска форсировать эту реку. Даже если они не смогут сразу же взять Петроварадин, они сумеют его осадить, и если эта крепость не будет вырвана из рук Габсбургов, у османской армии не будет возможности совершать дальнейшие завоевания. Его советом пренебрегли, и армия двинулась в направлении Трансильвании.

Элмас Мехмед-паша предпочел идти на Тимишоару. Он не пользовался популярностью, и вызывал серьезное недоверие у Силахдара Финдиклили Мехмеда-аги, который в своем отчете о деяниях Мустафы II обвиняет его в том, что на протяжении предшествующих двух лет он намеренно вводил султана в заблуждение, преувеличивая численность армии, которая, по его утверждениям, составляла 104 000 бойцов, тогда как фактически количество боеспособных солдат приближалось к 50 тысячам. Поначалу казалось, что в своих суждениях Амджазаде Хусейн-паша был излишне осторожен, поскольку османская армия сумела без серьезных потерь форсировать три реки, наголову разгромить австрийские силы на реке Тиса и взять замок Титель, который они сравнивали с землей, по причине невозможности оставить в нем гарнизон. Затем султан Мустафа благополучно переправился на восточный берег Тисы, с которого открывался путь на Тимишоару. Однако прежде чем за ним смогла последовать та часть его армии, которая находилась под командованием великого визиря, она подверглась атаке с тыла. Австрийские войска под командованием принца Евгения Савойского (которого часто считают величайшим генералом из всех, когда-либо служивших Габсбургам) уничтожили мост возле Сенты, которым могли воспользоваться силы великого визиря. Во время жестокой битвы был убит Элмас Мехмед и многие из самых высокопоставленных представителей военно-административного истеблишмента Османской империи. Силахдар Финдиклили Мехмед-ага, который переправился через реку вместе с султаном, описал ужас, который

охватил его владыку, когда тот наблюдал за происходящим с дальнего берега и еще не был осведомлен о масштабах катастрофы.

Когда султан Мустафа приказал еще оставшимся войскам защищать мост, они разбежались и попрятались в тростнике. Взяв с собой только то, что можно было перевезти на лошади, султан и те немногие, кто был с ним, в том числе и его наставник шейхульислам Фейзулла-эфенди, отправились в Тимишоару, где надеялись оказаться в безопасности. Не сделав ни одной остановки на отдых, они прибыли туда через два дня. Имперский шатер был оставлен на поле битвы, но священное знамя и накидку пророка удалось сохранить. Силахдар Финдиклили Мехмед-ага скорбел о том, что в ходе битвы он потерял сундук, заполненный его собственными пожертвованиями.

Вот таким образом османская армия расплатилась за то, что не прислушалась к совету Амджазаде Хусейн-паши. Теперь его, оставшегося в тылу для защиты Белграда от нападений врага, назначили великим визирем вместо Элмаса Мехмед-паши. На фоне изменившегося международного положения битва при Сенте оказалась тем импульсом, который подтолкнул к заключению мира после четырнадцати лет войны. В 1697 году закончилась схватка между «Великим альянсом» и Францией, которая удерживала австрийские войска на западе. Теперь Австрии снова ничто не мешало бросить все свои силы против Османской империи. Мирные переговоры, которые с 1688 года, когда Зульфикар-эфенди прибыл в Вену (где он оставался четыре года и, прежде чем вернуться домой, некоторое время находился под арестом), замедлились, а потом быстро пошли на убыль, наконец-то были завершены. Это произошло, потому что члены Священной лиги, хорошо понимавшие то, что смерть испанского короля Карла II могла в любой момент снова вовлечь их в конфликт с Францией, стремились обезопасить восточные рубежи Австрии и высвободить войска Габсбургов, которые они надеялись задействовать в том случае, если война с Людовиком XIV возобновится.

В этих мирных переговорах нашли свое отражение те сложные и запутанные взаимоотношения, которые в конце XVII века установились между самими европейскими государствами, а также между ними и Османской империей. Когда после разгрома при Сенте Амджазаде Хусейн-паша стал великим визирем, он не был склонен заключать мир и хорошо понимал, что бездействие военных будет истолковано как отсутствие решимости и поэтому ослабит пози-

ции Османской империи на переговорах. Поэтому султан Мустафа приказал, чтобы приготовления к военной кампании 1698 года проходили в обычном порядке. Сам он находился в Эдирне, ожидая их завершения. Тем временем Амджазаде Хусейн выступил с армией в направлении рубежей империи, расположенных возле Белграда, и подошел к Софии в то время, когда посланники императора прибыли туда с изложенными в письменном виде мирными предложениями, как того и требовали турки. Посланники короля Англии и Голландии Вильгельма III при дворе султана лорд Пейджет и Якоб Кольер опередили армию и прибыли в Белград вместе с османскими дипломатами, канцлером Рами («Лучник») Мехмедом-эфенди и переводчиком Александром Искерлетзаде (Маврокордато). Тем временем военные действия продолжались: с северо-востока прибыла армия крымских татар, которая успешно наносила беспokoящие удары по австрийским позициям и совершала набеги на Польшу.

Занимавшиеся посредничеством посланники и их окружение находились в Белграде и ожидали прибытия великого визиря с армией. Спорным вопросом было даже место проведения мирных переговоров: турки сами заявили, что они не могут принять австрийское приглашение и встретиться на завоеванной венгерской территории, а австрийцы отказались встречаться на османской территории. Компромиссным решением стала деревня Сремски Карловичи (Карловиц), расположенная на Дунае, на стыке двух империй, передовыми базами которых были Петроварадин и Белград. Вероятно, имел значение тот факт, что эта деревня находилась гораздо ближе к Петроварадину, чем к Белграду. После того как были наспех построены необходимые для делегаций жилье и конюшни, 20 октября 1698 года туда прибыли два османских посланника вместе с Педжетом, Кольером и эскортом из 2 тысяч солдат. Между тем в связи с приближением зимы великий визирь повел свою армию назад, в направлении Стамбула, предоставив переговорщикам добиваться заключения мира.

Поначалу турки собирались заключить мир только с Австрией, а не со всеми членами Священной лиги, но по настоянию Педжета изменили свое мнение. В конечном счете переговоры вели девять участников: два турка, два австрийца, один поляк, один москвит, один венецианец, один голландец и один англичанин, а также их свита. На протяжении четырех месяцев делегации ежедневно встречались в богато украшенном османском шатре. Тактика затягива-

ния времени, особенно свойственная посланникам Московии и Венеции, вызывала разочарование у османских посланников, но даже столь незначительный вопрос, как внешний вид документов, представляемых на рассмотрение своим прежним врагам, мог вызвать у них отвращение. Так, аккредитация Рами Мехмеда-эфенди в качестве представителя Османской империи на мирных переговорах выглядела как один большой лист бумаги с золотым вензелем султана. Этот лист находился внутри серебряного конверта, вложенного в парчовый кошель, завернутый в салфетку из плотной ткани, которую со множеством церемоний передавали послу Габсбургов. Соответствующий австрийский документ, напротив, представлял собой несколько обрывков бумаги, скрепленных обычной восковой печатью.

По условиям Карловицкого договора Османская империя навсегда лишалась значительной части европейских территорий, которые, вплоть до недавнего времени, она считала своими собственными. В основе этих переговоров лежал принцип *uti possidetis*, поэтому осталось согласовать только исключения из этого принципа, на которых настаивали различные стороны. Турки заключили отдельные мирные договоры с каждым из своих противников. Австрии они уступили Венгрию и Трансильванию, за исключением Баната — имевшей форму клина территории, расположенной между реками Тиса, Тимиш, Дунай и Муреш и включавшей в себя Тимишоару, оборона которой, с точки зрения снабжения этой крепости всем необходимым, представляла собой тяжелую задачу.

Присоединяясь к Священной лиге, польско-литовская Речь Посполитая главной целью ставила возврат Подолии, провинции, которую она уступила Османской империи в 1672 году. Предпринятые во время войны неоднократные попытки отвоевать мощную крепость Каменец оказались безрезультатными, причем в значительной степени этому способствовала помощь, оказанная туркам войсками крымских ханов, а также их набеги на земли, окружавшие эту крепость, и рейды по территории самой Речи Посполитой. В отличие от Австрии, получившей значительные территориальные приобретения за счет Османской империи, Речь Посполитая не получила от турок никаких новых земель, и даже весьма пострадала. По условиям мирного договора между Османской империей и Речью Посполитой принцип *uti possidetis* был несколько видоизменен, и Подолия подлежала возврату Речи Посполитой только в обмен на обязательство не вмешиваться в дела Молдавии.

В годы войны османскому военному флоту пришлось вести крайне напряженную борьбу с Венецией. В 1688 году крепость Эвбея, находившаяся на острове, носившем такое же название, выдержала осаду венецианцев. В 1691 году венецианский капитан-генерал Доменико Мочениго высказал мнение, что оборона Пелопоннеса (у берегов которого, по его словам, османский флот едва ли появится в обозримом будущем) является более реальной целью, чем попытки отвоевать Крит и острова Эгейского моря. И все же в 1692 году, когда гарнизон острова Грамвоуза (который после 1669 оставался венецианским) сдался туркам, союзная эскадра осадила крепость Ханья на Крите. Из центральных районов Крита подошло подкрепление, и осада была снята. В 1691 году венецианцы обдумывали план нападения на Хиос и зимой 1694—1695 года этот остров на короткое время оказался у них в руках, но затем был отбит эскадрой под командованием Амджазаде Хусейн-паши. В 1697 году остров Бозкаада, а в 1698 году — остров Лесбос подверглись безуспешным нападениям венецианцев, а на османско-венецианском фронте в Далмации осажденные крепости то и дело переходили из рук в руки. С севера и северо-запада упорно наступали австрийские войска, порой принуждая османскую Боснию защищаться сразу на двух фронтах. По Карловицкому договору за венецианцами закреплялись их владения на Пелопоннесе и их опорные пункты в Далмации.

Случившееся в 1686 году позднее вступление Московии в Священную лигу свидетельствовало об изменении ее обычной, неагрессивной политики в отношении Османской империи. Заключив в том же году мирный договор с Речью Посполитой, Московия решила проблемы, которые служили причиной противостояния этих двух государств, в особенности проблему подтверждения сюзеренитета над Левобережной Украиной, которая фактически еще с 1667 года находилась под властью Московии, а также над Киевом, который первоначально Речь Посполитая уступила только на два года. Одним из обязательств, которые Московия взяла на себя в обмен на этот так называемый «Договор о вечном мире», было обязательство вести войну на Крымском полуострове, татарское население которого представляло собой непредсказуемую угрозу для обеих сторон. Важнейшие задачи Московии состояли в том, чтобы навсегда положить конец их набегам и установить неоспоримый контроль над Правобережной Украиной: в 1687 году Московия спровоцировала войну с татарами, выдвинув ожесточившее их требование о передаче Крымского полуострова, переселении татарского на-

селения в Анатолию и выплате двух миллионов золотом. За этим последовала военная экспедиция под командованием князя Василия Голицына, а затем и еще одна. Но обе они закончились постыдными неудачами, вызванными проблемами со снабжением войск в незнакомой местности, где татары поджигали степь и отказывались снабжать армию московитов.

В 1682 году царем стал Петр Великий, которому тогда было десять лет. Он разделил трон со своим слабоумным единокровным братом Иваном, который был старше его по возрасту. В 1689 году регентству его единокровной сестры Софии был положен конец по причине тех неудач, которые в Крыму понес ее фаворит Голицын. В 1695 году Петр лично возглавил двухмесячную осаду османской крепости Азов, которая находилась в устье реки Дон. Осада закончилась неудачей, но в 1696 году он вернулся и в зимние месяцы перед новой осадой нанял иностранных инженеров и других специалистов, с помощью которых построил флот, который должен был воспрепятствовать попыткам османского черноморского флота оказать помощь Азову. На этот раз он добился успеха. Царь Петр с неохотой принял участие в карловицких переговорах, поскольку чувствовал, что у него более чем достаточно возможностей продолжать войну. Но турки обладали весомым преимуществом, которое состояло в том, что они уже заключили более важное соглашение с Австрией и поэтому могли, во всяком случае до определенной степени, диктовать условия. В Карловице было подписано двухлетнее перемирие с условием, что позднее будут проведены переговоры о длительном мире. К 1700 году Петр перенес внимание со своих южных земель на северные. Теперь для того чтобы продолжить Северную войну со Швецией, он стал искать мира с Османской империей, и поэтому был своевременно заключен мирный договор. Подписанный равными партнерами, он уничтожил ту дипломатическую концепцию, согласно которой султан мог рассматривать царя Московии как своего подчиненного и возвестил о том, что теперь Московия является одной из главных держав, и что османская дипломатия едва ли может позволить себе относиться к ней с пренебрежением. Впервые Стамбул стал местом постоянного пребывания посла Московии.

Османская империя 1699 года весьма отличалась от империи образца 1683 года. И если продиктованный мирным договором потеря территории была самым очевидным признаком перемен, то мето-

ды, которыми это было достигнуто, возвести о наступлении новой эпохи в османской дипломатии. В соответствии с достигнутыми в Карловице соглашениями, все стороны объявляли о своем уважении принципа территориальной целостности: османско-австрийский мирный договор должен был оставаться в силе на протяжении 25 лет, договоры с Речью Посполитой и Венецией имели неограниченные сроки действия, а договор, подписанный с Московией в 1700 году, действовал на протяжении 30 лет. Скорее это указывало на то, что имеет место лишь временное затишье в постоянной войне с немусульманской державой, а стремление твердо соблюдать нормы международного права являлось нелепым обязательством для государства, в котором идея постоянной войны была одной из основ государственной идеологии. Руководствуясь тем принципом, что «мир — это продолжение войны иными средствами», османские переговорщики пытались доказать, что сделанные ими уступки не нарушают концепцию ведения «священной войны», поскольку ввиду подавляющего превосходства вражеской коалиции, государству в данный момент выгодно заключить мир. Пункты заключенных договоров должны были выполняться в полном соответствии с жестким расписанием: так, по султанскому указу, который был доведен до войск гарнизона крепости Каменец, им следовало покинуть ее до мая 1699 года (в Карловице было достигнуто соглашение о том, что на это отводится только четыре месяца после подписания договора), так что к исходу лета эти войска уже были перераспределены по другим гарнизонам.

У процесса демаркации границ между Османской империей и ее соседями была долгая история. Один из членов польской группы по установке границ оставил свидетельство того, как его османские коллеги приступили к этому делу в 1680 году, когда по договору 1676 года были внесены лишь незначительные изменения в существующие границы между Османской империей и Речью Посполитой:

Когда пришло время насыпать холм, турки с помощью лопат, прикрепленных к их седлам, в мгновение ока насыпали холм из торфа, перекопав все вокруг стоявшего посредине большого дуба. После того как работа была закончена, их начальники забрались на вершину холма и, задрав головы, завывали точно собаки, восхваляя Всевышнего за то, что им удалось так много захватить силой оружия.

По словам этого польского чиновника, турки устанавливали на вершине каждого насыпного холма деревянный столб, по форме напоминавший тюрбан, а поляки устанавливали кресты.

Главой комиссии по демаркации границ император Леопольд назначил австрийского генерала и эрудита, уроженца Болоньи, графа Луиджи Марсильи, который потратил десять лет на то, чтобы составить карту Балкан, и давал советы австрийской делегации во время Карловицкой конференции. После Карловица, благодаря одержимости и таланту Марсильи в области географии и картографии, демаркация границ стала включать в себя не только рукотворные холмы, но и большее чем прежде количество топографических деталей. Понять, как работала эта система, может помочь доклад губернатора находившейся в северном Причерноморье османской провинции Ози, чиновника, который после 1699 года лично отвечал за демаркацию границы с Речью Посполитой:

Потом мы выехали на то место, где берет начало река Яхорлык [приток Днестра] и где на двух противоположных ее берегах, друг напротив друга, в пригодных для этого местах, насыпаны холмы. Отмечая линию границы... мы достигли истока названной реки, где на обоих берегах, друг напротив друга, были насыпаны еще два больших холма; и далее по течению всего Яхорлыка, в пригодных для этого местах, были точно так же насыпаны пограничные холмы; возле места, называемого «Вилы», там, где заканчивается вышеупомянутый Яхорлык, на правой стороне долины имеется разветвление... Затем, пройдя по этой долине около часа, мы пересекли «Кочевую тропу» у истока реки Куджалнык, [где] расположен большой [холм под названием] «Холм агнца». Поскольку в округе нет холма, похожего на этот, его сочли пограничной меткой.

Когда новые границы были установлены, группы крестьян, которые от этого пострадали, были переселены подальше от границ, в глубь османской территории, чтобы избежать риска нападений с противоположной стороны. Кроме того, этим надеялись воспрепятствовать сокращению численности населения, которое в годы войны нанесло ущерб всем регионам. Карловицкий договор сумел обуздать набеги, которые с первых дней Османской империи оставались неотъемлемой частью жизни для многих групп населения.

В северной степи население пограничных земель империи, в особенности татары, издавна добывало значительную часть средств своего существования с помощью продолжительных набегов на территории Речи Посполитой и Московии. В отношении набегов все прежние перемирия между польско-литовской Речью Посполитой и Османской империей оказались тщетными для них обоих, поскольку эти перемирия не ограничивали действия находившихся в подчинении у этих государств казаков и татар. Решимость турок твердо следовать духу и букве соглашений 1699 года привела к принятию более строгих ограничительных мер, а директивы правительства, согласно которым татары должны были воздержаться от набегов, стали причиной открытого восстания в Крыму. Тогдашний хан отказался от своего статуса вассала Османской империи и в качестве обычного ответа на такое неповиновение был заменен более покладистым ханом. До этого времени татарские методы ведения войны рассматривались как ценный вклад, который можно использовать для поддержки военных устремлений Османской империи. В новом, пост-карловицком мире они считались источником неприятностей.

Переговоры в Карловице бросили длинную тень на проблему христианских святынь в Иерусалиме и других местах. Уже в XIX веке, когда положение немусульман в Османской империи стало вопросом политики великих держав и основным компонентом «восточного вопроса», появилась возможность сделать из этого повод для вмешательства иностранных держав во внутреннюю политику империи. В силу того места, какое немусульмане занимали в государстве, на вопросы правового урегулирования и отношения турок к христианским святыням в Иерусалиме и других местах давно был дан категорический ответ: их захват и конфискация оправдывались с помощью казуистики, а там, где это выглядело правдоподобно, оправдание находили в том, что прежде это были священные места мусульман. Впрочем, два места все же остались неоскверненными: церковь Гроба Господня в Иерусалиме и церковь Рождества Христова в Вифлееме. Эти священные места имели такое значение для христианского мира, что турки старались их не трогать.

Поэтому между властями Османской империи и их подданными-христианами никогда не возникало противоречий по вопросу правового статуса этих священных для христиан мест. Но такие противоречия возникали между христианами римско-католической

церкви (в особенности орденом францисканцев) и православными христианами. Францисканцы традиционно считались стражами большинства святынь, приписываемых как к церкви Гроба Господня, так и к церкви Рождества Христова, но как только османское завоевание объединило четыре патриархата древней византийской церкви (Константинопольский, Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский) под властью одного правителя, православная церковь попыталась восстановить свои права на священные для христиан места. В 1637 году она получила некоторую поддержку со стороны султана Мурада IV, а в 1675 году Мехмед IV признал ее наиболее важной из всех христианских церквей, но после катастрофического разгрома под Веной, случившегося в 1683 году, власти Османской империи учредили комиссию по изучению вопроса об опекунстве над священными местами, в надежде использовать этот шаг для получения поддержки Франции в борьбе против Священной лиги. В то время не было внесено никаких изменений, зато в 1690 году Фазыл Мустафа-паша, который тогда готовился отбить Белград у австрийцев и надеялся обеспечить поддержку со стороны французов, восстановил первенство францисканцев. На сей раз действуя по воле иностранной державы, власти Османской империи оказали влияние на решение об опекунстве, заведомо отдав предпочтение одной группе претендентов. Тем самым турки невольно ввели в норму признание обоснованности внешнего вмешательства в те сферы, которые прежде считались вопросами внутренней политики и, сделали возможными притязания других европейских держав, действующих от лица своих единоверцев.

Впрочем, османские переговорщики в Карловице сумели отказать посланнику Московии, который требовал восстановить первенство православной церкви, которым она пользовалась в Святой Земле в период между 1675 и 1690 годами. В одной из последних исследовательских работ убедительно показано, что уступить этому требованию было бы еще опаснее:

...в то время как католические державы вмешивались... действуя в интересах своих собственных подданных, [живших в Османской империи], русское противодействие Католической Церкви и содействие интересам Греческой Православной Церкви в этих святынях затрагивали... церковь, прихожане которой в подавляющем большинстве являлись подданными Османской империи.

Как только внутренние беспорядки были подавлены, состоявшееся в 1656 году назначение Кёпрюлю Мехмед-паши на пост великого визиря принесло стабильность как во внешнюю, так и во внутреннюю политику. На протяжении шести лет пребывания в этой должности он держал в своих руках бразды правления державой и брался за решение тех государственных вопросов, рассматривая которые султан Мехмед IV и его мать с радостью прислушивались к его мнению. Такое положение продолжалось и при его сыне, Фазыл Ахмед-паше, который занимал пост великого визиря в период между 1661 и 1676 годами. Тогда все министры были объединены решением поставленных перед ними задач, а сам он находился на этой должности в течение многих лет. Хотя срок пребывания Фазыл Мустафа-паши на посту великого визиря составил меньше двух лет, он сумел провести важные финансовые и прочие реформы, которые должны были способствовать победе Османской империи в войне. Но после того как в 1683 году Мерзифонлу Кара Мустафа-паша потерпел полное поражение под Веной, многие из последующих великих визирей не были военными людьми, но даже те из них, кто мог руководить военными действиями, оказались не в состоянии справиться с весьма серьезными проблемами дисциплины, ставшими отличительной чертой вооруженных сил империи.

В период между 1683 и 1699 годами ресурсы империи были предельно расплынены, так как ее армия пыталась удержать рубежи, чрезвычайно удаленные от Эдирне и Стамбула. В последние годы XVII столетия шла настоящая борьба за финансовые и людские ресурсы, необходимые для ведения войны, что отодвинуло на второй план все прочие вопросы и тем самым скрыло глубокие перемены, которые происходили начиная с середины столетия. После периода господства Кёпрюлю Мехмеда-паши и его сыновей и в особенности после того, как в 1687 году был смещен Мехмед IV, султаны стали уделять больше внимания вопросам повседневного управления делами империи и наслаждаться хотя бы иллюзией того, что они не только царствуют, но и правят, оказывая содействие предпринятым еще в годы войны сложным реформам бюрократического аппарата. Эти меры, хотя и вызванные острой необходимостью, в долгосрочной перспективе часто оказывали значительное воздействие на пропорциональное распределение прав и обязанностей в османском обществе. Возможно, что на протяжении большей части войны империи не хватало эффективного военного руководства, но высокопоставленные чиновники проявили немалую волю,

находя действенные решения финансовых проблем, стоявших перед государством.

Одной из реформ, которые повлияли на формирование будущего облика государства, стало прекратившееся в конце столетия освобождение благотворительных фондов от налогообложения. Введенный в 1686 году «налог на военные пожертвования» взимался на протяжении всей войны, после окончания которой он был отменен (вплоть до начала следующей войны). Вызвавший дискуссии налог, который первоначально планировался как «одноразовый» заем у тех, кто накопил богатства, вскоре стали взимать с фондов султана и, в особенности, с фондов ведущих государственных деятелей. Введенный во времена хронического банкротства казны, он приобрел характер налога на богатство, от которого не освобождались даже самые высокопоставленные особы. Богатые и могущественные всегда делали вклады в пользу общественного блага (будь то ссуды, которые давали визири, чтобы восполнить временную нехватку денег на выплату жалований военным, или расписки Турхан Султан, которые гарантировали оплату расходов, связанных со строительством укреплений в районе Дарданелл, во время Критской войны), и на протяжении этого столетия все больше и больше частных средств поступало на общественные цели. С этого времени к частным лицам стали чаще обращаться с просьбами делать вклады в казну. На исходе войны 1683–1699 годов особенно широкое распространение получили конфискации в пользу казны имущества дискредитированных государственных деятелей, и в дальнейшем эта тенденция нашла свое продолжение. Другой формой налогообложения на военные нужды было обязательство сформировать и передать армии новые войска. Так, в 1696 году трем государственным деятелям Османской империи, среди которых был и старший сын Фазыла Мустафа-паши, Кёпрюлюзаде Нуман-бей, были предъявлены требования, согласно которым каждый из них должен был за свой счет представить армии пять сотен пехотинцев.

Реформа, которая со временем оказала величайшее воздействие на общество Османской империи, увеличив число сверхбогатых людей, представляла собой введение пожизненного права собирать налоги и означала переход в частные руки этого особого источника государственных доходов. Раньше документы, которые давали право собирать налоги, каждые три года выставлялись на аукцион, что теоретически открывало к ним доступ различным частным лицам и группам лиц, тем самым гарантируя то, что никто не станет слиш-

ком богатым и влиятельным. Пожизненное право собирать налоги было введено декретом от 10 января 1695 года. Правительство испытывало неудовлетворенность существующей системой, так как понимало, что сборщики налогов живут сиюминутными интересами, не делая вложений в свой «ресурс». В результате крестьянам приходилось занимать деньги, чтобы купить семена и все, что им было необходимо, и они влезали в такие долги перед кредиторами, что больше не могли обрабатывать поля, сельскохозяйственная продукция которых была источником налогов, поступавших в казну. Более того, непомерные требования сборщиков налогов иногда заставляли крестьян бежать со своих земель, усугубляя и без того слишком значимую проблему брошенных, обезлюдивших земель.

Тот, кому посчастливилось купить пожизненное право собирать налоги, обретал более надежное положение, чем то, которое могла предложить прежняя система. Сумма капитала, которую он выплачивал казне, чтобы приобрести свой ресурс, от двух до восьми раз превосходила сумму ежегодной чистой прибыли, которую этот ресурс предположительно должен был приносить. Таким образом, казна извлекала выгоду каждый раз, когда на торги выставлялось пожизненное право собирать налоги. В действительности, форма внутренних заимствований государства у тех, кто обладал таким богатством, что мог делать вложения, оказала огромную помощь в борьбе с критическим дефицитом государственного дохода во время войны. Но чтобы эта система окончательно установилась, потребовалось время, а результаты ее введения лишь постепенно становились очевидным. Впервые пожизненное право сбора налогов было применено в некоторых провинциях юго-восточной Малой Азии и в арабских провинциях, после чего распространилось и в других местах. Выбор именно этих, преимущественно мусульманских провинций помог более равномерно распределить бремя налогообложения по всей империи. Например, бремя реформированного подушного налога, являвшегося еще одним основным источником доходов государства, главным образом ложилось на плечи христианского населения (которое составляло большинство на Балканах), а также на провинции западной и центральной Малой Азии.

Трудные годы войны показали, что ни преданность представителям правящей династии, ни преданность первых лиц отдаленных провинций центральной власти нельзя было считать доказанными фактами. Введенная в те годы новая система сбора налогов изме-

нила основы доступа к субсидиям государства. Теперь любого, кто был достаточно богат, чтобы поставить под сомнение право Османской династии на власть, можно было хотя бы на некоторое время нейтрализовать, предложив ему стать частью правящего класса, поскольку владения государства никогда прежде не простирались так широко.

Хотя представители клана Кёпрюлю были среди тех, кто получил самые большие выгоды от новой системы налогообложения, но даже до введения пожизненного права собирать налоги они скопили достаточно средств, чтобы учредить богатые благотворительные фонды, благодаря которым они завоевали авторитет, сравнимый с авторитетом Османской династии. В период между правлением Ахмеда I и серединой XVIII века Османская династия отказалась от своего особого положения попечительницы строительства впечатляющих храмовых комплексов, превозносивших ее могущество, и в это время ее представителями были построены только три или четыре больших мечети. Благотворительность клана Кёпрюлю была более очевидна и не ограничивалась одним Стамбулом. Так, в 1658—1659 годах Мехмед-паша возвел крепость на входе в залив Эгейского моря, где находился город Измир, чтобы защитить этот порт от нападений венецианцев в ходе продолжавшейся Критской войны. Измир вырос из деревни, которой он был еще в XVI веке, в многоязычный торговый центр, специализировавшийся на экспорте в Европу сельскохозяйственной продукции внутренних районов западной Малой Азии. Благодаря этой крепости власти могли вести более эффективное наблюдение за торговыми судами, с которых брали таможенные пошлины. Фазыл Ахмед-паша уделял большое внимание и стимулированию торговли, и сбору налогов, причем как в новых провинциях, которые он завоевал для империи, так и в старых, расположенных ближе к ее центру. В 70-е годы XVII столетия он финансировал строительство инфраструктуры, необходимой для того, чтобы превратить Измир в процветающий перевалочный пункт. Были построены рынок, караван-сарай, общественные бани и огромное здание таможни. Кроме того, он построил акведук, чтобы снабжать город водой, и замостил его главные улицы.

Помимо требования, чтобы благотворительные фонды направлялись на достижение праведных целей, были и оговорки, касающиеся принципов управления. Эти положения часто были слишком общими и оставляли большую свободу действий тем, кто уп-

равлял фондами. Кроме того, постоянно не соблюдалось требование, согласно которому переданная в фонды собственность или деньги следовало отчуждать, и на протяжении многих лет деньги «просочившиеся» из фондов, возвращались в руки членов таких влиятельных семейств, как клан Кёпрюлю, тем самым позволяя им уберечь свои огромные богатства от конфискации и передать их своим наследникам. Одним из показателей их могущества был тот факт, что из 47 лет, прошедших после того, как в 1656 году Кёпрюлю Мехмед-паша был назначен великим визирем, этот пост на протяжении 38 лет занимали либо члены его семьи, либо члены семей его родственников, и только девять лет великими визирями становились представители других семейств. Эта тема требует дальнейшего исследования, но есть свидетельства того, что в конце XVII столетия семейства, не столь заметные, как Кёпрюлю, тоже передавали средства в благотворительные фонды, причем как в Стамбуле, так и в любых других местах империи, делая это с целью увековечить свой контроль над финансовыми средствами, поскольку, согласно всеобщему мнению, такие фонды освобождались от налогообложения. Получившая развитие тенденция, согласно которой сыновья становились преемниками своих отцов на должностях в центральном аппарате управления и на постах губернаторов провинций, позволила малозначительным семействам добраться до первой ступеньки лестницы власти, укрепить свое положение и получить известность.

То, как Кёпрюлю Мехмед-паша передавал то, чего он добился, своим потомкам, оказало сильное влияние на летопись Мустафы Наима, пристрастность которого просто обворожительна. Впрочем, не стоит забывать о том, что покровителем Наима был другой представитель рода Кёпрюлю, Амджазде Хусейн-паша, который, став в 1697 году великим визирем, назначил его на пост официального историка, и что ему было поручено написать свою историю спустя приблизительно сорок лет после того, как Кёпрюлю Мехмед пришел к власти. Наима объясняет, что Кёпрюлю Мехмед понимал свою должность как «контракт» между султаном и великим визирем и поэтому диктовал различные условия восьмилетнему Мехмеду IV, когда принимал этот пост. Прежде всего, он хотел абсолютной власти в решении государственных вопросов, власти, которая не считалась бы даже с волей султана; во-вторых, только он принимал решения о назначении на все государственные должности; в-третьих, пределы распространения принятых им решений не должны быть огра-

ничены мнением других государственных деятелей; и в-четвертых, на слова тех, кто попытается сделать под него «подкоп», не следует обращать внимания. Картину обстоятельств назначения Кёпрюлю Мехмеда на должность великого визиря (украшенную деталями, не обнаруженными ни в одном из свидетельств современников, на основе которых он предположительно и составил свое описание) современные историки считают выдумкой и рассматривают ее как описание, почти полностью соответствующее той ситуации, которая преобладала на рубеже XVII и XVIII столетий, когда Наима и писал свой труд, и совпадающее с интересами его покровителя, который пришел к власти после десятилетий господства клана Кёпрюлю. Монархия превратилась в систему и лишилась своей индивидуальности, Османская династия к тому времени, в сущности, перестала играть важную роль, а султан едва ли представлял собой нечто большее, чем некий символический выступ, этакий первый среди равных, сидящий в центре системы власти и богатства, которая получила развитие в следующем столетии. Пережив войну 1683—1689 годов и последующую потерю территорий, закрепленную Карловицким договором, империя вступила в период выздоровления, хотя и мучительного, так как теперь ей приходилось приспосабливаться к новым обстоятельствам.

Глава 11

ОПАСНОСТЬ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Хотя в 1710 году на короткое время должность великого визиря занял еще один представитель рода Кёпрюлю, лучшие времена для этой династии закончились вскоре после заключения Карловицкого мирного договора. В 1702 году слабое здоровье заставило Амджазаде Хусейна-пашу уйти в отставку после пяти лет пребывания на посту великого визиря, и впоследствии старшие отпрыски этой фамилии чаще занимали должности в провинциях, а не в центральном аппарате государственного управления. Злым гением Амджазаде Хусейна стал шейхульислам Фейзулла-эфенди, который был учеником, а затем и зятем Вани Мехмеда-эфенди, сделавшего карьеру благодаря покровительству со стороны отца Фейзуллы, занимавшего высочайшее положение среди священнослужителей Эрзурума. С детских лет султана Мустафы Фейзулла-эфенди был его воспитателем и наставником и впервые достиг выдающегося положения во время мятежа, поднятого военными в 1687–1688 годах. Тогда, после восхождения на трон султана Сулеймана II, он в течение непродолжительного времени занимал пост шейхульислама. Вскоре после вступления на престол Мустафы его снова выдвинули на пост главы духовной иерархии. И если методы, с помощью которых он получил это назначение, были весьма неординарными, то власть и покровительство, которыми он пользовался, были беспрецедентными и абсолютными. Его старший сын занимал должность регистратора потомков Пророка, его второй сын был главным судьей Анатолии, третий сын одно время служил судьей в Бурсе, четвертый был воспитателем одного из принцев, а один из его родственников являлся главным судьей Румелии. Министры правительства, такие

как Амджазаде Хусейн, играли гораздо меньшую роль в сфере управления государством. Брачные союзы между представителями османской династии и членами семейств Кёпрюлю и Фейзулла-эфенди не могли сгладить имевшиеся противоречия. В автобиографии, которую Фейзулла-эфенди писал вплоть до 1702 года, есть описания судебных и состояний членов его семьи, и в ней же он утверждает, что являлся самым близким доверенным лицом султана и что по всем вопросам к нему обращались за советом. Но ему не пришлось долго пользоваться своим исключительным влиянием: его грубый отказ признать то, что его власть и стремление к величию должны иметь свои границы, в конце концов привел к тому, что подавляемое раньше недовольство все же вырвалось наружу, и в 1703 году он был убит во время кровавого мятежа, который помимо этого привел и к смещению Мустафы.

Со времени правления Мехмеда IV, сыном которого являлся султан Мустафа, Эдирне было любимым местом пребывания османского двора. Мятеж, вспыхнувший в 1703 году, называют «происшествием в Эдирне» и часто приписывают тому чувству разочарования, которое накопилось в османском обществе за годы совсем недавно закончившейся войны. Прошло двадцать лет с тех пор, как Мерзифонлу Кара Мустафа-паша потерпел поражение во время осады Вены, и хотя на последующих этапах этой войны туркам удалось одержать несколько побед, но стремление Мустафы II соблюдать условия Карловицкого договора многие рассматривали как подрыв чести мусульман. Последствия этого договора стали очевидны не сразу, поскольку демаркация новых, менее отдаленных, чем прежде, границ империи в Европе представляла собой длительный процесс, который в 1703 году все еще шел полным ходом и являлся наглядным подтверждением военных неудач Мустафы.

Во вторник, 17-го июля, в Стамбуле вспыхнул мятеж войск, которым было приказано направиться в отдаленное вассальное государство, расположенное в западной Грузии, чтобы подавить там восстание. Этот мятеж вскоре нашел широкую поддержку. Один высокопоставленный священнослужитель официально сделал весьма необычную правовую оценку, согласно которой не следовало проводить пятничную молитву. Это было актом открытого неповиновения, который означал, что султан уже не может полагаться на лояльность высшего духовенства и военных. Появились новые лидеры, которые заменили тех, кто скомпрометировал себя близостью с

Мустафой II и Фейзуллой-эфенди, а главой переходного правительства, учрежденного в Стамбуле в противовес правительству в Эдирне, был поставлен родственник Амджазаде Хусейна-паши. Когда находившемуся в Эдирне Мустафе сообщили о том, что мятежники требуют передать им Фейзулла-эфенди, а самому султану и его двору вернуться на постоянное местопребывание в Стамбул, он арестовал делегацию, которая доставила эту петицию, а Фейзуллу-эфенди вместе с его семьей отправил подальше от города. Сам же сделал все приготовления, чтобы оказать сопротивление мятежникам. В то время великим визирем был Рами Мехмед-паша — один из двух переговорщиков, представлявших интересы Османской империи в Карловице. Он был протее Фейзулла-эфенди, но к этому времени их отношения испортились, и мятежники рассматривали его как посредника.

Благодаря учреждению альтернативного правительства в Стамбуле события приобрели чуть ли не революционный характер. Но это была революция в османском стиле, характерной особенностью которого было смещение правящего монарха с последующей передачей престола другому представителю династии, а не полное ниспровержение господствующей системы государственного управления. Воспоминания о недавних кровавых беспорядках (тех, которые имели место в зимние месяцы 1687–1688 годов, когда мятежные войска погрузили Стамбул в атмосферу полного хаоса), должно быть, способствовали тому, что мятежники проявляли некоторую осторожность. Примером такого отношения является тот факт, что на каждом этапе своего восстания они испытывали необходимость получить санкцию со стороны духовенства. Последующие делегации, направленные из Стамбула в Эдирне, не получали никакого ответа, что заставило мятежников заподозрить султана в том, что он готовится к решающему поединку. Силы бунтовщиков значительно превосходили те силы, которые мог собрать султан, и 19 августа в битве при населенном пункте Хавса, расположенном на полпути между Эдирне и Стамбулом, его войска дезертировали, а сам он бежал в Эдирне. Стало ясно, что ему больше не на кого положиться. 24 августа султаном стал его брат Ахмед, а Мустафа прожил остаток своей жизни (ему было отведено еще шесть месяцев) в Самшитовых апартаментах дворца Топкапы, где он находился в заключении, когда был смещен его отец, Мехмед IV. Мемуарист Мустафы, Силахдар Финдикли Мехмед-ага, считал высших чиновников этого султана виновными в измене и обвинял их в том, что

они пришли к взаимопониманию с самозванными визирями временного правительства, а потом исчезли из вида, бросив смещенного султана в тот момент, когда он более всего в них нуждался.

Когда мятежники, переключив внимание с сиюминутных задач своего восстания, сосредоточились на будущих перспективах, наступила анархия. Передача власти от сторонников Мустафы сторонникам Ахмеда III оказалась процессом, который сбивал с толку. Ведь даже после того, как Ахмед был возведен на престол, оставалась проблема того, чьи полномочия признавать законными, если все государственные чиновники и придворные сбежали из Эдирне и скрывались в сельской местности. Силахдар Финдиклили Мехмед-ага сообщал, что Фейзулла-эфенди со своей семьей перебрался из Эдирне в город Варна на Черном море и что, когда он искал судно, которое перевезло бы их в Трабзон, лежавший на пути в его родной город Эрзурум, он был схвачен агентами мятежников и заключен под стражу в цитадели Варны. Фейзулла-эфенди сумел тайно от Рами Мехмеда-эфенди ознакомиться с его посланием, в котором тот убеждал нового султана в том, что бывшего шейхульислама нужно отправить в ссылку на Эвбею. Фейзулла-эфенди выехал туда, но не успел он удалиться на значительное расстояние, как снова оказался в опасности: его попытались схватить мятежники, у которых был совсем другой приказ, уже смещенного султана Мустафы. Но местные власти подчинились приказу султана Ахмеда, и Фейзулла-эфенди вместе со всеми своим людьми направился в Эдирне. Целый день они провели в дороге и на ночь остановились в расположенном за стенами города караван-сарая. В этот момент туда прибыли чиновники, которым было поручено произвести опись имущества Фейзуллы-эфенди. Ими руководил Дефтердар Сары Мехмед-паша. Теперь этот летописец войны 1683–1699 годов выполнял первую из возложенных на него обязанностей: он действовал как главный казначей империи. Впрочем, в суматохе тех месяцев он скоро лишился этой должности. Последствия были понятны. Набросившись на него с проклятиями и обвиняя его в том, что он еретик, чиновники приступили к своей работе. Фейзулла-эфенди, его сыновей и всех, кто с ним был, раздели до нижнего белья и посадили на простые повозки, запряженные волами. На протяжении всего пути в Эдирне они находились под пристальным наблюдением группы вооруженных янычар, которые осыпали их проклятиями, а в городе их бросили в тюрьму. В течение трех дней и

трех ночей их пытали, но ни он сам, ни его сыновья так и не рассказали, где спрятаны их богатства. После того как еще более мучительная пытка не принесла никаких результатов, о ситуации сообщили султану, и была дана фетва, которая санкционировала казнь бывшего шейхульислама. Фейзуллу-эфенди вывели из тюремной камеры, посадили на ломовую лошадь и под брань и проклятия толпы, состоявшей из священнослужителей, янычар, мятежников и городской черни, заставили ехать на блошиный рынок, где его обезглавили. Ступни ног его трупа привязали к отрубленной голове и около трехсот немусульман, в том числе и священники (которых смогли собрать только силой) прошли по всему городу, волоча за собой расчлененное тело Фейзуллы-эфенди. Через полтора часа труп был сброшен в реку Тунка, которая течет через город. Голову Фейзуллы-эфенди насадили на шест и, выставив напоказ, обошли с нею казармы янычар, а потом тоже сбросили в реку. Нам не следует забывать о том, что Силахдар Финдиклили Мехмед-ага был верным слугой Мустафы II, а значит, и сторонником Фейзуллы-эфенди. По его словам, он рассказал об этих событиях только для того, чтобы продемонстрировать насколько бедственным было тогда положение в империи. Одной из самых поразительных деталей этого ледящего кровь представления является то, что, по его наблюдению, когда тело бывшего шейхульислама волокли по улицам Эдирне, в городе зажгли курильницы с фимиамом — чтобы никто не считал, что он умер как мусульманин. Высшие круги духовенства едва ли испытывали к нему сочувствие, поскольку его стремительный взлет к вершинам власти и пренебрежение к тем пределам, которые ограничивали власть шейхульислама, отдалили его от них. Один неизвестный автор, который явно имел отношение к этим событиям, сообщал, что опознанные средства Фейзуллы-эфенди были переданы казначейству и частично использованы для удовлетворения громких требований военных вернуть им задолженности по оплате и премии, которые они традиционно получали при вступлении на престол нового султана. Остаток крупной суммы долга погасили за счет доходов египетской казны и поступлений, которые давали земли, принадлежавшие новому султану, его матери, великому визирю и прочим. Старший сын Фейзуллы-эфенди, которого Мустафа II назначил преемником шейхульислама, был казнен в Стамбуле, а его тело брошено в море. В ходе той же чистки были убиты и два сына проповедника Кадизадели, Вани Мехмеда-эфенди.

Зачинщики восстания, которые сами из себя сформировали альтернативное правительство, вскоре были либо отправлены в ссылку, либо казнены, но взрывоопасные события 1703 года нашли дальнейшее продолжение: в 1706 году некоторые государственные чиновники среднего звена, принимавшие участие в мятеже, а затем лишённые своих должностей, организовали заговор с целью сместить султана Ахмеда и возвести на трон одного из его сыновей. Но на них донесли, и самые упорные из них были задушены, а их тела сброшены в море. Это был рискованный шаг, потому что в 1649 году столь же позорный конец и лишение права на погребение по мусульманскому обычаю стали причиной восстания под предводительством Гюрджу Абдулнеби. Спустя несколько месяцев появился претендент на трон Османской империи. Объявив себя сыном султана Мехмеда IV, а значит, и братом Мустафы II и Ахмеда, он отправился морем из Северной Африки на Хиос, взяв с собой документы, которые должны были подтвердить его слова. По Стамбулу поползли слухи, согласно которым он собрал недовольных в Анатолии и провозгласил себя султаном в Бурсе. По распоряжению султана Ахмеда его обезглавили, а голову выставили напоказ за стенами дворца Топкапы.

Следствием Карловицкого договора стали не только волнения внутри империи, но также и перемены в ее взаимоотношениях с внешним миром. Первым признаком такого сдвига было то, что мирные переговоры впервые вел высокопоставленный представитель османской бюрократии, а не какой-нибудь паша, то есть представитель военных. Впоследствии стало нормой использовать чиновников канцелярии в качестве переговорщиков. Европейские государства стали понимать, что Османская империя больше не обладает той силой, которая прежде позволяла ей бросать им вызов. Поэтому в XVIII столетии все чаще дипломаты, а не военные определяли условия столкновений Османской империи с ее европейскими соседями, и в качестве способа решения международных разногласий предпочтение все чаще отдавали переговорам, а не открытой агрессии. В период между 1739 и 1768 годами дипломатические инициативы принесли мир на западные рубежи империи. Но прежде империи было суждено впутаться в целый ряд конфликтов, причем не все они оказались для нее успешными.

При Петре Великая Московия, которую с тех пор стали называть Россией, представляла собой обширную державу, у которой на

тот момент времени еще не было ресурсов, необходимых для обеспечения полномасштабных военных операций на чрезвычайно отдаленных фронтах. На западе грозным противником являлась Швеция, которая препятствовала выходу России к Балтийскому морю, что было решающим условием осуществления планов царя Петра по развитию подчиненных ему территорий. Столь же важным условием был и доступ на юге к Черному морю, а также к теплым морям за его пределами. В 1699 году Петр заключил союз с Данией, а также с польско-литовской Речью Посполитой с тем, чтобы проложить себе путь к Балтике. Известие о том, что с султаном заключен мир, способствовало тому, что в августе 1700 года он объявил войну Швеции и, присоединившись к своим союзникам, вступил в конфликт, получивший название «Великая северная война». Несмотря на давние дружеские отношения, Османская империя отклонила просьбы шведов о помощи. Придя на выручку расположенной на берегу Финского залива крепости Нарва, осажденной превосходившей численностью, но плохо снабженной русской армией, которая не получила никакой помощи от своих союзников, двадцатилетний шведский король Карл XII (которого турки называли «Карл Железная башка»), двинулся на юг, чтобы действовать против польского короля Августа II. В 1701 и 1702 годах, когда он вел военные действия в Польше, русские совершали частые вторжения в Ливонию (находившуюся на юге сегодняшней Эстонии и севере сегодняшней Латвии), а в мае 1703 года они взяли небольшую крепость в устье реки Невы. Петр получил плацдарм на Балтике, а построенная там деревня с деревянными домами стала быстро разрастаться. Как утверждает один современный историк, «основание Санкт-Петербурга... было равносильно утверждению, что... Карл XII, хотя еще и непобедимый на поле брани, уже проиграл войну».

Весной 1706 года в Стамбул поступило сообщение от крымского хана, явно подстрекаемого великим визирем Балтаджи («Алебарщик») Мехмед-пашой, в котором говорилось, что русские угрожают черноморским рубежам Османской империи, и ему на помощь была выслана эскадра военных кораблей. Осmano-русские отношения были напряженными, и военные действия между Россией и Швецией стали отвечать интересам Османской империи, которая во время военной кампании 1708 года шла в кильватере политики воевавшего в России Карла XII. В мае 1708 года Карл прошел через всю Литву и, соблазнившись преследованием отступавшей

русской армии, продвинулся как никогда далеко на восток. Но Петр приказал уничтожать все, что могло быть использовано шведскими войсками, и они, переправившись через Днепр, повернули на юг и вступили в пределы Украины, где, как ожидалось, ситуация со снабжением будет более благоприятной. В начале ноября Иван Мазепа, который был казачьим гетманом Левобережной Украины (только эта часть Украины осталась за казаками после того, как в 1700 году Польша отменила гетманство в Правобережной Украине), перешел на сторону Карла, но его главная база в Батурине, находившемся в 150 километрах к северо-востоку от Киева, была безжалостно разграблена русскими, а долгожданные запасы продовольствия уничтожены.

Зима 1708—1709 годов оказалась чрезвычайно холодной, и Карл обнаружил, что его армия обездвижена в степях Украины, так как сотни его людей замерзли насмерть. В марте 1709 года запорожские казаки (занимавшие нижнее течение Днепра) высказались в пользу Карла, но в мае их базы были уничтожены русскими войсками, после чего рухнули всякие надежды на то, что их поддержка переломит ситуацию. И наконец, в июле по совету Мазепы Карл осадил город Полтава, расположенный юго-восточнее Киева. Царь Петр прибыл туда, чтобы снять осаду, и в конце месяца наголову разбил шведов. Сначала Карл пытался найти убежище в расположенной в устье Днепра османской крепости Очаков, но позднее двинулся в направлении Тигина на Днестре. Там, за стенами этого города, он основал поселение. Из устроенного самому себе изгнания он продолжал править Швецией, но его поражение под Полтавой возвестило о том, что страна лишилась статуса «великой державы». Полтавская битва окончательно решила судьбу Украины, так как казачье государство на левом берегу Днепра оказалось под еще большим контролем со стороны русских.

Несмотря на претензии русских, которые утверждали, что, позволяя шведскому королю оставаться на своей земле, турки нарушают условия мирного договора 1700 года, султан Ахмед и его великий визирь Чорлулу Али-паша надеялись использовать присутствие Карла как козырь, который поможет улучшить условия мирного договора с Россией. Сначала дипломатия работала против Карла и привела к тому, что в начале 1710 года мирный договор был продлен, и стороны заключили соглашение об условиях его возвращения в Швецию. Но Карл отказался уезжать из Тигина и плел ин-

триги против Чорлулу Али, на которого он возложил ответственность за политику уступок России. Интриги, связанные с присутствием Карла и его сторонников на османской территории, привели к смещению нескольких высокопоставленных чиновников, в том числе и великого визиря, который впоследствии был казнен.

Более агрессивная политика в отношении России отчасти сложилась под влиянием Карла и других «северян», которые нашли убежище в Османской империи. Когда в конце 1708 года Карл двинулся на юг и вступил в пределы Украины, он надеялся на то, что скоро получит поддержку со стороны турок. Понятно, что Карлу и его сподвижникам, которые видели себя жертвами русской военной мощи, было выгодно убедить турок в том, что в их общих интересах остановить русское военное продвижение. Хотя в целом османское правительство не испытывало желания вступать в противоборство с Россией, были и те, кто выступал за решительные действия. Наиболее заметным среди них был крымский хан Девлет Гирей II. Антироссийская политика, которую он проводил независимо от турок, была столь же бескомпромиссной, как и политика Швеции. Крымские ханы издавна проявляли способность использовать в своих целях настроения правящих кругов Стамбула, а их самих назначали и заменяли в зависимости от того, в какой степени их деятельность была полезна для достижения более широких стратегических целей текущего момента. В данном случае высшее духовенство проявило желание прислушаться к мольбам Девлет Гирея, который выступал от лица тех, кто оказался на пути экспансии России на юг, а янычары горели желанием отомстить за случившуюся в 1696 году потерю Азова (которому Петр уделял почти такое же внимание, как и Петрограду—Санкт-Петербургу, который был его «окном на запад»).

Сообщения, приходившие с северных рубежей Османской империи, были лишним подтверждением того, что Петр представляет угрозу, и в ноябре 1710 года турки объявили России войну. Всю зиму шла подготовка к военным действиям, и 19 июля 1711 года авангарды двух армий (русскую армию возглавлял сам Петр) столкнулись друг с другом на реке Прут, притоке Дуная. В ту ночь подразделения татар переплыли реку, чтобы вступить в бой с русскими, а турецкие саперы обеспечили безопасность мостов через Прут, что позволило переправиться через реку остальной османской армии, которая намного превосходила русских. Войска Петра отошли на

некоторое расстояние от места боя на реке, и, хотя он обнаружил, что окружен, а все необходимые припасы заканчиваются, его солдаты на первых порах отражали бешеные атаки турок на их позиции. 22 июля, после того, как русские были атакованы силами, во главе которых стоял великий визирь и главнокомандующий, Балтаджи Мехмед-паша, Петр предложил условия, на которые Балтаджи Мехмед охотно согласился. Однако из-за увиливаний русских и нерешительности турок в отношении того, продолжать ли войну, Адрианопольский договор, как его называют на Западе, был ратифицирован только в 1713 году. По его условиям Россия теряла все, что она приобрела в 1700 году. Остается только догадываться, почему Балтаджи Мехмед не сумел до конца использовать свое несомненное преимущество, и строить гипотезы о том, смогла бы изменить ход истории более решительная позиция Османской империи. Утверждения, что туркам не хватало ресурсов или желания втягивать себя в очередную и, возможно, длительную войну, не представляются убедительными по причине действий султана, который уволил Балтаджи Мехмеда и заключил его в тюрьму. Спустя много лет, в 1763 году, Фридрих Великий спрашивал об этой битве на Пруте у изощренного османского политика Ахмеда Резми-эфенди, который тогда был посланником в Берлине. Ему было сказано, что отказ турок продолжать сражение был продиктован великодушием султана.

В октябре 1714 года Карл XII и окружавшие его громкоголосые «северяне» со своими спорами и раздорами (к тому времени Мазепа умер в Тигине, и в это окружение вошли преемник Мазепы, казачий гетман Пилип Орлик, а также посланник Карла при дворе султана, поляк Станислав Понятовский) наконец-то покинули территорию Османской империи. Но прежде они успели вывести из себя своих хозяев. В начале 1713 года двор Карла, расположившийся неподалеку от Тигины, был атакован находившимися в этой местности силами турок и крымских татар, которые взяли в плен и его самого, и некоторое количество его людей. Султан выразил гнев, но Карла и его людей сначала увезли в Димотику во Фракии, а затем в Эдирне, где короля вплоть до ратификации мирного договора с Россией держали как козырную карту. Великая северная война закончилась только в 1721 году. В 1718 году Карл был убит в Норвегии, где он сражался с датчанами, а Петр умер в 1725 году; и ни одному из них не пришел на смену монарх, наделенный такими же способностями, какими обладали эти двое.

Впрочем, история взаимоотношений Карла XII с турками не заканчивается вместе с его отъездом и даже вместе с его смертью. Он покинул Османскую империю, находясь в финансовой задолженности как перед султаном, так и перед частными заимодавцами. Поэтому, в 1727–1728 и 1733 годах в Стокгольм были направлены посланники, с целью выработки графика выплат по задолженностям султану, сумма которых составляла приблизительно три миллиона золотых талеров. В 1738 году наконец было достигнуто соглашение: османскому казначейству выплачивалась одна треть этого долга, а взамен остальной суммы был затребован полностью оснащенный семидесятипушечный фрегат и 30 000 мушкетов. По пути в Стамбул фрегат потерпел кораблекрушение неподалеку от Кадиса, но другой шведский военный корабль с грузом боеприпасов и десятью тысячами мушкетов на борту прибыл в пункт назначения, что вполне устроило турок. Оставшийся долг сочли погашенным, когда они приняли шведское предложение о поставке еще 6000 мушкетов.

Отправной точкой войны, которую Османская империя вела против Венеции на Пелопоннесе в период между 1715 и 1717 годами, стали восстания против османского правления в Черногории, которые были спровоцированы призывами Петра Великого оказать помощь своим единомышлителям на Балканах (похожими на призывы австрийского императора Леопольда, с которыми он обратился в 1690 году в разгар своей долгой войны с султаном. Сам же Петр выступил с ними в начале 1711 года.) После поражения Петра на Пруте черногорцы нашли убежище от османских властей на принадлежавших венецианцам территориях Далмации. Губернатору Боснии Нуман-паше (сыну бывшего генерала и великого визиря Кёпрюлю Фазыла Мустафы-паши, который после смещения Чорлулу Али-паши сам кратковременно занимал пост великого визиря) было приказано подчинить черногорцев, и он доложил в Стамбул, что Венеция нарушает условия Карловицкого договора. Турки объявили войну в январе 1715 года, и поскольку успех этой кампании главным образом зависел от военно-морской мощи, при подготовке флота уделялось особое внимание.

Ущерб, нанесенный этими призывами и тем, что по условиям договора турки потеряли Пелопоннес, был возмещен капитуляцией или взятием нескольких наиболее важных со стратегической точки

зрения крепостей полуострова. Однако Венеция заключила пакт о взаимной обороне с Австрией, которая опасалась, что победы турок станут угрожать ее границам в Хорватии. Вместо того чтобы вслед за первыми успехами кампании взять Венецию, как это мечтал сделать султан, туркам пришлось сражаться на двух фронтах — а этого никак не ожидало османское правительство. Переговоры оказались безрезультатными, и в 1716 году великий визирь Силахдар Али-паша повел армию на Белград, а флот отправился блокировать Корфу.

Некоторые члены правительства считали недальновидным вступить в войну с Австрией, но к их мнению не прислушались. Мобилизация проходила медленно, поэтому численность войск была недостаточной, и когда 5 августа армии противоборствующих сторон сошлись возле Петроварадина, который на последних этапах войны 1683—1699 годов служил австрийцам передовой базой, их силам под командованием принца Евгения Савойского потребовалось всего пять часов, чтобы наголову разбить турок. В этой битве Силахдар Али-паша был убит. Плохо шли дела и на Корфу, где новости о поражении под Петроварадином настолько обескуражили турок, что они сняли осаду. Из Петроварадина принц Евгений направился в Банат, и после нескольких недель осады крепость Тимишоара капитулировала. В 1717 году он привел австрийскую армию к великой победе над превосходящими силами противника, когда вновь изгнал турок из Белграда, а затем, двигаясь по долинам балканских рек, продолжил наступление на юг и, проникнув в глубь территории Османской империи, заставил встречавшееся на его пути население покидать свои дома и в панике бежать в Стамбул.

В течение восьми лет трансильванский князь Франциск II Ракоши боролся за то, чтобы добиться от Габсбургов терпимого отношения к своим сторонникам-кальвинистам и признания независимости Трансильвании, но в феврале 1711 года он был вынужден бежать в Польшу, а с 1713 года жил во Франции. В начале 1718 года его пригласили в Эдирне, и на аудиенции у султана был выработан план, согласно которому ему следовало попытаться восстановить княжество Трансильвания. Но прежде чем это случилось, турки согласились на условия мира с Австрией. Хотя он уже не мог оказать никакой реальной помощи туркам в Венгрии, с августа 1718 года и до самой своей смерти в 1735 году он и его свита считались гостями Османской империи и оставались в городе Текирдаг (Родосто), рас-

положенном западнее Стамбула, на северном берегу Черного моря, где он был поглощен планами противодействия Габсбургам.

После того как в мае 1718 года великим визирем стал Невше-хирли Дамад-паша, османское правительство проявило готовность подумать о заключении мира. Переговоры проходили в расположенном юго-восточнее Белграда Пожареваце (Пассаровице). Посредниками, как и в Карловице, были британский и голландский послы при дворе султана. За счет турок Австрия сохранила за собой Белград и Темешвар и сдвинула свои рубежи к Нишу. Это соглашение восстановило границы Венгрии и Хорватии в том виде, какой они имели до военных кампаний султана Сулеймана I. Помимо прочего, Австрия расширила доступ к торговле с территориями, входившими в сферу влияния Османской империи. Союзник австрийцев, Венеция, оказалась в еще более невыгодном положении, чем даже Османская империя: турки оставляли за собой Пелопоннес, а Венеция сохраняла свои завоевания в Далмации.

Войска Османской империи могли вести боевые действия на отдаленных рубежах, но повседневная деятельность правительства ни на минуту не останавливалась. Как только затихли самые неистовые проявления мятежа 1703 года и двор вернулся в Стамбул, в правительстве и в общественной жизни постепенно установилось некое новое равновесие. Сместили старых и назначили новых визирей; прибыли иностранные посланники, чтобы согласно традиции передать новому султану поздравления от своих монархов. Шах Ирана прислал «огромного слона».

Потрясение, вызванное условиями Карловицкого мира, и кризис, обусловленный «инцидентом в Эдирне», разрушили старые устои, но воспоминания о них постепенно стирались из памяти. И все же всевластие династии Кёпрюлю не было заменено всевластием Фейзуллы-эфенди, поскольку передача таких властных полномочий клерикальной династии потребовала бы невообразимых изменений в мировоззрении как представителей правящего класса, так и простых подданных султана. Принцип, согласно которому династии вельмож принимали законное участие в управлении государством, был установлен в тяжелые годы середины XVII столетия, когда сменявшие друг друга на высоком посту представители династии Кёпрюлю доказали, что они способны справиться с опустошительным хаосом, вызванным борьбой янычар, придворных и недоволь-

ных военных из провинций, предъявлявших свои претензии на долю властных полномочий. В начале XVIII века рухнула прежде используемая ими монополия на близкие отношения с правящей османской династией, и род Кёпрюлю стал единственной династией вельмож, получившей доступ к власти.

Султан Ахмед пытался сбалансировать власть вельмож и сделать так, чтобы их интересы совпадали с интересами османской династии. Помимо нескольких сыновей, у Ахмеда было тридцать дочерей, и на многих страницах хроник того периода сохранились отчеты об их рождении и свадьбах (но также и о том, как они умирали, поскольку многие из них скончались молодыми). Теперь, в отличие от османских принцев, которые на протяжении столетия находились в изоляции в султанском дворце, османские принцессы впервые должны были сыграть публичную роль. Освященная веками практика бракосочетания государственных деятелей с принцессами, которая гарантировала их преданность османской династии, нашла дальнейшее продолжение, поскольку теперь, если принцессы становились вдовами, их снова выдавали замуж за представителей других династий. Шесть дочерей Ахмеда заключили семнадцать браков: чаще других выходила замуж Салиха Султан, у которой было пять мужей. Новый международный ландшафт, который начал складываться после Карловица, привел к тому, что и внутри страны, и за ее рубежами возникла необходимость вновь определить характер и составные части османской державы, и в этом отношении плодovitость Ахмеда III оказала содействие расширению старой практики заключения браков между принцессами и государственными деятелями, что способствовало установлению стабильности среди династий вельмож, которые теперь получали часть властных полномочий османской династии.

Неписанный договор между султаном и вельможами давал последним, в обмен на их преданность, преимущества близости к царствующей династии, позволяя им удовлетворять потребности их собственных растущих династий. Таким образом, к расходам на ведение войны, куда традиционно уходила наибольшая часть государственных доходов, прибавились расходы на содержание и сохранение многих независимых династий, порожденных браками султанских дочерей. Для финансирования их причуд требовались деньги, поэтому шли поиски новых решений, позволявших оплачивать как предметы роскоши, на которые, по их мнению, они имели право,

так и благотворительную деятельность, которую они считали своей обязанностью. Реструктуризация налогообложения, начатая в 90-е годы XVII века в связи с вызванным войной истощением финансов (наиболее заметными приметами этой реструктуризации были реформа подушного налога и введение пожизненного права сбора налогов), совпала с явным оживлением в первой половине XVIII столетия региональной торговли, что помогло османскому государству восстановиться и позволило его состоятельным жителям еще больше разбогатеть.

Когда Ахмед вззошел на трон, введенная в 1695 году система пожизненного права собирать налоги все еще находилась в стадии эксперимента. Хотя теоретически на это право могло претендовать любое лицо мужского пола, вскоре стало ясно, кто получает пожизненную ренту с новой фискальной системы. Потенциальному покупателю нужен был доступ к финансовым средствам, чтобы на торгах, где эти должности выставлялись на продажу, подкрепить ими свое стремление получить пожизненное право собирать налоги, но гораздо легче это было сделать тем, кто уже был богат (например, высокопоставленным офицерам и представителям высшего духовенства) и кто мог использовать для этого государственные средства. Те, кто не обладал личным капиталом, достаточным для того, чтобы самому внести необходимый вклад, мог сделать это на паях с другими членами семьи или партнерами по бизнесу или занять деньги у финансистов-немусульман (главным образом у тех, кто жил в Стамбуле, и у армян), которые, имея доступ к европейскому капиталу, в значительной степени обеспечивали финансовые потребности османской экономики: на самом деле их участие было необходимым компонентом системы.

Не было недостатка в покупателях потенциально прибыльной должности сборщика налогов, и конкуренция повышала аукционную цену, что было выгодно казначейству. Не прошло и двух лет с момента введения новой системы, как казначейство, которое постоянно искало средства, чтобы финансировать продолжавшуюся войну, заставило власти расширить пределы стоимости выставлявшегося на торги пожизненного права собирать налоги. Первоначально эта система была предназначена для того, чтобы реорганизовать финансовое управление принадлежавшими империи земельными участками, которые уже сдавались в аренду по краткосрочным контрактам. Теперь участки, принадлежавшие визирю,

и земли, первоначально отведенные под содержание гарнизонов или кавалерийских подразделений, попадали под действие новых установлений.

Тех, кто покупал пожизненное право собирать налоги, вполне удовлетворяло обещание получить гарантированный источник доходов, но вскоре выяснилось, что выгодные условия, на которых вводилась эта система, оказались чрезмерно щедрыми, и в 1715 году, вскоре после того, как была объявлена война Венеции, права большинства пожизненных сборщиков налогов были аннулированы. В 1717 году незадолго до назначения Невшехирли Дамад Ибрагима-паши на пост великого визиря произошло очередное изменение политического курса, и эти права были возвращены их прежним обладателям за половину своей первоначальной стоимости. Вкладчиков особенно привлекали ликвидные активы, то есть доходы, получаемые от таких несельскохозяйственных налогов, как различные таможенные пошлины и акцизные сборы, которые росли по мере расширения торговли. Однако поразительно то, что ко времени вступления Ахмеда на престол система, также предназначенная для оживления сельского хозяйства восточной Анатолии и арабских провинций, вызвала географический перекося: самые дорогостоящие (а значит, и самые привлекательные) места для пожизненных сборщиков налогов оказались на Балканах, а не на востоке империи.

Еще одно изменение системы заключалось в том, что после 1714 года члены традиционного класса налогоплательщиков уже не могли претендовать на получение пожизненного права собирать налоги, даже если они и обладали достаточными средствами, чтобы его выкупить. В результате выгоду из этой системы извлекали главным образом члены мусульманской элиты — около тысячи бюрократов, военных и духовных лиц, преимущественно живших в Стамбуле, вдалеке от источников своих доходов. Главными бенефициариями системы стали и многие дочери Ахмеда III, а также его преемники (принцессы были единственными лицами женского пола, которые могли обладать пожизненным правом сбора налогов), они обладали земельными владениями и правами взимать таможенные пошлины, в особенности на Балканах. Управление сбором налогов в провинциях осуществлялось людьми, хорошо знающими местные условия, а получаемая ими доля с налоговой «выручки» заставляла их проявлять финансовый интерес к вознаграждениям, которые давало им это предприятие. В то время доступ даже самых состоятель-

ных провинциалов к вознаграждениям, которые приносил сбор налогов, был лишь незначительно расширен введением аукционов в центрах, расположенных за пределами Стамбула, поскольку на этих аукционах не выставлялось на продажу право взимать налоги с горожан и с торговли, например рыночные пошлины, и торги были ограничены сбором налогов с населения деревень и с доходов, которые приносило сельское хозяйство. Впрочем, мелким вкладчикам давали место на рынке: при удачном стечении обстоятельств они тоже могли скопить некоторое состояние, что побуждало их с благосклонностью относиться к новым финансовым установлениям, а значит, и к деятельности государства. Поддержка вельмож, которой Ахмед пользовался во время своего царствования, указывала на то, что поступившая в распоряжение государства новая система распределения вознаграждений вполне удовлетворяла тех, кто в иных обстоятельствах мог бы поставить под сомнение авторитет государства.

Экспорт сырьевых материалов (преимущественно зерновых, шерсти, хлопка и сухофруктов), которые потребляли зарождавшаяся в Западной Европе отрасли обрабатывающей промышленности, являлся одним из признаков новой экономической взаимозависимости, частью которой теперь становилась и Османская империя. С самого начала семнадцатого столетия основным центром экспортной торговли был Измир, а вторым крупнейшим центром постепенно становился порт Фессалоники. В XVIII веке уже не шерсть, а хлопок стал главной статьёй экспорта Османской империи. Для внутреннего потребления турки производили в маленьких мастерских простой и недорогой текстиль, но в начале XVIII столетия они попытались наладить производство более тонких и более специфичных тканей, поступающих из Европы, что позволило бы им снизить зависимость от импорта и ликвидировать дефицит таких тканей. Восстание 1703 года привело к резкому сокращению начатого при содействии Рами Мехмеда-эфенди производства шерстяных тканей, но в 1709 году производство возобновилось и продолжалось вплоть до 1732 года, когда оно было окончательно прекращено, потому что качество продукции оказалось недостаточно высоким, а цена не выдерживала конкуренции с импортной продукцией. Государственное производство парусины для военного флота началось в 1709 году и, несмотря на различные превратности, продолжалось до XIX века включительно. С 1720 года государство стало принимать участие и в производстве шелка, ткани, кото-

рой отдавали предпочтение богатые, но которая начиная с середины столетия уже не могла конкурировать с шелком, произведенным на отечественных частных фабриках.

С Англией издавна установились сердечные отношения, но в начале XVIII века, Франция заменила англичан и стала главным торговым партнером Османской империи. Отражением этого стало дальнейшее укрепление дипломатических отношений. У Франции и Османской империи была долгая история стратегических связей, в основе которых лежала их общая заинтересованность в оказании противодействия державе Габсбургов, а реорганизация французской торговли, проведенная после 1670 года по инициативе талантливого министра короля Людовика XIV, Жана Батиста Кольбера, позволила французским купцам извлечь выгоды из того, что в 1699 году военные действия были прекращены.

После войн Священной лиги и войн за Испанское наследство, после Великой Северной войны, после Карловица, восстания 1703 года и войн с Россией, Австрией и Венецией наступил мир и в Западной Европе, и вдоль западных рубежей Османской империи. Теперь не только война побуждала султана направлять посольские миссии своим европейским братьям. Именно в Париж был отправлен в 1720 году Йирмисекиз («Двадцать восемь») Челеби Мехмед-эфенди (получивший такое имя потому, что он принадлежал к 28-му янычарскому полку), который привез известие о том, что султан соблаговолил дать Франции разрешение отремонтировать церковь Гроба Господня в Иерусалиме. Это была информация, которую вполне можно было передать с гораздо меньшей помпой, сделав это даже через французского посланника в Стамбуле. Но согласно указаниям, полученным от великого визиря Невшехирли Дамад Ибрагим-паши, Челеби Мехмед должен был «посетить крепости и фабрики и тщательно изучить методы приобщения к цивилизованности и получения образования и сообщить о тех из них, которые подходят к применению в Османской империи». В сущности, он был первым официальным атташе Османской империи по культуре. Он следовал полученным инструкциям и, вернувшись на родину, представил полный доклад о сделанных им наблюдениях. За год до этого сам Дамад Ибрагим ездил в Вену, чтобы ратифицировать Пожаревецкий договор, и был хорошо осведомлен обо всем, чему можно было научиться за пределами Османской империи.

Наблюдения, сделанные Йирмисекиз Челеби Мехмедом-эфенди, оказали положительное влияние на тех, кто теперь пришел к власти, и они оценили пользу мирных контактов с Западом. Турки всегда были восприимчивы к технологическим инновациям, если им казалось, что они отвечают практическим потребностям и их можно приспособить к существующим культурным традициям. Так, еще до осады Константинополя они уже использовали артиллерию, а с XVI века — ручное огнестрельное оружие. К ужасу правящих кругов того времени, огнестрельное оружие было вполне доступно, и оно нарушило баланс власти внутри империи, вызвав значительные социальные потрясения, в особенности в Анатолии, поскольку по всей этой местности бродили вооруженные люди. Европейские напольные и ручные часы, фарфор и ткани, напротив, были безделушками, доступными и легко входившими в обиход состоятельных людей, просто новинками, явно не обладавшими потенциальными возможностями оказать вредное воздействие на существующий общественный порядок. Обмен такими товарами между империей и Западом имел долгую историю, восходящую к эпохе Возрождения, а в те годы, когда Невшехирли Дамад Ибрагим-паша занимал пост великого визиря, такие товары благодаря росту торговли стали намного доступнее, чем когда-либо прежде.

Быстрота, с которой такие потребительские товары входили в обиход тех, кто мог их себе позволить, была лишь одним из проявлений возрождения активной общественной жизни. Султан Ахмед III использовал публичные демонстрации и показное покровительство, чтобы способствовать достижению своей цели, заключавшейся в том, чтобы заставить удачу вновь повернуться лицом к османской династии. Расточительной церемонией он отметил состоявшуюся в 1709 году свадьбу своей старшей дочери, пятилетней Фатимы Султан (которая позднее вышла замуж за Невшехирли Дамад Ибрагим-пашу) и почти сорокалетнего Силахдара Али-паши. Дамад Ибрагим, который стал великим визирем в 1718 году, поддерживал стремление султана использовать публичные церемонии и демонстрации в качестве инструмента, с помощью которого он производил впечатление и на представителей правящего класса, и на тех, кем правили. В 1720 году роскошным пятнадцатидневным празднованием был отмечен обряд обрезания четырех уцелевших сыновей Ахмеда. В память об этом событии были выполнены два великолепно иллюстрированных манускрипта с прозой (один пред-

назначался султану, а другой великому визирю). Текст принадлежал перу Сеида Хусейна Вехби, а иллюстрации сделал художник по имени Левни, который был выдающимся придворным живописцем того времени. Эта книга была второй и последней книгой, посвященной монархическим празднествам: первой была книга, выпущенная в 1582 году в честь обряда обрезания будущего султана Мехмеда III. В сущности, торжества 1720 года представляли собой отголоски празднеств двух предыдущих веков, таких, как отмеченная в 1523 году свадьба злополучного Ибрагима-паши, который был великим визирем при султানে Сулеймане, или состоявшийся в 1530 году обряд обрезания сыновей султана, или отмеченный в 1638 году отъезд султана Мурада IV, собиравшегося изгнать Савфидов из Багдада. Одним из главных зрелищ торжественной церемонии 1720 года было шествие гильдий, похожее на то, которое Эльвия Челеби описывал в предыдущем столетии. На нем лавочники могли похвастаться своими товарами (как повседневного употребления, так и предметами роскоши) перед потенциальными покупателями, которые наблюдали за этим шествием, будь то османские вельможи, европейские послы или простолюдины Стамбула.

Мечеть Рабия Гюльнуш Эметуллах Султан заставляла вспомнить о той роли, которую валиде-султан играла в подтверждении законности правящей династии. Рабия Гюльнуш, являвшаяся матерью как Мустафы II, так и Ахмеда III, оставалась валиде-султан с момента восхождения на трон Мустафы, ставшего султаном в 1695 году, и до самой своей смерти в 1715 году. Согласно данным перечня, датированного 1702 годом, земельные угодья, которыми она владела, приносили ей доход, почти в три раза превышавший доходы с угодий великого визиря (за которым шли принцессы правящей династии, а за ними визири и члены династии крымских ханов), и в 1708 году она приступила к строительству храмового комплекса, выбрав для него весьма заметное место, возле пристани в Ускюдаре, напротив мечети дочери Сулеймана I Михримак Султан. Строительство было завершено через два с половиной года как раз перед тем, как армия выступила в поход против России. В 1722 году, через семь лет после ее смерти, было разрешено во время празднований священного месяца рамадан подвешивать фонари между минаретами этой мечети, что поставило ее в один ряд с такими крупнейшими храмовыми комплексами Стамбула, как Сулеймание, Султан Ахмед и Ени Валиде.

В условиях, когда впервые за все время существования государства власть была так широко распределена между османскими вельможами, очень быстро стало ясно, что стремление к установлению нового порядка не может и не будет ограничиваться пределами дворца Топкапы. Выросший в более свободной атмосфере Эдирне, Ахмед III возмущался теми ограничениями, с которыми ему пришлось столкнуться, когда двор вернулся в Стамбул. Спустя столетие, в 1837 году, знатная английская дама, мисс Джулия Парду отметила ту горячность, с которой султан Махмуд II реагировал на попытки своего главного архитектора убедить его в том, что Топкапы является более великолепным дворцом, чем любой дворец в Европе: «Никто не запретит мерзавцу или дураку сравнивать этот дворец... скрытый за высокими стенами и тенью деревьев, словно он боится света дня, со... светлыми, жизнерадостными дворцами, открытыми для атмосферы свободы и чистой радости небес». Может быть, султан Махмуд и говорил с такой горячностью, а может быть, и нет, но кажется вполне вероятным то, что Ахмед III испытывал подобные чувства. И у султанов, и у их министров всегда были расположенные на берегах Босфора охотничьи угодья и сады с весьма скромными павильонами и загородными домами из дерева и камня, которые использовались для неофициальных встреч. Но с восемнадцатым веком пришли перемены, и они стали строить обращенные к морю многоэтажные дворцы, впечатляющие фасады которых тянулись вдоль береговой линии. В своем письме супруга британского посла, леди Мэри Уортли Монтегю, посетившая Стамбул в 1717—1718 годах, упоминает о «нескольких сотнях великолепных дворцов», и это только те дворцы, которые были построены на берегах Босфора. Даже если здесь имеет место некоторое преувеличение, все равно данное сообщение является показателем того, что к началу 20-х годов XVIII столетия уже имел место строительный бум. Самый первый из построенных на берегу Босфора дворцов, некоторые из которых (лишь малая их часть открыта для широкого посещения) до сих пор сохранилась, это деревянный дворец в Анадолу-Хисары. В 1699 году его построил Амджазаде Хусейн-паша, который был великим визирем из рода Кёпрюлю.

Нувориши из числа османских вельмож 20-х годов XVIII столетия располагали свободным временем и деньгами, чтобы потакать своим прихотям. Собрания этого «фешенебельного общества» стали частыми, нарочито показными и выходили за рамки старого, огороженного стенами города Стамбула. Банкеты и развлечения,

которые часто продолжались несколько дней, проводились во дворцах, принадлежавших Ахмеду, а также членам его обширной семьи и других семейств. По словам одного современного историка архитектуры, «общество людей, сосредоточенных на собственных потребностях» впервые было встроено в «городской, направленный на общение с окружающими людьми» образ жизни. Эта чрезмерная коммуникабельность оказала воздействие на местную экономику, изменив сложившиеся модели потребления, например, продуктов питания, одежды и мебели. Что касается продуктов питания, то теперь стали чаще, чем раньше, употреблять в пищу оливковое масло, морепродукты и овощные блюда. Кроме того, люди с готовностью экспериментировали с новыми блюдами, а старые способы развлечений стали уступать место новым, по мере того как потребление кофе, и в особенности десертов (ставшее возможным благодаря увеличению потребления сахара там, где раньше преобладало потребление меда), стимулировало новые модели социальных отношений за пределами «столовой», в местах, отведенных для получения удовольствия от этих продуктов.

Отказавшись от традиции усиления мистической ауры династии путем уединения в загородных садах и парках, Ахмед стал открыто появляться перед своими подданными. Он укрепил популярность монархии, появляясь на виду у всех на палубах судов, как за полтора столетия до него это делала Елизавета Английская. Саймон Шама, написавший о том, как Елизавета «использовала реку [Темзу] в качестве сцены, на которой она соединялась со всеми своими подданными в блестяще продуманном торжестве единения с народом», цитирует одного современника, который рассказывает о том, что она «ведет себя на людях так непринужденно и относится к ним так снисходительно, что становится для них столь дорогой и желанной».

Но султан не мог взять и просто покинуть Топкапы, ведь это место традиционно считалось центром управления государством. Уже полстолетия дворец не являлся постоянной резиденцией султана, поэтому вполне естественно то, что Ахмеду, даже если он и надеялся останавливаться в нем как можно реже, следовало произвести косметический ремонт своего личного жилища. Главным объектом ремонта стала его комната в гареме, все стены которой были покрыты фресками с изображениями фруктов и цветов, представлявших собой яркие архитектурные украшения той эпохи. Подобные натуралистические мотивы встречались повсеместно,

будь то изображения, вырезанные на мраморе или нарисованные на бумаге в манускриптах. Портретная живопись тоже изменилась, когда влиятельный художник Левни написал крупным планом портреты султанов, в царствование которых он работал (Мустафы II и Ахмеда III). В его портретах особенно поражает правдивость передачи характера человека, отличительные черты которого он, похоже, усиливал, чтобы создать свойственный любому человеку образ. Поэтому дистанция между султаном и наблюдателем не кажется столь огромной.

Будущий судебный регистратор Мехмед Рашид-эфенди, который в то время был священнослужителем в Стамбуле, хорошо знал состояние финансовых дел империи. Он отмечал, что приблизительно в 1720 году, впервые за много лет, платежный баланс казначейства стал показывать активное сальдо: казалось, что финансовые реформы подтверждают свою эффективность. В следующем году султан Ахмед распорядился начать строительство самого величественного из всех дворцов, дворца Саадабад («Прибежище блаженства») на лугах, расположенных в верхнем течении реки Кажитане («Пресные воды Европы»), которая впадает в бухту Золотой Рог возле Эйюпа. Вельможи любили строить свои дворцы на берегах бухты Золотой Рог и на берегах Босфора, а луга, через которые текла Кажитане, издавна были местом, где горожане собирались для всякого рода развлечений и торжеств. Саадабад Ахмеда III придал концепции «садового павильона» новый смысл. Реку Кажитане направили в парк, и теперь она текла по облицованному мрамором каналу (следы которого все еще видны) в строго заданном, прямом направлении, тем самым определяя местоположение нескончаемых, симметричных фасадов дворцов сановников и придворных: дворец, принадлежавший самому султану, стоял на тридцати мраморных колоннах, а перед ним находился пруд. Дворцам давали причудливые названия: «Мост слона», «Первый водопад», «Серебряный канал», «Райская усадьба» и тому подобные.

Как и правление Сулеймана I в XVI веке, царствование Ахмеда III во многом находило параллели с царствованием его европейских современников (или монархов, живших в ту же эпоху), поэтому едва ли возможно удержаться от сравнения Саадабада с Версалем недавно скончавшегося Людовика XIV, с Летним дворцом и садами Петра Великого в Петербурге или дворцами, построенными в пригородах столицы Петра. Подобно Петру, который привез из своей, состоявшейся в 1716–1717 годах поездки по Западной

Европе альбом с видами садовых дворцов Людовика XIV в Версале и Фонтенбло и по возвращении в Петербург объявил, что новый дворец, который он там строил, должен «соперничать с Версалем», Челеби Мехмед-эфенди также вернулся домой, привезя подарок в память о своем пребывании во Франции: двенадцать гравюр Версаля, которые теперь входят в собрание экспонатов дворца Топкапы. Подобно царю Петру, султан Ахмед проявлял большой личный интерес к претворению в жизнь строительных проектов. Обстоятельства молодости вдохновили Ахмеда на строительство дворца Саадабад: как и Эдирне, он должен был стать местом уединения, где он мог наслаждаться не обремененной какими-либо ограничениями жизнью, которую пытались обрести за пределами Стамбула все его недавние предшественники. В названиях дворцов, построенных на берегах Кажитане, чувствуется некий иранский акцент, который отражает влияние двора Савфидов. Свидетельством этого влияния является и сам дворец Саадабад, и вообще художественные стремления того времени, в которых помимо иранского налета, чувствуется воздействие Версаля.

Простые люди извлекали пользу из причуд богатых, и не только по причине увеличения спроса на товары и услуги. Попечительство, в особенности со стороны султана и великого визиря, сделало возможным строительство таких общественно полезных сооружений, как многочисленные большие и замысловато украшенные фонтаны, которые появились во всех уголках Стамбула. Ночное освещение столичных мечетей, построенных в честь султанов и визирей, которое теперь осуществлялось чаще, чем когда-либо прежде, расширило пространство активной общественной жизни и придало ей новую форму, смягчило ограничения на свободу передвижения по городу, позволив даже беднякам выходить на улицу в темное время суток, хотя прежде в эти часы им приходилось оставаться в стенах своих домов. Эта новая свобода стала ключевым аспектом того, что в XX веке стали называть «эпохой тюльпана».

В стране росли тюльпаны, причем в изобилии. Эта восточная луковица, которая согласно одним источникам, попала в Европу в середине XVI века благодаря деятельности Огиера Гизелина де Бусбека — посла Габсбургов при дворе султана Сулеймана I, а по другому, недавно выдвинутому предположению, еще раньше, уже давно приобрела среди знатных людей Стамбула такую же популярность, какой она пользовалась среди европейских дворян. Начиная с XVI века тюльпаны становились частью рисунков тканей, их изоб-

ражали на гончарных изделиях, на кафеле и на страницах книг, их лепными изображениями украшали фонтаны. В 30-х годах XVII века Эвлия Челеби писал о садах тюльпанов на берегах Босфора и даже упоминал о том, что в его время, один вид тюльпанов назвали в честь реки Кажитане. С тех пор прошло почти столетие, и тюльпаны стали средством утешения турок, которые понесли потери в войне. Тысячи луковиц, ввезенных при Ахмеди III, прибыли в страну из Нидерландов, которые являлись центром торговли тюльпанами. Более всего турецкие любители тюльпанов ценили и пытались довести до совершенства разновидность этого цветка, которая называлась «миндалевидным тюльпаном с лепестками в форме кинжалов». Турки знали о том, что нерегулируемый рынок мог привести к полному разорению, и продажу очень многих имевшихся в наличии разновидностей приходилось контролировать с помощью системы официального ценообразования, которая должна была ослабить неизбежную спекуляцию этим самым ходовым товаром. Голландцы уже сталкивались с такой «тюльпаноманией» в конце 20-х и в 30-е годы XVII столетия, и она была увековечена Александром Дюма в его романе «Черный тюльпан». В 1726 году французский посол в Стамбуле так описал одну из причуд великого визиря Невшехирли Дамад Ибрагим-паши, который был любителем тюльпанов:

В саду великого визиря имеется 500 000 луковиц. Когда тюльпаны в цвету и великий визирь желает похвастаться ими перед Важной Персоной, его люди заботятся о том, чтобы заполнить все пространство тюльпанами, взятыми из других садов и вставленными в бутылки. У каждого четвертого цветка в землю вставлены свечи такой же высоты, как сами тюльпаны, а проходы укорашены клетками с разными птицами. По всему периметру расставлены вазы с цветами, и он освещен огромным числом хрустальных светильников различного цвета... Отражения этих разноцветных светильников в зеркалах производят удивительное впечатление. Освещение дополняет шумная музыка, и эта турецкая музыка играет день и ночь, пока цветут тюльпаны. Все это делается на средства великого визиря, который в течение всего времени цветения тюльпанов принимает у себя и кормит Важную Персону и его свиту.

Но «эпоха тюльпана» приносила людям не только радость. Духовным дополнением к показным пиршествам, званым приемам и

успехам царствования Ахмеда III были посещения зала, в котором хранилась священная накидка Пророка. Эти визиты совершал он сам и его свита из государственных сановников. До XVIII столетия визиты в этот зал совершались регулярно лишь во время восхождения на престол нового султана. При султани Ахмеди такие посещения стали детально разработанной государственной церемонией, которая совершалась ежегодно в пятнадцатый день месяца рамадан, в полнолуние, которое наступает в день, знаменующий середину самого священного месяца исламского календаря. За день до этого султан принимал участие в ритуальном очищении этого зала и подготовке накидки к демонстрации. Составленная в то время «книга церемоний» дает точное описание деталей этого обряда (в схематичном стиле она по порядку старшинства, определяла участников этого обряда, то, как они должны быть одеты и какие молитвы им следовало читать).

У султана Ахмеда появилась еще одна возможность напомнить своим подданным о том, что для османской династии религия является важной частью жизни. Она представилась во время обрядовой церемонии, которая символизировала религиозные нравочения его юным сыновьям и совершилась с большой помпой вскоре после впечатляющих торжеств 1720 года, которыми было отмечено их обрезание. Юным принцам Мехмеду, Мустафе и Баязиду было только по три-четыре года, когда султан и высшие светские и духовные должностные лица государства приняли участие в церемонии, проходившей в Жемчужном павильоне, расположенном на морском побережье, южнее дворца Топкапы. Забота султана о своем народе была подтверждена тем фактом, что в одно время с его собственными сыновьями были обрезаны пять тысяч мальчиков из бедных семей.

Еще один жест, подчеркивающий привязанность власть предержащих к празднованиям священных дат мусульманского календаря, был сделан Дамад Ибрагим-пашой, придавшим более экстравагантную форму пиршествам, которыми традиционно отмечалось окончание месяца рамадан. В 1721 году вскоре после назначения на пост великого визиря, он устроил пир в Эйюпе, после которого он и его свита вернулись в Стамбул с большой помпой. Со временем эти пиры стали еще более роскошными и на протяжении всего столетия оставались такими благодаря стараниям Махмуда I и его преемников, которые рассматривали их как способ производить впечатление на придворных и на простых людей, убеждая их в на-

божности султана и его непреходящей значимости как главы государства*.

Несмотря на свои сомнения относительно придворного общества, представители духовного сословия легко становились его частью. В месяц рамадан они читали наставления в присутствии Дамад Ибрагим-паши, и во время этих чтений высокопоставленные священнослужители принимали участие в ученых диспутах, на которых обсуждались места из Корана или традиции Пророка. Тщательно подбирался текст, который выносили на обсуждение: среди мест из Корана, которые обсуждались в 20-е годы XVIII столетия, были отрывки, имевшие отношение к такому понятию, как «победа», что было весьма злободневной темой в контексте иранских военных кампаний, которые начались в 1722 году.

Когда деятельность в духовной сфере стала в гораздо большей степени отвечать целям династии, ею стали манипулировать, чтобы дать султану большие правовые возможности и расширить круг его союзников. В жизни духовенства происходили и менее заметные изменения: оно становилось все более и более похожим на некую «закрытую корпорацию». Были семьи, которые в прошлом дали государству не одного шейхульислама. Теперь, и это было существенно, только династии священнослужителей стали пользоваться монополией на получение этой и других церковных должностей, и стал неукоснительно соблюдаться принцип династического наследования высших постов духовной иерархии. Шейхульислама Фейзуллу-эфенди могли убить, но его наследников реабилитировали, и они снова поднялись наверх, когда на троне оказался новый султан, Ахмед III. В период между 1703 годом, когда был убит шейхульислам Фейзулла-эфенди и на трон взошел Ахмед III, и 1839 годом, три семьи, в том числе семья Фейзуллазаде, дали стране 13 из 58 шейхульисламов, а поскольку шейхульисламов часто смещали, а потом снова назначали, то за ними числилось 20 сроков пребывания на этой должности из 76. Подобные династии были у военных и у чиновников, но поскольку среди священнослужителей высокого ранга можно было найти значительное количество отпрысков военных и бюрократов, принятое в 1715 году законодательство ограничило их проникновение в сферу духовной деятельнос-

* Сегодня во время месяца рамадан политики по вечерам устраивают банкеты в надежде получить голоса, а бизнесмены желают произвести впечатление своей щедростью.

ти, что было выгодно сыновьям священнослужителей и давало официальное разрешение на кумовство. Как и в сфере налогообложения, где именно столичные вельможи получили возможность пользоваться чем-то вроде монополии на систему пожизненного права собирать налоги, так и в духовной сфере именно столица получила монополию на воспитание кандидатов стать священнослужителями. «Новое кумовство» противоречило традиционным государственным «предписаниям» воспроизводить объединенный общими интересами привилегированный класс (подлинную аристократию), способный противостоять вызовам, брошенным его власти и власти султана, с которыми на протяжении XVII века сталкивалась деградировавшая система государственной власти.

Взаимоотношения великого визиря Невшехирли Дамад Ибрагим-паши и султана Ахмеда имели сходство с имевшими место в начале столетия взаимоотношениями шейхульислама Фейзуллы-эфенди и султана Мустафы II, и он точно так же сумел использовать их во благо своей обширной семьи. Члены семейства Дамад Ибрагима Невшехирлизаде обладали значительным влиянием, так как должности в имперском совете были монополизированы его людьми: один зять Дамад Ибрагима был его заместителем на посту великого визиря, а другой являлся главным адмиралом. Сам он женился на старшей дочери султана Ахмеда, Фатиме Султан, а другие члены его семьи вступили в браки с остальными тремя принцессами. Еще не будучи великим визирем, Дамад Ибрагим уже устраивал браки между членами своей семьи и членами османской династии и выстраивал сеть, состоявшую из людей, находившихся под его покровительством. Он не терпел никакого соперничества: члены семьи Кёпрюлю (Абдулла-паша и Эсад-паша, являвшиеся сыновьями Фазыла Мустафы-паши, а также бывший великий визирь Нуман-паша) получили назначения в отдаленных провинциях империи, что было их уделом и в годы возвышения Фейзуллы-эфенди.

Невшехирли Дамад Ибрагим-паша находился на посту великого визиря в течение двенадцати лет, и это был редкий период стабильности государственного управления, сравнимый с тем, который имел место во время пребывания на этом посту Фазыла Ахмед-паши. Шейхульислам Енишехирли Абдулла-эфенди также находился на своем посту в течение двенадцати лет. Зять Дамад Ибрагима, главный адмирал, оставался на своем посту девять лет, министр финансов, Хаки Ибрагим-эфенди, — десять лет, канцлер Ючанбарли («Три амбара»)

Мехмед-эфенди — двенадцать лет. Однако дольше всех из окружения этого султана на своей должности оставался главный черный евнух Хаки Бешир-ага, который, несмотря на свою коррумпированность (а возможно, и благодаря ей), получив назначение на должность в 1717 году, продержался на ней целых 29 лет.

Хотя Невшехирли Дамад Ибрагим-паша вызывал восхищение у приезжавших в Стамбул европейцев (как и у многих современных авторов), видевших в нем просвещенного реформатора, который пытался сделать империю частью современного ему мира, турецкие оценки того времени были менее восторженными. Его приверженность мирной политике явно не устраивала некоторые слои общества. Они считали, что для Османского государства оборонительная позиция является предательством всего того, за что оно боролось. Большинство османских хронистов XVIII и XIX столетий, в лучшем случае, возлагали на Дамад Ибрагима ответственность за насаждение чуждых идей, а также за чрезмерное налогообложение и кумовство. Они видели в нем расточителя государственных ресурсов, излишне либерального в своем отношении к тому, что вельможи вели праздный образ жизни в своих парках и дворцах, а в худшем случае, винили его в том, что он дал зеленый свет сексуальному распутству, которое разрушило отношения между мужчинами и женщинами. Кроме того, хронисты сожалели о том, что и у простых людей появилась возможность принимать участие в этих развлечениях и подражать вышестоящим.

Дипломатические соглашения, достигнутые в Карловице в 1699 году и в Пожаревце в 1719 году, принесли мир на западные и северные рубежи Османской империи и стали той ценой, за которую богатые и влиятельные получили некоторую отсрочку и могли наслаждаться красотами Саадабада и новых босфорских дворцов «эпохи тюльпана». Казалось, что султан Ахмед завоевывает сердца и души своих подданных и что он и Невшехирли Дамад Ибрагим-паша были правы, считая, что, удовлетворив интерес толпы к жизни представителей царствующей династии и вельмож, они принесут пользу всему стамбульскому обществу. Но вскоре жизнь показала, что они ошибались. Значительные демографические изменения, наблюдавшиеся во время войны со «Священным союзом», когда армия Габсбургов продвигалась по территории Османской империи, а также установление новых границ после переговоров в Карловице и Пожаревце, заставило отчаявшихся османских мусульман, оказавших-

ся по ту сторону границ, установленных этими мирными договорами, бежать через Балканы, на юго-восток, в направлении столицы. По мирному договору в Пожаревце Пелопоннес был возвращен Османской империи, но в годы между двумя договорами наблюдалась миграция из этого региона, которая совпала с миграцией из навсегда потерянной Венгрии, а также Трансильвании и Подолии. Если раньше империя вела войны на вражеской территории, то после 1683 года военные действия шли уже в пределах границ самой империи. Это усилило процесс вытеснения турецкого населения, и в городе, где поддержание общественного порядка даже в лучшие времена представляло собой сложную задачу, вновь прибывшие не находили радушного приема. Из них формировались низшие слои общества, присутствие которых привело к прямому столкновению с интересами торговцев и ремесленников Стамбула. Когда иммигранты занялись поисками работы, старожилы города стали с горечью жаловаться на то, что это является посягательством на их ревниво оберегаемые привилегии. На протяжении 20-х годов XVIII столетия неоднократно издавались предписания, согласно которым иммигранты, прибывшие в Стамбул, должны были вернуться туда, откуда они прибыли, а местным властям Румелии было приказано упорядочить их перемещение. Однако от простых увещеваний, пусть даже и выраженных в самой строгой форме, было мало пользы.

Рост численности низших слоев общества, состоявших из перемещенных и лишенных имущества лиц, а также едва сдерживаемая неприязнь со стороны занятых в торговле коренных горожан и социальное неравенство стали заметнее, чем когда-либо прежде, и жестокие проявления народного гнева показали, что пропасть между теми, кто выставляет свое богатство напоказ, и остальными угрожающе расширяется. В 1726 году толпа в течение десяти ночей забрасывала камнями дворец султана Ахмеда в Бешикташе, заставив его переехать в одну из резиденций, расположенных на берегах Золотого Рога. В 1727 и 1728 годах в Измире наблюдались столкновения между янычарами и войсками, подчинявшимися представителю правительства в этом городе. Вызванные спорами относительно сфер влияния, эти столкновения переросли в длительный мятеж, в котором приняли участие те представители различных слоев населения, которые были недовольны существующим положением дел. Пришлось вмешаться Стамбулу, но все кончилось тем, что зачинщики мятежа сбежали. Что касается пожизненного права собирать

налоги, то оно приумножало богатства тех, кто уже был настолько богат, что мог принимать участие в торгах, и приносило доходы их доверенным лицам. В то же время таким людям, как торговцы и ремесленники, предоставлявшие товары и услуги тем, у кого были деньги, чтобы их оплатить, а также тем, кто платил налоги, эта система открывала путь к небывалому спросу на их товары и услуги, а также к юридическим спорам о праве на сбор налогов, и в этих спорах они неизбежно становились проигравшей стороной.

На самом деле апатия османского двора и династий вельмож вызвала все большую и большую неприязнь, и к тому времени, когда государственные деятели стали это понимать, было уже слишком поздно, чтобы утихомирить беспокойство народа.

Если не считать всплеска военной активности, вызванной тем, что в 1696 году Петр Великий взял Азов, мало что нарушало мир на востоке, установленный благодаря мирному договору 1639 года, подписанному в Зухабе между Османской империей и сефевидским Ираном. В первые десятилетия XVIII века в Иране были свои внутренние проблемы, и в 1720 году султан, страстно желавший получить сведения о том, что творится в этой стране, отправил к шаху Хусейну своего посла, Ахмеда Дюрри-эфенди. Официально целью этого визита являлись консультации с Сефевидами в отношении турецко-австрийского торгового соглашения 1718 года, в котором имелся пункт, регулирующий проезд иранских купцов по территории Османской империи. В 1721 году афганские суннитские племена вторглись в Иран с востока и в следующем году взяли столицу Сефевидов, город Исфахан. Шиитская династия Сефевидов пала, а Россия в обмен на территориальные уступки согласилась помочь остаткам государства Сефевидов в их борьбе с афганцами. Турки опасались, что нестабильность распространится и на их, граничившие с Россией, кавказские регионы, и поэтому, выдвинув в качестве оправдания своих действий стародавнее обвинение в том, что Сефевиды не являются истинными мусульманами, воспользовались замешательством и оккупировали северо-западные провинции Ирана, которые до 1639 года в разное время находились под их властью. Возникла угроза столкновения между Османской империей и Россией, но возобладала дипломатия, и в 1724 году этими двумя государствами при содействии французских посредников были согласованы условия раздела северо-западного Ирана, и турки добились

того, что русские признали их территориальные приобретения. Любопытным аспектом соглашения с Россией является то, что, несмотря на выдвинутое ими религиозное оправдание своих действий, турки решили оказывать поддержку не афганцам, а восстановлению династии Сефевидов.

Но мир в Иране оказался кратковременным. У Сефевидов не было никаких надежд остановить афганское наступление, а у афганцев хватило дерзости использовать против турок их же казуистику. Они обратились к султану с просьбой признать их законными правителями Ирана на основании того, что иранские шииты являются еретиками и что их клеймят точно так же, как клеймят еретиков в Османской империи. В Стамбуле этот призыв не произвел никакого впечатления: афганцев считали мятежниками, и двухлетняя война, которая последовала за этим обращением, закончилась в 1728 году, когда Мехмед Рашид-эфенди (смещенный с поста придворного летописца, который он занимал в период между 1714 и 1723 годами) был направлен Ахмедом III в Иран, чтобы ратифицировать мирный договор между турками и афганцами. Вскоре афганцы были свергнуты Надир Ханом (которого также называли Тахмасп Кули Ханом) из туркменского племени Афшар. Этот энергичный военный лидер противостоял туркам и 12 августа 1730 года забрал у них город Тебриз, который они взяли в 1725 году. Как и прежние войны на Западе, эта война с Ираном породила очередную волну сельских иммигрантов, пробиравшихся в Стамбул.

Ощущая развитие событий, приведенных в движение началом нового периода военных действий против Ирана, Невшехирли Дамад Ибрагим-паша, в целях повышения морального духа, предложил султану Ахмеду возглавить свою армию во время кампании 1730 года. Это был не первый случай, когда он сопровождал свою армию: в 1715 году в начале борьбы с Венецией за право владения Пелопоннесом, а потом и в 1717 году, когда был потерян Белград, он выступал в поход вместе со своими солдатами, но при этом всегда оставался далеко за линией фронта. К исходу июля 1730 года началось сосредоточение армии на сборном пункте в Ускюдаре, а к 3 августа войска были приведены в порядок и ожидали султана, чтобы из Стамбула переправиться на другой берег Босфора. Когда выяснилось, что султан и не думает появляться перед армией, Дамаду Ибрагиму оставалось предполагать, что монарх решил не возглавлять свои войска в их походе на восток. Он тотчас поспешил обра-

титься к султану с мольбами не откладывать поход, напомнив ему о том, что если он не появится, то это несомненно приведет к мятежу янычар. Стремление превзойти своих предшественников на восточных рубежах весьма отличалось от идеи сделать это на Балканах, и все же только после многочисленных просьб и консультаций с главнокомандующим янычарами Дамад Ибрагим сумел убедить Ахмеда в том, что ему необходимо появиться в Ускюдаре (что тот и сделал с большой помпой после того, как прибыл в Эйюп, где при стечении публики, среди которой были иностранные послы, он совершил торжественную церемонию опоясывания мечом, словно это была коронация).

По неудачному стечению обстоятельств как раз в это время в Стамбул пришло известие о падении Тебриза, сдавшегося НаDIR Хану. Всего за месяц до этого бежал со своего поста турецкий комендант крепости Хамадан, и вот теперь сообщалось о том, что то же самое сделал и комендант Тебриза. Когда по столице пошли слухи о том, что поход вот-вот будет отложен, войска все еще продолжали стоять в Ускюдаре. Казалось, что ни султан, ни великий визирь не горят желанием взять на себя командование. Покинув место сбора войск, оба удалились в свои дворцы, находившиеся на берегу Босфора. Уровень общественного недовольства был настолько высок, что потом они опасались выезжать из города, поскольку было понятно, что за этим последует бунт. И священнослужители, и янычары таили обиду на Невшехирли Дамад Ибрагим-пашу, причем первые по причине того, что он поддерживал кумовство, а янычары — потому что им уже не в первый раз пришлось убедиться в том, как трудно приспособиться к переменам, а также к новому дипломатическому курсу и примирению с давним врагом.

Все больше теряя терпение, армия продолжала свое ожидание в Ускюдаре, получив малоутешительные сведения о том, что все внимание уделяется обеспечению похода всем необходимым. Особое раздражение испытывали торговцы и ремесленники. Издавна османские торговцы сопровождали войска в походе, во время которого продавали взятые с собой изделия военным. Однако на сей раз они стали жертвами недавно введенного обременительного налога: от них потребовали оплатить сбор на то, что они ожидали получить с этого похода, причем по ставке, которую они считали завышенной. Этот налог казался еще более несправедливым, потому что не было покупателей. Торговцы вложили деньги в товары, которые они

собирались продавать солдатам, но покупателей они так и не нашли. 8 сентября султан наконец вышел из оцепенения и объявил, что армию поведет великий визирь.

В Стамбуле было множество людей, недовольных своей судьбой, но главной движущей силой мятежа, вспыхнувшего 28 сентября 1730 года, стала пестрая смесь, состоявшая из торговцев и бывших солдат, общей численностью не более 25–30 человек. Некоторые из них уже принимали участие в беспорядках, таких как, например, волнения в Измире. Имевшие место в 1727–1728 годах, они стали предвестниками волнений, которые теперь охватили Стамбул. Их первоначальные попытки получить поддержку на городском базаре и со стороны янычар имели лишь ограниченный успех, и европейские наблюдатели, которые в то время находились в городе, единодушно утверждали, что этот бунт можно было бы подавить, если бы власти действовали без промедлений. Когда о беспорядках стало известно султану, он вызвал во дворец, находившийся в Ускюдаре, всех своих советников. В тот же вечер, трепеща от страха, султан и государственные сановники под покровом тьмы переправились через Босфор и оказались в более безопасном для них дворце Топкапы. Но они так и не решились, что же им делать дальше.

Следующий день был пятницей, то есть священным днем, когда после полуденной молитвы люди по традиции выражали свое недовольство и политические протесты. Теперь бунтовщики вели себя уже более дерзко. Поначалу к разрастающейся толпе присоединялись только неимущие, те, для кого в жизни города не нашлось места, но вскоре бунтовщикам удалось переманить на свою сторону и рядовых янычар. Однако, как это часто случалось во время беспорядков в прежние времена, бунтовщики и на сей раз почувствовали необходимость подкрепить свои действия правовой санкцией. Вскоре они получили фетву, которую дал какой-то податливый священнослужитель низкого ранга, желавший поддержать их действия. Неспособный доверять своим войскам, султан поручил нескольким офицерам дворцовой стражи выяснить у бунтовщиков, в чем причины их недовольства, и приказать им разойтись. Они отказались, требуя, чтобы им выдали 37 чиновников, которые должны были ответить на предъявленные им обвинения. В число востребованных ими чиновников входили: великий визирь и один его зять, другой зять, главный адмирал, проявил некоторое сострадание к тяжело-му положению бунтовщиков. Этот мятеж следовал по уже привыч-

ной схеме: его участники не делали никаких конкретных заявлений по поводу того, чем вызвано их недовольство, требуя лишь выдачи им сановников султана.

Что касается самого султана, то он вынес священное знамя Пророка и призвал всех богобоязненных мусульман сплотиться вокруг него. Это была старая уловка, которую успешно использовал его дед, султан Мехмед IV, во время мятежа, вспыхнувшего в Стамбуле в 1651 году. Но в данном случае это не принесло никакой пользы, и мятежники повторили свои требования, настаивая на том, чтобы им выдали Невшехирли Дамад Ибрагим-пашу и шейхульислама Енишехирли Абдуллу-эфенди. Ахмед не хотел отдавать Дамад Ибрагима, но среди его окружения нашлись люди, считавшие, что выдача великого визиря спасет их собственные шкуры. На третий день волнений мятежники перекрыли водоснабжение дворца Топкапы и блокировали доставку продуктов питания. Главный черный евнух Хаки Бешир-ага велел силой отобрать у великого визиря его должностную печать, и лишенный иного выбора султан вынужден был отдать распоряжение о казни Дамад Ибрагима и его обоих зятьев. Непонятно, почему на этот раз они оба вызвали гнев мятежников. Дамад Ибрагим отдалил от себя многих представителей правительственных кругов и теперь, во время кризиса, обнаружилось, что он не может рассчитывать даже на своих ближайших союзников. Когда выяснилось, что мятежники штурмуют дворец, спешно была сделана опись имущества осужденных, и приговоры были приведены в исполнение. Три тела передали толпе, которая пронесла их по всему городу. Возникли некоторые сомнения относительно того, действительно ли одно из тел является трупом Дамад Ибрагима, или его спрятали во дворце.

Несмотря на то, что Дамад Ибрагим и оба его зятя были казнены, толпа не расходилась. Теперь она требовала смещения самого султана Ахмеда. Узнав об ультиматуме, султан спокойно пошел к Махмуду, сыну своего брата Мустафы II. Он вывел Махмуда и двух его старших сыновей из гарема и приказал служащим дворца принести клятву верности Махмуду, которого назвал своим преемником. Эта мирная передача власти султана отразилась и на состоянии города, которому был нанесен на удивление незначительный материальный ущерб, а поскольку у султана Ахмеда не было надежных войск, с помощью которых он мог бы подавить мятеж силой, то все обошлось минимальным количеством человеческих жертв.

Одной из самых заметных жертв этих беспорядков стал османский посланник, который посетил Версаль, Челеби Мехмед-эфенди: как и другие лица, связанные с режимом Ахмеда III, он был отдален от двора и выслан на Кипр, где и скончался в 1732 году.

Мятежники сформировали альтернативное правительство, выдвинув собственных кандидатов, которые должны были занять государственные должности, ставшие вакантными после смещения ближайших советников Ахмеда. Проявляя осторожность, новый султан пригласил вожака бунтовщиков, некоего Патрона Халила (албанца, в честь которого и был назван этот мятеж, а прозвище связано с названием корабля, на котором он когда-то служил), изложить свои жалобы во дворце. В качестве ответной реакции султан отменил некоторые из налогов, введенных Невшехирли Дамад Ибрагим-пашой. Но оказалось, что спокойствие не так просто купить. Предпринятые Дамад Ибрагимом меры экономии включали в себя сокращение чрезмерной численности султанских войск. Теперь бунтовщики внесли в списки личного состава всех, желавших поступить на военную службу, и армия пополнилась тысячами новобранцев. Это свело к нулю предпринятые Дамад Ибрагимом благие начинания. Очевидец этих событий, о котором нет никаких сведений кроме его имени, некий Абди, оставил следующее письменное свидетельство: «сколько бы ни было человек в семье, женщин, мужчин, внебрачных детей, каждого из них брали на учет, а потом записывали в султанские войска; так разворовывалась государственная казна». По сравнению с теми недолгими днями, которые предшествовали свержению Ахмеда III, последующая ситуация была гораздо опаснее, поскольку теперь реальная власть в Стамбуле, то есть в сердце государства, находилась в руках Патрона Халила и его сторонников.

Патрона Халил был выходцем из народа и являлся его защитником, а его грубые манеры глубоко оскорбляли представителей османских правящих кругов. Так, в Эйюпе во время традиционной церемонии опоясывания султана мечом он скакал впереди султана Махмуда, одетый в простую одежду и босиком. Мать султана, околдованная его обаянием, похожим на то, которым обладал Распутин, называла его не иначе как «мой второй сын» и осыпала любезностями, когда он посещал ее дворец. Улицы были заполнены его сторонниками и его протеже, которые кормились за счет казны. Через восемь дней после того, как Махмуд взшел на трон, он решил,

что настало время восстановить порядок. Был достигнут компромисс: толпа согласилась разойтись, когда люди поняли, что никто из них не будет наказан за свое участие в бунте и что им разрешается держать под ружьем собственный небольшой отряд. Но параллельная администрация бунтовщиков успешно вмешивалась в процесс назначения людей султана на государственные должности, хотя это являлась прерогативой нового султана. Прежде вожаки бунтовщиков не стремились захватить высшие должности, но теперь они начинали понимать, что их единственной надеждой на спасение является официальное включение в аппарат государственного управления, и потребовали права самим делать такие назначения. Сам Патрона Халил, который явно испытывал стремление вернуться в море, хотел стать главным адмиралом.

Через месяц после того, как вспыхнул бунт, стало ясно, что между вожаками мятежников и янычарами напряженные отношения, а случившееся 5 ноября убийство одного из их офицеров сделало эту напряженность необратимой. Во дворце поддерживали желание янычар положить конец правлению плебея. К тому же общественное мнение уже было к этому готово. На тайном совещании правительство решило, что об открытом подавлении Патрона Халила и его сторонников не может быть и речи, поскольку это может увеличить число их последователей. Зная о том, что зреет заговор, вожаки бунтовщиков дали понять, что если будет объявлена война Ирану или России, они покинут Стамбул и отправятся на фронт. Но это было неприемлемо для правительства Махмуда, и было принято более продуманное решение: Патрона Халила и других вожаков пригласили посетить совещание, на котором, как им сказали, будет удовлетворено их требование получить государственные должности. Когда они прибыли во дворец, их разделили на маленькие группы, и, пока они ждали, когда султан дарует им халаты в честь назначения на обещанные посты, люди султана убили сначала главных зачинщиков, а потом и всех остальных. Поскольку с приема во дворце никто не возвращался, ожидавшая снаружи толпа стала интересоваться, что же случилось, но потом из дворца стали выносить окровавленные тела главарей бунтовщиков. Этого оказалось достаточно, чтобы лишить мужества тех, кто продолжал тешить себя надеждой на благополучный исход, и многие из них бежали из города или исчезли из вида. Султан издал указы, по которым всех сбежавших мятежников следовало арестовывать повсюду, где только их могли обнаружить. Согласно подсчетам французского посла, мар-

киза де Вильнева, после резни во дворце за четыре дня было убито более тысячи человек.

Хронист Шемданизаде («Сын изготовителя подсвечников»), Финдиклили Сулейман-ага, был еще ребенком, когда происходили вышеописанные события, и, должно быть, слышал о них от своего отца, который был государственным служащим. Особо он упоминал некоего Кабакулак («С распухшими ушами») Ибрагим-пашу, который во время своей многолетней службы в Египте приобрел репутацию безжалостного человека. Он считал, что именно этот человек сыграл значительную роль в подавлении бунта под предводительством Патрона Халила, и сравнивал его с двумя великими визирями прежних лет: Куйюку Мурад-пашой, который в 1607 году успешно воевал в Сирии с мятежниками Канбуладоглы Али-паши, а в 1609 году сражался с джелали и Табаниясси Мехмед-пашой, который в 1632 году подавил восстание в Стамбуле. Кабакулак Ибрагим был великим визирем в течение всего нескольких месяцев начиная с января 1731 года и был смещен осенью того же года.

Многим бунтовщикам удалось избежать кары, и в марте 1731 года они отомстили за смерть своих товарищей. Разграбив город, они пошли в сторону казарм янычар и других султанских полков, а потом двинулись в направлении дворца. Очевидец по имени Абди отметил, что среди тех, кто на этот раз присоединился к протестующим, были люди, которые совсем недавно прибыли в Стамбул, люди, которых сам он явно считал отбросами общества, — цыгане, армяне, османские греки, евреи, курды, боснийцы, анатолийские мусульмане (турки) и правоверные мусульмане с Балкан. Однако на сей раз священное знамя произвело свое магическое действие: многие сплотились под ним по призыву султана, а мятежникам так и не удалось получить поддержку горожан. Когда чей-то выстрел попал в знамя, толпа обратила свой гнев на бунтовщиков. Те, кто принес к стенам дворца отрубленные головы убитых ими бунтовщиков, были щедро вознаграждены.

За исключением тех случаев, когда людей переселяли по указанию государства, политика Османской империи всегда состояла в том, чтобы препятствовать миграции, поскольку земли, которые некому было обрабатывать, не давали государству доходов. Восстание Патрона Халила продемонстрировало еще один негативный результат бесконтрольного перемещения людей — то, что миграция в Стамбул привела к тяжелым социальным последствиям. Иммигрантов-албанцев винили в том, что они были инициаторами волнений

1730 года. Официально та роль, которую они сыграли в этих волнениях, была отмечена в указах, которые впоследствии были направлены военным и гражданским властям провинций, расположенных в западной части Балканского полуострова. После менее опасного бунта, случившегося в Стамбуле в сентябре 1731 года, эти требования были точно исполнены местными властями, чтобы предотвратить дальнейшую миграцию. Патрона Халил был албанцем, и хотя неизвестно, многие ли из таких же, как он, вожаков восстания являлись его земляками, но обычно именно албанцев делали козлами отпущения. Предпринятое в 1734 году дальнейшее усиление суровых мер потребовало от властей деревень, расположенных на северном берегу Мраморного моря, обеспечить гарантии того, что ни один албанец (независимо от того, мусульманин он или немусульманин), который попытается незаконно добраться до Стамбула водным путем, не сможет воспользоваться для этого лодкой, а будет задержан и под конвоем доставлен в столицу. С течением времени менялись и потребности города. Так, султан Мехмед II поощрял миграцию и даже требовал, чтобы население провинций переезжало в Стамбул, чтобы сделать из него процветающую имперскую столицу. Султан Махмуд I ввел строгие правила, которые препятствовали миграции жителей провинций в Стамбул, но не смог добиться того, чтобы эти правила эффективно действовали.

Анатолию не могли не затронуть последствия войн того периода, изменившие жизнь населения империи. Если на Балканах результатом стала миграция в Стамбул, которая была вызвана перекройкой границ империи, то Анатолия в очередной раз подверглась бесчинствам вышедшей из-под контроля солдатни. После того как в 1718 году закончилась война с Австрией и Венецией, самым недисциплинированным подразделениям нерегулярных войск было приказано расформироваться, но благодаря тому, что в 20-е годы разразилась война с Ираном, они получили возможность вновь собраться. Силахдар Финдиклили Мехмед-ага ясно выразил мнение, которое преобладало в правящих кругах, когда называл анатолийские провинции «логовом разбойников». Малую Азию почти не затронул экономический рост, который кое-кому приносил процветание, что же касалось положения тех, кто жил в сельских районах, то оно неизменно ухудшалось. Одним из побудительных мотивов введения в восточных провинциях империи пожизненного права на сбор налогов была потребность оживить сельское хозяйство, но первоначально эта реформа не охватывала большую часть Анатолии, ве-

роятно, потому что эти провинции считались непривлекательными для покупателей пожизненного права на сбор налогов. В 1703 году в западной Малой Азии покупатели сделали некоторые вложения, но только 5% вложенных ими средств приходилось на земли, расположенные в сельскохозяйственных районах. Невозможность привлечь инвесторов, желавших выкупить право на собственность сельскохозяйственных земель, является ключом к пониманию того, какими в то время были условия жизни в сельской местности.

Правительство Невшехирли Дамад Ибрагим-паши хорошо знало о бедствиях, которые испытывало население анатолийских провинций, и никогда о них не забывало. Стремление облегчить страдания сельского населения, предоставив ему возможность зарабатывать на жизнь, стало причиной основания новых поселений и расширения уже существующих, особенно в районах, прилегающих к маршруту следования паломников, который проходил через юго-восточную Малую Азию, где давно существовала проблема безопасности. Были построены или реконструированы караван-сарай, а окружавшие их деревни заселяли либо представителями кочевых племен, либо крестьянами из особенно бедных районов. Такая политика продолжалась в годы царствования Махмуда I и в дальнейшем. Самым амбициозным планом Дамад Ибрагима было превращение находившейся в центральной Малой Азии деревни Мушкара, в которой сам он когда-то появился на свет, в город Невшехир («Новый город»). Сегодня это административный центр популярного среди туристов района Каппадокия. Там он построил две мечети, медресе, бесплатную столовую, школу, библиотеку, крытый рынок, две бани и восемь фонтанов. Все это до сих пор является основой торгового центра современного города.

Далеко на восток и на юг от Стамбула, за пределами основной территории Анатолии, находились арабские провинции империи. Они вошли в состав Османского государства в XVI столетии, и первоначально большинством из них управляли, руководствуясь сводом законов, подогнанных под местные традиции и условия, при которых губернатор осуществлял правление от имени султана. Преобладали две системы землевладения: в провинции Мосул и в сирийских провинциях Алеппо и Дамаск земельные наделы давали в награду за военную службу, как это делали в большинстве провинций Малой Азии и на Балканах, а в Басре, Багдаде, Египте и Хабеше, а также в прибрежных провинциях Северной Африки, таких как Алжир, Тунис и Триполи, которые были слабо связаны с цент-

ром, преобладала система налоговых откупщиков. Помимо этих двух систем, значительная территория оставалась под контролем племенных вождей (таких как курдские вожди), которые хотя и подчинялись некоторым указаниям центральной власти, обладали большей степенью независимости, чем другие землевладельцы. Со временем методы, с помощью которых управляли этими провинциями (как и другими провинциями, сформированными в результате завоеваний новых территорий и в соответствии с изменившимися приоритетами системы административного управления), могли полностью отойти от модели управления, введенной сразу после завоевания, но общей особенностью этих методов всегда оставалось то, что степень контроля со стороны центра возрастала или уменьшалась по мере того, как влияние местных группировок либо усиливалось в ущерб влиянию Стамбула, либо временно ослабевало.

Египет был самой крупной провинцией империи, а благодаря своему стратегическому местоположению на главных торговых путях являлся и самой богатой. Помимо прочего, империя отводила ему особую роль, возложив ответственность за обеспечение безопасности передвижения паломников, поставки зерна и финансовое содержание мусульманских святынь. Таможенные пошлины приносили египетской казне самые большие доходы, а его сельское хозяйство и города процветали под властью Османской империи. После покрытия местных расходов самым заметным из которых было обеспечение ежегодного паломничества в Мекку, оставшиеся средства каждый год отсылались в Стамбул, в центральную казну. В Египте не могли не возникнуть проблемы, связанные с насаждением чуждого османского режима, который пришел на смену режиму побежденных мамлюков. Но османское правление в Египте было вполне стабильным вплоть до второй половины XVI века, отмеченной целым рядом восстаний, направленных против власти губернатора. На протяжении XVII столетия внутренняя напряженность перерастала в конфликт интересов центральной и местной властей, который сопровождался целой серией столкновений между группировками, желавшими взять под свой контроль доходные посты казначей провинции и начальника обеспечения безопасности паломников, а роль назначаемого Стамбулом губернатора снизилась до функций посредника между соперничавшими группировками. Результаты предпринятых визирями клана Кёпрюлю попыток усилить центральную власть в Египте оказались недолговечными, и к началу XVIII столетия янычары (некоторые из которых были

временно откомандированы в Египет из султанских полков, а другие являлись выходцами из местного населения) превратились в самую мощную силу этой провинции и стали неотъемлемой частью всех политических действий, осуществляемых в интересах налоговых откупщиков и влиятельных семейств, что открывало им путь к богатству и власти. В 1711 году вспыхнул невероятно кровопролитный мятеж, причиной которого было недовольство янычар. В этот мятеж оказались втянуты семейства Фикари и Касими, бывшие конкурентами в борьбе за контроль над прибыльной торговлей зерном Верхнего Египта. На сей раз столь любимая османской администрацией тактика «разделяй и властвуй» дала сбой и не смогла восстановить равновесие: в 1730 году дело снова дошло до открытого столкновения этих соперничавших между собой группировок, а в 1736 году по приказу османского губернатора были убиты многие лидеры группировки Фикари.

Видным борцом против власти Стамбула был Черкес Мехмед-бей, который в 20-е годы XVIII века стал лидером группировки Касими, но был изгнан из Каира лидером группировки Фикари. На корабле он пересек Средиземное море, прибыл в Триест и попытался найти убежище при дворе Габсбургов (которые ему отказали, удовлетворив требования, весьма решительно изложенные в письме султана императору). Ему снова пришлось бежать, теперь в расположенный на побережье Северной Африки Триполи. Попытки найти убежище у врагов султана оказались достаточно для того, чтобы объявить Черкес Мехмеда изменником и направить во все страны мусульманского мира требования о его аресте и казни. Пылкость, с которой они были изложены, свидетельствует о более чем критическом отношении турок к попыткам просить о подобной помощи иностранную державу. В конечном счете, Черкес Мехмеду удалось снова проникнуть в Египет и сообщалось, что он утонул в нильском иле, когда спасался от преследования своих врагов из группировки Фикари.

До тех пор, пока провинция выполняла свои военные и финансовые обязательства, а местные волнения не выходили из-под ее контроля, центральное правительство позволяло знатным семействам Сирии самим разбираться в своих делах. Каждый год многие тысячи правоверных, совершая паломничество, пересекали территорию Сирии, и в этом регионе признаком законности власти султана было обеспечение безопасности паломников. Однако в 90-е годы XVII столетия местные чиновники не справлялись с этой за-

дачей, и неотвратимо встал вопрос о реорганизации провинции. В 1708 году некий Насух-паша был назначен губернатором провинции Дамаск и начальником обеспечения безопасности паломников, причем выполнение второй из этих обязанностей с того времени стало объектом прямого надзора Стамбула. В характере обладавшего немалыми административными способностями Насух-паши превалировало стремление к величию, и к 1713 году члены его семьи занимали большинство подчиненных губернатору должностей в провинции Дамаск. Этого Стамбул уже не мог стерпеть. Из Алеппо против него была направлена целая армия, и его убили. Затем до конца столетия губернаторами провинции несколько раз становились представители семейства аль-Азм, извлекавшие финансовые выгоды из той политико-административной роли, которую они играли. Другими заметными фигурами являлись представители семейств Ма'н и Шихаб в горном Ливане, а также семейство Зайдани в Галилее. Шейх Захир аль-Умар был главным налоговым откупщиком из семейства Зайдани и обладал властью в прибрежной провинции Сидон. Там благодаря имевшему место в первой половине столетия росту торговли он разбогател, монополизировав рынок сбыта хлопка. В 40-е годы XVIII столетия он обеспечил таможенные поступления в казну Акры и тем самым закрепил за собой статус самого влиятельного магната в регионе.

В 1720 году султан Ахмед III приказал реставрировать Купол на Скале* и мечеть Аль-Акса в Иерусалиме, а также несколько десятков других мусульманских святынь этого региона, которым со времени правления султана Сулеймана I уделялось мало внимания. Во время переговоров, которые закончились в 1699 году заключением Карловицкого мирного договора, европейские государства боролись между собой за право взять под свое управление христианские святыне места в Иерусалиме и Вифлееме, и если теоретически право управления этими святынями по-прежнему оставалось в руках султана, то на практике дипломатические суждения как никогда прежде

* Очевидно имеется в виду мечеть Куббат ас-Сахра в Иерусалиме — третья по значению мусульманская святыня после мечети аль-Масджид аль-Харам, где находится Кааба и могила пророка Мухаммеда, в Медине. Она стоит на священной скале, с которой, по преданию, Мухаммед в 619 году возносился к небесному престолу Аллаха. Это место почитается также евреями и христианами, поскольку здесь некогда высился храм Соломона. — *Примеч. перев.*

ограничивали его действия. Возможно, за этой программой реконструкции лежало желание султана Ахмеда показать, что в противовес повышенному интересу иностранных держав к христианским святыням Османская империя проявляет интерес к священным памятникам мусульман. Восстановление мусульманских святынь, как и попытка правительства улучшить систему государственного управления в Сирии, были жестами, направленными на то, чтобы укрепить лояльность местных мусульман. Затем, уже при султанах Махмуде I, последовала реконструкция святынь ислама в Иерусалиме. Эти восстановительные работы имели место в 1742 и 1753—1754 годах. Ко времени правления султана Махмуда I теми, кому были адресованы призывы произвести восстановительные работы, все чаще становились местные магнаты, от которых находилась в зависимости центральная власть, поскольку только они могли обеспечить нормальную работу османской администрации в таких отдаленных районах империи, как сирийские провинции.

Подобно тому, как это было в Египте и в других местах, военный истэблишмент Дамаска включал в себя множество янычар, причем как направленных из центра, так и местного происхождения. Служившие в гарнизонах провинции представители этих двух группировок плохо уживались друг с другом, и в 1740 году, когда напряженность между ними стала слишком велика, прикомандированные из центра войска были на шесть лет выведены из города Дамаска. Третьей группировкой, с которой центральной власти приходилось иметь дело, были кочевые бедуинские племена. Она пыталась держать их в узде с помощью политики принуждения к оседлому образу жизни, усиленной внедрением ограниченного числа бедуинов в местную администрацию, и в особенности посредством использования их для защиты и снабжения караванов с паломниками.

Североафриканским провинциям Османской империи, которыми являлись Алжир, Тунис и Триполи, центральная власть обычно уделяла еще меньше внимания, чем Египту и Сирии. В XVI столетии, они играли существенную роль, обеспечивая базирование военно-морских сил, которые, действуя в интересах Османской империи, сражались с испанскими Габсбургами. На протяжении XVII столетия они в основном были предоставлены самим себе, но с самого начала XVIII века этими тремя провинциями правили чиновники, предками которых были люди, взявшие под свой контроль местное управление и основавшие признанные Стамбулом ди-

настии (которым время от времени напоминали, что эти провинции являются частью империи). Возросшее в XVIII веке доверие к дипломатическим средствам решения проблем отразилось на жизни этих провинций, потому что основным источником их доходов (каперство) был объявлен вне закона, как только султан Мустафа II дал согласие гарантировать безопасность судоходства христианских стран, которое подвергалось нападениям корсаров. Стычки между испанскими судами и корсарами продолжались в течение всего столетия, и османское правительство редко проявляло способность оказывать воздействие на непокорных моряков, которые теоретически являлись подданными султана. Когда у тому вынуждали обстоятельства, султан мог заставить прибрежные североафриканские провинции подчиниться его воле, но это требовало постоянных усилий. По условиям австрийско-османской морской конвенции 1727 года турки брали на себя ответственность за обеспечение защиты австрийского судоходства от нападений корсаров из своих североафриканских провинций, и когда в период между 1729 и 1731 годами алжирский правитель разрешил своим кораблям нападать на австрийские суда в Средиземном море, к нему были применены санкции, которые заставили его образумиться. Среди этих санкций были отказ в предоставлении провинции военной и финансовой помощи, закрытие турецких гаваней восточного Средиземноморья для захода в них алжирских судов и запрет вербовать население Анатолии на службу в алжирскую армию и флот.

Российский государственный деятель XVIII века, Афанасий Ордын-Нащокин определил три основных стратегических цели экспансии Московии. Первой был выход к Балтике, второй — воссоединение с белорусскими и украинскими землями и подчинение их власти московитов, а третья цель состояла в том, чтобы открыть Московии выход к Черному морю. Выход к Балтийскому морю был завоеван Петром Великим, а вот задачу воссоединения с Белоруссией и Украиной полностью решить удалось только в 1795 году после третьего раздела Польши. Но когда скромное государство московитов стало превращаться в Российскую империю, турки обнаружили, что теперь им трудно препятствовать решению третьей задачи русских: выходу к Черному морю, который давал им доступ к лежавшим за его пределами незамерзающим морям. В 1726 году Россия и Австрия заключили договор о взаимной обороне — Россия нуждалась в помощи против Османской империи, а Австрия про-

тив своей старой соперницы Франции и нарастающей мощи Прусского королевства. Этот пакт очень пригодился обеим сторонам в 1733 году, когда Россия решила сохранить польский трон для претендента, которому она отдавала предпочтение, и положила начало Войне за польское наследство, которая сотрясала Западную Европу на протяжении следующих двух лет. Слабость польско-литовской Речи Посполитой снижала вероятность нападения на западные рубежи России, и казалось, что пришло время для нового этапа русской экспансии на юг. В мае 1735 года Россия объявила войну Османской империи, а в июле 1736 года взяла столицу Крыма Бахчисарай. Пала и была снесена черноморская крепость Кинбурн, которая стояла на песчаной отмели напротив Очакова, неподалеку от устья реки Днепр. В июле 1737 года русские взяли и сам Очаков, а предпринятая в октябре попытка османских войск вернуть себе эту крепость закончилась провалом из-за проливного дождя, дезертирства и недостаточных усилий османского флота. Дальнейшие амбициозные планы России рухнули из-за постоянной неспособности русских удовлетворять материально-техническое обеспечение боевых действий в степной местности. Единственным их последующим успехом было повторное взятие Азова, которого они лишились в 1713 году по условиям Андрианопольского договора. Мирные переговоры, которые велись в 1737–1738 годах, закончились ничем. Требования, предъявляемые Россией, были отражением ее долгосрочных целей. Она претендовала на Крым, кубанские степи и побережье Черного моря от Днепра и далее на запад, до Дуная. Помимо этого, она требовала независимости под русским протекторатом для территорий, где проживало значительное количество православных христиан (в Молдавии, Валахии, по течению Дуная и на северных берегах Черного моря) — это был первый случай, когда Россия предъявила претензии на территории Османской империи под предлогом вероисповедания их населения. Возобновившиеся в 1738 году военные действия на сей раз охватили и западное побережье Черного моря, но вскоре зашли в тупик.

В 1737 году обязательства договора о взаимной обороне с Россией заставили и Австрию вступить в войну. Турки попытались защититься от этих двух грозных противников, заключив в 1737 и 1739 годах соглашения со Швецией, причем последнее соглашение включало в себя и договор о взаимной обороне от нападений России. Эта война стала бедствием для Австрии, и к 1739 году она тоже ис-

пытывала желание сделать передышку. По условиям Белградского договора (который был заключен в том же году при посредничестве Франции) Австрия теряла Белград и большую часть территорий, приобретенных двадцатью годами ранее, по Пожаревацкому договору. Россия жертвовала всеми своими завоеваниями, за исключением Азова. В ходе этой войны она потеряла приблизительно 100 000 человек, в основном от заболеваний, обострившихся в результате скудного питания, которым вынуждены были обходиться войска. То, что на переговорах уполномоченные султана проявили решимость в отношении того, кто должен владеть Белградом, стало важным элементом, обеспечившим Османской империи благоприятные для нее условия мирных договоров, положивших конец этой войне. Благодаря французскому посредничеству Османская империя оказалась в долгу перед Францией, и впервые эта страна оказалась в таком положении, что теперь ей не надо было принимать торговые привилегии как милостивый дар султана, а можно было их для себя требовать. Новый договор между этими странами был подписан в 1740 году. Когда это произошло, стало ясно, что невозможно контролировать изменчивый и плохо скоординированный рынок Османской империи, а это означало, что Франция не в состоянии воспользоваться всеми преимуществами своих новых привилегий. Несмотря на это, факт оставался фактом: в торговых делах иностранная держава больше не рассматривалась султаном в качестве просителя.

В то время как Центральная Европа была втянута в два ужасных конфликта, разгоревшихся по вине экспансионистской политики прусского короля Фридриха Великого (Война за австрийское наследство 1740—1748 годов и Семилетняя война 1756—1763 годов), на северных и западных рубежах Османской империи после войн с Россией и Австрией наступил длительный период мира. Но на востоке все было по-другому. Почти столетие Османская империя находилась в состоянии мира с Ираном, что было результатом стабильности, характерной для позднего периода династии Сефевидов. Так продолжалось до появления Надир Хана. Захватив в 1730 году Тебриз, он на протяжении нескольких месяцев 1733 года держал в осаде Багдад и заставил Османскую империю пойти на мирные переговоры. Поскольку их позицию на переговорах ослаблял союзный договор, который Надир Хан заключил с Россией в 1735 году, и потребность их собственной обороны противостоять русскому натиску на юг, турки сочли, что лучшее, на что они могут

надеяться, — это соглашение о восстановлении границ 1639 года. В 1736 году, когда турки отражали русское наступление на побережье Черного моря, Надир Хан объявил себя первым шахом династии Афшар. Вслед за этим заявлением он предложил пересмотреть характер иранского ислама таким образом, чтобы шиизм Двенадцати (имамов), принятый около 1500 года как религия государства Сефевидов его первым шахом Исмаилом, теперь считался бы пятым направлением суннитского ислама, наряду с четырьмя давно основанными школами — Ханафи, Ханбали, Шафии и Малики. Османские дипломаты оказались в затруднительном положении: не было прецедентов, которые могли бы им помочь в принятии решения по такому радикальному предложению, и, несмотря на просительный тон Надир Хана и его готовность к сотрудничеству, они отклонили его просьбу. К счастью для турок, Надир вскоре переключил свое внимание на восток, где он хотел завоевать земли афганцев, моголов Индии и узбеков Трансоксианы. Его восхождение напоминало взлет Тамерлана, имевший место за три с половиной столетия до описываемых событий.

Случившееся в 1740 году возвращение Надир Хана в Иран оказало прямое воздействие на стратегические интересы Османской империи в этом регионе. Теперь его отношение к западному соседу стало более агрессивным, и он снова заявил о своем предложении реорганизовать религиозную систему — но для турок это было по-прежнему неприемлемо. Начав военные действия на Кавказе, он продолжил наступление и к 1743 году уже был в Ираке, где осадил крепость Мосул, которую османские войска смогли удержать лишь с большим трудом, а в 1745 году двинулся маршем на Ереван. В Стамбуле возникли опасения, что может начаться очередной мятеж, и были введены новые требования к надзору за общественными собраниями. Облегчение наступило лишь в 1746 году, когда был наконец заключен османско-иранский мирный договор. Обе стороны стремились к миру: в ходе войны с Россией Османская империя понесла потери, а Надир Хан отказался от своих предложений в сфере религии. Эти предложения произвели определенный эффект, так как договор 1746 года заложил совершенно новую основу для отношений между Османской империей и Ираном, суть которых состояла в том, что Иран больше не рассматривался как государство-изгой, где живут еретики-шииты, что всегда было философским оправданием агрессий со стороны Османской империи, а воспринимался как братское мусульманское государство, ничем не

отличавшееся от всех остальных мусульманских государств. Этот компромисс, несомненно, был на пользу и Османской империи и Ирану.

В течение первого десятилетия правления султана Махмуда были предприняты не всегда успешные попытки преодолеть то чувство разочарования, которое оставил бунт 1730 года. Последующие османские правительства были хорошо осведомлены о последствиях нехватки продовольствия, поэтому их первой заботой было обеспечение поставок достаточного количества продуктов для жителей Стамбула. Блокада Стамбула, которая была предпринята венецианцами в 50-е годы XVII столетия, вызвала тревогу, но имевшая место в XVIII веке массовая миграция в этот город принесла проблемы иного порядка. Сразу после мятежа 1730 года султан написал чиновникам в Измир о том, что в столице нехватка продовольствия и чума.

Миграцию можно было пресечь как в ее исходных точках, так и в конечном пункте назначения мигрантов, Стамбуле. В 1740 году, после окончания войны с Австрией и Россией и в самом начале нового периода враждебных отношений с Ираном, демобилизованные нерегулярные формирования снова вышли из-под контроля в Анатолии, и правительственным войскам было приказано атаковать их в том случае, если они будут продолжать бесчинства. В том же году светским властям было предписано не брать слишком обременительные или незаконные поборы с налогоплательщиков Малой Азии. Прежде всего эти указания были направлены на то, чтобы предотвратить дальнейшее перемещение людей в Стамбул, поскольку такая перспектива более всего тревожила султана и его визирей. Шестого июня 1740 года в Стамбуле имел место инцидент, который начинался с массовых разграблений лавок, а затем быстро перерос в призывы к бунту. Как и во время волнений 1730 года, ни султан, ни великий визирь не проявили никакой активности, и вся инициатива перешла к офицерам янычар, которые предотвратили дальнейшее разрастание беспорядков, хотя и допустили при этом кровопролитие. По всему городу разыскивали тех, кого считали соучастниками. И снова первыми на подозрении оказались албанцы, а тем, кто проживал в Стамбуле менее десяти лет, было приказано вернуться туда, откуда они прибыли. Согласно подсчетам британского посла, во время этих событий погибло три тысячи человек. В мае 1748 года в Стамбуле снова начались волнения, и снова они

были жестоко подавлены. Последовала еще более масштабная депортация, и был введен почти полный запрет на миграцию. Нарушители этого запрета подвергались суровым наказаниям, но есть достаточно свидетельств того, что в середине столетия в Стамбуле присутствовали мигранты, в том числе и албанцы, и что они вполне мирными способами зарабатывали себе на жизнь.

И все же ни войны, ни внутренние беспорядки, которые периодически случались в ту эпоху, ни те социальные последствия, которые они приносили, не смогли поколебать устои османского государства. Хотя в середине XVIII века внутреннее спокойствие являлось не более чем иллюзией, это был период консолидации, так как с первых лет столетия шло становление общественного строя. Продолжалось возрождение попечительства в сфере возведения архитектурных сооружений, которым начиная с правления Ахмеда III, занимались султаны и члены их семей, а также знатные вельможи. Предпочтение по-прежнему отдавалось строительству загородных дворцов, библиотек и фонтанов. Фонтаны Ахмеда, возведенные за стенами дворца Топкапы и на пристани в Ускюдаре, входят в число самых впечатляющих памятников Стамбула. В начале своего правления султан Махмуд отделил себя от «эпохи тюльпана»: в один из трех дней своей коронации он приказал, чтобы дворцы Саадабада, являвшиеся главными символами этого периода, были снесены их владельцами, членами правящей династии и знатными вельможами. Впрочем, это не привело к исчезновению Саадабада: в 1740 году служащий посольства, направленный из Вены, чтобы ратифицировать Белградский договор 1739 года, сделал серию зарисовок дворца, каким он его увидел, когда посла и его свиту принимали султан и его визири. Из этих рисунков ясно, что после событий 1730 года многое уцелело. Все еще существует техническая документация о ремонтных работах, благодаря которым дворец был восстановлен в своем прежнем великолепии, и Саадабад снова стал сценой для проведения пышных церемоний. В 1743 году султан приказал отремонтировать мраморные бассейны водяных каскадов, которые являлись отличительной чертой этого места отдыха Ахмеда III.

Уже почти 150 лет ни один султан не финансировал строительство новой, впечатляющей мечети. Последним это сделал Ахмед I, в начале XVII столетия. Мечеть Махмуда (или Нуруосмание, то есть «Свет Османа», названная так в честь его наследника, закончившего ее строительство в 1755 году) была расположена у входа в Крытый базар. В середине XVIII века мечети стали строить и в провин-

циях, например в городах Айдын и Эрзурум. Махмуд I продолжил работу, начатую его предшественником, желавшим обеспечить постоянно растущее население Стамбула новой системой дамб и акведуков. Эти сооружения были построены в Белградском лесу, расположенном северо-западнее Стамбула, и с их помощью поступала вода к фонтанам, которые появлялись на каждом углу. Самым впечатляющим фонтаном Махмуда был (и остается) фонтан, построенный на юго-западном углу площади Таксим в Стамбуле. *Таксим* означает «распределение», и именно здесь вода, поступающая из сельской местности, направлялась для распределения между жилыми районами османской столицы, которая разрасталась невиданными темпами — стена на западной стороне площади Таксим скрывает водораспределительные трубы.

Храмовые комплексы всегда включали в себя библиотеки, но в XVIII столетии библиотеки все чаще становились обособленными строениями, спроектированными специально для того, чтобы вмещать собрания рукописей — Фазыл Ахмед-паша был первым покровителем библиотеки, специально созданной для хранения книг. Султан Ахмед III и его окружение основали множество библиотек. Эту традицию продолжил Махмуд и его придворные, причем не только в Стамбуле, но и в провинциях. Говорили, что Ахмед копал землю под фундамент своей библиотеки, построенной на третьем дворе дворца Топкапы, той же самой золотой мотыгой, которую его прадед, султан Ахмед I использовал в 1609 году, когда начинал строительство своей имперской мечети. До последнего времени эта мотыга демонстрировалась в библиотеке, а бесценное собрание рукописей Ахмеда III и его преемников теперь размещается в близлежащей мечети, основанной в годы правления Мехмеда II. Там эти рукописи доступны ученым.

В «эпоху тюльпана» был достигнут новый уровень образованности благодаря тому, что в 1727 году в империи появилась печатная машина с арабским шрифтом. В Османской империи развитие книгопечатания шло по весьма извилистому пути. Когда в 1492 году еврейские беженцы из Испании и Португалии поселились в Стамбуле и других местах, они принесли с собой относительно новую технологию, однако, по сведениям из еврейских источников того времени, султан Баязид II вскоре запретил всякое книгопечатание, и такое же указание сделал в 1515 году султан Селим I. Нарушение запрета каралось смертью. Впоследствии производство печатных книг для армянских, греческих и еврейских общин империи не об-

ходило без затруднений. Так, в XVI веке миссионеры-иезуиты предали анафеме деятельность типографии, которой руководил епископ Кефалонийский в Стамбуле, а в 1698 году янычары разгромили армянскую типографию. Османский хронист XVII столетия, Ибрагим из города Печ, который по происхождению был венгром, недоумевал, почему печатные книги не были доступны тем, кто читал на арабском и турецком языках, а его соотечественник Ибрагим Мютеферрика (который прибыл в Стамбул в качестве раба и был назначен переводчиком Ференца Ракоши, когда тот находился в изгнании в Текирдаге) проявил инициативу и открыл первую типографию. Он начал с печатания карт, а в 1726 году представил на рассмотрение трактат, в котором подробно изложил своей проект великому визирию Невшехирли Дамад Ибрагим-паше. Шейхульислам дал благоприятную правовую оценку, и вскоре последовало благословение султана.

Из распоряжения, направленного султаном Ахмедом Ибрагиму Мютеферрика и его деловому партнеру, Мехмеду Саиду-эфенди (который был сыном Челеби Мехмеда-эфенди, и в 1720 году сопровождал своего отца во время его посольства во Францию), было ясно, что султан не видел никаких затруднений в том, чтобы признать необходимость введения книгопечатания. С самого начала эры ислама, писал он, ученые-богословы производили множество книг различного назначения, от коранов до словарей, но

Поскольку большинство литературных произведений со временем либо погибло, либо было утеряно в ходе конфликтов минувших лет, во время войн с Возмутителем спокойствия Чингиз-ханом и Хулагу-ханом Недалновидным [имеется в виду внук Чингиз-хана, который разграбил Багдад в 1258 году], а также в ходе оккупации земель Андалузии беспутными франками [имеется в виду изгнание мусульман из южной Испании, которое началось в конце XV века] и во время других войн и массовых убийств, а также больших пожаров, словари, работы по ономагии [тот есть предсказанию судьбы по именам], учебники по грамматике арабского языка, книги по истории, важнейшие собрания копий традиций Пророка и научные работы величайшей значимости сегодня редко встретишь в землях ислама. К тому же священнослужители и переписчики проявляют отсутствие рвения и безразличие, а то, что они пишут, не обходится без грубых ошибок и описок.

После многообещающего начала введение книгопечатания арабским шрифтом не оправдало возложенных на него надежд. В партнерстве с Мехмедом Саидом-эфенди (который после 1720 года, когда он вместе с отцом посетил Францию, в 1733 году ездил в Швецию, чтобы получить деньги, которые Карл XII взял в долг у османского казначейства), Ибрагим Мютеферрика успел напечатать семнадцать книг, прежде чем умер в 1745 году. Большинство из них были хрониками Османской империи, но кроме них он напечатал арабско-турецкий словарь, персидско-турецкий словарь, турецко-французскую грамматику, а также историю Афганистана (султан, чтобы не разорить писцов, запретил печатать книги по религии). После смерти своего основателя типография Мютеферрика работала лишь время от времени и в конце концов закрылась в 1796–1797 годах, напечатав за 64 года своего существования лишь 24 книги (большинство из которых вышло тиражом в 500 экземпляров). Похоже, ее закрытие было вызвано не открытым противодействием книгопечатанию арабским шрифтом, а отсутствием интереса у тех немногих, кто умел читать, и кто, по всей вероятности, отдавал предпочтение более чувственным и развлекательным сюжетам рукописных книг*.

То, как власть предержавшие Османской империи реагировали на новые веяния XVIII столетия, обычно видно из отчетов различных людей, которых современные авторы считают носителями перемен. В группу таких людей входил Челеби Мехмед-эфенди, а представителем другой группы был печатник Ибрагим Мютеферрика. Третья группа состояла из советников, которые знакомили турок с последними европейскими методами ведения войны, а ее типичным представителем был французский перебежчик, граф Клод

* В России Петра Великого рынок печатных книг тоже не был слишком оживленным, несмотря на то что сам он относился с энтузиазмом к печатному делу и понимал, какое значение оно имеет для образования и проведения реформ. Он поощрял публикацию самых разных книг, от исторических хроник до инструкций по эксплуатации, от сводов законов до беллетристики. Это было полной противоположностью той ситуации, которая имела место до его царствования, поскольку за весь период между 60-ми годами XVI столетия, когда в Москве была основана первая типография, и началом его правления были изданы только три книги, которые по своему характеру не являлись «особо религиозными».

Александр де Бонневаль, который в 1716 году, когда Габсбурги разбили турок под Петроварадином, сражался бок о бок с принцем Евгением Савойским, а потом в 1729 году, поссорившись с ним, нашел убежище в Османской империи. Турки знали о том, что изменение методов ведения войны склонило чашу весов в пользу их противников, и одной из первых работ, опубликованных в типографии Ибрагима Мютеферрика после того, как в 1730 году на трон вззошел султан Махмуд I, стала инструкция по военной организации, написанная самим книгопечатником. В следующем году Махмуд пригласил Бонневалья в Стамбул и сделал все, чтобы тот начал модернизацию армии. Хумбараки («Бомбардир») Ахмед-паша, как его называли на второй родине, после того как он принял ислам, написал трактат, в котором рекомендовал армии принять западные методы ведения войны и особо подчеркивал необходимость улучшения подготовки личного состава. Хотя его стараниям вредили и французский посол (который видел в нем перебежчика), и ссорившиеся с ним визири, он успешно реорганизовал корпус артиллерии и был привлечен к модернизации литейных заводов по производству имперских пушек и других вооружений, а также пороха. Однако основанная им в 1734 году военно-инженерная школа была закрыта в 1750 году в результате давления со стороны духовенства, а янычары поставили крест на его планах увеличить численность артиллеристов.

Перемены, случившиеся в Османской империи в первой половине XVIII века, были системным явлением, и жизнь известных людей, извлекавших выгоду из реалий современного им мира, могла лишь отчасти объяснить суть перемен. Наблюдавшееся в середине столетия относительное спокойствие в отношениях между империей и другими государствами отчасти можно приписать масштабам личностей тех государственных деятелей, которые занимали руководящие должности. Это был своего рода антракт, во время которого появились лучшие, чем когда-либо прежде, возможности урегулировать международные разногласия и споры с помощью дипломатии, а не военного противостояния. Эта тенденция проявилась в снижении статуса военных и в повышении статуса представителей управленческого аппарата, что было неизбежным результатом более длительного процесса преобразования империи из агрессивного государства в государство, более озабоченное проблемами собственной обороны. Теперь продвижение на верхние

ступени административного аппарата давало человеку более высокое положение, чем продвижение по иерархической лестнице османской армии. А примером воинского героизма служила стойкая оборона осажденной крепости, а не победоносная оккупация новых территорий.

Рост роли дипломатии как средства урегулирования разногласий сделал более высоким положение канцлера, ответственность которого распространялась и на крайне важную сферу ведения иностранных дел. Османский уполномоченный на переговорах в Карловице Рами Мехмед-паша был канцлером в общей сложности почти восемь лет, прежде чем он, без особого на то желания, ненадолго занял пост великого визиря. Приблизительно таким же образом сложилась и карьера Коджа Рагиб-паши, который был участником мирных переговоров с Надир Шахом, а также переговоров, закончившихся подписанием Белградского договора 1739 года. Он стал канцлером в 1741 году и был великим визирем с 1757 года и до самой своей смерти, наступившей через семь лет. Помимо прочего, Коджа Рагиб был зятем султана и, таким образом, он одним из первых извлек выгоду из тенденции, согласно которой чиновники высокого уровня стали пользоваться все большей благосклонностью. Эта тенденция сохранялась до самого конца империи. Следующие пять человек, занимавших пост канцлера до 1768 года и начала новой фазы войны с Россией, впоследствии были назначены на должность великого визиря. Теперь выходцам из среды военных уже не отдавали предпочтение.

В отличие от военных действий, дипломатическая деятельность способствовала проявлению интереса к своим коллегам и пониманию особенностей их характера, просто потому что людям, ответственным за дипломатические отношения, нужен был поток информации, на основе которой принимались политические решения. В случае Османской империи посольские миссии, осуществлявшиеся отдельными личностями, такие как пребывание Челеби Мехмед-эфенди во Франции в 1720–1721 годах, были разовыми поручениями, с помощью которых аппарат канцлера получал описания необычных и отдаленных стран. Многие другие сообщения такого рода поступали от османских посланников, направленных в Россию, Австрию, Польшу, Швецию и Иран. Продолжался традиционный, но нерегулярный обмен посланниками с моголами Индии. Стимулом к тому была активность Надир Шаха в Иране, которая

имела место в 40-е годы XVIII столетия. Передача приветствий нового султана другим монархам также служила поводом для отправки посольства, которое усилиями возглавлявшего его представителя султана должно было полностью соответствовать торжественности этого церемониала. Подобно тому, как в минувшие века это делали в своих отчетах венецианские посланники, возвращавшиеся из Стамбула на родину, османские дипломаты уделяли самое пристальное внимание политике и культуре стран, которые они посещали. Что касается культурного обмена, то он носил двусторонний характер. В те годы более любознательные, чем когда-либо прежде, европейцы путешествовали как в Стамбул, так и в глубинку Османской империи, чтобы собственными глазами увидеть эту страну.

Многие состоятельные и власть имущие люди были бы рады познакомиться с новыми идеями и формами выражения, которые разжигали в них любопытство, но в правящих кругах Османской империи не было стремления к слепому подражанию Западу. В каждом обществе существовали определенные пределы адаптации и гибкости, и каким бы тесным ни был контакт Османской империи с Европой, он никогда бы не смог привести к преобразованиям в сфере культуры. Историки османского государства часто обвиняют его в консерватизме, который препятствовал принятию западных ценностей, хотя западный путь к современной цивилизации оказался настолько неотвратимым, что всякий, кто его отвергал, был уже по определению виновен в противодействии реформам и просвещению. Янычары противились реорганизации и модернизации по той причине, что это реально угрожало их привилегированному положению, а священнослужители того времени могли усмотреть в зарождавшихся переменах того времени вызов своей монополии в сфере образования — такие науки, как военная технология, требовали наличия преподавателей с нетрадиционным образованием, а это ставило под угрозу монополию «закрытой корпорации» священнослужителей. Петр Великий прославился своим умением использовать старые порядки в целях приобщения государства к современной цивилизации, но туркам такой способ не подходил. Османскую империю XVIII века можно было полностью интегрировать в европейскую торговлю, но далеко не все новинки, привезенные послами и купцами с экзотического Запада, будь то артефакты или идеи, приживались в государстве, мировоззрение жителей которого так сильно отличалось от мировоззрения их европейских соседей. Воз-

можно, причиной возрождения тенденции уделять особое внимание приверженности султана и его подданных исламским традициям стала потребность компенсировать ущерб, нанесенный самолюбия Османской империи неудачными войнами второй половины XVII века. Впрочем, эта тенденция развивалась параллельно со стимулированием потребительского интереса и явной открытостью западным идеям, что было отличительной чертой того времени.

Разработанный как для внутреннего, так и для внешнего употребления новый образ Османской империи, ставший столь очевидным во время царствования султанов XVIII столетия, в то же самое время вполне гармонировал с духом той эпохи, когда во всех европейских странах уважение и приверженность к единственной религии, выбранной государством в качестве официальной, все еще считались критерием благонадежности. Так было и в католических Франции и Австрии, в протестантских Британии и Пруссии и в православной России.

На протяжении XVIII столетия империя не имела возможности выбирать между принятием зарубежного влияния или отказом от него. Используя имевшиеся в ее распоряжении средства, она просто сопротивлялась тому, что считалось для нее вредным. Одним из проявлений возврата к традиционным ценностям, происшедшего одновременно с ростом потребления, стало обращение к законам, регулирующим потребление предметов роскоши, как к инструменту поддержания упорядоченного общества. Военных, чиновников, священнослужителей и крестьян можно было узнать по их одежде, но самыми заметными были отличия в одежде немусульман (строго установленного покроя и цвета), которые помогали держать их в рамках предписанного им подчиненного положения. Подобно немусульманам, женщины подвергались ограничениям, которые касались того, как им себя вести и что им носить, в особенности в общественных местах. Стремилась к тому, чтобы их не смог запятнать ни один грязный намек и чтобы их не узнали по внешнему виду. В последнее десятилетие царствования Ахмеда III жители Стамбула (в особенности женщины всех классов) пользовались большей, чем когда-либо прежде, свободой передвижения и возможностью появляться за стенами своих домов. Власти не оставили этот факт без внимания. В 1726 году, в самый разгар «эпохи тюльпана», Невшехирли Дамад Ибрагим-паша содействовал укреплению моральных устоев семьи, которые впоследствии были

окончательно разрушены. Он выпустил свод правил с целью недопущения излишеств в одежде женского сообщества и возвращения к нормам внешних приличий:

Пока правительство находилось в Эдирне и, готовясь к приближавшейся военной кампании, было занято делами первостепенной важности, некоторые никчемные женщины, пользуясь удобным случаем, украшали свои наряды и кокетливо вели себя на улицах; они копировали головные уборы женщин-немусульманок, со всеми их странными очертаниями, создавая множество бесстыдных фасонов, которые не имели ничего общего с соблюдением правил сдержанного поведения. Они должны беречь свою честь, не портить одежду столь бесстыдным образом, не делать неподобающих предложений своим мужьям и не осквернять [мужское уважение к женщине] скверными нововведениями. Кроме того, женщины не должны выходить на улицу в плащах с воротом шириной более пяди (9 дюймов) или косынке [состоящей] из более чем трех квадратных кусков материи [что является пределом умеренности], обвязанной лентой, ширина которой превышает ширину пальца, и если они это сделают, то их воротники будут обрезаны.

Впрочем, эти правила, похоже, так и не были введены в действие, но последующие правительства не отказались от попыток удержать женщин на том месте, которое им отводилось в жизни османского общества. И Махмуд I, и его брат и преемник султан Осман III (1754—1757) издали множество правил, регулирующих потребление предметов роскоши, разработанных с целью остановить распространение неподобающих манер поведения среди женщин, чему явно попустительствовал их дядя Ахмед III.

По мнению одного современного историка, правление Османа более всего запомнилось теми санкциями, которыми он ограничил роль женщин в общественной жизни, а также введенными им законами, регулирующими потребление предметов роскоши, действие которых распространялось на женщин и немусульман. Это, несомненно, было одним из краеугольных камней его подхода к проблеме пересмотра роли династии в распространении религиозности. Хотя в общественной жизни немусульмане стали менее заметны, чем прежде, многие из них стали весьма состоятельными людьми, причем зачастую благодаря своим коммерческим связям с европей-

цами. В стремлении получить тот общественный статус, которым пользовались столь же удачливые мусульмане, они были готовы пренебречь теми отличительными особенностями в одежде, которые указывали на их низшее положение: в хрониках того времени есть многочисленные сообщения о том, как их за такие нарушения казнили через повешение, избивали и топили. Преемник Османа, Мустафа III, добавил к уже имевшимся законам, регулирующим потребление предметов роскоши, свои собственные. Точно так же поступил и султан Абдул-Хамид I, который правил в период между 1774 и 1789 годами. Эти ограничения были отголосками пуританства, которое исповедовала секта Кадизадели. Противовесом тем многим уровням обмена, который стимулировали дипломатия и торговля, служило побуждение защитить то уникальное, что имелось в политической и культурной жизни Османской империи, и в особенности ту религиозную основу, на которой она покоилась. Существовала опасность, что эту религиозную основу, как и светскую власть правящей династии, могут подорвать небывало тесные контакты империи с Европой.

Глава 12

ВЛАСТЬ ПРОВИНЦИЙ

Вторая половина XVIII столетия, начиная с передачи престола султану Осману III в 1754 году и до конца правления его кузена, султана Абдул-Хамида I, в 1789 году является одним из наименее известных периодов истории Османской империи. Возможно, одним из самых значительных событий короткого правления Османа стал большой пожар, случившийся 5–6 июля 1756 года — один из многих пожаров XVIII столетия. Начавшись в расположенном на берегу Золотого Рога районе Кибали, он перекинулся в огороженную стенами часть Стамбула и, по словам хрониста того времени, Шемданизаде Финдиклили Сулеймана-эфенди, бушевал двое суток и обратил в пепел 130 школ богословия, 335 фабрик, 150 мечетей, 77 400 жилых домов, 34 200 лавок и 36 бань. Следующим султаном стал Мустафа, который незадолго до своего восхождения на трон в 1757 году был лишь вторым из оставшихся в живых сыновей султана Ахмеда III и поэтому не имел никаких оснований надеяться на то, что он станет преемником Османа. Но в 1756 году брат Мустафы Мехмед (которому тогда было почти сорок лет и который был всего на несколько дней старше Мустафы) был отравлен Османом, и только благодаря своей постоянной бдительности Мустафа избежал той же участи. На протяжении целого столетия ни один принц не был умерщвлен султаном. Один из великих визирей Османа был смещен за то, что он был против убийства Мехмеда, другой — когда это деяние стало общеизвестным фактом.

Существует множество источников, которые дают сведения о второй половине XVIII века, но большинство османских хроник доступно лишь в рукописном виде, а богатая архивная документация

по большей части еще не прочитана и не оценена. Однако жизнь высокопоставленного государственного деятеля Ахмеда Ресми-эфенди дает возможность хотя бы бегло взглянуть на сдвиги, которые происходили в эту эпоху в сфере государственного управления. Занимая различные посты в ведомстве канцлера, Ахмед Ресми проявил себя с лучшей стороны, так было в 1757–1758 годах, когда он в качестве посланника султана Мустафы посетил Вену эпохи Марии Терезы, и в 1763–1764 годах, когда он с такой же миссией находился в Берлине, где правил Фридрих Великий. Его доклады отличались своей масштабностью и язвительностью. Так, во время своего первого посольства он анализирует причины Семилетней войны, которая тогда бушевала в Европе, и описывает Вену и другие города, через них он проезжал во время своего путешествия. Отправка посольства в Берлин была продиктована возможностью заключения прусско-турецкого союза. Весь отчет о встрече с Фридрихом свидетельствует о том восхищении, которое у Ахмеда Ресми вызывал характер этого короля:

День и ночь он читает о деяниях и подвигах правителей прошлого, таких как Александр Великий и Тимур. Он далек от тревог и разочарований собственной семьи и не касается вопросов религии и вероисповедания. Все его мысли и поступки сводятся к тому, чтобы расширить рубежи своих владений и снискать себе известность и славу.

Он открыто не проявляет свое критическое отношение к недавним османским султанам, но оно вполне очевидно, как и его неудовлетворенность военной машиной Османской империи и сочувствие тяжелой доле прусского пехотинца:

Офицеры Фридриха днем и ночью гоняют рядовых солдат от одной крепости к другой и от одного сторожевого поста к другому, а в отведенное для этого время они проходят строевую подготовку в самом городе Берлине или в его окрестностях на специальных площадках для парадов. Их по триста раз на дню обучают тому, как держать мушкет, как его заряжать и как из него стрелять, как ходить вплотную друг к другу, словно стена, и никогда не нарушать строй, независимо от того, в каком они состоянии духа. Днем и ночью командиры притесняют этих солдат, которые держат в руках мушкеты, а на поясах у них патрон-

таши, и все снаряжение на точно установленных для этого местах. Их положение весьма прискорбно, поскольку с ними обращаются хуже, чем с рабами, и дают только корку хлеба, которая не позволяет им умереть.

С 1739 года Османская империя находилась в состоянии мира со своими европейскими соседями. К середине 60-х годов XVIII столетия Австрия была ослаблена, измотана войнами и настороженно относилась к деятельности Фридриха Великого. У Австрии не было ни одного союзника, готового поддержать любую ее военную авантюру, направленную против присутствия Османской империи на Балканах. Петр Великий довел свою страну до банкротства, и только после того, как в 1762 году на трон взошла своевольная Екатерина II, Россия снова оказалась в состоянии взять инициативу в свои руки. Когда дело дошло до очередной схватки между Османской империей и Россией, их военное противостояние полностью отличалось от того, что было между ними в прошлом: Россия извлекла уроки из тех промахов, которые она допускала, и провела военные реформы, позволившие ее армии сражаться и побеждать в степях северного Причерноморья. Ахмед Ресми-эфенди был участником первой из двух больших русско-турецких войн второй половины XVIII века, той, что продолжалась с 1768 по 1774 год, и наряду с войной 1787–1792 годов подготовила условия для возникновения взаимной враждебности, лежавшей в основе русско-турецких отношений XIX века.

Причиной возобновления Россией противостояния с турками была ее политика в отношении польско-литовской Речи Посполитой. Несмотря на энергичное давление со стороны Франции, турки после заключения Белградского договора 1739 года упорно отвергали многочисленные призывы Речи Посполитой оказать поддержку ее противостоянию с Россией. Направляясь со своим посольством в Берлин, Ахмед Ресми-эфенди проезжал через Польшу в 1763 году, то есть как раз в то время, когда умер король Август III, а в следующем году Екатерина Великая добилась избрания на польский трон своего бывшего любовника Станислава Понятовского. Пруссия и Австрия, в равной степени встревоженные русским вмешательством в польско-литовские дела, предпочли, чтобы кто-нибудь другой (турки) нашел военное решение этой проблемы. В начале 1768 года в расположенном неподалеку от границы с Османской империей

городе Бар собрались польские дворяне, которые выступали против иностранного (то есть русского) вмешательства в дела Речи Посполитой. В этом городе, входившем в состав провинции Подолия, которая прежде была османской провинцией Каменише, они сформировали конфедерацию. В ней не было ни явных лидеров, ни четкой программы. На самом деле она была такой же слабой и неорганизованной, как прежние движения трансильванских дворян под руководством Имре Тёкёли или Франциска II Ракоши, которые призывали турок помочь им в борьбе против Габсбургов. И все же она сыграла свою роль в разжигании войны, в результате которой усилилась только Россия. Эта конфедерация обратилась с настоятельной просьбой о помощи к султану и Франции. Россия оставила без внимания последовавший ультиматум Османской империи с требованием вывести войска из Речи Посполитой, и в октябре 1768 года султан объявил войну.

Намерения России в отношении Польши тревожили Османскую империю, как тревожили и ее планы в отношении Крыма, где Россия достигла некоторых военных успехов во время кампании 1736—1739 годов и не отказалась от своих претензий на этот полуостров. В 1763 году Россия убедила хана в необходимости открыть русское консульство в его столице Бахчисарае, но консул был лишен свободы действий, и, когда стало ясно, что Санкт-Петербург получает сведения, которые не могли прийти из какого-либо другого источника, его спуска всего два года выдворили. Подобно Пруссии и Австрии Франция тоже подстрекала турок вступить в войну с Россией. В 1767 году Франция направила в Крым в качестве своего чрезвычайного консула барона де Тотта. Назначение этого служившего во французской армии венгерского артиллерийского офицера, который жил в Стамбуле в период между 1755 и 1763 годами, а потом вернулся на Запад, сразу же вызвало у Екатерины подозрения. Между Францией и Крымом не существовало никаких торговых отношений, и с ее точки зрения подлинные намерения де Тотта были более чем очевидны. По мнению Ахмеда Ресми-эфенди, именно крымские татары подтолкнули и Россию, и Османскую империю к войне после стольких лет мира. Он ссылаясь на постоянные набеги татар на территорию России, считая их причиной того, почему Россия не соблюдает условия мирных договоров с турками.

Россия тщательно продумала свою стратегию: в начале войны одна русская армия двинулась через Правобережную Украину на запад, а другая направилась на юг. За шесть лет войны, вплоть до

заклучения мира в 1774 году, русские нанесли туркам несколько крупных поражений, наиболее заметными из которых была осада и взятие в 1769 году Хотина, расположенного к югу от Каменца на Днестре, и битва при Кагуле на реке Прут, которая была выиграна в следующем году.

В 1770 году впервые в истории, и к огромному ужасу турок, русский флот, совершив длительный переход из балтийского порта Кронштадт через Ла-Манш и Бискайский залив, предпринял дерзкий рейд по Средиземному и Эгейскому морям. Цель Кронштадского флота (в состав которого входила и эскадра под командованием британского морского офицера, контр-адмирала Элфинстона, который незадолго до этого поступил на русскую службу) состояла в том, чтобы помочь православным единоверцам на Балканах поднять восстание против турок. Разрозненные восстания вспыхнули в Черногории, Боснии, Герцеговине и Албании. Еще одно восстание было спровоцировано в плохо защищенном и давно пренебрегаемом метрополией регионе, которым являлся полуостров Пелопоннес. В последнем случае планировалось высадить десант на берег и объединиться с местными лидерами (и с русскими агентами, которые в течение нескольких лет разжигали недовольство населения). К июню главный адмирал османского флота Хусамеддин-паша со своей эскадрой находился у берегов Пелопоннеса и готовился к совместной операции с наземными силами военного губернатора этого района, бывшего великого визиря Мухсинзаде («Сын благодетеля») Мехмед-паши. Когда операция пошла не по плану, преследуемый русской эскадрой Хусамеддин-паша отошел к безопасному анатолийскому побережью и встал на якорь севернее порта Чешме, расположенного неподалеку от Измира. 5 июля стороны сошлись в морском сражении. Турецкие корабли были вынуждены отойти на рейд Чешме, где они были блокированы русскими, которые через два дня сожгли османскую эскадру. Погибло приблизительно 5000 турецких моряков, спастись удалось лишь кораблю главного адмирала, который после этого был снят с должности. Героем чешменского несчастья был один из командиров его эскадры Кезайирлы («Алжирец») Хасан-паша, который получил должность главного адмирала после того, как отогнал русскую эскадру от берегов острова Лемнос, расположенного в северной части Эгейского моря. Этот остров русские захватили и собирались использовать в качестве базы для блокады Дарданелл. Тем временем на Пелопоннесе мусульманское население взяло инициативу в свои руки.

Действия войск Мухсинзаде Мехмед-паши и отрядов под командованием тех провинциальных аристократов, которых спешно вызвали из Македонии и Фессалии, сорвали планы России. Это был единственный эпизод, который турки могли считать своей столь долгожданной победой.

Потрясение от удара, который русские нанесли при Чешме, напомнило туркам о том, что они безрассудно пренебрегли готовностью своего военно-морского флота. Это напомнило им и о той роли, которую удаленные северо-африканские провинции могли бы сыграть в обороне империи, столкнувшейся с угрозой. В 1787 году, когда началась следующая фаза войны с Россией, были направлены дипломатические миссии с целью заручиться поддержкой Марокко и Испании, но они оказались безуспешными. У Марокко не нашлось для этого кораблей, а Испания не видела причин помогать своему давнему врагу.

С 1769 года и до конца войны Ахмед Ресми-эфенди служил на русском фронте, в основном выполняя функции заместителя великого визиря, являвшегося главнокомандующим армией. Назначение такого высокопоставленного чиновника, как Ахмед Ресми, на командную должность в армии было весьма нетрадиционным шагом. Он стал пашой и участником процесса выработки стратегических решений, которые должны были спасти честь Османской империи, избавив ее от дальнейших сокрушительных поражений. В конце 1770 года турки отклонили мирные предложения России. С таким решением правительства не был согласен ни Ахмед Ресми, ни другой высокопоставленный чиновник и хронист тех лет, Ахмед Васиф-эфенди, который в 1771 году был взят русскими в плен на Крымском фронте и в качестве военнопленного находился в Санкт-Петербурге. С 1771 года Ахмед Ресми служил заместителем у Мухсинзаде Мехмед-паши, который снова стал великим визирем и к которому он испытывал величайшее уважение. Он, как и сам Ахмед Ресми, ясно видел, каких огромных потерь стоит империи эта война. Они оба страстно желали как можно быстрее заключить мир на благоприятных условиях.

Вслед за уничтожением османского флота при Чешме Россия одержала замечательную победу и на другом театре военных действий. В 1771 году русская армия вторглась в Крым, который так долго находился в вассальной зависимости от Османской империи, и, применив тактику «кнута и пряника», добилась того, что в 1772 году Сахиб Гирей дал согласие впредь считать Крым независимым го-

сударством, в которое входят степи между Днестром и Бугом и между Днестром и Азовским морем, а также Крымский полуостров и кубанские степи. На протяжении всей долгой истории Крыма его ханы играли на глубоком сочувствии, которое турки испытывали к этому аванпосту, расположенному на линии фронта с Россией, и в то же самое время без всяких колебаний проводили свою собственную внешнюю политику, когда считали это нужным.

В 1771 году Австрия и Османская империя заключили соглашение, по которому турки уступали австрийцам территорию в обмен на военную помощь Австрии в борьбе с Россией. Но в следующем году, когда Россия и Османская империя вели мирные переговоры при посредничестве Австрии и Пруссии, Австрия в одностороннем порядке вышла из союза с турками и в июле 1772 года присоединилась к России и Пруссии, которые осуществляли то, что теперь называют первым разделом (было еще два раздела, в 1793 и 1795 годах соответственно) Польши. Через четыре месяца был подписан договор между Сахиб Гиреем и Екатериной, что поставило крест на мирных переговорах по «Крымскому вопросу». Сначала Стамбул не принимал во внимание слова Ахмеда Ресми, который предупреждал, что Османской империи следует довольствоваться реалистическими границами, но когда незавершенная в 1773 году военная кампания на Дунае была продолжена в 1774 году и закончилась двумя приграничными битвами: при Суворово* и при Шумене, турки были вынуждены снова сесть за стол переговоров. Султан Мустафа умер в январе 1774 года, но перед смертью успел выразить собственное понимание событий того времени:

Мир пришел в упадок, и не думаю, что он восстановится
при нашей жизни;
Государство докатилось до полного убожества и пошлости,
При дворе все заботятся только о собственном удовольствии;
Нам остается уповать лишь на милость Всевышнего.

Преемником Мустафы на султанском троне стал его брат Абдул-Хамид. Ахмед Ресми, которому в июле 1774 года было поручено представлять интересы Османской империи на мирных перегово-

* Имеется в виду Козлуджи, где войска под командованием Суворова и Каменского, общей численностью 25 000 человек, разбили 40-тысячный турецкий корпус. — *Примеч. перев.*

рах, стал участником процесса выработки условий еще более уни- зительных, чем условия Карловицкого договора 1699 года, а тот факт, что именно он подписал договор, который турки назвали Кучук- Кайнарджийским мирным договором (он был подписан в деревне Кайнарджа, находившейся в 25 километрах к юго-востоку от Си- листрии на Дунае), способствовал тому, что он оказался в опале.

Изложенная им в трех отчетах оценка военных усилий, предпри- нятых Османской империей во время войны с Россией 1768— 1774 годов, показывает полную противоположность турецкого и рус- ского подходов к ведению военных действий. На военных советах Екатерины вопросы стратегии обсуждались во всей их глубине, изу- чались предыдущие военные кампании с тем, чтобы извлечь уроки из прежних неудач. Так, накануне войны, в 1768 году, в Санкт-Пе- тербурге обсуждался трехлетний план операций, включавший в себя четыре альтернативных варианта ведения кампании первого года войны, разработанных с учетом различных ответных действий тур- рок. Турецкий подход был совсем иным. Ахмед Ресми по собствен- ному опыту знал о неспособности Стамбула прислушиваться к со- ветам боевых командиров и о том, как отсутствие координации дей- ствий затягивает войну. После поражений первого года войны он подверг острой критике методы планирования военных операций, а затем перенес внимание на более широкий контекст осmano-рос- сийских отношений и привел доводы в пользу определения четких границ и заключения вечного мира между этими двумя государства- ми посредством дипломатии и переговоров. В своем третьем отчете, написанном в 1781 году, он вновь заявил о том, что мир пред- почтительнее войны, подтвердив этот тезис историческими приме- рами, взятыми из разных эпох, начиная с раннего мусульманства и заканчивая последней войной, во время которой Османская импе- рия отвергла мирные предложения, сделанные генералом Екатери- ны Петром Румянцевым в 1771 году, когда русские были в гораздо более выгодном положении, чем турки.

В 1765 году Румянцев вновь назвал несколько стратегических це- лей, которые были дороги тем, кто поддерживал русский экспан- сионизм. Из этих целей две имели особое значение: включение Крымского ханства в состав России и расширение русских рубежей до побережья Черного моря. По условиям Кучук-Кайнарджийско- го мирного договора эти цели были почти достигнуты: крымский хан отказался быть вассалом Османской империи, и этот регион попал под влияние России, а трехсотлетнее безраздельное господ-

ство турок в Черном море закончилось тем, что Россия получила в свое владение Кинбурн в устье Днепра, а также Керчь и Еникале на побережье Азовского моря. Россия получала права на торговое судоходство, и теперь ее корабли могли свободно плавать по Черному морю и заходить в Средиземное. Кроме того, ей разрешалось открывать консульства на территории Османской империи и иметь постоянное посольство в Стамбуле. По условиям секретной статьи договора турки впервые за всю историю согласились в течение следующих трех лет выплачивать военные репарации. В качестве утешения, им были возвращены приобретения России в районе Дуная.

Когда русский посол прибыл ко двору султана, чтобы уладить детали мирного договора, современник событий, турецкий автор из Пелопоннеса, записал сон, который он тогда увидел, и то, как этот сон помог ему вновь обрести уверенность в силах своего государства (как потом оказалось, напрасную):

Во сне я был в Бейоглы, и мне показалось, что я вижу огромные шатры, поставленные для того, чтобы принять русского посла. Это был человек лет восьмидесяти, судя по его седине, который сидел в большом высоком шатре, а высокопоставленные чиновники султана стояли и прислуживали ему. Те многие музыкальные инструменты, игры и забавы, которые есть при дворе, все были в этом шатре, и на них по очереди играли и развлекались, и там выступали медведи и обезьяны. Прошло немного времени, и лицо посла приобрело нечеловеческий вид и превратилось в морду большого льва и стало красного цвета, темнее черепицы на крышах, и чтобы посмотреть окрестности, он подошел к краю шатра и сказал: «Когда лицо посла такое же, как у льва, это указывает на силу Московии». А когда во сне я зарыдал, видя, как оскорбляют сановников величайшего государства, туда, где я находился, а я стоял под каким-то деревом, подошел человек и сказал: «Не беспокойся. Тот образ, который ты видишь, не настоящий лев, а скорее картонный, сделанный из бумаги, и если на него вылить воду, он размякнет и рухнет».

Всегда вызывала самые серьезные сомнения степень выполнимости условий Кучук-Кайнарджийского договора по причине двусмысленности целого ряда его положений и вследствие нежелания турок признавать значение того, от чего они отказались. По договору султан отказывался от каких-либо претензий на политическое

влияние в землях, принадлежавших Крымскому ханству, но сохранил духовный авторитет среди своих давних вассалов, которые признавали в нем «халифа всех мусульман» — титул, редко используемый османскими султанами, но оформленный в таких терминах, которые скорее соответствовали западным, а не исламским представлениям о религиозной власти. Этот титул был выражением претензии султана на первенство среди мусульманских монархов, реализованной султаном Селимом I, когда он одержал победу над мамлюками в 1517 году. Вопрос, в какой степени этот договор гарантировал России сходную привилегию на духовный авторитет среди православных подданных султана, всегда вызывал различные толкования и споры. Весьма сомнительна точка зрения, согласно которой договор давал России право вмешиваться (точнее говоря, делать «представления») в дела Османской империи, действуя от лица всех ее православных христиан, поскольку пресловутые статьи 7 и 14 конкретно называют только одну религиозную общину прихожан русской («русско-греческой» — в итальянском и турецком текстах, «греко-русской» — в русской версии текста этого договора) православной церкви в Бейоглы, на главной дороге старого гегуэзского пригорода Стамбула, Галаты, которая так и не была построена. Право защищать отдельную религиозную общину своих единоверцев в Бейоглы уже было передано католическим церквям Франции и Австрии, но не протестантским церковным властям Англии и Пруссии, поэтому и «защиту» новой православной церкви пришлось осуществлять по той же схеме.

Помимо уже упомянутой русской церкви в Бейоглы, туркам, по условиям различных статей договора, предлагалось не притеснять христиан островов Эгейского моря, дунайских княжеств Молдавии и Валахии, а также западной Грузии. Австрийский дипломат Франц Тугут, который во время мирных переговоров представлял в Стамбуле интересы своего императора, охарактеризовал статьи договора, касавшиеся русских требований взять под защиту всех православных христиан Османской империи, как результат «русской сноровки» и «турецкого тупоумия». Но Тугут только догадывался о содержании договора и написал эти слова до того, как получил возможность ознакомиться с его текстом в окончательной редакции. Ответственность за утверждение, согласно которому Россия одурачила турок, можно возложить на любого историка, написавшего свой труд в конце XIX века, в период наивысшего подъема националистических и антитурецких настроений. Такой историк, умалчивая о том,

при каких обстоятельствах Тугут сделал свои выводы, ссылаясь на него как на неоспоримый авторитет. Подобное толкование, да еще и с выводом, что в 1774 году Россия на самом деле добилась права вмешиваться во внутренние дела Османской империи, получило поддержку после окончания Крымской войны и с тех пор, то есть со второй половины XIX века, снова и снова находит своих приверженцев.

Впрочем, сам этот договор составлен так, что при его толковании легко допустить ошибку: он написан в трех экземплярах (на русском, турецком и итальянском языках), тексты которых не были согласованы. Кроме того, был французский перевод русского текста договора, изданный правительством Екатерины в 1775 году и ставший инструментом европейской дипломатии*. Эта текстовая неразбериха, а также претензии Екатерины стать защитницей православных подданных Османской империи привели к еще большим неясностям в понимании смысла договора, который стали толковать в пользу России. Не удивительно, что когда Россия распространяла свое влияние на Балканах, от религиозных проповедников можно было услышать еще одно историческое утверждение Тугута, согласно которому поддержка Россией «схизмы»** православия неминуемо повлечет за собой конец католичества на Ближнем Востоке. Но когда князь Меттерних, который в 1821 году во время греческого восстания против турецкого правления был министром иностранных дел Австрии, тщательно изучил этот договор, он отказался признать его обоснованием того, что русские имеют право защищать православных христиан Османской империи. Каким бы ни был подлинный смысл Кучук-Кайнарджийского договора, значение имело его последующее толкование, а Россия чрезвычайно умело сыграла на всех его двусмысленностях и противоречиях.

В Крымском ханстве послевоенные годы отличались чрезвычайной нестабильностью, так как поддерживаемые Россией претенденты на престол соперничали с теми, кому благоволили турки. В апреле 1777 года ханом стал ставленник Екатерины Шахин Гирей, который произвел на нее большое впечатление благодаря своей

* Очевидно, Кучук-Кайнарджийский мирный договор был переведен на английский язык не раньше 1854 года, то есть во время Крымской войны.

** Схизма — раскол. — *Примеч. перев.*

приятной наружности и венецианскому образованию, еще когда он находился в Петербурге, где, действуя от имени своего брата, Сахиб Гирея, готовил договор о независимости, подписанный в 1772 году. Он пытался учредить военные и административные институты, необходимые государству, уже не подчинявшемуся своему имперскому владыке, но то явное предпочтение, которое он отдавал мусульманским меньшинствам Крыма, видя в них движущую силу задуманной им модернизации, стало причиной восстания, и вскоре ему на помощь была направлена русская армия. Эти войска не спешили возвращаться домой, в особенности после того, как Шахин Гирей полностью лишился поддержки своих подданных мусульман. Крымские христиане опасались, что после ухода русских последуют репрессии со стороны мусульман, и многие из них были переселены на территорию России. Подстрекаемый татарами-изгнанниками, которые обосновались в Стамбуле, султан в 1778 году направил в Крым эскадру под командованием аристократа из северной Малой Азии Каникли Ходжи Али-паши, поручив ему сместить Шахин Гирея, но из этого ничего не вышло, и в силу сложившихся обстоятельств адмирал признал Шахин Гирея ханом.

В 1779 году русская армия вышла из Крыма, поскольку она была обязана это сделать по условиям соглашения с турками. Шахин Гирей продолжал свои реформы, хотя они и шли с большим трудом, но его территориальные притязания в регионе, которые он стремился осуществить в ущерб туркам, и его неспособность подчинить своей власти даже соперничавших с ним братьев, привели к тому, что в 1782 году на Кубани вспыхнул мятеж. Екатерина снова направила войска, но на этот раз они не ушли, — понимая, что цель сделать Крым стабильным и независимым недостижима, она 8 апреля 1783 года объявила об аннексии ханства. Следующие четыре года Шахин Гирей провел в России, где, находясь в тюремном заключении, обдумывал планы побега в Стамбул. Он подавал прошения и султану, и императрице, но вскоре понял, что он не более чем пешка в их политической игре. В 1787 году Екатерина разрешила ему уехать, и, поверив обещанию, что он получит поместье во Фракии (что было традиционной привилегией крымских ханов), он в начале лета отправился в Эдирне. Когда султану Абдул-Хамиду стало известно о том, что Шахин Гирей приближается к городу, он понял, что настал момент отомстить хану за его вероломство, и вместо Фракии направил его в ссылку на Родос, тайно приказав, чтобы «этот неверный мерзавец и обманщик» был как можно скорее казнен.

Впрочем, бывшему хану удалось продлить свою жизнь еще на два месяца: последующие указы о его казни затерялись в пути, а чиновнику, который отвечал за охрану Шахин Гирея во время плавания на Родос, не хватило смелости его убить. Оказавшись на Родосе, он сразу же нашел убежище во французском консульстве, но, в конечном счете, был оттуда выдворен силой, и смертный приговор был приведен в исполнение. Таким оказался постыдный финал трехсотлетней совместной истории крымских ханов и османских султанов.

После этого началась интенсивная русская колонизация и заселение степных районов, а также строительство Черноморской эскадры с базой в Херсоне, расположенном в устье Днепра, всего в двух с половиной днях плавания из Стамбула. Императрица Екатерина не спешила с аннексией крымских владений: в 1770 году российский государственный совет сделал заявление, согласно которому «татары никогда не смогли бы стать полезными подданными Ее Императорского Величества и были бы слабой защитой на границах с их единоверцами, турками», и через несколько лет ее мнение на этот счет мало изменилось. Даже в 1778 году, когда вспыхнуло второе восстание против Шахин Гирея, она, несмотря на давление своих советников, похоже, не собиралась лишать Крым независимости. Но со временем все изменилось: ее любовнику и фавориту Григорию Потемкину приписывают то, что он в 1783 году убедил ее присоединить Крым, оправдывая это тем, что Россия не получила должное по Кучук-Кайнарджийскому договору.

Потеря крымских владений стала для Османской империи ударом такой силы, который в прежние времена привел бы к немедленному объявлению войны. Этого не произошло только по причине ослабленного состояния вооруженных сил империи, ее пустой казны и доминирующего влияния государственных деятелей, которые поддерживали мир, невзирая на цену, которую они заплатили. Противоречивые мнения внутри правящей элиты (будь то стремление вернуть утраченное или, исходя из высших интересов государства, хладнокровно признать поражение) отражали болезненный процесс приспособления к миру, в котором идеология «постоянного расширения границ» уже не отвечала интересам Османской империи. Нарушения Кучук-Кайнарджийского мирного договора и дополнений к нему допускали обе стороны, но Ахмед Ресми-эфенди нашел еще одного сторонника своей пацифистской позиции в лице великого визиря Халил Хамид-паши, который, на-

ходясь на этом посту в период с 1782 по 1785 год, улучшил оборону северных рубежей империи, но в то же самое время выступал за безропотное признание потери Крыма. В 1784 году Россия оказала давление на султана Абдул-Хамида с целью заставить его подписать документ, подтверждающий согласие Османской империи с новой ситуацией (что неизбежно вызвало бы негодование самых широких слоев населения, если бы об этом стало известно). И все же такой документ был тайно подписан, причем не только султаном, его визириями и представителями высшего духовенства, но также (по воле русских) и престолонаследником Селимом, который был племянником Абдул-Хамида, а позднее стал султаном Селимом III.

Халил Хамид-паша потерял свой пост (и голову), когда соперникам при дворе удалось впутать его в заговор с целью свержения султана Абдул-Хамида в пользу Селима. Из ближайших сторонников Халил Хамида были казнены тогдашний губернатор Пелопоннеса и бывший главнокомандующий янычар, а шейхульислама отправили в ссылку. После этого влиятельной стала клика, собравшаяся вокруг главного адмирала, который уже давно находился на государственной службе. Как раз в это время Кезаирлы Хасан-паша проводил реформы в военно-морском флоте, подобные тем, которые Халил Хамид предлагал осуществить в сухопутной армии, но отношения между ними не были близкими, а свержение султана не входило в сферу их общих интересов. Уже давно является предметом дискуссий предположение, что либо сама Екатерина Великая, либо кто-то из ее политиков всерьез подумывали о разделе Османской империи. И Россия, и Австрия уже отхватили себе по куску Польши, и весьма распространенным тогда было мнение, что между Екатериной и Иосифом II Австрийским было достигнуто согласие относительно дальнейшего продвижения так называемого «греческого проекта» Екатерины, сводившегося к восстановлению Византийской империи с центром в «Константинополе». Ярким символом этой мечты стало изображение Айя Софии на медали, выпущенной в 1779 году в ознаменование рождения внука императрицы, Константина Павловича. В 1782 году слухи о намерениях России достигли Стамбула и показались еще более правдоподобными после того, как весной 1787 года Екатерина, встретившись с Иосифом II в окрестностях Херсона, въехала вместе с ним в город через триумфальную арку с надписью на греческом языке: «Дорога к Византии». Султан Абдул-Хамид воспринял это со всей серьезностью и опа-

сался, что следующим шагом России будет захват Анатолии. Он предпринял меры по усилению таких прибрежных крепостей северной Малой Азии, как Синоп и Самсун, а чтобы защитить Стамбул от возможного нападения, построил два новых форта на берегах Босфора в добавление к тем пяти, которые были возведены после 1774 года.

На протяжении трех лет, начиная с 1786 года ответственность за принятие решений лежала на воинственном великом визире Коджа Юсуф-паше. К тому времени, когда Екатерина легко добилась успеха в своей новой провинции, которой стал Крым, все дипломатические средства разрешения споров с Россией уже были исчерпаны, поэтому требование уйти из Грузии, которое она впоследствии предъявила туркам, наткнулось на упорное сопротивление в виде встречных требований признать Восточную Грузию вассалом Османской империи, закрепить за ней право производить досмотры русских кораблей в Черном море, закрыть некоторые весьма важные для русских консульства (в Яссах, Бухаресте и Александрии) и, самое главное, вернуть Крым. Это последнее требование Екатерина никак не могла признать. В августе 1787 года турки объявили войну.

Хотя общественное мнение Османской империи, несомненно, рассматривало потерю Крыма как сокрушительное поражение, перспектива новой войны не пользовалась популярностью, и впервые за всю историю жители Стамбула решили выразить свое несогласие с помощью листовок, расклеенных на зданиях государственного значения (таких как дворец) или распространявшихся в мечетях. Одна листовка, оставленная у Адмиральского фонтана, расположенного неподалеку от главной базы флота в квартале Каракёй, начиналась следующими словами:

Султан Абдул-Хамид, у нас уже кончается терпение. Вы до сих пор не поняли, в чем ваша ошибка. Вы уже убедились, что Юсуф-паша [который по происхождению был грузином и принял ислам] не в состоянии нести свою службу должным образом. Почему вы позволяете себе верить его лживым словам и отдаете империю этому неверному?

Шейхульислам и помощник великого визиря также обвинялись в том, что они не являются истинными мусульманами, после чего продолжались упреки в адрес султана:

Переодевшись и изменив внешность, вам следует немедленно появиться на людях и смешаться со своими подданными, чтобы понять, каковы общественные настроения, и начать переговоры о мире. Пусть войска со своими знаменами вернутся с поля битвы домой, или, клянусь, вы об этом пожалеете. Юсуф-паша не в состоянии делать свое дело, и вас ждут негативные последствия. Вы поставили себя в глупое положение. Придворные камергеры [прежде Юсуф-паша служил камергером при дворе] не способны выполнять такие задачи, как управление делами империи.

Как и многие другие султаны, Абдул-Хамид действительно имел привычку бродить по городу инкогнито и мог своими глазами видеть подобные листовки. Его первой реакцией было обвинить в появлении листовок всех «неверных». Однако возникло подозрение, что инициатором мог быть главный адмирал Кезаирлы Хасан-паша.

Можно считать спорной убежденность Ахмеда Ресми-эфенди, возлагавшего на крымских татар ответственность за втягивание империи в войну 1768–1774 годов, но в 1787 году Крым, несомненно, стал поводом к войне. Выбор времени для военных действий не был удачным ни для Австрии (которая объявила войну в начале 1788 года), ни для России — Иосиф догадывался о целях России, но его отвлекали Пруссия и вызванные административными реформами волнения в его собственной империи. Что касается Екатерины, то в 1788 году ей пришлось столкнуться с нападением шведов. Но и турки приобрели себе врагов, которые могли объединиться и задействовать свои войска на пространстве от Далмации до Кавказа. В центре военных действий, предпринятых против России в конце 1787 года и в 1788 году, была турецкая крепость Очаков и находившаяся неподалеку от нее в устье Днепра русская крепость Кинбурн. В 1736–1739 годы эта местность стала ареной ожесточенной борьбы. Военный потенциал Швеции был слишком слаб, чтобы надолго отвлечь Россию. Русские войска на Черном море получили пополнения, и после осады Очаков пал. На австрийском фронте Коджа Юсуф-паша форсировал Дунай и вторгся в Венгрию, но наступившая зима не позволила развить это многообещающее наступление, а австрийцы заняли Хотин.

Вскоре после того как война началась, султан распорядился, чтобы впредь на металлических монетах было выбито: «Отчекане но в

Стамбуле», а не «Отчеканено в Константинополе» (возможно, это было сделано в качестве ответа на нумизматический вызов, брошенный Екатериной) и чтобы в имперских постановлениях столица Османской империи упоминалась только под этим названием*. Воинственность, которую продемонстрировали Коджа Юсуф-паша и султан Абдул-Хамид (его даже стали называть «воином за веру», чего так добивались все султаны), не соответствовала духу времени: и жители Стамбула, и другие государственные деятели высокого ранга рассматривали мир как необходимое условие для благополучия государства. Однако Екатерина тоже была настроена воинственно: даже до падения Очакова она отказалась от посреднических услуг, предложенных в 1788 году Тройственным союзом, в который входили Британия, Пруссия и Нидерланды.

Султан Абдул-Хамид умер весной 1789 года, и на трон вззошел его племянник Селим — двадцативосьмилетний сын Мустафы III. Главным приоритетом для Селима стало победоносное окончание войны. Несмотря на отход от надежных и проверенных методов Османской империи, чему тогда благоволили в правительственных кругах, Селим прибегал к традиционной практике, и, чтобы его войска продолжали выполнять свои обязательства, он щедро им платил. Кроме того, он (возможно в подражание императору Иосифу II, который на короткое время взял на себя обязанности командующего австрийской армией) уделил некоторое внимание предложению, согласно которому он должен был сам возглавить свои войска. Полный решимости отомстить за унижения, которые испытала Османская империя, он поставил себе целью ни больше и ни меньше чем вернуть крымские земли. Эта мечта не давала туркам покоя и в следующем столетии. Взойдя на трон в столь решающий момент, Селим хорошо понимал, что ему надо обеспечить лояльность ведущих политиков, поэтому первоначально он оставил Коджа Юсуфа на посту великого визиря, а шейхульисламом назначил че-

* При внимательном изучении каталогов османских монет становится ясно, что на монетах, отчеканенных во время правления Абдул-Хамида и его преемника Селима III, название «Константинополь» действительно было заменено названием «Стамбул» (точнее, «Исламбол»), хотя впоследствии снова используется «Константинополь». Еще в 1730 году вззошедший на трон Махмуд I давал подобные указания, и на монетах того времени тоже выбито слово «Исламбол».

ловека, который был не особенно компетентен, но пользовался благосклонностью высшего духовенства.

В конце концов султан Селим не повел свою армию на битву. Это была идея, выдвинутая заместителем великого визиря, и в письме к нему Селим явно проявляет раздражение тем, что ему ее навязали, хотя сам взял на себя такое обязательство:

Когда мы ранее обсуждали этот вопрос, ты сказал, что идти на войну мой долг, и я сказал, что я пойду, — но первоначально это не было моей идеей: идея была твоей, и ты написал имперское постановление, и поэтому данный вопрос теперь у всех на устах. Шведский посол выразил свое удовлетворение постановлением. Я не предстану ни перед европейскими державами, ни перед военными, ни перед народом как человек, который говорит неправду и привык лгать. Ты знаешь, что бывает с султаном, который лжет. Мне ясно, что твое поведение не дает мне возможности идти на войну. Поскольку *падишах* не может идти на войну лишь со скудными запасами, надо немедленно подготовиться — но ты не сделал никаких приготовлений. Монархам приличествует держать свое слово: будет ли война или мир, весной я непременно перееду в Эдирне или еще дальше. Меня не будут презирать несведущие. Если ты будешь создавать мне препоны, мешая моему отъезду, и тем самым позорить меня перед всем миром и Европой, тебе следует знать, что я клянусь предать позору всех вас, кто был на совещании, где обсуждался этот вопрос.

Для Османской империи военная кампания 1789 года закончилась катастрофой. И хотя военачальники высших рангов, такие как великий визирь, остались на своих местах, сумятицы, вызванной восхождением на трон Селима, оказалось достаточно, чтобы лишить действующую армию того небольшого стимула, который у нее проявился, — войска уже испытывали нехватку денежных средств и припасов. Австрийцы вошли в Боснию и Сербию и после пятидесятилетнего перерыва снова взяли Белград. Россия оккупировала Валахию, которая в 1774 году снова была передана под власть Османской империи, но с тех пор становилась все более и более ненадежным вассалом. Зимой того же года султан отклонил мирные предложения. Стратегические интересы России требовали от нее переключить внимание на западное направление: ей нужен был мир,

чтобы сосредоточиться на войне со Швецией (с которой Селим вскоре после восхождения на трон заключил союз) и, воспользовавшись ситуацией, извлечь наибольшие выгоды из того, что ее соседи сосредоточили все свое внимание на французской революции.

Взятие Белграда позволило австрийской армии предпринять наступление на юго-восток, через Балканы, в направлении Ниша, точно так же, как она это делала столетие тому назад. В Стамбуле считали, что австрийцы могут дойти до Софии. В Пруссии турки видели союзника, горевшего желанием занять то место, которое так долго принадлежало Франции. Начиная с восхождения на трон Фридриха Великого в 1740 году Пруссия полвека искала расположения турок. В 1761 году был подписан договор о торговле и дружбе между двумя державами, но только в 1790 году был заключен полноценный союз. Это достижение еще более укрепило султана в намерении не рассматривать мирные предложения и поссорило его с недавно назначенным великим визирем Кезаирлы Хасан-пашой, которому можно было доверять, но который был уже в возрасте и к тому же оказался настолько убежденным пацифистом, что дерзнул, не считаясь с мнением султана, начать мирные переговоры на собственный страх и риск.

В 1790 году был сорван план русского наступления через Дунай, согласованного с действиями австрийской армии, но все же им удалось занять главные турецкие крепости в нижнем течении Дуная. В том же году турки вели с Польшей переговоры с целью заключения пакта о взаимной обороне в случае нападения России, но он так и не был ратифицирован. В 1790 году после смерти императора Иосифа II и восхождения на трон Леопольда II Австрия уладила свои разногласия с Пруссией, которая столкнувшись с более неотложными проблемами, в одностороннем порядке вышла из договора о союзе, с которым турки связывали свои надежды на возвращение Крыма. В том же году Россия дала положительный ответ на мирные инициативы Кезаирлы Хасан-паши, предложив довольно привлекательные условия выхода из войны, но султан Селим их отклонил (он рассчитывал на обещание Пруссии начать войну против Австрии, не подозревая о том соглашении, которое его новый союзник, преследуя собственные цели, заключал с Австрией). Этот шаг оказался вдвойне неудачным, поскольку в том же году, но позднее Россия заключила мир со Швецией, которая по этой причине также разорвала договор с Османской империей. Положительным фактором стало изменение политики Габсбургов, которое в 1791 году

привело к австро-турецкому мирному соглашению, Сисовицкому договору, по которому Австрия возвращала завоеванные ею турецкие территории, в том числе и Белград. Паутина международной дипломатии редко была столь запутанной, как в тот период истории. К тому времени главным соперником Османской империи была уже не Австрия, а Россия, которая в 1791 году закрепила свои успехи, достигнутые на Дунае в предыдущем году.

На востоке, в Кавказском регионе, Россия быстро продвигалась по территориям мелких княжеств, где Иран издавна боролся с турками за влияние и контроль. Не оправдались надежды турок мобилизовать племена Кубани под руководством изгнанных татарских ханов с целью вернуть земли, принадлежавшие Крымскому ханству. Это случилось по причине неразрешимости проблем, связанных со снабжением, и потому что местные племена не желали отождествлять свои цели с целями Османской империи в этом регионе. Не оказали серьезной помощи и правители южного Кавказа. Турки, как и русские, когда они пытались сделать более покладистыми народы своих восточных и южных окраин, обнаружили, что временной поддержки со стороны народов, стратегические интересы и приоритеты которых заметно отличаются от их собственных, можно добиться (если это действительно возможно) только с помощью щедрых даров и стимулов.

Во время военной кампании 1789 года турки провели мобилизацию и реквизировали продовольствие в северной Малой Азии, чтобы оказать противодействие русскому наступлению на крепость Анапа, расположенную на северо-восточном берегу Черного моря, восточнее выхода из Азовского моря. Линия фронта стабилизировалась, когда русские укрепили оборонительный рубеж, проходивший по реке Кубань. Нападение русских на Анапу не оставило туркам иного выбора, кроме как купить необходимое для обороны этого региона участие в ней Баттал («Неловкий») Хусейн-паши (сына азиатского аристократа Каникли Хаки Али-паши), пожаловав ему провинцию Трабзон. Заявленной Баттал Хусейном целью было ни больше и ни меньше как изгнание русских с Кавказа и возвращение владений Крымского ханства. Но его честолюбивые планы были расстроены, когда осенью 1790 года его преследуемой русскими армией пришлось проделать путь на юг, от Кубани и до побережья Черного моря. Когда он сдался, кавказские народы, которые сражались вместе с ним, оказались предоставлены самим себе, а сам он и его сын Тайар («Подвижный») Махмуд-бей в течение девяти лет оста-

вались пленниками русских. Новым командующим кавказским фронтом был назначен другой представитель семейства Каникли. В июле 1791 года русские блокировали Анапу и в течение двух недель ее взяли. За такую потерю командующий кавказским фронтом (который все это время оставался в Трабзоне) был казнен.

Теперь турки были готовы к миру. Ясский договор, подписанный в январе 1792 года, закрепил и расширил потери, которые Османская империя понесла по Кчук-Кайнарджийскому договору. Границы между Османской и Российской империями были установлены по Днестру на западе и по Кубани на востоке. Анапу вернули туркам, но возложили на них ответственность за надлежащее поведение народов, живших южнее Кубани, и потребовали платить компенсации в том случае, если они совершат набег на другой берег реки и причинят вред жизни или имуществу населения, жившего на российской территории. Однако, как и казаки, кавказские народы не считали себя связанными этим договором, и их формальному сюзерену пришлось возмещать потери, понесенные в результате набегов. Так, в 1798 году это положение договора было применено на деле, и казначейству Османской империи пришлось выплачивать компенсации.

Анапа была восстановлена и сильно укреплена, но после 1792 года возвращение Крыма, похоже, перестало быть столь неотложной проблемой, как, впрочем, и претензии на турецкое влияние на Кавказе. Так продолжалось до тех пор, пока Иран не стал снова проявлять интерес к этому региону, что случилось в 1795 году, когда Ага Мухаммад-хан из династии Каджаров приступил к военной кампании по возвращению бывших территорий Сефевидов, находившихся между реками Аракс и Кура. Хотя с 1783 года восточная Грузия была протекторатом России, а пакт о взаимной обороне, направленный против Ирана и Османской империи, теоретически все еще был в силе, Россия медлила с ответом на просьбы одного из грузинских правителей, которому нужна была помощь в борьбе против Ага Мухаммада. На самом деле после случившейся 6 ноября 1796 года кончины Екатерины Великой ее преемник, царь Павел I почти сразу же заключил мир с Ираном.

Внезапные вторжения Ага Мухаммад-хана на Кавказ потребовали ответной реакции и со стороны Османской империи: выходявшие к побережью Каспийского моря Азербайджан и Дагестан входили в османскую сферу влияния, и эти кавказские правители призывали Стамбул оказать помощь в борьбе с Каджарами, кото-

рых они называли кызылбашами. Сначала им было в этом отказано, но когда в сентябре 1795 года Ага Мухаммад-хан отдал на разграбление Тбилиси, командуя кавказским фронтом назначили губернатора Эрзурума. Первоначальное нежелание султана Селима оказывать помощь своим кавказским единоверцам продемонстрировало его непоследовательность, особенно принимая во внимание тот факт, что всего за несколько лет до этого его предшественник Абдул-Хамид рассматривал возможность получения финансовой помощи со стороны другой группы мусульманских государств (находившихся в Северной Африке), лояльность которых, как и надежды султана, укрепились в результате того, что в 1774 году Абдул-Хамид принял титул халифа.

Едва начавшись, война сразу же обрушила финансы Османской империи. Спад торговли, продолжавшийся с 60-х годов XVIII века, привел к тому, что в конце столетия казначейство с трудом могло финансировать военные действия. Когда владения империи уменьшились, турки потеряли не только территории, но и центры производства, а также рынки, которые отошли к России. И без того тяжелое финансовое положение усугубляли такие побочные факторы, как компенсации, которые турки выплачивали русским после войны 1768–1774 годов (и которые, вероятно, были равны половине ежегодных кассовых поступлений казначейства), а также эпидемии, являвшиеся неременным атрибутом войн. И наконец, последний удар по экономике нанесла торговля с главным коммерческим партнером Османской империи, рухнувшая после того, как Франция стала нести потери в ходе революционных войн, в которые она ввязалась.

В условиях, когда функция сбора налогов в основном перешла к пожизненным откупщикам, центральное казначейство стало испытывать такую нехватку финансов, что государство с трудом могло выполнять некоторые из самых главных его задач, в особенности мобилизацию войск, необходимых для ведения войны. Поэтому в последние десятилетия XVIII века оно стало более зависимым, чем когда-либо прежде, от провинциальных вельмож (некоторые из которых сами были налоговыми откупщиками), поскольку только на них можно было возложить финансовое бремя ведения военных кампаний. Во время войны 1768–1774 годов губернаторы провинций и вельможи несли основную ответственность за снабжение армии (и извлекли из этого выгоду благодаря тому, что взяли под свой

контроль данный рынок). Во время войны великий визирь и главнокомандующий Мухсинзаде Мехмед-паша активно участвовал в непростых переговорах с аристократами балканских провинций и Анатолии, касавшихся формирования войск из населения тех районов, которые были им подвластны. Постепенно передавая одну из своих основных функций, оборону империи, в руки недавно разбогатевших и получивших власть провинциальных магнатов, государство помогало им действовать только в собственных интересах, пренебрегая предписаниями правительства. Быть может, тогда потребность в мобилизации ресурсов, необходимых для ведения войны («менеджмент войны»), впервые стала одним из важнейших катализаторов перемен в Османской империи.

В попытках покончить с финансовым кризисом использовались и традиционные решения: повышение налогов, обесценивание металлических денег, переплавка драгоценностей и конфискация имущества дискредитированных чиновников высокого ранга. Начиная с 80-х годов XVIII столетия подобная практика широко применялась и по отношению к состоятельным лицам, занимавшимся другими видами деятельности, причем по самым ничтожным поводам. В 1775 году, то есть на следующий год после заключения Кучук-Кайнарджийского договора, была принята система общественных займов, целью которой стало втягивание на финансовый рынок тех, у кого было меньше средств. Но эта система слишком часто подвергалась изменениям, поскольку казначейство изо всех сил старалось покрыть выплаты по процентам.

В 1784 году затруднения достигли такого уровня, при котором состоятельные люди империи либо не желали, либо не могли финансировать государство. Впервые правительство обсуждало возможность заимствований за границей. Европейские государства уже давно привыкли покрывать любой дефицит собственного бюджета, занимая деньги у международных ростовщиков или банкирских домов, но турки всегда полагались на то, что они найдут новые способы выжимания своих внутренних источников доходов. У них просто не было институтов, способных гарантировать возврат ссуды, которая могла поступить из нового источника. Вместо этого было предложено отдать от пяти до десяти тысяч человек в качестве залога за сумму, которая будет возвращена по частям. Возможными источниками финансирования считались Франция, Голландия и Испания. Однако наиболее привлекательным вариантом казался Марокко. Незадолго до этого Марокко направил посла в Стамбул,

и он в качестве уступки, целью которой было добиться расположения Османской империи, намекнул на возможность оказать финансовую помощь. Благодаря тем, кто считал, что ссуду следует брать только у мусульманской страны, это весьма туманное обещание стало поводом для возникновения мнения, что Марокко в состоянии одолжить туркам деньги.

В тот период дальше дискуссий о возможности взять ссуду за рубежом дело не пошло, но после 1787 года, когда турки снова вступили в войну с Россией, возникла острая необходимость в деньгах. Средства были нужны не только для ведения собственных военных кампаний: доведенные до отчаяния своим финансовым положением, турки пообещали Швеции обильные субсидии, если она нанесет удар по западным рубежам России (позднее заключенный в 1790 году мир между Швецией и Россией освободил шведов от взятых ими обязательств). Понимая, что на Марокко нечего надеяться, правительство обратило свои взоры к Алжиру и Тунису. Была надежда на то, что, называя ссуду «помощью в священной войне», турки сделают своих единомышленников более сговорчивыми, но это был явно не тот случай. Шейхульислам издал фетву, согласно которой тяжесть кризиса делает законными переговоры с немусульманским государством, и турки обратились к Нидерландам. Однако голландский посол заявил, что для Османской империи будет приличнее получить ссуду у какого-нибудь купца, а не у правительства. Французская революция сорвала попытки вступить в контакт с Нидерландами и с Испанией.

В детстве и ранней юности, то есть еще при жизни отца, Мустафы III, Селим вел сравнительно свободный образ жизни, поэтому, став взрослым, он отличался более гибким складом ума, чем большинство принцев двух предыдущих столетий, которые до своего восхождения на трон не выходили за стены дворца, причем некоторые из них десятилетиями. С восхождением на трон султана Абдул-Хамида этот юный принц лишился своей свободы, но до этого он присутствовал на совещаниях имперского совета, и в тот момент, когда необходимость проведения военной реформы стала всерьез занимать умы османских государственных деятелей, он уже имел представление о состоянии войск своего отца. Несмотря на то что после раскрытия в 1785 году заговора с целью свержения Абдул-Хамида Селим оказался под стражей, ему удалось поддерживать связи с внешним миром, и это помогло ему понять, что перемены неиз-

бежны и что лучше самому их вводить, чем столкнуться с необходимостью уйти в отставку или оказывать этим переменам противодействие. Со времени первой русско-турецкой войны и до своего восхождения на трон он периодически вел переписку с Людовиком XVI, в которой затрагивал вопросы военной реформы. Он не скрывал своего восхищения Францией, считая ее образцовым государством, но обвинял французов в том, что, подтолкнув турок к войне 1768 года, они потом не стали их поддерживать. Едва скрывая свое желание отомстить России, Селим писал, что в своем стремлении вернуть потерянные территории он надеется на помощь Людовика.

Взойдя на трон в самый разгар разрушительной для империи войны, султан Селим III, как тогда было принято, заключил сделку со своей армией, выплатив ей денежные подношения в честь своей коронации. Но только спустя месяц он собрал на консультативную ассамблею около двух сотен высокопоставленных государственных деятелей (военных, чиновников и священнослужителей), чтобы обсудить с ними будущее своей гибнущей державы. Направленная на сохранение империи, а не на решение какого-либо отдельного вопроса, эта инициатива Селима стала чем-то новым в процессе управления государством. После того как в 1792 году был подписан Ясский мирный договор, он ознакомился с докладами о состоянии дел в империи, подготовленными его государственными деятелями. Из представленных на рассмотрение докладов более двадцати сохранились, в основном те, которые касались мер по улучшению боеспособности армии в ее борьбе с Европой (и в особенности с Россией). Авторы этих документов признавали необходимость принятия современных методов и технологий. Подобные идеи, уже высказанные в предшествующие годы Ахмедом Ресми-эфенди (и не только им), подготовили необходимую почву: теперь дискуссия расширилась, и его преемники смогли внести свой вклад в создание более восприимчивого к переменам общественного мнения. Политики и чиновники всегда предлагали султану свои идеи, но теперь от них этого энергично требовали, что создавало более широкий спектр мнений, чем обычно. Среди самых влиятельных советников султана Селима были выдающийся священнослужитель Татаркик («Маленький татарин») Абдулла-эфенди и Эбубекир Ратиб-эфенди, который в 1792 году был послом в Вене, а затем канцлером. Их доклады, помимо чисто военных вопросов, охватывали многие сферы османской системы государственного управления.

Консерватизмом отличались рекомендации вернуться к старым методам, существовавшим еще до того, как появились основные, характерные только для Османской империи институты (прежде всего янычарство), которые, как полагали их составители, стали безнадежно коррумпированными. Но одновременно с такими рекомендациями поступали и предложения создать новые виды войск или повысить статус тех, которые уже были учреждены в XVIII столетии. Эти доклады свидетельствуют о сознательном признании правящими кругами необходимости заимствовать у неверных то, что делает их сильными, и понимании того, что это надлежит сделать, не выходя за привычные рамки османского ислама.

Вероятно, военная реформа началась в тот момент, когда правящий класс Османской империи уже содрогнулся от натиска русских. Западная помощь поступала главным образом от французов, и, оглядываясь назад, следует отметить, что прежде всего эта помощь отождествлялась с фигурой барона де Тотта. После того, как в 1767 году он был снят с поста чрезвычайного консула в Крыму, его направили служить к султану Мустафе III. Это случилось после того, как в 1770 году османский флот потерпел поражение от русской эскадры в сражении при Чешме. Занимаясь тем, что, в сущности, и являлось программой оказания французской технической помощи, он развернул бурную деятельность весьма широкого диапазона, от возведения новых фортификационных сооружений в проливе Дарданеллы с целью отражения возможного нападения русского флота на Стамбул, до консультаций по созданию военных школ различной профессиональной направленности и формирования полка скорострельной артиллерии. Де Тотт настолько талантливо себя рекламировал, а мемуары, которые он написал после того, как покинул Стамбул, пользовались такой популярностью, что с тех пор внимание всегда привлекали реформы, проводимые под руководством иностранцев, а к реформам, которые начинали сами турки, особенно если они касались преобразований в территориальных, а не в основных войсках, всегда относились с пренебрежением.

Одним из таких преобразований была предпринятая султаном Абдул-Хамидом I ликвидация сформированных из местного населения нерегулярных подразделений — *левенд*, которые создавались по образцу и подобию янычар и насчитывали от 100 до 150 000 человек, но никак не проявили себя во время войны 1768—1774 годов. В 1769 году Ахмед Ресми-эфенди видел их в деле и обрушился на них с резкой критикой. Он называл их неуправляемой толпой, ко-

торой лучше было бы остаться дома. Появившееся приблизительно за два столетия до этого слово «*левенд*» с самого начала имело уничижительный оттенок и первоначально применялось как одно из прозвищ расформированных нерегулярных войск, ответственных за те значительные беспорядки, которые имели место в Анатолии в последней четверти XVI века*. Следуя примеру своих предшественников, Абдул-Хамид ввел запрет на использование слова «*левенд*» (запрет был введен в 1775 году после окончания войны), что стало символической мерой, направленной на то, чтобы начать все с чистого листа.

При Селиме в центре внимания оказались и султанские полки. Еще с середины столетия, когда реформы прусского короля Фридриха Великого установили нормы, к которым следовало стремиться, проблема создания дисциплинированной и хорошо обученной армии стояла перед каждым европейским монархом. Что касается Селима и его государственных деятелей, то они надеялись реорганизовать янычар и другие султанские полки, а также создать совершенно новое войсковое соединение, финансируемое из своей собственной казны. Целью этого эксперимента по модернизации армии было формирование дисциплинированных, профессиональных вооруженных сил со значительно усиленной огневой мощью и улучшенной подготовкой.

В прежние времена янычар рекрутировали из родившихся в христианских семьях юношей, которые принимали ислам и проходили обучение, необходимое для службы в этом самом элитном военном подразделении султана. Но шли столетия, и порядок зачисления постепенно утратил свою изначальную «чистоту», набор юношей прекратился. Вместо этого в янычары стали вербовать мужчин-мусульман, и теперь это соединение имело большее сходство с ополчением, чем с регулярными вооруженными силами, которые, когда не выполняют свои прямые обязанности, находятся на казарменном положении. От этого страдала и подготовка, и дисциплина янычар. С годами раздувшиеся списки личного состава соединения включали в себя множество «бумажных янычар» — людей, которые давно погибли, или дезертировали, или вообще никогда не входили в состав действующей армии. Хронист Шемданизаде Финдиклили Сулейман-эфенди, которому поручили инспектировать войска, мобилизованные на войну 1768—1774 годов, отмечал, что янычаром

* Этот термин также применялся в отношении некоторых моряков.

признавали любого, кто так себя называл. Начиная с правления Махмуда I была разрешена продажа свидетельств, а контроль за списками призванных на военную службу стал настолько слабым, что возник настоящий рынок по продаже документов, подтверждавших принадлежность к этому соединению, что давало право на жалование и льготы, а также освобождало от налогов. Злоупотребления достигли небывалого уровня: после того как в 1779 году был смещен великий визирь, который до выдвижения на этот пост занимал должность главнокомандующего янычар, среди его конфискованного имущества были обнаружены свидетельства о приеме на военную службу, общая стоимость которых была эквивалентна ежедневной оплате приблизительно 1600 янычар. В 1782–1785 годах великий визирь Халил Хамид столкнулся с серьезным противодействием, когда он, чтобы модернизировать корпус янычар, попытался выяснить, какова реальная численность его личного состава, и запретить продажу свидетельств.

Как и традиционные подразделения янычар, задуманную Селимом армию «нового порядка»* надлежало формировать из новобранцев (теперь из мусульман, а не христиан), которые должны были получить специальную подготовку, необходимую для службы в современной армии, о которой он мечтал. Но еще до того, как появилась возможность начать вербовку личного состава, постановлением от 1 марта 1793 года были назначены средства на его содержание и учреждено новое казначейство. Первыми новобранцами стали безработные юноши Стамбула. Только 18 сентября 1794 года Селим публично объявил об уставе своей армии «нового порядка». С тех пор новобранцев стали вербовать в Анатолии, и через шесть лет его новая армия на девяносто процентов состояла из крестьян и представителей кочевых племен этого региона. Они были снабжены полным набором уставов и обладали признаками, отличавшими их от других подразделений и от всего, что было раньше (казармы, форма и тому подобное), но у них, разумеется, еще не было традиций, тем более таких, которые могли бы идти в сравнение со славной историей янычар, и поэтому не удивительно, что последние отказывались вместе с ними служить. Не было ничего нового и в том, что в ходе военной реформы янычары не желали содействовать использованию новых, еще нетронутых источников живой

* В то время термин «новый порядок» применялся исключительно к военной реорганизации и только позднее — к другим реформам.

силы. В 1622 году Осман II был убит, так как они опасались того, что он задумал создать другую армию. Но не всегда недостатки в военной подготовке янычар или их чрезмерная численность составляли двигатели в направлении реформ: в годы правления султана Абдул-Хамида I возможность создания альтернативного воинского соединения рассматривалась в те периоды, когда считалось, что янычары скорее являются виновниками пожаров, которые так часто наносят ущерб Стамбулу, чем носителями законности и порядка, а именно эти обязанности они должны были выполнять в мирное время, поскольку специальные пожарные и полицейские силы были созданы только в XIX столетии. Согласно сведениям одного современника, Абдул-Хамид посещал инкогнито места многих пожаров, бушевавших в Стамбуле в годы его правления. Он часто оставался на ночь в близлежащих домах, чтобы наблюдать за тем, как распространяется огонь, и награждать тех, кто с ним боролся.

Советники Селима прекрасно понимали, что стремление янычар защитить свои коренные интересы сделает невозможной любую радикальную реконструкцию этого корпуса. Татарджик Абдулла-эфенди осторожно формулировал свои предложения по реформе, прибегая к воспоминаниям о той незапятнанной репутации, которой корпус обладал в годы правления султана Сулеймана I, когда янычары находились в зените своей славы (то есть задолго до того, как они стали анахронизмом с точки зрения европейских методов ведения войны, а у себя дома представляли угрозу общественному порядку), но и его честолюбивые планы нельзя было осуществить во всем их масштабе. Казалось, что единственным возможным решением было, не затрагивая структурную организацию янычар, обучить их применению более современных ружей европейского образца. Но они бунтовали каждый раз, когда от них требовали заняться какой-либо подготовкой, а их численность продолжала расти.

Глядя на них, казалось, что армии «нового порядка» обеспечен успех, и в 1799 году пятьсот ее военнослужащих, впервые проявив себя в деле, приняли участие в разгроме бонапартовской армии при Акре. В 1802 году в Анатолии была введена новая форма воинского призыва, при которой должностные лица провинций и аристократы были обязаны предоставить определенное количество новобранцев для их подготовки в армии «нового порядка», а в 1805 году призыв был введен и на Балканах, где вербовщики столкнулись с ярост-

ным сопротивлением. К 1806 году новая армия состояла из более чем 22 000 солдат и 1500 офицеров, расквартированных в казармах Стамбула, Анатолии и балканских провинций.

В середине 80-х годов строились галеоны, бригантины и шлюпы, в Швеции был куплен боевой корабль, а в Англии судно с «обшитым медью днищем». Когда 23 апреля 1788 года флот вышел в Черное и Средиземное моря, он состоял из 28 кораблей, на которых было 263 офицера и около 12 500 матросов. Но он прибыл слишком поздно, чтобы позволить находившимся в регионе силам одержать победу при Кинбурне, где вскоре после начала войны развернулись ожесточенные сражения. Русские сумели удержать этот стратегически важный аванпост, что не позволило турецкому флоту сыграть решающую роль в обороне Очакова, сдачу которого, ценной пятнадцати кораблей удалось лишь на несколько недель отсрочить. Османское правительство усвоило этот урок, и в период между 1789 и 1798 годами в распоряжение флота поступили 45 крупных боевых кораблей, но эти корабли были только частью решения вопроса: как и в армии, постоянную проблему представлял собой личный состав. Низкие профессиональные качества капитанов, на которые обращал внимание Бонневаль, должна была исправить новая система подготовки офицеров и создание профессиональных школ, в которых обучение военно-морской архитектуре шло рука об руку с наставлениями по основам судовождения.

Будучи человеком эмоциональным и духовным, султан Селим в то же самое время испытывал склонность к преобразованиям: до своего восхождения на трон он писал музыку и стихи, которые отражали тот пессимизм, который ему внушало состояние империи. Он находил утешение в своей духовной близости к ордену дервишей Мевлеви. Став султаном, он, подобно многим своим предшественникам, тотчас возвысил своего духовного наставника, влияние которого стало распространяться как на правящие круги, так и на широкие слои населения. В лице мистического поэта Шейха Галиба он приобрел сторонника и пропагандиста своих реформаторских идеалов. В 1791 году Галиб был назначен шейхом ложи Мевлеви в Галате, а сам Селим стал ее частым посетителем. Он расширил сферы влияния этого ордена, поддерживая деятельность Мевлеви во всех регионах империи, и финансировал реконструкцию находившейся в малоазиатском городе Конья гробницы Мевлана Джалаль эль-Дина Руми, который в XIII веке основал орден. Шейх Галиб написал множество стихотворений с целью увековечить уси-

лия султана, направленные на проведение военной реформы. И если Татаркич Абдулла-эфенди ссылался на традиции янычар, восходившие к временам правления Сулеймана I, то шейх Галиб пытался представить предлагаемые реформы в менее угрожающем виде, прибегнув к языку, в котором использовались знакомые понятия из прошлого Османской империи. Стихотворение, начинавшееся следующими строками:

Его Высочество Хан Селим, являющий собой высшую
справедливость этого века,
Снова заставил цвести нашу веру и нашу страну;
Просвещенная божественным вдохновением,
его всезнающая душа
Творит новые, причудливые образы, создавая поэзию
и здравомыслие нашей страны.
Все свои помыслы и все старания направляет он
на восстановление миропорядка,
Считая, что такие необходимые вещи, как война, происходят
по воле Всевышнего;
Он отмечает потребности армии и щедро тратит на них золото
и серебро,
Божественную благосклонность снискали многие его дела,
успешные и славные...

...заканчивалось описанием казарм, недавно построенных для артиллерийского корпуса, чему оно и посвящалось. Селим, несомненно, рассматривал своего пропагандиста из ордена Мевлеви как противовес ордену дервишей Бекташи, который был связан с янычарами. Авторитет этого ордена явно был подорван, в то время как влияние ордена Мевлеви росло. Впрочем, султан надеялся не только на поддержку ордена Мевлеви. Для осуществления своих реформ он, проявляя осторожность, ходатайствовал о введении принципов исламского права, тогда как другая его тактика состояла в преуменьшении отхода этих реформ от обычаев прошлого.

«Новый порядок», каким его представлял себе султан Селим, строился на основе переосмысленного представления о том месте, которое Османская империя занимает в мире, и включал в себя нечто большее, чем модернизация имперской армии и военно-морского флота. В 1699 году Карловицкий договор заставил турок от-

казаться от своих надежд на то, что границы империи можно расширять до бесконечности: в реальности значительные территориальные потери, которые пришлось испытать в тот период, принудили их искать новые разумные основания для того, чтобы заставить империю идти в ногу со временем. Одним из символов того, что турки понимают свое новое место в европейском миропорядке, было их согласие на посредничество третьих сторон во время мирных переговоров. Войны с Россией, которые имели место в период с 1768 по 1792 год, нанесли Османской империи больший удар, чем случившийся в конце XVII столетия конфликт с Австрией Габсбургов. В дальнейшем это привело к пересмотру дипломатических отношений с внешним миром и заставило османских политиков признать необходимость неуклонного соблюдения условий взаимных соглашений и договорных обязательств в духе сотрудничества, когда они понимали, что именно так поступают их европейские коллеги.

Издавна османским султанам казалось, что они из милости обсуждают условия мира, о котором их умоляет неприятель, но период, на протяжении которого империя всегда находилась в обороне, показал, что такое представление является фикцией. Традиционно мир заключался на основе принципа «временного сосуществования», то есть являлся временным состоянием, которое султан был вправе прервать, когда он считал это нужным. В европейской дипломатии точным выражением концепции сотрудничества стал Вестфальский договор, который в 1648 году положил конец Тридцатилетней войне. Хотя механизм осуществления его положений не отличался совершенством (и один современный историк считал, что он скорее является «коллизией скупости и страха [государств], чем гармонией интересов»), различные соглашения, из которых состоял этот договор, признавали суверенитет и независимость каждого государства, входившего в состав Священной Римской империи, и устанавливали рамки, в пределах которых противоположные претензии этих государств надлежало регулировать и уравнивать, что, по сути, являлось признанием того, что политическое равновесие изменчиво. Первым случаем применения в международных соглашениях термина «политическое равновесие» стал Утрехтский договор 1713 года, который подвел черту под Войной за испанское наследство. Спустя почти столетие Селим III, пытаясь установить предсказуемые отношения с европейскими державами, воспользовался концепциями, в соответствии с которыми они так много лет решали возникавшие между ними проблемы.

Селим полагал, что если Османская империя приведет себя в соответствие с правилами, принятыми в других государствах Европы, то она будет поставлена в равные с ними условия и с ней будут обращаться как с равным. Поэтому действия Пруссии и Швеции, которые в 1790 году разорвали свои договоры с Османской империей, оказались столь глубоким потрясением для Стамбула (и столь невероятным это оказались для турок, что они вплоть до 1793 года продолжали считать союз с Пруссией действующим). К несчастью для Селима, время было против него: как раз в тот момент, когда у Османской империи был султан, который готовился осуществить радикальные перемены, европейские государства оказались ввергнуты в хаос, сначала Французской революцией, а потом Наполеоновскими войнами, и были вынуждены подвергнуть пересмотру и свои собственные приоритеты, и модель мироустройства, которая так долго им служила. Туркам пришлось понять, что при существующем положении дел европейская дипломатия отражает привычную для Османской империи позицию — договоры считались недолговечными, когда того требовала реальная политика. Это был горький урок.

Когда в 1792 году закончилась русско-турецкая война, начались конфликты, которые были вызваны началом падения французской монархии и впервые охватили всю Европу. В начале вспыхнувшей в 1793 году войны, в которой приняла участие коалиция в составе Великобритании, Австрии, Пруссии и бесчисленного количества мелких государств, выступивших против республиканской Франции, турки заявили о своем нейтралитете, что было значительным отходом от их прежней политики. Когда прусский посол при дворе султана попытался убедить канцлера Мехмеда Рашид-эфенди в том, что туркам следует запретить французам, находившимся в пределах империи, ношение кокард, символизировавших сочувствие революции, он ответил следующим образом:

Они [то есть Франция] и другие европейские государства, у которых были договоры с Высочайшим государством (то есть с Османской империей), являются его друзьями, а те, кто живет в Стамбуле, являются его гостями. Дружба Высочайшего государства с Францией не зависит от ее формы государственного управления, будь то республика или монархия, а является дружбой с французским народом. Вы называете французов, которые живут в Стамбуле, якобинцами, а мы называем их французами.

Мы не считаем важным, как они одеваются и какие эмблемы носят, а вмешательство в эти вопросы равносильно осуждению их поведения. Даже осуждения достаточно для того, чтобы считаться соучастниками их противников, а это противоречит нейтралитету.

Канцлер утверждал, что препятствовать французам носить то, что они желают, запрещено капитуляциями*, намекая на то, что отношения с Францией остаются неизменными (независимо от того, является это государство монархией или республикой) и что подобное положение вещей не смогут изменить никакие усилия держав, входящих в так называемую «первую коалицию». Это был первый случай, когда турки заявили о своей позиции с помощью понятий, широко распространенных в европейском международном праве, но чуждых исламскому праву, даже в его османском варианте.

В 1798 году Наполеон Бонапарт вторгся в османский Египет. Такая дерзость не могла остаться без внимания, но решение объявить войну своему давнему союзнику принять было не так просто. Чтобы оправдать реакцию на французскую агрессию, турки избрали такую форму объявления войны, которая демонстрировала их желание соблюдать европейские нормы:

Они [то есть Франция], совершив, подобно пирату, внезапное нападение, захватили Египет, драгоценнейшее владение Высочайшего государства, действуя методами, подобных которым еще не видели и которые противоречат международному праву и правовым нормам, принятым в межгосударственных отношениях.

Потребность дать правовую оценку, разрешавшую военные действия, заставила изгнать из имперского совета профранцузскую партию, в которую входили великий визирь и шейхульислам. Одним из последствий французского вторжения в Египет стало то, что, оказавшись во «второй коалиции», турки превратились в союзни-

* Капитуляция — вид договора, в силу которого гражданам иностранного государства по сравнению с коренным населением предоставляется ряд привилегий (неприкосновенность личности, налоговые льготы и т. д.). — *Примеч. перев.*

ков не только Великобритании, но вскоре и Австрии, и даже своего заклятого врага России. Это тоже было новшеством — впервые Османская империя вступила в коалицию с другими государствами.

Правление Селима было отмечено и еще одним отходом от традиционной практики ведения дипломатии. Издавна при дворе султана принимали иностранных посланников и с востока, и с запада, но лишь в редких случаях за рубеж направляли своих послов. Известно, что в течение XVIII столетия в европейские столицы было направлено по меньшей мере двадцать дипломатических миссий, пять из которых отправились в Европу в последнее десятилетие этого века. Селим понимал, какие преимущества дает сотрудничество, и учредил постоянные посольства. Первое было открыто в Лондоне в 1793 году, за ним последовали посольства в Вене и Берлине, открытые в 1794 и 1795 годах соответственно. В 1797 году был направлен посол в Париж. Хотя в период между 1793 и 1795 годами Селим явно собирался направить постоянного посла в Санкт-Петербург, однако назначение на эту должность так и не было сделано. Впрочем, бурные события в Европе оказались неблагоприятным условием для эксперимента, а некоторые культурные особенности ислама (такие, как, например, запрет на употребление спиртного) могли только затруднить его проведение в эпоху, когда полное вовлечение посла в общественную жизнь столицы, в которую он был направлен, являлось неотъемлемой частью дипломатического общения. Строгая критика, высказанная Бонапартом в адрес своих министров, которые, по его мнению, должны были «давать хорошие обеды и обращать внимание на женщин», являлась полной противоположностью правилам поведения, принятым в Османской империи, и Селим прекрасно это понимал:

Рвение, побуждаемое исламом и стремлением сохранить честь Османского государства, в действительности мешает общественным отношениям между мусульманскими послами и их зарубежными хозяевами. Поэтому главной цели, которая состоит в том, чтобы проникать в секреты и добиваться преимуществ, будет невозможно достичь.

Однако желание Селима стать монархом европейского образца было всепоглощающим. Подобно Мустафе III и Абдул-Хамиду I, он поручал местным и европейским художникам писать его портреты для того, чтобы дарить их членам семьи, которые должны были

держат их в своих дворцах. Более того, в 1794 и 1795 годах он давал указания своему послу в Лондоне, Юсуфу Ага-эфенди, заказать семьдесят цветных и черно-белых гравюр со своего портрета для того, чтобы вручить их высокопоставленным сановникам. Он стал первым султаном, который понимал, какую функцию в международной политике выполняют портреты монархов, и заказал у одного лондонского художника альбом с гравюрами всех султанов, а в 1806 году подарил свой портрет Наполеону. Вот что он написал своему великому визирю:

Я восхищен дарами французского императора, в особенности портретами. То, что он прислал мне портреты, демонстрирует большую дружбу и искренность, потому что в Европе среди друзей существует обычай обмениваться портретами. Ты и не представляешь себе, какую радость мне это приносит. У меня есть мой портрет, написанный специально для него, это большая картина. Я должен немедленно послать его своему другу-императору.

То, как в XVIII столетии структура центральной власти проявила себя в османских провинциях, было не просто результатом ее неспособности урегулировать неизбежные столкновения между интересами центрального правительства и местных элит, но и следствием того, что в последнее десятилетие века проблемы, возникшие по причине столкновения интересов, еще больше обострились из-за того, что в некоторых реформах Селима присутствовал элемент децентрализации, который противоречил основным тенденциям всех предшествующих лет. Так, в провинциях лишь очень немногие были довольны планами формирования и финансирования армии «нового порядка», поскольку это ослабляло недавно возросшую роль провинциальных аристократов в такой области, как вербовка войск, и противоречило их финансовым интересам, так как поступления в казну «новых доходов», которые должны были финансировать армию «нового порядка», частично формировались за счет некоторых налоговых округов, возвращавшихся в собственность государства, когда в них освобождалось место налогового откупщика. Это затрагивало вложения местных аристократов (как группы), так как доступ к финансовым ресурсам давал им возможность оказывать политическое влияние. Изъятие финансовых активов в особенности затронуло те средства, которые были получены через посредни-

чество, поскольку система пожизненных налоговых откупщиков стремилась значительно увеличить количество физических лиц на всех уровнях экономической жизни провинций с помощью долевого участия или побочного сотрудничества с этой системой. По достижении нижних ступеней лестницы местной власти дальнейшее восхождение можно было совершить, либо расширив географию инвестиций, либо распределив их по тем секторам экономики, которые не так тесно связаны с рискованными вложениями центрального правительства (ростовщичество, региональная или даже международная торговля). Добившиеся наибольшего успеха занимали такое место, что могли пренебречь требованиями центрального правительства. Еще больше было тех, кто готовился занять та же, как они, положение.

Региональное влияние, которое играло свою роль в общем стремлении к определенной автономии провинций, также убеждало в том, что опыт европейских провинций империи весьма отличается от опыта Анатолии и тем более арабских владений. На самом деле опыт каждой провинции был во многом уникальным. В силу своего географического положения балканские территории империи всегда были самыми уязвимыми от вторжения западных держав, а к исходу XVIII столетия османское государство уже не могло надеяться на лояльность значительной части христианского населения своих балканских провинций. Войны, от которых на протяжении многих лет содрогался этот регион, заставили многих искать прибежище во владениях Габсбургов, но даже оставшиеся на месте вполне могли поддаться соблазнительным призывам, раздававшимся с другой стороны границы. Но не только христиане угрожали стабильности балканских территорий: представители местных мусульманских династий, причем как на Балканах, так и в Анатолии, были столь же честолюбивы и восприимчивы к уговорам, исходившим из-за рубежа. Мало чем отличалось и положение в восточной Малой Азии, где преданные центральной власти чиновники все еще оказывали серьезное влияние на значительное шиитское население османских провинций, граничивших с Ираном.

Арабский мир тоже менялся. После провала первых попыток крепко привязать эти территории к центру, который и в географическом, и в культурном смысле был от них слишком далек, османская политика в отношении арабских провинций предполагала компромисс, в основе которого лежала определенная степень лояльности арабских подданных османской династии и государству,

а также крепкие узы единой религии. Являясь достаточной гарантией невозможности возникновения сепаратистских тенденций, этот компромисс действовал вплоть до конца XVIII столетия, когда большей степенью независимости, чем та, которой добился боснийский авантюрист Джезар («Мясник») Ахмед-паша в Сирии, располагал только албанец Мехмед Али-паша в Египте после вторжения французов в 1798 году, а обновленческое движение исламского ваххабизма, которое зародилось в Хиджазе в середине 70-х годов XVIII столетия, обладало потенциалом, таившим такую же угрозу, как и появлявшаяся среди балканских христиан склонность к сепаратизму.

В конце XVIII столетия лишь незначительной частью Анатолии управляли чиновники, которых по давней традиции направляли из Стамбула. К этому времени бразды правления находились в руках нескольких семейств, которые за столетие успели разбогатеть и стать влиятельными, действуя в качестве посредников между центральным правительством и его доверенными лицами в провинциях. Среди самых заметных были семейства Чапаногуллары из центральной Малой Азии, Караосманогуллары из западной Малой Азии и Каникли из северной Малой Азии. Начав свое восхождение с весьма скромных позиций, семейство Чапаногуллары сумело к началу войны 1768—1774 годов занять ключевые места в административном и финансовом аппарате центральной Малой Азии и в течение тридцати лет, начиная с 1782 года, патриарх этой семьи, Сулейман-бей, сотрудничал с центральным правительством, предоставляя по его просьбам войска и припасы, а взамен получая все новые и новые вознаграждения. Он поддержал султана Селима в его стремлении создать структуры вербовки и финансирования армии «нового порядка». Во время правления его преемника, Мустафы IV, он ненадолго оказался в опале, а потом снова сотрудничал с правительством до самой своей смерти в 1813 году. К тому времени авуары династии включали в себя доленое участие в коммерческих предприятиях, разбросанных по всей Анатолии и в арабских провинциях Ракка и Алеппо. Содействие реформам Селима гарантировало получение вознаграждений, так как за годы его правления Сулейман-бей и его брат Мустафа сумели построить солидную мечеть в Йозгате, восточнее Анкары, которую впоследствии расширил сын Сулейман-бея.

История Чапаногуллары — это история столкновений с их соседями, Каникли, земли которых лежали между землями Чапаногуллары и Черным морем, а состояния двух династий увеличива-

лись или уменьшались в зависимости от того, кому из них в данный момент благоволило правительство. Но Каникли (как мы в этом уже убедились) оказались ненадежными союзниками правительства, и то, что они лишились его милости, оказалось на руку семье Чапаногуллары. После освобождения из русского плена Тайяр Махмудбей отказался поддерживать «новый порядок» и в 1806 году бежал в Крым, который с 1783 года являлся частью Российской империи.

История семьи Караосманогуллары восходит к XVII веку, а в XVIII столетии они обладали влиянием в значительной степени благодаря тому, что держали под своим контролем должность заместителя губернатора области Сарухан. Они владели значительными сельскохозяйственными угодьями, а также одним из богатейших налоговых округов Измира и поддерживали общественный порядок в районе, существование которого целиком зависело от международной торговли. Как и семейство Чапаногуллары, они поддерживали государство и оказали существенную помощь, снабжая его живой силой и припасами, необходимыми для ведения русско-турецкой войны 1787–1792 годов. Есть сведения, что скончавшийся в 1829 году Караосманоглы Хаки Омер-ага был богатейшим из всех провинциальных вельмож своего времени. Эта династия оставила внушительное архитектурное наследие в районе, центром которого была их резиденция в городе Маниса, где мечети, караван-сарай, библиотеки и школы богословия свидетельствуют об их огромном богатстве и активном попечительстве.

Что касается Востока, то в расположенной на таком важном торговом пути, как река Тигр провинции Диярбакыр, полномочия решать административные и финансовые вопросы в последние годы XVIII столетия были сосредоточены в руках наследных руководителей ордена дервишей Накшбанди, которыми были представители семейства Шейхзаде. Прежде власть в этом районе делили между собой доверенные лица правительства и целый ряд местных аристократов. До начала реформ Селима интересы провинции Диярбакыр в самом широком смысле совпадали с интересами центральной власти, но в 1802 году в столицу провинции прибыл батальон армии «нового порядка», и это событие имело самые ужасные последствия. Солдаты батальона были призваны на службу из других провинций, но жалованье им надлежало платить из местных источников доходов, отобрав их у тех, кто ими в тот момент пользовался, и перевести эти средства в казну «новых доходов». Эти не допускающие возражений дополнительные поборы за счет провинции, которая и без

того страдала от общего экономического спада второй половины XVIII века, вызвали бунт. Пытаясь подавить волнения, правительство среди прочих мер использовало депортации. Среди высланных из провинции оказался 71 член семьи Шейхзаде.

В Анатолии не существовало какой-то «типичной» династии, что подтверждает и приведенное здесь краткое изложение, но к XVIII столетию анатолийские аристократы уже перестали поднимать восстания (которые правительство обычно называло «мятежами и беспорядками»), столь характерные для XVII века. Ситуация на Балканах являлась почти зеркальным отражением того, что происходило в Анатолии. В XVII веке Балканы в меньшей степени страдали от восстаний, чем Анатолия, зато в XVIII столетии им досталось больше. Сначала, в XVII столетии, периоды интенсивных боевых действий против Австрии, а потом, в XVIII веке, против России заставляли балканские народы жить в невыносимом напряжении. Лишь немногим представилась возможность извлечь из этого пользу, а большинству было уготовано жалкое существование. По большей части боевые действия велись на территории Османской империи, что приводило к значительным перемещениям беженцев. Болезни усугубляли и без того бедственное положение местного населения.

Подобно тому как это было в Анатолии XVII века, на Балканах XVIII столетия отличия между бандитом и мятежным аристократом зачастую были весьма нечеткими. Среди массы второстепенных фигур главными лидерами (которые, несомненно, принадлежали к категории мятежных аристократов) были Пасваноглы Осман-паша из Видина и Тирсиниклиоглы Исмаил-ага из Руссе (оба города находились на Дунае), Тепеделени Али-паша из Янины и клан Бушатли из северной Албании. Каждый из них держал под своим контролем и управлением огромные территории. Эти магнаты пустили глубокие корни в своих провинциях. Они получали огромные доходы с откупа налогов, а во время войны 1787–1792 годов поставляли в армию новобранцев и продовольствие. На Балканах, как и в Анатолии, не могли не возникнуть трения между могущественными кланами: Бушатли соперничали с Тепеделени Али, а честолюбивые амбиции обеих враждующих сторон привели их к территориальному конфликту в северной Албании. На Дунае Пасваноглы Осман и Тирсиниклиоглы Исмаил боролись друг с другом за ресурсы и влияние. Стамбулу были нужны эти аристократы, потому что они играли важнейшую роль в обеспечении ведения военных действий. Охотно наделяя их экономической властью в соот-

ветствующих регионах, центральное правительство пыталось отказать им в политической власти, которую они страстно желали получить. Результатом такой политики стал мятеж. Когда интересы этих людей стали противоречить интересам центрального правительства, против них были направлены целые армии, но это не принесло большого успеха.

В качестве примера возьмем Пасваноглы Осман-пашу: поместья его отца Омера были конфискованы в 1788 году, когда он был казнен за то, что настраивал жителей области Видин против государства. Часть этой территории была возвращена Осману после того, как в период с 1787 по 1791 год, когда шла война с Австрией, он хорошо себя зарекомендовал. Это позволило ему накопить средства, достаточные для того, чтобы привлечь на свою сторону ополчение, состоявшее из демобилизованных солдат и прочих смутьянов, которых забрали на службу во время недавней войны. Его набеги на Сербию и Валахию навлекли на него гнев султана, но он был прощен в обмен на обещание стать верным слугой государства. Однако в 1792 году он захватил крепость Видин, которой командовал турецкий комендант. За это его должны были казнить, но, вновь получив прощение, на этот раз благодаря поддержке местного населения, он, продолжая собирать сторонников и увеличивать доходы, в особенности с долевого участия в торговле региона с Австрией, к 1794 году стал самым могущественным магнатом в Румелии и контролировал территорию от Белграда до Эдирне. Неоднократно предпринятые правительством попытки его усмирить оказались безуспешными. У него постоянно возникали разногласия с начальником крепости Белград, Хаки Мустафа-пашой, а в 1796–1797 годы он захватил земли своего соперника на Дунае, Тирсиниклиоглы Исмаил-аги из Русе. После того как в 1797 году Тепедели Али-паша потерпел поражение от ополченцев Пасваноглы Османа (это ополчение состояло из турок, албанцев, болгар и боснийцев), численность которых превышала 12 000 человек, Селим направил к Видину, где находился Осман, армию численностью более 80 000 человек, под командованием коалиции из преданных трону аристократов Румелии и высокопоставленных представителей центрального правительства. Через восемь месяцев осаду с Видина сняли, а Пасваноглы Осман снова был помилован султаном, которому нужно было сосредоточить внимание на других проблемах.

Правительство без каких-либо колебаний натравливало одних провинциальных магнатов на других или использовало их для обуз-

дания тех, кого в Стамбуле считали «бандитами» (алчных чиновников, демобилизованных солдат и прочий сброд), хотя их методы действий порой мало чем отличались от методов действий самих магнатов. Лишь немногих балканских аристократов в Стамбуле называли «горными бандитами», и впервые правительство предприняло шаги, направленные против них, только в 1791 году, когда война с Россией уже подходила к концу. После нескольких неудачных попыток ограничить их деятельность выяснилось, что они весьма умело манипулируют правительством, используя его в своих собственных целях, и что далеко не всегда срабатывает старая уловка, состоявшая в том, чтобы поощрять лояльность и подчинение центральной власти путем распределения губернаторских постов. Лояльное отношение к Стамбулу, которое продемонстрировало большинство самых известных семейств Анатолии, было редкостью на Балканах, где все были против «нового порядка» (включая тех, кто был обязан к нему приучать). Когда, согласно воспоминаниям одного современника, приказы о зачислении на воинскую службу стали поступать в балканские провинции, их категорически отказались исполнять: «Мы янычары и наши предки были янычарами, поэтому мы не признаем “новый порядок”».

В период правления Селима III международная обстановка была весьма нестабильной, поскольку Французская революция и Наполеоновские войны меняли баланс сил в Европе. В это время иностранные державы сочли возможным вмешиваться во внутренние дела приграничных провинций Османской империи, что теперь представляло большую опасность, чем когда-либо прежде. Россия, и в меньшей степени Австрия, продолжали оказывать влияние на западные и северные провинции. Когда необходимость обезопасить свои торговые пути на Восток заставила Великобританию принять более активное участие в ближневосточных делах, она тоже стала заявлять о себе как о силе, с которой турки должны были считаться. В тот период, когда отношения балканских аристократов с центральным правительством изменялись, они (особенно в Черногории и Албании, которые никогда полностью не подчинялись власти Османской империи) сочли весьма соблазнительным, действуя в своих собственных интересах, заключить союз с той или иной европейской державой. Те из них, территории которых примыкали к границам на Адриатике или на Дунае, ради достижения своих целей (зачастую ради достижения большей независимости) были го-

товы принять зарубежные предложения о помощи в обмен на поддержку политической игры той или иной великой державы.

Даже до вторжения Бонапарта в Египет существовала потенциальная возможность враждебного французского вмешательства в дела Османской империи. По условиям заключенного между Австрией и Францией договора Кампо-Формио (ставшего результатом военных усилий Наполеона в Италии) Франция получила Ионические острова и портовые города южной Албании и Эпира. Благодаря тому, что во владение Франции перешли колонии Венеции в Далмации, она получила общую границу с Османской империей. Французский министр иностранных дел Талейран планировал использовать Тепедели Али-пашу из Янины и Пасваноглы Осман-пашу с целью свержения султана. Тепедели Али явно не чувствовал себя настолько уверенно, чтобы отказаться от своей верности Селиму, который, чтобы гарантировать лояльность своего вассала, всячески его поддерживал и обещал вознаграждение. Что касается Пасваноглы Османа, то есть сведения о том, что он не только вступал в переговоры с французами, но в 1798 году установил контакты с русским и австрийским консулами в Бухаресте.

Когда после вторжения Бонапарта в Египет туда было направлено большинство воинских соединений, находившихся в балканских провинциях Османской империи, Пасваноглы Осман оказал поддержку (и не в первый раз) янычарам, поднявшим мятеж в Белграде против Хаджи Мустафа-паши. В действительности этими мятежниками, скорее были плохо дисциплинированные и корыстолюбивые ополченцы, чем надежные, преданные султану боевые части. Дополнительные налоги, которые Хаджи Мустафа счел необходимым ввести для того, чтобы защитить провинцию от мародерства янычар, вызвали протесты среди местных сербов. Пытаясь усмирить сербов после недавней войны с Австрией, Селим незадолго до этого предоставил им некоторую автономию. Приняв самое экономически выгодное решение, Мустафа-паша разрешил сербам в целях самозащиты вооружаться, что еще больше накалило обстановку, и вскоре ему, следуя фетве, изданной старшим священнослужителем Белграда, пришлось разрешить возвращение ранее изгнанных им из провинции янычар и прочих подрывных элементов. До этого они вместе с Пасваноглы Осман-пашой бежали в Видин, а в 1801 году снова взяли под контроль крепость Белград и казнили Хаджи Мустафу. К 1804 году сопротивление ополчению со стороны страдавшего от его действий населения (как христианско-

го, так и мусульманского) было таким, что, согласно официально объявленной правовой оценке последствий, сопротивление бесчинствам ополченцев было законным, а снаряженная турецким губернатором Ниша почти тридцатитысячная армия сербов под командованием Георгия Петровича, также известного как Кара («Черный») Георгий, успешно блокировала крепость Белград. Имели место случаи нападений на другие крепости, занятые янычарским ополчением. Сербь умоляли о помощи Россию, которая предлагала тайно оказать им поддержку, но австрийское правительство оставалось нейтральным: и у той, и у другой державы имелись более неотложные дела в других регионах. Однако сербы из приграничных районов Австрии все-таки пришли на помощь своим осажденным соплеменникам.

Местных христиан и мусульман объединяла общая цель, которой было избавление от засилья янычар, но Стамбул вскоре оказался настолько встревожен успехами сербов, что направил против них армию — что было обычной реакцией на чрезмерные амбиции провинциальных властей. Сербь под командованием Карагеоргия, вышли победителями из противостояния и взяли под свой контроль всю провинцию. В конце концов 6 января 1807 года они заняли крепость Белград. Теперь, когда войскам Османской империи противостояли православные сербы (а не дискредитировавшее себя местное ополчение), казалось, что Россия впервые получила самые благоприятные условия для того, чтобы вторгнуться на Балканы, действуя в интересах своих единоверцев. С конца 1806 года Россия вела войну с Османской империей за контроль над Молдавией и Валахией, а в июне 1807 года она направила своего посланника в Белград, поручив ему посредничество на переговорах о соглашении с сербскими властями. Решив связать судьбу со своим православным покровителем, сербы согласились принять российских военных советников и разместить в провинции русские гарнизоны. Самим сербам была обещана конституция. Однако полномасштабная интервенция, которая уже казалась неизбежной, так и не осуществилась: среди положений Тильзитского мирного договора, заключенного между Россией и Наполеоном в 1807 году, было и предложенное французами посредничество между Россией и Османской империей, которое серьезно мешало русским оказывать поддержку православным подданным султана.

Сербское восстание нашло отклик в Австрии, поскольку население ее граничивших с турками балканских провинций преиму-

ственно было славянским и православным. Австрия была католической империей, и обеспечение лояльности населения, считавшегося католической церковью схизматиками, было вопросом особой важности для Вены, опасавшейся, что «их вера [заставляет] их искать защиты у русского царя». Освященный веками компромисс между католическим правительством и православными подданными, примером которого была униатская церковь (адепты которой признавали папу римского своим духовным владыкой, но сохраняли православную литургию и обряды), теоретически еще сохранялся, но каждый раз, когда угроза османского завоевания ослабевала (например, в 1718 году после заключения Пожаревацкого договора), католическая церковь получала большую свободу действий, и тогда православные христиане подвергались преследованиям, их свободы, связанные с вероисповеданием, еще больше урезались, а беженцы, которые после войны переходили границу и перемещались на север, возвращались в свои прежние дома, находившиеся на территории Османской империи. Так повторялось снова и снова: например, незначительное участие Австрии в войне 1737–1739 годов привело к очередной волне репрессий против православного населения, в которых на сей раз приняли участие иезуиты, и принудительным обращениям в католичество, одного слуха о которых было достаточно для того, чтобы начались волнения в приграничных областях и возобновились побегы на османскую территорию (и провоцируемые русскими агентами побегы на российскую территорию). К 70-м годам XVIII столетия проходившая через Балканы граница Австрии с Османской империей представляла собой находившуюся под строгим контролем укрепленную линию, протянувшуюся от Адриатики до Карпат. Но когда Россия активизировала свое участие во внутренней политике этого региона, удерживать границу под контролем стало более чем проблематично. Император Иосиф II лелеял надежду, что политика религиозной терпимости и заключенный в 1788 году союз Австрии с Россией обеспечат лояльность православных подданных, а его преемник, Леопольд II, в период с 1790 по 1792 год отменил все законодательные акты, которые их дискриминировали.

Восстание сербов не только заставило вновь усомниться в лояльности православных подданных Австрии, но и воскресило призыв славянского национализма, объединявшего православных славян с их католическими собратьями в южной Венгрии, Словении и Хорватии, которые были недовольны тем, что Австрия не вмеша-

лась на стороне восставших, и при любой возможности помогали своим братьям-славянам. Теперь австрийское правительство было озабочено тем, что своекорыстные интересы общности южных славян могут вступить в противоречие с их религиозной разобщенностью, тем самым поставив под сомнение лояльность даже тех католиков-славян, которые защищали южные рубежи империи Габсбургов, там, где она граничила с Османской империей. У турок тоже было много причин опасаться тех, кто заявлял о славянской общности.

На протяжении XVIII столетия православные дунайские княжества (расположенные в нижнем течении Дуная, между Османской и Российской империями) привлекали к себе все более пристальное внимание России по мере того, как войны, в которых участвовали турки, Россия и Австрия, постепенно ослабляли влияние Османской империи в этом регионе. В силу сложившейся традиции правящая элита этих княжеств выдвигала своих кандидатов на пост князя-правителя, но система рухнула в 1711 году, после того как на сторону Петра Великого перешел молдавский князь Дмитрий Кантемир, который надеялся на то, что в ходе войны 1710–1712 годов Россия одержит победу над сюзереном Кантемира, султаном Ахмедом III. Князь Валахии Константин Бранковяну (последний правитель этого княжества, выдвинутый местной элитой) не стал оказывать помощь Петру на Пруте. Вместо этого он передал имевшиеся у него запасы османской армии, но впоследствии пал жертвой честолюбивых замыслов преемника Кантемира в Молдавии, Николаса Маврокордато (отец которого Александр был одним из тех, кто принимал участие в заключении Карловицкого договора), и в 1714 году был казнен в Стамбуле вместе со своими четырьмя сыновьями и советником. Их головы были выставлены напоказ перед воротами дворца Топкапы. После этого в истории княжеств наступил длившийся столетие «фанариотский» период, когда греки, выходцы из богатой и влиятельной купеческой и банковской общины стамбульского района Фанариот (который по-турецки назывался «Фенер» и в котором с 1587 года находилась резиденция православного патриарха), стали предпочтительными кандидатами на посты князей-правителей, осуществлявших свои полномочия и окруженных великолепными дворцами в Яссах (Молдавия) или в Бухаресте (Валахия).

Подобно своим предшественникам, представителям местной элиты, фанариотские князья-правители были подотчетны Стамбулу, но прежде всего они были верны султану, а не региональным ин-

тересам. Интересы Османской империи в этом буферном регионе носили стратегический характер, поскольку Россия усиливала свою мощь. У князя-правителя и его приверженцев были практически неограниченные возможности обогащаться за счет местного населения, но любое подозрение в предательских заигрываниях с Россией было достаточной причиной для смещения, и лишь немногие князя-правители слишком долго оставались на своих постах. На протяжении фанариотского периода, как и прежде, имела место практика вынесения окончательного приговора о смертной казни по приказу султана.

Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов Яссы и Бухарест были заняты войсками Екатерины Великой, но по Кучук-Кайнарджийскому договору Молдавия и Валахия были возвращены Османской империи, хотя и на условиях, благоприятных для того, чтобы Россия оказывала влияние на их внутренние дела. Война 1787—1792 годов еще больше ослабила турецкое влияние в этих княжествах: по условиям Ясского договора граница между Россией и Молдавией проходила по Днестру (прежде общая граница проходила по Днепру). В 1802 году Россия добилась права утверждать турецких кандидатов на пост князя-правителя Молдавии и Валахии, а срок их полномочий теперь составлял семь лет. Что касается турок, то подобное усиление российского влияния ставило под большой вопрос их надежды сохранить целостность своих европейских территорий.

Вынужденный выбирать между Францией и Россией, султан Селим попытался лавировать, идя навстречу настойчивым дипломатическим усилиям их послов в Стамбуле. Турки признали революционную Францию, когда стало невозможно действовать по-другому, но не направили официального признания, когда в 1804 году Наполеон надел на себя корону императора. Это привело к приостановке дипломатических отношений между двумя государствами. Россия попыталась заполнить образовавшийся вакуум: Селим согласился на то, что русские корабли могут проходить через Босфор в Средиземное море, и признал за русскими право назначать пророссийских князей-правителей в дунайских княжествах. Однако победы, которые в конце 1805 года Наполеон одержал над Австрией при Ульме и над Россией при Аустерлице, стали причиной того, что Селим изменил свою политику и в феврале 1806 года признал Наполеона таким же императором, какими были монархи России и Австрии. В августе 1806 года турки уступили настойчивости фран-

цuzов и в одностороннем порядке сместили правителей Молдавии и Валахии, способствовавших русскому военному вторжению в княжества. В декабре турки объявили войну. В мае 1807 года Наполеон дал согласие шаху Ирана в помощи Франции вернуть Грузию, аннексированную Россией в 1801 году. Но в июле того же года он подписал Тильзитский мир с русским царем Александром. Намерения Наполеона на Востоке, похоже, состояли в том, чтобы создать впечатление угрозы британским интересам в Индии и либо отвлечь внимание России (осложнениями на ее южных границах), либо, намекая на возможность дальнейшей экспансии, склонить ее к союзу с Францией.

Несмотря на удаленность того, что происходило в Европе, арабские провинции Османской империи не могли не испытать воздействия глубоких изменений, вызванных великодержавной политикой. Расположенные на границе с Ираном владения Османской империи Багдад и Басра были наполовину автономными, а управление ими в период с 1723 по 1831 год чаще всего находилось в руках суннитского семейства Аль-Дауд. Стамбул мог попытаться утвердить свою власть путем назначения губернаторов, хотя в регионе с высокой вероятностью возникновения трений с соседним Ираном контроль со стороны центра был более чем желателен, этот контроль было сложнее навязать столь разнообразному населению, состоявшему из оседлых крестьян, арабских и курдских кочевых племен, иранских шиитов, купцов и торговцев, а также паломников, направлявшихся в Хиджаз. На этом рубеже война разразилась в 1774 году как раз в тот момент, когда Кучук-Кайнарджийский договор заставил турок признать свое слабое военно-политическое положение на западе. Западный Иран находился в руках энергичной шиитской династии Занд из Шираза, а юго-западный Кавказ был под контролем Грузии, формально являвшейся вассалом Османской империи, но с 1783 года находившейся в союзнических отношениях с Россией. Таким образом, бассейн Тигра и Евфрата оставался стратегическим оплотом борьбы против дальнейшей экспансии Ирана на запад в момент, когда османская имперская армия едва ли могла помочь местным войскам защитить этот регион.

Омер-паша аль-Дауд, занимавший пост губернатора Багдада в период между 1764 и 1775 годами, был человеком более заинтересованным в укреплении своей собственной власти, чем в выполнении своих обязанностей доверенного лица османского султана. Шах

жаловался на его самоуправство султану Абдул-Хамиду, но Стамбул практически ничего не предпринял или не был способен предпринять. Когда в 1775 году богатый порт Персидского залива Басра был взят в осаду войсками династии Занд, Омер-паша, опасаясь того, что они пойдут дальше на Багдад, почти не оказал помощи осажденному городу, и через год осада закончилась капитуляцией страдавшего от голода гарнизона. Но еще до падения Басры османская армия, состоявшая из подразделений, верных султану, взяла штурмом Багдад, изгнала и ликвидировала самого Омер-пашу, а после того, как Басра была взята, турки объявили войну династии Занд. В фетве нападение на Басру упоминалось как повод к войне, подробно говорилось о высокомерии и лживости династии Занд, но оправдание войны с Ираном уже не строилось на основе того, что мусульмане-шииты являются еретиками (от этого тезиса впервые отказались в договоре 1746 года с Надир Шахом). Последовали военные действия, которые вскоре закончились, и в 1777 году начались мирные переговоры.

Самым знаменитым отпрыском династии Аль-Дауд был Сулейман-паша, «Великий», главнокомандующий при осаде Басры и губернатор Багдада в период между 1780 и 1802 годами. К несомненному удовлетворению султана Селима, он в своих владениях признавал «новый порядок». В регионе его не признавали, причем более всего династия Аль-Джалили и прочие ведущие семейства Мосула, которые контролировали территории к северу от Багдада. Аристократы установили в своем районе монополию на производство сельскохозяйственных товаров и последовательно использовали в своих собственных целях ресурсы, на которые предъявлял права Стамбул.

Они были разочарованы действиями центральной власти, и особенно тем, что после 1768 года она плохо проявила себя на русском фронте. Сулейман-паша аль-Джалили, который был губернатором Киркука, а потом Мосула, игнорировал указания о снабжении продовольствием во время осады Басры. Последующие попытки правительства использовать его в качестве поставщика для армии также оказались безуспешными. Честолюбивые устремления аристократов Мосула сдерживала лишь возросшая на рубеже веков власть губернаторов Багдада и введение системы «нового порядка».

В конце XVIII столетия Сирия также находилась в руках местных аристократических династий, хотя обстановка в ее провинциях значительно отличалась. Так, в Алеппо ни одно из ведущих семейств провинции не сумело монополизировать власть. Различные

семейства вступали в союзы, чтобы получить контроль над местными ресурсами и доходами, которые служили основой для политического и экономического могущества. В провинции серьезные противоречия, по всей вероятности, вылились в соперничество между «бумажными янычарами» (людьми, которые были внесены в списки личного состава янычар, но не играли никакой роли в их военной деятельности и не имели намерений ее играть) и привилегированными местными сановниками. Провинция Дамаск значительную часть XVIII столетия находилась под контролем семьи Аль-Азм, члены которой извлекали финансовые выгоды из пребывания на посту губернатора, но когда торговля иранским шелком сократилась, Дамаск уступил свое значение провинции Сидон и ее торговому порту Акра, где с 40-х годов XVIII века властвовал шейх Заир аль-Омар, хотя центральное правительство неоднократно пыталось сдерживать его деятельность. В 1771 году во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов, шейх Заир аль-Омар сотрудничал с фактическим правителем Египта, Булуткапаном («Похитителем облака») Али-беом, когда тот начал войну с целью завоевания Сирии, предусмотрительно оправдав свое поведение тем, что оно является оборонительной мерой. Это оправдание было опровергнуто, когда после уничтожения османского флота при Чешме в западной Малой Азии и последующих нападений на турецкие корабли и наземные укрепления в северной части Эгейского моря несколько кораблей русской эскадры отправились на помощь мятежникам в ответ на обещание Булуткапана Али передать русским Иерусалим и святыне для христиан места. Булуткапана Али предал его же подчиненный, Мехмед-бей Абу аль-Дхахаб (который также был его зятем и преемником), так что его успехи оказались недолговечными. Но в 1772 году он присоединился к войскам шейха Заира в Сирии. Там при военно-морской поддержке русских, корабли которых обстреливали Бейрут, они взяли в осаду город, где находилась резиденция преданного центральной власти клана друзей Шихаб. Занятому войной с Россией на западе и севере, османскому центральному правительству оставалось надеяться на то, что опасное восстание можно будет подавить, взяв под контроль финансовые средства шейха Заира в провинции Сидон и тем самым его усмирив. Однако в 1775 году, сразу после окончания войны, Мехмед-бей (ставший губернатором Египта) возглавил поход против шейха Заира. Хотя во время этой кампании Мехмед-бей умер от болезни, шейх Заир был свергнут.

Преемником шейха Заир аль-Омара, который был самым влиятельным аристократом северной Сирии, стал человек совсем иного склада. Джемал Ахмед-паша, босниец по национальности, прибыл в Каир в 1756 году в составе сопровождения итальянского перебежчика, трижды занимавшего пост великого визиря, а затем ставшего губернатором Египта, Хекимоглы («Сын врача») Али-паши. Он стал членом семьи Булуткапана Али-бея, но в 1769 году оставил службу и впоследствии отличился тем, что пришел на помощь клану Шихаб, когда Бейрут был взят в осаду шейхом Заиром. В 1775 году он получил в качестве награды пост губернатора Сидона, на котором оставался до самой своей смерти в 1804 году, и держал под своей властью значительную часть Сирии (помимо этого, его в 1785 году назначили губернатором Дамаска). Он контролировал доходы региона, которые главным образом приносила торговля хлопком и зерном. Тщетными оказались попытки центрального правительства ограничить его власть, поручая ему управлять такими удаленными от его финансовой базы в Сирии провинциями, как Босния. Но какими бы ни были опасения Стамбула относительно его квазиавтономии, он в своих взаимоотношениях с султаном педантично соблюдал все формальности, в том числе ежегодно переводил денежные средства в центральную казну и обеспечивал безопасность передвижений паломников. Он смог это делать, подчинив себе местные воинские формирования, которые отличались большой строптивостью. В годы правления Джемала Ахмед-паши экономика Сирии была на подъеме, поскольку доходы от торговли обеспечили развитие таких городов, как Акра, Бейрут и в особенности Сидон. Сам он построил множество зданий в Акре, где находилась его резиденция: шесть мечетей, два базара и множество караван-сараяв, фонтаны, бани и водяные мельницы.

Мир и экономическое процветание пришли в Египет в середине XVIII столетия, когда могущественная группировка Каздоглы стала самым влиятельным семейством этой провинции. То было время, когда множество новых зданий возводилось в Каире и других центрах правителями, которые поначалу довольствовались той степенью автономии, которой они обладали в Османской империи. С 1760 года главой семейства был Булуткапан Али-бей. Предпринятое им в 1771 году вторжение в Сирию, с целью добиться еще большей независимости от Стамбула, указывает на величину ресурсов, которые были в его распоряжении, и на неспособность Стамбула

ему помешать. Впрочем, все закончилось неудачей по причине того, что его предал Мехмед-бей Абу аль-Дхахаб.

К 1786 году обстановка нестабильности и снижения безопасности в Египте побуждала центральное правительство вмешаться и восстановить порядок в провинции, которая после смерти Булут-капана Али-бея в 1773 году и Мехмед-бея Абу аль-Дхахаба в 1775-м оказалась расколотой по причине соперничества враждующих группировок. Два других члена семейства Каздоглы (Ибрагим-бей и Мурад-бей) с трудом делили власть. Не так давно они сместили двух турецких губернаторов, не переводили денег в центральную казну и подозревались в сотрудничестве с Россией. Более того, пострадавшие от их рук французские купцы просили султана пресечь нападения Мурад-бея на их церкви и угрожали обратиться к французскому правительству с просьбой вмешаться, если султан ничего не сделает. Стамбул поручил Джебзар Ахмед-паше сделать доклад о положении в Египте. В своем докладе Джебзар Ахмед дал описание Каира и сельской местности, а также вооруженных сил Египта и порекомендовал султану направить военную экспедицию, чтобы восстановить власть центрального правительства и улучшить организацию управления Египтом:

Чтобы предпринять такую экспедицию, будет достаточно направить из Газы всего двенадцать тысяч солдат... а времени на все это путешествие [до Каира] потребуется восемьдесят три часа. Во время перехода... новый губернатор Египта под любым предлогом должен будет постоянно делать подношения солдатам для того, чтобы заручиться их поддержкой, так как с древних времен египтяне были отъявленными лжецами и предателями. Хорошо известно, насколько разнообразными были уловки и хитрости, которые применялись против древних царей и князей... Помимо выполнения других обязательных предварительных условий, этот губернатор должен прибыть в Египет заблаговременно, оставаться там в течение нескольких лет и принимать участие во всех важных делах этой провинции.

В 1786 году были направлены военно-морские силы под командованием главного адмирала Кезаирлы Хасан-паши, но это закончилось стратегическим отступлением, после того как высаженные им войска не смогли припереть к стене смутьянов, которые отсту-

пили в удаленные районы провинции, а в следующем году, когда была объявлена война России, адмирала отозвали в Стамбул. Ибрагим-бей и Мурад-бей были помилованы султаном и продолжали пополнять свои финансовые ресурсы за счет доходов провинции. Обстановка неопределенности, царившая в 80-е и 90-е годы XVIII столетия, отрицательным образом сказалась на доходах французских купцов в Египте.

Предпринятое в 1798 году вторжение Бонапарта в Египет заставило турок испытать такое же глубокое потрясение, какое они испытали в 1770 году, когда русская эскадра появилась в Эгейском море. Французы дали вполне рациональное объяснение своему вторжению на территорию государства, формально считавшегося дружественным. Они сделали заявление в духе османской дипломатии, в котором утверждали, что являются «врагами врагов султана», то есть вздорных семейств, которые столь ненадлежащим образом правили Египтом. Бонапарт надеялся на то, что как только стоявшие во главе этих семейств продажные военные лидеры будут смещены, народ восторженно примет новый режим, который французы намеревались установить. Джемал Ахмед-паша дал султану схожие рекомендации, отличавшиеся тем, что их целью было восстановление власти Стамбула, а не насаждение власти Парижа.

Джемал Ахмед-паша доказал свою преданность Османскому государству и свою ценность, когда в 1799 году Сирия оказалась под ударом Бонапарта. В ноябре 1798 года Бонапарт заверил Джемал Ахмеда в своих мирных намерениях, но потом выступил в направлении Сирии, с целью помешать возможному соединению войск под командованием Джемал Ахмеда с экспедиционными силами, которые Османская империя могла направить на помощь Египту. К середине марта 1799 года Бонапарт подошел к Акре. Некоторые из имевшихся в этом районе соперников Джемал Ахмеда присоединились к французам, которые блокировали Акру, но ему оказала поддержку британская эскадра, в состав которой входили два крупных военных корабля. Осада продолжалась до прибытия османского флота и конвоя. Это обстоятельство в сочетании с распространением чумы среди французских войск повлияло на решение Бонапарта отступить, что и было сделано в ночь с 20 на 21 мая.

Сами турки потерпели поражение от Бонапарта в бухте Абукир, когда в июле 1799 года там была высажена армия. Но уже в августе Бонапарт тайно покинул свое новое завоевание и направился во

Францию. После его отъезда стало сложно удерживать Египет. Представители низшего духовенства не верили обещаниям французов уважать ислам и сосредоточили свои усилия на создании широкой оппозиции. Вскоре французская армия столкнулась с угрозой восстания. В самом Каире французское правление удалось восстановить только весной 1800 года, после осады этого города, продолжавшейся несколько недель. В марте 1801 года британские и османские войска высадились в бухте Абукир, а сухопутная армия под командованием великого визиря, пройдя через Сирию (то есть двигаясь тем же маршрутом, который в 1517 году Селим I выбрал для завоевания Египта, находившегося под властью мамлюков), подошла к Египту. Каир был окружен, французы капитулировали, и британцы удерживали Египет до тех пор, пока он не был возвращен туркам по Амьенскому договору 1802 года.

Группировки, не поддержавшие французов, пользовались благосклонностью британцев, которые, как турки и французы, считали установление независимой власти в Египте труднодостижимой целью. Изможденное борьбой кланов и войной население оказалось в ужасных условиях, которые после ухода британцев в 1803 году не сразу улучшились. Тщетными оказались попытки назначенного Стамбулом губернатора создать современную армию по французскому образцу, и в 1803 году он был вынужден бежать по причине мятежа, вспыхнувшего в одном из албанских полков, который входил в состав османских экспедиционных сил, направленных в Египет два года назад с целью изгнать оттуда французов. Неудавшиеся попытки восстановить порядок стали причиной того, что молодой командир этого полка, некий Мехмед Али из находившейся на северном побережье Эгейского моря Кавалы, сумел перехитрить всех остальных претендентов на власть, и в 1805 году Стамбул не нашел ничего лучшего, чем назначить его на пост губернатора.

Такое решение оказалось отнюдь не кратковременной мерой. Вскоре Мехмед Али успешно подавил противодействие, которое ему как губернатору оказывали кланы, боровшиеся за то, чтобы восстановить то высокое положение, которое они занимали до 1798 года. Он учредил свой собственный двор, пригласив к себе родственников и верных союзников с родины. То ли в ответ на искренность султана, то ли по причине того, что он не отличался своекорыстием, но губернатор Египта признавал за султаном исключительное право чеканить монету и то, что его имя упоминается в пятничных

молитвах. Более того, он направлял в Стамбул излишки египетской казны. Вскоре Мехмед Али превратился в образцового слугу османского государства.

В последние десятилетия XVIII века Стамбулу стало трудно поддерживать свой авторитет в арабских землях по причине появления аскетической исламской секты, зародившейся на недоступных племенных территориях в центре Аравийского полуострова, то есть далеко за пределами сферы влияния Османской империи. Опираясь на притягательность движения по восстановлению старых устоев и отрицанию всех принятых на протяжении веков неисламских традиций (культы святых, идолопоклонничества, жертвоприношений и т. п.), основатель секты ваххабитов, давший ей свое имя, Мухаммед бин Абд аль-Ваххаб, добился политической и религиозной поддержки, но в то же самое время навсегда ее дискредитировал. К 70-м годам XVIII столетия ваххабиты со своими религиозными правилами, настолько отличавшимися от тех, которые были приняты в самом центре Османской империи, уже проникли на территорию, подчинявшуюся власти шарифов Мекки, и вскоре двинулись в Ирак. К моменту смерти Мухаммеда бин Абд аль-Ваххаба, скончавшегося 1792 году, были созданы все условия для создания государства, в основе которого лежало его учение, а во главе стоял племенной вождь, Абд аль-Азиз бин Мухаммед бин Сауд.

Вскоре амбиции в духовной сфере и в сфере территориальной экспансии заставили новое саудо-ваххабитское государство вступить в конфликт с интересами Османской империи. Но далеко не сразу Стамбул понял, что к сообщениям, поступавшим из дальнего угла империи, следует относиться со всей серьезностью. Шариф Галиб, который в 90-е годы XVIII столетия был шарифом Мекки, организовывал карательные экспедиции против ваххабитов и их племенных союзов, но его силы часто переходили на сторону противника, а призывы о помощи, с которыми он обращался к османским губернаторам Сирии и Ирака, а потом и к Стамбулу, остались без внимания. В 1798 году армия Шарифа Галиба была разбита, и ему пришлось уступить обширные территории. Успехи «неверного» Бонапарта, которые он одержал в Египте в 1798 году, еще больше уменьшили авторитет османского султана-халифа как защитника святых мест и лидера мусульманского сообщества (этот авторитет накапливался на протяжении многих столетий) и утвердили ваххабитов в мнении, что только они могут сохранить ислам. В 1802 году они взяли священный для шиитских паломников город Карбала в

Ираке, но длительное время поглощенный кризисом в Египте Стамбул лишь в 1803 году дал официальное распоряжение начать против них военную кампанию. Но он не смог собрать надлежащее количество войск и обеспечить их снабжение, а саудиты продолжали свое наступление. В 1803 году они заняли Мекку и оставались в ней, пока их оттуда не вытеснил Шариф Галиб. В 1805 году саудиты захватили Медину, а в 1806 году снова заняли Мекку. Понимая всю слабость своего положения, Шариф Галиб надеялся добиться хотя бы какого-то сосуществования между традиционным порядком и агрессивной новой сектой, но саудиты с пренебрежением отнеслись к его попыткам прийти к соглашению, и в 1807 году закрыли Хиджаз для караванов с турецкими паломниками. Сауд бин Абд аль-Азиз, ставший преемником Абд аль-Азиза бин Мухаммеда бин Сауда, заменил в пятничных молитвах имя султана на свое собственное, тем самым узурпировав важнейшее в исламском мире право на суверенитет. Это было полным унижением султана Селима, а его претензии на роль высшего исламского правителя теперь едва ли были уместны.

Глава 13

ОТ «НОВОГО ПОРЯДКА» К «РЕОРГАНИЗАЦИИ»

Ситуация хаоса, сложившаяся на рубеже веков в балканских провинциях империи, была тесно связана с переориентацией этой великой державы. После того как в феврале 1806 года турки признали Наполеона императором, он направил в Стамбул своего посланника, генерала Себастиани, поручив ему вести переговоры о создании союза с турками против России. Наполеон планировал использовать армию Селима как буфер, который сделает возможным дальнейшее продвижение французов на Балканах, что могло придать еще большее значение победам, которые за год до этого он одержал при Ульме и Аустерлице. Его сумасбродная мечта — сделать Иран третьим участником этого союза и тем самым обеспечить себе свободный проход в Индию — была осуществлена весной следующего года.

В июне 1806 года в непосредственной близости от Стамбула имели место серьезные волнения. Тогда рекрутированные в Анатолии подразделения армии «нового порядка» совершали переход из столицы в Эдирне, чтобы путем устрашения находившихся в этой местности янычар (которые все до единого были против предпринятой Селимом реорганизации армии) заставить их смириться с необходимостью проведения реформ. Местное население отказалось снабжать войска продовольствием, ссылаясь на распоряжения местного магната Дагдевиреноглы («Сын ниспровергателя гор») Мехмед-аги, пользовавшегося поддержкой таких же, как он, аристократов, которым нравилось, что он протестует и против новой армии султана Селима, и против его планов проведения на Балканах призыва на военную службу. В Эдирне толпа растерзала чиновника, кото-

рый объявил о планах султана провести призыв, а имя султана повсюду в этом районе было исключено из пятничной молитвы. Великий визирь Исмаил-паша тайно поддерживал контакты с бунтовщиками и пытался убедить султана в том, что ему не следует настаивать на введении в балканских провинциях «нового порядка». Но эти попытки были тщетными. Когда Дагдевиреноглы Мехмед собрал в Эдирне своих друзей (в числе которых был и магнат из Русе, Тирсиниклиоглы Исмаил-ага), жители городка Чорлу, находившегося между Стамбулом и Эдирне, перекрыли дорогу направленным из столицы войскам армии «нового порядка», которые открыли по городу оружейный огонь. В результате обе стороны понесли значительные потери. Селим приказал своим войскам прекратить дальнейшее продвижение и не допускать никакого кровопролития, но этот инцидент стал началом конца проекта «Новый порядок».

Селима соблазняла возможность восстановления хороших отношений с Францией, что сильно тревожило британцев, которые в феврале 1807 года под плотным огнем турецких береговых батарей прошли через Дарданеллы, и нескольким их кораблям удалось дойти до расположенных у самого Стамбула островов Принцев. Но бурное море позволило лишь одному судну продолжить плавание и бросить якорь неподалеку от дворца Топкапы. Лишь в последнюю минуту британцы отказались от своего плана начать 22 февраля обстрел города. Плохая погода и решительная позиция британских дипломатов вынудили эскадру сняться с якоря, и она ушла, так ничего и не добившись, если не считать того, что Селим обрел еще большую уверенность в необходимости союза с Францией.

С декабря 1806 года Османская империя находилась в состоянии войны с Россией, а в апреле 1807 года турецкое правительство снова направило свои войска на Балканы, на сей раз в Силистрию на Дунае, где проходила линия фронта, за которой находился агрессивный противник. В течение нескольких предшествующих месяцев Селим продолжал заниматься введением новшеств, которые должны были поднять моральный дух и боеспособность армии. Этим он вызвал очередную волну протестов против «нового порядка». Из Эдирне эти волнения перекинулись в Румелию, где тоже был введен призыв на воинскую службу и где местные аристократы поняли, как легко они могут лишиться власти, которую сосредоточили в своих руках. Тем временем в Стамбуле султан объявил о том, что во время пятничной молитвы и на церемонии приема парада он

желает быть в военной форме европейского образца, которую носят войска его армии «нового порядка». Кроме того, он выразил желание, чтобы ополченцы из гарнизонов крепостей северного Босфора, охранявших подходы к Стамбулу со стороны Черного моря, тоже носили эту форму. Некоторые из его советников предупредили, что это неудачная идея, но инспектор, ответственный за безопасность Босфора, высказал мнение, что солдаты будут носить даже такой нелепый головной убор, как шляпа, если султан пожелает, чтобы они его носили. В конечном счете это мнение и одержало верх. В понедельник 24 мая суперинтендант этих крепостей, бывший канцлер Махмуд Раиф-эфенди (которого называли «инглизом», то есть англичанином, потому что с 1793 по 1797 год он находился в Лондоне в качестве первого секретаря первого постоянного посла Османской империи в Великобритании) зачитал собравшимся солдатам указ султана, согласно которому они должны были признать «новый порядок» и принять новое обмундирование, образцы которого он и его заместитель захватили с собой.

Введение «нового порядка» так накалило страсти среди современников, что в своих сообщениях они явно искажают действительное положение дел, и даже последовательность событий в этих отчетах изложена по-разному. Но можно не сомневаться в том, что ополченцы, которые несли службу в крепостях северного Босфора, не являлись идеальным ресурсом для пополнения новой армии Селима, поскольку у них было больше общего с теми непокорными подразделениями, которые только ускорили сербское восстание. По словам одного очевидца, командир гарнизона находившейся на азиатском берегу северного Босфора крепости «Венгерский бастион» вскинул свой пистолет и выстрелил в живот заместителю Махмуда Раифа-эфенди. Считая, что их в любом случае повесят, бунтовщики решили убить и самого Махмуда Раифа, которого они обвинили в том, что именно он навязывает им все эти нововведения. Должно быть, они знали, что он убежденный сторонник реформ «нового порядка», а может быть, им было известно и о том, что он опубликовал на турецком, французском и немецком языках работу, в которой подробно объяснял суть предпринятых Селимом реформ армии и флота. Об их намерениях стало известно Махмуду Раифу, находившемуся в расположенной на противоположном берегу Босфора крепости Румели Каваги. Он бежал, но ополченцы переправились на европейский берег, схватили его и расстреляли. К тому

времени, когда об этих убийствах доложили султану, взбунтовавшиеся войска сумели заручиться поддержкой янычар, которые заявили, что у них общие цели. Единственными подразделениями, способными обуздать мятежников, были немногочисленные подразделения армии «нового порядка», имевшиеся в крепостях Левент Чифтлиги, расположенной на холмах Румелийского Босфора, и Гарем, находившейся в области Ускудар, но помощник великого визиря, Кёсе («Безбородый») Муса-паша, оставшийся в Стамбуле на время отсутствия своего уехавшего на войну начальника (которым был Ибрагим Хилми-паша, ставший преемником Исмаил-паши), проявил осторожность и держал войска в казармах. В среду, к исходу дня, мятежники, которые беспрепятственно двигались вдоль берега Босфора на юг, подошли к Топхане, расположенному южнее Галаты литейному цеху, где отливали пушки. Теперь они могли добраться до дворца, совершив непродолжительную поездку на лодке.

На этом этапе кризиса султан Селим проявил нерешительность и был напуган. Когда султан принимал во дворце Топкапы нескольких командиров янычар, он отрицал, что пытался заставить босфорское ополчение стать войсками «нового порядка», и сам предложил отказаться от своего заветного плана реформирования вооруженных сил, но, когда об этом сообщили рядовым янычарам, они не поверили султану, который до этого момента отказывался распускать свою армию «нового порядка» даже несмотря на то, что она стала причиной волнений в Румелии и Анатолии. Босфорские ополченцы разбрелись по городу, привлекая на свою сторону всех недозволенных. Когда толпа подошла к находившимся в городе казармам янычар, из дворца сбежали государственные чиновники, а тем священнослужителям, которые хотели найти убежище во дворце, султан посоветовал оставаться там, где они в тот момент находились, то есть в канцелярии великого визиря. Когда от оказавшихся не у дел командиров янычар, которые собрались во дворе мечети Сулеймания, требовалось приказать своим подчиненным подавить бунт, они проявили нерешительность, предложив шейхульисламу Шерифзаде Сеид Мехмеду Атаулла-эфенди и главным судьям Румелии и Анатолии встретиться с янычарами в их казармах.

Поскольку великий визирь и главнокомандующий янычар уехали на войну, иметь дело с ополченцами и ставшими их союзниками янычарами пришлось прежде всего шейхульисламу, помощнику великого визиря, Кёсе Муса-паше и заместителю главнокомандую-

шего янычар Мехмеду Ариф-аге. Годом ранее и Сеид Мехмед Атаулла-эфенди, и Кёсе Муса проявляли сочувствие к восставшим против «нового порядка» жителям Эдирне. Именно после тех событий Атаулла-эфенди был назначен на пост шейхульислама (как консерватор, который мог сделать реформы более привлекательными). На самом деле то, что Кёсе Муса не приказал войскам «нового порядка» подавить Босфорский мятеж в зародыше, избавило от кровопролитного противостояния, но в то же время лишило султана возможности принять военное решение.

В том, как развивался этот мятеж, не было ничего нового. Площадка для парадов была заполнена взбудораженными янычарами, а также оружейниками и ополченцами. Котлы, в которых янычарам готовили пищу, были вынесены на площадь и опрокинуты, что было традиционным жестом неповиновения султану. Результатом проходивших в казармах дискуссий стал список из двенадцати высокопоставленных чиновников, которых мятежники обвинили в своих обидах. Некоторые из бунтовщиков отправились на ипподром, чтобы потребовать выдачи этих чиновников. По пути они убили писаря янычарского корпуса, который оказался настолько безрассудным, что предложил им умерить свой пыл. Командиры янычар попытались успокоить толпу, но мятежники хотели заполучить в свои руки чиновников из списка, распустить армию «нового порядка» и уничтожить все следы ее существования. Испытывая страх, султан Селим согласился выполнить эти требования и пообещал вернуться к системе султанской пехоты и кавалерии, которая преобладала в годы правления султана Сулеймана I.

Когда слухи о неминуемом расформировании войск «нового порядка» достигли казарм в Гареме и Левент-Чифтлиги, обожаемые Селимом войска просто побросали свои посты и разбрелись по округе. Некоторых из правительственных чиновников, имена которых были внесены в список мятежников, были обнаружены там, где они скрывались, доставлены на площадку для парадов и убиты. Ради собственного спасения султан казнил других чиновников в своем дворце, а их головы послал янычарам. Вечером того же дня взбунтовавшиеся солдаты объявили, что нужно обеспечить безопасность престолонаследников (кузенов Селима и сыновей султана Абдул-Хамида I, Мустафы и Махмуда, которым тогда было уже более двадцати лет), намекая на то, что Селим может причинить им вред. По словам очевидца тех событий, воззвание, которое султан

зачитал в канцелярии великого визиря и на площадке для парадов янычар, заставило прослезиться даже мятежников:

У меня нет детей. Принцы — это мои сыновья и свет моих очей. Упаси меня Всевышний стать причиной угасания и гибели государства, а также владычества и чистоты Османской династии, вероломно их умертвив. Я никогда не мог и подумать об этом. Молю Всевышнего о том, чтобы такой день никогда не настал. Пусть Всевышний дарует им долгую жизнь!

Был четверг 28 мая. И священнослужители, и командиры янычар (которые все это время настойчиво старались отделить себя от рядовых) полагали, что сентиментальный призыв, с которым Селим обратился прошлой ночью, положил конец этому мятежу: ведь султан согласился с требованиями мятежников, армия «нового порядка» распущена, а многие из государственных чиновников, упомянутых в списке двенадцати, уже убиты. Они считали, что солдат Босфорского ополчения можно усмирить с помощью денег, а их командиров по традиции наградить халатами и чинами. Однако когда это было предложено ополченцам, их командир Кабакчи («Продавец тыкв») Мустафа выразил несогласие, заявив, что у них есть еще одно требование: смещение султана Селима и возведение на трон принца Мустафы. Они больше не считали Селима ни своим светским, ни своим духовным лидером. В ответ на вопрос о дальнейшей судьбе Селима говорившие от лица ополченцев сообщили шейхульисламу, что они не намерены причинять ему вред, и напомнили о том, что после низвержения в 1730 году султан Ахмед III мирно доживал свои дни во дворце. Тотчас были прочитаны те места из Корана, в которых говорится о престолонаследии, вознесены соответствующие молитвы, а с находившейся внизу площадки для парадов раздался одобрительный возглас многочисленной толпы: «Так тому и быть!» Шейхульислам Атаулла-эфенди побоялся в одиночку идти во дворец, чтобы передать Селиму известие о его смещении и совершить церемонию возведения на трон. Согласившись идти в сопровождении 2000 человек, он направился во дворец, находясь в центре толпы, которая по мере продвижения увеличивалась. Дворцовые ворота были закрыты, поэтому внутрь было передано письмо, адресованное главному черному евнуху. В этом письме сообщалось, что мятежные солдаты не разойдутся до тех пор, пока Селим

не спустится вниз и не принесет клятву верности новому султану Мустафе IV.

Пятидесятитысячная толпа заполняла пространство перед дворцом и вокруг мечети Айя София, распевая: «Мы хотим султаном Мустафу!» Пока шейхульислам, заместитель великого визиря и их свита ожидали за воротами дворца, главный черный евнух передал Селиму ультиматум о низвержении. Это произошло в павильоне для обрезаний, находившемся внутри Висячего сада (ныне четвертый двор). Отчаявшись и не зная, что теперь делать, Селим направился в гарем, чтобы там разыскать своего кузена Мустафу, который после долгих лет изоляции проявлял нерешительность. Нового султана посадили на трон перед Воротами Блаженства и в ознаменование его восхождения на престол государственные деятели принесли клятву верности.

Султан Мустафа IV был возведен на престол на исходе того дня, когда был смещен Селим. На следующий день, в пятницу 29 мая, в Айя Софии возносили молитвы. Босфорское ополчение охраняло своего нового султана, но они добились не только этого. Их командиры требовали командных постов, и они их получили. Рядовые добились повышения жалованья. Лидер ополченцев Кабакчи Мустафа был назначен инспектором босфорских крепостей европейского берега. Новый султан издал указ, подтверждающий расформирование войск «нового порядка». В том же указе он просил ополченцев дать обязательство, что впредь они никогда не будут бунтовать и что в обмен на это обязательство они будут помилованы и все обвинения с них будут сняты. К началу июня волнения закончились. Янычары и ополченцы получили щедрые премии в честь восхождения нового султана на престол, и все военнослужащие вернулись в свои казармы.

Подобно тому как это случилось с султаном Османом II в 1622 году, султан Селим был низвергнут в ответ на попытки осуществить план реорганизации вооруженных формирований (существуют некоторые сомнения относительно того, входило ли это в намерения Османа. В расхожем представлении, именно в этом трагизм судеб обоих султанов), но, во всяком случае для Селима, царствование не всегда было тяжелым бременем. Его секретарь написал подробный и глубоко личный отчет о правлении своего владыки. Это хроники повседневной дворцовой жизни, не отягощенной заботами о государстве, описания путешествий, совершенных монархом по водным

артериям города, пикников и выездов на охоту, музыкальных вечеров и приемов, а также военных смотров. Несмотря на всю серьезность стоявших перед ним целей, Селим (который был талантливым композитором) и его окружение имели такую же склонность доставлять себе удовольствие, как Ахмед III и его придворные.

Были и другие параллели с царствованием Ахмеда III. Подобно мятежу 1730 года волнения 1807 года были названы именем человека, который первым высказал требование сместить султана: в 1730 году таким человеком стал Патрона Халил, а в 1807 году Кабакчи Мустафа. Как и Патрона Халил, Кабакчи Мустафа принадлежал к низшим слоям османского общества. Он был родом из северной части малоазиатской области Кастамону, а среди его сторонников были грузины и алабанцы. Ни он, ни его товарищи, нанятые в качестве ополченцев, не получили подготовки, необходимой для того, чтобы сделать из этого вооруженного и необузданного сброда дисциплинированных солдат, в которых так нуждалось государство, а уступки, которых они добились, ничуть не способствовали тому, чтобы они превратились в подчинявшееся приказам соединение. Под предлогом охраны Босфора они пьянствовали, занимались грабежами, ввязывались в драки и наживались на том, что, нарушая закон, привозили проституток в крепость.

Неделю пребывания на престоле султан Мустафа отметил пятничной молитвой в Новой мечети, находившейся в прибрежной части района Эминёню, и посещением расположенной неподалеку гробницы своего отца, султана Абдул-Хамида I. Спустя шесть дней он посетил гробницы султана Мехмеда II и Айюба Ансары, которые находились в глубине бухты Золотой Рог. Там он прошел обряд опоясывания саблей, которая считалась саблей первого османского султана, Османа, а в следующую пятницу присутствовал на молениях в мечети султана Баязида II и посетил его гробницу. Но старательное соблюдение освященных веками обрядов не наделило Мустафу моральным авторитетом и не укрепило законность его положения, хотя и то и другое он пытался обрести. В течение нескольких недель после своего восхождения на трон он пытался укрепить свое положение, отдавая приказы о высылке или убийстве многих чиновников Селима. Но успешными оказались далеко не все его попытки устранить ключевые фигуры, связанные с насильственной гибелью «нового порядка». Кёсе Муса-пашу отправили в отставку, но через две недели его на короткое время восстановили в

должности, а недовольство янычар назначением на пост шейхуль-ислама нового человека привело к возвращению на эту должность Атаулла-эфенди. Но другие оказались менее удачливыми. Заместитель главнокомандующего янычар Мехмед Ариф-ага, который сыграл решающую роль в умиротворении мятежников и прекращении беспорядков, был обвинен в финансовых нарушениях. Его сняли с должности и выслали из Стамбула. Его имущество было конфисковано и использовано для оплаты жалованья янычарам. Когда по пути в Мекку, куда Мехмед Ариф решил совершить паломничество, он прибыл в Бурсу, его убили, а голову послали в Стамбул. Янычары заставили отправить в отставку и великого визиря Ибрагима Хилми-пашу, который был в отъезде на Дунайском фронте. Они же обеспечили назначение своего кандидата на должность главнокомандующего янычар.

18 октября 1807 года анатолийский вельможа и противник «нового порядка» Каникли Тайяр Махмуд-паша вернулся в Стамбул из Крыма, куда он бежал в 1806 году. Вскоре его назначили заместителем нового великого визиря Челеби Мустафа-паши, но не прошло и нескольких месяцев, как после противоборства с высокопоставленными государственными деятелями, которым он угрожал, его отправили в отставку: самое интересное заключалось в том, что его назначение было нежелательным для янычар. В марте 1808 года его с большой свитой отправили в ссылку в Димотику, на запад Фракии, но его имущество не было конфисковано, более того, султан Мустафа посылал ему пенсию.

После того как Тайяр Махмуд-паше не удалось сыграть ведущую роль в правительстве, которое пришло на смену режиму «нового порядка», еще один провинциальный вельможа попытался взять в свои руки государственную власть. Магнат Байракдар Мустафа-паша занял высокое положение, после того как летом 1806 года был убит могущественный и опасный для режима Тирсиниклиоглы Исмаил-ага, заместителем которого он был на Дунайском фронте. Владения Тирсиниклиоглы Исмаила в области Силистрия перешли к Байракдару Мустафе, а командующий армией «нового порядка» получил указание ограничить его влияние, но (как это часто бывало в случае с властными провинциалами империи) у султана не оставалось иного выбора, кроме признания того, что этот человек является главной силой в регионе, поскольку на начальном этапе войны услуги Байракдара Мустафы были необходимы для защиты импе-

рии от русских. Третьего февраля 1807 года он был назначен командующим ополчением на Дунайском фронте и губернатором провинции Силистрия.

По причине исключительного стратегического положения территорий, контролируемых Байракдаром Мустафа-пашой, на нем лежала большая ответственность и он получал щедрые вознаграждения. В конце кампании 1807 года несколько государственных деятелей высокого ранга, которые в момент низвержения Селима находились на Дунайском фронте, решили не возвращаться в Стамбул, а остаться вместе с Байракдаром Мустафой в Руссе. Будучи сторонниками «нового порядка», они планировали возобновить преобразования, предпринятые низверженным султаном. Когда Байракдар Мустафа услышал о том, что соперничавшие с ним дунайские аристократы приглашены вернувшимся с войны великим визирем Челеби Мустафа-пашой в Эдирне, он выступил в направлении этого города с десятитысячным войском. Подобная демонстрация силы нагнала страх не только на местное население, но и на жителей Стамбула. Благодаря одному своему стороннику, выступившему в роли посредника, он достиг взаимопонимания с великим визирем, который, надеясь разрядить эту потенциально опасную ситуацию, выслал соперников Байракдара Мустафы из Эдирне, а его самого пригласил в город под предлогом обсуждения состояния армии. Султан Мустафа не ожидал таких действий от Челеби Мустафы и не давал ему на них разрешение. Он не мог понять, почему в разгар войны с Россией Байракдар Мустафа перестал выполнять свои обязанности на фронте (хотя в августе 1807 года после Тильзитского договора было заключено перемирие на русско-турецком фронте).

На самом деле Байракдару Мустафа-паше было что сказать о положении дел в Дунайской армии. В неутешительном докладе, направленном заместителю великого визиря в Стамбуле 4 июля 1808 года, он жаловался на нехватку войск (как и во время предыдущей войны, на службу прибыла лишь часть затребованных войск) и плохое снабжение: когда закончились имевшиеся на месте запасы продовольствия, а потом и те, которые были направлены из других районов Балкан, армия стала испытывать такую нехватку провизии, что ему, чтобы накормить своих солдат, пришлось воспользоваться сельскохозяйственной продукцией из своих собственных поместий. Более того, за свой счет (и немалый!) он закупил продукты у крестьян с северного берега Дуная. Он указывал на то, что турецкие крестья-

не страдают от тех повинностей, которыми их облагают и, следуя примеру сербов (восстание которых тогда было в самом разгаре), отказываются обеспечивать армию продуктами и фуражом. Без войск, провизии и денег, утверждал он, невозможно вести войну с Россией. Он язвительно отзывался о многочисленных гражданских лицах, которые сопровождают армию, и особо жаловался на то, что 30 000—40 000 солдат считали для себя обязательным сопровождать священное знамя, «чтобы произвести впечатление на врага», причем все они требовали, чтобы их кормили. Еще за год до этого он предлагал или вообще не брать с собой священное знамя, или хотя бы оставить его в Эдирне, но все было тщетно. Солдаты, утверждал он, нужны для сражений.

В словах Байрактара Мустафа-паши явно ощущалось недовольство. Он подчеркивал, что не отправился бы в Эдирне, если бы не считал необходимым обсудить эти вопросы с великим визирем — каждый час, писал он, стоит ему денег. Его единственной целью является благоденствие государства и служение султану. И для русского, и для сербского фронтов ему нужны запасы продовольствия и войска (в том числе и ополчение, которое он считал важнейшим компонентом действующей армии), причем немедленно. Он полагал, что дисциплина является одной из главных проблем, препятствующих военным усилиям Османской империи, и рекомендовал назначить на все участки Дунайского фронта опытных визирей, чтобы координировать действия всех войск, которые находятся под его командованием. Ему нужны были надежные, боеспособные войска, а не тысячи тех, кого он считал никчемными бумагомарателями. Другой серьезной проблемой, указывал Байрактар Мустафа, является дезертирство, в особенности среди солдат из Анатолии.

Как и многие недовольные провинциалы до него, Мустафа-паша изъявил желание лично засвидетельствовать свое почтение султану. Даже если бы великий визирь и хотел этому воспрепятствовать, он не смог бы ничего сделать. Поэтому он написал письмо одному из ближайших доверенных лиц султана Мустафы, черному евнуху, в котором поведал о намерениях Байрактара Мустафы, но эти намерения уже стали свершившимся фактом. Пытаясь каким-либо способом задержать прибытие Байрактара Мустафы в Стамбул, шейхульислам Атаулла-эфенди и заместитель великого визиря предложили султану написать великому визирю письмо с напоминанием о том, какие традиционные обряды следует соблюдать, когда свя-

шенное знамя вместе с армией возвращается в Стамбул. Независимо от своих личных мнений, они твердо решили не провоцировать конфронтацию, единственным результатом которой стало бы кровопролитие. Из ответа великому визирю стало ясно, что Байракдар Мустафа получил от султана разрешение вернуться в город.

Как раз когда Байракдар Мустафа подходил к Стамбулу, был пойман и убит Кабакчи Мустафа (неясно, кто отдал приказ его казнить: то ли Байракдар Мустафа, то ли султан Мустафа). 19 июля 1808 года шейхульислам и заместитель великого визиря вместе со свитой выехали из Стамбула, чтобы сыграть свою роль в церемонии приема священного знамени у возвращающейся армии. Султан Мустафа направился к традиционному месту проведения церемонии, расположенному западнее Стамбула, неподалеку от плаца Дауд-паши, и официально принял знамя от великого визиря Челеби Мустафа-паши. Передав его знаменосцу, он вернулся во дворец, прежде чем там появился Челеби Мустафа. Хотя Байракдар Мустафа тоже прибыл к этому месту, он оставался в своем шатре и не наблюдал за ходом церемонии.

Несмотря на задержку, случившуюся благодаря церемонии приема священного знамени у возвращавшейся армии, султану и его советникам все же не хватило времени выработать план противостояния Байракдару Мустафе-паше. Спустя два дня Байракдар Мустафа вошел в город, жители которого с замиранием сердца ожидали, что же произойдет. Сначала он направился в канцелярию великого визиря и там отстранил от должности Челеби Мустафа-пашу за то, что он нарушил пакт, который они заключили в Эдирне с целью восстановления на троне султана Селима. Байракдар Мустафа все время умело использовал Челеби Мустафу в своих целях, и в конце концов он его перехитрил. По приказу Байракдара Мустафы шейхульислам Атуалла-эфенди и другие священнослужители высокого сана были смещены и отправлены в ссылку. Затем Байракдар Мустафа направился со своими солдатами во дворец и потребовал предъявить бывшего султана. Придворные султана Мустафы хорошо понимали, чем это может закончиться, и сообщили своему владыке то, о чем он уже знал: пока Селим жив, его собственное положение будет шатким. Желая заставить Селима предстать перед султаном Мустафой, его люди проникли в покои смещенного султана, и, когда тот отказался выйти, они его убили. Войдя во дворец, Байракдар Мустафа понял, что он опаздал. Он спросил нового шей-

хульислама, можно ли по-прежнему считать законным правителем султана Мустафу, который является убийцей невинного. Получив вполне предсказуемый ответ, он привел брата Мустафы, находившегося в своих покоях Махмуда. Байракдар Мустафа и все высшие государственные деятели принесли клятву верности новому султану, Махмуду II, который предложил Байракдару Мустафе забрать у Челеби Мустафы-паши должностную печать великого визиря. После некоторых колебаний тот согласился принять награду. Чиновников, которые несли ответственность за убийство Селима, казнили, а их головы выставили у наружных ворот дворца, причем у каждой из этих голов находилась табличка, уведомляющая о том, что это «вероотступники и государственные изменники, посмеявшие замучить султана Селима». Еще одной жертвой восхождения Байракдара Мустафы стал Тайяр Махмуд-паша. Его стремительный взлет во время правления Мустафы оказался непродолжительным. Султан Мустафа отправил его в ссылку во Фракию, но вскоре назначил комендантом крепости Варна, расположенной на берегу Черного моря, южнее Дуная. Его казнили после того, как султан был низвергнут.

Всех удивило внезапное смещение Мустафы IV и восхождение на трон двадцатитрехлетнего принца Махмуда, который стал султаном 28 июля 1808 года. Он не располагал естественными союзниками и был лишь пешкой в руках Байракдара Мустафа-паши, который прибыл в Стамбул, чтобы вновь сделать Селима султаном. Через два месяца после того, как Махмуд вступил на престол, Байракдар Мустафа председательствовал на необычном собрании, участниками которого стали члены правительства, в том числе командиры султанских полков и шейхульислам, а также некоторые из влиятельных провинциальных аристократов, каким некогда был и сам Байракдар Мустафа. Всего на этом собрании присутствовало 25 человек.

Соглашение, достигнутое в результате обсуждений, состояло из семи пунктов, которые накладывали на участников собрания ряд обязательств. Они заверили в своей преданности новому султану и признали великого визиря Байракдара Мустафа-пашу его представителем, которому они обещали повиноваться до тех пор, пока он действует по справедливости. Они предложили подавлять янычарские и прочие беспорядки в Стамбуле, согласились обеспечивать армию войсками, а также удовлетворять финансовые потребности

государства. Участники собрания дали зарок решать все вопросы по справедливости и, предоставив гарантии того, что их отсутствующие товарищи будут соблюдать эти обязательства, поклялись, что в противном случае они будут действовать против них. В качестве компенсации за эти торжественные обещания аристократы вознаградили себя вечным правом передавать по наследству свои владения. Это было явной попыткой оформить независимость от Стамбула, за которую они так упорно боролись. Все это было представлено султану Махмуду как свершившийся факт. Лишь четверо из двадцати пяти человек, подписавших это соглашение, были правителями провинций, теми, кто считался частью системы государственного управления и распределения власти. Другие были чиновниками центрального аппарата. Махмуд был не в силах оказывать им сопротивление. Империя все еще находилась в состоянии войны с Россией, а политики, которые могли оказать ему поддержку в борьбе с аристократами, сами подписали данное соглашение. Поэтому ему оставалось лишь поставить собственную подпись под этим документом. Подлинник скрепленного подписями соглашения не сохранился, и похоже на то, что султан Махмуд уничтожил его, как только ему представилась такая возможность.

Содержание этого документа сохранилось только в работах историков того времени. Двое из четырех подписавших соглашение провинциальных правителей были представителями династий Кеббарзаде (Чапаногуллары) и Караосманогуллары, и оба были сторонниками предложенного Селимом «нового порядка». Среди тех правителей, подписи которых отсутствовали, был Тепедели Али-паша из Янины, который долго выступал в качестве противника центральной власти и не одобрил предложенных Байракдаром Мустафа-пашой условий их будущих взаимоотношений с султаном и друг с другом. Но это соглашение так и не вступило в действие. Не прошло и нескольких недель, как 15 ноября Байракдар Мустафа был убит во время кровопролитного мятежа янычар, который был поднят в ответ на его планы создания нового рода войск и одновременной реорганизации корпуса янычар, предполагавшей сокращение их привилегий. Попытки янычар добиться реставрации Мустафы IV оказались безрезультатными: Махмуд убил соперника, когда янычары направились во дворец после того, как подожгли особняки ведущих политических деятелей. Таким образом, Махмуд остался единственным представителем мужского пола из всех членов османской династии.

Стамбул снова стал ареной кровопролитной борьбы, и даже после гибели Байрактара Мустафа-паши потребовалось несколько дней, чтобы, предприняв решительные действия, взять янычар под контроль. Нападению подверглась даже мечеть Айя София, а дворец был лишен водоснабжения. Едва способные себя сдерживать, преданные Махмуду войска повсюду преследовали взбунтовавшихся янычар. Сообщалось, что всего во время этих событий погибло пять тысяч янычар и шестьсот верных султану военнослужащих. Стоявшие в бухте Золотой Рог военные корабли обстреляли казармы янычар, что вызвало значительные разрушения, а возникшие пожары уничтожили обширные районы города. Ценой подчинения янычар стал роспуск новых воинских подразделений, сформированных Байрактаром Мустафой как явное подобие созданных Селимом войск «нового порядка» и убийство тех близких сподвижников Байрактара Мустафы, которых удалось найти. Многих других отправили в ссылку. Несмотря на значительные потери, корпус янычар все же уцелел: его ликвидация, считавшаяся главным событием царствования Махмуда, была предпринята только в 1826 году. Но проведенные перед этим реформы законодательства и бюрократического аппарата, логическим результатом и продолжением которых стала так называемая *танзимат*, или «реорганизация» османской общественной жизни, произвели гораздо более глубокое воздействие, чем реформы Селима III, которые главным образом были направлены на улучшение боеспособности вооруженных сил Османской империи.

Частичное принятие вооружений и методов военной подготовки неверных, которое имело место в начале правления Селима III и до него, само по себе не помогло туркам одержать победы, которые им были так нужны. Более радикальные новшества «нового порядка», которые сам Селим рассматривал как первый шаг в направлении создания современной, дисциплинированной армии, так и не были введены, поскольку они покушались на самые основы национального самосознания турок. Одной из таких основ было представление о том, что армия, и в особенности янычары, имеют решающее значение для дальнейшего существования государства, поскольку на протяжении столетий военные были тем инструментом, который превращал разобщенные и несопоставимые друг с другом территории в единое суннитское целое. Создание новых, параллельных вооруженных сил, которые бы пользовались большей благо-

склонностью, чем традиционные гвардейцы османского государства, угрожало лишить их привилегированного положения в обществе и принизить ту важную роль, которую играли эти многочисленные и строптивные войска, а также ополченцы, стремившиеся разделить с ними престиж и награды. Их неприязнь к реформам Селима усугублялась их неспособностью зарабатывать на жизнь, поскольку имевший место в тот период экономический спад оказал на них такое же глубокое воздействие, как и на все остальное население.

Нет ничего удивительного в том, что лишь меньшая часть высокопоставленных политиков и власть предержащих скорее поддержала, чем воспротивилась попыткам Селима провести реформы. Вполне очевидно, что западные вооружения были полезным инструментом достижения особых целей, которые преследовали и турки, и их соперники. И все же существовало мнение, которое один анонимный комментатор выразил незадолго до окончания русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Тогда он усомнился в том, что туркам следует использовать западные методы ведения войны, ведь сами неверные всегда утверждали, что именно религиозный пыл делает турок непобедимыми. Однако даже среди тех, кто хотел воспользоваться достижениями научно-технического прогресса, которые считались полезными, лишь немногие были готовы поддержать культурные преобразования, без которых были невозможны технические заимствования. Для того чтобы реформы оказались успешными, нужно было наличие соответствующих стимулов внутри османского общества (или хотя бы видимость наличия таковых), поскольку в противном случае эти реформы вряд ли могли найти понимание за пределами узкого круга государственных деятелей и интеллектуалов. На протяжении XVIII столетия концепция «победоносного расширения рубежей империи» постепенно уступала место концепции «благоденствия религии и государства», которая являлась более реалистичной доктриной. К исходу столетия дипломатия и ведение войны в Османской империи, как и в Европе, были в значительной степени прерогативой государственных чиновников. Изменения в системе административного управления и в сфере культурных традиций сделали еще более очевидной ненужность таких устаревших институтов, как корпус янычар.

В то время литераторы, которые сочувствовали реформам, ставили себе целью дать рационалистическое объяснение тем переме-

нам, которые имели место в системе государственного управления и в обществе, и представить эти изменения вне исламского контекста. Мысль о том, что под благоденствием религии и государства скорее можно (а зачастую и должно) понимать мир, а не войну, не сразу получила широкое признание, и в этот переходный период отвергалась многими представителями правящих кругов, а также теми, кто держал под контролем средства принуждения. Лишь немногие получали материальные выгоды от введения новшеств, а предпринятые Селимом усилия чрезмерно ускорили проведение реформ, которые зашли слишком далеко: весьма размытой стала граница между допустимыми и недопустимыми нововведениями. За последние сто лет центральное правительство ослабило свое административное и финансовое влияние, делая это ради того, чтобы, во-первых, изыскать деньги, необходимые для пополнения казны, и во-вторых, увеличить численность тех, кто был заинтересован в сохранении империи. Для внутренней политики это имело самые непредсказуемые последствия. В некоторых случаях передача власти местным правителям была необходима для того, чтобы они сохранили свою верность государству, но на периферии империи и там, где это сопровождалось вмешательством великих держав или было следствием такого вмешательства, складывалась тенденция к децентрализации. Было слишком много несовместимых друг с другом интересов, которые Селиму приходилось удовлетворять. То, что он лишился своего законного права на трон, можно объяснить тем, что он ошибочно оценивал пределы имевшихся у него возможности.

К лету 1808 года Османская империя была поражена болезнью под названием «Западный вопрос», которая в конечном счете и привела ее к гибели: великие державы уже не принимали в расчет никакие доводы в пользу уважения системы равновесия сил, в рамках которой начиная с XVII века строились межгосударственные отношения. Вместо этого они дали волю своему всепоглощающему соперничеству, которое в значительной степени затронуло владения Османской империи. Новая стратегическая конфигурация эпохи Наполеоновских войн означала, что принципы, лежавшие в основе особых отношений Османской империи с Францией, больше можно было не принимать в расчет. В результате французского вторжения 1798 года узы, которые связывали Египет со Стамбулом, стали еще менее прочными, и теперь Франция уже не желала обсуж-

дать с Россией возможность раздела владений султана. Между тем продолжалась русско-турецкая война, которая началась в 1806 году. Попытки турок вести переговоры о мирном урегулировании оказались безуспешными, и статус Молдавии и Валахии оставался спорным вопросом. Продолжалось и сербское восстание. Некоторое затишье наступило, когда русский царь Александр пытался достичь временного соглашения с Наполеоном и найти с ним общее понимание того, как может в будущем выглядеть Европа и Османская империя. Однако когда оба императора пришли к взаимному пониманию, оказалось, что у каждого из них есть собственные стратегические интересы, которые мешают реальным взаимоотношениям. Поэтому Тильзитский мир фактически создал больше проблем, чем решил. Тем не менее потепление отношений между Францией и Россией позволило России надеяться на то, что она обрела союзника, который поддержит ее территориальные претензии на эти княжества.

Британия также стала проводить собственную политику на Ближнем Востоке, хотя тогда еще малоэффективную. Отношения с Францией, Россией и Австрией были для нее гораздо важнее, чем отношения с Османской империей, а «странная война» 1807 года (поводом к началу которой стала демонстрация британской военно-морской мощи в непосредственной близости от Стамбула, проведенная в знак протеста против доминирующего дипломатического влияния французского посла; эти трения были урегулированы военной экспедицией, предпринятой с целью предотвращения возврата французов в Египет) закончилась тем, что в январе 1809 года был заключен мир между Британией и Османской империей. К 1808 году Россия оккупировала Молдавию и значительную часть Валахии, а в 1810 году русская армия форсировала Дунай и наступала на юг, захватывая крепости, которые имели важное значение для безопасности Османской империи. К исходу 1811 года султан Махмуд испытывал желание заключить мир. Россия, которой угрожало вторжение Наполеона, согласилась заключить мирное соглашение, и по условиям Бухарестского договора 1812 года из всех территорий княжеств, на которые она претендовала, получила только Бессарабию (часть Молдавии, находившуюся между реками Днестр и Прут) и те территории, которые она к тому времени захватила на Кавказе и которые были причиной постоянных конфликтов с турками. Как это уже было в XVIII веке, туркам пришлось взять на себя обязательство выплачивать русским репарации, и хотя первую из

трех выплат удалось отсрочить на неопределенное время, вторую и третью можно было осуществить только с помощью кредитов под высокие проценты, которые были получены благодаря посредничеству отечественных и зарубежных финансистов.

Усиление влияния России на Балканах являлось отражением ее наступления на мусульманские государства Кавказа, где османские султаны лишились авторитета по причине своего нежелания или неспособности защитить своих единоверцев от русской агрессии. В арабских провинциях в результате проблем, возникших с мусульманами, а не с христианами (что нанесло непоправимый ущерб образу султана как защитника святых мест), Мекка и Медина больше не принадлежали Османской империи. Египет находился под контролем губернатора (Мехмеда Али-паши), который превращал эту провинцию в свое личное владение и собирался навсегда изменить отношения со Стамбулом. Турки испытывали ощущение, что они находятся в осаде и что их империя не более чем пешка в руках политиков великих держав. Испытывая страдания, как и другие жертвы великодержавного экспансионизма (например, польско-литовская Речь Посполитая, Швеция, Венгрия и Венеция), они давали убежище таким же, как они сами, страдальцам: поляки, испытавшие на себе последствия третьего раздела Речи Посполитой, осуществленного Россией, Австрией и Пруссией в 1795 году, стали лишь первыми иммигрантами, которые пошли по стопам шведского короля Карла XII, изгнанного русскими и нашедшего убежище в Тигине в 1709 году, а также трансильванский князь Франциск Ракоши, родину которого в 1710 году аннексировали Габсбурги.

Мир с Россией имел значение для сербов, которые вели борьбу с Османской империей. Как и дунайские княжества, Сербия получила некоторую передышку, пока шла дискуссия между Россией и Францией, но в 1809 году османская армия вернула значительную часть территории. Судьбу повстанцев решали внешние обстоятельства, так как для России, которой грозила война с Наполеоном, Сербия отошла на второй план. Бухарестский договор урегулировал ситуацию в Сербии, дав туркам право вновь оккупировать эту территорию взамен на уступку сербам в виде предоставления им права на самоуправление. Но сопротивление продолжалось, и только со временем его удалось подавить. Одной из причин столь длительного сопротивления было нежелание местных турецких аристократов сотрудничать со Стамбулом. Осенью 1813 года Белград снова был взят

турками, но они не сумели умиротворить сербов: осенью 1815 года вспыхнуло новое восстание, вызванное жесткими действиями османского губернатора Белграда.

Некомпетентность турок во время войны с Россией и события, сопровождавшие вступление на престол султана Махмуда, заставили его сделать два вывода: во-первых, считать неоспоримым фактом то, что янычары столь же непригодны для решения задач по обороне рубежей Османской империи, сколь и опасны, когда сидят без дела в Стамбуле. Во-вторых, то, что власть провинциальных правителей превышает все разумные пределы. Столицу неоднократно охватывали массовые волнения, вызванные мятежами янычар 1809, 1810 и 1811 годов. Большинство тех, кто был призван на военную службу во время кампании 1811 года, дезертировали, причем как раз перед тем, как войска выступили из Стамбула, поэтому вскоре Махмуд ввел некоторые меры, направленные на укрепление дисциплины в корпусе янычар. Во время войны 1806—1812 годов аристократы из балканских провинций вели себя столь же недопустимым образом, как и янычары: хотя некоторые из них оказали правительству помощь, в которой оно нуждалось, другие, в особенности те, кто находился на Дунайском фронте, отказались сотрудничать и, не организовав никакой серьезной обороны, сдали территорию русским.

Махмуд унаследовал сложную проблему, связанную с господством в Египте Мехмеда Али, представителя провинциальной династии, который самым решительным образом сопротивлялся любым попыткам Стамбула восстановить центральную власть. Египет Мехмеда Али был ближе к полной автономии, чем все остальные полунезависимые территории Османской империи. Должно быть, Махмуд испытывал смешанное чувство зависти и смутения, наблюдая за тем, как этот бывший албанский солдат безжалостно подавляет оппозицию. Одним из его печально известных деяний было истребление военных, которые господствовали в Египте до того, как он там появился. В 1811 году были жестоко убиты 450 человек, собравшихся по случаю одной церемонии. Его сын Ибрагим-паша возглавил карательную экспедицию в Верхний Египет, где была убита еще тысяча военачальников, а налоговые округа, в которых они являлись откупщиками, были переданы египетскому казначейству.

Пример Мехмеда Али указывал на то, что централизация власти укрепляет государство. Реструктуризация финансовой системы Ос-

манской империи, начало которой в конце XVII века положило введение института пожизненных откупщиков налогов, способствовала увеличению численности крупных финансистов, причем как в Стамбуле, так и в провинциях. Провинциальные магнаты, через которых государство надеялось осуществлять снабжение и оснащение своих войск, в особенности начиная с конца XVIII столетия, когда оно вступило в период войн с Россией, слишком часто игнорировали центральную власть и действовали по собственному усмотрению, что имело непредсказуемые последствия для политики Стамбула. Еще султан Селим предпринял первые неуверенные шаги, направленные на восстановление центральной власти, но султан Махмуд предложил еще более решительные меры по изъятию у магнатов тех ресурсов, которые давали им власть. Он хотел облегчить то тяжкое бремя, которое возложили на крестьян откупщики налогов, и в то же самое время укрепить финансовые основы государства, перенаправив в центральную казну доходы провинций, которые прежде оседали в карманах представителей местных династий. Поэтому с 1813 года налоговые округа, которые выставлялись на продажу, могли купить только старшие администраторы той области, в которой они находились. Одним из аристократических семейств, которых удалось обуздать с помощью таких мер, была династия Чапаногуллары из центральной Анатолии: когда в 1813 году умер глава этой династии Сулейман-бей, его владения были переданы государственным чиновникам. Хотя в то время таким способом удалось покорить и некоторых других аристократов, в целом первая попытка лишить могущественных провинциалов источников средств оказалась не слишком успешной. Египетская модель была явно непригодна для империи с ее огромными территориями.

Мехмед Али укрепил свои позиции в Египте, и Махмуд был бессилен его сместить. Пост губернатора Фессалоник, предложенный ему в 1806 году, оказался недостаточно привлекательным, хотя в действительности Мехмед Али был просто необходим для того, чтобы восстановить поруганную честь Османской империи в Хиджазе, где экспансия ваххабитов была в равной степени нежелательна и для Мехмеда Али, и для центрального правительства. В 1811 году началась военная кампания, всю ответственность за проведение которой возложили на Мехмеда Али, хотя имелись некоторые сомнения в отношении того, насколько можно ему доверять, и не присоединит ли он к своим владениям Мекку и Медину. Кампания

продолжалась до 1813 года, и к этому времени Мекку и Медину удалось отвоевать у ваххабитов. Сын Мехмеда Али, Ибрагим-паша, был назначен главнокомандующим вооруженными силами в Хиджазе. К 1818 году он захватил столицу саудитов Аль-Дирайя (ныне пригород Эр-Рияда) и сровнял ее с землей, а эмира саудитов отправил в Стамбул, где тот был обезглавлен. В качестве вознаграждения Ибрагима назначили губернатором Хиджаза.

В работах по истории Османской империи XIX века слишком часто говорится о возникновении национальных движений на Балканах как о неизбежном результате «плохого правления» турок в этом регионе и утверждается, что балканские христиане якобы столетиями оказывали героическое сопротивление османским завоевателям, ожидая, когда наступит подходящий момент, чтобы окончательно освободиться. Но такое мнение обходит стороной и сложные исторические процессы, которые привели к расчленению империи, и события, имевшие прямое отношение к формированию каждого из государств, появившихся на ее территории в XIX веке и в начале XX столетия. В данном случае важнее история того времени в целом, а не история сепаратистских националистических движений, участниками которых были христианские подданные, жившие на Балканах, входивших в состав Османской империи. Однако в исторических работах, появившихся в этих государствах, роль националистических движений настолько преувеличена, что мешает пониманию позднего периода империи.

Так, путь, который привел к созданию современного греческого государства, весьма отличался от той прерывистой череды событий, в результате которой появилась независимая Сербия. Жители Пелопоннеса, несомненно, помнили антитурецкое восстание 1770 года, но в начале XIX века у России были другие заботы, и теперь она уже не провоцировала волнения среди своих православных единоверцев, живших в этом отдаленном и отсталом регионе Османской империи, а оказывала помощь только сербам. Тепеделени Али-паша, который с конца 80-х годов XVIII века властвовал в Янине, обладал почти полной независимостью на подконтрольных ему территориях, которые в момент его наивысшего могущества включали в себя значительную часть сегодняшней континентальной Греции и Албании. Эти территории отличались здоровой экономикой, а такие социально опасные явления, как пиратство и бандитизм, находи-

лись под постоянным контролем. И хотя он преследовал свои собственные цели и часто проводил независимую экономическую и внешнюю политику, в целом он занимал примирительную позицию в отношениях со Стамбулом. Поэтому, вопреки проводимой султаном Махмудом политике подавления провинциальных аристократов, правительство, проявляя осмотрительность, не спешило на него набрасываться: когда в 1819 году османские политики обсуждали этот вопрос, некоторые из них, обнаружив признаки надвигающегося восстания на Пелопоннесе и Эвбее, опасались, что в такой ситуации вступление в борьбу с Тепеделени Али грозит непредсказуемыми последствиями. Однако в 1820 году после долгих обсуждений в государственном совете султан объявил Тепеделени Али мятежником и направил против него войска, что побудило его поднять антитурецкое восстание в Греции и Албании. Стремившаяся подавить сопротивление Тепеделени Али султанская армия стала испытывать большие трудности, но оставив без внимания советы главнокомандующего войсками в этом районе, Ахмеда Хуршид-паши, правительство настояло на том, чтобы он выполнял только поставленную перед ним задачу, а не посылал войска для подавления беспорядков на Пелопоннесе. Эти беспорядки приобрели форму нападений на мусульманские общины и на символы власти Османской империи. Помимо этого в регионе усилился бандитизм.

Принято считать, что 1821 год знаменует начало движения за независимость Греции от Османской империи. Верное своей политике подавления балканских аристократов, правительство в Стамбуле, похоже, не понимало, какими опасностями грозит вакуум власти на местном уровне. Не понимало оно и того, что, бросив все свои силы на подавление Тепеделени Али, оно оставляет в своем распоряжении лишь немногочисленные войска, которые могло использовать для подавления волнений в других местах. Теперь 25 марта греки ежегодно отмечают свою независимость в память о том дне 1821 года, когда в знак открытого неповиновения османским властям митрополит Старых Патр Герман поднял крест в расположенном на севере Пелопоннеса Калаврите. Неудовлетворенный реакцией своих министров на этот бунт Махмуд в конце марта отправил в отставку великого визиря и шейхульислама. Правительство призвало православного патриарха Григория V отлучить мятежников от церкви и использовать ее влияние для восстановления порядка. Однако как только масштабы беспорядков на Пелопоннесе стали

ясны, его незамедлительно повесили (в пасхальную среду, 22 апреля 1821 года) у ворот патриархата в Стамбуле. Считалось, что он лишился доверия, которое султан оказал ему как лидеру православных подданных империи. Это стало нарушением договоренности между султанами и патриархами, восходившей к эпохе правления Мехмеда Завоевателя.

В марте 1821 года Тепеделени Али-паша оказывал сопротивление османским войскам на западе Балканского полуострова, и адъютант русского царя, генерал и князь Александр Ипсиланти, который заявлял, что его предками были представители благородного византийского рода Комнинов, возглавил небольшую армию, которая перешла Прут и двигалась на юг в надежде получить поддержку со стороны антитурецких элементов в Молдавии и Валахии. Когда известие об этом дерзком походе достигло Стамбула, патриарх предал анафеме и самого Ипсиланти, и его сподвижников, объявив их «безбожными командирами, безрассудными перебежчиками и вредоносными изменниками». Но его все равно повесили. Османское правительство было обескуражено и приняло меры, направленные на то, чтобы разоружить православных греков, которые составляли немалую часть населения Стамбула и Эдирне, а также других крупных городов. Впрочем, в то же самое время султан издал указ, направленный на то, чтобы оградить греков от нападений мусульман. Ипсиланти удалось ненадолго взять в свои руки управление Молдавией, но Валахия находилась в состоянии хаоса (вызванного антибоярским восстанием под предводительством командира ополчения Тудора Владимиреску), а в конце июня его малочисленные войска были разбиты османской армией. Русское правительство не оказало ему поддержку, а сербский князь Милош Обренович (преемник Карагеоргия) не смог ответить на предложение о совместном противодействии туркам. На самом деле неизвестно, была ли экспедиция Ипсиланти скоординирована с беспорядками на Пелопоннесе, или же это был донкихотский поступок человека, мечтавшего о воссоздании на территории османских Балкан Византийской империи, в которой на смену исламу придет православное христианство.

В феврале 1822 года был убит Тепеделени Али-паша. До сих пор идут споры о том, какую роль он играл в начале греческого восстания, но когда его отрубленная голова на блюде была выставлена напоказ в первом дворе султанского дворца Топкапы, эта демонстра-

ция сопровождалась подробным изложением его преступлений и обвинением его в том, что он был «отступником от нашей веры... который направил огромные суммы денег неверным Мореи [то есть Пелопоннеса]... чтобы подтолкнуть их к мятежу против мусульман». Его палач визирь Халет-эфенди, настойчивые требования которого считать Тепедели Али бунтовщиком привели к тому, что в 1820 году против него были направлены войска, нарушил обязательство главнокомандующего Ахмеда Хуршид-паши, согласно которому Тепедели Али должен был остаться в живых в том случае, если он сдастся. По горькой иронии, Халет-эфенди ожидала такая же судьба: согласно надписи на листке рядом с его отрубленной головой, преступлением, которое вменялось ему в вину, была склонность к интригам и раздорам. Халет-эфенди был фаворитом Махмуда, заслужившим доверие в ранние годы его царствования, во время борьбы с провинциальными магнатами. Используя свое влияние, он сколотил огромное состояние и косвенно препятствовал проведению предложенных Махмудом реформ корпуса янычар, предупреждая султана, что эти реформы могут спровоцировать беспорядки, и перекладывая его внимание на другие государственные дела. Халет-эфенди обладал таким влиянием, что в 1821 году государственные власти приняли его дерзкое предложение выдать янычарам еще больше оружия. Однако спустя год широкое недовольство, вызванное неудачами Османской империи на Пелопоннесе заставило султана задуматься о том, стоит ли ему доверять. Постепенно стала открываться система продажи должностей, с помощью которой этот визирь долгое время получал поддержку со стороны янычар. Когда командиры янычар попросили Махмуда снять Халета-эфенди с должности, он со всей серьезностью отнесся к их просьбе и сместил своего фаворита, а потом распорядился его казнить.

Даже если считать, что восстание на Пелопоннесе 1770 года и та роль, которую в нем сыграла Россия, не оказали прямого воздействия на дальнейшие антитурецкие выступления греков, то начиная с Кучук-Кайнарджийского договора, подписанного в 1774 году, Россия считала себя защитницей православных христиан, находившихся под властью Османской империи, а Крым (который после 1774 года стал полунезависимым государством под протекторатом России, а в 1783 году был ею аннексирован) являлся базой для дальнейшего сопротивления османскому правлению. По воле России греки переселялись в Крым как беженцы, потерявшие поражение

на Пелопоннесе. За их доставку туда отвечал генерал Екатерины граф Орлов, который укомплектовывал ими гарнизоны крепостей, расположенных на выходе из Азовского моря. В последней четверти XVIII века увеличилось количество греческих купцов на Черном море, а также в портах Эгейского моря и Адриатики. Образованные греки оказались восприимчивы к революционным веяниям, которые распространялись из Америки и Франции в 70-е и 90-е годы XVIII столетия, и с пониманием относились к идеям либерализма и национальной независимости, которые циркулировали по Европе во время и после Наполеоновских войн. Процветали многочисленные торговые колонии, которые финансировали настоятелей церквей, руководителей школ, библиотек и издательств, делая их более свободными, чем соответствующие учреждения Османской империи. Первые волны освободительного движения греческих интеллектуалов исходили из Одессы, где в 1814 году было создано тайное общество «Филики Этерия», или «Общество взаимопомощи», целью которого было воспитание греческого патриотизма. На его деятельность оказали влияние работы ученого, родившегося в Измире, но прожившего большую часть своей жизни во Франции, Адамантиоса Кораиса, и эллинизированного валаха Ригаса Велестинлиса. Сделанные Кораисом переводы на более современный язык греческой классики заставляли читателей испытывать чувство гордости за греческое прошлое. Что касается Ригаса, то государственные учреждения республиканской Франции вдохновляли его на идею создания модели новой Византии.

Борьба, которая шла на Пелопоннесе в последующие годы, оказалась кровопролитной и, в территориальном отношении, незавершенной. Первая республиканская конституция была провозглашена в Эпидавре, в январе 1822 года. Однако уже в следующем году после того, как был обнародован ее исправленный вариант, в стране разразилась гражданская война, так как лидеры восстания, не поделив между собой власть, устроили еще более жестокую междоусобную резню, чем та, которая уже имела место на Пелопоннесе и островах. Против тех, кто мечтал о статусе государства, выступали люди, считавшие, что сохранение существующего положения более всего отвечает их интересам. Такой позиции можно было ожидать от представителей высшего духовенства греческой церкви, которые во время османского правления обладали особым положением и пользовались привилегиями, а также от греков, ставших

заметными фигурами в Стамбуле и провинциях, но не от рядовых, необразованных православных. Россия занимала осторожную позицию в отношении греческого восстания, а от желания поддержать своих единоверцев в их борьбе с турками ее, возможно, удерживало понимание того, что подобная поддержка может послужить примером для ее собственных ущемленных в правах подданных-мусульман. Другие европейские державы, вынужденные наблюдать за тем, как Россия получает преимущества на Балканах, проявили твердость в своем нежелании принимать участие в планах, которые могли привести к разделу Османской империи. Что касается самих турок, то их ответной реакции мешали военные действия на восточных рубежах, где периодические нарушения границы со стороны Ирана династией Каджаров привели к войне, которая шла в период между 1820 и 1823 годами и еще больше ограничила численность войск, имевшихся в распоряжении для подавления греческого восстания. В 1824 году Махмуд решился на отчаянный шаг и пригласил Мехмеда Али из Египта оказать содействие и прислать свою модернизированную армию и флот. В обмен на это Ибрагим-паша должен был получить пост губернатора Пелопоннеса. В июле Ибрагим-паша отплыл из Александрии, но по причине превосходства греков на море смог высадиться в бухте Метонии только в феврале 1825 года. Захватив несколько ключевых прибрежных укреплений, египетский экспедиционный корпус вскоре взял под контроль значительную часть Пелопоннеса. На материковой территории Греции 26 апреля, после пятнадцатимесячной осады, пала расположенная на входе в Коринфский залив крепость Месолонгион, а спустя год и Афины. В руках повстанцев оставалась лишь незначительная часть греческой территории. Но успехи Ибрагим-паши привлекли к этому региону внимание европейских держав. Британия, Франция и Россия на время забыли о своих разногласиях, а продолжавшиеся два года сложные дипломатические переговоры закончились тем, что султан отказался заключать перемирие с помощью посредников, а упомянутые державы решили блокировать Пелопоннес. 20 октября 1827 года турецко-египетская эскадра была разгромлена в ходе Наваринского морского сражения силами объединенной англо-франко-русской эскадры в районе Пилоса, на юго-западе Пелопоннеса, а сухопутные силы Ибрагим-паши были эвакуированы. После этого поражения стала неизбежной интервенция европейских держав на территорию едва появившегося на свет греческого государства.

В мае 1826 года султан Махмуд издал указ о создании нового воинского соединения, первоначальной численностью свыше 7500 человек. Формирование этого соединения надлежало произвести путем перевода в него военнослужащих из янычарских подразделений (по 150 человек из каждого), расквартированных в Стамбуле. Всего в городе находилось пятьдесят одно подразделение, общая численность которых составляла приблизительно одну пятую от общей численности янычар, находившихся на действительной военной службе. В отличие от созданных Селимом войск «нового порядка», эти подразделения не предназначались для того, чтобы стать альтернативной армией. Скорее таким образом надеялись реформировать корпус янычар изнутри, путем реструктуризации, введения строевой подготовки и обучения другим воинским навыкам, которые были бы им крайне необходимы в том случае, если бы пришлось столкнуться с военной мощью России. Как раз перед обнародованием указа от представителей высшего духовенства, офицеров янычар, и других высокопоставленных лиц, служивших как при дворе, так и в подразделениях вспомогательных сил, потребовали подписать обязательство, согласно которому они полностью соглашались с предложенным Махмудом планом реформ и никоим образом не должны мешать его успешному выполнению.

Страсти, вызванные созданием армии «нового порядка», и ужасные последствия провала реформ Селима стали полезным уроком для султана Махмуда, который понял, что прежде чем начинать собственные реформы, он должен подготовить для этого почву. После того как в 1822 году был смещен Халет-эфенди, Махмуд стал собирать вокруг верных людей и склонять на свою сторону тех, кто мог представлять угрозу для задуманных им реформ вооруженных сил. Но потребовалось еще четыре года, прежде чем он обезопасил себя настолько, что смог приступить к проведению реформ. Поскольку казалось, что одержанная в апреле 1826 года победа Ибрагим-паши при Месолонгионе указывает на перелом в пользу турок, эта победа стала тем необходимым стимулом, который укрепил уверенность Махмуда в своих силах.

Твердо решив добиться успеха там, где этого не смог сделать Селим, Махмуд продолжил введенную его предшественниками традицию и потребовал, чтобы высшее духовенство обсуждало вопросы религии в его присутствии, и тем самым держало его в курсе тех умонастроений, которые имеют место за пределами дворца. В целом высшее духовенство чаще всего поддерживало реформы, кото-

рые предлагались в конце XVIII столетия, но их подчиненные проявляли больший консерватизм и оказывали большее влияние на простых людей. Так, противодействие, которое янычары оказывали реформам, часто подкреплялось традиционализмом низшего духовенства. Поэтому султану нужно было расположить к себе эти низшие эшелоны священнослужителей и простолюдинов, наглядно показав им свою искреннюю приверженность религии и свое мнение о ней как об основе государства, которое он вовсе не намерен подвергать опасности, осуществляя задуманные им реформы. С этой целью он посещал религиозные собрания, предписывал соблюдать молитвы, делал вклады в благотворительные фонды и строил мечети в Стамбуле и провинциях. Осуществление указа о реорганизации янычар было объявлено религиозным долгом, и в каждую вновь сформированную роту назначался имам, который проводил среди военнослужащих религиозные обряды.

Но легче было склонить на свою сторону духовенство, чем самих янычар. Имперские соседи Османской империи, Россия и Австрия, использовали религиозную символику для того, чтобы поднять моральный дух своих солдат (царь Александр I пытался уговорить свое пушечное мясо поверить в религиозную утопию, а на австро-турецком фронте и католики, и православные шли на войну под знаменем Девы Марии), и Махмуд попытался использовать мусульманскую символику в тех же целях. Годом ранее имперская типография выпустила переведенный на турецкий язык известный арабский трактат IX века об исламских законах и обычаях ведения войн. Это был первый случай, когда примеры из жизни пророка Мухаммеда использовались для того, чтобы убедить янычар сражаться с большей самоотверженностью. Это встретило сопротивление с их стороны. Между тем Махмуд продолжал искать способы прикрытия своих реформ, используя для этого известные всем аргументы: для того, чтобы реформированная янычарская армия по духу считалась скорее мусульманской, а не западной, строевая подготовка в ней должна проводиться исключительно на основе применявшихся в армии Мехмеда Али методов, которые оправдали себя и в Хиджазе, и на Пелопоннесе. (Любопытно, что в 1822 году Мехмед Али приказал Ибрагиму-паше взять за образец армию «нового порядка» Селима III.) Преднамеренно обращаясь к традициям, Махмуд назвал новый корпус *эшкинки* в честь корпуса, сыгравшего важную роль во время правления султана Мехмеда II.

Роптание среди несогласных рядовых янычар стало явным с момента обнародования указа о реформе: они не испытывали восторга от предложений султана создать из них новый корпус. И все же 12 июня 1826 года состоялись первые занятия корпуса *эшкинки* по строевой подготовке, которые прошли без особых затруднений, хотя и в атмосфере мрачных предчувствий. Нехватка обмундирования и снаряжения стала причиной того, что испытанию подверглись только несколько сотен человек из пяти тысяч уже внесенных в списки личного состава. На следующий день подготовка также прошла без каких-либо инцидентов.

Вечером следующего дня, спустя почти две недели после того, как султан Махмуд объявил о реформе корпуса янычар, они подняли мятеж. В ночь на 14 июня небольшие группы янычар стали собираться на плацу. Некоторые из них бродили по улицам Стамбула, стреляли из пистолетов, занимались поджогами и пытались найти своего главнокомандующего, который, как они считали, их продал. Ему удалось от них ускользнуть, но на рассвете многие сотни янычар, которые к тому времени собрались на плацу (один очевидец тех событий назвал их «попусту лающими дворнягами»), перевернули свои котлы, по традиции выказав этим свое неповиновение. И снова они шли по улицам города, занимаясь грабежами. Одна группа разграбила особняк великого визиря Селима Мехмед-паши, а его женщинам удалось спастись только благодаря тому, что они спрятались в подземной пещере в саду. Когда вспыхнул мятеж, султан находился в своем дворце в Бешикташе. Некоторые из его предшественников, имевших склонность прятаться при первых же признаках янычарского бунта, оставались там, где они находились, но Махмуд сел в шлюпку и поплыл по Босфору на юг, к дворцу Топкапы. Поскольку мятеж янычар против реформ был неизбежен, а меры по обеспечению их успешного проведения потребовали от султана больших усилий, он заранее подготовил план на случай непредвиденных обстоятельств. Государственные деятели собрались во дворце и провели экстренное заседание совета, не дожидаясь, когда ситуация выйдет из под контроля. Когда они попытались выяснить у главарей взбунтовавшихся янычар причины их недовольства, те ответили им следующим образом:

Мы не будем заниматься такого рода подготовкой. Наши старинные упражнения и подготовка к войне состоят в том, что-

бы разбивать глиняные кувшины выстрелами из ружья и разрушать саблех войлочнык циновки. Мы хотим [заполучить в свои руки] тех, кто несет ответственность за эти нововведения.

Из источников того времени известно, что во дворце вместе с государственными деятелями и чиновниками находились верные правительству войска численностью свыше 13 000 человек. Некоторые из этих источников называют цифру 23 000 и даже 60 000. Прибыв во дворец, султан выступил с воодушевляющей речью, а фетва шейхульислама подтверждала, что исламский закон разрешает подавить такой мятеж силой. Затем Махмуд отправился в сокровищницу и принес оттуда священное знамя Пророка. В подходящее время знамя было вынесено из дворца и повешено над кафедрой мечети султана Ахмеда, находившейся на Ипподроме. Оно проявило свои чудодейственные свойства, и, когда глашатаи ходили по городу, призывая всех правоверных мусульман собраться под его сенью, горожане без промедлений ответили на этот призыв. Государственные чиновники, собравшиеся в мечети, чтобы обсудить дальнейшие действия, решили не вступать с мятежниками в переговоры. Отряд верных правительству войск (артиллеристы и саперы) направился в казармы янычар, но забаррикадировавшиеся внутри янычары успели закрыть ворота. Имперские канониры открыли огонь, и вскоре казармы охватило пламя. Сумевшие выбежать из казарм янычары вступили в рукопашную схватку с ожидавшими их снаружи правительственными войсками. Остальные сгорели.

Махмуд не собирался истреблять янычар столь жестоким образом, но осторожность, с которой он готовился к проведению реформирования этого корпуса, и чувство реализма, которое требовало наличия плана на тот случай, если дела пойдут не так, как надо, стали причиной того, что, когда у него не оказалось иного выбора, он сумел проявить решимость и довести операцию до ее ужасного финала. И по словам одного турка, ставшего очевидцем этих событий, и по сведениям британского посла Стратфорда Каннинга, количество погибших составило приблизительно шесть тысяч человек. Помимо янычар, убитых во время штурма казарм (который, по сведениям другого турка, продолжался всего 21 минуту), в последующие дни были схвачены многие тысячи бунтовщиков. Дороги и порты были взяты под жесткий контроль, поэтому известия о «благоприятном инциденте», а именно такое название получил этот мятеж, и о новом указе, официально упразднявшем корпус яны-

чар, распространились по стране только после того, как губернаторы провинций получили указания о том, как им действовать. Им было приказано конфисковать все снаряжение янычар, какое они смогут найти, а также вывести гарнизоны янычар из всех крепостей и заменить их теми войсками, которые находились в их собственном распоряжении. Слово «янычар» надлежало вычеркнуть из словаря, что было типичным для турок компромиссом. Люди, называвшие себя янычарами, многие годы были причиной беспорядков во всех провинциях империи, и теперь повсюду население воспользовалось возможностью им отомстить: были казнены командиры многих подразделений местных янычар, но многие рядовые, должно быть, вернулись к гражданской жизни, от которой они никогда полностью не отрекались. Хотя ополчение не приняло участия в янычарском мятеже, состоявшие из ополченцев гарнизоны босфорских крепостей (они показали свою ненадежность, когда подняли бунт против предпринятого султаном Селимом перехода к армии «нового порядка») были расформированы. Правительство воспользовалось возможностью очистить Стамбул от тех, кого оно считало нежелательными элементами, то есть от представителей низших слоев общества, живших в этом перенаселенном городе. Эти люди без особых уговоров принимали участие в любых массовых волнениях. В течение двух с половиной месяцев после ликвидации янычар 20 000 человек были высланы из Стамбула и направлены в свои родные провинции. Им было запрещено возвращаться в столицу.

Махмуд быстро приступил к созданию новой армии. Первоначально корпус «Победоносных солдат Мухаммеда» должен был состоять из 12 000 пехотинцев и приблизительно 1550 кавалеристов, расквартированных в Стамбуле, и дополнительных подразделений в провинциях. Подробные положения определяли условия их службы (они служили как минимум двенадцать лет и раз в год имели право уходить в отпуск) и их форму европейского образца.

В назначенные сроки государственное казначейство выделит каждому майору толстую куртку с шитьем золоченой нитью, пару брюк из темно-красного тонкого сукна со швом, плотно облегающих ногу до верхней части голени, и просторный халат, а также стеганный головной убор наподобие калпака, украшенный золоченой нитью, и лахорский платок [т. е. платок из тонкой шерсти]. При необходимости это будет заменено при выплате жалованья. Шестого мая каждого года каждому адъютант-

майору будет выделена короткая толстая куртка и короткий просторный халат, а также стеганный головной убор наподобие колпака, украшенный золоченой нитью, и багдадский платок [т. е. вероятно, платок из шелка или хлопка] с цветочным узором, а капитанам, лейтенантам и знаменосцам, а также сержантам — вышеупомянутую одежду, за исключением платка; а каждому рядовому солдату и писарям — длинную толстую куртку из смеси тонкого сукна и шелка-сырца. Форма рядового также будет состоять из простого стеганого головного убора наподобие колпака и плаща для строевой подготовки из прочной грубой шерсти, а также короткого просторного халата и брюк из домотканной шерсти, обтягивающих ногу до верхней части голени, а также кальсоны и легкие полусапожки.

Согласно традиции, корпус янычар состоял из христиан, обращенных в ислам, и нет сомнений в том, что новообращенные продолжали в него вступать даже после того, как его основу стали составлять люди, которые с рождения были мусульманами. Согласно своду законов корпуса «Победоносных солдат Мухаммеда» в его состав не должны были входить никакие новообращенные. Среди погибших в Стамбуле янычар были и немусульмане, о чем говорила татуировка в виде креста на их предплечьях. Султан утверждал, что это шпионы-христиане, которые выдавали себя за мусульман.

Казармы янычар в Стамбуле были снесены, а подразделения новой армии были расквартированы за чертой города, в Левент-Чифтлиги, Ускюдаре и Дауд-паше, где Селим III построил казармы для своей армии «нового порядка».

Для поддержания новой армии открывались военно-инженерные и военно-морские школы, была создана медицинская школа и другие подобные учреждения. В отличие от своих предшественников, Махмуд привлек к созданию своей новой армии лишь горстку иностранных советников (тогда у турок было мало друзей в Европе, и, когда султан обратился за помощью к хитрому губернатору Египта, Мехмеду Али-паше, тот заявил, что его офицеры-инструкторы еще не готовы к решению такой задачи), поскольку его иноземные инструкторы «в Египте привыкали к высоким окладам и дорогой форме, а их присутствие в Стамбуле только вредило османской армии».

Одним из этой горстки привлеченных иностранцев был сеньор Калоссо, бывший офицер пьемонтской кавалерии, который жил в

Стамбуле уже несколько лет и научил султана Махмуда ездить верхом по-европейски. Вот что написал в 1828 году шотландский путешественник Чарльз Макфарлейн, посетивший Стамбул:

Отличие от турецкого стиля верховой езды настолько велико, насколько любому, кто к нему привык, не составляет никакого труда управляться с огромными, похожими на колыбели седлами и короткими, почти неподвижными стременами, которые заставляют поднимать колени к самому животу. На самом деле это затруднение является настолько значительным, что лишь немногие из регулярной имперской гвардии смогли удержаться в седлах с длинными стременами... Махмуд, бесспорно, был лучшим кавалеристом *a la Européen* в своей армии; и этот приобретенный навык наряду с другими умениями, которые он быстро усвоил, как командование и маневрирование кавалерийским эскадроном, стал предметом его гордости.

Не прошло и месяца со времени ликвидации корпуса янычар, как правительство нанесло удар по Бекташи, ордену дервишей, который был наиболее тесным образом связан с янычарами. Основатель этого ордена, давший ему свое имя, являлся праведником-покровителем этого корпуса, который часто называли «корпусом Бекташи». Руководители признанных правительством орденов дервишей — Накшбанди, Кадыри, Хальвети, Мевлеви и Саади были кооптированы для приведения доводов в пользу подавления Бекташи. Какое бы отвращение они ни испытывали к необходимости определять судьбу своих коллег, у них не было иного выбора, кроме одобрения того, что, в сущности, являлось политическим решением, которое было представлено как религиозное. Обвинение, вынесенное Бекташи, оказалось вполне традиционным — это было обвинение в ереси, которое на протяжении всей истории так часто использовалось для оправдания целесообразных с политической точки зрения действий против мусульман, репутация которых как правоверных суннитов не подлежала никакому сомнению. Видные деятели ордена были казнены, а собственность Бекташи в Стамбуле была конфискована и продана либо передана другим лицам. Постановление применялось не только в столице: повсюду в Румелии и Анатолии безжалостно расставались с прошлым, направляя доходы, поступавшие с земельных владений Бекташи, в казну новой армии Махмуда.

Слухи и дезинформация стали питательной средой для чисток: многие из тех, кого предали анафеме, не имели никакого отношения к Бекташи и были представителями как высших, так и низших слоев. На великого визиря Селима Мехмед-пашу была возложена ответственность по искоренению адептов ордена Бекташи в Стамбуле. Но придворному летописцу того времени Ахмеду Луфти-эфенди стало известно о том, что сам Селим Мехмед-паша является членом Бекташи. В 1826 году выходец из высших слоев духовенства Шанизаде Атаулла-эфенди (бывший придворный летописец и автор значительных научных трудов по медицине) был обвинен в сочувствии Бекташи и приговорен к высылке из Стамбула. Он умер от разрыва сердца (во всяком случае, так объяснили его смерть), еще до того как ему передали распоряжение султана покинуть столицу. Практика членства не в одном, а сразу в нескольких орденах дервишей была распространенным явлением, а поскольку попытки искоренить бекташи отличались невероятным рвением, то доставалось и шейхам других орденов, которых тоже отправляли в ссылку. Главным образом благодаря возможности проникать в другие ордена, где их принимали, и особенно в находившийся под покровительством официальных властей орден Накшбанди (которому они передали свою собственность), бекташи сумели уцелеть, хотя и перешли на нелегальное положение, а в середине столетия они снова стали пользоваться открытой поддержкой высших кругов.

Связь с янычарами стала причиной казни влиятельных глав трех богатейших еврейских семейств Стамбула — Аджиман, Кармона и Габбаи. Как и его предки, Исайя Аджиман был банкиром корпуса янычар. Сообщалось, что и двое других имели отношение к финансам янычар. Их имущество было конфисковано, и нет сомнений в том, что открывшаяся перед казначейством перспектива получить столь неожиданные доходы стала решающим фактором, определившим их судьбу. Однако сторонники подобного обращения с евреями представили дело в ином свете, определив причиной их гибели соперничество между армянами и евреями в борьбе за доходные посты, связанные с финансированием. (Порой и самих армянских банкиров казнили и лишали имущества. Стоит упомянуть Якуба Хованесяна, который в середине XVIII столетия управлял финансовыми делами главного черного евнуха Хаджи Бешир-аги, длительное время служившего у Махмуда I.)

Казнь еврейских банкиров и подавление ордена Бекташи вызвали широкое недовольство (хотя Махмуд и прекратил репрессии,

оставив в силе лишь официальный запрет ордена Бекташи), а цена проводимых им реформ оказалась слишком высокой: все чиновники, с которыми он связывал успешное осуществление своих планов модернизации армии, получили щедрые вознаграждения, а для ремесленников города были введены новые налоги, которые должны были восполнить нехватку средств. Жители Стамбула были ошеломлены событиями тех месяцев — утратившие доверие к властям и обеспокоенные их действиями, они с ужасом наблюдали за тем, как трупы, «многие из которых были разодраны и обкусаны собаками», прибывало к берегу южнее дворца Топкапы. В конце июля, когда количество трупов увеличилось, в городе началась чума. 31 августа 1826 года, когда Махмуд решил, что добился полной победы над янычарами, он вернул священное знамя в сокровищницу. Почти сразу после этого ужасные пожары стали бушевать по всему городу, дома которого были сухими, как трут, по причине жаркого лета. Многие возлагали вину за поджоги на бывших янычар, которым удалось избежать репрессий.

Не прошло и нескольких месяцев после разгрома турецко-египетского флота в Наваринском сражении, как Россия объявила войну Османской империи. В апреле 1828 года русская армия вторглась в Молдавию, а к июлю 1829 года подошла к Эдирне (от Стамбула ее отделяли всего лишь 200 километров), в то время как ее кавказская армия захватила северо-восточную Малую Азию, в том числе Эрзурум и Трабзон, а также множество других крепостей. Турки запросили мира, который был достигнут заключением Адрианопольского (Эдирне) договора. Согласно одному из условий мирного договора турки давали молчаливое согласие на создание независимого греческого государства, включавшего в себя Пелопоннес и часть материковой Греции с некоторыми островами. В мае 1832 года едва оперившаяся греческая республика официально стала королевством, под «протекторатом» Британии, Франции, России и Баварии — последняя в качестве короля предложила Греции семнадцатилетнего католического принца Отто, который был сыном Людвига Баварского. Признание нового государства ознаменовало начало участия европейских государств в делах Греции, которое продолжалось в течение всего XIX века. По Адрианопольскому договору Россия получала право торговать в пределах границ Османской империи. Признавалась оккупация Россией части Грузии и Армении и, что было особенно важно, признавалось ее влияние в

дунайских княжествах. Для Британии в особенности было крайне нежелательно такое развитие событий, при котором Россия получила контроль над Балканами и над Османской империей: она начинала рассматривать Россию как значительную потенциальную угрозу своим растущим интересам на Востоке. В последующие годы политика великих держав претерпела изменения, в центре которых лежала решимость Британии предотвратить распад Османской империи, что было выгодно России.

Несмотря на тяжкие условия мирного договора, сопровождавшиеся потерей престижа, султан Махмуд пережил поражение, нанесенное ему Россией. Для него это было не более чем доказательство того, что война пришла слишком быстро: те выгоды, которые давала военная реформа, еще не показали себя в достаточной мере. Однако для низшего духовенства это поражение было еще одним доказательством того, что западные нововведения наносят вред принципам ислама. Они не только отказались их поддерживать, но и подстрекали население провинций присоединиться к их протестам. Народные волнения, охватившие Анатолию в 1829 и 1830 годах, дали возможность бывшим янычарам заставить воспринимать как достоинство свою способность постоянно создавать неприятности. Несмотря на унижения со стороны внешних врагов и внутренние волнения, Махмуд с еще большей настойчивостью продолжал свои реформы. В отличие от намерений его предшественников честолюбивые замыслы Махмуда касались не только сферы вооруженных сил: ему было ясно, что постепенное усиление боеспособности армии само по себе не будет достаточным средством для поддержания целостности османского государства и обеспечения условий, при которых Османская империя будет играть активную роль в принятии решений международного уровня. Поэтому его цель была никак не меньше, чем преобразование всего общества — реорганизация или *Танзимат*, т. е. «благоприятная реорганизация», как ее назвали в указе, написанном незадолго до его смерти.

Исходя из этого, Махмуд переключил свое внимание на механизм управления империей, поставив себе целью снова централизовать ее, как он это сделал с армией и казначейством. Но сначала ему нужно было получить ясное представление о ресурсах империи. Поэтому в 1830–1831 годах в Румелии, Анатолии и на островах Эгейского моря впервые за последнее время была проведена перепись, предназначенная для подсчета и распределения по категори-

ям османских подданных с целью установления их обязательств в отношении военной службы и уплаты налогов. Она была проведена в течение года, и для того, чтобы сделать почти невозможным уклонение от переписи, ее собирались повторять через каждые шесть месяцев.

Махмуд стал первым османским султаном, который совершал поездки по своим владениям, чтобы самому увидеть, как живут его подданные. В период с 1830 года и до своей смерти в 1839 году он совершил пять поездок: в январе 1830 года он отправился в Текирдаг, на северном берегу Мраморного моря; в июне 1831 года в район Дарданелл и в Эдирне (тогда он целый месяц не появлялся в Стамбуле); в сентябре 1833 года он на неделю уехал в Гемлик и Измит, чтобы посетить военно-морские верфи; вторая поездка в Измит состоялась в ноябре 1836 года, когда там спускали на воду новый линейный корабль; а в апреле 1837 года он отправился в Румелию, где провел более месяца и посетил Варну на берегу Черного моря, Силистрию и Русе на Дунае, а также Шумен, Велико Тырново, Казанлык и Стару Загору в Болгарии. Во время каждого путешествия он посещал святые места и военные объекты, инспектировал общественные сооружения и обещал государственную помощь в их строительстве, встречался с местными сановниками и вникал в заботы простых людей, как мусульман, так и немусульман.

Османская администрация научилась отвечать требованиям менявшихся функций, которые она была призвана выполнять и по традиции, у представителей трех ее ветвей, военной, гражданской и религиозно-правовой, была возможность взаимных перемещений, при которой многие заметные государственные деятели начинали свою карьеру в последней из названных ветвей, а потом перемещались в гражданскую или военную. За последние два года своего правления, то есть начиная с 1837 года Махмуд учредил три министерства, которые, хотя и оказались недолговечными, создали важный прецедент на будущее: министерство внутренних дел, возглавляемое великим визирем (которого начиная с этого времени иногда называли премьер-министром); министерство иностранных дел, которое в конце XVII века появилось как отдельная ветвь правительства; и министерство юстиции. Для гражданских служащих был введен табель о рангах, от старой системы ежегодного подписания контрактов отказались, а вместо привычной, но чреватой злоупотреблениями системы вознаграждений ввели оклады. Высший со-

вет юстиции, сформированный правительством Махмуда в 1838 году для подготовки законопроектов и осуществления законодательной деятельности, позднее был расширен и оставался главным правовым органом империи.

Страницы османской истории изобилуют сообщениями о конфискациях имущества и казнях высокопоставленных чиновников (в том числе и страницы истории XVII века, когда такая участь постигла представителей высшего духовенства, которые считались лицами, не подлежащими какому-либо контролю), без промедления наказывавшихся по прихоти султана, а зачастую и по наущению соперников по борьбе за власть; часто жертвы убеждались в том, что им определили такое менее суровое наказание, как ссылка, только для того, чтобы послать вслед за ними палача. В 1837 году глава министерства гражданских дел (вскоре переименованного в министерство внутренних дел), Пертев-паша, стал последним бюрократом, которого постигла такая судьба. В данном случае фракционная борьба сочеталась с элементами международной дипломатии и противоречиями в области выбора направлений политики. Его соперник Акиф-паша, возглавлявший ведомство, которое вскоре было переименовано в министерство иностранных дел, убеждал султана в предательстве Пертева, в частности, обвиняя его в тесных связях с британцами. Будучи протеже Пертев-паши, Мустафа Решид-паша, которого часто называли просто Мустафой Решидом, стал самым блестящим послом Махмуда. К тому времени когда его покровитель умер, Мустафа Решид уже стал министром иностранных дел, он не смог его спасти, но добился отмены внесудебных наказаний и конфискаций, что было признано в качестве одного из принципов уголовного кодекса для чиновников и судей, принятого в 1838 году.

Недовольный степенью усовершенствования работы правительства, Махмуд пытался избавиться от внешних отличий между отдельными его членами. Это было чрезвычайной мерой, так как в Османской империи внешний вид всегда учитывался, и законы, регулирующие потребление предметов роскоши, устанавливали, какую одежду надлежит носить тому или иному человеку, тем самым определяя его положение в обществе. В зависимости от политических обстоятельств эти законы принимались к исполнению, или теряли свою силу, или переписывались. Еще в 1814 году сам Махмуд предупреждал жителей Стамбула о том, что они должны но-

сить соответствующие их положению наряды, «потому что стало невозможно отличать один класс от другого»:

Жители Достойного Обиталища Султаната [т. е. Стамбула] делятся на многочисленные классы, и у каждого класса есть свой собственный костюм; им следует ходить в этом костюме, чтобы каждый соблюдал установленные обычаи и знал свое место, почитал и оказывал уважение тем, кто их выше, а также военным офицерского звания и повиновался им... А те, кто в свите пашей, а также члены имперской гвардии, полицейские и торговцы не должны обертывать голову платком и украшенной шелком хлопчатобумажной тканью, как это делают моряки галлеонов, и независимо от своего положения и особенностей платья они должны одеваться подобающим образом. Некоторое время... на это закрывали глаза и расточители из всех классов отказались носить свое прежнее платье и свойственное им облачение и стали одеваться в опрометчиво расточительной манере, в зависимости от того, что приходило им в голову... большинство дворцовых чиновников, а также военные и торговцы изменили свой старинный стиль одежды и присущий им внешний вид.

Феска, которую Мустафа Кемаль Ататюрк (первый президент Турецкой республики) в 1925 году объявил пережитком османского прошлого, столетием ранее была введена Махмудом II. Принятие этого нового головного убора его армией прошло на удивление спокойно — феску уже носили войска магрибских провинций и Египта, а также вооруженная свита шарифа Мекки, поэтому было вполне понятно, что никаких канонических возражений не будет. На самом деле она уже появлялась в османской армии — ее носили мушкетеры, сражавшиеся против взбунтовавшегося балканского аристократа Пасваноглы Осман-паши из Видина. В 1829 году ношение фески стало обязательным и для правительственных служащих. Нововведение нашло поддержку в высших кругах духовенства. Проповедники мечетей привлекались для того, чтобы убеждать людей в том, что феска вполне приемлема.

Законы, регулирующие потребление предметов роскоши, проводили различие между людьми, исходя из их религиозных убеждений и занимаемого ими положения, и те, единственным превосходством которых было то, что они мусульмане, решительно возра-

жали против единообразия, которого требовал Махмуд, потому что из-за него становились невидимыми религиозные отличия. С другой стороны, немусульмане, причем даже те из них, кто не входили в состав бюрократического аппарата, с энтузиазмом принимали этот символ новой эпохи, в надежде на то, что он обеспечит им существование на равных условиях с мусульманами. Священнослужители оказались совершенно невосприимчивыми к уговорам султана и категорически отвергли требования Махмуда, который хотел, чтобы и они носили новый головной убор вместо своих тюрбанов. То, что сам Махмуд носил такие же брюки и сюртук (хотя и в несколько измененном варианте, который получил название *истанбулин*), которые носили такие же, как он, монархи в Европе, продемонстрировало его искреннее стремление порвать с прошлым.

Культурные мероприятия в западном стиле стали крайне популярны в кругах утонченных людей Османской империи, куда входили и мусульмане, и немусульмане. Но дело не ограничивалось только этими кругами. Махмуд пригласил в Стамбул композитора Джузеппе Доницетти, который был братом более известного Гаэтано, предложив ему стать своим преподавателем музыки и поставив перед ним задачу обучить военный оркестр (впервые созданный Селимом III для его армии «нового порядка»), заменивший оркестр корпуса янычар, звуки которого когда-то приводили в трепет неверных врагов. Итальянская музыка вскоре стала пользоваться популярностью при дворе. Начиная приблизительно с середины XVIII столетия в храмовой архитектуре стало заметно тяготение к западному стилю барокко, примером которого была мечеть Нурусмание, построенная в 50-е годы XVIII века. Возможно, последним проявлением этой тенденции стала Мечеть Победы (Нусретийе), построенная между 1823 и 1826 годами, получившая такое название в честь триумфальной победы Махмуда над янычарами. Султан Махмуд продолжил чуждую исламу и османским традициям практику написания своих портретов и передачи копий этих портретов (он мог преподнести копию своего портрета в виде камня) в дар своим государственным деятелям и зарубежным сановникам. Но он пошел дальше, чем Селим, и отдавал распоряжения выставлять свои портреты в общественных местах, таких как казармы и государственные учреждения, как это делали европейские монархи. Высшее духовенство решительно не одобряло подобную практику выставления напоказ личности монарха, но в 1832 году он, несмотря на это,

подарил свой обильно украшенный драгоценностями портрет тогдашнему шейхульисламу. Описывая блестящий церемониал, которым в 1836 году сопровождалось вывешивание портрета султана в казармах Селемийе, находившихся в Гареме, в Ускюдаре, придворный историк Ахмед Луфти-эфенди отклонил возможные канонические возражения, доказывая, насколько полезно сохранять внешний облик тех, кто воистину велик (как, например, султан Махмуд) и что такая практика соответствует древней традиции.

В Египте Мехмед Али продвинулся дальше, чем Махмуд, по пути модернизации, но его реформы обошлись слишком дорого, а результаты не всегда были настолько успешными, насколько он ожидал: перемены в военной, финансовой и сельскохозяйственной областях (неотъемлемым элементом которых была программа экстенсивной ирригации) продвигались за счет крестьян, а его новая армия не смогла проявить себя в Наваринской операции 1827 года. Мехмед Али быстро предпринял дальнейшие меры по улучшению боеспособности армии и флота.

Не оправдались надежды Франции использовать Мехмеда Али для достижения своих целей в магрибских провинциях султана (поскольку он был убежден в том, что сфера его интересов — восточное Средиземноморье, а не западное), и начиная с 30-х годов XIX века она, действуя самостоятельно, стала постепенно оккупировать территории полунезависимой от Османской империи провинции Алжир. В качестве компенсации за потери, которые он понес, вступив в противоборство с великими державами на Пелопоннесе, Мехмед Али попросил у султана Махмуда сирийские провинции, богатые как природными, так и людскими ресурсами. Но вместо этого султан предложил ему стать губернатором Крита. Он отклонил это предложение, зная, что поддержание порядка на этом острове истощит его финансы. В 1831 году он начал военные действия против Сирии, причем как на суше, так и на море. Командуя восстановленной египетской армией, его сын Ибрагим-паша наголову разбил османские войска и вошел в Анатолию, где встретил энергичное сопротивление со стороны местного населения. Это был открытый мятеж, с которым Стамбул не мог мириться: подобно непокорным губернаторам минувших эпох, самым недавним из которых был Тепедели Али-паша, Мехмед Али и Ибрагим были объявлены бунтовщиками, и против них была выслана армия под командованием

великого визиря Рашид-паши. Когда эти две армии сошлись неподалеку от Коньи, османские войска были разбиты, а великий визирь взят в плен.

Возможно, в то время в намерения Мехмеда Али вовсе не входило провозглашение независимости от султана — честолюбие, несомненно, подталкивало Мехмеда Али проверить, каковы пределы его вассальной зависимости, но, по всей вероятности, у него и в мыслях не было выходить за пределы принятых в империи норм; в конце концов, он ведь и сам был турком. У Ибрагим-паши была иная точка зрения. Даже когда Мехмед Али написал Махмуду письмо, в котором просил прощения (и в то же самое время требовал, чтобы ему позволили оставить за собой обширные территории, которые он к этому времени захватил), Ибрагим настаивал на том, чтобы его отец чеканил монеты со своим именем и чтобы его имя упоминалось в пятничных молитвах. И снова казалось, что величайшая угроза империи исходит из ее же пределов: к январю 1833 года Ибрагим подошел к Кютахье, расположенной в непосредственной близости от Бурсы. Снабжение Стамбула было частично перерезано наступавшей египетской армией, и городу угрожал голод. Не добившись никаких конкретных обещаний о помощи ни от Британии, ни от Франции, султан Махмуд был вынужден обратиться за помощью к царю Николаю, и в феврале 1833 года русские создали плацдарм в районе Босфора, к северу от Стамбула. Подобная просьба оказать содействие в борьбе с одним из губернаторов Османской империи, адресованная ее же давнему врагу, который мог использовать предложенное вмешательство только в своих собственных интересах, было беспрецедентным случаем и говорило о крайней слабости империи.

Мехмед Али извлек пользу из этой рискованной авантюры. Неоднократные попытки его успокоить закончились тем, что к апрелю 1833 года он числился губернатором Египта, Алеппо, Дамаска, Триполи (в Сирии), Акры, Крита, Бейрута, Сафед, Иерусалима и Наблуса; Ибрагим-паше надлежало править Джиддой, Хабешем и Меккой, а в начале мая он был назначен сборщиком доходов провинции Адана, в лесах которой он надеялся добыть древесину для постройки собственного флота. В июле был подписан так называемый пакт о взаимной обороне между Россией и Османской империей, Ункар-Искелийский договор, получивший такое название в честь базы, находившейся в северной части Босфора, где летом 1833 года стояла русская эскадра. Дьявольским коварством стала часть секретной статьи этого договора, по которой турки, в сущно-

сти, соглашались закрывать Дарданеллы для военных кораблей третьих стран в том случае, если об этом их попросит Россия.

Уступки, на которые пришлось пойти ради мира, вызывали у Махмуда негодование. Несмотря на все свои достижения, Мехмед Али тоже считал, что с ним скверно обошлись: назначения Ибрагима каждый год подлежали пересмотру, от Египта по-прежнему ожидали ежегодных переводов средств в центральную государственную казну, а владение сирийскими территориями оказалось менее выгодным делом, чем он это себе представлял, поскольку местное население оказывало сопротивление администрации Ибрагима. Колебания цен на хлопок ослабили экономику Египта, а его население сопротивлялось призыву в армию, тем самым проявляя свое едва сдерживаемое недовольство формой и темпами проведения реформ Мехмеда Али.

Неудовлетворенность достигнутым и неудачи последующих лет только усилили честолюбивые притязания Мехмеда Али. В мае 1838 года, встревожив как султана (который оказался перед угрозой лишиться даже формального контроля над Святой землей), так и западные державы, он со всей ясностью дал понять, что желает получить независимость. В 1839 году османской армии снова было поручено разобраться с Ибрагим-пашой, и снова, несмотря на реформы Махмуда, она была разбита. 24 июня Ибрагим выиграл решающую битву при Низипе, к юго-востоку от Газиантепа. Не прошло и недели, как умер Махмуд, а новым султаном стал его сын Абдул-Меджид. Главный адмирал воспользовался этим моментом, чтобы перейти на сторону Мехмеда Али, и вместе с имперским флотом отплыл в Александрию. Правительство нового султана готовилось пойти на очередные уступки.

Война с Мехмедом Али была внутренней проблемой Османской империи, но эта проблема была разрешена с помощью европейских держав. Преодолев многочисленные разногласия, Британия, Россия, Франция, Австрия и Пруссия, выступив единым фронтом, предупредили великого визиря, чтобы он не спешил заключать соглашение с алчным губернатором. 22 августа Стамбул ответил тем, что предоставил европейским державам полномочия вести переговоры об урегулировании от лица Османской империи. Последовавшие за этим дипломатические шаги раскрыли подлинную суть «восточного вопроса»: каждая из держав с подозрением относилась к влиянию, которое другие державы оказывали на Османскую империю, и в особенности опасалась того, как бы другая держава не получила

незаконного преимущества, будь то стратегическое, территориальное или торговое. В отличие от решения греческой проблемы, когда интересы европейских держав совпадали, были направлены против турок и стали средством достижения независимости, в 1839 году дипломатией двигал страх перед Россией: после того как в 1833 году Россия заключила Ункар-Искелийский договор, она значительно укрепила свои позиции в турецких делах, и то, к чему это могло привести, стало для Британии предметом особого беспокойства.

В июле 1840 года весьма сложные переговоры закончились компромиссом: конвенцией по умиротворению Леванта, подписанной Британией, Австрией, Пруссией, Россией и Османской империей. Франция отказалась участвовать в осуществлении неизбежных мер воздействия на Мехмеда Али. По условиям этого соглашения Мехмед Али лишался захваченных им провинций, но губернаторство в Египте признавалось за ним и за его преемниками как передаваемое по наследству — в течение долгих лет он добивался именно такого решения. Что касается Османской империи, то Египет оставался ее частью. Сначала Мехмед Али отказывался уходить с территорий, которые ему больше не разрешалось держать под своим контролем, и надеялся добиться более благоприятных условий при посредничестве Франции. Восстание в Сирии против режима Ибрагим-паши стало тем благоприятным случаем, который был нужен державам для того, чтобы вмешаться и изгнать его из этой провинции. Мехмед Али согласился вернуть османский флот, а султан попытался ввести жесткие условия передачи по наследству должности губернатора Египта, но партнеры по конвенции его отговорили. Не прошло и года, как Мехмед Али был покорен. Имперское постановление об изменении статуса провинции Египет включало в себя дополнительное условие, по которому все соглашения, заключенные османским правительством с другими государствами в равной степени относятся и к Египту. Это ограничивало потенциальные возможности Мехмеда Али как источника будущих неприятностей: прежде его власть в значительной степени финансировалась за счет деятельности государственных монополий, но теперь эти монополии были запрещены по условиям торгового соглашения, получившего название конвенции Балталимани, в честь босфорской деревни, где в 1838 году это соглашение подписали Британия и султан Махмуд. В июле 1841 года Франция, Британия, Россия, Австрия, Пруссия и Османская империя подписали конвенцию о Проливах, введившую правило, согласно которому в мирное вре-

мя Дарданеллы и Босфор должны оставаться закрытыми для иностранных военных кораблей.

С этого времени британское влияние на Ближнем Востоке стало быстро расти. Вскоре и другие европейские государства получили подобные торговые привилегии, но именно британцы, обладавшие самой современной промышленностью и финансовой системой, извлекли наибольшие выгоды из коммерческих возможностей, которые теперь стали им доступны. Долгосрочные последствия этой либерализации торговли были разнородны: иностранные купцы обладали преимуществом над турецкими купцами, которые продолжали платить внутренние таможенные пошлины; объем торговли увеличился, но ценой подрыва внутреннего производства и главным образом за счет потерь доходов от торговых тарифов и дальнейшего ухудшения финансового состояния империи. В этой связи, один историк замечает: «Османская империя фактически превратилась в британский протекторат».

Глава 14

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Третьего ноября 1839 года в Гюльхане или «Розовой беседке», находившейся в дальних садах дворца Топкапы, султан Абдул-Меджид сделал заявление, получившее название «Указ Гюльхане», в котором официально объявлялось о начале эпохи *танзимат*, то есть «реорганизации». Как только позволили обстоятельства, реализация программы реформ Махмуда была продолжена. Являясь публичным признанием того, что старыми методами не удалось приспособить империю к современной эпохе, указ Гюльхане подводил ясную идеологическую платформу под те изменения в правовой и административной сферах, которые имели место в недавнем прошлом, и направлял в нужное русло те изменения, с которыми предстояло столкнуться в будущем. Хотя этот указ был навязан населению верхушкой власти, он являлся документом, с помощью которого султан связывал себя и свое правительство обязательствами договорного сотрудничества со своими подданными. Этот указ касался всех, и все должны были принять к исполнению его предписания. Недавно появившаяся пресса довела содержание указа до грамотной части населения (его текст был опубликован в официальной газете «*Takvim-i vakâyi*»), а губернаторам провинций и их помощникам было предписано, следуя традиции, торжественно зачитать содержание указа на главных площадях больших и малых городов империи.

Указ был обнародован министром иностранных дел Мустафой Решид-пашой в присутствии султана, а также множества государственных деятелей, представителей духовенства и зарубежных послов. В преамбуле причиной продолжавшегося в течение последних

150 лет падения Османской империи с вершин величия объявлялась неспособность соблюдать священные и султанские законы — далее сообщалось, что такое положение дел можно исправить с помощью введения хорошей системы государственного управления, основанной на принципах безопасности жизни, защиты чести и имущества, а также посредством введения изменений в сферах налогообложения и военной службы. Считалось, что гарантии в отношении жизни и имущества укрепят преданность населения государству. Планировалось изыскать новые источники поступления налогов и с их помощью изменить систему налогообложения, основу которой составляли налоговые округа и «проклятые монополии, от которых земли империи недавно были избавлены». Таким образом, предполагалось ввести четкую систему налогообложения, а целевые вложения получаемых средств (из которых самыми значительными являлись расходы на армию и военно-морской флот) должны были утверждаться правовым способом. Чтобы по справедливости распределить бремя призыва на военную службу, его следовало привести в упорядоченное состояние, а максимальный срок службы по призыву должен был составлять от четырех до пяти лет. Впервые эти принципы надлежало применять ко всем подданным Османской империи: и мусульманам, и немусульманам. Взятничество, которым была поражена бюрократия, объявлялось вне закона, а уголовный кодекс определял степень наказания нарушителей закона в соответствии с занимаемым положением. Заключительной частью указа было обещание осуществить радикальные изменения в сфере административного управления, причем свидетелями этого обещания призывали стать как всех подданных Османской империи, так и дружественные государства. Указ был ясно и недвусмысленно изложен на языке исламского права, которому не противоречили порожденные им законы, а его в высшей степени религиозный характер нашел свое символическое подтверждение, когда султан, в присутствии представителей высшего духовенства и бюрократии, торжественно утвердил его в Палате Священной накидки.

Как правило, каждый новый султан делал заявление о своем намерении править по справедливости, и за четыре месяца до этого Абдул-Меджид сделал такое заявление во время своего вступления на престол. Необычным было то, что за этим заявлением о намерениях вскоре последовало еще одно, и такой выбор времени не яв-

лялся случайным совпадением. В конце 30-х годов XIX столетия сочетание неудач как во внешней, так и во внутренней политике (в особенности угроза, которую представлял собой Мехмед Али, а также смещение баланса сил и интересов великих держав в отношении османского государства) заставило империю, несмотря на ширококомасштабные реформы султана Махмуда, перейти к обороне. Если Балталиманийская торговая конвенция 1838 года была той ценой, которую туркам пришлось заплатить за британскую поддержку при заключении соглашения с Мехмедом Али, то провозглашение Указа Гюльхане стало платой за предоставление этой своеобразной поддержки в течение длительного периода. *Танзимат*, в сущности был инициативой Махмуда, предпринятой им в последние годы своего правления, а провозглашение Абдул-Меджидом положений Указа Гюльхане стало жестом, направленным на то, чтобы продемонстрировать европейским державам искренность турецких намерений модернизировать свое государство. Свидетельствуя о том, что сердце империи забилося с новой силой, этот указ, по всем расчетам, должен был убедить великие державы в решимости и способности империи принимать участие в международных делах на равных с ними условиях (приглашая их проявить добрую волю и оказать поддержку османским реформам) и в то же самое время продемонстрировать готовность пойти навстречу их зачастую чрезмерно шумным заботам о благоденствии немусульманских подданных султана.

Султану Абдул-Меджиду было всего шестнадцать лет, когда он вззошел на трон, поэтому тот подход к реформам, воплощением которого стал Указ Гюльхане (и который так отличался от подхода его отца), обычно считают инициативой Решид-паши. Сформировавшись как личность в школе богословия, он впоследствии перешел в бюрократический аппарат государственного управления и приобрел там богатый опыт в сфере международной политики. Он вел переговоры с Мехмедом Али и его сыном Ибрагим-пашой, когда их экспансионистская политика угрожала империи, и был послом как в Лондоне, так и в Париже. Во время своего пребывания в Лондоне он добился того, что британцы поддержали османское сопротивление экспансии Мехмеда Али. Этот успех положил начало про-британским настроениям среди группы близких ему реформаторов.

Возвышение Решид-паши как проводника британского влияния, которое впоследствии проявилось в османском законодательстве, явно затеняло значение внутривнутриполитических аспектов указа. Решид-паша приложил руку к составлению этого документа, как и члены

религиозной иерархии, которые также сыграли значительную роль в его редакции, и это участие, похоже, избавило их от необходимости делать правовую оценку, разрешавшую обнародование указа и означавшую, что они не видят в нем никаких противоречий с нормами исламского права. Сам султан, стараниями своей матери и наставников, вырос в атмосфере приверженности традициям ортодоксального ислама. В заявлении, которое Абдул-Меджид сделал, вступив на престол, он не только назвал себя «главой правоверных и халифом [Всевышнего] на лице земном», но и объявил о том, что никакой терпимости не будет проявлено по отношению к тем, кто не молится по пять раз в день, соблюдая свои религиозные обязанности. Вот что он написал своему великому визирю: «По наследству и по праву нам был передан халифат... и наше желание состоит в том, чтобы увидеть, как повсюду применяется возвышенное исламское право». Как и его предшественники, султан Абдул-Меджид являлся адептом ордена дервишей, в данном случае он, как и некоторые из его ближайших советников, был членом организации Халиди, являвшейся ответвлением ордена Накшбанди. В отличие от адептов Бекташи, члены Халиди в своем учении отмечали центральную роль священного закона, чем снискали признание консервативных правящих кругов. Подобно Накшбанди и Мевлеви, они после 1826 года извлекли выгоду из гибели Бекташи. В начале 40-х годов XIX века в Дамаске, на месте гробницы основателя ордена шейха Халида Багдади, Абдул-Меджид построил мавзолей и обитель дервишей. Все его заявления и дела указывали на то, что он был набожным человеком — в 1851 году он приказал построить мечеть в районе Стамбула Фатих, чтобы хранить в ней вторую накидку пророка Мухаммеда (первая хранилась во дворце Топкапы). Кроме того, Абдул-Меджид был человеком, который пытался найти модель более жизнеспособного государства, руководствуясь пониманием необходимости продолжения реформ в рамках исламского права, что проявилось в положениях Указа Гюльхане.

Все реформы в истории Османской империи встречали противодействие, но если до сих пор сдерживание оппозиции было исключительно внутренним делом, то одним из важных результатов обнародования Указа Гюльхане стало то, что он должен был вывести внутренние проблемы империи на международную арену. Своевременно ответив на внешнее давление Указом Гюльхане, правительство сделало процесс проведения реформ открытым для наблюдения из-за рубежа, что ослабило глубокие различия во взглядах

между христианской Европой и исламской Османской империей. Шли долгие и напряженные споры о скорости проведения реформ и характере изменений, а разрешение внутренних конфликтов стало гораздо более сложной задачей, так как попытки удовлетворить зачастую взаимоисключавшие требования европейских держав вызвали шумные протесты.

В первом чтении Указ Гюльхане содержал малопримечательное заявление о намерениях, в котором говорилось о желании улучшить систему управления и оздоровить государственное казначейство. Однако новым аспектом стало то, что акцент был сделан на правовой стороне, призванной создать структуру, в рамках которой должны были осуществляться административные реформы: это было дальнейшим развитием идеи Махмуда, состоявшей в том, чтобы на смену бесконтрольным действиям, продиктованным либо священными текстами, либо прихотью султана, пришло беспристрастное принятие рациональных решений. В 1840 году был принят уголовный кодекс; в том же году была отменена, по крайней мере теоретически, система откупа налогов: на практике намерения законодателей не могли быть в полной мере реализованы, поэтому даже в начале двадцатого века эта система все еще существовала. В разных регионах империи степень осуществления реорганизации была разной. Нехватка кадров, подготовленных к проведению реформ, инертность в сочетании с инстинктивным сопротивлением переменам, навязанным сверху, неплатежеспособное казначейство, неразвитая инфраструктура, значительная доля неграмотного населения, проблемы, связанные с распространением новых ценностей по обширным, отличным друг от друга территориям, — все эти факторы мешали проведению реформ.

Явное манипулирование перекрывающимися друг друга категориями, в соответствии с которыми издавна существовало османское общество, а также с правами и обязанностями, присущими каждому индивидууму в силу его принадлежности к той или иной социальной группе, являлось глубинной причиной значительной части волнений, вызванных Указом Гюльхане. Обещание сделать всех равными перед законом было не из тех заявлений, которые османское общество могло бы легко принять, поскольку даже ислам всегда определял три главных типа неравенства: между верующим и неверующим, хозяином и рабом, мужчиной и женщиной. Неравенство между верующим и неверующим стало фундаментальной основой каждого исламского социума. Что касается османского общества,

то в прошлом для него еще более характерным было теперь ставшее весьма туманным различие между правящим классом и теми, кем этот класс правил, то есть между освобожденными от налогов и теми, кто их платил. В Османской империи прагматизм и компромисс стали неотъемлемыми атрибутами многих сфер деятельности, а значит упомянутые выше различия не всегда и не везде строго соблюдались. Но публичное провозглашение принципа равенства для всех подданных империи многим показалось слишком большим потрясением, чтобы спокойно его принять, в особенности учитывая, что неприятная сторона этих нововведений состояла в том, что любая неудача или отступление неизбежно должны были вызвать нареkania из-за рубежа.

Самым ярким выражением существовавшего в Османской империи неравенства между мусульманами и немусульманами был подушный налог, который платили последние. Это конкретное отличие нельзя было ликвидировать одним росчерком пера, ведь даже проводимые в то время изменения в сфере государственного управления требовали наличия соответствующей правовой оценки шейхульислама. Уравнять статус немусульман со статусом мусульман, то есть освободить немусульман от обязанности платить подушный налог, значило лишить государство важного источника доходов и вступить в противоречие с принципом, согласно которому немусульмане в мусульманском государстве считались подданными «второго сорта». Исходя из этого, «равенство» можно было установить скорее путем выравнивания статуса мусульманского населения со статусом немусульман. Поэтому крестьяне мусульмане, как и крестьяне немусульмане, теперь должны были платить прогрессивный налог, величина которого зависела от стоимости земельного участка. Некоторые из новых предписаний, направленных на централизацию и регуляризацию системы сбора налогов фактически, были утверждены еще в последний год правления Махмуда II. Они были предложены для устранения нарушений, которые оказывали губительное воздействие на жизнь налогоплательщиков, но бедные слои мусульманского населения все же были недовольны введением постоянного налога, оплачиваемого наличными деньгами, хотя прежде они были обязаны платить сразу несколько различных налогов, причем некоторые из них тоже наличными. Недовольны были и некоторые другие группы мусульман, которые издавна были освобождены от налогообложения в обмен на предоставление ими особых услуг государству. Теперь и они должны были платить налоги.

Как и ожидалось, христиане Османской империи и их европейские защитники, которые с нетерпением ждали снятия социальных и финансовых ограничений, подтверждавших, что немусульмане имеют статус подданных второго сорта, истолковали то, что подушный налог продолжает существовать как невыполнение обещания сделать всех равными. Всякий раз, когда европейская пресса обсуждала недостатки османской реорганизации, она акцентировала внимание на неудовлетворительной природе системы налогообложения, игнорируя тот неудобный факт, что, как и любому другому государству, Османской империи для ее существования были необходимы доходы от налогообложения. Что касается еврейского населения империи, то к их жалобам прислушивались реже, чем к жалобам христиан, поскольку ни одна из великих держав не стремилась вмешиваться во внутренние дела империи, действуя от лица евреев. Впрочем, в 30-е годы XIX столетия Британия пыталась добиться того, чтобы ее признали защитницей османских иудеев, чтобы таким образом ответить на претензии России стать защитницей православных христиан, и такие же претензии Франции в отношении католиков. Британия рассматривала возможность переселения евреев в османскую Палестину и Сирию. Поскольку численность еврейского населения была незначительной и оно, в отличие от христианских общин, более равномерно распределялось по территории империи, власти не считали, что евреи представляют угрозу османскому государству. Однако, пытаясь создать видимость плюрализма, правительство в 1835 году впервые назначило лидера еврейской общины, который в принципе обладал таким же статусом, как православный или армянский патриарх. Однако это назначение было сопряжено с трудностями, вызванными нежеланием иудаизма признавать наделенную высшими полномочиями личность: сначала к нему относились с подозрением и лишь со временем признали.

В 30-е годы XIX столетия в районе крепости Ниш, неподалеку от западной границы империи с Сербией, имел место целый ряд восстаний. Сербский лидер Милош Обренович отказался поддерживать мятежников и вместо этого разумно продолжил осуществление административных реформ в сотрудничестве с османскими властями. Однако в 1839 году он отказался от власти, и передаваемый по наследству княжеский трон занял его шестнадцатилетний сын, Михаил. Спустя два года, когда стала осуществляться налоговая реформа, начались волнения: класс землевладельцев состоял из христи-

ан, крестьянство составляли как мусульмане, так и христиане, и все они были недовольны не только новыми ставками налогов, но и тем фактом, что некоторые налоги, которые теоретически были отменены, все еще с них взимались. В претензиях, с которыми в том же году крестьяне христианского вероисповедания из района крепости Ниш обратились к Михаилу Обреновичу, едва ли можно было усмотреть хоть какой-то намек на желание обрести независимость. Они отражали лишь стремление крестьян улучшить условия своей жизни. «Люди не выступают против законного правительства султана, а просто хотят того, чтобы благожелательные положения Указа Гюльхане точно и аккуратно выполнялись», — такая озабоченность была выражена в одном из крестьянских прошений. Между тем, отдельные очаги сопротивления объединялись по культурно-религиозным признакам и чтобы подавить волнения, местные османские администраторы обратились к помощи албанских войск, сформированных из мусульман. И они, действуя с особой жестокостью, выполняли поставленную задачу до тех пор, пока в дело не вмешался Стамбул. Религиозный подтекст этого конфликта не оставили без внимания защитники православного населения Османской империи: Россия выразила свой протест и в надлежащее время из Стамбула была направлена комиссия, которой было поручено определить, что же лежит за этим инцидентом. Османское правительство считало, что сербское руководство спровоцировало волнения, но опасаясь того, что подобные протесты, вызванные реформами налогообложения, могут привести к еще более масштабным межэтническим и межрелигиозным волнениям в этом взрывоопасном районе, решило умиротворить христиан путем освобождения за выкуп тех их единоверцев, которые были арестованы албанскими нерегулярными войсками, и возвратив похищенное у них поголовье скота и другое движимое имущество, а также выплатив деньги тем, по отношению к кому применялось насилие. Постепенно все бежавшие вернулись домой.

Событием, которое самым наглядным образом продемонстрировало, что реформы, хотя и не всегда проводимые до конца и с надлежащей решимостью, все же заходят слишком далеко и осуществляются слишком быстро как для большинства представителей высшего эшелона бюрократии, так и для населения в целом, стало случившееся в марте 1841 года смещение Решид-паши с поста министра иностранных дел. Очевидно, это смещение произошло по причине того, что Мехмед Али подкупил недругов Решид-паши, ко-

торые сочли его виновным в том, что годом ранее, была подписана конвенция по умиротворению Леванта. Правительство находилось в руках людей с консервативными взглядами и кабинет министров единогласно решил, что недавно принятые меры следует отменить, что привело к еще большей неразберихе. Одним из факторов, способствовавших падению Решид-паши, стало то, что духовенство не одобрило введенный им свод законов о торговле, созданный по французскому образцу и не имевший никакой связи с нормами исламского права: напротив, этот кодекс имел дело со взаимоотношениями торговых партнеров, банкротствами и т. п., и вскоре его действие было приостановлено.

Еще султан Махмуд обнаружил, что реформы стоят денег. Его администрация прибегла к уменьшению реальной ценности монет, что привело к самой жестокой инфляции за всю историю Османской империи. В период с 1789 по 1808 год, когда Махмуд стал султаном, содержание серебра в монете под названием *куруш*, которая тогда повсеместно использовалась, не менялось, но за тридцать лет его правления оно снизилось приблизительно на 80 процентов. В золотых монетах содержание драгоценного металла стало ниже 20 процентов. Можно выявить два периода девальвации: между 1808 и 1822 годами и между 1828 и 1831 годами. На второй, менее продолжительный период, приходится и русско-турецкая война 1828—1829 годов, и бремя репараций, которые впоследствии были навязаны Османской империи. Имевшее место в 1826 году подавление бунта янычар ликвидировало группу самых решительных противников обесценивания монет. Этот второй период оказался весьма успешным, так как после его окончания казначейству стало легче платить по своим обязательствам.

Но одно обесценивание не могло стать адекватным решением проблемы долгосрочных финансовых потребностей, а государство слишком много задолжало финансовым посредникам из Галаты. В 1840 году был введен такой еще непроверенный финансовый инструмент, как бумажные деньги. Хотя по своим отличительным признакам эти бумажные деньги были ближе к долгосрочным казначейским облигациям (они подлежали обмену на драгоценные металлы только через восемь лет, при ставке процента в пределах 12,5% годовых), были в обращении только в Стамбуле и подделывались фальшивомонетчиками, со временем они были признаны средством обмена, сравнимым с монетами. Именно к этому и стремилось правительство, которое таким образом добилось некоторых успехов в

деле пополнения государственной казны. В 1844 году был введен биметаллический стандарт, который устанавливал фиксированный курс обмена серебра на золото, что также способствовало стабилизации монетной системы. Как и многие нововведения, принятые Османской империей в те годы, эти новшества пришли из Египта.

Вскоре после своего смещения в 1841 году Решид-паша вернулся в Париж в качестве посла. В 1845 году он был отозван и снова назначен министром иностранных дел, а в следующем году стал великим визирем. Его пребывание в этой должности, которое с некоторыми перерывами продолжалось вплоть до самой его смерти в 1858 году, было долгим для того времени, и находясь на этом посту, он восстановил упавший за время правления Махмуда II статус великого визиря. Молодому султану Абдул-Меджиду потребовалось некоторое время, чтобы утвердить свою власть (по большей части из-за проблем, которыми сопровождалась реорганизация), но благодаря тому, что на его стороне был почтенный Решид-паша, он получил возможность продолжить осуществление программы реформирования, которая стала жертвой консерваторов, занявших высокие должности в 1841 году.

Одной из необходимых административных мер, принятых в годы отсутствия Решид-паши, было учрежденное в 1843 году исследование сельскохозяйственных ресурсов империи, с целью передачи центральному правительству сведений о потенциале провинций. После того как его восстановили в должности, были начаты далеко идущие реформы, особенно в правовой сфере и в сфере образования. Так, уже в 1847 году коммерческие суды обслуживали как мусульман, так и немусульман, а в 1850 году обновленный свод законов о торговле, составленный по французскому образцу, пришел на смену тому своду законов, который за девять лет до этого стал одной из причин смещения Решид-паши. Было учреждено министерство образования и открыты светские школы для мальчиков возрастом от десяти до пятнадцати лет. В целом создание новых структур, которые не имели отношения к традициям ислама, было полезно для модернизации государства, но возникали неизбежные противоречия и конфликты со все еще функционировавшей традиционной системой, и эти противоречия было не так просто разрешить. К тому же подобных нововведений было не много.

Несмотря на реформы, перемены в сельской местности наступали слишком медленно. Землевладельцы с большими сельскохозяйственными угодьями никуда не исчезли, а напротив, продолжа-

ли заправлять всеми делами, как правило, считаясь только со своими собственными интересами, и без труда извращали самые благие намерения реформаторов. По динамике своего развития восстание, вспыхнувшее в 1850 году в придунайской области Видин, возможно, является типичным для волнений, имевших место в других районах. В этой области землевладельцы-мусульмане были озлоблены отменной барщины — системы принудительного труда, навязанной крестьянству, которое преимущественно состояло из христиан, арендовавших свои земельные участки. Объявленная вне закона в 1838 году барщина фактически продолжала существовать, как и другие непоплатимые и обременительные услуги, выполнения которых требовали от крестьян. Их вооруженное сопротивление заставило землевладельцев обратиться с прошением к правительству, которое в ответ указало на то, что барщина отменена и что данный вопрос следует уладить на месте. Однако решение подобных споров находилось в ведении местного совета, а поскольку сами землевладельцы, направившие прошение, составляли большинство в этом совете, проблема была решена в их пользу, и поэтому ситуация практически не изменилась. Есть свидетельства того, что отношение к данному инциденту России и Сербии было одной из гарантий проявления сдержанности в отношении видинских событий и что следствием этих волнений стали притязания болгар на независимость. Похоже, в правящих кругах Османской империи бытовало оптимистическое мнение, что пересмотр государственной идеологии приостановит волнения среди христианских меньшинств, но, по всей вероятности, такое мнение являлось безосновательным.

Возможно, это вызовет удивление, но еще до возвращения Решид-паши на пост великого визиря был сделан робкий шаг в направлении осуществления одного из самых спорных пунктов Указа Гюльхане и важнейшей части нового плана по введению равенства для всех — призыва немусульман в боевые воинские части империи. Согласно данной шейхульисламом фетве, не существовало никаких канонических препятствий несению воинской службы немусульманами, и нашлись неопровержимые доводы в пользу того, что их следует призывать. Империя нуждалась в войсках, и по целому ряду причин, среди которых были и боевые потери, имела место некоторая убыль мусульманского населения. Члены кабинета министров задавали себе вопрос: не лучше ли будет брать немусульман только на службу в сухопутные войска, а не на боевые корабли с их ограниченным пространством, где они едва ли смогут легко

общаться с моряками-мусульманами? Тем не менее к 1843 году были составлены все основополагающие документы, и в 1845, а также в 1847 году был проведен призыв христиан на службу в военно-морском флоте — и это несмотря на то, что тогда партия реформаторов не находилась у власти. Правительство пыталось обуздать чиновников, которые жестоко обращались с призывниками, но британцы все равно выражали недовольство и опасались, что следующим шагом будет призыв христиан в сухопутную армию. В период между 1848 и 1851 годами призыв моряков-христиан не производился; в 1851 году, чтобы избежать призыва во флот, многие македонские христиане бежали на Пелопоннес, а христиане Трабзона пытались обзавестись документами, подтверждающими, что они находятся под защитой местного греческого и русского консулов, и даже иностранными паспортами. Такие уступки, как предлагаемая христианам возможность работать на имперских военно-морских верфях вместо службы на боевых кораблях, не могли вывести сложившуюся ситуацию из тупика.

Несмотря на многочисленные затруднения, возникавшие в процессе ввода в действие новых законов, османские реформаторы, которые поддерживали принципы, изложенные в Указе Гольхане, считали себя равноправными партнерами европейских держав в новом мировом порядке. Символом равноправия было участие Османской империи в таких мероприятиях, как всемирные выставки. Сердечность турецко-британских отношений, наглядным примером которой были контакты Решид-паши с британским послом в Стамбуле, Стратфордом Каннингом, занимавшим этот пост с 1825 по 1827 год, а потом в период между 1842 и 1858 годами, несомненно побудила турок воспользоваться возможностью принять участие в первой из этих выставок, состоявшейся в Лондоне, в 1851 году. Кроме того, турки были участниками всемирных выставок 1855 и 1867 годов в Париже, 1862 года — в Лондоне и 1863 года — в Стамбуле, а также других выставок, проводившихся в том же столетии, но позднее. Согласно официальному заявлению целью участия была демонстрация плодородия турецких земель и способности турецкого народа в сфере сельского хозяйства, промышленности, искусств и ремесел. Около 700 производителей отправили свои товары, и некоторые из них, в особенности из таких полунезависимых провинций, как Египет и Тунис, были награждены призами.

С 1839 года и вплоть до начала военных действий, которые привели к разразившейся в 1853 году Крымской войне, империя нахо-

дилась в состоянии мира с другими государствами, так как она стремилась стать частью окружавшего ее мира. Постепенное внедрение в промышленность и сельское хозяйство технических новшеств привело к росту производства товаров для внутреннего и внешнего рынков сбыта. Что касается международной торговли, то права, предоставленные иностранным купцам, которые теперь могли свободно торговать в пределах империи и ликвидация монополий, создали такие условия, которые были одними из самых либеральных в мире.

В 40-е годы XIX столетия Британия оказалась впереди других великих держав, в то время как Россия явно была вынуждена перейти к обороне в своих отношениях с Османской империей. Но вскоре появились признаки того, что Россия активно добивается раздела империи, используя для ее дестабилизации такой предлог, как защита православных христиан. Как и во все предыдущие столетия, соперничество между католиками и православными в священных для христиан местах Палестины было благодатной почвой для иностранного вмешательства. В 1690 году верх взяли францисканцы, которые укрепили свое главенствующее положение в 1740 году после того, как французы оказали туркам поддержку при заключении Белградского договора, а в 1757 году уступили его православным, которых поддерживали русские. В 40-е годы XIX века эта проблема вновь обострилась, так как вопрос о святых местах стал одним из элементов многостороннего соперничества между Францией и Россией. Своей численностью, русские паломники значительно превосходили и своих единоверцев из Османской империи, и католических паломников, а царь Николай I проявлял живой интерес к святым местам Палестины. На протяжении нескольких последующих лет Османской империи пришлось выслушивать горячие обращения России и Франции, каждая из которых поднимала этот вопрос для того, чтобы укрепить свой международный престиж и получить широкую поддержку собственного населения.

Заметным событием того периода стали строительные работы которые имели большое значение для верующих, и связаны они были с базиликой-мечетью Аяя София, или Святая София, православной Византии. Когда в 1847 году султан Абдул-Меджид сделал заказ на капитальный ремонт мечети, она находилась в настолько ветхом состоянии, что люди, посещавшие Стамбул, подробно описывали негодное состояние самого здания и его декоративной отделки. Последний раз Аяя Софию ремонтировали в середине

XVIII столетия при султанах Махмуде I. С конца XVIII столетия, первоначально с целью сохранения своего религиозного авторитета среди оказавшихся под властью России крымских единоверцев, все последующие султаны стали подчеркивать, что они являются халифами ислама, и Айя София стала играть новую роль «символического центра османского халифата», дополненную целым рядом мифов, объясняющих это новое толкование. Проведение реставрационных работ, заказ на которые был сделан в 1847 году, доверили братьям Фоссати из Швейцарии, которые прибыли в Стамбул еще в 1837 году, чтобы построить Российское посольство. После завершения строительства они остались в империи и построили целый ряд различных зданий, от загородных вилл правительственных чиновников до католических церквей. У султана вызвала некоторое беспокойство возможная реакция духовенства на этот проект. И все же он несколько раз посещал Айя Софию во время проведения ремонтных работ. Его распоряжение о реставрации появилось как раз в тот момент, когда большинство реакционных священнослужителей находилось за пределами Стамбула — они совершали паломничество в Мекку.

В 1849 году в честь окончания ремонта Айя Софии султан Абдул-Меджид заказал в Париже медаль, на одной стороне которой был изображена его собственная монограмма, а с другой — базилика-мечеть. В результате очертания этого здания стали широко узнаваемы, а его символическое значение возросло. Тогда турки очень точно определили момент, когда им необходимо сыграть активную роль в создании того образа, который они представляют внешнему миру. Реставрация Айя Софии была предпринята Абдул-Меджидом для того, чтобы привлечь к своим деяниям внимание собственного народа и в то же самое время являлась проявлением доброй воли в отношении христианского мира на языке, который был понятен этому миру. Внимание султана к этому памятнику, находившемуся в городе, который они так желали заполучить, должно быть, раздражало русских столь же сильно, как и очередной шаг, предпринятый турками ради того, чтобы угодить своим британским союзникам: предоставление убежища полякам и венграм, бежавшим после закончившихся неудачей антиабсолютистских революций 1848 года, к подавлению которых имела отношение сама Россия, находившаяся под самодержавной властью Николая I. Нельзя сказать, что этот жест не принес пользу самим туркам, поскольку многие из этих беженцев пополнили армию и бюрократический аппарат империи.

Некоторые из них приняли ислам, но многие сохранили прежнее вероисповедание.

В 1850 году, являясь президентом Французской республики, принц Луи Наполеон вновь заявил о своих правах на попечительство святых мест Палестины, что было сделано ради того, чтобы получить поддержку французского духовенства. В 1852 году долгие переговоры закончились тем, что ключи от церкви Рождества Христова в Вифлееме были переданы католикам. Но пользы от этого было не слишком много, поскольку в угоду России турки ввели некоторые ограничения. Несмотря на это, в начале 1853 года возмущенный царь обсуждал с британским послом в Санкт-Петербурге свои планы по разделу того, что он впервые назвал «больным человеком Европы». Царь Николай надеялся получить дунайские княжества, Болгарию и Сербию, британцы должны были получить Египет и Крит, а Стамбул стал бы свободным портом. Но на это Лондон практически ничего не ответил. Русский посланник князь Александр Меншиков принял такую реакцию за молчаливое согласие и в конце февраля 1853 года предъявил султану ультиматум с требованием сохранения доминирующего положения России в святых местах и признания ее прав в отношении православных подданных Османской империи. Требования царя были отклонены, и в начале июля русские войска стали переправляться через реку Прут и проникать в Молдавию. В сентябре Британия и Франция послали четыре военных корабля, которые должны были пройти через Дарданеллы и двигаться в направлении Стамбула. 27 октября, после целого ряда бесплодных дипломатических шагов, османской армии было приказано переправиться через Дунай. Так начинался военный конфликт, получивший название «Крымская война». Однако официально война была объявлена только в марте 1854 года. После того как в ноябре 1853 года русские обстреляли турецкий флот в Синопе, Британия и Франция, которые постоянно опасались намерений России в отношении Османской империи, поспешили прийти туркам на помощь. У Османской империи оказались союзники по борьбе с северным соседом, и Крымская война началась.

Австрия не меньше Османской империи была потрясена тем, что русские оккупировали дунайские княжества, и сыграла роль посредника четырех держав, вступивших в войну. В июне 1854 года русские войска были вынуждены уйти, и на их место прибыли подразделения австрийской армии, что отвечало условиям договора с султаном, который на время войны передал Австрии свои суверенные

права на дунайские княжества. Таким образом, исключался проход войск воюющих сторон через эти княжества, и центр войны переместился в Крым, где Британия и Франция собирались уничтожить русский флот и военно-морские сооружения и навсегда положить конец ожесточенным спорам в отношении «вопроса о проливах». Целью трех союзников был портовый город Севастополь, но только через год, в сентябре 1855 года, они наконец смогли его покорить. К ноябрю русские войска настолько продвинулись на кавказском направлении, что взяли крепость Карс, находившуюся в северо-восточной Малой Азии, а в декабре Австрия пригрозила вступить в войну на стороне союзников, если Россия откажется просить о мире. Начатые переговоры вскоре закончились тем, что 30 марта 1856 года был заключен Парижский мирный договор.

Парижский договор признавал Османскую империю таким же членом европейского сообщества, как и другие державы, и, гарантируя ее территориальную целостность, казалось, предупреждал о том, что она больше не станет жертвой российских (или чьих-либо других) территориальных притязаний. Османская империя, наконец, добилась признания, которого домогались все султаны начиная с Селима III. Россия недооценила британское влияние в регионе, а ее надежды установить контроль над Черным морем были разбиты вдребезги. Теперь это море было открыто для торговли всех стран, и никому не позволялось его милитаризовать. Формально княжества и Сербия возвращались под суверенитет Османской империи и получали гарантии от европейских государств. Трагический тон высказываний русских генералов после подписания мирного договора (один из них писал, что «больше нет возможности скрываться за завесой официальных самовосхвалений») объясняло признание министра иностранных дел, князя Александра Горчакова, который спустя одиннадцать лет заявил, что во время Крымской войны Российской империи грозила весьма реальная опасность катастрофы.

В Парижском договоре была сделана ссылка на так называемый «Указ о реформе», который был обнародован султаном 18 февраля 1856 года и подробно рассматривал вопросы, связанные с немусульманским населением Османской империи, условия жизни которого вызвали пристальный интерес европейских держав. В этом указе нечеткие обязательства, изложенные в Указе Гюльхане, полностью разъяснились. Султан Абдул-Меджид гарантировал своим подданным свободу вероисповедания и брал на себя обязательство, что

отличия по «религиозному, языковому или расовому» признаку будут «навсегда вычеркнуты из административного протокола». Теперь для представителей всех вероисповеданий были открыты двери в гражданские и военные школы, а также на государственную службу, являвшуюся сферой, в которой традиционно доминировали мусульмане. Указ вновь заявил о намерении заменить систему откупа налогов системой прямого налогообложения. Новые правовые процедуры должны были гарантировать более беспристрастное отправление правосудия. Кроме того, в указе были обещания предпринять усилия по модернизации инфраструктуры государства посредством учреждения банков и реформирования финансовой системы, улучшения коммуникаций и с помощью общественных работ. В отношении последних в указе было сказано, что следует изыскать способы «извлечения прибыли из науки, искусства и финансов Европы». Особое место в тексте Парижского договора занимало положение о том, что иностранные державы лишаются права вмешиваться во внутренние дела Османской империи, хотя возможность их вмешательства подразумевалась в каждой фразе Указа о реформе.

Обещанные реформы оказались развитием той программы, которая осуществлялась, начиная с последних лет правления Махмуда II, но теперь об этом публично заявили, что было сделано под мощным давлением и в результате сильного влияния европейских союзников, которые были решительно настроены на то, чтобы воспрепятствовать притязаниям России на роль защитницы православных подданных империи и не допустить нестабильности на Балканах, которая могла стать следствием этих притязаний. Решид-паша, который с 1855 года был не у дел и не играл никакой роли ни в составлении Указа о реформе, ни в выработке положений Парижского договора, был крайне этим обеспокоен. Он признавал, что империи необходимо привести себя в соответствие с изменившейся ситуацией и обратить внимание на положение немусульман, но был против того мнения, что перемены должны наступить одновременно и по распоряжению иностранных держав. Однако более всего он опасался того, что, ознакомившись с указом, мусульмане империи решат, что с ними совершенно не считаются, и что столь безапелляционное сбрасывание со счетов столетий совместной истории отразится на отношениях между мусульманами и немусульманами. Он предупредил правительство о том, что оно должно быть готово к неизбежному возникновению напряженности в отношениях.

Возможно, условия Парижского договора отвели от империи угрозу территориальных притязаний России, но теперь внешнее давление было оказано на нее с другой стороны: Британия настоятельно потребовала выполнения взятых султаном обязательств. Вот что сообщал интеллеktуал и государственный деятель Ахмед Кевдег-паша о том, какую реакцию вызвал у многих мусульман указ после того, как он был обнародован: «Сегодня мы лишились священных прав нашей общины, которых наши предки добились ценой своей крови. Мусульманская община является правящей общиной, но у нее отобрали принадлежавшие ей священные права. Это день горести и печали для всех мусульман». Хотя оба указа обещали лучшие условия жизни для всех османских подданных, как мусульман, так и немусульман, восприятие этих указов было весьма различным. Едва ли можно было позавидовать условиям жизни простых османских подданных, независимо от их вероисповедания, но среди мусульман стало расти негодование, так как немусульмане стали при любой возможности предъявлять свои недавно обретенные «права», пытаясь извлечь для себя максимум пользы из тех мер, которые были предприняты в отношении их общин. Казалось, что те же самые административные реформы, которые приносили пользу одним, еще больше угнетали других. В последующие после обнародования Указа о реформе месяцы и годы по всей стране происходили столкновения между мусульманами и немусульманами. Чтобы восстановить порядок, приходилось посылать войска, и было много убитых.

Одним из первых признаков недовольства проведением реформ были волнения 1859 года в Стамбуле. Принимавшие в них участие офицеры армии и священнослужители, в том числе приверженцы конформистской секты Накшбанди—Халиди (членом которой был султан Абдул-Меджид), выступали против наносивших им ущерб изменений в законодательстве. Неясно, что именно входило в намерения заговорщиков: роспуск правительства или смещение султана. Их арестовали и судили в военной школе «Кулели» на берегу Босфора, в честь которой и был назван этот инцидент. По распоряжению великого визиря Мехмеда Эмин Али-паши, они были отправлены в ссылку или заключены в тюрьму.

Заявленные в указе 1856 года обещания в отношении свободы вероисповедания для всех подданных Османской империи включали в себя утверждение о том, «что никого не будут принуждать к переходу в другую религию». В отличие от христианства с его раз-

нообразными формами, ислам редко выходил за рамки традиционного для него способа обращения в свою веру, и турки всегда относились к этому с пониманием. Некоторые приписывали это тому факту, что до реформ *танзимат* значительное немусульманское население было необходимо, потому что оно платило подушный налог, который приносил доходы казне. Даже отступничество от ислама и переход в одну из других «книжных религий» (христианство или иудаизм) в то время обычно допускалось, но только если оно не было результатом принуждения. Вместо этого официальные круги Османской империи изливали свой гнев на тех мусульман-суннитов, которые имели склонность относиться с симпатией к религиозным убеждениям шиитов. Это имело сходство с отношением русского царя Николая I, презиравшего «староверов», которые, как и приверженцы шиитского ислама в Османской империи, были заклеймены как «раскольники» и преследовались. Но принцип равенства всех перед законом, который впервые был провозглашен в Указе Пюльхане, нарушил традиционную уравновешенность османского государства в этих вопросах. К тому же имевшее место в последующие годы иностранное вмешательство в дела, связанные с обращением в ислам и отступничеством от него, несомненно, способствовало тому, что позиция в отношении религии, подробно изложенная в Указе о реформе 1856 года, носила явно оправдательный характер.

Одним из результатов указа 1856 года было то, что в империи активизировали свою деятельность христианские миссионеры. Право всех конфессиональных групп открывать собственные школы стало опасным оружием в руках посланцев западных церквей — католической и протестантской, и вызывало беспокойство как у православных христиан империи, так и у мусульман. Обращение в католичество османских православных (греческого, армянского или сирийского обрядов) давно было причиной для беспокойства, что подтверждают неоднократно встречавшиеся в имперских указах начала XVIII столетия упоминания об «отклонении» православных армян от своих традиционных обрядов. В 40-е годы XIX столетия негативная, антипротестантская реакция балканских православных привела к тому, что протестантам пришлось сосредоточить свои усилия на восточных провинциях, где их активность и почти нескрываемая ими убежденность в своем врожденном превосходстве над восточными церквями (миссионеры пытались познакомить с «более возвышенным и совершенным христианством») в течение не-

скольких лет крайне досаждали армянским патриархам. Их деятельность вызывала беспокойство и у османских властей, поскольку после 1856 года миссионеры не стеснялись обращать в свою веру не только других христиан, но даже мусульман, и видели в каждом возражении со стороны своих османских хозяев нарушение обязательств, данных в Указе о реформе. После обнародования Указа Гюльхане в 1839 году стало приходить осознание того, что мусульмане могут перейти в христианство, а после 1856 года эта возможность стала реальностью: столкнувшись с потенциальной опасностью того, что христианство заберет себе души живых мусульман и они будут навсегда потеряны, как души тех мусульман, которые погибли защищая империю, правительство было вынуждено отказаться от своего прежнего прагматизма и «взять курс» на то, чтобы обращение в другую веру не разрешалось. Более того, многие обращенные в христианство мусульмане пытались найти покровительство той или иной иностранной державы. Несмотря на то, что великие державы пытались оказывать давление на султана, назойливо добиваясь от него предоставления официальных уведомлений о каждом случае обращения в другую веру, турки сохранили достоинство и право на суверенитет в своих владениях с помощью введения процедур, которым должны были следовать те, кто переходил в ислам, а когда возникали сомнения относительно того, является ли этот акт добровольным или он совершен по принуждению, власти руководствовались практическими соображениями. В тех случаях, когда люди переходили из ислама в христианство, их могли арестовать и подвергнуть наказанию. Во всех случаях обращения в ислам и отступничества от него позиция турок состояла в том, что это их заботы, которые не касаются посторонних.

Вопрос о воинской повинности стал неотложным делом, когда потери в Крымской войне привели к острой нехватке личного состава. В период кризиса лидеры общины османских христиан забыли о своих возражениях и оказали твердую поддержку военным усилиям страны. В октябре 1853 года, то есть еще до официального объявления войны, армянская община заявила о том, что ее члены готовы служить «даже в армии». Являясь союзниками Османской империи, Британия и Франция были осведомлены о потребности в живой силе, необходимой для того, чтобы сражаться с русскими. Поэтому они были рады вполне закономерному отказу от подушного налога, развеявшему имевшиеся у них сомнения и приветствовали призыв на военную службу османских христиан. Однако в 1855 го-

ду во время войны тысячи потенциальных новобранцев-христиан сбежали из области Ниш в соседнюю Сербию, и чтобы укрепить границы Османской империи, пришлось усилить полицию. Как только война закончилась власти, понимавшие, насколько нежелательной и для мусульман, и для немусульман является обязательная для всех воинская повинность, приняли компромиссное решение. Уже была сделана оговорка в отношении конкретных случаев, и отдельным немусульманам разрешалось направлять вместо себя замену. Указ 1856 года четко признавал замену как общий принцип и предусматривал покупку освобождения от призыва. Таким образом, отмененный Указом Гюльхане подушный налог фактически продолжали взимать, хотя и под новым названием. Теперь это был налог на освобождение от призыва, который помогал немусульманам, имевшим соответствующее финансовое положение, избежать воинской повинности. Таким образом, была спасена честь мусульман, поскольку сохранялась дистанция между ними и теми, чей статус был ниже, а немусульман никто больше не принуждал нести бремя, которое они считали неприятным. Однако логически рассуждая, такое решение стало частью цены за равенство. Разумеется, это была явная казуистика, хотя и вполне приемлемая для тех, кто был непосредственно заинтересован в том, чтобы она позволила османскому государству получать доходы, которые в виде подушного налога вызывали возражения западных стран (поскольку взимание этого налога производилось на основе неравенства между налогоплательщиками), но от которых государство не могло позволить себе отказаться.

Решид-паша оказался прав в том, что выражал обеспокоенность в отношении Указа о реформе. При всем желании многоконфессиональная, рыхлая в географическом отношении и отсталая в экономическом Османская империя, институты и правовая система которой развивались в соответствии с требованиями своей собственной, особой культуры и ради удовлетворения своих собственных интересов, никак не могла надеяться на то, что она за короткий период времени сможет выполнить обещания, навязанные иностранными державами в условиях, когда империя находилась в крайне тяжелом положении.

Титулы Решид-паши перешли к Мехмеду Эмин Али-паше, которого называли просто Али-пашой, а также к Кечекизаде («Сын валяльщика шерсти») Фуад-паше. С середины столетия эти двое по очереди занимали должности великого визиря и министра ино-

странных дел. Если не считать перерыва длительностью 46 месяцев, то в период с мая 1855 года по сентябрь 1871 года на посту великого визиря постоянно находился то один из них, то другой. Вместе со своими единомышленниками они монополизировали исполнительную власть. В 1856 году Али-паша был великим визирем, а Фуад-паша министром иностранных дел.

В свое время оба они служили в бюро переводов — государственном учреждении, созданном после того, как Греция получила независимость. До этого функции переводчиков выполняли жившие в Османской империи греки, которым поручали важные государственные заказы, но греческие восстания 1821 года положили конец их доминированию в этой сфере деятельности: многие из них отправились сражаться за независимость, других преследовали как изменников, поэтому в Стамбуле осталось совсем немного переводчиков. К 30-м годам XIX столетия (когда начиналась эпоха прямого участия иностранных держав во внутренних делах империи) новое бюро переводов уже функционировало, и почти все его сотрудники были мусульманами. В разраставшемся учреждении раскрылись таланты многих молодых чиновников, которые позднее оказались среди тех, кто самым энергичным образом продвигал реформы. Работа переводчиков, главным образом дипломатическая, давала им возможность заглянуть в окружающий мир, чего были лишены их коллеги из других государственных учреждений. Характер служебной деятельности Али и Фуада не требовал от них молчаливого признания традиционных ценностей османского общества. Рациональные ценности идеального бюрократа, на которых оба они были воспитаны, склоняли их к тому мнению, что хорошее правительство разрешит проблемы, вставшие перед великими державами, которые подчинили империю. Они признавали значение религии как «культурной опоры», но считали, что выгоды, которые даст образование и торговля, снизят ее роль в обществе.

Введение в действие нового законодательства шло лихорадочными темпами. Большой раздел Указа 1856 года был посвящен внутренним реформам в греческой, армянской и еврейской общинах. Многие представители каждой из этих общин уже давно хотели ослабить контроль со стороны духовенства и уменьшить возможность коррупции среди священнослужителей. И хотя изменения были предприняты не без подсказки османских властей, конечным результатом стало более значительное участие представителей светского общества во внутренних делах этих общин. Другие инспири-

рованные указом реформы были направлены на улучшение инфраструктуры: результатом начатой в 1843 году описи сельскохозяйственных ресурсов империи стал опубликованный в 1858 году аграрный кодекс, который затрагивал вопросы частной собственности в сельской местности, налоговые скидки на доходы с таких сельскохозяйственных продуктов, как табак и хлопок, выращивание которых надлежало поощрять, и улучшение коммуникаций в сельской местности. Морской кодекс 1863 года был типичным примером свода законов, направленных на усовершенствование уже существующего законодательства, как это делал, например, торговый кодекс, создавший правовую базу для целого ряда новых видов деятельности, прежде не известных османскому обществу. В 1868 году государственный совет (взявший на себя исполнение законодательных функций основанного Мехмедом II высшего совета юстиции) учредил пять комитетов: по внутренним и военным делам, финансам, юстиции, общественным работам, торговле и сельскому хозяйству, а также по образованию. Помимо прочих, в них входили представители немусульманских общин, делегаты из провинций, а также доверенные лица деловых кругов. В период, когда империя под давлением великих держав была вынуждена реформировать свою экономику и коммерческую инфраструктуру, ее ведущие политики были готовы вполне искренне признать этот процесс средством сохранения империи и ее модернизации. Вот что отметил Али-паша в своем политическом завещании, составленном им в 1871 году для Абдул-Азиза, который стал преемником султана Абдул-Меджида:

Нам пришлось установить более тесные отношения с Европой. Это было необходимо для того, чтобы материальные интересы Европы совпадали с нашими собственными интересами. Только тогда целостность империи могла стать реальностью, а не дипломатической фикцией. Чтобы европейские государства испытывали прямую материальную заинтересованность в сохранении нашей страны и в ее обороне, мы использовали многие формы сотрудничества, необходимые для обновления империи и умножения ее богатств.

Реализация предопределенных еще Указом Гюльжане 1839 года мер по реформированию системы управления провинциями шла медленно. Личностью, с которой более всего отождествляли реформы в провинциях, был государственный деятель Мидхат-паша, ко-

торый впоследствии занял особое место в истории Османской империи, став «отцом» провозглашенной в 1876 году конституции. В первые годы осуществления программы реорганизации *танзимат* его назначали в различные комитеты и советы, но в 1855 году он изложил тогдашнему великому визирю Решид-паше свои мысли в отношении проведения реформ в провинциях, что и определило его будущую карьеру. В период между 1855 и 1864 годами, когда были введены новые предписания о провинциях, он служил (с 1861 по 1864 годы) губернатором провинции Ниш на границе с Сербией. На этом посту он раскрыл свои лучшие качества, такие как творческий подход и работоспособность. Собственный опыт решения проблем, затруднявших жизнь на окраине империи, натолкнул его на мысль о необходимости принятия закона, проект которого он составил вместе с великим визирем Фуад-пашой.

Полигоном для испытаний принятого в 1864 году закона стала недавно созданная провинция Дунай (точнее говоря, «сверхпровинция», в которую вошли три небольшие провинции: Ниш, Видин и Силистрия), а ее губернатором был назначен Мидхат-паша. Он приступил к выполнению амбициозной программы общественных работ, стал укреплять безопасность, открывать фабрики и создавать кооперативы, которые предоставляли крестьянам сельскохозяйственные кредиты по низким процентным ставкам, что было радикальной мерой в период, когда такие учреждения с трудом существовали в Европе, а учетные документы этих кооперативов показывают, что они обслуживали и мусульман, и немусульман. Помимо этого, Мидхат-паша создавал местные административные советы, члены которых избирались и в которых были представлены все религиозные группы, хотя мусульмане обычно были в большинстве. Первая официально зарегистрированная провинциальная газета империи *Туна* («Дунай»), названная так в честь провинции, стала издаваться в 1865 году. Она выходила на двух языках, турецком и болгарском, и в ней публиковались официальные постановления, обращения Мидхата к провинциальному собранию, и давались подробные отчеты о реформах — как уже проводимых, так и планируемых. Но когда Мидхат-паша попытался открыть школы совместного обучения мусульман и немусульман, он столкнулся с противодействием, которое шло со всех сторон. Выходившая в Стамбуле пресса на болгарском языке в целом высоко оценивала деятельность его администрации. Так продолжалось до тех пор, пока осторожность в отношении поднимавшейся волны болгарского национа-

лизма не заставила его прибегнуть к репрессивным мерам, за которые он подвергся острой критике местного населения. В 1867 году его отозвали в Стамбул для консультаций по целому ряду предложенных к принятию новых законов, но он поссорился с Али-пашой (великим визирем) и был отправлен губернатором в провинцию Багдад, где служил пять лет, пытаясь провести там реформы, которые он начинал осуществлять в провинции Дунай. В 1870 году султан Абдул-Азиз, который в 1861 году стал преемником своего брата Абдул-Меджида, назначил Мидхат-пашу великим визирем. Но он недолго оставался на этом посту, потому что не скрывал своего критического отношения к деятельности существующего правительства и к его кадровому составу и простодушно стремился осуществить реформы в том виде, в котором он их себе представлял, поэтому вскоре у него появились могущественные недруги.

Уступки немусульманам и подтасовка в их пользу различных между ними и мусульманами явно не принесли столь ожидаемого усиления их преданности османскому государству, хотя власти стремились к тому, чтобы они рассматривали себя прежде всего как подданные Османской империи, а уже потом как христиане или иудеи. Не удовлетворили их и новые правила по контролю за деятельностью администрации провинций. Так, для того чтобы с достаточной ясностью заявить о своем желании объединиться с Грецией, жители Крита постоянно поднимали восстания, наиболее заметным из которых было восстание 1866—1868 годов, а имевшие место в 1862 году столкновения между турецким гарнизоном пограничной крепости Белград и местными горожанами в конечном счете привели к тому, что в 1867 году османские войска были оттуда выведены. Столетиями владение такой стратегически важной крепостью оказывало большое психологическое воздействие на турок, но Али-паша, который всегда оставался прагматиком, рассматривал уход из нее как отказ от анклава, который постоянно вызывал затруднения и требовал расходов.

Но не только на Балканах мелкие раздоры заканчивались кровавыми последствиями. В 1860 году вновь разгорелась и привела к тысячам жертв вражда между маронитами и друзьями Ливана, которая со всей очевидностью проявилась еще в 1840 году, когда Ибрагим-паша ушел из Сирии. Хотя режим, установленный впоследствии центральной властью, способствовал началу длительного периода мирного сосуществования и в этом отношении был успешным, методы подавления волнений были слишком жестокими.

Во время правления Махмуда II правительство оказалось не в состоянии поддерживать свое влияние даже в расположенной на юго-востоке Малой Азии провинции Киликия, где самые могущественные из местных династий, кланы Кучукалиогуллары и Козаногоуллары продолжали игнорировать центральную власть вплоть до середины столетия, ревностно пытаясь сохранить определенную степень независимости. Сторонники Кучукалиогуллары оказали сопротивление войскам роялистов Чандарогоуллары, которые в начале столетия были направлены на их подавление. Но в 1817 году они были разбиты войсками губернатора провинции Адана. Обитавшие там, где пересекались сферы влияния турок и египтян, местные племена, как и прежде, были в состоянии игнорировать и тех, и других. Воспользовавшись неразберихой, доставшейся в наследство от противоборства Мехмеда Али-паши и Ибрагим-паши с султаном, они расширили свое влияние на соседние территории и стали безнаказанно заниматься бандитизмом, который был их главным источником финансирования. В первую очередь их жертвами становились богатые караваны с паломниками, которые следовали из Стамбула в Мекку. Признание Мехмеда Али наследственным губернатором Египта в 1840 году султаном Абдул-Меджидом привело к прекращению военных действий в регионе, а когда Ибрагим-паша покинул Сирию, Киликия вступила в период благоприятного для нее пренебрежения со стороны правительства Османской империи. Однако к 1865 году превалирующий повсюду дух реформ и убежденность в том, что хорошее управление решит вставшие перед империей проблемы, сделали необходимым установление государственного контроля над этим неподчинявшимся законам регионом. Стратегия правительства заключалась в консолидации, но угроза насилия, которую таило в себе присутствие крупного воинского контингента, получившего особые указания, означала, что цели, поставленные правительством, будут достигнуты при минимальном противодействии. Была объявлена амнистия тем, кто принимал участие в антиправительственной деятельности и уклонялся от налогов, а племенных вождей, которых перед военной кампанией предавали проклятиям как бандитов и закоренелых преступников, теперь возвращали в лоно Османской империи. Некоторых из них отправили в Стамбул, другие были назначены на административные посты в отдаленных уголках империи. Свое согласие с этим сторонники племенных вождей считали выгодным, причем даже тогда, когда это означало переход к оседлому образу жизни. На протяжении столе-

тий турки проводили последовательную политику, предпочитая либо включать, либо возвращать провинциальных смутьянов в государственной «истэблишмент», применяя железный кулак только в тех случаях, когда сбившаяся с пути сторона не проявляла никакого желания пойти на компромисс.

Столь же явный прагматизм правящие круги Османской империи проявляли и в отношении другой проблемы, которая наносила удар по самым основам исламского права. Если подушный налог был преобразован в плату за освобождение от военной службы, а проблема равноправия полов не беспокоила ни реформаторов, проводивших реорганизацию *танзимат*, ни их европейских менторов, третий вид канонического неравенства — между хозяином и рабом, стал крайне актуальной темой в тот период, когда перед британцами остро стоял вопрос об освобождении рабов. В 1807 году, следуя примеру Дании и Соединенных Штатов, Великобритания запретила работорговлю, а в 1833 году и рабовладение. В 1840 году недавно учрежденное «Британское и зарубежное общество противников рабства» заявило, что одной из его главных задач является повсеместная отмена работорговли и рабовладения. Но в Османской империи рабство нельзя было взять и просто отменить по той причине, что там оно имело канонический статус. Рабство оставалось законным до самого конца империи, а применительно к проведению реформ, вопрос о рабстве наглядно показывал, что с точки зрения культурных традиций осуществимо, а что нет.

Принятое турками решение более или менее отвечало интересам иностранных держав, но для многих в самой империи оно оказалось неприемлемым. Первым шагом, направленным на ограничение деятельности тех, кто занимался работорговлей, стало закрытие в 1846 году столетиями функционировавшего в Стамбуле невольничьего рынка. Очевидно, это было сделано по приказу султана Абдул-Меджида, хотя причины не совсем понятны. Так или иначе, но британцы несомненно были удовлетворены. В 1847 и 1849 годах соответственно, были приняты меры по пресечению торговли чернокожими рабами в Персидском заливе и в североафриканском порту Триполи, а во время Крымской войны сделаны шаги, направленные против незаконной торговли белыми рабами из Грузии и Черкесии (под давлением британцев и в соответствии с намерениями османской стороны «уменьшить, насколько это возможно, приток рабов в империю»). Когда об этих мерах стало известно в Джид-

де, там начались волнения. Опасаясь, что прибыльная торговля чернокожими рабами скоро будет объявлена вне закона, некоторые купцы обратились к Шарифу Мекки и ведущим священнослужителям с просьбой поддержать их во мнении, что реформы противоречат исламскому праву. Глава высшего духовенства Мекки издал фетву, в которой подверг резкой критике эту и другие реформы *танзимат*. Он счел их несовместимыми со священным законом. Туркам, которых называли «политеистами» и «отступниками», была объявлена священная война: «надо присоединиться к битве с ними и их сторонниками; те, кто с нами попадет на небеса, а те, кто с ними в преисподнюю; их кровь будет пролита понапрасну, а их добро станет законной добычей». В ответ правительство Османской империи проявило решимость подавить эту вспышку недовольства и предотвратить дальнейшее развитие столь напряженной ситуации.

Худшие опасения протестующих Хиджаза сбылись в 1857 году, когда вступил в силу всеобщий запрет на торговлю черными рабами. В ходе дебатов, которые к этому привели, кабинет министров империи решил, что поскольку черкесов «приводили из состояния варварства в состояние цивилизованности», и что благодаря своей счастливой судьбе они попадали в османское общество, перемещаясь из мира «бедности и нужды» в мир «благоденствия и счастья», торговля черкесскими рабами не может идти в сравнение с торговлей черными рабами. Запрет на торговлю черными рабами вполне удовлетворил британцев, которые смотрели сквозь пальцы на продолжавшуюся в то время торговлю черкесскими рабами. Для того чтобы умиротворить Хиджаз, там не был приведен в действие общий запрет на торговлю черными рабами. В тех регионах, где запрет был введен, он оказался малоэффективным и его пришлось повторно вводить в 1877 году, а потом и еще раз.

После Крымской войны Россия укрепляла свое присутствие на Кавказе, и происходило перемещение большого количества черкесов-мусульман на османскую территорию, так как значительная часть местного населения систематически изгонялась со своих земель. Они были вынуждены совершать плавание по Черному морю, чтобы добраться до портов северной Анатолии или балканских портов Констанца и Варна. Помимо того, что власти столкнулись с проблемой размещения сотен тысяч иммигрантов, дело осложняло то щекотливое обстоятельство, что многие из них являлись рабами. Османские власти сопротивлялись давлению британцев, которые настаивали на прекращении торговли черкесскими рабами, но при-

бытие на османскую землю тех, кто уже был продан в рабство, представляло собой проблему совсем иного характера. Было подсчитано, что около четверти из более чем 600 000 черкесских иммигрантов находились на положении рабов. Большинство из них были рабами, которых использовали на сельскохозяйственных работах, что было редкостью в Османской империи. Оказавшись на территории империи, многие из этих рабов потребовали для себя свободы, но их владельцы были против. Власти не ожидали, что за этим последуют акты насилия, и общественный порядок оказался под угрозой. Вопрос был болезненным и для самих иммигрантов, и для поборников священного закона, поэтому власти, проявляя осмотрительность, создали в 1860 году комиссию по делам беженцев. Перед этой комиссией стояли три основных вопроса: расселение беженцев и выделение им земельных участков; разрешение споров между хозяевами и их рабами; и продажа более могущественными черкесами своих более слабых соотечественников в рабство. Постановкой этих вопросов перед комиссией по делам беженцев, а также перед судами правительство сумело вызвать дискуссии, не имевшие ничего общего с исламским правом, которое в подобных случаях всегда применялось. В 1867 году была сформулирована ясная политика в отношении рабства среди черкесских иммигрантов. В ее основе лежал принцип, согласно которому черкесские рабы заслуживали свободы по двум причинам: реформы *танзимат* давали свободу всем подданным Османской империи, а обращение в рабство рожденных свободными мусульман с канонической точки зрения считалось неприемлемым. Однако на практике это означало, что черкесские сельскохозяйственные рабы получают вольную не сразу, а постепенно, а их хозяева получали компенсацию в виде присуждения им неиспользуемых государством земельных участков. Осуществление этой политики не отличалось последовательностью, но в долгосрочной перспективе она, несомненно, была успешной. Одним из наиболее заметных отклонений было то, что черкесские девушки-иммигрантки по-прежнему становились рабынями в гаремах тех, кто мог себе это позволить. В Османской империи подобная практика вообще не считалась рабством.

Османские политики и судьи всегда проявляли гибкость в отношении исполнения требований исламского права. Так, применительно к уголовным делам установленные канонами наказания редко исполнялись в полной мере. И при рассмотрении других дел, которые подпадали под действие исламского права, также были

редкими те случаи, когда возможность найти компромиссное решение полностью исключалась. Примерами этого были полное запрещение работорговли, но не самого рабства, вынесение судебных решений об изменении наказания и рассмотрение дел о веротступничестве без требований применить самые строгие меры наказания, предусмотренные вероучением. Однако в XIX столетии эта склонность к принятию компромиссных, с точки зрения исламского права, решений отдалила от правительства многих из тех, кого оно надеялось расположить к реформам. Османские мусульмане стали испытывать все большую тревогу, вызванную тем, что инспирированная европейцами программа перемен подрывает религиозные и культурные устои общества. В то же самое время реформы шли слишком медленно, что не могло удовлетворить европейские державы. Медленнее всего продвигались реформы в отношении немусульманского населения османских Балкан, некоторая часть которого уже испробовала пьянящее действие эликсира под названием «национальное самоопределение».

Исламская классификация общества, согласно которой немусульмане в правовом отношении отличались от мусульманского населения, внутри которого они жили, рассматривала их как деструктивную часть Османской империи. Но именно вмешательство внешних сил подготовило почву, необходимую для того, чтобы еще больше подчеркнуть эту «разделенность», что привело к выработке механизма решения данной проблемы. Столетиями православные христиане высоко ценили свободу вероисповедания, которая была им гарантирована Османской империей, и не имели склонности подчиняться правителям латинского Запада, которые, как правило, отличались меньшей веротерпимостью, но эта эпоха закончилась еще до наступления XIX века, что в значительной степени стало результатом появления на мировой арене православной державы — России. Тем не менее Греция была единственным регионом Османской империи, который добился полной независимости еще до проведения реформ *танзимат*. Впрочем, греческое государство в то время было совсем маленьким, и значительная часть территории современной Греции на протяжении всего XIX столетия оставалась неотъемлемой частью Османской империи. В эпоху неразвитых средств связи и низкого уровня грамотности большинство османских христиан оставалось равнодушным к личности своего монарха и почти не имело представления о том мире, который на-

ходил за пределами местности, в которой они проживали. Издавна связи Османской империи с внешним миром определялись специальными привилегиями, которые обычно назывались «капитуляциями». Они предоставлялись дружественным иностранным государствам султанами, преемники которых сохраняли за этими государствами полученные привилегии. Первоначально это были уступки в сфере дипломатии и торговли, направленные на то, чтобы добиться взаимных политических выгод и обеспечить османский рынок достаточным количеством редких, но жизненно важных товаров. К XVIII столетию домыслы о том, что в подобных случаях иностранцы выступают в роли просителей, постоянно опровергались, и всем было видно как они используют свои дипломатические и коммерческие возможности, чтобы внести пункты, которые отвечают их интересам, но не имеют ничего общего с подлинным предназначением капитуляций, часто принуждая османское правительство признавать эти пункты.

На протяжении всего XVIII столетия имел место рост численности немусульманского населения империи, сумевшего приобрести экстерриториальные привилегии, предоставленные благодаря капитуляциям, которые получили жившие и работавшие в империи дипломаты и купцы дружественных иностранных государств. И это несмотря на то, что по условиям подписанных в конце семнадцатого века соглашений о капитуляциях единственными османскими подданными, имевшими право на особый статус, включавший в себя освобождение от оплаты налогов и прочих обязательств, навязанных государством, были переводчики, которые обслуживали иностранные консульства и посольства. Постепенно под иностранную защиту стали попадать и другие османские подданные, работавшие на зарубежные государства, причем, как правило, это были немусульмане. Поскольку такая работа требовала наличия лингвистических способностей, лишь немногие мусульмане имели возможность ее получить. Наиболее глубокие исследования на эту тему были сделаны в отношении ситуации, имевшей место в Сирии и особенно в Алеппо. Сначала находившиеся там британцы действовали крайне осторожно, зато французы, которые понимали, какие преимущества можно извлечь из системы капитуляций, действуя уже привычным для них образом, предложили свое покровительство множеству османских православных, которые переходили в католичество, начиная с первых десятилетий XVII века. Когда

положение империи ухудшалось, злоупотребления раздачей привилегий усиливались.

Трудно с точностью определить количество османских подданных, воспользовавшихся случаем попасть под защиту иностранных государств, но статистика указывает на то, что, похоже, имела место значительная потеря доверия к империи со стороны ее немусульманских подданных. Так, например, известно, что к исходу XVIII столетия под защитой Австрии находились 260 000 жителей Молдавии и Валахии. Возможно, не является преувеличением и цифра 120 000 человек, по некоторым оценкам, соответствующая количеству османских греков, которые к 1808 году уже извлекали пользу из того, что оказались под защитой России. Теми, кто стремился перейти под защиту иностранных государств, обычно были выходцы из высших слоев общества: дело было не только в том, что государство лишалось доходов от налогов, которые они прежде платили, но и в том, что они пользовались благосклонным вниманием иностранных дипломатов, подвергавших сомнению их преданность султану. Селим III и Махмуд II прекрасно знали об этой проблеме, и каждый из них вводил меры, направленные на то, чтобы ограничить численность иностранных протеев. Начиная с XVIII столетия османские мусульмане перестали занимать доминирующее положение в торговле империи. В то время торговля с Востоком пришла в упадок, а торговля с Западом набирала обороты, поскольку османские немусульмане становились неотъемлемой частью обширных дипломатических и торговых сетей того времени, а особенно те из них, кто находился под иностранной защитой. Им было легче выехать из империи и жить в любом другом месте. И многие из них так и делали.

Таким образом, в XIX веке мусульмане занимали относительно слабые позиции в сфере экономики по сравнению с немусульманами, которые могли получать значительные доходы от международной торговли или от предоставления посреднических услуг в тех сферах, где соприкасались коммерческие интересы западных держав и Османской империи. Однако когда речь шла о политике, то немусульмане, как и прежде, имели меньше шансов на успех, чем мусульмане. Впрочем, и эта сфера деятельности была открыта для любого, кто принял ислам и тем самым получил к ней доступ, хотя и здесь были свои исключения. Обе группы были разочарованы — мусульмане тем, что их контроль над внутренней торговлей так и не

смог принести им того благосостояния, которого немусульмане добились благодаря своим связям в сфере международной торговли, а немусульмане тем, что их исключили из реальной власти и лишили возможности реализовать свои политические амбиции, которые стимулировал коммерческий успех. Подобная «специализация» вбивала клин во взаимоотношения между мусульманами и немусульманами, что только усиливало различия, выраженные в том подчиненном положении, которое традиционно отводилось немусульманам в мусульманском государстве.

Реформы *танзимат* явно способствовали еще большему разрыву между мусульманами и немусульманами и только усилили недовольство обеих групп. Немусульманам не составляло большого труда представить себе, что они могли бы стать богаче за пределами османского государства, а готовность иностранных держав выступить в их защиту сделала эту мечту вполне осуществимой. Вопреки намерениям реформаторов меры, направленные на создание «хорошего государственного управления», в некоторых отношениях оказались контрпродуктивными, потому что предоставление провинциям определенной автономии мешало централизации, которую пытался навязать Махмуд II, а регионы, в которых преобладало немусульманское население, получали дополнительный повод надеяться на то, что в будущем они будут существовать в ином качестве. Пример Греции продемонстрировал, что такие надежды могут стать реальностью.

Государственные деятели того времени знали о тяжелых проблемах которые так и не были решены реформами *танзимат*, но предложенные ими решения оказались недостаточными. Вот на что обратил внимание Али-паша в своем политическом завещании, которое он написал для султана Абдул-Азиза:

Неравные привилегии, которыми пользуются различные общины, являются результатом их неравных обязанностей. Это вызывает серьезное беспокойство. Почти все мусульмане находятся на государственной службе. Другие люди посвящают себя профессиям, которые приносят им богатство. Таким образом, последние устанавливают свое действительное и губительное превосходство над мусульманскими подданными Вашего Величества. К тому же [только мусульмане служат в армии]. В таких обстоятельствах мусульманское население, которое уменьшается с пугающей скоростью, быстро будет поглощено и станет не

более, чем крошечным меньшинством, слабеющим с каждым днем... На что может быть годен человек, который возвращается в свою деревню после того, как провел лучшие годы жизни в армейских казармах или лагерях?

...Мусульмане должны, как это делают христиане, посвятить себя [коммерческому] сельскому хозяйству, торговле, промышленности и ремеслам. Труд — это единственный товар длительного пользования. Давайте сами приступим к работе, Ваше Величество, для нас это единственный способ себя обезопасить. Еще есть время освободить мусульманское население от обязанностей, которые приносят пользу христианам... Пусть количество христиан, ставших солдатами, офицерами и государственными чиновниками, будет пропорционально их численности.

Вскоре появились явные подтверждения того, что неравный призыв на воинскую службу и насаждение западных представлений о частной собственности с помощью принятого в 1858 году земельного права оказывают вредное воздействие. Так, согласно британским источникам, в 60-е годы XIX столетия мусульмане уступали свою землю христианам, у которых были деньги, чтобы ее купить. И, кроме того, во время войны эти мусульмане находились на фронте, а не отсиживались дома.

В отличие от европейских монархов, османские султаны никогда не уезжали далеко от столицы империи, за исключением тех случаев, когда они возглавляли армию. В 1863 году, вскоре после того, как сын Ибрагим-паши Исмаил пришел к власти в качестве наследственного губернатора Египта, султан Абдул-Азиз посетил эту провинцию в тот период, когда она находилась в состоянии мира, с намерением убедить Исмаила умерить свои амбиции. Но это мало что изменило: уже через три года Исмаил добился издания указа, разрешавшего наследование должности, которую он занимал, по праву первородства, причем именно по его линии, тем самым заменив преобладавший до этого момента принцип наследования по старшинству. Кроме того, он добился и еще одной уступки, которая оставалась недостижимой для Мехмеда Али и Ибрагим-паши. Он получил право заключать договоры на свой страх и риск и брать ссуды. Его новый титул, хедив, свидетельствовал о его возвышенном положении, которое превосходило положение губернаторов других провинций империи. Хедив Исмаил оказался ревностным защит-

ником начатого Мехмедом Али эксперимента по движению в направлении независимости и, подобно своему деду, продолжал упорное соперничество со своим монархом. Абдул-Азиз явно находился под влиянием своего визита в Египет, потому что, вернувшись домой, он украсил свой новый дворец в Бейлербеи, на берегу Босфора, рисунками в эклектическом стиле на мавританские, восточные и псевдомамлукские мотивы. Нечто подобное он, должно быть, видел в Каире. Это было полной противоположностью беспредельному унынию дворца его брата в Долмабахче. Североафриканское влияние прослеживалось и в убранстве дворца Чыраган, строительство которого было завершено в 1871 году.

Если османские султаны хотя и редко, но все же покидали свою столицу помимо тех случаев, когда они возглавляли армию, то за границы своей империи они практически никогда не выезжали. Но в 1867 году Абдул-Азиз предпринял первый и последний заграничный визит османского султана. Тогда он провел шесть недель во Франции, приняв приглашение Наполеона III посетить Парижскую выставку, а затем прибыл в Лондон, где провел одиннадцать дней в качестве гостя королевы Виктории. Там он посетил военные объекты, парламент и такие учреждения, как Королевское азиатское общество и Королевский колледж хирургов. Домой он поехал через Бельгию, Германию, Австрию и Венгрию. Хедив Исмаил также посетил Парижскую выставку, и ему был оказан столь же великолепный прием. Абдул-Азиз вполне понимал, что ему грозит опасность отойти на второй план. На самом деле Исмаил был лучше знаком с Европой, чем султан, поскольку в период между 1846 и 1848 годами он учился в Париже, а в 1855 году находился там с дипломатической миссией. Как и Абдул-Азиз, Исмаил очень хотел продемонстрировать, что в его владениях быстрыми темпами идет модернизация, и желал укрепить связи с Францией. Его усилия были вознаграждены, так как в следующем году Франция предоставила Египту крупный заем.

В 1859 году начались работы по строительству Суэцкого канала. Открытый в 1869 году, этот канал заставил Британию и Францию пересмотреть свои интересы и сосредоточить внимание не на Османской империи с центром в Стамбуле, а на тех возможностях, которые теперь открывались за пределами Ближнего Востока. Кроме того, канал облегчал туркам доступ к Йемену, где с середины столетия они вели непопулярную войну с целью вновь подчинить бывшую провинцию империи. Строительство канала значительно ук-

репило авторитет хедива Исмаила, а его открытие было отмечено чрезмерно пышной церемонией. На этот раз Европа посетила Восток и была совершенно поражена. Полностью оплаченные, трехнедельные празднования стали продолжением церемонии открытия. Пирами и развлечениями сопровождался приезд многих гостей, а также закладка нового города Исмаилия. Вереницу кораблей, двигавшихся по каналу на юг, возглавляла французская императорская яхта с императрицей Евгенией на борту. Хвастовство хедива Исмаила стало причиной открытого недовольства султана, и только с помощью роскошных даров Исмаилу удалось добиться подтверждения привилегий, которые были ему дарованы.

Период между серединой 50-х и серединой 60-х годов XIX века стал временем процветания. Тогда Египет извлек пользу из резкого взлета цен на хлопок, так как по причине гражданской войны в США американский хлопок исчез с мирового рынка, и хедив Исмаил вкладывал большие суммы в железные дороги, а также в строительство канала и другие общественные работы. Для хедива, как и для египетских крестьян, окончание хлопкового бума означало долги, и Египет стал повсюду брать кредиты (чему потворствовали его западные партнеры), что к 1875 году поставило страну на грань банкротства.

Исмаил не был единственным отпрыском по линии Мехмеда Али, который вызывал беспокойство у Абдул-Азиза и его советников. Впрочем, и Абдул-Азиз не был единственной причиной раздражения Исмаила. Младший брат хедива Мустафа Фазыл-паша был одним из высокопоставленных османских бюрократов, и то, что султан Абдул-Азиз фактически закрепил передаваемый по наследству титул губернатора Египта за прямыми отпрысками Исмаила, стало причиной крушения надежд Мустафы Фазыла на то, что он станет преемником своего брата. Династическая борьба между братьями завершилась в Стамбуле, где Мустафа Фазыл, занимавший в 1863–1864 годы пост министра финансов, отвратил от себя великого визиря и стал в правящих кругах персоной нон грата. В 1866 году он уехал из Стамбула в Париж, где играл ведущую роль среди оппозиционно настроенных эмигрантов, финансируя их деятельность и осуждая османское правительство в открытых письмах султану.

Подобно своему деду, Исмаил стремился расширить владения за счет лежавших к югу территорий. После ухода европейских работорговцев из региона Верхнего Нила, который отчасти был ре-

зультатом антирабовладельческой кампании Исмаила, там образовался вакуум, который он надеялся заполнить. Вслед за шумной международной поддержкой его программы по модернизации Египта британские доверенные лица Исмаила в период с 1869 по 1885 год предприняли усилия, направленные на то, чтобы передать этот район под управление Египта, но сопротивление местных жителей заставило его экспедиционные силы отступить. По настоянию Франции и Британии султан сместил Исмаила, и когда спустя два года после этого, в 1881 году, вспыхнуло махдистское восстание, египетской армии уже не существовало, и в конечном счете Египту пришлось отказаться от своих территорий во внутренних районах Африки (территорий, которые сегодня входят в состав Судана, Сомали, Эритреи и Эфиопии), где Исмаил собирался создать свою собственную империю.

Любопытным дополнением к хронике соперничества между хедивом Исмаилом и Абдул-Азизом является история о бронзовой конной статуе, отлитой для султана в 1872 году. Очевидно, были проекты и даже планы возведения в Стамбуле памятников (не изображающих людей) в честь Указа Гюльхане и Указа о реформах, но они так и не были осуществлены. Должно быть, в 1867 году во время визитов в Лондон и Париж Абдул-Азиз видел городскую скульптуру этих столиц, а также статуи, украшавшие различные павильоны Парижской выставки, которую Исмаил тоже посещал. Вернувшись, Исмаил заказал большую конную статую своего отца, Ибрагим-паши, которая до сих пор стоит на каирской площади Азбакийя. Изваяние Ибрагима грозно указывает пальцем на северо-запад. Статуя Ибрагима появилась в Каире в 1872 году, но уже в 1868 году известия об этом заказе и описание памятника были опубликованы в стамбульской прессе, а в 1869 году султан Абдул-Азиз поручил английскому скульптору Чарльзу Фуллеру, который тогда гостил в столице, изваять свой бюст. Но мать султана была, против и Фуллер продолжал работать тайком от всех, наблюдая за Азизом, когда тот появлялся на публике. Султан содействовал стараниям Фуллера, как бы случайно проходя мимо его мастерской, чтобы скульптор мог более точно вылепить его изваяние. Фуллер был настолько удовлетворен результатом своей работы, что решил сделать вместо скромного бюста бронзовую конную статую в половину подлинного размера, и произвел измерения любимой лошади султана. Его клиент также был удовлетворен и распорядился отлить статую в бронзе. Отливка была произведена в Мюнхене, но когда судно, пе-

ревозившее статую подошло к Босфору, мать султана выбросила за борт этот столь раздражавший ее предмет. Впрочем, статую удалось спасти, и она была установлена во дворце Бейлербеи, в садах которого до сих пор находятся быки, олени и прочие твари, изваяния которых были в то время заказаны. Но и в этом хедив превзошел султана: мало того, что на всеобщее обозрение была выставлена статуя Ибрагима в натуральную величину, но как раз в тот период, когда Фуллер работал в Стамбуле, Исмаил заказал и вторую массивную конную статую, на этот раз Мехмеда Али, которая в 1873 году была торжественно открыта в Александрии.

Помимо своего соперничества с хедивом Исмаилом в области возведения конных статуй, султан Абдул-Азиз показал, что он ничем не отличается от европейских коронованных особ: еще до того, как султан Абдул-Хамид устроил в самом центре Османской империи, в Сегюте, место поклонения Осману I и его воинам, Абдул-Азиз уже «создал» соответствующую времени династическую традицию. Все монархи получают удовольствие от раздачи и получения наград и украшений, и в этой области турки заимствовали западные обычаи, как случившийся в начале XIX столетия отход от традиционной одежды сделал ту ее часть, которая прикрывала грудь достаточно плоской для того, чтобы прикреплять к ней награды. Абдул-Меджид ввел свой собственный орден, «месиди», тогда как Абдул-Азиз назвал свой орден «османи». Его намерения были вполне очевидны: на обратной стороне награды были изображены барабаны и перекрещенные знамена, а также выбита дата: 699 год по исламскому календарю (1299–1300 гг. н. э.) с явным указанием на то, что это дата основания Османской империи. В апреле 1862 года султан совершил поездку в Бурсу, чтобы возложить особый, богато украшенный драгоценными камнями экземпляр ордена Османи первого класса на саркофаг своего знаменитого предка, основателя династии, давшего ей свое имя. Этот жест символизировал его желание продемонстрировать другим монархам то, что османская династия, как и их собственные династии, имеет долгую историю, начало которой не затерялось во мгле веков, а отслеживается с момента ее зарождения.

С появлением в 1865 году тайного общества, получившего название «Патриотический союз» (небольшой и бесформенной, но влиятельной группы инакомыслящих, членов которой позднее стали называть «младотурками»), османское государство получило не-

что новое, ставшее первым проявлением политики идей, которая постепенно трансформировалась в общественную деятельность. В отличие от оппозиционеров прежних лет (таких, как анатолийские паши, которые выражали свое недовольство в семнадцатом столетии, или янычары, которые всегда были недовольны, или такие отличавшиеся своей грубостью представители народных масс, как Патрона Халил или Кабакчи Мустафа), эти люди были интеллектуалами и некоторые из них служили в бюро переводов. Таких весьма различных людей как поэт и журналист Намык Кемаль, брат хедива Исмаила, Мустафа Фазыл-паша, журналисты Шинасибей и Али Суави, а также поэт Зия-бей (позднее паша), которые были лишь немногими из ведущих деятелей этой организации, объединяло желание определить патриотизм как дополнение к национальной принадлежности. Появление такой взаимосвязи они видели в Европе. Высказывая различные точки зрения по основным вопросам своей программы и обладая весьма противоречивыми политическими взглядами, младотурки были едины во мнении, что ислам является той основополагающей структурой, внутри которой должны проводиться реформы. Направлявшие свои усилия на то, чтобы сгладить те отличия, которые издавна разделяли общество, политики-реформаторы образца 1856 года также видели необходимость создания новой основы, обеспечивающей лояльность империи. Так, например, Али-паша понимал, что если империя не сможет удовлетворить потребности своего населения (в особенности немусульманского), то оно обязательно начнет искать альтернативу. Предложенная им и его коллегами новая основа для патриотизма могла снять напряженность в отношениях между мусульманскими и немусульманскими подданными султана. Являясь европейской по духу, она вполне совпадала с теми идеями, которые вынашивали младотурки. Эта основа получила название «османизм», что также было попыткой заменить этническую и религиозную лояльность преданностью государству, главным принципом которого было равенство его граждан. Но подобный акцент весьма отличал ее от того, как это себе представляли младотурки, с точки зрения которых эти политики выбросили значительную часть исламской компоненты османского государства и слишком активно пытались угодить великим державам, делая уступки османским христианам.

Младотурки придерживались мнения, что «османизм» не может гарантировать целостности империи и что предлагаемый Али-па-

шой просвещенный деспотизм и хорошее государственное управление недостаточны для того, чтобы приостановить сепаратистские тенденции среди христианского населения. В качестве самой подходящей формы государственного управления они предлагали конституционный либерализм с прямым участием граждан, но вместо того, чтобы просто принять этот продукт европейского Просвещения, они пытались внедрить его, не выходя за рамки ислама, настойчиво подчеркивая то, что он по-прежнему играет важную роль основы османской политической культуры. Недавно появившаяся пресса стала форумом, на котором младотурки высказывали свои идеи и выражали свое критическое отношение, как к правительству, так и к европейским державам. Ценой их дерзости стало введение цензуры и ссылки. После того как в 1869 году умер Фуад-паша, а в 1871 году — Али-паша, изгнанники смогли вернуться в Стамбул.

Благодаря тому значению, которое младотурки придавали исламской идеологии, высшее духовенство, влияние которого несколько уменьшилось, возвращалось на свое выдающееся место. В начале столетия высокопоставленные священнослужители были сторонниками реформ Селима III, а в 1826 году позволили Махмуду II опереться на них во время кампании по подавлению янычар и в процессе формирования его новой армии. Однако в том же году религиозные фонды, которые предоставляли средства на содержание высшего духовенства, были объединены под эгидой нового министерства, затем, в последний период правления Махмуда, произошла дальнейшая бюрократизация, в том числе и учреждение в 1837 году отдельного ведомства шейхульислама, что ограничило сферу деятельности этого чиновника вопросами, имеющими религиозную составляющую. Кроме того, действие введенных в ходе столетия кодексов (например, уголовного кодекса 1840 года и торгового кодекса 1850 года и в особенности гражданского кодекса, подготовка к введению которого началась в 1868 году) должно было ограничить случаи применения исламского закона к семейным делам, делам о наследовании и о браке. Что касается образования, которое также являлось традиционной сферой монополии высшего духовенства, то альтернативой богословским школам сначала стали учрежденные в XVIII столетии профессиональные школы технической направленности, предназначенные для обеспечения армии и флота подготовленным личным составом. В ходе XIX столетия увеличивалось количество таких школ и расширялся диапазон их специализаций. Будущих чиновников выпускала основанная в

1859 году школа государственных служб, в которой проходили совместное обучение мусульмане и немусульмане, а также лицей Галатасарай (в котором также было совместное обучение) основанный в 1868 году на месте школы, в которой начиная с XVI века готовили пажей для двorca.

Но в этих учреждениях образование получали немногие: первоначально массовое образование не входило в намерения творцов реформ *танзимат*. Лишь незначительное число простолудинов воспользовалось возможностью получить образование в тех немногих школах, которые были открыты после 1839 года для того, чтобы заполнить годы между окончанием начальной школы и поступлением в профессиональные школы, но только в 1869 году была принята программа общего образования, целью которой было «превращение [подданных] в граждан». Принятые в 1869 году положения в полной мере удалось применить только после того, как в 1876 году на престол вступил Абдул-Хамид II, введя систему начального, среднего и последующего образования, и казалось, что она еще больше ограничит функции духовенства. Тем не менее нехватка квалифицированных специалистов, способных осуществить реформы *танзимат*, и тот факт, что лишь немногие реформы непосредственно касались высшего духовенства, означали, что священнослужители продолжали удерживать узаконенные посты на всех уровнях и были способны сохранить свое положение наставников в традиционной системе образования. Но для них нашлось место и в параллельной, модернизированной системе обучения, где они преподавали такие дисциплины, как религия, право, а также арабский и турецкий языки. До тех пор пока священнослужители сохраняли свое присутствие в системе государственного управления и реформы не выходили за рамки ислама, духовенство было готово принять участие в процессе модернизации. К тому же в XIX столетии противников реформ оказалось намного меньше, чем их было в прежние столетия, когда гораздо менее значительные новшества вызывали сомнения.

Работа над новым гражданским кодексом продолжались в течение нескольких лет. Его создатель, интеллектуал, государственный деятель и историк Ахмед Кевдет-паша был священнослужителем высокого ранга и в то же самое время являлся творцом реформ *танзимат*. Он был готов подняться на вершину духовной карьеры и стать шейхуль-исламом, но соперники не позволили ему занять этот пост. В 1866 году, когда Ахмеду Кевдет-паше было уже за сорок, ему

пришлось перейти на бюрократическую службу, где большой опыт в области исламского права и культуры стал той прочной основой, которая позволила ему внести свой вклад в дело переустройства системы государственного управления. В его понимании реформа являлась процессом, который позволяет перенести на исламскую почву западные научно-технические концепции. Это была цель, вдохновлявшая реформаторов в прошлом (отличие XIX века состояло в том, что теперь необходимость целенаправленных изменений признавали многие представители правящих кругов). В своей во многом консервативной программе Ахмед Кевдет давал рекомендации тем, кто видел опасность в необдуманном копировании западных образцов. Но оставалась проблема: насколько широкой должна быть вестернизация, и какой она должна быть?

Ахмед Кевдет-паша являлся учеником Решида-паши, и в его работе были использованы те знания о западных представлениях и обычаях, которые он получил благодаря общению с Решид-пашой. Обсуждался вопрос о принятии французского гражданского кодекса, но в дискуссии одержали победу те критики, которые считали его слишком чуждым: в основе нового гражданского кодекса должны были лежать понятные всем принципы исламского права. Новый гражданский кодекс существенно отличался от ранее применяемого исламского права тем, что он был принят в качестве государственного права и, таким образом, был применим ко всем подданным, и мусульманам, и немусульманам. На самом деле немусульманам приходилось бывать в исламских судах: у них всегда были свои собственные суды, но часто они отдавали предпочтение исламским судам. Это бывало в тех случаях, когда они предвидели, что там будет вынесено более благоприятное судебное решение. Так, в делах о наследовании, исламское право предусматривало передачу каждому наследнику четко установленной доли имущества, не позволяя делить его по прихоти скончавшегося. Составители гражданского кодекса взяли свод мусульманских законов и оформили его в виде 1851 статьи представленной в упорядоченном и доступном формате. Новый кодекс изменил применение исламского права, систематизировав положения законов, с тем, чтобы исключить судебные решения, в основе которых лежали толкования и комментарии конкретных лиц. Составители кодекса охарактеризовали исламское право как «безбрежный океан», что весьма красноречиво свидетельствовало о масштабе их работы, так как свод мусульманских законов, который так долго служил туркам, к тому времени уже

стал чем-то аморфным и непостижимым и совершенно не соответствующим духу модернизации, царившему в правительственных кругах. Однако не все сочли убедительной кропотливую работу Ахмеда Кевдет-паши: в 1870 году консервативно настроенному шейхульисламу Хасану Фехми-эфенди удалось, хотя и на короткое время, перевести работу над этим проектом в сферу ответственности своего ведомства и добиться смещения Ахмеда Кевдет-паши. В то время его упорное противодействие принятию любых западных культурных ценностей отразилось на взглядах других представителей духовенства.

До тех пор пока реформы *танзимат* не внедрились в правительственные учреждения, а их результаты не стали очевидными, ислам оставался неотъемлемой, органической стороной как общественной, так и частной жизни. Вызванное реформами медленное введение ограничений на административную роль высшего духовенства поставило под сомнение сам смысл существования духовенства. В силу этого приобрела особое значение их религиозная роль. По словам одного современного автора, ислам «перестал быть чем-то реальным и не вызывающим сомнений. Секуляризационные реформы заставили ислам стать более “исламским”... Это означало, что теперь культурный аспект считался таким же важным и таким же исламским, как и обрядовая сторона ислама». Когда старый миропорядок прекратил свое существование и люди стали понимать, что же было ими утрачено за десятилетия реформ, им показалось, что они попали в чужую страну, где их прежние культурные ценности уже не находят применения. Не последним фактором, повлиявшим на это чувство дезориентации, была та скорость, с которой преобразалось окружавшая их среда, ведь в их жизнь со всех сторон вторгалась промышленная революция. Младотурки всегда придавали особое значение и пытались сохранить исламское «ядро» в самом сердце османской культуры.

Имперская столица, куда изгнанные из нее младотурки вернулись после кончины Али-паши, не стала прибежищем свободомыслия, которое они надеялись увидеть. Али и Фуад держали султана в изоляции и властвовали от его имени: в 1863 году, вскоре после его восхождения на трон, они и группа окружавших их визирей подали в отставку, когда Абдул-Азиз не позволил им ввести меры финансового воздействия, которые они считали необходимыми для того, чтобы сбалансировать бюджет. Началась борьба самолюбий, которая очень скоро привела к замене великого визиря, после чего сна-

чала Фуад, а потом и Али были восстановлены в своих должностях. Но по причине своей монополии на власть они не оставили ни одного явного преемника на самые высокие государственные посты, и когда эти двое скончались, Абдул-Азиз вернул себе роль арбитра в государственных делах. Его поддерживал новый великий визирь, Махмуд Недим-паша, который был давним сторонником абсолютной власти султанов. И Махмуд Недим, и младотурки настаивали на том, чтобы османское государство сохраняло исламский характер, но на этом сходство их взглядов заканчивалось.

К 1871 году, несмотря на все усилия Фуада и Али, финансы Османской империи находились в плачевном состоянии. Банки стали появляться в империи начиная с 40-х годов XIX века, когда после подписания в конце 30-х годов коммерческих соглашений объем торговли с Европой возрос. А во время Крымской войны османское правительство впервые прибегло к финансовым заимствованиям за границей. Проведение реформ и реструктуризация экономики требовали расходов, а обслуживание кредитов оказалось весьма затратным делом, поэтому долг неуклонно увеличивался. Правление султана Абдул-Азиза в особенности примечательно тем, что он уделял большое внимание османскому флоту. Он собирался сделать его равным флотам Франции и Британии, и к моменту окончания его царствования в 1876 году турецкий флот насчитывал 20 крупных боевых кораблей, 4 линейных корабля, 5 фрегатов, 7 корветов и 43 грузовых судна. Первые короткие железнодорожные ветки (в районе Измира и между Чернаводэ на Дунае и Констанцей на берегу Черного моря) были проложены в годы правления Абдул-Меджида. Абдул-Азиз расширил железнодорожную сеть, предоставив одной австрийской компании концессию на строительство железнодорожной линии Стамбул—Париж, причем отрезок Стамбул—София был открыт уже в 1873 году. В том же году открылась и железнодорожная линия, соединившая Стамбул с Измитом. Улучшению внутренних коммуникаций способствовало усовершенствование существующих и строительство новых дорог в Румелии, Анатолии и Сирии, а также торговое судоходство, доставлявшее товары в порты, расположенные вдоль протяженной береговой линии империи и по течению таких крупных рек, как Тигр и Евфрат. Система телеграфной связи, которую впервые использовали во время Крымской войны, впоследствии настолько расширилась, что проникла даже в самые отдаленные районы провинций. При наличии стремительно расширявшейся сети коммуникаций привлекавшие европейских куп-

цов сельскохозяйственные культуры и полезные ископаемые можно было без труда перевезти к местам погрузки на транспорт, а затем доставить в страны промышленного Запада, капиталистические экономики которых так в них нуждались.

Последствия реформ *танзимат* и небывалая открытость османского государства воздействию со стороны внешнего мира, а также преобразования, которые этому способствовали, подрывали чувство национального своеобразия, поскольку все это ставило под сомнение то, что раньше было непреложным фактом. Мрачные предчувствия тревожили все мусульманское общество, и таких интеллектуалов, какими были младотурки, и представителей высшего духовенства, и крестьян, долю которых никак не улучшило то, что они считали неоправданными уступками в пользу крестьян-немусульман. Питательной средой для этих предчувствий стал углублявшийся финансовый кризис, который обострился по причине случившегося в 1873 году обвала международной фондовой биржи. После этого османское правительство уже не могло получить новые внешние кредиты. Наводнения и засуха привели к голоду во всей Малой Азии. Последовавшая за этим гибель людей лишила казначейство налоговых поступлений. В 1875 году правительство заявило, что оно не может производить выплаты по своим долгам и объявило мораторий.

Франко-прусская война 1870–1871 годов закончилась поражением Франции, и теперь одна Британия поддерживала идею сохранения Османской империи и в особенности нейтральный статус Проливов. Россия воспользовалась появившимся шансом и, ссылаясь на нарушения Парижского договора 1856 года, добилась отмены тех статей договора, которые запрещали ее военным кораблям входить в Черное море. Теперь большое влияние приобретали консервативные державы: в 1872 году императоры Австро-Венгрии и России отправились в Берлин, чтобы оказать честь первому императору Германии. В тот период три абсолютные монархии на неофициальном уровне достигли взаимопонимания, что в других государствах Европы истолковали как жест, направленный против поднимавшейся волны либерализма. Но на Балканах столкнулись интересы двух из этих трех держав: если Россия мечтала о том, что все славяне, в том числе и те, которые находились в Австро-Венгрии, окажутся под ее влиянием, то сама Австро-Венгрия опасалась националистических волнений среди тех же самых славян. Начи-

ная с Крымской войны, Австрия сталкивалась со следующей дилеммой: либо присоединиться к Франции и Британии, либерализм которых предполагал самоопределение меньшинств, либо к России, которая своими размерами грозила отбросить Австрию на второй план, а православием способствовала разжиганию славянских волнений. Наводнение, засуха и голод, от которых в начале 70-х годов пострадала сельскохозяйственная Анатолия, оказали воздействие не только на нее, но и на большие и малые города балканских провинций. Чтобы компенсировать потери от резкого снижения налоговых поступлений из находившихся к востоку от Стамбула пострадавших районов, сельскохозяйственная экономика которых пришла в полный упадок, были увеличены налоги в балканских провинциях. В июле 1875 года в пограничной провинции Герцеговина вспыхнуло вызванное увеличением налогов восстание, которое вскоре охватило и соседнюю Боснию, что немедленно вызвало беспокойство Австро-Венгрии. Россия и Австро-Венгрия вмешались в конфликт на дипломатическом уровне, предложив провести в этих двух провинциях ряд административных реформ. Султан Абдул-Азиз был вынужден признать, что без реформ волнения не остановить, но этим он только лишней раз продемонстрировал своим подданным, что султан Османской империи не в состоянии противостоять внешнему давлению.

При таком стечении обстоятельств глубокие культурные сдвиги и унижение, которые испытывало большинство османских мусульман, нашли свое выражение в резкой критике правительства за то, что оно угождает иностранным державам. В марте 1876 года в Стамбуле появился нелегально изданный памфлет под названием «Обращение к мусульманским патриотам» с требованием сформировать консультативное собрание представителей. Весьма вероятно, что к этому памфлету приложил руку Мидхат-паша, ставший одним из главных сторонников конституционных реформ.

Среди студентов-теологов, которые и были теми самыми «мусульманскими патриотами», по-видимому, нашли отклик выдвинутые младотурками требования принять конституцию, так как в самом начале мая тысячи студентов заполнили улицы Стамбула, как это до них делали недовольные янычары и ремесленники. В главных мечетях города они устраивали митинги, на которых звучали горячие речи с критикой правительства и шумные требования сместить пророссийского великого визиря Махмуда Недим-пашу и шейхульислама Хасана Фехми-эфенди. Во дворце согласились (хотя

и после некоторых колебаний) удовлетворить их требования, но это не успокоило волнения, и теперь стали клеветать на самого султана. В попытке пресечь распространение сведений и слухов, которые накаляли ситуацию, он распорядился ввести цензуру прессы и временно приостановить работу телеграфной связи, что не помогло: в конце месяца, на протяжении которого напряженная ситуация в Стамбуле грозила в любой момент закончиться вспышкой насилия, султан Абдул-Азиз был низложен.

Несколько влиятельных правительственных чиновников стали участниками заговора с целью смещения Абдул-Азиза. Среди самых активных были консервативно настроенный военный министр Хусейн Авни-паша, председатель военного совета Редиф-паша и начальник военной академии Сулейман Хусню-паша. Разочарования и мрачные опасения, которые испытывали в самом центре власти, были очевидны, и в разговоре с Сулейманом Хусню, в ходе которого рассматривалась возможность смещения султана Абдул-Азиза, Хусейн Авни назвал одну область, положение дел в которой вызывало у него беспокойство:

Набирают силу слухи о том, что Махмуд Недим-паша снова станет великим визирем. Нет никаких сомнений в том, что страна подвергнется притеснениям со стороны России и ее военному вторжению. Султан Абдул Азиз русофил. Бросаются в глаза признаки надвигающейся катастрофы и опасного состояния государственных дел.

В последующем отчете об этих событиях и о своем в них участии, а именно из него и взята данная выдержка, Сулейман Хусню-паша сообщал о том, что Хайрулла-эфенди, который был преемником Хасана Фехми-эфенди на посту шейхульислама, видел сон, истолкованный им как данное свыше позволение низложить султана, что указывает на его заинтересованность в том, чтобы впоследствии заговорщиков не обвинили в противозаконности их действий. Этот сон предоставил Хайрулле-эфенди возможность издать фетву на смещение Абдул-Азиза, а это позволило Сулейману Хусню заявить о том, что «наша цель будет настолько законной и легко выполнимой, что не вызовет никакой критики».

Государственный переворот был тщательно спланирован. Абдул-Азиз находился в расположенном на берегу дворце Долмабахче, там

же был и ближайший претендент на трон, старший сын Абдул-Меджида, Мурад. Проблемой, которая стояла перед заговорщиками было то, как вывести принца Мурада из его покоев, сделав это так, чтобы его можно было провозгласить султаном, не вызвав подозрений. Ночью 30 мая Сулейман Хусню-паша в сопровождении военных вошел во дворец и обнаружил, что принц Мурад (которого ознакомили с планом низложения) уже их ожидает. Они скрытно посадили его в экипаж и доставили к шлюпке, на которой он переправился в Сиркеси, где его посадили в другой экипаж и привезли в военное министерство, находившееся в городском квартале Баязид (ныне в этом здании размещается ректорат Стамбульского университета). Там ему принесли клятву верности великий визирь Мехмет Рушту-паша, Хусейн Авни-паша, Хайрулла-эфенди, Мидхат-паша и несколько других государственных деятелей, среди которых был шариф Мекки, Абд аль-Мутталиб. Теперь нужно было вывезти Абдул-Азиза из дворца Долмабахче до того, как туда вернется султан Мурад. Под покровом темноты войска окружили дворец со стороны берега, а военные корабли блокировали Босфор. В полном соответствии с тщательно разработанными планами заговорщиков, орудия этих кораблей открыли огонь, чтобы разбудить Абдул-Азиза, а затем ему сообщили о том, что он низложен. Его самого и членов его семейства, в том числе двух его старших сыновей, его мать и его камергера, Фахри-бея, посадили на шлюпки, которые под проливным дождем вышли в море и высадили их на берегу южнее дворца Топкапы, откуда убогого вида коляска и вьючное животное доставили всю группу во дворец, где для них отвели новые покои. Тем временем султан Мурад V водным путем вернулся во дворец Долмабахче.

На самом деле заговорщикам повезло, что их деятельность осталась нераскрытой. Как раз перед отъездом из дворца Мурад послал своему брату Абдул-Хамиду записку следующего содержания: «Они меня увозят, не знаю на чём и зачем. Я вверяю своих детей и свою семью, во-первых, заботам Всевышнего, а во-вторых, твоим заботам». Напуганный посланием Абдул-Хамид опасался, что подобная участь грозит и ему самому. Поэтому он потребовал, чтобы ему принесли оружие для того, чтобы он мог себя защитить. Эта хитрость удалась, но отъезд Мурада из дворца Долмабахче вместе с Сулейманом Хусню и его людьми был замечен слугами султана Абдул-Азиза, которые наблюдали за ними из окон дворца, но они пред-

положили, что принца забирают потому, что он совершил преступление, за которое, как они надеялись, его отправят в изгнание или казнят.

С приходом нового султана появились надежды на то, что вот-вот начнется новая эпоха. Согласно воспоминаниям Сулеймана Хусню-паши, в тот самый день, когда Мурад вступил на престол, Мидхат-паша (который тогда был министром без портфеля) представил своим коллегам проект подготовленной им тронной речи, в которой Мурад V должен был объявить о конституционном правлении и гарантировать ответственность министров. Великий визирь и Хусейн Авни-паша были против столь радикальных изменений государственного курса, поэтому в окончательной версии тронной речи от этого весьма щекотливого пункта остались одни туманные намеки, а горячие перепалки между ведущими политиками, которые впоследствии встречались, чтобы обсудить будущее страны, не сделали ее перспективы более ясными, чем они представлялись до низложения Абдул-Азиза.

Но впереди были еще более драматические события. Абдул-Азизу не нравился дворец Топкапы, и через четыре дня после своего прибытия его вместе с ближайшими домочадцами перевезли во дворец Ферийе, находившийся на берегу Босфора, к северу от дворца Чыраган. То, что Абдул-Азиз отклонил предложение султана Мурада переехать в Бейлербеи, вполне устраивало Хусейна Авни-пашу, считавшего, что этот дворец будет слишком сложно охранять. В своих мемуарах Ахмед Кевдет-паша не без иронии заметил, что апартаменты, в которых поселился Абдул-Азиз, были им же построены для Мурада и по своей прочности не уступали крепости. Оказалось, что низложенный султан сам для себя приготовил тюрьму. Но еще большую иронию судьбы он усмотрел в том факте, что, потратив массу денег на свое увлечение строительством современного флота, Абдул-Азиз оказался заблокирован с моря. Даже жизнь на берегу Босфора стала для него невыносимой. В своих глубоко личных воспоминаниях об унижениях своего владыки Фахри-бей описал как те, кто охранял бывшего султана, насмеялся над ним, отказывая ему и его домочадцам даже в таких насущных потребностях, как чистая питьевая вода. Всего через несколько дней Абдул-Азиза нашли мертвым. Осмотрев труп, девятнадцать известных врачей пришли к единодушному заключению, что это было самоубийство.

15 июня, когда в доме у Мидхат-паши проходило совещание министров, туда ворвался офицер, который застрелил Хусейна Авни-

пашу и министра иностранных дел Мехмеда Решид-пашу. Недавно умершая сестра этого армейского офицера была одной из младших жен Абдул-Азиза. Черкес Хасан, а именно так звали офицера, был адъютантом старшего сына Абдул-Азиза, принца Юсуфа Иззеддина, а восхождение Мурада на трон разрушило все его надежды на то, что Юсуф когда-нибудь станет султаном. Это дерзкое убийство так сильно взволновало османских политиков, что они и члены их семей стали носить с собой револьверы или кинжалы. Черкес Хасан был вздернут на дереве на площади Баязид.

Когда Хусейн Авни-паша сошел с политической сцены, господствующее положение заняли те, кто был за введение либеральной конституции. На их стороне оказался и Мидхат-паша. Хотя образ его мыслей весьма отличался от их мышления и отношения между ними порой становились непростыми, Мидхат-паша, как и младотурки, был убежден в том, что важнейшим элементом реформ является конституционное собрание. Кроме того, он утверждал, что смещение Абдул-Азиза является предвестием конституционных реформ и что оно было осуществлено в полном соответствии с волей народа. Но складывалось впечатление, что новый султан недееспособен: обстоятельства его внезапного восхождения на трон при помощи вооруженной охраны, за которым последовало потрясение, вызванное несвоевременной гибелью Абдул-Азиза и двух его министров, по всей видимости, стали теми причинами, которые ослабили его умственные способности. Политики начинали понимать, что он совсем не подходит на роль правителя империи, которая вступила в период кризиса.

Султан Мурад V занимал трон всего три месяца, а потом заключение врачей, признавших его непригодным к правлению, а также фетва, узаконившая смещение султана, который был душевнобольным, подготовили почву для его низложения. Вот как об этом высказался один рифмоплет того времени: «В [году] 93 [по исламскому календарю] он был падишахом 93 дня; [потом] султан Мурад Разочарованный отправился на покой». До того как его схватили во время политической сумятицы, вызванной борьбой за трон, его психическое здоровье не вызывало сомнений. Он вел такой же свободный образ жизни, как и любой европейский престолонаследник. В 60-е годы он вместе с Абдул-Азизом совершал поездки в Египет и Европу, принимал участие в жизни светских салонов Стамбула, где встречался с интеллектуалами, светскими красавицами и наносил визиты иностранцам. Он любил музыку и был талантливым компо-

зитором, а также умелым плотником и мебельщиком. В начале 70-х годов, когда после смерти Али-паши младотурки вернулись из Парижа, Мурад с интересом прислушивался к суждениям одного из их ведущих мыслителей, Намыка Кемалья*. 31 августа 1876 года брат Мурада стал султаном Абдул-Хамидом II. Мурад был взят под домашний арест во дворец Чыраган.

Именно в эти месяцы, и частично вследствие вышеизложенных событий, туркам стала угрожать опасность лишиться поддержки единственного союзника, на которого они рассчитывали с самого начала столетия. Британия, так долго считавшаяся истинным другом империи, была убеждена в том, что подписанные после окончания Крымской войны соглашения являются лучшей гарантией сдерживания русского экспансионизма. Но банкротство османского государства, национально-освободительные восстания и быстрая смена двух султанов могли лишь укрепить позиции критиков прежней политики Британии, которые считали, что настало время изменить политический курс. Разумеется, отношения Британии с Османской империей никогда не были совершенно непредубежденными, но установленный баланс нарушило то негодование, с которым британское общественное мнение встретило известия о жестоком подавлении волнений болгарского населения. Вспыхнувшие в апреле 1876 года в районе расположенного между Эдирне и Софией Пловдива, эти волнения были подавлены нерегулярными силами, состоявшими из черкесов, которые после захвата мусульманских государств Кавказа Россией, в 1864 году были депортированы из своих земель и переселены турками в район Пловдива. На самом деле резня христиан в районе Пловдива достигла небывалого масштаба, но численность погибших во время «болгарских злодеяний», а именно так называла эту резню тогдашняя британская пресса, была преувеличена, чему всячески способствовал русский посол в Стамбуле, граф Николай Игнатьев. К этим шумных протестам присоединил свой голос и Гладстон, который не удосужился

* Когда Мурад вступил на престол, Намык Кемаль вернулся из трехлетней ссылки на Кипре, причиной которой был восторженный прием, оказанный его пьесе «Отечество». Эту пьесу он посвятил тому, как мусульмане и турки понимают идею патриотизма. Абдул-Азиз считал сделанные в ней намеки слишком опасными, особенно после того, как зрители стали требовать восхождения на трон Мурада.

изучить исторические обстоятельства, ставшие причиной появления черкесов на Балканах. Вот о чем напоминает нам один современный историк:

Должно быть, у черкесов возникло недоверие, а может быть, и ненависть к христианам после того, что им довелось испытать во время кавказских войн и своего вынужденного изгнания. Кроме того, сражавшиеся в Сербии и Боснии болгары подвергали черкесов пыткам и прочим жестокостям. Поэтому они сразу же стали их врагами. Похоже, черкесы не видели больших различий между русскими, которых они давно знали и ненавидели, и болгарами.

Уже не в первый раз взволнованные британцы и другие европейцы пренебрегли тем неудобным фактом, что от рук повстанцев погибло много мусульман.

В России эти массовые убийства вызвали сильное негодование. До того времени, при всем своем воинственном популизме в отношении османских православных христиан и османских славян, Россия не решалась открыто поддерживать националистические движения, поскольку они могли подтолкнуть ее многочисленное нерусское население на поиски способов обретения независимости. Но когда в июле 1876 года сербские и черногорские войска пересекли границу и вторглись в Болгарию с запада, а потом были разбиты османскими вооруженными силами, Россия провела мобилизацию. Теперь Британия уже не видела пользы в том, чтобы, как прежде, поддерживать Османскую империю, и чтобы уладить этот вопрос, попыталась организовать конференцию держав. Выдвинутые на этой конференции предложения имели целью ограничить владычество Османской империи в Европе, оставив под ее управлением Албанию, северное побережье Эгейского моря и восточную Фракию. Османское правительство отклонило эти предложения и заключило мир с Сербией. В то же самое время европейские державы сократили свои требования до нечетко сформулированной надежды на то, что в Болгарии и Боснии-Герцеговине будут проведены реформы. Россия отказалась давать обратный ход проведенной мобилизации, и после того, как 24 апреля 1877 года она объявила войну, регион был втянут в конфликт, на протяжении которого русские войска продвигались по османской территории в направлении Эдирне, встретив серьезное сопротивление только в районе нахо-

дившейся на севере Болгарии крепости Плевна. Тем временем на востоке русские войска наступали в направлении Эрзурума. Война закончилась 31 января 1878 года перемирием, которое было заключено в Эдирне. С момента окончания Крымской войны турки почти двадцать лет пользовались благами мира. Возобновление борьбы с Россией, несомненно, обошлось им слишком дорого.

Ни Австрия, ни Британия не могли признать победу России. Через несколько дней после заключения русско-турецкого перемирия британская эскадра встала на якорь возле островов Принцев, находившихся в непосредственной близости от Стамбула, что заставило русскую армию на Балканах двигаться в направлении морского курорта Йешилкёй (Сан-Стефано), находившегося неподалеку от того места, где ныне расположен главный аэропорт Стамбула. Русская армия получила приказ занять столицу, если британские корабли войдут в Босфор. Возникла угроза войны между Британией и Россией, но этого удалось избежать. Условия, которые Россия навязала туркам по Сан-Стефанскому мирному договору, оказались крайне тяжелыми: простиравшаяся от Черного до Эгейского моря Болгария, а также Босния и Герцеговина должны были стать автономными. Румыния (государство, основанное в 1861 году, в состав которого вошли ранее зависимые от Османской империи Валахия и Молдавия), Сербия и Черногория получали османские территории и становились независимыми. На востоке русские занимали Карс, Ардаган, Батум и Догубаязет. Односторонняя позиция русских вызывала особую тревогу у Греции, поскольку в новую Болгарию, которую пыталась создать Россия, должны были войти Македония и другие области, считавшиеся скорее «греческими», чем славянскими. К тому же это вызвало раздражение Британии и Австрии. Впрочем, на руку несогласным сыграло то, что возникла необходимость в дальнейших дипломатических обсуждениях, так как намеченное Россией далеко идущее территориальное переустройство Балкан являлось настолько радикальной трансформацией положений Парижского договора, что потребовалось провести консультации со сторонами, подписавшими этот договор. Условия, которые Россия продиктовала туркам в Сан-Стефано, были до некоторой степени смягчены на конгрессе, состоявшемся в Берлине в период между 13 июня и 13 июля 1878 года. На нем присутствовали представители Британии, Австро-Венгрии, России, Османской империи, Германии, Италии и Франции. Следствием этого конгресса стал

Берлинский договор, который в сущности ознаменовал окончание векового османского владычества на Балканах.

По условиям Берлинского договора Болгария была разделена на три части: в зону российского влияния вошла недавно ставшая автономной северная часть, а под управлением Османской империи оставалась созданная в центре полуавтономная провинция Восточная Румелия и южная часть. Кроме того, Россия получала южную Бессарабию, а также Батум, Карс и Ардаган. Благодаря усовершенствованию вооружений и системы управления войсками, а также вследствие введенного еще в Крымскую войну расширения категорий лиц, подлежащих призыву на воинскую службу Россия сумела победить османскую армию, но оказалась недостаточно сильной, чтобы противостоять давлению Британии и Австрии. Согласившись с ними в Берлине, Россия, по мнению современных историков, уступила. Тем не менее Россия сумела навязать туркам обязательства по выплате контрибуции на сумму 802,5 млн французских франков вместо захваченных ею территорий, с которых потом она ушла, выполнив условия договора. Россия не делала никаких капиталовложений в Османскую империю, а значит не могла надеяться на то, что турки рассчитаются с ней по долгам, и поэтому она рассматривала контрибуцию как возможность получить свою часть тех дивидендов, которые другие державы извлекли за счет ее давнего врага. Заявляя о том, что Россия требует первоочередного погашения из всех доступных средств, российские послы могли оказывать противодействие перспективным для империи инвестиционным проектам других держав и самого османского правительства.

Австро-Венгрия не являлась участницей войны 1877–1878 годов, но стабильность на Балканах требовала, чтобы и она получила выигрыш, необходимый для того, чтобы сбалансировать завоевания России, и поэтому ей передали Боснию и Герцеговину. В Берлине формально признали независимость Сербии, Румынии и Черногории, но эти государства не устроило то, как определили их границы, что наверное было неизбежно. Перед Берлинским конгрессом султан передал Кипр под контроль Британии в обмен на ежегодные выплаты и нечетко сформулированное обещание оказать военную помощь, если в будущем Россия вторгнется в восточную Малую Азию. Это было сделано из опасения, что в противном случае британцы не поддержат турок в Берлине. Таким образом, Британия приобрела на Ближнем Востоке «передовую базу», с которой могла про-

тивостоять любой потенциальной угрозе, которой Россия могла подвергнуть восточные рубежи Османской империи. Что касается России, то ей пришлось умерить свои территориальные амбиции на Балканах, и она переориентировала свою стратегию, сосредоточив внимание на Центральной Азии. Теперь судьба Османской империи стала еще прочнее, чем прежде, связана с безопасностью британских коммуникаций с Индией.

Война 1877–1878 годов и Берлинский договор, который положил ей конец, ускорили достижение наивысшей точки того процесса, который начинался с поражений, нанесенных туркам Габсбургами в последние годы XVIII столетия: империя потеряла более трети своих территорий и лишилась значительной части своего немусульманского населения. Еще оставшиеся крупные общины немусульман, греческая и армянская, не были сконцентрированы в отдельных районах, как сербы, болгары и прочие, и явно не представляли угрозы дальнейшего сепаратизма. Обязательство провести реформы в армянских провинциях восточной и северо-восточной Малой Азии обсуждалось с британцами на переговорах по заключению Кипрской конвенции и было включено в Берлинский договор благодаря действию армянского лобби на европейских политиков. Это не предвещало ничего хорошего в будущем, хотя упомянутые реформы были лишь слабым подобием независимости или автономии, которых добились некоторые немусульмане. Многие османские греки извлекли выгоду из указов о реформах 1839 и 1856 годов, но все же были и те, кто уехал из империи в независимую Грецию. Некоторые из таких переселенцев обнаружили, что условия жизни на их «родине» хуже, чем были там, откуда они приехали (после получения независимости Афины представляли собой лежавший в руинах провинциальный городишко, которому нечего было предложить утонченным османским грекам, и который в культурном и финансовом отношении не шел ни в какое сравнение с такими городами, как Стамбул, Фессалоники или Измир) и позднее они вернулись в империю.

После заключения Берлинского договора Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, но это решение оказалось не вполне удачным. Выполняя взятое на себя обязательство, Вена нарушала хрупкое внутреннее равновесие империи Габсбургов, поскольку принимала под свое управление провинции, население которых в значительной степени состояло из православных сербов, а значит было восприимчивым к посулам новой российской докт-

рины под названием панславизм. Опыт Венгрии, где начиная с 1867 года пытались «мадьяризировать» собственное славянское население, заставил испытывать тревогу ее лидеров, которым теперь грозила перспектива взять под свой политический и административный контроль еще более многочисленное население. Дело было не только в том, что многие мусульмане Боснии и Герцеговины теперь тоже переходили под управление Вены, но и в том, что борьба с движениями за национальную независимость, которая была головной болью Османской империи, теперь становилась головной болью Австро-Венгрии. Империя Габсбургов, как и Османская империя, стала государством, население которого состояло из различных национальных групп и принадлежало к различным вероисповеданиям. И так же, как Османская империя, Австро-Венгрия была слишком слаба, чтобы оказать сопротивление России, с которой она вступила в союз. То что Британия отказалась от постоянного курса в отношении Османской империи, отчасти объяснялось тем фактом, что после Берлинского договора у турок осталось на Балканах слишком мало территорий, которые надо было защищать от России или Австрии. Теперь перед всеми державами, у которых были интересы в этом регионе стояла, сложная проблема: как найти новую структуру, которая обеспечила бы стабильность зачастую не вполне жизнеспособных независимых или полуавтономных балканских государств, ставших преемниками Османской империи.

Глава 15

ИСЛАМСКАЯ ИМПЕРИЯ

С Абдул-Хамидом II история обошлась более жестоко, чем с любым другим султаном. Подобно тому, как это случилось с Сулейманом I или, как его называли на Западе, Сулейманом Великолепным, легенды и вымыслы заслонили собой подлинные обстоятельства его жизни. Но если Сулейманом повсюду восхищаются, как образцовым султаном, то Абдул-Хамид является воплощением всего самого предосудительного, что Запад связывал с Османской империей. До наших дней дошел образ «Абдула Проклятого» или «Красного султана» — жестокого, страдающего паранойей отпрыска правящей династии, дни которого сочтены. Этот образ является отражением умонастроений европейских политиков того времени, которые алчно присматривались к владениям этого султана. В 1876 году, после столкновений на национальной почве и массовых убийств, имевших место в том году в Болгарии, Уильям Гладстон осудил султана и его народ, заявив, что «с первого злополучного дня своего появления в Европе они остаются самой антигуманной разновидностью человечества».

В современной Турции есть два противоположных взгляда на Абдул-Хамида: недавно один исследователь эпохи его правления написал, что политических деятелей того времени приходится «защищать и от порочащих их кемалистов, и от их же собственных “почитателей” из числа самых ревностных сторонников турецкого права», и кроме того, от западных очернителей Абдул-Хамида. «Порочащие их кемалисты» — это люди, оценивающие последние годы существования Османской империи как наполненное мракобесием и довольно постыдное прошлое, от которого их страна избави-

лась благодаря руководству и прозорливости Мустафы Кемаля [Ататюрка]. С точки зрения кемалистов правление Абдул-Хамида стало тем переходным периодом, который привел к новой эпохе, начавшейся с окончательного крушения империи и создания в 1923 году Турецкой республики. С точки зрения «ревностных сторонников турецкого права», Абдул-Хамид, напротив, является героем, султаном, который после экспериментов с реформами *танзимат* вернулся к более консервативному курсу, вновь сделал акцент на исламском характере османского государства и отстаивал интересы именно мусульманской части населения, причем в их толковании немусульмане рассматриваются как главная причина кризиса, который привел империю к ее краху.

Если отправной точкой западных суждений об Абдул-Хамиде является утверждение, что поздняя Османская империя была инертным государством*, то в турецких версиях используются те аспекты исследуемого периода, которые соответствуют современным политическим целям. Несмотря на всю свою противоположность, эти оценки выявили поворотные моменты, указав на такие важнейшие события, как разрешение так называемого «восточного вопроса», использование Абдул-Хамидом ислама как консолидирующей силы, скрепляющей его разваливающуюся империю, страдания, которыми сопровождался конец этой империи, и поиск новой и незыблемой структуры национальной государственности. Но эти оценки необходимо исследовать в контексте того времени, когда они были сделаны, а не использовать их как доводы в пользу реализации каких-либо современных планов.

До сих пор непонятны причины, сделавшие Абдул-Хамида столь подозрительной личностью. Не исключено, что до восхождения на трон формирование его личности проходило под влиянием каких-то внешних факторов, но насилие, которым это восхождение сопровождалось, могло привести в замешательство даже человека, обладавшего самой устойчивой психикой. Вот мнение одного современного специалиста:

В нем поразительным образом сочетались решимость и мягкость, пронизательность и фантазия, которые скрепляла его потрясающая житейская осмотрительность и врожденное пони-

* Эрик Хобсбаум довольно резко по меркам либерализма XIX века назвал ее «самым очевидным эволюционным ископаемым».

мание основных принципов использования власти. Его часто недооценивали. Судя по документам его архива, он был грозным правителем для своих подданных и весьма умелым дипломатом.

Будучи ценителем драматического искусства и европейской музыки, Абдул-Хамид построил в своем дворце Йылдыз очаровательный театр, где наслаждался и тем, и другим. Подобно Мураду V, он был умелым мебельщиком, и приписываемые его авторству предметы мебели можно и сегодня увидеть во дворцах Йылдыз и Бейлербеи. Оказывается, ему очень нравилось слушать детективные истории о Шерлоке Холмсе, которые ему читали перед отходом ко сну. По мнению хорошо его знавшего венгерского ученого и британского агента Арминия Вамбери, он был «подлинным воплощением буржуазного монарха».

В самый разгар шумных протестов, которые предшествовали смещению султана Абдул-Азиза, Мурад, как престолонаследник, заявил, что, став султаном, он будет благоприятствовать принятию конституции. Когда стало ясно, что он больше не может оставаться на троне, похожее обязательство было взято с Абдул-Хамида, который дал его скрепя сердце. Хотя в речи, которую новый султан произнес, как только взошел на престол, не было никаких упоминаний о конституции, он сдержал свое обещание и провел совещания, на которых обсуждались достоинства различных конституций. Казалось, что то, к чему так стремились младотурки (которых было совсем немного), наконец-то могло быть реализовано. Они не были едины в своих целях и в методах достижения этих целей, но их идеи можно было охарактеризовать как «защита либеральных ценностей с помощью исламских аргументов». Это отличалось от того, что младотурки рассматривали как предпринятую «бюрократами реформ *танзимат*» имитацию западных норм, которая привела к отрыву османской политической культуры от ее исламских корней. 23 декабря 1876 года, через три месяца после своего вступления на престол, и как раз в тот момент, когда великие державы обсуждали способы выхода из кризисов в Боснии-Герцеговине и Болгарии, Абдул-Хамид объявил о принятии османской конституции и создании османского парламента.

Возглавив комиссию по созданию конституции, Мидхат-паша предпринял решительные шаги, направленные на то, чтобы придать ей такую форму, которая бы гарантировала выполнение новых

политических договоренностей. За четыре дня до ее обнародования он был назначен великим визирем, но уже через шесть недель после этого его выслали из Стамбула в Бриндизи, что было редкостью, так как обычно отправляли в ссылку в какой-нибудь дальний угол империи, а не за границу. Абдул-Хамид всегда относился с недоверием к Мидхат-паше, который низложил двух султанов. Конституция 1876 года (в отличие от указов 1839 и 1856 годов) не смогла удовлетворить европейские державы, которые решали судьбу империи, а Россия продолжала проводить военную мобилизацию. Оставленное Мидхатом политическое наследие просуществовало до 14 февраля 1878 года. В тот момент, когда британская эскадра вошла в Мраморное море и мирные переговоры с русскими должны были вот-вот начаться, султан Абдул-Хамид приостановил действие конституции и назначил перерыв в работе первого османского парламента. Это случилось менее чем через год после его официального открытия, состоявшегося 19 марта 1877 года. Абдул-Хамид не был уверен в том, что непроверенная и не вполне понятная форма государственного управления может спасти империю от кризисов, которые на нее обрушились. Он считал, что спасения можно достичь, только повернув вспять либеральные и конституционные течения, представленные Мидхат-пашой и его сторонниками, и вернув султану те властные полномочия, которые в результате реформ *танзимат* перешли к правительству и бюрократии. Главным приоритетом Абдул-Хамида было удержать то, что еще осталось от владений Османской империи, на что была направлена вся его последующая политика.

Один из членов группы, в которую входили младотурки, самым удивительным образом оказался в центре общественного внимания. В мае 1878 года радикальный журналист Али Суави возглавил заговор, целью которого было восстановление на троне Мурада V. Это была третья за время правления Абдул-Хамида попытка вернуть на престол бывшего султана, и она оказалась самой драматичной. После восхождения на трон Абдул-Хамида Али Суави вернулся в Стамбул из Парижа, где он находился в изгнании, и был назначен на должность в правительстве, но вскоре впал в немилость. Он стал открыто высказывать свое мнение и писать в прессе о тяжелом положении империи, а 20 мая 1878 года ворвался во дворец Чыраган во главе отряда из 250 забияк — недовольных мусульман, которых недавняя русско-турецкая война заставила переселиться из Болгарии в Стамбул. Осведомленный об этом заговоре, Мурад был одет

и ожидал их, но Али Суави и 23 его сообщника были убиты дворцовой охраной, еще 30 получили ранения, а многих других арестовали. Мурада сначала перевели в один из павильонов дворца Йылдыз, находившегося на холмах, возвышавшихся над дворцом Чыраган, а потом его держали под строгим наблюдением во дворце Ферийе, где закончил свои дни Абдул-Азиз. В ходе расследования этого инцидента выяснилось, что в нем принимали участие интеллектуалы и политики, которые впоследствии были приговорены к трем годам каторжных работ, денежным штрафам, тюремному заключению или ссылке в отдаленные районы империи.

Султан Абдул-Хамид рассматривал Берлинский договор как сговор направленный против Османской империи и ислама. По условиям этого договора империя лишалась восьми процентов своей территории (в основном богатых и плодородных земель) и почти двадцати процентов населения. Из приблизительно 4–5 миллионов бывших подданных империи большинство составляли христиане. Следствием этого стало увеличение доли мусульманского населения империи. Эта доля увеличилась еще больше за счет того, что во время войны 1877–1878 годов и после ее окончания имел место значительный приток мусульманских беженцев с Кавказа, а также из Крыма, Казани и Азербайджана. Многим из тех, кто находился во власти, как впрочем и тем, кто был в оппозиции, стало как никогда прежде ясно, что единство внутри империи является условием, необходимым для оказания эффективного сопротивления ее дальнейшему территориальному расчленению великими державами и их балканскими сателлитами, и что в условиях изменившейся после Берлинского договора демографии империи ее населению необходимо дать какие-то новые основания для того, чтобы оно испытывало верноподданнические чувства. «Османизм» реформаторов *танзимат*, который должен был препятствовать желанию считать себя империей различных религий и национальных стремлений, больше не подходил государству, население которого на три четверти было мусульманским.

Недавние события в очередной раз показали, насколько эфемерными могут быть сделанные европейцами заверения о дружбе, в особенности те, которые исходили от британцев, на помощь которых в войне с Россией тщетно надеялись турки. Но в одном уверенность турок оставалась непоколебимой: подобно своим предшественникам Абдул-Хамид и его политики по-прежнему считали себя рав-

ными своим европейским коллегам, а османское государство ставили в один ряд с европейскими державами. Казалось, что либеральный характер конституционных монархий Британии и Франции поощряет любого, кто проповедует идеи сепаратизма, поэтому Абдул-Хамид предпочитал изображать себя надменным деспотом, наподобие германского кайзера или австрийского императора (хотя любое сходство с не менее деспотичным русским царем Александром II всячески преуменьшалось). Самое поразительное, что султан и его окружение изображали и себя, и свою страну «современными» и поэтому заслуживающими уважения: любые публичные проявления «османизма» (такие как неожиданные для европейцев сцены и непривычного вида стенды в турецких павильонах всемирных выставок), которые могли быть истолкованы зрителями как экзотические или нецивилизованные, были строго запрещены на том основании, что это может сделать империю объектом насмешек. Что касается вопросов религии, то здесь Османская империя самым очевидным образом отличалась от европейских государств, но это турки никоим образом не считали признаком более низкого положения. Напротив, Абдул-Хамид извлекал из этого выгоду, используя исламскую веру большинства своих подданных приблизительно в тех же целях, в каких его европейские коллеги использовали этнический и лингвистический национализм.

Абдул-Хамид понимал, что еще до его вступления на трон безнадежно устарела концепция реформ *танзимат*, согласно которой непохожие друг на друга народы империи представляют собой единую сущность, так как все они являются османскими подданными. Имея перед собой такие угрожающие примеры, как российский панславизм, не говоря уж о панэллизме и пангерманизме, он поддержал принятие нового и более адекватного идеологического принципа. Абдул-Хамид воспользовался глубинными представлениями о том, что османский султан является халифом, и приспособил эти представления для того, чтобы добиться преданности не только своего собственного народа, но и всех мусульман. Он с большей настойчивостью, чем любой из его предшественников, декларировал свои потенциальные права на титул халифа и правомерность ислама как средоточия лояльности государству. По мнению сэра Генри Лайярда, который в период между 1877 и 1880 годами был британским послом в Стамбуле, Абдул-Хамид считал титул халифа выше, чем титул султана, а значит и важнее. Если дело об-

стояло именно так, то потому, что он не видел иного способа сохранить империю.

В начале царствования султаны всегда подчеркивали свою преданность исламу. Для церемонии опоясывания, которая с 1566 года, когда на трон взошел Селим II, стала частью обряда коронации, выбор сабли имел большое значение, о чем нельзя было забывать и в ту эпоху. Еще совсем недавно султана Махмуда II во время коронации в 1808 году опоясали двумя саблями, предположительно принадлежавшими пророку Мухаммеду и Осману I (являвшихся первыми османскими султанами), что было сделано в подтверждение его династических и религиозных претензий. То, что он выбрал саблю Османа (которую потомки называли «гази», т. е. «воин»), а не какого-нибудь другого султана, можно объяснить тем, что этот шаг символизировал его намерения восстановить военную мощь империи. Однако в 1839 году набожный отец Абдул-Хамида султан Абдул-Меджид избрал для себя опоясание только саблями халифа Омара, второго исламского халифа, принявшего титул «военачальника правоверных», что должно было стать свидетельством его духовной власти над зарождавшимся мусульманством. В 1861 году подобным образом поступил и Абдул-Азиз, а вот Абдул-Хамид, подобно Махмуду, опоясался саблями Османа и саблями халифа Омара. Абдул-Меджид доказал, что обнародованный вскоре после его коронации Указ Гюльхане носит исламский характер. Провозглашенная Абдул-Хамидом конституция опиралась на притязания Османской империи считаться «высшим исламским халифатом».

Начиная с правления Селима I, османские султаны использовали титул халифа, но они нечетко и не вполне открыто определяли его политическое значение. В основе стремления османских султанов унаследовать духовную власть халифа над всеми мусульманами лежала не только их вера в то, что после кампании по завоеванию Египта, предпринятой в 1517–1518 годах, Селим привез оттуда мощи Пророка, но и то, что полномочия халифа ему передал последний представитель династии Аббасидов. Представление о том, что османский султан является халифом, то есть «представителем Всевышнего на земле», стало той новой силой, которую дал султану Ахмед Кевдет-паша. Описывая церемонию опоясания Абдул-Азиза, он указывал на следующее обстоятельство:

Когда султан Селим [I] завоевал Египет и привез Аббасида Халифа в Стамбул, Аббасид Халиф опоясал султана Селима саб-

лей [Омара] и таким образом передал Исламский халифат династии Османа.

Разработанный Ахмедом Кевдет-пашой миф создавал исторический прецедент. По многим вопросам своей исламской политики султан Абдул-Хамид обращался за советом к Ахмеду Кевдет-паше, который посвятил множество своих произведений теме халифата. Сделанные в этих работах выводы нашли отражение в политике султана.

После завоевания Селимом Египта время от времени вставал вопрос о политической и правовой роли султана как халифа (например, во время правления Сулеймана I и Мехмеда IV), но главным фактором, который заставил турок придавать особое значение религиозному верховенству султана как халифа над всеми мусульманами, стали начавшиеся в конце XVIII столетия нападения австрийцев и русских на османские территории. Более полное осознание функций османского султана как халифа пришло, когда империя лишилась Крыма, который оказался под сильным влиянием России: духовная власть султана над татарами (которую ему давал титул «халифа всех мусульман») была закреплена в положениях Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года. Однако в 1783 году императрица Екатерина объявила об аннексии Россией Крыма. Одним из результатов потрясения от потери этой мусульманской территории стало то упорство, с которым турки настаивали на сохранении роли султана как защитника всех мусульман независимо от того, кем был их светский правитель. Прошло совсем немного времени, и эта идея была оформлена в печатном виде. Одно из первых упоминаний об официальной передаче халифата Селиму I появилось в печати вскоре после 1774 года. В 1787 году об этом было написано в знаменитой газете «*Tableau general de l'Empire othoman*» стамбульского армянина Игнатия Мураджда д'Оссона, который начал свою карьеру как переводчик шведской дипломатической миссии и, поднявшись по служебной лестнице, стал полномочным представителем министра и главой миссии.

Несмотря на давнюю вражду между двумя государствами, в делах касавшихся ислама в Крыму, русские цари с почтением относились к султану-халифу. Такие отношения, хотя и с перерывами, продолжались начиная с 1863 года (а возможно и еще раньше) и вплоть до 1914 года. Султан направлял высокопоставленного посланника всякий раз, когда царь посещал свои летние резиденции в Лива-

дии*, неподалеку от Ялты, в Севастополе или в Одессе, чтобы приветствовать его на территории, где духовным лидером был османский султан. Европейские державы признавали султана халифом, когда это отвечало их интересам, но чаще именно исламские лидеры Азии, государства которых становились колониями европейских стран, обращались к нему как к халифу, то есть как к своему защитнику.

Потенциальным камнем преткновения, мешавшим принятию этой новой доктрины султана Абдул-Хамида, являлась та давняя традиция, согласно которой халифом должен быть человек, предки которого принадлежали к роду Курайши из Хиджаза, потому что именно из этого рода был сам пророк Мухаммед. В сфере исламской юриспруденции османское государство поддерживало учение Ханафи, последователи которого терпимо относились к этому вопросу. Впрочем, и представители других направлений (Шафли, Ханабали и Малики) уже давно не чинили никаких препятствий. Ахмед Кевдет-паша доказывал, что в прошлом халифом становился человек из рода Курайши только потому что представители этого рода были в большинстве. Шумные проявления недовольства османским правлением, которые время от времени происходили в различных регионах арабского мира, вызывали беспокойство Абдул-Хамида. В особенности султан опасался того, что арабы могут выдвинуть возражения против него как халифа на основании его неарабского происхождения. Но еще больше Абдул-Хамида беспокоило, что британцы могут воспользоваться в своих целях любым намеком на то, что какой-нибудь араб, оспаривающий титул халифа, провоцирует движение за отделение арабских провинций от империи. События, имевшие место в Египте в 1881—1882 годах (когда то, что начиналось как военный мятеж, нашло широкую поддержку гражданского населения, объединившегося в своем желании извлечь экономику страны от контроля европейских держав, но закончилось тем, что британцы оккупировали страну, которая формально все еще оставалась османской провинцией), только усилили опасения того, что от британского вмешательства не гарантированы и другие провинции.

* В 1945 году Ливадийский дворец был местом проведения Ялтинской конференции, во время которой Черчилль, Рузвельт и Сталин перекроили карту Европы.

Опасения Абдул-Хамида, вызванные тем, что британцы могут вступить в тайный сговор с каким-нибудь арабским претендентом на титул халифа, не были лишены оснований: почти в самом начале царствования Абдул-Хамида выяснилось, что, прикрываясь внешними проявлениями лояльности султану, его весьма честолюбивый представитель в Хиджазе, Шариф Хусейн пытается вступить в переговоры с британцами. В начале XIX века священные места Мекки и Медины были спасены от ваххабитов при помощи Мехмеда Али из Египта, но этот турок удерживал в своих руках земли, которыми должен был владеть султан, чтобы претендовать на первенство в глазах мусульманского сообщества, которое явно нуждалось в укреплении своих позиций. Поскольку ежегодно священные места посещали тысячи паломников, вопрос о том, кто ими владеет, волновал весь мусульманский мир. Ответственность за безопасность и благополучие паломников лежала на османском султани и его доверенных лицах, и было ясно, что теперь нужно уделять большее внимание, как паломникам, так и арабским подданным султана, ведь до сих пор их проблемами в Стамбуле благодушно пренебрегали.

Поэтому в начале 80-х годов XIX века положение в Хиджазе, в том числе инфраструктура этой провинции, стало меняться в лучшую сторону благодаря усилиям предпринятым ее энергичным губернатором, Османом Нури-пашой, целью которого было расширить проникновение государства в этот удаленный и требующий особого обращения район. По всей провинции развернулось финансируемое государством строительство. Были построены казармы и военные госпитали. Осман Нури интенсивно занимался общественными работами, издавал провинциальные альманахи и отремонтировал место поклонения в Мекке, а также систему городского водоснабжения. Подозрения относительно намерений британцев дополнял тот факт, что местные бедуинские племена были непокорны и не желали подчиняться никакой власти, кроме власти своих собственных вождей. Наряду с «кнутом» усилившегося присутствия центральной власти в Хиджазе и других арабских землях был и «пряник»: теперь в официальных реестрах сначала шли арабские провинции, а после них балканские и анатолийские. Кроме того, губернаторы арабских провинций получали более высокие оклады. Это был обновленный вариант старой османской политики стимулирования сотрудничества среди местных лидеров, в преданности которых не было полной уверенности.

Роль османского султана как главного покровителя мусульманских святых мест приобрела небывалое значение, поскольку теперь на смену «османизму» пришел «исламизм», а ревностное отношение Абдул-Хамида к святым местам привело к тому, что он чувствовал для себя угрозу всякий раз, когда другие исламские лидеры преподносили дары этим святыням. Он не только запретил подобную практику, но также отказывал им в разрешении на приобретение собственности в Хиджазе. Построенная в период между 1900 и 1908 годами и соединившая Дамаск и Медину Хиджазская железная дорога была еще одним обязательством Османской империи перед мусульманами всего мира. Она невероятно облегчила паломничество.

Свой дворец в Йылдызе Абдул-Хамид превратил в «исламский Ватикан». Для осуществления политики, направленной на то, чтобы арабы оказали поддержку его стремлениям стать халифом, а также для того, чтобы усилить присутствие центральной власти в арабских землях, он предложил арабским религиозным лидерам переселиться в Стамбул и стать его советниками. Абдул-Хамид включал их в состав делегаций, направлявшихся в арабские провинции. Подобно «заложникам», которых в прежние времена держали при дворе, они несли ответственность за примерное поведение оставшихся на родине земляков. Те немногие арабы, которых султан приблизил к себе, вызывали любопытство у его соплеменников. Клеветники называли их прорицателями и астрологами. Одним из этих арабов был шейх Мухаммад Абу Лхуда аль-Сайяди, сириец, который помимо того, что в своих писаниях обслуживал интересы Абдул-Хамида (так, среди прочего, он утверждал, что абсолютизм якобы возник одновременно с возвышением ислама), использовал свое влияние для того, чтобы подделывать родословные своих сторонников в Сирии, что позволяло им как потомкам пророка претендовать на гораздо более высокое общественное положение. Абдул-Хамид подтверждал эти мифические родословные и освобождал подопечных Абу Лхуда аль-Сайяди от военной службы, поскольку таким правом обладали потомки пророка. Другим следствием тесных контактов между султаном и арабскими религиозными лидерами стала щедрая помощь, которую государство оказало некоторым орденам дервишей. Эти вознаграждения должны были способствовать еще большему почитанию султана-халифа в провинциях. Такое же почтение выражал в своих памфлетах и Абу Лхуда аль-Сайяди.

Однако в Сирии, через тридцать лет после того, как в 1856 году был обнародован указ о реформах с обещанием предоставить равные гражданские и политические права как мусульманам, так и немусульманам, и после независимых от центра реформ, проведенных в провинции в 60-е годы, постепенно сформировалось национальное самосознание, в основе которого лежали географические и лингвистические, а не религиозные особенности. Этому содействовало объединение трех сирийских провинций: Дамаска, Сидона и Триполи в одну «сверхпровинцию», что превратило Сирию в отдельную географическую и административную единицу. Что касается идеи объединения людей различных вероисповеданий, то и в этом отношении реформы *танзимат* прошли здесь успешнее, чем во многих других местах, по той причине, что все население говорило на одном языке, а местные интеллектуалы содействовали тому, чтобы люди прежде всего считали себя арабами, а не приверженцами различных вероучений. Поскольку со всем этим плохо сочеталась отстаиваемая Абдул-Хамидом идея, согласно которой ислам является основой лояльности османскому государству, такие влиятельные пропагандисты, как Абу Лхуда аль-Сайяди, играли важнейшую роль, содействуя осуществлению его «исламистской» политики в Сирии, особенно после того, как на посту губернатора оказался Мидхат-паша, который правил этой провинцией с 1878 по 1880 год. Распространению «исламистской» пропаганды способствовала цензура сирийской прессы и надзор за местной печатной продукцией, который должен был предоставлять на рассмотрение Стамбула контрольные образцы. Манипуляции Абдул-Хамида с границами провинции также помогали отучить людей воспринимать себя членами сирийской целостности.

Планируемое Абдул-Хамидом принятие на себя политических полномочий халифа шло вразрез с практикой его недавних предшественников, которые дорожили возможностью появляться во всем своем великолепии перед подданными и считали этот ритуал важным проявлением светской власти султана. Стимулирование представления о святости султана-халифа было совсем другим делом, и уж во всяком случае по своему характеру Абдул-Хамид был склонен к уединенному образу жизни. Он удалился во дворец Йылдыз и лишь изредка появлялся на публике (например, когда он направлялся на пятничную молитву в мечеть, построенную им неподалеку специально для этой цели), и эти мимолетные появления должны были усилить мистический ореол его личности. Имевшие-

ся у него опасения того, что его низложат, были вполне оправданы: помимо неудавшихся государственных переворотов, которые имели место в начале его правления, оппозиционеры пытались сместить его в 1895 и 1896 годах, а в 1895, 1896, 1902–1903 и 1905 годах разрабатывали планы его убийства.

Хотя к тому времени в Османской империи преобладали мусульмане, ее население было далеко не однородным. Официально принятая вера должна была найти отклик среди всех этнических и религиозных групп: турок и курдов, арабов и албанцев, суннитов и шиитов, поскольку ее религиозная доктрина и особенности обрядов не подходили ни одной из этих категорий. В суннитской Османской империи приверженность к шиитскому вероучению в принципе считалась такой же подрывной деятельностью, как и национализм балканских христиан, а религиозные убеждения туркменского населения восточной Малой Азии издавна вызывали беспокойство у официальных властей: в центре османо-иранских отношений всегда находились неуклюжие попытки Стамбула склонить на свою сторону тех, кого подозревали в сочувствии к шиитам, ведь значительная часть населения османских провинций Басра, Багдад и Мосул состояла из шиитов, йеменские зайдиты также были шиитами. Лояльности султану-халифу добивались путем раздачи почестей и наград шиитам и приверженцам вероучений, которые противоречили суннизму. Впрочем, эта официально принятая версия ислама также распространялась с помощью миссионерства и через систему образования. Кроме того, предпринимались усилия, направленные на обращение всего населения в суннитский ислам, которые в тех же самых провинциях наталкивались на исходившие из священных для шиитов городов Карбала и Наджаф, попытками «перевести» в шиизм формально считавшиеся суннитскими племена этого региона. Что касается самой метрополии, то необразованность мусульманского населения центральной Малой Азии требовала отправки туда проповедников, «чтобы учить религии и устранять отклонения от вероучения». Во время антиправительственных волнений, имевших место в Эрзуруме в 1906–1907 годы, было решено, что там следует построить начальную школу, «чтобы устранять искажения религиозных заповедей алавитами* и расстраивать их преступные планы». Спасение душ мусульман-суннитов стало делом

* Алавиты (по-турецки алевиты) исповедуют форму ислама, адепты которой, как и шииты, почитают внука пророка, Али.

крайней необходимости, поскольку после провозглашения указа о реформах 1856 года, включавшего в себя обязательство гарантировать свободу вероисповедания, христианское миссионерство резко активизировало свою деятельность.

Для мусульман, находившихся за пределами Османской империи, признание Абдул-Хамида в качестве своего халифа и защитника было равносильно обязательству оказывать противодействие европейским колониальным империям. За призывами оказать помощь сопротивлению португальцам, с которыми в XVI веке обращались к султану мусульманские правители государств, выходивших к Индийскому океану, теперь последовали просьбы, исходившие от мусульманских подданных империалистических держав, которые оказывали сопротивление французам в Алжире и Тунисе (как мы сейчас называем эти страны), голландцам в Индонезии и Малайзии, британцам в Индии и оккупированном Египте и русским в Средней Азии. Прежние османские султаны не всегда отдавали приоритет желаниям мусульман. Так было во время восстания сипаев, которое вспыхнуло в Индии всего через год после того, как султан Абдул-Меджид, в угоду британцам, обнародовал указ о реформах. Тогда британцы обратились к нему за помощью, и он ради сотрудничества, ответил письмом, которое должны были зачитать во всех индийских мечетях. В этом письме султан предписывал всем мусульманам сохранять спокойствие.

Теперь почти все мусульманское население Африки оказалось за пределами Османской империи: вслед за учреждением французских протекторатов в провинциях Алжир (в 1830 году) и Тунис (в 1881 году), а также британской оккупацией Египта в 1882 году, провинция Триполи* осталась единственной североафриканской территорией, которая формально все еще находилась под управлением Османской империи. Отношения с мусульманскими лидерами Центральной и Восточной Африки считались особенно важными и прежде всего

* Формально османская провинция Триполи простиралась на восток, через обширную пустыню, в направлении Египта. В XIX веке европейцы называли западную часть этой провинции Триполитанией, а восточную — Киренаикой. Как географическое обозначение древнее название Ливия было восстановлено итальянцами в самом начале XX века, после того, как в 1911 году Италия отторгла Триполитанию и Киренаику от Османской империи, и с тех пор эти объединенные территории называют Ливией.

потому, что этот регион недавно стал интересовать европейские державы, которые уже утвердили свое присутствие в Северной Африке. Вследствие этого расширилось использование ислама, как инструмента, позволявшего добиться верности султану-халифу, и был выработан новый внешнеполитический курс, направленный на укрепление того, что еще осталось от прежнего османского влияния на этом континенте. Сразу же нашлось оправдание: автор одной книги, написанной по наущению султана, отмечал, что Африка является «темным континентом», куда «цивилизованные» державы направляют своих колонистов, и далее он указывал на то, как полезно распространять «свет ислама» на эти «дикие» области. Первоначально турок не пригласили на Берлинскую конференцию 1884–1885 годов по вопросам будущего Африки, но они отстаивали свое право присутствовать на этом форуме, а их делегат получил указание защищать исторические права Османской империи, ее моральные и материальные интересы, а также «священные права великого халифата». Однако турки не стремились устанавливать прямой контроль над своими собратьями-мусульманами, которые ценили такую сдержанность. Награды и почести раздавались иностранным мусульманским лидерам, начиная с султана Занзибара, который в 1880 году получил от султана Абдул-Меджида орден Месиди, и заканчивая вождями малочисленных африканских племен, которым в 1894 году вручил османские флаги специальный агент, направленный Стамбулом в Африку для выполнения задания по сбору сведений. Этот агент рекомендовал наградить вождей халатами, вручить им имперский указ и экземпляр Корана, а взамен надеяться на то, что они включают имя султана в свои пятничные молитвы. Российские и китайские мусульмане также были объектами внимания Османской империи: когда Россия продвигалась в глубь Средней Азии, турки пытались остановить это продвижение с помощью более настойчивых обращений к мусульманам Средней Азии. А в 1901 году один молодой офицер, в будущем печально знаменитый Энвер-паша, посетил Шанхай, где оставил двух сопровождавших его священнослужителей. После визита еще одной делегации, направленной султаном в Китай в 1907 году, в Пекине было открыто мусульманское высшее учебное заведение.

В 1903 году в османское правительство поступило предложение должным образом отпраздновать четырехсотую годовщину передачи османским султанам титула халифа, который до этого был прерогативой династии Аббасидов: «Похоже, мы почему-то уже про-

пустили три годовщины этого важного события, и если мы снова о нем забудем, то нам придется ждать еще сто лет, прежде чем у нас появится очередная возможность его отпраздновать». Предполагалось, что участниками празднования будут мусульманские лидеры из всех стран мира, в том числе даже «исламские лидеры Австралии». Впрочем, планируемая конференция так и не стала реальностью, потому что в 1917 году Европа находилась в состоянии хаоса, а Османская империя стремительно распалась. Прежде годовщины передачи титула халифа не праздновались просто потому, что это событие не считалось слишком важным.

Разработанный султаном Абдул-Хамидом план сохранения того, что еще осталось от Османской империи, был консервативным как по своему подходу к проблеме государственного управления, так и по выработке соответствующих идеологических основ. И хотя Абдул-Хамид воздерживался от характерных для предыдущих лет новшеств в сфере организации бюрократического аппарата, он, несмотря на весь свой консерватизм, принял меры, которые, по его мнению, должны были сделать его государство процветающим. Он понимал, что для достижения поставленных им целей необходима сильная экономика, так как без модернизации инфраструктуры и коммуникаций потенциал османских сельскохозяйственных и промышленных ресурсов останется неиспользованным. Хотя в годы его правления расходы на военные и административные нужды резко возросли (и в среднем составили около 60% государственных расходов), общая сумма, потраченная государством на общественные работы, образование, здравоохранение, сельское хозяйство и торговлю в среднем составляла всего лишь 5% ежегодного бюджета. Препятствием, которое мешало осуществлению мечтаний Абдул-Хамида, стало то, что на обслуживание государственного долга уходило почти 30% ежегодных доходов.

После того, как в 1871 году умер Али-паша, пришел конец и стабильности курса, проводимого великими визирями в годы осуществления реформ *танзимат*, когда этот пост попеременно занимали Фуад-паша и Али-паша. За те почти пять лет, которые прошли между кончиной Али и смещением султана Абдул-Азиза, должность великого визиря девять раз переходила из рук в руки, что было следствием фракционной борьбы и прихотей султана, снова препятствовавших нормальной работе правительства. Абдул-Хамид тоже часто менял своего великого визиря: из шестнадцати человек, зани-

мавших этот пост в первые шесть лет его султанства, только один продержался на нем больше года. Период между 1882 годом и низложением Абдул-Хамида в 1909 году отличался гораздо большей стабильностью, и Мехмед Саид-паша, Мехмед Камиль-паша, Ахмед Кевад-паша, Халиль Рифат-паша и Мехмед Фарид-паша оставались в этой должности дольше, чем их предшественники. В отличие от Абдул-Азиза, который на протяжении большей части своего царствования перекладывал решение всех государственных вопросов на плечи двух своих визирей, Абдул-Хамид сам интересовался проблемами управления империей и вступал со своими визирями в обстоятельные и зачастую горячие дебаты относительно выработки политического курса. Даже если он предъявлял более убедительные аргументы, его самые заметные визири имели возможность открыто выразить свое мнение. Впрочем, ценой сомнений в правильности его окончательного решения была отставка. По словам одного историка, он мог подчинять ближайших советников своей воле по причине

...неспособности [правительства] достичь согласия в отношении «структуры власти», то есть организационной структуры, в рамках которой следует поддерживать баланс между противоречивыми интересами в новых обстоятельствах, созданных западной угрозой, и при постепенном размывании существующих принципов законности.

То, что султан требовал от государственных служащих беспрекословной личной преданности, полностью соответствовало одной из особенностей османского национального характера, и при Абдул-Хамиде эта особенность проявлялась в самой полной мере. В прошлом тех, кто не соответствовал этому идеалу, наказывали и либо казнили, либо отправляли в изгнание, а тех, кто раскаивался, возвращали на прежние места. Так в XVII веке, несмотря на яростное противодействие правящему режиму, тем из мятежных анатолийских губернаторов, которые раскаялись в содеянном, были предложены новые должности, причем зачастую вдали от империи. Что касается нераскаявшихся, то их подвергали преследованиям. В XIX веке стали предоставлять государственные должности лицам, находившимся в политической оппозиции. Так, выдающийся младотурок Намык Кемаль, который, как и Мидхат-паша, принимал участие в работе над конституцией, в 1877 году был за-

ключен в тюрьму, а потом выслан из Стамбула на острова Эгейского моря, где занимал государственные должности, сначала на Лесбосе, потом на Родосе и наконец на Хиосе, где он и скончался.

Сосредоточение всей власти в руках султана было крайним выражением опасений Абдул-Хамида относительно децентрализации, которая, по его мнению, уже предоставила балканским провинциям возможность отделиться от империи. Такой способ обеспечения дальнейшего существования империи представлял собой полную противоположность тому, что предлагал Мидхат-паша. Будучи достойным представителем группы оптимистов, проводивших реформы *танзимат*, он считал, что лучшим способом противодействия сепаратистским тенденциям может стать демонстрация тех выгод, которые дает «хорошее государственное управление».

Одним из самых удручающих эпизодов правления Абдул-Хамида было то, как он третировал Мидхат-пашу. Находясь в изгнании в Бриндизи, Мидхат-паша много путешествовал по Европе, но в 1878 году ему разрешили вернуться в империю, определив местом внутренней ссылки остров Крит. Это случилось незадолго до того, как его пригласили вернуться в состав аппарата, на сей раз в качестве губернатора Сирии. На этом посту он попытался провести реформы, подобные тем, которые за пятнадцать лет до этого начал осуществлять в Дунайской провинции и в Багдаде. Получив сообщения, которые заставили его поверить тому, что Мидхат-паша пытается присвоить себе властные полномочия, выходящие за рамки губернаторских, Абдул-Хамид отозвал его из Сирии и назначил губернатором провинции Айдын в западной Малой Азии, полагая, что находясь в непосредственной близости, Мидхат-паша будет представлять меньшую угрозу. 17 мая 1881 года, всего через несколько месяцев пребывания в этой должности, Мидхат-паша был арестован. Ахмед Кевдет-паша, который теперь был министром юстиции, отправился в Измир и оттуда привез его в Стамбул, где вместе с тринадцатью другими подозреваемыми, он предстал перед судом по обвинению в убийстве султана Абдул-Азиза. Это был удивительный поворот событий, вообще-то было принято заключение о самоубийстве, причем даже самим Ахмед Кевдетом, который теперь был одним из обвинителей.

Дознание и судопроизводство совершались во дворце Йылдыз. Некоторых подозреваемых пытали, чтобы добиться признаний. Камергер Абдул-Азиза, Фахри-бей, оставил леденящее душу описание мучений, которым его подвергали. По его словам, среди тех,

кто его мучил, был и сам Абдул-Хамид. Виновными были признаны одиннадцать человек, в том числе Мидхат-паша, Фахри-бей и два родственника Абдул-Хамида, Дамад Махмуд Джелаледдин и Дамад Мехмед Нури. Они и еще пять человек были приговорены к смертной казни, а двое других — к десяти годам каторжных работ. Вынесенные приговоры были пересмотрены, и хотя большинство, включая Ахмеда Кевдет-пашу, были за их исполнение, султан заменил меру наказания на пожизненное тюремное заключение, опасаясь, что казни вызовут неблагоприятную реакцию. Осужденных направили в Таиф, в Хиджазе, где они отбывали наказание в крепости. Там они находились в самых неблагоприятных условиях и были лишены всяких контактов с внешним миром. Шейхульислам Хасан Хайрулла-эфенди, который в свое время выдал фетву в пользу низложения Абдул-Азиза, уже отбывал там тюремное заключение. В 1884 году Мидхат-паша и Дамад Махмуд Джелаледдин были убиты по приказу султана. В живых остались только трое осужденных, в том числе Фахри-бей, которые вернулись в Стамбул в 1908 году, когда режим Абдул-Хамида был свергнут.

Убийство Мидхат-паши, человека, которого так опасался Абдул-Хамид, считая его ведущей фигурой движения за принятие конституции, ограничивающей, как он полагал, власть султана, показало, насколько ненадежным было его положение. Абдул-Хамид прекрасно понимал, что он совершает недопустимое деяние, и поэтому оно не получило огласки. Убийство Мидхата было первым убийством ведущего государственного деятеля после 1837 года, когда негодование, вызванное казнью Пертев-паши, великого визиря Махмуда II, способствовало принятию правовых норм, поставивших эту прерогативу султана вне закона. Судьба конституции 1876 года уже продемонстрировала то, что теперь султан не может в угоду своим прихотям остановить действие реформ *танзимат*: конституцию не отменили, а лишь приостановили ее действие, она осталась в своде законов и на нее продолжали ссылаться в ежегодном списке государственных законопроектов и резолюций.

Если обусловленная положениями Берлинского договора 1878 года потеря большей части преимущественно населенных христианами балканских территорий империи уже доказала, что разработанные Мидхат-пашой планы реформ в провинциях были чрезмерно идеалистическими, то появление сепаратистских настроений среди албанцев, приблизительно 70% которых были мусульмана-

ми, могло только укрепить такое мнение. И если восприимчивость арабов к уговорам британцев оказалась для османского государства потрясением, то еще большее потрясение у него вызвали волнения среди албанцев, которые традиционно считались одними из самых преданных османских подданных. В основе албанского сепаратизма лежали настроения, которые мало чем отличались от настроений, ставших причиной заигрываний Шарифа Хусейна с британцами: мрачные предчувствия того, что дальнейшее территориальное расчленение империи не заставит себя долго ждать.

Установленные турками в 1432 году границы провинции Албания затем неоднократно изменялись, и к 1878 году «Албанией» назывался регион, населенный этническими албанцами (преимущественно мусульманами, но также католиками и православными) и включавший территорию, которую занимали провинции Шкодер, Косово, Монастир и Янина. На севере региона жили геги, а на юге — более оседлые тоски. Поскольку лояльность албанцев давно считалась само собой разумеющимся делом, их «национальные устремления» практически не учитывались в ходе административных преобразований, предпринятых в начале XIX века с целью урегулирования проблем, вызванных более агрессивным национализмом греков, сербов и болгар.

10 июня 1878 года, за три дня до открытия Берлинского конгресса, несколько активистов, ставших участниками митинга в Призрене, сформировали «Албанскую лигу», целью которой было выражение несогласия с возможной оккупацией какой-либо иностранной державой территорий, населенных албанцами. Сначала этим активистам удалось получить поддержку в Стамбуле, но оккупация австрийцами Боснии-Герцеговины и передача османских территорий Греции и Черногории вскоре привели к раздору между правительством и лигой, теперь проявлявшей стремление к получению национальной автономии. Это стремление поддерживала Британия. Когда настало время исполнить еще невыполненные положения Берлинского договора, включавшие в себя лишение Османской империи ее владений в албанских провинциях, в них вспыхнуло вооруженное восстание, которое к сентябрю 1881 года было подавлено султанской армией. После трехлетней активной деятельности лига была распущена.

Вспышки насилия, имевшие место на востоке Малой Азии в середине 90-х годов, снова сделали правительство Абдул-Хамида весьма непопулярным за границей. В атмосфере разочарования, на-

ступившего после заключения Берлинского договора, были сформированы несколько армянских организаций националистической направленности. Две из них (организация гнчаков, созданная в 1887-м политическими эмигрантами в Женеве, и в большей степени анти-русская организация дашнаков, основанная в Тифлисе в 1890 году), признавали насилие одним из способов сохранения независимости Армении, и для того, чтобы привлечь к себе внимание за рубежом, не гнушались провоцировать мусульман на применение репрессивных мер. В 1891 году обеспокоенный возможностью того, что у русских есть свои планы в отношении отдаленных и плохо управляемых провинций восточной Малой Азии, Абдул-Хамид сформировал из курдов полки нерегулярной кавалерии «Хамидийе», которые должны были поддерживать порядок в этом регионе и стать силами безопасности быстрого реагирования. Курдские племена ревностно хранили свою независимость, и, создавая на их основе воинские формирования, султан надеялся на то, что этим он обуздает творимые ими беззакония и укрепит их преданность находившемуся в далеком Стамбуле правительству. Для проведения такой акции едва ли можно было выбрать более неудачное время: совпавшее с усилением революционной деятельности армянских организаций, формирование курдских полков нарушило непрочное равновесие сил в этом регионе. Полки «Хамидийе» принимали непосредственное участие в беспорядках, а отличавшиеся особой свирепостью столкновения между ними и армянами, которые имели место в 1894 году в провинциях Сасун и Битлис, привели к вмешательству Британии, Франции и России, которые предложили провести административные реформы. Впрочем, они так и не смогли прийти к согласию, а султан так и не стал участником этих прений. Недовольные отсутствием какого-либо прогресса, гнчаки решили обратиться за помощью к Стамбулу. 30 сентября 1895 года, в надежде оказать влияние на исход дискуссий, которые тогда шли полным ходом, они попытались пробиться в штаб-квартиру правительства и вручить петицию. По пути им пришлось вступить в столкновение с войсками, и в наступившем хаосе многие стамбульские армяне были убиты толпами мусульман.

Международная реакция на этот инцидент заставила Абдул-Хамида согласиться на проведение некоторых реформ в восточных провинциях, признать право немусульман на места в местной администрации и согласиться с тем, что полки «Хамидийе» следует вооружать, только когда они находятся на действительной воинской

службе. Абдул-Хамид без всякой охоты пошел на уступки и целый год не предавал широкой огласке принятый им декрет: он считал, что лучше, чем великие державы, понимает сложившуюся ситуацию и возможность отрицательной реакции со стороны мусульманского населения региона, и в этом он оказался прав. Оставшиеся месяцы 1895 года и 1896 год были отмечены дикими проявлениями насилия, поскольку правительственные силы, армяне, курды и турки так яростно сражались друг с другом, что названия городов этого региона и прежде всего Харпута и Зейтуна (ныне Сулейманли), надолго запомнились (благодаря обилию поступавших из региона донесений консулов, главным образом британских, и миссионеров, главным образом американских, с описаниями страданий, очевидцами которых они стали) как места, где шла межнациональная бойня. В августе 1896 года дашнаки попытались ворваться в штаб-квартиру Османского банка в Стамбуле, что также было сделано с целью привлечь к себе внимание за рубежом. Они же организовали в городе серию взрывов. И снова это привело к репрессиям, в ходе которых были убиты сотни, если не тысячи живших в Стамбуле армян. Опасаясь, что это может привести к вмешательству иностранных государств, Абдул-Хамид опубликовал декрет о реформах, на проведение которых он согласился в минувшем году, причем распространил их действие на все свои владения за исключением Хиджаза. Тем самым, он еще больше отвратил от себя мусульманское население империи, в сохранении лояльности которого так отчаянно нуждался. Многие османские армяне сами были глубоко встревожены тем, какой оборот принимают события, так как российские армяне, которые 90-е годы прибыли в Анатолию и Стамбул в качестве агитаторов, теперь угрожали, а порой и убивали их за отказ от предоставления финансовой помощи или за то, что они продолжали проявлять лояльность к османскому государству.

В последние годы XIX столетия армяне и албанцы были далеко не единственными подданными султана, которые, применяя насилие, выражали свое глубокое недовольство существующим режимом. Крит еще оставался османской провинцией, и мятежи там не были редкостью. Как и греческие националисты, король Греции Георгий хотел аннексировать остров и в 1897 году направил туда военную эскадру и солдат. Под давлением великих держав Абдул-Хамид был вынужден предложить Криту автономию в рамках османского государства, но вскоре были приведены в боевую готовность греческие войска в Фессалии, на северной границе Греции с

Османской империей. После того как были приняты унижительные для турок условия Берлинского договора, Абдул-Хамид обратил свой взор на Германию, великую державу, которая никогда не проявляла интерес к Ближнему Востоку и которая могла оказать ему поддержку в противостоянии другим державам. Когда Германия пришла на смену Британии и стала страной, которой более всего доверял султан, ее гражданские и военные советники стали проявлять невиданную прежде активность. Греческие вооруженные силы не шли ни в какое сравнение с обученной и оснащенной немцами османской армией, и вскоре греки потерпели поражение. Теперь Греция должна была выплатить туркам непосильную контрибуцию, в качестве компенсации за территорию, захваченную ею в Фессалии и возвращенную Османской империи по условиям мирного договора. Кроме того, выплата процентов по греческим долгам перешла под контроль международной финансовой комиссии. Теперь европейские державы приняли сделанное Абдул-Хамидом предложение дать Криту автономию.

Интеллектуалы полностью разделяли стремление Абдул-Хамида сохранить то, что еще осталось от османской территории, но не одобряли методов, с помощью которых он пытался достичь этой цели. У них вызвал недовольство и его автократический стиль управления государством, и его явная неспособность противостоять разделу империи. В первые годы правления несогласие высказывали представители многих слоев общества, от либералов-романтиков и конституционалистов до священнослужителей и масонов, от бюрократов до придворных. Вся эта оппозиция была такой же неорганизованной и разобщенной, какими в свое время были младотурки. По этой причине, как и по многим другим, они на первых порах не могли добиться успеха. Основанному в 1880 году министерству полиции оказывала содействие неофициальная сеть осведомителей, которые работали во дворце и выдавали инакомыслящих.

Только в 1889 году недовольные Абдул-Хамидом и его политикой (которая в конечном счете оказала такое же разрушительное воздействие, как и насилие армянских активистов), стали создавать организованные структуры. В том году несколько студентов военно-медицинского колледжа основали тайное общество, целью которого было восстановление конституции и парламента. Однако общество было раскрыто, а те из его участников, которым удалось избежать ареста, уехали в Париж, где они продолжили свою оппозиционную

деятельность. В 1894 году произошло объединение разрозненных групп недовольных режимом Абдул-Хамида. Тогда различные подпольные организации вошли в единую структуру под названием «Комитет единства и прогресса» (КЕП), членом которой попросту называли «младотурками».

В последующие годы деятельность этого оппозиционного движения носила скорее умозрительный характер, но постепенно претерпела изменения и приобрела черты весьма прагматичного политического курса. Периоды крайне высокой активности чередовались с периодами распрей и интриг среди членов КЕП, находившихся на родине, и особенно среди тех, кто оказался в изгнании. Неудивительно, что в эпоху политических брожений они поддерживали разнообразные и зачастую противоречившие друг другу идеи. Низложение Абдул-Хамида было тем единственным пунктом, с которым все они были согласны. Членами КЕП были представители всех энических и религиозных групп, и вскоре отделения этой организации появились во всех регионах империи и в Европе. Однако во многом КЕП представлял собой элитарное движение, его члены не пытались привлечь на свою сторону массы.

Абдул-Хамид весьма успешно подавлял деятельность КЕП внутри империи и пытался делать это за рубежом. В 1899 году при посредничестве своих германских союзников он попросил европейские государства, в которых действовали представители КЕП, принять против них меры. Швейцарцы согласились провести расследование, но французы отнеслись к его просьбе с меньшим энтузиазмом. В декабре того же года родственник султана Дамад Махмуд Джелаледдин-паша (носивший то же самое имя, что и другой его родственник, убитый в 1884 году в Таифе) уехал из Стамбула в Европу вместе со своими сыновьями принцем Сабахеддином и принцем Лутфуллахом, где они приняли участие в оппозиционном движении. В тот период, когда КЕП находился в тяжелом положении, Сабахеддин и Лутфуллах предложили провести съезд тех, кто находился в оппозиции османскому режиму. Этот съезд состоялся в Париже в 1902 году, после того, как французское правительство (главным образом благодаря усилиям принцев, депутатов французского парламента, журналистов и государственных деятелей) осудило правительство Османской империи и выдало необходимое разрешение. Участников съезда тщательно отбирал принц Сабахеддин (которого все называли Сабахеддин-беем). Среди делегатов были члены армянских оппозиционных организаций, вступившие в союз с фракцией Са-

бахеддина (которая разделяла их убежденность в том, что вмешательство внешних сил является лучшим средством решения проблем, с которыми столкнулась империя), направленный против фракции во главе которой стоял эрудит и бывший чиновник Ахмед Риза. Он категорически отвергал возможность иностранного вмешательства в дела империи. Хотя на съезде эта фракция находилась в меньшинстве, Ахмед Риза и его сторонники играли доминирующую роль в деятельности КЕП с момента основания организации. Группа Сабахеддин-бея хотя и являлась частью численного большинства, но лишь незадолго до съезда вошла в состав КЕП. Европейская пресса, разумеется, приветствовала ту фракцию, которая поддерживала идею внешнего вмешательства, но последующие события показали, что Ахмед Риза и его сподвижники обладают большей жизнеспособностью.

После Парижского съезда фракция Сабахеддин-бея поддерживала тесные связи с армянскими, а также албанскими и македонскими оппозиционными группировками и вызывала неприязнь у своих оппонентов, поскольку ратовала за то, чтобы сбросить режим Абдул-Хамида с помощью внешних сил. Султан предпринял против них решительные меры, на которые они ответили тем, что при поддержке британцев разработали детальный план государственного переворота. Что касается коалиции Ахмеда Ризы (идеология которой разительно отличалась от идеологии фракции Сабахеддин-бея), то она усердно трудилась над тем, чтобы обеспечить прочную основу для будущей организации. Она приглашала к сотрудничеству все народы, населявшие территории, еще оставшиеся в составе империи. Или, по крайней мере, те радикальные группы, которые считались представителями этих народов. Ахмед Риза и его последователи предпочитали называть подданных султана «турками», а не «османами», и считали нереальными все попытки найти общие цели с нетурецкой (т. е. немусульманской) оппозицией. Они рассматривали ислам не как религию, а как средство распространения зарождавшегося национального самосознания.

Программа Ахмеда Ризы была программой постепенных перемен, а те члены его коалиции, которые предпочитали более энергичный подход, на первых порах почти не обладали влиянием. Ситуация изменилась в 1905 году, когда за связи с КЕП был сослан в Эрзинджан Бахаеддин Шакир, являвшийся личным врачом второго претендента на трон, принца Юсуфа Изеддина. Оттуда он бежал и примкнул к парижскому отделению этой организации. Он был за

отказ от эволюционного способа преобразований в пользу революционного и за то, чтобы в той или иной форме взаимодействовать с революционными армянскими группировками. Но армяне отвергли его предложения. В январе 1906 года он назвал свою фракцию Комитетом прогресса и единства (КПЕ), а вскоре после этого ее члены приняли важное решение — предложить военным принять участие в деятельности комитета. Судя по всему, инициатором этой идеи был прусский солдат и писатель Кольмар Фрайхерр фон дер Гольц. На протяжении более десяти лет, в 80-е и 90-е годы, фон дер Гольц занимался реорганизацией османской армии (в которой он дослужился до чина старшего офицера) и продолжал поддерживать с ней тесные связи. Хотя реформаторы XVIII и XIX столетий пытались осуждать подобные отношения, но на протяжении многовековой истории Османской империи военные и политики всегда взаимодействовали друг с другом, и поэтому идея участия военных в политической деятельности была вполне допустимой. Но эта идея ставила в невыгодное положение тех членов КПЕ, которые в принципе ее отвергали.

События, имевшие место за рубежом, вселяли оптимизм в тех, кто добивался низложения Абдул-Хамида. Первая русская революция 1905 года стала потрясением для царя Николая II и заставила его провести некоторые конституционные реформы. Кроме того, она отвратила тех русских либералов, которые были сторонниками постепенных перемен, от крестьян и рабочих, которые убедились в том, что некоторых улучшений (хотя и не вполне достаточных) удалось добиться с помощью забастовок, протестов и убийств полицейских. После почти ненасильственной революции, которая совершилась в Тегеране в 1905–1906 годах, Иран отвоевал у своих правителей из династии Каджаров изложенную в письменном виде конституцию и выборное собрание. Участников этого движения вдохновляли младотурки, которые находились в оппозиции режиму Абдул-Хамида, а их успех заставил КПЕ считать, что настало время действовать с гораздо большей настойчивостью.

В период между 1905 и 1907 годами недовольство народа деятельностью правительства вылилось в полномасштабное восстание, которое вспыхнуло в самом центре Османской империи, в Анатолии. В то время там, как и повсюду в империи, проводился призыв всех годных к военной службе мужчин, которые должны были принять участие в новой фазе непопулярной войны в Йемене. В 1872 году

турки вновь оккупировали Йемен, но там их войска постоянно подвергались нападениям местного арабского населения. Мобилизация вызвала народное недовольство, а ценой проведения военной кампании в Йемене стали прорехи в бюджете Османской империи. Восстание показало, что когда дело касалось жизни конкретных подданных султана, вся тщательно продуманная Абдул-Хамидом кампания по убеждению народа в святости халифа ничего не стоила, а его попытки укрепить свое самодержавное правление оказались далеки от успеха. Уже не в первый раз налогообложение стало одним из главных бедствий сельского и городского населения Анатолии, поскольку стало совершенно невыносимым налоговое бремя, возложенное на него государством, тщетно пытавшимся покрыть издержки, вызванные обслуживанием государственного долга, а также модернизацией инфраструктуры и вооруженных сил.

С момента своего восхождения на трон Абдул-Хамид прекрасно понимал, что ему необходимо улучшить отчаянное положение, в котором находилось большинство его подданных, и одним из его первых шагов стало создание финансовой комиссии, которая должна была продумать способы реорганизации системы налогообложения сельских жителей. Однако проблемы административного управления и недостаточное понимание бюрократами особенностей сельскохозяйственной экономики препятствовали точному выполнению рекомендаций этой комиссии и привели к незаконному присвоению средств теми, кто был назначен собирать налоги, будь то государственные служащие или откупщики налогов. В начале XX века были введены два новых сельскохозяйственных налога, ставших дополнением к уже существовавшей сельскохозяйственной десятине, которая теоретически составляла 10 процентов всей сельхозпродукции и являлась самой значительной статьей государственных доходов. Понятно, что и то и другое вызывало недовольство налогоплательщиков: новый подушный налог оказался непосильным бременем для бедняков и выплачивался за счет более состоятельных, тогда как налоги на домашний скот непродуманно повысили вместо того, чтобы привести их в соответствие с рыночными ценами. В дополнение к этим проблемам османские производители обнаружили, что им все труднее конкурировать на мировом рынке, так как цены на сельскохозяйственные товары упали. В особенности это затронуло такую важную статью экспорта, как зерновые, что, в свою очередь, привело к оттоку инвестиций.

Хотя все население восточной Малой Азии давно испытывало недовольство, вызванное условиями повседневной жизни, волнения вспыхнувшие в целом ряде анатолийских городов были вызваны различными, вполне конкретными причинами. После первого бунта в Диярбакыре в августе 1905 года на протяжении еще двух лет происходили серьезные волнения в Эрзуруме, Синопе, Кастамону, Трабзоне, Самсуне, Гиресуне, Сивасе, Кайсери, Ване и многих других городах.

Беспорядки 1906–1907 годов в Эрзуруме вызвали особую тревогу у властей. Там армяне и мусульмане вместе протестовали против подушного налога и налога на домашний скот. 31 марта 1906 года, через три недели после начала этого бунта, протестующие перерезали телеграфную линию, которая связывала Эрзурум со штабом армии в Эрзинджане. Для изучения ситуации в Эрзурум были направлены войска. Был назначен другой губернатор, а новый налог на домашний скот был отменен. Когда выяснилось, что это не успокоило протестующих, новый губернатор пообещал отменить и подушный налог, но правительство не поддержало это устное обязательство и настаивало на том, что нужно найти способ собирать и тот и другой налог. Когда просочились сведения о том, что губернатор арестовал трех зачинщиков бунта, демонстранты схватили его самого и держали заложником до тех пор, пока не обменяли на арестованных. Правительство объявило амнистию, и в марте 1907 года оба налога были отменены на всей территории империи. Лишенные повода к продолжению беспорядков, протестующие быстро перешли к новым формам неповиновения: жившие в сельской местности армяне во множестве переходили в ислам, тем самым получая налоговые льготы, а солдаты гарнизона крепости Эрзурум подняли бунт, требуя погашения задолженностей по оплате. Обанкротившееся казначество было не в состоянии удовлетворить требования солдат, что привело к еще большим беспорядкам. Но когда представители центрального правительства сбежали, а местные жители взяли административное управление в свои руки, волнения полностью прекратились. Через несколько месяцев регион стал испытывать нехватку зерна, что снова вызвало беспорядки. Эта новая волна неповиновений в конечном счете была подавлена правительственными войсками, а тех, на кого возложили ответственность за продолжавшиеся полтора года волнения, отдали под суд, и им были вынесены приговоры.

КПЕ не имел никакого отношения к анатолийским бунтам, зато активную роль в них сыграла «Лига частной инициативы и децентрализации». В отличие от КПЕ, который делал ставку на чиновников, интеллектуалов и армейских офицеров, эта находившаяся в Париже организация, которую Сабахеддин-бей создал в ответ на отделение КПЕ, установила прочные связи с провинциальными лидерами Анатолии и имела своих доверенных лиц в этом регионе. Своим сотрудничеством с дашнаками Сабахеддин-бей добился того, что армяне и мусульмане выступили единым фронтом против правительства, причем не только в Эрзуруме, но и в других местах, где в 1905–1907 годах происходили массовые волнения. Один авторитетный в недавнем прошлом исследователь сделал следующий вывод: «Мы можем с уверенностью утверждать, что младотурки за границей и в восточной Малой Азии были инициаторами преобразования беспорядков регионального уровня в окончательно сформированное движение, боровшееся за принятие конституции».

В 1907 году в Париже состоялся второй съезд османской оппозиции под председательством Ахмеда Ризы, Сабахеддин-бея и представителя дашнаков Хачатура Малумяна. Съезд проходил в напряженной атмосфере, и сомнения КПЕ в необходимости союза с армянской организацией (на самом деле их сотрудничество с самого начала было неискренним) впоследствии стали вполне очевидными благодаря документальным свидетельствам лидеров КПЕ. Как бы там ни было, но провал, которым закончилась эта попытка объединить ведущие младотурецкие организации, был отодвинут на второй план ходом последующих событий, когда факел протеста перешел от эмигрантских организаций, вынужденных распространять свои послания через печатное слово к активистам внутри империи. Участие, которое младотурки приняли в анатолийских беспорядках 1905–1907 годов, было лишь предвестием грядущих событий.

В сентябре 1906 года в Фессалониках была основана тайная организация, получившая название «Османское общество свободы» (ООС), которая стала новой базой КПЕ внутри империи. Главной фигурой в ООС являлся почтовый служащий, (Мехмед) Талат-бей, а среди других членов-учредителей (многие из которых прежде входили в состав старого КЕП) были землевладелец, бухгалтер и лейтенант. Другие офицеры армии, которая дислоцировалась в районе Фессалоник, также были привлечены в ООС, и среди них был майор (Исмаил) Энвер. В сентябре 1907 года произошло слияние ООС и КПЕ. И хотя Османское общество свободы лишилось своего на-

звания, оно продолжало существовать как автономная организация. В документе, определявшем условия, на которых эти две организации объединялись, утверждалось, что «главной целью» объединенного комитета является «приведение к исполнению провозглашенной в 1876 году конституции Мидхат-паши».

Слияние позволило КПЕ использовать в качестве надежного фундамента присутствие ООС в Фессалониках и переориентировать эту организацию на решение новых задач, а также убедить ее в необходимости как можно быстрее сместить Абдул-Хамида и восстановить конституционное правительство. Обновленный КПЕ составил свои нормативные документы, взяв в качестве образцов положения, которыми руководствовались активисты-дашнаки и члены Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), основанной в Фессалониках в 1893 году. Целью этой организации было создание Македонского государства на пространстве, включавшем в себя территории многонациональных османских провинций Косово, Монастир и Фессалоники. Это южнобалканское государство должно было простираться от Албании до Фракии. В 1895 году внутри ВМРО появилась раскольническая фракция, выступавшая за освобождение Македонии от турок и превращение ее в часть объединенной Великой Болгарии. В это же время граничившие с Македонией недавно созданные государства Болгария, Сербия и Греция, выдвинули неприемлемые территориальные претензии, которые ВМРО пыталась опровергать. Борьба, которую вели эти соседние государства за то, чтобы утвердить свои права на Македонию, сначала носила религиозный и культурологический характер и велась в первую очередь институтами, которые могли сплотить сторонников той или иной конфессии. Болгарский экзархат был создан в 1870 году, а интересы греков поддерживал патриарх в Стамбуле. Сербия, находившаяся в худшем положении, все же добилась формальной конфессиональной независимости от патриарха, когда в 1902 году учредила епархию Скопье. Энергичное пропагандистское соперничество с целью добиться преданности христиан этих османских провинций стало причиной серьезного беспокойства правительства Абдул-Хамида, которое понимало, что вскоре последует вмешательство великих держав.

Тем временем КПЕ становился подлинно революционной организацией, которая вербовала людей, готовых пожертвовать собой ради идеи, поощряла политические убийства и санкционировала ликвидацию любого, кого она считала «источником опасности». Но

в ней проводились довольно забавные ритуалы: тем, кого принимали в ее ряды, завязывали глаза, одну руку кандидат должен был положить на священную для исповедуемой им религии книгу, а другую на кинжал, или револьвер, или османский флаг. Кроме того, у КПЕ был свой герб, который один из самых современных исследователей этой организации описывал следующим образом:

Наверху покоится конституция в виде книги под сияющим солнцем. Знамена с надписями «перо» и «оружие» свисают с дротиков, обрамляя правую и левую сторону соответственно. Снизу каждый дротик опирается на пушку. В отличие от пушки на османском имперском гербе эта пара пушек палила, символизируя идеологический динамизм. В центре изображен большой перевернутый полумесяц с надписью «братство, свобода, равенство». Над центральной частью полумесяца — слово «справедливость». Ниже полумесяца извивается лента с красочной надписью «Османский комитет прогресса и единства», а в самой нижней части герба, ниже ленты, две пожимающие друг друга руки символизируют взаимопонимание народов Османской империи.

Опыт ведения партизанских действий, которым обладала ВМРО, лег в основу тактики ударных отрядов, сформированных из входивших в КПЕ офицеров, в то же самое время партизанские группы из мусульман были организованы в тех районах Македонии, где уже действовали отряды противников ВМРО. Эти партизанские группы предложили свою помощь КПЕ ради того, чтобы спасти оставшиеся европейские провинции империи от дальнейшего расчленения. После слияния двух организаций КПЕ за год с небольшим удалось открыть свои отделения в более чем 75 балканских городах и в самом Стамбуле, хотя в Анатолии успехи оказались скромнее. Обновленный КПЕ считал революционные преобразования невозможными без участия в них армии, на которую он возлагал все свои надежды. Комитет тщательно разрабатывал агитационную деятельность и особое внимание уделял пропаганде среди войск, которые несли службу на западном побережье Анатолии, поскольку именно эти подразделения должны были использоваться для подавления революции.

«Македонский вопрос» был одной из сложнейших проблем, с которыми столкнулось османское правительство. Не было той ос-

новы, которая могла бы объединить три провинции в единую македонскую общность, а османские силы безопасности не справлялись с возложенной на них задачей по пресечению вспышек насилия между разнообразными этническими и религиозными группировками. В 1897 году русский царь Николай II и австрийский император Франц-Иосиф заключили тайное соглашение о разделе османских Балкан. Спровоцированный ВМРО кровопролитный мятеж 1903 года вновь свел вместе русского царя и австрийского императора. Результатом их обсуждений (в ходе которых были приняты во внимание рекомендации Великобритании) стал ряд предложений, включавших в себя назначение русского и австрийского советника губернатору каждой из трех македонских провинций, передачу командования силами безопасности в Македонии европейцу, и комплектацию сил безопасности христианами и мусульманами пропорционально тому, какую часть от общей численности населения они составляли. Кроме того, на Россию и Австрию возлагалась ответственность за обеспечение спокойствия в назначенной для каждой из них части Македонии. Турки были вынуждены в целом принять эти предложения, но с помощью умелой дипломатии и всякого рода увильваний сумели воспрепятствовать их реализации. В апреле 1905 года в Македонии имели место бунты, направленные против подушного налога и налога на домашний скот. По своим масштабам, эти бунты были сравнимы с аналогичными волнениями в Анатолии.

Опасения, заставлявшие Абдул-Хамида уступать давлению европейских держав, стали движущей силой тех преобразований, которые зарождались внутри КПЕ. Издававшийся в Париже журнал организации почти полностью сосредоточился на обсуждении «македонского вопроса». Его публикации наряду с использованием других средств массовой агитации убедили мусульман и немусульман в том, что революция неизбежна. Хорошо понимая, что призывы к одним мусульманам (или туркам) контрпродуктивны, поскольку они только оттолкнут многочисленных христиан Македонии, КПЕ пытался привлечь внимание не только мусульман, но и вообще всего населения этого региона*. К 1908 году наряду с при-

* Трудно найти надежные данные о численности и составе населения. Согласно переписи, проведенной в 1906–1907 годах, численность мусульманского и христианского населения почти равна, и каждая из этих религиозных групп насчитывала около одного миллиона человек, причем

зывами к «туркам» как к авангарду движения, которое должно было спасти империю, появлялись призывы к «исламистам» и «османистам». Этот плавный переход помог КПЕ постепенно наладить связи с разнообразными революционными группировками Македонии.

Стремительный рост сторонников КПЕ, который имел место после его переезда в Фессалоники, и успеха предпринятых им пропагандистских усилий означал, что он уже не может оставаться исключительно подпольной организацией. Османское правительство давно было осведомлено о существовании ополчившихся против него тайных организаций и в первые месяцы 1908 года произвело несколько арестов. Подлинные амбиции и возможности КПЕ, а также степень той угрозы, которую он представлял, были выявлены, когда 13 мая правительство получило ультиматум, предупреждавший султана о том, что если не будет восстановлена конституция, то «будет пролита кровь и династия окажется в опасности». Военному министру посоветовали уйти в отставку, поскольку в противном случае ему грозило убийство. Тяжелое положение в Македонии стало поводом для встречи царя Николая II и короля Эдуарда VII, проходившей в период с 9 по 12 июня в эстонской столице Таллине (Ревеле). В ходе этой встречи были продолжены дискуссии по «македонскому вопросу». В условиях надвигавшегося вмешательства России и Британии проводимая КПЕ революция вступила в активную фазу, отмеченную целой серией политических убийств и партизанских действий, направленных против доверенных лиц правительства в этих трех провинциях. Несмотря на это, КПЕ продолжал настаивать на своих либеральных целях.

В начале июля по региону стали передвигаться группы пустившихся в бег мятежных военнослужащих и вооруженных гражданских лиц. Пользуясь методами борьбы балканских борцов с ненавистным режимом, эти группы по мере своего продвижения агитировали за конституционное правительство. Майор Энвер был одним из тех офицеров среднего командного состава, которые сыграли самую заметную роль в принятии партизанской тактики действий, и

христиан было чуть больше. Однако в статистических данных, которые перед открытием Берлинского конгресса были переданы британскому министерству иностранных дел, численность христиан по политическим соображениям была преувеличена и вдвое превышала численность мусульман.

поскольку правительственные структуры разрушались, КПЕ при содействии армии сумел установить свой контроль в Македонии. Ответственность за детали проведения революции была возложена на отделение КПЕ в Монастире. После двух дней активных действий, в ходе которых город оказался под полным контролем КПЕ, комитет провинции Монастир направил всем своим отделениям указание завершить революцию к 23 июля. Он уведомил губернаторов и других провинциальных чиновников высшего уровня о том, что, начиная с этого дня, действие османской конституции будет восстанавливаться силой. В ульгиматуме правительству потребовали вновь ввести в действие конституцию и пригрозили, что в случае неподчинения 26 июля войска двинутся на Стамбул. Демонстрируя свое желание добиться примирения, Абдул-Хамид сместил великого визиря и главнокомандующего армией. Но этого оказалось недостаточно. После срочных совещаний со своими советниками он издал опубликованный 24 июля декрет, в котором распорядился восстановить действие конституции. Когда известия о революции и ее последствиях постепенно достигли отдаленных провинций империи, первая реакция на них была неоднозначной. Где-то эти известия были встречены с энтузиазмом, а где-то им просто не поверили.

Так начиналось то, что историки современной Турции называют «вторым конституционным периодом». Абдул-Хамид остался на троне, но в качестве конституционного монарха. После того как эйфория утихла, руководителям КЕП (после революции КПЕ вернул себе это название) стало совершенно ясно, что решение задачи по приостановке крушения Османской империи потребует новой стратегии, которая будет до самого конца (а они его предвидели) эксплуатировать навеянные революцией идеалистические ожидания. Сложность заключалась в том, что призыв к восстановлению конституции предполагал и возобновление работы парламента, учреждения, которое должно было ограничивать произвол власть имущих. По мнению современных историков, в намерения КЕП «не входило создание многопартийной политической системы, в которой различные партии и общества проводят свою политику. Напротив, его лидеры предполагали создать одну головную организацию, объединяющую все этнические, религиозные и социальные группы, которые бы функционировали, не выходя за рамки ограничений, четко обозначенных КЕП». Хотя в те недели, которые предшествовали государственному перевороту, лидеры КЕП испытыва-

ли сильное желание использовать в своих целях народные настроения, они рассматривали парламент только как «расширение современного бюрократического аппарата, находящегося под контролем просвещенной правящей элиты».

В оставшиеся летние месяцы 1908 года КЕП выдвинул различные политические предложения. Не было ничего нового в желании КЕП завершить модернизацию государства путем реформирования финансовой системы и системы образования, а также стимулирования общественных работ и сельского хозяйства. Не отличалось новизной и намерение способствовать соблюдению принципов равенства и справедливости, раскрытое в политическом манифесте этой организации, опубликованном перед парламентскими выборами, проходившими в октябре и ноябре 1908 года. В нем КЕП вновь подтвердил то, что все османские граждане обладают равными правами и обязанностями, независимо от своей расовой и религиозной принадлежности. Однако христианские общины тех балканских территорий, которые еще остались у Османской империи, уже не считали, что КЕП является представителем их стремлений, и выражали надежду на то, что права, обещанные им реформаторами *танзимат* (а именно так они это поняли), будут в полной мере им предоставлены. Те, кто стоял в авангарде реформаторского движения, узурпировали понятие «османизм», но проблему для них представляли противоречия, которые, как предполагалось, неизбежно дадут о себе знать в ходе практической реализации этой идеологии, то есть когда придется убеждать мусульман и немусульман в том, что достижение подлинного равенства между ними влечет за собой принятие на себя теми и другими не только прав, но и обязанностей.

В октябре 1908 года новый режим испытал серьезный удар, вызванный окончательной потерей трех территорий, которые формально находились под властью империи. В первую неделю этого месяца османская Болгария объявила о своей независимости от империи и о своем объединении с независимой Болгарией (полуавтономная Восточная Румелия уже стала частью Болгарии в результате государственного переворота 1885–1886 годов), Австро-Венгрия формально аннексировала Боснию-Герцеговину, а Крит, который уже десять лет находился под управлением греческой администрации, заявил о своем объединении с Грецией. Единственным слабым утешением было то, что турки могли надеяться на возмещение территориальных потерь теми, кто оказался в выигрыше,

и то, что была признана духовная власть султана-халифа над мусульманами этих регионов.

Выборы нового парламента проходили в соответствии с тщательно подготовленными и детально разработанными в смысле применения их положений законами и сопровождались горячими дискуссиями, проходившими в атмосфере всеобщего ликования. Оппонентами поддерживаемых КЕП кандидатов были ставленники недавно сформированного Либерального союза (ЛС), в который вошли некоторые из тех, кто испытывал неприязнь к КЕП. Сабехеддин-бей, который в сентябре 1908 года вернулся из длительного изгнания, не входил в число основателей ЛС, но являлся своего рода «серым кардиналом» этой партии, которая поддерживала его убежденность в том, что в провинциях с неоднородным этнорелигиозным составом населения лучше всего иметь децентрализованные структуры управления. Однако деятельность партии была плохо организована в провинциях, и поэтому она не смогла убедить многих набравших недостаточное количество голосов кандидатов в том, что им следует продолжить выборную борьбу, встав под знамена ЛС. Кроме того, плохая организация не позволила партии перейти к оказанию постоянной поддержки старому режиму в менее развитых регионах. Кандидаты КЕП получили большинство мест, и 17 декабря 1908 года двухпалатный парламент был открыт султаном Абдул-Хамидом.

Должно быть султан и его ближайшие советники надеялись на то, что прохладная реакция на его вступительную речь не отражает общее настроение. Но реакция либералов на недовольство Абдул-Хамида возобновлением деятельности парламента оказалась настолько негативной, что было решено пригласить депутатов на банкет во дворец Долмабахче, где они могли бы сами удостовериться в добрых намерениях султана. Его главный секретарь Али Кевад-бей сумел уговорить своего владыку принять содержание речи, которая должна была убедить депутатов. В своем отчете о событиях 1908—1909 годов он сообщает, что все депутаты встретили эту речь рукоплесканиями. Однако прессу это не удовлетворило, и она продолжала выступать с нападками на султана, а он, считая, что выполнил свой долг, в свою очередь, отказался переезжать из дворца Йылдыз во дворец Чыраган на побережье, чтобы дать там традиционный прием в честь праздника Байрам. Кроме того, он отказался появляться перед парламентом даже в тех случаях, когда протокол требовал его присутствия.

Одновременно с драматическими событиями лета 1908 года шла беспрецедентная либерализация социальной и экономической жизни, особенно в крупных городах и прежде всего в Стамбуле. В 1901 году женщины снова стали объектами применения законов, регулирующих потребление предметов роскоши. Эти законы четко определяли длину и толщину чадры, которую они должны были носить (даже в автомобиле, когда речь шла о тех женщинах, которым посчастливилось в них ездить), и как только эти ограничительные законы стали менее строгими, образованные женщины сразу же воспользовались свободами, которых до этого они были лишены. Теперь они одевались по собственному вкусу и стали принимать более заметное участие в общественной жизни, посещая собрания и основывая филантропические и учебные ассоциации. Именно в 1908 году выдающаяся интеллектуалка и активистка Халиде Эдип основала «Общество борьбы за возвышение женщин», которое имело связи с британским движением суфражисток. Но старые взгляды менялись слишком медленно, и после того, как в октябре 1908 года империя показала свое бессилие, когда она смирилась с территориальными потерями, толпы людей вышли на улицы, требуя закрыть театры и таверны, запретить фотографирование и снова заставить женщин (многие из которых к этому времени уже перестали носить чадру) скрывать лицо и фигуру. Более того, имели место даже призывы вернуться к полномасштабному применению исламского права.

Другой группой, которая теперь без колебаний выражала протест против условий своего существования, были рабочие. Османские подданные всегда обладали правом обращаться к властям с прошениями исправить то, что воспринималось ими как несправедливость, и это средство защиты их интересов сохранилось, даже когда в ходе индустриализации экономики вместе с незнакомыми формами и условиями работы появились и новые, нетрадиционные способы выражения протеста, которые в 1845 году были запрещены законом, представлявшим собой не что иное, как перевод на турецкий французского закона 1800 года. Этот закон запрещал деятельность профсоюзов и забастовки, но он так и не смог полностью предотвратить случаи непримиримого противостояния и проявления насилия. И вот в 1908 году, несмотря на риск подвергнуться репрессиям со стороны полиции и войск, протестующие отважились выразить свое недовольство, которое прежде не могло найти выхода. Количество протестов множилось, так как все больше и больше ра-

бочих устраивали забастовки, требуя повышения зарплаты и улучшения условий работы в шахтах, на фабриках и железных дорогах, где они трудились. Первое после 1845 года антизабастовочное законодательство было принято правительством в октябре 1908 года (еще до того, как был открыт парламент), после забастовки на Анатолийской железной дороге. В течение трех месяцев после революции произошло более сотни забастовок: главным образом они проходили в Стамбуле и Фессалониках, но незатронутыми остались лишь немногие регионы империи, и было подсчитано, что в то время в забастовках приняли участие три четверти промышленных рабочих, то есть от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч человек, включая и мужчин, и женщин. Волна забастовок 1908 года показала, что недовольные больше не желают находиться на положении рабов, как это было в прошлом, а отступление репрессивного режима Абдул-Хамида предоставило каждому человеку возможность, хотя и ограниченную, добиться улучшений условий своей жизни и работы. Однако, по словам современного исследователя того периода, османских забастовщиков «усмиряли с помощью канонерских лодок, батальонов регулярной армии и антизабастовочных законов, их деятельность пресекалась, и восстанавливалось доминирующее положение государства». Как и у Абдул-Хамида, и его предшественников, у КЕП не было времени прислушаться к голосу «народа», и в любом нарушении общественного порядка он видел угрозу спокойствию государства. Поэтому доверенные лица комитета получали разрешение подавлять любые беспорядки.

Для многих своих подданных султан Абдул-Хамид все еще оставался вне критики, являясь «тенью Всевышнего на земле»: так, во время продолжавшихся с 1905 по 1907 годы налоговых бунтов в Анатолии население ликовало и в молитвах просило даровать ему долгие годы жизни, всякий раз когда он вмешивался и снимал с должностей бюрократов и администраторов, которые считались продажными. Такой почет и благоговение заставили политических активистов искать другие поводы для того, чтобы мобилизовать антиправительственное общественное мнение. Февраль и март 1909 года оказались беспокойными месяцами, так как недовольство новым порядком возрастало: либеральная оппозиция в парламенте громко и открыто обвиняла КЕП в авторитаризме, а в конце марта была сформирована ассоциация, получившая название «Мусульманский союз», которая через свой рупор, газету «*Волкан*» («Вулкан») подстрекала мусульман выступить против КЕП.

В день, который турецкие историки вспоминают как 31 марта 1909 года (на самом деле 13 апреля по григорианскому календарю), начался контрпереворот. В его основе лежал традиционный союз между недовольным духовенством и недовольными войсками. На сей раз это были военнослужащие Первой армии, размещенные в Стамбуле, и легкая пехота Третьей армии, находившейся в Фессалониках. За полгода до этих событий легкая пехота Третьей армии получила известность, когда некоторое количество ее расквартированных в Стамбуле военнослужащих усмирило взбунтовавшихся солдат, которые отказались ехать на продолжавшуюся тогда войну в Йемене. В середине марта 1909 года их снова вызвали, на этот раз для того, чтобы подавить мятеж размещенных во дворце Йылдыз албанских войск, которые отказывались служить вместе с анатолийскими войсками. Оказавшись свидетельницами прибытия пехоты Третьей армии, женщины гарема, предчувствуя, что будет кровавая баня (а она несомненно должна была произойти), подняли визг, что привело к отмене приказа открыть огонь: напряженная обстановка была разряжена без единого выстрела. Но теперь раздраженные войска вышли из своих казарм, находившихся на другой стороне Золотого Рога, и хлынули в Старый город. На ипподроме, который в прошлом был ареной многочисленных мятежей, они присоединились к другим недовольным. Конечным пунктом их маршрута был уже не дворец Топкапы, а здание парламента, до которого было рукой подать. Постепенно поступали известия о том, что военнослужащие Первой армии и пехотинцы Третьей взяли под арест своих офицеров. Лозунгом, который их вдохновлял, когда они маршировали по городу, был призыв к восстановлению исламского права. Мятежные войска утверждали, что при реформаторском режиме, которому служила армия, им не давали времени на религиозные обряды. Абдул-Хамид всегда отдавал предпочтение офицерам, выдвинувшимся из рядовых: он считал их более консервативными и менее склонными к либерализму. Многие из таких офицеров были исключены из рядов КЕП после революции 1908 года, во главе которой стояли выпускники военной академии, а не выходцы из низших чинов. Обездоленные, которые теперь пытались наверстать упущенное, имели такое же социальное происхождение, как и присоединившиеся к их протесту представители духовенства среднего и низшего уровня. В тот период, когда в империи происходили перемены, эти священнослужители быстро теряли свою роль в общественной жизни. После того как военнослужащим, находившимся

в регионах с особо неблагоприятным для здоровья климатом, таких как Ирак и Йемен, срок воинской службы был уменьшен до двух лет, стали распространяться слухи, что в целях увеличения численности личного состава в армию, впервые за всю историю империи, будут призываться учащиеся богословских школ. Это только подлило масло в огонь.

Толпа требовала головы высокопоставленных политиков, входивших в КЕП. Шейхульисламу, который выступал в роли посредника, передали пять требований: уход в отставку великого визиря, военного министра и председателя парламента; смещение некоторых видных деятелей КЕП; полномасштабное применение исламского права; увольнение офицеров, которые были выпускниками военных академий, и восстановление в должностях тех, кто начал карьеру с низших чинов; и обещание султана, что он не будет никого наказывать. Затем последовала стремительная развязка ситуации, в которой противоборствующие стороны оказались 13 апреля: правительство ушло в отставку, бунтовщики были помилованы, а султан пообещал уделять гораздо больше внимания исламскому праву. Некоторые историки считают этот контрпереворот делом рук Абдул-Хамида и его придворных, поскольку за «инцидентом 31 марта» явно стояли члены османской династии, среди которых был один из сыновей султана и один из его племянников, а также высокопоставленные придворные. Они же принимали участие и в планировании последствий контрпереворота.

КЕП быстро отреагировал на то, что он расценил как сделку между Абдул-Хамидом и бунтовщиками. Правительство действительно подало в отставку (хотя и под давлением), но действия султана были действиями самодержца, не связанного никакими статьями конституции и бросающего вызов парламенту. Спустя десять дней султан и его приближенные оказались изолированными во дворце Йылдыз, который был взят в осаду так называемой «армией действия». Это были войска, в основном входившие в состав главных сил Третьей армии. Во главе со своим командиром, Махмудом Шевкет-пашой, они спешно прибыли из Фессалоник. По словам Али Кевадбея, к 27 апреля солдаты со штыками заполнили весь дворец, за исключением гарема, обитатели которого были изолированы и страдали от голода. Махмуд Шевкет уверял, что его войска пришли не для того, чтобы низложить султана, но на следующий день после горячей дискуссии в парламенте делегация депутатов, включавшая армянина Арама-эфенди, еврея Карасу-эфенди из Фессалоник и

двух мусульман, Арифа Хикмет-пашу и Эсад-пашу, прибыла во дворец и объявила, что «народ» низложил султана. Попросив, чтобы ему разрешили удалиться во дворец Чыраган, Абдул-Хамид, который был не в состоянии признать, что он сам виновен в своем падении, повернулся к Али Кеваду и распек его за то, что тот присутствовал на церемонии принесения клятвы верности его брату, Решаду, который теперь стал султаном. Али Кевад сообщает о том, как он вытирал горькие слезы, когда уверял в своей преданности Абдул-Хамиду и государству. Али Кевад ожидал, что Абдул-Хамид переедет в Чыраган на следующий день, и был удивлен, когда той же ночью офицеры из окружения Махмуда Шевкета прибыли в Йылдыз и приказали сообщить султану о том, что он должен немедленно отбыть «ради его же собственной безопасности» в Фессалоники, где дислоцировалась Третья армия и находилась штаб-квартира КЕП. Абдул-Хамид с небольшой сумкой в руках и его ближайшее окружение (младший сын, Мехмед Абид-эфенди, пятый сын Абдурахим Хайри-эфенди и несколько наложниц) разместились в четырех экипажах и поехали на железнодорожный вокзал, откуда они отправились в изгнание. В прессе сообщалось, что на вокзале низложенный султан выпил стакан воды и наградил щедрыми чайными того человека, который принес ему воду. Огорченный неблагодарностью своего владыки, Али Кевад-бей наблюдал за тем, как они уезжали, а утром удалился в свой дом, находившийся в деревне Бебек, на берегу Босфора. В конституции не было предусмотрено низложение султана, и не признавался принцип народовластия, поэтому парламент не обладал исключительным правом санкционировать смещение султана. Руководители КЕП считали себя изъявителями воли народа по той причине, что именно их партия несла ответственность за восстановление конституции и за изменение государственного устройства после контрпереворота. Однако подобная точка зрения юридически ничем не подкреплялась. Но поскольку конституция провозгласила ислам государственной религией, его все еще можно было использовать для оправдания действий тех, кто управлял государством. Таким образом, решение низложить Абдул-Хамида получало законную силу, если это решение допускалось исламским правом, то есть фетвой шейхульислама. Делегация, которая отправилась в Йылдыз, чтобы сообщить султану о его низложении, располагала таким документом.

Если контрпереворот («Инцидент 31 марта») был почти бескровным, то кара, которую затем воздал за него КЕП, оказалась безжа-

лостной. Среди почти восьмидесяти человек, сразу же отданных под трибунал и повешенных, было более пятидесяти солдат, два паши, и издатель газеты «Вулкан», Дервиш Вахдети, а также члены семейства Абдул-Хамида. Многие другие были заключены в тюрьмы, а простых солдат, которые приняли участие в мятеже, послали строить дороги на Балканах. «Инцидент 31 марта» получил резонанс в провинциях. Во время вспыхнувшего 13 апреля мятежа войск в Эрзинджане (вызванного слухами о том, что будет вновь введено исламское право), было разрушено местное отделение КЕП. В период между 14 и 16 апреля, в силу обстоятельств, которые до сих пор не вполне понятны, в Адане и в прилегающих к ней районах было совершено массовое убийство тысяч армян, а значительная часть города сожжена. В то время появились сообщения, в которых, ссылаясь на вполне надежные сведения, утверждалось, что сам султан распорядился произвести убийства и ликвидировать местное отделение КЕП, которое по-прежнему использовало идею «османизма» и рассчитывало на поддержку как мусульман, так и христиан, и что в этот регион были направлены агенты-provokatory, которые подстрекали мусульманское население. Впрочем, в самом городе Адана мусульманские религиозные лидеры осудили бойню и выразили свою солидарность с армянской церковью.

Брат Абдул-Хамида, Решад, взшел на трон под именем Мехмеда V. Парламент признал, что османская конституция устарела, и в своем исправленном варианте, созданном летом 1909 года (с учетом тех испытаний, которым она подверглась во время недавних событий), конституция стала документом высшего приоритета. Властные полномочия султана официально были настолько ограничены, что теперь он мог только царствовать, а не править. Его функции в управлении государством теперь сводились к тому, что он только подтверждал решения, принятые парламентом или кабинетом министров. Это был весьма значительный отход от традиций прошлого. Благодаря «Инциденту 31 марта», на политической арене появилась такая сильная личность, как Махмуд Шевкет-паша, который теперь обладал значительной властью, так как являлся главным инспектором Первой, Второй и Третьей армий, дислоцированных в Стамбуле, Эдирне и Фессалониках соответственно. В сущности этот пост ставил его выше парламента и выше КЕП, инструментом которых он являлся во время руководимого ими низложения Абдул-Хамида. Недавно наделенный верховной властью парламент

лишился ее еще до того, как был утвержден его состав. Причиной этого стало военное положение, введенное, когда Махмуд Шевкет шел маршем на Стамбул, чтобы низложить Абдул-Хамида и которое продолжало действовать в последующие годы.

Султан был отстранен от управления государством, и в последующие годы шла борьба за власть между новыми претендентами. Махмуд Шевкет-паша никогда не был членом КЕП и поэтому настаивал на том, чтобы армия оставалась вне политики: вскоре он обозначил свое намерение действовать, не взирая на конституционные ограничения. На выборах 1908 года КЕП получил большинство в парламенте, объединив своих кандидатов в единый блок под названием «Ассоциация за общественное благо». Однако грань отделявшая тех его членов, которые занимались исключительно политической деятельностью, от тех, кто принимал участие в военных акциях, была весьма размытой, как, впрочем, и грань, отделявшая официально признанных депутатов, получивших свои места благодаря попечительству КЕП, от «невидимок» из непарламентского подпольного комитета. Эти противоречия стали исчезать в 1909 году, когда комитет отказался от конспирации и стал официально зарегистрированной политической партией — партией единства и прогресса, которую также называли юнионистской партией.

Лидеры КЕП считали, что сохранение целостности империи требует применения драконовских методов, и в конце 1909 года были приняты меры, включавшие в себя еще один антизабастовочный закон и законы, ограничившие свободу собраний. Это позволило эффективно сдерживать проявления недовольства деятельностью правительства. Однако самым значимым стало принятие закона о призыве немусульман на военную службу. Как это уже случалось в прошлом, данный закон вызвал протесты лидеров немусульманского меньшинства, которые требовали, чтобы их единоверцы служили отдельно от мусульман. Что касается освобождения от воинской службы, то как и прежде, его покупали те, кто мог себе это позволить.

Парламент медленно входил во власть, но в 1910 году он выразил свое несогласие с проектом государственного бюджета, тем самым продемонстрировав, кому действительно принадлежат рычаги управления. Махмуд Шевкет-паша был назначен в правительство в качестве военного министра в надежде на то, что это ограничит ему свободу действий, но он энергично выступил против снижения военных расходов (финансовые ресурсы были недостаточными, и его коллеги желали направить их на другие цели) и добился своего. Он

также одержал победу в деле о судьбе сокровищ дворца Йылдыз: военных подозревали в разграблении дворца, занятого ими к моменту низложения Абдул-Хамида, но он успешно заблокировал призывы провести расследование.

Если гражданские парламентарии не могли полностью контролировать военных, поскольку их интересы представлял Махмуд Шекет-паша, то и КЕП не мог полностью контролировать политический процесс. Вскоре после того, как КЕП стал политической партией, от парламентской «Партии единства и прогресса» откололась группа, называвшая себя «Народной партией». За стенами парламента репрессии КЕП привели к появлению оппозиции в виде целого ряда политических группировок, похожих друг на друга только своей неприязнью к политике жесткой централизации, которую проводил КЕП. Но совершенное в июне 1910 года убийство либерального журналиста положило начало новому витку антиопозиционной деятельности. Похожее убийство произошло всего за несколько дней до «Инцидента 31 марта», поэтому власти были настороже. Последовали аресты, и пронесся слух о готовящемся заговоре с целью свержения правительства.

В ноябре 1911 года партия под названием «Либеральный союз» (которая после своего появления в 1908 году была распущена, а потом вновь сформирована) оказалась в центре оппозиции правительству и в ходе дополнительных выборов в Стамбуле получила место в парламенте. В ответ на это исполненный решимости усилить свое давление на парламент КЕП воспользовался тем, что его фракция находилась в большинстве, и в тот момент, когда в Йемене и Ливии шла война, добился роспуска парламента. Прибегнув к тактике запугивания и подтасовки голосов, КЕП вновь получил места в парламенте, став партией большинства после выборов, состоявшихся в начале 1912 года. На примере КЕП оппозиция убедилась в том, что неконституционные действия быстрее приводят к желаемым результатам, чем терпеливое ожидание того, когда парламент обретет достаточную уверенность в себе и утвердится без поддержки извне. И вот в июле 1912 года тайная организация офицеров, которые были яркими противниками КЕП, снова добилась роспуска парламента. Султан объявил о проведении новых выборов, но еще до того, как они завершились, империя вступила в войну на Балканах. Выборы были отменены, и прошло больше года, прежде чем их снова сумели провести.

Привыкание к новым концепциям государственного управления, принятым вместе с учреждением конституционной монархии, оказалось болезненным процессом, который осложняли продолжавшаяся напряженность в провинциях и давление со стороны иностранных государств. До революции 1908 года албанцы, как и многие другие этнические и конфессиональные группы, входили в состав тогда еще нелегального КЕП. Оказывается, что в действительности революция началась 3 июля (то есть более чем за две недели до начала событий в Стамбуле), когда один албанец, капитан Ахмед Ниязи, а с ним еще 200 человек ушли в горную местность, находившуюся между провинциями Охрид и Монастир, и оттуда он от своего собственного имени направил требование восстановить конституцию*. После революции цензура была отменена, что предоставило албанцам, как и другим подданным империи, свободу выражать свое мнение. Это привело к тому, что активная пресса сразу же воспользовалась случаем оказать содействие росту национального самосознания. Албанцы всех вероисповеданий и политических убеждений выдвинули целый ряд громких требований в отношении предоставления им большей степени самоопределения. Но затем последовал контрпереворот 1909 года, и руководство КЕП в Стамбуле стало с недоверием относиться к албанскому национальному движению и оказывать ему решительное сопротивление, поскольку уступить его требованиям значило признать то, что внутри считавшегося единым мусульманского сообщества есть противоречия. Идти на уступки было немыслимо по стратегическим причинам: Албания являлась буфером, который защищал сердце империи от алчных европейцев. Для правительства Албания, на лояльность которой теперь нельзя было рассчитывать, стала источником беспокойства. Главной проблемой, с которой так или иначе были связаны другие спорные вопросы, стало постановление КЕП, объявившее незаконным публичное использование латинского алфавита для албанского языка. Эта непродуманная мера вбила клин между общинами христиан и мусульман, которые до этого выступали с единых позиций, и привела к вооруженному

* Революция 1908 года получила широкую известность как революция «младотурков», и турецкие историки-националисты лишь с большой неохотой признают ту роль, которую в ней сыграли такие нетурки, как, например, албанцы.

сопротивлению, которое и те и другие стали оказывать представителям центральной власти в этом регионе.

Чтобы гарантировать лояльность жителей беспокойного региона, который в прошлые столетия дал империи так много выдающихся политических деятелей и отважных солдат, КЕП решил использовать авторитет самого султана-халифа. Пятого июня 1911 года султан Мехмед V морем отправился из Стамбула в Фессалоники, где навестил находившегося в изгнании Абдул-Хамида и дал множество аудиенций, во время которых беседовал с местными аристократами и государственными чиновниками. Там он принял и «благородного борца» капитана Ниязи, а потом отправился на поезде в глубь региона и посетил Скопье и Приштину. 15 июня, в годовщину победы, которую в 1389 году одержал султан Мурад V, разгромивший на Косовом поле сербского короля Лазаря и его армию, Мехмед привел группу мусульман на место битвы, чтобы совершить там молитву. Во время поездки по Балканам его приветствовали толпы народа, но на Косовом поле его встретило меньше людей, чем ожидалось. Приветствуя его возвращение в Стамбул, газетные передовицы высказывали мнение, что султан «вернулся, завоевав сердца жителей Румелии». Но на самом деле ни его визит, ни сопровождавшие этому визиту уступки требованиям местного населения (такие как, например, амнистия всем отбывающим наказание за исключением тех, кто совершил убийство) не смогли предотвратить последующие волнения.

Как в Албании, так и в арабских провинциях империи общность по географическому признаку становилась более мощным фактором единения, нежели принадлежность к одной религии. Характерная для арабской культуры рассудочность и чувство собственного достоинства стали проявляться, начиная с реформ *танзимат*, и особенно в период правления Абдул-Хамида, когда арабы, в течение длительного времени не назначавшиеся на высшие должности в центральном правительстве, были привлечены Абдул-Хамидом для того, чтобы придать законность его исламистским претензиям и преградить арабам путь к независимости от империи. У арабов было двойственное отношение к переменам, которые произошли в далеком Стамбуле после низложения султана. В 1908 году более четверти из приблизительно 280 депутатов парламента были арабами. Как и армяне, многие арабы, принимавшие участие в официальной политике (либо на местном уровне, либо в Стамбуле), оказа-

лись более склонными к либерализму, нежели к радикализму или даже к насилию, свойственному КЕП. Поставив целью достижение «османской» лояльности, КЕП взял курс на проведение политики централизации с ее отказом от признания регионального многообразия как основы парламентского представительства, и этим сильно уязвил арабов. Навязанное комитетом введение турецкого языка в средних школах и судах империи привело к тому, что в некоторых арабских кругах это стали воспринимать не только как удар по самим основам арабского самосознания, но и как покушение на ту неприкосновенную составляющую религии, которая объединяла турок и арабов. И это восприятие использовалось для того, чтобы поддерживать осознание угрозы, поскольку политика КЕП рассматривалась именно как угроза той широкой автономии, которой издавна пользовались арабские провинции. Ахмед Кевдет-паша предупреждал Абдул-Хамида о том, насколько важно относиться к арабам с уважением, поскольку их язык был языком ислама, и указывал на то, какой вред наносили государственные чиновники, которые оскорбляли арабов, называя их «феллахами», то есть крестьянами.

Предпринятые КЕП и правительством попытки распространить центральную власть на районы, контролируемые местными племенными вождями, привели к серьезным волнениям, которые в 1910 и 1911 годах имели место в Сирии и в особенности на Аравийском полуострове. Реакция арабов на драматические события в Стамбуле была неоднозначной: так, египетские интеллектуалы смотрели на столицу в надежде на то, что происходившие там события дадут импульс их борьбе с чужаками-британцами, и подчеркивали свою верность султану-халифу. Совсем иные чувства испытывали сирийские интеллектуалы, которые покинули свою родину и уехали в Каир, чтобы избежать посягательств османского центрального правительства на их традиционные свободы.

В то же самое время рухнули надежды Абдул-Хамида на то, что он сможет сорвать планы европейских держав относительно колонизации Северной Африки. В 1870 году завершился процесс объединения Италии, и вслед за Францией, которая в 1881 году оккупировала Тунис, итальянское правительство стало заявлять о своих интересах в этом регионе, а итальянская пресса стала убеждать в необходимости захвата Триполи. На всем протяжении 90-х годов XIX столетия Италия продолжала предъявлять претензии на этот регион, а в 1902 году местные представители встретились с итальян-

янский консулом в Каире, чтобы выяснить, не входит ли в намерения Италии оккупировать провинцию. Консул ответил, что Италия всего лишь пытается воспрепятствовать посягательствам других европейских держав, но что если возникнет необходимость в оккупации, то она будет проявлять уважение к исламу. Вскоре итальянцы стали вооружать местное население, сражавшееся с французами. К огорчению КЕП итальянские деловые круги быстро закрепились в Триполи, а Италия стала соперничать с империей в борьбе за влияние в регионе. В 1910 году в провинцию был направлен новый губернатор, но итальянцы выразили недовольство тем, что он препятствует их интересам. В конце 1911 года, когда борьба за колониальные владения еще больше обострилась, Италия осуществила вторжение. К этому времени находившиеся в провинции османские вооруженные силы были отправлены в Йемен, где вспыхнул очередной мятеж, и оборона Триполи (который, по признанию военного министра Махмуда Шевкет-паши, был непригоден для защиты) была поручена офицерам, привлеченным из КЕП, среди которых были молодой офицер Мустафа Кемаль и майор Энвер, который подстрекал членов местного племени сануси вести партизанскую войну на востоке провинции. В угоду иллюзиям Энвера, считавшего провинцию своим собственным «королевством», его имя произносилось первым в пятничных молитвах, и даже на бумажных деньгах стояла его подпись. Он продержался до осени 1912 года. В апреле 1912 года итальянские военные корабли обстреляли берега Дарданелл, а в мае захватили острова Додеканес. Мирный договор, заключенный в октябре 1912 года в местечке Уши, близ Лозанны, юридически оформил потерю османской провинции Триполи, которая отошла к итальянцам. С тех пор и до самого своего крушения в 1923 году Османская империя почти непрерывно вела оборонительные войны.

Едва империя завершила войну в Йемене (в 1911 году) и приступила к мирным переговорам с Италией, как на Балканах началась гораздо более опасная схватка. Там небольшие государства, которые недавно появились на карте этого беспокойного региона, пытались удовлетворить свои националистические претензии и соперничали друг с другом даже тогда, когда делали вид, что сотрудничают. После того как началась война с Италией, между Сербией, Черногорией, Грецией и Болгарией были заключены различные союзы, и эти страны перешли к действиям в начале октября 1912 года, когда, потребовав проведения далеко идущих административных

реформ в балканских провинциях Османской империи, они мобилизовали свои силы против плохо подготовленных к войне турок. Так началась Первая Балканская война. Еще оставшиеся у империи балканские территории имели для нее неизмеримо большее значение, чем Триполи, и в конце 1912 года Энвер уехал из Северной Африки на Балканы, уверенный в том, что он сможет эти территории защитить. Но к тому времени, когда он и его офицеры прибыли в Стамбул, османская армия уже отступила к линии обороны Чаталка (созданной в 1877—1878 годах для защиты столицы от нападений русских войск), проходившей в пятидесяти километрах к западу от Стамбула. Османские войска удерживали этот рубеж, и в декабре балканские союзники согласились прекратить огонь. Дискуссии, имевшие место в ходе последующей мирной конференции в Лондоне, затянулись по причине несовместимости требований, выдвинутых различными балканскими государствами.

Впрочем, некоторые из условий будущего мирного договора стали понятны еще на ранней стадии обсуждений, в том числе и то, что Эдирне, все еще окруженный болгарскими войсками, должен перейти в их владение. Османское правительство, во главе которого стоял великий визирь Камиль-паша (которого называли «Инглиз» [«англичанин»] Камиль по причине того, что он более двадцати лет находился в тесных связях с Британией), было готово пойти на столь немислимые уступки, что снова заставило военных, этих «стражей государства», предпринять действия, направленные на исправление недостатков действий парламента. 23 января 1913 года возглавляемая Энвером группа военнослужащих ворвалась в зал заседаний кабинета министров, застрелила военного министра Назим-пашу и под угрозой применения оружия заставила Камилля подать в отставку. Затем Энвер и его сподвижники реквизировали автомобиль шейхульислама и поехали во дворец Топкапы, где они заставили султана назначить Махмуда Шевкет-пашу на освободившийся пост великого визиря. Кроме того, он снова получил пост военного министра, с которого ему пришлось уйти за несколько месяцев до событий. В результате поспешных и неконституционных действий ответственность за проведение внутренней политики и решение задачи по отражению атак внешних врагов легла на Махмуда Шевкет-пашу: его правительство отвергло условия мирного договора, выдвинутые на Лондонской конференции, и болгары возобновили артиллерийский обстрел Эдирне. Обратившись к Махмуду Шевкету, Энвер заявил, что он возглавит атаку на болгар с запа-

да, но план снять осаду с города потерпел неудачу, и 24 марта 1913 года Эдирне пришлось сдать болгарам. 30 мая в Лондоне было подписано мирное соглашение.

Переворот Энвера сверг правительство, но он нисколько не повысил боеспособность османской армии и не помог ей защитить границы империи, и вполне вероятно, что именно после этого переворота КЕП лишился политической опоры. Катастрофа, которой закончилась Первая Балканская война, дискредитировала Махмуда Шеквет-пашу. 11 июня 1913 года он стал жертвой убийства по политическим мотивам, а двенадцать человек, которые якобы несли ответственность за его гибель, были повешены. Это убийство предоставило КЕП возможность расправиться со своими оппонентами. Вторая Балканская война началась, когда внезапное вступление Болгарии, Сербии и Греции в междоусобную борьбу за раздел территорий привело к тому, что Болгария перебросила в Македонию свои войска, стоявшие на новой восточной границе во Фракии. Османские войска двинулись на запад, чтобы заполнить вакуум, оставшийся после ухода болгар, и дали КЕП шанс реабилитироваться. Эдирне был возвращен империи. К огорчению корпуса, который собственно и освободил Эдирне, Энвер въехал в город во главе победоносных войск. Перейдя рубеж Марица—Тунджа, армия двинулась дальше. По условиям мирного договора, который впоследствии был заключен между империей и Болгарией, Эдирне остался за турками, а западная граница Турции была установлена там, где она проходит в наши дни.

После январского переворота 1913 года лидеры КЕП по-прежнему держали правительство мертвой хваткой, но во время Балканских войн партия лишилась политической опоры в Македонии. Британская пропаганда, распространявшаяся из Египта, стала еще более резкой в стремлении разобщить турок и еще более бесстыдной в попытках вбить клин между ними и арабами. Правительству в Стамбуле стало ясно, что нужно расположить к себе эту крупнейшую нетурецкую группу населения империи. Статья в «Независимой газете» от 22 апреля 1913 года продемонстрировала, что в этом возникла крайняя необходимость:

Имеет место напряженность между семитскими мусульманами и турецкими мусульманами. Основным фактором является расовая принадлежность. Турок физически отличается от араба, как ломовая лошадь от скаковой. Еще более заметными являются

ся отличия интеллектуального и духовного порядка между неторопливым, спокойным, уравновешенным, властолюбивым, материалистичным, несозерцательным и неэстетическим турком и сообразительным, неутомным, демократичным, политизированным, романтичным, артистичным и непостоянным арабом.

Центральное правительство (которое с удивительной щепетильностью отнеслось к своей прежней позиции по этому вопросу) теперь изо всех сил старалось соответствовать требованиям арабов, стремившимся добиться более приемлемого для них стиля управления провинциями. Возврат к употреблению арабского языка в судах и средних школах, а также в прошениях и официальных сообщениях вызвал весьма позитивную реакцию: всего за несколько лет до этого использование турецкого в качестве общего для всей империи языка рассматривалось как средство интеграции, но требование повсеместно его употреблять вызвало озлобленность среди арабских подданных султана. В течение какого-то времени рассматривалось и другое предложение, которое состояло в том, чтобы перенести столицу из стратегически столь уязвимого Стамбула в центральную часть империи, возможно, в одну из арабских провинций. Эту идею поддерживал Махмуд Шевкет-паша, который был родом из Багдада. Он считал, что, став столицей, Алеппо заставит арабов не испытывать чувство отдаленности от центрального правительства. Другие, опасаясь, что арабы скоро выйдут из состава империи, предлагали перенести столицу в один из городов Анатолии.

Но величайшим компромиссом 1913 года, на который, подчиняясь логике обстоятельств, вынуждено было пойти контролируемое КЕП правительство, стало то, что ему пришлось использовать ислам в качестве политического инструмента, укреплявшего лояльность арабов османскому государству и его халифу, то есть как средство, сдерживающее сепаратистские тенденции. Это напоминало методы Абдул-Хамида, который использовал религию в тактических целях: в условиях, когда потеря территорий заставила считать «османизм» не более чем пережитком старины, судя по всему, не было никакой альтернативы той версии «исламизма», которая была приспособлена к текущей обстановке и стала средством обеспечения лояльности мусульман-арабов. Результатом выборов 1914 года стало то, что арабы получили в парламенте больше мест, чем когда-либо прежде. Как и многие другие этнические группы, которые от-

вратило от себя властолюбивое центральное правительство, османские арабы в целом все еще не могли представить себе какое-либо иное политическое оформление своего существования: даже Ливийская война, которая показала неспособность османской армии защитить земли арабов-мусульман от иностранной агрессии, лишь несколько ослабила преданность арабов империи.

Ставшая итогом Балканских войн потеря западной Фракии, Македонии и Албании нанесла тяжелый удар по Османской империи, которая еще с XIV века контролировала значительную часть этих территорий. Повторилась катастрофическая ситуация с беженцами, которая неоднократно имела место в XIX веке, когда балканские мусульмане в массовом порядке бежали в направлении Стамбула. Одним из тех, кто покинул Македонию задолго до того, как это сделали его бывшие подданные, был низложенный султан Абдул-Хамид. В октябре 1912 года его посадили на германский корабль, стоявший в Фессалониках, и доставили в Стамбул, в босфорский дворец Бейлербеи, где он и жил до конца своих дней. Этот дворец не был таким уединенным местом, как дворец Йылдыз. В Бейлербеи он не мог отгородиться от окружающего мира, который стремительно менялся прямо у него на глазах.

Глава 16

БУРЯ ПЕРЕД ЗАТИШЬЕМ

Экономические кризисы XIX столетия, связанные с чрезмерно интенсивной эксплуатацией, а также опека со стороны европейских промышленно развитых стран, закрепили за Османской империей статус полуколониального государства. Многие из появившихся в годы правления Абдул-Хамида предприятий в сфере инфраструктуры и экономики (такие как страховые компании и банки, порты и железные дороги) принадлежали иностранцам, партнерами которых становились османские немусульмане. Большие затраты на обслуживание государственного долга поглощали значительную часть государственных доходов, к тому же порядок погашения долга определялся советом, в который входили семь человек, причем пятеро из них были иностранцами. На эти явные признаки унижения можно было взвалить вину за все несчастья империи, и поэтому их существование было выгодно КЕП. Еще более явным признаком унижения стал пересмотр условий мирного договора, которые обсуждались в Лондоне в декабре 1912 года. Вызванный тем, что в начале 1913 года турки вернули себе Эдирне, этот пересмотр практически ничего не изменил. Добившись в 1912 году принудительного роспуска парламента, либеральная оппозиция продемонстрировала свою силу, но ее сопротивление было подавлено, когда за совершенным в июне 1913 года убийством Махмуда Шевкет-паши, последовали казни либералов. Начиная с 40-х годов XIX столетия, казни бывших чиновников стали исключениями из правила, согласно которому ссылка считалась достаточным наказанием, после чего часто следовала реабилитация. Спустя семьдесят пять лет, во время второго и третьего конституционных периодов Османской импе-

рии, судьба бывших государственных деятелей могла сложиться гораздо хуже.

В январе 1914 года Энвер, теперь уже паша, стал военным министром; военный губернатор Стамбула (Ахмед) Кемаль-паша, который отомстил либералам за убийство Махмуда Шевкета, стал военно-морским министром; а бывший почтовый служащий Талаат, который долгое время был центральной фигурой гражданского крыла КЕП, теперь служил министром внутренних дел. Парламент, сформированный после выборов 1914 года, лучше, чем прежде, отражал этнический состав населения Османской империи. Среди депутатов парламента стало больше арабов, чем в парламентах предыдущих созывов, и некоторые из них были членами КЕП, который обладал большинством. Это обстоятельство уберегло КЕП от серьезного политического противодействия: он выдвинул предложение ввести такие инструменты принуждения, как «воля парламента». В результате правительство стало использовать авторитарный стиль управления государством. В течение следующих четырех лет вмешательство каких-либо иных сил в политический процесс стало еще более ограниченным, поскольку шла Первая мировая война. Один современный автор обобщил ситуацию того времени, задав вопрос и ответив на него: «Можно ли назвать форму государственного устройства Османской империи 1914 года личной диктатурой во главе с Энвером однопартийным государством во главе с «Партией единства и прогресса» [КЕП] или просто военным режимом? Возможно, ответ состоит в том, что это было нечто среднее между тремя упомянутыми формами».

28 июня 1914 года в Сараево был убит сербским националистом наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 28 июля Австрия объявила Сербии войну, а 31 июля Россия приняла решение начать всеобщую мобилизацию, что подтолкнуло Германию, которая 1 августа объявила войну России. 2 августа Германия вторглась в Люксембург, а 3 августа объявила войну Франции. 4 августа германские войска вошли в Бельгию, и в тот же самый день Британия объявила войну Германии.

Османская империя оказалась втянутой в Первую мировую войну не без помощи дипломатии, которая, как и почти вся деятельность КЕП, была скрыта завесой секретности. 22 июля, то есть еще до того, как стало ясно, что войны не избежать, Энвер-паша предложил германскому послу в Стамбуле, барону фон Вангенгейму, за-

ключить турецко-германский союз, а великий визирь Саид Халимпаша сделал такое же предложение послу Австро-Венгрии. Оба дипломата отнеслись к турецким предложениям без особого энтузиазма. Но когда дальнейшие события повысили вероятность войны, начались переговоры о заключении соглашения, по которому империя брала на себя обязательство оказать поддержку Германии (в том случае, если Россия вмешается в ссору Австро-Венгрии с Сербией, и от Германии потребуется оказать поддержку своей союзнице, Австро-Венгрии) и перед тем как 2 августа оно было подписано, султан дал на это свое благословение. Официально правительство заявило о вооруженном нейтралитете, предоставив великим державам гадать, каковы подлинные намерения Османской империи.

После Балканских войн КЕП предпринимал попытки установить более тесные связи с Британией, Россией и Францией, но не получил положительного ответа. И все же окончательное решение о том, что империя вступит в союз с Германией, не было принято, несмотря на то, что Германия давно оказывала сильное влияние в экономической и военной сфере. С 1909 по 1911 год Энвер был военным атташе в Берлине, но его отношения с германской военной миссией в Стамбуле были весьма сложными, и в особенности это касалось его отношений с руководителем миссии, Отто Лиманом фон Сандерсом: как патриот, он верил в турецкого солдата и в турецкую армию, и его глубоко возмущали германские наставления.

Еще в 30-е годы XIX века военные специалисты из Пруссии давали консультации по обновлению османской армии. В 1880 году, когда после заключения Берлинского договора наступил период неопределенности во внешней политике, султан Абдул-Хамид попросил германского канцлера Отто фон Бисмарка предоставить ему военных и гражданских советников. Султан рассматривал Германию Бисмарка как государство, которое избегает вступать в союзы как с Британией, так и Россией, и которое соблюдает нейтралитет по отношению к Османской империи: это было не совсем так, но подобные домыслы были в интересах обеих сторон. Военные контакты продолжались, и османские офицеры ездили в Германию, где проходили обучение. Так, например, Махмуд Шевкет-паша провел там десять лет. Эти контакты приносили дивиденды в виде улучшения боеспособности армии, что имело огромное значение для государства, которое так сильно полагалось на армию в решении задач по сохранению своего существования. Поэтому ни Британия, которая оказывала содействие укреплению османского флота, ни Фран-

ция, помогавшая османской жандармерии, не могли надеяться на то, что их влияние будет сравнимо с германским. Предоставление помощи туркам способствовало подъему промышленности в самой Германии, особенно в таких отраслях, как производство вооружений и стали. Самым заметным и престижным вложением Германии в Османскую империю стала железная дорога Берлин—Багдад, для которой германская промышленность поставила значительную часть подвижного состава и рельсов. В 1888 и 1903 годах были получены концессии на строительство двух главных участков, проходивших по османской территории, Конья—Багдад и Багдад—Персидский залив соответственно. Германия была довольна тем, что ей платят за каждый километр дороги, которая поможет туркам в их борьбе с тем, что рассматривалось как британское вторжение в Персидский залив, и в расширении возможностей Стамбула управлять самыми отдаленными провинциями империи. Единственным из глав европейских государств, кого принимал Абдул-Хамид, был кайзер Вильгельм, который в 1889 году прибыл с визитом в Стамбул, а в 1898 году посетил и Стамбул, и Сирию.

Высокомерная позиция Британии также способствовала тому, что турки оказались на германской стороне. Понимая, что Стамбул вряд ли станет союзником Британии в предстоящей войне, Уинстон Черчилль 18 июля 1914 года приказал конфисковать два военных корабля, строившихся для султанского флота на британских верфях. Оплаченные из денег, собранных по открытой подписке, корабли уже принадлежали туркам, и этот акт вызвал общественное негодование. 10 августа два германских крейсера, «Бреслау» и «Гёбен», получили разрешение войти в Дарданеллы, чтобы уйти от преследования британских кораблей. Вскоре оба крейсера были переданы османскому флоту, что в некоторой степени возместило потерю кораблей, захваченных британцами.

Неотвратимость войны в Европе подтолкнула османских политиков предпринять ряд вызывающих действий, символизирующих решимость вывести империю из рабской зависимости от экономических интересов западных стран. В день подписания союзного договора с Германией правительство объявило о прекращении погашения долгов иностранным государствам. Германский посол в Стамбуле предложил другим странам-кредиторам империи заявить совместный протест на том основании, что международные нормы нельзя отменять в одностороннем порядке, но текст ноты протеста так и не удалось согласовать. Османское правительство так и не по-

шло на уступки, и эта проблема на протяжении всей войны омрачала турецко-германские отношения. Другой проблемой, которая не могла не настроить мусульманское общественное мнение против Запада, были капитуляции, поскольку на них уже давно списывали все несчастья османского государства*. Начиная с 1908 года все последующие правительства пытались их отменить, но этому оказывали сопротивление те, кто получал выгоды от сотрудничества с великими державами и кого устраивало существующее положение дел. Но 9 сентября 1914 года они были в одностороннем порядке отменены, что вызвало общественную поддержку, как стихийную, так и субсидированную КЕП.

29 октября «Бреслау» и «Гёбен» переименованные в «Мидилли» (турецкое название острова Лесбос) и «Явуз («Безжалостный») султан Селим», обстреляли российские порты Одесса, Николаев и Севастополь, потопив много русских военных кораблей. Операцией руководил германский адмирал Сушон, который с 9 сентября командовал всем османским флотом. Эта акция окончательно решила судьбу Османской империи: 2 ноября ей объявила войну Россия, а 5 ноября — Британия и Франция. 11 ноября 1914 года султан Мехмед V Решад объявил войну Британии, Франции и России. Спустя два дня, во время церемонии, проходившей в палате дворца Топкапы, где хранились реликвии пророка, в присутствии султана была объявлена «священная война». Пять фетв узаконили обращение, которое впервые было адресовано всем мусульманам (в особенности тем, кто находился на территориях, подвластных колониальным державам: Британии, Франции и России) и призывало их встать на борьбу с неверными. В целом арабское духовенство встретило с энтузиазмом этот призыв к мусульманам, но некоторые из наиболее влиятельных фигур (например, Шариф Мекки и Шариф Хусейн), содействие которых имело решающее значение, отказались поддержать призыв султана к сплочению на том основании, что если он найдет отклик у местных мусульман, то это может спровоцировать блокаду, а возможно, и обстрел портов Хиджаза британцами, которые оккупировали Египет и контролировали судоходство в Красном море. Реакция в других регионах исламского мира была доволь-

* Капитуляции — уступки дружественным иностранным государствам в сфере дипломатии и торговли, направленные на то, чтобы добиться взаимных политических выгод и обеспечить османский рынок достаточным количеством редких, но жизненно важных товаров. — *Примеч. перев.*

но прохладной. Так, в Египте и Индии правовые мнения указывали на необходимость обязательного повиновения британцам.

Между штабом османской армии в Стамбуле и многими театрами военных действий, где эта армия сражалась, лежали обширные пространства Анатолии. За последние пятьдесят лет коммуникации значительно улучшились, но шоссейные и железнодорожные сети вряд ли отвечали требованиям военного времени: мобилизация и снабжение войск были сопряжены с непреодолимыми трудностями материально-технического характера. Так, для того, чтобы добраться из Стамбула в Сирию требовалось больше месяца, и почти два месяца приходилось добираться до Месопотамии. Строительство железных дорог не прекращалось, но в железнодорожной сети все равно имелись разрывы, поэтому войска и снаряжение часто приходилось доставлять водным и автомобильным транспортом, а также на верблюдах. Не лучше было и положение на границе с Россией: железная дорога заканчивалась всего в 60 километрах к востоку от Анкары, и чтобы преодолеть расстояние от этой точки до Эрзурума, требовалось совершить тридцатипятидневный марш. Дороги находились в скверном состоянии, а морские перевозки были сопряжены с риском ввиду присутствия британского флота в Средиземном море, а русского — в Черном. Османская империя была аграрной страной, вступившей в войну, которая требовала наличия развитой промышленности. Империя могла мобилизовать армию, но не имела возможности обеспечить ее нормальное материально-техническое снабжение.

Чтобы защитить себя от нападений врагов, Османская империя в разное время концентрировала свои силы на одном из четырех весьма удаленных друг от друга фронтов: восточной Малой Азии и Кавказе, Дарданеллах, Ираке, а также Сирии и Палестине. Первые месяцы войны не предвещали ничего хорошего для турок, поскольку германская поддержка была недостаточной для того, чтобы обеспечить им успех. В ноябре 1914 года британцы захватили Басру и двинулись на север, в глубь Ирака. Войска во главе с командующим Четвертой армией Кемаль-пашой, которые наступали, с целью выбить британцев из Египта, были дважды остановлены у Суэцкого канала: в феврале 1915 года и летом 1916 года. В январе 1915 года Энвер-паша потерял в заснеженной северо-восточной Малой Азии почти 80 000 своих солдат. Это произошло в ходе сражения с русскими войсками при Саракамыше, где он попытался отомстить за территориальные потери, понесенные в результате войны 1877—

1878 годов. Зимой 1916—1917 годов на участке фронта Муш—Битлис погибли 60 000 турецких солдат. Турки редко добивались успеха, а их немногочисленные победы были весьма сомнительного свойства: за отражением натиска британских войск в Палестине весной 1917 год, последовала потеря Иерусалима в декабре того же года. Им удалось взять в плен остатки британской армии, которая с декабря 1915 по апрель 1916 года была блокирована на юге Ирака, в Кут-аль-Имара, но всего через полгода британцы взяли Багдад. Но если Кут только в представлении турок является победой Османской империи, то оборона Дарданелл в 1915—1916 годах (Галлипольская кампания) бесспорно закончилась долговременным военным успехом, которого добилась имперская армия. Эта победа не только имела огромное стратегическое значение, но и произвела необходимый психологический эффект, а также до некоторой степени реабилитировала турок в глазах их германских союзников. Османские потери в районе Галлиполи были ужасными: согласно статистическим подсчетам, приблизительно 90 000 убитых и 165 000 раненых, но это, несомненно, заниженные данные.

Не менее ужасающим является общее число убитых за четыре года войны, но намного больше людей погибло от болезней, чем от ран. Согласно подсчетам, число солдат, убитых в бою, составило 325 000 человек, а количество раненых (из которых впоследствии погибло приблизительно 60 000) колеблется от 400 000 до 700 000 человек. Еще 400 000 человек умерли от болезней, что увеличивает общее количество погибших солдат османской армии до почти 800 000 человек. За период с марта 1917 года по март 1918 года численность боеспособных военнослужащих уменьшилась наполовину, с 400 000 до 200 000 человек, а к моменту заключения перемирия, то есть к октябрю 1918 года снова сократилась вдвое. К тому времени численность боеспособной армии составляла всего лишь 15 процентов от той максимальной численности, которой она достигла в начале 1916 года, когда империя держала под ружьем 800 000 человек. Десятки тысяч дезертировали. Основная тяжесть по обеспечению армии людскими ресурсами легла на плечи турецкого крестьянства Анатолии, которое накануне войны составляло около 40 процентов от общей численности населения Османской империи. Одним из результатов огромных потерь стала нехватка людских ресурсов, необходимых для производства сельскохозяйственных работ. В то время, когда потребности армии превосходили по важности потреб-

ности гражданского населения, те, кто остался дома, часто находились в условиях столь же ужасных, как и те, кто был на фронте.

Война проверила на прочность взаимоотношения империи и ее арабского населения. Хотя в целом османские арабы сохраняли свою традиционную лояльность (прежде всего глубоко укоренившуюся преданность султану как халифу ислама), тяготы войны способствовали тому, что их отношение к империи изменялось. После унижительного провала предпринятой в феврале 1915 года египетской кампании, Кемаль-паша вернулся в Сирию, где он обладал абсолютной властью как в военных, так и в гражданских делах. Убедившись в том, что восстание местных арабов неизбежно, он предпринял акции устрашения. Лидеры арабов были казнены, а самые известные семьи депортированы в Анатолию, где были ликвидированы те, кого он считал врагами КЕП. В нарушение политического курса, проводимого в то время КЕП, снова было навязано употребление только турецкого языка. Кемаль не предпринял ровным счетом ничего, чтобы хоть как-то облегчить страдания, которые испытывало население Сирии от жестокого голода. Тяжелое положение усугубила блокада британцами и французами портов этой провинции, конфискация транспортных средств, спекуляция и, что самое поразительное, предпочтение, которое Кемаль отдавал расходованию скудных финансов на общественные работы и реставрацию исторических памятников. Уже к 1914 году бремя финансирования правительства и административного аппарата империи стало в большей степени, чем когда-либо, ложиться на арабские (и анатолийские) провинции, что стало неизбежным следствием потери территорий (и налогоплательщиков) на Балканах. Жестокое правление Кемаля в Сирии способствовало усилению негодования арабов. Впрочем, это негодование еще не приобрело форму национализма, как его понимали европейские державы, обладавшие большим опытом разжигания националистических настроений среди османских подданных на Балканах.

Прежде британцы не проявляли особого интереса к арабским землям, лежавшим между Египтом и Аравийским полуостровом (хотя эти регионы имели решающее значение для контроля над путями в Индию), но постоянная нестабильность в Стамбуле заставила их пересмотреть свою роль на Ближнем Востоке, и приступить к изучению способов, с помощью которых можно было бы с пользой для себя манипулировать антиосманскими настроениями арабов.

В то же самое время они не могли позволить себе пренебрегать тем обстоятельством, что Франция проявляет интерес к этому региону. Поэтому выдвинутое некоторыми арабами предложение избрать халифа-араба и таким образом дистанцироваться от турок оказалось вполне приемлемым для творцов британской политики. Особенно если принять во внимание то обстоятельство, что арабы-христиане, в целом больше тяготели к Франции, тогда как арабы-мусульмане, которых в Сирии было большинство — к Британии. В июне 1916 года в Хиджазе вспыхнуло так называемое Арабское восстание. Поводом для него стали беспринципные попытки Шарифа Хусейна расширить свое влияние. В августе его заменили на Шарифа Хайдара, но в октябре он объявил себя королем Аравии, а в декабре был признан британцами как независимый правитель. Практически не имея возможности хоть как-то повлиять на ход событий, Стамбул лишь попытался воспрепятствовать распространению известий о восстании, которые могли деморализовать его дрогнувшую армию или активизировать деятельность антитурецких арабских группировок. Достаточно странным является тот факт, что турки вели священную войну вместе с Германией, которая была державой неверных. Но не могло быть и речи о том, чтобы пригласить германские войска оказать помощь в защите мусульманских святых мест.

До сих пор является предметом дискуссий то, как развивались события на арабских территориях империи во время Первой мировой войны, но объем данной книги не позволяет в полной мере осветить этот вопрос. Британцы так долго идеализировали арабов и демонизировали турок, что заставили восторженную публику поверить в придуманную Т. Э. Лоуренсом историю и пренебречь проделанным историками анализом реальных событий. Как и в XIX столетии, великие державы не доверяли друг другу, поэтому, рассматривая войну как возможность лишиться Османскую империю того, что у нее еще оставалось, каждая из них понимала и то, что нужно проявлять бдительность в отношении притязаний других держав. На протяжении всей войны великие державы наряду с боевыми действиями предпринимали активные дипломатические усилия. Стратегические вопросы, которые в то время вызывали беспокойство у Британии, были охарактеризованы следующим образом:

Сценарий, над которым обычно размышляли британские стратеги, касался послевоенной ситуации, при которой доминирующим фактором на Ближнем Востоке должен был стать турец-

ко-германский союз. Этот взгляд разделяли и германские стратеги. Британцы составляли свои планы, исходя из намерений ограничить ущерб, который мог нанести их интересам такой союз. Наиболее очевидным способом достижения такой цели было ограничение власти турок над частями их империи.

Добиваясь достижения своих целей, каждая держава разрабатывала всевозможные планы и составляла проекты соглашений, рассчитывая на то, что они будут подписаны и узаконены на мирной конференции, которая должна была состояться после окончания войны. Результатом целой серии дипломатических консультаций стало так называемое Константинопольское соглашение (заключенное в марте-апреле 1915 года), по которому Британия и Франция обещали России передать после победы в этой войне проливы и Стамбул. Спустя месяц был подписан Лондонский договор, который признал притязания Италии распространить свое влияние на юго-западную Малую Азию. И Франция, и Британия предъявляли претензии на Сирию, и когда обсуждались эти и другие соглашения, касавшиеся арабских провинций империи, Россия потребовала примыкавшие к ее границе территории на северо-востоке Малой Азии. Достижение соглашений о послевоенной судьбе Сирии осложнялось проблемой Палестины, и Британия, опасавшаяся того воздействия, которое османский султан-халиф мог оказать на миллионы находившихся под ее властью мусульман, вступила в переговоры с Шарифом Хусейном. В ходе этих дискуссий речь шла об арабском халифате и о независимом арабском государстве. Детали предполагаемого раздела Османской империи и то, каким образом это арабское государство может выглядеть, было сформулировано в течение 1915 года в ходе переписки между Хусейном и британским высоким комиссаром в Египте, сэром Генри Макмахоном, а также в соглашении между британским дипломатом Марком Сайксом и его французским коллегой Франсуа Жорж-Пико. Хотя эти два документа во многом повторяли друг друга, они отличались по таким важным вопросам, как статус Палестины, а также степень и пределы независимости будущего арабского государства. Вряд ли можно было ожидать, что разработанные в начале войны планы успешно пройдут проверку временем: ход войны и смещение национальных приоритетов (к 1917 году военная машина Османской империи находилась на грани полного разрушения, а Россия испытывала муки большевистской революции) отчасти (хотя и

не полностью) свели эти планы к нулю. В 1917 году в войну вступили Соединенные Штаты, и провозглашенная президентом Вудро Вильсоном доктрина самоопределения новых государств стала устойчиво (хотя поначалу почти незаметно) оказывать влияние на колониальное мировоззрение великих держав, которые раньше никогда не уделяли большого внимания желаниям народов, судьбу которых они определяли.

Первая мировая война изменила османское общество в неизмеримо большей степени, чем любая идеологическая или политическая программа, и в конечном счете привела к распаду империи. Каждый этап территориального расчленения османских владений имел последствия для этнической и религиозной структуры государства, так как сменявшие друг друга волны беженцев из преимущественно мусульманских регионов, которых лишилась империя, компенсировали потери многих, хотя, разумеется, не всех османских христиан — греков, болгар и сербов, которым их будущая жизнь в своих национальных государствах представлялась только в радужном свете.

Дольше других идею «османизма» поддерживали евреи, которые продолжали занимать видные места в КЕП даже после революции 1908 года. В самом начале XX столетия около половины всех евреев империи проживало в Фессалониках, где предки многих из них поселились после изгнания из Испании и Португалии, имевшем место в конце XV века. Их мало интересовали предпринятые при Абдул-Хамиде попытки сионистов сделать Палестину родиной евреев, и лишь немногие из них поехали туда в 1912 году, когда Фессалоники перешли к Греции. Большинство предпочло уехать во Францию, Британию, Египет, Бразилию, Южную Африку и Соединенные Штаты. После революции 1908 года в Стамбуле открылось отделение Всемирной сионистской организации, которое до Первой мировой войны занималось главным образом вопросами культуры, хотя в ее программе всегда были указаны политические цели. Вплоть до окончания первой фазы мировой войны сионисты поддерживали идею сохранения империи. Во время Балканских войн 1912—1913 годов они пытались сформировать группу предоставления медицинской помощи военнослужащим османской армии, а после 1914 года старались оказывать содействие военной экономике. Кроме того, сионистские группы предложили свое участие в финансировании строительства железной дороги в Хиджазе. Многие из них

считали своей родиной Османскую империю, которая была лучшим гарантом их безопасности.

В зависимости от того, каким переменам они отдавали предпочтение: эволюционным или революционным, армяне имели либо тесные, либо неустойчивые отношения с КЕП. Как и другие немусульманские группировки со временем они стали отдавать предпочтение либеральному крылу комитета, а после 1911 года они, как правило, поддерживали оппозицию. Однако многие из них видели возможность создать независимое государство в том случае, если Россия выиграет войну, и русская пропаганда поддерживала такие взгляды. Впоследствии армянскому населению Анатолии с большим трудом удалось выжить. В первый же год войны Россия вооружила армянских повстанцев, которые сражались со своим собственным правительством в северо-восточной Малой Азии и которых в Стамбуле считали изменниками. 25 февраля 1915 года после провала бесславной операции Энвер-паши по защите фронта в районе Саракамыша и перед лицом русского наступления в регулярную армию поступил приказ разоружить солдат армянской национальности, чтобы они не перешли к русским и не стали бы вместе с ними сражаться против османских войск. Переведенные во вспомогательные батальоны, которые осуществляли материально-техническое и прочее снабжение боевых частей, армяне оказались в полной власти вооруженных солдат-мусульман, детально проинструктированных как выполнять этот приказ. В первые месяцы войны не прекращались нападения на государственные учреждения восточной Малой Азии, а также на представителей правительства в этом регионе и на гражданских лиц мусульманского вероисповедания. А 24 апреля 1915 года, когда положение на всех фронтах было угрожающим, правительство решило переселить армян восточной Малой Азии в Сирию и Ирак, то есть подальше от русско-турецкого фронта. Дело приняло еще более угрожающий для турок оборот, когда в середине мая русско-армянская армия подошла к Вану. После изгнания из города гарнизона и резни местного населения было провозглашено армянское «государство», а 27 мая правительство приняло «закон о перемещении», в соответствии с которым военные власти получали право переселять армян из окрестностей озера Ван и провинции Ван на юг, в юго-восточную Малую Азию, с целью понизить концентрацию армянского населения, считавшегося питательной средой для антитурецкого мятежа. Среди распоряжений правительства были и строгие указания обеспечить безопасность де-

портируемых армян, хотя по сообщениям очевидцев из числа иностранных консулов, миссионеров и солдат, находившихся в восточной Малой Азии, имели место ужасные страдания и тысячи людей погибли во время перехода, а тысячи других были зверски убиты. Подробные указания были получены и в отношении защиты собственности этих людей, но осенью 1915 года османский парламент принял закон об экспроприации имущества депортированных армян.

Из множества вызывающих споры эпизодов, которыми богата османская история, «армянский вопрос» является наименее открытой темой для отдельных обсуждений как среди любознательных дилетантов, так и среди профессиональных историков. Сегодня ответ на этот «вопрос» полностью зависит от того, являлись ли эти массовые убийства геноцидом (подлинное значение этого термина вызывает жаркие споры, несмотря на положения, принятые в 1948 году Конвенцией ООН по геноциду), а все прочие аспекты этой весьма острой проблемы все чаще исследуются только в том случае, если они могут прояснить главный вопрос. Сосредоточение на единственном аспекте, а также масса приводимых аргументов и контраргументов, препятствуют более широкому пониманию того, как сложилась судьба армян Османской империи. Для большинства армян (народа, который сегодня живет в доведенном до нищеты и лишенном выхода к морю кавказском государстве, а также в окруженных со всех сторон анклавах Ближнего Востока, где когда-то находилась их родина, или в разбросанных по всему миру диаспорах) непреложным фактом является то, что во время войны османское правительство пыталось добиться их вымирания. Они ссылаются на миллионы погибших, указывая на то, что живших далеко от фронта, совершенно неповинных армян тоже убивали или принуждали покидать свои дома, и обвиняют все последующие турецкие правительства в неспособности сделать архивы того времени полностью доступными для исследователей и даже в уничтожении свидетельств. В основе турецкого прецедента лежит целый ряд следующих спорных суждений: то, что идея согласно которой правительство того времени приказало совершить массовые убийства является абсурдом; то, что во время войны было убито больше турок (читай мусульман), чем армян; то, что деятельность пятой колонны армян сделала неизбежной их депортацию; то, что ныне существующая в Стамбуле армянская община подтверждает тот факт, что истребление всего народа никогда не входило в планы правительства, а значит и термин «геноцид» в данном случае неприменим; то, что воен-

ный трибунал, который впоследствии был учрежден для того, чтобы судить тех, кто подозревался в военных преступлениях, являлся незаконным, поскольку в то время Стамбул был оккупирован союзниками; и то, что в первые годы войны отчаянное положение в восточной малой Азии заставило курдов сражаться против армян в проходившей на фоне более крупного конфликта гражданской войне, за необходимые для существования природные ресурсы, которых становилось все меньше.

Конвенция 1948 года по геноциду объявила вне закона «полное или частичное» уничтожение любой национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Не вызывает сомнений то, что от массовых убийств пострадали обе стороны. Все дело в деталях, и только изначально непредвзятый исторический анализ установит, была ли депортация и гибель анатолийских армян геноцидом, если именно это необходимо определить. Никаких явных улик в османских архивах не обнаружено, но это нельзя считать доказательством того, что никакого приказа не было отдано: документы могли быть потеряны или уничтожены без всякого злого умысла. Некоторые из тех, кто допускает виновность османских правящих кругов, предполагают, что массовые убийства были совершены по распоряжению «Специальной организации» — тайного общества военных внутри КЕП, начало которому положил Энвер-паша и которое в начале войны находилось под его контролем. Но документы этого общества не сохранились. Заслуживает доверия точка зрения настроенного против КЕП журналиста и популярного историка Ахмеда Рефика (Алтиная), которую он изложил в 1915 году после резни мусульман в городе Ване:

В начале войны из Стамбула в Анатолию были отправлены многочисленные группы. Они состояли из убийц и воров, выпущенных из тюрем. В течение недели они проходили подготовку прямо в Военном министерстве, а затем при помощи «Специальной организации» были отправлены на фронт. Именно эти группы и совершили тягчайшие из преступлений, которые называют злодеяниями армян.

Похоже, что свидетельство Ахмеда Рефика перекладывает вину на некую тайную организацию, но тогда нет необходимости оправдывать правительство, отношения которого со «Специальной организацией» по-прежнему не вполне понятны. Впрочем, косвенные

данные еще не являются доказательством, и окончательное решение придется отложить до завершения исследований: «неизложенная часть турецко-армянской истории», то есть рассказ о межрелигиозном насилии, которое имело место в Анатолии и Сирии во время Первой мировой войны преимущественно излагает одна сторона (армяне), которая разумеется требует возмещений. Однако понятно то, что проблема «геноцида армян» не только продолжает портить международные отношения Турции с различными странами мира, но и обрекает на жалкое существование Армению, которая граничит с Турцией и официально находится в состоянии войны с другим своим соседом, союзником Турции, Азербайджаном.

Понятно и то, что война окончательно разрушила уже ослабленную экономику Османской империи. Принятая в самом начале войны, экономическая политика (или доктрина «национальной экономики») представляла собой полный отказ от существовавшей столетиями либеральной системы и состояла из двух основных компонентов. Первоочередной целью отмены капитуляций и прекращения выплат по внешним долгам, было ослабление зависимости османской экономики от иностранных государств. Второй целью (которой придавали большое политическое значение) было полное вытеснение немусульман из экономики, посредством передачи фондов туркам-мусульманам, поощрения их участия в государственных контрактах и предоставления им субсидий. Это стимулировало рост класса бизнесменов-мусульман, из которых самые предприимчивые добились процветания благодаря порожденному войной невероятному спросу, инфляции, биржевым спекуляциям и возможности наживаться. Некоторые получили земли и фирмы конфискованные у армян и греков. Впрочем, большинство ничего этого не получило и для оздоровления экономики потребовалось много лет.

К моменту окончания Первой мировой войны, политика великих держав безвозвратно изменилась. Российская, Австро-Венгерская и Османская империи либо рухнули, либо стали настолько слабыми, что утратили какое-либо стратегическое значение, а успехи союзников (Британии, Франции и присоединившейся к ним в 1915 году Италии) были максимальными. Впрочем, война истощила все стороны, и дома победителей ожидали более неотложные проблемы, чем судьба Османской империи, поэтому навязанное военным путем решение послевоенного мироустройства не вызывало

никаких возражений. Но с другой стороны, было очевидно то, что многонациональные империи в течение многих лет не могут удовлетворить стремления значительной части своих подданных, и многие считали, что будущее за моноэтническими государствами. Выходом из положения стало учреждение подмандатных территорий и сфер влияний, передаваемых моноэтническим государствам. Это позволило союзникам по-прежнему извлекать желательные для них экономические и политические выгоды, как они это делали в XIX столетии на Балканах. Другим решающим фактором в определении конфигурации послевоенного устройства Османской империи стала осознанная победителями возможность наказать мусульманское государство, которое так долго срывало планы европейских держав. С этой целью, «турок», как шовинистический термин того времени, которым в Британии например, обозначали все мусульманское население Османской империи, должен быть навсегда раздавлен, а еще оставшиеся в ней христианские и иудейские подданные должны быть поставлены на путь самоопределения.

Для Османской империи война закончилась после того, как в сентябре 1918 года потерпела крах ее союзница, Болгария, и Стамбул остался совершенно незащищенным от наступления союзников. Кабинету министров было необходимо заключить перемирие. Мирные переговоры завершились 30 октября 1918 года на борту британского корабля, вставшего на якорь неподалеку от города Мудрос, расположенного на острове Лемнос, в северной части Эгейского моря. Из всех положений договора, умышленно сформулированных весьма расплывчато, наибольшую тревогу вызывала статья 7, которая давала победителям право оккупировать «любые стратегически важные пункты в случае возникновения ситуаций, угрожающих безопасности союзников», тогда как статья 24 позволяла союзникам «в случае беспорядков» оккупировать шесть армянских провинций восточной Малой Азии — Сивас, Элязыг (Мамуретюлазиз), Диярбакыр, Битлис, Эрзурум и Ван. Через два дня лидеры КЕП, среди которых были Талаат, Кемаль и Энвер, бежали из Стамбула в Крым, а оттуда в Берлин. 13 ноября прибыли войска союзников, которые должны были оккупировать Стамбул, что явно противоречило смыслу обязательства, взятого на себя командующим королевским флотом в Средиземном море, адмиралом Калторпом и одним из двух британских участников составления договора, которые сообщили британскому правительству о том, что этого не случится до тех пор, пока османское правительство не сможет

гарантировать безопасность жизни союзников и сохранность их имущества.

Поставив себе целью занять Стамбул, союзники без промедлений продвигались в направлении столицы империи. Первыми в город вошли британцы, вскоре за ними последовали французы и итальянцы. В должное время каждой державе определили районы города, в которых ее войска должны были поддерживать порядок: британцы заняли районы Пера, Галата и Шишли; французы оккупировали сам Стамбул и его западные пригороды, а итальянцы контролировали азиатский берег Босфора. Но между союзниками постоянно возникали противоречия. Иллюстрацией их неспособности по-товарищески решать даже административные вопросы, был любопытный эпизод с появившимся почти сразу же после оккупации общественным движением, призывавшим снова сделать христианской церковью Айя Софию, которая задолго до оккупации союзников была захвачена турецкими войсками и на протяжении более четырех с половиной столетий использовалась в качестве мечети. Воинствующие христиане считали, что оккупация даст возможность восстановить бывший византийский храм, а возврат этого здания Вселенскому патриарху на волне проэллинских настроений в Британии рассматривался ими как средство укрепления стратегического альянса с Грецией. Первый намек на то, что раскол между православными христианами и христианами-латинянами остается в полной силе и страсти вполне могут разгореться, появился вместе с неожиданным предложением, что эта церковь должна быть не греческой православной, а греческой юниатской, то есть той, которая находится в унии с Римом. Доводы в пользу этого предложения основывались на том утверждении, что во время завоевания Константинополя султаном Мехмедом II в 1453 году город находился в церковном общении с Римом. Более того, поскольку разрыв с Римом произошел только в одиннадцатом столетии, то эта церковь была католической дольше, чем православной. Самые непримиримые сторонники греческого православия усмотрели в этом папский заговор, тогда как те, кто обладал бульшим политическим чутьем сочли это попыткой своих итальянских или французских союзников добиться превосходства. В результате в Британии началась настоящая пропагандистская война, весьма напоминая антимусульманскую риторику эпохи крестовых походов. И если министерство иностранных дел проявляло осторожность, то «благодетели человечества» высказывались весьма резко. Самой осмотрительной и

встревоженной стороной оказалось Министерство по делам Индии, чиновники которого полностью осознали, какое воздействие на индийских мусульман могут оказать британцы, лишив султана-халифа прав владения. Вскоре раскрыла свои карты и другая заинтересованная сторона: британская протурецкая влиятельная группировка «Англо-Османское общество», разделявшее позицию Министерства по делам Индии. Это общество считало, что Британия должна быть защитницей мусульман.

24 мая 1915 года именно в тот момент, когда османское правительство решило, что только с помощью переселения армян восточной Анатолии оно сможет подавить внутренние волнения, которые чрезвычайно затрудняли борьбу на внешних фронтах, союзники объявили о своем намерении преследовать «всех членов османского правительства и тех их доверенных лиц, которые причастны к массовым убийствам [армян]». 3 июля 1918 года умер султан Мехмед V Решад и до конца года новый султан Мехмед VI Вахеддин санкционировал создание военных трибуналов для судебного преследования тех, кто нес ответственность за экономические преступления, а также за «депортацию и массовые убийства» армян. Опасения потерпевшего крах османского правительства состояли в том, что на нежелание наказывать военных преступников оккупационные силы союзников ответят жестким соблюдением условий перемирия. В январе 1919 года начались предварительные расследования, которые привели к первым в истории судебным процессам над военными преступниками, а отчеты о судебных разбирательствах время от времени появлялись в официальном печатном органе правительства, газете «Takvim-i vakâyi». 28 апреля 1919 года открылся судебный процесс над приблизительно 120 министрами кабинета военного времени и высшими функционерами КЕП. В основе официального обвинения лежали показания османских мусульман и документальные свидетельства. В обвинительном акте утверждалось, что это массовые убийства при пособничестве должностных лиц. Вдохновителем этих преступлений был назван Талат-паша. Было указано, что депортации и убийства осуществлялись функционерами КЕП в провинциях, в особенности членами тайной и противозаконной «Специальной организации». Именно так об этом сообщал тогда Ахмед Рефик. В обвинительном акте было отмечено, что всех чиновников, которые препятствовали выполнению этих распоряжений, увольняли, а простым мусульманам, которые укрывали армян, угрожали смертью. Через неделю суд про-

информировали о том, что стало известно и о других преступлениях против армянского населения. Эти преступления, среди которых были изнасилования, пытки и массовые убийства, совершались как в Стамбуле, так и в провинциях. Суд пришел к заключению, что депортации были спланированы центральным комитетом КЕП, и в конце мая 1919 года 67 человек из тех, кто находился под стражей, перевезли на остров Мальта, который тогда был британской колонией. Это было сделано по причине опасений, что стамбульскую тюрьму, где их держали, могли взять штурмом и выпустить обвиняемых. В то время был освобожден еще 41 подозреваемый. В начале июля, в ходе заочного судебного разбирательства, Талат, Кемаль и Энвер были признаны виновными и приговорены к смертной казни. Последовало еще несколько судебных процессов по массовым убийствам в конкретных провинциях, таких как Трабзон, Харпут и Мосул. Однако к октябрю 1919 года активность военных судов пошла на убыль, а через год судебные разбирательства были полностью прекращены.

Постоянное присутствие союзных войск в Стамбуле и в непосредственной близости от него объяснялось как временная мера, введенная только на тот период, пока в Париже идет согласование условий мирного договора. Но судя по всему, уже тогда шел дележ того, что еще осталось от империи, и большинство турецкого населения могло лишиться тех территорий, которые им принадлежали. К маю 1919 года французы оккупировали провинцию Адана, британцы заняли провинции Килис, Урфа, Мараш и Газиантеп (все они в конце 1919 года перешли от британцев к французам), а итальянцы оккупировали Анталию. 15 мая войска находившиеся в материковой Греции высадились в Измире, главном городе Эгейской Анатолии, значительную часть населения которой составляли греки. Это было сделано при попустительстве британцев, целью которых было предотвратить дальнейшее продвижение итальянцев. Высадка греков лишила турок всякой надежды, так как помимо заверений в том, что никакой военной оккупации Стамбула не будет, адмирал Калторп сообщил османским переговорщикам в Мудросе, что их просьба не допускать высадки греческих войск в Стамбуле и Измире уже передана в Лондон. Высадка греческих войск встревожила всех участников споров о дальнейшей судьбе Айя Софии, поскольку она вызвала опасения, что подразделения турецкой армии, занимавшие этот храм-мечеть, скорее уничтожат его, чем отдадут

грекам, если те войдут в Стамбул. Это поставило крест на предложении снова сделать эту мечеть церковью.

Поскольку в условиях послевоенного кризиса османское правительство проявляло полную бездеятельность, а союзники оккупировали значительную часть Анатолии, родственник Вахеддина, великий визирь Дамад Ферит, поставил себе целью восстановить хотя бы порядок. В ноябре 1918 года офицер старшего командного состава и герой войны Мустафа Кемаль безуспешно пытался оказать влияние на политический процесс и воспрепятствовать оккупации. Действуя из-за кулис, он использовал свои связи в парламенте. Хотя в течение длительного времени Кемаль являлся членом КЕП, он не был причастен к неприглядной деятельности лидеров комитета во время войны и не имел никаких связей с его нелегальными организациями. Напротив, было известно, что он является противником Энвер-паши. Вместе со своими ближайшими союзниками, среди которых были Али Фуат, Рефет (Беле), Рауф (Орбей) и герой восточного фронта Казим Карабекир (все они, как и он, не были согласны с политикой правительства или чувствовали отсутствие таковой), он вынашивал планы военного выхода из кризисной ситуации.

Как и на побережье Эгейского моря, в восточной части черноморского побережья Анатолии проживало значительное количество греков, а после большевистской революции 1917 года сюда прибыли тысячи греков, бежавших из России, что сделало еще более напряженными отношения греческой общины с местным мусульманским населением. В марте 1919 года для восстановления порядка, туда прибыли британские войска, но их было слишком мало, к тому же им явно не хватало желания этим заниматься. Когда министр внутренних дел предложил направить туда Мустафу Кемалья и поручить ему провести расследование, кабинет министров согласился, и Кемалья назначили инспектором Девятой армии (штаб которой находился в Эрзуруме), в сущности, сделав его уполномоченным представителем правительства на всей территории Анатолии к востоку от Анкары. Шестнадцатого мая 1919 года Мустафа Кемаль сел на пароход в Стамбуле и через три дня прибыл в Самсун, расположенный на анатолийском побережье Черного моря.

На протяжении всей войны Анатолия вооружалась под руководством «Специальной организации», а после ноября 1918 года эту задачу взяла на себя ее преемница, такая же тайная организации

«Караколь» («Сторожевой пост»), лидерами которой были видные члены КЕП. Помимо выполнения миссии по успокоению волнений на восточном побережье Черного моря, Мустафе Кемалю было поручено разоружить население региона, который находился под его покровительством, а также осуществлять надзор за разоружением войск Девятой армии, что было одним из условий перемирия, заключенного в Мудросе. Однако, как только Мустафа Кемаль отбыл в Самсун, британцы стали подозревать, что в его миссию входит не только выполнение официально поставленных задач, и по их настоянию османский кабинет министров принял решение его отозвать. В течение тех же самых недель греческие войска при попустительстве союзников продолжали свое наступление из мест высадки в Измире и на побережье Эгейского моря с целью захватить территории, которые, как они считали, по праву им принадлежат. Несмотря на все лишения, которые мусульманское население западной Малой Азии перенесло во время недавней войны, оно снова взяло в руки оружие, твердо решив не уступать ни дюйма своей земли.

Мустафа Кемаль не подчинился распоряжению кабинета. Его ближайшие единомышленники, Казим Карабекир и Рефет (Беле), которых передали ему в подчинение для выполнения задачи по разоружению, раньше его самого отправились на восток и остановились в Эрзуруме и Сивасе соответственно. Теперь все трое выбрали путь, который вел к окончательному разрыву между теми, кто был против оккупации, и центральным правительством. Важным элементом такого разрыва стало создание независимого движения сопротивления. С этой целью, Мустафа Кемаль и его единомышленники широко использовали телеграф, с помощью которого они поддерживали связь с офицерами, находившимися в различных частях Анатолии и Фракии, а те распространяли их послания. На их призывы откликнулись представители всех слоев населения, и в различных местах Анатолии были проведены съезды «националистов», как они сами себя называли. Наиболее важными оказались съезды, проведенные в Эрзуруме и Сивасе летом 1919 года. Были согласованы принципы, внесенные в программу будущих действий, в которой утверждалось то, что османские земли должны сохранить свою независимость и целостность в пределах границ, установленных перемирием; что не должно быть никаких привилегий для меньшинства и что следует противостоять территориальным притязаниям греков и армян; а также то, что иностранная помощь допустима,

но только если она предоставляется безвозмездно. Планировалось, что народ будет по-прежнему хранить верность султану-халифу, но воля народа станет выше воли султана.

В ноябре 1918 года КЕП объявил о своем роспуске, а многие из его членов оказались под арестом как подозреваемые на продолжавшихся судебных процессах о военных преступлениях. На выборах депутатов новой сессии парламента, которая открылась в Стамбуле в январе 1920 года, шанс получить места был только у тех кандидатов, которых поддерживало «Общество защиты национальных прав», ставшее высшим органом многих подобных ему провинциальных организаций, которые с конца 1918 года создавались мусульманами на всей еще оставшейся у империи территории, с целью защиты принципа османского национального самоопределения. Решительное несогласие с оккупацией, которое проявили депутаты съездов в Эрзуруме и Сивасе, было продемонстрировано и на состоявшемся 17 февраля заседании парламента. Там результатом этих настроений стало формирование «национального пакта», который потребовал неприкосновенности и независимости территорий, большинство населения которых составляли османские мусульмане, причем особо упоминались Стамбул и районы, прилегавшие к Мраморному морю. Пакт также высказался за проведение референдумов в районах, где большинство населения составляли арабы, а также в западной Фракии и на территориях, которые по Берлинскому договору были переданы России. Кроме того, пакт потребовал, чтобы права меньшинств стали предметом урегулирования на договорной основе. В Стамбуле идея сопротивления оккупации медленно прокладывала путь по коридорам власти.

У такого взгляда на будущее страны были две существенные особенности. Название «Турция», которое в Европе столетиями ассоциировалось с османским государством, было принято национальным пактом, чтобы обозначить территорию, оставшуюся у империи после войны. Теперь в условиях, когда армянские и греческие подданные империи были готовы призвать на помощь иностранные государства, считалось непреложным фактом, что немусульманское население является опасной обузой. По этой причине османизм был отвергнут как узаконенный принцип, но его заменил не «туркизм», а искренний призыв к чувствам мусульман. Из речи, которую Мустафа Кемаль произнес в декабре 1919 года, стало ясно, что поскольку у арабов совсем иное будущее, то этот призыв обращен конкретно к мусульманским чувствам турок и курдов. Для

движения сопротивления того времени, национализм означал то, что именно турки и курды являются наследниками Османской империи.

Британцы резко осуждали националистов и с настороженностью наблюдали за расширением движения сопротивления и его нелегальной деятельностью в Стамбуле и Анатолии. Поддержка национального пакта парламентом давала пакту конституционное признание и заставила британцев взять под свой контроль Стамбул в надежде на то, что таким образом они смогут контролировать правительство. Они получили одобрение со стороны других союзников, но при содействии сочувствующих националистам французов и итальянцев произошла утечка сведений об этом плане. Тем не менее 15/16 марта 1920 года пять самых заметных депутатов-националистов, в том числе Рауф (Орбей) и Кара Васиф, являвшийся лидером общества «Караколь», были арестованы британскими военнослужащими в здании парламента. Как за год до этого британцы поступили с подозреваемыми в совершении военных преступлений, так и этих депутатов, а вместе с ними и еще шестнадцать националистов они депортировали на Мальту. В знак протеста парламент объявил о своем роспуске, а 84 депутата сбежали из столицы в небольшой, обнесенный стеной город Анкара, находившийся в центральной части Анатолийского плато и связанный со Стамбулом железнодорожной линией. Там находилась штаб-квартира комитета националистов, которые надеялись взять власть, когда правительство в Стамбуле, которое все больше и больше раздувало свой штат, уже не сможет выполнять свои функции.

23-апреля в Анкаре впервые было проведено заседание Великого национального собрания, состоявшего из парламентариев, которые приехали из Стамбула. Избрание Мустафы Кемаля председателем будущего парламента подтвердило тот факт, что среди националистов он является самым главным. Такому развитию событий невольно оказали содействие британцы, которые согнали в Анкару всех его сторонников. Но еще долго давали о себе знать остаточные явления исламизации политики, чему в свое время оказывал содействие Абдул-Хамид II. В Анкаре националисты объявили о своей верности султану и халифу (в тот период они не предлагали никакой реальной альтернативы этому режиму) и, используя риторику своей лояльности, произвели хорошее впечатление, когда с традиционным энтузиазмом отпраздновали открытие Национального

собрания. Были принесены в жертву овцы, зачитаны места из корана и совершено шествие с реликвиями пророка.

Созыв Великого национального собрания был историческим событием: всего за двенадцать дней до него шейхульислам сделал правовую оценку, в которой предал проклятию националистов, называя их неверующими, и предписал всем истинно верующим их убивать. 1 мая Мустафу Кемалю и его товарищей заочно приговорили к смертной казни. Что касается союзников, то они оказались в затруднительном положении и проявили полное бессилие. Когда Великое национальное собрание в Анкаре стало получать широкую поддержку, в нем увидели вполне жизнеспособную альтернативу находившемуся в Стамбуле парламенту. Летом 1920 года греки двинулись вглубь Анатолии (Эдирне и Бурса уже были ими взяты) и их наступление некому было остановить. В ответ на это второго июля Мустафа Кемаль призвал народ начать «священную войну». Неэффективными оказались контрпризывы органов государственной власти в Стамбуле (союзников, султана и правительства), целью которых было, используя исламский догмат о законности государства, поднять народ против националистов.

В то время как события в Турции стремительно развивались, союзники и заинтересованные в разделе империи нетурецкие османские партии неспешно обсуждали проблемы будущего устройства страны. В 1919 году в Париже начались мирные переговоры, которые были продолжены в Лондоне и Сан-Ремо. С точки зрения победенных мало считались: после длительных обсуждений османская делегация была вызвана в расположенный неподалеку от Парижа город Севр, чтобы там подписать составленный победителями мирный договор. В ходе состоявшейся 10 августа 1920 года церемонии подписания представлявшие интересы своих соотечественников члены османской делегации согласились уступить Фракию Греции и на пять лет передать район Измира под греческое управление. По истечении этого срока Лиге Наций надлежало решить, станет ли данный район неотъемлемой частью Греции. Границы независимого армянского государства должен был определить президент США Вудро Вильсон. Курдские территории юго-восточной Малой Азии пока оставались под управлением Османской империи, но окончательное решение вопроса о независимости курдов должна была принять Лига Наций. И дальше в том же духе. Территория империи сжалась и теперь включала только Стамбул и северную Малую Азию, значительная часть которой была оккупирова-

на. Пришлось восстановить капитуляции, которые в начале войны были аннулированы, а союзники уже готовились привести в исполнение те жестокие условия мира, которые они навязали поверженной империи.

Османский парламент должен был ратифицировать Сервский договор, но парламент был распущен. Стало понятно, что без согласия националистов ничего нельзя будет сделать, но они были полны решимости сделать этот договор неработоспособным. Вполне реальной была военная угроза, которая нависла над уже расчлененной империей: только присутствие британцев не позволило грекам двинуться на Стамбул, а большевистская Россия хотела включить в состав армянского государства восточноанатолийские провинции Ван и Битлис, значительную часть населения которых прежде составляли армяне.

Руководство обороной Турции должно было перейти к Мустафе Кемалю как президенту Великого национального собрания. Для выполнения этой цели ему надо было задействовать измотанную войной мусульманскую армию и население Анатолии. Отвергнув требования России, Мустафа Кемаль приказал Казиму Карабекиру выступить против армянских сил в северо-восточной Малой Азии. 30 октября 1920 года Карабекир и его войска взяли Карс (который был передан русским еще в 1878 году), затем он продолжил наступление и заставил армян капитулировать. И снова реальные события перечеркнули все планы союзников: через четыре дня после этой победы президент Вильсон решил, что армянское государство, границы которого ему было поручено определить, должно включить в себя значительные территории северо-восточной и восточной Турции, в том числе Трабзон, Эрзурум, Ван и Битлис. Впрочем, это решение так и не было опубликовано, поскольку его сочли совершенно неприемлемым. Второго декабря большевики объявили советской республикой то, что еще осталось от Армении. В марте 1921 года оставив в стороне свои прежние разногласия с Великим национальным собранием, они подписали договор о дружбе, по которому турецко-армянская граница была определена там, где она проходила после поражения армян зимой 1920 года.

Особую досаду у руководства национального сопротивления вызывала поддержка, которую британцы оказывали агрессивным действиям греков в Анатолии. Греки уже имели свое национальное государство, которого у турок еще не было, и участие этого агрессора в качестве равноправного партнера на мирных переговорах каза-

лось им несправедливым. Кроме того, в отличие от армян, у которых не было надежной поддержки в регионе, где они пытались создать свое государство, греческая армия могла рассчитывать на значительную поддержку со стороны местного населения, и поэтому греки представляли гораздо большую опасность для защитников Анатолии. Повсюду шла партизанская борьба между нерегулярными воинскими формированиями всех политических окрасок. Повсеместно действовали бандиты, и местные мусульмане бежали в Стамбул. Националисты использовали войска и вооруженные группы, на поддержку которых они могли положиться в борьбе со своими противниками, будь то роялисты или иностранные оккупанты. Однако, по мнению британцев, греческое наступление 1920 года изолировало националистов в Анатолии, позволив британцам беспрепятственно поучать османское правительство в Стамбуле. У каждого из союзников был собственный план относительного своего будущего присутствия в Анатолии, что только углубляло возникший между ними раскол, столь явственно проявивший себя во взаимоотношениях представителей оккупационной администрации Стамбула. Франция и Италия с настороженностью восприняли решимость британцев ввести в действие все условия Севрского договора и считали греков пешками в планах британцев по установлению контроля над восточной частью Средиземного моря. Они проявили желание вступить в переговоры с националистами из Анкары: в июне 1921 года Италия ушла из Анталии, которая была ее последней базой в Анатолии, а к осени, после непрерывных нападений со стороны сил националистов в Киликии, Франция также вывела свои войска из Анатолии, удовлетворившись мандатом на управление Сирией.

Сами греки, ссылаясь на положения Севрского договора, настаивали на соблюдении своих прав в Анатолии. Война с греками 1921—1922 годов (которую турки называют Войной за независимость) стала продолжением той кровопролитной партизанской войны, которая шла с мая 1919 года, когда началось иностранное вторжение. В марте 1921 года греческая армия потерпела свое первое поражение. Это случилось севернее Эскишехира. Но вскоре греки перегруппировались и в сентябре настолько продвинулись вглубь Анатолии, что находились в 80 километрах от Анкары. Но после сражения, продолжавшегося 21 день и охватившего линию фронта протяженностью 100 километров, они были снова отброшены и оказались западнее реки Сакарья. На этой чужой территории они

столкнулись с неожиданно упорным сопротивлением националистов, которые со всех сторон наносили им беспокоящие удары.

Греки оказались единственной стороной, которой удалось взять силой те территории, которые были им обещаны условиями Севрского договора (как, впрочем, и многие другие территории). В Британии далеко не сразу стали понимать, что условия Севрского договора невыполнимы и что националистами уже нельзя пренебрегать, ведь эта страна так долго была самым ярким сторонником султана и его правительства и считала националистов столь непредсказуемыми, что ее политикам было трудно совершить необходимый отход от уже сложившихся дипломатических представлений и порвать с «законными» властями Османской империи. И все же британская политика постепенно приходила к пониманию того, что нужен компромисс, и в апреле 1921 года Британия вместе с Францией и Италией объявила о своем нейтралитете в борьбе между греческими и турецкими националистами. В августе 1922 года греки потерпели поражение от националистов и отступили в Измир, куда 29 сентября вошла победоносная турецкая армия. По всей вероятности, три четверти из приблизительно 200 000 османских греков, покинувших западную Малую Азию после Балканских войн 1912–1913 годов, в 1919 году вернулись в этот регион вместе с греческими оккупационными войсками. Теперь и они, и еще четверть миллиона тех греков, которые все это время оставались в западной Малой Азии, навсегда уехали в Грецию. В течение десяти дней с момента прибытия турецких сил в Измир, все греческие войска покинули Анатолию.

Британцы были потрясены победой националистов, так как теперь дорога на Стамбул была открыта для доблестных защитников Анатолии. К завершению военных действий, так много лет терзавших Османскую империю, привела не политика британского правительства, а дальновидность, которую проявили командующий силами националистов Исмет (Инёню) и главнокомандующий союзными силами в Стамбуле генерал Харингтон. 11 октября 1922 года стороны заключили перемирие. Подписание документа состоялось в расположенном на южном берегу Мраморного моря, местечке Муданья, куда из Стамбула можно было довольно быстро добраться на пароходе. Тот факт, что империю представлял не какой-нибудь уполномоченный Стамбула, а командующий западным фронтом и верный союзник Мустафы Кемалья Исмет (Инёню), свидетельствовал о ненужности султана. Между тем исторические события продолжались. Через месяц Национальное собрание в Ан-

каре проголосовало за отмену султаната, а титул халифа, принадлежавший султану Мехмеду VI Вахеддину, перешел к его кузену, Абдул-Меджиду, являвшемуся старшим представителем мужского пола из всех еще оставшихся отпрысков династии. Халифом его избрали депутаты Великого национального собрания. Результатом долгих и тяжелых переговоров с великими державами стал подписанный 24 июля 1923 года Лозаннский договор. По этому договору Турция оставалась в существующих к тому времени границах (которые впоследствии были лишь незначительно изменены) и получала такой же статус, как и ее давние соседи. Были выпущены на свободу все еще оставшиеся задержанные, которые ожидали суда за массовые убийства армян. Теперь с прошлым было действительно покончено. Цели, поставленные национальным пактом 1920 года в Лозанне, были почти полностью достигнуты. Борьба националистов с лихвой себя оправдала, и 23 августа 1923 года Лозаннский договор был ратифицирован Великим национальным собранием. 2 октября союзники покинули Стамбул, 13 октября Анкара была объявлена столицей, а 29 октября была основана Турецкая Республика, президентом которой стал Мустафа Кемаль, а премьер-министром Исмет (Инёню).

Отказ националистов смириться с унижительным будущим, которое готовили Турции создатели Севрского договора, стал более драматичным и продолжительным отражением той самой решимости, которая в 1913 году заставила османскую армию, несмотря на все трудности, отвоевать Эдирне. Севр до сих пор отбрасывает свою зловещую тень на Турцию, где уже давно опасаются того, что иноземные враги и предатели внутри Турции могут снова попытаться разделить страну, которую защищали с таким упорством и заплатили за это такую высокую цену. На отношение некоторых слоев турецкого общества к возможности вступления в Европейский союз также оказывает влияние призрак Севра, а намерения европейцев подвергаются самому тщательному анализу, с целью выявить в них признаки двуличия.

3 марта 1924 года, через полгода после провозглашения Турецкой Республики, Великое национальное собрание проголосовало за отмену халифата и распорядилось отправить османскую династию (в общей сложности около 120 ее представителей) в изгнание. Это решение раскололо Национальное собрание, поскольку некоторые из его членов продолжали относиться к халифу с почтением

и их не устраивали те методы, с помощью которых фракция во главе с Мустафой Кемалем добилась провозглашения конституции. Отмена халифата испортила отношения между такими решительными националистами, как сам Мустафа Кемаль и представителями умеренного крыла, такими как Рауф (Орбей) и Казим Карабекир. И тот и другой нанесли визит халифу Абдул-Меджиду незадолго до отмены халифата, ставшей лишь самым заметным, но не единственным проявлением усилившегося автократизма, с помощью которого Мустафа Кемаль и коллеги, которым он более всего доверял, управляли Национальным собранием.

Отклики на отмену халифата пришли из всех регионов мусульманского мира, в том числе из Индии, Египта и Дальнего Востока. Индийские мусульмане были самой многочисленной группой, выразившей свой гнев. Более радикальные из турецких националистов сочли такую реакцию иностранным вмешательством во внутренние дела. Сделанное Мустафе Кемалю предложение принять титул халифа не нашло никакого отклика, и в качестве возможных кандидатов были выдвинуты другие фигуры, такие как имам Йемена и король Афганистана. Низложенный и изгнанный в Швейцарию Абдул-Меджид использовал свой титул халифа для того, чтобы пригласить исламских лидеров на съезд, который так и не состоялся, но этот опрометчивый поступок Абдул-Меджида вызвал серьезное осуждение в Турции. Преданность большинства мусульман своей религии и халифу была искренней, и отмена халифата сразу же лишила граждан новой республики привычного объекта приложения своей лояльности. Это произошло как раз в то время, когда неприязнь Национального собрания к любым проявлениям религиозности углубляла чувство отчужденности, которое у простых мусульман вызвал исходивший из Анкары проект радикальной модернизации, воспринимаемой ими как вестернизация. В действительности первоначально проект модернизации Турции (как и проект реформирования Османской империи) принадлежал элитной группе, с которой многие люди едва ли могли себя отождествлять. Им ничего не стоило взять и просто выразить свое негодование этим проектом, и это несмотря на признание ими того, что они снова обрели безопасную родину.

Травма, нанесенная поражением в Балканских войнах, убедила турок в том, что они должны отстоять Анатолию любой ценой или умереть. Такой императив имел далеко идущие демографические последствия. Так, земли, не по своей воле покинутые армянами Ана-

толии, были заселены беженцами-мусульманами с Балкан, которые сами всего лишились. Обмен беженцами между Грецией и Турцией, имевший место после заключения Лозаннского договора, стал последней фазой исхода мусульман из бывших османских территорий, которые теперь находились в руках христианских национальных государств или, как в случае с Советским Союзом, откровенно атеистических. К 1923 году численность населения территорий оставшихся от Османской империи (т. е. Турецкой Республики) не превышала 13 млн человек, из которых 98 процентов были мусульманами. Перед Первой мировой войной население на 80 процентов было мусульманским. С исчезновением христианских общин, значительная часть которых проживала в городах, доля сельского населения страны увеличилась: если перед войной, доля жителей городов с населением более 10 000 человек составляла 25 процентов от общей численности, то после войны этот показатель снизился до 17 процентов.

Официальные данные переписей, проведенных в Османской империи и Турецкой Республике, указывают на то, что в период между 1900 и 1927 годами в основных городах происходило резкое падение численности немусульманского населения. Самыми поразительными являются статистические данные о положении дел в Эрзуруме, который одно время был местом проживания многих армян. Там доля немусульман снизилась с 32 процентов от общей численности населения города до 0,1 процента. В Сивасе этот показатель упал с 33 до 5 процентов. В Трабзоне, где всегда проживало много греков, численность немусульман снизилась с 43 до 1 процента. С 1900 по 1927 год доля немусульманского населения Измира сократилось с 62 до 14 процентов. В Стамбуле не было столь резкого падения: доля немусульманского населения, которая в 1900 году составляла 56 процентов, к 1927 году снизилась до 35 процентов. Вполне очевидно, что созданная националистами республика сумела отомстить османским армянам и грекам, которые вероломно предали своих мусульманских соотечественников.

Хотя мусульманское большинство Турции включало в себя довольно многочисленные мусульманские общины курдов, арабов, черкесов, грузин, абхазов, лазов, албанцев и прочих, но когда на смену империи пришла республика, в стране несомненно преобладали этнические турки. Как только халифат был столь безапелляционно отменен, исланизм утратил свою значимость: было опре-

делено, что страна пойдет по светскому пути развития и что религии будет отведено место только в частной жизни граждан. Медленно вызревала идея, согласно которой турки считались избранным народом новой республики, но что эта новая республика (преемница Османской империи) создана не для того, чтобы подогнать под один стандарт национальные особенности всех ее народов — просто эти особенности должны соответствовать выдвигаемым республикой требованиям. В своей конечной форме эта доктрина была результатом политической и общественной мысли, опиравшейся на давно существующие особенности османско-турецкой культуры, а также на западные идеи и свойственный той эпохе прагматизм.

В правовой и административной сфере, религия, а не этническое происхождение всегда являлась главным признаком османского подданства. Так, в списках налогоплательщиков, а сбор налогов всегда был основной задачей османской бюрократии, единственным средством определения национальности являются записанные в них имена: об этнической принадлежности налогоплательщиков можно было догадаться, предположив, что имена, которые они носят (например, славянские, греческие, армянские или турецкие), в точности отражают их происхождение. Но еще более очевидным было то, что люди со славянскими, греческими и армянскими именами являются христианами, а люди с турецкими именами — мусульманами. На самом деле представители османской династии считали себя потомками тюркского рода Огыз, и с давних времен существовало чувство принадлежности к тюркам, но с XVI века династия перестала упоминать об этом аспекте османской национальной идентичности. Тогда подобные упоминания стали неуместными, так как в это время были повержены другие династии, которые тоже считали, что их предками были выходцы из Центральной Азии. Этнические категории использовались и в османской литературе, где термины «турок», «курд» и «араб» обычно применялись как уничижительные, а часто несли и такие более конкретные значения, как «невежественный» или «бесчестный». Иногда словом «турок» называли сбившихся с пути истинного, тех кто противился диктату государства, таких, какими в XVI веке были сторонники шаха Исмаила из династии Сафавидов, или тех, кто в XVII веке поднимал восстания против центрального правительства. Путешественник XVII века Эвлия Челеби называл турецких крестьян, с которыми он встречался во время своих путешествий, «безмозглыми турками».

Способность проникнуть в суть явлений, которой обладали те, кто в конце XIX начале XX века исследовал турецкое прошлое, открыла доступ к основам турецкой культуры и привела к появлению более позитивной идеи «турецкости». В этом им помогли западные востоковеды, которые в течение некоторого времени уже занимались изучением истории «экзотических» народов, их расового происхождения и их языков. Османская пресса приводила доводы в пользу того, чтобы сделать язык более «турецким», удалив из него персидские и арабские заимствования. Издавались словари и грамматики, а также книги по географии и истории турок. Младотурок Намык Кемаль, патриотические произведения которого, судя по всему, вдохновили Мустафу Кемаля, видел в турках наследников славного прошлого, а не авангард зарождавшегося государства. Султан Абдул-Хамид II высоко ценил тех подданных, в жилах которых текла «чистая турецкая кровь», и уважал клан Рамазаногуллары, который укреплял свои позиции в провинции Адана в течение всего пребывания Анатолии в составе Османской империи. По мнению его современника, политика Ахмеда Кевдет-паши, «подлинная сила Блистательной Порты заключена в турках. Благодаря чувству долга, которое является чертой их национального характера и своей вере, они готовы пожертвовать жизнью ради династии Османов и умереть за нее все до единого. Поэтому вполне естественно то, что они представляются более достойными, чем другие народы Блистательной Порты».

Революция 1908 года скорее ставила себе целью спасти остатки Османской империи, нежели создать национальное государство. В первые годы XX столетия «турецкость» упоминалась в документах КЕП скорее как основа для политического сотрудничества, чем как абстрактная идея, но затем ее значение было преуменьшено. И только после событий 1908 года интеллектуалы сочли возможным продолжить исследование этой концепции. В больших количествах стали появляться культурные и патриотические общества, в названиях которых присутствовало слово «турок». Представление о том, что «турецкость» можно вырвать из османского контекста, пришло из-за рубежа, от российских интеллектуалов-мусульман, которые были этническими турками (у них были тюркские корни, а значит они являлись турками в большей степени, чем граждане Турецкой Республики), и пытались найти основу для своей собственной идентичности в сумятице последних десятилетий Российской империи. Некоторые из них поселились в Стамбуле и оказы-

вали огромное влияние на турецких интеллектуалов Османской империи, демонстрируя им, что турецкая идентичность может выходить за рамки Османской империи. Характерной чертой этой новой идентичности было обращение к этническим туркам, жившим за пределами Османской империи, в Китае, Иране, Ираке и особенно в России, которые также боролись с империализмом. В качестве политической программы этот «пантуркизм» играл довольно незначительную роль в Османской империи, скорее существуя в воображении тех, кто имел склонность к романтическим мечтаньям. Он ненадолго пережил империю и в 1921 году был недвусмысленно осужден Мустафой Кемалем. В правящих кругах Османской империи его самым ярким сторонником был Энвер-паша. Он был совершенно покорен этой идеей и закончил свои дни в 1922 году, на территории сегодняшнего Таджикистана, где он возглавлял мусульманские силы, сражавшиеся с Красной Армией.

То что идея «турецкости» вполне применима для стимуляции национального самосознания, стало ясно после Первой мировой войны, когда обнаружилось «предательство» других народов (по крайней мере христианских) Османской империи. Представление о том, что территория, оставшаяся от империи (Турция) должна стать для турок родиной, оказалось несравненно устойчивее, чем идея «пантуркизма». Турецкий национализм как политическая сила, планомерно взращивался и насаждался среди населения с помощью стального кулака (крушившего оппозицию и политическое инакомыслие) в бархатной перчатке (в виде всеобщего образования и обязательной воинской повинности). В первые годы существования республики интеллектуалы-националисты упорно пытались определить ценности, которые можно было бы привить людям с тем, чтобы гарантировать их максимальную лояльность новому турецкому государству и в то же самое время узаконить создание этого государства.

Включение курдской национальной идентичности в состав турецкой, является поучительным примером и представляет собой крайнюю форму, которую приобрело стремление заново определить национальный состав населения Турецкой Республики, с целью сделать его полностью турецким. Севрский договор 1920 года допускал создание Курдского государства, но в подписанном спустя три года Лозаннском договоре об этом не было никаких упоминаний. Такая же судьба постигла и более ранние планы создания местной курдской автономии. В провозглашенной в 1924 году конституции новой

республики об этом не было сказано ни слова. Ни одна делегация, представлявшая интересы побежденной Османской империи, не была приглашена на переговоры, которые привели к заключению Севрского договора. На мирной конференции в Лозанне, делегацию турецких националистов возглавлял министр иностранных дел республики, Исмет (Инёню). Распад империи разрушил связи, объединявшие турок и курдов (султанат, исламское право и халифат), а современная светская Турция, которую надеялся создать Мустафа Кемаль, не могла проявлять сочувствие к автономной этнической группе, лидеры которой были накрепко привязаны к старым традициям: их нужно было силой втащить в новую эпоху. Принцип равенства всех граждан, без каких-либо различий, дал идеологическое обоснование политике создания однородной нации и таким образом курды становились турками по определению.

Значение «турецкости», этого краеугольного камня современного турецкого государства, зачастую неправильно понимают те, кто не может осознать, что это не показатель этнической принадлежности, а обязательство быть членом «воображаемой» турецкой нации, в которой все должны быть равны. Поскольку единственными меньшинствами, всегда признаваемыми османским государством, были немусульмане, курды (как мусульмане и граждане Турецкой Республики) считались такими же турками, как и любой чистокровный турок. Поэтому признание Европейским союзом того, что курды являются национальным меньшинством, воспринимается многими турками с непониманием.

Так называемый мятеж шейха Саида, вспыхнувший в феврале 1925 года севернее Диярбакыра, был только первым из целой серии мятежей, которыми были охвачены курдские провинции в период между этой датой и 1930 годом. Он ускорил принятие сурового закона о поддержании общественного порядка, который впоследствии использовался для усмирения политических противников Мустафы Кемалю и его ближайших сподвижников. Начиная с 1923 года возможность организации восстания обсуждалась в одной из подпольных курдских группировок. Отмена халифата была только одной, но не единственной причиной недовольства, высказанной мятежниками, которых в 1924 году допрашивали британцы. Помимо этого, незадолго до мятежа было запрещено использование курдского языка в общественных местах. Использование турецкого языка в учебных заведениях лишало курдов возможности получить образование. Из книг по географии было изъято слово «Курдистан», а

турецкие солдаты, совершавшие налеты на курдские деревни, забирали домашних животных и продукты, ничем не возмещая нанесенный ущерб. Восстание началось 13 февраля, когда десять соплеменников Накшбанди Шейха Саида из Палу отказались сдаваться жандармам, получившим приказ их арестовать по обвинению в преступлении, которое официальное руководство называло «бандитизмом». Патовая ситуация затянулась на три недели, в течение которых несколько курдских племен оказали поддержку мятежникам и к 7 марта, взяли в осаду Диярбакыр. Волнения охватили обширные районы восточной Малой Азии, находившиеся к западу от озера Ван. Местное ополчение оказалось неспособным подавить мятеж, и было введено военное положение, но когда и это не помогло, в район волнений отовсюду были направлены войска, которые и ликвидировали сопротивление, пролив много крови. Осаждавшие Диярбакыр сдались 15 апреля, а в конце мая с волнениями было покончено. Этот мятеж (который был и курдским, и исламистским по своему характеру) стал ответом на последствия перемен. В тот период шейхи, которые были крупными землевладельцами этого региона, испытывали мрачные предчувствия, связанные с опасениями того, что они станут жертвами республиканской революции. Многие курды были повешены, многие другие депортированы в западные районы. Сообщалось, что турецкая армия понесла больше людских потерь во время подавления мятежа шейха Саида, чем во время войны за независимость.

Вслед за восстанием была полностью подавлена и оппозиция режиму Мустафы Кемаля и Исмета (Инёню). Принятый Великим национальным собранием закон о поддержании порядка стал юридическим обоснованием тех экстренных мер, которые применялись в течение следующих двух лет. Многие газеты были закрыты, а на востоке страны сохранялось военное положение. Власти снова воспользовались услугами созданных еще в 1920 году «трибуналов независимости», которые привлекали к судебной ответственности тех, кто не был убежден в правоте националистов. В результате многие диссиденты были повешены (по меньшей мере 240 из 2500 арестованных, по одним подсчетам, и 660 из 7500 — по другим). В 1924 году от основанной в сентябре 1923 года Народной партии Мустафы Кемаля откололась Прогрессивная республиканская партия. Членами новой партии стали многие из его давних единомышленников, в том числе Казим Карабекир и Рауф (Орбей), которые разочарова-

лись в бескомпромиссном изменении политического курса и стали единственной формальной оппозицией в Национальном собрании. В начале июня 1925 года кабинет министров решил прекратить деятельность этой партии.

Вместе с репрессиями пришли и фундаментальные изменения, направленные на реорганизацию турецкого общества, но эти нововведения вызвали резкую общественную реакцию, причем опять-таки на востоке страны. Даже принудительная перемена головного убора с фески на шляпу с полями привела к жертвам, поскольку для многих, она была такой же оскорбительной, какой в конце 20-х годов XIX века была введенная султаном Махмудом II замена тюрбана на феску. В ноябре 1925 года в ту же самую неделю, когда закон о шляпе вступил в действие, был введен еще один декрет, который предписывал закрыть ордена дервишей, а также гробницы и усыпальницы святых и султанов, несмотря то, что все это играло важную роль в повседневной жизни простых людей*. В декабре того же года был упразднен лунный мусульманский календарь и введен международный христианский календарь, а система деления суток на 24 часа заменила систему исчисления часов начиная с заката. В следующем году были проведены серьезные правовые реформы: приняты своды законов, заимствованные на Западе. Новый гражданский кодекс был составлен на основе швейцарского и среди прочего радикальным образом изменил общественное положение женщин, которые получили гораздо больше прав как в семейных отношениях, так и на работе. Именно по этой причине женщины сегодняшней Турции постоянно выражают свою благодарность Мустафе Кемалю.

Начиная с 1925 года в течение двух лет весьма энергично применялся Закон о поддержании порядка, и все это время власти запугивали прессу: закрывались либеральные и консервативные, религиозные и коммунистические газеты. Это напоминало времена правления Абдул-Хамида II, который время от времени вводил жесточайшую цензуру. Публиковались только те издания, которые восхваляли политику правительства. Совершенное в 1926 году покушение на жизнь Мустафы Кемаля было использовано им как пред-

* В конечном счете эти распоряжения правительства оказались столь же неэффективными как и указы Махмуда II. Сегодня ордена дервишей снова являются неотъемлемой частью турецкой жизни.

лог для того, чтобы избавиться от еще уцелевших членов старого КЕП. Хотя официально эта партия уже не существовала, некоторые из ее членов продолжали активную деятельность в течение всего периода сопротивления иностранной оккупации и после ее окончания. Последней вспышкой их активности было состоявшееся в 1923 году собрание бывших лидеров партии, результатом которого стал манифест, предлагавший сотрудничество с Мустафой Кемалем, но тот отверг предложение. Поскольку в 1925 году вся политическая оппозиция, в сущности, была объявлена вне закона, властям не составило труда сделать попытку политического убийства поводом для судебного разбирательства и казни ведущих членов КЕП. Судивший их трибунал объявил, что именно на собрании 1923 года они вступили в заговор с целью совершения политического убийства.

На проходившем в 1927 году первом съезде Республиканской народной партии, которая стала преемницей Народной партии (и уступила свою монополию на власть только после Второй мировой войны), Мустафа Кемаль в течение шести дней (с 15 по 20 октября) выступал с речью, общая продолжительность которой составила 36 часов. Эта речь изобиловала высокопарной риторикой и полемическим задором. В ней он изложил свою версию гибели Османской империи и рождения Турецкой Республики. Понятно, что главным героем этой драмы был сам Мустафа Кемаль. Отнюдь не являясь честным изложением событий, происходивших в период между 1919 и 1927 годами, эта речь начинается с того, как 19 мая 1919 года Кемаль прибыл из Стамбула в Самсун. Ее самый достоверный перевод на английский язык насчитывает 724 страницы, из которых первые 657 рассказывают о событиях вплоть до 29 октября 1923 года, то есть до провозглашения республики. В заключительной части своей речи Мустафа Кемаль подверг осуждению тех, у кого новые порядки не вызывали восторга, в том числе журналистов (за то, что они давали высказываться представителям оппозиции), но особой критике он подверг своего когда-то близкого единомышленника Рауфа (Орбея). В одном месте своей речи Мустафа Кемаль снабжает свою критику Рауфа и Казима Карабекира, а также их единомышленников, следующим предисловием: «Теперь... я расскажу вам кое-что о большом заговоре». Он также подверг их обстоятельной критике за создание раскольнической Прогрессивной республиканской партии, которая в 1924 году посмела усомниться в законности его властных полномочий. Таким образом был

оправдан и принудительный роспуск ПРП, и косвенно то, что Мустафа Кемаль обладал единоличным правом приводить условия политической дискуссии «в соответствие с волей народа».

В книгах по истории Турецкой Республики, будь то работы написанные турками или исследования зарубежных авторов, никогда не уделяется должного внимания репрессиям, которыми сопровождалось создание постосманского государства, но всегда подчеркивается особая роль, которую сыграл Мустафа Кемаль. Авторы этих книг почти полностью игнорируют тот факт, что были и другие не менее достойные люди (крестьяне, женщины, военачальники), которые оказали сопротивление разделу империи, предложенному создателями Севрского договора. Эти люди пытались сохранить то, что еще осталось от империи, и сделать эту территорию родиной турок. Но до тех пор, пока Мустафа Кемаль не добился всеобщего восторженного признания как вдохновитель победы над греческими повстанцами в ходе военной кампании 1921–1922 годов в западной Малой Азии, не было никакой уверенности в том, что он станет бесспорным политическим лидером Турции или что он будет обладать такой властью, что сможет смещать тех, кто открыто не соглашался с его представлениями о будущем страны. Согласно последним исследованиям, вооруженное сопротивление которое началось после окончания Первой мировой войны, было спланировано и осуществлялось КЕП, а Мустафа Кемаль и его сторонники поначалу не входили в число его лидеров. Чтобы поднять фигуру Мустафы Кемалья на пьедестал, намеренно преувеличивается степень разрыва с прошлым в период перехода от поздней империи к ранней республике. Республика во многом весьма отличалась от империи (например, по величине своей территории и по демографии), но она унаследовала очень многое из того периода, когда на руководящих постах империи находились младотурки: стиль политического руководства, структуры бюрократического аппарата и армии. Труднее проанализировать некоторые другие аспекты, такие как, например, идеология: от концепций исламизма и османизма отказались в пользу превосходства турецкой нации. Высшими интересами теперь считались интересы государства, поэтому к мнению отдельной личности или группы лиц относились с пренебрежением. Явно имело место стремление к элитизму, с характерным для него недоверием к народу, а акцент на образовании и вера в прогресс были аспектами османской фило-

софской мысли позднего периода, которые сохранились и стали основами республиканской идеологии.

Общественная жизнь в современной Турции не выходит за рамки идеологии, получившей название «кемализм». Эта идеология является разновидностью турецкого национализма, о которой своими действиями и высказываниями заявил Мустафа Кемаль и которую интерпретировали военные «стражи» государства. Не так просто отделить человека от созданного мифа. Поощряя возведение по всей Турции статуй в свою честь и таким образом увековечивая важнейшие события, связанные с утверждением республики, Мустафа Кемаль содействовал созданию культа, в центре которого был он сам. Подобную практику продолжили хранители его политического наследия, которые почти полностью предали забвению всех остальных героев сопротивления и молодой республики, а фактически и всех выдающихся людей той эпохи. Еще при жизни Мустафы Кемалья талантливый военачальник Казим Карабекир, которому республика в значительной степени обязана своим существованием, пытался опубликовать воспоминания о своем участии в послевоенной борьбе. Эти попытки сразу же были пресечены, а когда в 1960 году (а именно тогда был совершен первый из трех военных переворотов с момента основания республики, второй и третий имели место в 1971 и 1980 годах соответственно) была опубликована расширенная версия его мемуаров, издателю был предъявлен судебный иск, а уже напечатанные мемуары были изъяты и поступили в продажу только через девять лет, когда закончилось судебное разбирательство. С 1953 года бранные останки Мустафы Кемалья покоятся в величественном мавзолее который возвышается над Анкарой, являясь главным местом проведения многих официальных церемоний. Немногие помнят о том, где обрели покой его соратники, исключением является место упокоения его «правой руки», Исмета (Инёню). Но в Турецкой Республике столь непоколебимая приверженность к идеям «кемализма» не является навечно установленной данностью. Эта приверженность стала исключительно распространенным явлением общественной жизни только после военного переворота, совершенного в сентябре 1980 года.

В речи, с которой Мустафа Кемаль выступил в 1927 году, есть место, посвященное отмене халифата, которая, как он понимал, все еще является чрезвычайно спорным вопросом. Меньше места уделено в его речи запрету ношения фесок и объявлению вне закона орденов дервишей. И то и другое Мустафа Кемаль оправдывает,

называя эти действия ударом по невежеству, и доказывает законность принятия таких суровых мер, как «трибуналы независимости» и Закон о поддержании порядка. Приводя аргумент, которым впоследствии пользовались после каждого военного переворота, он утверждал следующее:

Прибегая к исключительным мерам, которые в любом случае были законными, мы никогда не использовали их для того, чтобы так или иначе поставить себя выше закона. Напротив, мы применяли их для того, чтобы восстановить в стране мир и спокойствие... и как только необходимость в применении исключительных мер, к которым мы прибегали, отпадала, мы без всяких колебаний их отменяли.

Военные и их гражданские сторонники, разделившие с ними бремя защиты турецкого государства и раздувания пламени «кемализма», сохраняют и интерпретируют политическое наследие Мустафы Кемалю с целью убедить граждан современной республики признать те идеи, которые он олицетворял, и не только секуляризацию и дальновидную модернизацию общественной жизни, но и такие авторитарные склонности, как подавление инакомыслия и ограничение свободы слова. Действия Мустафы Кемалю обусловлены теми опасностями, с которыми столкнулась республика в годы его правления. Но времена изменились, и решения, продиктованные идеями и опасениями 20-х годов прошлого века, не лучшим образом соответствуют проблемам и вызовам XXI столетия. Впрочем, прошлое еще давит тяжелым грузом, и многие турки не согласны с унижающим их западным мнением, которое отождествляет «кемализм» с «милитаризмом, авторитаризмом и этническим национализмом». Для них «кемализм» — это «синоним прогресса, а значит и свободы». Но сегодня есть обнадеживающие признаки того, что становится допустимым гораздо большее разнообразие взглядов и что роль военных в турецкой общественной жизни снижается.

Подобно Османской империи, для которой представление о будущем воплотилось в получившей правовое обоснование мечте Османа, молодая Турецкая Республика, которой требовался миф о ее создании, получила его в виде речи, произнесенной Мустафой Кемалем в 1927 году. Он и его оставшиеся в тени союзники добились невероятного успеха, одержав победу в казалось бы безысходной ситуации, и навсегда узаконили рождение республики. Интерпрета-

ция исторических событий, так убедительно изложенная Мустафой Кемалем в его речи, пережила все самые значительные политические изменения, которые претерпела Турция. Будущим историкам наше время покажется лишь мгновением в длинной веренице эпох; возможно, окажется, что Турецкая Республика в конце концов решила, что ей больше не нужно придавать особое значение мечте Мустфы Кемаля, и позволила ей кануть в лету. Возможно, и она станет таким же достоянием истории, как мечта Османа и множество других мифов, которые служили опорой Османской империи.

Султаны Османской империи

Осман I ?	прибл. 1324
Орхан I прибл.	1324–1362
Мурад I	1362–1389
Баязид I Молниеносный	1389–1402
Междоусобие	1402–1413
Мехмед I	1413–1421
Мурад II (отрекся)	1421–1444
Мехмед II	1444–1446
Мурад II	1446–1451
Мехмед II Завоеватель	1451–1481
Баязид II (низложен)	1481–1512
Селим I	1512–1520
Сулейман I Великолепный, Законодатель	1520–1566
Селим II	1566–1574
Мурад III	1574–1595
Мехмед III	1595–1603
Ахмед I	1603–1617
Мустафа I (низложен)	1617–1618
Осман II (убит)	1618–1622
Мустафа I (низложен)	1622–1623
Мурад IV	1623–1640
Ибрагим I Безумный (казнен)	1640–1648
Мехмед IV Охотник	1648–1687
Сулейман II	1687–1691
Ахмед II	1691–1695
Мустафа II (низложен)	1695–1703
Ахмед III (низложен)	1703–1730

Махмуд I	1730–1754
Осман III	1754–1757
Мустафа III	1757–1774
Абдул-Хамид I	1774–1789
Селим III (низложен)	1789–1807
Мустафа IV (низложен)	1807–1808
Махмуд II	1808–1839
Абдул-Меджид I	1839–1861
Абдул-Азиз I (низложен)	1861–1876
Мурад V (низложен)	1876
Абдул-Хамид II (низложен)	1876–1909
Мехмед V Решад	1909–1918
Мехмед VI Вахеддин (отрекся)	1918–1922
Абдул-Меджид II (только халиф)	1922–1924

Хронология

Правящий султан		Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
	1054	Папа объявляет византийцев еретиками
	1071	Битва при Малазгирте: турки-сельджуки наголову разбивают византийскую армию
	1176	Битва при Мириокефалоне: турки-сельджуки наголову разбивают византийскую армию
	1187	Саладин берет Иерусалим
	1204–1261	Оккупация Константинополя латинянами
	1243	Победа монголов над турками-сельджуками при Кёседаге
	1258	Разграбление монголами столицы халифата Багдада
?–прибл. 1324 Осман I	1301	Битва при Бафее: силы Османа наголову разбивают византийскую армию
	<i>1306</i>	<i>Рыцари госпитальеры делают остров Родос своей базой</i>
?–прибл. 1324–62 Орхан I	1326	Османские войска захватывают город Бурса
	1326–1327	Османская монета самой ранней датировки
	1329	Битва при Пелеканоне: армия Орхана наголову разбивает византийские силы
	1330-е	Турки-кареси пересекают Дарданеллы и вторгаются во Фракию

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1362–1389 Мурад I	1331 Османские войска берут Изник
	1337 Османские войска берут Измит
	прибл. Османские турки аннексируют эмират
	1345 Кареси
	1346 Орхан женится на Феодоре, дочери Иоанна VI Кантакузина
	1352 Орхан заключает договор с Генуей
	1352 Османские силы вторгаются во Фракию
	1354 Землетрясение и взятие Гелиболу османскими силами
	1360-е Османские войска захватывают Эдирне
	1361 Гази Эвренос захватывает Комотины
	1366 Гелиболу захвачен военно-морскими силами латинян
	<i>1369 Император Иоанн V Палеолог пытается получить помощь папы</i>
	1371 Битва при Черномене: османские войска наносят поражение сербским и болгарским властителям
	1373 Мятеж Савджи и Андроника
	1380-е Османские турки аннексируют эмират Хамида
	1386 Османские турки отбирают Ниш у Сербии
	1386 Первое столкновение османских турок с Караманом
1387 Византийский город Фессалоники признает османскую власть	
1388 Битва при Билече: османские войска разбиты боснийской армией	
1389 Битва на Косовом поле: убит султан Мурад	
1389–1402 Баязид I	1390-е Османские турки завершают аннексию эмиратов западной Малой Азии
1393–04	1391 Сербия становится османским вассалом Баязид вызывает в Серес своих византийских вассалов

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1393	Османские турки аннексируют владения Иоанна Шишмана Болгарского
1394–1402	Осада Константинополя османскими войсками
1394	Гази Эвренос начинает стремительное вторжение в Грецию
1394	Османские войска занимают Фессалоники
1395	Османские войска наносят сокрушительное поражение силам Мирчи Валахского
1396	Битва при Никополе: османские войска наносят сокрушительное поражение армиям крестоносцев
<i>1397–1403</i>	<i>Император Мануил II пытается найти помощь в Европе</i>
1397	Караман теряет независимость
1398	Османские войска сражаются с силами Кади Бурхана аль-Дина в Сивасе
1402	Битва при Анкаре: Тамерлан наносит сокрушительное поражение османским силам; Анатолийские эмираты снова получают независимость
Междоусобица 1402–1413	1402–1413 Годы междоусобной борьбы между сыновьями Баязида
1413–1421 Мехмед I	1416 Восстание шейха Бедреддина
	1417 Умирает гази Эвренос
1421–44 Мурад II	1421–1422 Мятеж «Лже»-Мустафы
	1422 Фессалоники блокированы османскими войсками
	<i>1423 Византийцы уступают Фессалоники Венеции</i>
	1425 Османские турки снова аннексируют эмираты западной Малой Азии
	<i>1427 Венгры отбирают Белград у Сербии</i>
	1427 Османские турки получают Голубеч

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1430	Фессалоники сдаются османским войскам
1437–09	<i>Ферраро-Флорентийский церковный собор: уния православной и католической церквей</i>
1438–1439	Османская армия воюет с Сербией
1440	Османские войска не могут взять Белград
1444	Варнский крестовый поход: османские войска наносят поражение армии крестоносцев
1444–1446	Мехмед II 1444 Намеренное обесценивание османского аспера
1446–1451	Мурад II 1448
Вторая битва на Косовом поле: османские войска наносят сокрушительное поражение венграм и валахам	<i>1449 Византийским императором становится Константин XI</i>
1451–1481	Мехмед II 1451–1452
Строительство босфорской крепости Богазкесен	1453
Завоевание Константинополя османскими турками	1454–1455
Военные действия против Сербии	1455
Турки начинают захватывать генуэзские колонии	1456
Осада Белграда заканчивается для турок неудачей	Махмуд-паша
1456–68	Ангелович на посту
великого визиря	1457–1458
Строительство крепости Едикуле и Старого дворца	1458
<i>Венгерский трон наследует Матиаш Корвин</i>	1458–1460
Турки завоевывают Пелопоннес	1459
Сербия полностью включена в состав Османской империи	1459
Начинается строительство дворца Топкапы	

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1460–1461	Начинается строительство Крытого базара
1461	Завоевано Трапезундское королевство византийских Комнинов
1462	Строительство расположенных друг напротив друга крепостей на обоих берегах Дарданелл
1463–1479	Турецко-венецианская война
1463	Начинается строительства храмового комплекса Мехмеда II
1463	Турки аннексируют Боснию и Герцеговину
1466	Турецкая военная кампания против Скандербега
1467	Аккоюнлу Узун Хасан аннексирует земли Каракоюнлу
1468	Караманская военная кампания: множество людей депортировано в Стамбул
1472–1473	Война Османской империи с Аккоюнлу из-за Карамана
Махмуд-паша 1472–1474	<p data-bbox="350 900 573 959">Ангелович на посту великого визиря</p> <p data-bbox="350 968 884 992">1474 Турки вновь аннексируют Караман</p> <p data-bbox="350 1002 936 1061">1475 Турки аннексируют генуэзскую колонию Кафа</p> <p data-bbox="350 1070 923 1129">1478 Крымские татары признают над собой власть Османской империи</p> <p data-bbox="350 1139 798 1163">1480 Турки захватывают Отранто</p> <p data-bbox="350 1173 919 1232">1481 Осада Родоса заканчивается для турок неудачей</p>
1481–1512 Баязид II	<p data-bbox="350 1256 750 1279">1481 Сдача турками Отранто</p> <p data-bbox="350 1289 919 1348">1481 Султан Джем находит прибежище при дворе мамелюков</p> <p data-bbox="350 1358 909 1417">1482 Джем отплывает на Родос, а потом во Францию</p> <p data-bbox="350 1426 801 1460">1485–1491 Турецко-мамлюкская война</p>

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1489	Джем переезжает в Рим
1492	<i>Падение исламского королевства Гранада, которое становится владением Фердинанда и Изабеллы</i>
1492	Испанские евреи находят прибежище в Османской империи
1495	Умирает султан Джем
1497	<i>Васко да Гама огибает мыс Доброй Надежды</i>
1499	Тело Джема привозят в Стамбул
1499–1502	Турецко-венцианская война
1501	<i>Основание державы Сафавидов шахом Исмаилом</i>
1502	Баязид впервые предпринимает меры, направленные против кызылбаша
1510–1512	Борьба за престолонаследие между сыновьями Баязида
1510	Османская империя оказывает военноморскую поддержку мамлюкам в их борьбе с португальцами
1511	Мятеж Шахкулу
1512–1520 Селим I	1514 Битва при Чалдыране: турки наголову разбивают армию Сафавидов
1515	Падение эмирата Дулкадир, который становится османским владением
1516–1517	Османская империя аннексирует Сирию и Египет, входившие в Мамлюкский султанат
1520-е	Турецко-португальское соперничество в Индийском океане
1520	Мятеж Шах-вели
1520–1566	1521 Турки завоевывают Белград
Сулейман I	1522 Турки завоевывают Родос
1523–1536	Ибрагим-паша на посту великого визиря
1526–1527	Налоговый бунт в Киликии, который затем охватывает восточную Малую Азию

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1526	Битва при Мохаче: конец венгерского средневекового королевства; начало турецко-австрийского соперничества в Венгрии
1529	Осада Вены заканчивается для турок неудачей
1530	<i>Императором Священной Римской империи становится Карл V</i>
1530-е	Начинается турецко-австрийское соперничество в Северной Африке
1534	Сулейман женится на Хюррем Султан
1534	Турки оккупируют Тебриз и захватывают Багдад
1535	Пробное учреждение провинции Йемен
1538	Османская империя ведет военные действия против Молдавии; аннексия северо-западного побережья Черного моря
1541	Значительная часть Венгрии переходит под управление Османской империи
1544—1553	Рустем-паша на посту великого визиря
1546	Басра становится провинцией империи
1547	<i>Царем всей Руси становится Иван IV</i>
1548	Возобновляется вражда с Сафавидами, особенно на Кавказе
1550-е	На Украине казаки нападают на турок и крымских татар
1550—1559	Строительство храмового комплекса Сулеймание
1552	<i>Иван IV захватывает Казанское ханство</i>
1552	Часть Трансильвании переходит под управление Османской империи
1552	Провал экспедиции Пири-реиса, предпринятой с целью захвата Ормуза и Бахрейна
1555	Амасийский договор между Османской империей и Ираном Сафавидов
1555	Учреждение провинции Хабеш

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1555–1561	<p>Рустем-паша на посту великого визиря</p> <p>1556 <i>Иван IV захватывает Астраханское ханство</i></p> <p>1558 Смерть Хюррем Султан</p> <p>1558 Начинается соперничество между сыновьями Сулеймана; его преемники Баязид и Селим</p>
1565–1579	<p>Соколлу Мехмед-паша на посту великого визиря</p> <p>1565 Осада базы госпитальеров на Мальте заканчивается для турок неудачей</p>
1566–1574 Селим II	<p>1568–1571 Подавление мятежа в Йемене</p> <p>1568 Мирный договор между Османской империей и Австрией Габсбургов</p> <p>1569 Отказ от проекта строительства канала Дон—Волга</p> <p>1571 Турки отбирают Кипр у Венеции</p> <p>1571 Битва при Лепанто: турки наголову разбивают силы Священной лиги</p> <p>1572 Предпринят капитальный ремонт Аия Софии</p>
1574–1595 Мурад III	<p>1574 Начинается строительство обсерватории в Галате</p> <p>1575 Окончание строительства храмового комплекса Селимие в Эдирне</p> <p>1575 <i>Испания объявляет о своем банкротстве</i></p> <p>1578–1590 Война с Сафавидами на Кавказе</p> <p>1578 Соколлу Мехмед-паша заказывает в Венеции серию портретов султана</p> <p>1580-е Мурад значительно расширяет личное хозяйство султана — увеличивает гарем дворца Топкапы; усиливает роль главного черного евнуха</p> <p>1580 Снесена обсерватория в Галате</p> <p>1580 Перемирие в западном Средиземноморье между Османской империей и испанскими Габсбургами</p>

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1585–1586	Обесценивание османского аспера
1588	Смерть архитектора Синана
1589	Мятеж янычар, вызванный обесцениванием монет
прибл.	Турки начинают формировать нерегулярную пехоту из крестьян
1590	
1590-е	Мятежи в провинциях, направленные против центральной власти; начало мятежей джелали в Анатолии
1591–1592	Тысячный год по исламскому летоисчислению
1593–1606	Война с австрийскими Габсбургами
1595–1603 Мехмед III	
1603–17 Ахмед I	1603–1618 Война с Сафавидами
	1606–1607 Мятеж Канбуладоглы Али-паши в Сирии
	1609–1617 Строительство храмового комплекса Ахмеда I
	1609 Окончание первой фазы мятежей джелали
1617–1618 Мустафа I	
1618–1622 Осман II	<i>1618–1648 Тридцатилетняя война в Европе</i>
	1621–1622 Османская империя ведет войну с Речью Посполитой
1622–1623 Мустафа I	1622–1628 Мятеж Абаз Мехмед-паши
1623–1640 Мурад IV	1623–1632 Фактическое регентство матери Мурада, Кёсем Султан
	1624–1639 Война с Сафавидами
	1624 Багдад отдан Сафавидам
	1624 Украинские казаки грабят босфорские деревни и совершают налет на Трабзон
	1627–1628 Турки вмешиваются в борьбу за власть, которая идет в Крымском ханстве
	1630 Попытка османских сил отвоевать Багдад заканчивается неудачей
	1631 Берет начало религиозно-аскетическое движение Кадизадели
	1632 Мурад начинает программу реформ

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1633	Инспирированные адептами Кадизаде-ли волнения в Стамбуле
1635	Турки уходят из Йемена
1636–1641	Донские казаки удерживают Азов
1638	Турки освобождают Багдад
1640–1648 Ибрагим I	1640–1644 Финансовые реформы великого визиря Кеманкеш Кара Мустафа-паши
	1640–1648 Кёсем Султан снова в роли регентши
	1642–1643 Мятеж губернатора провинции Алеппо, Насухпашазаде Хусейн-паши
	1644–1669 Война с Венецией за Крит
	1647–1648 Мятеж губернатора провинции Сивас Варвар Али-паши и других
	1648 Мятеж султанских полков приводит к низложению Ибрагима
1648–1687 Мехмед IV	1648–1657 <i>Мятеж казаков под предводительством гетмана Хмельницкого</i>
	1649 Мятеж Джорджу Абдулнеби-аги
	1651 Бунт лавочников в Стамбуле; убита Кёсем Султан
	1656 Кровопролитный мятеж в Стамбуле, вызванный тем, что султанские полки получили жалованье в обесцененных монетах
1656–1661	Кёпрюлю Мехмед-паша на посту великого визиря
	1657–1658 Военная кампания по усмирению османского вассала Ракоши из Трансильвании
	1658–1659 Мятеж Абаза Хасан-паши и других, направленный против Кёпрюлю Мехмеда
	1659 Поездка членов правящей династии в район Дарданелл; завершение финансируемого Турхан Султан строительства крепостей
	1660 На северо-западе Трансильвании образована провинция Варад

Правящий султан		Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1661–1676	1660	Большой пожар в стамбульском квартале Эминёню; начинается строительство «Новой» мечети Турхан Султан
		Кёпрюлю Фазыл Ахмед-паша на посту великого визиря
	1664	К северо-западу от Буды образована провинция Уйвар
	1665	Вани Мехмед-эфенди становится духовным наставником Фазыла Ахмеда; новая волна активности адептов Кадизадели
	1665	Саббатай Цви объявляет себя мессией
	1667	<i>Украина поделена между Речью Посполитой и Московией</i>
	1669	Турки овладевают Критом; остров становится новой провинцией
	1669	Гетман Дорошенко из Правобережной Украины подчиняется власти Османской империи
	1671–1672	Война с Речью Посполитой
	1672	В бывшей польской провинции Подолія создана османская провинция Каменец
	1674	Военная кампания с целью спасения столицы гетмана Дорошенко, крепости Чигирин от московитов
1676–1683		Мерзифонлу Кара Мустафа-паша на посту великого визиря
	1676	Гетман Дорошенко переходит на сторону царя
	1677–1678	Война с Московией
	1681	Бахчисарайский договор между турками и московитами признает сюзеренитет Османской империи над Правобережной Украиной
	1683–1699	Война с австрийским Габсбургами, Венецией, Польшей и Московией
	1683	Неудачное окончание второй осады Вены

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
	1684 <i>Заключен мир между Францией и австрийскими Габсбургами</i>
	1686 Турки теряют Буду и значительную часть Венгрии
	1687 Армия московитов продвигается на юг, в Крым, а затем беспорядочно отступает
	1687 Турки проигрывают битву при Мохаче; великий визирь Сары Сулейман-паша спасается бегством
1687–1691 Сулейман II	1687–1688 Бунт ополченцев; мятеж султанских полков в Стамбуле
	1688 Вильгельм Оранский содействует проведению мирных переговоров между турками и Габсбургами
	1688 Габсбурги овладевают Белградом
	1688–97 <i>Война Аугсбургской лиги</i>
	1689 Армия московитов продвигается на юг, в Крым, а затем беспорядочно отступает
1689–1691	Кёпрюлю Фазыл Мустафа-паша на посту великого визиря
	1690 Начало финансовых реформ Фазыла Мустафы
	1690 Турки снова берут Белград и другие крепости
1691–1695 Ахмед II	1695 Введение института пожизненных налоговых откупщиков
1695–1703 Мустафа II	1697 Османская армия наголову разбита при Сенте
1697–1702	Амджазаде Хусейн-паша на посту великого визиря
	1699 Карловицкий договор устанавливает мир между Османской империей и Австрией, а также ее союзниками
	1703 «Инцидент в Эдирне» приводит к низложению Мустафы II
1703–1730 Ахмед III	1703 <i>Петр Великий основывает Санкт-Петербург</i>

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1709—1714	После поражения под Полтавой, шведский король Карл XII находит прибежище у турок
1710—1711	Война с Россией
1715—1718	Война с Венецией и Австрией
1717	Австрия овладевает Белградом; на последующих мирных переговорах решено, что турецко-австрийская граница проходит в районе города Ниш
1718—1730	<p>Невшехирли Дамад</p> <p>Ибрагим-паша на посту великого визиря</p> <p>1720-е «Эпоха тюльпана»</p> <p>1720—1721 Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди посещает Францию в качестве посланника по культуре</p> <p>1720 Обряд обрезания сыновей Ахмеда III сопровождается расточительными празднествами</p> <p>1721 Начинается строительство дворца Саадабад</p> <p>1722 Падение династии Сафавидов; османские и русские войска входят в северо-западный Иран</p> <p>1724 Турки и русские договариваются о разделе северо-западного Ирана</p> <p>1724—1746 Турки воюют с Ираном</p> <p>1727 Появление первого в империи печатного станка с арабским шрифтом</p> <p>1730 Мятеж Патрона Халила</p> <p>1736 Россия захватывает резиденцию крымского хана в Бахчисарае</p> <p>1737 Россия берет крепость Очаков, на северном побережье Черного моря; в войну вступает Австрия</p> <p>1739 Белградский договор: Австрия теряет Белград</p>

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1740—1775 Осман III	1740—1775 В Акре и на прилегающих территориях властвует шейх Захир аль-Умар 1740 Турецко-французский торговый договор 1740 Кровапролитные волнения в Стамбуле 1748 Кровапролитные волнения в Стамбуле
1754—1757 Осман III	1755 Завершение строительства храмового комплекса Нуруосмание в Стамбуле 1756 Большой пожар в Стамбуле
1757—1774 Мустафа III	1762 <i>На Российский трон восходит Екатерина II Великая</i> 1763—1765 В Бахчисарае открыто Российское консульство 1768—74 Война с Россией 1770—е Первые шаги аскетической секты ваххабитов в Аравии 1770 В сражении при Чешме русская эскадра берет верх над турецкой 1771 Россия вторгается в Крым 1772 Крымский хан Сахиб Гирей объявляет Крым независимым 1772 Осада Бейрута войсками Булуткапана Али и Захира аль-Умара, которым оказывает содействие русский флот 1772 Первый раздел Польши Россией, Пруссией и Австрией
1774—1789 Абдул-Хамид I	1774 Война с Россией завершается заключением Кючук-Кайнарджийского договора 1775—1804 Джебзар Ахмед-паша властвует в Сирии 1783 Россия аннексирует Крымское ханство 1786 Экспедиция османского военного флота с целью подавления беспорядков в Египте 1787—1792 Война с Россией 1787 Тепеделени Али-паша становится губернатором Янины
1789—1807 Селим III	1788—1791 Война с Австрией 1789 Селим советуется со своими политиками о будущем империи 1789 <i>Французская революция</i>

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1789–1791	Австрия удерживает Белград
1791	Османские правительственные силы начинают действия, направленные против менее крупных балканских аристократов
1792	Балканский аристократ Пасваноглы Осман-паша захватывает Видин
1792	Селим знакомится с докладами государственных деятелей о состоянии империи
1793	Впервые в европейских столицах открываются посольства Османской империи
1793	Второй раздел Польши Россией и Пруссией
1793	Турки заявляют о своем нейтралитете в войне европейских стран с Францией
1793–1794	Создание армии «нового порядка» и ее казны
1795	Третий раздел Польши Россией, Пруссией и Австрией
1798	Наполеон Бонапарт вторгается в Египет
1798	Силы ваххабитов наносят поражение армии Шарифа Галиба
1799	Бонапарт возвращается во Францию
1801–1802	Британцы удерживают Египет
1802	В Анатолии проводится призыв в армию «нового порядка»
1803	Османская империя ведет военные действия против ваххабитов; ваххабиты ненадолго занимают Мекку
1804	Османские правительственные силы и сербские войска изгоняют янычарское ополчение из Белграда
1805	Призыв в армию «нового порядка» распространяется и на Балканы
1805	Ваххабиты разграбляют Медину
1805	Мехмед Али из Кавалы назначен губернатором Египта
1806–1812	Война с Россией

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)	
	1806	Селим I признает Наполеона I императором и дарит ему свой портрет
	1806	Ваххабиты снова занимают Мекку
	1806	Жители Эдирне оказывают яростное сопротивление призыву в армию «нового порядка»
	1807	Сербские силы занимают Белград
	1807	Британский флот проходит через Дарданеллы
	1807	Насильственная отмена армии «нового порядка»
	<i>1807</i>	<i>Тильзитский мир: Франция и Россия заключают соглашение о разделе значительной части балканских территорий Османской империи</i>
	1807	Ваххабиты закрывают Хиджаз для караванов с паломниками
1807–1808 Мустафа IV	1808	Байракдар Мустафа-паша прибывает в Стамбул; вскоре его убивают
	1808	Убийство Селима III
1808–1839 Махмуд II	1811–1818	Мехмед Али-паша и Ибрагим-паша умиряют ваххабитов
	1813	Махмуд II начинает отбирать у провинциальных аристократов их богатства
	1814	В Одессе основано общество «Филики Этерия» («Общество взаимопомощи»)
	1820–1823	Война с Ираном Каджаров
	1821	Начало движения за независимость Греции
	1822	Убийство Тепеделени Али-паши
	1824–1827	Попытки Османской империи подавить движение за независимость Греции
	1826	Махмуд упраздняет корпус янычар; создание новой армии; постепенно начинают проводиться реформы
	1828–1829	Война с Россией
	1829	Государственных служащих обязывают носить фески

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)	
1839–1861 Абдул-Меджид I	1830–1831 Первая османская перепись	
	1830 Франция создает протекторат Алжир	
	1831 Мехмед Али-паша нападает на Сирию	
	1833 Ибрагим-паша наступает на Кютахью, затем отступает	
	1838 Баталиманийская торговая конвенция принуждает турок запретить монополии	
	1839 Битва при Низипе: Ибрагим-паша наголову разбивает османскую армию	
	1839 «Указ Гюльхане» инициирует проведение реформ <i>танзимат</i>	
	1840 Признание Мехмеда Али-паши губернатором Египта с правом передавать эту должность по наследству	
	1846 Закрытие невольничьего рынка в Стамбуле	
	1847–1849 Реставрация Айя Софии	
	1847 Вводятся меры, направленные против работоторговли	
	1850 Мятеж в Видине	
	<i>1851 Всемирная выставка в Лондоне</i>	
	1855–1871	1853–1856 Крымская война
в течение большей части этого периода пост великого визиря попеременно занимают Али-паша и Фуад-паша		
1856 Указ о реформах; Парижский договор		
1859 «Инцидент Кулели»		
1860 Учреждение комиссии по делам беженцев		
1861–1876 Абдул-Азиз I		1863 Учреждение Имперского Османского банка
		1863 Абдул-Азиз посещает Египет; начинает строить дворец Бейлербеи
	1864 Россия ускоряет миграцию кавказских мусульман	
	1865 Основан «Патриотический союз», членов которого вскоре стали называть «младотурками»	
	1867 Абдул-Азиз посещает Францию и Англию	

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1876 Мурад V 1876–1909 Абдул-Хамид II	1869 Открытие Суэцкого канала 1870-е Наводнения, засуха и голод в Анатолии <i>1870–1871 Франко-Прусская война</i> 1872 Снова оккупирован Йемен 1873 Открытие первого участка железнодорожной линии Стамбул—Париж
	1876 «Болгарские зверства» 1876 Провозглашение Османской конституции 1877–1878 Война с Россией 1878 Действие конституции приостановлено 1878 Неудачная попытка восстановить на троне Мурада V 1878 Берлинский конгресс и договор 1881 Создание французского протектората Тунис 1881 Подавление вооруженного восстания в Албании 1881 Создание администрации по государственному долгу Османской империи 1882 Британцы оккупируют Египет 1884–1885 Берлинская конференция по будущему Африки 1884 Убийство в Таифе бывшего великого визиря и «отца конституции», Мидхат-паши 1888 Смерть «младотурка», писателя Намыка Кемаля 1889 Кайзер Вильгельм II посещает Стамбул 1891 Формирование полков «Хамидийе» для поддержания порядка в восточной Малой Азии 1893 Основана «Революционная организация Внутренней Македонии» 1894 В Битлисе имеют место яростные столкновения между полками «Хамидийе» и местными армянами

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1894	Подпольные группировки объединяются в «Комитет единства и прогресса», членов которого называют «младотурками»
1895	Смерть интеллектуала и политика Ахмеда Кевдет-паши
1895	Армянская революционная организация «Гнанчак» провоцирует столкновения в Стамбуле
1896	В восточной Малой Азии снова начинается очередная волна насилий
1896	Армянская революционная организация «Дашнак» совершает нападение на штаб-квартиру Османского банка в Стамбуле
1897	Война с Грецией
1897	Царь Николай II и император Франц-Иосиф договариваются о разделе османских Балкан
1897	Крит становится автономным
1898	Кайзер Вильгельм II посещает Стамбул и Сирию
1902	Первый съезд оппозиционеров КЕП в Париже
1905–1907	Антиправительственные волнения в Анатолии
1905	Налоговые бунты в Македонии
1906	Раскол КЕП; КПЕ занимает более радикальную позицию
1906	КПЕ объединяется с «Обществом Османской свободы» из Фессалоник
1907	Второй съезд оппозиции в Париже
1908	Царь Николай II и король Эдуард VII встречаются в Ревеле, чтобы обсудить «македонский вопрос»
1908	«Младотурки» совершают революцию
1908	Турки теряют Болгарию, Боснию-Герцеговину и Крит

Правящий султан		Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1909–1918 Мехмед V Решад	1908	Вновь открывается османский парламент
	1909	Контрпереворот: «Инцидент 31 марта»; Абдул-Хамид сослан в Фессалоники
	1910–1911	Волнения арабских племен в Сирии и Хиджазе
	1911	Мехмед Решад путешествует по Балканам
	1911	Итальянское вторжение в Триполи
	1911	Частичный уход турок из Йемена
	1912–1913	Первая Балканская война: потерян город Эдирне
	1912	Абдул-Хамид возвращается в Стамбул
	1913	КЕП совершает переворот: Махмуд Шевкет-паша становится великим визи-рем; вскоре его убивают
	1913	Вторая Балканская война: Эдирне возвращен
	<i>1914</i>	<i>Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево</i>
	1914–1918	Первая мировая война: турки вступают в союз с Германией
	1914	Британцы захватывают Басру и продвигаются на север, в Ирак
	1915	Энвер-паша разбит русской армией при Саракамыше
	1915	Разоружение армянских подразделений османской армии
	1915	Правительство отдает распоряжения о переселении армян восточной Малой Азии
	1915–1916	Победа турок над силами союзников в Галлиполи
	1916	Начало «Арабского мятежа» в Хиджазе
	1918–1922 Мехмед VI Вахеддин	1918
	1918	Силы союзников занимают Стамбул
	1919	Мустафа Кемаль и его единомышленники возглавляют движение за национальное освобождение

Правящий султан	Заметные события (курсивом обозначены события, которые не имели прямого отношения к Османской империи)
1919	В Стамбуле и провинциях идут судебные процессы над военными преступниками
1920	В Анкаре сформировано Великое национальное собрание
1920	Вторжение греческих войск в западную Малую Азию
1920	Севрский договор: туркам оставляют незначительные территории
1921–1922	Турецкие националисты сражаются с греческими войсками и выигрывают Войну за независимость
1921	Франция и Италия уходят из Анатолии
1922	В Муданье заключено перемирие
1922	Великое национальное собрание упраздняет Османский султанат
1922–1924	1923 Лозанский договор определяет границы Турции, которые с тех пор почти не изменились
Абдул-Меджид II (халиф)	1923 Союзники эвакуируют свои войска из Стамбула
1923	Провозглашение Турецкой Республики
1924	Упразднение халифата; изгнание членов Османской династии
1925–1930	Курдские восстания в восточной Малой Азии
1925–1927	Закон о поддержании порядка введен в действие
1925	«Закон о шляпах»; закрытие орденов дerviшей; введение летоисчисления от Рождества Христова
1926	Принятие швейцарского гражданского кодекса
1927	Мустафа Кемаль выступает с шестидневной речью

Список иллюстраций и комментарии к ним:

1. Первая треть грамоты о пожертвованиях в пользу учрежденной султаном Орханом ложи дервишей. Турга (turga) или «имперское подписание» наверху означает: «Орхан, сын Османа». Датируется 1324 годом и написана на персидском языке. Это самый ранний из сохранившихся османских документов.

2. Обезглавливание спутников Иоганна Шильтбергера, плененного османами во время крестового похода, кульминацией которого стала битва при Никополе в 1396 году. Сам Шильтбергер был избавлен от такой участи по причине своих юных лет.

3. Османский чиновник и его помощник регистрируют балканских мальчиков-христиан отобранных для призыва юношей. Чиновник взымает деньги, чтобы покрыть стоимость новой красной одежды для мальчиков и расходы на их доставку из дома, а помощник записывает название их деревни, района и провинции, а также имена их родителей, дату рождения и особенности их наружности. Миниатюра, середина XVI столетия.

4. Баязида I держат в клетке после его пленения Тамерланом в битве при Анкаре, в 1402 году. Панно из серии потолочных картин в Шлосс-Эггенберге, Грац (когда-то находившемся неподалеку от границы между Австрийской империей Габсбургов и Османской империей), 1670 год.

5. Конная статуя императора Юстиниана, которая в византийские времена стояла перед собором Айя София. Эта статуя высотой девять метров была установлена на вершине тридцатиметровой колонны и сброшена вниз Мехмедом II вскоре после того, как он захватил Константинополь. Рисунок Кириакоса из Анконы и Джованни Дарио, 30-е годы XV века.

6. Вид на Крытый базар с пожарной башни Баязида; центральная часть базара построена Мехмедом II в начале 60-х годов XV столетия. Слева видна построенная в середине XVIII века, мечеть Нуруосмание, а вдали мечеть Султанахмет.

7. Расположенный во внешних садах дворца Топкапы Изразцовый павильон, строительство которого было закончено в 1472–1473 годах. Этот павильон был построен в стиле Тимуридов мастерами, доставленными в Стамбул после того, как Мехмед II разгромил династию Караманидов.

8. Портрет Мехмеда II, датированный 1481 годом; он тесно связан с изображением этого султана на медали, выполненной венецианским художником Констанца да Феррара.

9. Великий магистр ордена рыцарей-госпитальеров принимает султана Джема, по прибытии на Родос 29 июля 1482 года.

10. Замок Бурганеф, где в 1484 и в 1486–1488 годах содержали султана Джема; буквой В обозначена башня, где он находился в заточении. Сегодняшний внешний вид замка немного отличается от того, каким он был изображен на рисунке середины XVIII столетия.

11. Сулейман I в шлеме-короне, заказанном для него великим визирем Ибрагимом-пашой. Венецианская гравюра на дереве, пригл. 1532 год.

12. Гроб с телом великого визиря Ибрагим-паши (который был казнен в 1536 году) выносят из дворца Топкапы, чтобы увезти его на ожидающем у берега кайке. Миниатюра, 1587–1588 годы.

13. Священная часовня в Мекке. Миниатюра, которая служила иллюстрацией к персидскому стихотворному тексту начала XVI века, с описанием пунктов, посещаемых во время паломничества и других священных мест. Именно этот, выполненный для Сулеймана I, экземпляр текста впервые был снабжен иллюстрациями. Пригл. 1540 год.

14. Михримах Султан — дочь Сулеймана I и Хюррем Султан и жена Рустем-паши. Надпись в левом верхнем углу относит этот портрет к 1541 году.

15. Изготовленная в Изнике изразцовая плитка с рисунком, покрытая глазурью. Фрагмент декоративной панели. Датируется 1570–1580 годами, когда схема раскраски плиток стала включать в себя синий, черный, синезеленый и красный цвета.

16. Фрагмент миниатюры, изображающий трех кызылбашей, которым дарят кафтаны после того, как они отказались носить свои красные колпаки, являвшиеся символом их принадлежности к «еретикам». Эта написанная пригл. в 1583 году миниатюра восходит к рукописи, в которой подробно рассказывалось о празднествах, происходивших на Ипподроме в 1582 году в честь обрезания будущего султана Мехмеда III.

17. Селимие, мечеть Селима II в Эдирне. Построенная Синаном в конце 60-х годов XVI века, она считается величайшим творением этого архитектора. Снимок сделан стамбульскими фотографами Паскалем Себахом и Поликарпом Жольером, ателье которых работало в городе в период между 1888 и 1908 годами.

18. Мужчина и женщина, задержанные янычарами в тот момент, когда они охлаждали вино в ручье. Миниатюра, начало XVII века.

19. Мурад IV выезжает на Багдадскую военную кампанию 1638 года. Султан одет как арабский воин, чем выражает свое уважение к кавалерии пророка Мухаммеда. Миниатюра, середина XVII века.

20. Венецианские заложники в Стамбуле. Закованного в цепи Джованни Соранцо и членов его делегации уводят в тюрьму после того, как Венеция отказалась уступить Крит. Это случилось в 1649 году, через четыре года после начала турецко-венецианской войны за этот остров. Миниатюра, середина XVII века.

21. Новая мечеть, построенная Турхан Султан в портовом районе Стамбула в середине 60-х годов XVII века. Купола справа от мечети — это Египетский рынок (пряностей).

22. Главный черный евнух. Этот рисунок был сделан по заказу английского консула в Измире, сэра Пола Рикота, и использован в качестве иллюстрации к его книге «Нынешнее состояние Османской империи», впервые опубликованной в 1666 году.

23. Удушение великого визиря Мерзифонула Кара Мустафа-паша после разгрома османской армии под Веной в 1683 году. Надпись (которая здесь отсутствует) описывает эту сцену: Кара Мустафа читает приказ султана, а один ага ждет, когда он закончит, чтобы его казнить. Другой ага кладет маленький коврик, чтобы великий визирь мог помолиться. Наготове лежит бархатный мешок малинового цвета, предназначенный для его головы.

24. «Знаменитое разделение Турции австро-венграми, поляками и венецианцами». Мечта держав, ополчившихся против турок в начале войны 1683—1699 годов, о разделе Османской империи. Батальные сцены в верхнем левом и правом углах указывают на то, что Буда пал под натиском Габсбургов, а Нафплион — под ударами венецианцев. И то и другое случилось в 1686 году. Сопроводительная надпись говорит о том, что эта сцена была нарисована в 1686 или 1687 году.

25. Сопровождающие отводят трех сыновей Ахмеда III на торжества по случаю их обрезания, состоявшегося в 1720 году. Процессию возглавляет главный черный евнух, который ведет их через третий двор дворца Топкапы, мимо Зала прошений и библиотеки Ахмеда III. Миниатюра, приблизительно 1721 год.

26. Разновидности тюльпанов «Тот, который делает еще более приятным званый обед у Ахмеда-эфенди» и «Источник радости». Из собрания пятидесяти рисунков тюльпанов, составленного при дворе приблизительно в 1725 году.

27. Фрагмент монументального фонтана, построенного Ахмедом III возле дворца Топкапы в 1728–1729 годах. Фотография была сделана приблизительно в 1880 году шведским фотографом Гильомом Берггренем.

28. Патрона Халил и его бунтовщики, написанные Жаном Батистом Ванмюром (приблизительно в 1737 году), художником фламандской школы, долго жившим в Стамбуле. На заднем плане ворота первого двора дворца Топкапы.

29. Фрагмент свитка, на котором показана схема подачи воды, поступавшей во дворец Топкапы из окрестностей города. Указаны названия зданий, в которые вода поступала по ответвлениям от главной магистрали. В этом свитке длиной 1098 см, зарегистрированы ремонты и усовершенствования системы водоснабжения. Миниатюра, датированная 1748 годом.

30. Османский и русский чиновники спорят о Дарданеллах. Гравюра с изображением этой сцены была выполнена в Германии в эпоху русско-турецких войн второй половины XVIII столетия, когда контроль над проливами был насущным вопросом. Надпись (которая здесь отсутствует) гласит:

«Дарданеллы или крепости, которые являются ключами к Константинополю.

Турок: Там, дерзкий русский, есть неодолимые затворы, с помощью которых турки удерживают в своих руках проход к Дивану [имперскому совету, т. е. Стамбулу]. Ты видишь вдалеке четыре вулкана [т. е. четыре крепости]. Смотри, как бы их жерла не принесли погибель твоему жалкому флоту.

Русский: Надменный турок! Если однажды мои корабли доставят меня к этим стенам, которые ты называешь неодолимыми, тогда, клянусь судьбой, ни выгодное положение этих крепостей, ни твои восточные угрозы не смогут помешать нам наказать тебя за твоё честолюбие и твою жестокость».

31. Мехмед Али-паша Египетский. Иллюстрация на левой стороне разворота титульного листа альбома литографий с набросков, сделанных в начале 40-х годов XIX столетия сэром Дэвидом Уилки во время его визита в Османскую империю.

32. Султан Абдул-Меджид в военной форме во время Крымской войны. На мундире награда, известная как «Сияющий орден нашего Повелителя, Его Императорского Величества».

33. Внутренний вид Айя Софии, восстановленный швейцарскими архитекторами, братьями Фоссати по распоряжению султана Абдул-Меджида в 1847–1849 годах. Эта реконструкция была зарегистрирована в альбоме литографий, в основном сделанных с рисунков Фоссати.

34. Обратная сторона медали, выпущенной султаном Абдул-Азизом. Заказанная в 1866 году, она присуждалась людям, которые старались об-

легчить страдания пострадавших от холеры. Одно из деревьев, прикрытых ветвями дуба, — это пальма, которая символизирует арабские провинции империи. Надпись гласит: «Родословная Османа, высочайшее из древ».

35. Османские кадеты, приблизительно 1900 год. Фотография сделана братьями Абдулла — армянами, принявшими ислам, которые были придворными фотографами султанов Абдул-Азиза и Абдул-Хамида II.

36. Паланкин, символизирующий присутствие султана и несущий его дары, появляется со стороны дворца Долмабахче во время празднеств, которыми сопровождался ежегодный отъезд паломников в Мекку. Когда-то дары отправлялись по суше, верблюжьим караваном, начиная примерно с 1870 года — пароходом, а после 1890 — поездом. В последний раз эта церемония проводилась в 1919 году после перерыва, вызванного Первой мировой войной. Фотографию могли сделать Себах и Жольер.

37. Кайзера Вильгельма II везут в шляпке по Босфору осенью 1917 года, когда он посетил Стамбул и боевые позиции в районе Дарданнел. Кайзер сидит у левого борта, рядом с военно-морским офицером, которым мог быть адмирал фон Ребер-Пашвиц, ставший преемником адмирала Сушона на посту командующего османским флотом.

Библиография

AAS	Asian and African Studies
AHR	American Historical Review
AO	Archivum Ottomanicum
AOASH	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
BMGS	Byzantine and Modern Greek Studies
BTDD	Belgelerle Türk Tarihi Dergisi
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
DOP	Dumbarton Oaks Papers
IED	Istanbul Enstitüsü Dergisi
IHR	International History Review
IJMES	International Journal of Middle Eastern Studies
IJTS	International Journal of Turkish Studies
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JESHO	Journal of the Economic and Social History of the Orient
JMH	Journal of Modern History
JTS	Journal of Turkish Studies
MES	Middle Eastern Studies
NPT	New Perspectives on Turkey
OA	Osmanlı Araştırmaları (also known as Journal of Ottoman Studies)
SI	Studia Islamica
TB	Toplum ve Bilim
TD	Tarih Dergisi
TED	Tarih Enstitüsü Dergisi
TM	Türkiyat Mecmuası
TSAB	Turkish Studies Association Bulletin
TULP	Turkology Update Leiden Project Working Papers Archive
VD	Vakıflar Dergisi
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes

IA	Islam Ansiklopedisi (Istanbul 1965–1988)
IA2	Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi (Istanbul 1988–)
EI2	Encyclopedia of Islam, 2nd edition (London 1960–)
Ist. Ansik.	Istanbul Ansiklopedisi (Istanbul 1993–1994)

art.	article
ch.	chapter
ed., eds	editor, editors
edn	edition
esp.	especially
n.p.	no place of publication listed
n.s.	new series
pbk	paperback
prep.	prepared for publication by
publ.	published
repr.	reprint
Univ.	University
unpubl.	unpublished
vol., vols	volume, volumes

Abdi, *Abdi Tarihi (1730 Patrona İhtilali Hakkında Bir Eser)*, prep. F. R. Unat, Ankara (repr., 1999).

Abir, M., “The «Arab Rebellion» of Amir Ghalib of Mecca (1788–1813)”, *MES* 7 (1971) 185–200.

Abdurrahman Abdi Paşa, “Abdurrahman Abdi Paşa Vekayi’name’si”, prep. Fahri Çetin Derin, Unpubl. Ph.D. thesis, Istanbul Univ. (1993).

Abou-El-Haj, Rifa’at A., “Ottoman Diplomacy at Karlowitz”, *JAOS* 87 (1967) 498–512.

Abou-El-Haj, Rifa’at A., “The Formal Closure of the Ottoman Frontier in Europe: 1699–1703”, *JOAS* 89 (1969) 467–475.

Abou-El-Haj, R. A., “The Narcissism of Mustafa II (1695–1703): A Psycho-historical Study”, *SI* 40 (1974) 115–131.

Abou-El-Haj, Rifa’at Ali, “The Ottoman Vezir and Paşa Households, 1683–1703: a Preliminary Report”, *JOAS* 94 (1974) 438–447.

Abou-El-Haj, Rifa’at Ali, *The 1703 Rebellion and the Structure of Ottoman Politics*, Istanbul (1984).

Abou-El-Haj, Rifa’at Ali, “Aspects of the Legitimation of Ottoman Rule as Reflected in the Preambles to two Early *Liva Kanunnameler*”, *Turçica* XXI–XXIII (1991) 371–383.

Abou-El-Haj, Rifa’at Ali, *Formation of the Modern State. The Ottoman Empire, Sixteenth to Eighteenth Centuries*, Albany (1991).

Abu-El-Haj, Rifa'at Ali, "*Fitnah, Huruc ala al-Sultan and Nasihat: Political Struggle and Social Conflict in Ottoman Society 1560s–1700s*", in J.-L. Bacqué-Grammont and E. van Donzel (eds), *Proceedings of Comité international d'études préottomanes et ottomanes, VIth Symposium, Cambridge 1–4 July 1984, Istanbul* (1987) 185–191.

Abu-Manneh, B., "Sultan Abdulhamid II and Shaikh Al-Sayyadi", *MES* 15 (1979) 131–153.

Abu-Manneh, Butrus, "The Sultan and the Bureaucracy: the anti-Tanzimat Concepts of Grand Vizier Mahmud Nedim Paşa", *IJMES* 22 (1990) 257–274.

Abu-Manneh, Butrus, "The Islamic Roots of the Gulhane Rescript", *Die Welt des Islams* 34 (1994) 173–203.

Agoston, Gabor, "Ottoman Artillery and European Military Technology in the Fifteenth and Seventeenth Centuries", *AOASH XLVII/1–2* (1994) 15–48.

Agoston, Gabor, "Habsburgs and Ottomans: Defense, Military Change and Shifts in Power", *TSAB* 22 (1998) 126–141.

Agoston, Gabor, "Limits of Imperial Authority and the Impact of Frontier Defense: the Ottoman and Habsburg Frontiers in Hungary, 1541–1699", paper presented at 116th Annual Meeting of the American Historical Association, 3–6 January 2002, San Francisco (typescript).

Agoston, Gabor, "A Flexible Empire: Authority and its Limits on the Ottoman Frontiers", *IJTS* 9 (2003) 15–32.

Ahmad, Feroz, *The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914*, Oxford (1969).

Ahmad, Feroz, "The Late Ottoman Empire", in Marian Kent (ed.), *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, London (1984) 5–30.

(Ahmed) Cevdet Paşa, *Tezâkir*, 4 vols, Ankara (1953–1967).

Ahmed Lutfi Efendi, *Vak'anüvis Ahmed Lutfi Efendi Tarihi*, 8 vols, Istanbul (1999).

Ahmed Resmi Efendi, *Hamiletü'l-Kübera*, prep. Ahmet Nezihi Turan, Istanbul (2000).

Akarli, Engin Deniz, "The Problems of External Pressures, Power Struggles, and Budgetary Deficits in Ottoman Politics under Abdülhamid II (1876–1909): Origins and Solutions", unpubl. Ph.D. thesis, Princeton Univ. (1976).

Akarli, Engin Deniz, *The Long Peace. Ottoman Lebanon, 1861–1920*, Berkeley (1993).

Akdag, Mustafa, *Celali Isyanlari (1550–1603)*, Ankara (1963).

Aksan, Virginia, "The One-eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply and Command in the Russo-Turkish War of 1768–1774", *IHR* XV (1993) 221–238.

Aksan, Virginia, "Ottoman Political Writing, 1768–1808", *IJMES* 25 (1993) 53–69.

- Aksan, Virginia, *An Ottoman Statesman in War and Peace. Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783*, Leiden (1995).
- Aksan, Virginia, “Feeding the Ottoman Troops on the Danube, 1768–1774”, *War and Society* 13 (1995) 1–14.
- Aksan, Virginia, “Whatever Happened to the Janissaries? Mobilization for the 1768–1774 Russo-Ottoman War”, *War in History* 5/1 (1998) 23–36.
- Aksan, Virginia, “An Ottoman Portrait of Frederick the Great”, in *The Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, Oriente Moderno XVIII (LXXIX) n.s. (1999) 203–215.
- Aksan, Virginia, “Ottoman Military Recruitment Strategies in the Late Eighteenth Century”, in Erik J. Zürcher (ed.), *Arming the State. Military Conscription in the Middle East and Central Asia 1775–1925*, London (1999) 21–39.
- Aksan, Virginia, “Breaking the Spell of the Baron de Tott: Reframing the Question of Military Reform in the Ottoman Empire, 1760–1830”, *IHR XXIV* (2002) 253–277.
- Aksan, Virginia, *An Empair Besieged: Ottoman Warfare, 1700–1870*, Harlow (2006).
- Aktepe, M. Münir, “XIV. ve XV. asırlarda Rumeli’nin türkler tarafından iskanına dair”, *TMX* (1951–1953 [1953]) 299–312.
- Aktepe, M. Münir, “Damad İbrahim Paşa devrinde lale”, *TD IV/7* (1952 [1953]) 85–126; *TD V/8* (1953) 85–104; *TD VI/9* (1954) 23–38.
- Aktepe, M. Münir, “Ahmed III devrinde Şark seferine iştirak edecek ordu esnafı hakkında vesikalar”, *TD VII/10* (1954) 17–30.
- Aktepe, M. Münir, “Vak’anüvis Raşid Mehmed Efendi’nin Eşref Şah Nezdindeki Elçiligi ve Buna Tekaddüm Eden Siyasi Muhabereler”, *TMXII* (1955) 155–178.
- Aktepe, M. Münir, “1727–1728 İzmir isyanına dair bazı vesikalar”, *TD VIII/11–12* (1955 [1956]) 71–98.
- Aktepe, M. Münir, *Patrona İsyani (1730)*, İstanbul (1958).
- Aktepe, M. Münir, “XVIII. asrın ilk yarısında İstanbul’un Nüfus Mes’elesine Dair Bazı Vesikalar”, *TD IX/13* (1958) 2–30.
- Aktepe, M. Münir, “Nevşehirli Damad İbrahim Paşa’ya aid iki vakfiye”, *TD XI/15* (1960) 149–160.
- Aktepe, Münir, “Dürri Ahmet Efendi’nin İran Sefareti”, *BTTD* 1/1 57–60, 1/2 60–63, 1/3 64–66 (1967); 1/4 60–62, 1/5 63–66, 1/6 82–84 (1968).
- Aktepe, M. Münir, “İpşir Mustafa Paşa ve kendisine ilgili bazı belgeler”, *TD* 24 (1970) 45–58.
- Aktepe, M. Münir, “Kagidhane’ye Dair Bazı Bilgiler”, in *Ord. Prof. İsmail Hakki Uzunçarşılı’ya Armagan*, Ankara (1976) 335–363.
- Aktepe, M. Münir, “1711 Prut seferi ile ilgili ba’zi belgeler”, *TD* 34 (1983–1984 [1984]) 19–54.

- Aktepe, M. Münir, art. Mehmed Paşa (Sultan-zade, Civan Kapıcı-Başı, Semin), *IA* 7.605–607.
- Aktepe, M. Münir, art. Çeşme Vak'ası, *IA2* 8.288–289.
- Alexander, John, “The Turks on the Middle Nile”, *Archéologie du Nil Moyen* 7 (1996) 15–35.
- Alexandrescu-Dersca, M. M., *La campagne de Timur en Anatolie (1402)*, London (1977).
- Algar, Hamid, art. Nakshbandiyya, *EI2* VII.934–937.
- Allouche, Adel, *The Origins and Development of the Ottoman—Safavid Conflict (906–962/1500–1555)*, Berlin (1983).
- Altundag, Şinasi, art. Osman III, *IA* 9.448–450.
- Anderson, Lisa, “Nineteenth-century Reform in Ottoman Libya”, *IJMES* 16 (1984) 325–348.
- Anderson, M. S., *The Eastern Question, 1774–1923*, London (1966).
- Anderson, R. C., *Naval Wars in the Levant, 1559–1853*, Liverpool (1952).
- Andreasyan, Hrand D., “Bir Ermeni kaynakına göre Celali isyanları”, *TD XIII/17–18 (1962–1963 [1963])* 27–42.
- Andreasyan, Hrand D., “Abaza Mehmed Paşa”, *TD XVII (1967 [1968])* 131–142.
- Anderasyan, Hrand D., “Celalilerden Kaçan Anadolu Halkinin Geri Gönderilmesi”, in *Ord. Prof. İsmail Hakki Uzunçarşılı'ya Armagan*, Ankara (1976) 45–53.
- Anderasyan, Hrand, and Derin, Fahri Ç., “Çinar Vak'ası (Eremya Çelebi Kömürcüyan'a göre)”, *IED* III (1957) 57–83.
- (Anonymous) *Anonim Osmanlı Tarihi (1099–1116/1688–1704)*, prep. Abdülkadir Özcan, Ankara (2000).
- Arbel, Benjamin, “Nur Banu (c.1530–1583): a Venetian Sultana?”, *Turcica* XXIV (1992) 241–259.
- Arikan, V. Sema (prep.), *III. Selim'in Sirkatibi Ahmed Efendi Tarafından Tutulan Ruzname*, Ankara (1993).
- Artan, Tulay, “From Charismatic Leadership to Collective Rule. Introducing Materials on the Wealth and Power of Ottoman Princesses in the Eighteenth Century”, *Toplum ve Ekonomi* 4 (1993) 53–94.
- Artan, Tulay, “Periods and Problems of Ottoman (Women's) Patronage on the Via Egnatia”, in E. Zachariadou (ed.), *The Via Egnatia under Ottoman Rule (1380–1699)*, A Symposium held in Rethymnon, 9–11 January 1994, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete II, Rethymnon (1996) 19–43.
- Artan, Tulay, “Aspects of the Ottoman Elite's Food Consumption: Looking for «Staples», «Luxuries», and «Delicacies» in a Changing Century”, in D. Quataert (ed.), *Consumption Studies and the History of the Ottoman Empire, 1550–1922, an Introduction*, Albany (2000) 107–200.

Artuk, Ibrahim, "Osmanli Beyliginin Kurucusu Osman Gazi'ye Ait Sikke", in O. Okyar and H. Inalcik (eds), *Social and Economic History of Turkey (1071–1920)*, Papers presented to the First International Congress on the Social and Economic History of Turkey, Hacettepe University, July 11–13 1977, Ankara (1980) 27–31.

Atasoy, Nurhan, art. Hirka-i Saadet, *IA2* 17.374–377.

Atil, Esin, "The Story of an Eighteenth-Century Ottoman Festival", *Muqarnas* 10 (1993) 181–211.

Atsiz, Bedriye (prep.), *Ahmed Resmi Efendi'nin Viyana ve Berlin Sefaretnameleri*, Istanbul (1980).

Austin, M., *Domenico's Istanbul*, London (2001).

Avcioglu, Nebahat, "Ahmed I and the Allegories of Tyranny in the Frontispiece to George Sandys's *Relation of a Journey*", *Muqarnas* 18 (2001) 203–226.

Aydin, Mahir, "Livadya Sefaretleri ve Sefaretnameleri", *Belgeler XIV/18* (1989–1992 [1992]) 321–357.

Aydin, Mahir, "Sultan II. Mahmud Döneminde Yapılan Nüfus Tahrirleri", in Sultan II. Mahmud ve Reformları Semineri, 28–30 Haziran 1989, IUEF Tarih Araştırma Merkezi, Istanbul (1990) 81–106.

Ayverdi, Ekrem Hakki, *Istanbul Mi'mari Çağının Menşei: Osmanli Mi'marisinin İlk Devri 630–805 (1230–1402)*, Istanbul (1966).

Babinger, Franz, "*Bajezid Osman* (Calixtus Ottomanus), ein Vorläufer und Gegenspieler Dschem-Sultans", *La nouvelle Clio* 3 (1951) 349–388.

Babinger, Franz, *Mehmed the Conqueror and his Time*, Princeton (1978).

Babinger, Fr., art. Mikhal-oghlu, *EI2* VII.34–35.

Bacqué-Grammont, Jean-Louis, "Etudes turco-safavides I. Notes sur le blocus de commerce iranien par Selim Ier", *Turcica* VI (1975) 68–88.

Bacqué-Grammont, Jean-Louis, "Notes sur une saisie de soie d'Iran en 1518", *Turcica* VIII/2 (1976) 237–253.

Bacqué-Grammont, J.-L., "Etudes Turco-Safavides III. Notes et documents sur la révolte de Şah Veli b. Şeyh Celal", *AO* 7 (1982) 5–69.

Bacqué-Grammont, Jean-Louis, "Un rapport inédit sur la révolte anatolienne de 1527", *SI* 62 (1985) 156–171.

Bacqué-Grammont, Jean-Louis, *Les Ottomans, les Safavides et leurs voisins*, Istanbul (1987).

Bacqué-Grammont, Jean-Louis, "Ubaydu-İlah han de Boukhara et Soliman le Magnifique. Sur quelques pièces de correspondance", in G. Veinstein (ed.), *Soliman le Magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 485–504.

Bacqué-Grammont Jean-Louis, "The Eastern Policy of Suleyman the Magnificent 1520–1533", in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 219–228.

Baer, Marc, "Honored by the Glory of Islam: the Ottoman State, Non-Muslims, and Conversion to Islam in Late Seventeenth-Century Istanbul and Rumelia", unpubl. Ph.D. thesis, Univ. of Chicago (2001).

Bagci, Serpil, "The Spread and Liberation of the Royal Image", in *The Sultan's Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 216–219.

Balivet, Michel, "Deux partisans de la fusion religieuse des Chrétiens et des Musulmans au XVe siècle: Le turc Bedreddin de Samavna et le grec Georges de Trebizonde", *Byzantina* 10 (1980) 361–400.

Balivet, Michel, *Islam mystique et révolution armée dans les Balkans ottomans. Vie du Cheikh Bedreddin le "Hallaj des Turcs" (1358/1359–1416)*, Istanbul (1995).

Barbir, Karl K., *Ottoman Rule in Damascus, 1708–1758*, Princeton (1980).

Barkan, Ömer Lütfi, "Osmanlı İmparatorlugunda Bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak Vakıflar ve Temlikler: I. İstila devirlerinin Kolonizator Türk dervişleri ve zaviyeleri", *VD* 2 (1942) 279–386.

Barker, John W., *Manuel II Palaeologus (1301–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*, New Brunswick (1969).

Barnes, John Robert, *An Introduction to Religious Foundations in the Ottoman Empire*, Leiden (1986).

Barta, Gabor, "A Forgotten Theatre of War 1526–1528 (Historical Events preceding the Ottoman–Hungarian Alliance of 1528)" in G. David and P. Fodor (eds), *Hungarian–Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*, Budapest (1994) 93–130.

Bayerle, Gustav, "The Compromise at Zsitvatorok", *AO* 6 (1980) 5–53.

Baykal, Bekir Sitki, (prep.), *İbretnuma. Mabeynci Fahri Bey'in Hatıraları ve İlgili Bazı Belgeler*, Ankara (repr. 1989).

Baykal, Bekir Sitki, art. Rami Mehmed Paşa, *IA* 9.623–4.

Baysun, M. Cavid, "Müverrih Raşid Efendi'nin İran Elciligine Dair", *TM IX* (1946–1951 [1951]) 145–150.

Behrens-Abouseif, Doris, *Egypt's Adjustment to Ottoman Rule*, Leiden (1994).

Beldiceanu-Steinherr, Irène, "Le règne de Selim Ier: Tournant dans la vie politique et religieuse de l'Empire ottoman", *Turcica* VI (1975) 34–48.

Beldiceanu-Steinherr, Irène, and Bacqué-Grammont, Jean-Louis, "A propos de quelques causes de malaises sociaux en Anatolie Centrale", *AO* 7 (1982) 71–116.

Benbassa, Esther, "Associational Strategies in Ottoman Jewish Society in the Nineteenth and Twentieth Centuries", in A. Levy (ed.), *The Jews of the Ottoman Empire*, Princeton (1994) 457–484.

Benbassa, Esther, and Rodrigue, Aron, *Sephardi Jewry*, Berkeley (2000).

Bennigsen, Alexandre, "L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes", *Cahiers du Monde russe et soviétique* VIII (1967) 427–446.

Berindei, Mihnea, "Le role des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'empire ottoman avant la conquete de la Sibérie", in Ch. Lemerrier-Quellejey et al. (eds), *Passé turco-tatar, présent soviétique, Études offertes a Alexandre Bennigsen*, Louvain (1986) 89–98.

Beydilli, Kemal, "Bonnaval'in izinde: Muhtedi Osman Bey veya Avusturyali firari General Karlo de Kotzi", *OA* 11 (1991) 73–104.

Beydilli, Kemal, *Türk Bilim ve Matbaacılık Tarihinde Mühendishane Matbaası ve Kütüphanesi (1776–1826)*, Istanbul (1995).

Beydilli, Kemal, and Şahin, İlhan, *Mahmud Raif Efendi ve Nizam-i Cedid'e Dair Eseri*, Ankara (2001).

Bierman, Irene, "The Ottomanization of Crete", in I. Bierman et al. (eds), *The Ottoman City and its Parts, Urban Structure and Social Order*, New York (1991) 53–75.

Blackburn, J. R., "Two Documents on the Division of Ottoman Yemen into two Beglerbegliks (973/1565)", *Turcica* XXVII (1995) 223–236.

Blackburn, J. R., art. Özdemir Paşa, *EI2* VIII.235–236.

BOA/Hatt-i hümayun no. 8231: Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Prime Minister's Ottoman Archives, Istanbul).

BOA/Mühimme Defteri vol. 7 no. 721: Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Prime Minister's Ottoman Archives, Istanbul), publ. as *7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569)*, Ankara (1997–1998).

Bostan Idris, *Osmanlı Bahriye Teşkilatı: XVII. Yüzyılda Tersane-i Amire*, Ankara (1992).

Bowen, H., art. "Ali Paşa Tepedelenli", *EI2* I.398–399.

Bozkurt, Gülnihal, *Alman—İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelismelerin Işığı Altında Gayrimüslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu (1839–1914)*, Ankara (repr. 1996).

Braune, W., art. 'Abd al-Kadir al-Djilani, *EI2* I.69–70.

Broomhall, Marshall, *Islam in China. A Neglected Problem*, London (1910).

Brouwer, C. G., "A Stockless Anchor and An Unsaddled Horse: Ottoman Letters Addressed to the Dutch in Yemen, First Quarter of the 17th Century", *Turcica* XX (1988) 173–242.

Bruess, Gregory, *Religion, Identity and Empire: a Greek Archbishop in the Russia of Catherine the Great*, Boulder (1997).

Brummett, Palmira, *Ottoman Seapower and Levantine Diplomacy in the Age of Discovery*, Albany (1994).

Bryer, Anthony, "Greek Historians on the Turks: the Case of the first Byzantine—Ottoman Marriage", in R. H. C. Davis and J. M. Wallace-Hadrill (eds), *The Writing of History in the Middle Ages*, Oxford (1981) 471–494.

Burian, Orhan (prep.), *Tlie Report of Lello, Third English Ambassador to the Sublime Porte*, Ankara (1952).

Buzpinar, Ş. Tufan, "The Hijaz, Abdulhamid II and Amir Hussein's Secret Dealings with the British, 1877–80", *MES* 31 (1995) 99–123.

Çagman, Filiz, "Portrait Series of Nakkaş Osman", in *The Sultan's Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 164–187.

Cazacu, Matei, "La «mort infame». Décapitation et exposition des têtes à Istanbul (XVe–XIXe siècles)", in G. Veinstein (ed.), *Les Ottomans et la mort*, Leiden (1996) 245–289.

Çelik, Zeynep, *Displaying the Orient. Architecture of Islam at Nineteenth-Century World's Fairs*, Berkeley (1992).

Cezar, Yavuz, *Osmanlı Maliyesinde Bunalım ve Değişim Dönemi (XVIII. yy dan Tanzimat'a Mali Tarih)*, Istanbul (1986).

Charanis, Peter, "The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370–1402", *Byzantion* 16/1 (1942 [1944]) 286–314.

Chaudhuri, K. N., *Trade and Civilisation in the Indian Ocean. An Economic History from the Rise of Islam to 1750*, Cambridge (1985).

Chesneau, Jean, *Le Voyage de Monsieur d'Aramon*, Paris (1887).

Chrysostomides, J. (prep.), *Manuel II Palaeologus Funeral Oration on his Brother Theodore*, Corpus Fontium Historiae Byzantinae XXVI, Thessalonica (1985).

Clayer, Nathalie, *Mystiques, état et société: les Halvetis dans l'aire balkanique de la fin du Xme siècle à nos jours*, Leiden (1994).

Clogg, Richard, *A Short History of Modern Greece*, Cambridge (repr. 1987).

Clogg, Richard, *A Concise History of Greece*, Cambridge (repr. 1995).

Cohen, Amnon, *Palestine in the 18th Century*, Jerusalem (1973).

Conway Morris, Roderick, *Jem: Memoirs of an Ottoman Secret Agent*, London (1988).

Cook, Michael, *Population Pressure in Rural Anatolia, 1450–1600*, London (1972).

Cook, Michael (ed.), *A History of the Ottoman Empire to 1730*, Cambridge (1976).

Covel, Dr John, *Voyages en Turquie, 1675–1677*, prep. Jean-Pierre Grémois, Paris (1998).

Crane, Howard, "The Ottoman Sultan's Mosques: Icons of Imperial Legitimacy", in I. Bierman et al. (eds), *The Ottoman City and its Parts, Urban Structure and Social Order*, New York (1991) 173–243.

Crecelius, Daniel, "Egypt in the eighteenth century", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 59–86.

Criss, Bilge, *Istanbul under Allied Occupation, 1918–1923*, Leiden (1999).

Dadrian, Vahakn, "The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of Armenians: the Anatomy of a Genocide", *IJMES* 18 (1986) 311–360, 550.

Dadrian, Vahakn, "The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military Tribunal", *IJMES* 23 (1991) 549–576.

Danişmend, İsmail Hami, *Izahli Osmanli Tarihi Kronolojisi*, 4 vols, Istanbul (1947–55).

Dankoff, Robert, (prep., with a historical introduction by Rhoads Murphey), *The Intimate Life of an Ottoman Statesman. Melek Ahmed Pasha (1588–92) as Portrayed in Evliya Celebi's Book of Travels*, Albany (1991).

Darkot, Besim, art. Karadag, *IA* 6.221–230.

Darling, Linda T., *Revenue-Raising and Legitimacy. Tax Collection and Finance Administration in the Ottoman Empire 1560–1660*, Leiden (1996).

David, Géza, "Administration in Ottoman Europe", in M. Kunt and C. Woodhead (eds), *Süleyman the Magnificent and his Age*, London and New York (1995) 71–90.

Davison, Roderic, *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*, Princeton (1963).

Davison, Roderic, "«Russian Skill and Turkish Imbecility»: the Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered", in R. Davison, *Essays in Ottoman and Turkish History, 1774–1923*, Austin (1990) 29–50. (First publ. in *Slavic Review* 35/3 (1976) 463–483).

Davison, Roderic, "The «Dosografa» Church in the Treaty of Küçük Kaynarca", in R. Davison, *Essays in Ottoman and Turkish History, 1774–1923*, Austin (1990) 51–59. (First publ. in *BSOAS* 42/1 (1979) 46–52).

Davison, Roderic, "The First Ottoman Experiment with Paper Money", in R. Davison, *Essays in Ottoman and Turkish History, 1774–1923*, Austin (1990) 60–72. (First publ. in O. Okyar and H. Inalcik (eds), *Social and Economic History of Turkey (1071–1920)*, Papers presented to the First International Congress on the Social and Economic History of Turkey, Hacettepe University July 11–13 1977, Ankara (1980) 243–251).

Davison, R. H., art. Midhat Pasha, *EI2* VI.1031–1035.

Davison, R. H., art. Tanzimat, *EI2* X.201–209.

Decei, Aurel, art. Hotin, *IA* 5/1.567–571.

Decei, Aurel, and Gökbilgin, M. Tayyib, art. Erdel, *IA* 4.293–306.

Decei, Aurel, and Gökbilgin, M. Tayyib, art. Erdel, *EI2* II.703–705.

Defterdar Sari Mehmed Paşa, *Zübde-i Vekayiat*, prep. Abdülkadir Özcan, Ankara (1995).

de Groot, A. H., art. Khalil Pasha Kaysariyyeli, *EI2* IV.970–972.

de Groot, A. H., art. Mehmed Pasha Karamani, *EI2* VI.995–996.

de Groot, A. H., art. Murad III, *EI2* VII.595–597.

Demetriades, Vassilis, "Some Thoughts on the Origins of the Devşirme", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in

Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 23–31.

Dennis, George T., (prep.), *The Letters of Manuel II Palaeologus*, Corpus Fontum Historiae Byzantinae VIII, Washington (1977).

Denny, Walter, et al., *Court and Conquest. Ottoman Origins and the Design for Handel's Tamerlano at the Glimmerglass Opera*, Kent, Ohio (1998).

Derin, Fahri Ç., “Şeyhülislam Feyzullah Efendi'nin nesebi hakkında bir risale”, *TD X/14* (1959) 97–104.

Derin, Fahri Ç., (prep.), “Yayla İmami Risalesi”, *TED 3* (1972 [1973]) 213–272.

Derin, Fahri Ç., (prep.), ‘Tufengçi-başı Arif Efendi Tarihçesi’, *Belleten XXXVIII* (1974) 379–443.

Deringil, Selim, “Legitimacy Structures in the Ottoman State: the Reign of Abdülhamid II (1876–1909)”, *IJMES 23* (1991) 345–359.

Deringil, Selim, *The Well-Protected Domains; Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909*, London (1998).

Deringil, Selim, “Les Ottomans et le partage de l’Afrique, 1880–1900”, in S. Deringil, *The Ottomans, the Turks, and World Power Politics*, Istanbul (2000) 43–55. (First publ. in S. Kunalalp (ed.), *Studies on Ottoman Diplomatic History V* (1990) 121–133).

Deringil, Selim, “«There is no Compulsion in Religion»: on Conversion and Apostasy in the Late Ottoman Empire, 1839–1856” in S. Deringil, *The Ottomans, the Turks, and World Power Politics*, Istanbul (2000) 101–130. (First publ. in *Comparative Studies in Society and History* 42/3 (2000) 547–575).

Devereux, Robert, “Süleyman Pasha’s «The Feeling of the Revolution»”, *MES 15* (1979) 3–35.

Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, prep. Harry J. Magoulias, Detroit (1975).

Duguid, Stephen, “The Politics of Unity: Hamidian Policy in Eastern Anatolia”, *MES 9* (1973) 139–155.

Dumont, Paul, “La pacification du Sud-Est anatolien en 1865”, *Turcica V* (1973) 108–130.

Dumont, Paul, “La période des *Tanzimat* (1839–1878)”, in R. Mantran (ed.), *Histoire de l’empire ottoman*, Paris (1989) 459–522.

Dumont, Paul, and Georgeon, François, “La mort d’un empire”, in R. Mantran (ed.), *Histoire de l’empire ottoman*, Paris (1989) 577–647.

Dykstra, Darrell, “The French occupation of Egypt, 1798–1801”, in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 113–138.

Eissenstadt, Howard, “Turkish Immigrants/Turkish Nationalism: Opportunities and Limitations of a Nationalism in Exile”, *TSAB 25/26* (2001–2002) 25–50.

Eldem, Edhem, *French Trade in Istanbul in the Eighteenth Century*, Leiden (1999).

Eldem, Edhem, "Istanbul: from imperial to peripheralized capital", in E. Eldem et al., *The Ottoman City between East and West*, Cambridge (1999) 135–206.

Eldem, Edhem, *Pride and Privilege. A History of Ottoman Orders, Medals and Decorations*, Istanbul (2004).

Eldem, Sedat H., *Sa'dabad*, Ankara (1977).

Elliott, J. H., *Richelieu and Olivares*, Cambridge (repr. 1991).

Emecen, Feridun, "Son Kirim Hani Şahin Giray' in idami mes'elesi ve buna dair vesikalar", *TD* 34 (1983–1984 [1984]) 315–346.

Emecen, Feridun, "The History of an Early Sixteenth Century Migration — Sirem Exiles in Gallipoli", in G. David and P. Fodor (eds), *Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*, Budapest (1994) 77–87.

Emecen, Feridun, art. Cezzar Ahmed Paşa, *IA2* 7.516–518.

Erdem, Y. Hakan, *Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800–1909*, Basingstoke (1996).

Erdem, Hakan, "Recruitment for the «Victorious Soldiers of Muhammad» in the Arab Provinces, 1826–1828" in Israel Gershoni et al. (eds), *Histories of the Modern Middle East. New Directions*, Boulder (2002) 189–206.

Erünsal, İsmail E., *Türk Kütüphaneleri Tarihi II. Kuruluştan Tanzimat'a Kadar Osmanlı Vakıf Kütüphaneleri*, Ankara (1988).

Es-kandar Beg Monshi, *History of Shah 'Abbas the Great*, 2 vols, prep. R. M. Savory, Boulder (1978).

Evliya Çelebi, *Seyahatname*, 8 vols., prep. Y. Daglı et al., Istanbul (1996–2004).

Eyice, Semavi, "İlk Osmanlı Devrinin Dini — İçtimai Bir Müessesesi Zaviyeler ve Zaviyeli-Camiler", *Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası* 23 (1962–1963) 3–80.

Eyice, Semavi, art. Fethiye Camii, *Ist. Ansik.* 3.300–301.

Fahmy, Khaled, "The era of Muhammad 'Ali Pasha, 1805–1848", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 139–179.

Farhi, David, "The Şeriat as a Political Slogan — or the «Incident of the 31st March»", *MES* 7 (1971) 275–299.

Faroqhi, Suraiya, "The Venetian Presence in the Ottoman Empire, 1600–1630", in Huri Islamoglu-Inan (ed.), *The Ottoman Empire and the World-Economy*, Cambridge (1987) 311–344.

Faroqhi, Suraiya, "An Ulama Grandee and his Household", *OA* IX (1989) 199–208.

Faroqhi, Suraiya, *Pilgrims and Sultans. The Hajj under the Ottomans 1517–1683*, London (1994).

Faroqhi, Suraiya, "Migration into Eighteenth-Century «Greater Istanbul» as Reflected in the Kadi Registers of Eyup", *Turcica* XXX (1998) 163–183.

Findley, Carter, *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789–1922*, Princeton (1980).

Findley, Carter, *Ottoman Civil Officialdom*, Princeton (1989).

Findley, Carter, art. Medjelle, *EI2* VI.971–972.

Finkel, Caroline, *The Administration of Warfare: the Ottoman Military Campaigns in Hungary, 1593–1606*, Vienna (1988).

Fisher, Alan W., *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*, Cambridge (1970).

Fisher, Alan, "Muscovy and the Black Sea Slave Trade", in A. Fisher, *A Precarious Balance: Conflict, Trade and Diplomacy on the Russian-Ottoman Frontier*, Istanbul (1999) 27–46. (First publ. in *Canadian-American Slavic Studies* VI (1972) 575–594).

Fisher, Alan, *The Crimean Tatars*, Stanford (1987).

Fisher, Alan, "The Life and Family of Süleyman I", in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 1–19.

Fisher, Alan, "Şahin Giray, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea", in A. Fisher, *Between Russians, Ottomans and Turks: Crimea and Crimean Tatars*, Istanbul (1998) 93–121.

Fleischer, Cornell, "Royal Authority, Dynastic Cyclism, and «Ibn Khaldunism» in Sixteenth-Century Ottoman Letters", *AAS* XVIII (1983) 198–220.

Fleischer, Cornell, *Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire. The Historian Mustafa Ali (1541–1600)*, Princeton (1986).

Fleischer, Cornell, "The Lawgiver as Messiah: the Making of the Imperial Image in the Reign of Süleyman", in G. Veinstein (ed.), *Soliman le magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 159–177.

Fleming, K. E., *The Muslim Bonaparte. Diplomacy and Orientalism in Ali Pasha's Greece*, Princeton (1999).

Flemming, Barbara, "Political Genealogies in the Sixteenth Century", *OA* VII–VIII (1988) 123–137.

Flemming, Barbara, "Public Opinion under Sultan Süleyman", in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 49–56.

Flemming, B., art. Khodja Efendi, *EI2* V.27–29.

Fodor, Pal, "State and Society, Crisis and Reform in 15th–17th Century Ottoman Mirror[s] for Princes", *AOASH* XL/2–3 (1986) 217–240.

Fodor, Pal, "Ottoman Policy towards Hungary, 1520–1541", *AOASH* XLV/2–3 (1991) 271–345.

Fodor, Pal, "Sultan, Imperial Council, Grand Vizier: Changes in the Ottoman Ruling Elite and the Formation of the Grand Vizierial *Telhis*", *AOASH* XLVII/1–2 (1994) 67–84.

Fodor, Pal, "Between Two Continental Wars: the Ottoman Naval Preparations in 1590–1592", in Ingeborg Baldauf and Suraiya Faroqhi (eds) with the collaboration of Rudolf Vesely, *Armagan, Festschrift für Andreas Tietze*, Prague (1994) 90–111.

Fodor, Pal, "The Grand Vizierial *Telhis*. A Study in the Ottoman Central Administration 1566–1656", *AO XV* (1997) 137–188.

Fodor, Pal, "The View of the Turk in Hungary: the Apocalyptic Tradition and the Legend of the Red Apple in Ottoman-Hungarian Context", in P. Fodor, *In Quest of the Golden Apple*, Istanbul (2000) 71–103. (First publ. in B. Lelouche and S. Yeranos (eds), *Les traditions apocalyptiques au tournant de la chute de Constantinople*, Actes de la Table Ronde d'Istanbul (13–14 avril 1996), Paris (1999) 99–131).

Fodor, Pal, "An Anti-Semite Grand Vizier? The Crisis in Ottoman-Jewish Relations in 1591–1592 and its Consequences", in P. Fodor, *In Quest of the Golden Apple*, Istanbul (2000) 191–206.

Fodor, Pal, and David, Géza, "Hungarian–Ottoman Peace Negotiations in 1512–1514", in G. David and P. Fodor (eds), *Hungarian–Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*, Budapest (1994) 9–45.

Forster, E. S., (prep.), *The Turkish Letters of Ogier Ghiselin de Busbecq*, Oxford (1927).

Fotic, Aleksandar, "The Official Explanations for the Confiscation and Sale of Monasteries (Churches) and their Estates at the Time of Selim II", *Turcica XXVI* (1994) 33–54.

Frost, Robert, *The Northern Wars, 1558–1721*, Harlow (2002).

Fuller, William C, *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, New York (1992).

Gabriel, Erich, "Die Türkenbeute in Osterreich", in Christine Wessely (ed.), *Die Türken und was von ihnen bleib*, Vienna (1978) 101–106.

Gawrych, George Walter, "Ottoman Administration and the Albanians, 1908–1913", unpubl. Ph.D. thesis, Univ. of Michigan (1980).

Gawrych, George W., "Şeyh Galib and Selim III: Mevlevism and the Nizam-i Cedid", *IJTS* 4 (1987) 91–114.

Genç, Mehmet, "Osmanli Maliyesinde Malikane Sistemi", in O. Okyar (ed.), *Türkiye İktisat Tarihi Semineri*, Metinler/Tartışmalar, 8–10 Haziran 1973, Ankara (1975) 231–296.

Genç, Mehmet, "A study of the feasibility of using eighteenth-century Ottoman financial records as an indicator of economic activity", in Huri Islamoglu-Inan (ed.), *The Ottoman Empire and the World-Economy*, Cambridge (1987) 345–373.

Genç, Mehmet, "Ottoman Industry in the Eighteenth Century: General Framework, Characteristics and Main Trends", in D. Quataert (ed.), *Manufacturing in the Ottoman Empire and Turkey, 1500–1950*, Albany (1994) 59–86.

Genç, Mehmet, art. Esham, *IA2* 11.376–380.

Georgeon, François, "Les Foyers Turcs a l'époque kémaliste (1923–1931)", *Turcica XIV* (1982) 168–215.

- Georgeon, François, "Le dernier sursaut", in R. Mantran (ed.), *Histoire de l'empire ottoman*, Paris (1989) 523–576.
- Gibb, E. J. W., *Ottoman Poems Translated into English Verse in the Original Forms*, London (1882).
- Gibb, E. J. W., *A History of Ottoman Poetry*, 6 vols, London (repr. 1958–1963).
- Gilles, Pierre, *The Antiquities of Constantinople*, Ithaca (repr. 1988).
- Glover, Thomas, "The Journey of Edward Barton Esquire, her Majesties Ambassador with the Grand Signior otherwise called the Great Turke, in Constantinople, Sultan Mahumet Chan. Written by Sir Thomas Glover then Secretarie to the Ambassador, and since employed in that Honourable Function by his Majestie, to Sultan Achmet...", in S. Purchas (ed.), *Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes etc.*, Glasgow (1905–1907) VIII.304–320.
- Göçek, Fatma Müge, *East Encounters West. France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, New York (1987).
- Goffman, Daniel, *Britons in the Ottoman Empire, 1642–1660*, Seattle (1998).
- Goffman, Daniel, "Izmir: from village to colonial port city", in E. Eldem et al., *The Ottoman City between East and West*, Cambridge (1999) 79–134.
- Gökbilgin, Tayyib, "II. Rakoczi Ferencz ve Tevabiine Dair Yeni Vesikalar", *Belleten* V (1941) 577–595.
- Gökbilgin, M. Tayyib, "Kara Üveys Paşa'nın Budin Beylerbeyliği (1578–1580)", *TD* II/3–4(1950–1951 [1952]) 18–34.
- Gökbilgin, M. Tayyib, "Rüstem Paşa ve hakkındaki ithamlar", *TD* VIII/11–12 (1955 [1956]) 10–50.
- Gökbilgin, M. Tayyib, "Venedik Devlet Arşivindeki Türkçe Belgeler Koleksiyonu ve Bizimle İlgili Diğer Belgeler", *Belgeler* V–VIII (1968–1971 [1971]) 1–151.
- Gökbilgin, Tayyib, art. Ibrahim, *IA* 5/II.880–885.
- Gökbilgin, M. Tayyib, art. Ibrahim Paşa, *IA* 5/II.908–915.
- Gökbilgin, M. Tayyib, and Repp, R., art. Köprülü, *EI2* V.256–263.
- Gökçe, Cemal, "Edirne Ayani Dagdeviren-oglu Mehmed Aga", *TD* XVII/22 (1967 [1968]) 97–110.
- Gökçe, Cemal, "1787–1806 yıllari arasında Kafkasya'da cereyan eden siyasi olaylar", *TD* 26 (1972) 1–66.
- Göksu, Saime, and Timms, Edward, *Romantic Communist. The Life and Work of Nazim Hikmet*, New York (1999).
- Goldstein, Erik, "Holy Wisdom and British foreign policy 1918–1922: the St Sophia redemption agitation", *BMGS* 15 (1991) 36–64.
- Gönen, Yasemin Saner, "The Integration of the Ottoman Empire into the European State System during the Reign of Selim III", unpubl. MA thesis, Bogaziçi Univ. (1991).
- Goodwin, Godfrey, *A History of Ottoman Architecture*, London (pbk 1987).

- Gould, Andrew G., "Lords or Bandits? The Derebeys of Cilicia", *IJMES* 7 (1976) 485–506.
- Greene, Molly, *A Shared World. Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean*, Princeton (2000).
- Griswold, Thomas, *The Great Anatolian Rebellion, 1000–1020/1591–1611*, Berlin (1983).
- Gülsoy, Ufuk, "1856 Islahat Fermani'na Tepkiler ve Maraş Olayları", in *Prof. Dr Bekir Kütükoglu'na Armagan*, Istanbul (1991) 443–458.
- Gülsoy, Ufuk, *Osmanlı Gayrimüslimlerinin Askerlik Serüveni*, Istanbul (2000).
- Gür, Faik, "Atatürk heykelleri ve Türkiye'de resmi tarihin görselleşmesi", *TB* 90 (2001) 147–165.
- Haddad, Mahmoud, review of S. Deringil, *The Well-Protected Domains* (London) 1998, *Middle East Studies Association Bulletin* 33 (1999) 208–210.
- Hagen, Gottfried, "The Prophet Muhammad as an Exemplar in War: Ottoman Views on the Eve of World War I", *NPT* 22 (2000) 145–172.
- Halaçoğlu, Yusuf, *XVIII. yüzyılda Osmanlı İmparatorluğunun iskan siyaseti ve aşiretlerin yerletsirilmeşi*, Ankara (repr. 1991).
- Halaçoğlu, Yusuf, art. Evlad-i Fatihan, *IA2* 11.524–525.
- Halaçoğlu, Yusuf, and Aydın, M. Akif, art. Cevdet Paşa, *IA2* 7.443–450.
- Hale, William, *Turkish Politics and the Military*, London (1994).
- Haley, Charles D., "The Desperate Ottoman: Enver Paşa and the German Empire – I", *MES* 30 (1994) 1–51.
- Hamadeh, Shirine, "Splash and Spectacle: the Obsession with Fountains in Eighteenth-Century Istanbul", *Muqarnas* 19 (2002) 123–148.
- Hanioglu, M. Şükrü, "Jews in the Young Turk Movement to the 1908 Revolution", in A. Levy (ed.), *The Jews of the Ottoman Empire*, Princeton (1994) 519–526.
- Hanioglu, M. Şükrü, *The Young Turks in Opposition*, New York (1995).
- Hanioglu, M. Şükrü, *Preparation for a Revolution. The Young Turks, 1902–1908*, Oxford (2001).
- Har-EI, Shai, *Struggle for Domination in the Middle East. The Ottoman–Mamluk War, 1485–1491*, Leiden (1995).
- Harrison, J. B., art. Diü, *EI2* II.322.
- Hasan Vecihi, "Vecihi Ta'rihi", MS, Topkapi Palace Library, Emanet Hazinesi 1425.
- Hathaway, Jane, *The politics of households in Ottoman Egypt*, Cambridge (1997).
- Hathaway, Jane, "Egypt in the seventeenth century", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 34–58.
- Hathaway, Jane, "Çerkes Mehmed Bey: Rebel, Traitor, Hero?", *TSAB* 22/1 (1998) 108–115.

Hegy, Klara, "The Ottoman Military Force in Hungary", in G. David and P. Fodor (eds), *Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*, Budapest (1994) 131–148.

Hess, Andrew, "The Moriscos: an Ottoman Fifth Column in Sixteenth-Century Spain", *AHR* 74/1 (1968) 1–25.

Hess, Andrew, "The Evolution of the Ottoman Seaborne Empire in the Age of Oceanic Discoveries, 1423–1525", *AHR* 75/7 (1970) 1892–1919.

Hess, Andrew, "The Ottoman Conquest of Egypt (1517) and the Beginning of the Sixteenth-Century World War", *IJMES* 4 (1973) 55–76.

Hess, Andrew, "The Forgotten Frontier: the Ottoman North African Provinces during the Eighteenth Century", in T. Naff and R. Owen (eds), *Studies in Eighteenth Century Islamic History*, Carbondale (1977) 74–87.

Hess, Andrew, *The Forgotten Frontier*, Chicago (1978).

Heyd, Uriel, *Ottoman Documents on Palestine, 1552–1615*, Oxford (1960).

Heyd, Uriel, "The Ottoman 'Ulema and Westernization in the Time of Selim III and Mahmud II", *Scripta Hierosolymitana* IX (1961) 63–96.

Heywood, Colin, "English Diplomacy between Austria and the Ottoman Empire in the War of the Sacra Liga, 1684–1699, with special reference to the period 1689–1699", unpubl. Ph.D. thesis, London Univ. (1970).

Heywood, Colin, "824/«8224» = 1421: the «False» (Düzme) Mustafa and his Ephemeral Coinage", *Arab Historical Review for Ottoman Studies* 15–16 (1997) Part 1 (= *Mélanges Halil Sahillioglu*, ed. Abdeljelil Temimi), Zaghuan (1997) 11.159–175.

Heywood, Colin, "An Undiplomatic Anglo-Dutch Dispute at the Porte: the Quarrel between Coenraad Van Heemskerck and Lord Paget (1693)", in Alexander Hamilton et al. (eds) *Friends and Rivals in the East. Studies in Anglo-Dutch Relations in the Levant from the Seventeenth to the Early Nineteenth Century*, Leiden (2000) 59–94.

Heywood, C. J., art. Kara Mustafa Pasha, Merzifonlu, *EI2* IV.589–592.

Heywood, C. J., art. Küçük Kaynardja, *EI2* V.312–313.

Heywood, C. J., art. Mustafa, *EI2* VII.710–713.

Hezarfen Hüseyin Efendi, *Telhisü'l-Beyan fî Kavanin-i Al-i Osman*, prep. Sevim İlğürel, Ankara (1998).

Hitzel, Frederic, "Relations interculturelles et scientifiques entre l'empire ottoman et les pays de l'Europe occidentale, 1453–1839", 2 vols, unpubl. Ph.D. thesis, Univ. de Paris-Sorbonne (1994).

Holbrook, Victoria Rowe, *The Unreadable Shores of Love. Turkish Modernity and Mystic Romance*, Austin (1994).

Holt, Peter M., *Egypt and the Fertile Crescent 1516–1922. A Political History*, London (1966).

Hosking, Geoffrey, *Russia: People and Empire, 1552–1917*, London (1997).

Housley, Norman, *The Later Crusades. From Lyons to Alcazar 1274–1580*, Oxford (1992).

Howard, Douglas, "The Ottoman Timar System and its Transformation, 1563–1656", unpubl. Ph.D. thesis, Indiana Univ. (1987).

Hrushevsky, Mykhailo, *History of Ukraine-Rus'*, vol. 8: *The Cossack Age, 1626–1650*, Edmonton (2002).

Hughes, Lindsey, *Russia in the Age of Peter the Great*, New Haven (pbk 2000).

Hunter, F. Robert, "Egypt under the successors of Muhammad 'Ali", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 180–197.

Hurewitz, J. C., *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1553–1914*, 2 vols, Princeton (1956).

Hüseyin Tugi, *Tugi Tarihi*, prep. M. Sertoglu, *Belleten* XI (1947) 489–514.

ibn Battüta, *The Travels of ibn Battüta, A.D. 1325–1354*, prep. H. A. R. Gibb, Cambridge (1962).

Ibrahim, Hassan Ahmed, "The Egyptian empire, 1805–1885", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 198–216.

Ilgürel, Mücteba, art. Hüseyin Paşa (Deli), *IA2* 19.5–6.

Imber, Colin, "The Persecution of the Ottoman Shi'ites according to the mühimme defterleri, 1565–1685", *Der Islam* 61 (1979) 245–273.

Imber, Colin, "Paul Wittek's «De la défaite d'Ankara a la prise de Constantinople»", *OA* 5 (1986) 65–81.

Imber, Colin, "The Ottoman Dynastie Myth", *Turcica* XIX (1987) 7–27.

Imber, Colin, "A Note on «Christian» Preachers in the Ottoman Empire", *OA* 10 (1990) 59–67.

Imber, Colin, *The Ottoman Empire 1300–1481*, Istanbul (1990).

Imber, Colin, "Süleyman as Caliph of the Muslims: Ebu's-Su'ud's Formulation of Ottoman Dynastic Ideology", in G. Veinstein (ed.), *Soliman le magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 179–184.

Imber, Colin, *Ebu's-su'ud. The Islamic Legal Tradition*, Stanford (1997).

Imber, Colin, "What Does *Ghazi* Actually Mean?", in Ç. Balim-Harding and C. Imber (eds), *The Balance of Truth: Essays in Honour of Professor Geoffrey Lewis*, Istanbul (2000) 165–178.

Imber, Colin, art. Müsa Celebi, *EI2* VII.644–645.

Inalcik, Halil, "1444 Buhrani", in H. Inalcik, *Fatih Devri Üzerinde Tetkikler ve Vesikalar I*, Ankara (1954) 1–53.

Inalcik, Halil, "Fatih Sultan Mehmed'in İlk Culusu", in H. Inalcik, *Fatih Devri Üzerinde Tetkikler ve Vesikalar I*, Ankara (1954) 55–67.

Inalcik, Halil, "İstanbul'un Fethinden Önce Fatih Sultan Mehmed", in H. Inalcik, *Fatih Devri Üzerinde Tetkikler ve Vesikalar I*, Ankara (1954) 69–136.

Inalcik, Halil, *Hicri 835 Tarihli Suret-i Defter-i Sancak-i Arnavid*, Ankara (1954).

Inalcik, Halil, "Sened-i Ittifak ve Gülhane Hatt-i Hümayun", *Belleten* XXVIII (1964) 603–622.

Inalcik, Halil, "Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law", *AO* 1 (1969) 105–138.

Inalcik, Halil, "The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City", *DOP* 23–24 (1969–1970) 231–249.

Inalcik, Halil, review of J. W. Barker, *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship* (New Brunswick, 1969), *AO* 3 (1971) 272–285.

Inalcik, Halil, "The Conquest of Edirne (1361)", *AO* 3 (1971) 185–210.

Inalcik, Halil, "Application of the *Tanzimat* and its Social Effects", *AO* 5 (1973) 97–127.

Inalcik, Halil, "Lepanto in the Ottoman Documents" in Gino Benzoni (ed.), *Il Mediterraneo nella seconda meta del '500 alla luce di Lepanto*, Florence (1974) 185–192.

Inalcik, Halil, *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*, London (repr. 1975).

Inalcik, Halil, "A Case Study in Renaissance Diplomacy. The Agreement between Innocent VIII and Bayezid II on Djem Sultan", *JTS* 3 (1979) 209–230.

Inalcik, Halil, "The Hub of the City: the Bedestan of Istanbul", *IJTS* 1 (1979–1980) 1–17.

Inalcik, Halil, "Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature", in Ch. Lemerquier-Quellejeay et al. (eds), *Passé turco-tatar, présent soviétique, Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Louvain (1986) 175–211.

Inalcik, Halil, "Tax Collection, Embezzlement and Bribery in Ottoman Finances", *TSAB* 15 (1991) 327–346.

Inalcik, Halil, "Sultan Süleyman: the Man and the Statesman", in G. Veinstein (ed.), *Soliman le magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 89–103.

Inalcik, Halil, "Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 77–99.

Inalcik, Halil, "The Rise of the Turcoman Maritime Principalities in Anatolia, Byzantium and the Crusades", in H. Inalcik, *The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire*, Bloomington (1993) 309–341. (First publ. in *Byzantinische Forschungen, Internationale Zeitschrift für Orientalistik* IX (1985) 179–217).

Inalcik, Halil, "The Ottoman Succession and its Relation to the Turkish Concept of Sovereignty", in H. Inalcik, *The Middle East and the Balkans under the*

Ottoman Empire, Bloomington (1993) 37–69. (First publ. as “Osmanlılarda Saltanat Veraseti Usulu ve Türk Hakimiyet Telakkisiyle İlgisi”, *Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi* XIV (1959) 69–94).

Inalcik, Halil, “The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600”, in H. Inalcik with D. Quataert (eds), *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914*, Cambridge (1994) 9–409.

Inalcik, Halil, “How to Read ‘Ashik Pasha-Zade’s History’”, in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, Istanbul (1994) 139–156.

Inalcik, Halil, “Eyüp Projesi”, in Tülay Artan (ed.), *Eyüp: Dün/Bugün*, Sempozyum 11–12 Aralık 1993, Istanbul (1994) 1–23.

Inalcik, Halil, *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea*, vol. I: *The Customs Registers of Caffa, 1487–1490*, ed. V. Ostapchuk, Cambridge, MA (1996).

Inalcik, Halil, “Mehmed the Conqueror (1432–1481) and his Time”, in H. Inalcik, *Essays in Ottoman History*, Istanbul (1998) 87–109. (First publ. in *Speculum* XXXV (1960) 408–427).

Inalcik, Halil, “Ottoman Galata, 1453–1553”, in H. Inalcik, *Essays in Ottoman History*, Istanbul (1998) 275–376. (First publ. in Edhem Eldem (ed.), *Première Rencontre Internationale sur l’Empire Ottoman et la Turquie Moderne*, Institut National des Langues et Civilisations Orientales, Maison des Sciences de l’Homme, 18–22 janvier 1985, Istanbul (1991) 17–105).

Inalcik, Halil, “Periods in Ottoman History”, in H. Inalcik, *Essays in Ottoman History*, Istanbul (1998) 15–28.

Inalcik, Halil, “Istanbul: an Islamic City”, in H. Inalcik, *Essays in Ottoman History*, Istanbul (1998) 249–271. (First publ. in *Journal of Islamic Studies* I (1990) 1–23).

Inalcik, H., art. Mehmed II, *IA* 7.506–535.

Inalcik, H., art. Bursa, *EI2* I.1333–1336.

Inalcik, Halil, art. Haydar-oghlu, Mehmed, *EI2* III.317–318.

Inalcik, Halil, art. İmtiyazat, *EI2* III. 1178–1189.

Inalcik, H., art. Iskender Beg, *EI2* IV. 138–140.

Inalcik, H., art. Istanbul, *EI2* IV.224–248.

Inalcik, H., art. Kanunname, *EI2* IV.562–566.

Inalcik, H., art. Mehmed I, *EI2* VI.973–978.

Inalcik, Halil, and Oguz, Mevld, (prep.), *Gazavat-i Sultan Murad b. Mehmed Han*, Ankara (1978).

Inalcik, H., and Repp, R. C., art. Khosrew Pasha, *EI2* V.32–35.

Ingrao, Charles, *The Habsburg Monarchy, 1618–1815*, Cambridge (1994).

İpşirli, Mehmet, art. Ahizade Hüseyin Efendi, *IA2* 1.548–549.

İpşirli, Mehmet, art. Derviş Mehmed Paşa, *IA2* 9.193–194.

Irepoglu, Gül, *Levni. Painting, Poetry, Colour*, Ankara (1999).

Irepoglu, Gül, “Innovation and Change”, in *The Sultan’s Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 378–439.

- İsma'il Asim Efendi, Çelebizade, *Asim Ta'rihi*, İstanbul (1282/1865–1866).
- İssawi, Charles, "Introduction", in D. Gondicas and C. İssawi (eds), *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton (1999) 1–16.
- İtzkovitz, Norman, "Eighteenth Century Ottoman Realities", *SI XVI* (1962) 72–94.
- Jelavich, Charles and Barbara, *The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920*, Seattle (1977).
- Jelavich, Barbara, *History of the Balkans, Eighteenth and Nineteenth Centuries*, Cambridge (repr. 1985).
- Jennings, Ronald C., *Christians and Muslims in Ottoman Cyprus and the Mediterranean World, 1571–1640*, New York (1993).
- Kafadar, Cemal, "Les troubles monétaires de la fin du XVIe siècle et la prise de conscience ottoman du déclin", *Annales ESC* 46e année/I (1991) 381–400.
- Kafadar, Cemal, "The Myth of the Golden Age", in H. İnalcık and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, İstanbul (1993) 37–48.
- Kafadar, Cemal, "Eyüp'te Kiliç Kuşanma Törenleri", in Tülay Artan (ed.), *Eyüp: Dün/Bugün*, Sempozyum 11–12 Aralık 1993, İstanbul (1994).
- Kafadar, Cemal, "Osman Beg and his Uncle: Murder in the Family?" in C. Heywood and C. İmber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, İstanbul (1994) 155–163.
- Kafadar, Cemal, *Between Two Worlds. The Construction of the Ottoman State*, Berkeley (1995).
- Kafescioglu, Çiğdem, "Heavenly and Unblessed, Splendid and Artless: Mehmed II's Mosque Complex in İstanbul in the Eyes of its Contemporaries", in C. Kafescioglu and L. Thys-Şenocak (eds), *Essays in Honor of Aptullah Kuran*, İstanbul (1999) 211–222.
- Kann, Robert A., *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918*, Berkeley (1974).
- Kansu, Aykut, *The Revolution of 1908 in Turkey*, Leiden (1997).
- Kansu, Aykut, *Politics in Post-Revolutionary Turkey, 1908–1913*, Leiden (2000).
- Kappert, Petra, *Die osmanischen Prinzen und ihre Residenz Amasya im 15. und 16. Jahrhundert*, İstanbul (1976).
- Karaçelebizade Abdülaziz Efendi, "Zeyl-i Ravzatü'l-Ebrar", MS, İstanbul Univ. Library, İbnülemin 2986.
- Karakışla, Yavuz Selim, "The 1908 Strike Wave in the Ottoman Empire" *TSAB* 16/2 (1992) 153–177.
- Karal, Enver Ziya, "Nizam-i Cedid'e dair layihalar, 1792", *Tarih Vesikalari* (1941–1942) 414–425.
- Karal, Enver Ziya, *Selim III'ün Hatt-i Hümayunlari, Nizam-i Cedit*, Ankara (1942).

- Karateke, Hakan T., *Padişahım Çok Yaşadı! Osmanlı Devletlerinin Son Yüz Yılında Merasimler*, İstanbul (2004).
- Karpat, Kemal, "The Transformation of the Ottoman State, 1789–1908", *IJMES* 3 (1972) 243–281.
- Karpat, Kemal H., *Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics*, Madison (1985).
- Karpat, Kemal H., *The Politicization of Islam. Reconstructing Identity, State, Faith and Community in the Late Ottoman State*, Oxford (2001).
- Katib Çelebi, *Fezleke*, 2 vols, İstanbul (1286–1287/1869–1871).
- Kaya, Nevzat, art. Karaçelebizade Abdülaziz Efendi, *IA2* 24.381–383.
- Kayali, Hasan, "Elections and the Electoral Process", *IJMES* 27 (1995) 265–286.
- Kayali, Hasan, *Arabs and Young Turks. Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918*, Berkeley (1997).
- Kaynar, Reşat, *Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat*, Ankara (1954).
- Kazgan, Haydar, "2. Sultan Mahmut Devrinde Enflasyon ve Darphane Amiri Kazaz Artin", *TB* 11 (1980) 115–130.
- Keyder, Çağlar, "Manufacturing in the Ottoman Empire and in Republican Turkey ca. 1900–1950", in D. Quataert (ed.), *Manufacturing in the Ottoman Empire and Turkey, 1500–1950*, Albany (1994).
- Khadduri, Majid, *War and Peace in the Law of Islam*, Baltimore (1955).
- Khadduri, Majid, art. Harb, *EU* III. 180–181.
- Khodarkovsky, Michael, "Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800", *JMH* 71/2 (1999) 394–430.
- Khodarkovsky, Michael, *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*, Bloomington (2002).
- Khoury, Dina, *State and provincial society in the Ottoman Empire. Mosul, 1540–1834*, Cambridge (1997).
- Kiel, Hedda Reindl, art. Gedik Ahmed Paşa, *IA2* 13.543–544.
- Kiel, Machiel, "Observations on the History of Northern Greece during the Turkish Rule, Historical and Architectural Description of the Turkish Monuments of Komotini and Serres, their Place in the Development of Ottoman Turkish Architecture, and their Present Condition", in M. Kiel, *Studies on the Ottoman Architecture of the Balkans*, Hampshire, UK (1990) III. (First publ. in *Balkan Studies* 12 (1971) 415–444).
- Kiel, Machiel, "Yenice-i Vardar (Vardar Yenicesi—Giannitsa): a Forgotten Turkish Cultural Centre in Macedonia of the 15th and 16th Century", in M. Kiel, *Studies on the Ottoman Architecture of the Balkans*, Hampshire, UK (1990) IV. (First publ. in *Studia Byzantina et Neohellenica Nederlandica* 3 (1971) 300–329).
- Kiel, Machiel, "The Oldest Monuments of Ottoman—Turkish Architecture in the Balkans", in M. Kiel, *Studies on the Ottoman Architecture of the Balkans*, Hampshire, UK (1990) XIV. (First publ. in *Sanat Tarihi Yilligi* 12 (1983) 117–138).

Kiel, Machiel, "Notes on the History of some Turkish Monuments in Thessaloniki and their Founders", in M. Kiel, *Studies on the Ottoman Architecture of the Balkans*, Hampshire, UK (1990) I. (First publ. in *Balkan Studies* 11 (1970) 123–148).

Kiel, Machiel, *Ottoman Architecture in Albania 1385–1912*, Istanbul (1990).

Kiel, Machiel, "Mevlana Neşri and the Towns of Medieval Bulgaria", in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, Istanbul (1994) 165–187.

Kiel, Machiel, "Das türkische Thessalien: Etabliertes Geschichtsbild versus Osmanische Quellen", in R. Lauer and P. Schreiner (eds), *Die Kultur Griechenlands in Mittelalter und Neuzeit*, Goettingen (1996) 109–196.

Kiel, Machiel, art. Dimetoka, *IA29.305–308*.

Kissling, Joachim, *Rechtsproblematiken in den christlich-muslimischen Beziehungen vorab im Zeitalter der Türkenkriege*, Graz (1974).

Kolodziejczyk, Dariusz, *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century). An Annotated edition of 'Ahdnames and Other Documents*, Leiden (2000).

Kolodziejczyk, Dariusz, (prep.), *The Ottoman Survey Register of Podolia (ca. 1681). Defter-i Mufasssal-i Eyalet-i Kamanıçe*, Cambridge, MA (2004).

Konyali, I. H., *Abideleri ve Kitabeleri ile Karaman Tarihi. Ermenek ve Mut Abideleri*, Istanbul (1967).

Konyali, I. H., *Ankara Camileri*, Ankara (1978).

Kopcan, Vojtech, "Ottoman Narrative Sources to the Uyvar Expedition 1663", *AAS VII* (1971) 89–100.

Kopcan, Vojtech, "Einige Bemerkungen zur Versorgung der osmanischen Armee während des «Uyvar Seferi» im Jahre 1663", in Hans Georg Majer and Raoul Motika (eds), *Türkische Wirtschafts- und Sozialgeschichte von 1071 bis 1920*, Akten des IV. Internationale Kongresses, Wiesbaden (1995) 163–169.

Köprülü, M. F., "Yıldırım Beyazid'in esareti ve intihari hakkında", *Belleten I* (1937) 591–603.

Köprülü, Orhan F., art. ('Amudja-zade) Husayn Pasha, *EI2 III.626–627*.

Köprülü, Orhan F., art. Fuad Paşa, Keçecizade, *IA2 13.202–205*.

Köprülü, Orhan F., and Mustafa Uzun, art. Akşemseddin, *IA2 2.299–302*.

Kortepeter, C. Max, *Ottoman Imperialism during the Reformation. Europe and the Caucasus*, New York (1972).

Kreiser, Klaus, "Istanbul, die wahre Stadt der Muslime", in Jean-Louis Bacqué-Grammont and Aksel Tibet (eds), *Cimetieres et traditions funéraires dans le monde islamique*, 2 vols, Ankara (1996) 2.9–21.

Kreiser, Klaus, "Public Monuments in Turkey and Egypt, 1840–1916", *Muqarnas* 14 (1997) 103–117.

Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, prep. C. T. Riggs, Westport (1954).

Kuban, Dogan, *Istanbul. An Urban History*, Istanbul (1996).

Kuban, Dogan, art. Nuruosmaniye Külliyesi, *Ist. Ansik.* 6.100–103.

Küçük, Cevdet, art. Abdülaziz, *IA2* 1.179–185.

Küçük, Cevdet, art. Çiragan Vak'ası, *IA2* 8.306–309.

Kunt, Metin, “Naima, Köprülü and the Grand Vezirate”, *Bogaziçi University Journal I* (1973) 57–64.

Kunt, Metin Ibrahim, “Ethnic-Regional (*Cins*) Solidarity in the Seventeenth-Century Ottoman Establishment”, *IJMES* 5 (1974) 233–239.

Kunt, Ibrahim Metin, “Derviş Mehmed Paşa, Vezir and Entrepreneur: A Study in Ottoman Political-Economic Theory and Practice”, *Turcica* IX/I (1977) 197–214.

Kunt, I. Metin, “The Waqf as an Instrument of Public Policy: Notes on the Köprülü Family Endowments”, in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, Istanbul (1994) 189–198.

Kuran, Ercüment, “Répercussions sociales de la réforme de l'éducation dans l'Empire ottoman”, in J.-L. Bacqué-Grammont and Paul Dumont (eds), *Économie et Sociétés dans l'empire ottoman (Fin du XVIIIe — Début du XXe siècle)*, Paris (1983) 144–146.

Kuran, E., art. (Mustafa) Fadil Pasha (Misirli), *EI2* II.728.

Kurat, Akdes Nimet, *Prut Seferi ve Barişi, 1123 (1711)*, 2 vols, Ankara (1951, 1953).

Kurat, A. N., “The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don—Volga Canal”, *Slavonic and East European Review* 40 (1961–1962) 7–24.

Kurat, A. N., and Bromley, J. S., “The Retreat of the Turks”, in M. Cook (ed.), *A History of the Ottoman Empire to 1730*, Cambridge (1976) 178–219.

Kushner, David, “The Place of the Ulema in the Ottoman Empire in the Age of Reform (1839–1918)”, *Turcica* XIX (1987) 51–74.

Kut, Günay, Alpay, art. Matba'a (in Turkey), *EI2* VI.799–803.

Kutluoglu, Muhammed H., *The Egyptian Question (1831–1841). The Expansionist Policy of Mehmed Ali Paşa in Syria and Asia Minor and the Reaction of the Sublime Porte*, Istanbul (1998).

Kütükoglu, Bekir, *Osmanlı-Iran Siyasi Münasebetleri (1578–1612)*, Istanbul (repr. 1993).

Kuyulu, Inci, *Kara Osman-oglu Ailesine Ait Mimari Eserler*, Ankara (1992).

LeDonne, John P., *The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment*, New York (1997).

Lefort, Jacques, “Tableau de la Bithynie au XIIIe siècle”, in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 101–117.

Lesure, Michel, “Notes et documents sur les relations vénéto-ottomanes, 1570–1573, I”, *Turcica* IV (1972) 134–164.

Levy, Avigdor, "The Ottoman Ulema and the Military Reforms of Sultan Mahmud II", *AAS* VII (1971) 13–39.

Levy, Avigdor, "The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–1839", *IJMES* 2 (1971) 21–39.

Levy, Avigdor, "Ottoman Attitudes to the Rise of Balkan Nationalism", in Bela Kiraly and Gunther E. Rothenburg (eds), *War and Society in East Central Europe*, vol. 1: New York (1979) 325–345.

Levy, Avigdor, "Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century", *MES* 18/3 (1982) 227–249.

Levy, Avigdor, *The Sephardim in the Ottoman Empire*, Princeton (1992).

Levy, Avigdor, "Millet Politics: the Appointment of a Chief Rabbi in 1835", in A. Levy (ed.), *The Jews of the Ottoman Empire*, Princeton (1994) 425–438.

Lewis, Bernard, "The Ottoman Empire in the Mid-Nineteenth Century: A Review", review of R. Davison, *Reform in the Ottoman Empire, 1856–76* (Princeton, 1963), *MES* 1 (1964) 283–295.

Lewis, B., art. Dustür (Turkey), *EI2* II.640–647.

Lindner, Rudi, *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*, Bloomington (1983).

Loenertz, R., "Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle", *Etudes Byzantines* 1.

(1943) 152–196.

Lowry, Heath, "«From Lesser Wars to the Mightiest War»: the Ottoman Conquest and the Transformation of Byzantine Urban Centers in the Fifteenth Century", in A. Bryer and H. Lowry (eds), *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*, Papers given at a Symposium at Dumbarton Oaks in May 1982, Birmingham (1986) 323–338.

Lowry, Heath W., *The Nature of the Early Ottoman State*, Albany (2003).

Luttrell, Anthony, "Latin Responses to Ottoman Expansion before 1389", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 119–134.

McCarthy, Justin, "Foundations of the Turkish Republic: Social and Economic Change", *MES* 19 (1983) 139–151.

McCarthy, Justin, *Death and Exile. The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922*, Princeton (1995).

Macfarlane, Charles, *Constantinople in 1828*, 2 vols, London (second edn 1829).

McGowan, Bruce, "The Age of the Ayans, 1699–1812", in H. Inalcik with D. Quataert (eds), *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914*, Cambridge (1994) 637–758.

Mahir, Banu, "Portraits in New Context", in *The Sultan's Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 298–312.

- Malalas, John, *The Chronicle of John Malalas*, prep. Eliz. Jeffreys et al., Melbourne (1986).
- Mango, Andrew, "A Speaking Turkey. A Review Article", *MES* 33 (1997) 152–170.
- Mango, Andrew, "Atatürk and the Kurds", *MES* 35 (1999) 1–25.
- Mango, Andrew, *Atatürk*, London (1999).
- Mango, Cyril, *Materials for the Study of the Mosaics of St Sophia at Istanbul*, Washington (1962).
- Mantran, Robert, (ed.), *Histoire de l'empire ottoman*, Paris (1989).
- Mantran, Robert, "L'Etat ottoman au XVIIIe siècle: la pression européenne" in R. Mantran (ed.), *Histoire de l'empire ottoman*, Paris (1989) 265–286.
- Mantran, Robert, "De la titulature des derniers seldjoukides a celle des premiers ottomans. Brèves remarques sur les données épigraphiques", *Mélanges offerts a Louis Bazin*, Paris (1992) 207–211.
- Mardin, Şerif, *The Genesis of Young Ottoman Thought*, Princeton (1962).
- Mardin, Şerif, *Religion and Social Change in Modern Turkey, The Case of Bediüzzaman Said Nursi*, Albany (1989).
- Mardin, B. G., "A Short History of the Khalwati Order of Dervishes" in N. Keddie (ed.), *Scholars, Saints and Sufis*, Berkeley (1972) 275–305.
- Martinez, A. Peter, "Bullionistic Imperialism: the Il-Xanid Mint's Exploitation of the Rum-Saljuqid Chancery, 654–695 H./1256–96 A.D.", *AO* 13 (1993–1994) 169–276.
- Masters, Bruce, *The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East. Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750*, New York (1988).
- Masters, Bruce, "The Sultan's Entrepreneurs: the *Avrupa Tüccaris* and the *Hayriye Tüccaris* in Syria", *IJMES* 24 (1992) 579–597.
- Matthews, Joyce Hedda, "The Ottoman Inheritance Inventory as an Exercise in Conceptual Reclamation (ca. 1600–1675)", unpubl. Ph.D. thesis, Binghamton Univ. (2001).
- Matuz, Joseph, "A propos de la validité des capitulations de 1536 entre l'Empire ottoman et la France", *Turcica* XXIV (1992) 183–192.
- Mehmed Raşid, *Raşid Ta'rihi*, 5 vols, Istanbul (1282/1865–1866).
- Mélikoff, Irène, "Le problème kizilbaş", *Turcica* VI (1975) 34–48.
- Mélikoff, I., art. Ewrenos Oghullari, *EI2* II.720–721.
- Mélikoff, I., art. Germiyan-oghullari, *EI2* II.989–990.
- Ménage, V. L., "The Mission of an Ottoman Secret Agent in France in 1486", *Journal of the Royal Asiatic Society* (1965) 112–132.
- Ménage, V. L., "The Ottomans and Nubia in the Sixteenth Century", *Annales Islamologiques* 24 (1988) 137–154.
- Ménage, V. L., art. Devshirme, *EI2* II.210–213.
- Ménage, V. L., art. Djandarli, *EI2* II.444–445.
- Meriwether, Margaret L., "Urban Notables and Rural Resources in Aleppo, 1770–1830", *IJTS* 4 (1987) 55–73.

Mert, Özcan, *XVIII. ve XIX. Yüzyillarda Çapanogullari*, Ankara (1980).

Mert, Özcan, art. Canikli Hacı Ali Paşa Ailesi, *IA2* 7.151–154.

Mert, Özcan, art. Çapanogullari, *IA2* 8.221–224.

Messick, Brinkley, *The Calligraphic State. Textual Domination and History in a Muslim Society*, Berkeley (1993).

Mihalovic, Konstantin, *Memoirs of a Janissary*, prep. S. Soucek and B. Stolz, Ann Arbor (1975).

Milgrim, Michael R., “An Overlooked Problem in Turkish-Russian Relations: the 1878 War Indemnity”, *IJMES* 9 (1978) 519–537.

Mitler, Louis, “The Genoese in Galata: 1453–1682”, *IJMES* 10 (1979) 71–91.

Morgan, David, *Medieval Persia, 1040–1797*, London (1988).

Murphey, Rhoads, “The Veliyyuddin Telhis: Notes on the Sources and Interrelations between Koçi Bey and Contemporary Writers of Advice to Kings”, *Bellesten* XLIII (1979) 547–571.

Murphey, Rhoads, *Regional Structure in the Ottoman Economy. A Sultanic Memorandum of 1636 AD concerning the Sources and Uses of the Tax-Farm Revenues of Anatolia and the Coastal and Northern Portions of Syria*, Wiesbaden (1987).

Murphey, Rhoads, “Ottoman Census Methods in the Mid-Sixteenth Century”, *SI* 71 (1990) 115–126.

Murphey, Rhoads, “Solakzade’s Treatise of 1652: A Glimpse at Operational Principles Guiding the Ottoman State During Times of Crisis”, Proceedings of V. Milletlerarası Türkiye Sosyal ve İktisat Tarihi Kongresi, İstanbul, 21–25 Ağustos 1989, Ankara (1990) 27–32.

Murphey, Rhoads, “Süleyman’s Eastern Policy”, in: H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, İstanbul (1993) 229–248.

Murphey, Rhoads, “Continuity and Discontinuity in Ottoman Administrative Practice during the Late Seventeenth Century”, *Poetics Today* 14/2 (1993) 419–443.

Murphey, Rhoads, “An Ottoman View from the Top and Rumblings from Below: the Sultanic Writs (*Hatt-i Hümayun*) of Murad IV (r. 1623–40)”, *Turcica* XXVIII (1996) 319–338.

Murphey, Rhoads, *Ottoman Warfare, 1500–1700*, London (1999).

Murphey, Rhoads, “Forms of Differentiation and Expression of Individuality in Ottoman Society”, *Turcica* XXXIV (2002) 135–170.

Murphey, Rhoads, “Frontiers of Authority: the Interplay between Sultanic and Private Initiative in the Creation of New Ottoman Frontiers in the Mediterranean between 1515 and 1575”, paper presented at 116th Annual Meeting of the American Historical Association, 3–6 January 2002, San Francisco (typescript).

Murphey, R., art. Süleyman II, *EI2* IX.842.

Mustafa Na’ima, *Ravzatü’l-Hüseyn fi Hulasati Ahbari’l-Hafikayn*, 6 vols, İstanbul (1280/1863–1864).

Mustapha [Mustafa] Kemal, *A Speech Delivered by Ghazi Mustapha Kemal [Atatürk] in October 1927*, *Nutuk*, İstanbul (repr. 1985).

- Mystakidis, B. A., “Hukümet-i “Osmaniye tarafından ilk te’sis olunan Matba’a ve bunun Sirayeti”, *Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası I* (1911) 322–328.
- Naff, Thomas, “Reform and the Conduct of Diplomacy in the Reign of Selim III, 1789–1807”, *JAOS* 83 (1963) 295–315.
- Naff, Thomas, “Ottoman Diplomatic Relations with Europe in the Eighteenth Century: Patterns and Trends”, in T. Naff and R. Owen (eds), *Studies in Eighteenth Century Islamic History*, Carbondale (1977) 88–107.
- Nagata, Yuzo, “Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula”, in Y. Nagata, *Studies on the Social and Economic History of the Ottoman Empire*, Izmir (1995) 103–118.
- Nagata, Yuzo, art. Karaosmanogullari, *IA2* 24.468–470.
- Nasr, S. H., art. Ithna ‘Ashariya, *EI2* IV.277–279.
- Necipoglu-Kafadar, Gülru, “The Süleymaniye Complex in Istanbul: an Interpretation”, *Muqarnas* 3 (1985) 92–117.
- Necipoglu, Gülru, *Architecture, Ceremonial and Power; the Topkapi Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*, Cambridge, MA (1991).
- Necipoglu, Gülru, “The Life of an Imperial Monument: Hagia Sophia after Byzantium”, in R. Mark and A. Çakmak (eds), *Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present Day*, Cambridge, MA (1992).
- Necipoglu, Gülru, “A Kanun for the State, A Canon for the Arts: Conceptualizing the Classical Synthesis of Ottoman Art and Architecture”, in G. Veinstein (ed.), *Soliman le magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 195–216.
- Necipoglu, Gülru, “Süleyman the Magnificent and the Representation of Power in the Context of Ottoman—Habsburg—Papal Rivalry”, in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 163–194.
- Necipoglu, Gülru, “Challenging the Past: Sinan and the Competitive Discourse of Early-Modern Islamic Architecture”, *Muqarnas* 10 (1993) 169–180.
- Necipoglu-Kafadar, Gülru, “Dynastic Imprints on the Cityscape: the Collective Message of Imperial Funerary Mosque Complexes in Istanbul”, in Jean-Louis Bacqué-Grammont and Aksel Tibet (eds), *Cimetieres et traditions funéraires dans le monde islamique*, 2 vols, Ankara (1996) 2.23–36.
- Necipoglu, Gülru, “The Suburban Landscape of Sixteenth-Century Istanbul as a Mirror of Classical Ottoman Garden Culture”, in Attilio Petruccioli (ed.), *Gardens in the Time of the Great Muslim Empires*, Leiden (1997) 32–71.
- Necipoglu, Gülru, “A Period of Transition: Portraits of Selim II”, in *The Sultan’s Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 202–207.
- Necipoglu, Nevra, “Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century”, *BMGS* 16 (1992) 158–169.
- Nicol, D., “A Byzantine Emperor in England. Manuel’s Visit to London in 1400–1401”, *University of Birmingham Historical Journal* XII/2 (1971) 204–225.

- Nicol, Donald, *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*, Cambridge (2nd edn 1993).
- Nicol, Donald, *The Immortal Emperor. The Life and Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans*. Cambridge (1994).
- Noradounghian, Gabriel, *Recueil d'actes internationaux de l'empire ottoman*, 4 vols, Paris (1897–1903).
- Ocak, A. Yaşar, "Quelques remarques sur le rôle des derviches kalenderis dans les mouvements populaires et les activités anarchiques aux XVe et XVIe siècles dans l'empire ottoman", *OA* 3 (1982) 69–80.
- Ocak, Ahmet Yaşar, "Kanuni Sultan Süleyman devrinde Osmanlı resmi düşüncesine karşı bir tepki hareketi: Oğlan Şeyh İsmail-i Masuki", *OA* 10 (1990) 49–58.
- Ocak, Ahmet Yaşar, *Zindıklar ve Mülhidler (15–17. Yüzyıllar)*, İstanbul (1998).
- Ochsenwald, William, *Religion, Society and the State in Arabia. The Hijaz under Ottoman Control, 1840–1908*, Columbus (1984).
- Oikonomides, Nicolas, "The Turks in Europe (1305–1313) and the Serbs in Asia Minor (1313)", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 159–168.
- Oikonomides, Nicolas, "From Soldiers of Fortune to Gazi Warriors: the Tzympe Affair", in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, İstanbul (1994) 239–247.
- Olson, Robert W., "The Esnaf and the Patrona Halil Rebellion of 1730: a Realignment in Ottoman Politics", *JESHO* XVII (1974) 329–344.
- Olson, Robert W., "Jews, Janissaries, Esnaf and the Revolt of 1740 in İstanbul", *JESHO* XX/2 (1977) 185–207.
- Olson, Robert, "The Young Turks and the Jews: a Historiographical Revision", *Turcica* XVIII (1986) 219–235.
- Olson, Robert, "The Ottoman-French Treaty of 1740: a Year to be Remembered?", *TSAB* 15/2 (1991) 347–355.
- Onsoy, Rifat, "Osmanlı İmparatorluğu'nun Katıldığı İlk Uluslararası Sergiler ve Sergi-i Umumi-i Osmani (1863 İstanbul Sergisi)", *Belleten* XLVII (1984) 195–235.
- Orhonlu, Cengiz, *Osmanlı İmparatorluğunda Aşiretleri İskan Teşebbüsü (1691–1696)*, İstanbul (1963).
- Orhonlu, C, art. Kara 'Othman-oghli, *EI2* IV.592–594.
- Orhonlu, Cengiz, art. Katirdji-oghli Mehmed Pasha, *EI2* IV.765–766.
- Orhonlu, C, art. Khadim Süleyman Pasha, *EI2* IV.901–902.
- Ortaylı, İlber, "Ottoman-Habsburg Relations, 1740–1770, and Structural Changes in the International Affairs of the Ottoman State", in Jean-Louis Bacqué-Grammont et al. (eds), *Türkische Miscellen, Festschrift Robert Anhegger*, İstanbul (1987) 287–298.

Ortayli, İlber, “Reforms of Petrine Russia and the Ottoman Mind”, in Bernard Lewis et al. (eds), *Raiyyet Rüşumu. Essays presented to Halil İnalcik on his Seventieth Birthday by his Colleagues and Students*, JTS 11 (1987) 45–48.

Ortayli, İlber, “Une proclamation universelle du khanat de Crimée de janvier 1711”, *Studies on Ottoman Diplomatie History I*, Istanbul (1987) 105–109.

Ortayli, İlber, “Ottomanism and Zionism during the Second Constitutional Period, 1908–1915”, in A. Levy (ed.), *The Jews of the Ottoman Empire*, Princeton (1994) 527–546.

Ortayli, İlber, *Imparatorlugun En Uzun Yüzyili*, Istanbul (repr. 1995).

Ortayli, İlber, “Greeks in the Ottoman Administration during the Tanzimat Period”, in D. Gondicas and C. Issawi (eds), *Ottoman Greeks in the Age of Nationalism: Politics, Economy and Society in the Nineteenth Century*, Princeton (1999) 161–179.

Osman, Rifat, *Edirne Sarayı*, prep. Süheyl Ünver, Ankara (1957).

Ostapchuk, Victor, “Five Documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman Defense of the Black Sea against the Cossacks (1639)”, in Bernard Lewis et al. (eds), *Raiyyet Rüşumu, Essays presented to Halil İnalcik on his Seventieth Birthday by his Colleagues and Students*, JTS 11 (1987) 49–104.

Ostapchuk, Victor, “The Ottoman Black Sea Frontier and the Relations of the Porte with the Polish-Lithuanian Commonwealth and Muscovy, 1622–1628”, unpubl. Ph.D. thesis, Harvard Univ. (1989).

Ostapchuk, Victor, “An Ottoman Gazaname on Halil Pasa’s Naval Campaign against the Cossacks (1621)”, in *Adelphotos: a Tribute to Omeljan Pritsak by his Students*, Harvard Ukrainian Studies XIV/3–4 (1990) 481–521.

Ostapchuk, Victor, “The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids”, in Kate Fleet (ed.), *The Ottomans and the Sea*, Oriente Moderno XX (LXXXI) n.s. (2001) 23–95.

Ostapchuk, Victor, “The Ottoman Entry into the Black Sea” (typescript).

Ostapchuk, Victor, “Ukraine between the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovy and the Ottoman Empire: the Struggle for a New Order in Eastern Europe, 1648–1681” (typescript).

Özbaran, Salih, “Osmanlı İmparatorluğu ve Hindistan yolu”, *TD* 31 (1977 [1978]) 65–146.

Özbaran, Salih, “The Ottoman Turks and the Portuguese in the Persian Gulf, 1534–1581”, in S. Özbaran, *The Ottoman Response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century*, Istanbul (1994) 119–157. (First publ. in *Journal of Asian History* 6/1 (1972) 45–87).

Özbaran, Salih, “A Turkish Report on the Red Sea and the Portuguese in the Indian Ocean (1525)”, in S. Özbaran, *The Ottoman Response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and*

- Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century*, Istanbul (1994) 99–109. (First publ. in *Arabian Studies* IV (1978) 81–88).
- Özbaran, Salih, “Bahrain in 1559. A Narrative of Turco-Portuguese Conflict in the Gulf”, in S. Özbaran, *The Ottoman Response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century*, Istanbul (1994) 179–188. (First publ. in *OA* 3 (1982) 91–104).
- Özbaran, Salih, “The Ottomans in Confrontation with the Portuguese in the Red Sea after the Conquest of Egypt in 1517”, in S. Özbaran, *The Ottoman Response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century*, Istanbul (1994) 89–97. (First publ. in *Studies on Turkish-Arab Relations* I (1986) 207–214).
- Özbaran, Salih, “The Ottomans in East Africa”, in S. Özbaran, *The Ottoman Response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portuguese Relations in the Indian Ocean and Ottoman Administration in the Arab Lands during the Sixteenth Century*, Istanbul (1994) 189–197. (First publ. in *Studies on Ottoman Diplomatic History* V (1990) 147–155).
- Özbaran, Salih, “Ottoman Naval Policy in the South” in M. Kunt and C. Woodhead (eds), *Süleyman the Magnificent and his Age*, London (1995) 55–70.
- Özcan, Abdülkadir, “Fatih’in teşkilat kanunnamesi ve Nizam-i alem için kardeş katli meselesi”, *TD* 33 (1980–1981 [1982]) 7–56.
- Özcan, Abdülkadir, “II. Mahmud Memleket Gezileri”, in *Prof. Dr Bekir Kütükoğlu’na Armagan*, Istanbul (1991) 361–379.
- Özcan, Abdülkadir, art. Cülus, *IA2* 8.108–114.
- Özcan, Abdülkadir, art. Defterdar San Mehmed Paşa, *IA2* 9.98–100.
- Özcan, Abdülkadir, art. Devşirme, *IA2* 9.254–257.
- Özcan, Abdülkadir, art. Esame, *IA2* 11.355–356.
- Özcan, Abdülkadir, art. Eşkinci, *IA2* 11.469–471.
- Özcan, Abdülkadir, art. Humbaracı Ahmed Paşa, *IA2* 18.351–353.
- Özcan, Azmi, “Sultan II. Abdulhamid’in «Pan-Islam» Siyasetinde Cevdet Paşa’nın Tesiri”, in *Ahmed Cevdet Paşa Vefatinin 100. Yilina Armagan*, Ankara (1997) 123–131.
- Özcan, Azmi, art. Hilafet, *IA2* 17.546–553.
- Özel, Oktay, “Limits of the Almighty: Mehmed II’s «Land Reform» Revisited”, *JESHO* 42 (1999) 226–246.
- Özergin, M. Kemal, art. Raşid, Mehmed, *IA* 9.632–634.
- Özguven, H. Burcu, “Barut ve Tabya: Rönesans Mimarisi Bağlamında Fatih Sultan Mehmed Kaleleri”, unpubl. Ph.D. thesis, Istanbul Teknik Univ. (1997).
- Özkaya, Yücel, “XVIII inci Yüzyılda Çıkarılan Adalet-namelere göre Türkiye’nin İç Durumu”, *Belleten* XXXVIII (1974) 446–490.

- Özkaya, Yücel, *Osmanlı İmparatorluğunda Dağlı İsyanları (1791–1808)*, Ankara (1983).
- Öztuna, Yılmaz, *Devletler ve Hanedanlar* vol. 2: *Türkiye (1074–1990)*, Ankara (1969).
- Pamuk, Şevket, *A Monetary History of the Ottoman Empire*, Cambridge (2000).
- Panzac, Daniel, “The Manning of the Ottoman Navy in the Heyday of Sail (1660–1850)”, in Erik J. Zürcher (ed.), *Arming the State. Military Conscription in the Middle East and Central Asia 1775–1925*, London (1999) 41–57.
- Parrott, David, “The Ottoman Conflict in European History”, review of Jan Paul Niederkorn, *Die europäischen Mächte und der «Lange Türkenkrieg» Kaiser Rudolfs II. (1593–1606)* (Vienna, 1993), in *Journal of Early Modern History* 1 (1999) 75–79.
- Parry, V. J., art. Cighala-zade (Yusuf) Sinan Pasha, *EI2* II.33–34.
- Parry, V. J., art. Hafız Ahmed Pasha, *EI2* III.58–59.
- Pavord, Anna, *The Tulip*, London (1999).
- Peçevi İbrahim Efendi, *Tarih-i Peçevi*, 2 vols, Istanbul (1283/1866–1867).
- Pearce, Leslie, *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*, New York (1993).
- Pere, Nuri, *Osmanlılarda Madeni Paralar*, Istanbul (1968).
- Peri, Oded, “Islamic Law and Christian Holy Sites: Jerusalem and its Vicinity in Early Ottoman Times”, *Islamic Law and Society* 6/1 (1999) 97–111.
- Peri, Oded, *Christianity under Islam in Jerusalem. The Question of the Holy Sites in Early Ottoman Times*, Leiden (2001).
- Perry, John R., “The Mamluk Paşalık of Baghdad and Ottoman-Iranian Relations in the Late-Eighteenth Century”, in Sinan Kuneralp (ed.), *Studies on Ottoman Diplomatic History I*, Istanbul (1987) 59–70.
- Peskes, Esther, art. Wahhabiyya, *EI2* XL39–45.
- Peters, Rudolph, *Islam and Colonialism, The Doctrine of Jihad in History*, The Hague (1979).
- Philippidis-Braat, Anna, “La captivité de Palamas chez les Turcs: dossier et commentaire”, *Travaux et Mémoires* 7 (1979) 109–221.
- Pinson, Mark, “Ottoman Bulgaria in the First Tanzimat Period — The Revolts in Nish (1841) and Vidin (1850)”, *MES* 11 (1975) 103–146.
- Quataert, Donald, “The Age of Reforms, 1812–1914”, in H. Inalcik with D. Quataert (eds), *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914*, Cambridge (1994) 759–943.
- Quataert, Donald, “Ottoman Workers and the State, 1826–1914”, in Zachary Lockman (ed.), *Workers and Working Classes in the Middle East*, Albany (1994) 21–37.
- Quataert, Donald, “Clothing Laws, State, and Society in the Ottoman Empire” *IJMES* 29 (1997) 403–425.

- Raby, Julian, "Mehmed the Conqueror's Greek Scriptorium", *DOP* 37 (1983) 15–34.
- Raby, Julian, "Mehmed the Conqueror and the Byzantine Rider of the Augustation", *Topkapi Sarayi Müzesi*, Yillik 2 (1987) 141–152.
- Raby, Julian, "From Europe to Istanbul", in *The Sultan's Portrait. Picturing the House of Osman*, Istanbul (2000) 136–163.
- Reed, Howard A., "The Destruction of the Janissaries by Mahmud II in June 1826", unpubl. Ph.D. thesis, Princeton Univ. (1951).
- Refik, Ahmet, *Türk Hizmetinde Kiral Tököli Imre (1683–1705)*, Istanbul (1932).
- Refik, Ahmed, *Onikinci Asr-i Hicri'de Istanbul Hayati (1689–1785)*, Istanbul (repr. 1988).
- Refik, Ahmed, *Onüçüncü Asr-i Hicri'de Istanbul Hayati (1786–1882)*, Istanbul (repr. 1988).
- Reinert, Stephen W., "From Nis to Kosovo Polje. Reflections on Murad I's Final Years", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 169–211.
- Reinert, Stephen W., "A Byzantine Source on the Battles of Bileca (?) and Kosovo Polje: Kydones' Letters 396 and 398 reconsidered", in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, Istanbul (1994) 250–272.
- Renda, Günsel, "Searching for New Media in Eighteenth Century Ottoman Painting", in Sabine Prator and Christoph K. Neumann (eds), *Arts, Women and Scholars. Studies in Ottoman Society and Culture*, *Festschrift Hans Georg Majer* vol. 2, Istanbul (2002) 451–490.
- Repp, R. C., *The Müfti of Istanbul. A Study in the Development of the Learned Hierarchy*, London (1986).
- Rogers, Michael, *The Topkapi Saray Museum. The Albums and Illuminated Manuscripts*, Boston (1986).
- Rogers, Michael, "The Arts under Süleyman the Magnificent", in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 257–294.
- Roth, Cecil, *The House of Nasi. The Duke of Naxos*, Philadelphia (1948).
- Rothenburg, Gunter Erich, *The Austrian Military Border in Croatia, 1522–1747*, Urbana (1960).
- Rothenburg, Gunter Erich, *The Military Border in Croatia, 1740–1881*, Chicago (1966).
- Rypka, J., art. Burhan al-Din, *EI2* I.1327–1328.
- Sabanovic, H., art. Hersek-zade, *EI2* III.340–342.
- Sagundino, Nicola, "Orazione al serenissimo principe e invito re Alfonso", in Agostino Pertusi (prep.), *La Caduta di Constantinopoli*, 2 vols., n.p. (1976).

St Laurent, Beatrice, and Riedlmayer, Andras, "Restorations of Jerusalem and the Dome of the Rock and their Political Significance, 1537–1928", *Muqarnas* 10 (1993) 76–84.

Sakaoglu, Necdet, art. Alemdar Olayi, *Ist. Ansik.* 1.185–186.

Sakaoglu, Necdet, art. Murad V, *Ist. Ansik.* 5.510–513.

Salibi, Kamal, art. Fakhr al-Din, *EI2* II.749–751.

Salt, Jeremy, *Imperialism, Evangelism and the Ottoman Armenians, 1878–1896*, London (1993).

Salt, Jeremy, "The Narrative Gap in Ottoman Armenian History", *MES* 39 (2003) 19–36.

Salzmann, Ariel, "Measures of Empire: Tax Farmers and the Ottoman Ancien Regime, 1695–1807", unpubl. Ph.D. thesis, Columbia Univ. (1995).

Saricaoglu, Fikret, *Kendi Kaleminden Bir Padişahın Portresi, Sultan I. Abdülhamid (1774–1789)*, Istanbul (2001).

Savory, Roger, art. Alkas Mirza, *EI2* 1.406.

Sayili, Adnan, *The Observatory in Islam*, Ankara (1960).

Schama, Simon, *Landscape and Memory*, London (pbk 1996).

Schick, Irwin Cemil, "Gynaeceum and Power: the «Sultanate of Women» Reconsidered", review of Leslie Peirce, *The Imperial Harem* (New York, 1993), in *NPT12* (1995) 145–155.

Schiltberger, Johann, *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa, 1396–1427*, reprint of Hakluyt, London edn of 1879, Frankfurt (1995).

Schmidt, Jan, "The Egri Campaign of 1596: Military History and the Problem of Sources", in Andreas Tietze (ed.), *Habsburgisch-osmanische Beziehungen*, Colloque sous le patronage du Comité international des études pré-ottomanes et ottomanes, Wien, 26–30. September 1983, Vienna (1985) 125–144.

Schreiner, Peter, "John Malaxos (16th Century) and his Collection of *Antiquates Constantinopolitanae*", in Nevra Necipoglu (ed.), *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*, Leiden (2001) 203–214.

Sebastian, Peter, "Ottoman Government Officials and their Relations with the Republic of Venice in the Early Sixteenth Century", in C. Heywood and C. Imber (eds), *Studies in Ottoman History in Honour of Professor V. L. Ménage*, Istanbul (1994) 319–338.

Şehsuvaroglu, Bedii, "Sultan Abdülaziz'in Avrupa Seyahati", *BTTD* 1 (1967) 41–51.

Selaniki Mustafa Efendi, *Tarih-i Selaniki*, prep. Mehmet İpşirli, 2 vols, Istanbul (1989).

Şem'dani-zade Findiklili Suleyman Efendi, *Mur'î'î-Tevarih*, prep. M. Münir Aktepe, 2 vols/3 parts, Istanbul (1976, 1978, 1980).

Sen, Amartya, "East and West: the Reach of Reason", *New York Review of Books* XLVII n.12 (20 July, 2000) 33–36.

Setton, Kenneth M., *The Papacy and the Levant (1204–1571)*, I *The Thirteenth and Fourteenth Centuries*, Philadelphia (1976); II *The Fifteenth Century*, Philadelphia (1978); III *The Sixteenth Century to the Reign of Julius III*, Philadelphia (1984); IV *The Sixteenth Century from Julius II to Pius V*, Philadelphia (1984).

Setton, Kenneth M., *Venice, Austria, and the Turks in the Seventeenth Century*, Philadelphia (1991).

Shaw, Stanford, (prep.), *Ottoman Egypt in the Eighteenth Century; the Nizamname-i Misir of Cezzar Ahmed Pasha*, Cambridge, MA (1964).

Shaw, Stanford, "The Origins of Ottoman Military Reform: the Nizam-i Cedid Army of Sultan Selim III", *JMH* 37 (1965) 291–306.

Shaw, Stanford, *Between Old and New*, Cambridge, MA (1971).

Shaw, Stanford, "The Nineteenth-Century Ottoman Tax Reforms and Revenue System", *IJMES* 6 (1975) 421–459.

Shaw, Stanford, *The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic*, London (1991).

Silahdar Findiklili Mehmed Aga, *Silahdar Ta'rihi*, 2 vols, Istanbul (1928).

Silahdar Findiklili Mehmed Aga, *Nusretname*, prep. Ismet Parmaksizoglu, 2 vols, Istanbul (1962, 1966).

Singer, Amy, *Constructing Ottoman Beneficence. An Imperial Soup Kitchen in Jerusalem*, Albany (2002).

Sirma, Ihsan Süreyya, "II. Abdülhamid'in Çin müslümanlanni sünni mezhebine baglama gayretlerine dair bir belge", *TD* 32 (1979) 559–562.

Şirvanli Fatih Efendi, *Gülzar-i Fütuhât*, prep. Mehmet Ali Beyhan, Istanbul (2001).

Sked, Alan, *The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918*, London (1989).

Smith, Clive, *Lightning over Yemen. A History of the Ottoman Campaign (1569–1571)*, London (2002).

Solak-zade, Mehmed Hemdemi Çelebi, *Solak-zade Tarihi*, prep. V. Çabuk, vol. 2, Istanbul (1989).

Sonyel, Salahi Ramsdan, *The Ottoman Armenians. Victims of Great Power Diplomacy*, London (1987).

Soranzo, Jacopo, "Relazione e Diario del Viaggio di Jacopo Soranzo Ambasciatore della Repubblica di Venezia per il Ritaglio di Mehemet Figliuolo di Amurat Imperatore dei Turchi L'anno 1581", in E. Albèri (ed.), *Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato*, Ser. III vol. 2, Florence (1844) 209–253.

Soucek, S., review of M. Dukanovic, *Rimovana autobiografija Varvari Ali-Pase* (Beograd, 1967), *AO* 3 (1971) 290–301.

Soucek, S., art. Piri Re'is, *EI2* VIII.308–309.

Soucek, S., art. 'Uludj 'Ali, *EI2* X.810–811.

Sourdel, D., art. Khalifa, *EI2* IV.937–947.

Spatar, M. Halim, art. Muzika-i Hümayun, *Ist. Ansik.* 6.11–12.

- Stavrides, Theoharis, *The Sultan of Vezirs. The Life and Times of the Ottoman Grand Vezir Mahmud Pasha Angelovic (1453–1474)*, Leiden (2001).
- Stoye, John, *The Siege of Vienna*, London (1964).
- Stoye, John, *Marsigli's Europe, 1680–1730*, New Haven (1994).
- Streck, M., and Dixon, A. A., art. Kazimayn, *EI2* IV.854–856.
- Suleyman Penah Efendi, “Mora İhtilali Tarihçesi veya Penah Ef. Mecmuası, 1769”, prep. Aziz Berker, *Türk Tarih Vesikalari* II (1942–1943) 63–80, 153–160, 228–240, 309–320, 385–400, 473–480.
- Sumer, F., art. Karaman-oghullari, *EI2* IV.619–625.
- Süslü, Azmi, *Armenians and the 1915 Event of Displacement*, Ankara (1994).
- Sysyn, Frank, “The Great Ukrainian Revolt: The Khmel’nyts’kyi Uprising, 1648–1658” (typescript).
- Tabakoglu, Ahmet, *Gerileme Dönemine Girerken Osmanli Maliyesi*, Istanbul (1985).
- Tanilli, Server, “Le tournant de 1913 dans l’histoire de l’«Union et Progrès»”, in Edhem Eldem (ed.), *Première Rencontre Internationale sur l’Empire Ottoman et la Turquie Moderne*, Institut National des Langues et Civilisations Orientales, Maison des Sciences de l’Homme, 18–22 janvier 1985, Istanbul (1991) 347–354.
- Tanman, Baha, art. Hirka-i şerif Camii, *IA2* 17.378–382.
- Tansel, Selahattin, “Yeni vesikalar karşısında Sultan İkinci Bayezit hakkında bazı mütalalar”, *Bellekten* XXVII (1963) 185–236.
- Tansel, Selahattin, *Sultan II. Bayezit’in Siyasi Hayati*, Istanbul (1966).
- Tansel, Selahattin, *Yavuz Sultan Selim*, Ankara (1969).
- Tavernier, Jean Baptiste, *Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuyer Baron d’Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux l’Indes*, 2 vols, [Paris] (1676).
- Tayşi, Mehmet Serhan, art. Feyzullah Efendi (Seyyid), *IA2* 12.527–528.
- Tekindag, M. C. Şehabeddin, “XVIII. ve XIX. asırlarda Cebel Lubnan Şihabogullari”, *TD* IX/13 (1958) 31–44.
- Tekindag, M. C. Şahabeddin, “Yeni kaynak ve vesikaların ışığı altında Bonaparte’in Akka muhasarasi”, *TD* XV/20 (1965) 1–20.
- Tekindag, M. C. Şehabeddin, “Yeni kaynak ve vesikaların ışığı altında Yavuz Sultan Selim’in İran Seferi”, *TD* XVII/22 (1967 [1968]) 49–78.
- Tekindag, Şehabettin, “Şah Kulu Baba Tekeli İsyanı”, *BTTD* 1/3 (1967) 34–39; 1/4 (1968) 54–59.
- Tekindag, Şehabettin, “II. Bayezid Devrinde Çukur-Ova’da Nüfuz Mücadelesi. İlk Osmanli-Memlûklü Savaşları (1485–1491)”, *Bellekten* XXXI (1967) 345–373.
- Tekindag, Şehabettin, “XVIII. yuzyilda Akdeniz’de Rus donanması ve Cezzar Ahmed Bey’in Beyrut savunması”, *BTTD* 1/5 (1967) 37–45.
- Terzioglu, Derin, “The Imperial Circumcision Festival of 1582: an Interpretation”, *Muqarnas* 12 (1995) 84–100.

Tezcan, Baki, "Searching for Osman: A Reassessment of the Deposition of the Ottoman Sultan Osman II (1618–1622)", unpubl. Ph.D. thesis, Princeton Univ. (2001).

Theolin, Sture, *The Swedish Palace in Istanbul*, Istanbul (2000).

Theunissen, H., "Ottoman-Venetian Diplomats: the 'ahd-names. The Historical Background and the development of a Category of Political-Commercial Instruments together with an Annotated edition of a Corpus of relevant Documents", unpubl. Ph.D. thesis, Utrecht Univ. (1991).

Thomas, Lewis, *A Study of Naima*, New York (1972).

Thys-Şenocak, Lucienne, "The Yeni Valide Mosque Complex at Eminönü", *Muqarnas* 15 (1998) 58–70.

Tietze, Andreas, "Sheykh Bali Efendi's Report on the Followers of Sheykh Bedreddin", *OA* 7 (1988) 115–122.

Todorova, Maria, "Midhat Paşa's Governorship of the Danube Province", in Caesar E. Farah (ed.), *Decision-making in the Ottoman Empire*, Kirksville, MO (1993) 115–128.

Toledano, Ehud, *The Ottoman Slave Trade and its Suppression*, Princeton (1982).

Toledano, Ehud, *Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East*, Seattle (1998).

Treaties (Political and Territorial) Between Russia and Turkey, 1774–1849 (Great Britain, House of Commons, Sessional Papers, 1854, vol. 2) 131–211.

Trumpener, Ulrich, "Germany and the End of the Ottoman Empire", in Marian Kent (ed.), *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, London (1984) 111–140.

Tucker, Ernest, "The Peace Negotiations of 1736: a Conceptual Turning Point in Ottoman-Iranian Relations", *TSAB* 20/1 (1996) 16–37.

Tuncay, Mete, *Türkiye Cumhuriyeti'nde Tek-Parti Yönetimi'nin Kurulması (1923–1931)*, Istanbul (repr. 1999).

Turan, Şerafeddin, "Fatih'in İtalya Seferi", *VD* 4 (1958) 139–147.

Turan, Şerafettin, *Kanuni'nin Oğlu Şehzade Bayezid Vak'ası*, Ankara (1961).

Türek, Ahmed, and Derin, F. Çetin, "Feyzullah Efendi'nin kendi kaleminden hal tercemesi", *TD* 23 (1969) 205–219; 24 (1970) 69–92.

Tursun Bey, *Tarih-i Ebü'l-Feth*, prep. Mertol Tulum, Istanbul (1977).

Uluçay, Çagatay, "Yavuz Sultan Selim nasıl padişah oldu?", *TD* VI/9 (1954) 3–90; VII/10 (1954) 117–42; VIII/11–12 (1955 [1956]) 185–200.

Uluçay, Çagatay, "Fatma ve Safiye Sultanların Düğünlerine Ait Bir Araştırma", *IED* 4 (1958) 135–166.

Uluçay, M. Çagatay, "Uç Eşkiya Türküsü", *TM* XIII (1958) 85–100.

Unat, Faik Reşit, (prep.), *İkinci Meşrutiyetin İlanı ve Otuzbir Mart Hadisesi*, Ankara (1960).

Unat, Faik Reşit, *Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri*, Ankara (1968).

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, “Sadrazam Halil Hamid Paşa”, *TM V* (1935 [1936]) 213–267.

Uzunçarşılıoğlu, İ. Hakkı, *Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri*, Ankara (1937).

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, “Gazi Orhan Bey vakfiyesi, 724 Rebiülevvel — 1324 Mart”, *Belleten V* (1941) 277–288.

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, “Çandarlı Zade Ali Paşa Vakfiyesi”, *Belleten V* (1941) 549–576.

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, *Meşhur Rumeli Ayanlarından Tirsinikli İsmail, Yılık Oğlu Süleyman Ağalar ve Alemdar Mustafa Paşa*, İstanbul (1942).

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, “Asakir-i Mansure-ye fes giydirilmesi hakkında Sadr-i Azamın Takrir-i ve II. Mahmud’un Hatt-i Hümayunu”, *Belleten XVIII* (1954) 224–230.

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, “Otranto’nun zaptından sonra Napoli Kirali ile dostluk görüşmeleri”, *Belleten XXV* (1961) 595–608.

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, “Fatih Sultan Mehmed’in Vezir-i Azamlarından Mahmud Paşa ile Şehzade Mustafa’nın Aralan Neden Açılmıştı?”, *Belleten XXVIII* (1964) 719–728.

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, “Bonapart’in Cezzar Ahmed Paşa’ya Mektubu ve Akka Muhasarasına Dair Bir Deyiş”, *Belleten XXVIII* (1964) 451–457.

Uzunçarşılı, İ. H., “Degerli Vezir Gedik Ahmet Paşa II. Bayezid Tarafından Niçin Katledildi?”, *Belleten XXIV* (1965) 491–497.

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, “II nci Bayezid’in oğullarından Sultan Korkut”, *Belleten XXX* (1966) 539–601.

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, “Kaynarca Muahedesinden Sonraki Durum İcabi Karadeniz Bogazinin Tahkimi”, *Belleten XLIV* (1980) 511–533.

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, *Midhat ve Rüştü Paşaların Tevkiflerine Dair Vesikalar*, Ankara (repr. 1987).

Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, *Midhat Paşa ve Taj Mahkumlari*, Ankara (repr. 1992).

Uzunçarşılı, İ. Hakkı, *Midhat Paşa ve Yıldız Mahkemesi*, Ankara (repr. 2000).

Valensi, Lucette, *The Birth of the Despot, Venice and the Sublime Porte*, Ithaca (1993).

van Bruinissen, Martin, *Agha, Shaikh and State. The Social and Political Structures of Kurdistan*, London (1992).

Varlık, Mustafa Ç., *Germiyan-ogullari Tarihi (1300–1429)*, Ankara (1974).

Varlık, Mustafa Ç., art. Çaldıran Savaşı, *IA2* 8.193–194.

Vatikiotis, P. J., art. İsmail Paşa, *EI2* IV. 192–193.

Vatin, Nicolas, “Itinéraires d’agents de la Porte en Italie (1483–1495): Réflexions sur l’organisation des missions ottomanes et sur la transcription turque des noms de lieux italiens”, *Turcica XIX* (1987) 29–50.

Vatin, Nicolas, "La conquete de Rhodes", in G. Veinstein (ed.), *Soliman le magnifique et son temps*, Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, Paris (1992) 435–454.

Vatin, Nicolas, "Macabre trafic: la destinée *post-mortem* du Prince Djem", *Mélanges offerts à Louis Bazin*, Paris (1992) 231–239.

Vatin, Nicolas, *L'Ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, l'Empire ottoman et la Méditerranée orientale entre les deux sièges de Rhodes (1480–1522)*, Paris (1994).

Vatin, Nicolas, "Aux origines du pèlerinage à Eyup des sultans ottomans", *Turcica XXVII* (1995) 91–99.

Vatin, Nicolas, *Sultan Djem. Un prince ottoman dans l'Europe du XVe siècle d'après deux sources contemporaines: Vaki'at-i Sultan Cem, Oeuvres de Guillaume Caoursin*, Ankara (1997).

Vatin, Nicolas, "Tursun Beg assista-t-il au siège de Constantinople en 1453?", *WZKM* 91 (2001) 317–329.

Vatin, Nicolas, and Veinstein, Gilles, "Les obsèques des sultans ottomans de Mehmed II à Ahmed Ier (1481–1616)", in G. Veinstein (ed.), *Les Ottomans et la mort*, Leiden (1996) 207–244.

Vatin, Nicolas, and Veinstein, Gilles, "La mort de Mehmed II", in G. Veinstein (ed.), *Les Ottomans et la mort*, Leiden (1996) 187–206.

Veinstein, Gilles, "L'occupation ottomane d'Ocakov et le problème de la frontière lituano-tatare, 1538–1544", in Ch. Lemerrier-Quellejay et al. (eds), *Passé turco-tatar, présent soviétique, Etudes offertes à Alexandre Bennigsen*, Louvain (1986) 123–155.

Veinstein, Gilles, "Prélude au problème cosaque à travers les registres de dommages ottomans des années 1545–1555", *Cahiers du Monde russe et soviétique* XXX (1989) 329–362.

Veinstein, G., art. Mehmed Yirmisekiz (Çelebi Efendi), *EI2* VI. 1004–1006.

Veinstein, G., art. Sokullu Mehmed Pasha, *EI2* IX.706–711.

Vryonis Jr., Speros, "Laonicus Chalcocondyles and the Ottoman Budget", *IJMES* 7 (1976) 423–432.

Vryonis Jr., Speros, "The Ottoman Conquest of Thessaloniki in 1430", in A. Bryer and H. Lowry (eds), *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*, Papers given at a Symposium at Dumbarton Oaks in May 1982, Birmingham (1986) 281–321.

Walsh, J. R., "The Revolt of Alqas Mirza", *WZKM* 68 (1976) 61–78.

Walsh, J. R., "The Historiography of Ottoman-Safavid Relations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries", in B. Lewis and P. Holt (eds), *Historians of the Middle East*, Oxford (1982) 197–211.

Williams, Ann, "Mediterranean Conflict", in M. Kunt and C. Woodhead (eds), *Süleyman the Magnificent and his Age*, London (1995) 39–54.

Winter, Michael, "Ottoman Egypt, 1525–1609", in M. W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt*, vol. 2: *Modern Egypt from 1517 to the end of the twentieth century*, Cambridge (1998) 1–33.

Witteck, Paul, *The Rise of the Ottoman Empire*, London (1938).

Woodhead, Christine, "An Experiment in Official Historiography: the Post of Şehnameci in the Ottoman Empire, c.1555–1605", *WZKM* 75 (1983) 157–182.

Woodhead, Christine, art. Selim II, *EI2* IX. 131–132.

Woodhead, art. Silahdar Findiklili Mehmed Agha, *EI2* IX.610.

Woods, John L., *The Aqqyunlu. Clan, Confederation, Empire*, Minneapolis (1976).

Wortley Montagu, (Lady) Mary, *The Turkish Embassy Letters*, London (1994).

Yapp, M. E., *The Making of the Modern Near East, 1792–1923*, London (1987).

Yasamee, F. A. K., *Ottoman Diplomacy. Abdülhamid II and the Great Powers, 1878–1888*, Istanbul (1996).

Yavaş, Dogan, art. Eşrefoglu Camii, *IA2* II .479–480.

Yerasimos, stéphané, *La fondation de Constantinople et de Sainte-Sophie dans les traditions turques, légendes d'Empire*, Paris (1990).

Yerasimos, ştefanos, "Sinan and his Patrons: Programme and Location", *Hommes et idées dans l'espace ottoman*, Analecta Isisiana XXIX, Istanbul (1997) 211–215. (First published in *Islamic Environmental Design* V (1987 [1990]) 124–131).

Yerasimos, Stefanos, "Ağaçtan Elmaya: Apokaliptik Bir Temanın Soyagacı", *Cogito* 17 (1999) 291–332.

Yılmaz, Fehmi, "The Life of Köprülü Fazıl Mustafa Pasha and his Grand Vizierate", unpubl. MA thesis, Bilkent Univ., Ankara (1996).

Yılmaz, Fehmi, "Osmanlı İmparatorluğunda Tütün Tarımı: Siyasi, Sosyal ve İktisadi Tahlili, 1600–1883", unpubl. Ph.D. thesis, Marmara Univ., Istanbul (2005).

Yılmaz, art. Yedikule Hisari ve Zindani, *Ist. Ansik.* 7.460–462.

Yinanç, Mükrimin H., art. Bayezid I (Yıldırım), *IA* 2.369–392.

Yücel, Yaşar, "Yeni Bulunan II. Osman Adına Yazılmış Bir «Zafer-name»", *Bellefen* XLIII (1979) 313–364.

Yücel, Yaşar, *Es'ar Defteri (1640 Tarihli)*, Ankara (1992).

Zachariadou, Elizabeth A., "Manuel II Palaeologos on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad", *BSOAS* 43 (1980) 471–481.

Zachariadou, Elizabeth, "Süleyman çelebi in Rumili and the Ottoman chronicles", *Der Islam* 60 (1983) 268–296.

Zachariadou, Elizabeth, "Marginalia on the History of Epirus and Albania (1380–1418)", *WZKM* 78 (1988) 195–210.

Zachariadou, Elizabeth, "The Emirate of Karasi and that of the Ottomans: Two Rival States", in E. Zachariadou (ed.), *The Ottoman Emirate (1300–1389)*, A Symposium held in Rethymnon, 11–13 January 1991, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete I, Rethymnon (1993) 225–236.

Zachariadou, Elizabeth, "Histoires et légendes des premiers Ottomans", *Turcica* XXVII (1995) 45–89.

Zachariadou, Elizabeth, "From Avlonya to Antalya: Reviewing the Ottoman Military Operations of the 1380s", in E. Zachariadou (ed.), *The Via Egnatia under Ottoman Rule (1380–1699)*, A Symposium held in Rethymnon, 9–11 January 1994, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete II, Rethymnon (1996) 227–232.

Zachariadou, Elizabeth, "Natural Disasters: Moments of Opportunity", in E. Zachariadou (ed.), *Natural Disasters in the Ottoman Empire*, A Symposium held in Rethymnon, 10–12 January 1997, Institute for Mediterranean Studies, Halcyon Days in Crete III, Rethymnon (1999) 7–11.

Zarcone, Thierry, *Mystiques, Philosophes et Francs-Maçons en Islam*, Paris (1993).

Zarinebaf-Shahr, Fariba, "Qizilbash «Heresy» and Rebellion in Ottoman Anatolia during the Sixteenth Century", *Anatolia Moderna* VII (1997) 1–15.

Zens, Robert, "Pasvanoglu Osman Paşa and the Paşalık of Belgrade", *IJTS* 8 (2002) 89–104.

Zilfi, Madeline C., "Elite Circulation in the Ottoman Empire: Great Mollas of the Eighteenth Century", *JESHO* XXVI/III (1983) 318–363.

Zilfi, Madeline C., "The Kadizadelis: Discordant Revivalism in Seventeenth-Century Istanbul", *Journal of Near Eastern Studies* 45/2 (1986) 251–269.

Zilfi, Madeline C., *The Politics of Piety: the Ottoman Ulema in the Postclassical Age (1600–1800)*, Minneapolis (1988).

Zilfi, Madeline C., "Sultan Süleyman and the Ottoman Religious Establishment", in H. Inalcik and C. Kafadar (eds), *Süleyman the Second and his Time*, Istanbul (1993) 109–120.

Zilfi, Madeline C., "A *Medrese* for the Palace: Ottoman Dynastic Legitimation in the Eighteenth Century", *JAOS* 113 (1993) 184–191.

Zilfi, Madeline C., "Ibrahim Pasha and the Women", in Daniel Panzac (ed.), *Histoire économique et sociale de l'Empire ottoman et de la Turquie (1326–1960)*, Actes du sixième congrès international tenu à Aix-en-Provence du 1er au 4 juillet 1992, Paris (1995) 555–559.

Zilfi, Madeline C., "Women and Society in the Tulip Era, 1718–1730", in Amira El Azhary Sonbol (ed.), *Women, the Family, and Divorce Laws in Islamic History*, Syracuse (1996) 290–303.

Zürcher, Erik, Jan, *The Unionist Factor: the Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish Nationalist Movement 1905–1926*, Leiden (1984).

Zürcher, Erik Jan, *Political Opposition in the Early Turkish Republic. The Progressive Republican Party 1924–1925*, Leiden (1991).

Zürcher, Erik Jan, "The Last Phase in the History of the Committee of Union and Progress (1923–1924)", in Edhem Eldem (ed.), *Première Rencontre*

Internationale sur l'Empire Ottoman et la Turquie Moderne, Institut National des Langues et Civilisations Orientales, Maison des Sciences de l'Homme, 18–22 janvier 1985, Istanbul (1991) 369–377.

Zürcher, Erik Jan, “Between Death and Desertion. The Experience of the Ottoman Soldier in World War I”, *Turcica* XXVIII (1996) 235–258.

Zürcher, Erik Jan, “The Ottoman Empire and the Armistice of Moudros”, *TULP*, (www.let.leidenuniv.nl/tcimo/tulp/research/LIDDLE.htm). Publ. in Hugh Cecil and Peter H. Liddle (eds), *At the Eleventh Hour: Reflections, Hopes, and Anxieties at the Closing of the Great War, 1918*, London (1998) 266–275.

Zürcher, Erik J., *Turkey. A Modern History*, London (revised edn, 1998).

Zürcher, Erik Jan, “The Ottoman Conscription System in Theory and Practice”, in Erik J. Zürcher (ed.), *Arming the State. Military Conscription in the Middle East and Central Asia 1775–1925*, London (1999) 79–94.

Zürcher, Erik-Jan, “Kosovo Revisited: Sultan Reşad’s Macedonian Journey of June 1911”, *MES* 35/4 (1999) 26–39.

Zürcher, Erik J., “Ottoman Labour Battalions in World War I”, *TULP*, (www.let.leidenuniv.nl/tcimo/tulp/research/ejz14.htm) (2002).

Zürcher, Erik-Jan, “From empire to republic — problems of transition, continuity and change”, *TULP*, (www.let.leidenuniv.nl/tcimo/tulp/research/FromtoRep.htm) (n.d.).

Zürcher, E. J., art. Reshid Pasha, Mustafa, *EI2* VIII.484–486.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Предисловие	18
Словарь османских титулов	23
<i>Глава 1. Первые среди равных</i>	<i>25</i>
<i>Глава 2. Раскол династии</i>	<i>50</i>
<i>Глава 3. Имперское видение</i>	<i>81</i>
<i>Глава 4. Султан правоверных</i>	<i>120</i>
<i>Глава 5. Владетель Царств Земных</i>	<i>161</i>
<i>Глава 6. Султан-домосед</i>	<i>212</i>
<i>Глава 7. Под властью коалиций</i>	<i>271</i>
<i>Глава 8. Паши мстят</i>	<i>308</i>
<i>Глава 9. Правление вельмож</i>	<i>348</i>
<i>Глава 10. Империя разоблачает</i>	<i>397</i>
<i>Глава 11. Опасность бездействия</i>	<i>451</i>
<i>Глава 12. Власть провинций</i>	<i>510</i>
<i>Глава 13. От «нового порядка» к «реорганизации»</i>	<i>566</i>
<i>Глава 14. Кризис идентичности</i>	<i>612</i>
<i>Глава 15. Исламская империя</i>	<i>668</i>
<i>Глава 16. Буря перед затишьем</i>	<i>720</i>
Султаны Османской империи	761
Хронология	763
Список иллюстраций и комментарии к ним	784
Библиография	789

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Финкель Кэролайн
История Османской империи
Видение Османа

Ответственный редактор О.Ю. Клокова

Редактор С.Н. Темочкина

Выпускающий редактор О.К. Юрьева

Художественный редактор М.В. Демичева

Технический редактор Л.Л. Подъячева

Корректоры Е.П. Николаева, М.И. Тюткина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

История Османской империи...

Когда-то маленькое независимое тюркское княжество, начав «священную войну», превратилось в великую страну – самое сильное мусульманское государство Средневековья, мощную военно-феодальную державу, которой удалось то, что не сумели сделать арабы, – завоевать Византию...

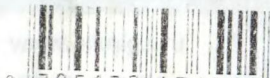
В Османской империи, включавшей в себя большую часть Восточной и Южной Европы, значительные территории Северной Африки и практически весь Арабский Восток, процветали торговля и ремесла, науки и искусства.

Что же ослабило эту могущественную державу и привело ее к гибели и развалу?

Османская империя от ее возникновения и до упадка – тема увлекательной книги английского историка Кэролайн Финкель.

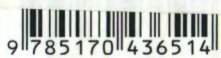
ИБ(нов) История Османск

Цена: 539р. 0к.

9 785170 436514

Артикул: 972385

9 785170 436514